

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

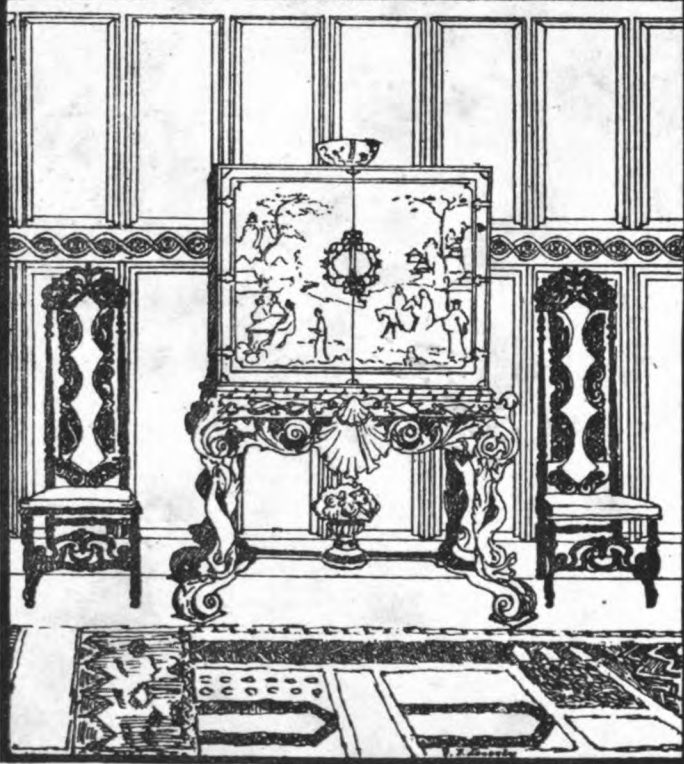
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

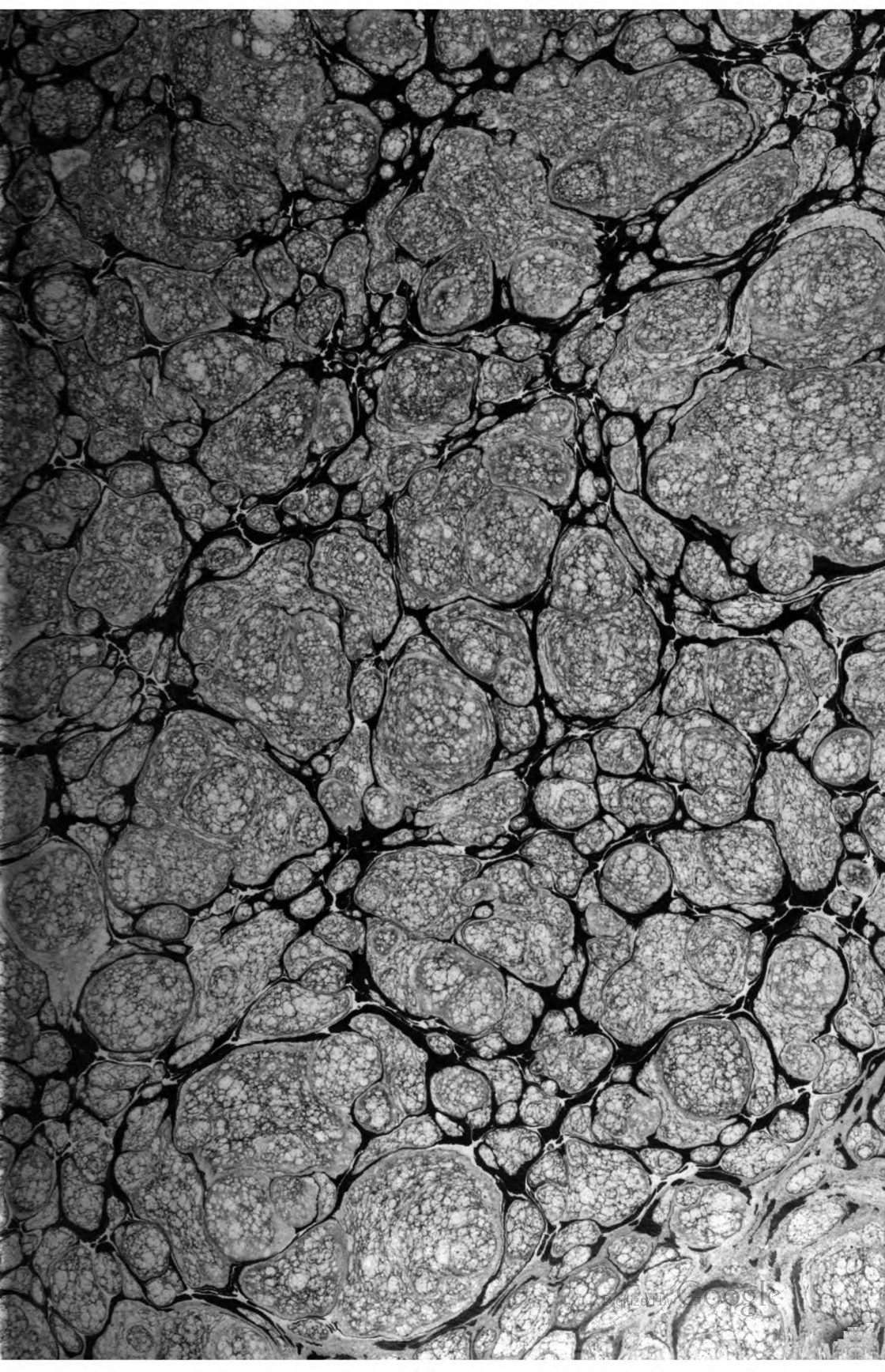

Exc Libris

W.E.D. Allen

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-й.

І Ю Л Ь.

1899 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изъ записокъ барона (вполѣдствіи графа) М. А. Корфа.	3—30	VIII. Изъ воспоминаній стараго педагога. (Оковч.) Александръ Овсянниковъ.	133—144
II. Кіевская университетская старина. (Событія въ университетѣ Св. Владиміра въ 1860 — 1862 г.г.) Проф. К. Н. Репненка и п ф ъ.	31—49	IX. Россія и Франція въ 1870 году. (По бумагамъ генерала Фабра)	145—168
III. Превращеніе ссылки въ Сибирь. Записка вице-адмирала, генералъ адъютанта К. Н. Посета.	51—59	X. Новая данная о первомъ Самозванцѣ. (Оковчан.) В. В. Тимошукъ.	169—204
IV. Николай Христофоровичъ Палаузовъ. (Биографическая замѣтка). Профес. П. Казанскій.	61—72	XI. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 года. Сообщ. П. М. Майковъ.	205—224
V. Изъ прошлаго. (Воспоминаніе офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 г.г.). П. Д. Паренцовъ.	73—95	XII. П. А. Валуевъ и А. Г. Троицкій. Сообщ. Г. А. Троицкій.	225—240
VI. Императоръ Александръ I. (Его характеристика по сочиненію Н. К. Шильдера). П.	97—114	XIII. Записная книжка „Русской Старины“: Собственноручное письмо гр. Растропчина ген. Барклаю-де-Толли 25-го іюля 1812 г. Сообщ. А. З. Мишляевскій. (стр. 50).—Письмо М. А. Милорадовича—П. А. Сафонову „ “ сентября 1809 г. (60).—Письмо И. И. Дмитриева къ А. И. Тургеневу, 30 дек. 1820 г. (96).	
VII. Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. (Биографическій очеркъ). П. О. Выше-славцева.	115—132	XIV. Библиографическ. листокъ. (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.

2) Портретъ Николая Христофоровича Палаузова. Грав. И. Хельмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1899 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Пріемъ по двѣмъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Говаршества „Общественная Польза“,
Вольшая Подъяческая, 39.
1899.

Digitized by Google

VII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюля 1899 г.

Библиографическій листокъ.

Труды Я. К. Грота. III. Филологическія разысканія (1852—1892). Изданы подъ редакціей профессора К. Я. Грота. С.-Петербургъ 1899 г.

Второй томъ Трудовъ академика Я. К. Грота посвященъ его филологическимъ работамъ. Эти работы были собраны и объединены еще самимъ авторомъ въ его Филологическихъ Разысканіяхъ впервые въ 1873 г., когда была написана вторая ихъ часть, — „Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго до нынѣ“. Съ тѣхъ поръ вышло еще два изданія, въ 1876 и 1885 г.г., этого труда, состоявшаго два объемистыхъ тома.

Разсматриваемое нами изданіе (по счету четвертое), соединяя оба тома въ одинъ, вполне воспроизводитъ послѣднее изданіе (1885 г.) и пополнено нѣсколькими статьями, появившимися послѣ 1885 года. Оно состоитъ изъ двухъ частей: I. Матеріалы для словаря, грамматки и исторія русскаго языка. II. Спорные вопросы русскаго правописанія. Въ концѣ книги напечатаны: 1) Предметный указатель къ „Спорнымъ вопросамъ русскаго правописанія“, 2) Указатель личныхъ именъ къ обѣимъ частямъ „Филологическихъ разысканій“, 3) Лексическій указатель къ I-й части: а) русскія слова и имена; б) иностранныя слова и имена; 4) Справочный филологическій указатель къ „Спорнымъ вопросамъ русскаго правописанія“ и 5) Библиографическій указатель статей I-й части, а также автографъ Я. К. Грота — о языкѣ.

Въ свое время многія положенія почтеннаго филолога вызвали не мало возраженій и замѣчаній, на которыя и были даны авторомъ соответствующія разъясненія. Особенно много самихъ разнообразныхъ замѣчаній появилось вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ Русскаго правописанія — книги, имѣвшей, какъ и теперь имѣющей очень большой успѣхъ¹⁾; одни жалѣли что Академія не ввела въ наше правописаніе болѣе рѣзкихъ измѣненій; другіе, напротивъ, были недовольны тѣмъ, что она иногда отступаетъ отъ общаго употребленія; одинъ упрекалъ автора

за недостаточную рѣшительность нѣкоторыхъ правилъ, другой одобрялъ выражающуюся въ этомъ терпимость, вполне соглашную съ свободнымъ развитіемъ самаго языка.

Хотя большинство возражателей упустило при этомъ основную идею, которой держался авторъ: „не преобразовывать русское правописаніе, вообще стоящее на вѣрномъ пути, взялись мы, — задалась Я. К. Гротъ, — а желали только упорядочить его, соображаясь съ господствующимъ обычаемъ, исправляя лишь явно ошибочное, рѣшая сомнѣніе въ спорныхъ случаяхъ, приводя въ сознаніе то, что писалось безсознательно, — тѣмъ не менѣе многія изъ замѣчаній были тщательно обсуждены и на основаніи ихъ были сдѣланы кое-какія измѣненія въ объясненіяхъ и подробностяхъ нѣкоторыхъ правилъ и въ дополненіяхъ какъ въ текстѣ книги, такъ и особенно въ справочномъ словарѣ“.

Вотъ что, между прочимъ, говорить этотъ почтенный филологъ о правописаніи вообще: „Изъ понятія о письмѣ, основанномъ на разложеніи звуковъ рѣчи, естественно вытекаетъ понятіе о правописаніи. Не довольно писать, — замѣчаетъ Я. К. Гротъ, — надобно писать правильно. Если рѣчь какъ слѣдуетъ разложена на членораздѣльные звуки и каждый звукъ постоянно изображается соответствующимъ ему знакомъ, такъ что по писанному рѣчь вполне возстановляется въ своемъ первоначальномъ видѣ, то значить, и письмо правильно. Вотъ первоначальное понятіе объ орфографіи; слѣдовательно, она, при возникновеніи своемъ, по необходимости должна быть въ полномъ смыслѣ звуковою или фонетическою. Таково вначалѣ и было конечно письмо греческое и латинское, а также и древнеславянское. Но по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія языка, по мѣрѣ измѣненія его звуковъ, письмо сохраняя прежнія формы ихъ, должно болѣе и болѣе удалиться отъ живой рѣчи“.

Въ своемъ „Критическомъ обзорѣ современнаго правописанія“ Я. К. Гротъ говоритъ, что наше правописаніе далеко не представляетъ тѣхъ многочисленныхъ и запутанныхъ затрудненій, которыя тяготѣютъ надъ письмомъ большей части другихъ европейскихъ народовъ: это подтверждается и обзоромъ постепенныхъ измѣ-

¹⁾ Эта книга была составлена по порученію Второго Отдѣленія Академіи Наукъ.

НИКОЛАЙ ХРИСТОФОРОВИЧЪ
ПАЛАУЗОВЪ.

Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1899.

ИЮЛЬ.— АВГУСТЪ.— СЕНТЯБРЬ.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ ДВЯНОСТО ДВЯТЫЙ.

DK

1

R59

v. 99

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Бол. Подъяч., 39.
1899.

2-12-76

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

III 4).

1839 годъ.

Родство всѣхъ предсѣдателей Государственнаго Совѣта.—Привилегіи Остзейскихъ губерній.—Кончина графа М. М. Сперанскаго.—Мнѣніе о немъ императора Николая I.—Капитанъ-лейтенантъ Васильевъ на дежурствѣ въ халатѣ.—Портретъ А. Бестужева (Марлинскаго).—Folle jougnée въ Аничкинскомъ дворцѣ.—Концертъ патріотическаго общества.—Пожаръ въ Обуховской больницѣ.—Князя Юсуповъ и Щербатовъ.—Три студента подъ арестомъ.—Освященіе возобновленнаго Зимняго дворца.—Медаль рабочимъ и острога актера Григорьева.—Генераль-адъютантъ Деллинггаузенъ.—Военный генераль-губернаторъ графъ Эссенъ опоздавшій на пожаръ.—Разговоръ о нервныхъ людяхъ.—Дѣло о лажѣ въ Государственномъ Совѣтѣ.—Спускъ корабля „Россія“.—Каммергеръ Пельчинскій въ Петергофскомъ маскарадѣ.—Просьба А. П. Ермолова объ увольненіи его изъ Государственнаго Совѣта.—Кадетъ, просящійся въ ссылку вмѣсто отца.—Присутствіе наследника цесаревича въ Государственномъ Совѣтѣ.—Д. В. Дашковъ.—Богѣзнъ великой княгини Ольги Николаевны.—Празднованіе 14-го декабря.—Покупка подарковъ въ Рождеству.

Въ началѣ 1839 года, всѣ предсѣдатели въ Государственномъ Совѣтѣ были въ родствѣ между собою. Князь Васильчиковъ, предсѣдатель общаго собранія, графъ Левашовъ, предсѣдатель департамента экономіи, и Дашковъ, предсѣдатель департамента законовъ и исправлявшій ту же должность въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго, были женаты на родныхъ сестрахъ (Пашковыхъ). Въ департаментѣ военномъ состоялъ предсѣдателемъ графъ Толстой, ихъ дядя, и наконецъ въ департаментѣ гражданскомъ занималъ эту должность Кушниковъ, также близкій ихъ род-

4) См. „Русск. Старину“ іюнь, 1899 г.

ственникъ. Это дало поводъ одному шутнику сказать, что «le Conseil de l'Empire» преобразился «dans un Conseil de famille».

Князь Васильчиковъ объяснялся съ государемъ по бывшему передъ тѣмъ въ разсмотрѣніи Комитета министровъ вопросу о мѣрахъ къ распространенію въ Остзейскомъ краѣ русскаго языка; причеиъ рѣчь коснулась и привилегій этого края, которыя, вмѣстѣ со Сводомъ мѣстныхъ законовъ, должны были въ то время подвергнуться окончательному разсмотрѣнію. Васильчиковъ былъ русскимъ въ душѣ, однако русскимъ благоразумнымъ и потому жаркимъ защитникомъ этихъ привилегій, освященныхъ царскимъ словомъ столькихъ монарховъ и, какъ завѣтъ предковъ и старины, дорогихъ тамошнимъ жителямъ, всегда отличавшимся преданностію правительству и Россіи.

— Что касается до этихъ привилегій,—сказалъ государь,—то я, и теперь и пока живъ, буду самымъ строгимъ ихъ оберегателемъ и пусть никто и не думаетъ подбираться ко мнѣ съ предложеніями о перемѣнѣ въ нихъ, а въ доказательство, какъ я ихъ уважаю, я готовъ былъ бы самъ сейчасъ принять дипломъ на званіе тамошняго дворянина, еслибъ дворянство мнѣ его поднесло.

Потомъ, оборотаясь къ находившемуся тутъ же наслѣднику цесаревичу, онъ прибавилъ:

— Это я говорю и для тебя: возьми за непремѣнное и святое правило всегда держать то, что ты обѣщалъ.

Предсмертная болѣзнь Михаила Михайловича Сперанскаго началась собственно еще въ 1838 году и хотя потомъ онъ нѣсколько оправился и сталъ опять заниматься дѣлами и выѣзжать, но полнымъ здоровьемъ уже не пользовался до самой смерти, постигшей его вечеромъ 11-го февраля 1839 г. Во время первой болѣзни императоръ Николай нѣсколько разъ его навѣщалъ, сложилъ съ него ссуду, незадолго передъ тѣмъ выданную ему изъ государственнаго казначейства для покупки дома, и наконецъ, пожаловалъ его въ графы. Между тѣмъ въ ту же первую болѣзнь, князь Васильчиковъ ¹⁾ тайно объявилъ мнѣ волю государя, чтобы, въ случаѣ кончины больного, немедленно запечатать его бумаги. Ссылаясь на это повелѣніе, князь повторилъ мнѣ то же самое и поутру 11-го февраля, когда возобновившіеся припадки болѣзни уже отняли всякую надежду спасти жизнь Сперанскаго. Но вечеромъ, въ ту минуту когда, по извѣстію, что все кончено, я сядилъ въ карету, чтобы ѣхать въ домъ покойнаго, вдругъ является ко мнѣ фельдъегерь отъ Васильчикова, съ приглашеніемъ заѣхать прежде къ нему. Причиною сего зова было сомнѣніе князя, должно ли теперь приступать къ опечатанію бумагъ,

¹⁾ Ему былъ пожалованъ княжескій титулъ въ одинъ день съ графскимъ Сперанскому—1-го января 1839 г.

ибо повелѣніе о томъ дано было въ первую еще болѣзнь Сперанскаго, и государь съ тѣхъ поръ могъ переимѣнить свою волю. Въ этомъ колебаніи онъ сѣлъ было, при мнѣ, писать докладную записку, но потомъ, передумавъ, попросилъ меня лучше сѣдаться къ государю, для скорѣйшаго полученія отвѣта. Меня тотчасъ ввели въ кабинетъ (въ Аничкинскомъ дворцѣ).

— Знаю уже, къ сожалѣнію, зачѣмъ ты ко мнѣ пріѣхалъ—сказалъ, государь,—и сейчасъ писалъ къ князю Иллариону Васильевичу, чтобы онъ передалъ тебѣ приказаніе запечатать бумаги покойнаго. И я, и ты, по близкимъ къ нему отношеніямъ, и всѣ мы понесли потерю ужасную, неизмѣримую!

Потомъ бесѣда его, очень продолжительная, была вся, можно сказать, исполнена сочувствія къ покойному, въ разительную противоположность тому, что я видѣлъ послѣ смерти графа Новосильцова. Не упоминая о томъ, что было сказано тутъ милостиваго и лестнаго собственнo для меня, при воспоминаніи какъ именно черезъ Сперанскаго я впервые сдѣлался извѣстнымъ государю, отмѣчу здѣсь только другіе главнѣйшіе моменты.

— Сперанскаго,—говорилъ государь,—не всѣ понимали и не всѣ довольно умѣли цѣнить; сперва и я самъ, можетъ быть больше всѣхъ, былъ виноватъ противъ него въ этомъ отношеніи. Мнѣ столько было наговорено о его либеральныхъ идеяхъ; клевета коснулась его даже и по случаю исторіи 14-го декабря! Но потомъ всѣ эти обвиненія разсыпались какъ пыль. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго, преданнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностію. Теперь всѣ знаютъ чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны—и клеветники умоляли. Единственный упрекъ, который могъ бы я ему сдѣлать, это чувство его къ покойному брату; но и тутъ, конечно...

Государь остановился, не кончивъ своей мысли, въ которой, вѣроятно, заключалось тайное, невольное оправданіе Сперанскаго.

— А твое дѣло,—продолжалъ государь,—оставаться вѣрнымъ его школь: служи по-прежнему; не обращай вниманія на тѣ, что слышишь вокругъ себя; иди своимъ путемъ, какъ велятъ честь и совѣсть; словомъ, дѣйствуй въ духѣ и правилахъ покойнаго—и мы останемся всегда друзьями, и ты будешь полезенъ не только мнѣ, но и Самѣ.

Была рѣчь и о разстроивавшемся тогда все болѣе и болѣе здоровьи князя Васильчикова, и о помощникѣ Сперанскаго, статсъ-секретарѣ Болугьянскомъ (прежнемъ учителѣ государя):

— Я уже Богъ знаетъ какъ давно не видалъ моего Михайла Андреевича (Болугьянскаго),—прибавилъ онъ,—но слышу со всѣхъ сторонъ, что онъ совѣмъ уже опустился, даже впадаетъ въ ребячество.

Бумаги Сперанскаго государь велѣлъ мнѣ только запечатать, а для

разбора ихъ изъявилъ мысль назначить особую комиссію ¹⁾ (какъ было послѣ князя Кочубея), предполагая въ нихъ особенную важность.

— Въ этихъ бумагахъ,—замѣтилъ онъ,—надо будетъ, вѣроятно, различить три эпохи: одну—до 1812 года и потомъ до кончины брата Александра; другая должна содержать въ себѣ бумаги, относящіяся лично до меня и совѣмъ не касающіяся службы: эти особенно важны (ближе на сей счетъ государь не изъяснился); наконецъ, въ третій разрядъ войдутъ его бумаги по вашему совѣту, по законодательной части и пр. Все это надо будетъ подробно разобрать и многое, вѣроятно, придется мнѣ взять къ себѣ.

Потомъ, обращаясь еще нѣсколько разъ, съ особеннымъ чувствомъ, къ этой невозвратимой потерѣ, государь сдѣлалъ, наконецъ, какъ бы самому себѣ вопросъ: кѣмъ бы можно было хоть сколько-нибудь замѣстить Сперанскаго?

— Къ вашему несчастію, — сказалъ онъ, — эта потеря застигла насъ въ ту минуту, когда такъ много еще оставалось намъ съ нимъ додѣлать. Польша, Финляндія, Остзейскій край ждутъ еще своихъ сводовъ; уголовные наши законы необходимо требуютъ пересмотра, къ которому мы было уже и приступили: кѣмъ я замѣню во всемъ этомъ умъ, знаніе и дѣятельность Сперанскаго? Покамѣстъ мысли мои останавливаются только на Дмитріи Васильевичѣ Дашковѣ ²⁾; онъ одинъ кажется мнѣ способнымъ къ этому дѣлу, да и просто нѣтъ больше никого. Но сладить ли и онъ, возьмется ли даже за такой трудъ? Посмотримъ: надо съ нимъ переговорить, подумать...

Результатъ, который я вынесъ изъ этой аудіенціи, состоялъ въ томъ, что императоръ Николай истинно, глубоко скорбѣлъ о Сперанскомъ, какъ едва ли когда скорбѣлъ о другомъ изъ своихъ наперсниковъ. Онъ чувствовалъ какъ тѣсно связалось это имя съ исторіею его царствованія, какъ велико было содѣйствіе Сперанскаго къ его славлѣ, какъ высоко онъ стоялъ надъ другими нашими государственными людьми той эпохи. Если бы понадобились другія еще доказательства сокрушенія государя, то они представлялись въ достопамятной запискѣ его къ Васильчикову, о которой было упомянуто въ разговорѣ и съ которою встрѣтилъ меня князь, когда я воротился къ нему изъ Аничкина дворца. Я тутъ же попросилъ дозволенія списать ее, какъ величественнѣйшую эпитафію къ надгробному камню покойнаго. Вотъ подлинныя ея слова:

¹⁾ Она была впоследствии составлена изъ статей-секретарей Дашкова, Танѣева и меня.

²⁾ Д. В. Дашковъ, въ то время министръ юстиціи, дѣйствительно и былъ назначенъ на мѣсто Сперанскаго; но онъ умеръ въ ноябрѣ того же 1839 г. Преемникомъ ему государь избралъ графа Дмитрія Николаевича Блудова, заступившаго сперва мѣсто Дашкова въ министерствѣ юстиціи.

«A l'instant même je viens d'apprendre la fin de notre respectable Spéransky. Vous vous direz aisément, mon cher ami, ce que cette perte irréparable pour moi me fait éprouver de cruels regrets. Mais que la volonté de Dieu soit faite: c'est une épreuve de plus et des plus pénibles pour moi; il faut s'y soumettre! Je crois nécessaire de Vous engager à envoyer de suite Korff mettre les scellés sur les papiers. A demain le reste».

Записка эта была подписана какъ всегда подписывался императоръ Николай въ частныхъ сношеніяхъ съ княземъ Васильчиковымъ: «Tout à Vous pour la vie. N.».

Прибавлю здѣсь, что Сперанскій умеръ 68-ми лѣтъ отъ роду. Съ нимъ угасъ начатый имъ родъ, съ нимъ же угасло и пожалованное ему графское достоинство. Сынъ дѣлъ своихъ, онъ явился безъ предковъ и исчезъ безъ потомства! ¹⁾ Послѣ него остались 2.900 душъ, домъ, передъ тѣмъ подаренный ему государемъ и болѣе 600.000 руб. (ассигн.) долгу!

Императоръ Николай, болѣе въ видахъ здоровья, чѣмъ для удовольствія, очень много хаживалъ пѣшкомъ и во время длинныхъ петербургскихъ ночей прогуливался не только днемъ, но и прежде восхода солнца и по его заходѣніи, притомъ не по одиному многлюднымъ улицамъ, но и по отдаленнымъ частямъ города.

Однажды поздно вечеромъ, онъ вдругъ является на Адмиралтейскую гауптвахту, ведя за собою человека въ шинели и въ фуражкѣ, вызываетъ передъ себя караульнаго офицера и сдаетъ ему приведеннаго, съ приказаніемъ задержать его на гауптвахтѣ впредь до приказанія. Оказалось, что это былъ главный дежурный по адмиралтейству, капитанъ-лейтенантъ Васильевъ, которому вздумалось прогуляться по Адмиралтейскому бульвару въ фуражкѣ и въ халатѣ, поверхъ котораго была надѣта шинель. Въ такомъ видѣ онъ былъ встрѣченъ государемъ, который, узнавъ его при лунномъ сіяніи, остановилъ и опросилъ его. Черезъ часъ явился на гауптвахту флигель-адъютантъ, чтобы отвести Васильева къ начальнику главнаго морского штаба князю Меншикову въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его встрѣтилъ государь.

Этотъ анекдотъ я слышалъ тогда же отъ командира гвардейскихъ саперовъ Витовтова, котораго баталіонъ занималъ въ тотъ день караулы.

Извѣстно, что Александръ Бестужевъ, одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ заговора, обнаружившагося событіями 14-го декабря 1825 года, былъ сосланъ въ Сибирь, а потомъ, переведенный рядовымъ на Кавказъ,

¹⁾ Т. е. безъ мужскаго. Единственная его дочь была въ замужествѣ за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Фроловымъ-Багрѣвымъ.

продолжалъ и во время ссылки писать повѣсти, которыя выходили въ свѣтъ подъ псевдонимомъ Марлинскаго. Многіе тогда восхищались произведеніями его бойкаго, хотя всегда жеманнаго пера, но никто, однако, не смѣлъ печатно поднять завѣсы съ его псевдонима, и фамиліи Бестужева въ литературномъ мірѣ, такъ же какъ и въ мірѣ политическомъ, давно болѣе не существовало. Вдругъ, въ 1839 году, въ изданномъ книгопродавцемъ Смирдянымъ, уже послѣ смерти Бестужева, сборникѣ подъ заглавіемъ «Сто русскихъ литераторовъ» при одной изъ оставшихся послѣ него повѣстей, напечатанной съ прежнею вымышленною фамиліею «Марлинскій», издатель приложилъ портретъ автора, съ выгравированною подъ нимъ подписью въ facsimile: «Александръ Бестужевъ». Государь, до свѣдѣнія котораго это дошло, крайне разгнѣвался, на что, конечно, имѣлъ полное основаніе: ибо такимъ образомъ черты и подпись государственнаго преступника, умершаго и политически и физически, увѣковѣчивались въ потомствѣ, въ виду правительства и какъ бы въ насмѣшку надъ правосудною его карою. Обратились, натурально, прежде всего къ цензору; но онъ, въ отношеніи къ выпуску помянутаго портрета, сослался на разрѣшеніе, полученное имъ изъ III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи, а по справкѣ въ III-мъ отдѣленіи оказалось, что разрѣшеніе дано было статсъ-секретаремъ Мордвиновымъ, который въ то время управлялъ этимъ отдѣленіемъ. Государь, и прежде уже не жаловавшій Мординова, приказалъ тотчасъ его отрѣшить и только по убѣжденіямъ главнаго его начальника, графа Бенкендорфа, это наказаніе было замѣнено увольненіемъ отъ службы ¹⁾.

Императоръ Николай, былъ вообще очень веселаго и живого нрава, а въ тѣсномъ кругу даже и шаловливъ (*espiègle*). Съ самыхъ первыхъ годовъ его царствованія до тѣхъ поръ, пока позволяло здоровье императрицы, при дворѣ весьма часто бывали, кромѣ парадныхъ баловъ, небольшіе танцевальныя вечера, преимущественно въ Аничкинскомъ дворцѣ или, какъ онъ любилъ его называть, Аничкинскомъ домѣ, составлявшемъ личную его собственность еще въ бытность великимъ княземъ. На эти вечера приглашалось особенное привилегированное общество, которое называли въ свѣтѣ *la Société d'Anitchkoff* и котораго составъ, опредѣлявшійся не столько лѣстницею служебной іерархіи, сколько приближенностію къ царственной семьѣ, очень рѣдко измѣнялся. Въ этомъ

¹⁾ Вскорѣ за тѣмъ Мординовъ былъ опредѣленъ опять на службу вѣтскимъ гражданскимъ губернаторомъ, и впослѣдствіи назначенъ присутствовать въ Сенатѣ; но званіе статсъ-секретаря никогда уже болѣе ему возвращено не было.

кругу оканчивалась обыкновенно масляница и на прощанье съ нею, въ «folle jougnée» ¹⁾ завтракали, плясали, обѣдали и потомъ опять плясали. Въ продолженіе многихъ лѣтъ принималъ участіе въ танцахъ и самъ государь, котораго любимыми дамами были: Бутурлина, урожденная Комбурлей, княгиня Долгорукая, урожденная графиня Апраксина и, позже, жена поэта Пушкина, урожденная Гончарова. Въ одну изъ такихъ «folle jougnée», которыя начинались въ часъ пополудни и длились до глубокой ночи, именно въ 1839 году, государь часу во 2-мъ напомнилъ, что время кончить танцы; императрица смѣясь отвѣчала, что имѣеть разрѣшеніе отъ митрополита танцевать сколько угодно послѣ полуночи; что разрѣшеніе это привезъ ей синодальный оберъ-прокуроръ (гусарскій генералъ графъ Протасовъ) и что, въ доказательство того, онъ и самъ танцуетъ. За попури, когда дамы заняли всѣ стулья, государь, также танцовавшій, предложилъ кавалерамъ сѣсть возлѣ своихъ дамъ на полъ и самъ первый подалъ примѣръ. При исполненіи фигуры, въ которой одна пара пробѣгаетъ надъ всѣми наклонившимися кавалерами, государь присѣлъ особенно низко, говоря, что наученъ опытомъ, потому что съ него такимъ образомъ сбили уже однажды тупей. Здѣсь кстати замѣтить, что императоръ Николай рано сталъ терять волосы и потому долго носилъ тупей, который снялъ въ послѣдніе только годы своей жизни.

14-го марта былъ данъ обыкновенный годичный концертъ Патриотическаго общества, въ которомъ исполнителями были одни любители и любительницы, безъ участія записныхъ артистовъ. Въ немъ должна была пѣть и супруга сардинскаго посланника графа Росси, прежняя знаменитая Зонтагъ, не поступившая еще тогда вновь на сцену, и въ этотъ вечеръ государь явилъ опять примѣръ воодушевлявшаго его всегда высокаго чувства—предпочтенія долга всѣмъ удовольствіямъ. Страстный почитатель таланта графини Росси, онъ передъ самымъ выходомъ ея на эстраду оставилъ залу по первому докладу, что загорѣлось въ Обуховской больницѣ и, отъ ожидаемаго наслажденія, поспѣшилъ — на пожаръ!

Князь Борисъ Николаевичъ Юсуповъ, сперва церемоніймейстеръ высочайшаго двора, потомъ гофмейстеръ и наконецъ, въ послѣдніе годы своей жизни, бывшій почетнымъ опекуномъ, составлялъ, въ свое время, нѣчто типическое въ петербургскомъ обществѣ. Кромѣ хорошенькой жены (урожденной Нарышкиной) одной изъ самыхъ модныхъ нашихъ дамъ, которую очень любили и баловали и государь и императрица, несмѣт-

¹⁾ Впоследствии эти „folle jougnée“ праздновались обыкновенно также въ присутствіи царской фамилии, у оберъ-церемоніймейстера графа Воронцова-Дашкова.

ное богатство, блестящее имя, разныя причудливыя странности и репутація ограниченнаго ума усвоили Юсупову какое-то исключительное положеніе въ свѣтѣ и дали ему особенный колоритъ, совершенно отличавшій его отъ другихъ нашихъ вельможъ, по крайней мѣрѣ петербургскихъ. Онъ ничѣмъ не стѣснялся въ выраженіи своихъ мыслей и понятій, ни въ свѣтѣ, ни даже въ разговорахъ съ государемъ и позволялъ себѣ такую непринужденную откровенность изъясненій, которой не спустили бы никому другому. Одно время онъ совсѣмъ оставилъ службу, по непріятностямъ съ княземъ Волконскимъ, министромъ императорскаго двора, пользовавшимся всею довѣренностію императора Николая. Года уже три спустя по выходѣ Юсупова такимъ образомъ въ отставку, государь спросилъ его, зачѣмъ онъ не поступаетъ снова на службу и «долго ли станетъ еще блажить?»

— До тѣхъ поръ, государь, пока будетъ при васъ Волконскій.

— Ну, такъ подождемъ.

Къ числу нашихъ вельможъ-ветерановъ, не блиставшихъ геніемъ, но служившихъ съ честію и отличіемъ во всѣхъ кампаніяхъ, принадлежалъ князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ, человекъ, извѣстный военными своими доблестями и притомъ добрый и любимый въ обществѣ. Бывъ генераль-адъютантомъ еще во времена императора Александра, онъ съ 1832 года состоялъ предсѣдателемъ генераль аудиторіата, какъ вдругъ ему нанесли политическій ударъ: другой, тоже александровскій генераль-адъютантъ, князь Трубецкой, еще уступавшій Щербатову по уму и не имѣвшій его военныхъ заслугъ и репутаціи, былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Щербатовъ не скрылъ своей досады и тотчасъ подалъ въ отставку, которая была дана ему безъ всякихъ объясненій. Съ тѣхъ поръ прошло года три и въ продолженіе ихъ государь не переставалъ его отличать: онъ, по прежнему, приглашался на всѣ придворные балы, большіе и малые, даже и на вечера, бывавшіе въ Аничкинскомъ дворцѣ; но объясненій между тѣмъ все никакихъ не было и государь обходился съ нимъ какъ-бы ничего не случилось, никогда даже самыми отдаленными намеками не вызывая князя къ выраженію причинъ, побудившихъ его оставить службу. Во всѣ салоны Щербатовъ пріѣзжалъ во фракѣ, а во дворецъ хотя и въ генеральскомъ мундирѣ, но, въ качествѣ отставнаго, безъ эполетъ; гдѣ онъ проводилъ въ своемъ имѣніи, а на зиму возвращался въ Петербургъ. Часто видаясь съ нимъ въ свѣтѣ, мы встрѣтились и на большомъ дворцовомъ балѣ 23-го апрѣля (1839 г.). Онъ объявилъ мнѣ, что черезъ день уѣзжаетъ въ деревню, гдѣ останется до глубокой осени, и просилъ не забывать его по случаю одного его процесса, производившагося тогда въ Государственномъ Совѣтѣ. Вдругъ, спустя нѣсколько дней, я читаю въ газетахъ, что выѣхалъ изъ Петербурга «генераль-отъ-

нифантири князь Щербатовъ, шефъ Костромскаго пѣхотнаго полка». Что значила эта внезапная перемена послѣ недавняго, можно сказать наканунѣ, свиданія и разговора моего съ отставнымъ Щербатовымъ? Мнѣ объяснилъ это уже потомъ князь Васильчиковъ, питавшій къ нему всегда особенную дружбу ¹⁾, и вотъ подробности дѣла, мало кому и въ то время сдѣлавшіяся извѣстными.

За нѣсколько дней передъ сказаннымъ баломъ былъ разводъ на площадкѣ передъ Зимнимъ дворцомъ. Князь Щербатовъ имѣлъ надобность сказать что-то генераль-адъютанту Нейдгардту, а какъ солдаты стояли вольно, ружье у ноги, то полагая, что государь еще не прибылъ, онъ вошелъ въ оцѣпленіе, куда допускаются одни только военные. Но государь былъ уже на площадкѣ и, замѣтивъ Щербатова, послалъ военнаго генераль-губернатора сказать ему, что въ статскомъ платьѣ тутъ никому не мѣсто. Встревоженный этимъ замѣчаніемъ, Щербатовъ, по возвращеніи домой, поспѣшилъ написать къ графу Бенкендорфу письмо, въ которомъ изъяснилъ происшедшее недоразумѣніе, прибавивъ, что безъ того никогда не отважился бы нарушить извѣстныхъ ему по прежней службѣ военныхъ правилъ. На это ему отвѣчали, въ очень благосклонныхъ выраженіяхъ, что и государь не подозрѣвалъ никакого 'умышленнаго съ его стороны нарушенія порядка и что его величеству всегда пріятно будетъ видѣть князя на разводѣ, если онъ станетъ являться, по общему порядку, въ мундирѣ. За этою перепискою непосредственно слѣдовать упомянутый мною выше придворный балъ. Государь, увидѣвъ здѣсь Щербатова, самъ подошелъ къ нему и повторивъ изустно написанное Бенкендорфомъ, сказалъ:

— Я знаю, что ты на меня дулся и все еще дуешься; напрасно: надо было тогда же объясниться и все бы развязалось.

— Государь, я и былъ готовъ на такое объясненіе, въ случаѣ, если бы вы изволили меня къ себѣ призвать; но надежда моя на это не сбылась и въ сознаніи, что я служилъ не хуже другихъ, которые меня обошли, я не могъ, при такомъ знакѣ нерасположенія вашего величества, поступить иначе и долженъ былъ оставить службу.

— Ну, теперь это статья конченная, а въ доказательство, что съ моей стороны нѣтъ нерасположенія, скажу тебѣ, что искренно порадоюсь, если ты опять пойдешь въ службу, и буду только ждать перваго твоего слова, чтобы дать тебѣ то мѣсто, котораго пожелаешь.

Щербатовъ поклонился въ молчаніи, тѣмъ и пресѣкъ разговоръ; но на другое утро рано онъ пріѣхалъ къ Васильчикову, за совѣтомъ и наставленіемъ, и хотя настаивалъ на томъ, что ему необходимо ѣхать по дѣламъ въ свое имѣніе и что онъ одурачится передъ цѣлымъ

¹⁾ Впослѣдствіи сынъ Васильчикова женился на дочери Щербатова.

свѣтомъ, если, дувшись три года, вдругъ воротится опять, безъ всякой причины, къ тому же самому чѣмъ былъ прежде. Однако Васильчиковъ, пользовавшійся неограниченнымъ надъ нимъ вліяніемъ, вразумилъ его, что все это надо было высказать государю тутъ же; что теперь слишкомъ поздно раздумывать и что, уклоняясь отъ вызова государя, онъ рискуетъ впасть, уже на всегда, въ совершенную немилость. И такъ Щербатовъ написалъ государю, что принимаетъ съ благодарностію милостивое его предложеніе и готовъ на всякую должность, какую его величеству угодно будетъ назначить—въ эполетахъ или безъ эполетъ—лишь :бы позволено ему было, по крайней его надобности, отлучиться теперь на нѣкоторое время въ деревню. Вслѣдствіе того государь въ ту же минуту велѣлъ написать о немъ особое дополнение къ отдачному уже на тотъ день приказу, и такимъ образомъ 24-го апрѣля Щербатовъ былъ уже снова генераломъ-отъ-инфантеріи въ эполетахъ, съ почетнымъ званіемъ шефа Костромскаго полка, но безъ аксельбанта, потому что при императорѣ Николаѣ Александровскіе генераль-адъютанты, единожды оставлявшіе службу, уже невозвратно теряли прежнее свое званіе. Впрочемъ безъ опредѣленныхъ занятій князь Щербатовъ оставался недолго. 1-го іюля того же года исполнилось его давнишнее желаніе: онъ былъ пожалованъ членомъ Государственнаго Совѣта, а вскорѣ за тѣмъ, и именно 14-го апрѣля 1844 года, государь утвердилъ его, послѣ смерти князя Дмитрія Владиміровича Голицына, въ должности московскаго военнаго генераль-губернатора, которую временно онъ исправлялъ съ іюня 1843 года. Отъ этого важнаго поста князь Щербатовъ былъ уволенъ, по болѣзни, въ маѣ 1848 года, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, послѣдовавшей 15-го декабря того же года.

Три студента изъ уроженцевъ Остзейскихъ губерній, только что поступившіе въ Петербургскій университетъ, плохо знавшіе по-русски и почти ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ еще незнакомые въ столицѣ, встрѣтили на Невскомъ проспектѣ государя въ саняхъ и, не зная его, не поклонились. Государь остановился, подозвалъ ихъ къ себѣ, назвалъ и внушилъ имъ, что если они и не знали его, то должны были отдать ему честь какъ генералу, велѣлъ всѣмъ тремъ идти тотчасъ на главную гауптвахту въ Зимнемъ дворцѣ. Тамъ они пробыли нѣсколько часовъ, въ продолженіе которыхъ пообѣдали съ караульными офицерами, а оттуда присланнымъ за ними фельдъегеремъ потребованы были въ Аничкинъ дворецъ. При входѣ камердинеръ государя спросилъ, что ѣдятъ они: постное или скоромное (это было въ Великомъ посту) и, несмотря на отвѣтъ, что они уже поѣли, имъ подали цѣлый обѣдъ, по окончаніи котораго провели въ кабинетъ къ государю. Здѣсь онъ ихъ порядкомъ пожурилъ, сперва по-русски, а потомъ, видя, что они

мало его понимаютъ ¹⁾, по-нѣмецки и наконецъ, принявъ совершенно отеческій тонъ, обнявъ расцѣловалъ и отпустилъ по домамъ.

Въ 1839-мъ году съ многознаменательнымъ для христіанъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія соединено было, по поэтической идеѣ императора Николая, торжество и другого еще рода: освященіе давно возставшихъ изъ пепла, менѣе нежели въ полтора года, чертоговъ русскаго царя. Наканунѣ, въ великую субботу, которая въ этомъ году совпала съ днемъ Благовѣщенія (25-го марта) освященъ былъ дворцовый соборъ, а въ самый Свѣтлый праздникъ въ немъ уже совершались и «утренняя глубока» и пасхальная обѣдня, со всѣмъ обычнымъ блескомъ и великолѣпіемъ придворнаго священнослуженія. Предварительно, всѣхъ насъ собрали въ походную церковь армитажа, уцѣлѣвашаго, какъ извѣстно, отъ пожара, а потомъ, къ полуночи, оттуда двинулся крестный ходъ, въ сопровожденіи царской фамиліи и двора, черезъ шепелевскій дворецъ, прямо въ соборъ, гдѣ немедленно началось богослуженіе. Послѣ обѣдни та же процессія пошла черезъ всѣ главнѣйшія залы, до внутреннихъ покоевъ, гдѣ государь съ семьєю своею раскланялись и удалились; всѣмъ же присутствовавшимъ, отъ мала до велика, числомъ болѣе 3-хъ тысячъ человѣкъ, подано было, на накрытыхъ въ огромныхъ залахъ столахъ, богатое розговѣнье, котораго для публики во дворцѣ никогда не бываетъ. Обыкновеннаго «христосованія» съ государемъ въ эту ночь не было, но мы и такъ развѣхались изъ дворца гораздо позже трехъ часовъ.

Ночное шествіе царственной семьи, въ сопровожденіи блестящаго двора, многочисленнаго духовенства съ крестами и святою водою и огромнаго хора пѣвчихъ, по этимъ сіяющимъ палатамъ, такъ недавно еще представлявшимъ одніе обгорѣлыя развалины, было въ высшей степени величественно и поразительно. Запустѣніе и пепелъ смѣнились ликующею жизнію; пожиравшее пламя—огнями радости! Въ Бѣлой залѣ процессія двигалась между двумя длинными рядами главныхъ мастеровыхъ, участвовавшихъ въ возобновеніи дворца—болѣею частью русскихъ мужичковъ съ бородами и въ кафтанахъ. Многіе, кланяясь почти до земли, плакали. Государь казался чрезвычайно довольнымъ и веселымъ. По случаю этого дня выбита была особая медаль, на одной сторонѣ которой красовалось царское слово «благодарю», а на другой находилась надпись: «Усердіе все превозмогаетъ». Три главные члена строительной комиссіи: министр императорскаго двора князь Волконскій, оберъ-штальмейстеръ князь Долгоруковъ и дежурный генералъ Клейнмихель получили

---

¹⁾ На вопросъ одному: откуда онъ? тотъ отвѣчалъ: „изъ университета“, и государь долженъ былъ объяснить ему, уже по-нѣмецки, что спрашивается: откуда онъ родомъ?

эту медаль осыпанную брильянтами ¹⁾, чиновникамъ, архитекторамъ, художникамъ и пр., всего двумстамъ, пожалована золотая, наконецъ всѣмъ мастеровымъ и рабочимъ, числомъ до 7,000, роздана та же медаль серебряная. Ее установлено носить въ петлицѣ на Андреевской лентѣ. Въ тотъ же день перенесены были торжественно изъ Аничкина дворца въ обновленный Зимній знамена и штандарты гвардейскихъ полковъ. Императорскій флагъ, знаменующій присутствіе государя въ столицѣ и поднятый, послѣ пожара, на Аничкинскомъ дворцѣ, съ этой же достопамятной ночи развился опять надъ Зимнимъ. Въ часъ былъ разводъ въ Михайловскомъ манежѣ (по случаю лежавшаго еще на улицахъ и на площади передъ дворцомъ снѣга) и тутъ государь исполнилъ частью то, что прежде дѣлалъ всегда ночью, т. е. перецѣловался со всѣми генералами и гвардейскими офицерами. За вечернею императрица цѣловалась, по обыкновенію, съ дамами. Мнѣ рассказывалъ ульяновскій священникъ, что вечеромъ того дня возвращавшіеся изъ Петербурга въ Петергофъ драгунскіе солдаты остановили на дорогѣ одного мастерового, уже украшеннаго новою медалью, разспрашивали его, разглядывали медаль и, съ восторгомъ прикладываясь къ ней какъ къ иконѣ, кричали, что отдали бы послѣднюю копейку за царское «благодарю». При всемъ томъ эта медаль не избѣжала и насмѣшекъ, разъ даже публично, на театрѣ. Актеръ Григорьевъ мастерски и совершенно съ натуры передавалъ на сценѣ бородатыхъ купцовъ, и мѣщанъ и къ мелкимъ пьесамъ и фарсамъ, которые именно для него сочинялись въ этомъ родѣ, подбавлялъ еще иногда и отъ себя. Въ самый годъ возобновленія дворца поставлена была на сцену подобная бездѣлка, подъ заглавіемъ: «Купецъ третьей гильдіи», и Григорьевъ, занимавшій въ ней первую роль, вставилъ съ своей стороны слѣдующій діалогъ, котораго не было въ оригиналѣ. Является купецъ съ голубою ленточкою въ петлицѣ—самъ Григорьевъ; между разговоромъ одинъ изъ его товарищей замѣчаетъ это украшеніе и съ любопытствомъ спрашиваетъ:

- Что это, вѣрно за Бородино?
- Нѣтъ-съ, это такъ-съ!
- Какъ такъ-съ?
- Да такъ-съ, по искусственной части.
- Что-жь это значить?
- Да мы вывезли фунтиковъ тридцать мусору-съ.

Хоть публики былъ, разумѣется, неудержимый; но Григорьева послали придумывать другія, болѣе пристойныя остроты на гауптвахту,

---

¹⁾ Долгорукову пожалована была еще Андреевская лента, а Клейнмихелю данъ графскій титулъ. Медаль Волконскаго стоила 40 тысячъ, а каждая изъ остальныхъ—14 тысячъ руб., по тогдашнему счету, ассигнаціями.

гдѣ онъ просидѣлъ недѣлю. Послѣ государь самъ со смѣхомъ разсказывалъ, что при слѣдующемъ представленіи этой пьесы, на вопросъ: «вѣрно это за Бородино»; Григорьевъ отвѣчалъ: «нѣтъ-съ, это дѣло постороннее мое почтеніе», и ретировался со сцены.

Форейторъ—тогда всѣ ѣздили еще четвернею—генераль-адъютанта Деллинггаузена (находившагося адъютантомъ при императорѣ Николаѣ еще въ бытность его великимъ княземъ) при какомъ то разѣздѣ, ударилъ жандарма, обращавшаго его къ порядку, плетью по лицу. Форейтора, разумѣется, взяли въ полицію, а Деллинггаузенъ завязалъ переписку съ полицейскимъ начальствомъ, для оправданія своего человѣка. Все это крайне разгнѣвало государя и вслѣдъ за сямъ происшествіемъ разнесли по всѣмъ домамъ въ Петербургѣ печатное объявленіе, за подписаніемъ военнаго генераль-губернатора, что государь императоръ, слыша съ неудовольствіемъ о неповиновеніи, оказываемомъ жандармамъ при разѣздахъ, публичныхъ церемоніяхъ, гуляньяхъ и пр., повелѣваетъ жандармовъ и другихъ полицейскихъ чиновъ, разставленныхъ по мѣстамъ, считать наравнѣ съ военными часовыми, вслѣдствіе чего оказывающихъ имъ послушаніе курьеровъ, форейтеровъ и лакеевъ отдавать въ рекруты безъ зачета. Вскорѣ послѣ того, при общемъ христосованіи съ военными, въ Свѣтлое Воскресеніе, въ Михайловскомъ манежѣ, государь не поцѣловался съ Деллинггаузеномъ и, отведя его рукою, сказалъ, что онъ «не цѣлуется съ нарушителями порядка». Несчастіе рѣдко приходитъ одно. На второй день праздника, Деллинггаузенъ былъ дежурнымъ и на разводѣ лошадь подъ нимъ такъ разупрямилась, что лягнула государеву въ грудь. Тутъ государь опять сказалъ, что неумѣющему ѣздить верхомъ лучше бы ходить пѣшкомъ. Наконецъ, спустя два или три дня послѣ того, Деллинггаузенъ получилъ изъ Эстляндіи извѣстіе о смерти его отца. Когда онъ, по этому случаю, сталъ проситься въ отпускъ для устройства своихъ дѣлъ, то государь, соизволивъ на его просьбу, пригласилъ его до отъѣзда къ себѣ отобѣдать и здѣсь послѣдовало примиреніе, въ выраженіяхъ, доказывающихъ какимъ даромъ очарованія владѣлъ императоръ Николай.

— Тебѣ,—сказалъ онъ,—какъ вспыльчивому нѣмцу, еще туда-сюда было разгорячиться; но мнѣ, какъ хладнокровному русскому человѣку, отнюдь уже этого не слѣдовало и я вполне виновъ.

Въ концѣ апрѣля 1839 года, въ 3-мъ часу ночи, вспыхнулъ гдѣ-то пожаръ, на который государь пріѣхалъ гораздо прежде военнаго генераль-губернатора графа Эссена. Онъ встрѣтилъ опоздаващаго словами:

— Ну, Петръ Кирилловичъ, мы порядкомъ за тебя похлопотали и, благодаря Бога, свое дѣло сдѣлали; теперь нечего уже беспокоиться: огонь дальше не пойдетъ.

Когда я благодарилъ государя за пожалованную мнѣ Владимірскую

звѣзду, онъ, между прочимъ, очень много распространялся въ похва-
лахъ князю Васильчикову.

— Теперь двадцать два года,—говорилъ онъ,—что мы съ нимъ зна-
комы и я привыкъ любить и уважать его, сперва какъ начальника, а
теперь какъ совѣтника и друга. Это самая чистая, самая благородная,
самая преданная душа; дай Богъ ему только здоровья!

На замѣчаніе мое, что князь всегда чувствуетъ себя лучше подь
вечеръ, государь отвѣчалъ, что это бываетъ обыкновенно съ людьми
нервными.

— Вотъ, въ доказательство, моя жена, которая утромъ никуда не
годится, а къ вечеру всегда разгуляется и оправится.

Тогда какъ во всѣхъ государствахъ исключительнымъ знакомъ цѣн-
ности вещей приняты драгоцѣнные металлы, у насъ, съ 1812 года, мѣсто
ихъ заступили представители только сего знака—ассигнаціи. Ихъ един-
ственно узаконено было принимать въ казенные и банковые платежи;
только на нихъ должны были совершаться всѣ сдѣлки и условія, произ-
водиться купля и продажа. Отсюда серебро перешло въ рядъ простого
товара и вытѣснилось изъ народнаго обращенія и у насъ не стало и
монетной единицы, потому что рубль сдѣлался счетомъ воображаемымъ.
Къ этому неудобству вскорѣ присоединилось новое: признавъ ассигнаціи
исключительною платежною монетою и поставивъ, черезъ то, всѣ со-
стоянія въ необходимость пріобрѣтать ихъ для взносовъ въ казну и въ
кредитныя установленія, правительство, въ то же время, извлекло изъ
обращенія почти цѣлую треть ихъ и не открыло ни одного новаго
источника свободнаго промѣна. Отсюда, при недостаткѣ въ ассигнаціяхъ,
произошла зависимость народа отъ мѣняль и спекулянтовъ, съ чѣмъ
вмѣстѣ родилось и зло простонародныхъ лажей, или счета на монету,
такъ долго и такъ изнурительно тяготѣвшее надъ Россіею, зло, котораго
пространству и объему теперь, когда все это живетъ лишь въ преданіи,
едва можно повѣрить. Государственные платежные знаки, перейдя изъ
орудій сдѣлокъ и потребностей общежитія въ предметъ торга, безпре-
станно мѣнялись въ цѣнѣ своей, и эти измѣненія были такъ многораз-
личны, что каждый почти городъ, каждое мѣсто имѣли свой особенный
денежный курсъ ассигнацій, серебра, золота и даже мѣдной монеты.
Если, при такомъ порядкѣ вещей, для сословій торговаго и ремеслен-
наго существовала возможность возмѣщать потери отъ лажа, болѣе или
менѣе, на покушникахъ, возвышая цѣну товаровъ и издѣлій, и если
могли еще выигрывать на томъ откупщики и капиталисты, то всѣ
прочіе классы: чиновники, жившіе единственно жалованьемъ; владѣльцы
имѣній, особенно оброчныхъ; крестьяне, которымъ не доступны были
тонкости курсовыхъ расчетовъ; работники, получавшіе поденную плату

и вообще простой народъ терпѣли ежедневно такія стѣсненія и потери, которыя выразились наконецъ не только общимъ желаніемъ благотворной перемены, но даже и общимъ, повсемѣстнымъ ропотомъ.

Высшее правительство давно уже обращало заботливое вниманіе на этотъ важный предметъ; но какъ, съ одной стороны, самое происхожденіе зла можно было отнести частію къ долговременному бездѣйствію министерства финансовъ, а имъ пятнадцать уже лѣтъ управляло одно и то же лицо—графъ Канкринъ; съ другой же стороны, мѣры исправленія требовали операціи весьма сложной и огромной, можетъ быть даже перестроенія всей нашей финансовой системы: то графъ Канкринъ долго и всемѣрно старался отклонить всякій коренной пересмотръ вопроса, приписывая существованіе лажа только обстоятельствамъ временнымъ, преходящимъ, и вообще смотря на этотъ предметъ, или по крайней мѣрѣ стараясь, чтобы другіе смотрѣли на него, какъ на нѣчто маловажное и второстепенное.

Въ такомъ положеніи, при равнодушіи и явномъ даже противодѣйствіи министра финансовъ, дѣло оставалось бы, можетъ быть, еще долгое время неподвижнымъ, если бы не явился вдругъ равносильный министру боецъ, поднявшій весь вопросъ, такъ сказать, отъ его корня. Этотъ боецъ, былъ князь Ксаверій Францовичъ Друцкой-Любецкій, до польскаго мятежа министръ финансовъ Царства, а въ это время членъ нашего Государственного Совѣта, безъ всякихъ другихъ служебныхъ обязанностей. О личности его и вліяніи на ходъ финансоваго нашего управленія я уже говорилъ очень подробно въ другомъ мѣстѣ¹⁾. Здѣсь же повторяю только, что въ теченіе двухъ лѣтъ (1837—1839) онъ одинъ, безъ сторонней помощи, безъ канцеляріи, даже безъ писца, совершилъ огромныя работы, которыя навсегда останутся памятникомъ его знаній, трудолюбія и благонамѣреннаго патріотизма. Многія изъ его мыслей были отвергнуты, не столько впрочемъ по убѣжденію, сколько по трудности предписать исполнителю—министру финансовъ, такія правила, которымъ онъ впередъ предсказывалъ рѣшительную неудачу; но все же одному Любецкому Россія была обязана тѣмъ, что дѣло двинулось съ мѣста; одна его настойчивость и энергическая дѣятельность заставили всѣхъ очнуться и самого министра невольно извлекли изъ апатіи. Окончательныя соображенія по дѣлу о лажѣ происходили въ концѣ 1838-го и въ 1839-мъ году и въ семь послѣднемъ были приведены въ исполненіе. Акты дѣла состояли изъ письменныхъ мнѣній адмираловъ графа Мордвинова и Грейга и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ

¹⁾ Въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ“. См. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества, т. 98.

князя Любецкаго и графа Сперанскаго ¹⁾, изъ разныхъ записокъ и замѣчаній министра государственныхъ имуществъ, шефа-жандармовъ, сенатора графа Куселева-Безбородко (впослѣдствіи государственнаго контролера) и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, и изъ возраженій и объясненій министра финансовъ. Все это составило многія сотни листовъ и образовало пеструю смѣсь мнѣній и взглядовъ самыхъ разнородныхъ и частію совершенно противоположныхъ, такъ что одна канцелярская работа—изготовленіе этихъ бумагъ къ слушанію—заяла продолжительное время. Дѣло должно было разсматриваться въ соединенныхъ департаментахъ законовъ и экономіи, составъ которыхъ, собственно для этого дѣла, былъ еще усиленъ тремя министрами: государственнымъ канцлеромъ графомъ Нессельродомъ, начальникомъ главнаго морскаго штаба княземъ Меншиковымъ и министромъ государственныхъ имуществъ графомъ Киселевымъ; но, по какой-то странности, которой я не умѣлъ объяснить себѣ и въ то время, къ этому разсмотрѣнію не было приобщено главнаго возбудителя всего вопроса, князя Любецкаго. Департаменты посвятили этому дѣлу тринадцать продолжительныхъ засѣданій и, несмотря на то, не могли придти къ единогласному заключенію. Мѣры, придуманныя къ отвращенію на будущее время лажа, состояли въ фиксаціи курса ассигнацій; въ установленіи размѣна ихъ, по этому курсу, всякому желающему, отъ правительства; въ принятіи за монетную единицу серебрянаго рубля; въ переложеніи затѣмъ всѣхъ казенныхъ и частныхъ платежей на серебро и въ постепенномъ извлеченіи изъ обращенія выпущенныхъ дотолѣ ассигнацій, съ замѣномъ ихъ сперва, отчасти, депозитными билетами, а потомъ, вполне, ассигнаціями серебряными. Разногласіе состояло въ томъ, что министр финансовъ и съ нимъ три члена полагали фиксацію курса начать съ 1840 года и курсъ ассигнацій установить по среднему биржевому (онъ былъ въ то время 349½ коп. за рубль), а 9 членовъ предпочитали приступить къ фиксаціи немедленно ²⁾ и курсъ опредѣлить по существовавшему въ то время казенному, т. е. установленному для взноса податей (360 к.). Сверхъ того всѣ вообще члены хотѣли назначить курсъ серебряной копейки въ 4 мѣдныя, а министр финансовъ требовалъ назначенія ея курса въ 3½ коп. Составленный на сихъ основаніяхъ огромный журналъ былъ внесенъ, въ началѣ іюня, въ общее со-

¹⁾ Графъ Сперанскій скончался 11-го февраля 1839 г., а мнѣніе его было подаво 7-го числа того же мѣсяца. Государственная дѣятельность не оставила его и на краю гроба.

²⁾ Разница состояла всего въ семи мѣсяцахъ, потому что это заключеніе послѣдовало 31-го мая 1839 г., но 3 члена и министр не могли согласиться на немедленную фиксацію курса потому, что она измѣняла казенный или податной курсъ, установленный 1-го января 1840 года.

браніе Государственнаго Совѣта и тамъ раскрыть для всѣхъ тѣхъ членовъ, которые желали предварительно съ нимъ ознакомиться. Самые засѣданія въ общемъ собраніи Совѣта, по изъявленному государемъ желанію видѣть все оконченнымъ до вакантнаго времени (оно должно было начаться 15-го іюня), были назначены чрезвычайныя, сперва 10-го и вслѣдъ за тѣмъ опять 12-го іюня. Каждое продолжалось часовъ по пяти и здѣсь повторилось опять то же самое разногласіе, какое было въ соединенныхъ департаментахъ. Графъ Канкринъ, измѣнивъ нѣсколько первоначальную свою мысль, именно предполагая курсъ ассигнацій вмѣсто установленія его по среднему биржевому за 1839 годъ, извлечь изъ бывшаго съ 1-го мая 1838 г. по 1-е мая 1839 г., давалъ разумѣть, что онъ этотъ вопросъ считаетъ за *vôte de conscience* за *question ministérielle* и что если его предложеніе не пройдетъ, то онъ броситъ министерство. Несмотря на то, послѣ продолжительныхъ и довольно безпорядочныхъ преній, съ Канкринимъ согласились только 7 членовъ, а 17, въ числѣ ихъ и предсѣдатель князь Васильчиковъ, приняли мнѣніе, имѣвшее за себя большинство и въ департаментахъ. Хотя между тѣмъ наступили уже ваканціи, но назначено было вновь собраться 19-го іюня, съ одной стороны для подписанія журнала, съ другой—для выслушанія проекта манифеста, который надлежало представить государю вмѣстѣ съ журналомъ, на случай утвержденія имъ мнѣнія большинства. Этотъ проектъ, вмѣстѣ съ совѣтскою меморіею, я отослалъ къ государю 23-го числа; но прошло нѣсколько дней, а бумаги все не возвращались. Такое замедленіе тотчасъ дало поводъ къ разнымъ слухамъ. Говорили, что государь не желаетъ принять рѣшенія такого важнаго и щекотливаго дѣла на себя лично; что, при убѣжденіи въ правильности мнѣнія большинства, онъ останавливается кончить дѣло противъ министра, что онъ соберетъ особый комитетъ передъ своимъ лицомъ и т. п. На самомъ же дѣло было не совѣмъ то. Подстрекаемый ли откупщиками, или движимый честолюбіемъ и упорствомъ, графъ Канкринъ, въ то же время, какъ отъ меня была отправлена совѣтская меморія, послалъ государю личную отъ себя записку, въ которой предлагалъ, для соглашенія происшедшаго разногласія: 1) непремѣнный курсъ установить въ 350 коп., обнародовать и ввести его немедленно; но курсъ податной, какъ уже объявленный на 1839 годъ въ 360 коп., оставить въ семь размѣрѣ по 1-е января 1840 г., для всѣхъ приходовъ и расходовъ; 2) на семь основаній, съ нѣкоторыми другими еще, впрочемъ маловажными, перемѣнами, завершить дѣло между нимъ, Канкринимъ, Васильчиковымъ и мною, окончательнымъ соглашеніемъ въ редакціи манифеста. Государь съ своей стороны отозвался (въ собственноручной резолюціи), что тѣмъ болѣе доволенъ сею мыслию, что, для соглашенія мнѣній, именно ее самъ

хотѣлъ предложить Совѣту; почему и предоставляетъ министру соотвѣтственно тому распорядиться. Но какъ скоро эта вѣсть дошла до князя Васильчикова, онъ пришелъ въ сильное раздраженіе.

— Не быть—повторялъ онъ мнѣ и потомъ самому Канкрину—этому безъ новаго рассмотрѣнія опять въ Совѣтѣ. Теперешняя мысль совсѣмъ новая, средняя между бывшими тамъ мнѣніями; она идетъ не отъ государя, а отъ министра, и потому порядокъ требуетъ предварительнаго ея обсужденія, котораго я никакъ не намѣренъ брать на себя лично. Пока есть Совѣтъ, нельзя имъ такъ играть, и министръ не въ правѣ самовольно забѣгать къ государю съ своими предложеніями, по дѣламъ, рѣшеннымъ въ Совѣтѣ; предсѣдатель же долженъ, по такимъ дѣламъ, принимать повелѣнія отъ государя непосредственно, а не черезъ министра.

Словомъ, князь поѣхалъ въ Петергофъ и возвратился съ извѣстіемъ, что государь приказалъ «сдѣланное министромъ новое предложеніе рассмотреть въ Совѣтѣ и представить его величеству о заключеніи онаго». Вслѣдствіе сего разосланы были повѣстки о назначеніи собранія Совѣта на 30-е іюня, въ полдень, такъ какъ государь изъявилъ желаніе подписать манифестъ непременно 1-го іюля, т. е. въ день рожденія императрицы. Но тутъ разгнѣвался въ свою очередь графъ Канкринъ и, при свиданіи моемъ съ нимъ наканунѣ засѣданія, разлился передо мною обыкновенными своими фразами.

— Это есть величайшее оскорбленіе самодержавной власти: государь изъявилъ уже однажды свою волю, а его заставляютъ теперь передать ее опять на судъ Совѣта. Совѣтъ—мѣсто совѣщательное, куда государь посылаетъ только то, что самому ему разсудится, а тутъ изъ Совѣта хотятъ сдѣлать камеры и мѣсто соца р е т в у ю щ е е, ограничивающее монарха въ его правахъ, но этому не бывать, по крайней мѣрѣ пока я тутъ—и тому подобныя родомонтады и брани на Совѣтъ, на которыя онъ никогда не скупился ни передъ пріятелями, ни въ публикѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ объявилъ мнѣ, что именно на 30-е іюня, въ 11-ть часовъ, ему назначена аудіенція у государя (переѣхавшаго въ это время изъ Петергофа на Елагинъ) и потому онъ, можетъ быть, нѣсколько опоздаетъ въ Совѣтъ, гдѣ впрочемъ «ему нѣтъ охоты слушать коммеражи этихъ господъ». Сквозь всю его бесѣду просвѣчивало однако изъ-подъ личины какой-то защиты правъ самодержавія—явное опасеніе, что и новое его предложеніе будетъ Совѣтомъ отвергнуто. То же самое опасеніе было, очевидно, и поводомъ къ попыткѣ его кончить дѣло по мнѣ Совѣта. Между тѣмъ, 30-го іюня, къ опредѣленному времени, Совѣтъ собрался въ полномъ комплектѣ. Но въ ту самую минуту, какъ князь Васильчиковъ готовился открыть засѣданіе предложеніемъ новой мысли Канкринъ къ дальнѣйшему обсужденію, является

фельдъегерь, съ слѣдующею собственноручною запискою къ нему государя: «Желательно мнѣ, чтобъ принято было среднее между двухъ мнѣній, и полагаю, опредѣливъ курсъ въ 350 коп., нынѣ же издать о семъ манифестъ съ нужными перемѣнами, податной же курсъ оставить до 1-го января 1840 г.». Князь обомлѣлъ. Весь его планъ дѣйствія, все, чего онъ достигъ у государя, было разрушено и, вмѣсто предмета къ разсужденію, оставалось объявить Совѣту только высочайшую волю къ исполненію. И все это было, очевидно, плодомъ стараній Канкринна, воротившагося отъ государя въ одно почти время съ фельдъегеремъ! Послѣ жаркой съ нимъ тутъ же, въ другой комнатѣ, сцены, при которой Канкринъ старался увѣрить, что онъ нисколько не причастенъ къ послѣдовавшей резолюціи, Васильчиковъ открылъ засѣданіе прочтеніемъ ея, и потомъ, когда, на его вопросъ, всѣ члены признали, что въ ней выражена уже прямо воля его величества, требующая одного безмолвнаго исполненія, Совѣтъ перешелъ къ второстепеннымъ подробностямъ, которыя пройдены были очень легко и скоро, такъ что все засѣданіе продолжалось менѣе часа. Неудовольствіе было общее, потому что многіе изъ членовъ готовились возражать противъ означенной средней мѣры, еслибъ ее предложили отъ имени министра, на судъ Совѣта.

Состояніе духа Васильчикова въ особенности было таково, что я боялся пораженія его нервнымъ ударомъ. Обманутое желаніе лучшаго; сокрушеніе, что государь принялъ лично на себя рѣшеніе такого важнаго, жизненнаго вопроса; огорченное самолюбіе; видимое торжество министра финансовъ; наконецъ сѣтованіе на наговоры послѣдняго противъ Совѣта—все это вмѣстѣ окончательно потрясло послѣднія силы слабаго старца. Вечеромъ, въ 8 часовъ, Совѣтъ опять собрался, для подписанія журнала, который я успѣлъ къ тому времени приготовить. Потомъ мнѣ надлежало немедленно отослать къ государю меморію и передѣланный проектъ манифеста; но Васильчиковъ отозвался, что хочетъ на другой день, т. е. 1-го іюля, самъ везти всѣ эти бумаги къ государю. Сколько я ни убѣждалъ его, по чувству преданности къ нему, не дѣлать этого, когда самой вещи пособить уже нельзя, онъ остался при своемъ и только уже въ полночь, «обдумавъ хорошенько дѣло» (какъ мнѣ писалъ), выслалъ опять всѣ бумаги обратно, для представленія ихъ обыкновеннымъ порядкомъ. Это могло быть исполнено мною, разумѣется, уже не прежде слѣдующаго утра—и государь тотчасъ все подписалъ. Послѣ было объясненіе, и письменное и словесное. Первое заключалось въ самой лестной и нѣжной французской запискѣ, въ которой государь, называя Васильчикова, по обыкновенію, «*Son cher ami*», благодарилъ его за окончаніе этого важнаго и труднаго дѣла и приписывалъ весь успѣхъ главнѣйше его содѣйствію и усиліямъ. Объясненіе сло-

весное (князь, отправясь къ государю на Елагинъ, разѣхался съ помянутою запискою) было, кажется, довольно жаркое. Донося, съ какою готовностію и безмолвною покорностію члены Совѣта приняли желаніе государя, вопреки личному ихъ убѣжденію, и признали его, тотчасъ, за положительное изъявление его воли, хотя оно и не было прямо облечено въ форму высочайшаго повелѣнія, князь особенно настаивалъ на томъ, сколько преступны намѣренія и дѣйствія людей, старающихся внушить, своими наговорами, подозрѣніе и недовѣріе къ Совѣту; было говорено, повидимому, и многое другое, что возбудило отчасти неудовольствіе государя.

— Государь!—сказалъ тогда Васильчиковъ—кой-часъ (любимое выраженіе князя) вы начинаете гнѣваться, я перестаю говорить. Вы сами поставили меня на такую степень, гдѣ откровенность передъ вами есть мой долгъ: долгъ этотъ я свято исполняю теперь, какъ и всегда привыкъ исполнять его въ 48-ми лѣтнюю мою службу.

Впрочемъ, по разсказу князя, къ концу свиданія они были опять на мирной ногѣ и все окончилось новыми увѣреніями во всегдашней дружбѣ и уваженіи. Манифестъ о лажѣ и принадлежавшій къ нему указъ о депозитной кассѣ, подписанные 1-го іюля 1839 года, были обнародованы Сенатомъ на другой же день. Перемѣна монетной системы не могла обойтись безъ нѣкоторыхъ судорожныхъ колебаній въ народѣ и отозвалась на всѣхъ сословіяхъ. Всѣмъ намъ пришлось учиться новому счету денегъ, а никакая школа не обходится безъ дурныхъ учениковъ. Первымъ результатомъ новой системы было переложеніе всѣхъ счетовъ на серебро, операція также весьма трудная и сложная, но которая совершена была вполнѣ къ концу того же 1839 года. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ ея, отъ установленія слишкомъ большой монетной единицы, было, къ сожалѣнію, непредвидѣнное тогда возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы; но по крайней мѣрѣ народъ увидѣлъ, какъ говорится, свѣтъ Божій и пересталъ быть жертвою спекулянтовъ и ажіотеровъ. Просто-народные лажи были навсегда истреблены. Того же 1-го іюля князь Любедкій получилъ алмазные знаки къ ордену св. Александра Невскаго, знакъ вниманія тѣмъ болѣе его польстившій, что въ этотъ день не было никакихъ другихъ наградъ по гражданскому вѣдомству. Спустя нѣсколько дней, государь, увидясь съ графомъ Киселевымъ, сказалъ ему:

— Я очень радуюсь послѣднему вашему засѣданію: оно поставило въ надлежащую ясность мои сношенія съ Совѣтомъ и показало, какъ мы должны другъ друга понимать.

5-го іюля сшучено было въ Петербургѣ, въ присутствіи всей царской фамилии, новое огромное судно, 120-ти пушечный линейный корабль «Россія». Для постройки судовъ подобнаго размѣра нѣтъ, или по крайней мѣрѣ тогда не существовало, здѣсь соотвѣтственныхъ доковъ и, по волѣ

государя, этотъ корабль былъ построенъ въ такомъ докѣ, гдѣ между его сторонами и ребрами корабля оставалось пустоты не болѣе вѣсколькихъ вершковъ. Такъ какъ поэтому при спускѣ угрожала очевидная опасность и судну и долженствовавшему находиться на немъ экипажу, то посему наряжена была особая комиссія экспертовъ, которая рѣшила, что «спускъ возможенъ, но сопряженъ съ чрезвычайнымъ рискомъ». Несмотря на это, государь захотѣлъ и—совершилось! «Россія» сошла со стапелей лучше всѣхъ, прежде строившихся кораблей, а экипажъ, спустившійся на ней между жизнію и смертію, былъ примѣрно награжденъ.

Полякъ, камергеръ Пельчинскій, служившій по министерству финансовъ и извѣстный изданіемъ вѣсколькихъ брошюръ, преимущественно политико-экономическаго содержанія, былъ на Петергофскомъ маскарадѣ, 11-го іюля, дежурнымъ при великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, не за долго передъ тѣмъ вступившей въ бракъ съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ. Она послала его пригласить на польскій австрійскаго посла графа Фикельмона, съ которымъ разговаривалъ въ это время государь. Пельчинскій, подойдя къ послу, сказалъ ему: «*La Duchesse de Leuchtenberg vous prie, Monsieur le Comte, de lui faire l'honneur de faire un tour de polonaise avec elle*». Едва только Фикельмонъ удалился, государь вскричалъ: «*Sachez, Monsieur, qu'il n'y a pas de Duchesse de Leuchtenberg en Russie; que c'est Son Altesse Impériale la Grande Duchesse Marie, auprès de laquelle vous êtes de service, et qu'en tout cas l'honneur appartient ici non à Son Altesse, mais bien à l'Ambassadeur*». И за тѣмъ, когда Пельчинскій сталъ на мѣстѣ, какъ пораженный громомъ, государь, оборотясь къ близъ стоявшимъ сказалъ:

— Вотъ какими людьми меня окружають; надѣюсь, однако, что этотъ не будетъ хвастать моимъ разговоромъ съ нимъ.

Министру императорскаго двора велѣно было сдѣлать Пельчинскому строгій выговоръ и на будущее время не наряжать его къ придворнымъ дежурствамъ. Вскорѣ послѣ того было годичное представленіе, черезъ комитетъ министровъ, о наградахъ по министерству финансовъ. Государь утвердилъ всѣ и только Пельчинскаго, который былъ представленъ въ статскіе совѣтники, собственноручно исключилъ изъ проекта указа.

Однажды, въ мартѣ 1839 г., прохаживаясь по Англійской набережной, я встрѣтилъ государя, шедшаго тоже пѣшкомъ. Остановивъ меня шутивымъ вопросомъ: «откуда изволите шествовать?» онъ прибавилъ:

— А я скажу тебѣ преннтересную вещь: я сейчасъ отослалъ къ князю Иллариону Васильевичу письмо, полученное мною отъ одного изъ вашихъ членовъ, который просится вонъ изъ Совѣта, приводя въ при-

чину, что не чувствуетъ себя способнымъ къ этому званію. Предоставляю тебѣ отгадать кто сей господинъ?

Съ этими словами государь хотѣлъ уже идти далѣе, но я успѣлъ назвать Алексѣя Петровича Ермолова..

— C'est cela, — отвѣчалъ онъ, — vous l'avez deviné, и отоидя уже нѣсколько шаговъ, прибавилъ: «vous l'avez parfaitement jugé».

Смышленость или догадка моя въ этомъ случаѣ нисколько не была удивительна. Генералъ Ермоловъ, по оставленіи имъ Кавказскаго края и послѣ жестокаго его слова о своемъ преемникѣ и о начальникѣ главнаго штаба ⁽¹⁾, совершенно удалившійся съ политическаго поприща и жившій постоянно въ Москвѣ, или въ своей Подмосковной, на зиму, 1837—1838 года, пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь вдругъ сталъ постоянно присутствовать въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Какимъ образомъ это сдѣлалось, не знаю, но едва-ли по доброй волѣ; по крайней мѣрѣ онъ вѣсѣмъ жаловался на неприятность вынужденнаго своего пребыванія въ Петербургѣ, и, уѣзжая опять на лѣто въ Москву, самому мнѣ говорилъ, что нарочно избѣгаетъ прощанья съ государемъ, чтобы не подпасть затруднительному вопросу: когда онъ думаетъ воротиться въ Петербургъ?

— Чувствую, — прибавилъ онъ при этомъ разговорѣ, — что я здѣсь совсѣмъ лишній человѣкъ: ко двору не гожусь, а въ Совѣтѣ совсѣмъ бесполезенъ, et croyez que ce n'est pas pour mendier un compliment que je vous le dis. Я отжилъ свой вѣкъ!

Дѣйствительно, въ Совѣтѣ онъ никогда не возвышалъ голоса и даже бѣольшую часть времени дремалъ. Соображая все это, зная вообще характеръ Ермолова и слышавъ о пріѣздѣ его опять въ Петербургъ (въ Совѣтѣ въ этотъ разъ мы его еще не видали), я безъ труда могъ догадаться, кого разумѣлъ государь въ своемъ разсказѣ.

Письмо Ермолова было весьма страннаго содержанія. Намекнувъ, съ одной стороны, на ничтожность тогдашняго личнаго состава Государственнаго Совѣта, онъ, съ другой, изъявлялъ удивленіе свое «благости государя, уполномочивающаго нѣсколькихъ избранныхъ подданныхъ разбирать и оцѣнять существующіе законы и сочинять новые, съ предоставленіемъ себѣ одного утвержденія ихъ мнѣнія», и затѣмъ заключалъ просьбою объ увольненіи его отъ званія члена сего Совѣта, какъ превышающаго его свѣдѣнія и способности. Государь, приславъ письмо къ князю Васильчикову, въ первомъ порывѣ неудовольствія приказалъ, чтобы оно предложено было общему собранію Государственнаго Совѣта, которому постановить свое о немъ заключеніе, со справкою, бывали-ли

¹⁾ „Посмотримъ, какъ Россія выѣдетъ на Ванькахъ!“ Извѣстно, что и графъ Дибичъ и князь Паскевичъ оба были Иваны.

прежде когда подобные случаи? Князь, всегдашній оберегатель достоинства Совѣта и вмѣстѣ очень нелюбившій Ермолова, поѣхавъ къ государю, объяснилъ, что посредствомъ такой мѣры первый достигъ бы вѣроятной своей цѣли: произвести шумъ и соблазнъ; что *puisque l'Empereur avait jugé nécessaire de le mettre une fois dans la boue, il fallait l'y enfoncer*, и что поэтому лучше, не давая дѣлу гласности и не увольняя Ермолова въ отставку, объявить ему, что онъ воленъ жить гдѣ захочетъ и дѣлать, что ему угодно. Князь успѣлъ въ своихъ убѣжденіяхъ и вслѣдствіе того, Ермолову было отвѣтствовано, черезъ военнаго министра, что государь назначилъ его членомъ Государственнаго Совѣта, имѣвъ въ виду долговременное его управленіе обширнымъ и важнымъ краемъ и, слѣдственно, предполагая въ немъ соединеніе свѣдѣній и опытности по всѣмъ частямъ администраціи и законодательства; но какъ теперь онъ самъ сознается въ неимѣніи нужныхъ для сего званія способностей, то ему и предоставляется полная свобода присутствовать или не присутствовать въ Совѣтѣ, по его усмотрѣнію. Вслѣдствіе этого отъѣзда, Ермоловъ вскорѣ уѣхалъ въ Москву, не бывъ допущенъ передъ отъѣздомъ къ личному съ государемъ свиданію. Позже, въ томъ же 1839 году, онъ присутствовалъ на знаменитыхъ Бородинскихъ маневрахъ и во время послѣдняго ихъ момента, изображавшаго самую битву, находился, вмѣстѣ князьями Михайломъ Семеновичемъ Воронцовымъ и Дмитріемъ Владиміровичемъ Голицынымъ, при государѣ, который много разговаривалъ съ ними о подробностяхъ сраженія. Но въ Государственномъ Совѣтѣ, сохраняя, попрежнему, званіе его члена, онъ никогда уже болѣе не засѣдалъ.

При представленіи государю выпущенныхъ изъ кадетскихъ корпусовъ молодыхъ офицеровъ, одинъ изъ нихъ, когда дошла до него очередь, выступилъ впередъ и сказалъ, что имѣетъ просьбу.

— Говори, что такое?

— Государь! Отецъ мой за такую-то вину осужденъ въ Сибирь на поселеніе; онъ старъ и отецъ семейства, а я молодъ и одинокъ: позвольте мнѣ идти за него.

Государь съ чувствомъ потрепалъ его по плечу:

— Ты добрый сынъ: и ты и отецъ твой останетесь у меня въ памяти!

Дѣло велѣно было пересмотрѣть и вновь доложить.

Въ ноябрѣ императоръ Николай объявилъ князю Васильчикову о желаніи своемъ, чтобы наслѣдникъ цесаревичъ присутствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ, но на первое время безъ голоса, только чтобы слушать и учиться. Къ этому онъ прибавилъ, что такъ какъ за-

сѣданія Совѣта бывають по понедѣльникамъ—русскій черный день—то ему не хотѣлось бы, чтобы наслѣдникъ началъ посѣщать Совѣтъ именно съ этого дня. И точно, какъ бы по желанію государя, случилось, что понедѣльникъ 20-го ноября пришелся въ день табельный и оттого за сѣданіе было отложено на четвергъ, 23-го числа. Мы долго думали съ княземъ Васильчиковымъ о томъ, какъ написать высочайше повелѣніе, которое извѣстило бы публику, что наслѣдникъ будетъ присутствовать въ Совѣтѣ безъ голоса; но государь разсѣкъ этотъ узелъ, повелѣвъ, чтобы его воля по этому предмету объявлена была Совѣту княземъ просто на словахъ. Наконецъ для приѣма наслѣдника запрещенъ былъ и всякій церемоніаль. Все ограничилось общимъ повѣщеніемъ всѣхъ членовъ, которые, въ томъ числѣ и великій князь Михаилъ Павловичъ, съѣхавшись благовременно, ожидали августѣйшаго гостя въ аванзалѣ, тогда какъ я встрѣтилъ его на порогѣ совѣтскаго помѣщенія.

Государь наслѣдникъ прибылъ въ сопровожденіи князя Васильчикова, принца Ольденбургскаго и князя Волконскаго и, по приказанію государя, занялъ то мѣсто, которое занималъ, при посѣщеніяхъ Совѣта, самъ его родитель, т. е. между докладчикомъ и предсѣдателемъ департамента законовъ. Потомъ Васильчиковъ вставъ сказалъ, что его величество велѣлъ ему объявить Совѣту словесно, чтобы государь наслѣдникъ цесаревичъ присутствовалъ въ немъ, не принимая, впредь до времени, участія въ рѣшеніи дѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ, начались чтенія журналовъ и докладъ дѣлъ въ обыкновенномъ порядкѣ.

Дмитрій Васильевичъ Дашковъ, преемникъ графа Сперанскаго въ званіяхъ главноуправляющаго II-мъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи и предсѣдателя департамента законовъ, бывъ назначенъ въ эти должности въ февралѣ 1839 года, занималъ ихъ очень недолго. Уже въ концѣ августа того же года, при открывшемся у него сильномъ кровотеченіи горломъ, врачи предсказали, что оно будетъ имѣть исходомъ чахотку или водяную, и что больной, при разстроенномъ прежними недугами здоровьи его, не будетъ въ силахъ перенести этой болѣзни. Съ тѣхъ поръ Дашковъ уже не выздоравливалъ. Государь навѣстилъ его 20-го ноября, а въ ночь съ 25-го на 26-е его уже и не стало. Скончавшись въ цвѣтѣ мужескихъ лѣтъ, на 52-мъ году, Дашковъ оставилъ мало людей, которые его любили; но всѣ, даже имѣвшіе дѣйствительныя причины его не любить, питали къ нему невольное уваженіе. Въ царствованіе императора Александра онъ занималъ должности совѣтника нашего посольства въ Константинополѣ и потомъ члена совѣта комиссіи составленія законовъ; но настоящая роль его на государственномъ поприщѣ началась уже при императорѣ Николаѣ, познакомившемся съ нимъ черезъ его друга графа Блудова.

котораго самого свелъ съ императоромъ Карамзинъ. Человѣкъ съ высокимъ образованіемъ, литературнымъ и ученымъ, съ свѣтлымъ и обширнымъ умомъ, въ которомъ было много ироническаго воззрѣнія на жизнь, съ прямодушіемъ, обратившимся у насъ въ поговорку, съ увлекательнымъ даромъ слова, ставившимъ его, несмотря на заиканіе, въ рядъ истинныхъ ораторовъ, наконецъ съ прекраснымъ перомъ, уступавшимъ развѣ только перу Сперанскаго, Дашковъ соединялъ въ себѣ всѣ качества, чтобы быть полезнымъ и, при всемъ томъ, принесъ очень мало существенной пользы. Какъ, съ одной стороны, высокія его достоинства парализовались непреодолимою, классическою лѣнностію, останавливавшею всѣ добрыя начинанія и недопускавшею довести что-либо до конца, такъ, съ другой, вся плѣнительность его ума исчезала подъ оболочкою недоступной заносчивости, высокомерія, рѣдко свойственнаго людямъ гениальнымъ, и совершенной дикости или нелюдимости—плода, частію, той же физической и моральной лѣни, а частію, думаю, презрѣнія къ тѣмъ пигмеямъ, посреди которыхъ осудилъ его жить нашъ вѣкъ посредственности. Проходили дни, недѣли, даже мѣсяцы, въ продолженіе которыхъ Дашковъ сидѣлъ, или, лучше сказать, лежалъ въ своемъ кабинетѣ, запершись отъ всѣхъ, даже самыхъ приближенныхъ, погруженный въ чтеніе романовъ, или другихъ произведеній легкой литературы, въ полной апатіи къ дѣламъ и къ людямъ. «*Le qu'en dira-t-on*» для него не существовало: онъ пренебрегалъ всѣми обыкновенными приличіями общежитія, не отдавалъ никогда никому визитовъ, принималъ у себя, даже людей самыхъ значительныхъ, не иначе какъ съ величайшими затрудненіями, рѣзко шелъ наперекоръ всѣмъ мнѣніямъ, не совпадавшимъ съ его собственнымъ, не щадилъ ничего убѣжденія и вообще, въ нашей придворной и свѣтской жизни, поставилъ себя безнаказанно въ какое-то исключительное, ни отъ кого независимое положеніе. Его не выдвигали нигдѣ по мѣсяцамъ, и вдругъ онъ пріѣдетъ въ Государственный Совѣтъ, прогремитъ сильною, краснорѣчивою рѣчью, увлечетъ за собою всѣхъ слушателей, и потомъ запрется опять въ свой кабинетъ, отдыхать—за романами. Въ десятилѣтнее почти управленіе министерствомъ юстиціи онъ былъ часто превосходнымъ судьей и юристомъ, но никогда не былъ хорошимъ администраторомъ, еще менѣе законодателемъ, потому что то и другое требуетъ труда ежедневнаго, постояннаго, усидчиваго, а къ такому труду Дашковъ не былъ ни склоненъ, ни способенъ. Судебная часть нисколько въ его управленіе не поднялась.

Мѣстные и высшіе суды, канцелярія Сената, все осталось при немъ какъ было, если не сдѣлалось еще хуже; порядокъ дѣлопроизводства нисколько не облегчился и не ускорился; безпорядки, злоупотребленія, лихоимство, также ни мало не уменьшились и, при неприкосновенной

чистотѣ самого министра, все кругомъ его брало болѣе чѣмъ когда-либо; наконецъ законы наши, какъ собственно юридическіе, такъ и по судебной администраціи, не были имъ подвинуты ни на шагъ впередъ: онъ все что-то общалъ, что-то сулилъ въ будущемъ и лѣнивое бездѣйствіе свое прикрывалъ одними громкими словами. Министръ юстиціи, по своему званію и кругу дѣйствія, долженъ быть самымъ популярнымъ изъ всѣхъ министровъ, а Дашковъ, напротивъ, недоступностію, холодностію и высокоуміемъ запугалъ и отвратилъ отъ себя всѣхъ, большихъ и малыхъ. Наконецъ, въ девятимѣсячное предсѣдательство свое въ департаментѣ законовъ, бывъ почти все время боленъ, онъ естественно не могъ ничего сдѣлать, а во II-мъ отдѣленіи даже рѣшительно ни за что не принимался.

Здоровье его, всегда шаткое, въ особенности разстроилось послѣ внезапной смерти старшаго его сына, умершаго въ 1838 году, лѣтъ 8-ми или 9-ти, въ одни сутки. Самъ онъ, послѣ долгихъ страданій, угасъ тихо, потребовавъ книги еще за полчаса до смерти и изъявляя желаніе, чтобы наступающее утро было свѣтлое и ясное и дало ему возможность прокатиться. Потеря его, во всякомъ случаѣ, была потерею государственною, если не столько потому, что онъ, дѣйствительно, былъ, то потому, чѣмъ онъ могъ бы быть. Мое личное знакомство съ нимъ началось еще въ прошедшее царствованіе, когда и онъ и я были политически совершенными ничтожностями; но особенно скрѣпилось оно и даже превратилось въ близкую связь, когда я въ 1831 году былъ назначенъ управляющимъ дѣлами комитета министровъ и такимъ образомъ былъ поставленъ въ ежедневныя съ нимъ служебныя сношенія. Его дверь, почти для всѣхъ герметически закрытая, мнѣ всегда была отворена; онъ не отказывалъ мнѣ никогда въ совѣтѣ и помощи и, проводивъ у него нерѣдко по часамъ въ непрерывномъ разговорѣ, я всегда восхищался его умною, живою, часто глубокомысленною бесѣдою. Не менѣе очаровательны были и частныя его записочки, которыхъ сохранилось у меня нѣсколько сотъ: почти каждая содержала въ себѣ какую-нибудь оконченную мысль и всѣ были образцомъ слога и даже почерка.

Въ концѣ 1839 года, великая княжна Ольга Николаевна, не бывшая еще тогда въ супружествѣ, впала въ болѣзнь, принявшую самый опасный характеръ. Врачи не разъ отчаявались въ ея жизни и только на 28-й день послѣдовалъ рѣшительный кризисъ, съ котораго началось и постепенное, хотя очень медленное, выздоровленіе. Стоявшій во главѣ многихъ врачей при ея леченіи лейбъ-медикъ Маркусъ съ благоговѣніемъ рассказывалъ мнѣ о попеченіяхъ и заботливости императора Николая Павловича во время этой болѣзни. Не довольствуясь семью или восемью посѣщеніями въ теченіе дня, онъ часто и по ночамъ подхо-

диль къ дверямъ больной и со слезами прислушивался къ болѣзненнымъ ея стenaniямъ.

— Когда,—продолжалъ Маркусъ,—при наступленіи 28-го дня я объявилъ, что ожидаю въ продолженіе его благотворнаго кризиса, онъ почти цѣлые сутки не отходилъ отъ постели и послѣ моихъ словъ, что благодаря Всевышнему, опасность миновала, тотчасъ хотѣлъ поднести великой княжнѣ давно приготовленный имъ тайно отъ нея подарокъ—двѣ драгоценныя жемчужины *Séviigné*. Опасаясь, однако же, для едва спасенной отъ смерти всякаго волненія, я не позволилъ этого сдѣлать, и тогда онъ цѣлую недѣлю носилъ свой подарокъ при себѣ въ карманѣ, выжидая минуты, когда я сниму мое запрещеніе. Впоследствии, когда больная уже стала оправляться, я неоднократно былъ свидѣтелемъ; какъ государь стоялъ у ея кровати на колѣняхъ и кормилъ ее изъ своихъ рукъ, строго наблюдая, чтобы не перейти за предписанную мною мѣру въ пищѣ.

Со времени происшествій 14-го декабря 1825 года, императоръ Николай неизмѣнно праздновалъ ихъ годовщину, считая всегда это число днемъ истиннаго своего восшествія на престолъ. Всѣ лица, принимавшія прямое или косвенное участіе въ подвигахъ достопамятнаго дня, были собираемы ко двору, гдѣ, или въ малой церкви Зимняго дворца, или въ церкви Аничкина, совершалось благодарственное молебствіе, при которомъ, послѣ обыкновеннаго многолѣтія, были возглашаемы сперва вѣчная память «рабу Божию графу Михаилу (Милорадовичу) и всѣмъ, въ день сей за вѣру, царя и отечество убиеннымъ», а, въ заключеніе, многолѣтіе «храброму всероссійскому воинству». Затѣмъ, всѣ присутствовавшіе допускались къ рукѣ императрицы и цѣловались съ государемъ, какъ въ свѣтлый праздникъ. Много лѣтъ сряду государь пріѣзжалъ еще, въ этотъ день, въ Конногвардейскій и въ Преображенскій полки, которые, какъ извѣстно, прибыли первыми на площадь къ охраненію праваго дѣла, и эти царственныя посѣщенія онъ прекратилъ тогда лишь, когда въ составѣ упомянутыхъ полковъ не осталось уже никого изъ ветерановъ 14-го декабря ¹⁾. Въ прежнее время въ это число бывалъ всегда и маленькій балъ въ Аничкинскомъ дворцѣ.

Передъ праздникомъ Рождества Христова въ 1839 году, государь неожиданно зашелъ въ англійскій магазинъ и въ извѣстную тогда кондитерскую à la *Rénoimshée*—«pour acheter des étrennes pour les siens».

¹⁾ При этихъ посѣщеніяхъ государь обыкновенно спрашивалъ, сколько остается еще въ полку изъ людей, бывшихъ въ его рядахъ 14-го декабря 1825 г. Въ 1839 г. въ Конной гвардіи, какъ рассказывалъ мнѣ полковой командиръ Эссенъ, считалось ихъ всего уже только 11 унтеръ-офицеровъ и 8 рядовыхъ.

Въ англійскомъ магазинѣ, хотя онъ и накупилъ тамъ не мало, ничто особенно его не соблазняло. Онъ находилъ, что все ему показывавшееся уже у императрицы, и уходя поручилъ хозяину (Плинке) передать великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, когда она прійдетъ, его упрекъ въ неаккуратности, потому что она опоздала къ условленному между ними часу rendez-vous. Кондитерская à la République болѣе его удовлетворила и онъ купилъ въ ней множество вещицъ, въ томъ числѣ статуйку славившейся у насъ въ то время французской актрисы Бурбье.

(Продолженіе слѣдуетъ).

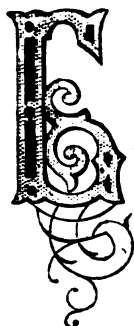

Кіевская университетская старина.

(По поводу нѣкоторыхъ документовъ и писемъ, относящихся къ студенческимъ волненіямъ въ университетѣ св. Владиміра въ 1860—1862 г.).

Посвящается памяти Н. Хр. Бунге.

ывшій профессоръ и ректоръ университета св. Владиміра, въ послѣдствіи министръ финансовъ и предсѣдатель Комитета министровъ Н. Х. Бунге передалъ мнѣ въ 80-хъ годахъ нѣкоторые документы, относившіеся ко времени его ректорства въ университетѣ св. Владиміра въ 1861 г., съ просьбою напечатать ихъ, когда это будетъ удобно. ¹⁾

Документы эти относятся къ студенческимъ волненіямъ въ 1860—1862 г. и въ настоящее время, когда обнаружались вновь въ университетахъ студентскія движенія, принявшія, къ глубокому сожалѣнію, характеръ довольно упорный, едва ли не своевременно опубликовать ихъ.

Для уясненія однако предлагаемыхъ документовъ необходимо хотя въ общихъ чертахъ указать на положеніе и настроеніе русскаго общества въ 30—50 годахъ.

---

¹⁾ Въ настоящемъ очеркѣ они помѣщаются въ точныхъ и дословныхъ копіяхъ.

Послѣ поверхностнаго движенія 1825-го года, захватившаго лишь незначительные кружки офицеровъ, побывавшихъ въ Западной Европѣ въ 1812—1815 г.г., познакомившихся съ французскою литературою и энциклопедистами, наступила естественная реакція, выступили на сцену темныя силы общества; замѣчательно при этомъ, что реакція и застои обнаружались не столько въ мѣрахъ правительства, сколько въ настроеніи самаго общества, которое въ подавляющемъ большинствѣ цѣлко держалось существующаго, не знало и не желало ничего лучшаго, цѣнило только силу и успѣхъ и недружелюбно относилось ко всему культурному, выдающемуся. Крѣпостной строй, умственная темнота и моральное безразличіе господствовали въ полной силѣ. Я помню этотъ бытъ съ 1836 года; видѣлъ жизнь мелкаго и средняго дворянства, нѣсколько позже бывалъ и въ средѣ богатаго помѣстнаго дворянства, зналъ близко бытъ уѣзднаго и губернскаго чиновничества,—и долженъ признать, что нигдѣ не замѣчалъ умственнаго движенія, критической мысли, потребности въ высшемъ образованіи, не связанномъ съ привилегіями по службѣ, а тѣмъ болѣе сознанія необходимости серьезныхъ измѣненій и улучшеній общественныхъ условий. Вся оппозиція носила мелкій характеръ, обнаруживалась въ личныхъ пререканіяхъ губернскихъ предводителей съ губернаторами и въ нападкахъ на исправниковъ и становыхъ, рѣшавшихся требовать съ помѣщиковъ недоимки или допускаявшихъ поблажки ослушнымъ крѣпостнымъ. Въ селахъ и деревняхъ, даже въ зажиточныхъ усадьбахъ, рѣдко можно было встрѣтить газету и чтеніе книгъ вообще было не въ почетѣ; женская половина довольствовалась гадальникомъ Мартына Задеки и романами въ родѣ «Георгъ Мидордъ Англійскій» или «Битва русскихъ съ кабардинцами» и т. п. Дворянство среднее, учившееся въ корпусахъ и гимназіяхъ, изрѣдка выписывало «Сѣверную Пчелу» и «Московскія Вѣдомости»; болѣе свободомыслящіе и культурные—предпочитали барона Брамбеуса и «Библиотеку для Чтенія». Выписываемыми книгами не дорожили и лишь по исключенію можно было увидѣть въ кабинетѣ помѣщика библиотечный шкафъ, въ которомъ хранились исторія и повѣсти Карамзина, сочиненія Пушкина, Жуковскаго, Марлинскаго, романы Булгарина, переводы Вальтеръ-Скотта, Энциклопедическій словарь Плюшара, «Живописное Обзорніе», позднѣе романы Загоскина, Сю и Дюма.

Университетская жизнь стала мѣтъ извѣстною, и то главнымъ образомъ Кіевского университета, лишь съ конца 40-хъ годовъ (1846—1848). По рассказамъ современниковъ и немногимъ напечатаннымъ запискамъ можно однако сказать, что наука въ нихъ (Московскомъ, Харьковскомъ, Петербургскомъ, Казанскомъ) едва теплилась, и то благодаря чужеземнымъ профессорамъ и иностраннымъ курсамъ (за исключеніемъ развѣ русской исторіи и русской словесности). Преподаваніе

носило чуждый жизни школьный характер, ограничивалось скучнымъ чтеніемъ убогихъ записокъ и не имѣло никакого вліянія на развитіе и кругозоръ студентовъ. Быть профессорскихъ коллегій и отношеніе ея къ студентамъ носили патріархальный, учительскій характеръ, въ которомъ отразились многія темныя стороны самаго общества: нѣкоторые профессора въ Москвѣ, особенно въ Харьковѣ, а позднѣе отчасти и въ Кіевѣ, давали частные уроки и занимались содержаніемъ у себя студентовъ пансіонеровъ изъ болѣе состоятельныхъ юношей; свѣдѣнія объ этомъ можно найти въ жизнеописаніи М. П. Погодина (Барсукова) и въ воспоминаніяхъ, разсѣянныхъ въ «Русскомъ Архивѣ» и «Русской Старинѣ» о профессорахъ И. И. Давыдовѣ, Шевыревѣ, Перевощиковѣ и др.

Первое замѣтное движеніе самобытной научной мысли, стремленіе профессоровъ не только обучать студентовъ наукамъ, но и приобщить ихъ къ западно-европейской культурѣ, раскрывать передъ ними высшія моральныя и общественныя задачи обнаружилось съ начала 40-хъ годовъ въ Московскомъ университетѣ и въ этомъ состоитъ едва ли не главное образовательное значеніе достопамятной эпохи Т. Н. Грановскаго, Рѣдина, Буслаева, Кавелина, Мюльгаузена, Кудрявцева, С. М. Соловьева и др.

Вліяніе Московскаго университета и общей литературы (особенно «Отечественныхъ Записокъ») постепенно стало обозначаться и въ другихъ университетахъ; преподаваніе начало выходить изъ отсталыхъ и безжизненныхъ курсовъ, узкихъ стѣнъ аудиторій и стало вліять не только на студентовъ, но и на само общество.

Правда, подобное направленіе обнаруживалось вначалѣ лишь въ слабыхъ и робкихъ шагахъ, ограничивалось небольшимъ числомъ ближайшихъ учениковъ и тѣсными интимными кружками сочувствующихъ людей и походило скорѣе на неясныя мечты объ отдаленномъ будущемъ, нежели на нѣчто реальное, близкое, могущее рассчитывать на положительныя успѣхи.

Но жизнь не стоитъ. Необходимость перемѣнъ и разрѣженія сгущенной атмосферы стучались во многія двери. Севастопольскія бѣды и неурядицы обнаружили наше внутреннее безсиліе и столько темныхъ сторонъ общества, что огорчили всѣхъ и подорвали вѣру въ достоинство и несокрушимость нашихъ порядковъ. Съ 1855 г. и особенно послѣ Парижскаго мира ясно обозначилось новое настроеніе: суровый режимъ прошлаго смѣнился милостію, довѣріемъ къ обществу, наукѣ, литературѣ; выступили на сцену лучшіе передовые люди; скоро заговорили объ освобожденіи крестьянъ, открылось вѣчнопамятное благословенное упраздненіе крѣпостного права, которое заражало всѣ слои общества и лежало мертвою петлею на самомъ правительствѣ; долго сдержанныя силы пробудились и стремились впередъ, желая вознаграждать себя за

потерянное время и продолжительный застой; вездѣ повѣяло освѣжающимъ духомъ, свѣтлыми надеждами на лучшее будущее.

Кіевскій университетъ, съ самаго своего основанія (1834 г.) попалъ въ довольно благопріятныя условія. Возникши позже другихъ университетовъ, онъ имѣлъ возможность образовать свой преподавательскій составъ изъ воспитанниковъ другихъ университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній и профессорскаго Дерптскаго института. Въ теченіе 5-ти лѣтъ со времени его открытія были назначены профессорами молодые ученые, вполне подготовленные, даровитые, пріобрѣвшіе себѣ потомъ почетное имя въ исторіи русской науки: таковы были М. А. Максимовичъ, астрономъ Ѳедоровъ, минералогъ Гофманъ, ботаникъ Траутфеттеръ, зоологъ Миддендорфъ, философъ О. Новицкій, филологи Нейкирхъ и Делленъ, юристы— Неволинъ, Богородскій, Иванішевъ. Въ 1841 г. открытъ былъ въ Кіевѣ и медицинскій факультетъ, для котораго еще легче было найти достойныхъ профессоровъ, особенно изъ Дерптскаго института (В. А. Караваевъ, А. П. Матвѣевъ, Ѳ. Цыцуринъ, С. И. Алферьевъ, Х. Я. Гюббенетъ, А. П. Вальтеръ), сразу поставившихъ медицинскую науку и практику на значительный научный уровень и долгое время служившихъ украшеніемъ университета и прибѣжищемъ для больныхъ изъ цѣлаго края.

Несмотря однако на сравнительно удачный выборъ перваго состава профессоровъ университета св. Владиміра, преподаваніе того времени носило и въ Кіевѣ характеръ школьный, далекій отъ жизни и студентовъ; профессора ставили себѣ задачею лишь изложить свою науку по даннымъ программамъ, и вовсе не думали поднять студентовъ къ должному научному уровню, ознакомить ихъ съ методами и приемами самостоятельнаго изученія, а тѣмъ болѣе приготовить изъ нихъ будущихъ дѣятелей просвѣщенія и науки. Профессоры жили своею кружковою жизнію, съ довольно скудными интересами и развлеченіями; немногіе же изъ нихъ, сохранившіе научныя стремленія, уединялись въ своихъ кабинетахъ и занимались разработкою древнихъ памятниковъ, Русской правдою, Судебниками, или же классифицировали мѣстную флору и породы рыбъ и другихъ животныхъ. Студенты въ свою очередь платили имъ тою же монетою, смотрѣли на своихъ наставниковъ какъ на особую породу людей, сочиняли про нихъ остроумные анекдоты и экспромпты; но однако ради экзаменовъ и дипломовъ ходили на лекціи, репетиціи, тяготаясь первыми, а еще болѣе вторыми. До чего существовали упрощенныя, патріархальныя отношенія студентовъ къ преподаванію и изученію можетъ служить иллюстраціей слѣдующій вполне достовѣрный, лично мнѣ извѣстный фактъ. Въ университетѣ св. Владиміра былъ такъ называемый институтъ казенно-коштныхъ воспитанниковъ, которые жили въ университетѣ и должны были держать каждое полугодіе кон-

трольные испытанія. Конечно всё тяготились этимъ, а нѣкоторые старались прямо избѣгать его: въ числѣ послѣднихъ былъ въ 1851—1853 г. одинъ очень способный и милый студентъ, но крайне безпечный и лѣнивый (Л. Ж.—нынѣ уже покойникъ); какимъ то образомъ онъ ухитрился однако получить отпускной билетъ и уѣжалъ на Рождественскія святки, не выполнивъ требуемыхъ семестральныхъ экзаменовъ. Конечно объ этомъ упущеніи деканъ въ свое время сообщалъ инспектору, который патриархально препровождалъ забывчиваго студента въ карцеръ, гдѣ онъ долженъ былъ готовиться къ испытаніямъ и пребывать въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока не выдержитъ требуемыхъ экзаменовъ; въ извѣстные дни студента выпускали изъ карцера, и онъ въ сопровожденіи педеля отправлялся къ своему профессору сдавать экзамень.

Въ настоящее время трудно даже вообразить себѣ подобное положеніе, а между тѣмъ тогда оно казалось довольно обычнымъ и вызывало лишь добродушную улыбку какъ у товарищей и профессоровъ, такъ и у самого потерпѣвшаго.

Въ такомъ именно положеніи засталъ я университетъ св. Владимира, прибывъ въ Кіевъ въ августѣ 1851 г. Можно къ этому прибавить, что въ это время оно стало даже хуже, нежели было въ началѣ 40-хъ годовъ. Нѣкоторые изъ лучшихъ профессоровъ (Неволинъ, Гофманъ, Миддендорфъ, Вернадскій) оставили Кіевъ, другіе, подъ вліяніемъ удручающаго общаго положенія, потеряли бодрое настроеніе духа и забросили науку. Событія 1848—1849 г. вызвали въ правительствѣ еще болѣе суровое и гнетущее направленіе; министра народнаго просвѣщенія графа Уварова смѣнилъ князь Ширинскій-Шихматовъ, кафедрѣ философіи занялъ вмѣсто Ор. Новицкаго профессоръ богословія протоіерей Скворцовъ, Римская республика получила на лекціяхъ странное наименованіе «страна двухъ кунсуловъ»¹⁾ и т. п. Студенты искали выхода для избытка своихъ молодыхъ силъ въ пирушкахъ, картахъ, похожденияхъ съ милыми, но падшими созданіями и нерѣдко въ увлеченіи громили жилища этихъ невольныхъ жрицъ своей несчастной профессіи. Начальство смотрѣло на это снисходительно, считая такія явленія безвреднымъ и естественнымъ развлеченіемъ.

Упомянутое выше пробужденіе русскаго общества съ 1855—56 г. овладѣло конечно и кіевлянами, и въ частности студентами университета св. Владимира, у которыхъ оно обнаружилось съ особою силою и порывами. Одинъ изъ современныхъ студентовъ Вл. М. Юзефовичъ изобра-

¹⁾ Такое названіе изобрѣлъ профессоръ исторіи Ставровскій, когда ему пришлось прочесть лекцію изъ исторіи Римской республики, въ присутствіи министра Ширинскаго-Шихматова, посѣтившаго въ то время Кіевъ.

жаеть въ слѣдующихъ вполнѣ вѣрныхъ чертахъ настроеніе своихъ товарищей 1860—1862 г. (тридцать лѣтъ тому назадъ):

«При той нетерпѣливой жадѣ дѣятельности, которая во время переходныхъ эпохъ охватываетъ всѣхъ и каждого, не было ни одного студента, который не вообразилъ бы себя призваннымъ къ роли общественнаго дѣятеля. Передъ большинствомъ университетской молодежи какъ бы вадернулась завѣса: многія вещи представились имъ въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ они привыкли на нихъ смотрѣть. Всѣ почувствовали себя развитыми и невольно задавали себѣ вопросъ: есть ли развитіе необходимое послѣдствіе знанія? что важнѣе—знаніе или развитіе? И пошла въ ходъ теорія о нецѣлности науки для науки и о томъ, что всякое ученіе должно быть подчинено практическимъ цѣлямъ. Начали заботиться, главнымъ образомъ, о развитіи учениковъ, которыхъ сразу посвящали во всевозможныя соціальныя, политическія и матеріалистическія бредни».

Движеніе кievскихъ студентовъ 1860—1863 г., вызванное указанными выше общими причинами, получило однако въ Кіевѣ особый характеръ, обусловленный особымъ составомъ и настроеніемъ среднихъ и высшихъ слоевъ общества горожанъ и всего Юго-Западнаго края. Въ 30—50 годахъ въ среднихъ и высшихъ классахъ кievлянъ, а равно и въ чиновничьихъ сферахъ значительно выдѣлялся и имѣлъ замѣтное вліяніе элементъ польскій. Въ городѣ жило много богатыхъ польскихъ помѣщиковъ, съ выборными предводителями дворянства, въ канцеляріяхъ и судахъ значительныя и вліятельныя должности заняты были также поляками. Въ университетѣ число поляковъ-студентовъ равнялось, а въ нѣкоторые годы превышало число русскихъ слушателей, при чемъ послѣдніе были большею частію бѣдняки, а первые принадлежали въ большинствѣ къ состоятельному дворянству, вращались постоянно въ обществѣ и отличались внѣшнею воспитанностію. Польскіе студенты того времени видимо стремилась къ поддержанію общей студентской корпораціи, одушевленной общими интересами и нерасположеніемъ къ существовавшимъ порядкамъ; польскіе студенты участвовали въ общихъ студентскихъ совѣщаніяхъ, даже въ преподаваніи въ воскресныхъ школахъ. Общій гнетъ, тяготѣвшій надъ всею умственною жизнію русскаго общества, значительно содѣйствовалъ такому объединенію. Должно однако сказать, что искреннихъ душевныхъ симпатій между студенчествомъ польскимъ и русскимъ не было; тѣ и другіе отличались и духовнымъ строемъ, и образомъ жизни, и соціальными идеалами. Русскіе одушевлялись главнымъ образомъ западно-европейскимъ просвѣщеніемъ и помыслами о реформахъ въ своей внутренней жизни. Студенты-поляки, какъ и все прочее польское общество, жило исключительно національными цѣлями и надеждами; самая свобода и европейская культура

имѣла для нихъ цѣну единственно какъ средство и знамя для достиженія національныхъ задачъ. Въ этихъ видахъ среди поляковъ не только Царства, но и сѣверо и юго-западныхъ губерній существовала съ 30-го года полная политическая организація, собиравшая втайнѣ свои силы, чтобы выступить при первомъ удобномъ случаѣ. Студенты-поляки принадлежали всецѣло этой организаціи, входили въ нее какъ подчиненная часть и точно исполняли ея указанія и требованія.

Стараясь жить съ русскими студентами въ единеніи одной сплоченной корпораціи, польскіе студенты не посвящали однако послѣднихъ въ тайны своей специальной организаціи и строго хранили свои совѣщанія и постановленія, происходившія въ замкнутыхъ, частныхъ и общихъ гминахъ; лишь немногіе русскіе, болѣе прозорливые или освѣдомленные, догадывались, и то не вполне, что поляки-студенты живутъ отдѣльною жизнію и одушевлены исключительно своими національными планами и мечтами.

Само-собою разумѣется, что съ 1855—1856 гг. польская политическая организація должна была расцвѣсти; скоро она приняла демонстративный характеръ, возбуждаемая и поощряемая парижскими эмигрантами; въ Кіевѣ, вслѣдъ за Варшавою и Вильною, стали устраивать уличныя манифестаціи; польскія дамы облеклись въ глубокой трауръ съ эмблемами орловъ и сломанныхъ якорей; въ костелѣ пѣли національные революціонные гимны, въ театрѣ давали польскія возбудительныя пьесы; въ частныхъ польскихъ домахъ происходили непрерывныя оборища, обсуждали мѣры и средства для будущаго возстанія, собирали пожертвованія, назначали вождей, разбирали роли.

Не довольствуясь такою пассивною дѣятельностью, стали скоро стремиться къ открытію дѣйствій и съ этою цѣлію рѣшились пустить въ передовую роль студенческую молодежь, элементъ наиболѣе воспримчивый, пылкій, къ тому же всегда пользующійся снисхожденіемъ и сочувствіемъ старшаго поколѣнія. Первый поводъ къ тому былъ поданъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1861 года: на одной изъ площадей полицейскій чиновникъ читалъ высочайшій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ; толпа сняла шапки и съ благоговѣніемъ слушала радостную вѣсть; одинъ изъ студентовъ (полякъ Пеньковскій) не снялъ шапки, что возбудило неудовольствіе толпы, которая готова была подвергнуть его своей расправѣ, если бы полиція не охранила его.

Объ этомъ происшествіи донесли властямъ — и студентъ былъ удаленъ изъ университета, но на другой день, по представительству университетскаго начальства, снова былъ принятъ. Случай этотъ, не важный самъ по себѣ, и разрѣшившійся удовлетворительно, подалъ однако поводъ къ студенческой демонстраціи, въ которой впервые обрисовались различныя теченія въ средѣ кіевскихъ студентовъ.

Въ сборной залѣ университета собралась огромная сходка студентовъ, въ которой преобладали студенты-поляки, даже рѣчи говорились въ началѣ на польскомъ языкѣ.

По поводу указанного случая съ Пеньковскимъ, предложено было подать генераль-губернатору петицію съ выраженіемъ порицанія полиціи и требованіемъ гарантій, что подобныя насилія не повторятся. Петиція, какъ оказалось, приготовлена была заранѣе, написана въ самыхъ дерзкихъ, вызывающихъ выраженіяхъ.

На сходкѣ студенты-поляки особенно настаивали на важности единодушія, указывали, что въ общихъ студенческихъ вопросахъ никакое разномысліе группъ не должно быть допущено.

Какъ рассказываетъ студентъ того времени, участникъ самой сходки В. М. Юзефовичъ, одинъ изъ польскихъ студентовъ-ораторовъ сослался даже «на общій парламентарный порядокъ, гдѣ всегда вырабатывается одно рѣшеніе большинства, которому должно подчиниться меньшинство. Собраніе студентовъ не должно отступать отъ такого вѣкового начала, иначе къ чему собраніе, обсужденіе, если меньшинство сочтетъ себя вправѣ выступить самостоятельно. Требованіе единогласія составило бы деспотизмъ меньшинства, возобновило бы погубившее Польшу veto, приговоръ которому произнесла исторія».

Мы уже указывали раньше, что искренняго душевнаго расположенія и довѣрія между студентами-поляками и русскими, особенно малороссами, не было. Заносчивость, театральная искусственность польскихъ вождей и ораторовъ, слишкомъ настойчивое требованіе подчинить себѣ русское меньшинство вызвало у послѣднихъ сомнѣніе и оппозицію. Особенно повредила явно-тенденціозная рѣзкость петиціи; болѣе чуткіе и знакомые съ національными помыслами поляковъ отгадывали, что дѣло затѣяно не ради гарантій, а для демонстраціи, съ тѣмъ чтобы вызвать репрессивныя мѣры правительства, которыя раздражили бы самыхъ умѣренныхъ.

Одинъ изъ представителей русскихъ студентовъ, Стояновъ указалъ прямо на дѣйствительное положеніе вещей. Онъ высказалъ, «что нельзя допустить, чтобы одна часть студентовъ, хотя бы и болѣе многочисленная, обращала въ простое орудіе другія группы. Извѣстно, что въ настоящее время польскіе студенты всецѣло охвачены своею особою организаціею и національнымъ дѣломъ, что университетъ не служитъ для нихъ связующей умственной и нравственной силою, что ближайшія ихъ задачи слить университетъ съ національнымъ польскимъ движеніемъ, сдѣлать его солидарнымъ съ уличными демонстраціями и обще-польскою справой». Рѣчи Стоянова и другихъ, особенно М. Драгоманова (тогдашній студентъ), оказали свое вліяніе: студенты не-поляки раздѣлились на три самостоятельныя группы, предложили полякамъ образовать свою

отдѣльную группу, отвергли самую подачу петиціи по поводу Пеньковского и постановили, чтобы впредь въ общихъ студенческихъ вопросахъ обсуждать дѣла и подавать голоса по числу группъ, а не по общему числу студентовъ.

Кіевскіе польскіе студенты и въ особенности руководители общей польской организаціи болѣе всего боялись подобнаго раздѣленія студентовъ, нарушавшаго завѣтное желаніе втянуть университетъ въ общепольскія волненія, и потому студенты польскіе отказались отъ подачи петиціи.

Въ то же время бывшій попечитель Пироговъ обратился къ студентамъ съ увѣщаніемъ прекратить волненія, взяться за свое прямое дѣло—ученіе и подготавливать себя научно къ будущей дѣятельности. Призывъ попечителя оказалъ вліяніе: сходки прекратились, а вскорѣ послѣ того Пироговъ оставилъ должность попечителя и уѣхалъ въ свою деревню.

Не достигнувъ своихъ цѣлей, основанныхъ на происшествіи съ Пеньковскимъ, польская организація не оставила своихъ надеждъ добиться единомыслія всѣхъ студенческихъ кружковъ при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ.

Осенью 1861 года, польскіе студенты возвратились изъ деревень съ настроеніемъ еще болѣе обостреннымъ и вслѣдъ за этимъ начались студенческія сборища и волненія въ университетскихъ залахъ, въ которыхъ преобладало большинство поляковъ. Мѣстная администрація была наконецъ вынуждена принять какія-нибудь мѣры къ обузданію публичныхъ демонстрацій и съ этой цѣлью предписано было полицейскимъ записывать болѣе выдающихся агитаторовъ, дѣйствующихъ въ публичныхъ мѣстахъ; въ одинъ изъ праздниковъ толпа студентовъ бросилась на полицейскаго, производившаго запись, сбросила его съ довольно высокаго крыльца костела и подвергла сильному побоямъ. Вслѣдъ за этимъ толпа польскихъ студентовъ вошла въ университетъ, съ крикомъ, шумомъ и пѣніемъ направилась въ сборный залъ, сорвала и разорвала всѣ распоряженія высшаго и учебнаго начальства, висѣвшія съ рамкахъ.

За первымъ движеніемъ послѣдовали другія, принимавшія все болѣе насильственный характеръ. При такомъ положеніи вещей университетское начальство ясно увидѣло, что настоящія волненія составляютъ не случайное недовольство по недоразумѣнію или за какую-нибудь ошибку инспекціи и что дальнѣйшее пассивное ожиданіе успокоенія вредно и опасно для самихъ студентовъ, желающихъ сохранить порядокъ и заниматься наукою, а потому рѣшилось на мѣры, которыя были въ его средствахъ и власти. Во главѣ университета стоялъ въ то время незабвенный Н. Х. Бунге, о которомъ я упоминалъ въ началѣ, попечителемъ же былъ баронъ А. П. Николай, извѣстный впоследствии кав-

казскій дѣятель, позже министр народнаго просвѣщенія и членъ Государственнаго Совѣта. Подлѣ Н. Х. Бунге сгруппировался кружокъ профессоровъ, высоко просвѣщенныхъ, глубоко искреннихъ и преданныхъ университету. Ректоръ Бунге съ своими ближайшими товарищами-профессорами знали настроеніе студентовъ, пользовались общимъ ихъ уваженіемъ и сочувствіемъ и имѣли среди ихъ даровитыхъ и преданныхъ учениковъ. Замѣтивъ, что среди студентовъ образовались отчетливо отдѣльныя группы, каждая съ своими взглядами и цѣлями, и что студенты-поляки, охваченные общею польскою организаціею, вовсе не склонны поддерживать въ университетѣ порядокъ и охранять неприкосновенность университета, они рѣшились опереться на эту группировку и соединить не-польскія группы студентовъ, хотя и малочисленныя, во имя просвѣщенія и науки, предоставивъ польскихъ студентовъ своей судьбѣ, къ которой они стремились, къ несчастію, такъ неудержимо и ослѣпленно. На послѣдующихъ затѣмъ сходкахъ русскіе студенты рѣшительно возстали противъ польской группы и составили сплоченную оппозицію. Дѣло сопровождалось ссорами, бранью, раздраженные польскіе студенты съ укоризною бросили аудиторію, въ которой происходила сходка.

Тѣмъ не менѣе русская оппозиція отстояла свою самостоятельность, утвердивъ адресъ, не одобрявшій дѣйствій польскихъ студентовъ въ университетѣ и призывавшій всѣхъ къ научнымъ занятіямъ и уваженію къ университету. Одобренный адресъ былъ написанъ въ 3-хъ экземплярахъ, въ тождественныхъ выраженіяхъ и предложенъ на той же сходкѣ къ немедленному подписанію всѣхъ присутствовавшихъ. Всѣхъ подписей оказалось 165 и въ числѣ подписавшихся есть не мало лицъ, сдѣлавшихся впоследствии извѣстными профессорами или занимающихъ видныя мѣста, таковы: В. Антоновичъ, М. Будановъ, Н. А. Бунге, нынѣшній попечитель одесскаго округа Х. Сольскій, Н. Забугинъ, Стояновъ, В. Юзефовичъ, В. Хижняковъ, Боровиковскій и нынѣ покойные В. Субботинъ, М. Драгомановъ, Перемѣшко и многіе другіе.

На той же сходкѣ было выбрано пять депутатовъ изъ студентовъ: Стояновъ, Нечипоренко, Н. Орловъ, Шульженко и Волчанецкій, которымъ поручено было немедленно представить адресъ попечителю барону Николаю.

Вотъ этотъ адресъ вмѣстѣ съ тремя подписанными листами, сохранившимися въ подлинникѣ въ бумагахъ Н. Х. Бунге:

«Его превосходительству, господину попечителю кіевскаго учебнаго округа, дѣйствительному статскому совѣтнику и камергеру, барону Александру Павловичу Николаю.

«Волненія, производимыя въ Кіевѣ польскимъ населеніемъ, не остались безъ вліянія и на университетъ.

«Польскіе студенты Кіевского университета, идя за-одно съ польскимъ обществомъ, принимаютъ въ нихъ участіе.

«До тѣхъ поръ, пока съ этими волненіями не было связано имя университета—всякій зналъ, что въ нихъ принимаютъ участіе одни только польскіе студенты.

«Но послѣ страннаго поступка большей части польскихъ студентовъ и весьма немногихъ, не понимавшихъ впрочемъ дѣла, русскихъ, уничтожившихъ 9-го октября 1861 года всѣ объявленія въ сборной залѣ университета и заявившихъ тѣмъ свое неудовольствіе противъ новыхъ правилъ самымъ неумѣстнымъ и необдуманнѣмъ образомъ, упрекъ можетъ пасть на всѣхъ студентовъ Кіевского университета.

«Послѣдній поступокъ, несмотря на характеръ ребяческаго увлеченія, возбудилъ сильное негодованіе значительной части студентовъ, тѣмъ болѣе, что имъ заявлено было полное неуваженіе къ постановленіямъ университетскаго совѣта.

«Въ довершеніе всего, 10-го октября въ сборной залѣ университета, группа польскихъ студентовъ оскорбила насильственнымъ образомъ въ лицѣ одного студента-еврея, всѣхъ студентовъ Кіевского университета.

«Имѣя въ виду спокойствіе университета, какъ учрежденія, приносящаго великую пользу здѣшнему краю, тѣмъ болѣе, что спокойствіе его обуславливаетъ существованіе бесплатныхъ школъ для народнаго образованія, мы, нижеподписавшіеся, по порученію 162 человекъ малорусскихъ и русскихъ студентовъ Кіевского университета, имѣемъ честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства, что они, не сочувствуя несвоемѣстнымъ вспышкамъ польскихъ студентовъ, противорѣчащимъ нуждамъ университета и Южно-Русскаго края, не намѣрены принимать въ нихъ никакого участія и положительно противъ нихъ протестуютъ, именно потому, что во всѣхъ этихъ вспышкахъ, кромѣ ребяческаго характера, проявляются сильныя стремленія чуждой національности въ край, совершенно не польскомъ.

«Полагая, что заявленіе несочувствія подобнымъ демонстраціямъ должно быть извѣстно здѣшнему обществу, смотрящему въ послѣднее время на университетъ, какъ на причину всѣхъ волненій въ городѣ, мы покорнѣйше просимъ ваше превосходительство дозволить, чтобы заявленіе это было опубликовано въ мѣстной газетѣ. 12-го октября 1861 г. Подпись: А. Стояновъ, И. Ничипоренко, Н. Орловъ, Н. Шульженко, М. Волчанецкій».

Баронъ Николай не призналъ возможнымъ печатать адресъ въ мѣстной газетѣ, а предпочелъ передать его въ тотъ же день ректору для обсужденія въ совѣтѣ, хотя, по уставу того времени, подобныя предметы не относились къ вѣдомству совѣта. Попечитель очевидно желалъ и надѣялся найти въ послѣднемъ опору и поддержку настроенію студен-

товъ. Вотъ письмо барона Николаи и записка правителя его канцеляріи Губера, при которыхъ были пересланы ректору какъ адресъ, такъ и три подписные листа:

М. Г., Николай Христіановичъ!

Студенты, подавшіе мнѣ протестъ противъ бывшихъ безпорядковъ, изъявили мнѣ желаніе, чтобы этотъ протестъ былъ сегодня же предъявленъ въ совѣтъ университета. Находя такое желаніе весьма основательнымъ, я распоряджусь, чтобы вамъ былъ доставленъ, къ 6-ти часамъ, подлинный протестъ; а теперь препровождаю 3 черновые листа, съ подлинными подписями, которые, согласно желанію тѣхъ же господъ, должны храниться у васъ, какъ доказательство подлинности подписей.

Примите увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи и преданности. Баронъ А. Николаи ¹⁾.

Совѣтъ университета въ тотъ періодъ времени собирался обыкновенно черезъ каждыя двѣ недѣли, по пятницамъ, и засѣданія его, ограничивавшіяся формальною стороною учебнаго дѣла, были довольно безсодержательны и очень кратки; можно сказать, что это былъ первый существенный и живой вопросъ, предложенный его обсужденію. Ректоръ Н. Х. Бунге изложилъ подробно ходъ безпорядковъ и настроеніе студентовъ, прочелъ петицію ихъ и подтверждающіе ее подписные листы, и совѣтъ въ томъ же засѣданіи 13-го октября постановилъ:

«Нарушеніе спокойствія и порядка въ университетѣ срываніемъ объявленій, содержавшихъ въ себѣ опредѣленія совѣта, крикъ и шумъ въ корридорахъ и въ сборной залѣ во время лекцій, сцены насилія и высказанныя при этомъ притязанія, возбудили глубокое негодованіе совѣта, обязаннаго охранять высшіе научные интересы въ краѣ и доставлять молодымъ людямъ, приготавливающимъ себя къ серьезной общественной дѣятельности, всѣ средства для ученыхъ занятій. Совѣтъ, признавая, что университетъ только тогда отвѣчаетъ своему призванію, когда онъ ставитъ выше всѣхъ интересовъ науку и просвѣщеніе, считаетъ не только своимъ долгомъ заявить гласно свое негодованіе, по поводу происходившихъ въ университетѣ безпорядковъ, но признаетъ необходимымъ, для предупрежденія ихъ въ будущемъ, просить о скорѣйшемъ

¹⁾ Записка правителя канцеляріи Губера къ ректору, при коей были препровождены документы:

„Студенты, подписавшіе прилагаемый при семъ протестъ, желаютъ, чтобы онъ былъ сегодня заслушанъ въ совѣтъ университета. Г. понечитель не только согласенъ на это, но находитъ весьма полезнымъ, если просьба студентовъ будетъ уважена, и поручилъ мнѣ сейчасъ же переслать протестъ къ вамъ, съ просьбою передать его сегодня на обсужденіе совѣта“.

Вашъ покорный слуга Губеръ.

осуществленіи предположеній совѣта, относительно преобразованія учебной и административной части, и сдѣлать то, что отъ него зависитъ, для охраненія вѣренныаъ ему интересовъ науки.

«Согласно съ этимъ совѣтъ опредѣлить:

1) Возобновить представленія, сдѣланныя совѣтомъ относительно устройства учебной и административной части университета, въ интересахъ распространенія высшаго образованія.

2) Объявить гг. студентамъ и вольнослушателямъ, что въ случаѣ повторенія бывшихъ безпорядковъ и невозможности остановить ихъ силою нравственнаго уваженія къ наукѣ, совѣтъ предвидитъ, что охраненіе тишины и спокойствія въ университетѣ можетъ подпасть постороннему вѣдомству.

3) Въ видахъ огражденія достоинства университета, предложить всѣмъ гг. студентамъ и вольнослушателямъ, раздѣляющимъ взглядъ совѣта, какъ на дѣль университета, такъ и на происходившіе безпорядки, подписать слѣдующее:

«Мы, нижеподписавшіеся, признаемъ срываніе постановленій совѣта, касавшихся научныхъ нашихъ интересовъ, нарушеніе правильнаго хода занятій и проявленіе кулачнаго права—поступками несовмѣстными съ достоинствомъ ученаго сословія и препятствующими совѣту университета употреблять свое нравственное вліяніе для облегченія условій къ пріобрѣтенію нами высшаго образованія, а потому будемъ употреблять съ своей стороны всѣ старанія для поддержанія чести и достоинства университета».

Профессоры, для скорѣйшаго исполненія вышензложеннаго опредѣленія, приняли на себя обязанность объявить его гг. студентамъ и съ ключительно въ понедѣльникъ, 16-го октября, на своихъ лекціяхъ и подписанные листы передать ректору, для представленія въ совѣтъ—въ экстраординарное засѣданіе, во вторникъ, 17-го октября ¹⁾.

По поводу перваго пункта постановленія совѣта необходимо пояснить, что университетскій уставъ (1843 г.) и университетскіе порядки, образовавшіеся въ періодъ 40-хъ годовъ, оказались вполнѣ устарѣлыми и несоотвѣтствующими ни задачамъ высшаго образованія въ Россіи, ни новому направленію правительства и общества, вслѣдствіе чего еще въ послѣдніе годы министерства А. С. Норова и особенно въ министерство Е. П. Ковалевскаго былъ возбужденъ вопросъ о необходимости измѣненій стараго университетскаго устава, и съ этой цѣлью министерство сдѣлало запросы университетамъ, какіе пункты оказались особенно недостаточными.

¹⁾ Черновою проектъ протокола сохранился въ бумагахъ Н. Х. Бунге; написанъ имъ собственноручно.

Совѣтъ университета св. Владимира высказался за необходимость назначенія профессоровъ по конкурсу и выбору совѣтскихъ коллегій, за избраніе ректора и декановъ и полную реформу инспекціи, причемъ совѣтъ полагалъ наилучшимъ: возложить инспекторскія обязанности на одного изъ профессоровъ, подъ титуломъ проректора, по избранію совѣта и утвержденіи министра; совѣтъ надѣялся, что профессоръ-проректоръ внесетъ облагораживающее и научное вліяніе въ свои инспекторскія отношенія къ студентамъ, и что это всего скорѣе поведетъ къ взаимному довѣрію, уваженію и къ успокоенію студентовъ.

Уставъ 1863 года осуществилъ указанную надежду, введя выборнаго проректора, но должно признать, что это оказалось одной изъ наименѣе удачныхъ мѣръ. Идеалисты упустили изъ виду, что при самыхъ доброжелательныхъ отношеніяхъ проректора среди молодежи всегда могутъ оказаться лица съ поведеніемъ недоброжелательнымъ, и что инспекція по самому существу заключаетъ въ себѣ тягостныя обязанности контроля и принятія необходимыхъ мѣръ исправленія и взыскаія. Поэтому должность профессора несомнѣстима съ обязанностями инспектора. На самомъ дѣлѣ оказалось, что профессоръ, избранный проректоромъ, или вовсе не исполнялъ проректорскаго дѣла, возлагая его на волю судьбы и своихъ помощниковъ, или же, рѣшаясь дѣйствительно исполнять свои обязанности, тотчасъ замѣчалъ ложность своего положенія и выходилъ въ отставку, изнемогая въ непосильной и неблагодарной борьбѣ.

Согласно постановленію совѣта отъ 13-го октября, профессора въ своихъ аудиторіяхъ предложили студентамъ обратить серьезное вниманіе на призывъ совѣта и отнестись къ нему съ вполне заслуженнымъ довѣріемъ и уваженіемъ. Вслѣдъ за симъ были выставлены въ аудиторіяхъ и въ сборной залѣ подписныя листы, которые на другой же день были доставлены ректору съ подписями на нихъ 294-хъ студентовъ. Въ чрезвычайномъ экстренномъ засѣданіи 17-го октября постановлено слѣдующее:

«Въ виду беспорядковъ, происходившихъ въ университетѣ, совѣтъ не счелъ себя вправѣ оставаться въ бездѣйствіи. Не присвоивая себѣ обязанностей, на него не возложенныхъ—ислѣдованія и суда проступковъ, онъ полагалъ своимъ долгомъ изыскать общія мѣры, ограждающія успѣшное развитіе высшаго образованія въ краѣ. Для этого онъ счелъ необходимымъ обратиться непосредственно къ студентамъ, уяснивъ имъ свою цѣль и свои стремленія и пригласивъ раздѣляющихъ его взглядъ заявить о томъ совершенно добровольно подпискою. Гг. студенты не имѣли повода подозрѣвать, что совѣту нужны были именныя списки, для исключенія не подписавшихся студентовъ. Такое намѣреніе, если бы оно существовало, было бы высказано открыто. Совѣтъ

хотѣлъ знать: въ какой мѣрѣ научные интересы имѣютъ силу и жизненность въ его стѣнахъ, въ какой степени его мирная дѣятельность ограждена нравственнымъ авторитетомъ науки, и потому не нуждается въ иной защитѣ.

«Студентовъ, сразу изъявившихъ сочувствіе чисто научнымъ стремленіямъ совѣта, оказалось 294. Принимая во вниманіе, что и между неподписавшимися студентами есть такіе, которые раздѣляютъ взглядъ совѣта, но по краткости времени, назначеннаго для подписки, не успѣли записать свои имена, совѣтъ не можетъ однако же не признать, что только меньшинство студентовъ понимаетъ, согласно съ нимъ, цѣль университета. Существованіе этого меньшинства налагаетъ на совѣтъ обязанность, съ одной стороны—способствовать самостоятельнымъ научнымъ занятіямъ молодыхъ людей, которые серьезно смотрятъ на свою будущность, а съ другой—силою нравственнаго вліянія науки содѣйствовать правительству въ дѣлѣ улучшенія университетскаго устройства.

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ убѣдился нынѣ, что предположенія его относительно назначенія проректора изъ профессоровъ, вмѣсто инспектора, отдаются на неопредѣленное время. Совѣтъ съ крайнимъ сожалѣніемъ видитъ, что управленіе университетское едва ли можетъ ограничиться сферою чисто научныхъ интересовъ. Если бы должность проректора была установлена теперь, то профессоръ, принявшій на себя эти обязанности, вскорѣ былъ бы поставленъ въ отношенія, чуждыя его ученой дѣятельности. Не опасеніе отвѣтственности заставляеть профессоровъ отклонять отъ себя нынѣ принятіе званія проректора, а колебаніе, заявленное студентами, относительно признанія значенія университетской науки—этой главной нравственной силы, на которую можетъ опираться профессоръ въ своихъ отношеніяхъ къ студентамъ.

«Опытъ, впрочемъ, покажетъ вскорѣ, на сколько отнынѣ соблюденіе порядка и тишины въ университетѣ будетъ ограждено уваженіемъ къ наукѣ. Согласно съ этимъ опредѣлится самый образъ дѣйствій совѣта, который никогда не отступитъ отъ выраженнаго имъ взгляда на университетское образованіе и на характеръ своей дѣятельности.

«Въ заключеніе совѣтъ извѣщаетъ гг. студентовъ, что съ настоящаго дня всѣ заявленія по вопросу, возбужденному опредѣленіемъ совѣта 13-го октября, прекращаются»¹⁾).

Такъ закончились студенческія волненія 1861 года въ университетѣ св. Владиміра.

Студенты-поляки, убѣдившись въ рѣшительной невозможности втя-

¹⁾ Черновой проектъ протокола также составленъ самимъ Н. Х. Бунге.

нуть университетъ въ обще-польскія демонстраціи, прекратили въ университетѣ сходки и еще полнѣе присоединились къ революціонной организаціи, а въ 1863 году почти всѣ оставили самый университетъ.

Послѣ прекращенія возстанія число принимаемыхъ въ университетъ св. Владиміра поляковъ было ограничено 20%, общаго числа студентовъ, но оно далеко не достигало этой цифры и лишь въ послѣдніе годы нѣсколько возвысилось.

Постановленіе совѣта 17-го октября было представлено попечителемъ округа г. министру народнаго просвѣщенія, при чемъ совѣтъ присоединилъ ходатайство объ ускореніи предполагаемыхъ измѣненій въ университетскомъ уставѣ. На представленіе попечителя объ участіи совѣта въ успокоеніи университета, министръ народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ отвѣчалъ нижеслѣдующимъ письмомъ:

С.-Петербургъ, 17-го ноября 1861 г.

Милостивый государь

баронъ Александръ Павловичъ!

«Нѣсколько разъ собирался я писать къ вашему превосходительству по поводу сообщенныхъ вами двухъ печатныхъ постановленій совѣта университета св. Владиміра съ отношеніемъ г. ректора, но непрерывныя заботы, очень понятныя въ настоящее время, доселѣ препятствовали мнѣ имѣть это истинно душевное удовольствіе, потому что не могу иначе назвать того чувства, которое возбудили во мнѣ достойныя дѣйствія всѣхъ вообще профессоровъ Киевскаго университета, по случаю волненій студентовъ онаго. Въ этихъ дѣйствіяхъ вполне выразилась ихъ горячая любовь къ наукѣ, университету и обучающемуся въ немъ юношеству, ихъ свѣтлый взглядъ на отношеніе къ симъ послѣднимъ, и особенная заботливость о нихъ. Радуюсь за Киевскій университетъ, я не могу не просить ваше превосходительство выразить отъ меня почтенному его ученому сословію то искреннее уваженіе и совершенное сочувствіе, съ которымъ такъ естественно отнеслись къ прекрасному явленію не изъ официальныхъ побужденій, но свойственно потому самому, что оно прекрасно и невольно вызываетъ на сочувствіе.

Прося принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности, имѣю честь быть и проч.»

Несмотря на успѣшность перваго самостоятельнаго участія совѣта въ успокоеніи студентовъ, несмотря на полную симпатичность принятыхъ имъ мѣръ, нельзя однако не признать, что успѣхъ этотъ въ значительной степени обусловленъ былъ какъ общимъ настроеніемъ, такъ и мѣстными условіями: тогдашнее мѣстное русское общество, а равно и молодежь вовсе не раздѣляли желаній и цѣлей польской организаціи;

они сходились съ послѣднею только въ общихъ цѣляхъ свободы и европейской культуры и никогда не думали смѣшать судьбу Южно-русскаго края съ небольшимъ кружкомъ польскаго дворянства и шляхты.

Поэтому, какъ только уяснилось, что подъ свѣтлымъ знаменемъ свободы и европейскаго просвѣщенія таится намѣреніе подчинить нѣсколько милліоновъ русскаго населенія польскому порядку, мѣстное русское общество и молодежь отшатнулись отъ него и заявили свое право на самостоятельное положеніе и развитіе.

Бывшіе руководители университета, вѣрно понявъ это общественное настроеніе, оперлись на лучшія, хотя и малочисленныя силы студентовъ и вышли съ торжествомъ изъ темной и удушливой атмосферы польскихъ сходовъ и волненій. Безъ такой опоры мѣры и призывы совѣта едва ли могли привести къ столь отраднымъ результатамъ.

Передавая въ печать приложенные документы и личныя воспоминанія, мы далеки отъ мысли устанавливать связь между прошлыми и нынѣшними событіями, а равно искать сходства въ составѣ общественныхъ силъ въ способахъ и задачахъ дѣйствій. Истекшіе съ 1861 г. почти 40 лѣтъ событія глубоко измѣнили русское общество: двадцать милліоновъ крѣпостныхъ стали свободными и, что бы ни говорили, но свѣтъ грамотности, сознаніе своихъ правъ и своего положенія мало-по-малу проникаютъ въ темныя массы русскаго крестьянства, бывшаго 40 лѣтъ назадъ несчастнымъ орудіемъ благосостоянія и затѣй нѣсколькихъ тысячъ чел. польскаго дворянства. Народился за этотъ періодъ классъ средней интеллигенціи, такъ называемыя свободныя профессіи, которыхъ 40—50 лѣтъ назадъ почти не было; образовалось новое распределеніе социальныхъ элементовъ и иное ихъ отношеніе.

Поэтому необходимо искать объясненій нынѣшнихъ студенческихъ волненій, независимо отъ ближайшихъ частныхъ поводовъ, и въ измѣнившихся условіяхъ общества.

Конечно, въ настоящую минуту невозможно указать на всѣ дѣйствующія внѣшнія и внутреннія причины, но, насколько обрисовались событія, позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующія замѣчанія:

а) Едва ли можно отрицать, что въ послѣдніе годы обнаружилась нѣкоторая неустойчивость въ теченіи русскою жизни, господствовавшая съ 1881 года.

б) Движеніе русскаго общества, обнаружившееся въ 1860 годахъ, имѣло свои корни во всѣхъ слояхъ общества и вызывалось причинами глубокими, дѣйствительными, понятными каждому; нынѣшнее движеніе, хотя проявилось почти во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и охватило нѣсколько тысячъ молодыхъ людей, отличается характеромъ поверхностнымъ, бѣдностію мысли. Нынѣ, даже болѣе дѣятельные агитаторы-студенты не знаютъ чего хотятъ и чего могутъ до-

стигнуть; масса же идетъ стаднымъ образомъ, увлекаемая случайнымъ товариществомъ и новизною ощущеній. Путаница и слабость мысли всего яснѣе обнаруживается въ прокламаціяхъ и заявленіяхъ студентовъ, доказывающихъ незнакомство съ элементарными условіями жизни и нескладность даже изложенія. Въ этомъ отношеніи студенты-руководители 1861 года стояли значительно выше, были гораздо просвѣщеннѣе, болѣе уважали себя и другихъ, отчетливо сознавали цѣли и предѣлы достижимаго; въ самые горячіе моменты общаго волненія они не теряли уваженія къ наукѣ и университету; мысль о насиліяхъ, о прекращеніи научныхъ занятій была имъ чужда. Лучшимъ доказательствомъ высоты умственнаго и моральнаго развитія тогдашнихъ студентовъ можетъ служить какъ поданная ими петиція, такъ и то, что изъ 294 подписавшихся вышли десятки извѣстныхъ впоследствии профессоровъ и почтенныхъ общественныхъ дѣятелей.

Насъ могутъ упрекнуть въ пристрастія старости, которая болѣе цѣнитъ свое прошлое; но преподавая и экзаменуя въ многочисленномъ юридическомъ факультетѣ въ теченіе 43 лѣтъ, я кажется вправѣ думать, что болѣе или менѣе знакомъ со степенью просвѣщенія и съ запасомъ свѣдѣній студентовъ позднѣйшихъ генерацій, и долженъ съ грустью сказать, что ежели оканчивающіе нынѣ студенты и знаютъ выученные ими спеціальныя курсы, то общая ихъ просвѣщенность, знакомство съ новѣйшею исторіею, съ европейскою литературою, съ значеніемъ новыхъ общественныхъ явленій и даже съ ученіями общественныхъ наукъ чрезвычайно слабы. Самое міросозерцаніе ихъ основано на нѣсколькихъ одностороннихъ и скудныхъ переводныхъ книжкахъ по социологіи и психологіи, авторитетъ которыхъ давно ослабѣлъ въ просвѣщенныхъ кругахъ Западной Европы.

Въ до-реформенное время огромное большинство оканчивающихъ гимназистовъ, при полномъ застоѣ общества, даже не думало о высшемъ образованіи и примирялось съ ролью столоначальниковъ, секретарей канцелярій, чиновниковъ особыхъ порученій; изъ 20-ти человекъ шли въ университетъ 3, 4 человекъ болѣе даровитыхъ и подготовленныхъ (кромѣ гимназій въ университетскихъ городахъ), отъ того составъ учащихся студентовъ былъ тогда выше. Въ настоящее время не то: образовались новыя сферы дѣятельности, расширились старыя, измѣнились условія государственной службы. Но учащіеся хорошо понимаютъ, что при господствующихъ въ обществѣ воззрѣніяхъ и нравахъ одни дарованія, одинъ трудъ, даже личныя заслуги, безъ легитимациі университета или же безъ связей и богатства, не открываютъ путей, не создаютъ положенія и даже не обезпечиваютъ средняго уваженія къ личности и ея правамъ. Отъ того не одни даровитые и лучшие, но вся масса оканчивающихъ среднія училища бьется въ двери университетовъ

и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній; даже воспитанники, не чувствующіе ни призванія, ни способностей, ни готовности трудиться, стремятся добыть себѣ университетскіе дипломы. Оттого-то нынѣшніе студенты въ массѣ стоятъ ниже прежнихъ, не дорожатъ своимъ временемъ и трудомъ, не считаютъ университеты своей духовною матерью, съ которою они связаны всѣми силами просвѣщенія, и съ легкимъ сердцемъ бросая научныя занятія, устраиваютъ забастовки и обструкціи.

Профес. Н. К. Ренненкампфъ.

Собственноручное письмо гр. Растопчина ген. Барклаю-де-Толли.

25-го іюля 1812 года.

По неизвѣстности о военныхъ дѣйствіяхъ войскъ, подъ начальствомъ вашего высокопревосходительства состоящихъ, для успокоенія цѣлаго города и собственныхъ моихъ соображеній, я рѣшился отправить отъ себя, избравъ по способности, титулярнаго совѣтника Вороненко въ Смоленскъ и въ главную квартиру вашу, препоруча ему отправленіе нарочныхъ съ эстафетами и извѣщеніями, кои отъ васъ или по приказанію вашему къ нему доставлены будутъ. Я его снабдилъ нужными на расходы деньгами, покорнѣйше васъ прося принять на себя трудъ быть главнымъ орудіемъ спокойствія столицы. Незвѣстность и нетерпѣливость знать происшествія и подвиги ваши будутъ совершенно уничтожены свѣдѣніями, отъ васъ же получаемыми, и офиціальное одно извѣщеніе, чрезъ курьера или эстафетой, заградитъ ходы всѣмъ вздорамъ и заключеніямъ, свойственнымъ большому городу.

Въ прочемъ съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью имѣю честь пребыть вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшимъ слугою.

Сообщилъ А. З. Мышляевскій.

Прекращеніе ссылки въ Сибирь.

Государь императоръ, по рассмотрѣніи вопроса о ссылкѣ и каторгѣ соизволилъ принять во вниманіе нижеслѣдующее:

Установленная еще въ XVII столѣтіи ссылка преступниковъ въ Сибирь нѣкогда содѣйствовала заселенію этого обширнаго и обильнаго естественными богатствами края, нуждавшагося въ рабочихъ силахъ для проведенія дорогъ, постройки крѣпостей и воздѣлыванія государственныхъ земель; съ теченіемъ же времени въ тѣсную связь съ ссылкой была приведена и самая каторга. Но, по мѣру того, какъ стали прибывать въ Сибирь все въ большемъ и большемъ числѣ свободные переселенцы, созидавшіе честнымъ, тяжелымъ трудомъ свое благосостояніе въ дотолѣ пустынной странѣ, дальнѣйшее направленіе туда ссылныхъ оказывалось не только бесполезнымъ, но и вреднымъ для края. Между тѣмъ, ссылка и каторга въ Сибири заняли первенствующее мѣсто въ строѣ карательныхъ учрежденій Имперіи. Трудность продолжительнаго пѣшеэтапнаго слѣдованія въ этотъ дальній край и всевозможныя лишенія, ожидавшія сосланнаго на мѣстѣ его водворенія, придавали ссылкѣ значеніе тяжкаго, устрашающаго наказанія, а крайняя затруднительность возвращенія на родину побуждала видѣть въ ссылкѣ наиболѣе надежную мѣру для огражденія мѣстностей Европейской Россіи отъ вредныхъ людей. Съ усовершенствованіемъ путей сообщенія и способовъ пересылки арестантовъ, а равно съ общимъ культурнымъ развитіемъ Сибири, ссылка постепенно утрачивала свой карательный характеръ, вредъ-же, наносимый ею Сибири, съ каждымъ годомъ усугублялся. Въ настоящемъ ея видѣ она служитъ въ большей части случаевъ лишь къ развращенію какъ самихъ сосланныхъ, такъ и мѣстнаго населенія, а частые побѣги съ мѣстъ поселенія вызываютъ

появленіе во внутреннихъ губерніяхъ бездомныхъ бродягъ, увеличивающихъ собою классъ людей, опасныхъ для мирнаго населенія. Въ равной мѣрѣ и каторга, являющаяся въ установленной законами лѣстницѣ наказаній наиболѣе тяжкою карательною мѣрою, въ дѣйствительности потеряла, въ значительной степени, свойство таковой и потому требуетъ кореннаго преобразованія.

Такое положеніе ссылки и каторги составляло предметъ царственныхъ заботъ въ Бозѣ почивающихъ императоровъ Александра II и Александра III, преуказавшихъ необходимость измѣненія дѣйствующихъ по сему предмету законоположеній.

Приемля сіи заботы, какъ завѣтъ, отъ предковъ унаслѣдованный, и усматривая въ ссылкѣ тяжкое бремя для Сибири и препятствіе на пути гражданскаго преуспѣянія этого края, призываемаго нынѣ къ востороннему обновленію, Его Величество Государь Императоръ, въ 6-й день мая 1899 года высочайше повелѣтъ соизволилъ: приступать къ безотлагательному разрѣшенію вопроса объ отмѣнѣ или ограниченіи ссылки, назначаемой какъ по суду, такъ и въ порядкѣ административномъ, по приговорамъ мѣщанскихъ и сельскихъ обществъ.

Итакъ отнынѣ, державною волею, ссылка въ Сибирь будетъ прекращена. Полагаемъ, что читателямъ «Русской Старины» не безынтересно будетъ знать, что ровно 25 лѣтъ тому назадъ былъ человѣкъ, который, видя въ прекращеніи ссылки въ Сибирь государственное значеніе, усиленно хлопоталъ объ этомъ. Это былъ недавно скончавшійся членъ Государственнаго Совѣта генералъ-адъютантъ К. Н. Посыеть.

Константинъ Николаевичъ Посыеть родился 21-го декабря 1819 г.; онъ происходилъ изъ старинной французской дворянской фамиліи, одинъ изъ членовъ которой переселился въ Россію еще при Петрѣ Великомъ. Окончивъ свое воспитаніе въ 1835 году въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, К. Н. вскорѣ же обратилъ на себя вниманіе начальства и, въ 40-хъ годахъ, получилъ отъ адмирала Путятина порученіе заняться пересмотромъ нашего устава судового ученья; плодомъ этой работы явился въ 1847 г. трудъ К. Н. «Артиллерійское ученье», обратившій на себя вниманіе специалистовъ и послужившій поводомъ къ ряду нововведеній въ нашемъ флотѣ, оказавшихся весьма цѣнными при послѣдующихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Спустя два года, именно въ 1849 г., вышелъ въ свѣтъ новый трудъ К. Н. Посыета «Вооруженіе военныхъ судовъ»—трудъ, явившійся настолько цѣннымъ вкладомъ въ военноморскую литературу, что сразу же сдѣлался настольною книгою для всѣхъ ученыхъ моряковъ и былъ увѣнчанъ отъ Академіи наукъ Демидовскою преміей. Въ 1853 году К. Н. отправился на фрегатѣ «Паллада» въ Японію, куда былъ командированъ адмиралъ Путятинъ для

заключенія торговаго договора. При окончаніи этого плаванія, у береговъ Японіи, покойный проявилъ необыкновенную энергію, изобрѣтательность и знаніе дѣла, когда ему удалось, послѣ крушенія фрегата «Діаны», безъ достаточныхъ матеріаловъ и приспособленій, построить шхуну «Хеда», на которой русскій отрядъ могъ, въ виду англо-французскихъ морскихъ силъ, переправиться въ Петропавловскъ, а оттуда на Амуръ. Черезъ годъ по возвращеніи экспедиціи адмирала Путятина въ Петербургъ, К. Н. долженъ былъ вновь отправиться въ Японію для обмѣна трактатовъ и, за успѣшное исполненіе возложенныхъ на него порученій, былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Въ 1858 г. Посѣтъ былъ назначенъ сначала наставникомъ великаго князя Алексѣя Александровича, а потомъ попечителемъ его высочества; совершилъ цѣлый рядъ плаваній, предпринятыхъ для ознакомленія великаго князя съ практической морской службой. Въ 1874 г., уже въ чинѣ вице-адмирала, К. Н. занялъ отвѣтственный постъ министра путей сообщенія. Не входя въ подробности дѣятельности К. Н. въ этомъ званіи, укажемъ только нѣкоторые мѣры, принятыя имъ во время министерской его дѣятельности. Такъ, при немъ былъ введенъ «Желѣзнодорожный уставъ», регламентировавшій всѣ части желѣзнодорожнаго дѣла; по части водныхъ путей сообщенія большую пользу принесли такъ-называемыя «описныя партіи», занявшіяся описаніемъ нашихъ рѣкъ и давшія толчокъ къ улучшенію многихъ изъ нихъ; при немъ заведена была судоходная инспекція на рѣкахъ внутреннихъ бассейновъ, пополнявшаяся, преимущественно, лицами знакомыми съ морской службой; учрежденіе водомѣрныхъ постовъ, метеорологическихъ станцій, судоходныхъ сѣздовъ, перестройка коммерческихъ портовъ, улучшеніе старыхъ и устройство новыхъ каналовъ, расширеніе желѣзнодорожной сѣти болѣе чѣмъ на 9 тысячъ верстъ—вотъ, въ общихъ чертахъ, плоды дѣятельности К. Н. по министерству путей сообщенія. Оставивъ постъ министра въ 1888 году въ званіи генераль-адъютанта и почетнаго члена Императорской Академіи наукъ, К. Н. Посѣтъ посвятилъ свои силы трудамъ по Государственному Совѣту, а также по Императорскому Обществу спасенія на водахъ, въ которомъ состоялъ предсѣдателемъ. Заслуги покойнаго высоко цѣнились и государствомъ (онъ имѣлъ всѣ ордена до св. Андрея Первозваннаго включительно), и обществомъ, и многочисленными учеными учрежденіями, избравшими К. Н. въ число своихъ почетныхъ членовъ. Онъ скончался 26-го мая текущаго года.

Записка о прекращеніи ссылки въ Сибирь.

(Составлена вице-адмираломъ, генералъ-адъютантомъ К. Н. Посыетомъ).

Троекратное путешествіе черезъ всю Сибирь, посѣщеніе различныхъ тамъ тюремъ и работъ на приискахъ, также ознакомленіе съ устройствомъ тюремъ и со способомъ занятія людей, осужденныхъ законами въ другихъ государствахъ, приводятъ нижеподписавшагося съ слѣдующему.

Обширный край, пространствомъ въ $2\frac{1}{2}$ раза большій Европейской Россіи, богатства котораго еще недостаточно оцѣнены и изслѣдованы, осужденъ быть мѣстомъ жительства всѣхъ преступниковъ изъ среды 70-ти миллионнаго населенія. Мѣра эта имѣла нѣкоторое основаніе, когда Сибирь, кончаясь Камчаткой и Охотскимъ моремъ и имѣя за собой пустынный Тихій океанъ, сама считалась пустынною землею и обитателями имѣла, по преимуществу, одни дикіе и кочующіе народы. Теперь, когда Тихій океанъ, съ каждымъ днемъ, все болѣе обращается въ новое Средиземное море, когда чрезъ приобрѣтеніе Амурской области, Россія подвинулась къ этому морю, когда сопредѣльныя Сибири государства открылись и быстро развиваются,—теперь необходимо дать и Сибири возможность вступить на путь развитія, необходимо снять тяготящее на ней клеймо «страна преступниковъ».

Постоянная ссылка такихъ людей, въ продолженіе двухъ вѣковъ, въ страну малонаселенную, не могла не имѣть растлѣвающего вліянія на это населеніе. Ссылка служитъ главнымъ основаніемъ жалобъ въ настоящее время и общества, и начальства въ Сибири на недостатокъ людей, заслуживающихъ довѣрія и могущихъ быть употребляемыми съ пользою для края. Такое состояніе населенія останавливаетъ развитие страны, составляетъ главную причину общаго равнодушія къ богатой Сибири и къ ея обитателямъ, хотя, говоря вообще, мало нравственнымъ, но весьма способнымъ. Страна остается какъ бы забытою и вмѣстѣ съ этимъ, съ каждымъ днемъ, все болѣе отстаетъ отъ сосѣднихъ ей странъ Востока.

Этотъ застой, въ которомъ прежде находились Японія и Китай, а теперь находится Сибирь, чѣмъ долѣе будетъ продолжаться, тѣмъ болѣе будетъ увеличивать слабость нашу въ сравненіи съ этими двумя государствами, стоящими у отдаленныхъ полупустынныхъ границъ Россіи, со всѣмъ ихъ многомиліоннымъ, компактнымъ населеніемъ.

1. Ссылая преступниковъ въ край отдаленный отъ мѣста, въ которомъ произведено преступленіе, и подвергая ихъ тамъ такъ называемой каторжной работѣ, правительство, конечно, кромѣ кары за преступленіе, имѣетъ въ виду и исправленіе преступника.

Кара дѣйствительно происходитъ въ самой ужасной степени. Лишенный родной земли, всѣхъ семейныхъ и общественныхъ связей, передаваемый по этапу въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ, преступникъ достигаетъ мѣста, въ которомъ долженъ доживать свой вѣкъ, нужно сказать, безъ роду, безъ племени и безъ имени.

Усугубляется эта кара еще тѣмъ, что преступникъ, оставаясь какъ во время продолжительнаго перехода по этапу, такъ и послѣ, по достиженіи мѣста своего назначенія, постоянно въ многочисленномъ обществѣ себѣ подобныхъ, окончательно и безвозвратно развращается. Обь исправленіи преступника, при системѣ ссылки, нѣтъ и мысли. Достигнувъ полного заглушенія совѣсти, ссылные не только цинически относятся къ нравственной сторонѣ преступленій, но увлекаютъ съ собою часто въ эту пропасть и приходящихъ съ ними въ соприкосновеніе.

Всѣмъ извѣстно сибирское выраженіе: «каторга—это академія разврата» и другое, употребляемое самими каторжниками: «не каторга страшна, а переходъ по этапу—вотъ настоящая каторга».

2. Что касается помѣщенія, рода жизни, работъ, присмотра въ Сибири за каторжными и возможности нравственнаго ихъ исправленія, то объ этомъ можно судить изъ слѣдующаго.

Въ настоящее время число серебряныхъ рудъ значительно уменьшилось и, за неизмѣнимъ рудническихъ работъ, каторжные преимущественно употребляются на золотыхъ приискахъ, при чемъ главнымъ мѣстомъ ихъ сбора служатъ извѣстные Усть-Карійскіе прииски. Сопровождая великаго князя Алексѣя Александровича въ путешествіи его черезъ Сибирь, я имѣлъ случай посѣтить эти прииски и видѣлъ ихъ въ слѣдующемъ состояніи. Въ камерахъ тюрьмы, въ которыхъ, по обыкновенному казарменному распредѣленію, было бы помѣщено человѣкъ 25, арестантовъ набито было до 80 и, въ нѣкоторыхъ женщины были помѣщены вмѣстѣ съ мужчинами. Самая тюрьма такъ ветха, что едва держится и какъ въ ней, такъ и въ госпиталѣ, зимой, по свидѣтельству арестантовъ, которое не опровергалось ближайшимъ начальствомъ, часто бываетъ не больше 5° тепла. Казарма конвоя грозила обрушиться ежеминутно. Госпиталь былъ, въ полномъ смыслѣ, набитъ больными, почти исключительно цынготными; ихъ было положено въ каждой палатѣ двойное и тройное число противъ числа, которое бы могло помѣститься въ нихъ хотя съ нѣкоторымъ удобствомъ. Больные лежали на кроватяхъ и на полу и, для прохода по палатамъ, была оставлена только узкая дорожка между больными, почти сплошь покрывавшими полъ госпиталя. Докторъ единственный для всѣхъ трехъ приисковъ—Верхняго, Средняго и Нижняго, расположенныхъ на протяженіи около 25 верстъ, былъ самъ въ цынгѣ и ходилъ на костыляхъ. Сѣбственная порція съ 1872 г. была уменьшена, на что очень жаловались арестанты. Цер-

ковь, находящаяся на Среднемъ присскѣ, такъ ветха, что отъ разрушенія удерживается только подпорами, приставленными къ ней со всѣхъ сторонъ.

Представляя, однако, эту картину сибирской тюрьмы, нравственное состояніе заключеннаго въ ней человѣка, степень попеченія о немъ и состояніе крова его, я не могу пройти молчаніемъ о явленіи, доказывающемъ, что и такая жизнь и такая обстановка не заглушаютъ въ преступникѣ всѣхъ человѣческихъ чувствъ. Великій князь, посѣтивъ казарму, тюрьму, богадѣльню старую и новую и больницу, стоялъ молебень въ разрушающемся храмѣ. Когда кончилась эта краткая церковная служба, и его высочество, приложась ко кресту, выходилъ изъ церкви, въ полутемномъ коридорѣ ея тихо раздался народный гимнъ «Боже Царя Храни!» пропѣтый старыми и полубольными каторжными.

Всѣхъ каторжныхъ должно было быть на Усть-Карійскихъ прискахъ, кажется, около 2.000 человѣкъ; изъ нихъ слишкомъ 200 человѣкъ лежали въ больницѣ въ цынгѣ, и до 300 человѣкъ считалось въ бѣгахъ. Работы на прискахъ, сколько можно было замѣтить въ кратковременное посѣщеніе и по сравненію ихъ съ видѣнными нами частными золотыми присками, производились вяло, медленно и безъ особой правильности.

3. Всѣ тюрьмы, какъ восточной такъ и западной Сибири, переполнены ссыльными, каторжными, пересыльными и подсудимыми. Послѣдніе ожидаютъ рѣшенія ихъ дѣлъ, занимаютъ тюрьмы и развращаются въ нихъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ.

4. Для прекращенія такого систематическаго развращенія Сибири, для приданія всей этой странѣ новой жизни и введенія ея въ права, общія всѣмъ частямъ государства, необходимо прекратить ссылку въ Сибирь преступниковъ. Въ настоящее время, кромѣ Россіи, одна Фрэнція ссылаетъ своихъ преступниковъ въ отдаленный край. Англія, употреблявшая эту систему въ продолженіе цѣлаго вѣка, должна была уступить требованіямъ своихъ колоній, не желавшихъ принимать болѣе новыхъ элементовъ отравы ихъ населенія. За исключеніемъ Фрэнціи, во всѣхъ образованныхъ государствахъ, людей, подвергшихся осужденію законовъ, заключаютъ въ тюрьмы, устроенныя, по возможности въ центрахъ провинцій. На преступниковъ смотрятъ какъ на нравственно больныхъ и въ отношеніи къ нимъ всячески стараются соединить наказаніе съ исправленіемъ. Въ этомъ, конечно, и состоитъ долгъ каждаго правительства. Исполненіе этого долга возможно при уходѣ за такими больными, посредствомъ людей одной съ ними мѣстности, болѣе или менѣе имъ извѣстныхъ и ими интересующихся. Тогда какъ сосланные въ дальній край, они попадаютъ въ руки людей совершенно имъ чуждыхъ и не только равнодушно, но даже непріяз-

непью къ нимъ относящихся, по причинѣ позора и клейма, налагаемаго ссыльными на край.

5. Устройство новыхъ тюремъ по числу губерній и областей, конечно, потребуеть весьма значительныхъ издержекъ; но казалось бы, что при постепенномъ уменьшеніи числа ссылаемыхъ въ Сибирь, чрезъ систематическое сокращеніе списка преступленій, за которыя присуждается ссылка, и постепенномъ увеличеніи вслѣдствіе этого числа преступниковъ, удерживаемыхъ въ губерніяхъ, можно будетъ и въ постройкѣ тюремъ соблюсти необходимую постепенность. Зло, причиняемое ссылкой, воішюще и для прекращенія его нельзя (не) принести достаточныхъ жертвъ, нельзя (не) приступить къ этому довольно скоро. Поэтому, пока въ избранныхъ для сего губерніяхъ строились бы новыя тюрьмы, въ другихъ можно бы приступить къ приспособленію для помѣщенія преступниковъ различныхъ упраздненныхъ казенныхъ и фабричныхъ зданій, имѣющихся почти во всѣхъ губерніяхъ и остающихся безъ употребленія.

Не малое обереженіе въ пользу новыхъ тюремъ произойдетъ отъ постепеннаго прекращенія расходовъ на этапъ, на этапныя казармы, поставленныя въ Сибири, черезъ каждыя 30 верстъ, и на ихъ ремонтъ, на тюрьмы для каторжныхъ, на ссыльные экспедиціи, канцелярію и т. п., не говоря уже объ огромной выгодѣ для удѣльнаго вѣдомства отъ работъ на его золотыхъ приискахъ, посредствомъ найма вольныхъ работниковъ, вмѣсто употребленія для сего каторжныхъ.

6. Въ основаніе при постройкѣ новыхъ тюремъ и приспособленіи старыхъ зданій необходимо было бы, между прочимъ, принять слѣдующее:

- а) уединеніе каждаго преступника во все свободное отъ работъ время;
- б) работы общія съ исключеніями, допускаемыми смотрителемъ тюрьмы, соединенныя съ системою полного молчанія;
- в) разговоръ допускается только за обѣденнымъ столомъ и другими сборами для ѣды;
- г) работа производится исключительно въ самой тюрьмѣ, что облегчаетъ присмотръ и уменьшаетъ возможность къ побѣгу.

При строгомъ исполненіи требованій относительно молчанія и постоянной работы, заключеніе становится до такой степени тягостнымъ, что сроки его, безъ опасенія сдѣлать наказаніе слишкомъ легкимъ, можно въ значительной степени сократить противъ нынѣшнихъ. Прямымъ слѣдствіемъ сего будетъ значительное уменьшеніе числа заключенныхъ въ одно и то же время въ тюрьмахъ.

Въ число работъ должно входить и обученіе различнымъ ремесламъ.

При этомъ условіи, арестанты сами себя одѣваютъ и обуваютъ и напиримѣръ въ Соединенныхъ Штатахъ, а также и въ Англій, многія

тюремъ, удовлетворяя такимъ образомъ своимъ потребностямъ, производить еще столько, что, продавая излишекъ, покрываютъ всѣ расходы по содержанию арестантовъ и тюремъ. Другими словами—посредствомъ работъ заключенныхъ тюремъ сами себя содержать.

Изъ всѣхъ способовъ примѣненія къ заключеннымъ въ тюрьмѣ системы полумолчанія и работы, наиболѣе цѣлесообразный и въ то же время практичный есть, кажется, способъ Меконки.

Способъ этотъ—способъ заработковъ, какъ извѣстно, состоитъ въ слѣдующемъ. Преступникъ, посаженный въ тюрьму на извѣстное число лѣтъ, выпускается изъ оной по истеченіи этого срока, только въ такомъ случаѣ, если онъ во все время заключенія работалъ усердно и велъ себя хорошо. Усердная работа въ продолженіе опредѣленныхъ рабочихъ часовъ дня оцѣнивается извѣстнымъ числомъ балловъ, напримеръ 6-ю. Если онъ работалъ особенно усердно и сдѣлалъ болѣе чѣмъ требуется урочнымъ положеніемъ, то работа его можетъ быть оцѣнена 7-ю и даже 8-ю баллами. Сумма такихъ излишнихъ балловъ, заслуженныхъ въ продолженіе года, или сумма заработковъ, раздѣленная на 6 т. е. на суточную оцѣнку, даетъ число дней, которые записываются заключенному въ заслугу и которые вычитаются изъ полнаго срока его заключенія. Такимъ образомъ, крайній предѣлъ заслуги, при постоянно усиленномъ усердіи и отличномъ поведеніи заключеннаго, можетъ составить $\frac{1}{4}$ всего опредѣленнаго срока первоначальнаго наказанія; напримеръ 4-хъ-лѣтнее заключеніе можетъ быть обращено такимъ образомъ въ 3-хъ-лѣтнее.

Имѣвшіе случай подробно ознакомиться съ этимъ способомъ и его результатами свидѣтельствуютъ, что вліяніе его на заключенныхъ такъ велико, что самые лѣнныя и упрямые часто дѣлаются усердными работниками. А проработавъ усердно нѣсколько лѣтъ сряду они такъ привыкаютъ къ труду, что по выходѣ изъ тюрьмы остаются хорошими, надежными мастерами, или даже мастерами.

Главный результатъ такого непраднаго тюремнаго заключенія состоитъ въ томъ, что, умѣя заработать хлѣбъ свой, бывшіе преступники, по выходѣ изъ тюрьмы, не дѣлаются бременемъ для общества, а охотно принимаются имъ въ его среду.

Изъ людей, подвергающихся осужденію законовъ, большая часть подпадаетъ этому несчастію, конечно, вслѣдствіе праздно проведеннаго дѣтства или юношества. Посредствомъ способа заработковъ, тюрьма даетъ преступнику то, чего не далъ ему родительскій домъ, или общество, если въ дѣтствѣ онъ былъ на попеченіи сего послѣдняго. Бывшій преступникъ дѣлается полезнымъ членомъ того самаго общества, которое прежде его опасалось и избѣгало.

7. Считая, такимъ образомъ, пользу отъ прекращенія ссылки въ Сибирь преступниковъ очевидно и несомнѣнною, я позволяю себѣ сказать еще нѣсколько словъ въ доказательство необходимости этой мѣры въ настоящее время, въ виду отношеній Сибири къ сопредѣльнымъ ей странамъ крайняго Востока, такъ много измѣнившимся въ послѣдніе 20 лѣтъ. Я позволяю себѣ это дополненіе потому, что въ прекращеніи ссылки въ Сибирь вижу, съ одной стороны, приближеніе къ рѣшенію вопроса объ исправленіи преступниковъ, а съ другой—начало рѣшенія задачи развитія и оживленія Сибири.

Со времени присоединенія къ Россіи земель, прилежащихъ р. р. Амуру и Уссури, сосѣднія ей Японія и Китай, подъ вліяніемъ событій, совершенно измѣнившихъ строй первой и взглядъ правительства послѣдней, столько подвинулись на пути умноженія матеріальныхъ силъ, международныхъ сношеній и вѣпшей торговли, столь развились, что далеко оставили за собой сосѣднія имъ области Россіи.

Чтобы оживить эти области и дать имъ движеніе на пути къ развитію, необходимы мѣры, о которыхъ, по возвращеніи изъ путешествія, я счелъ обязанностію представить по министерствамъ иностранныхъ дѣлъ и морскому и которыя, вмѣстѣ съ прекращеніемъ ссылки въ Сибирь преступниковъ, составляютъ необходимыя условія дальнѣйшаго преуспѣванія упомянутыхъ областей.

Изъ числа этихъ мѣръ исчисленныя ниже должны будутъ имѣть вліяніе и на всю Сибирь:

а) какъ Приморская, такъ и Амурская области терпятъ недостатокъ въ хлѣбѣ, рогатомъ скотѣ и рабочихъ рукахъ. Всѣ эти нужды уменьшились-бы въ значительной степени, если бы эти области были въ надлежащихъ сношеніяхъ съ Кореею. Необходимо войти въ переговоры съ этимъ государствомъ и заключить съ нимъ торговый дружественный трактатъ. Корея богата населеніемъ, хлѣбомъ и скотомъ.

Перешедшіе къ намъ, вопреки законамъ своей страны, корейцы—мирные поселяне и трудолюбивые хлѣбопашцы и охотно принимаютъ христіанство.

б) Для оживленія областей Забайкальской, Амурской и Приморской необходимы безпрепятственныя сношенія этихъ областей съ Маньчжуріей. Слѣдуетъ привести Китайское правительство къ допущенію этихъ сношеній и торговли по всей системѣ рѣки Сунгари, и

в) необходимо поспѣшить рѣшеніемъ вопроса объ административномъ раздѣленіи края.

Подписалъ: вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ, *Посетъ*.

1-го мая 1874 г. С.-Петербургъ.

Письмо М. А. Милорадовича—П. А. Сафонову ¹⁾.

„ сентября 1809 г. Лагерь за Дунаемъ.

Во всѣхъ моихъ крайнихъ нуждахъ прибѣгаю я къ вашему превосходительству—вы бы меня чрезмѣрно одолжили, если бы взяли на себя слѣдующую комиссію: 1) купить мнѣ одинъ киверъ съ орломъ; 2) двѣ форменныхъ шляпы; 3) одну пару форменныхъ эполетовъ генеральскихъ; 4) форменный шарфъ.

За сіе деньги или я вамъ возвращаю или же можно бы освѣдомиться, имѣю ли я получить сколько-нибудь отъ государственнаго казначея, и тогда можно бы взявъ у него сіе заплатить. Апшеронскаго полку майоръ Морозовъ, который въ Петербургѣ для познанія порядка службы находится, долженъ объ этомъ знать, вы бы меня чувствительно обязали, ежели бы вошли въ это.

Теперь еще просьба взять у каретника Іохима одну двухмѣстную нарядную карету и съ какимъ-нибудь богатымъ чехломъ послѣдней моды. Я полагаю, что онъ безъ денегъ отпустить, а я бы могъ вексель прислать на годъ, потомъ, ежели согласится, то взять у него и четырехмѣстную хорошую карету и отправить въ Черниговъ и на сіе могъ бы дать я или вексель или деньги прислать, какъ условитесь съ Іохимомъ.

Есть у меня двухмѣстная на двухъ колесахъ карикель или фаetonъ, но шоры, принадлежащія къ сей колясочкѣ, потеряны, ежели бы возможно купить шоры какіе обыкновенно при таковыхъ двухъ-колесныхъ карикеляхъ употребляются, то много бы меня симъ одолжили, ибо я колясочки сей безъ этого употреблять не могу.

Военный министръ графъ Аракчеевъ подарилъ мнѣ двѣ пушки, которыя еще въ арсеналѣ находятся. Сдѣлайте мнѣ милость возьмите ихъ къ себѣ для отправленія въ Черниговъ, я всѣ убытки вамъ возвращаю съ великою благодарностію, о чемъ и сестрицѣ сейчасъ же пишу.

Вотъ сколько комиссіевъ. Я въ полной довѣренности на вашу старую дружбу, связь нашу и приверженность мою къ вамъ—рѣшился васъ о семъ просить, и увѣренъ совершенно, что вы мнѣ не откажете. Вы бы меня одолжили ежели бы дали мнѣ какіе-либо препорученія, которыя я исполню съ тѣмъ большимъ усердіемъ, что я бы желалъ имѣть случай подтвердить вамъ непоколебимую мою привязанность и почтеніе, съ коими я имѣю честь быть навсегда и проч.

---

¹⁾ Впоследствии комендантъ с.-петербургской крѣпости.

Николай Христофоровичъ Палаузовъ.

(Биографическая замѣтка¹⁾).

2-го марта 1899 года въ Одессѣ умеръ членъ одесской таможи дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Христофоровичъ Палаузовъ. Одесское общество устроило ему многолюдные похороны. Одесскія газеты посвятили покойному прочувствованныя статьи. Въ остальной Россіи смерть эта была не достаточно замѣчена. Между тѣмъ покойный имѣлъ право на то, чтобы его знали и помнили и за предѣлами Одессы.

Николай Христофоровичъ Палаузовъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей, пробудившихъ къ новой жизни подавленный рабствомъ болгарскій народъ. Имя его очень извѣстно въ литературѣ болгарскаго вопроса. Его дѣятельность высоко цѣнилась русскими и болгарскими патриотами и русскимъ правительствомъ. Его смерть была оплакана во всей Болгаріи. Каждый, кто надѣется на то, что, рано или поздно, всѣ славянскіе народы воспрянутъ изъ политическаго и общественнаго упадка и сблизятся между собой на почвѣ взаимнаго уваженія и равноправности, не можетъ не чтить памяти покойнаго.

Болгаринъ по происхожденію (уроженецъ Габрова) Николай Христофоровичъ Палаузовъ прибылъ въ Россію въ 1830 году девяти лѣтъ отъ роду. Здѣсь онъ поступилъ въ одесскій Ришельевскій лицей, въ которомъ и кончилъ курсъ въ 1842 году. Это былъ одинъ изъ первыхъ примѣровъ поступленія болгарина въ русское учебное заведеніе, указавшій путь многимъ сотнямъ молодыхъ болгаръ. 21 года Палаузовъ при-

¹⁾ Главными источниками для этой замѣтки послужили: К. Иречекъ, «Исторія болгаръ». Одесса. 1878.—Н. Барсовъ, Тридцатилѣтіе дѣятельности одесскаго болгарскаго Настоятельства (съ 1854—1884 г.) и матеріалы для исторіи освобожденія Болгаріи. Одесса. 1895 г.—Приложеніе къ брошюрѣ Тридцатилѣтіе и т. д. Одесса. 1895 г.—Официальныя данныя о службѣ покойнаго и наше знакомство съ семействомъ его.

нялъ русское подданство и поступилъ на государственную службу. Вся его жизнь прошла въ Одессѣ и не очень богата вѣшними событіями.

Въ 1842 году Николай Христофоровичъ былъ принятъ въ одесскую таможенную чиновникомъ XII класса. Въ 1862 году опредѣленъ цензоромъ славянскихъ газетъ. Въ 1873 году назначенъ членомъ одесской таможни, въ каковой должности и умеръ. Онъ не продвинулся дальше на служебномъ поприщѣ потому, что у него было крупное дѣло всей жизни, приковавшее его къ Одессѣ,—служеніе угнетенной и возрождающейся Болгаріи. Служеніе это было вмѣстѣ съ тѣмъ служеніемъ и его второй родиной, Россіи, которую онъ любилъ всѣми силами своего любвеобильнаго сердца, и служеніемъ славянству.

Извѣстна исторія новоболгарскаго движенія.

«Возрожденіе болгарскаго народа,—говорить Иречекъ,—совершилось въ теченіе одной человѣческой жизни. Такая быстрота этого переворота поистинѣ заслуживаетъ удивленія. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія можно было сомнѣваться, могутъ-ли болгары снова воскреснуть; сорокъ лѣтъ спустя, не было нигдѣ недостатка въ патріотахъ-бунцахъ, учителяхъ, духовныхъ; болгарскія школы возникли во всѣхъ городахъ, а болгарскія книги въ тысячахъ экземпляровъ читались даже сельскимъ населеніемъ. Не силою оружія и проліетіемъ крови, а въ тиши, при посредствѣ книгъ и школъ, совершился этотъ коренной глубокой переворотъ». (Исторія Болгарь, стр. 696).

Гдѣ же источникъ этого пробужденія цѣлаго народа?

Болгарь, какъ и другихъ славянъ, коснулось то великое общественное и умственное движеніе, которое въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія прошло изъ конца въ конецъ Европы, всюду вдохновляя пылкія головы и благородныя сердца и пробуждая отъ мертваго сна народныя массы. На знамени этого движенія было написано: «народность и свобода».

Славяне не могли не отозваться на общее броженіе среди европейскихъ народовъ. Турецкіе славяне, несмотря на всю тягость мусульманскаго ига, во все продолженіе его не могли забыть своего славнаго прошлаго и вели неустанную борьбу то мелкими четами юваковъ, то общими возстаніями цѣлыхъ мѣстностей. Въ ихъ постоянно напряженной душѣ не могъ не отозваться кличъ освобожденія, прозвучавшій на Западѣ.

Не меньшее значеніе для пробужденія славянъ имѣло вліяніе Россіи, которая стояла такъ высоко въ началѣ XIX столѣтія, выступая въ роли освободительницы народовъ и спасительницы Европы. Россія, великое славянское государство, была тѣмъ свѣточемъ общественной и политической жизни, который видѣли предъ собой славяне. Надежда на русскую помощь давала новыя силы славянскимъ патріотамъ.

Кто именно стоялъ во главѣ народнаго пробужденія разныхъ славян-

скихъ народовъ въ началѣ XIX столѣтія, сказать не легко. Труды многихъ забыты, имена исчезли. Немного можно сказать и о болгарскихъ дѣятеляхъ.

Въ 1762 году аеонскій монахъ Паисій пишетъ полную страстной любви къ Болгаріи и ея прошлому небольшую книжку: «Исторія славяно-болгарска о народахъ и о царехъ и о святыхъ болгарскихъ». Она получаетъ громадное распространеніе въ Болгаріи. Продолжателемъ его явился его ученикъ епископъ Врачанскій Сафроній, который говорилъ о себѣ: «Я работаю день и ночь, чтобы написать нѣсколько книгъ, чтобы мои соотечественники... могли почерпнуть что-либо полезное». (Иречекъ, тамъ же, стр. 672). Такъ началось умственное пробужденіе Болгаріи.

Въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія была уже цѣлая группа лицъ, которыя ставили своей цѣлью развитіе самосознанія въ болгарскомъ народѣ. Среди нихъ мы видимъ ученаго малоросса Венелина, оставившаго цѣлый рядъ сочиненій (главное — «Древніе и нынѣшніе Болгары». 1835 г.) о горячо любимой имъ Болгаріи; знаменитаго болгарскаго патріота В. Априлова, издавшаго нѣсколько болгарскихъ учебныхъ книгъ и брошюръ о болгарскомъ вопросѣ («Болгарскія книжицы». Одесса 1841 г.—«Денница ново-болгарскаго образованія». Одесса 1841 г.), основавшаго въ Габровѣ, его родинѣ, въ 1835 году первую школу, устроенную на европейскій ладъ, собравшаго и пожертвовавшаго крупный капиталъ на развитіе школьнаго дѣла въ Болгаріи; хилаядарскаго архимандрита Неофита Базвели, умершаго въ тюрьмѣ, куда онъ былъ заключенъ за свою патріотическую дѣятельность, и многихъ другихъ.

Болгарская жизнь выдвигала въ это время двѣ главныя задачи: избавленіе отъ искусственной эллинизации, которую навязывало болгарамъ греческое фанариотское духовенство, и приготовленіе общаго возстанія противъ турокъ. Турки господствовали политически надъ болгарами, а греки, увлекаемые велико-греческими идеями, хотѣли, пользуясь невѣжествомъ болгарской массы, убить болгаръ умственно и духовно. Извѣстно, что фанариоты доходили иногда въ своемъ патріотическомъ увлеченіи до истребленія цѣлыхъ древнихъ болгарскихъ библіотекъ и до отрицанія существованія болгарскаго языка и народа.

Стремленія болгаръ находили себѣ горячую и дѣятельную поддержку среди болгарскихъ эмигрантовъ, которыхъ было не мало въ Россіи (особенно въ Одессѣ) и въ Валахіи (въ Букарестѣ). Между «одесскими болгарами» и букарестскими было, однако, существенное различіе въ возрѣвніяхъ на болгарскій вопросъ. Букарестскіе, повидимому, тяготѣли болѣе къ Западу, Россіи не всегда сочувствовали, надѣялись на поддержку со стороны западныхъ государствъ и склонны были, не безъ вліянія со стороны иностранныхъ эмиссаровъ, къ устройству самостоятельнаго возстанія болгаръ противъ турокъ.

Одесскіе болгары избрали нѣсколько иной путь, который привелъ ихъ, какъ показала исторія, вѣрнѣе и скорѣе къ цѣли. Они прикнули къ Россіи. Среди нихъ живо было преданіе Априлова и Венелина. Выразителемъ ихъ стремленій явилась также дѣятельность Николая Христофоровича и основаннаго имъ «Настоятельства одесскихъ болгаръ», собиравшихъ пожертвованія въ пользу задунайскихъ соотечественниковъ.

Н. Х. Палаузовъ былъ сторонникомъ постепеннаго развитія народнаго движенія среди болгаръ. Онъ хорошо понималъ, что пока народъ не окрѣпнѣ въ духовномъ отношеніи, попытки освободиться собственными силами должны только ослаблять его.

— Въ бытность мою въ г. Тырновѣ въ Болгаріи (въ 1847 г.), — рассказывалъ однажды Николай Христофоровичъ, — одинъ развитой болгарскій патріотъ, по званію аптекаръ, является ко мнѣ и предлагаетъ тысячу вооруженныхъ болгаръ съ цѣлью произвести возстаніе для начатія борьбы противъ турокъ. На это я отвѣтилъ ему, что теперь не время помышлять объ этомъ, — болгарамъ надо учиться и путемъ образованія подготовить себя къ освобожденію отъ ига (См. «Изъ прошлаго Одессы». Одесса 1894 г.).

Будучи горячимъ сторонникомъ Россіи, Николай Христофоровичъ только въ русской помощи видѣлъ возможность для Болгаріи свергнуть власть такой, все еще, сильной державы, какъ Турція. Онъ вѣрилъ, что только одна Россія можетъ искренно, безъ всякой задней мысли, помочь болгарамъ, своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ. Онъ видѣлъ взаимное тяготѣніе обоихъ народовъ и посвятилъ свою жизнь развитію взаимнаго пониманія и сочувствія между болгарами и русскими.

Большое значеніе имѣли въ этомъ отношеніи записки, которыя писались Н. Х. Палаузовымъ для ознакомленія русскаго общества и русскихъ государственныхъ дѣятелей съ болгарскими дѣлами. Такъ, въ 1853 г. имъ была подана записка русскому повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополь А. П. Озерову о необходимости основать въ Болгаріи центральное училище; записка главнокомандующему князю Горчакову о положеніи болгаръ въ Турціи; записка графу Остенъ-Сакену о способахъ склонить болгаръ къ совмѣстному съ русскими дѣйствію противъ турокъ и нѣсколько записокъ меньшаго значенія, вызванныхъ военными дѣйствіями въ Болгаріи. Подобныя записки писались имъ и въ другіе годы (напр. въ 1856 г.).

Особенное значеніе имѣли записки, поданныя князю Горчакову и графу Остенъ-Сакену. Онѣ представляютъ собой цѣлый этюдъ по болгарскому вопросу и обнаруживаютъ въ авторѣ глубокое пониманіе не только жизненныхъ задачъ самихъ болгаръ, но и цѣлей русской поли-

тики на Балканскомъ полуостровѣ. Онѣ сдѣлались извѣстны многимъ лицамъ, имѣвшимъ вліяніе на судьбы тогдашней Россіи. Вторая изъ нихъ удостоилась одобренія со стороны императора Николая I-го.

Въ одной изъ записокъ Николай Христофоровичъ говорилъ о болгаряхъ между прочимъ такъ: «Преданность ихъ къ Россіи несомнѣнна. Но надобно увѣрить ихъ, въ какихъ видахъ Россія готова пособить имъ, увѣрить посредственно, или непосредственно, что страданія ихъ извѣстны, что Россія заботится объ улучшеніи ихъ участи и находитъ возможнымъ ихъ освобожденіе. Быть можетъ, болгары давно возстали бы для сверженія съ себя ига турецкаго, но видя дружественныя отношенія Россіи съ Портою... останавливаются» и т. д.

Стараясь привлечь русское правительство къ дѣлу освобожденія Болгаріи, Палаузовъ имѣлъ постоянно въ виду предохранить ее отъ возможныхъ покушеній на свободу со стороны могучей покровительницы. Онъ мечталъ о свободной Болгаріи, дружественной съ Россіей. И мечтамъ его было суждено осуществиться. Имъ не могло не сочувствовать все, что было великодушнаго въ Россіи.

Дѣятельность Николая Христофоровича, конечно, расширилась и укрѣпилась со времени учрежденія болгарскаго Настоятельства. Настоятельство это, несмотря на скромное свое названіе сыграло крупную общественную роль въ болгарскомъ движеніи. «Главнымъ дѣтелемъ, говоритъ Иречекъ, въ сношеніяхъ Россіи съ болгарями въ продолженіе двадцати лѣтъ было учрежденное во время войны одесское болгарское Настоятельство».

Основателемъ этого общества, его предсѣдателемъ и главнымъ работникомъ былъ все время Н. Х. Палаузовъ. Исторія Настоятельства есть, въ сущности, исторія его трудовъ на пользу соотечественниковъ. Бывшій императорскій комиссаръ въ Болгаріи князь Дундуковъ-Корсаковъ писалъ о Николаѣ Христофоровичѣ, что «никто изъ проживающихъ въ Россіи болгаръ не принесъ такой пользы въ дѣлѣ развитія народнаго самосознанія поработенныхъ задунайскихъ соотечественниковъ, какъ Палаузовъ». Одесское же Славянское общество выбрало Николая Христофоровича своимъ почетнымъ членомъ.

Настоятельство было основано для того, чтобы объединить дѣятельность всѣхъ болгарскихъ патріотовъ, проживающихъ въ Россіи, и создать органъ для посредничества въ сношеніяхъ Россіи и Болгаріи. Ближайшимъ поводомъ къ основанію его послужила Крымская война, оживившая надежду болгаръ на освобожденіе. Общество было основано на особомъ собраніи одесскихъ болгаръ 2-го февраля 1854 года. Интересенъ протоколъ этого собранія. Вотъ его начало:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Да будетъ извѣстно, что во 2-ой день февраля 1854 года мы, нижеподписавшіеся болгары, пере-

селившіеся въ Одессу изъ-за Дуная, собрались вслѣдствіе нынѣшнихъ обстоятельствъ, побесѣдовать о тяжеломъ положеніи. въ коемъ нынѣ находится несчастный болгарскій народъ. Въ этомъ совѣщаніи личнымъ нашли опредѣлить слѣдующее:

«1) Нынѣ избранный Богомъ великій государь императоръ всероссійскій Николай Павловичъ, покровитель и защитникъ несчастнаго народа болгарскаго, ополчился для возобновленія униженнаго православія въ турецкой державѣ. Поэтому и болгарамъ, пребывающимъ въ Россіи, необходимо позаботиться объ угнетенныхъ своихъ братьяхъ и по возможности пособить имъ.

«2) Съ этою цѣлью опредѣлили составить между собою сборъ добровольныхъ пожертвованій, которыя употребить въ пользу болгаръ съ соизволенія русскаго правительства.

«3) Сборъ этотъ составить достояніе всего народа болгарскаго за Дунаемъ и будетъ употребленъ для его нуждъ по обстоятельствамъ.

«4) Когда съ Божіей помощью будетъ положенъ конецъ настоящей войнѣ, то необходимо имѣть готовый капиталъ отъ этого сбора для пособія учебнымъ и другимъ заведеніямъ и вообще для разныхъ общеплезныхъ дѣлъ».

Въ томъ же февралѣ Настоятельство было высочайше утверждено. Возникнувъ въ военное время, оно не могло остаться чуждымъ тому, что дѣлалось на Дунаѣ. Возстаніе болгаръ было цѣлью, къ которой оно стремилось въ это время и словомъ и дѣломъ.

Ко времени вступленія русскихъ войскъ въ Болгарію Николай Христофоровичъ поспѣшилъ на театръ военныхъ дѣйствій. Съ 27-го февраля по 17-ое сентября 1854 года онъ состоялъ при главнокомандующемъ южною арміею князѣ Горчаковѣ для разныхъ порученій по дѣламъ болгарскимъ. Находясь здѣсь, онъ стремился къ возбужденію задунайскихъ болгаръ противъ турокъ, къ устройству дружинъ болгарскихъ добровольцевъ, къ болѣе дѣятельному вмѣшательству русскаго правительства въ пользу болгаръ и т. д. Къ сожалѣнію, скорое выступленіе нашихъ войскъ обратно за Дунай не дало разыгратъ возстанію среди болгаръ въ такой степени, какъ желали болгарскіе патриоты. Главное, что сдѣлалъ здѣсь Николай Христофоровичъ, состояло въ переселеніи многихъ тысячъ болгарскихъ бѣглецовъ изъ Турціи въ Россію.

Неудачный исходъ Крымской войны сильно разочаровалъ всѣхъ. Отъ политической дѣятельности приходилось отказаться: главныя усилія должны были быть отнынѣ направлены на религіозно-нравственное воспитаніе болгаръ. Въ этомъ была крайняя нужда, такъ какъ религіозная борьба между греческимъ духовенствомъ и болгарскими прихожанами, раздуваемая турками, австрійцами и англичанами, принимала

чрезвычайно рѣзкій характеръ. Можно было опасаться отпаденія всей болгарской церкви отъ православія и уніи ея съ Римомъ. Уже были примѣры болгарскихъ іерарховъ, переходившихъ на сторону Рима.

Отнынѣ дѣятельность Настоятельства должна была сосредоточиться на подготовкѣ для Болгаріи священно-служителей и учителей, на постройкѣ новыхъ церквей и училищъ и помощи существующимъ, на снабженіи болгаръ учебными книгами, богослужебными и вообще религиозными книгами на славянскомъ языкѣ, церковными принадлежностями, утварью, одѣянiями, на изданiя переводныхъ и оригинальныхъ книгъ для болгарскаго народа, на содѣйствіи болгарамъ, пріѣзжающимъ въ Россію учиться, и на помощь бѣднымъ изъ болгаръ.

Согласно своимъ новымъ задачамъ, настоятельство получило и нѣсколько новое названіе: «Настоятельство одесскихъ болгаръ, собирающихъ пожертвованія по имперіи для бѣдныхъ болгарскихъ церквей и училищъ». Выѣсто устава ему была дана отъ Синода инструкція въ 13 статей. Общество получило попечителя и покровителя въ лицѣ архіепископа херсонскаго и таврическаго.

Первымъ попечителемъ Настоятельства былъ знаменитый архіепископъ Иннокентій (Борисовъ), пользующійся заслуженною славою далеко за предѣлами русской церкви. Человѣкъ крупнаго ума и большихъ знаній, человѣкъ почина и сильной воли, онъ извѣстенъ не только своими чрезвычайно многочисленными и имѣвшими во всемъ христіанскомъ мірѣ успѣхъ сочиненіями, не только своими церковными преобразованіями, но также и тѣмъ, что его глубоко интересовали политическіе и народныя вопросы русской жизни, интересовали не только теоретически. Близокъ его сердцу былъ и славянскій вопросъ, въ особенности вопросъ о будущности Болгаріи. Онъ сочувствовалъ всѣмъ мыслямъ Николая Христофоровича въ этомъ отношеніи и его могущественная поддержка помогла возникнуть Настоятельству, обезпечила за нимъ довѣріе правительства и расчистила дорогу его дѣятельности. Къ Н. Х. Палаузову онъ питалъ отеческое расположеніе и помогалъ ему и словомъ, и дѣломъ не только въ управленіи Настоятельства, но и въ личной жизни, даже въ устройствѣ экономическаго благополучія. Николай Христофоровичъ до самой своей кончины вспоминалъ съ величайшей благодарностью о «своемъ отцѣ и благодѣтелѣ», какъ онъ его называлъ.

Всѣ перечисленные выше роды дѣятельности широко развивались Настоятельствомъ. Оно умѣло собрать болѣе 300.000 руб. пожертвованій. По его просьбѣ былъ установленъ повсемѣстно въ Имперіи по церквямъ сборъ въ пользу болгаръ, разрѣшенъ отпускъ ежегодно суммы въ 1.500 руб. для болгарскихъ ученицъ въ Россіи. Русскими болгарами образованъ капиталъ въ 30.000 руб. для болгаръ, желающихъ учиться.

Однимъ изъ болгаръ (г. Грамматикувымъ) оставленъ Настоятельству доходный домъ.

Настоятельство переслало въ Болгарію громадное количество всевозможныхъ книгъ, церковныхъ и иныхъ предметовъ, которыми были одарены чуть-ли не всѣ церкви и школы Болгаріи. Нѣкоторыя школы были вновь открыты, а церкви возобновлены.

Благодаря заботамъ Настоятельства, были воспитаны въ Россіи многія сотни болгарскихъ молодыхъ людей, хорошо послужившихъ въ послѣдствіи болгарскому и русскому народамъ. Во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Одессѣ, Кіевѣ, Николаевѣ, Москвѣ и Петербургѣ были учреждены стипендіи для болгаръ; назовемъ стипендіи въ Технологическомъ и Горномъ институтахъ, въ Земледѣльческой академіи, въ Московскомъ Технологическомъ училищѣ и т. д.

Наконецъ Настоятельство издало не мало книгъ, — «Письма изъ Болгаріи» Герова, «Болгары и Болгарія» Стоянова, «Показалець» Раковского и т. д.

Въ своей дѣятельности Настоятельство опиралось на сочувствіе русскаго общества и правительства и на глубокое и повсемѣстное довѣріе къ нему въ Болгаріи. Настоятельство было тѣмъ посредникомъ, который увѣрялъ болгаръ, «что страданія ихъ извѣстны, что Россія заботится объ улучшеніи ихъ участи». Въ то же самое время Настоятельство брало на себя смѣлость представлять предъ русскими государями въ своемъ лицѣ весь народъ болгарскій. И русское правительство, видимо, не отказывало ему въ этомъ значеніи. Случаевъ, доказывающихъ это, не мало. Возьмемъ одинъ.

Въ 1869 г. Настоятельство черезъ особаго уполномоченнаго представило императору Александру II адресъ, въ которомъ, между прочимъ, говорило: «Раздѣляя радости и скорби своего народа, мы отвѣчаемъ горячимъ его желаніямъ, когда осмѣливаемся колѣнопреклоненно умолять ваше императорское величество о заступничествѣ за его національныя права».

Императоръ Александръ II сказалъ въ отвѣтъ на это слѣдующія многозначительныя слова, какъ нельзя лучше, рисующія значеніе Настоятельства въ глазахъ нашего правительства:

— Надѣюсь, никто изъ васъ никогда не сомнѣвался въ сочувствіи Россіи къ вамъ. Болгарскія дѣла всегда были близки моему сердцу. Употребляйте все ваше вліяніе, чтобы не допускать народныхъ вспышекъ: онѣ обезсиливаютъ народъ. Противники пользуются этимъ. Примѣры у васъ есть: народъ страдалъ, а пользы никакой. Повторяю, поддерживайте преждевременныя вспышки народныя; это принесетъ гораздо больше пользы въ будущемъ. Потерпите.

Эта мирная просвѣтительная дѣятельность Настоятельства приняла

одно время, какъ будто, нѣсколько иной характеръ. Это было въ періодъ между 1875 и 1878 гг., когда страшныя потрясенія, возстаніе и война, обрушились на Балканскій полуостровъ. Жизнь выдвигала въ это время вопросы о снаряженіи добровольцевъ, о помощи главарямъ возстанія, объ устройствѣ укрывшихся въ Россіи бѣглецовъ, о содѣйствіи русской гражданской власти во время занятія Болгаріи и т. д. Все это были требованія данной минуты, существенно важныя для болгарскаго дѣла, пренебрегать ими было невозможно...

Таковы заслуги болгарскаго Настоятельства передъ болгарскимъ народомъ, Россіей и славянствомъ. Таковы заслуги, можемъ мы сказать Н. Х. Палаузова потому, что душой Настоятельства, его главной рабочей силой былъ именно онъ. Но патриотическая дѣятельность его не ограничивается тѣмъ, что онъ сдѣлалъ, какъ предсѣдатель Настоятельства

Николай Христофоровичъ былъ душеприказчикомъ названнаго выше болгарскаго патриота Априлова. Какъ таковой, онъ распоряжался крупной суммой денегъ, оставленной Априловымъ для развитія школьнаго дѣла въ Болгаріи. Деньги шли на априловскія степендіи студентамъ Новороссійскаго университета, на вспомошествованіе Габровской гимназіи и другимъ училищамъ Болгаріи и на другія надобности (напримѣръ, изданіе крупнаго труда Иречека, «Исторія болгаръ»).

Далѣе Николаю Христофоровичу приходилось нѣсколько разъ выполнять крайне важныя порученія русскаго правительства по отношенію къ болгарамъ. Удачное выполненіе ихъ имѣло, несомнѣнно, громадное значеніе для развитія русско-болгарскихъ отношеній.

Мы уже упомянули выше, что въ 1854 г. онъ состоялъ при главнокомандующемъ южною арміею для веденія болгарскихъ дѣлъ. По окончаніи войны на него было возложено обратное водвореніе въ Болгаріи бѣглецовъ, пріютившихся въ Россіи. По договору 1856 г. всѣ эти лица получали прощеніе со стороны турецкаго правительства. Порученіе это было выполнено наилучшимъ образомъ. Доказательствомъ послужила депутація, снаряженная Николаемъ Христофоровичемъ и посланная болгарами въ Москву во время коронаціи благодарить императора Александра II за оказанныя благодѣянія.

Съ 5-го мая 1861 г. по 19-ое іюня 1862 г. Николай Христофоровичъ былъ занятъ переселеніемъ въ Новороссійскій край славянъ изъ отошедшей къ Молдавіи части Бессарабіи. Дѣло это осложнялось тѣмъ что молдавское правительство не отпускало лицъ, желавшихъ переселиться въ Россію, и имъ приходилось переходить границу побѣгами. Болѣе двухъ десятковъ тысячъ было принято такимъ образомъ, причемъ Палаузову надо было руководить переселенческимъ движеніемъ не только въ предѣлахъ Россіи, но и внѣ ихъ. Бѣглецы были устроены преимущественно въ Крыму. Одна изъ образованныхъ такимъ образомъ

деревень получила, по желанію благодарныхъ переселенцевъ, названіе Палаузова.

Въ 1872 и 1873 г. Николай Христофоровичъ былъ отправленъ въ бессарабскія поселенія болгаръ для изслѣдованія появившагося среди нихъ стремленія къ переселенію за границу. Причины эти были страхъ передъ воинскою повинностью и неудачное поземельное устройство нѣкоторыхъ поселеній. Н. Х. Палаузову удалось остановить это движеніе, выяснивъ поселянамъ истинныя намѣренія русскаго правительства и ихъ собственныя выгоды.

Подобное же движеніе ему удалось остановить среди болгаръ въ 1855 г. Тогда болгары, укrywшіеся въ Россію, вслѣдствіе неумѣлости лица, которому поручено было завѣдывать ими, собирались въ разгаръ войны бѣжать обратно въ Турцію. Разнаго рода порученія выполнялись Николаемъ Христофоровичемъ также въ 1855 и 1856 гг.

Въ событіяхъ 1877—1878 г.г. и въ послѣдующей исторіи Болгаріи Н. Х. Палаузовъ не принималъ личнаго участія. Возрастъ и другія обстоятельства мѣшали принять дѣлавшіеся ему въ этомъ отношеніи предложенія. Онъ отправилъ вмѣсто себя старшаго сына своего В. Н. Палаузова, который принималъ участіе въ устройствѣ судебной части Болгаріи и, какъ депутатъ одесскаго Настоятельства, въ работахъ учредительнаго собранія, создавшаго конституцію новаго государства. В. Н. Палаузовъ, нынѣ ординарный профессоръ Новороссійскаго университета, долженъ былъ на нѣкоторое время прервать свою ученую карьеру для того, чтобы послужить родному народу.

Само собой понятно, съ какимъ интересомъ слѣдилъ старый патриотъ за всѣмъ, что совершалось въ то время въ Болгаріи. Добрымъ совѣтомъ, полезнымъ указаніемъ старался онъ пособить дѣятелямъ, создавшимъ Болгарію. За этими совѣтами обращались къ нему и начальствовавшій гражданскою частью въ Болгаріи, занятой русскими войсками, и комитетъ, подготовлявшій проектъ болгарскаго государственнаго устройства. Для обсужденія послѣдняго Николаемъ Христофоровичемъ было, между прочимъ, образовано особое совѣщаніе изъ членовъ болгарскаго Настоятельства и нѣкоторыхъ профессоровъ юридическаго факультета Новороссійскаго университета.

Глубоко волновали Николая Христофоровича нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя возникали тогда между русскими освободителями и освобожденными болгарями. Русскіе забывали иногда, что нельзя относиться строго къ народу, который столько лѣтъ былъ подавленъ варварскимъ игомъ. Болгары, съ своей стороны, въ понятномъ увлеченіи русскимъ могуществомъ и великодушіемъ, тогда думали, что русскіе дадутъ имъ и свободу, и благосостояніе безъ малѣйшей жертвы со стороны самихъ болгаръ. Конечно, эти мелкіе факты не могли омрачить взаимнаго рас-

положенія двухъ родственныхъ народовъ, скрѣпленнаго кровью двухсотъ тысячъ молодыхъ русскихъ, умершихъ и убитыхъ на поляхъ Азій и Балканскаго полуострова. Но нѣкоторыя изъ подобныхъ недоразумѣній были все таки тяжелы. Интересно въ этомъ отношеніи читать переписку Николая Христофоровича съ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ и другими славянофилами.

Наконецъ, не остался чуждъ Николай Христофоровичъ и литературы. Имъ найдена обширная болгарская рукопись XIV вѣка «Синодикъ царя Бориса», очень важная для исторіи Болгаріи, особенно для исторіи богомилскаго движенія. Ему принадлежитъ жизнеописаніе одного изъ первыхъ работниковъ возрожденія Болгаріи, Венелина (см. Н. Х. Палаузовъ *Жизнеописаніе Юрія Ивановича Венелина*. Одесса. 1854), воспоминанія объ архіепископѣ Иннокентіи (Изъ прошлаго Одессы. Одесса. 1894, см. стр. 161—170), разныя статьи въ періодическихъ изданіяхъ и журналахъ (см. Н. Х. Палаузовъ: *Князь В. А. Черкасскій и болгарскіе патріоты*. «Русская Старина» 1892, кн. 3. См. тамъ же, 1888, кн. 12).

Послѣ того, какъ завѣтная мечта столь долгихъ лѣтъ осуществилась, и болгарское государство заняло свое мѣсто среди другихъ государствъ, дѣятельность болгарскаго Настоятельства и его предсѣдателя должна была, конечно, очень сократиться. Политическая дѣятельность переходила отнынѣ къ болгарскому народному правительству. Разнаго рода благотворительность также не могла уже имѣть мѣста. «Послѣ кровавыхъ жертвъ Россіи, писалъ Николай Христофоровичъ къ профессору Н. Барсову, болгары должны уже сами среди себя искать средствъ для дальнѣйшаго своего развитія». Отнынѣ Настоятельство должно было ограничиться управленіемъ суммами, собранными въ прежнее время, содѣйствіемъ болгарамъ, пріѣзжающимъ въ Россію учиться, и помощью бѣднымъ изъ болгаръ.

Въ виду всего сказаннаго никто, можно думать, не станетъ отрицать, что мы имѣли право остановить вниманіе читателей «Русской Старины» на недавно скончавшемся скромномъ чиновникѣ одесской таможни. Утѣшительно видѣть за послѣднее время признаки пробуждающейся общественной и политической зрѣлости русскаго общества. Начинаютъ замѣтно глубже понимать разныя явленія русской образованности и государственной жизни и чаще вспоминать тѣхъ, крупныхъ и малыхъ, кто потрудился на благо народное, кто создавалъ нашу общественность. Пусть же помянутъ русскіе люди и Н. Х. Палаузова!

Въ Болгаріи, особенно въ Габровѣ, покойный пользовался обширной извѣстностью и общей любовью. Его заслуги высоко цѣнили и болгарское правительство. (Покойный имѣлъ между прочимъ звѣзду Александра I степени). Телеграммы, полученныя его семействомъ по случаю его кончины, отъ князя Фердинанда, отъ министра народнаго просвѣщенія,

отъ города Габрова, отъ Габровской гимназiи, отъ Софiевскаго литературнаго дружества и др. лицъ и учреждений, свидѣтельствуютъ намъ объ этомъ. Князь Фердинандъ прислалъ В. Н. Палаузову свое соболѣзнованiе въ слѣдующихъ словахъ: «Выражаю вамъ мое искреннее соболѣзнованiе по случаю тяжелой утраты, которую повесли вы въ лицѣ покойнаго вашего отца, великаго патрiота и народнаго труженика».

Проф. П. Казанскiй.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспомянанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 г.г.)

XII ¹⁾).

Мобилизація румынской арміи.—Депеша Гамбургера.—Неудовольствіе Братіано.—Занятіе нами Барбошскаго моста.—Военное движеніе въ Букарестѣ.—Первыя выстрѣлы.—Возвращеніе барона Стурта въ Букарестѣ.—Два письма Е. Левицкому.—М. Д. Новиковъ.—Лейтенантъ Скрыдловъ.

8-го апрѣля объявлена была мобилизація русской арміи и всѣмъ стало извѣстно, хотя и не опубликовано, о союзѣ нашемъ съ Румыніей. День 10-го апрѣля ²⁾, былъ днемъ волненія для русскаго консульства въ Букарестѣ. Баронъ Стуртъ еще не вернулся, когда на имя генеральнаго консула была получена изъ Кишинева шифрованная телеграмма, подписанная Гамбургеромъ. Было извѣстно, что Гамбургеръ сопутствуетъ государю въ его путешествіи, и депеша за его подписью указывала очевидно, что въ ней излагается высочайшая воля. Депеша была длинная, начиналась словами: «передайте Братіано»—но увы далѣе она была написана посольскимъ шифромъ, ключа къ которому въ консульствѣ не существовало! Какъ могъ сдѣлать такую непростительную, вопіющую ошибку Гамбургеръ и состоявшіе при немъ чины министерства иностранныхъ дѣлъ, рѣшительно непонятно. Ужъ кому-кому, а имъ то слѣдовало бы знать ими же заведенный порядокъ, по которому въ консульствахъ нѣтъ министерскаго или посольскаго шифра. Секретарь консульства Казариновъ волновался больше всѣхъ, да и понятно: онъ за-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1899 г., июнь.

²⁾ За число не ручаюсь, но кажется такъ.

мѣнялъ Стурта въ отсутствіе послѣдняго, на немъ лежала вся отвѣтственность, надо было что-то передать Братіано и судя по ходу дѣлъ вообще и по тому, что телеграмма подписана Гамбургеромъ—передать что-то важное, а что—неизвѣстно!

Пославши въ Кишиневъ телеграмму Гамбургеру о случившемся, Казариновъ и Няга принялись за дешифровку (Золотаревъ былъ въ Кишиневѣ въ барономъ).

Работали цѣлый день, часть ночи и очень рано утромъ слѣдующаго дня депеша была дешифрована. Она гласила приблизительно, что государь императоръ не можетъ болѣе откладывать объявленія войны, что его величество повелѣлъ своимъ войскамъ вступить въ Румынію; что просимая княземъ Карломъ и его правительствомъ отсрочка объявленія войны ¹⁾ не можетъ быть принята его величествомъ и, что въ Румынію, согласно условію, посылаются просимые ею военные припасы и одинъ милліонъ франковъ на первые расходы. Деньги привезетъ Стуртъ.

Довольный удачной дешифровкой телеграммы, Казариновъ съ легкимъ сердцемъ отправился къ Братіано, но вернулся какъ ошпаренный. Братіано принялъ его не только сухо, но даже гнѣвно и въ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ наше правительство за то, что войска наши, безъ предварительнаго увѣдомленія, несмотря на протесты пограничныхъ административныхъ властей румынскихъ, вторгнулись въ предѣлы княжества, и что онъ, Братіано, смотритъ на это какъ на насиліе, какъ на *sans belli*. Казариновъ, еще ничего незнавшій о томъ, что войска наши дѣйствительно переправились у Леова, а также, сдѣлавъ усиленный переходъ, заняли Галацъ и Барбошскій мостъ, энергично отрицалъ это, что конечно еще болѣе взбѣсило Братіано, получившаго ночью телеграммы отъ своихъ префектовъ Галаца и Браилова о вступленіи русскихъ.

Желая смягчить неудовольствіе румынскаго премьера, Казариновъ, надо замѣтить довольно неудачно, приналегъ на извѣстіе о деньгахъ, о которыхъ говорилось въ телеграммѣ Гамбургера. Кажется, упоминаніе о деньгахъ еще болѣе взбѣсило Братіано, всегда бывшаго честнымъ въ денежномъ отношеніи, что, къ слову сказать, нечасто встрѣчалось въ румынской администраціи и въ особенности мало было извѣстно Кочальничано, занимавшему постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Что въ концѣ-концовъ наговорилъ Братіано Казаринову, осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ Казариновъ этого не повѣдалъ намъ, но должно быть *qu'il a passé un mauvais quart d'heure*, не будучи виноватъ ни душой, ни тѣломъ;

¹⁾ Кажется, князь Карлъ просилъ, въ виду неоконченной мобилизаціи его арміи, отложить объявленіе войны до 14-го апрѣля, что и возложено было на генерала Гьку, а можетъ быть князь просилъ отложить до 15-го апрѣля, когда конвенція съ нами должна была быть предъявлена палатамъ.

разказы его были сбивчивы, уклончивы, онъ имѣлъ сконфуженный видъ, а мы не добивались правды.

Какъ бы то ни было война была объявлена и первый дебютъ вполне благополученъ: Барбошскій мостъ, столь насъ всѣхъ, и въ томъ числѣ меня, безпокоившій, въ нашихъ рукахъ.

Съ этого времени въ Букарестъ стали все чаще и чаще наѣзжать разные лица изъ дѣйствующей арміи. Хлопотъ было масса; были и неприятности. 15-го апрѣля пріѣхалъ къ намъ адъютантъ великаго князя главнокомандующаго Поповъ, милѣйшій, вполне порядочный человекъ и образованный офицеръ. Онъ пріѣхалъ съ какимъ-то порученіемъ отъ главнокомандующаго къ князю Карлу, а затѣмъ, читая по своей записной книжкѣ, задавалъ намъ (Бобрикову, Мазюкевичу, Измайлову и мнѣ) разные вопросы по порученію Непокойчицкаго и Левицкаго. Каково же было наше изумленіе и негодованіе, когда Поповъ между прочимъ сказалъ, что Левицкій ужасно сердитъ на насъ обомъ ¹⁾ за то, что мы до сихъ поръ не сообщили ему требуемыя имъ свѣдѣнія о глѣбѣ для наводки мостовъ. Между тѣмъ еще въ январѣ я сообщилъ Левицкому письменно свѣдѣнія эти въ общихъ чертахъ, а затѣмъ Бобриковъ подробно разработалъ этотъ вопросъ, велъ по этому дѣлу переговоры съ Братіано и донесъ обстоятельно въ февралѣ. Вопросъ этотъ касался Румыніи и потому не могъ быть разработанъ мною, не имѣвшему сношеній съ румынскимъ правительствомъ, но Бобриковъ усердно этимъ занимался и сдѣлалъ все, что требовалось. Мы возмущались и сердились, но я къ несчастію не могъ доказать своей правоты, такъ какъ при постоянныхъ отлучкахъ изъ Букареста и путешествіяхъ не всегда снималъ копіи съ моихъ писемъ Левицкому; но Бобриковъ, отличавшійся педантической аккуратностью въ дѣлахъ, на его счастье, могъ представить черновые своихъ донесеній. Поповъ все записалъ и общалъ насъ объѣхать. Впослѣдствіи, Поповъ пріѣзжалъ еще разъ 22-го или 23-го апрѣля и въ утѣшеніе привезъ мнѣ благодарность Непокойчицкаго за мои работы. Я думаю, что это подстроилъ самъ милѣйшій Поповъ, въ предшествующій пріѣздъ во-очію убѣдившійся въ разсѣянности Левицкаго и отсутствіи порядка въ дѣлахъ его. вмѣстѣ съ тѣмъ Поповъ передалъ мнѣ порученіе Левицкаго, чтобы я не удивлялся, если меня возьмутъ изъ Кавказской дивизіи опять въ главную квартиру. «Нечего дѣлать, теперь каждый долженъ быть тамъ гдѣ—нужнѣе», было записано Поповымъ со словъ Левицкаго. Это извѣстіе меня весьма огорчило; во-первыхъ, по имѣвшимся у меня свѣдѣніямъ, Кавказская казачья дивизія предназначалась, по переходѣ черезъ Дунай, въ авангардъ арміи, что мнѣ очень улыбалось; во-вторыхъ, я всегда имѣлъ пристрастіе къ кав-

¹⁾ На меня и Бобрикова.

лерин, особенно къ кавказскимъ казакамъ; лошади у меня были отличныя, вооруженіе и снаряженіе тоже щегольское и вдругъ съ этой то обстановкой и стремленіями,—сидѣть въ главной квартирѣ! Кромѣ того, въ Кавказской казачьей дивизіи командовали частями все мои друзья: 1-й бригадой—И. Ѳ. Тутолминъ, 2-й бригадой—Г. А. Вульфбергъ, 30-мъ донскимъ полкомъ—Давыдъ Орловъ. Хорошая эта компанія немножко портилась главнымъ начальникомъ, Д. Ив. Скобелевымъ, неподвижность и военную отсталость котораго я уже описалъ раньше; но все же я считалъ его человѣкомъ добрымъ и хорошимъ, только тяжелымъ на подъемъ. Къ этому надо прибавить еще и то, что работа, которую я велъ до сего времени, начинала меня тяготить и надоедать, не по существу своему, а по способу ея веденія и слабымъ результатамъ. По существу дѣла, работа была безспорно въ высшей степени интересна и обнимала широкіе и разнообразныя вопросы, но вѣчное безденежье, дерганье изъ Кишинева, нерѣшительность, соединенная со скупостью, медленность въ сношеніяхъ—парализовали все дѣло, сводя его если не совсѣмъ къ нулю, то во всякомъ случаѣ оставляя весьма далеко отъ желаемаго и вполнѣ возможнаго совершенства.

Врядъ ли война съ другимъ противникомъ будетъ ведена нами при условіяхъ столь благоприятныхъ какъ война съ Турціей за освобожденіе славянъ. Болгары рвались намъ помогать всѣмъ, чѣмъ могли и въ то же время вполнѣ безкорыстно.

Теперешніе наши враги въ родѣ Начовича ¹⁾, и много другихъ были въ то время преданнѣйшими нашими слугами и щеголяли другъ передъ другомъ сдѣланными услугами и перенесенными ими на дѣло освобожденія трудами. Начовичъ, теперешній австрофильскій-болгарскій министръ и принципиальный врагъ нашъ, былъ въ то время не только ревностнымъ слугою Россіи, но былъ прямо моимъ личнымъ слугою, безропотно и съ полной готовностью исполняя при мнѣ самыя тяжелыя порученія и обязанности. Можно было бы имѣть гораздо больше свѣдѣній, чѣмъ мы имѣли, можно было бы набрать цѣлый полкъ переводчиковъ, переводчиковъ и другихъ лицъ, вполнѣ благонадежныхъ, разныхъ специальностей, разныхъ степеней развитія и способностей, но надо было работать энергично, не скупиться и имѣть широкія полномочія; ничего этого у меня не было.

Неудачный, по моему мнѣнію, или, правильнѣе сказать, недостаточно удачный ходъ моихъ работъ, что я видѣлъ лучше другихъ, хотя мною и были довольны свыше, отвратилъ уже меня до нѣкоторой степени отъ дѣла, я съ радостью мечталъ вступить въ ряды Кавказской дивизіи—и вдругъ надежда эта исчезла.

¹⁾ Писано въ 1893 году.

Послѣ объявленія нами войны, Букарестъ окончательно всполохился и принялъ видъ военнаго лагеря. По всѣмъ улицамъ двигались войска и резервисты, слѣдившіе подъ знамена своихъ частей; за городомъ и по шоссе, обычному мѣсту гуляній, производили пробѣдку и обучение мобилизованныхъ батарей и обоза. Недостающія лошади были взяты отъ населенія, причѣмъ я любовался замѣчательно щегольскими запряжками артиллеріи; видно было много кровныхъ, шорныхъ лошадей въ орудіяхъ. Мнѣ говорили, что администрація, состоявшая въ то время изъ красныхъ, т. е. демократовъ, сильно принадлегла на противную партію—бѣлыхъ, аристократовъ, пользуясь случаемъ имъ насолить, и этому то обстоятельству обязана была румынская артиллерія щегольскими лошадьми. Мнѣ говорили даже, что всѣ кровныя лошади бывшаго когда-то военнымъ министромъ аристократа генерала Флореско были забраны въ войско. Князь Карлъ производилъ постоянные смотры, бряцанье сабель на Подъ-Могошой и въ кофейняхъ усилилось, но мирное населеніе бѣжало.

14-го апрѣля въ 9 час. вечера, получена была въ Букарестъ телеграмма, что турецкіе пароходы на Дунаѣ обстрѣливали изъ орудій нашу колонну, двигающуюся по шоссе отъ Ренни къ Галацу. Это были первые пушечные выстрѣлы войны 1877—1878 гг.

17-го апрѣля, полковникъ Мазюкевичъ былъ вновь потребованъ къ князю Карлу, который съ ужасомъ говорилъ, какъ онъ былъ пораженъ объявленіемъ войны и вступленіемъ нашихъ войскъ въ Румынію безъ его на то соизволенія. «Моя столица въ большой опасности», сказалъ онъ и предложилъ Мазюкевичу, совмѣстно съ чинами румынской арміи, составить предположеніе объ укрѣпленіи Букареста.

Сопутствующій румынскимъ начальникомъ штаба, артиллерійскими и инженерными офицерами Мазюкевичъ рыскалъ по окрестностямъ Букареста, по его словамъ, ровно столько дней сколько Іона квартировалъ во чревѣ кита. Когда предположеніе было составлено, именно во время самаго разгара паники, побоялись исполнять его, чтобы еще болѣе не напугать населеніе столицы и окрестностей. Интересно при этомъ замѣтить, что въ дѣйствительности ни одинъ турокъ не перебрался на лѣвый берегъ, въ Румынію, и всѣ страхи чванливыхъ, хвастливыхъ, но и трусоватыхъ румынъ были напрасны. Было нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ рѣзни на островахъ Дуная (около Рушукъ и у Пикета, противъ Рахова), куда прибрежные жители румыны отправлялись для ловли рыбы и за камышемъ и куда ѣздили турки рѣзать камышъ для крѣпостныхъ работъ; но и это были единичные случаи и при томъ отчасти потому, что право владѣнія островами Дуная не было ясно опредѣлено.

Съ объявленіемъ войны я пересталъ быть лицомъ неофіціальнымъ

въ Букарестѣ, снова превратился въ полковника русской службы, но продолжалъ ходить въ статскомъ платьѣ, до прихода Кавказской казачьей дивизіи, которая по маршруту должна была прибыть въ окрестности Букареста 22-го апрѣля.

Вернувшійся баронъ Стюартъ привезъ два боченка съ золотомъ, предназначеннымъ для румынъ; боченки поставили въ маленькой комнатѣ за большимъ кабинетомъ Стюарта, въ такъ-называемомъ *cabinet noir*, въ которомъ зимой пришлось мнѣ такъ часто работать. Боченки закрыли рогожами. Я помню хорошо, что въ то время румынское правительство было сильно возбуждено противъ насъ за то, что мы не согласились на просимую отсрочку объявленія войны, и за то, что войска наши перешли границу безъ предварительнаго извѣщенія. Братіано такъ злился, что на приглашеніе Стюарта прійти къ нему не пошелъ; явился Когальничано съ выговорами и жалобами. Баронъ Стюартъ, чтобы смягчить гнѣвъ министра, повелъ его въ *cabinet noir* и открылъ боченки. Кажется, видъ золота благотворно подѣйствовалъ на Когальничано.

Общее положеніе наше въ эти знаменательные дни подробно описано мною въ двухъ донесеніяхъ К. Левицкому, черновыя которыхъ у меня сохранились, и я привожу ихъ здѣсь полностію, безъ пропусковъ.

14-го апрѣля, № 14.

«Представляю на ваше благоусмотрѣніе слѣдующее обстоятельство: ко мнѣ являются ежедневно въ большомъ количествѣ различные болгары съ предложеніемъ услугъ въ качествѣ проводниковъ, переводчиковъ и т. п.

«Находясь здѣсь давно и имѣя довольно обширныя знакомства между болгарами, я имѣю возможность дѣлать между ними выборъ, т. е. контролировать ихъ благонадежность.

«Между тѣмъ несомнѣнно, что къ начальникамъ частей будутъ являться тоже различные люди съ предложеніемъ услугъ, и начальники частей легко могутъ попасть въ ошибку, т. е. взять или мало знающихъ, а иногда и неблагонадежныхъ.

«По крайней мѣрѣ извѣстно, что уже есть два лица, предложившія или имѣющія предложить свои услуги частямъ нашихъ войскъ и въ то же время состоящія турецкими шпионами, именно: Харизіадисъ и Мегметъ-ага (сѣдой, около 50-ти лѣтъ). Первый явился изъ Виддина въ Руцукъ, а оттуда въ Букарестъ, гдѣ прожилъ сутки и затѣмъ отправился въ Браиловъ, на встрѣчу нашихъ войскъ. Второй тоже отправился изъ Турціи въ Браиловъ. Не найдете ли удобнымъ поручить мнѣ набрать людей по числу дивизій (хотя бы) и отправить ихъ, съ моимъ свидѣтельствомъ, туда куда будетъ указано.

«Эти дивизіонные вожатые и переводчики уже могутъ, по прика-

занію начальника дивизіи, набрать вполнѣ вѣрныхъ людей для полковъ или вообще отдѣльныхъ частей.

«Я знаю, напримѣръ, что многіе греки хотять сдѣлать себѣ профессію изъ обязанности переводчика или вожаго, а между тѣмъ всѣ здѣшніе греки противъ насъ, противъ болгаръ и за Турцію.

«Для главной квартиры, т. е. штабъ-офицеру надъ вожагыми, я подобралъ превосходныхъ людей и сдалъ ему моихъ главныхъ агентовъ.

«Полковникъ Нагловскій писалъ мнѣ, что вы ждете отъ меня осмотра или провѣрки пунктовъ дислокаціи нашей арміи около Букареста; позволяю себѣ завѣрить, что подобнаго приказанія я не получалъ¹⁾. Теперь же прошу инструкцій и къ этому присовокупляю, что есть два способа получить нужныя свѣдѣнія: 1) объѣздить эти пункты, 2) добыть въ министерствѣ румынскомъ списки населенныхъ пунктовъ (подробные, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ) и провѣрить по нимъ.

«Первый способъ теперь положительно невозможенъ: Бобриковъ цѣлый день рвется на куски разными Братіано, Фалькоюнами, Чернатами и т. п. Я цѣлый день сижу за полученіемъ донесеній, свѣркою ихъ и отправкою людей. Кромѣ того, при существующей въ Букарестѣ и окрестностяхъ паникѣ, необходимо объѣхать (пункты) съ разрѣшенія и съ содѣйствіемъ румынскаго правительства, а то иначе сочтутъ за шпіона и пожалуй побьютъ, а я не знаю, вправѣ ли я или Бобриковъ сообщить или открыть румынскому правительству дислокацію арміи нашей и съ своей стороны считаю это сообщеніе положительно невозможнымъ и опаснымъ. Какъ разъ, на другой день, дислокація очутится у турокъ. Это вѣрно.

«По моему мнѣнію второй способъ предпочтительнѣе, и я жду указаній.

«Лучше всего было бы, если бы вы прислали сюда Фрезе; право надо время, чтобы познакомиться съ людьми, удовіями и проч. Тогда могъ бы я дѣлать другое.

«Я просилъ начальника штаба рапортомъ о присылкѣ сюда Фрезе, излагая мотивы, но отвѣта не получилъ. Теперь повторяю эту просьбу вамъ и повторяю наиубѣдительнѣйшимъ образомъ.

«Мы всѣ здѣсь весьма огорчены полученнымъ сегодня барономъ Стуртомъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ Когальничано извѣстіемъ, что не только великій князь посылаетъ письмо князю Карлу съ Поповымъ, но что даже государь шлетъ письмо съ Долгорукимъ! И это въ то время, когда Румынія, въ лицѣ своихъ представителей, дѣлаетъ намъ всякія пакости (примѣръ: недавніе поѣздовъ) и только вчера немного сдались, когда Стуртъ объявилъ, что если они будутъ продолжать свои пакости, то онъ немедленно выѣдетъ изъ Букареста и миллионъ фран-

¹⁾ Образецъ порядка дѣлопроизводства полевого штаба.

ковъ отдасть (въ силу ихъ пакостей) только получивъ особое высочайшее повелѣніе; такъ боченки и стоятъ у Стурта.

«Вы не повѣрите, не увидѣвъ сами, до чего эти румыны лживы. Когальничано, который вчера былъ, подъ конецъ вечера, у ногъ Стурта, боясь не получить милліонъ и боясь выѣзда Стурта, сегодня, получивъ отъ Гики депешу о письмахъ государя и великаго князя, заговорилъ такимъ тономъ, что мы всѣ поразились. Въ понедѣльникъ, въ день пріѣзда Стурта, положеніе дѣлъ относительно Румыніи было таково, что на заявленіе Стурта, чтобы Братіано къ нему пріѣхалъ (прежде Братіано всегда ѣздилъ самъ, находя, что это лучше по многимъ причинамъ), Братіано не только не пріѣхалъ, но даже не принялъ секретаря, посланнаго къ нему.

«Пріѣхалъ Когальничано и тоже съ выговоромъ и протестомъ о вступленіи нашихъ войскъ.

«Стуртъ потребовалъ аудіенціи у князя, для сообщенія подробностей по поводу вступленія нашихъ войскъ; отказа прямого не послѣдовало, но министры заявили, что надо ждать 15-го апрѣля, когда соберутся палаты. Тогда Стуртъ объявилъ, что если въ три часа пополудни (т. е. въ тотъ же день) онъ не будетъ принятъ княземъ, то въ тотъ же вечеръ онъ со всѣмъ консульствомъ и со всѣми русскими выѣзжаетъ изъ Букареста.

«Тогда рѣшили дать аудіенцію въ три часа пополудни, но при непремѣнномъ условіи, чтобы аудіенція (обыкновенно бывающія съ глазу на глазъ) произошла въ присутствіи Братіано и Когальничано.

«Такъ и было. Положимъ Стуртъ не въ долгу и благодарилъ князя за то, что тотъ въ ознаменованіе особаго довѣрія къ русскому консулу рѣшился измѣнить дипломатическому обычаю, по которому аудіенція у лица, по особому случаю, происходитъ безъ свидѣтелей.

«Потомъ вамъ нѣсколько извѣстны задержки въ Яссахъ; получается донесеніе изъ Яссъ по телеграфу, что не дадутъ поѣздовъ. Стуртъ или Бобриковъ ѣдутъ къ Братіано, тотъ говоритъ, что все сдѣлаеть,—а въ результатѣ, военный министръ даетъ депешу, чтобы отнюдь не давали намъ поѣздовъ, покуда не кончатъ перевозку доробанцевъ¹⁾, т. е. до 14-го апрѣля.

«Всѣ румынскія войска изъ Журжева и Калафата оттянуты къ Боалешти, Слатинѣ, Краіову и Букаресту»²⁾.

Письмо Левицкому отъ 20-го апрѣля.

«Сегодня получилъ я извѣстіе отъ полковника Артамонова, что вами

¹⁾ Пѣшая румынская милиція.

²⁾ Т. е. отъ Дуная внутрь страны.

одобрено мое предложеніе принимать переводчиковъ и проводниковъ въ части войскъ съ моимъ свидѣтельствомъ. Считаю нужнымъ повторить, что это крайне необходимо. Вся Румынія кипитъ шпионами.

«Сообщеніе на лодкахъ съ Турціей существуетъ въ слѣдующемъ видѣ: турки пускаютъ къ себѣ на берегъ только тѣхъ кого хотятъ, румыны же, на основаніи будто бы нейтральности, пускаютъ всѣхъ. Такимъ образомъ явились сюда турецкіе шпионы: Харизиадись, уже уѣхавшій въ Браиловъ съ предложеніемъ услугъ нашимъ войскамъ, докторъ Данковскій и одинъ турецкій артиллеристъ, котораго схватили здѣсь вчера болгары и передали румынскимъ властямъ; несомнѣнно, что власти его выпускаютъ (Это шпионы, которыхъ я знаю лично; вообще же ихъ тьма).

«На дняхъ пріѣхалъ изъ Рушука господинъ и производилъ съемку позиціи у Фратешти; полиція схватила его, но узнавъ, что онъ французъ—извинилась и выпустила, а онъ, конча съемку, уѣхалъ въ Рушукъ.

«Вы не повѣрите, какія препятствія и антагонизмъ встрѣчаемъ мы на каждомъ шагу въ румынскихъ властяхъ, особенно въ Когальничано. Вчера предъявилъ онъ Стурту весьма дерзкую ноту за то, что наши войска арестовали въ Галацѣ и Браиловѣ шпионовъ, румынскихъ поданныхъ. Стуртъ сегодня отвѣчалъ нотой весьма рѣзкой.

«До сихъ поръ Бобриковъ не можетъ добиться, чтобы назначили комиссаровъ въ войска. Румыны врутъ и надуваютъ на каждомъ шагу. Напр. Братіано говоритъ: «къ вечеру будетъ сдѣлано»... ничуть не бывало. Фалькоюно обѣщаетъ придти въ такомъ-то часу—обманъ. Братіано ссылается на Когальничано, Когальничано на Братіано, оба ссылаются на Фалькоюно, а Фалькоюно ссылается на обоихъ. Всѣ врутъ и обманываютъ на каждомъ шагу. Пожалуйста сообщите, кому вѣдать надлежитъ, чтобы не дѣлали ни единой уступки, не оказывали ни единой милости Братіано, покуда баронъ Стуртъ не увѣдомитъ окончательно, что всѣ вопросы Бобрикова и особенно Измайлова рѣшены окончательно.

«Повѣрите ли, что мы пятый день добиваемся съ Бобриковымъ, чтобы намъ дали провожатыхъ, полицейскихъ (уѣздныхъ) чиновъ для осмотра дислокаціонныхъ пунктовъ. Ѣхать безъ нихъ неудобно, потому что при существующемъ порядкѣ вещей ничего не сдѣлаешь, а только наткнешься на кучу неприятностей. Въ первый же день какъ мы заявили требованіе, Братіано сказалъ: «къ вечеру будутъ»—и вотъ пять дней, что ничего не сдѣлано, несмотря на постоянныя требованія и напоминанія.

«Теперь мы просимъ военнаго министра, чтобы далъ офицеровъ сопровождать насъ. Это уже гораздо хуже въ сравненіи съ просимыми нами чиновниками, но все же хоть какъ-нибудь объѣздимъ пункты.

«Конвенція служить для румынъ только предлогомъ придираться, находя, что мы ее нарушаемъ. Напримѣръ, Когальничано, протестуя противъ ареста шпионовъ нашими войсками, ссылается на конвенцію, по которой преслѣдуемы могутъ быть только тѣ лица, которыя погрѣшили противъ румынскихъ законовъ, а такъ какъ Румынія страна мирная¹⁾, то шпионы могутъ гулять сколько угодно.

«По моему надо сдѣлать одно изъ двухъ: 1) или пусть князь Карлъ объявитъ военное положеніе въ странѣ и приметъ на это время диктаторскую власть или 2) пусть мы будемъ въ Румыніи какъ въ странѣ, занятой силою.

«Мы не могли объѣзжать пунктовъ (дислокаціонныхъ) напр. потому, что только 18-го апрѣля была утверждена конвенція въ сенатѣ; до тѣхъ поръ она не имѣла силы. Да и теперь-то она ни къ чему не служить»²⁾).

Наконецъ послѣ безконечныхъ переговоровъ и просьбъ румынское военное министерство дало просимыхъ нами офицеровъ и вообще мы получили возможность объѣхать районы будущей дислокаціи нашей арміи. Мнѣ данъ былъ въ спутники очень милый, совсѣмъ еще молодой, артиллерійскій офицеръ Паладѣ (Paladà).

Я поѣхалъ къ западу и къ юго-западу отъ Букареста, а Бобриковъ на востокъ. Поѣздки эти я совершалъ нанявъ коляску у скопцовъ, при чемъ кучеромъ всегда былъ любимецъ Матюшева, красавецъ Миша, еще не успѣвшій обрѣзгнуть³⁾. Въ числѣ деревень, осмотрѣнныхъ мною была д. Михалешти на р. Аржисѣ, о которой упоминаю потому, что о ней придется говорить еще разъ впоследствии. Деревня эта, хотя и находилась близъ р. Аржиса, но дороги въ ея окрестностяхъ были во время моего осмотра, весной, 22-го апрѣля, вполне исправны.

До свѣдѣнія главнокомандующаго доведено было, что румыны оттянули войска свои съ Дуная внутрь страны; 26-го апрѣля получена была телеграмма великаго князя съ именнымъ приказаніемъ мнѣ лично объѣхать расположеніе румынскихъ войскъ въ Журжевѣ и Ольтеницѣ. Въ Журжевѣ я пробылъ весь день 27-го апрѣля, а въ Ольтеницѣ 28-го и 29-го апрѣля. Не помню сколько именно было войскъ въ Журжевѣ, но знаю навѣрное, что ихъ почти не было, были только команды доробанцевъ (милиція). Въ Ольтеницѣ было всего эскадронъ каларашей (конная милиція) и 4 орудія. Въ Ольтеницѣ я засталъ румынскаго ге-

¹⁾ Въ то время она еще не объявила войны Турціи.

²⁾ Конвенція подписана договаривающимися сторонами 4-го апрѣля, въ палату внесена 14-го апрѣля, а въ сенатъ—18-го апрѣля.

³⁾ Этотъ Миша, рассказывая про смотры, которые дѣлалъ князь Карлъ своимъ войскамъ, говорилъ мнѣ: „ихняя-то Карла свои войска смотрить. Духей бы рада съ нами за-одно быть, да министровъ бонится“.

нерала Ману, который сообщил мнѣ, что нѣсколько часовъ передъ моимъ прїѣздомъ онъ выдержалъ сильную бомбардировку изъ Туртукая, и пригласилъ меня на батарею. И онъ и офицеры его относились ко мнѣ очень любезно и съ большимъ усердіемъ показывали ямки (воронки), сдѣланныя турецкими снарядами при разрывѣ¹⁾; меня постоянно окликали говоря: «mon colonel et voicі епсоге» и показывали ямку, voicі епсоге—показывали другую. Я, какъ не бывшій еще подъ артиллерійскимъ огнемъ, съ почтеніемъ оглядывалъ эти ямки и выслушивалъ рассказы о подвигахъ каларашей, которые, *malgré le feu*, подносили снаряды на батарею; удивляло меня только то, что послѣ сильной, какъ выразился Ману, бомбардировки, приходилось бѣгать отъ ямки къ ямкѣ и даже искать ихъ. Въ моемъ воображеніи сильная бомбардировка должна была взрыть всю землю на непріятельской батарее; но какъ неопытный, а также изъ вѣжливости, я выслушивалъ внимательно всѣ рассказы и принялъ съ удовольствіемъ предложеніе генерала Ману представить мнѣ одного калараша *qui s'est distingué*. О результатахъ моего осмотра я донесъ телеграммами²⁾.

Въ концѣ апрѣля пришлось мнѣ поѣхать на обводную съ сѣверной стороны Букареста желѣзную дорогу, такъ какъ въ Букарестъ прїѣзжалъ великій князь Николай Николаевичъ Младшій. Не помню, прїѣзжалъ ли великій князь въ Букарестъ или былъ проездомъ.

Съ обводной желѣзной дороги я проѣхалъ на вокзалъ сѣверной дороги и тутъ мое вниманіе привлекла группа, изъ которой доносилась русская рѣчь.

Центромъ этой группы были двое статскихъ: одинъ огромнаго роста, широкоплечій, довольно тучный, пожилой брюнетъ, съ короткой, рѣдкой, черной, уже сѣдѣющей, бородкой клиномъ; другой—типъ великорусса—пониже перваго, съ круглымъ лицомъ и въ золотомъ *pinse-nez*. Голосъ перваго звучалъ какъ труба поразительнымъ басомъ, просто гудѣлъ, подстать заправскому протоіакоу. Обоихъ статскихъ окружала мѣстная разношерстная толпа всевозможныхъ еврейчиковъ и румынъ, очевидно, предлагавшихъ услуги.

Вдругъ въ разговорѣ ихъ я услышалъ слово «Журжево» и что имъ надо туда ѣхать. Очевидно соотечественники, да вѣроятно еще военные, желаютъ ѣхать въ Журжево. Я подошелъ къ старшему и спросилъ порусски: не могу ли я быть имъ полезнымъ. Крайне недовѣрчиво и по-

¹⁾ Между прочимъ обращало на себя вниманіе то обстоятельство, что турецкіе снаряды плохо разрывались.

²⁾ Одновременно съ бомбардировкой Ольтеницы, турки, въ Ваддинѣ, замигнувъ установку орудій румынами въ Калафатѣ, открыли огонь. Снаряды разрывались также весьма рѣдко.

дозрительно глядѣлъ на меня великанъ, но я отозвалъ его въ сторону, отрекомендовался и далъ ему мою визитную карточку. Гигантъ смилостивился и сказалъ, что они ѣдутъ по экстренному дѣлу въ Журжево. Оказалось: гигантъ—капитанъ 1-го ранга Модестъ Дмитріевичъ Новиковъ и его товарищъ лейтенантъ Скрыдловъ. Не сообщая мнѣ тутъ, на платформѣ, сущности дѣла, по которому они пріѣхали, Новиковъ сказалъ мнѣ, что имъ надо ѣхать въ Журжево и они хлопочутъ достать переводчиковъ и людей знакомыхъ съ Дунаемъ. Я догадался, что дѣло идетъ о минныхъ загражденіяхъ, уговорилъ Новикова съ Скрыдловымъ заѣхать ко мнѣ въ гостиницу и тамъ объяснился съ ними; они увидѣли, что мнѣ можно, а строго говоря, должно довѣриться и сообщили, что ѣдутъ въ Журжево для предварительныхъ работъ по закладкѣ миннаго загражденія на Дунаѣ противъ Рущука. Я спросилъ ихъ, какихъ же имъ людей нужно? Оказалось, что кромѣ переводчиковъ имъ нужны люди, знающіе Дунай, его фарватеръ, свойства рѣки, слѣдовательно, рыбаки или лодочники. Слушая ихъ рассказы я пришелъ въ ужасъ: какъ такъ? люди ѣдутъ на такое во всѣхъ отношеніяхъ серьезное, отвѣтственное и опасное дѣло, и ѣдутъ съ легкимъ сердцемъ, какъ туристы, не наведя никакихъ справокъ, и не будь меня, совершенно случайно, на вокзалѣ, они несомнѣнно попали бы въ руки толпившихся тамъ проходивцевъ.

— Скажите пожалуйста,—говорилъ я имъ,—видѣли ли вы въ Кишиневѣ, при отправленіи вашемъ, Непокойчицкаго или Левицкаго?

— Какъ же не видѣть; отъ нихъ же мы и получили командировку.

— Такъ неужели ни одинъ изъ нихъ вамъ не сказалъ, что вотъ здѣсь, въ Букарестѣ, около полугода уже живутъ полковникъ Бобрниковъ и я для оказанія всякой помощи командированнымъ лицамъ, при чемъ я специально занимаюсь развѣдками, рекогносцировками и приготовленіемъ для арміи проводниковъ, переводчиковъ и другихъ нужныхъ людей, по разнымъ отраслямъ.

Оказывается, никто ничего имъ не сказалъ, не направилъ и они хотѣли прямо ѣхать въ Журжево и тамъ, не зная ни языка, ни мѣстныхъ условій, организовать укладку минъ!

Что же дѣлается въ главной квартирѣ??...

Тотчасъ вытребованы были мною Евлогіи Георгіевъ, Начовичъ и нѣкоторые другіе, а также и Матюшевъ, имѣвшій много знакомыхъ скопцовъ, занимавшихся рыбными промыслами. Конечно, Матюшевъ сидѣлъ въ одной комнатѣ, а болгары въ другой, не видя другъ друга. При помощи всѣхъ этихъ лицъ составлены были соображенія о наилучшей и удобнѣйшей организаціи всего необходимаго для успѣшнаго и по возможности безпрепятственнаго выполненія трудной задачи нашихъ моряковъ,

и они уѣхали въ Журжево не одинокими и не брошенными на произволъ судьбы ¹⁾).

XIII.

Товарищество Грегерь, Горвицъ, Коганъ и К^о.—Состояніе турецкой обороны.—Рисунки формъ одежды турецкихъ войскъ.—Рекогносцировка Дуная.—Вопросъ о мѣстѣ переправы.—Командировка Д. С. Нагловскаго.—Панаіотъ Хитовъ.—Наши приготовления.—Казиміръ Левицкій.—Корреспонденты газетъ.—Болгарскіе комитеты.

Въ концѣ апрѣля начали прибывать къ Букаресту наши войска и продвигались дальше къ югу. На первыхъ же порахъ пресловутое товарищество Грегерь, Горвицъ, Коганъ и К^о, взявшее на себя довольствіе арміи, оказалось несостоятельнымъ. Жалобъ на нихъ нѣсть конца; жалобы были не только о недоставленіи въ извѣстныхъ пунктахъ условеннаго и ожидаемаго довольствія, или о доставленіи его дурного качества, но и о крайне нахальномъ и дерзкомъ обращеніи поставщиковъ съ войсками. Были случаи такіе: приходитъ часть войскъ на ночлегъ или дневку; агентъ товарищества (хорошо еще когда такового находили) на вопросъ о сѣнѣ, указываетъ на стоги сѣна, стоящіе въ полѣ; фуражиры забираютъ сѣно, и оказывается, что сѣно это принадлежитъ частнымъ лицамъ, мѣстнымъ жителямъ, никогда ими никому не продавалось, и наши солдаты оказывались виновными въ самоуправствѣ и грабежѣ. Бросались за агентомъ, но того уже и слѣдъ простылъ, а вмѣсто агента являлись румынскія власти и составляли протоколъ о насиліи, учиненномъ русскими войсками, и т. д.

Всѣ агенты товарищества, особенно низшіе, были евреи, и не только мѣстные, румынскіе или изъ ближайшихъ губерній Россіи, но, кажется, со всего земного шара. Возвращаясь однажды домой, въ гостиницу, я увидѣлъ какую-то жидовскую фигуру, усердно мнѣ кланявшуюся, какъ знакомому. Спросивъ его, откуда или почему онъ меня знаетъ, еврей сообщилъ, что онъ поставлялъ фуражъ въ отрядъ полковника Рубашевского на маневры 1876 года, при движеніи этого отряда отъ Петрокова

¹⁾ По поводу приводимаго въ исполненіе проекта устройства минныхъ загражденій на Дунаѣ вспомнились мнѣ наши зимніе разговоры у барона Стурта, когда почтеннѣйшій драгоманъ Лука Анастасьевичъ Няга, съ пыломъ убѣжденнаго человѣка, доказывалъ мнѣ и Бобрикову, что Европа никогда не позволитъ намъ заградить минами Дунай, эту международную артерію европейской коммерціи. Въ этомъ случаѣ Няга являлся, впрочемъ, не единственнымъ представителемъ тѣхъ нашихъ дипломатовъ, для которыхъ Европа,—это вещь, а Россія,—звукъ пустой.

черезъ Гуру-Кальварію къ Ново-Минску, и видѣлъ меня въ отрядѣ. На вопросъ мой, зачѣмъ онъ очутился въ Букарестѣ, еврей сказалъ, что ищетъ какого-нибудь дѣла; а когда я поинтересовался узнать, къ кому же онъ пріѣхалъ, есть ли у него знакомые или рекомендаціи, то оказалось, что ничего этого нѣтъ; просто взялъ да и поѣхалъ искать гешефта изъ Петрокова на Дунай. Вотъ это инициатива!

Не помню, когда именно прибывала въ окрестности Букареста 12-я кавалерійская дивизія, съ ея начальникомъ барономъ Александромъ Фёдоровичемъ Дризенемъ. Генералъ остановился въ «Hôtel Boulevard» и искалъ кого-нибудь изъ главныхъ агентовъ товарищества, чтобы показать образцы совершенно гнилого хлѣба, полученнаго войсками. Въ это время въ той же гостиницѣ жилъ самъ Коганъ, одинъ изъ триумвировъ. Взбѣшенный Дризенъ требовалъ его къ себѣ, въ мою комнату. Коганъ долго не соглашался идти, но наконецъ явился, надѣвъ, изъ предосторожности, орденъ св. Владимира 4-ой степени въ петлицу. Дризенъ ругалъ его на чемъ свѣтъ стоитъ, а Коганъ, блѣдный и дрожащій, благородно молчалъ и только, кажется, своимъ смиреніемъ избѣгъ потасовки, которую готовился зататить ему Дризенъ, несмотря на орденъ.

Одною изъ первыхъ частей прибыла 8-я кавалерійская дивизія. Начальникъ штаба этой дивизіи, полковникъ баронъ Каульбарсъ (Александръ), зашелъ ко мнѣ и жаловался, что войска встрѣчаютъ всевозможныя затрудненія. Между прочимъ, говоря о малой заботливости штаба арміи о войскахъ, Каульбарсъ говорилъ, что слѣдовало бы раздать войскамъ картинки, изображающія румынскія и турецкія войска, а то могутъ произойти недоразумѣнія, и наши войска, чего добраго, примутъ союзниковъ за враговъ. Это замѣчаніе было вполнѣ справедливо, но оно меня чрезвычайно удивило, такъ какъ я давнымъ давно послалъ въ Кишиневъ рисунки румынскихъ и турецкихъ войскъ, съ предложеніемъ отпечатать ихъ красками и раздать нашимъ войскамъ. Очевидно, что и это гдѣ-то пропало. Впослѣдствіи я навелъ справки и узналъ, что рисунки были получены въ Кишиневѣ еще зимой, во время болѣзни великаго князя, и что тогда, не предполагая, что война будетъ, Левицкій не нашелъ нужнымъ распространить ихъ въ войскахъ, а рѣшилъ сдѣлать изъ нихъ альбомъ для поднесенія великому князю по его выздоровленіи.

21-го апрѣля, по распоряженію румынскаго правительства, прекращено сообщеніе Журжева съ Руцукомъ. На Дунаѣ, у Руцука, крейсировалъ турецкій пароходъ «Аркадіонъ», съ спеціальной цѣлью задерживать проходящія частныя коммерческія суда. По 22-е апрѣля было задержано въ Руцукѣ 18 баржъ, 25 канковъ и 6 пароходовъ. Суда эти принадлежали купцамъ Негропonti, Теофилактусу, Пологгосу и Фосколо и грузъ состоялъ изъ разнаго рода зерна. Флаги на судахъ были греческіе и

французскіе. Владѣльцы протестовали, указывая на то, что грузъ принадлежитъ турецкому военному министерству и предназначается для Константинополя, но протестъ не былъ уваженъ Садыкъ-пашей, валиемъ рущукскимъ. Желѣзная дорога между Рущукомъ и Варною работала усиленно. Усиленное движеніе турецкихъ войскъ изъ Виддина и отчасти даже Рущука въ Добруджу и Силистрію продолжалось; въ Рущукѣ приступили къ установкѣ охранительнаго вооруженія въ восточныхъ фортахъ и большомъ укрѣпленіи Левентъ-Табія, на горѣ Сары-Баиръ. Восточнѣе деревни Рахова, князу отъ Рущука по Дунаю, противъ румынскаго пикета Фламунда, возводились незначительныя полевыя укрѣпленія. По вполнѣ достовѣрнымъ источникамъ, провѣреннымъ нѣсколько разъ, оказывалось, что въ турецкихъ войскахъ и военачальникахъ бывшее доселѣ самохвальство замѣнилось неувѣренностью въ успѣхѣхъ. Перемена эта произошла оттого, что до сихъ поръ турки, подстрекаемые агентами западныхъ державъ, были увѣрены въ томъ, что Россія не рѣшится объявить войну. Теперь же, увидѣвъ движеніе нашихъ войскъ и не получая ожидаемой отъ Англіи помощи войсками,—самоуверенность исчезла.

Черкесы, на которыхъ турки возлагали большія надежды, далеко не оправдывали этихъ ожиданій.

Не довѣряя, вначалѣ, послѣдному извѣстію, я получилъ слѣдующее разъясненіе:

- 1) На Кавказѣ горцы дрались хорошо, защищая свою независимость.
- 2) На Кавказѣ черкесы дрались хорошо въ горахъ; теперь же они поселены на плоскости, въ горахъ ихъ нѣтъ, а дѣйствія на плоскости для нихъ не заманчивы.
- 3) Дерзость набѣговъ горцевъ на наши линіи, на Кавказѣ, обуславливалась надеждой на грабежъ и добычу.
- 4) Кромѣ всего этого черкесы имѣютъ много причинъ жаловаться на турецкое правительство, которое не выполнило обѣщаній, данныхъ имъ при выселеніи съ Кавказа.

Въ концѣ апрѣля баронъ Стюартъ получалъ шифрованную телеграмму отъ генерала Непокройчицкаго приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Шаренсову отправиться въ Рущукъ и вывезти оттуда болгарскаго епископа Климента».

О личной поѣздкѣ въ Рущукъ въ то время и думать было нечего: вмѣсто того, чтобы выручить епископа, я и самъ бы тамъ остался. Рѣшили послать консульскаго служителя, румына, который подавалъ надежды на успѣхъ предпріятія. Но онъ съѣздивъ въ-пустую. Епископъ Климентъ ¹⁾ отвѣтилъ, что онъ выѣхать не можетъ; живя съ своей паст-

¹⁾ Впослѣдствіи знаменитый трновскій митрополитъ, пострадавшій во времена диктаторства Стамбулова.

вою въ дни мира, онъ считаетъ недозволеннымъ покинуть ее въ дни испытаній.

Тѣмъ временемъ войска наши постепенно прибывали, хотя и встрѣчали постоянныя задержки, такъ какъ румынскія дороги, желѣзныя и грунтовыя, были во многихъ мѣстахъ размыты весеннимъ разлитіемъ горныхъ рѣкъ и ростепелью.

27-го апрѣля получена была депеша Непокойчицкаго, что великій князь пріѣдетъ 2-го мая, и чтобы я не шелъ къ Дунаю съ Кавказской дивизіей, а ждалъ бы въ Букарестѣ прибытія главной квартиры.

31-го апрѣля пріѣхалъ въ Букарестъ Нагловскій и отъ него узнали мы, что главная квартира дѣйствительно прибудетъ 2-го мая, но будетъ расположена въ городѣ Плоэшти, верстахъ въ 60-ти къ сѣверу отъ Букареста, на желѣзной дорогѣ. Букарестъ наполнялся русскими, а вмѣстѣ съ тѣмъ и «Hôtel Boulevard» и въ особенности наши помѣщенія сдѣлались какимъ то постояннымъ дворомъ и базаромъ; жара была уже страшная.

2-го мая прибылъ въ Плоэшти великій князь и главная квартира и мнѣ приходилось туда ѣздить по разнымъ вопросамъ и дѣламъ. Главнокомандующій былъ очень ко мнѣ милостивъ и однажды, лежа на кровати вслѣдствіе продолжавшагося недомоганія, завелъ со мной разговоръ о дѣлѣ для наводки моста и спрашивалъ, отчего я и Бобриковъ не давали требуемыхъ отъ насъ свѣдѣній. Изъ этихъ словъ я понялъ, что великому князю уже доложено о нашей неисправности, которой, какъ я сказалъ уже выше, въ дѣйствительности не существовало. Разсерженный и обиженный, я подробно доложилъ его высочеству, какъ было дѣло, и когда великій князь выразилъ удивленіе по поводу случившагося, я расхрабрился и рискнулъ сказать, что много есть вещей, о которыхъ было своевременно донесено, но донесенія гдѣ-то пропали. Приводя разные примѣры, я упомянулъ и о рисункахъ формъ обмундированія турецкихъ войскъ, посланныхъ мною въ Кишиневъ и до войскъ не дошедшихъ; когда же великій князь спросилъ, куда эти рисунки дѣвались, я рассказалъ дошедшіе до меня слухи о намѣреніи Левицкаго составить изъ нихъ альбомъ для поднесенія его высочеству.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого великій князь началъ одѣваться, чтобы ѣхать на вокзалъ, встрѣчать князя Карла, пріѣзжавшаго къ нашему главнокомандующему. Я поѣхалъ туда тоже, и въ ожиданіи князя Карла бесѣдовалъ съ главнокомандующимъ. Замѣтивъ стоявшаго на платформѣ полковника Артамонова, великій князь подошелъ къ нему и спросилъ: «Были ли получены въ Кишиневѣ отъ Паренсова рисунки турецкихъ войскъ?» И на утвердительный отвѣтъ Артамонова великій князь пожелалъ узнать, гдѣ эти рисунки находятся и что съ ними сдѣлано; Артамоновъ замаялся, но великій князь требовалъ отвѣта, и тогда

Артамоновъ подтвердилъ исторію альбома, присовокупивъ, что рисунки взялъ къ себѣ Левицкій.

По нѣкоторымъ даннымъ, я имѣю основаніе думать, что великій князь говорилъ съ Левицкимъ по поводу всего, мною разновременно доложеннаго, и понятны тѣ чувства, которыя пыталъ ко мнѣ Казиміръ и которыя онъ блистательно обнаружилъ два раза впоследствии, о чемъ и будетъ рассказано въ своемъ мѣстѣ.

Около 10-го мая большинство офицеровъ генеральнаго штаба была посланы на рекогносцировки Дуная, теченіе котораго отъ Туртукая, къ западу до Челеи и Караби, было раздѣлено для этой цѣли на участки. Къ офицерамъ генеральнаго штаба были приданы, въ нѣкоторыхъ партияхъ, инженеры и моряки. Въ моей партиі были: генеральнаго штаба подполковникъ Фрезе, инженеръ-капитанъ Плюцынскій и моряки Новиковъ и Скрыдловъ, а участокъ данъ отъ Журжева до устья рѣки Веде. Отъ рѣки Веде, далѣе къ западу, была партиі Нагловскаго и въ его районъ входилъ городъ Зимница, съ лежащимъ противъ него, на другомъ берегу Дуная, Систовымъ.

Работа въ моей партиі шла очень успѣшно и весело, тѣмъ болѣе, что на всемъ нашемъ участкѣ наблюденіе за Дунаемъ лежало на Кавказской казачьей дивизіи, а именно на Кубанскомъ и Владикавказскомъ полкахъ (къ послѣднему приданы были осетины, дивизионъ которыхъ остался въ арміи по расформированіи Терско-Горскаго полка). Намъ вездѣ встрѣчали радушно, угощали, и я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю эту рекогносцировку. Новиковъ добылъ лодку и производилъ промѣры Дуная, назначая намъ rendez-vous въ заранѣ намѣченныхъ пунктахъ; мы иногда видѣли съ берега его лодку, но иногда и теряли изъ виду, благодаря сильному разливу. Однажды пріѣхали на ночлегъ и, предвкушая вкусный бараній шашлыкъ, которымъ насъ всегда угощали казаки, ждали мы Новикова съ Скрыдловымъ; время шло, уже темнѣло, шашлыкъ готовъ, а Новикова все нѣтъ да нѣтъ, и мы начинали беспокоиться, такъ какъ турецкія военныя суда крейсировали по Дунаю. Къ этому времени мы уже съ Новиковымъ сдружились, называли его дядинькой и онъ насъ, то-есть меня и Фрезе—племянниками.

Онъ подплылъ къ непріятельскому берегу, какъ разъ противъ турецкой караулки. Турецкій пѣхотный карауль замѣтилъ лодку и выстроился на берегу, а Новиковъ, плывя въ самомъ близкомъ разстояніи отъ берега, кричалъ имъ, конечно, по-русски: «Что жъ вы не стрѣляете; развѣ не видите, что русскіе офицеры ѣдутъ?» Но турки не стрѣляли.

По сдачѣ нами рекогносцировокъ, естественно, всѣ мы были весьма заинтересованы вопросомъ,—гдѣ же будетъ переправа? Общій голосъ утверждалъ, что это даже не секретъ, что переправа будетъ у Никополя. Вѣсть эта проникла и въ публику и за границу. Въ витринахъ

лапочекъ можно было видѣть нумера иностранныхъ газетъ, съ картою Дуная, на которой Турнъ-Магурели и Никополь были отпечатаны особенно рельефно. Кружокъ офицеровъ генеральнаго штаба въ Плоэшти прямо бѣсновался при мысли о предполагаемой переправѣ у Никополя, признавая это совершенно невозможнымъ. Да и дѣйствительно: въ Никополь насъ ждали, тамъ были сосредоточены значительныя турецкія силы, да и сама мѣстность праваго берега, хотя и доставляла возможность переправившимся войскамъ устроиться на низинѣ, подъ крутымъ берегомъ, но затѣмъ вынуждала взбираться на крутизну, гдѣ былъ расположенъ Никополь. Нагловскій стоялъ за Зимницу-Систово; большинство товарищей были съ нимъ согласны и онъ подалъ объ этомъ записку Непокойчицкому. Указывали еще другія мѣста, годныя для переправы выше (западнѣе) Никополя, у Излаза, у Челеи и Караби. Но Излазь былъ слишкомъ близокъ отъ Никополя, а у Челеи и Караби хотя и были острова, способствовавшіе наводкѣ моста, но зато мѣстность за Дунаемъ была весьма неблагоприятна для развертыванія арміи: много озеръ и болотъ стѣсняли движеніе. Кромѣ того, въ стратегическомъ отношеніи эти пункты (Челея, Карабія, Излазь и самъ Никополь) хотя и приближали насъ къ Сербіи, нашей союзницѣ, но зато слишкомъ удаляли нашу переправу къ западу. Сколько я помню, Нагловскій возставалъ противъ Челеи и Караби главнымъ образомъ вслѣдствіе существованія болотъ и озеръ на правомъ берегу Дуная.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, занимаясь у себя въ номерѣ гостиной, я былъ весьма обрадованъ неожиданнымъ появленіемъ Нагловскаго, но затѣмъ и пораженъ тѣмъ, что было причиною его появленія. Оказалось, что Левицкій, раздосадованный возраженіями, которыя дѣлалъ Нагловскій во главѣ другихъ офицеровъ штаба противъ проекта переправы у Никополя и Челеи, командировалъ Нагловскаго для производства рекогносцировки праваго берега, то-есть мѣстности въ тылу Никополя, приблизительно противъ Караби и Челеи, тамъ гдѣ были помянутыя мною болота и озера. Такое порученіе въ это время (конецъ мая) могъ дать только сумасшедшій человѣкъ или такой путаникъ, какимъ былъ Левицкій. Посылка въ это время нашего офицера въ пространство между Никополемъ и Виддиномъ, въ которыхъ были сосредоточены значительныя турецкія силы, постоянно между собою сообщавшіяся, въ пространство, которое переполнено было войсками непріятели, постоянно передвигавшимися, была полнѣйшимъ абсурдомъ, съ неминуемой смертью или, по крайней мѣрѣ, плѣномъ для исполнителя и безъ малѣйшей надежды на успѣхъ. Бобриковъ, я и другіе, бывшіе въ тотъ вечеръ у меня, доказывали Нагловскому невозможность исполнить данное ему порученіе, отговаривали его отъ поѣздки, но Дмитрій Станиславовичъ былъ непреклоненъ, говоря, что обязанъ исполнить. Намъ

удалось только уговорить его отложить поѣздку на сутки, чтобы я успѣлъ собрать кое-кого изъ моихъ людей и снарядить ихъ въ провожатые Нагловскому. На другой день онъ поѣхалъ, сопутствуемый двумя или тремя моими помощниками, съ Панаіотомъ Хитовымъ во главѣ.

Кстати о Панаіотѣ Хитовѣ. Мнѣ удалось вызвать его изъ Сербіи, гдѣ онъ жилъ съ семьей, и, въ ожиданіи войны, поселить въ Букарестѣ на моемъ (т. е. на русскомъ казенномъ) содержаніи. Очень малаго роста, лѣтъ 60-ти, съ огромными усами, Панаіотъ былъ весьма оригинальной личностью. Болгарію и въ особенности Балканы зналъ онъ отлично, участвуя съ другими гайдуками во многихъ прежнихъ частныхъ возстаніяхъ болгаръ противу турокъ. Онъ участвовалъ въ послѣдней Сербской войнѣ, по окончаніи которой и поселился въ Сербіи. Одѣтый въ верблюжьяго сукна курточку и такіе-же шаровары съ какой-то допотопной саблей Панаіотъ былъ лѣвша и представлялъ изъ себя, при поверхностномъ взглядѣ на него, преуморительную фигуру, но своимъ умомъ, энергіей, подвижностью, несмотря на годы, а въ особенности знаніемъ Балканъ былъ драгоценнѣйшимъ человѣкомъ.

Нагловскому не удалось попасть къ туркамъ въ лапы единственно благодаря инженеръ-генераль-маіору Рихтеру, находившемуся въ Турнъ-Магурели или Карабиі (не помню гдѣ именно), къ которому Нагловскому пришлось обратиться, чтобы достать лодку. Лодки хотя и были, но Рихтеръ на отрѣзъ отказался пустить Нагловскаго, взявъ всю отвѣтственность на себя, и такимъ образомъ спасъ его для болѣе широкой и выдающейся дѣятельности.

Жара стояла страшная; безъ перчатокъ невозможно было днемъ выходить изъ дому. Мѣстные жители Букареста, мужчины, ходили по улицамъ не иначе какъ подъ зонтиками, при чемъ самыми удобными считались бѣлые, подбитые зеленымъ. Костюмъ войскъ съ разрѣшенія государя измѣнился, примѣняясь къ климату: каски и мундиры были брошены, явились не только кителя и рубашки, но и назатыльники изъ бѣлаго холста, подобные тѣмъ, которые носятъ наши войска въ средней Азій; наконецъ многія части войскъ сняли сапоги и обулись въ мѣстные опанки ¹⁾, легкую практичную обувь одинаково удобную въ жару, въ грязь и въ холодъ, но конечно не щеголеватую на видъ.

Въ Букарестѣ жаръ былъ просто не выносимъ; чтобы хотя немножко осыѣжиться, мы ѣздили купаться, но что это было за купанье—стоитъ описать. Черезъ Букарестъ протекаетъ р. Дымбовица, грязная до невозможности; на ней устроены купальни, но вода такъ грязна, что тошнить входя въ нее. Вотъ въ этой-то прелести мы и купались, но

¹⁾ Кожаные башмаки, въ родѣ нашихъ лаптей и такъ же надѣваются на портянку.

это было неизбежно. Послѣ купанья въ Дымбовицѣ всѣ переходили въ устроенныя на берегу души; каждый входилъ въ очень высокій шкафъ и тутъ было дѣйствительно наслажденіе. Вода была проведена изъ колодезь, или ключей, очень холодная, чистая какъ кристалъ, падала съ огромной высоты всевозможными струями: била сверху, сбоку, снизу, мелкой пылью и толстой струей. Вода была такъ холодна, что нельзя было идти прямо подъ душъ, а надо было пройти переходную ступень: окунуться въ ужасную Дымбовицу, чтобы приготовиться къ душамъ.

Грязь Дымбовицы не мѣшала какому-то патриоту—поэту воспѣть ее, выхваляя сладость ея воды: *arra dulce Dimboviça*. Сколько помню, въ этой пѣснѣ говорится, что кто хотя бы разъ отвѣдалъ сладкой воды Дымбовицы, тотъ не будетъ уже пить другой воды.

Пріѣхавъ однажды въ Плоэшти, уже по пріѣздѣ туда государя, я еле разыскалъ товарищей; всѣ они были на новыхъ квартирахъ, такъ какъ прежнія, болѣе центральныя, отведены были подъ свиту государя. Въ свитѣ государя встрѣтилъ я много знакомыхъ лицъ и въ числѣ ихъ почтеннѣйшаго Гальяра, французскаго военнаго агента, всѣми любимаго и весьма популярнаго въ нашихъ войскахъ; были и новые иностранцы, пріѣхавшіе специально на время войны. Меня познакомили съ австрійскими агентами, полковникомъ графомъ Лонейзенъ и капитаномъ Болѣ. Первый, чистокровный нѣмецъ, мало сходилъ съ нашей меньшей братіей и терся больше около высшихъ сферъ, а впоследствии, когда румыны перешли Дунай, совсѣмъ переселился къ румынамъ; Болѣ, славянинъ, поступалъ наоборотъ и часто видѣлся со всѣми нами, а во время войны бывалъ въ дѣлахъ; такъ я видѣлъ его въ нашемъ отрядѣ 31-го августа, т. е. во второй день третьей Плевны. Видѣлъ и милѣйшаго Лигница, прусскаго военнаго агента, котораго впоследствии наши солдатики на Шипкѣ (въ 1-мъ забалканскомъ походѣ генерала Гурко) прозвали: «нашъ майоръ», а мы всѣ называли по сочиненному имъ для себя имени Викторъ Фёдоровичъ. И въ главной квартирѣ великаго князя появились новыя лица: будущій устроитель Болгаріи, князь Черкасскій; главный полевой контролеръ Черкасовъ; главный полевой казначей Кидошенковъ; генералъ Домонтовичъ; полковникъ Соболевъ, генералъ Столыпинъ. Канцлеръ князь Горчаковъ, въ сопровожденіи состоявшаго при немъ барона Фредерикса, скоро переселился въ домъ русскаго консульства къ барону Стюарту, гдѣ я часто видѣлъ его въ какомъ-то длинномъ сюртукѣ и черной ермолкѣ.

Въ главной квартирѣ господствовала большая самоувѣренность относительно исхода будущей войны; всѣ говорили, что кампанія будетъ короткая, но что конечно эту короткую кампанію надо понимать—до осени, до октября.

Кажется 17-го мая получено было извѣстіе, что наши моряки, Дубасовъ и Шестаковъ, взорвали второй уже турецкій мониторъ. Имъ дали Георгія и всѣ этому радовались, но въ то же время негодовали на полученіе золотыхъ сабель другими лицами. Говорили, что они со-всѣмъ не участвовали въ потопленіи монитора, находились на румынскомъ берегу и хотя вызвали турецкую бомбардировку, но безъ всякой цѣли и надобности. Впрочемъ бомбардировка эта не причинила намъ вреда.

1-го іюня пріѣзжалъ въ Бухарестъ государь обѣдать къ князю Карлу. Я воспользовался этимъ и поѣхалъ въ Плоэшти, такъ такъ при отсутствіи государя и великаго князя, Непоконичицкій и Левицкій естественно были свободныѣ и можно было съ ними поговорить безъ помѣхи. Левицкій ужасно воливался, что за послѣднее время мало поступаетъ свѣдѣній о передвиженіяхъ непріятельскихъ войскъ. Я доказывалъ, что это въ порядкѣ вещей и составляетъ результатъ той неудачной системы (правильнѣе сказать отсутствія—системы) собиранія свѣдѣній, по которой до сихъ поръ дѣйствовали, т. е. посылка на правый берегъ людей въ каждомъ данномъ случаѣ. Теперь Дунай—преграда, черезъ которую пробраться почти невозможно; будь у насъ въ разныхъ мѣстахъ постоянные агенты съ опредѣленной инструкціей, уже наметанные, опытные въ дѣлѣ и притомъ снабженные деньгами, они могли бы постоянно сообщать намъ, хотя бы по телеграфу черезъ Сербію, свѣдѣнія о турецкихъ войскахъ; теперь же не то. Левицкій до того расходился, что сказалъ мнѣ: «тратьте какія хотите деньги, 20, 30 тысячъ, но чтобы были свѣдѣнія!» А когда я старался доказать, что теперь и деньгами ничего не сдѣлаешь, Левицкій началъ кричать: «какъ-нельзя! постройте по всему берегу Дуная, на высотахъ мѣстахъ, вышки для наблюденія за правымъ берегомъ и чтобы вамъ оттуда подавали сигналы»!..

Я съ испугомъ и грустію посмотрѣлъ на эту бѣдную, совсѣмъ уже отуманенную голову. Отвѣчать не стоило.

Съ прібытіемъ главной квартиры въ Плоэшти и вообще съ явленіемъ войны появилась масса русскихъ и иностранныхъ корреспондентовъ. Всѣ они должны были являться въ полевой штабъ, записываться у полковника Газенкампа, который выдавалъ имъ свидѣтельства на право быть корреспондентомъ и наружный значекъ, кажется бѣлую повязку на лѣвую руку. Больше всего было корреспондентовъ англійскихъ газетъ; между ними выдѣлялись: Арчибальдъ Форбсъ, Макъ-Гаханъ, Стенли и Брәкенбюри. Брәкенбюри былъ артиллерійскимъ полковникомъ, корреспондентомъ «Times», а переводчикомъ и секретаремъ при немъ состоялъ болгаринъ Миньчевъ (или Миньковъ), получившій образованіе въ Robert Collège въ Константинополѣ и отлично знавшій

англійскій языкъ. До полученія должности секретаря при корреспондентѣ, Миньчевъ работалъ у меня и заходилъ иногда ко мнѣ и впоследствии. Когда началось движеніе нашихъ войскъ мимо Букареста къ Дунаю, Брәкенбюри требовалъ отъ Миньчева свѣдѣній о названіяхъ полковъ куда они пошли, фамиліи начальниковъ и т. д. Миньчевъ не зналъ какъ ему быть, недовѣрялъ англичанину и заходилъ ко мнѣ спрашивая, что ему отвѣчать на его вопросы. Къ концу мая Брәкенбюри требовалъ, чтобы Миньчевъ досталъ ему свѣдѣнія, гдѣ, по предположеніямъ русскихъ, будетъ переправа; по моимъ указаніямъ Миньчевъ постоянно отвѣчалъ, что у Браилова. Однажды Миньчевъ явился ко мнѣ грустный и сообщилъ, что Брәкенбюри его прогналъ изъ секретарей, такъ какъ увѣрился, что Миньчевъ его обманываетъ. Онъ уже давно началъ подозревать Миньчева въ доставленіи невѣрныхъ свѣдѣній о направленіи нашихъ войскъ, а потому сталъ по утрамъ ѣздить верхомъ по южнымъ и западнымъ окраинамъ Букареста, чтобы лично видѣть, по какимъ дорогамъ пошли наши колонны, и однажды увидѣлъ все болгарское ополченіе, направлявшееся по дорогѣ на Александрію. Сообразительный англичанинъ, распекая Миньчева, говорилъ: «русскіе навѣрное предоставятъ болгарскимъ дружинамъ честь вступить одними изъ первыхъ на Болгарскую землю; вы мнѣ толкуете про Браиловъ, а болгарскія дружины пошли на Александрію, слѣдовательно и переправа будетъ гдѣ нибудь тамъ, куда ихъ направили».

Потерявъ мѣсто у Брәкенбюри Миньчевъ былъ назначенъ мною въ одинъ изъ нашихъ корпусовъ—переводчикомъ.

Изъ нашихъ корреспондентовъ я зналъ Крестовскаго, Гирса, Россоловскаго, Немировича-Данченко и Каразина. Послѣдній впрочемъ за Дунай кажется не переходилъ.

Еще задолго до войны въ разныхъ городахъ Румыніи, преимущественно въ Букарестѣ, изъ числа проживавшихъ тамъ болгаръ образовались болгарскіе комитеты, имѣвшіе officialной цѣлью—благотворительность, а въ дѣйствительности направившіе свои усилія на пропаганду освобожденія отъ турецкой зависимости. По свойственной всѣмъ славянамъ печальной разрозненности духъ партій господствовалъ и въ этихъ комитетахъ, членами коихъ были большею частью молодые болгары, а старые и испытанные судьбой въ родѣ Драгана Цанкова, Балабанова, Евлогія Георгіева, Начовича и др. не принимали непосредственнаго участія въ ихъ дѣятельности; Евлогій впрочемъ давалъ деньги на благотворительность. Съ объявленіемъ войны и вступленіемъ нашей арміи въ Румынію и съ началомъ организаціи будущаго гражданскаго управленія Болгаріи, во главѣ котораго стоялъ князь Черкасскій, дѣятельность этихъ комитетовъ понятно становилась излишней и даже могла быть вредной въ тѣхъ случаяхъ, когда комитеты захотѣли бы дѣйствовать само-

стоятельно и не въ духѣ программы князя Черкаскаго и нашего правительства. Князь Черкасскій требовалъ закрытія комитетовъ и въ этомъ рѣшеніи его поддерживали старики-болгары въ особенности Драганъ Цанковъ, но молодые члены комитетовъ не желали прекращать своей дѣятельности и своего существованія преимущественно изъ честолюбія, не желая разстаться съ значеніемъ, вліяніемъ, вообще хотѣли продолжать играть видную роль агитаторовъ. Къ сожалѣнію, князь Черкасскій, обладая самъ характеромъ довольно неукротимымъ, очень немилостиво принялъ депутацію болгаръ, къ нему явившуюся, и въ рѣзкихъ выраженіяхъ высказалъ имъ свои взгляды. Члены комитетовъ еще болѣе заупрямились—и пошелъ разладъ. Надо прибавить, что однимъ изъ весьма горячихъ дѣятелей букарестскаго комитета былъ нашъ русскій—Ионинъ, братъ дипломата А. С. Ионина.

Въ концѣ концовъ я получилъ приказаніе отъ князя Черкаскаго распустилъ и закрыть комитеты. Не желая скандала и шума, всегда красиваго, а въ особенности въ началѣ войны за освобожденіе тѣхъ-же болгаръ, я долго велъ переговоры съ наиболѣе выдававшимися членами букарестскаго комитета—Цанковымъ (племянникомъ Драгана Цанкова) и Ивановымъ, и наконецъ удалось ихъ убѣдить и добиться, чтобы они напечатали въ газетахъ объявленіе о прекращеніи ихъ дѣятельности, въ видѣ воззванія къ болгарамъ, въ которомъ была высказана мысль, что съ объявленіемъ войны Болгарія всецѣло отдастъ свою судьбу въ руки державы, поднявшей мечъ за ея освобожденіе, а потому и дальнѣйшая дѣятельность комитетовъ съ цѣлью освобожденія перестала имѣть основаніе для своего существованія.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П о п р а в к а .

Въ статьѣ „Изъ прошлаго“ помѣщенной въ июньской книжкѣ стр. 606, строка 7 сверху напечатано: „... попадаетъ къ стерегущему его теперь унтеру“; должно быть: „... попадаетъ въ работники къ стерегущему“... и проч.

Письмо И. И. Дмитриева—къ А. И. Тургеневу.

30-го декабря 1820 г. Москва.

Чувствительно благодарю васъ, милостивый государь Александръ Ивановичъ, за доставленіе ко мнѣ втораго тома Исторіи Карамзина и за обѣщаніе доставлять и слѣдующіе. Какъ давно ни ждалъ его, но увѣряю васъ, что не столько былъ обрадованъ имъ, какъ вашимъ письмомъ, такъ долго не видѣлъ отъ васъ ни строчки.

Привѣтствую васъ съ новымъ годомъ, желаю вамъ отъ всего сердца въ продолженіе онаго и послѣдующихъ возможнаго благополучія.

Между тѣмъ съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностью имѣю честь быть навсегда

вашего превосходительства
покорнѣйшій слуга Иванъ Дмитриевъ.

Р. S. Воскресенье былъ балъ у главнокомандующаго, въ понедѣльникъ—у Каменской, во вторникъ—въ благородномъ собраніи, въ среду—концертъ у Тучкова и балъ у бригадира Исленьева, въ четвергъ—вечеръ у Пашкова, въ пятницу—маскарадъ у к. А. А. Голицыной. Вотъ вамъ вѣрный историческій документъ послѣдней нашей недѣли исчезающаго года.

Императоръ Александръ I.

(Его характеристика по сочиненію Н. К. Шильдера).

III ').

еще передъ отъѣздомъ въ Россію; послѣ прекращенія враждебныхъ дѣйствій, императоръ Александръ отправилъ королю Фридриху Вильгельму письмо, въ которомъ отдавалъ въ полное распоряженіе Пруссіи два русскіе корпуса. Выразивъ затѣмъ надежду, что королю удастся войти въ соглашеніе съ Франціею, Александръ писалъ, говоря о Пруссіи: «во всякомъ случаѣ и когда-бы то ни было я готовъ поддерживать ее всѣми моими силами, и даже моя собственная личность—въ ея распоряженіи».

Какъ эти слова, такъ и вообще личныя чувства Александра къ Наполеону не могли обѣщать продолжительнаго мира, въ особенности, въ виду вѣроломства Фридриха-Вильгельма, заключившаго союзъ съ Франціей противъ Россіи и съ Россіей противъ Франціи. Дѣйствительно, менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ аустерлицкаго погрома Россія была вовлечена въ новую войну противъ Франціи. Александръ, съ своей стороны, не остановился ни передъ чѣмъ, чтобъ обезпечить за собою побѣду. Были приложены всѣ усилія, чтобы возбудить въ народѣ ненависть противъ Наполеона. Каждый воскресный и праздничный день, по окончаніи литургіи, духовенство обязано было читать въ церквахъ сочиненное по этому поводу объявленіе Святѣйшаго Синода, въ которомъ, называя Наполеона антихристомъ, обвиняли его въ томъ, что онъ дерзаетъ угрожать Россіи вторженіемъ въ ея предѣлы и потрясеніемъ православной церкви.

*) См. „Русскую Старину“, июнь, 1899 г.

По поводу этого посланія авторъ труда «Императоръ Александръ Первый» справедливо замѣчаетъ, что «перечитывая грозное объявленіе Синода, нельзя не удивляться искусству, съ которымъ извращалась въ этомъ объявленіи историческая обстановка данной минуты. Войну, предпринятую единственно ради спасенія погибавшей Пруссіи, превращали въ народную войну, направленную противъ гонителя православной церкви, мечтавшаго провозгласить себя Мессіей. «Въ виду подобныхъ чудовищныхъ замысловъ, приписываемыхъ Наполеону, призывъ ополченія дѣлался вполне понятнымъ народу; но зато, когда въ послѣдствіи война заключилась дружественнымъ договоромъ съ Франціею, послѣдній неизбѣжно получалъ въ глазахъ народной массы окраску какъ-бы посягательства на вѣру и возбудилъ общее къ себѣ несочувствіе».

Цѣль, которую имѣло въ виду воззваніе, была достигнута, но тѣмъ не менѣе въ арміи вскорѣ послѣ открытія военныхъ дѣйствій поднялся всеобщій ропотъ, и ставился вопросъ: «для чего намъ продолжать сражаться изъ-за личной дружбы нашего императора къ королю прусскому?» Во главѣ недовольныхъ находился цесаревичъ Константинъ Павловичъ, не стѣснявшійся вообще высказывать свое нерасположеніе къ пруссакамъ, утверждая, что «въ этомъ отношеніи онъ хорошій русскій». Послѣ Гейльсбергскаго сраженія цесаревичъ горячо убѣждалъ своего державнаго брата вступить въ переговоры съ Наполеономъ. Между ними произошла даже бурная сцена, но императоръ остался непреклоненъ въ рѣшеніи продолжать войну, несмотря на громадныя потери въ войскахъ, тяжелое финансовое положеніе Россіи, разгромъ Пруссіи и превращеніе Фридриха-Вильгельма въ безземельнаго короля. Наконецъ Фридрихландское пораженіе убѣдило государя въ невозможности продолжать войну.

Начавшіеся вслѣдъ затѣмъ переговоры о мирѣ привели къ свиданію обоихъ императоровъ, состоявшемуся при совершенно исключительной обстановкѣ, на плоту, среди Нѣмана.

Увидѣвъ, что идти далѣе некуда, что продолжать борьбу нѣтъ физической возможности, Александръ не растерялся, онъ выступилъ въ совершенно неожиданной роли и поразительно быстро и ловко примѣнился къ новымъ обстоятельствамъ, чтобы, воспользовавшись ими, тѣмъ вѣрнѣе достигъ въ послѣдствіи своей затаенной цѣли. Еще вчера непримиримый врагъ Наполеона, сегодня онъ превратился въ его задушевнаго друга и поклонника. «Скажите ему (Наполеону), поручалъ императоръ Александръ князю Лабанову, ведшему переговоры о перемиріи,—что союзъ Франціи съ Россіею постоянно былъ предметомъ моихъ желаній, и что, по моему убѣжденію, одинъ только этотъ союзъ можетъ обезпечить счастье и спокойствіе міра». Когда наконецъ оба императора повстрѣчались въ Тильзитѣ, между ними начался обмѣнъ самыхъ утонченныхъ любезностей. Интимность ихъ отношеній доходила до того,

что Александръ часто переодѣвался въ квартирѣ Наполеона и пользовался его галстуками и носовыми платками. Александръ очевидно пустилъ въ ходъ въ Тильзитѣ все искусство «прельстителя», потому что Наполеонъ несомнѣнно до извѣстной степени подпалъ подъ чарующее обаяніе личности своего побѣжденнаго соперника. Съ своей стороны, Наполеонъ не остался въ долгу передъ Александромъ, и, когда дѣло дошло до составленія формальнаго договора, онъ не ввелъ въ него многихъ изъ сдѣланныхъ Александру обѣщаній и позднѣе руководствовался исключительно статьями писаннаго договора, не придавая никакого значенія «прекраснымъ фразамъ», которыя онъ «расточалъ» въ Тильзитѣ.

Наружно какъ будто восхищенный Наполеономъ, въ глубинѣ души Александръ не забывалъ униженія Пруссіи и кровной обиды, нанесенной ему Наполеономъ, побѣдившимъ при Аустерлицѣ собственно его, Александра. По свидѣтельству современниковъ, государь сказалъ королю и королевѣ прусскимъ при заключеніи Тильзитскаго мира: «Онъ сломитъ себѣ шею. Несмотря на всѣ мои демонстраціи и наружныя дѣйствія, въ душѣ я—вашъ другъ и надѣюсь доказать вамъ это на дѣлѣ». Въ запискахъ баварскаго министра графа Манжела по этому поводу разсказанъ другой подходящий случай. Разбирая русскую политику наканунѣ 1812 года, Манжела утверждаетъ, что въ то время нерѣдко припоминали слова, сорвавшіяся съ устъ императора Александра при подписаніи Тильзитскаго договора: «По крайней мѣрѣ я выиграю время».

Неискренность отношеній Александра къ Наполеону съ особенной наглядностью сказалась въ назначеніи посломъ въ Парижъ графа П. А. Толстаго, принадлежавшаго къ числу противниковъ франко-русскаго союза. Чуждый совершенно дипломатіи онъ согласился на принятіе предложеннаго ему поста, лишь уступая категорически выраженной волѣ государя, и смотрѣлъ на свое назначеніе, какъ на величайшую жертву, приносимую имъ престолу изъ усердія и преданности своему монарху.—Александру-же для его цѣлей и нуженъ былъ именно такой человекъ, какъ графъ П. А. Толстой,—честный солдатъ, слѣпой исполнитель полученныхъ приказаній и инструкцій. А между тѣмъ, вникая глубже въ дипломатическую переписку графа Толстаго за время его подневольнаго посланничества въ Парижѣ и сопоставляя ее со свидѣтельствами, оставленными Меттернихомъ¹⁾, нельзя не придти къ заключенію, что эти приказанія и инструкціи были двоякаго свойства: письменныя и изустныя. Въ то время какъ письменныя инструкціи были составлены въ духѣ тильзитскихъ переговоровъ, изустныя—основывались

¹⁾ Сборникъ И. Р. И. О. томъ 89-ый, изданный подъ редакціей Н. К. Шильдера: „Посольство графа П. А. Толстаго въ Парижѣ въ 1807 и 1808 г.г.“ Metternich: Memoires. T. I, стр. 59, T. 2, стр. 136.

на недобвѣрїи къ Наполеону, предписывали готовить тайкомъ союзъ съ Австріей и слѣдовать во всемъ совѣтамъ австрійскаго посла въ въ Парижѣ Меттерниха. Естественно поэтому, что миссія Толстаго роковымъ образомъ должна была привести къ тому же, къ чему въ 1805 году привела миссія Моркова — къ ухудшенію отношеній съ Франціей.

Всѣ изложенныя выше обстоятельства указывали, что наступавшій въ 1807 году миръ являлся по существу лишь болѣе или менѣе продолжительнымъ перемиріемъ. Къ сожалѣнію, во время этого почти пятилѣтняго перемирія Россія не извлекла изъ союза съ Франціей тѣхъ выгодъ, которыя слѣдовало-бы извлечь изъ него.

Наполеонъ скоро замѣтилъ неискренность образа дѣйствій Россіи. Онъ крайне дрожилъ русскимъ союзомъ и, когда у него возникли первыя серьезныя затрудненія въ Испаніи, рѣшилъ прибѣгнуть къ личному свиданію съ Александромъ, чтобы упрочить пошатнувшійся союзъ и заручиться содѣйствіемъ Россіи для своихъ будущихъ плановъ. Свиданіе состоялось въ Эрфуртѣ въ сентябрѣ 1808 года. Обнаружить свои истинныя чувства Александръ признавалъ преждевременнымъ, и потому приложилъ всѣ усилія, чтобы ослѣпить своего врага. Въ Эрфуртѣ онъ при каждомъ случаѣ расточалъ передъ Наполеономъ утонченныя изъявленія своихъ дружескихъ чувствъ къ нему. «Никто, какъ извѣстно, пишетъ Н. К. Шильдеръ, — не обладалъ такимъ даромъ того что называютъ *«l'à propos de la politesse»*, какъ Александръ. Однажды государь забылъ свою шпагу, Наполеонъ предложилъ ему свою. *«Je ne la tirerai jamais contre Votre Majesté»*, сказалъ государь, принимая ее. На одномъ изъ спектаклей, когда въ трагедіи Вольтера «Эдипъ» провознесены были слова:

«L'amitié d'un grand homm eest un bienfait des dieux».

Александръ всталъ и, повернувшись къ Наполеону, пожалъ ему руку при громкихъ восклицаніяхъ окружавшаго ихъ *«parterre des rois»*.

Въ частныхъ разговорахъ, при упоминаніи о своемъ союзникѣ, Александръ заходилъ еще далѣе и какъ-то сказалъ саксонскому королю, «что онъ чувствуетъ себя лучшимъ послѣ каждой бесѣды съ императоромъ Наполеономъ, и что часъ разговора съ этимъ великимъ человекомъ обогащаетъ его болѣе, нежели десять лѣтъ жизненнаго опыта».

Для оцѣнки-же истиннаго отношенія Александра къ Наполеону въ періодъ Эрфуртскаго свиданія достаточно привести слѣдующій случай.

Еще за годъ до войны съ Австріей, когда въ 1808 году императоръ Александръ послалъ съ письмомъ къ своему союзнику флигель-адъютанта князя Н. Г. Волконскаго, Наполеонъ сказалъ ему за обѣдомъ: «Передайте вашему государю, что я его другъ, но чтобы онъ остерегался тѣхъ, которые стараются насъ посорить. Если мы въ

союзъ, миръ будетъ принадлежать намъ. Вселенная подобна этому яблоку, которое я держу въ рукахъ. Мы можемъ разрѣзать его на двѣ части, и каждый изъ насъ получить половину. Для этого намъ только нужно быть согласными, и дѣло сдѣлано». Когда князь Волконскій отдавая отчетъ о своей повѣдкѣ, рассказалъ и о сравненіи мира съ яблокомъ, сдѣланнымъ Наполеономъ, государь замѣтилъ: «сначала онъ удовольствуется одною половиною яблока, а тамъ придетъ охота взять и другую».

Въ Эрфуртѣ, какъ и въ Тильзитѣ, Александръ имѣлъ полную возможность воспользоваться въ интересахъ Россіи готовностью Наполеона сдѣлать все для упроченія союза съ Россіей. По словамъ Н. К. Шильдера, «въ виду неизбежности разрыва между Австріей и Франціей, Александру представился въ Эрфуртѣ единственный въ своемъ родѣ случай: утвердить за Россіей ея естественныя границы, Карпаты, и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно рѣшить польскій вопросъ. Не подлежить сомнѣнію, что тогда открывалась полная возможность для Александра выговорить себѣ Варшавское герцогство, какъ вознагражденіе за побѣдоносную войну съ Австріей. Наполеонъ пожертвовалъ-бы этимъ герцогствомъ, разъ у него явилось бы убѣжденіе, что Россія дѣйствительно вошла во всѣ его планы и твердо сознаетъ свои собственныя выгоды. Россіи надлежало временно переимѣнить фронтъ и позабыть о Балканскомъ полуостровѣ, такъ какъ силою обстоятельствъ Восточный вопросъ пріобрѣталъ второстепенное значеніе; справедливость позднѣйшаго афоризма, что путь въ Константинополь ведетъ черезъ Вѣну, оправдалась бы уже въ 1809 году. Отъ вниманія императора Александра не ускользнула возможность подобнаго образа дѣйствій, какъ это видно изъ словъ его, сказанныхъ Коленкуру въ январѣ 1809 года по поводу воинственныхъ приготовленій Австріи: «alors l'affaire des turcs ne serait que secondaire».

Но и на этотъ разъ Александръ не воспользовался представившимся случаемъ, подчинивъ высшія государственныя соображенія о нуждахъ Россіи своему личному чувству, не позволявшему ему считать себя въ чемъ бы то ни было обязаннымъ Наполеону.

Послѣ Эрфуртскаго свиданія отношенія Россіи и Франціи стали быстро портиться и идти къ полному разрыву. Этому способствовали главнымъ образомъ два обстоятельства:

1) Болѣе чѣмъ двухсмысленный образъ дѣйствій Россіи во время войны съ Австріей, когда русскія войска не только уклонялись отъ поддержки своихъ союзниковъ французовъ, но императоръ Александръ прямо предупредилъ передъ войной австрійскаго посла въ Петербургѣ князя Шварцаберга, что Австріи нечего опасаться русскихъ войскъ;

и 2) оскорбительный для Наполеона отказъ выдать за него великую княжну Елену Павловну. Это окончательно убѣдило Наполеона въ тщетности всѣхъ его попытокъ какой-бы то ни было цѣною купить русскій союзъ, попытокъ, разбиравшихся о скрытую враждебность и неискренность императора Александра. Онъ понялъ, что всѣ дѣйствія его мнимаго союзника и друга сводятся къ одному—выиграть время, выждать удобный случай... Уже въ 1810 году отношенія Россіи къ Франціи приняли безспорно враждебный характеръ. Война становилась очевидной, оставалось вооружаться.

Идя на встрѣчу войнѣ съ Наполеономъ, Александръ видѣлъ въ ней единоборство не на жизнь, а на смерть. Подавляемое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ чувство ненависти къ своему счастливому сопернику прорвалось теперь съ неудержимою силою. «Наполеонъ или я, я или онъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать». «Есть куда отступать». «Нѣтъ, даже на берегахъ Волги не будетъ заключено мира. «Лучше отрошу себѣ бороду и буду питаться картофелемъ въ Сибири», вотъ что говорилъ Александръ, и искренность его въ данномъ случаѣ подтверждается всѣмъ дальнѣйшимъ образомъ его дѣйствій.

Сознаніе всей важности готовившейся борьбы побуждало изыскать мѣры, которыя подняли-бы патріотическій духъ страны и обезпечили успѣхъ войны съ Наполеономъ. Такими мѣрами явились:

1) рѣшеніе вызвать Наполеона перенести войну въ предѣлы Россіи, чтобы сдѣлать наглядной необходимость обороны отъ непріятеля. По словамъ Александра, «надобно было сильно заинтересовать народъ въ войнѣ, показавъ ее русскимъ, по прошествіи ста слишкомъ лѣтъ, впервые вблизи, у нихъ на родинѣ; это было единственнымъ средствомъ сдѣлать ее народною и сплотить общество вокругъ правительства для общей защиты, по его собственному убѣжденію и по собственной его волѣ».

и 2) предоставленіе Сперанскаго во власть интриги, обвинившей его въ государственной измѣнѣ.

Насколько обѣ эти мѣры были выбраны искусно и достигли своей цѣли, обѣ этомъ свидѣтельствуютъ исходъ войны 1812 года и всеобщій восторгъ, вызванный ссылкой ни въ чемъ неповиннаго Сперанскаго. Ссылку Сперанскаго торжествовали какъ первую побѣду надъ французами.

Хотя цѣль, объявленная императоромъ Александромъ въ манифестѣ передъ открытіемъ войны 1812 года,—изгнаніе непріятеля изъ предѣловъ Россіи, была достигнута, но Александръ не могъ удовлетвориться этимъ, такъ какъ скрытой причиной, приведшей къ войнѣ 1812 года, была непримиримая ненависть его къ Наполеону. Поэтому теперь, подъ впечатлѣніемъ бѣдствій, постигшихъ Наполеона, мысль

о низверженіи его овладѣла умомъ Александра, и русскія войска 1-го января 1813 года перешли Нѣманъ у Мереча и вступили въ герцогство Варшавское: началась война за освобожденіе Германіи и Европы отъ «генія зла».

Съ этого момента и почти вплоть до занятія Парижа союзники Александра, подъ впечатлѣніемъ чудесъ, проявленныхъ гениемъ Наполеона, нѣсколько разъ склонялись къ мысли о мирѣ съ нимъ, но Александръ упорствовалъ и настойчиво шелъ къ своей цѣли... «Онъ, пишетъ Н. К. Шальдеръ, съ непоколебимой настойчивостью, при счастливыхъ и неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, утверждалъ, что вѣрнѣйшее средство обезпечить успѣхъ союза и мира въ Европѣ — продолжать военныя дѣйствія съ возможною быстротою и рѣшительностью».

Усилія русскаго императора, какъ извѣстно, увѣнчались блестящимъ успѣхомъ.

Въ день вступленія Александра во главѣ войскъ въ Парижъ его внутреннее торжество сказалось въ слѣдующихъ словахъ, обращенныхъ къ ѣхавшему недалеко отъ него Ермолову.

— Ну что, Алексѣй Петровичъ, теперь скажутъ въ Петербургѣ? Вѣдь право было время, когда у насъ, величая Наполеона, меня считали за простачка.

Эти слова лучше всего обнаруживаютъ истинный смыслъ отношеній Александра къ Наполеону.

IV.

Вглядываясь ближе въ характеръ императора Александра, невольно поражаешься его неудержимой страстью скружать свои дѣйствія таинственностью. Отличаясь скрытностью, хитростью, недоверчивостью и подозрительностью, побуждавшими его быть постоянно на сторожѣ, умѣніемъ плѣнять и искусствомъ пользоваться людьми, Александръ часто пускалъ въ ходъ интригу. «Интриганы, какъ-то сказалъ онъ, — такъ-же нужны въ общемъ государственномъ дѣлѣ, какъ люди честные, иногда даже болѣе».

Въ царствованіе Екатерины онъ оказывалъ втайнѣ противодѣйствіе ея планамъ относительно передачи престола непосредственно ему, Александру, помимо его отца. По восшествіи на престолъ Павла Петровича онъ сплотилъ вокругъ себя тѣсный кружокъ друзей, выставившій на своемъ знамени «даровать Россіи свободу и предохранить ее отъ посползованія деспотизма и тираніи», но конечно, все

дѣло ограничилось безобидными мечтаніями. Вступивъ наконецъ на престоль, Александръ не могъ отрѣшиться отъ врожденной ему особенности. Прежде всего она сказалась въ образованіи «негласнаго комитета», главной задачей котораго была «реформа безобразнаго зданія администраціи имперіи», при чемъ желанною цѣлью, къ которой стремился Александръ, по его собственному призванію, при обсужденіи реформъ,—было, «обуздать деспотизмъ нашего правительства». Сами собранія комитета обставлялись извѣстною таинственностью, чѣмъ какъ-бы оправдывалось само его названіе. Члены комитета пользовались привилегіею обѣдать за царскимъ столомъ; послѣ кофе, поговоривъ нѣсколько минутъ съ прочими приглашенными, императоръ удалялся, но пока остальные гости разѣзжались, четыре избранника вводились черезъ особый ходъ въ небольшую туалетную комнату, смежную съ внутренними покоями дворца. Туда приходилъ государь и тамъ, въ его присутствіи и при его участіи, происходили оживленные и продолжительныя пренія по вопросу о «реформѣ безобразнаго зданія».

Конечно, «негласный комитетъ» не могъ долго занимать Александра, такъ какъ силою вещей онъ вскорѣ долженъ былъ убѣдиться, что «обуздать деспотизмъ нашего правительства» возможно лишь при условіи «обуздать» свое собственное «я», а сдѣлать послѣднее Александръ былъ менѣе способенъ, чѣмъ кто бы то ни былъ. Поэтому его страсть къ тайнѣ нашла себѣ другую пищу и выразилась, такъ сказать, въ интригѣ противъ своихъ же собственныхныхъ министровъ и даже противъ самаго «негласнаго комитета». Такъ, въ «негласномъ комитетѣ» было установлено, что Россія не имѣетъ надобности въ союзѣ съ иностранными государствами, и что не слѣдуетъ покровительствовать какому либо государству преимущественно передъ другимъ. Александръ согласился съ приведенными постановленіями комитета, а между тѣмъ тайкомъ, безъ вѣдома своего министра иностранныхъ дѣлъ и члена «негласнаго комитета» графа Кочубея, подготовилъ свиданіе съ королемъ Прусскимъ въ Мемелѣ, предопредѣлившее роль Россіи, какъ защитницы интересовъ Пруссіи. Принимая въ 1801 году Дюрока, присланнаго Наполеономъ привѣтствовать его по случаю восшествія на престоль, Александръ выразилъ свое недовѣріе къ имъ же поставленнымъ лицамъ въ слѣдующихъ словахъ: «Я говорю съ вами откровенно, сказалъ онъ Дюроку,—заявите ему (первому консулу) объ этомъ отъ моего имени, но будьте осторожны: нѣтъ надобности говорить объ этомъ съ кѣмъ-либо изъ министровъ. Не пользуйтесь почтою: ваши письма пройдутъ черезъ слишкомъ много рукъ». Съ теченіемъ времени эти своего рода интриги противъ собственныхныхъ министровъ стали выражаться въ болѣе рѣзкой формѣ. Такъ въ 1810 году,

когда отношенія съ Наполеономъ обострились, Александръ завелъ секретную дипломатическую переписку съ состоявшимъ при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ графомъ Нессельроде. Переписка эта имѣла постоянный характеръ, производилась черезъ посредство Сперанскаго и все время оставалась глубокою тайною какъ для русскаго посла въ Парижѣ князя Куракина, такъ и для государственнаго канцлера графа Румянцева. Графу Нессельроде было предписано войти въ непосредственныя сношенія съ Талейраномъ, въ лицѣ котораго императоръ Александръ пріобрѣлъ тайнаго союзника для своей враждебной Наполеону политики. Прибывъ въ Парижъ, Нессельроде явился къ Талейрану и сказалъ ему: «Официально я состою при князѣ Куракинѣ, на самомъ же дѣлѣ я акредитованъ при васъ. Я веду частную переписку съ императоромъ и привезъ вамъ письмо отъ него». Самыя любопытныя свѣдѣнія и полезныя совѣты графъ Нессельроде получалъ отъ лица, называвшагося въ перепискѣ: «mon cousin Henry; этотъ «cousin» былъ не кто иной, какъ Талейранъ.

Характерно, что въ одномъ случаѣ даже Лагарпа императоръ Александръ хотѣлъ сдѣлать посредникомъ своей тайной переписки. Такъ, когда въ 1802 году Лагарпъ готовился покинуть Петербургъ, государь написалъ въ его комнатѣ письмо первому консулу, прочелъ его и запечатавъ вручилъ своему бывшему наставнику и другу. Въ этомъ письмѣ Александръ предлагалъ Бонапарту идти совмѣстно къ одной цѣли и сноситься обо всемъ съ Лагарпомъ, помимо министровъ. Принимая письмо, Лагарпъ сказалъ государю, что передастъ письмо только въ такомъ случаѣ, если найдетъ, что Бонапартъ хочетъ добра. По возвращеніи въ Парижъ, Лагарпъ убѣдился, что первый консулъ заботится не о благѣ человѣчества, но о водвореніи своей безграничной власти на развалинахъ сокрушенной свободы. «Отнынѣ, замѣчаетъ Лагарпъ, невозможны искреннія сношенія между Александромъ и Наполеономъ: со стороны перваго—законность, справедливость, либеральныя идеи и человѣколюбіе; со стороны втораго—двуличіе, непомерное властолюбіе и преслѣдованіе либеральныхъ идей». Неудивительно, что при такомъ возрѣніи на дѣятельность перваго консула Лагарпъ не призналъ возможнымъ вступить въ непосредственныя сношенія съ Бонапартомъ; предназначенное же послѣднему письмо не вышло изъ рукъ неподкупнаго республиканца.

Любовь Александра къ тайнѣ сказывалась и въ широко практиковавшихся имъ секретныхъ аудіенціяхъ, когда лицъ, удостоенныхъ подобныхъ аудіенцій, вводили къ государю особымъ потаеннымъ ходомъ. И кого только ни принималъ Александръ такимъ образомъ! И идеалиста Паррота, и практика изъ міра полиціи Санглена, и квакеровъ, пріѣзжавшихъ въ Петербургъ изъ Англіи, и архимандрита

Фотія, когда составлялся заговоръ, имѣвшій цѣлью низвергнуть князя Голицына съ поста министра духовныхъ дѣлъ, и греческихъ духовныхъ лицъ во время пребыванія Александра въ Вѣнѣ. Михайловскій-Данилевскій рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что однажды, въ темный вечеръ, ему было приказано одного архимандрита греческаго исповѣданія спрятать на дворѣ за стѣною дворца и потомъ провести его скрытно къ государю.

Для обрисовки личности императора Александра въ разсматриваемомъ нами отношеніи особенное значеніе имѣютъ дѣло Сперанскаго и дѣло Жерве и Бека. Роль Александра въ обоихъ случаяхъ до того характерна для него, что простое изложеніе этихъ дѣлъ съ особенной яркостью отдѣляетъ нѣкоторыя изъ его свойствъ.

Дѣло Сперанскаго заключается въ слѣдующемъ. При безпокойномъ состояніи духа, въ которомъ находился императоръ Александръ въ ожиданіи приближавшихся грозovýchъ событій 1812 года, онъ рѣшился привести силѣ обстоятельствъ великую жертву. Политическія соображенія побудили государя создать такое положеніе дѣлъ, которое, возбудивъ патріотизмъ, соединило-бы вокругъ него всѣ сословія. Для достиженія этой цѣли нельзя было придумать ничего лучшаго, какъ обвиненіе въ измѣнѣ противъ государя и отечества, приписать всѣ эти козни Сперанскому. Почва для подобныхъ фантастическихъ обвиненій была прекрасно подготовлена; общее недовольство, сопровождавшее оглашеніе государственныхъ мѣръ, разработанныхъ при главномъ участіи Сперанскаго, возрастало въ ужасающей степени и нашло себѣ вліятельныхъ и краснорѣчивыхъ обличителей въ лицѣ великой княгини Екатерины Павловны, графа Ростопчина, Карамзина, и другихъ недовольныхъ мѣропріятіями правительства. Графъ Аракчеевъ, вѣроятно, тоже не бездѣйствовалъ, чтобы погубить человѣка, осмѣлившагося похитить исключительную привязанность къ нему государя: независимо отъ чувства оскорбленной ревнивой дружбы, Аракчеевъ по характеру и убѣжденіямъ своимъ долженъ былъ испытывать чувство ненависти къ человѣку гуманному, ученому и либеральному, каковымъ былъ Сперанскій. Общественное мнѣніе въ своемъ возбужденіи скоро дошло до провозглашенія по всей Россіи Сперанскаго измѣнникомъ. Стали появляться нелѣпыя подметныя письма, расходившіяся по Петербургу и Москвѣ въ тысячахъ списковъ; въ этихъ спискахъ Сперанскій обвинялся не только въ гласномъ опорочиваніи существовавшей политической системы, въ предсказываніи паденія имперіи, но даже и въ явной измѣнѣ, въ сношеніяхъ съ агентами Наполеона, въ продажѣ государственныхъ тайнъ. Оставалось только раздуть искру, чтобы произвести пожаръ. Дѣйствующими лицами замышляемой интриги были избраны генераль-адъютантъ Бала-

шовъ, генераль-баронъ Армфельдтъ, перешедшій тогда недавно изъ Швеціи на русскую службу, и французскій эмигрантъ Вернегъ; затѣмъ этими лицами были привлечены и второстепенные дѣятели; къ нимъ принадлежалъ Дмитрій Николаевичъ Бологовскій, замѣшанный въ 1801 году. Кромѣ того императоръ Александръ призналъ нужнымъ войти въ непосредственныя сношенія съ директоромъ канцеляріи министерства полиціи Яковомъ Ивановичемъ де-Сангленомъ; тайственныя бесѣды, для которыхъ послѣдній съ декабря 1811 года призывался въ Зимній дворецъ, оставались, конечно, неизвѣстными его начальнику, генераль-адъютанту Балашову. Всѣ орудія этой колоссальной интриги, не посвященныя въ тайну конечной ея цѣли, дѣйствовали какъ маріонетки, нити которыхъ были въ рукахъ лица, направлявшаго весь ходъ этой загадочной драмы. Руководствуясь самыми разнообразными побужденіями, всѣ привлеченныя къ дѣлу лица усердно хлопотали о томъ, что уже давно было рѣшено въ умѣ Александра и чего они не знали, не сразу проникнувъ до пониманія истинной подкладки интриги; они, какъ бы заброшенные въ дремучій лѣсъ, не видѣли исхода. Сперанскій въ пермскомъ письмѣ осторожно поднѣлъ тайственную завѣсу, написавъ: «Отчего, спросать, доходили отъ разныхъ лицъ, однѣ вѣсти? Оттого, что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался, и теперь кажется постороннимъ».

«Это обманщикъ, который самъ руководить всѣми исторіями», зашѣтилъ въ послѣдствіи умудренный опытомъ Армфельдтъ.

Къ 17-му марта 1812 года, дѣло созрѣло на столько, что императоръ Александръ неожиданно призвалъ къ себѣ рано утромъ де-Санглена и сказалъ ему: «Конечно, какъ мнѣ ни больно, но надобно разстаться съ Сперанскимъ. Его необходимо отлучить изъ Петербурга». При этомъ случаѣ Александръ сказалъ еще де-Санглену: «Сперанскій самъ ускорилъ свое отправленіе. Я спрашивалъ его, какъ онъ думаетъ о предстоящей войнѣ и участвовать ли мнѣ въ ней своимъ лицомъ? Онъ имѣлъ дерзость, описавъ мнѣ всѣ воинственные таланты Наполеона, совѣтовать, чтобъ, сложивъ все съ себя, я собралъ Боярскую Думу и предоставилъ ей вести Отечественную войну. Но что-жъ я такое? Развѣ нуль? Изъ этого я убѣждаюсь, что онъ своими министерствами точно подкапывался подъ самодержавіе, котораго я и не вправѣ сложить съ себя самовольно къ вреду моихъ наследниковъ».

Въ ту-же ночь Сперанскій подъ надзоромъ частнаго пристава Шипулинскаго былъ отправленъ въ Нижній-Новгородъ, а затѣмъ оттуда сосланъ въ Пермь.

Дѣло Жерве и Бека находится въ непосредственной связи съ дѣломъ Сперанскаго.

Жерве служилъ въ иностранной коллегіи и въ эпоху возвышенія Сперанскаго завѣдывалъ дѣлами нашихъ важнѣйшихъ иностранныхъ миссій, ему-же была подчинена экспедиція дешифровки депешъ, въ которой главнымъ лицомъ былъ нѣкто статскій совѣтникъ Бекъ, издавна занимавшійся этимъ дѣломъ. Въ 1811 году по части представленія получавшихся депешъ канцлеру установился слѣдующій порядокъ. Шифрованныя депеши иностранныхъ миссій, которыя удавалось перехватить, равно какъ подобныя же депеши нашихъ посольствъ, поступающія къ графу Румянцеву, исходили отъ него въ обыкновенномъ порядкѣ въ экспедицію дешифровки; но здѣсь Бекъ вмѣсто того, чтобы представлять свои переложенія канцлеру, отсылалъ ихъ, на основаніи секретно объявленной ему Сперанскимъ высочайшей воли, сперва къ государю. Орудіемъ этихъ пересылокъ служилъ гардеробмейстеръ Гесслеръ. Государь, прочитавъ переложенія, собственноручно вычеркивалъ въ нихъ все, о чемъ не желалъ ставить въ извѣстность графа Румянцева, и уже тогда, переписанныя вновь, съ указанными пропусками, онѣ представлялись послѣднему отъ Бека подъ видомъ полныхъ дешифровокъ; канцлеръ же съ своей стороны, нисколько не подозрѣвая всего промежуточнаго, подносилъ сокращенныя переложенія государю, который дѣлалъ видъ, будто содержаніе ихъ совсѣмъ ново для него. Въ то-же время Жерве, требуя и получая отъ Бека, какъ его начальникъ, полныя дешифровки, сообщалъ ихъ тайнѣ отъ государя и отъ всѣхъ Сперанскому, для котораго такимъ образомъ, ничто не оставалось секретнымъ.

Помимо этихъ дешифровокъ, и уже по собственному почину, Жерве передавалъ Сперанскому о всѣхъ важнѣйшихъ новостяхъ изъ области внѣшней политики.

Такъ продолжалось вплоть до высылки Сперанскаго въ Нижній-Новгородъ. Въ ночь своей высылки онъ лично запечаталъ нѣкоторыя изъ находившихся у него бумагъ и передалъ ихъ генералъ-адъютанту Балашову, съ просьбой вручить ихъ въ собственные руки государю при особомъ письмѣ. Это и были бумаги изъ числа документовъ, доставлявшихся Сперанскому Жерве. Въ письмѣ Сперанскаго къ государю между прочимъ сказано: «между бумагами, въ одномъ изъ трехъ пакетовъ находящимися, ваше императорское величество изволите найти расшифрованныя перлюстраціи. Онѣ мнѣ были доставляемы по временамъ отъ Бека. Въ семъ проступкѣ сознаю себя виновнымъ и, не ища оправданій, предаюся милосердію вашего величества». Черезъ недѣлю послѣ этого Бекъ былъ внезапно арестованъ и безъ объясненія причинъ заключенъ въ Петербургскую крѣпость. Когда объ этомъ

узналъ Жерве, онъ немедленно написалъ государю письмо, въ которомъ, оправдывая Бека, бралъ всю вину на себя. «Здѣсь, пишетъ Н. К. Шильдеръ, слѣдуетъ упомянуть объ одномъ обстоятельстве, въ высшей степени любопытномъ для характеристики императора Александра. Письмо Жерве содержало въ себя указанія на секретную дипломатическую переписку, и передать его графу Румянцеву, какъ начальнику Жерве, значило-бы разоблачить тайну; вслѣдствіе этого Александръ собственноручно вычеркнулъ въ представленномъ ему письмѣ всѣ указанія, сдѣланныя Жерве по этому поводу, и, черезъ графа Нессельроде, велѣлъ Жерве переписать и подать его себѣ вновь уже въ такомъ исправленномъ видѣ».

Тѣмъ временемъ Жерве былъ смѣненъ со своей должности, и его бумаги опечатаны, а Бекъ, больной и пораженный всѣмъ произошедшимъ съ нимъ, впалъ, сидя въ крѣпости, во временное помѣшательство. Разборъ ихъ дѣла по высочайшему повелѣнію былъ порученъ секретному комитету, такъ называемому комитету 13 января 1807 года. «Такъ было нужно, чтобы окончательно ввести въ заблужденіе государственнаго канцлера, равно какъ и въ другихъ тайныхъ видахъ, находившихся въ связи съ удаленіемъ Сперанскаго».

Бекъ былъ допрошенъ, и его показанія, не отвѣчавшія видамъ государя, были представлены императору Александру, находившемуся тогда въ Вильяѣ. Александру невозможно было также принять на свою совѣсть обвинить того, который былъ простымъ орудіемъ и исполнителемъ собственной его воли; онъ вывелъ себя изъ затруднительнаго положенія съ обычнымъ искусствомъ.

«О Бекѣ, писалъ императоръ графу Н. И. Салтыкову, долженъ сказать, что объясненія его совѣмъ невѣрны, что бы мнѣ легко было доказать бумагами, но оныя остались въ Петербургѣ—я считаю не бесполезно бы было призвать Жерве и взять отъ него объясненія. Бека же, взявъ съ него строгую подписку, что онъ будетъ жить смирно и не вмѣшиваться ни въ какія сплетни, можно выпустить, предписатьъ полиціи имѣть за поведеніемъ его надзоръ».

Вслѣдствіе этого Жерве былъ призванъ въ собраніе комитета, гдѣ и показалъ, что дешифрованные Бекѣмъ бумаги онъ точно сообщалъ Сперанскому, какъ самъ донесъ о томъ государю 26-го марта 1812 г.; что дѣлалъ онъ это съ цѣлію содержать его въ извѣстности о теченіи дѣлъ, какъ вельможу, котораго считалъ облеченнымъ неограниченною довѣренностью государя; что посылалъ къ нему и Бека съ дешифрованной бумагою, которую не хотѣлъ представить государю чрезъ канцлера; что не помнить, чтобы говорилъ Беку о секретной перепискѣ, въ которой состоялъ Сперанскій съ графомъ Нессельроде помимо канцлера, но что, впрочемъ, Беку не трудно было и самому

догадаться, что всё эти сообщенія дѣлались имъ, Жерве, Сперанскому безъ вѣдома графа Румянцева.

По выслушаніи показаній, комитетъ 3-го іюля, т. е. послѣ того, какъ Бекъ, совершенно больной, уже три съ половиной мѣсяца томился въ тюрьмѣ, постановилъ Бека, въ исполненіе высочайшей воли, изъ подъ караула освободить, взявъ съ него строгую подписку, чтобы онъ жилъ смиренно и ни въ какія сплетни не вѣшивался. Но какъ комитетъ находить, что оба они, особливо Жерве, которому ввѣрены были наиважнѣйшія тайны иностраннаго департамента, не только по службѣ не могутъ быть полезны, но даже и пребываніе ихъ въ столичномъ городѣ, наполненномъ иностранцами, легко можетъ обратиться во вредъ, то дабы удалить всякую опасность, не излишнимъ считаетъ представить его величеству, не благоугодно-ли будетъ приказать обоихъ выслать отсюда. Беку можно дозволить основать свое пребываніе гдѣ нибудь поближе, а Жерве назначить для жительства какой нибудь отдаленный городъ, по крайней мѣрѣ, до развязки настоящихъ обстоятельствъ, и за обоими, особенно за послѣднимъ, мѣстному начальству имѣть строгіи присмотръ.

Постановленіе комитета было представлено на утвержденіе императору Александру 6-го іюля 1812 года, но какое послѣдовало рѣшеніе государя, неизвѣстно. Достоверно одно, что Жерве былъ исключенъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, а потомъ снова принять на службу, но уже по вѣдомству министерства финансовъ. Что касается Бека, то онъ былъ оставленъ на своей прежней должности.

Особенно непроницаемой таинственностію окружалъ Александръ всё свои рѣшенія по дѣлу о престолонаслѣдіи! Подобный образъ дѣйствій въ столь важномъ вопросѣ привелъ къ самымъ прискорбнымъ послѣдствіямъ. Въ виду того душевнаго настроенія, которое окончательно утвердилось въ Александрѣ послѣ событій 1815 года, весьма естественно, что юношескія намѣренія государя отказать отъ престола и сдѣлаться частнымъ человѣкомъ снова овладѣли его помыслами. Непосредственнымъ послѣдствіемъ подобныхъ вновь воскресшихъ стремленій явилась откровенная бесѣда императора Александра съ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ, касавшаяся престолонаслѣдія.

Бесѣда эта произошла лѣтомъ 1819 года въ Красномъ Селѣ, во время обѣда у великой княгини Александры Феодоровны. Въ своихъ запискахъ она передаетъ объ этомъ разговорѣ слѣдующее: «Бесѣдуя дружески, императоръ Александръ перемѣнилъ вдругъ тонъ и, сдѣлавшись весьма серьезнымъ, сталъ въ слѣдующихъ приблизительныхъ выраженіяхъ говорить намъ, что онъ остался доволенъ по утру командованіемъ войсками Николаемъ, и что онъ вдвойнѣ радуется тому, что Николай хорошо исполняетъ свои обязанности, такъ какъ на немъ

будеть лежать современемъ большое бремя, что онъ смотреть на него, какъ на своего наслѣдника и что это должно случиться гораздо раньше, нежели можно ожидать, такъ какъ это случится еще при его жизни. Мы сидѣли какъ окаменѣлыя, широко раскрывъ глаза, не будучи въ состояніи произнести ни слова. Императоръ продолжалъ:—«Кажется, вы удивлены; такъ знайте-же, что мой братъ Константинъ, который никогда не заботился о престолѣ, рѣшилъ нынѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, форменно отказаться отъ него, передавъ свои права брату своему Николаю и его потомкамъ. Что касается меня, то я рѣшилъ отказаться отъ лежащихъ на мнѣ обязанностей и удалиться отъ міра. Европа теперь болѣе чѣмъ когда-либо нуждается въ монархахъ молодыхъ, вполне обладающихъ энергіей и силой, а я уже не тотъ, какимъ былъ прежде, и считаю долгомъ удалиться во-время. Я думаю, что то же самое сдѣлаетъ король прусскій, передавъ свою власть Фрицу».

«Видя, что мы были готовы разрыдаться, онъ постарался утѣшить насъ, успокоить, сказавъ, что все это случится не тотчасъ, и что нѣсколько лѣтъ пройдетъ, можетъ быть, прежде, нежели онъ приведетъ въ исполненіе свой планъ, затѣмъ онъ оставилъ насъ однихъ. Можно себѣ представить, въ какомъ мы были состояніи! Никогда ничего подобнаго не приходило мнѣ въ голову даже во снѣ. Насъ точно громомъ поразило; будущее казалось намъ мрачнымъ и недоступнымъ для счастья. Эта минута памятна въ нашей жизни!»

Дополнимъ разсказъ Александры Ѳеодоровны выдержкою изъ сочиненія барона Корфа «Восшествіе на престолъ императора Николая I-го». «Видя сильное волненіе великаго князя и его супруги, пишетъ баронъ Корфъ, Александръ, съ отличавшею его ангельскою ласкою, старался ихъ ободрить и успокоить. «Минута переворота, такъ васъ устрашившаго, сказалъ онъ, еще не наступила; до нея быть можетъ, пройдетъ еще лѣтъ десять, а моя цѣль теперь была-бы только та, чтобы вы заблаговременно пріучили себя къ мысли о непреложно и неизбѣжно ожидающей васъ будущности. Напрасно великій князь представлялъ, что никогда не готовился къ высокому сану императора, что не чувствуетъ въ себѣ, для такого великаго дѣла, ни достаточныхъ силъ, ни достаточной крѣпости духа; что у него одно желаніе служить государю, отъ всей души и всего разумѣнія, въ назначенномъ ему кругу обязанностей, далѣе чего и не простираются его помыслы. Государь дружески отвѣчалъ, что онъ самъ, при вступленіи на престолъ, находился въ подобномъ-же положеніи; что, сверхъ того, дѣла были тогда крайне запущены по отсутствію всякихъ основныхъ началъ въ управленіи, ибо хотя въ послѣдніе годы жизни императрицы Екатерины порядку было и мало, но все нѣсколько держалось еще прежнимъ; со вступленія же на престолъ ихъ родители, вслѣдствіе принятаго правила совершенно уничто-

жать все, дотолѣ существовавшее, и остальной порядокъ былъ разрушенъ, безъ замѣны другимъ; что слѣдовательно, положеніе его было еще труднѣе, тогда какъ теперь, послѣ преобразованій, совершенныхъ въ его царствованіе, великій князь найдетъ все въ законномъ теченіи и устройствѣ, и ему придется только ихъ поддерживать.

Намѣренія императора Александра отказаться отъ престола выразились въ разговорѣ государя съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ, происшедшемъ въ томъ-же 1819 году въ Варшавѣ. «Когда придетъ время абдикировать, сказалъ въ заключеніе Александръ, то я тебѣ дамъ знать, и ты мысли свои напиши къ матушкѣ!»

На этомъ временно все остановилось, и вопросъ о престолонаслѣдіи оставался въ неопредѣленномъ положеніи до 1822 года, когда цесаревичъ Константинъ Павловичъ положилъ официальную основу своему намѣренію отказаться отъ престола, заявивъ о немъ въ письмѣ къ императору Александру (14-го января 1822 г.). Но и послѣ этого письма вопросъ объ отреченіи Константина Павловича не былъ разрѣшенъ окончательно, и только въ 1823 году императоръ Александръ пожелалъ облечь силою закона семейное распоряженіе, условленное имъ съ цесаревичемъ.

Лѣтомъ 1823 года московскій архіепископъ Филаретъ, находившійся въ Петербургѣ для присутствованія въ Синодѣ, просилъ увольненія въ свою епархію. Министръ духовныхъ дѣлъ князь Голицынъ объявилъ ему на это высочайшее соизволеніе, и въ то-же время передалъ секретно повелѣніе исполнить прежде отъѣзда особое порученіе государя: написать проектъ манифеста о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича, съ тѣмъ, чтобы актъ сей, оставаясь въ тайнѣ, пока не настанетъ время привести его въ исполненіе, хранился въ московскомъ Успенскомъ соборѣ съ прочими государственными актами. Мысль о тайнѣ тотчасъ родила въ умѣ Филарета вопросъ: какимъ же образомъ восшествіе на престолъ, естественнѣе всего могущее произойти въ Петербургѣ, согласовать съ манифестомъ, тайно хранящимся въ Москвѣ? Онъ не скрылъ своего недоумѣнія и представилъ, чтобы списки съ составляемаго акта хранились также въ Петербургѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ, въ Синодѣ и въ Сенатѣ. Предложеніе Филарета было одобрено императоромъ Александромъ.

Вручивъ проектъ манифеста князю Голицыну, Филаретъ просилъ разрѣшенія откланяться и былъ принятъ государемъ въ Каменноостровскомъ дворцѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ повелѣніе дожидаться возвращенія представленнаго имъ проекта манифеста. Тѣмъ временемъ государь уѣхалъ въ Царское Село. Прошло нѣсколько дней, и Филаретъ, озабоченный сохраненіемъ вѣрной ему тайны и слыша, что пребываніе его въ Петербургѣ, послѣ увольненія въ епархію, возбуждаетъ удивленіе, просилъ позволенія исполнить высочайшую волю

при проѣздѣ черезъ Царское Село, гдѣ онъ могъ остановиться подъ видомъ посѣщенія князя Голицына. Такъ и было условлено. Филаретъ нашелъ у князя возвращенный проектъ, гдѣ нѣкоторыя слова и выраженія были подчеркнуты карандашемъ; стараясь угадать, почему они не соответствовали мыслямъ государя, онъ замѣнилъ ихъ другими.

16-го августа императоръ Александръ выѣхалъ изъ Царскаго Села и 25-го августа прибылъ въ Москву, а 27-го прислалъ Филарету манифестъ, подписанный въ Царскомъ Селѣ, 16-мъ числомъ того-же мѣсяца, въ запечатанномъ конвертѣ, съ собственноручною надписью: «Хранить въ Успенскомъ соборѣ съ государственными актами до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины открыть московскому епархіальному архіерею и московскому генералъ-губернатору въ Успенскомъ соборѣ прежде всякаго другаго дѣйствія».

На слѣдующій день Филарета посѣтилъ графъ Аракчеевъ и справившись, получены-ли имъ извѣстныя бумаги, спросилъ далѣе, какъ будутъ внесены онѣ въ Успенскій соборъ. Филаретъ отвѣчалъ, что 29-го числа онъ будетъ лично совершать всенощное бдѣніе въ Успенскомъ соборѣ и воспользуется этимъ, чтобы положить запечатанный конвертъ въ ковчегъ къ прочимъ актамъ, не открывая впрочемъ никому, что это значитъ, чтобы такимъ образомъ хоть немногіе, которые будутъ находиться въ алтарѣ, замѣтили, что нѣчто неизвѣстное приобщено къ государственнымъ актамъ и чтобы слѣдствіемъ этого явилось, въ случаѣ кончины государя, побужденіе вспомнить о ковчегѣ и заняться вопросомъ, нѣтъ ли въ немъ чего либо относящагося къ этому закону.

Графъ Аракчеевъ ничего не отвѣтилъ и удалился, но вскорѣ затѣмъ опять явился и объявлялъ, что государю неужгодна ни малѣйшая огласка. Тогда, въ виду положительно выраженной высочайшей воли, Филаретъ 29-го августа въ полдень отправился въ Успенскій соборъ; тамъ находился только протопресвитеръ, саккеларій и прокуроръ синодальной конторы съ печатью. Архіепископъ вошелъ въ алтарь, открылъ ковчегъ государственныхъ актовъ, показалъ присутствующимъ печать, но не надпись принесеннаго конверта, положилъ его въ ковчегъ, заперъ, запечаталъ и объявилъ всѣмъ тремъ свидѣтелямъ высочайшую волю, чтобы о совершившемся никому не было отгьрваемо.

Филаретъ полагалъ, что существованіе манифеста извѣстно, по крайней мѣрѣ, московскому генералъ-губернатору, князю Дмитрію Владиміровичу Голицыну, которому, судя по надписи государя на пакетѣ, поручалось наблюденіе за его вскрытіемъ, но не рѣшился объясниться съ княземъ по этому предмету, не имѣвъ на то высочайшаго уполномочія. Впослѣдствіи оказалось, что князь Голицынъ ничего не зналъ о существованіи акта, хранившагося въ Успенскомъ соборѣ.

Списки съ секретнаго манифеста, положеннаго въ Успенскомъ со-

борѣ, согласно совѣту Филарета, были посланы въ Государственный Совѣтъ, Синодъ и Сенатъ, но не тотчасъ, а значительно позже. Такъ напримѣръ, въ Государственный Совѣтъ копія съ манифеста, подписаннаго 16-мъ августа, попала только въ половинѣ октября. На конвертѣ государь собственноручно написалъ: «хранить въ Государственномъ Совѣтѣ до моего востребованія, а въ случаѣ моей кончины раскрыть, прежде всякаго другого дѣйствія, въ чрезвычайномъ собраніи».

«Разсылка копій съ манифеста, пишетъ Н. К. Шильдеръ, не могла пройти безслѣдно въ Петербургѣ; въ городѣ заговорили о загадочныхъ конвертахъ, но черезъ нѣсколько времени о нихъ позабыли. Тайна, въ которую облекъ императоръ Александръ сдѣланное имъ распоряженіе, не была нарушена: о существованіи акта о престолонаслѣдїи въ Россіи знали только три лица: архіепископъ Филаретъ, князь А. Н. Голицынъ и графъ Аракчеевъ.

Что-же касается великаго князя Николая Павловича, то онъ ничего не зналъ о существованіи подписаннаго государемъ манифеста и только изъ словъ Маріи Ѳеодоровны ему извѣстно было о существованіи какого-то акта отреченія, составленнаго въ его пользу; объ этомъ императрица упоминала иногда вскользь въ разговорѣ».

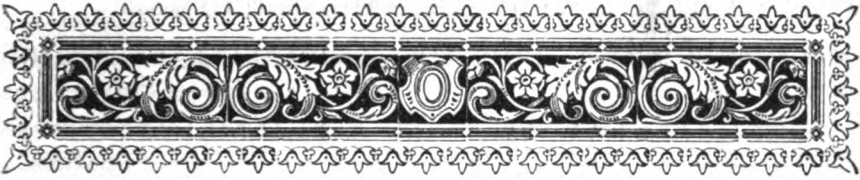
О существованіи манифеста, составленнаго Филаретомъ, ничего не зналъ и Константинъ Павловичъ. Александръ не открылъ никому своего царственнаго завѣта и даже при кончинѣ не счелъ нужнымъ затронуть ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ этотъ животрепещущій для благополучія Россіи вопросъ. Онъ довольствовался сдѣланнымъ ранѣе въ тайнѣ распоряженіемъ, онъ дѣйствительно какъ-бы думалъ: «послѣ смерти раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ, чья Россія».

Что побуждало Александра дѣйствовать подобнымъ образомъ? Неосуществимая надежда имѣть еще прямого наслѣдника? Это предположеніе мало вѣроятно. Скорѣе приходится склониться къ заключенію, что Александръ при его неограниченномъ самолюбіи, недоускавшемъ его дѣлиться съ кѣмъ-бы то ни было хотя-бы призракомъ своей власти, не желалъ видѣть возлѣ себя признаннаго наслѣдника престола, который номиналь-бы ему о преходящемъ характерѣ его власти и который, въ особенности въ лицѣ Николая Павловича, могъ-бы отвлекать отъ него популярность, къ которой онъ постоянно такъ ревниво стремился.

П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАЛЛАДИИ,

митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій.

(Биографическій очеркъ).

III ¹⁾.

Рѣчь пресвященнаго Палладія при вступленіи въ управленіе Тамбовскою епархіею.—Его проповѣдничество.—Побужденіе къ тому же духовенства.— Учрежденіе миссіонерскаго Богородичнаго Казацкаго братства.—Миссіонерскій классъ при семинаріи.—Жизнь семинаристовъ.—Дѣятельность Палладія по устройству семинарскаго общежитія для семинаристовъ.—Покупка дома.—Благодарность воспитанниковъ семинаріи.—Общежитія въ духовныхъ училищахъ.—Ссудная касса въ семинаріи.—Отецескія отношенія Палладія къ семинаристамъ.—Личныя его пожертвованія.— Учрежденіе воскресныхъ школъ и церковныхъ собесѣдованій.— Заботы о благолѣпіи церквей.— Попечительства при благочнвіяхъ.

Встрѣченный необыкновенно сочувственно всѣми сословіями Тамбова, епископъ Палладій, 24-го іюля (1873) произнесъ рѣчь, огромномъ стеченіи народа. Обращаясь къ духовенству, онъ сказалъ: «Вы, братіе, сослужители, да будете звеномъ, соединяющимъ меня съ паствою. Содѣйствуйте мнѣ вашимъ сотрудничествомъ и помощью; разумнѣе разумѣвайте души стада нашего (Притч. 27, 23), чтобы изнемогшаго благовременно поднять, болящаго уврачевать, сокрушеннаго обвязать, заблуждающаго обратить, погибшаго възскаать (Іез. 34,4). Будьте провозвѣстниками вѣры и благочестія словомъ и примѣромъ въ тѣхъ, хотя необширныхъ, кругахъ, въ которыхъ вы поставлены среди общества и на-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1899 г. № 4.

рода, чтобы пастырское служеніе наше было непостыдно предъ Богомъ (2 Тим. 2,15), полезно человекомъ и добро (Тит. 3,8), да вси достигнемъ въ соединеніе вѣры (Еф. 4,13) и примемъ вѣчную жизнь» (1 Тим. 6,19) ¹⁾.

Приведенными словами преосвященный не уединялъ себя отъ своихъ подчиненныхъ, но широко раскрывалъ для нихъ свои объятія, снисходилъ до нихъ, заявлялъ себя для всѣхъ и каждого доступнымъ, готовымъ всегда и всюду къ общенію, дабы «пастырское служеніе было непостыдно предъ Богомъ».

Мірянамъ же архипастырь сказалъ: «Великое дѣло любовь и единеніе между пастыремъ и пасомыми. Это могучая нравственная сила, которая много можетъ сдѣлать и въ духовной и въ общественной нашей жизни, и въ дѣлахъ вѣры, и въ нравахъ народныхъ, и для пользы Церкви, и для блага гражданскаго. Духовное общеніе облегчитъ вамъ исполненіе и взаимныхъ нашихъ отношеній» ²⁾.

Какъ обаятельно и благотворно должно было воздѣйствовать на мірянъ-тамбовцевъ призваніе владыки къ общенію, ради взаимныхъ многообразныхъ пользъ. Оно сразу возбуждало въ сердцахъ ихъ влеченіе и довѣріе къ архипастырю. Такъ въ дѣйствительности и было. Преосвященный Палладій, во все пребываніе свое на тамбовской кафедрѣ, сохранилъ расположеніе къ себѣ всѣхъ сословій епархіи, сразу покоривъ сердца горожанъ. «Любитель церковной торжественности, такъ сказать, эстетикъ въ священнослуженіяхъ, онъ обставилъ свои архіерейскія богослуженія съ давно уже невиданною въ Тамбовѣ красотой. Онъ обновилъ, можно сказать, всю обстановку церковную: обновилъ хоръ, избралъ новаго, именно громогласнаго протодіакона, нашелъ новыхъ теноровъ, иподіаконовъ» и т. д. ³⁾.

Кромѣ торжественности служенія, тамбовцы стремились послушать и поученій владыки, всегда внятныхъ и доступныхъ пониманію каждого. Иногда же эти проповѣди являлись художественными произведеніями духовнаго краснорѣчія.

Обращаясь часто самъ съ поученіями къ паствѣ, преосвященный Палладій требовалъ того же и отъ подчиненнаго ему духовенства. Вразумляя нетрудящихся на этомъ поприщѣ, онъ поощрялъ ревнующихъ въ произнесеніи поученій, тѣмъ болѣе что косность духовенства въ собесѣдованіяхъ съ прихожанами не можетъ быть терпима въ Тамбовской епархіи и подобныхъ ей, гдѣ расколъ и сектанство имѣютъ немалое распространеніе. Въ особенности проповѣдническая дѣятельность въ

¹⁾ „Слова и рѣчи“. Изд. 1881 г.

²⁾ Та же рѣчь въ „Тамбов. Епарх. Вѣдом.“ 1873 г., № 16.

³⁾ „Пр. Собесѣди.“, январь, 1899 г.

этой губерніи необходима въ средѣ сельскаго населенія, по своему невѣжеству легко уловляемаго въ сѣти отщепенцевъ православія. Изъ числа многихъ распоряженій епископа Палладія по этому предмету, упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ.

Такъ, резолюціею отъ 18-го октября 1874 г., владыка предписалъ священнику села Разказова, по многочисленности въ немъ раскольниковъ и сектантовъ, неупустительно завести воскресныя собесѣдованія съ прихожанами, въ видѣ катихизаторскихъ поученій. При этомъ священнику этому вмѣнялось въ непремѣнную обязанность, чрезъ три мѣсяца по открытіи собесѣдованій, предложенныя на нихъ слушателямъ поученія представить для разсмотрѣнія владыкѣ ¹⁾. Такія же собесѣдованія, по распоряженію преосвященнаго, заведены были въ 4-мъ шацкомъ благочинническомъ округѣ—при пяти церквахъ, преимущественно въ приходахъ многочисленныхъ—съ раскольниками въ средѣ населенія ²⁾.

Напоминанія духовенству объ охраненіи имъ своей паствы отъ лжеученій вызывались неотложною необходимостью. Проявлялись порою такіе блюстители и ревнители православія, которые относились къ своимъ обязанностямъ съ легкимъ сердцемъ. Въ Козловскомъ, напримѣръ, уѣздѣ, отступили отъ православія въ селахъ: Хмелевъ—государственный крестьянинъ, а въ Павловскомъ—безсрочно-отпускной рядовой. Мѣстные священники донесли о случившемся благочинному, а этотъ послѣдній своему архіерею, — и на этомъ успокоились, какъ будто въ однихъ донесеніяхъ заключается вся суть обязанностей церковныхъ пастырей. Не такъ однако взглянулъ владыка на это дѣло. «Для благочиннаго и приходскаго священника», писалъ онъ, «мало того, чтобы только довести объ уклоняющихся отъ православія; должно всемѣрно убѣждать этихъ неразумныхъ отщепенцевъ къ возвращенію въ нѣдра православія» ³⁾.

Епископъ Палладій не могъ смотрѣть равнодушно на проявлявшуюся иногда бездѣятельность подвѣдомаго духовенства по дѣламъ раскола и не сокрушаться о томъ, когда этимъ недугомъ заражены были чуть не цѣлыя мѣстности. Возьмемъ, хотя бы, городъ Спасскъ. Въ немъ до пяти тысячъ жителей, — и изъ нихъ большинство раскольники, преимущественно принадлежащіе къ толку п о п о в щ и н ы. Послѣдователи этого толка имѣютъ свою молельню, въ которой отправляютъ службу д ѣ я ч к и и разныя начетчики. Дьячки служатъ даже панихиды, а въ праздникі ходять по домамъ раскольниковъ и, безъ всякаго стѣсненія, открыто поютъ громо-

¹⁾ „Тамбов. Епарх. Вѣд.“ 1874 г., № 22.

²⁾ Тамъ же, 1875 г., № 5.

³⁾ „Тамбовск. Епарх. Вѣд.“ 1876 г. № 1.

гласно молитвы, такъ-что съ улицы свободно слышится ихъ протяжный и гнусливый напѣвъ. Для совершенія браковъ и крестинъ, раскольники ожидаютъ прибытія своего попа, который наѣзжаетъ рѣдко,—разъ въ годъ, а иногда и чрезъ нѣсколько лѣтъ. Отъ этого происходятъ весьма неблаговидныя явленія, въ родѣ того: попъ пріѣхалъ; къ нему спѣшать женихъ и невѣста для повѣнчанія, принося или приводя съ собою уже своихъ ребятъ для крещенія.—Село же Сосновка служитъ средоточіемъ скопчества ¹⁾, подобно тому, какъ село Перевозъ, Кирсановскаго уѣзда, представляетъ собою очагъ «союза богомоловъ» (хлысты тожъ), основаннаго, въ началѣ двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, крестьяниномъ Аввакумомъ Копыловымъ ²⁾.

Помимо частныхъ мѣропріятій къ искорененію и ослабленію раскола или сектантства и для борьбы съ совращеніями въ исламъ, преосвященный Палладій основалъ миссіонерское Богородично-Казанское братство. Учрежденіемъ этого братства владыка навсегда вписалъ имя свое на скрижали ревнителей православія.

Съ назначеніемъ на тамбовскую каѳедру, епископъ Палладій вступилъ въ предсѣдательство основаннаго предмѣстникомъ его, Θεодосіемъ II, Тамбовскаго комитета православнаго миссіонерскаго общества. 12-го мая 1874 г. ³⁾, въ день покровителей общества, св. Кирилла и Меѳодія, въ годичномъ собраніи членовъ комитета онъ произнесъ рѣчь. Въ ней владыка высказалъ, что, помимо чуждыхъ нашему отечеству племенъ, «десятки и сотни тысячъ, едва-ли не миллионы душъ въ самыхъ предѣлахъ» Россіи, «ждутъ еще просвѣщенія ихъ свѣтомъ Евангелія». «Кромѣ того, говорилъ предсѣдатель комитета, «даже вблизи насъ, въ виду нашемъ, есть немало послѣдователей магометанскаго заблужденія и нечестія. А сколько еще вокругъ насъ сектантовъ и раскольниковъ разнаго рода, христіанъ только по имени, коснѣющихъ въ самомъ грубомъ невѣжествѣ фанатизма и суевѣрій». Далѣе ораторъ пояснилъ, что участіе въ духовномъ просвѣщеніи ходящихъ во тьмѣ далеко не составляетъ исключительной обязанности духовенства; напротивъ: она лежитъ, какъ священный долгъ, на каждомъ изъ насъ, какъ живыхъ членахъ Христовой Церкви. «Такъ поревнуемъ всѣ единодушною ревностью, достойною истинныхъ чадъ Церкви, о святомъ», всѣмъ доступномъ, «дѣлѣ миссіонерства». Обнадеживъ благословеніемъ Божиимъ всѣхъ ревнующихъ о всесвятомъ Имени Его и желающихъ послужить великому дѣлу, преосвященный предложилъ собранію проектъ образованія въ Тамбовской губерніи братства для

¹⁾ „Тамбовск. Епарх. Вѣд.“ 1874 г., №№ 5 и 9.

²⁾ „Тамбовск. Епарх. Вѣд.“ 1874 г., № 18.

³⁾ „Тамбовск. Епарх. Вѣд.“ 1874 г., № 11.

борьбы съ мѣстнымъ расколомъ, магометанствомъ и сектантами. Сила было достаточно и прежде, говорится въ проектѣ, для борьбы съ ними; но силы эти то бездѣйствовали, то оказывались несостоятельными по отсутствію поддержки въ матеріальныхъ средствахъ. Этотъ пробѣлъ можетъ восполнить только общество. Оно въ состояніи соединить въ своихъ рукахъ столько средствъ духовныхъ и вещественныхъ, сколько именно потребуеть дѣло обращенія нашихъ разновѣрцевъ и подъемъ религиозно-нравственной жизни въ край. Общество это называется «Братство». И, какъ въ Тамбовскомъ краѣ въ прошлыхъ столѣтіяхъ миссіонерское дѣло шло изъ Казани, ознаменованной благодѣянiami Матери Божіей, при посредствѣ Ея Казанскія иконы, то и тамбовское братство, говорилъ владыка, «было бы всего приличнѣе поручить покровительству Матери Божіей и присвоить братству наименование «Тамбовское Богородично - Казанское братство». Братство это должно состоять, внѣ всякой зависимости отъ мѣстнаго миссіонерскаго общества, при Тамбовской каедрѣ.

Цѣль учрежденія братства: содѣйствіе къ обращенію въ православіе магометанъ, которыхъ въ губерніи не менѣе 40 тысячъ; содѣйствіе къ привлеченію къ православной Церкви разныхъ сектантовъ и старообрядцевъ; препятствіе духовными мѣрами попыткамъ къ совращеніямъ среди православныхъ; содѣйствіе къ духовно-нравственному образованію новообращенныхъ въ православіе и возвышеніе народной религиозной нравственности, огражденіе новообращенныхъ отъ насилій и преслѣдованій со стороны магометанъ и сектантовъ.—Предложеніе тамбовскаго архипастыря встрѣчено было всеобщимъ сочувствіемъ. Св. Синодъ благословилъ и утвердилъ представленіе объ учрежденіи Тамбовскаго миссіонерскаго Богородично-Казанскаго братства, открытіе котораго послѣдовало 11-го мая 1875 г. ¹⁾). Послѣ литургіи, въ архіерейскомъ домѣ собрались всѣ приглашенные, изъявившіе желаніе тѣмъ или другимъ способомъ принять участіе въ дѣлахъ братства. Главнымъ руководителемъ и покровителемъ братства, конечно, избранъ былъ преосвященный. Въ соотвѣтственной событію рѣчи оный, между прочимъ, сказалъ: «Замѣчу въ утѣшеніе и поощреніе ревнителей святаго дѣла, что участіе и ревность въ дѣлѣ обращенія блуждающихъ во тьмѣ суевѣрія и злочестія къ свѣту истинной вѣры—есть высшій родъ благотворенія. Сіе творя, мы дѣлаемся споспѣшниками самому Богу, Иже хочетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины придти. Дѣлаемся участниками великаго служенія апостольскаго, такъ какъ дѣло братства нашего есть продолженіе той же апостольской проповѣди, и за малую жертву можемъ удостоиться великой награды отъ Небеснаго Мздовоздателя,

¹⁾ „Тамб. Епарх. Вѣд.“, 1875 г., № 14.

объщавшаго блаженство и прощеніе грѣховъ за обращеніе и спасеніе и одной заблудшей души». Затѣмъ, по выборѣ предсѣдателя братства, казначея и другихъ должностныхъ лицъ, состоялась подписка, давшая на первый разъ 854 рубл., причемъ владыка далъ отъ себя 100 рубл. По уставу, кромѣ указанныхъ уже нами цѣлей братства, на его обязанность легло: а) выискиваніе способныхъ дѣятелей въ качествѣ миссіонеровъ и указаніе мѣстъ ихъ дѣйствія; б) выискиваніе агентовъ для собиранія свѣдѣній о той средѣ, куда должна быть направлена миссіонерская дѣятельность; в) составленіе библіотекъ изъ книгъ, необходимыхъ при борьбѣ съ иновѣрцами; г) поддержаніе школъ, которыя предлагают свои услуги къ укрѣпленію въ вѣрѣ новообращенныхъ, и открытіе новыхъ школъ; д) оказаніе пособій нуждающимся лицамъ, состоящимъ подъ покровительствомъ братства, а равно и миссіонерамъ, по мѣрѣ ихъ трудовъ и успѣховъ.

Съ открытіемъ братства, явилась необходимость, для успѣшнаго дѣйствія, имѣть подѣ рукою возможно подробныя свѣдѣнія о состояніи въ губерніи раскола и сектанства. Съ этою цѣлію, братство составило рядъ вопросовъ и предложило благочиннымъ, чрезъ подвѣдомыхъ имъ священниковъ, доставить надлежащіе по вопросамъ отвѣты ¹⁾).

Обязанное своимъ существованіемъ единственно самостоятельному и непосредственному почану усопшаго святителя, Тамбовское братство въ настоящее время съ пользою для православія и въ широкихъ размѣрахъ продолжаетъ свою дѣятельность. Но учрежденіемъ Богородично-Казанскаго братства дѣятельность преосвященнаго Палладія не ограничилась. Еще ранѣе сего, владыка обратилъ вниманіе на необходимость подготовленія будущихъ приходскихъ священниковъ для успѣшной борьбы съ распространенными въ Тамбовской епархіи расколомъ, сектанствомъ и магометанствомъ. Съ этою цѣлію, въ январѣ 1874 г. общему сѣзду депутатовъ тамбовскаго духовенства ²⁾ онъ предложилъ учредить при семинаріи миссіонерскій классъ. Депутаты, признавъ существованіе подобнаго класса вполне необходимымъ, согласились на предложеніе своего епархіальнаго начальника и ассигновали деньги, изъ экономическихъ суммъ, на вознагражденіе преподавателей.

Какъ въ Вологдѣ, такъ и въ Тамбовѣ, при вступленіи въ управленіе епархіею епископа Палладія, не было общезнатія для своекоштныхъ воспитанниковъ семинаріи. Къ этому дѣлу тамбовское духовенство, за весьма малыми исключениями, относилось какъ-то косо. По этому поводу въ № 24 мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей за 1873 г. находимъ весьма любопытную справку. По словамъ

¹⁾ „Тамб. Епарх. Вѣд.“ 1875 г., № 24.

²⁾ Журналъ общепарх. сѣзда. „Тамб. Епарх. Вѣд.“ 1874 г., № 4.

автора справки (Малова), препятствіями къ устройству общежитій служил: 1) неувѣренность въ осуществленіи предпріятія по множеству хлопотъ и большихъ денежныхъ затратъ; 2) бѣдность большинства духовенства и оттого, несочувствіе къ общежитіямъ, въ виду расходовъ; 3) многіе считаютъ общежитіе излишнею затѣю, такъ какъ нѣкоторые отцы считаютъ городскія квартиры своихъ дѣтей чуть не дворцами; 4) нѣкоторые состоятельные родители не желаютъ, чтобы ихъ дѣти пользовались въ общежитіи одинаковымъ содержаніемъ съ дѣтьми бѣдныхъ причетниковъ; 5) нѣкоторые родители боятся, что ихъ дѣти (въ общежитіи) одичаютъ вдали отъ общества. А между тѣмъ такое опасеніе авторъ справки опровергаетъ слѣдующимъ возраженіемъ: «Только нѣкоторые изъ воспитанниковъ приняты въ порядочныхъ домахъ, большинству же открытъ доступъ въ грязныя квартиры мелкихъ чиновниковъ, мѣщанъ и отставныхъ солдатъ, гдѣ они могутъ развратиться и особенно научиться употребленію того напитка, за который, на основаніи указа Св. Синода отъ 15-го января 1870 г., ученики немедленно должны быть увольняемы изъ семинаріи». Взаключеніе справки, авторъ ея, сравнивая подольское духовенство съ тамбовскимъ, говоритъ, что послѣднее не настолько уже бѣдно, чтобы могло отказаться отъ осуществленія благого дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражаетъ надежду, что и монастыри не преминутъ оказать свою посильную помощь, тѣмъ болѣе что они съ 1867 года,—времени преобразованія духовно-учебныхъ заведеній,—пожертвовали уже до восьми тысячъ рублей на семинарію и училища.

Предполагаемые же «дворцы», въ которыхъ размѣщались воспитанники семинаріи и училища, въ дѣйствительности были вотъ каковы. «Тѣснота, грязь, въ зимнее время, при отсутствіи какой бы то ни было вентиляціи, спертый воздухъ, то холодъ, то угарь, то кухонный чадъ и смрадъ, то шумъ и брань за стѣною въ хозяйской половинѣ постоянно мѣшали заниматься, особенно училищнымъ ученикамъ. Нерѣдкія пирушки у хозяевъ—въ дни именинъ, крестинъ, по праздникамъ и т. д., а также безобразныя «попойки» въ квартирѣ съ чиновниками-алкоголиками, кондукторами и желѣзнодорожными мастерами, или юнкерами изъ уволенныхъ учениковъ, а то просто съ мастеровыми, положительно затягивали взрослыхъ семинаристовъ. Зловредные семинарскіе компаніоны сами не терпѣли науки и другихъ не любили видѣть за книгою. Они несомнѣнно являлись главными распространителями между учениками пренебреженія къ наукѣ. Нѣкоторые изъ своекоштныхъ воспитанниковъ дѣлались нареченными женихами дочерей своихъ недобросовѣстныхъ хозяевъ, и вынуждались преждевременно оставлять семинарію, или, сознавши свою безвыходную ошибку, старались залить свое горе виномъ. Съ другой стороны, 9—10-ти-лѣтнія дѣти, ученики училища, пору-

ченныя «старшѣму» семинаристу, зимнею ночью выбѣгали раздѣтые, прямо съ постели, сначала въ холодныя сѣни, а затѣмъ на свѣтъ, спасаясь отъ пьянаго, разбунтовавшагося патрона.

«При вступленіи покойнаго преосвященнаго Палладія, существовало болѣе ста семинарскихъ квартиръ, разсѣянныхъ по всему Тамбову, притомъ въ самыхъ отдаленныхъ улицахъ, куда повременамъ не было ни проходу, ни проѣзду, особенно весною и осенью. Окраинные обыватели, не рассчитывающіе на состоятельныхъ квартирантовъ, вслѣдствіе тѣсноты, худобы и грязной обстановки своихъ домовъ, обыкновенно отдавали ихъ подъ квартиры учениковъ семинаріи и духовныхъ училищъ. Нѣкоторыя вдовы или жены, покинутыя мужьями, снявъ ветхій домишко съ спеціальною цѣлю держать семинаристовъ, помимо платы, всегда рассчитывали питаться отъ крупницъ, падающихъ со стола полугодныхъ семинаристовъ, а то прямо изъ кладовой, гдѣ хранились общественныя ихъ припасы. О старо-семинарской кухнѣ мы не говоримъ. Изготовленное въ ней—то недовареное, то недопеченое, могъ переварить только желудокъ ко всему привыкшаго семинариста, мало отличнаго отъ мужика, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи. Семинарскому и училищному начальству, при многочисленности квартиръ, не представлялось никакой возможности слѣдить за квартирными порядками и самими квартирантами-семинаристами. Еще труднѣе для него было знать нравственное достоинство личностей, отдававшихъ квартиры въ-наймы ученикамъ. Нѣкоторыя изъ квартиръ дотого были тѣсны, что на каждого воспитанника приходилось не полторы, какъ положено по семинарскому уставу, а половина кубической сажени (воздуха). Въ двухъ очень маленькихъ и низкихъ комнатахъ иногда помѣщалось отъ 8 до 10 человекъ. Въ одной и той же комнатѣ и спали, и ѣли, и готовили уроки. Въ результатъ тяжелой квартирной обстановки тамбовскаго семинариста, помимо извѣстныхъ и неизвѣстныхъ печальныхъ явленій, была слѣдующая выразительная статистика. Въ 1872—73 учебномъ году къ III разряду причислено было своекоштныхъ воспитанниковъ въ шесть разъ болѣе, чѣмъ казеннокоштныхъ (изъ 57 учениковъ 49), а уволенныхъ въ семь разъ противъ казеннокоштныхъ (35 на 5). Между тѣмъ, по общей численности учениковъ семинаріи, своекоштныхъ было только въ 2¹/₂ раза больше, чѣмъ казеннокоштныхъ (331 и 130). Перворазрядныхъ казеннокоштныхъ было 27, а своекоштныхъ только на 9 человекъ больше—36 воспитанниковъ»¹⁾.

Покойный іерархъ, всегда отечески-любовно относившемуся къ молодому поколѣнію и осуществившій общезнатіе въ вологодской епархіи, не хотѣлъ идти по стопамъ своихъ тамбовскихъ предше-

¹⁾ „Правосл. Собесѣдн.“ 1899 г., январь, стр. 47—48.

ственниковъ, т. е. закрывать глаза предъ ужасающею и зловредною дѣйствительностью.

Вопросъ объ устройствѣ при тамбовской семинаріи общежитія для воспитанниковъ преосвященный Палладій предложилъ на разсмотрѣніе сѣзда депутатовъ Тамбовской епархіи. Сѣздъ, въ засѣданіи 26-го января 1874 г., обсудивъ предложеніе своего владыки, признавалъ учрежденіе общежитія дѣломъ весьма важнымъ въ видахъ не только воспитательно-нравственныхъ, но и чисто-хозяйственныхъ. Съ этою цѣлю, онъ постановилъ, для постройки подъ общежитіе особаго зданія, пожертвовать въ два года 30.000 рублей, съ тѣмъ, чтобы, при необходимости, владыка ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о субсидіи. Архипастыръ, крайне обрадованный такимъ исходомъ своего предложенія, на журналѣ сѣзда, выразивъ благодарность депутатамъ, добавилъ, что «о такомъ пожертвованіи въ свое время будетъ донесено Синоду; равно согласенъ ходатайствовать и о субсидіи на этотъ предметъ» ¹⁾. Казалось, дѣло объ устройствѣ общежитія можно было считать уже поконченнымъ, вопросъ исчерпаннымъ; оставалось только подыскать для покупки подходящія по сосѣдству съ семинаріею дома и заняться приспособленіемъ ихъ соответственно предположенной цѣли. Въ дѣйствительности же вышло какъ разъ наоборотъ. На второмъ сѣздѣ, въ юніѣ 1874 г., вопросъ объ общежитіи опять подвергся обсужденію. Большинство депутатовъ высказалось за непригодность къ тому продаваемыхъ домовъ. Составленные планъ и смѣта на постройку дома и общежитія подверглись разсмотрѣнію и замѣчаніямъ избранной для сего комиссіи. Затѣмъ депутаты постановили: просить, — во-1-хъ, распоряженія преосвященнаго объ исправленіи плана и смѣты согласно замѣчаніямъ комиссіи, и, во-2-хъ, ходатайства предъ Синодомъ о дозволеніи, по исправленному плану и смѣтѣ, устроить на семинарской усадьбѣ домъ общежитія съ тѣмъ, чтобы часть усадьбы, предполагаемой подъ этотъ домъ, отдана была въ собственность епархіальнаго духовенства, которое соглашается на свои епархіальныя средства устроить общежитіе для семинаристовъ. Взаключеніе своего постановленія, депутаты обращались къ архіерею съ просьбою ходатайствовать предъ Синодомъ о вспоможеніи, въ виду огромныхъ расходовъ епархіальнаго духовенства по этому предмету. Такое, болѣе чѣмъ своеобразное, странное, постановленіе, свидѣтельствующее о косности и верасположеніи тамбовскаго духовенства къ общежитію ²⁾, получило достойную себѣ оцѣнку со стороны владыки. На постановленіи (8-го іюня 1874 г.) сѣзда по этому предмету, Палладій, кратко отмѣтивъ: «Читалъ»,

¹⁾ „Тамбовск. Епарх. Вѣд.“ 1874 г., № 4.

²⁾ См. выше справку Малова.

добавилъ: «жалъ, что о.о. депутаты отнесли къ прописанному здѣсь весьма важному предмету поспѣшно и недовольно практически. Слѣдовало бы: а) назначить для постройки предполагаемаго дома для общежитія учениковъ комиссію изъ людей опытныхъ и дѣятельныхъ, пользующихся довѣріемъ о.о. депутатовъ». Таковая комиссія подготовила бы всѣ данныя къ благопріятному результату сего дѣла и непосредственно снеслась съ г. архитекторомъ относительно исправленія плана и смѣты. б) Необходимо было бы нынѣ же постановить, съ торговъ ли отдать постройку дома для общежитія, или производить постройку онаго хозяйственнымъ образомъ. Что касается до уступки участка семинарской усадьбы въ собственность епархіальнаго духовенства, то на это едвали можно надѣяться»¹⁾.

Столь же неблагопріятенъ былъ исходъ ходатайства и липецкаго духовенства по отношенію къ устройству семинарскаго общежитія. Съѣздъ депутатовъ липецкаго училищнаго округа, въ октябрѣ 1874 г., между прочимъ, испрашивалъ отсрочки на взносъ съ липецкихъ церквей опредѣленныхъ денегъ, для составленія капитала на устройство общежитія при семинаріи. Преосвященный, на журналѣ съѣзда, 12-го октября 1874 г., въ отсрочкѣ отказалъ²⁾.

На общепархіальномъ съѣздѣ депутатовъ тамбовскаго духовенства, въ январѣ 1875 г., снова обсуждался вопросъ о семинарскомъ общежитіи. На этотъ разъ о.о. депутаты отнесли къ дѣлу съ большимъ вниманіемъ и сердечностью. Въ засѣданіи 24-го января, высказался уже совершенно иной взглядъ, чѣмъ на съѣздѣ минувшаго года. Общее мнѣніе было таково, что строить новый домъ для общежитія на семинарской усадьбѣ неудобно и невыгодно: по дороговизнѣ, обременительной для духовенства; по затруднительности выбора лицъ для надзора за постройкой, и, главное,—потому, что участокъ земли подъ семинарской усадьбою не составляетъ собственности духовенства, а принадлежитъ казнѣ. Въ виду этого, признано полезнымъ подыскать и купить удобный по сосѣдству съ семинаріею домъ, и приспособить его для устройства въ немъ общежитія. Въ засѣданіи же 29-го января постановлено: просить распоряженія архипастыря, чтобы, по предмету покупки дома, къ іюлю 1875 года непременно доставлено было въ тамбовскую консисторію 13.000 рублей изъ числа 30.000, которыя на съѣздѣ прошлаго года духовенство обязалось пожертвовать для общежитія. Владыка не только выразилъ полное согласіе на постановленія 24-го и 29-го января, но и написалъ слѣдующія слова: «Отцамъ депутатамъ и всему духовенству епархіи за сдѣланныя

¹⁾ „Тамбовск. Епарх. Вѣд.“, 1874 г., № 18.

²⁾ „Тамбовск. Епарх. Вѣд.“, 1874 г., № 23.

весьма значительныя пожертвованія въ пользу духовно-учебныхъ заведеній и примѣрно-ревностное попеченіе объ оныхъ изъясняется совершенная и искренняя архипастырская моя благодарность»¹⁾.

Дѣйствительно, въ скорости присмотрѣнъ былъ, по сосѣдству съ семинаріею, подходящий домъ и сторгованъ за 30.500 рублей. Казалось бы—и дѣлу конецъ! Но вышло не такъ, и чуть-было все предпріятіе не рухнуло, къ новому огорченію преосвященнаго Палладія. Вся суть въ томъ, что возникъ юридическій вопросъ о правѣ епархіальныхъ сѣздовъ на совершеніе торговыхъ сдѣлокъ. Мѣстные нотаріусы, не находя ни въ Сводѣ Законовъ, ни въ другихъ государственныхъ законоположеніяхъ никакого упоминанія о епархіальныхъ сѣздахъ, признали незаконною довѣренность, данную депутатами особой комиссіею на покупку приговореннаго дома. А между тѣмъ кончался срокъ полугодовой запродажной записи. Совершена была купчая на имя епархіальнаго духовенства, но нотаріусомъ не была утверждена, такъ какъ сѣздъ духовенства не имѣлъ права покупать дома. Къ этому неожиданному неблагоприятному обстоятельству присоединилось еще другое: явились вдругъ охотники на покупку облюбованнаго духовенствомъ дома, довѣренный владѣлицы котораго не прочь былъ перепродать его. Весьма понятво, сильнѣе всего неудачею дѣла огорчался главный его зачинщикъ—епископъ Палладій.

По совѣту одного опытнаго дѣльца-нотаріуса, покупка была совершена «на имя семинарскаго правленія, имѣющаго право пріобрѣтати въ собственность дома. 15-го іюля 1875 года купчая была совершена въ нотаріатъ и утверждена въ окружномъ судѣ»²⁾.

Для завершения устройства общежитія въ купленномъ домѣ, преосвященный, соглашаясь съ представленіемъ избраннаго по этому предмету комитета, 7-го августа того же года, предложилъ къ 16-му сентября собраться экстренному общепархіальному сѣзду³⁾. На этомъ сѣздѣ постановлено: во-первыхъ, если когда-либо минуетъ надобность въ общежитіи, то чтобы домъ, какъ купленный на средства духовенства, не былъ отчуждаемъ изъ владѣнія послѣдняго, а составлялъ бы его собственность, которою оно можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, о чемъ и ходатайствовать, чрезъ епархіальнаго архіерея, предъ Синодомъ. Во-вторыхъ, для правильнаго и хорошаго содержанія воспитанниковъ общежитія и веденія въ немъ хозяйства, опредѣлено: назначить эконома, съ жалованьемъ 600 рублей въ годъ, при готовой квартирѣ и содержаніи. Для руководства въ дѣйствіяхъ по

¹⁾ „Тамбовск. Епарх. Вѣд.“, 1875 г., № 4.

²⁾ „Правосл. Соб.“, январь 1898 г.

³⁾ „Тамб. Епарх. Вѣд.“, 1875 г., № 17.

общежитію снабдить эконома инструкціею, въ исполненіи которой онъ долженъ давать отчетъ особо устабовляемой комиссіи. Комиссія эта, независимо ревизіи отчета, вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдитъ за дѣятельностью эконома вообще. Въ-третьихъ, сѣздъ призналъ справедливымъ привлечь приходскія церкви къ расходамъ по содержанію своекоштныхъ воспитанниковъ въ общежитіи, въ размѣрѣ съ души мужскаго пола: по 2 коп.—въ городахъ и по 1 коп.—въ селахъ. Всѣ эти постановленія сѣзда признаны преосвященнымъ подлежащими утвержденію ¹⁾.

На томъ же сѣздѣ (18-го сентября) обсуждались и другіе вопросы по устройству общежитія, а именно: о числѣ воспитанниковъ въ общежитіи, времени взноса родителями денегъ за содержаніе сыновей въ общежитіи и размѣрѣ самой за то платы.

Послѣдній вопросъ вызвалъ первоначально различныя сужденія. Одни высказывались за установленіе одинаковой платы, будетъ ли то сынъ священника, дьякона или церковника; другіе держались противоположнаго взгляда. Однакожь, верхъ одержало мнѣніе за однообразную норму платы, безъ различія степеней духовнаго званія. Что же касается другихъ вопросовъ, то сѣздъ постановилъ: время поступленія въ общежитіе ограничить началомъ учебнаго года, а приемъ воспитанниковъ — 70-ю; деньги вносить въ три срока: въ началѣ января, послѣ Пасхи и въ началѣ сентября. Субсидіи же, изъ кошелевыхъ суммъ, вносить, чрезъ благочинныхъ, въ январѣ или по полугодьямъ, смотря по удобству. Владыка утвердилъ всѣ постановленія, кромѣ постановленія объ одинаковомъ размѣрѣ платы. О ней онъ написалъ: «Въ будущій сѣздъ еще обсудить этотъ пунктъ съ большею основательностью и безпристрастіемъ. До будущаго же сѣзда допускается руководствоваться, въ видѣ опыта», этимъ пунктомъ ²⁾.

Весьма естественно, воспитанники семинаріи не могли не оцѣнить благихъ послѣдствій отеческой попечительности о нихъ преосвященнаго Палладія. Послѣ выпускнаго молебна, въ концѣ 1875—1876 года, одинъ изъ окончивавшихъ курсъ семинаристовъ, отъ лица всѣхъ своихъ товарищей, вполне искренно и правдиво сказалъ, обращаясь къ владыкѣ: «Настоящій торжественный моментъ прощальнаго свиданія съ вами рѣзко напечатлѣется въ нашей душѣ и будетъ всегда памятенъ намъ... Мы считаемъ себя обязанными благодарить ваше преосвященство за оказанныя намъ благодѣянія. Безъ вашего содѣйствія и милостиваго покровительства, едва ли могли мы рассчитывать на улучшеніе нашей обыденной жизни. Вы позаботились устройствомъ общежитія для воспи-

¹⁾ Тамб. Епарх. Вѣд., 1875 г., № 21.

²⁾ Тамъ же.

танниковъ, изысканіемъ средствъ для лучшаго содержанія ихъ тамъ. Вы также въ особенности обращали вниманіе и слѣдили за поведеніемъ воспитанниковъ. Такая дѣятельность и заботливость ваша о преобразованіи семинаріи и объ улучшеніи нашего быта всегда будетъ у насъ на первомъ планѣ при воспоминаніи о семинарской жизни»¹⁾.

Если, до устройства общежитія, семинаристы, люди уже взрослые, ютятся по труппамъ Тамбова, подвергались всевозможнымъ невзгодамъ, то еще непригляднѣе была жизнь повсемѣстно воспитанниковъ духовныхъ училищъ. Опытный и сердобольный архипастырь не остановился на полпути и приложилъ всѣ старанія къ учрежденію общежитій и при духовныхъ училищахъ. Разумѣется, въ кратковременное пребываніе на тамбовской каедрѣ, преосвященный не могъ вполне осуществить этого дѣла. Но и то, что имъ совершено и чему положено начало, навсегда останется памятнымъ въ бытописаніи Тамбовской епархіи. Его преемникамъ оставалось доканчивать имъ начатое и совершенствовать устроенное. Такъ, единственно благодаря неусыпнымъ заботамъ и личному участию епископа Палладія, при липецкомъ духовномъ училищѣ заведено общежитіе. Изъ липецкихъ обывателей, одинъ, г. Труппевскій, сочувствовавшій судьбѣ мальчиковъ, изъявилъ желаніе подарить училищу свой домъ подъ общежитіе, но съ нѣкоторыми ограниченіями. Жертвователь требовалъ: во-первыхъ, чтобы при общежитіи учреждена была церковь и, во-вторыхъ, вѣчно и постоянно, поминались его живые и умершіе родственники. Затѣмъ, въ случаѣ неисполненія сихъ условій, г. Труппевскій оставлялъ за собою право взять домъ обратно. Предъявленныя условія такъ ясны, положительны и уважительны, что, казалось, липецкому духовенству надлежало только безъ замедленія согласиться на нихъ, и принять полезный и необходимый даръ съ благодарностью. Иначе взглянули о.о. депутаты Липецкаго округа. Они нашли почему-то условія жертвователя тяжелыми и самыя его выраженія относительно поминанія родственниковъ «постоянно» и «вѣчно» — не совсѣмъ удобопонятными и — даже — требующими разъясненія. Пошли взаимныя переговоры и препирательства, едва не приведшіе къ полному разрыву, если бы въ дѣлѣ не принялъ участія самъ епархіальный архіерей. Имъ улажены были всѣ недоразумѣнія между жертвователемъ и духовенствомъ — и домъ поступилъ въ собственность липецкаго училища. Съ приобретеніемъ дома, для липецкаго духовнаго училища началась новая благоустроенная жизнь во всѣхъ отношеніяхъ. По мысли Палладія, старое зданіе училища было расширено и приспособлено къ общежитію, а въ пожертвованномъ домѣ

¹⁾ „Правосл. Собесѣда.“ 1899 г., январь.

устроены церковь (во имя св. Софіи) и классы. Освященіе храма совершилось уже въ бытность преосвященнаго въ Рязани (въ январѣ 1877 г.). На обѣдѣ, послѣ освященія, за здравицами за государя императора и синодъ, произнесена была здравница и въ честь виновника торжества, рязанскаго епископа Палладія ¹⁾.

Тамбовское духовенство наконецъ создало всю пользу отъ учрежденія общежитій,—и они мало-по-малу возникали повсюду въ епархіи. Заботы преосвященнаго о благоустройствѣ духовныхъ училищъ доходили до того, что онъ нерѣдко употреблялъ на то собственные средства и постоянно внушалъ духовенству о необходимости улучшить бытъ изъ дѣтей, воспитывающихся въ этихъ училищахъ. Къ сожалѣнію, владыкѣ, при всемъ его доброжелательствѣ и стремленіи довести подвѣдомыя ему духовно-учебныя заведенія до возможнаго улучшенія, часто приходилось сталкиваться съ препятствіями, тормозившими дѣло улучшеній. Препятствія эти являлись со стороны самого тамбовскаго духовенства, о духовно-нравственномъ развитіи и просвѣщеніи дѣтей котораго такъ заботился преосвященный. При всей своей снисходительности и благодушій, онъ, съ огорченнымъ сердцемъ, вынуждаемъ бывалъ, въ подобныхъ случаяхъ, высказывать духовенству, его представителямъ и должностнымъ лицамъ горькія истины и внушенія. Напримѣръ, многіе монастыри весьма неисправно высылали опредѣленные съ нихъ деньги, на содержаніе семинаріи, что ставило семинарское начальство въ большое затрудненіе. Недоимокъ числилось за монастырями въ 1875 году до четырехъ тысячъ рублей. Преосвященный распорядился о строжайшемъ предписаніи настоятелямъ такихъ монастырей, внести безъ замедленія состоящія за ними въ недоимкѣ деньги. На будущее же время обязать всѣ монастыри слѣдующія отъ нихъ суммы на воспособленіе духовно-учебнымъ заведеніямъ доставлять прямо въ консисторію, которая сама уже будетъ ихъ распредѣлять по епархіи ²⁾.

Рядомъ съ этою мѣрою, по предложенію ректора тамбовской семинаріи, Д. И. Самбикина (нынѣ преосвященный Димитрій, архіепископъ тверской и кашинскій) послѣдовало учрежденіе вспомогательной ссудной кассы. Для начала ея неизвѣстный благодотворитель пожертвовалъ 250 рублей. Владыка не только одобрилъ и утвердилъ представленіе ректора, но и лично отъ себя внесъ въ учреждаемую ссудную кассу 50 рублей.

Тамбовская семинарія, вполнѣ преобразованная и пере-

¹⁾ „Заботы высокопреосвященнаго митрополита Палладія о духовно-учебныхъ заведеніяхъ и духовенствѣ въ періодъ управленія его Тамбовской епархіею“. Ст. Покровскаго. „Правосл. Собесѣдн.“, 1899, № 1.

²⁾ „Тамб. Епарх. В.“ 1875 г., № 22.

устроенная, по почину епископа Палладія, съ первыхъ же дней бытія въ тамбовскую епархію, стала дорогимъ для него дѣтищемъ, за которымъ онъ слѣдилъ неуклонно. Лаская и относясь благовольтельно къ этому дѣтищу, владыка, въ то же время, зорко наблюдалъ, дабы къ доброму ученію «отроковъ» не примѣшивалось вредныхъ плевель. Лучшимъ тому доказательствомъ приведемъ слова г. Царевскаго, бывшаго воспитанника тамбовской семинаріи. «Нерѣдко появлялся онъ (епископъ Палладій) въ ней (семинаріи); обязательно принося съ собою для всѣхъ семинаровъ истинный праздникъ и свѣтлое оживленіе. Чѣмъ больше стѣснялись при его появленіи преподаватель или отвѣчающій въ классѣ ученикъ, тѣмъ съ большимъ радушіемъ онъ заговаривалъ съ нимъ, — заговаривалъ иногда о чемъ-нибудь совсѣмъ постороннемъ, давая тѣмъ человѣку возможность оправиться, ободриться. Каждый визитъ его въ классѣ оканчивался всегда благодарностями ученикамъ, что несказанно поднимало въ послѣднихъ энергію, и учителю, даже иногда и слабому, очевидно, съ цѣлію возвысить, поддержать авторитетъ его предъ учениками. Въ нужныхъ же и сколько-нибудь важныхъ случаяхъ преосвященнѣйшій бывалъ и строгъ, далекъ отъ потворства. Какъ сейчасъ помню такой случай. На урокъ церковной исторіи, преподаватель, теперь давно уже сошедшій со сцены, позволилъ себѣ несерьезно, полуиронически отозваться о преданіи, что св. апостолъ Андрей былъ на горахъ кievскихъ. Какъ въ внимательномъ и сильно, бывший тутъ, преосвященный укорилъ учителя за несерьезное отношеніе къ дѣлу. Съ какою энергіею возставалъ онъ на принципиальную защиту вообще благочестивыхъ преданій, разъ они безусловно не опровергаются историческимъ изученіемъ»¹⁾).

«Вообще», замѣчаетъ г. Царевскій, «преосвященный полюбилъ тамбовскую семинарію». И эта любовь выражалась не только словомъ, но и дѣломъ. Во все его пребываніе въ Тамбовской епархіи, не было случая исключенія воспитанниковъ изъ семинаріи. Назначеніе, заслуга и достоинство учебныхъ заведеній, по убѣжденію преосвященнаго, въ томъ и состоятъ, чтобы, помимо выдренія научныхъ знаній въ юношей, воспитывать ихъ, исправлять и искоренять въ нихъ недостатки и порочныя наклонности, готовить честныхъ слугъ престолу и отечеству. Одногo научнаго образованія слишкомъ мало. «Нѣтъ никакой заслуги учебныхъ заведеній», говаривалъ приблизительно владыка, «въ выпускѣ въ свѣтъ однихъ, самихъ по себѣ хорошихъ и добрыхъ молодыхъ людей. Нѣтъ: истинная заслуга заключается въ совершенномъ исправленіи дурныхъ. Изъ прямого дерева все легко сдѣлать. Потрудитесь выпрямить кривое и сучковатое: вотъ въ чемъ искусство и заслуга». И этотъ взглядъ на учебныя заведенія проводилъ преосвященный повсюду, гдѣ онъ ни находился.

¹⁾ „Пр. Соб.“, 1899 г., № 1.

Любя подвѣдомственные учебныя заведенія, преосвященный Палладій не оставлялъ ихъ помощью изъ собственныхъ средствъ.

Вскорѣ, послѣ прибытія въ Тамбовъ, онъ посѣтилъ (4-го сентября 1873 г.) семинарію, присутствовалъ на лекціяхъ и осматривалъ бібліотеку, на улучшеніе которой подарилъ 50 рублей. Духовныя же училища—два тамбовскихъ и липецкое—получили по 25 рублей каждое ¹⁾. Женскія духовныя учебныя заведенія не составляли для владыки исключенія. Въ томъ же году (8-го сентября), по случаю храмового праздника въ тамбовскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, архипастыръ пожертвовалъ, на нужды воспитанницъ, 150 рублей. Спустя нѣкоторое время, совѣтъ епархіальнаго училища получилъ отъ своего епархіальнаго начальника 600 рублей, съ распредѣленіемъ изъ нихъ: 200 рубл. на пополненіе бібліотеки воспитанницъ необходимыми учебными руководствами и пособіями по преподаваемымъ въ училищѣ предметамъ; 200 рубл.—на приобрѣтеніе необходимыхъ вещей для училищной церкви и больницы, и 200 рубл.—на собственные нужды воспитанницъ, по усмотрѣнію училищнаго совѣта ²⁾. Въ слѣдующемъ году, въ день своего ангела (28-го января), владыка препроводилъ въ семинарское правленіе изъ своихъ средствъ 200 рублей, назначивъ: 50 рублей на ученическую бібліотеку; столько же—въ вспомогательную семинарскую ссуду; такую же сумму—въ пользу воспитанницъ епархіальнаго женскаго училища, и по 25 рублей—въ ученическія бібліотеки обоихъ тамбовскихъ духовныхъ училищъ ³⁾. И въ послѣдній годъ служенія въ Тамбовѣ епископа Палладія, въ день его ангела, женско-училищная епархіальная бібліотека, на приобрѣтеніе необходимыхъ учебныхъ пособій и руководствъ, получила отъ владыки 50 рубл. ⁴⁾.

Вотъ еще образчикъ любви и заботливости покойнаго митрополита къ учащимся. Въ 1876 году, на представленіе совѣта епархіальнаго женскаго училища о выдачѣ 315 рубл., пожертвованныхъ разными лицами, на экипировку 10 дѣвицъ-сиротъ, оканчивающихъ курсъ, преосвященный написалъ: «Оканчивающимъ курсъ наукъ воспитанницамъ-сиротамъ, для экипировки и другихъ необходимыхъ нуждъ, назначается: 150 рубл.—изъ остаточныхъ суммъ училища, 150 рубл.—изъ суммъ попечительства, о чемъ совѣтъ училища сдѣлаетъ сношеніе съ попечительствомъ, и 100 рубл. жертвуется мною на тотъ же предметъ изъ собственныхъ средствъ» ⁵⁾.

Полагаемъ излишнимъ вдаваться въ подробнѣйшее исчисленіе всѣхъ

¹⁾ „Т. Епар. В.“, 1873 г., № 20.

²⁾ „Т. Епарх. В.“, 1874 г., № 12.

³⁾ „Т. Епарх. В.“, 1875 г., № 3.

⁴⁾ „Т. Епарх. В.“, 1876 г., № 5.

⁵⁾ Тамъ-же, № 14.

пожертвованій преосвященнаго на пользу учащагося молодого поколѣнія духовнаго званія Тамбовской епархіи. Жертвовалось много.

Нельзя, между прочимъ, не упомянуть, что, по прибытіи преосвященнаго Палладія въ Тамбовъ, при семинаріи заведена была въ 1874 г. воскресная школа. Ее могли посѣщать не только дѣти, но и взрослые ¹⁾).

Въ нѣкоторыхъ сельскихъ училищахъ, гдѣ учителями состояли лица, неокончившія курса семинаріи, мѣстные сельскіе священники не изъявляли желанія преподавать Законъ Божій бесплатно. Епископъ Палладій предписалъ священникамъ не отказываться отъ преподаванія Закона Божія и, при объѣздѣ епархіи, самъ провѣрялъ учениковъ. Тѣмъ же сельскимъ священникамъ было вмѣнено въ обязанность наставлять въ вѣрѣ и взрослыхъ, при помощи церковныхъ собесѣдованій съ прихожанами. Съ тою же цѣлю, при тамбовскомъ попечительномъ о тюрьмахъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ владыки, было открыто особое «попечительное отдѣленіе», въ видахъ религіознаго и нравственнаго исправленія арестантовъ мѣстнаго тюремнаго замка.

Искореная безпорядки, существовавшіе въ приходскихъ церквяхъ, преосвященный при личныхъ объѣздахъ епархіи, обращалъ особенное вниманіе на благолѣпіе храмовъ Божіихъ. Городскія церкви, за малыми исключеніями, онъ нашелъ хорошо содержимыми; но сельскія—преимущественно деревянныя—большую частію не вполне удовлетворительно ²⁾). По мѣстамъ, въ нихъ внутреннія стѣны оказались изъ плохо-обтесанныхъ бревенъ; полы и паперти крайне ветхи и неблаговидны ³⁾). Приведеніе церквей въ благообразный видъ архипастыръ возложилъ на причтовое духовенство, совмѣстно съ церковными старостами, обязывая, въ то же время, благочинныхъ «приложить къ тому все свое стараніе и благоразуміе». Вмѣстѣ съ тѣмъ, этимъ послѣднимъ и мѣстнымъ причтамъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, всегда предлагалось убѣждать старость церковныхъ и прихожанъ строить церкви не деревянныя, а каменныя, «какъ безопаснѣйшія и выгоднѣйшія». При возведеніи новыхъ церквей предписывалось, для наблюденія за постройками, непременно приглашать архитекторовъ, потому что въ Тамбовской епархіи, какъ обнаружилось, вошло въ обычай при постройкахъ, не только обходиться безъ этихъ лицъ, но и допускать большія отступленія отъ плановъ, утверждаемыхъ строительными комиссіями ⁴⁾).

¹⁾ „Т. Епарх. Вѣд.“, 1874 г., № 19.

²⁾ „Т. Епарх. Вѣд.“, 1873 г., № 24.

³⁾ „Т. Епарх. Вѣд.“, 1875 г., № 23.

⁴⁾ „Т. Епарх. Вѣд.“, 1875 г., № 22.

Непріятнѣ всего для преосвященнаго Палладія было стремленіе—въ особенности сельскаго—духовенства къ перемѣщеніямъ изъ одного прихода въ другой и пререканія между причтами. Владыка разъ навсегда установилъ, что никто не имѣетъ права на перемѣщеніе, не прослуживъ пяти лѣтъ на одномъ мѣстѣ, и оставлялъ безъ послѣдствій просьбы о переводахъ для совмѣстнаго служенія съ родственниками. По его справедливому мнѣнію, «родство членовъ причта невыгодно отзывается не только при нахожденіи въ одномъ приходѣ, но даже и въ одномъ благочиніи, особенно при выборномъ началѣ благочинныхъ:—тогда трудно соблюсти безпристрастіе въ выборахъ»¹⁾.

Принимая близко къ сердцу обезпеченіе бѣдныхъ духовнаго званія—святитель пришелъ къ убѣжденію, что цѣлесообразнѣе, оставляя безъ измѣненія епархіальное попечительство, учредить, сверхъ того, полевичества при благочиніяхъ. Для наглядности, какія благія послѣдствія для вдовъ и сиротъ духовенства Тамбовской епархіи принесло это новое распоряженіе, мы имѣемъ возможность представить, въ цифрахъ, сколько раздавалось пособій прежде и сколько—послѣ учрежденія попечительствъ при благочиніяхъ. Епархіальное попечительство роздало пособій: въ 1872 г. — 4.977 р. 59 к.; и въ 1873 г. — 4.485 р. 74 к. Въ 1874 же году, послѣ распоряженія, роздано пособій: епархіальнымъ попечительствомъ 4.975 р. и, независимо оттого, благочинническими попечительскими совѣтами 7.520 р., итого въ 1874 г.—12.500 р., т. е. втрое противъ прежнихъ лѣтъ.

Отзывчивый на все доброе, владыка жертвовалъ значительныя суммы на дѣла благотворительности: на погорѣльцевъ, на помощь славянамъ, на «Красный Крестъ» и т. п. За благотворное содѣйствіе мѣстному комитету о раненыхъ и больныхъ воинахъ, 19-го января 1875 г., преосвященному изъявлена благодарность ея величества государыни императрицы, а 3-го сентября того же года онъ утверждень почетнымъ членомъ комитета о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Такова была дѣятельность епископа Палладія во время управленія Тамбовскою епархіею, когда, въ сентябрѣ 1876 года, онъ былъ назначенъ на рязанскую кафедру.

П. Вышеславцевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ „Т. Епарх. Вѣд.“, 1875 г., № 24.

Изъ воспоминаній стараго педагога.

VI 1)

Профессоръ Н. А. Опрсовъ.—Петербургскій педагогическій институтъ и студенческiя годы Опрсова. — Первый ученый дебютъ. — Назначенiе въ Пермь.—Пермскiй край и пермская гимназiя конца пятидесятихъ годовъ.— „Пермскiй Сборникъ“ и взгляды Н. А. Опрсова на дѣло народной школы.— Переѣздъ въ Казань.—Первые университетскiе шаги Н. А. Опрсова.—Его лекцiи.—Увлеченiе университетской молодежи политико-экономическими вопросами.—Взгляды журналовъ „Современникъ“ и „Русское Слово“.—Щаповъ и его лекцiи.—Н. А. Опрсовъ какъ человѣкъ и какъ профессоръ.

Перехожу теперь къ обзорнiю профессорской дѣятельности незабвеннаго Николая Алексѣевича Опрсова, слушателемъ котораго я былъ во все время моего университетскаго курса. Уже два года прошло послѣ его кончины. Сомкнулись навсегда уста, вмѣщавшiя ученье правды строгой... Тридцать пять лѣтъ непрерывно читалъ этотъ профессоръ лекцiи по русской исторiи. Большинство изъ лицъ учебной администрацiи казанскаго учебнаго округа—его бывшiе слушатели. Казалось бы, на ихъ нравственной отвѣтственности лежала обязанность вспомнить въ печати добрымъ словомъ профессорскую дѣятельность такого высокоталантливаго, такого превосходнаго знатока своего дѣла, какимъ былъ, въ дѣйствительности, незабвенный Н. А. Опрсовъ, воспитавшiй своими университетскими чтенiями столько поколѣний молодежи. Не нужно упускать изъ виду, при оцѣнкѣ начальной ученой и профессорской дѣятельности Н. А. Опрсова, что большинство кафедръ по русской исторiи въ нашихъ университетахъ занимались въ ту пору людьми или ниже всякой посредственности,—людьми

1) См. „Русскую Старину“, июнь 1899 г.

малоспособными,—или даже иностранцами. Такія свѣтила, какъ покойные Соловьевъ, Костомаровъ, Бестужевъ-Рюминъ, Шаповъ—были явленіями крайне рѣдкими, исключительными.

Н. А. Өирсовъ кончилъ курсъ въ бывшемъ главномъ педагогическомъ институтѣ. Въ зданіи послѣдняго нынѣ помѣщается Императорскій историко-филологическій институтъ. Еще и до настоящаго времени бывшіе слушатели педагогическаго института, закрытаго въ началѣ 60-хъ годовъ, занимаютъ выдающіяся мѣста въ учебной администраціи какъ петербургскаго, такъ и другихъ учебныхъ округовъ. Такъ, директоромъ 1-ой петербургской гимназіи состоитъ А. М. Груздевъ, директоромъ 2-й гимназіи—г. Смирновъ, членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія - г. Лемониусъ, начальникомъ с.-петербургскихъ женскихъ гимназій.—П. И. Степановъ, химикъ Д. И. Менделѣевъ—все это питомцы бывшаго педагогическаго института, его слушатели начала 50-годовъ. Недавно скончавшійся бывшій министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій и извѣстный критикъ Н. А. Добролюбовъ тоже окончили курсъ въ этомъ институтѣ.

Н. А. Өирсовъ поступилъ сюда въ самомъ началѣ 50-хъ годовъ, изъ рязанской духовной семинаріи. Вѣроятно ему, какъ сыну бѣднаго священника, пришлось долго уговаривать своего отца отпустить его въ Петербургъ, только что тогда связанной желѣзной дорогой съ Москвой. Уже самая дорога обходилась весьма дорого, въ особенности для бѣдняка, да и самая карьера, имъ избранная, была крайне рискованной. Бѣднякъ-семинаристъ, да еще изъ провинціи, поступая въ свѣтское учебное заведеніе, могъ разчитывать только на свои личныя средства, могъ надѣяться только на свои знанія и способности, долженъ былъ обладать твердымъ характеромъ, силою воли, упругостью ея, широкимъ пониманіемъ и яснымъ сознаніемъ своего будущаго положенія, въ которомъ нельзя было разчитывать на какія либо протекціи, которыхъ и не было...

А положеніе студента педагогическаго института было очень заманчиво: онъ получалъ сухую, теплую комнату въ самомъ зданіи института, казенный столъ и обмундировку; имѣлъ подъ рукою всѣ учебныя и ученыя пособія и избавлялся, такимъ образомъ, отъ уроковъ преподавателя, исканія средствъ къ жизни, чѣмъ, какъ извѣстно, и до сихъ поръ страдаютъ наши студенты въ ущербъ своимъ научнымъ занятіямъ. Многое, такимъ образомъ, въ педагогическомъ институтѣ содѣйствовало спокойному занятію наукой, и питомцы этого заведенія были обеспечены возможностью получить преподавательское мѣсто если не въ Петербургѣ, то въ одной изъ провинціальныхъ гимназій. Во многомъ питомцы этого института были однородны между собой—и по сословному положенію своихъ отцовъ и, вообще, по своей прошлой, неизбалованной жизни. Боль-

шинство изъ нихъ хорошо знало греческій и латинскій языки, облада-ло большимъ трудолюбіемъ, усидчивостью и большою скромностью; день-жонокъ въ наличности у каждаго было очень мало и, если попадался лишній рубль, то устраивалась скромная выпивка товарищей-земляковъ, сопровождавшаяся сердечными изліяніями, а иногда и горькими слеза-ми въ тоскѣ по родинѣ...

Такова была обстановка, въ которую попалъ Н. А. Өирсовъ, чело-вѣкъ такой же закаленный, какъ и остальные его товарищи по заведе-нію.

Въ ряду профессоровъ педагогическаго института въ то время нахо-дился извѣстный Николай Алексѣевичъ Вышнеградскій, которому петер-бургскія женскія гимназіи обязаны своимъ основаніемъ и организаціею. Это былъ человѣкъ блестящихъ способностей, съ самыми разносторон-ними научными познаніями. Онъ былъ профессоромъ педагогики въ ин-ститутѣ. На математическомъ отдѣленіи находился знаменитый Остро-градскій. Профессоръ Лоренцъ¹⁾ читалъ на нѣмецкомъ языкѣ лекціи по общей исторіи. Онъ задумалъ перевести свои лекціи на русскій языкъ, и въ числѣ его сотрудниковъ мы видимъ Н. А. Өирсова. Лекціи появи-лись въ печати, были прекрасно изданы и до сихъ поръ не потеряли еще своего научнаго значенія. У Лоренца была въ особенности хорошо обработана средне-вѣковая исторія и эпоха реформаціи. Этотъ трудъ можетъ служить прекраснымъ подспорьемъ и для современныхъ нашихъ студентовъ-филологовъ.

Первою самостоятельную работою Н. А. Өирсова была ученая моно-графія изъ исторіи Рима V-го вѣка по Р. Х., въ моментъ разложенія и распадена имперіи. То была монографія о Стихихонѣ, знаменитомъ государственномъ мужѣ времяя императора Гонорія. Трудъ Н. А. Өир-сова основанъ весь на первоисточникахъ, написанъ прекраснымъ литера-турнымъ языкомъ и остается единственнымъ въ своемъ родѣ, будучи напечатанъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1855 годъ.

Окончивъ блестящимъ образомъ курсъ, Н. А. Өирсовъ, не имѣвшій ни связей, ни протекцій, да и никогда въ жизни не искавшій ихъ, посылается въ губернію съ суровымъ климатомъ, съ разнороднымъ на-селеніемъ, — именно въ губернію Пермскую, — преподавателемъ исторіи въ мѣстной губернской гимназіи.

Пермская губернія считалась одною изъ наиболѣе интересныхъ областей Россіи. При самомъ поверхностномъ взглядѣ путешественникъ поражался видимымъ благосостояніемъ и довольствомъ, разлитыми между

¹⁾ Лоренцъ В. „Руководство ко всеобщей исторіи“, 6 книгъ Спб. 1850—1860 г.

жителями края. Здѣсь не встрѣтите, какъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, соломенныхъ крышъ на развалившихся избахъ; въ любой крестьянской избѣ найдете стеклянную, глиняную посуду и всякія хозяйственныя принадлежности изъ желѣза. Населеніе Пермскаго края является, вообще, крайне энергичнымъ, смѣтливымъ, перемчивымъ. Главнѣйшіе источники богатства Пермскаго края—это мѣха, соляные и горные промыслы, привлекавшіе сюда людей наиболѣе энергичныхъ и смысленыхъ. Количество людей грамотныхъ въ Пермской губерніи, въ отношеніи къ общей массѣ населенія, несравненно больше, чѣмъ во внутреннихъ областяхъ Россіи; значительное количество богатыхъ селъ и огромное число различныхъ металлическихъ заводовъ представляютъ центры населенія, такъ сказать, обтертаго, смысленаго перемчиваго...

Въ то время, когда попалъ въ Пермь Н. А. Ойрсовъ, директоромъ губернской гимназіи былъ Грацинскій,—человѣкъ суровый, требовавшій отъ всѣхъ слѣпного повиновенія. Онъ 50 лѣтъ управлялъ гимназіей, достигъ чина тайнаго совѣтника, получивъ три орденскихъ звѣзды. Старикъ, по окончаніи своей службы, сохранилъ званіе почетнаго попечителя пермской гимназіи. Въ глазахъ мѣстнаго населенія умный Грацинскій пользовался огромнымъ авторитетомъ и много сдѣлалъ для благоустройства гимназіи. Онъ не переносилъ никакихъ возраженій, управлялъ гимназіей совершенно самовластно, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ и неизмѣннымъ расположеніемъ къ себѣ попечителей казанскаго учебнаго округа. Формальное исполненіе обязанностей было поставлено въ гимназіи на первомъ планѣ. Директора какъ ученики, такъ и учителя крайне боялись. Грацинскій былъ человѣкъ стараго закала и шутокъ не любилъ. Мѣстные обыватели, купцы и заводчики, отдавая въ гимназію своихъ сорванцовъ, отъ которыхъ дома не было покоя, хорошо знали, что гимназія надлежащимъ образомъ усмирить савраса безъ узды, что буйный сынокъ не ускользнетъ отъ директорскихъ желѣзныхъ перчатокъ. Таковъ былъ директоръ, такова была и самовластно управляемая имъ гимназія.

Назначенный старшимъ учителемъ исторіи пермской гимназіи, Николай Алексѣевичъ съ перваго же раза поставилъ себя въ положеніе самостоятельное уже тѣмъ самымъ, что у него въ классѣ была всегда образцовая тишина и порядокъ, сложившаяся не подъ вліяніемъ угрозъ и наказаній, а только въ силу нравственнаго педагогическаго авторитета. Онъ, такимъ образомъ, не давалъ повода Грацинскому дѣлать себѣ какія либо замѣчанія или наставленія, и умный директоръ сразу понималъ, что за новая птица залетѣла къ нему.

А эта «птица» не хотѣла ограничиваться одною узкою сферою учительской дѣятельности, тѣсными ея рамками и задумала въ глухой

Пермь издание «Пермскаго Сборника», имѣя въ виду сообщать матеріалы, наблюденія и факты, касающіеся различныхъ сторонъ Пермскаго края. Молодой учитель исторіи въ гимназіи Грацинскаго долженъ быть въ глубинѣ души, разумѣется, скорбѣть и возмущаться педантическими порядками, словомъ,—безжизненною формалистикою, которая, благодаря Грацинскому, укоренилось какъ въ учебной, такъ и въ воспитательной части пермской гимназіи.

Сохранилась весьма интересная статья Н. А. Эирсова: «Открытие народныхъ училищъ въ Пермской губерніи», которая вошла въ первую книгу «Пермскаго Сборника» и въ которой авторъ такимъ образомъ опредѣляетъ и высказываетъ свой взглядъ на значеніе школъ въ исторіи развитія народа.

«Школѣ должна быть дана такая организація, которая вполнѣ соответствовала бы цѣли свободно-разумнаго развитія, ни одною своею частью не противорѣча ей; т. е. лица, которымъ ввѣряется школа, должны быть поставлены внѣ всякой зависимости отъ разныхъ общественныхъ отношеній, въ своихъ взаимныхъ дѣйствіяхъ должны быть чужды характера полицейства; должны проникнуться однимъ духомъ; имѣть въ виду одно только свободное развитіе питомцевъ... Для этого школамъ должны быть даны достаточныя матеріальныя средства и способности понимать истинное образованіе и въ духѣ его дѣйствовать педагоги-учителя. Если же школа дурно управляется, если правящіе ею, забывая о ея цѣли, въ своихъ дѣйствіяхъ руководятся правилами, принесенными, Богъ вѣсть, откуда,—правилами, можетъ быть, пригодными для казармъ, но совершенно противными этой цѣли; если школа въ своемъ содержаніи пробавляется кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, если учителей набираетъ она, не разбирая, можетъ ли каждый изъ нихъ быть воспитателемъ, можетъ ли привить сѣмена истиннаго образованія къ питомцамъ,—а такъ, для комплекта,—то не пойдетъ далеко школа, не принесетъ долго плодовъ истиннаго образованія странѣ, въ которой и для которой существуетъ, хотя бы цѣль, указанная ей, именно заключалась въ истинномъ образованіи. Школа не вдругъ произроститъ плоды, если общественный и семейный складъ народонаселенія, среди котораго она основана, діаметрально противоположенъ ея началамъ».

Разумѣется подобныя воззрѣнія Н. А. Эирсова шли совершенно въ разрѣзъ съ доморощенными педагогическими приѣмами и порядками, со всѣмъ патріархальнымъ складомъ учебно-воспитательной части, представителемъ которой былъ г. Грацинскій и ему подобные.

Въ 1859 году отпечатанъ былъ первый томъ «Пермскаго Сборника» въ Москвѣ, подъ редакцію Н. А. Эирсова.

Первая книжка «Пермскаго Сборника» составлена чрезвычайно удачно и разнообразно. Всѣ статьи были оплачены авторомъ. Сотруд-

ники были люди извѣстные своею образованностію; таковъ былъ, напри- мѣръ, профессоръ московскаго университета Ешевскій, директоръ ека- теринбургской гимназіи Крупенинъ, профессоръ казанскаго универси- тета Н. Вагнеръ, извѣстный знатокъ Урала Чупинъ (впослѣдствіи на- чальникъ горнозаводскаго училища въ Екатеринбургѣ) и, наконецъ, самъ Н. А. Өирсовъ. Даже въ наше время, спустя почти сорокъ лѣтъ, этотъ сборникъ является настольною книгою для исторіи Перми и Перм- скаго края, для знакомства съ ея колонизаціей, съ ея этнографіей, торговлею, горною промышленностію и пр.

Въ 1860 году вышелъ второй и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдній томъ «Пермскаго Сборника»,—къ сожалѣнію, прекратившій свое существо- ваніе съ переходомъ Николая Алексѣевича на службу въ Казань. Въ подборъ статей сказался вполне блестящій умъ редактора и полная подготовка его къ этому дѣлу, далеко не легкому, такъ какъ приходи- лось отсылать рукописи въ Москву въ цензурный комитетъ и печат- тать въ той же Москвѣ, что сопряжено было, разумѣется, съ расхо- дами, хлопотами и лишнею тратой времени. Книги выходили съ рисунками и планами. Въ особенности интересны статьи Н. Вагнера, въ частности его замѣтки о повѣздѣ въ село Ныробъ, гдѣ въ 1601 году, по прика- занію Бориса Годунова, замученъ былъ въ земляной ямѣ (землянкѣ) Михаилъ Никитичъ Романовъ, родной дядя царя Михаила Өеодоровича. Профессоръ Ешевскій предоставилъ редакціи сборника свою статью: «О пермскихъ древностяхъ и археологическихъ находкахъ въ Перм- скомъ краѣ».

Словомъ, «Пермскій Сборникъ» явился выдающимся литературнымъ изданіемъ. Самъ редакторъ въ живомъ, талантливо составленномъ очеркѣ подробно передаетъ исторію открытія главнаго народнаго учи- лища въ Пермской губерніи. Это училище было открыто въ 1786 году и директоромъ его былъ назначенъ губернскій прокуроръ, Иванъ Па- наевъ, а заправилою по учебной части—старшій учитель Назаретскій, который возлагалъ огромныя надежды на училище, ему ввѣренное, много ждалъ хорошаго для пермскаго народонаселенія отъ открытаго главнаго училища; но какъ извѣстно, ничего изъ этого не вышло... По этому случаю Н. А. Өирсовъ говоритъ слѣдующее по адресу Назарет- скаго: «Да не броситъ камень современный русскій человекъ на память мыслящихъ людей стараго времени за то, что они придавали чрезмѣрное значеніе открываемымъ школамъ, за то, что они взяли на себѣ смѣлость указать на училище, какъ на проводникъ образованія массы народной. Увлеченіе этихъ людей въ пользу школы понятно: для того, кто сидѣлъ во мракѣ, сознавая всю его тягость, для того всякое средство къ разсвѣтанію его покажется восхитительно лучезар- нымъ. Да не обвинитъ современный русскій человекъ училищъ за то,

что они не вполне оправдали надежды, которыя на нихъ возлагались; на долю тогдашней школы выпало трудное положеніе»...

Съ переходомъ Николая Алексѣевича на службу въ Казань занялась для него новая заря. Пять лѣтъ, которые прошли со времени окончанія имъ курса въ педагогическомъ институтѣ, протекли для него не безплодно: онъ получилъ прекрасную фактическую подготовку, всестороннее знаніе учащагося юношества, на пользу котораго пришлось ему работать въ продолженіе цѣлыхъ 35 лѣтъ въ роли профессора... И онъ исполнилъ свои обязанности съ рѣдкою добросовѣстностью, съ большимъ знаніемъ и талантомъ, съ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ на своихъ слушателей, будущихъ учителей.

Въ Казани положеніе Николая Алексѣевича, какъ служебное, такъ и личное, крайне осложнилось: съ одной стороны, не имѣя еще магистерскаго диплома, ему въ университетѣ возможно было быть только приватнымъ преподавателемъ и, къ тому же, на него было возложено чтеніе лекцій по русской и общей исторіи студентамъ всѣхъ четырехъ курсовъ. Николай Алексѣевичъ причисленъ былъ на службу къ первой гимназій, преподавателемъ исторіи, и кромѣ того, въ остающееся въ его распоряженіи свободное время онъ долженъ былъ готовиться къ магистерскому экзамену. Въ общемъ, положеніе было не изъ легкихъ: приходилось разбрасываться и за всѣ труды и хлопоты получать крайне скудное денежное вознагражденіе, а потому и неудивительно, что прошло цѣлыхъ шесть лѣтъ, прежде чѣмъ Николай Алексѣевичъ сдалъ магистерскій экзаменъ и (въ 1866 г.) защитилъ магистерскую диссертацию: «Положеніе инородцевъ сѣверо-восточной Россіи въ Московскомъ государствѣ», трудъ (въ объемѣ 260 стр.), продолженіе котораго составляетъ другое сочиненіе, вышедшее въ 1869 году подъ заглавіемъ: «Инородческое населеніе прежняго Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 года и колонизація за-камскихъ земель въ это время» (445 страницъ), въ качествѣ докторской диссертации. Обѣ книги составляютъ настолько самостоятельный и интересный трудъ, что каждая глава, взятая въ отдѣльности, могла бы быть выдѣлена въ особую монографію. Обѣ диссертации Н. А. Фирсова положили краеугольный камень для разработки бытовой и экономической исторіи Заволжья и Закамья и для обрисовки соціальныхъ и политическихъ отношеній инородцевъ къ Московскому государству. Ни одинъ изъ изслѣдователей русской колонизаціи и исторіи русскаго Сѣверо-Восточнаго края и до сихъ поръ не обойдется безъ названныхъ сочиненій покойнаго профессора.

Осенью (1864 года), въ началѣ открытія университетскихъ лекцій, въ студенческихъ кружкахъ пронеслась молва, что профессоръ русской исторіи Н. А. Фирсовъ, въ предстоящемъ учебномъ году, перейдетъ къ обзорнѣю событій отъ кончины Петра Великаго до Екатерины II.

Читать въ то время, то-есть въ срединѣ 60-хъ годовъ, исторію отъ важныхъ и хитрыхъ временщиковъ, исторію борьбы придворныхъ партій, придворныхъ интригъ и трагическихъ катастрофъ,—въ то время было большою смѣлостью.

Несмотря на то, рядъ превосходныхъ лекцій посвященъ былъ Н. А. Ойрсовымъ первымъ преемникамъ императора Петра Великаго,—эпохѣ временщиковъ. Я думаю, что слушатели покойнаго Николая Алексѣевича не забудутъ того громаднаго, поистинѣ чарующаго впечатлѣнія, которое аудиторія получала, слушая полныя глубокаго трагизма лекціи изъ эпохи царствованія Анны Іоанновны. Въ особенности образцовы были лекціи о дѣлѣ П. А. Волынскаго. Не забуду той ужасной, потрясающей душу картины, съ которой обрисована была эпоха кровавой «биرونщины». Мы всѣ съ громаднымъ интересомъ, при гробовой тишинѣ въ аудиторіи, жадно слушали каждое слово лектора. Каждая лекція, взятая въ отдѣльности, была превосходно обработана: поистинѣ это былъ источникъ живой воды. Лекціи эти держали насъ въ какомъ-то особенномъ настроеніи, возбуждая любознательность, воспитывая насъ въ духѣ гуманности, чѣмъ, какъ извѣстно, особенно отличался покойный профессоръ Московскаго университета, знаменитый Грановскій. Могильная плита на вѣки скрыла смертные останки Николая Алексѣевича, но посѣянное имъ добро, труды его, какъ профессора, живутъ ненарушимо въ памяти его учениковъ. Въ этихъ лекціяхъ рельефно высказался весь громадный и литературный, и научный талантъ покойнаго профессора, и теперь, спусти тридцать пять лѣтъ, не изгладились еще образы Бирона, Волынскаго, Анны Іоанновны и др. Въ особенности блестяще была прочтена лекція: «Вступленіе на престолъ Анны Іоанновны и дѣятельность знаменитаго Дмитрія Михайловича Голицына».

Никогда еще не было такого сильнаго умственнаго возбужденія, да едва ли когда и повторится оно въ исторіи русскаго общества, какъ это было въ концѣ 50-хъ и до половины 60-хъ годовъ. Многіе общественные и научно-литературные вопросы, хладнокровно обсуждаемые въ наше время, въ ту эпоху, послѣдовавшую за освобожденіемъ крестьянъ, вызывали страстную полемику, рѣзко дѣлили литературныхъ противниковъ на непримиримыя партіи, превращая бывшихъ друзей во враговъ, обоюдно закидывая другъ друга неприличною, рѣзкою полемикою и критикой, лишеною иногда всякаго безпристрастія. Таковы, напримѣръ, вопросы: о значеніи сельской общины, о равноправности женщинъ, о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ учебныхъ заведеніяхъ, о реальности въ поэзіи и искусствѣ, а равнымъ образомъ, наше ближайшее историческое прошлое, напримѣръ: реформы императора Петра Великаго, польскій вопросъ, остзейскій, происхожденіе и значеніе раскола,—все это подавало

поводъ къ ожесточенной полемикѣ между московскими славянофилами и ихъ противниками,—западниками. Сильная журнальная полемика шла у журнала «Современникъ» съ журналомъ «Русское Слово» о молодомъ поколѣніи. Прямо или косвенно, все вышесказанное отражалось въ жизни тогдашняго студенчества, вызывало сильное нервное возбужденіе. Статьи Д. И. Писарева, въ особенности: «Школа и жизнь», «Пушкинъ и Бѣлинскій», «Наша университетская наука» и др., приобрѣтали много слѣпыхъ поклонниковъ, подавая поводъ къ безконечнымъ пререканіямъ, спорамъ въ стѣнахъ университета, въ аудиторіяхъ. Таково было настроеніе казанскаго студенчества въ 60-хъ годахъ, что многіе всюду носились съ книгами Джонъ-Стюарта Милля, Бокля, а въ особенности Огюста Конта или съ извѣстнымъ романомъ «Что дѣлать?». Въ мое время былъ студентъ Топорнинъ. Онъ въ антрактахъ, въ театрѣ, читалъ обыкновенно «Позитивную философію» Конта, что продѣлывалъ и въ кухмистерской. Весь его разговоръ сводился къ обсужденію сочиненій французскаго позитивиста. Наконецъ, въ заключеніе, онъ получилъ кличку «Конта». Такова была сила увлеченія, доходящая до какого-то фанатизма. При такомъ направленіи студенчества, положеніе ученыхъ, въ родѣ Григоровича, представителя чистой науки, было очень затруднительно. Живая, кипучая дѣйствительность охватила молодежь своими животрепещущими вопросами; тутъ уже было мѣсто не «юсамъ» и «кириллицѣ», не «глаголицѣ», а выступалъ во всеоружіи Д. И. Писаревъ, съ его памфлетами на Пушкина; Чернышевскій, съ его комментаріями на «Политическую экономію» Милля, съ его романомъ «Что дѣлать?», съ его книгой: «Эстетическое отношеніе искусства къ дѣйствительности».

Студенты тогдашней эпохи съ особенною чуткостью относились къ вопросамъ народной жизни въ ея прошломъ и настоящемъ. Огромное вліяніе въ этомъ случаѣ имѣли историческіе труды высокоталантливаго бывшаго профессора Казанской Духовной Академіи — Щапова. Одаренный отъ природы богатыми умственными способностями, усидчивостью и трудолюбіемъ, Щаповъ представляется въ наше время, въ концѣ XIX в., какимъ-то чисто феноменальнымъ, исключительнымъ явленіемъ въ русской жизни. По національности—якутъ, сынъ дьячка, онъ, путемъ громаднхъ лишеній, достигаетъ Казанской Духовной Академіи, получаетъ здѣсь званіе бакалавра, послѣ блестящаго окончанія курса, занимается специально бібліотекой Соловецкаго монастыря въ Академіи и въ 1858 году выпускаетъ въ свѣтъ свой капитальный трудъ: «Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII в.».

Страстная натура Щапова, въ объясненіи раскола, не могла остано-

виться на какой-нибудь одной точкѣ зрѣнія. Въ стѣнахъ Академіи, какъ бакалавръ, онъ придавъ своему вышеупомянутому труду характеръ одно-сторонній, положивъ основною причиною раскола невѣжество народныхъ массъ и самого православнаго духовенства. Но не такова была натура Щапова, чтобы успокоиться на этомъ взглядѣ. Онъ пошелъ дальше,— и въ 1862 году издалъ книгу: «Земство и расколъ», гдѣ проводить мысль, что расколъ и земское дѣло—однородны, что въ расколѣ нужно видѣть могучую, страшную, общинную оппозицію народной массы, податного земства противъ всего государственнаго строя,—церковнаго и гражданскаго, что вопросъ, поднятый расколомъ, сталъ вопросомъ земскимъ, получилъ земское значеніе. Въ русской исторической литературѣ эта теорія стоитъ совершенно особнякомъ.

Н. А. Ойрсову, въ его курсѣ о реформахъ Петра, косвенно пришлось коснуться и этого вопроса, но онъ былъ совершенно объективенъ и, не будучи специалистомъ по исторіи раскола, не касался во всёхъ подробностяхъ и вопроса его происхожденія.

Читая исторію Іоанна Грознаго, Н. А. Ойрсовъ далъ превосходную обрисовку этой исторической личности, взглядъ на которую и до сихъ поръ, впрочемъ, вполне еще не установился; отъ времени до времени все еще дѣлаются попытки обьянить поступки Грознаго (напр. статьи покойнаго Евгенія Бѣлова).

Въ заключеніе позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о Н. А. Ойрсовѣ уже не какъ о профессорѣ, а какъ о человѣкѣ. Это былъ человѣкъ большого ума, обладавшій громадною памятью, высокодаровитый и талантливый, какъ писатель, человѣкъ серьезнаго характера, съ огромной исторической эрудиціей. Никогда нигдѣ, ни въ какомъ своемъ жизненномъ положеніи, онъ не измѣнялъ себѣ, оставался вѣренъ самому себѣ, вѣренъ своему прямодушію, своей русской душѣ.

На его слово можно было положиться, зная его высокоблагородный характеръ, зная его природную правдивость, его доброе, отзывчивое сердце. Никогда и ни передъ кѣмъ онъ не заискивалъ, всегда и вездѣ онъ шелъ прямою дорогою. Это былъ типъ русскаго ученаго профессора въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Не будучи человѣкомъ юркимъ, изворотливымъ, эластичнымъ или свѣтскимъ, онъ весь отдавался кабинетной замкнутой жизни, съ утра до вечера занятый и подготовкой матеріала для лекцій, и текущей литературой. Громадное сожалѣніе можетъ быть выражено при мысли, что человѣкъ съ такими задатками, какъ Н. А. Ойрсовъ, съ такими дарованіями, съ такимъ свѣтлымъ, развитымъ умомъ, въ теченіе своей сорокалѣтней педагогической и профессорской дѣятельности, такъ мало, сравнительно, писалъ. Будь онъ въ Москвѣ или въ Петербургѣ, имѣй онъ подъ руками государственные архивы или книгохранилища, въ родѣ Императорской Публичной Библіотеки, онъ

могъ бы оставить послѣ себя много превосходныхъ, въ научномъ отношеніи, историческихъ монографій. Но судьба рѣшила иначе. Даровитый профессоръ, попавъ въ провинціальную глушь, не нашелъ себѣ благопріятныхъ условій для болѣе широкаго развитія научно-литературной дѣятельности; къ тому же, къ сожалѣнію, на немъ одномъ только легли всѣ заботы, весьма многотрудныя, къ исторической подготовкѣ студентовъ къ будущему учительству, и Н. А. Фирсову приходилось быть руководителемъ кандидатовъ-педагоговъ на педагогическихъ курсахъ, существовавшихъ въ то время при университетѣ. Къ чести его нужно сказать, что безпросвѣтная провинціальная глушь не затерла его нравственнаго облика. Оставаясь трудолюбивымъ и отзывчивымъ на все хорошее и доброе, онъ внимательно слѣдилъ за текущею историческою литературою и всегда вливалъ свѣжую струю въ свои историческіе курсы, по мѣрѣ возможности не отставая отъ уровня исторической науки. Люди, его близко знавшіе, рассказывали о той безконечной массѣ добра, разныхъ одолженій, рекомендацій, совѣтовъ, денежныхъ пособій, которыя негласно дѣлалъ покойный. Это былъ ученый вполне независимый, ни въ комъ не зависяющій; характеръ твердый и стойкій, всѣ его лекціи проникнуты гуманнымъ направленіемъ въ обширномъ смыслѣ этого слова, и, разумѣется, его сорокалѣтніе труды, въ стѣнахъ университета, имѣли сильное и плодотворное вліяніе на нравственное развитіе слушателей. Остается искренно сожалѣть, что лекціи покойнаго Н. А. Фирсова пока еще не изданы: только при этомъ условіи и выяснилось бы вполне все значеніе Фирсова и какъ профессора, и какъ человѣка. Онъ тѣмъ болѣе былъ замѣтенъ, что историко-филологическій факультетъ, въ 60-хъ годахъ, былъ въ какомъ-то летаргическомъ состояніи, съ массою вакантныхъ кафедръ, несмотря на всеобщее оживленіе, внесенное въ университетскую жизнь новымъ уставомъ въ министерство Головнина. Уже въ 1864 году филологическій факультетъ лишился знаменитаго В. И. Григоровича, перешедшаго въ Одессу, и такимъ образомъ, эмиграція научныхъ свѣтилъ этого факультета, начавшаяся съ конца 50-хъ годовъ, все еще продолжалась, и только на трехъ-четырехъ профессорахъ держалась вся филологія.

Поколѣніе студентовъ 60-хъ годовъ постепенно сходитъ въ могилу, отходитъ въ вѣчность, но оно съ громаднымъ самоотверженіемъ вынесло на своихъ плечахъ всѣ великія реформы императора Александра II, отдавъ себя дѣятельности и судебной, и земской, и школьной, всюду и вездѣ проявивъ идеальную честность и безкорыстіе; словомъ, оставивъ послѣ себя прекрасную память. Въ данномъ положеніи Казанскій университетъ не отставалъ отъ духа времени, и, несмотря на всѣ измѣнчивыя противоположныя теченія въ тогдашней общественной жизни,

его бывшіе слушатели бодро и стойко, умѣло и честно работали на только-что вспаханной нивѣ, а вѣдь истинную правду сказалъ нашъ незабвенный поэтъ А. Майковъ, что

„Народу мизъ и дорогъ тотъ,
Кто спать въ немъ мысли не дасть“.

Александръ Овсянниковъ.

Россія и Франція въ 1870 г.

II ').

Желаніе Наполеона III сохранить союзъ съ Россією.—Слухъ о болѣзни императора Александра II и впечатлѣніе, произведенное въ Парижѣ.—Вывѣдываніе относительно взглядовъ на политику наследника цесаревича.—Разговоръ Флѣри съ кн. Горчаковымъ по поводу брошюры *l'Impasse politique*.—Вопросъ о повѣздкѣ въ Петербургъ короля Вильгельма III.—Безпокойство въ Парижѣ по этому поводу. Слухи о вооруженіи Россіи.—Переговоръ по поводу волненій въ Румыніи.—Обвиненіе славянофиловъ въ агитаціи.—Мифіе кн. Горчакова о славянофилахъ.

1-го марта 1870 г. Наполеонъ III писалъ генералу Флѣри:

«Я совершенно одобряю вашъ образъ дѣйствій въ Петербургѣ и полагаю, что вы можете быть мнѣ тамъ весьма полезны, поддерживая добрыя отношенія между императоромъ Александромъ и мною. Въ настоящее время нельзя строить большихъ плановъ, всѣ ваши старанія должны ограничиться тѣмъ, чтобы поддержать между нами доброе согласіе путемъ разговоровъ, а не изложенія какихъ либо опредѣленныхъ плановъ.

«Говорятъ будто здоровье императора Александра плохо; правда ли это?»

Графъ Дарю со своей стороны также спрашивалъ посланника о здоровьи государя и о политическихъ взглядахъ наследника цесаревича на томъ основаніи, что Бисмаркъ, только что передъ тѣмъ выразилъ, въ разговорѣ съ лордомъ Кларендономъ, сомнѣніе относительно сочувствія великаго князя къ Пруссіи.

Посланникъ отвѣчалъ на эти вопросы въ депешѣ отъ 5 марта:

«1) Государь хворалъ осенью въ Крыму. Вслѣдствіе грижи, у него

') См. „Русскую Старину“, іюнь 1899 г.

обнаружилось сильное воспаление и пришлось прибѣгнуть къ операціи, но въ настоящее время его величество чувствуетъ себя прекрасно и никогда еще не былъ такъ бодръ физически и нравственно. Послѣдніе четыре мѣсяца я видѣлъ его чуть не каждый день во время его ежедневныхъ прогулокъ. Онъ бываетъ каждую недѣлю на охотѣ, на которую отправляется нерѣдко ночью прямо съ вечера или съ бала и не смотря на самый сильный морозъ.

«Что касается занятій, то государь работаетъ ежедневно часовъ шесть или восемь. Ему докладываютъ всѣ дѣла, онъ прочитываетъ всѣ представляемыя ему записки и дѣлаетъ на нихъ свои отмѣтки; судя по моимъ наблюденіямъ, императоръ прочитываетъ дипломатическія депеши, входящія изъ за границы, въ тотъ же день.

«На основаніи всего этого, я утверждаю, что императоръ не только вполне здоровъ, но что онъ весьма дѣятеленъ, бываетъ очень веселъ въ интимномъ кругу, и еще молодъ наружностью и характеромъ; не далѣе какъ вчера онъ танцевалъ нѣсколько коразъ; говорить о его болѣзни г. Бисмаркъ имѣлъ вѣроятно свои причины, которыя объясняются довольно легко.

«2) Что касается наслѣдника цесаревича, то его дѣйствительно можно назвать представителемъ такъ называемой русской, т. е. національной, анти-нѣмецкой и анти-иностранной политики.

«Онъ выказываетъ такую твердость и настойчивость характера, съ которой придется со-временемъ считаться. Министры, по обыкновенію, докладываютъ ему всѣ дѣла. Онъ не разъ высказывалъ въ Государственномъ Совѣтѣ свои анти-прусскіе взгляды, напр. по поводу желѣзнодорожной концессіи, данной графу Ламсдорфу, которому покровительствуетъ король Вильгельмъ.

«Императоръ обожаетъ свою невѣстку и сдѣлалъ вѣроятно извѣстный шагъ относительно Шлезвига отчасти изъ желанія сдѣлать приятное своимъ дѣтямъ.

«И такъ, если бы здоровью государя дѣйствительно угрожала опасность, то г. Бисмаркъ, какъ онъ самъ высказалъ лорду Кларендону, имѣлъ бы полное основаніе тревожиться, такъ какъ наслѣдникъ цесаревичъ очевидно не питаетъ никакихъ симпатій къ Пруссіи.

«3) Но такъ какъ императоръ совершенно здоровъ и симпатіи наслѣдника цесаревича не могутъ пока ничѣмъ проявиться, то надобно искать другую причину сказаннаго г. Бисмаркомъ стать-секретарю королевы англійской.

«Съ точки зрѣнія канцлера союзнаго сейма эта причина заключается вѣроятно не столько въ опасности, которая можетъ угрожать со стороны Россіи, въ то время когда она перейдетъ подъ скипетръ наслѣдника цесаревича, сколько въ дружескомъ согласіи между петербург-

скимъ и парижскимъ кабинетами, которое возрастаетъ съ каждымъ днемъ.

«Несмотря на громкія изъявленія дружбы, высказанныя монархами, по случаю Георгіевскаго праздника, Бисмаркъ не создаетъ себѣ иллюзіи. Ему не можетъ быть пріятно, что общественное мнѣніе Россіи съ этого момента стало относиться съ замѣтнымъ сочувствіемъ къ союзу съ Франціей.

«Наиболѣе вліятельныя газеты, какъ то «Московскія Вѣдомости», «Голосъ» и полуофіціальныи «Journal de S.-t. Pétersbourg» примкнули къ этому движенію.

«Сенсаціонная брошюра, вышедшая подъ заглавіемъ «l'Impasse politique», которую я вамъ послалъ, надѣлала много шума. Она переведена уже на русскій языкъ и появилась во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Эта брошюра, которую приписывали вначалѣ Матеру, написана, какъ оказывается, барономъ Жомини; онъ самъ признался мнѣ въ этомъ. Князь Горчаковъ одобряетъ ее по существу и по изложенію; сама императрица читала ее и возвратила канцлеру сказавъ, что она не находитъ нужнымъ измѣнить въ ней ни одного слова (Эти подробности сообщилъ мнѣ Жомини)».

Нѣсколько дней спустя, кн. Горчаковъ имѣлъ по поводу этой брошюры любопытный разговоръ съ генераломъ Флѣри. Онъ не хотѣлъ назвать ему автора брошюры, но высказалъ, что онъ одобряетъ ея основную мысль и что брошюра написана такъ хорошо, что онъ былъ бы счастливъ имѣть ея автора однимъ изъ редакторовъ министерства.

Стараясь вывѣдать взглядъ канцлера, генералъ Флѣри замѣтилъ, что онъ не совсѣмъ ясно понимаетъ, что собственно подразумѣвается въ брошюрѣ подъ словомъ «союзъ съ Франціей» и на чемъ этотъ союзъ долженъ быть основанъ. Князь отвѣчалъ, что слово «союзъ» употреблено не совсѣмъ вѣрно, что дѣло идетъ о дружескомъ соглашеніи, основанномъ на взаимныхъ интересахъ обоихъ государствъ, что Россія не преслѣдуетъ на Востокѣ никакихъ завоевательныхъ цѣлей и желаетъ, чтобы цѣлость Оттоманской имперіи не была нарушена, подъ условіемъ обезпеченія правъ автономныхъ государствъ, а равно чтобы Турція вступила на путь прогресса и не отказывала бы Россіи въ извѣстной долѣ исполнѣннаго законнаго вліянія на ея единовѣрцевъ. Однимъ словомъ, петербургскій кабинетъ, точно также какъ и всѣ великія державы, желаетъ продлить существованіе Турецкой имперіи для того, чтобы спасти Европу отъ кровопролитной войны. Канцлеръ присовокушилъ, что онъ всегда будетъ признателемъ Франціи, если она окажетъ Россіи поддержку въ этомъ смыслѣ, ибо онъ ничего такъ не желаетъ, какъ упрочить отношенія между государствами, какъ бы созданными для

того, чтобы понимать и уважать другъ друга; соглашеніе съ Франціей всегда было его мечтою, осуществленіе ея замедлилось прискорбными событіями въ Польшѣ, но онъ до конца жизни останется вѣренъ этой политикѣ, которая будетъ лучшей страницей его дѣятельности. Все сказанное канцлеромъ имѣло особенное значеніе тѣмъ болѣе, что онъ ни разу не упомянулъ о пересмотрѣ трактата 1856 г.

Слухи о болѣзни императора Александра II вызвали между тѣмъ серьезныя опасенія въ Парижѣ, и гр. Дарю вторично просилъ французскаго посланника самымъ обстоятельнымъ образомъ отвѣтить на предложенные ему по этому поводу вопросы. Одновременно проявлялся слухъ о намѣреніи короля прусскаго посѣтить Петербургъ. Рассказываютъ, что когда это извѣстіе появилось въ газетахъ, то Вильгельмъ III, прочитавъ его, разсмѣялся, но не опровергъ его. Въ прусскомъ посольствѣ, въ Петербургѣ, вопросъ объ этой поѣздкѣ обсуждался съ живѣйшимъ интересомъ, при чемъ выражалось сомнѣніе, чтобы этотъ планъ могъ осуществиться, въ виду преклонныхъ лѣтъ маститаго короля.

«По моему мнѣнію, писалъ по этому поводу генераль Флѣри, хотя бы эта поѣзда и состоялась при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ и сопровождалась изліяніемъ самыхъ нѣжныхъ чувствъ, все же ей не слѣдуетъ придавать большого политическаго значенія какъ тому факту, которымъ столь неожиданно ознаменовался Георгіевскій юбилей».

Слухи о поѣздкѣ короля прусскаго подтверждались. Ихъ объясняли теперь въ прусскомъ посольствѣ необходимою для короля воспользоваться морскимъ купаньемъ. Императоръ Александръ II сообщилъ о предполагаемомъ посѣщеніи французскому посланнику, и кн. Горчаковъ, предвидя впечатлѣніе, которое это извѣстіе должно было произвести въ Парижѣ, всячески старался подыскать для него подходящее объясненіе.

Король хотѣлъ прибыть въ Петербургъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, ко дню свадьбы царя, на которой Вильгельмъ III присутствовалъ будучи еще наслѣднымъ принцемъ; «эта мысль, говорилъ кн. Горчаковъ, поданная г. Бисмаркомъ, была весьма пріятна государю, который питаетъ къ своему августѣйшему дядѣ чувства искренней любви и уваженія».

Относительно политическаго значенія, которое придавалъ этой поѣздкѣ союзный канцлеръ, генераль Флѣри вынесъ изъ своихъ бесѣдъ съ княземъ Горчаковымъ такое впечатлѣніе, что «она не будетъ имѣть болѣе серьезныхъ результатовъ какъ и пожалованіе королю Вильгельму Георгіевскаго ордена. «Произойдетъ обмѣнъ дружескихъ увѣреній и воспоминаній, писалъ онъ, но съ точки зрѣнія политики эта поѣздка не будетъ имѣть значенія, и, кажется, я не ошибусь сказавъ, что результатъ можетъ получиться совершенно обратный ожидаемому. Съ тѣхъ поръ какъ г. Бисмаркъ уѣхалъ изъ Россіи, прошло много лѣтъ. Онъ бы ее теперь не

узналъ. Между симпатіями ко всему нѣмецкому, которыя были въ то время очень смѣлы, и пробудившимся русскимъ самосознаніемъ—цѣлая пропасть, вырытая честолюбивыми стремленіями Германіи и тѣмъ послѣдствіями, какія имѣла побѣда при Садовой».

Князь Горчаковъ сказалъ мнѣ вчера, не бывъ ничѣмъ вызванъ къ тому съ моей стороны:

— Если эта поѣздка состоится, не придавайте ей бѣльшаго значенія какъ тому факту, коимъ ознаменовался Георгіевскій юбилей. Докажите еще разъ свой умъ, не придавая этому посѣщенію бѣльшаго значенія, нежели его придаютъ поѣздкамъ императора Александра въ Берлинъ, когда онъ посѣщаетъ своего дядю проѣздомъ на воды въ Германію. Король прусскій не былъ въ Петербургѣ со вступленія своего племянника на престолъ; что же удивительнаго, если ему хочется еще разъ побывать въ Россіи передъ смертію? Теперь уже не то время, когда родственныя узы и желаніе сдѣлать другъ другу пріятное могли играть такую же роль какъ союзы между державами. Россія хочетъ мира, она ничего не добывается, она хочетъ только свободно располагать собою и своими поступками.

Какъ видно, канцлеръ старался умалить значеніе поѣздки короля прусскаго въ Петербургъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ успокоивалъ генерала Флѣри насчетъ честолюбивыхъ замысловъ Бисмарка.

— Онъ не можетъ замышлять ничего новаго, говорилъ князь, онъ боится присоединенія южныхъ государствъ, понимая что это можетъ создать затрудненія, изъ которыхъ трудно будетъ найти выходъ; если хотите знать мое мнѣніе, я сожалѣю о томъ, что Бенедетти говорилъ съ нимъ объ этой поѣздкѣ. Показать, что ей придаютъ слишкомъ большое значеніе—вѣрнѣйшее средство сдѣлать ее неизбѣжной.

«Что касается впечатлѣнія, которое эта поѣздка произведетъ во Франціи, присвокупляетъ генералъ Флѣри, то его слѣдовало бы, по моему мнѣнію, ослабить, объявивъ о ней заранѣе; опасность, которую мы предвидимъ, уже не такъ страшна. Хорошимъ противовѣсомъ можетъ послужить пресса, будучи направлена какъ слѣдуетъ. Россія настроена въ настоящее время весьма миролюбиво. Не сочувствуя союзу, съ которымъ связана возможность войны, она относится, напротивъ того, съ большимъ сочувствіемъ къ мысли о дружескомъ соглашеніи съ Франціей, такъ какъ оно представляетъ для нея лучшую гарантію мира. Говоря откровенно, я увѣренъ, что если бы въ настоящее время возникли какія либо осложненія со стороны Пруссіи, то петербургскій кабинетъ былъ бы вынужденъ общественнымъ мнѣніемъ с о х р а н и т ь н е й т р а л и т е т ь. Меня убѣждаетъ въ этомъ все то, что я слышу, что я читаю и что я предугадываю».

Вѣроятно, до свѣдѣнія генерала Дарю дошелъ слухъ, что благосклон-

ность, оказываемая при русскомъ дворѣ генералу Флѣри, возбудила неудовольствіе въ Берлинѣ, и онъ высказалъ посланнику по этому поводу свои соображенія.

Въ отвѣтъ на это Флѣри писалъ:

«... Признавъ, что Россія хочетъ сохранить дружескія отношенія къ Пруссіи и желаетъ въ то же время поддерживать добрыя отношенія къ Франціи, по моему мнѣнію, не можетъ быть ничего дурного въ томъ, если представителю императора Наполеона будетъ оказано особое вниманіе, хотя бы это и не нравилось въ Берлинѣ. Узы дружбы, столь слабыя еще нѣсколько времени тому назадъ, но которыя крѣпнуть съ каждымъ днемъ, ни къ чему не обязываютъ ни ту, ни другую сторону, никого не компрометируютъ, но являются залогомъ дѣйствительной силы. Отнюдь не желая давать повода думать, что между нами существуетъ болѣе тѣсное соглашеніе, нежели оно есть на самомъ дѣлѣ, я не могу однако же уклоняться, безъ всякой причины, отъ изъявленія благосклонности, которою, впрочемъ, пользуется одинаково и представитель Пруссіи. Это былъ бы заколдованный кругъ, изъ котораго не было бы выхода. Само-собою разумѣется, что я держу себя осторожно, сдержанно, обдуманно. Словомъ, я вполне убѣжденъ, что наше положеніе не дурно, что въ немъ не желательны никакія перемѣны и что добрыя отношенія, существующія между обоими кабинетами, могутъ только упрочить узы дружбы, которыя насъ соединяютъ. Я думаю, что императоръ Александръ, несмотря на всю свою любовь и уваженіе къ своему дядѣ, все-таки искренно желаетъ сблизиться съ Франціей. Его побуждаетъ къ тому и общественное мнѣніе, которое все менѣе и менѣе симпатизируетъ Германіи. Союзъ съ Франціей будетъ залогомъ мира, котораго настоятельно требуютъ интересы Россіи, состояніе ея финансовъ и войско, которое еще не готово къ войнѣ. Союзъ съ Пруссіей есть синонимъ войны, которой Россія вовсе не желаетъ.

«Я до того увѣренъ, что государь настроенъ весьма доброжелательно къ Франціи и къ императору Наполеону, что я прошу ваше превосходительство позволенія остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ, на первый взглядъ ничтожныхъ, но въ сущности имѣющихъ огромное значеніе, такъ какъ онѣ въ точности выражаютъ чувства императора Александра.

«Я уже говорилъ вамъ, что, пославъ королю прусскому Георгіевскій крестъ, государь поступилъ такъ подъ влияніемъ минутнаго чувства, и на другой день понявъ, что это могло произвести во Франціи нежелательное впечатлѣніе, онъ посѣталъ, вопреки существующимъ правиламъ этикета, французское посольство, желая загладить этимъ непріятное впечатлѣніе, которое этотъ фактъ могъ произвести на меня.

«Три дня тому назадъ я праздновалъ день рожденія императорскаго принца и пригласилъ на раутъ великихъ князей и великихъ княгинь, какъ это принято въ Петербургѣ, при официальныхъ приемахъ, уведомивъ ихъ о причинѣ раута, но не считъ себя въ правѣ официально пригласить императора.

«И что же, посольство посѣтили не только вся царская фамилія и князь Горчаковъ (который никуда не выѣзжаетъ), но и самъ государь пожелалъ присутствовать на этомъ національномъ французскомъ празднествѣ и оставался на раутѣ до двухъ часовъ ночи несмотря на то, что онъ провелъ весь день на охотѣ.

«Мнѣ кажется, что этотъ знакъ симпатіи не только къ самому императору Наполеону, но и къ его династіи, служить явнымъ доказательствомъ того, что хотя царь и готовится торжественно принять своего дядю, но онъ не упускаетъ и случая быть пріятнымъ Франціи».

Нѣсколько дней спустя, князь Горчаковъ видѣлся снова съ посланникомъ и бесѣдовалъ съ нимъ по поводу столкновенія между турками и черногорцами пограничныхъ мѣстностей; и по своему собственному побужденію высказалъ нѣсколько соображеній политическаго характера, которыя сводились къ тому, что «самые существенные интересы Россіи и Франціи требуютъ, чтобы между ними существовало взаимное соглашеніе»; онъ окончилъ свою рѣчь слѣдующими, весьма характерными словами въ устахъ человѣка, который ничего не говоритъ, не взвѣсивъ значенія своихъ словъ:

— Добрыя отношенія, связывающія оба конца, должны вліять сдерживающимъ образомъ и заставить серьезно призадуматься тѣхъ, кто находится по срединѣ.

Конечно, все сказанное канцлеромъ было не болѣе какъ извѣстный дипломатическій приемъ, рассчитанный на то, чтобы смягчить впечатленіе, произведенное слухомъ о пріѣздѣ короля Вильгельма въ Россію.

Но въ то же время, императоръ Александръ выразилъ желаніе повидаться со своимъ дядею въ Эмсѣ, поэтому можно было ожидать, что поѣздка короля Вильгельма будетъ отложена, что дѣйствительно и случилось ¹⁾.

Слѣдующій случай, о которомъ генералъ Флѣри сообщилъ своему министерству въ депешѣ отъ 4-го мая, свидѣтельствовалъ, что русское правительство рѣшило до поры до времени не настаивать на своихъ требованіяхъ относительно Дунайскихъ княжествъ и не собиралось нарушать европейскаго мира.

Въ Англіи, а затѣмъ въ Парижѣ надѣлалъ много шума слухъ объ уси-

¹⁾ Онъ посѣтилъ Россію въ 1873 г.

ленномъ вооруженіи русской арміи; объ этомъ сообщилъ своему правительству великобританскій военный агентъ полковникъ Бланъ.

«Полковникъ Бланъ, въ добрыхъ намѣреніяхъ коего я не сомнѣваюсь, писалъ генералъ Флѣри, не можетъ въ этомъ случаѣ быть болѣе компетентнымъ судьей, нежели нашъ французскій военный агентъ г. де-Мирибель. Этотъ весьма образованный и дѣльный артиллерійскій офицеръ никогда не скрывалъ въ своихъ донесеніяхъ военному министерству, что русское правительство дѣятельно занято вооруженіемъ арміи, хотя перевооруженіе ея не можетъ быть окончено, по его мнѣнію, ранѣе какъ черезъ два года. Но отъ этого еще далеко до тѣхъ опасеній, которыя были высказаны лордомъ Кларендономъ и маркизомъ де-ла-Валеттомъ по поводу приготовленій, дѣлаемыхъ яко бы съ необычайной поспѣшностью въ виду военныхъ дѣйствій, вѣроятныхъ и быть можетъ даже неизбежныхъ въ ближайшемъ будущемъ... Англійскій посланникъ въ Петербургѣ, сэръ Андрей Бухананъ разъяснилъ, на сдѣланный ему по этому поводу запросъ, истинное положеніе дѣла. Письмо, полученное имъ отъ лорда Кларендона, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что министръ смотритъ въ настоящее время на дѣло болѣе правильно и спокойно.

«Я не хочу этимъ сказать, что намъ нѣтъ надобности слѣдить съ неослабнымъ вниманіемъ за ходомъ дѣлъ, за настроеніемъ общественнаго мнѣнія и за дѣйствіями русскаго правительства во внутренней и во внѣшней политикѣ.

«Какъ бы ни увѣрялъ князь Горчаковъ въ безкорыстіи Россіи, несомнѣнно, что она дѣлаетъ честолюбивый планъ дойти въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ до Константинополя...

«Но для того, чтобы Россія рѣшилась въ скоромъ времени попытать это, несмотря на плохое состояніе ея финансовъ, на недостаточную сѣтъ ея желѣзныхъ дорогъ и на неоконченное вооруженіе ея арміи, надобно, чтобы она была вполне увѣрена въ содѣйствіи Пруссіи и чтобы она слишкомъ слѣпо разсчитывала на безкорыстіе Франціи, Англіи и Австріи».

13-го мая (1870 г.), генералъ Флѣри описывалъ свое свиданіе съ канцлеромъ, послѣ того какъ сталъ извѣстенъ результатъ плебисцита Наполеона III по случаю задуманныхъ имъ большихъ либеральныхъ реформъ. Побѣда, одержанная имперіей, давала посланнику надежду, что его слова будутъ имѣть болѣе значенія.

«Мои предположенія оправдались, писалъ онъ. Когда я явился къ князю, то оказалось, что онъ уже предупредилъ меня, сдѣлавъ необходимый шагъ. Узнавъ отъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, какія опасенія волявали парижскій кабинетъ, онъ написалъ г. Окуневу, чтобы

тотъ энергично опровергнулъ всякій намекъ на вмѣшательство русскаго правительства въ дѣла Румыніи».

Сообщая объ этомъ генералу Флѣри, канцлеръ высказалъ свои соображенія относительно положенія Румынскаго княжества и князя Карла. Возвращаясь затѣмъ къ вопросамъ общей политики онъ прибавилъ:

— Побѣда, одержанная императоромъ Наполеономъ, послужитъ къ упроченію порядка не только въ одной Франціи, она произведетъ должное впечатлѣніе во всей Европѣ, отразится и въ Румыніи.

Сказавъ все это совершенно просто, князь Горчаковъ принялъ болѣе торжественный тонъ и сказалъ, отчеканивая каждое слово:

— Въ инструкціяхъ, посылаемыхъ мною Окуневу, я предписываю ему заявить французскому министерству иностранныхъ дѣлъ, что ежели мнѣ назовутъ хотя одного агента русскаго правительства, который officialнымъ или секретнымъ образомъ будетъ уличенъ въ участіи въ революціонныхъ проискахъ въ Молдавіи и Валахіи, то я ручаюсь, что съ нимъ будетъ поступлено по всей строгости закона, какъ бы высоко онъ ни стоялъ по своему служебному положенію. Но я требую взаимности. Я требую, чтобы были строго наказаны всѣ тѣ французскіе агенты, которые окажутся виновны въ томъ, что они сѣяли смуты и раздоры на этой почвѣ, пылающей страстями и мятежомъ, на которой Россія, какъ я неоднократно уже вамъ говорилъ, ничего не добивается, ничего не ищетъ, желая только водворить на ней спокойствіе и согласіе. Весьма прискорбно видѣть, что къ нашему кабинету относятся по-прежнему съ недовѣріемъ, которое ничѣмъ не оправдывается. Такая великая держава какъ Россія не дѣйствуетъ исподтишка. Политика, представителемъ которой я состою 15 лѣтъ, никогда не уклонялась отъ пути ею намѣченнаго; ведя со мною переговоры цѣлыхъ годовъ, вы сами видите, что это есть политика мира и согласія.

«Эти вполне ясныя слова, сказанныя тономъ, которому канцлеръ старался придать выраженіе искренности, были отвѣтомъ на большую часть вопросовъ, которые я считалъ долгомъ ему предложить. Поэтому я рѣшилъ болѣе не настаивать на нихъ. Но такъ какъ ваше превосходительство поручили мнѣ узнать, какъ думаетъ поступить петербургскій кабинетъ въ томъ случаѣ, если побѣда окажется на сторонѣ демагоговъ, то я счелъ нужнымъ исполнить данное мнѣ порученіе до конца. Сдѣлавъ нѣсколько постороннихъ вопросовъ, я спросилъ канцлера, не придавая моему вопросу особаго значенія, какъ поступитъ Россія, если Румынскій князь будетъ свергнутъ съ престола? ¹⁾

¹⁾ Принцъ Карлъ Гогенцоллернъ управлялъ Румыніей съ 1866 г. Въ 1870 г. княжество было потрясено большими волненіями, которыя угрожали его престолу.

Князь Горчаковъ отвѣчалъ безъ малѣйшаго колебанія:

— Я не считалъ положеніе до сихъ поръ настолько опаснымъ, чтобы было необходимо принять какое-либо рѣшеніе, но если бы обстоятельства осложнились, то я обращаюсь по обыкновенію къ державамъ, подписавшимъ договоръ 1856 года, чтобы принять совмѣстно съ ними мѣры для поддержанія statu quo и для огражденія мира.

«Изъ этого разговора можно было вывести заключеніе, совершенно согласное съ тѣмъ, что я писалъ уже неоднократно изъ Петербурга, а именно, что канцлеръ говорить все время въ томъ же духѣ. Каковы бы ни были подпольныя интриги, происходящія въ Придунайскихъ княжествахъ и на Балканскомъ полуостровѣ, подъ знаменемъ панславизма, князь Горчаковъ слишкомъ опытный государственный человѣкъ, чтобы не понимать, что Россія не можетъ предпринять на Востокъ ничего серьезнаго до тѣхъ поръ, пока державы, подписавшія Парижскій трактатъ, будутъ противъ этого».

Князь Горчаковъ не упускалъ случая коснуться въ своихъ бесѣдахъ вопроса о Балканскихъ княжествахъ, восхваляя образъ дѣйствій русскаго кабинета; при этомъ онъ затрогивалъ весьма важные вопросы, какъ видно изъ нижеслѣдующей, весьма интересной депеши генерала Флѣри.

«Нашъ разговоръ, писалъ генералъ 31-го мая, былъ вначалѣ не болѣе какъ повтореніемъ того, что канцлеръ высказывалъ ранѣе, и панегирикомъ его собственныхъ дѣйствій, однако, я не могу пройти молчаніемъ эту часть нашей бесѣды, такъ какъ она была для меня мостикомъ, по которому я добрался до болѣе интересныхъ вещей...

«Обыкновенно бываетъ полезно выслушивать терпѣливо все то, что хочетъ сказать канцлеръ, ибо послѣ нѣкоторыхъ изліяній или, лучше сказать, во время этихъ изліяній внимательный слушатель можетъ улучшить удобную минуту, чтобы заговорить о дѣлѣ, которое его интересуетъ.

«Итакъ, канцлеръ спросилъ меня прежде всего, не получилъ ли я какихъ-либо извѣстій о Румыніи. Я отвѣчалъ, что мнѣ сообщено о категорическомъ заявленіи, сдѣланномъ г. Окуневымъ въ томъ духѣ, какъ онъ мнѣ говорилъ, и присовокупилъ, что при существованіи согласія между державами, подписавшими трактатъ, можно надѣяться, что затрудненія будутъ улажены, такъ какъ никто не имѣетъ надобности создавать ихъ, и что успѣхъ плебисцита, одержанный имперіей, навѣрно охладитъ значительно стремленія интернаціональныхъ революціонеровъ въ Бухарестѣ и въ Парижѣ.

«Канцлеръ отвѣчалъ, что послѣднія донесенія барона Оффенберга дѣйствительно свидѣтельствуютъ объ улучшеніи дѣлъ въ Румыніи и что ему весьма пріятно слышать, что мое правительство удовлетворено

заявленіями, сдѣланными повѣренными въ дѣлахъ Россіи; что онъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ всегда, не уклоняясь отъ принятаго имъ пути, и что ему остается желать одного, а именно, чтобы прочіе кабинеты дѣйствовали съ такою же послѣдовательностью, съ какою поступаетъ петербургскій кабинетъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ имѣетъ честь руководить имъ.

— Не останавливаясь на бывшихъ причинахъ неудовольствія, начиная съ печальныхъ событій въ Польшѣ и кончая тѣмъ какъ мы были обмануты въ вопросѣ о Кандіи, я сдѣлаю, сказалъ князь Горчаковъ, лишь одно замѣчаніе. Развѣ императоръ Наполеонъ не давалъ намъ относительно Кандіи такихъ обѣщаній, которыя не были ратификованы его министромъ иностранныхъ дѣлъ? Развѣ вашему монарху не случилось обмѣняться съ императоромъ Александромъ и со мною такими взглядами, которые не имѣли тѣхъ послѣдствій, какія можно было отъ нихъ ожидать, такъ какъ они парализовались Мустье?

Сравнивая русскую систему правленія съ французской, князь обратилъ вниманіе на частую смѣну министровъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ.

— Если бы управленіе столь важными дѣлами, сказалъ князь Горчаковъ, не находилось въ зависимости отъ утвержденія парламента и если бы нынѣшній министръ заключалъ съ нами договоръ на продолжительный срокъ съ цѣлью поддержать съ нами добрыя отношенія и укрѣпить наше довѣріе, поколебленное столь частыми и неожиданными перемѣнами, то мы были бы въ состояніи окончить начатое дѣло и установить между нашими великими державами то дружеское согласіе, надъ которымъ я тружусь 15 лѣтъ. Взгляните на Англію, у насъ существуетъ съ нею полнѣйшее согласіе по всѣмъ вопросамъ. Мы условились обо всемъ годъ тому назадъ съ лордомъ Кларендономъ и между нами никогда не было тѣни недоразумѣнія. Мы твердо знаемъ, куда мы идемъ, мы увѣрены въ томъ, что никакая сила не нарушитъ нашего взаимнаго довѣрія. Можете ли вы сказать это о себѣ? Когда дѣло коснется Восточнаго вопроса, то ваши министры или идутъ далѣе желаній императора, или не удовлетворяютъ ихъ, а ваши консулы, въ большинствѣ случаевъ, поляки по происхожденію или по симпатіямъ, поддерживаютъ раздоръ и сѣютъ недовѣріе.

Намекъ былъ ясный, но генералъ Флѣри не рѣшился коснуться «польскаго вопроса», который представлялъ еще собою слашкомъ опасную почву.

Желая заставить князя высказаться, генералъ Флѣри сказалъ:

— Позвольте замѣтить вашему сіятельству, что недоразумѣнія на Востокѣ возникаютъ не по винѣ нашихъ министровъ, которые всѣ болѣе или менѣе туркофилы, какъ вы ихъ называете, и не по винѣ

нашихъ дипломатическихъ агентовъ, которые всѣ болѣе или менѣе преданы интересамъ Польши. Эти недоразумѣнія поддерживаются тайной силою, которая помогаетъ революціонерамъ при помощи славянскихъ комитетовъ. Я смотрю на панславизмъ, какъ на нѣкотораго рода сентиментальное франмасонство, принадлежать къ которому считается въ обществѣ признакомъ хорошаго тона, и которому даже высшія правительственныя власти не могутъ не дѣлать нѣкоторыхъ уступокъ. Такъ напр. министръ графъ Толстой и другіе высшіе сановники сдѣлались такими же ярыми защитниками панславизма, какъ Ригеры и Палацкіе. Но какъ вы полагаете, не сослужить ли плохую службу Россіи слишкомъ усердная дѣятельность славянофиловъ въ Княжествахъ, гдѣ они, дѣйствуя безъ ея вѣдома и приказанія, — я въ этомъ увѣренъ — становятся услужливыми агентами правительства? Это мое личное мнѣніе, скажите мнѣ, если я ошибаюсь.

Не выказавъ ни малѣйшаго удивленія по поводу моего вопроса, который былъ однако для него неожиданнымъ, канцлеръ отвѣчалъ:

— Дѣятельность славянофиловъ чрезвычайно преувеличиваютъ. Въ вашихъ газетахъ и журналахъ очень много шумѣли по поводу нѣкоторыхъ манифестацій, происшедшихъ безъ вѣдома правительства. Мы не можемъ ни отрицать, ни порицать этихъ манифестацій; мы не имѣемъ права мѣшать дѣятельности комитетовъ, которые преслѣдуютъ филантропическія цѣли, заботятся о распространеніи образованія, хотятъ внести свѣтъ просвѣщенія къ нашимъ страждущимъ братьямъ. Дѣятельность этихъ комитетовъ у всѣхъ на виду; они находятся въ Петербургѣ и въ Москвѣ и, насколько мнѣ извѣстно, не имѣютъ отдѣловъ въ Княжествахъ. Я повторю вамъ по этому поводу то, что я уже однажды говорилъ: пусть намъ укажутъ факты, пусть намъ назовутъ агентовъ, занимающихся политической пропагандой подъ знаменемъ славянофильства, и мы подвергнемъ ихъ наказанію; но я не могу допустить, чтобы идеи братства угрожали опасностью и чтобы ихъ можно было смѣшивать съ тайными происками, которые должны обратить на себя вниманіе правительства.

«Изъ этого, довольно уклончиваго отвѣта, замѣчаетъ генераль Флѣри, можно вывести слѣдующее заключеніе: что князь Горчаковъ не рѣшается низвергнуть боговъ, которымъ онъ втайнѣ служитъ. Какъ министръ, онъ не можетъ признать силу и значеніе этой пропаганды, но желаніе быть популярнымъ заставляетъ его иногда выказывать свое сочувствіе къ ней. Онъ никогда не бываетъ на манифестаціяхъ, на банкетахъ и спектакляхъ, но очень доволенъ, когда узнаетъ, что за его здоровье былъ предложенъ на нихъ тостъ.

«Славянофильство составляетъ для него, какъ и для многихъ государственныхъ дѣятелей, средство снискать симпатіи той значительной

національной партіи, которая, не имѣя опредѣленныхъ либеральныхъ идеаловъ, убажливаетъ себя обманчивыми утопіями о присоединеніи къ Россіи всѣхъ славянскихъ земель отъ Архипелага до Дуная. Славянофильство составляетъ для высшихъ классовъ между прочимъ орудіе борьбы съ нигилизмомъ. Этой великой идеей стараются занять и увлечь слишкомъ пылкіе умы. Панславизмъ — мечта, которую желѣютъ, не давая себѣ отчета, возможно ли когда-либо ея осуществленіе...

«Но славянскіе народы стремятся совершенно къ иному, каждый смотря по своему политическому положенію. Нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что сербы, черногорцы, болгары готовы въ глубинѣ души отказаться отъ той автономіи и относительной свободы, которой они пользуются въ настоящее время, и примириться съ мыслию, что имъ угрожаетъ со-временемъ обрусѣніе. Чехи, кроаты, русины носятъ съ панславизмомъ только для того, чтобы добиться болѣе серьезныхъ уступокъ. Что касается населенія Галиціи, то занявъ мѣсто, отведенное ему въ Австро-Венгерской монархіи, оно несомнѣнно увеличитъ ея силу».

Таковы были отношенія и переговоры, происходившіе между петербургскимъ и парижскимъ кабинетами, когда въ половинѣ 1870 г. произошли въ высшей степени важныя событія, взволновавшія Европу.

III.

Кандидатура князя Гогенцоллерна на испанскій престолъ.— Переговоры по этому поводу.— Политика русскаго кабинета.— Передъ франко-прусскою войною.

Я не остановлюсь на свиданіи императора Александра и короля прусскаго, въ Эмсѣ (съ 1-го по 4-е іюня), куда Вильгельмъ пріѣхалъ въ сопровожденіи Бисмарка, а равно и на переговорахъ относительно Балканскаго полуострова, Галиціи и Давіи, а перейду прямо къ событію 3-го іюля, къ кандидатурѣ князя Гогенцоллерна на испанскій престолъ, которая была причиною франко-прусской войны. Я ограничусь изложеніемъ однихъ документовъ, относящихся къ этому времени, которые говорятъ сами за себя и безъ всякихъ комментарій какъ нельзя лучше рисуютъ политику русскаго кабинета.

Они свидѣтельствуютъ о пристрастіи князя Горчакова къ Пруссіи и о томъ, какъ онъ старался лишить Францію помощи Австріи, обѣщая ей за это нейтралитетъ Россіи; этой цѣной онъ надвѣлся, вмѣстѣ съ тѣмъ, добиться пересмотра унизительныхъ для Россіи статей Парижскаго договора. Изъ этихъ же документовъ видно, какъ много

труда стоило генералу Флѣри добиться безусловнаго нейтралитета Россіи, которая была, одно время, настроена весьма воинственно.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, іюля 6-го 1870 г.

Генераль, вы знаете уже, по слухамъ, о комбинаціи, происшедшей въ Испаніи въ пользу принца прусскаго. Маршалъ Примъ, который дѣлалъ послѣднее время все возможное, чтобы обмануть нашего посланника относительно происходившихъ по этому поводу переговоровъ, извѣстилъ его наконецъ объ этомъ нѣсколько дней тому назадъ, всячески стараясь оправдать ихъ. Изъ его объясненій, а равно изъ телеграммы г. Le Sourd'a можно заключить, что хотя берлинскій кабинетъ и не принимаетъ официальнаго участія въ этомъ дѣлѣ, но ему были извѣстны предложенія, сдѣланныя князю Гогенцоллерну, и рѣшеніе, принятое княземъ.

Вамъ извѣстна наша политика со времени переворота, низвергшаго престолъ королевы Изабеллы; всѣмъ кабинетамъ извѣстна дружеская и доброжелательная сдержанность, съ какою мы относились къ Испаніи въ періодъ ея внутренняго переустройства.

Мы старались устранить затрудненія, которыя правительство могло встрѣтить при своихъ первыхъ официальныхъ сношеніяхъ съ прочими державами. Мы старались добросовѣстно и бдительно охранять нашу границу стѣ всѣхъ враждебныхъ ей партій; наконецъ мы объявили, что при выборѣ монарха на испанскій престолъ, нами будетъ руководить уваженіе, которое мы питаемъ къ волѣ испанскаго народа, и всѣ наши дѣйствія будутъ согласоваться съ этимъ заявленіемъ. Мы и нынѣ продолжаемъ руководиться этимъ правиломъ и заявляемъ во всеуслышаніе, что мы не намѣрены отступать отъ него.

Но мы не можемъ не обратить вниманія на то, что кандидатура нѣмецкаго принца имѣетъ, при теперешнемъ положеніи Европы, особое значеніе и не можемъ смотрѣть сквозь пальцы на положеніе, въ которое мы будемъ поставлены, если на этой кандидатурѣ будутъ настаивать.

Тотчасъ по полученіи телеграммы о заявленіи, сдѣланномъ маршаломъ Примомъ, я поручилъ нашему посланнику въ Берлинѣ довести до свѣдѣнія прусскаго кабинета впечатлѣніе, которое это заявленіе произвело на императорское правительство.

Я высказалъ по этому поводу свое мнѣніе еще опредѣленнѣе вчера, въ разговорѣ съ барономъ Вертеромъ, не скрывая, что мы рѣшили сдѣлать все возможное, чтобы помѣшать событію, которое было бы въ

вашихъ глазахъ доказательствомъ враждебнаго къ намъ отношенія Пруссіи. Баронъ Вертеръ, который собирався въ Германію, уѣхалъ вчера въ Эмсъ. Я настаивалъ на томъ, что король можетъ помѣшать осуществленію этого проекта, отказавшись дать на него свое согласіе; мои слова, видимо, произвели на него сильное впечатлѣніе.

Прошу васъ немедленно объяснить князю Горчакову, въ какое затруднительное положеніе мы будемъ поставлены, если кандидатура князя Гогенцоллерна, вопреки нашему ожиданію, будетъ одобрена королемъ. Русское правительство неоднократно и притомъ съ успѣхомъ являлось въ Берлинѣ посредникомъ, заботясь о поддержаніи мира и дружественныхъ отношеній между державами. Безъ сомнѣнія, оно желаетъ, чтобы миръ не былъ нарушенъ; все сказанное канцлеромъ не оставляетъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Мы увѣрены, что Россія пойметъ, что намъ невозможно согласиться на такую комбинацію, которая очевидно клонится ко вреду Франціи; намъ было бы пріятно слышать, что кн. Горчаковъ готовъ употребить свое вліяніе въ Берлинѣ для того, чтобы предупредить серьезныя осложненія, которыя могли бы возникнуть вслѣдствіе разногласія по этому поводу между императорскимъ правительствомъ и прусскимъ дворомъ; ибо, если эта держава будетъ настаивать на возведеніи на престолъ князя Гогенцоллерна, то война, какъ я говорю вамъ сегодня по телеграфу, будетъ неизбежна.

Генераль Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 8-го іюля 1870 г.

Я сообщилъ канцлеру рѣшеніе французскаго правительства.

Князь Горчаковъ былъ уже предувѣдомленъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи телеграммою о заявленіи, сдѣланномъ вами въ законодательномъ корпусѣ. Канцлеръ отвѣчалъ, нѣсколько смущенно, что Бисмаркъ скажетъ навѣрно, что онъ не принималъ никакого участія въ вопросѣ объ избраніи князя Гогенцоллерна на престолъ, предложенный ему Примомъ. Князь намекнулъ на подобное же положеніе, когда другой прусскій князь получилъ, подъ покровительствомъ европейскихъ державъ, престолъ въ одномъ изъ придунайскихъ княжествъ, и присоветовалъ, что Россія и тогда открыто заявила свой протестъ. Но, когда я замѣтилъ на это съ твердостью, что Россія, точно также какъ Франція, не можетъ согласиться на неопредѣленное увеличеніе прусской территоріи и ея вліянія, то канцлеръ отвѣчалъ, что онъ приметъ къ свѣдѣнію заявленіе моего правительства и въ тотъ же вечеръ сообщать о немъ императору Александру.

Несмотря на сдержанный тонъ канцлера, все сказанное имъ про-

извело на меня такое впечатлѣніе, что твердое и категорическое требованіе съ нашей стороны заставитьъ царя сдѣлать энергическое представленіе берлинскому правительству, съ цѣлью уговорить короля не продолжать этихъ опасныхъ переговоровъ.

Передаю вамъ вкратцѣ содержаніе весьма серьезнаго разговора, который я имѣлъ по этому поводу съ княземъ Горчаковымъ вчера и который мы продолжали сегодня.

«Желанія Россіи всегда клонились къ тому, чтобы между ею и Франціею установилось дружеское согласіе. Но Франція въ долгу у Россіи, она должна дать какой нибудь залогъ своего дружелюбія въ Восточномъ вопросѣ. Я не говорю о пересмотрѣ унизительнаго договора 1856 г., которому Россіи съ горечью пришлось подчиниться: она понимаетъ, что въ этомъ важномъ вопросѣ Франція не можетъ ничего рѣшить одна, что она должна дѣйствовать совмѣстно съ Англіей.

«Русское правительство сожалѣетъ о томъ, что по поводу возникшаго недавно спора, глава тьюлерійскаго кабинета упомянулъ о договорахъ 1856 и 1866 г.г. какъ о ненарушимой гарантіи мира. Первый изъ нихъ уже нарушенъ по многимъ статьямъ державами, подписавшими этотъ договоръ, и самой Портою. Что касается второго, то сдержала ли Пруссія всѣ свои обязательства? Развѣ пражскій договоръ не былъ нарушенъ въ самыхъ существенныхъ его постановленіяхъ? Г. Олливье слѣдовало засвидѣтельствовать умѣренность Россіи и не слѣдовало упоминать о договорахъ, которые ненавистны однимъ и не уважаются другими. Пора бы подумать о союзѣ и равновѣсіи, которые одни могутъ быть гарантіей мира и благоденствія Европы.

Я отвѣчалъ на эту выходку разгорячившагося канцлера хладнокровно, что трактаты, дурные или хорошіе, которымъ онъ придаетъ нынѣ такъ мало значенія, составляютъ основу европейскаго права, что они служатъ единственной гарантіей *status quo* и слѣдовательно мира, и что Франція, точно такъ-же какъ прочія державы, имѣетъ право уважать ихъ по духу и по существу, до тѣхъ поръ, пока они не подверглись измѣненію. Я прибавилъ, что Россія дѣйствительно подала примѣръ умѣренности въ Восточномъ вопросѣ, присоединившись къ трактату 1856 г. при обстоятельствахъ, которыя угрожали осложненіями, что тьюлерійскій кабинетъ вполне признаетъ это и мнѣ поручено выразить по этому поводу его удовольствіе.

Что касается Пруссіи, сказалъ я въ заключеніе, то Франція надѣется, что она подчинится въ концѣ концовъ постановленіямъ пражскаго договора. Россія, точно такъ-же какъ и мы, даже болѣе заинтересована въ точномъ соблюденіи этого договора. Если онъ не будетъ строго соблюдаться, то Пруссія довершитъ вскорѣ погибель Даніи, распространить свое вліяніе на Швецію, превратитъ Балтійское море въ нѣмецкое

озеро, во имя пангерманства подстрекнетъ къ возстанію Курляндію и пресѣчетъ Россіи, современемъ, прямое сообщеніе съ Западомъ...

Я увижу императора Александра завтра вечеромъ въ Красносельскомъ лагерѣ и постараюсь телеграфировать вамъ въ субботу.

Генераль Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 9-го іюля 1870 г. (Телеграмма).

Императоръ Александръ понимаетъ, какъ оскорбителенъ для Франціи самый фактъ предложенія престола князю Гегенцоллерну; его величество признаетъ, что какъ бы мало ни имѣлъ значенія этотъ кандидатъ, онъ можетъ сдѣлаться въ извѣстный моментъ знаменемъ для Пруссіи. Поэтому царь поручилъ мнѣ передать императору, что онъ имѣетъ основательныя причины думать, что замыселъ маршала Прима не увѣнчается успѣхомъ. Съ другой стороны, князь Горчаковъ увѣдомилъ гр. Хотека, что петербургскій кабинетъ совѣтуетъ берлинскому кабинету дѣйствовать какъ можно умѣреннѣе.

Чистосердочный, чуждый заднихъ мыслей пріемъ, оказанный мнѣ сегодня императоромъ Александромъ, даетъ мнѣ право надѣяться, что умѣренный тонъ императора объясняется тѣмъ, что онъ писалъ королю Вильгельму, совѣтуя ему дѣйствовать благородно и сдержанно.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 10-го іюля. (Телеграмма).

Разговаривая съ членами правительства, при которомъ вы аккредитованы, потрудитесь обратить ихъ вниманіе на то, что мы не требуемъ ничего, что не согласовалось бы со всѣми извѣстными примѣрами европейскаго общественнаго права. Мы слѣдуемъ тѣмъ же принципамъ, на которыхъ настаивали, въ 1831 г., великія державы въ Бельгіи, когда дѣло шло о герцогѣ Немурскомъ, провозглашенномъ королемъ бельгійскимъ, на которомъ Франція и Россія настаивали въ 1862 г. въ Греціи относительно принца Альфреда, избраннаго всеобщою подачею голосовъ королемъ эллиновъ, на которомъ настаивали въ 1862 г. Англія и Франція относительно герцога Лейхтенбергскаго русскаго кандидата на греческій престолъ, на которомъ настаивалъ, наконецъ, совершенно неожиданно самъ императоръ Наполеонъ III относительно принца Мюрата, объявленнаго кандидатомъ на неаполитанскій престолъ. Мы не понимаемъ, почему бы намъ не разрѣшили воспользоваться принципомъ, который прочія державы такъ часто примѣняли и который ими былъ одобренъ.

Генераль Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 10-го іюля 1870 г. (телеграмма).

Мнѣ необходимо получить нѣкоторыя свѣдѣнія въ подтвержденіе сдѣланнаго мною вчера заявленія.

Послѣ заявленій, сдѣланныхъ французскимъ правительствомъ относительно нейтралитета, здѣшняя правительственная пресса не намѣрена, повидимому, поддерживать французское правительство въ его щепетильныхъ требованіяхъ.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 10-го іюля 1870 г. (телеграмма).

Заявленіе, которое вы были уполномочены сдѣлать, по повелѣнію императора, достаточно объясняется заявленіемъ, сдѣланнымъ мною палатѣ отъ имени правительства, текстъ котораго долженъ быть вамъ извѣстенъ.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ считать излишней щепетильностью съ нашей стороны, если мы говоримъ тономъ, который предписываетъ намъ забота о нашей національной чести и о нашихъ политическихъ интересахъ.

Генераль Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 11-го іюля 1870 г. (телеграмма).

Г. Вестманъ объявилъ мнѣ вчера, что канцлеръ отправился въ Германію, получивъ отъ императора приказаніе посовѣтывать берлинскому правительству дѣйствовать какъ можно миролюбивѣе и усилить этимъ впечатлѣніе письма, написаннаго въ томъ же смыслѣ королю прусскому.

Однако князь Горчаковъ, велѣлъ г. Вестману передать мнѣ, что, вполне понимая щепетильность Франціи, онъ весьма сожалѣетъ, что тюльерійскій кабинетъ выразилъ свои требованія въ слишкомъ угрожающемъ тонѣ, такъ какъ это затрудняетъ попытку къ примиренію, которую ему волѣно сдѣлать въ Берлинѣ.

Я обратилъ его вниманіе на тѣ важныя соображенія, на которыя вы указывали мнѣ въ вашей шифрованной депешѣ, и настаивалъ снова на томъ, что существенные интересы Россіи требуютъ, чтобы она не позволяла усилиться вліянію Пруссіи.

Этотъ разговоръ, доведенный уже до свѣдѣнія канцлера, можетъ, мнѣ кажется, произвести полезное впечатлѣніе.

Завтра я снова увижу императора Александра. Мнѣ бы очень хотѣлось знать, въ какомъ положеніи находится вопросъ въ Берлинѣ и въ Мадридѣ.

Генералъ Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 11-го іюля 1870 г.

Я видѣлся съ г. Вестманомъ; онъ сказалъ мнѣ, что король прусскій отвѣтилъ, что предложеніе сдѣлано князю Гогенцоллерну помимо его и что его правительство не принимаетъ участія въ переговорахъ, которые ведутся непосредственно съ самимъ княземъ. Руководствуясь вашей депешей отъ 6-го числа, я поставилъ вопросъ прямо и сказалъ съ твердостью: что если Пруссія такъ мало заинтересована этимъ вопросомъ, то королю прусскому вполне естественно заявить, во-первыхъ, что онъ не принималъ участія въ этой комбинаціи и, во-вторыхъ, что онъ не даетъ своего согласія на кандидатуру принца Леопольда.

Лордъ Гренвиль сказалъ, какъ говорятъ, что этотъ споръ касается только Испаніи; я отвѣчалъ на это, что онъ дѣйствительно будетъ касаться одной Испаніи, если Пруссія уклонится отъ какого бы то ни было участія въ этой комбинаціи. Можно думать, что въ такомъ случаѣ Испанія, оставшись одинокою, не будетъ настаивать на своемъ выборѣ и что кортесы, разойдясь во взглядахъ, не утвердятъ его.

Образъ дѣйствій императора Александра, кажется, былъ и будетъ намъ благоприятенъ. Г. Вестманъ отправился въ Петергофъ, чтобы передать его величеству содержаніе нашего разговора. Англійскій посланникъ, на котораго я напалъ, кажется присоединится къ нашему взгляду на дѣло.

Генералъ Флѣри—императору Наполеону III.

12-го іюля (телеграмма).

Императоръ Александръ, какъ ваше величество усмотрите изъ моей сегодняшней депеши къ министру, готовъ сдѣлать все возможное, чтобы уладить дѣло, но онъ боится упорства со стороны короля.

Въ случаѣ объявленія войны, если ваше величество не дадите мнѣ назначенія, которое приблизило бы меня къ вамъ, я прошу ваше величество ввѣрить мнѣ командованіе кавалерійской частью.

Во время войны надобно будетъ зорко слѣдять за Россіей. Повѣреннаго въ дѣлахъ для этого мало. Г. Vaudin удовлетворяетъ, по моему

мнѣнью, всѣмъ условіямъ, чтобы быть временно замѣстителемъ посланника.

Генералъ Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 12-го іюля 1870 г.

Императоръ Александръ, котораго я только что видѣлъ, прочиталъ мнѣ депешу, отправляемую имъ сегодня утромъ королю Вильгельму.

Онъ убѣдительно проситъ своего дядю приказать князю Гогенцоллерну отказаться отъ кандидатуры и взять обратно свое согласіе.

Это было бы, говорится въ депешѣ, наилучшимъ средствомъ успокоить справедливыя опасенія, вызванныя въ Парижѣ и въ Берлинѣ, съ кони обоимъ монархамъ одинаково приходится считаться.

Само собою разумѣется, присовокупилъ императоръ Александръ, что если король прусскій согласится на это, то онъ объявитъ рѣшительно, что онъ не заинтересованъ въ комбинаціи маршала Прима.

Въ такомъ случаѣ, по словамъ его величества, этотъ фактъ будетъ касаться только одной Испаніи. Внутреннія смуты быстро покончатъ съ этимъ вопросомъ, коль скоро вся Европа отвернется отъ князя Гогенцоллерна и отъ маршала Прима.

— Война была бы бѣдствіемъ для всей Европы, сказалъ императоръ, и принесла бы пользу только революціи. Передайте вашему правительству, что въ предѣлахъ совѣтовъ и возможнаго съ моей стороны вліянія, я сдѣлаю все отъ меня зависящее, чтобы не допустить ее. Въ моемъ доброжелательствѣ къ императору Наполеону не можетъ быть сомнѣнія: недавно герцогъ Омальскій и нѣкоторые изъ его близкихъ намѣревались посѣтить великаго князя Константина и проѣхать по Россіи; я велѣлъ сказать принцамъ, что послѣ ихъ недавняго заявленія въ палатѣ, ихъ доѣздка въ Россію кажется мнѣ несвоевременною.

Наполеонъ III—генералу Флѣри.

13-го іюля, получена 14-го (телеграмма).

Поблагодарите императора Александра отъ меня за его добрыя намѣренія.

Въ случаѣ войны, я назначаю васъ командующимъ хорошою частью, но вы должны быть кѣмъ-нибудь замѣщены въ Петербургѣ.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 15-го іюля 1870 г. (телеграмма).

Мы получили уже отъ испанскаго посланника отреченіе принца Антона отъ кандидатуры на испанскій престолъ въ пользу сына Леопольда. Несмотря на это отреченіе, которое теперь официально всѣмъ извѣстно, возбужденіе умовъ таково, что мы не знаемъ, удастся ли намъ совладать съ нимъ.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 15-го іюля 1870 г. (телеграмма).

Я показалъ вашу вчерашнюю телеграмму его величеству; прошу васъ передать императору Александру, что мы весьма тронуты его стараніемъ повліять на короля прусскаго.

Отреченіе князя Гогенцоллерна въ пользу его сына не было предъявлено намъ непосредственно; мы не видимъ въ немъ гарантіи, которая могла бы совершенно успокоить насъ насчетъ будущаго. Чтобы быть увѣреннымъ въ томъ, что князь Леопольдъ не уѣдетъ въ Испанію подобно тому какъ его братъ уѣхалъ въ Румынію, мы просимъ короля прусскаго обнадежить насъ, что онъ не позволитъ принцу измѣнить своего намѣренія. У насъ нѣтъ никакой задней мысли; мы хотимъ только съ честью выйти изъ затруднительнаго положенія, которое не нами создано.

Мы надѣмся и впредь на доброе отношеніе императора Александра, и такъ какъ его величество посовѣтывалъ своему дядѣ, чтобы онъ приказалъ князю отказаться отъ кандидатуры, то мы увѣрены, что царь согласится также посовѣтывать ему увѣдомить насъ о томъ, что онъ воспретилъ князю измѣнять свое намѣреніе.

Наполеонъ III—генералу Флѣри.

Вечеромъ 15-го іюля. Получена въ Петербургѣ 17-го (утромъ) (телеграмма).

Несмотря на мое желаніе имѣть васъ подлѣ себя, польза службы требуетъ, по моему мнѣнію, чтобы вы остались въ Петербургѣ, для поддержанія между нами добрыхъ отношеній.

Генералъ Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 15-го іюля 1870 г.

Я имѣлъ продолжительное свиданіе съ императоромъ Александромъ, но мнѣ не удалось убѣдить его. Такъ какъ главная причина устранена, по его словамъ, благодаря его личному вліянію, то онъ считаетъ вопросъ поконченнымъ, и поэтому не можетъ болѣе оказать давленія на короля прусскаго, коего гордость оскорблена и которому приходится считаться съ національными чувствами, оскорбленными отреченіемъ принца Леопольда.

Депеши, полученныя изъ Берлина, говорятъ весьма опредѣленно объ отказѣ короля на просьбу о гарантіяхъ, предъявленныхъ Бенедетти. Несмотря на отказъ сдѣлать вновь какой либо шагъ, императоръ Александръ весьма огорченъ тѣмъ, что война можетъ возгорѣться изъ-за вопроса, въ который онъ не считаетъ болѣе возможнымъ вмѣшиваться. Онъ скорѣе допускаетъ извѣстное давленіе со стороны Франціи, на основаніи пражскаго договора.

Баронъ Жомини—генералу Флѣри.

С.-Петербургъ, 6-го (18) іюля

Я слышалъ, что ваше превосходительство уѣзжаете отъ насъ. Позвольте мнѣ обратиться къ вамъ еще съ одной настоятельной просьбою.

Принимая во вниманіе, какимъ образомъ возникла эта война, для Россіи лучше всего не принимать въ ней участія до тѣхъ поръ, какъ это будетъ возможно. Но быть можетъ Франція будетъ вынуждена привлечь къ участію въ войнѣ Австрію. Въ такомъ случаѣ она приметъ столь угрожающій для насъ характеръ, что мы при всемъ своемъ желаніи не будемъ въ состояніи остаться ея безучастными зрителями. Могутъ произойти такія событія, которыя вынудятъ насъ принять участіе въ этой войнѣ. Въ такомъ случаѣ между Франціей и Россіей ляжетъ непреодолимая пропасть!

Если ваше пребываніе здѣсь внушило вамъ нѣкоторое уваженіе къ этой странѣ, которой предстоитъ великое будущее, то я умоляю васъ сдѣлать все возможное, чтобы не допустить этого. Что касается меня, то я былъ бы этимъ глубоко огорченъ, не только вслѣдствіе моей привязанности къ той и другой странѣ, но и потому, что вся моя политическая карьера внушила мнѣ убѣжденіе, что ихъ спокойствіе и благосостояніе, а равно европейское равновѣсіе и миръ въ Европѣ нераз-

рывно связаны съ добрыми отношеніями между этими двумя государствами.

Да наставитъ и защититъ насъ Господь!

Генераль Флёрн—Наполеону III.

18-го іюля (телеграмма).

Съ грустью подчиняюсь приказанію вашего величества. Вполнѣ понимая важность здѣшняго поста и серьезность положенія, я не считалъ себя здѣсь столь необходимымъ, чтобы меня никто не могъ замѣнить.

Я имѣлъ, напротивъ, смѣлость думать, что при этихъ важныхъ обстоятельствахъ императоръ пожелаетъ имѣть меня подлѣ себя. Я испытываю горькое разочарованіе.

Общественное мнѣніе до сихъ поръ не дурно, несмотря на то, что пруссаки стараются повліять на него. Я предлагаю министру планъ кампаніи для воздѣйствія на прессу и борьбы съ нею.

Я не видѣлъ болѣе императора Александра.

Я увижу его сегодня вечеромъ или завтра.

Я буду часто телеграфировать; но съ другой стороны, мнѣ необходимо знать мысли вашего величества, чтобы воздѣйствовать на царя, который поддается вліянію родственныхъ узъ. Пруссія и ея представителя, князя Рейсса.

Дипломатическій корпусъ выражаетъ свои симпатіи къ Франціи, вообще, довольно откровенно, но Англія очень сдержана.

Что касается Австріи, то она очень мягка, даже въ своихъ выраженіяхъ. До поры до времени этому надобно радоваться, такъ какъ Россія желаетъ, чтобы война была локализована, и сочла бы заключеніе дѣйствительнаго союза между Франціей и Австріей угрозою, направленною противъ нея.

Генераль Флёрн—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 18-го іюля 1870 г.

Я получилъ вашу депешу, приказывающую мнѣ остаться на моемъ посту; я повинуюсь.

Положеніе здѣсь весьма серьезное; въ общественномъ мнѣніи замѣчается два теченія, которыя можно назвать русско-нѣмецкимъ и русско-французскимъ. Императоръ поддается вліянію родственныхъ чувствъ и прусскихъ интересовъ. Великій князь и войско, напротивъ, на сторонѣ Франціи.

Это время я не видалъ его величества. Мнѣ необходимо имѣть инструкціи, чтобы я зналъ какъ дѣйствовать.

Вотъ политика кабинета, насколько это мнѣ извѣстно изъ дружескихъ сообщеній: желаютъ, чтобы война была локализована; въ такомъ случаѣ можно будетъ рассчитывать на нейтралитетъ. Но если бы Франція вовлекла въ войну Австрію, то война приняла бы столь угрожающій характеръ, что Россіи было бы трудно остаться безучастной зрительницей.

Поэтому было бы опасно ставить себя безъ пользы въ непріятное положеніе, сближаясь съ слабой и нерѣшительной Австріей, которая устами своихъ собственныхъ агентовъ заявляетъ здѣсь, что она не хочетъ и не можетъ связать себя чѣмъ бы то ни было ранѣе двухъ лѣтъ. При томъ Россія слѣдитъ за нею. Мнѣ уже объявлено, что два казачьихъ полка посланы на границу Галиціи.

Съ другой стороны, общественное мнѣніе и пресса поговариваютъ о пересмотрѣ трактата 1856 г. Пока, эта мысль не высказывается еще въ видѣ угрозы, но ее ставятъ, кажется, условіемъ симпатіи и соглашенія съ Франціей.

Русская пресса, взволнованная вначалѣ извѣстіемъ о войнѣ, теперь значительно измѣнила тонъ, въ надеждѣ, что въ близкомъ будущемъ можно будетъ измѣнить унижительный договоръ, оскорбляющій національныя чувства. Было бы очень важно руководить до извѣстной степени главными органами печати и имѣть на нихъ вліяніе. Прошу васъ разрѣшить мнѣ расходъ, который я найду нужнымъ сдѣлать съ этой цѣлью.

Я еще не получилъ официальнаго увѣдомленія объ объявленіи войны. Здѣсь ожидали дипломатическаго сообщенія съ изложеніемъ фактовъ и причинъ, которое могло бы направить общественное мнѣніе. Само-собою разумѣется, что все получаемое изъ Берлина не заслуживаетъ довѣрія.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ.

XIII ¹⁾.

Переписка Мнишека съ Димитріемъ.—Причины, по которымъ Мнишеки медлили отъѣздомъ въ Москву.—Отъѣздъ.—Встрѣча на границѣ.—Торжественная встрѣча въ Смоленскѣ.—Пріѣздъ воеводы въ Москву и аудіенція у царя.—Торжественный въѣздъ Марины.—Аудіенція польскихъ пословъ.—Недоразумѣніе по поводу императорскаго титула.

а другой день послѣ обрученія своей дочери, Мнишекъ отправилъ въ Москву гонца съ извѣстіемъ о благополучномъ совершеніи этого обряда²⁾. Самозванецъ, весьма обрадованный этимъ, тотчасъ отвѣтилъ ему и просилъ послѣшить пріѣздомъ, «не стѣсняясь путевыми издержками»³⁾.

Недѣли двѣ спустя онъ снова писалъ воеводѣ, торопя его отъѣздомъ, и выражалъ желаніе какъ можно чаще получать извѣстія отъ своей невѣсты и ея отца⁴⁾, но его просьбы и напоминанія не повели ни къ чему; хотя Мнишекъ и условился съ Власьевымъ, выѣхавшемъ изъ Кракова 18-го декабря 1605 г., что онъ послѣдуетъ вскорѣ за нимъ и будетъ въ Москвѣ не позже конца масляницы,—но онъ и не думалъ исполнить своего обѣщанія. Онъ писалъ царю, что ему придется отложить отъѣздъ, и жаловался на затруднительное положеніе, въ которое былъ поставленъ тѣмъ, что Бучинскій еще не привезъ ему денегъ.

3-го января 1606 г. Бучинскій пріѣхалъ наконецъ, и кромѣ ве-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май 1899 г.

²⁾ Hist. Russiae Mon. т. II, стр. 158.

³⁾ Собр. гос. грам. и дог. ч. II, № 110.

⁴⁾ Тамъ же, № 116.

ликоцѣпныхъ подарковъ привезъ Мнишеку 300.000 злотыхъ и 50.000 для его сына Станислава, старосты саноцкаго. Казалось, теперъ не было уже болѣе причины оттягивать отъѣзда, но воевода смотрѣлъ на дѣло иначе. Хотя онъ и выѣхалъ 22-го числа того же мѣсяца изъ Кракова, но вмѣсто того, чтобы отправиться въ Москву, онъ поѣхалъ сначала къ своему сыну въ Санокъ, а затѣмъ пробылъ долгое время въ Самборѣ, не увѣдомивъ даже царя о томъ, когда его можно было ожидать.

Между тѣмъ Дмитрій терялъ терпѣніе; 29-го января онъ снова писалъ своему будущему тестю, требуя объясненія по поводу его странныхъ поступковъ; въ то же время Бучинскій предупреждалъ Мнишека, что царь сильно гнѣвается, не получая писемъ отъ своей невѣсты.

Чѣмъ же руководствовались Мнишеки, отецъ и дочь, поступая такимъ образомъ? Они дѣйствовали подъ вліяніемъ совершенно различныхъ побужденій.

Дмитрій, какъ свидѣтельствуютъ современники, велъ въ Москвѣ очень веселую и разгульную жизнь, въ которой, помимо поляковъ, принимали участіе нѣкоторые бояре, какъ на примѣръ князь Василій Масальскій, Басмановъ и Молчановъ.

Слухи о его шумныхъ пирушкахъ и увеселеніяхъ, которыя не обходились безъ участія прекраснаго пола, достигли до Польши; Марина была ими возмущена, въ особенности тѣмъ, что она узнала о его близкихъ отношеніяхъ къ красавицѣ Ксеніи, сестрѣ Бориса Годунова, которая жила долгое время въ царскомъ дворцѣ; желая показать ему свое неудовольствіе, Марина не отвѣчала на его письма и не слѣдила въ Москву.

Отецъ ея откладывалъ отъѣздъ по другой причинѣ: несмотря на все стараніе сохранить тайну переговоровъ, которые велись клеветами Шуйскихъ съ Сигизмундомъ, воевода въ скоромъ времени узналъ о нихъ; нашлись услужливые и расположенные къ нему люди, которые сочли долгомъ предупредить его объ опасности, угрожавшей ему въ Москвѣ; это заставило его глубоко призадуматься.

Главная цѣль, ради которой онъ принялъ участіе въ судьбѣ Дмитрія, была уже почти достигнута; онъ уплатилъ всѣ числившіяся за нимъ недоимки казнѣ и всѣ свои частные долги, и получилъ отъ Самозванца такіе цѣнные подарки, стоимость которыхъ превышала состояніе многихъ магнатовъ. Стоило ли ему послѣ этого рисковать жизнью? Но съ другой стороны его положеніе, какъ близкаго родственника царя, сулило въ будущемъ такія выгоды его роднѣ, въ сравненіи съ коими все имъ полученное было каплею въ морѣ. Было надъ чѣмъ призадуматься! Онъ рѣшилъ повременить отъѣздомъ, въ надеждѣ, что опасность, угрожавшая Самозванцу, минуетъ.

Однако ему не долго пришлось оставаться въ выжидательномъ положеніи, такъ какъ изъ Москвы прибывали въ Самборъ гонецъ за гонцомъ съ письмами отъ царя, въ которыхъ онъ настойчиво требовалъ, чтобы Мнишекъ не мѣшкая вѣхалъ съ дочерью въ Москву. Не получая отвѣта ни на одно изъ своихъ писемъ, Димитрій послалъ наконецъ въ Самборъ Власьева, чтобы онъ узналъ лично о причинѣ такого промедленія.

Прибывъ въ Самборъ, Власьевъ отправился прямо къ Маринѣ и въ присутствіи ея отца долго разговаривалъ съ нею, «упрекая ее за то, что она медлила отъѣздомъ» ⁴⁾.

Воевода не могъ долѣе уклоняться отъ поѣздки.

2-го марта 1606 г. онъ тронулся въ путь съ дочерью, сопровождаемый многочисленною свитой родныхъ и друзей, въ числѣ которыхъ былъ іезуитъ ксендзъ Каспаръ Савицкій и семеро монаховъ бернардиновъ. Каждый изъ этихъ лицъ имѣлъ при себѣ нѣсколько человѣкъ челяди и нѣсколько лошадей.

Въ свитѣ Марины было 215 человѣкъ, въ свитѣ ея отца—415 человѣкъ. Оба его брата взяли съ собою по 100 человѣкъ каждый, князь Вишневецкій 215 человѣкъ и т. д. Въ общемъ, весь поѣздъ состоялъ изъ 2.200 человѣкъ, поэтому для соблюденія порядка въ пути, воевода составилъ подробное распisanіе (которое сохранилось въ одной изъ частныхъ библиотекъ г. Вильно) о томъ, въ какомъ порядкѣ должны были слѣдовать одни за другимъ экипажи, кареты, коляски, телѣги съ вещами и верховныя лошади, гдѣ именно кто долженъ былъ останавливаться въ пути; за малѣйшее нарушеніе этихъ правилъ полагалось строгое наказаніе.

Путешествіе въ весеннее время года, при тогдашнемъ плохомъ состояніи дорогъ, было сопряжено со всевозможными затрудненіями и совершалось весьма медленно: въ день проѣзжали не болѣе 4 или 5 миль. Черезъ недѣлю по отъѣздѣ изъ Самбора, Марина прибыла со своею свитою въ Люблинъ, гдѣ былъ назначенъ довольно продолжительный отдыхъ.

Тутъ она посѣтила, 10-го марта, коллегію іезуитовъ, гдѣ ее встрѣтили торжественно; ученики произнесли въ ея присутствіи рѣчи въ стихахъ и прозѣ, на польскомъ и латинскомъ языкахъ. Но 14-го марта путешественники выѣхали уже изъ Люблина, такъ какъ отъ царя снова прибыли гонцы съ требованіемъ, чтобы они спѣшили.

Изъ Люблина Мнишеки направились на Брестъ и Слонимъ, гдѣ «литовскій канцлеръ предложилъ имъ роскошное угощеніе». Они провели у него страстную субботу и первый день Пасхи.

⁴⁾ Hist. Russiae. Monum. т. II, стр. 159.

Слѣдующая остановка была въ Несвижѣ; тутъ Марину такъ же торжественно привѣтствовали іезуиты, а воевода виленскій Николай Радзивиллъ роскошно угощалъ ее ¹⁾.

Въ Минскѣ Мнишеки отдыхали три дня; и тутъ, какъ пишетъ въ своемъ дневникѣ Діаментовскій, они получили присланные царемъ 35.000 злотыхъ на путевые издержки.

12-го апрѣля Марина прибыла въ Оршу; переправа черезъ Днѣпръ задержала ее три дня; по случаю половодья всѣ мосты были снесены.

18-го числа она достигла со своей свитой границы Московскаго государства, гдѣ ее ожидали бояре, Михаилъ Нагой и князь Василій Масальскій со свитою, коихъ царь послалъ «поздравить ее съ благополучнымъ прїѣздомъ» и сопровождать ее въ дальнѣйшемъ путешествіи.

Въ тотъ же день Марина прибыла въ село Красное — первый ночлегъ на московской землѣ, гдѣ для ея остановки былъ построенъ домъ.

По пути во всѣхъ селахъ ей выходилъ на встрѣчу народъ съ духовенствомъ во главѣ и подносилъ хлѣбъ-соль.

Два дня спустя, въ Лубнахъ Марину торжественно привѣтствовало посольство, присланное Самозванцемъ. Когда Марина подъѣзжала къ этому селу, «мы увидѣли издали, пишетъ Нѣмюевскій, до 1.500 верховыхъ, ожидавшихъ насъ въ полѣ-миль отъ села. Около мѣста нашей остановки стояло 100 человекъ, въ разноцвѣтныхъ шелковыхъ кафтаныхъ; они низко кланялись, когда государыня проѣзжала мимо нихъ» ²⁾.

При выходѣ изъ экипажа, одинъ изъ присланныхъ царемъ бояръ привѣтствовалъ ее, передалъ ей письмо отъ Димитрія и просилъ назначить аудіенцію посланнымъ, которые ожидали въ ближайшемъ селѣ.

Нареченная невѣста Димитрія приняла ихъ въ тотъ же день вечеромъ въ просторной избѣ, обитой пестрой китайкой и устланной ковромъ. Посреди комнаты возлѣ стола, покрытаго краснымъ бархатомъ, былъ приготовленъ въ видѣ трона стулъ, обитый такимъ же бархатомъ, возлѣ котораго Марина, окруженная своими приближенными, стояла ожидала пословъ.

«Дядя» Димитрія, Михаилъ Нагой, а за нимъ князь Масальскій говорили рѣчи, желая ей добраго здоровья и благополучнаго царствованія. Имъ отвѣчалъ Мартинъ Стадницкій, воспитатель Марины, и когда онъ спросилъ отъ ея имени о здоровьи Димитрія, то они воскликнули:

— Дай Богъ здоровья государю! Когда мы уѣхали онъ былъ въ добромъ здоровьи.

¹⁾ Велевицкій, стр. 120 и 121.

²⁾ Hist. Russ. Monum. т. II, стр. 160.

Затѣмъ они были допущены Мариною къ рукѣ, такъ-же какъ и прочіе ихъ слутники.

На другой день Марина торжественно совершила свой вѣздъ въ Смоленскъ. Впереди всѣхъ ѣхали возы съ вещами и веди верховыхъ лошадей; за ними слѣдовали родные и друзья семейства Мнишекъ и стряды московской конницы, рота гусаръ, самъ воевода со свитою, приближенные Марины и послы, прибывшіе отъ Дмитрія, и наконецъ ѣхала невеста со своей женскою прислугой.

На встрѣчу ей вышла несмѣтная толпа народа. Въ предмѣстьи, по обѣ стороны стояли въ два ряда стрѣльцы; у вѣзда въ городъ ожидали ее монахи съ образомъ Пресвятой Богородицы, къ которому Марина приложилась. Жители Смоленска поднесли ей хлѣбъ-соль и три сорока соболей.

На слѣдующій день князь Василій Масальскій угощалъ воеводу и его друзей обѣдомъ.

Отдохнувъ два дня въ Смоленскѣ Марина отправилась 24-го апрѣля далѣе на Дорогобужъ, Вязьму и Можайскъ. Въ Вязьмѣ, Юрій Мнишекъ разстался съ дочерью, похвавъ по желанію царя впередъ, чтобы условиться съ нимъ относительно брачной церемоніи и другихъ празднествъ.

Царскаго тестя ожидала въ Москвѣ блестящая встрѣча; принявъ его въ торжественной аудіенціи, царь пожаловалъ ему три великолѣпныхъ перстня, оцѣненные въ 10.000 золотыхъ каждый, и пригласилъ его къ своему столу. На слѣдующій день Мнишекъ посѣтилъ въ Вознесенскомъ монастырѣ «мать» царя, а на третій день для него была устроена охота на медвѣдя, окончившаяся пиромъ.

5-го мая Марина прибыла въ подмосковное село Вязьмы, гдѣ ей пришлось обождать четыре дня, такъ какъ еще не были окончены приготовления къ ея торжественному вѣзду въ столицу, который совершился 12-го мая.

Для встрѣчи царской невесты на Дѣвичьемъ полѣ былъ разбитъ огромный шатеръ, передъ которымъ былъ разостланъ великолѣпный коверъ. Сюда, съ ранняго утра собрались, 12-го мая, думные бояре и придворные чины въ роскошныхъ одѣяніяхъ, сверкавшихъ золотомъ и драгоценными камнями, отряды кавалеріи и стрѣльцовъ и несмѣтная толпа народа. Возлѣ шатра стояли тѣлохранители Дмитрія, 600 стрѣльцовъ и рота польскихъ гусаръ. Самъ царь прибылъ на Дѣвичье поле переодѣтый, чтобы удостовѣриться, все ли въ порядкѣ и, сдѣлавъ послѣднія распоряженія, возвратился въ Кремль.

На Маринѣ было въ этотъ день бѣлое атласное платье французскаго покроя, роскошно отдѣланное жемчугомъ и драгоценными камнями.

Пріѣхавъ на Дѣвичье поле, онъ вышла изъ кареты и прошла въ приготовленный для нея шатеръ.

— Когда она немного оправилась съ дороги, — рассказываетъ одинъ изъ очевидцевъ, — то явились привѣтствовать ее думные бояре, отъ имени которыхъ говорилъ князь Василій Шуйскій; ему отвѣчалъ за Марину Мартинъ Стадницкій, благодаря за пріемъ.

Затѣмъ бояре подвели Маринѣ большую карету, похожую на рыдванъ, въ которую надобно было подниматься по пяти ступенямъ, обитымъ краснымъ бархатомъ. Карета, обитая такимъ же бархатомъ, была украшена сзади серебрянымъ царскимъ гербомъ и запряжена двѣнадцатью чубарыми лошадьми. Когда Марина сѣла въ нее, поѣздъ тронулся.

Ея торжественный вѣздъ въ Москву описанъ подробно Массою ¹⁾, Нѣмоевскимъ ²⁾, Буссовымъ, и другими современниками и походилъ на всѣ подобнаго рода торжества, поэтому излишне было бы на немъ останавливаться.

Вѣхавъ въ Кремль, Марина вышла изъ кареты у Вознесенскаго монастыря, гдѣ находилась въ то время мать Димитрія. У воротъ монастыря ее встрѣтили сорокъ монахинь, изъ коихъ двѣ провели ее въ ту комнату, гдѣ ее ожидала стоя мать государя; возлѣ нея стоялъ самъ Димитрій. Оба они не двинулись съ мѣста, какъ того требовалъ обычай, а Марина съ низкимъ поклономъ подошла къ Марѣ и сказала ей длинную рѣчь; затѣмъ поздоровалась съ Димитріемъ.

Марина осталась въ Вознесенскомъ монастырѣ до самой свадьбы и коронаціи.

Одновременно съ нею прибыли въ Москву польскіе послы, Николай Олесницкій и Александръ Госневскій, чтобы быть представителями Сигизмунда на свадьбѣ; имъ было поручено продолжать переговоры, начатыя съ Димитріемъ о заключеніи съ нимъ союза.

На другой день по пріѣздѣ была назначена аудиенція у царя пословъ и приближенныхъ Марины Мнишекъ.

13-го мая 1606 г. вся свита Марины и польскіе послы собрались по утру въ Кремлѣ и въ десятомъ часу отправились въ царскія палаты на аудиенцію, которая происходила въ Грановитой палатѣ въ присутствіи двора, думныхъ бояръ и высшаго духовенства и ознаменовалась весьма бурной сценой.

Первыми представлялись царю приближенные Марины; ихъ ввелъ князь Василій Масальскій, а Аванасій Власьевъ «по списку» читалъ ихъ фамиліи. Они подходили по-очереди и цѣловали у царя руку. Когда

¹⁾ Масса, т. I, стр. 149—153, т. II, стр. 161—165.

²⁾ Нѣмоевскій, к. 8—10.

представленіе было окончено, Мартинъ Стадницікій произнесъ длинную рѣчь, въ которой, вспоминая о тѣсныхъ узахъ дружбы, соединявшихъ нѣкогда «предковъ» царя съ польскимъ народомъ, онъ выразилъ надежду, что его бракъ съ дочерью воеводы укрѣпитъ дружбу, существовавшую между обоими народами, и позволить имъ обратиться свое оружіе противъ невѣрныхъ, ко благу всего христіанскаго міра.

Ему отвѣчалъ краткой рѣчью Власевъ, а затѣмъ приказано было ввести пословъ его величества короля польскаго. Когда они вошли въ сѣни, предшествовавшія Грановитой палатѣ, къ нимъ былъ посланъ воевода сандомирскій, съ приказаніемъ предупредить ихъ, чтобы, обращаясь къ царю, они называли его императоромъ.

«Воевода выходилъ къ нимъ нѣсколько разъ, пишетъ очевидецъ этой аудіенціи Нѣмцовскій, и снова возвращался, но всѣ его увѣщанія остались безуспѣшны, послы должны были сообразоваться съ данной имъ инструкціей¹⁾; тѣмъ болѣе что по пути въ Москву литовскій канцлеръ еще разъ строжайше подтвердилъ имъ, чтобы «при отдачѣ подарковъ, и во всѣхъ переговорахъ, которые они будутъ вести отъ имени короля польскаго и Рѣчи Посполитой, они не давали царю императорскаго титула, а называли бы его по-прежнему государемъ и великимъ княземъ московскимъ»²⁾).

Видя, что послы не соглашаются исполнить его требованіе, Димитрій рѣшилъ не настаивать и приказалъ двумъ боярамъ ввести ихъ. Какъ только они вступили въ залъ, окольнічій Микулинъ возвѣстия громкимъ голосомъ объ ихъ прибытіи.

— Послы его величества короля польскаго бьютъ челомъ вашему императорскому величеству!— провозгласилъ онъ.

Подойдя къ царю, послы сняли шапки, низко поклонились и одинъ изъ нихъ, перечисливъ всѣ титулы Сигизмунда, сказалъ, вручая свою вѣрительную грамоту, что его величество король польскій прислалъ ихъ поздравить его со вступленіемъ на престолъ³⁾.

Принявъ отъ посла грамоту, Власевъ передалъ ее царю; а Димитрій, увидавъ, что въ ней не было упомянуто его царскаго титула, приказалъ возвратить ее Олесницкому, на томъ основаніи, что это письмо было писано не ему, а «какому то князю всея Россіи». Возвращая письмо, Власевъ сказалъ:

— Тутъ нѣтъ никакого князя всея Россіи, а есть только его импе-

¹⁾ Инструкція эта, помѣченная 6-го февраля 1606 г. находится въ рукописи въ Mus. XX Czartoryskich 101 (№ 7) и 2101 стр. 25—40.

²⁾ Рр. Mus. XX. Czrtor. 101 № 22.

³⁾ Копія съ этой грамоты въ рукоп. Mus. XX. Czartoryskich 2101, стр. 24—25.

раторское величество, Дмитрій Ивановичъ, великій царь всея Россіи. Возьмите это письмо и отдайте его вашему государю.

Посоль замѣтилъ, что это оскорбленіе, нанесенное королю и всей Рѣчи Посполитой, и просилъ позволенія удалиться, не имѣя въ такомъ случаѣ возможности исполнить возложенное на него порученіе.

Тогда Дмитрій, желая говорить съ посломъ, велѣлъ одному изъ бояръ снять съ него корону и, обратясь къ Олесницкому, сказать, что хотя и не принято, чтобы монархъ, сидя на тронѣ, разговаривалъ съ послами, но что онъ вынужденъ къ этому, такъ какъ король отказываетъ ему въ надлежащемъ титулѣ, хотя онъ неоднократно заявлялъ ему, что онъ не князь и не государь, а императоръ и имѣетъ полное право на этотъ титулъ, такъ какъ въ его обширныхъ владѣніяхъ есть не только князья и государи, но даже короли, которые ему подвластны.

— Всѣ прочіе монархи признаютъ за нами императорскій титулъ, сказалъ онъ, одинъ только король польскій наноситъ намъ это оскорбленіе.

Этотъ споръ продолжался довольно долго. Напомнивъ Дмитрію, что во время пребыванія въ Польшѣ онъ видѣлъ доказательство пріязни къ себѣ со стороны короля польскаго, посоль сказалъ:

— Какъ вы платите намъ за это, государь, видитъ всякій. Вы забыли, что вы возсѣли на престолъ при помощи поляковъ, которые проливали за васъ свою кровь! вмѣсто благодарности мы видимъ съ вашей стороны неблагодарность, вмѣсто дружбы вы платите намъ неприязню. Вы пренебрегаете желаніями и дружбою его королевскаго величества; это можетъ повести къ войнѣ. Мы беремъ Бога въ свидѣтели, что вы, государь, а не мы будемъ виновны, если произойдетъ разрывъ съ королемъ и Рѣчью Посполитой.

Эти слова страшно разсердили Дмитрія. Онъ отвѣчалъ еще болѣе гордымъ тономъ:

— Король польскій, отказывая намъ въ должномъ титулѣ, оскорбляетъ не только насъ, но самаго Бога и весь христіанскій міръ! Мы объявили, что онъ имѣетъ въ насъ брата и друга, какого Польша никогда не имѣла. Но мы убѣждаемся теперь, что намъ надобно остерегаться его болѣе, нежели кого либо изъ нехристіанскихъ монарховъ, и что намъ придется обратить противъ него оружіе, которымъ мы хотѣли поразить невѣрныхъ!

Несмотря на эту угрозу, Самозванецъ немного погодя успокоился. Увидавъ, что послы собирались уходить, онъ сказалъ:

— Скажите мнѣ, панъ Олесницкій, если бы вамъ прислали письмо, на которомъ не было бы обозначено ваше званіе, приняли бы вы его? Но зная вашу пріязнь къ намъ и зная, что вы намъ всегда желаете

добра, мы хотимъ оказать вамъ уваженіе не какъ послу, а какъ нашему пріятелю. Подойдите къ нашей рукѣ.

Сказавъ это, Димитрій протянулъ ему руку, какъ бы привѣтствуя его.

Но Олесницкій отвѣчалъ:

— Всемилоствѣйшій государь! Я благодаренъ вамъ за милость, какую вы благоволите оказать мнѣ, но такъ какъ вы не желаете принять меня какъ посла, то я не могу сдѣлать того, что вы требуете!

— Такъ подойдите же какъ посолъ, сказалъ Димитрій.

— Я подойду только въ томъ случаѣ, сказалъ Олесницкій, желая исполнить свою обязанность до конца,—если вы примите, государь, письмо его королевскаго величества.

Когда Димитрій изъявилъ на это свое согласіе, тогда только оба посла подошли къ его рукѣ, поздравили его отъ имени короля съ обрученіемъ и передали объ его готовности заключить съ Димитріемъ союзъ для борьбы съ невѣрными.

Черезъ часъ послѣ аудіенціи къ посламъ прибылъ Василій Бутурлинъ, который привезъ имъ обѣдъ съ царскаго стола. «Тутъ было до ста блюдъ», пишетъ Нѣмоевскій; все было подано на золотыхъ блюдахъ, но кушанья по качеству не соотвѣтствовали не только золотой, но даже и глиняной посудѣ ¹⁾.

Когда послы удалились, царь отправился въ новый дворецъ, гдѣ принялъ въ конфиденціальной аудіенціи свиту своей будущей супруги и затѣмъ пригласилъ ихъ всѣхъ къ столу. Пиршество продолжалось по обыкновенію довольно долго, но не особенно удовлетворило гостей. Тотъ же Нѣмоевскій говоритъ, что «обѣдъ былъ очень простой и далеко не изысканный».

XIV.

Марина переѣзжаетъ во дворецъ.—Ея коронованіе и бракосочетаніе съ Димитріемъ.—Брачный пиръ.—Споръ съ польскими послами о мѣстѣ за столомъ.—Ихъ переговоры съ думными боярами.—Бесѣда Самованца съ ксендзомъ Савицкимъ.—Ошибки, сдѣланныя Самованцемъ.—Его враги подстрекаютъ противъ него народъ.—Мятежъ.—Смерть Димитрія.—Издѣвательство надъ нимъ бояръ.

Димитрій ежедневно навѣщалъ Марину въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ она прожила до дня своей свадьбы; 15-го мая онъ подарилъ ей шкатулку съ драгоценностями, которыя были оцѣнены въ

¹⁾ Нѣмоевскій, тамъ же, V, 15—24.

500.000 рублей. Такъ какъ она не могла ѣсть кушанья, приготовляема русскими, то ей былъ присланъ поварь полякъ, который «имѣя въ своемъ распоряженіи ключи отъ царской кладовой и погреба, готовилъ ей кушанья по ея вкусу» ¹⁾. Несмотря на это, жизнь въ монастырѣ и строгія монастырскія правила не нравились Маринѣ и ея прислужницамъ; послѣднія до того тосковали, что царь, желая ихъ успокоить, обѣщалъ отпустить ихъ по первому желанію въ Польшу ²⁾. Къ тому же, несмотря на всѣ старанія и домогательства, къ Маринѣ не допускали ни одного ксендза ³⁾, что было ей весьма непріятно, такъ какъ 14-го и 15-го мая католическая церковь праздновала день св. Троицы.

Узнавъ о томъ, что Марина недовольна жизнью въ монастырѣ, Дмитрій рѣшилъ тотчасъ перевести ее во дворецъ построенный имъ дворецъ. Во избѣжаніе толпы ея переездъ совершился въ ночь съ 16 го на 17-е мая, но тѣмъ не менѣе былъ обставленъ весьма торжественно; на слѣдующій день, 18-го мая, совершилось ея коронованіе и бракосочетаніе съ Дмитріемъ, о чемъ возвѣстилъ жителямъ столицы съ ранняго утра колокольный звонъ.

Во избѣжаніе большого скопленія народа у воротъ царскаго дворца было выстроено 800 стрѣльцовъ. Весь путь, по которому долженъ былъ слѣдовать царь, былъ устланъ красномъ сукномъ. Во дворецъ съ ранняго утра собрались бояре, придворные, польскіе послы и родные и пріятели Марины.

Торжество началось обрученіемъ, которое происходило въ столовой новаго царскаго дворца, откуда царь вмѣстѣ съ своей невѣстою отправился въ Грановитую палату, гдѣ для нихъ было приготовлено два трона; вслѣдъ за ними вошли по ихъ приглашенію польскіе послы, къ которымъ окольникій Григорій Микулинъ обратился съ рѣчью, благодаря въ ней короля польскаго за то, что онъ прислалъ на это торжество своихъ представителей и дозволилъ воеводѣ и его дочери пріѣхать въ Москву ⁴⁾.

¹⁾ Hist. Russiae Monum., т. II, стр. 171.

²⁾ Hist. Russ. Monum., тамъ же.

³⁾ Wielewicki, тамъ же, стр. 141.

⁴⁾ Собр. гос. грам. и дог., ч. II, 138. По свидѣтельству очевидцевъ, во время происходившихъ при бракосочетаніи обрядовъ были допущены значительныя отступленія отъ древнихъ обычаевъ, но многіе историки, въ томъ числѣ Костомаровъ (стр. 336), основываясь на инструкціи, написанной для этого церемоніала самимъ Дмитріемъ, утверждаютъ, что во время бракосочетанія Самованца строго соблюдались древніе обычаи. Сличая съ этой инструкціей показанія очевидцевъ, оказывается, что на самомъ дѣлѣ были допущены довольно значительныя отступленія отъ нея. Полагая, что слѣдуетъ придавать болѣе вѣры свидѣтельству очевидцевъ, которые видѣли, какъ все

Немного погода вошелъ патриархъ, несшій царскую корону, которую онъ далъ поцѣловать Димитрію и Маринѣ, а затѣмъ, сопровождаемый многочисленнымъ духовенствомъ, отвесъ ее въ Успенскій соборъ.

Тогда началось торжественное шествіе въ соборъ; впереди шло сто придворныхъ, за ними шестьдесятъ думныхъ бояръ, четыре оруженосца съ сѣкирами на плечахъ; передъ царемъ шелъ его собственный оруженосецъ Михаилъ Шуйскій съ обнаженнымъ мечомъ. За нимъ, окруженный стрѣльцами, шелъ царь въ парчевой одеждѣ, вышитой жемчугомъ и сапфирами, съ широкими бармами на плечахъ. По правую руку отъ него шелъ посолъ короля польскаго, а по лѣвую его дядя Михаилъ Нагій, царскій конюшій. За нимъ шла царица въ длинномъ парчевомъ сарафанѣ, вышитомъ жемчугомъ и въ красныхъ сапожкахъ¹⁾. Рядомъ съ нею по правую руку шелъ ея отецъ, воевода сендомірскаго, а по лѣвую княгиня Мстиславская, въ ярко-красномъ платьѣ, съ золотымъ кокошникомъ на головѣ; за нею шли пріятельницы Марины и четыре боярина; прочимъ особамъ ея свиты не было дозволено выходить изъ ихъ помѣщенія.

Когда царь вступилъ со свитою въ соборъ, то двери были заперты и кромѣ самыхъ знатныхъ особъ въ церковь никто не былъ допущенъ. Димитрій приложился къ мощамъ и къ св. иконамъ; его примѣру послѣдовала Марина и вся свита. Затѣмъ Димитрій вошелъ на возвышеніе, обитое краснымъ сукномъ, на которомъ стояло три трона, осыпанныхъ драгоценными камнями. Средній, самый высокій, предназначался для царя; слѣва стоялъ тронъ для Марины, справа для патриарха; первые два были обиты краснымъ, а послѣдній чернымъ бархатомъ. Между возвышеніемъ и главнымъ алтаремъ сидѣло на лавкахъ духовенство. По другую сторону были размѣщены думные бояре, польскіе послы и «друзья» царицы.

Передъ началомъ коронаціи нѣсколько священниковъ прочли установленныя молитвы. Это продолжалось съ четверть часа. «Когда они умокли, пишетъ очевидецъ этого событія, Нѣмцовскій, два священника взяли корону и бармы, лежавшія передъ алтаремъ на двухъ золотыхъ блюдахъ, и подвесили ихъ патриарху, который, благословивъ корону и обкадивъ ее еиміамомъ, возложилъ на голову великой княжнѣ, а затѣмъ, благословивъ ее и поцѣловалъ въ плечо, она же, наклонивъ голову, приложилась къ его митрѣ. Когда патриархъ сѣлъ на свое мѣ-

---

происходило на самомъ дѣлѣ, нежели инструкціи, написанной заранее, авторъ изслѣдованія о Самозванцѣ описываетъ бракосочетаніе Димитрія, при держивался именно этихъ свидѣтельскихъ показаній. В. В.

¹⁾ По словамъ Буссова (тамъ же, стр. 43) Марина весьма неохотно надѣла русскій костюмъ, уступивъ въ этомъ случаѣ только настоятельной просьбѣ Димитрія. В. В.

сто, то священники по-парно стали подходить къ трону, благословляли великую княжну и прикасались двумя пальцами ея лба и плечъ, а затѣмъ такъ же, какъ патріархъ, цѣловали ея въ плечо.

Съ такою же точно церемонією патріархъ надѣлъ ея на шею цѣпь Мономаха и бармы — широкій воротникъ, виспадающій на плечи и украшенный драгоценными камнями и изображеніями святыхъ. По окончаніи этого обряда, присутствующіе приблизились къ Маринѣ и принесли ей поздравленія.

Затѣмъ была отслужена обѣдня, а по окончаніи ея совершенъ обрядъ бракосочетанія. По существующему обычаю Марина приобщилась св. тайнъ изъ рукъ патріарха, хотя она и не получила на это разрѣшенія изъ Рима ¹⁾. Самозванецъ постарался скрыть это обстоятельство отъ поляковъ. Во время причастія Власевъ предложилъ однимъ изъ нихъ выйти изъ церкви, говоря, что обрядъ вѣнчанія вскорѣ окончится, а другимъ объяснилъ, что новобрачные не приобщались, что это былъ только «обрядъ, совершаемый въ воспоминаніе о бракѣ въ Канѣ галлейской».

Всѣ эти обряды продолжались съ полудня до вечера. Когда царь вышелъ наконецъ со своею свитою изъ церкви, то онъ приказалъ двумъ боярамъ бросать золотыя монеты, выбитыя въ память этого торжества: на одной сторонѣ находилось изображеніе Дмитрія съ мечомъ и латинской надписью «aetatis suae 24», а на другой двуглавый орелъ съ изображеніемъ на груди единорога и съ надписью на русскомъ языкѣ царскаго титула.

Діаментовскій рассказываетъ, что русскіе съ такою жадностью кидались на эти монеты, что при этомъ даже произошла драка. Совершенно иначе держали себя поляки. «Царь, увидавъ что тутъ стояло нѣсколько важныхъ поляковъ, пишетъ тотъ же авторъ, велѣлъ бросить имъ нѣсколько монетъ, но ни одинъ изъ нихъ даже не нагнулся, чтобы поднять ихъ, а когда одному нѣсколько монетъ попало на шапку, то онъ сбросилъ ихъ на землю, тряхнувъ головою».

Вышедши изъ собора, Димитрій подозвалъ польскихъ пословъ и сказалъ:

— Сегодня мы не можемъ пригласить васъ на обѣдъ, такъ какъ мы очень утомлены длинной церемоніей, но завтра вы будете приглашены къ нашему столу.

Послы вернулись къ себѣ, а бояре и прочіе гости проводили новобрачныхъ во дворецъ.

Нѣмоевскій отмѣчаетъ нѣсколько незначительныхъ, но довольно характерныхъ подробностей, которыя бросились ему въ глаза при совер-

¹⁾ Hist. Russiae Monum., стр. 171—172.

шеніи брачнаго обряда. Во время обѣдни Дмитрій подозвалъ Василія Шуйскаго и велѣлъ подать себѣ скамейку, поднявъ сперва одну, а затѣмъ другую его ногу поставить ихъ на эту скамью. Поляки были чрезвычайно удивлены этимъ и говорили:

— Его величество король не даетъ подобныхъ приказаній даже своему оруженосцу! Слава Богу, что мы избавлены отъ подобнаго рабства! ¹⁾

Поляки имѣли въ то время обыкновеніе входить въ церковь съ шапкой на головѣ; это чрезвычайно раздражало русскихъ, поэтому они сыграли съ каштеляномъ малогосскимъ слѣдующую штуку. Когда Дмитрій, войдя въ соборъ, клалъ земные поклоны передъ иконами, то Олесницкій, который велъ его подъ руку, снялъ свою венгерскую шапку. Власьевъ сдѣлалъ видъ, что онъ хочетъ поддержать шапку, взявъ ее у него изъ рукъ и велѣлъ унести изъ церкви. Доведя Самозванца до возвышенія, посолъ хотѣлъ надѣть шапку, но Власьевъ отдѣлся отъ него шуточками, и Олесницкій получилъ свою шапку обратно только тогда, когда онъ вышелъ изъ собора. Бояре смѣялись, говоря:

— Вотъ какъ мы одурачили литовца!

На слѣдующій день, рано утромъ, царь послалъ къ польскимъ по сламъ своего дьяка Грамотина просить ихъ на обѣдъ и велѣлъ имъ сказать, что онъ угоститъ ихъ «какъ пословъ своего брата».

— Мы увѣрены, сказали на это послы, что насъ посадятъ за столомъ на такое же мѣсто, какимъ почтилъ вашего посла король во время обрученія въ Краковѣ, посадивъ его за свой собственный столъ.

— У насъ, возразилъ на это Грамотинъ, никто не можетъ сидѣть за однимъ столомъ съ царемъ, кромѣ царицы.

Тогда послы стали доказывать, что такъ какъ Сигизмундъ оказалъ особое вниманіе Власьеву, то король въ правѣ требовать, чтобы и тѣмъ, кто пріѣхалъ въ качествѣ его представителей, было оказано подобное же уваженіе.

— Если оно не будетъ намъ оказано, сказали они, то намъ придется уѣхать домой. Поэтому мы просимъ довести объ этомъ до свѣдѣнія думныхъ бояръ и привезти намъ ихъ отвѣтъ.

Грамотинъ вернулся черезъ часъ съ извѣстіемъ, что думные бояре уѣхали посадить пословъ за другимъ столомъ, по правую руку отъ государя. Этотъ отвѣтъ не могъ ихъ удовлетворить, такъ какъ въ данной имъ инструкціи строго-на-строго было приказано требовать, чтобы хотя старшій посолъ, а именно каштелянъ малогосскій сидѣлъ за однимъ столомъ съ Дмитріемъ; они снова стали убѣждать Власьева, что царь долженъ исполнить это законное требованіе Сигизмунда.

¹⁾ Hist. Russiae Monum., т. II, стр. 108.

Споръ продолжался цѣлый часъ, но не привелъ ни къ какому результату.

Полчаса спустя къ нимъ снова пріѣхалъ Власевъ и старался уговорить ихъ. Послы долго спорили и наконецъ, видя что имъ не удается настоять на своемъ, объявили, что въ такомъ случаѣ они вовсе не поѣдутъ на обѣдъ во дворецъ ¹⁾.

Свадебный пиръ происходилъ въ Грановитой палатѣ. По правую руку отъ государя сидѣли три родственницы государыни и пять московскихъ боярынь, по лѣвую руку—воевода сендомірскій, его родные и друзья. Поодаль были поставлены столы для иноземныхъ кушцовъ и для поляковъ, прислуживавшихъ государынь.

На Димитріи былъ гусарскій мундиръ и высокая шапка изъ черной бурою лисицы, которую онъ снялъ вошедши въ палату, оставшись въ ермолкѣ, унизанной жемчугомъ; на царицѣ былъ польскій костюмъ, а на головѣ корона, которую она не снимала во время обѣда.

Какъ только въ палату вошелъ Димитрій, два священника прочитали положенныя молитвы, освятили воду, окропили ею столъ и удалились; послѣ этого присутствующихъ посадили за столъ по составленному заранее списку.

Вотъ какъ описываетъ этотъ пиръ одинъ изъ поляковъ, на немъ присутствовавшихъ.

«Когда мы усѣлись, въ залу вошли до тридцати стольниковъ, которые, подходя по-парно, били челомъ государю и затѣмъ удалились. Тогда вошли четыре стольника съ блюдами и стали рядомъ, держа блюда въ рукахъ. Къ столу, за которымъ сидѣлъ государь, подошли два кравчихъ и поставили на столъ нѣсколько тарелокъ и блюдо съ ломтями хлѣба, которые они раздавали по куску всѣмъ сидѣвшимъ ближе къ государю, сказавъ каждому нѣсколько пріветственныхъ словъ. Получившіе хлѣбъ били челомъ государю, а прочіе кланялись ему, благодаря за государеву ласку; онъ отдавалъ каждому поклонъ.

«По раздачѣ хлѣба, кравчіе взяли отъ стольниковъ блюда и поставили ихъ на столъ передъ государемъ. Вскорѣ намъ подали тѣ самыя кушанья, которыя были приготовлены для царя. Тотъ, кто хотѣлъ ѣсть, долженъ былъ принести съ собою ножъ. Тарелокъ не полагалось: рускіе ѣли руками, бросая кости на скатерть или обратно на блюдо. Такъ какъ это былъ день постный—пятница, то обѣдъ состоялъ преимущественно изъ рыбныхъ блюдъ; изъ соленой рыбы: осетрины, бѣлуги и судака.

«Угощеніе состояло изъ разныхъ сластей, привезенныхъ изъ Польши и обычныхъ въ то время угощеній въ Россіи: сахара, варенья, меду и проч.

¹⁾ Hist. Russiae Monum., т. II, стр. 108—110.

«За обѣдомъ государь пилъ за здоровье поляковъ, которымъ подносили золотыя чарки съ виномъ; когда онъ выпилъ вторично за ихъ здоровье, то они подходили къ нему одинъ за другимъ, и Дмитрій собственноручно подавалъ имъ чарки, которыя они тутъ же опоражнивали.

«По окончаніи обѣда царь всталъ и подалъ каждому изъ думныхъ бояръ кубокъ меду; затѣмъ священники прочли благодарственные молитвы, окропили царя святою водою, и мы проводили его во вновь выстроенный дворецъ. Русскіе удалились, а полякамъ царь велѣлъ остаться, приказалъ позвать музыкантовъ и подать вина; онъ пилъ за здоровье каждого изъ насъ отдѣльно и дружески и по просту съ нами бесѣдовалъ и шутилъ».

Дмитрій любилъ веселую, непринужденную бесѣду, а подъ вліяніемъ выпитаго вина говорилъ очень свободно; позволялъ себѣ шутить надъ Сигизмундомъ, надъ нѣмецкимъ императоромъ и даже надъ папою; онъ предложилъ полякамъ танцовать. Узнавъ, что въ передней были польскіе солдаты, онъ велѣлъ отворить двери и говорилъ съ ними, изъявляя имъ свою благодарность и обѣщая щедро вознаграждать ихъ за службу; онъ пилъ за ихъ здоровье и каждому подалъ собственноручно кубокъ, чѣмъ они были очень тронуты и обѣщали всегда служить ему вѣрою и правдою.

Свадебныя пиршества продолжались нѣсколько дней.

На слѣдующій день (20-го мая) Маринѣ подносили подарки патриархъ, духовенство, бояре, купцы и мѣщане, которые были допущены къ ея рукѣ и отъ имени царя и царицы приглашены на обѣдъ ¹⁾; на немъ присутствовали также и польскіе солдаты, которыхъ Дмитрій особенно отличилъ въ этотъ день: пилъ за ихъ здоровье и, желая снять ихъ расположеніе, обѣщалъ дать каждому изъ нихъ «по сто злотыхъ на лошадь», по сорока собелей и по штукѣ парчи ²⁾.

Въ тотъ же день польскіе послы собрались на совѣщаніе къ Мишкеу, на которое прибыли многіе другіе поляки; жалуюсь на оскорбленіе, нанесенное имъ царемъ, послы спрашивали совѣта, какъ имъ поступить. Воевода взялся быть посредникомъ между ними и царемъ.

На слѣдующій день (21-го мая) послы отправились во дворецъ, чтобы поднести Маринѣ подарки, пріславные Сигизмундомъ. По окончаніи аудіенціи, Власевъ, отъ имени царя, пригласилъ ихъ на обѣдъ.

— Его императорское величество просить васъ,—сказалъ онъ,—какъ пословъ короля польскаго, отвѣдать его хлѣба-соли.

— Мы и раньше отвѣдали бы его хлѣбъ-соль,—отвѣчала каште-

¹⁾ Масса, тамъ же, т., I, стр. 159—160, т. II, стр. 171—172.

²⁾ „Hist. Russiae Monum.“, т. II, стр. 111, 172.

лянъ малогосскій, если бы насъ посадили на такое мѣсто, на какое нашъ король посадилъ вашу милость.

Димитрій сказалъ на это:

— Я приглашалъ короля польскаго ко мнѣ на свадьбу ¹⁾ и съумѣю подобающимъ образомъ почтить особу его королевскаго величества. Я приглашаю васъ на обѣдъ только какъ пословъ.

Олесницкій хотѣлъ возразить на это, но въ дѣло вмѣшался воевода и послѣ долгихъ преній ему удалось, наконецъ, уладить его. Царь и посланники порѣшили споръ на томъ, что такъ какъ, по существовавшему издавна обычаю, который строго соблюдался въ Москвѣ, никто не могъ сидѣть съ царемъ за однимъ столомъ, кромѣ его сунруги, то рядомъ съ ихъ столомъ будетъ поставленъ маленькій столикъ, за который сядетъ каштелянъ малогосскій. Второй посолъ сядетъ за другимъ столомъ, который будетъ стоять четырьмя ступенями ниже царскаго ²⁾.

Дѣйствительно, Олесницкій былъ посаженъ за особый столикъ, рядомъ съ царскимъ, а Госневскій сидѣлъ на первомъ мѣстѣ за другимъ столомъ.

Послѣ перваго блюда одинъ изъ кравчихъ поднесъ царю великолѣпный хрустальный кубокъ съ виномъ. Вставъ и обратясь къ Олесницкому, Димитрій осушилъ кубокъ за здоровье Сигизмунда; затѣмъ, когда кубокъ снова наполнили, онъ подалъ его каштеляну малогосскому. Немного погодя онъ пилъ за здоровье второго посла, а затѣмъ, чрезъ Яна Бучинскаго, велѣлъ ему подойти за кубкомъ и осушить его за здоровье короля. Но Госневскій не согласился на это.

— Это будетъ несогласно съ достоинствомъ моего монарха, коего я являюсь представителемъ,—сказалъ онъ.—Пусть его величество прикажетъ мнѣ подать кубокъ.

Царь такъ разсердился, услызавъ это, что будто бы даже сказалъ Бучинскому:

— Если онъ не подойдетъ сию минуту, я велю выбросить его въ окно!

Правда, Бучинскій не передалъ этихъ словъ послу, но умолялъ его не противиться желанію Димитрія.

¹⁾ Въ „Hist. Russiae Monumenta“ Тургенева (т. II, стр. 112) слова Димитрія приведены такъ: „Jam Króla polskiego na wesele nie prosif“. (Я короля польскаго на свадьбу не просилъ). Между тѣмъ, во всѣхъ рукописяхъ этого дневника, вмѣсто слова *nie* стоитъ „*Swe*“ свою (напр. Rps. Bibl. Ossol. 1389, стр. 22); несомнѣнно, что такъ именно и долженъ былъ сказать Самозванецъ. Только въ этомъ случаѣ его слова не противорѣчатъ тому несомнѣнному факту, что царь еще черезъ Власьева приглашалъ Сигизмунда на свою свадьбу. Эта ошибка въ сборникѣ, изданномъ Тургеновымъ, повторена Костомаровымъ въ его „Монографіяхъ“. Т. IV, стр. 350.

²⁾ „Hist. Russiae. Monum.“, т. II, стр. 110—113.

— Ради Бога, — прошепталъ онъ, — пойдите за кубкомъ, его императорское величество сердится; будетъ очень дурно, если вы этого не исполните!

Госневскій колебался нѣкоторое время, но зная горячность Самозванца, боялся, чтобы, въ случаѣ упорства съ его стороны, дѣйстви-тельно не случилось бѣды; поэтому онъ исполнилъ приказаніе царя.

Затѣмъ Диматрій пилъ за здоровье другихъ присутствовавшихъ, которые, всѣ по очереди, подходили къ трону и получали изъ рукъ царя кубки съ виномъ ¹⁾.

Два дня спустя (22-го мая) Димитрій пригласилъ польскихъ пословъ и нѣкоторыхъ родственниковъ государыни на вечеръ. Изъ русскихъ на этомъ вечерѣ присутствовалъ только Петръ Басмановъ. Во время ужина, по польскому обычаю, играла музыка и у стола прислуживали поляки; послѣ ужина были танцы.

15-го мая, послы, по приглашенію Димитрія, отправились снова во дворецъ. Онъ принялъ ихъ, сидя на тронѣ, окруженный боярами и придворными. Послы были тотчасъ приглашены въ сосѣднюю комнату, гдѣ имъ предложили приступить къ переговорамъ по поводу возложеннаго на нихъ королемъ польскимъ порученія, — заключить съ Димитріемъ союзъ для веденія совмѣстно войны съ невѣрными.

Условія, на коихъ Рѣчь Посполитая хотѣла заключить союзъ съ Димитріемъ, были подробно изложены въ инструкціи, данной посламъ; приводимъ важнѣйшія изъ нихъ.

Прежде всего, Сигизмундъ требовалъ возвращенія княжествъ Смоленскаго и Сѣверскаго, а даже Пскова и Великаго Новгорода, или, по крайней мѣрѣ, значительной части этихъ земель, входившихъ нѣкогда въ составъ великаго княжества Литовскаго. Затѣмъ, онъ требовалъ, чтобы Димитрій помогъ ему вернуть шведское королевство, дозволилъ бы польскому войску безпрепятственно пройти чрезъ свои владѣнія и снабжалъ бы его, во время пребыванія въ Россіи, съѣстными припасами. Взамѣнъ этого Сигизмундъ обѣщалъ помочь Димитрію въ борьбѣ съ татарами и съ турецкимъ султаномъ. Въ случаѣ согласія съ его стороны, послы были уполномочены заключить съ царемъ «вѣчный миръ», въ силу котораго монархи обязывались оказывать другъ другу взаимно помощь и поддержку и не заключать съ прочими государствами никакихъ договоровъ безъ взаимнаго согласія.

Въ случаѣ кончины короля польскаго, Рѣчь Посполитая обязывалась не приступать къ избранію новаго короля, не спросивъ совѣта московскаго царя; а если бы царь скончался, не оставивъ мужскаго потомства, то ему долженъ былъ наследовать король польскій.

¹⁾ Нѣкоевскій, тамъ же, к. 34. 37.

Подданнымъ обоихъ монарховъ предоставлялось право пріобрѣтать оскѣдность въ союзномъ государствѣ, пріобрѣтать въ немъ недвижимое имущество и занимать государственныя должности; они могли пользоваться свободою торговли; польскіе купцы получали право безпрепятственно проѣзжать чрезъ русскія земли въ Персію, а московскіе купцы — чрезъ Польшу въ нѣмецкія и другія европейскія государства.

Такъ какъ во владѣніяхъ короля польскаго существовали православныя церкви и никому не возбранялось совершать богослуженіе по православному обряду, то король требовалъ, чтобы въ Московскомъ государствѣ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ его городахъ, поляки имѣли право строить костелы и учреждать при нихъ школы и коллегіи, въ которыхъ русскіе, наравнѣ съ католиками, могли бы обучать своихъ дѣтей.

Въ обоихъ государствахъ предполагалось ввести однообразную монетную систему и монархи обязывались общими силами соорудить флотъ. Король польскій долженъ былъ доставить для этого «опытныхъ въ морскомъ дѣлѣ матросовъ, а царь московскій — «дерево для постройки судовъ, смолу, кудель, коноплю, масло и желѣзо» ¹⁾

При дворѣ короля польскаго не льстили себя надеждою, что царь охотно согласится заключить миръ на такихъ условіяхъ, но для заключенія союза рѣшено было употребить всевозможное стараніе; между прочимъ, для достиженія этой цѣли сендомірскому воеводѣ велѣно было употребить все свое вліяніе на Дмитрія.

Въ тотъ день, когда послы были приглашены для совѣщанія съ боярами, эти условія ими не обсуждались, ибо бояре заявили, что царь самъ намѣренъ, въ скоромъ времени, обсудить, вмѣстѣ съ ними, этотъ вопросъ ²⁾, до чего дѣло, однако, не дошло, ибо Дмитрій, какъ извѣстно, былъ убитъ два дня спустя.

Въ тотъ же день были приглашены, на обѣдъ къ царю, родственники и друзья государыни и одявъ изъ пословъ; послѣ обѣда происходили танцы.

За обѣдомъ Дмитрій пилъ за здоровье посла Олесницкаго и пожа-

¹⁾ Rps. Muz. XX Czartor. 101 (№ 7) и 2101 (стр. 25—40).

Эти условія, въ общихъ чертахъ, вполне согласуются съ условіями „вѣчнаго мира“, который польскій король предлагалъ заключить Борису Годуну чрезъ Льва Сапѣгу въ 1600 г. (Wf. Trębickiego, „Poselstwo Lwa Sapiehy w. r. 1600 do Moskwy“ и т. д. Grodno, 1846, стр. 29—40). Таковыя же предложенія были сдѣланы польскими уполномоченными во время переговоров о заключеніи мира въ 1634 г. (А. Малиновскій—„Истор. доказательства о давнемъ желаніи польскаго народа присоединиться къ Россіи“. „Труды общества исторіи и древн. росс.“, ч. VI, стр. 54—58 и 240—244).

²⁾ „Hist. Russiae Monum.“, т. II, стр. 116.

ловаль ему золотой кубокъ, цѣнностью въ 300 дукатовъ, въ которомъ лежалъ алмазъ, стоимостью въ 200 злотыхъ, и нѣсколько рубиновъ. Государыня также пила за его здоровье и пожаловала ему другой кубокъ.

«Царь пилъ также за здоровье всѣхъ насъ, сидѣвшихъ за столомъ, пишеть Нѣмоевскій, онъ самъ подзвалъ намъ кубки и подчивалъ насъ, но не предложилъ намъ взять съ собою кубки, что нашимъ очень хотѣлось».

Въ тотъ же день вечеромъ, ксендзъ Савицкій имѣлъ съ Димитріемъ продолжительную и весьма любопытную бесѣду, о которой онъ передаетъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: «25-го мая царь пригласилъ меня къ себѣ чрезъ одного изъ своихъ служителей. Придя во дворецъ, я засталъ его одного, сидящимъ на тронѣ. Привѣтствуя его съ почтениемъ, подобающимъ столь великому монарху, я поцѣловалъ его руку и затѣмъ, въ краткихъ словахъ, пожелалъ ему счастливаго царствования и всякаго благополучія. Онъ отвѣчалъ мнѣ весьма любезно, что онъ радъ видѣть меня въ добромъ здоровьи, и увѣрилъ въ своей благосклонности. Тогда я вручилъ ему письмо отъ генерала нашего ордена и передалъ ему нѣсколько незначительныхъ подарковъ, присланныхъ имъ и св. отцомъ. Онъ принялъ ихъ съ видимымъ удовольствіемъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, а затѣмъ подозвалъ меня и предложилъ мнѣ пройтись по комнатѣ и разговаривать съ нимъ. Исполняя его желанія, я воспользовался случаемъ и заговорилъ о вопросахъ, касающихся нашей религіи; напомнивъ ему его планы, я просилъ его изложить мнѣ какъ можно обстоятельнѣе, думаетъ ли онъ привести ихъ въ исполненіе, такъ какъ я посланъ сюда съ цѣлью узнать его дальнѣйшія намѣренія и сообразоваться съ ними. Димитрій сказалъ, что іезуитамъ слѣдовало бы основать, въ Москвѣ, коллегію, что онъ очень желаетъ, какъ можно скорѣе, имѣть въ своемъ государствѣ школы, коими завѣдывали бы опытные учителя; а когда я замѣтилъ, что это не можетъ осуществиться особенно скоро, такъ какъ необходимо прежде всего собрать и подготовить учениковъ, то онъ отвѣчалъ, что все-таки желаетъ, чтобы занятія начались какъ можно скорѣе, хотя бы на первыхъ порахъ пришлось привезти учениковъ откуда-нибудь на его счетъ. Я ничего не возразилъ на это, не смѣя сказать откровенно, что я не одобряю его плана; я сказалъ только, что мы исполнимъ его желаніе по мѣрѣ возможности. Тогда онъ быстро перемѣнилъ разговоръ и сказалъ, не помню по какому поводу, что онъ сформировалъ большое войско, тысячъ во сто, но не рѣшилъ еще, противъ кого онъ поведетъ его,—противъ невѣрныхъ или противъ какого-либо другого монарха. Затѣмъ онъ сталъ жаловаться на короля польскаго за то, что онъ не даетъ ему подобающаго титула; царь выражался о его величе-

ствѣ съ большимъ негодованіемъ. Я постарался вывѣдать, думаетъ ли онъ отправить меня обратно или хочетъ оставить въ Россіи. Когда онъ отвѣтилъ, что хотѣлъ бы видѣть меня тутъ, то я попросилъ его облегчить мнѣ доступъ во дворецъ, чтобы я могъ свободно видѣться съ нимъ всякій разъ, какъ я пожелаю. Онъ изъявилъ на это свое согласіе, тотчасъ позвалъ одного изъ своихъ секретарей и въ моемъ присутствіи приказалъ ему впускать меня всегда, когда я пожелаю. Такъ какъ день клонился уже къ вечеру, то онъ сказалъ, что поговорить со мною подробнѣе въ другой разъ, ибо ему хочется еще навѣстить свою мать; побесѣдовавъ съ часъ, онъ простился со мною весьма милостиво¹⁾.

Изъ разсказа, передаваемого ксендзомъ Савицкимъ, вытекаетъ ясно, что весь этотъ разговоръ, въ общемъ и въ частности, не былъ дѣломъ случайнымъ, а былъ начатъ Димитріемъ съ извѣстной цѣлью и заранѣе обдуманъ. Также ясно, что Самозванецъ не имѣлъ викакого желанія говорить съ нимъ о религіи, такъ какъ онъ уклонился стѣ обсужденія этихъ вопросовъ. Главною его цѣлью было, очевидно, высказать свое недовольство Сигизмундомъ и, оказавъ ласковый пріемъ ксендзу Савицкому, поддержать этимъ добрыя отношенія къ іезуитамъ. Высказавъ, во время разговора, какъ бы нечаянно свое неудовольствіе относительно короля, Димитрій какъ-будто хотѣлъ этимъ оправдать свои враждебныя замыслы противъ него; какъ оказывается, Самозванецъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву Мнишека и его пріятелей, въ числѣ которыхъ находился Мартинъ Стадницікій, родной братъ старосты жигвульскаго, вошелъ въ близкія сношенія съ партіей, враждовавшей съ королемъ польскимъ, и рѣшилъ не только помочь его врагамъ деньгами²⁾, но даже послать въ Польшу войско, подъ командою одного изъ Шуйскихъ³⁾.

Выполненію этихъ плановъ помѣшали враги Самозванца, не отказавшіеся отъ своего замысла погубить его.

Къ сожалѣнію, Димитрій самъ много помогъ имъ въ этомъ случаѣ своими поступками, давъ окружающимъ такіе поводы къ неудовольствію противъ него, которые несомнѣнно имѣли не малое вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій. Такъ, напримѣръ, еще 20-го апрѣля онъ пригласилъ нѣсколькихъ знатныхъ бояръ на обѣдъ, на которомъ, между прочими кушаньями, была подана телятина. Василій Шуйскій, согласно съ существовавшимъ въ Москвѣ предразсудкомъ, убѣждалъ царя, что

¹⁾ Велевицкій, тамъ же, стр. 145—147.

²⁾ Пирлингъ, тамъ же, стр. 142.

³⁾ „Rps. Bibl. Jagiell“, 102, стр. 458. На сеймѣ 1611 г., каштелянъ калишскій, Адамъ Стадницікій, укорялъ Мнишека въ томъ, что у него часто бывалъ староста жигвульскій.

телятину не годится ѣсть. Въ спорѣ вмѣшался Михаилъ Татищевъ, который порицалъ царя въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, что Самозванецъ, выведенный изъ себя его дерзостью, даже отпразднвалъ его въ ссылку. Хотя онъ и позволилъ ему вернуться въ столицу, двѣ недѣли спустя, но онъ создалъ этимъ себѣ врага, тѣмъ болѣе опаснаго, что Татищевъ пользовался большимъ вліяніемъ и имѣлъ большія связи ¹⁾).

Еще болѣею ошибкою было то обстоятельство, что свадебныя празднества происходили 18-го и 19-го мая (9-го и 10-го мая ст. ст.) въ тѣ дни, когда православная церковь празднуетъ перенесеніе мощей св. Николая Чудотворца и когда по древнему обычаю не бываетъ обыкновенно ни обрученій, ни свадебъ. Уже самый бракъ царя съ католичкой не могъ нравиться ревностнымъ послѣдователямъ православной церкви; еще болѣе должно было озлобить ихъ пренебреженіе этимъ стариннымъ обычаемъ ²⁾).

Поляки своимъ поведеніемъ также возбуждали ропотъ противъ Дмитрія. По свидѣтельству современниковъ, многіе изъ нихъ держали себя съ русскими крайне надменно и озлобляли ихъ своимъ презрительнымъ отношеніемъ. Жалобы по этому поводу возросли, въ особенности послѣ пріѣзда Марины съ ея свитою и слугами. Многіе поляки были размѣщены на квартирахъ въ домахъ московскихъ мѣщанъ, купцовъ и даже нѣкоторыхъ знатныхъ бояръ. Это подало поводъ къ многочисленнымъ спорамъ и столкновеніямъ, которые еще болѣе возстановляли всѣхъ противъ этихъ иноземцевъ.

Неудовольствіе возросло, когда, во время празднествъ, сопровождавшихъ бракосочетаніе Дмитрія, нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ на свадьбу гостей и ихъ прислуга позволили себѣ, въ нетрезвомъ видѣ, оскорблять русскихъ. Шумныя удовольствія, сопровождавшія бракосочетаніе царя, музыка, пѣсни, танцы поражали православныхъ, къ этому вовсе не привыкшихъ, тѣмъ болѣе, что эти забавы происходили вблизи церквей и монастырей.

Приверженцы Шуйскаго ловко счумѣли воспользоваться всѣми этими ошибками Дмитрія и его друзей. Они громко говорили, что царь, который поступаетъ подобнымъ образомъ, не можетъ быть сыномъ Іоанна Грознаго, а еретикомъ и самозванцемъ, который намѣренъ уничтожить православную вѣру и даже не прочь истребить весь русскій народъ. Въ доказательство своихъ словъ они приводили, что неда-

¹⁾ Маржереть, тамъ же, стр. 130—131.

²⁾ Какъ говорить вполне справедливо о. Левицкій въ своей статьѣ „Игнатій, названный патриархъ московскій“ („Странникъ“, 1881 г., октябрь, стр. 218), въ этомъ слѣдуетъ особенно винить патриарха, который обаявъ былъ удержать отъ этого Дмитрія, незнакомаго съ русскими обычаями.

ромъ онъ привезъ съ собою изъ Польши такъ много вооруженныхъ людей.

Въ Польшѣ всѣмъ и каждому были извѣстны близкія отношенія, существовавшія между Димитріемъ и іезуитами. Это обстоятельство чрезвычайно тревожило диссидентовъ, которые видѣли въ русскомъ царѣ единственнаго и могущественнаго покровителя своей вѣры. Положимъ, Димитрій вовсе не думалъ исполнить обѣщанія, данныя папѣ и іезуитамъ, но диссидентскіе епископы, а именно епископъ львовскій и пшемысльскій, сочли своею обязанностью предостеречь патріарха и дѣйствительно писали объ этомъ въ Москву. Письмо подобнаго содержания доставилъ въ Москву нѣкто Коронка, львовскій мѣщанинъ, котораго бояре, несмотря на оказанную имъ услугу, выдали впоследствии польскимъ посламъ ¹⁾.

Заговорщики не теряли времени. Въ домѣ Василія Шуйскаго происходили, по ночамъ, тайныя сборища и дѣятельныя совѣщанія. Кромѣ Шуйскихъ у него собирались многіе бояре и богатые купцы; на эти совѣщанія приглашались также сотники, отправлявшіеся въ Елецъ, при помощи которыхъ думали поднять войско. Кромѣ того, Шуйскіе вызвали изъ помѣстій своихъ крѣпостныхъ и дворовыхъ, которыхъ они сѣбно вооружали ²⁾.

На этихъ собраніяхъ было рѣшено воспользоваться недовольствомъ народа противъ Димитрія и поляковъ и какъ можно скорѣе произвести мятежъ. Сигналомъ долженъ былъ служить колокольный звонъ во всѣхъ столичныхъ церквахъ. По этому сигналу заговорщики должны были ворваться въ Кремль съ крикомъ, что поляки хотятъ убить царя; а когда чернь бросится во дворы, занятые заговорщиками, то рѣшено было убить сперва Самозванца, а затѣмъ всѣхъ бывшихъ въ то время въ Москвѣ поляковъ.

Приготовленія къ мятежу, разумѣется, не могли остаться совершенно въ тайнѣ, тѣмъ болѣе, что, начиная съ 22-го мая, агенты Шуйскихъ открыто волновали народъ на площадяхъ. Одинъ изъ нихъ былъ схваченъ тѣлохранителемъ Димитрія, который стащилъ его во дворецъ. Самозванецъ велѣлъ допросить его, но бояре, которые были въ заго-

¹⁾ Нѣмоевскій, тамъ же, к. 61.—Rps. Bibl. Ossol. 2431, к. 19.

²⁾ Piasecki, Chronica и т. д. (Cracoviae, 1645), стр. 286. Заговорщики вошли въ сношеніе также съ королемъ шведскимъ, ибо Карлъ IX уже въ началѣ февраля 1606 года поручилъ своимъ комиссарамъ въ Финляндіи войти въ сношеніе съ врагами Димитрія и подтвердить имъ, что „король шведскій готовъ принять ихъ подъ свое покровительство, а если бы нѣкоторые изъ нихъ захотѣли поселиться въ Швеціи, то всѣ они найдутъ у него защиту и полную безопасность“. Г. Форстенъ — „Политика Швеціи въ смутное время“ „Журналъ мин. народн. просвѣщенія“, ч. CCLXI, стр. 330.

ворѣ, увѣрили Самозванца, что это пьяница, слова котораго не заслуживаютъ вниманія, къ тому же народъ такъ любитъ царя, что ему не страшны никакіе измѣнники ¹⁾).

Нѣсколько дней спустя, нѣмцы и другіе благожелатели поляковъ предостерегали ихъ, что бояре и народъ собираются напасть на нихъ. И дѣйствительно, въ ночь съ 24-го на 25-е мая около дома, въ которомъ жилъ князь Вишневецкій, собралась толпа народа, видимо собиравшагося разграбить его, но заговорщики сами удержали отъ этого народъ, вѣроятно опасаясь преждевременно выдать свои замыслы ²⁾).

26-го мая въ Москвѣ снова распространились подобныя слухи. «Мы сказали объ этомъ нашимъ, пишетъ Нѣмоевскій, которые имѣли доступъ къ государю, совѣтуя имъ предостеречь его и разслѣдовать это дѣло».

Воевода сѣнодѣирскій пошелъ къ царю и разсказалъ ему все слышанное, совѣтуя быть осторожнымъ и разузнать, откуда могли идти эти слухи. Но государь былъ чрезвычайно недоволенъ и сказалъ:

— Удивляюсь, что вы позволяете докладывать себѣ такія сплетни.

Воевода отвѣчалъ:

— Осторожность никогда не мѣшаетъ, повѣтую и вашему величеству быть осторожнымъ.

На это Дмитрій возразилъ:

— Ради Бога, батюшка, не говорите больше объ этомъ, мнѣ непріятно слышать это отъ васъ. Мы сами знаемъ, какъ управлять государствомъ. Не найдется человѣка, который могъ бы въ чемъ-нибудь упрекнуть насъ, а если бы мы замѣтили что-либо подобное, то въ нашей власти—въ одинъ день лишить всѣхъ жизни!

Воевода замолчалъ и, вручивъ Дмитрію болѣе ста прошеній, поданныхъ ему русскими, уѣхалъ къ себѣ ³⁾).

Самозванецъ дважды присылалъ къ посламъ Бучинскаго, велѣвъ ему успокоить ихъ, но они не раздѣляли его увѣренности и тотчасъ поставили на посольскомъ дворѣ стражу и дали знать всѣмъ полякамъ, чтобы, въ случаѣ какой-либо опасности, они спасались къ нимъ.

Подобныя мѣры предосторожности принялъ также Мишекъ и его сынъ, староста саноцкій; они поставили у себя во дворѣ отряды пѣхоты, которые стояли ранѣе въ другомъ мѣстѣ ⁴⁾).

Только царь не вѣрялъ этимъ вѣстямъ и считалъ себя въ полной безопасности.

¹⁾ Буссовъ, тамъ же, стр. 44 и 46.

²⁾ „Hist. Russiae Monum“, т. II, стр. 117.

³⁾ Нѣмоевскій, тамъ же, к. 40.

⁴⁾ Hist. Russ. Monum., тамъ же.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Димитрій пригласилъ къ себѣ Нѣмоевскаго, который пріѣхалъ въ Москву, какъ мы уже говорили, по порученію королевы Анны, принялъ его очень ласково, осматривалъ привезенныя имъ драгоценности, сравнивалъ со своими и велѣлъ оставить ихъ у себя, чтобы лучше разсмотрѣть. «Затѣмъ онъ провелъ время со мною,—пишетъ Нѣмоевскій,—долго и дружески разговаривалъ, такъ что я ушелъ отъ него поздне часа. Но ему не долго суждено было любоваться этими драгоценностями» ¹⁾).

Въ ночь съ 26-го на 27-е мая были сдѣланы послѣднія приготовления къ бунту. У всѣхъ городскихъ воротъ были поставлены единомышленники Шуйскихъ, часть войска, стоявшаго лагеремъ подъ Москвою, была введена въ городъ. Для усиленія своихъ силъ, Василій Шуйскій выпустилъ даже изъ тюрьмы арестантовъ.

На разсвѣтѣ, какъ было условлено, зазвонили во всѣхъ церквахъ въ колокола. Заслышавъ звонъ, Димитрій выбѣжалъ изъ спальни и спросилъ о причинѣ этого у своего привратника, Андрея Бонаха.

— Въ городѣ пожаръ,—отвѣчалъ Бонахъ, который также былъ въ разговорѣ ²⁾).

Заговорщики дѣлали, между тѣмъ, свое дѣло. Въ то время какъ одни изъ нихъ подстрекали народъ противъ поляковъ и бросились во дворы тѣхъ домовъ, гдѣ они жили, другіе, подъ предводительствомъ Шуйскихъ, Голицыныхъ и Михаила Татищева, напали на Кремль и овладѣли имъ безъ труда, тѣмъ болѣе, что, по словамъ Нѣмоевскаго, дворцовыя ворота не запирались даже на ночь; хотя возлѣ нихъ стояли стрѣльцы, но съ ними не трудно было справиться, такъ какъ, сложивъ оружіе, они стояли у воротъ съ однѣми палками. Одни изъ нихъ посиѣшно спрятались, а другіе убѣжали ³⁾).

Дворецъ охранялся, обыкновенно, отрядомъ тѣлохранителей Димитрія, состоявшемъ изъ ста человекъ, но въ ту ночь ихъ было всего пятьдесятъ, остальные наканунѣ были отпущены по домамъ Василюмъ Шуйскимъ, якобы по приказанію самого царя.

Услыхавъ крики и шумъ приближающейся толпы, Самозванецъ поздравлялъ Басманова, который спалъ въ передней у царя, и поручилъ

¹⁾ Нѣмоевскій, тамъ же.

²⁾ Нѣкоторые русскіе историки, руководствуясь дневникомъ посла Олесническаго, говорятъ, что Самозванецъ спросилъ о причинѣ трезвона у Димитрія Шуйскаго. Это весьма мало вѣроятно, такъ какъ трудно объяснить себѣ, что могъ дѣлать въ эту ночную пору во дворцѣ Димитрій Шуйскій. Гораздо вѣроятнѣе рассказъ ксендза Савицкаго, что царь обратился съ этимъ вопросомъ къ своему привратнику Андрею Бонаху. (Велевицкій, тамъ же, стр. 147—148).

³⁾ Нѣмоевскій (Rps. Bibl. Ossolins. 2552), к. 41.

ему разузнать, что за причина такого шума. Басмановъ вышелъ и спросилъ, отчего собрался народъ.

Народъ отвѣчалъ ему ругательствами и криками:

— Подай намъ своего государя, мы хотимъ съ нимъ поговорить!

Этотъ отвѣтъ и дерзкія слова мятежниковъ не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія относительно ихъ намѣреній. Поэтому Басмановъ не велѣлъ стражникамъ никого впускать и, вернувшись къ царю, закричалъ:

— Ахъ, государь, ты самъ виноватъ, коли не слушалъ нашихъ предостереженій!

Въ то время, когда они совѣщались о томъ, что предпринять, во дворецъ проникъ дьякъ Тимошей Осиповъ, ярый приверженецъ православной вѣры и старинныхъ обычаевъ, и сталъ грубыми словами поносить Дмитрія.

Самозванецъ, думая, что онъ можетъ повліять своимъ присутствіемъ на толпу, вышелъ на крыльцо, окруженный стражею, и взявъ алебарду отъ одного изъ своихъ тѣлохранителей, погрозилъ ею толпѣ и закричалъ:

— Я не буду поступать съ вами такъ, какъ Борисъ Годуновъ!

Ни эта угроза, ни появленіе царя, не произвели на толпу ни малѣйшаго впечатлѣнія. На его слова отвѣчали выстрѣлами, такъ что ему пришлось поспѣшно скрыться.

На крыльцѣ собрались главные заговорщики-бояре. Старшій изъ нихъ, Василій Шуйскій, побуждалъ своихъ людей напасть на дворецъ.

— Кончайте ваше дѣло, — кричалъ этотъ непримиримый врагъ Дмитрія, — если вы теперь не убьете этого «вора», то онъ велитъ всѣмъ вамъ отрубить головы!

Тогда къ нимъ вышелъ Басмановъ и старался просьбами отклонить ихъ отъ злодѣйскаго замысла. Но его слова не произвели никакого впечатлѣнія, а Михаилъ Татищевъ, одинъ изъ предводителей мятежниковъ, осыпавъ его бранью, нанесъ ему смертельный ударъ ножомъ.

Смерть Басманова раззадорила нападавшихъ, которые стали ломиться во дворецъ. Какъ только имъ удалось разломать ворота, часть стражи перешла на ихъ сторону. Тогда царь, съ пятнадцатью преданныѣйшими ему тѣлохранителями спрятался въ слѣдующую отъ сѣней комнату, коей двери были ими заложены; когда ихъ начали рубить, то онъ хотѣлъ спастись бѣгствомъ. Пробѣжавъ чрезъ крыльцо около спальни Марины, онъ закричалъ ей въ окно:

— Другъ мой, измѣна!

Видя, что всѣ двери и выходы были заняты заговорщиками, онъ спрятался въ баню, находившуюся за комнатами царицы, откуда хотѣлъ спуститься, по столбу, на землю ¹⁾. Но въ эту минуту его нагналъ

¹⁾ Нѣмовскій, въ первой редакціи своихъ записокъ.

одинъ изъ бунтовщиковъ, и когда онъ стоялъ уже на окнѣ, то онъ сбросилъ его однимъ ударомъ на землю ⁴⁾).

Упавъ съ высоты около двадцати локтей, Димитрій сломалъ ногу и застоналъ отъ боли. Нѣсколько стрѣльцовъ, изъ престоноародья, подняли его и привели въ чувство. Прийдя въ себя, онъ умолялъ ихъ защитить его отъ Шуйскихъ и отвести его на площадь, находившуюся передъ дворцомъ, гдѣ онъ хотѣлъ говорить съ народомъ. За эту услугу онъ обѣщалъ щедро вознаградить ихъ.

Это было для него, дѣйствительно, единственнымъ спасеніемъ, ибо народъ любилъ его и думалъ, что поляки убиваютъ царя.

Въ эту минуту подоспѣли заговорщики. Стрѣльцы храбро встрѣтили ихъ и дали по нимъ залпъ, но когда заговорщики пригрозили имъ, что они отправятся въ ихъ кварталъ и убьютъ ихъ женъ и дѣтей, то они отступили. Бояре схватили Димитрія и повели его обратно во дворецъ, гдѣ въ то время уже свирѣпствовала толпа.

Проходя, въ сѣняхъ, мимо своихъ тѣлохранителей, которые были арестованы и обезоружены, Димитрій залился слезами и, какъ бы желая поблагодарить ихъ за службу, взялъ одного изъ нихъ за руку и дружески пожалъ се.

Бояре привели его въ одинъ изъ покоевъ дворца; тутъ произошла въ высшей степени омерзительная и гнусная сцена. Сначала они били его, а затѣмъ, снявъ съ него одежду и одѣвъ на него рубище, начали варварскимъ способомъ издѣваться надъ нимъ.

— Смотрите!— кричали они,— вотъ царь, самодержецъ всея Россіи!

— Такой-то царь и у меня есть на конюшнѣ!— закричалъ одинъ изъ бояръ.

Другіе проклинали его и осыпали самой площадной бранью.

Одинъ изъ самыхъ ярыхъ ударилъ его по лицу и спросилъ:

— Скажи, кто ты такой? Откуда ты родомъ и какъ звали твоего отца?

Димитрій отвѣчалъ на это:

— Вы знаете, что я вашъ царь и сынъ царя Ивана Васильевича. Спросите о томъ у матери моей или сведите меня на Лобное мѣсто и дайте мнѣ говорить съ народомъ!

— Царица Марѳа отрекается отъ тебя,— сказалъ князь Иванъ Голицынъ,— и говоритъ, что ты не ея сынъ.

Эта вѣсть быстро разнеслась въ народѣ, который повѣрилъ ей, такъ какъ ее подтвердилъ Василій Шуйскій, чуть не цѣлый часъ говорившій съ народомъ, стараясь возбудить его противъ царя. Разъяренная толпа стала кричать:

⁴⁾ Велевицкій, тамъ же, стр. 148.

— Не жалѣйте его! убейте этого «вора».

Въ то время, какъ они кричали, къ Дмитрію подошелъ Григорій Валуевъ и сказавъ:

— Я благославляю этого польскаго вертопраха,—выстрѣлили въ него изъ ручной пищади.

Дмитрій зашатался и упалъ на землю. Заговорщики бросились на умирающаго, стали бить и колоть его и страшно надъ нимъ надругались. Наконецъ, снявъ съ него одежду, они повлекли его, голаго, на площадь, вмѣстѣ съ трупомъ Басманова. Проходя мимо Вознесенскаго монастыря, они остановились и спросили царицу Марѳу, ея ли сынъ Дмитрій. По словамъ однихъ, она отвѣчала отрицательно, по словамъ другихъ, отвѣтъ ея былъ уклончивый.

Пришедши на Красную площадь, убійцы положили тѣло Дмитрія на Лобномъ мѣстѣ, на маленькую подставку, а у его ногъ положили Басманова. Эти два трупа, подъ охраною стражи, оставались тутъ три дня на поруганіе толпы. На Дмитрія была надѣта маска, а въ ротъ ему была воткнута дудочка.

Совершивъ расправу надъ Самозванцемъ, толпа бросилась въ покои царицы. Марина хотѣла спрятаться въ подвалъ, но не чувствуя себя тамъ въ безопасности, она вскорѣ вернулась къ своимъ прислужницамъ. Ея положеніе было тѣмъ ужаснѣе, что при ней не было ни одного мужчины, кромѣ нѣсколькихъ служившихъ ей отроковъ; старшій изъ нихъ, ея камердинеръ, Янъ Осмольскій, довольно долго сопротивлялся нападавшимъ и только будучи раненъ нѣсколькими выстрѣлами, палъ въ неравной борьбѣ. Чернь бросилась на него и изрубилла его на куски, а затѣмъ, ворвавшись въ покои Марины, которая спряталась за своими прислужницами, начала бить ихъ съ страшнымъ ожесточеніемъ.

Осыпая испуганныхъ женщинъ ругательствами, злодѣи кричали:

— Гдѣ вашъ царь, гдѣ ваша царица?

Воспитательница Марины, Казановская, отвѣчала:

— Ея величество, царицу, мы отвели сегодня утромъ къ ея отцу, пану воеводѣ, а гдѣ царь,—вамъ это должно быть лучше извѣстно.

На ихъ счастье, въ это время вошло нѣсколько бояръ, которые прекратили это безобразіе, прогнали толпу и прислали для охраны женщинъ стражу. Но они приказали тотчасъ опечатать всѣ ихъ вещи, такъ что несчастныя женщины остались чуть не въ однихъ рубашкахъ. Одна изъ нихъ, въ которую выстрѣлили во время этого нападенія, умерла нѣсколько дней спустя.

Подобныя сцены разыгрывались во всѣхъ кварталахъ, гдѣ жили поляки. Особенно страшная рѣзня происходила на Никитской и прилегавшимъ къ ней улицамъ, гдѣ жила большая часть свиты царицы. Ихъ

было нѣсколько сотъ человѣкъ, но такъ какъ они были размѣщены по разнымъ домамъ, то не могли оказать другъ другу никакой помощи.

Точно также чернь бросилась съ неслыханной яростью на дома, въ которыхъ жили польскіе вельможи съ своими слугами; это входило въ планъ, составленный заговорщиками, которые хотѣли, такимъ образомъ, помѣшать имъ придти на помощь царю. Но тутъ борьба оказалась неравною, такъ какъ во дворахъ вельможъ была масса польскихъ солдатъ, которые превышали ихъ численностью и гораздо лучше ихъ были вооружены, поэтому всѣмъ тѣмъ, которые не поддались коварнымъ обѣщаніямъ и уговорамъ нападавшихъ, удалось, въ концѣ концовъ, отъ нихъ отбиться.

Особенное вниманіе было обращено заговорщиками на домъ воеводы, который находился въ самомъ Кремлѣ, такъ что если бы его люди успѣли во время прибѣжать во дворецъ, то они легко могли бы зацѣпить Самозванца. Чтобы предупредить эту возможность, заговорщики, овладѣвъ дворцомъ, тотчасъ приказали окружить со всѣхъ сторонъ домъ Мнишека и никого не выпускать изъ него.

Въ Кремль также не были впущены польскіе солдаты, которые, услыхавъ о происшедшемъ мятежѣ, тотчасъ двинулись ко дворцу, но не могли попасть въ него, такъ какъ всѣ улицы были заставлены рогатками и заполнены войскомъ ¹⁾).

Самая ожесточенная борьба происходила возлѣ дома, занимаемаго княземъ Вишневецкимъ, коего люди защищались такъ храбро, что убили до 300 русскихъ ²⁾).

Нѣкоторымъ другимъ полякамъ также удалось оборониться отъ мятежниковъ, но въ общемъ, во время этого бунта, погибло до 500 поляковъ, въ томъ числѣ ксендзь Францискъ Помасскій, убитый въ то время, когда онъ служилъ обѣдню. Столько же, если не болѣе, погибло при этомъ черни; также не мало убито иностранныхъ купцовъ, прибывшихъ въ Москву съ товарами.

Число жертвъ было бы еще значительнѣе, если бы бояре, послѣ смерти Дмитрія, не постарались успокоить чернь и помѣшать дальнѣйшимъ неистовствамъ. Конечно, Шуйскіе и прочіе заговорщики дѣлали это не изъ состраданія къ пріятелямъ Самозванца, а изъ боязни мести со стороны Рѣчи Посполитой; поэтому они особенно охраняли польскихъ пословъ и всѣхъ ихъ слугъ и приближенныхъ.

Тѣла Дмитрія и Басманова лежали три дня на Красной площади; на четвертый день Басманова похоронили родные, возлѣ одной изъ московскихъ церквей, а надъ Самозванцемъ сжалился одинъ купецъ,

¹⁾ Hist. Russiae Monum., т. II, стр. 174.

²⁾ Тамъ же, стр. 175. Масса, тамъ же, т. I, стр. 168, кн. II, стр. 181.

который рано утромъ велѣлъ вывезти его останки за городъ и закопать ихъ въ открытомъ полѣ.

Нѣсколько времени спустя, разнесся слухъ, что надъ его могилою показываются ночью какіе-то таинственные огоньки.

Его вырыли изъ земли, возили снова по городу и надругались надъ нимъ, и, наконецъ, обливъ его смолою, сожгли на кострѣ, а пепель тщательно собрали и, зарядивъ имъ пушку, выстрѣлили изъ нея. Вѣтеръ разнесъ этотъ пепель по всему свѣту и враги Димитрія радовались, что онъ никогда не воскреснетъ и не появится даже на страшномъ судѣ.

Два дня спустя послѣ смерти Самозванца, бояре избрали на престолъ Василя Шуйскаго.

XV.

Ошибочный взглядъ на Димитрія современниковъ и потомства. — Характеристика Самозванца.

Несмѣря на то, что личность Самозванца возбуждала всегда живой интересъ и заставила много говорить о себѣ, рѣдко можно встрѣтить человѣка, о которомъ современники и потомство составили бы себѣ столь превратное мнѣніе. Это объясняется до нѣкоторой степени причинами религіознаго характера, и отчасти тогдашними политическими событіями.

Стараясь чѣмъ-либо оправдать его убійство, бояре торжественно объявили, нѣсколько дней спустя послѣ его смерти, что Димитрій былъ не только тиранъ, развратникъ и святотатецъ, но что онъ замышлялъ многое ко вреду народа и всего государства, а именно, хотѣлъ уступить Польшѣ Смоленскъ, а Мнишекамъ отдать Псковъ и Новгородъ, своею расточительностью разорилъ казну и собирался даже уничтожить православную вѣру и истребить знатнѣйшихъ бояръ. Грамоты, въ которыхъ были изложены эти обвиненія, были разосланы во все города и, конечно, должны были произвести сильное впечатлѣніе на взволнованные умы народа.

Два мѣсяца спустя послѣ смерти Димитрія разнеслась вѣсть, что онъ не былъ убитъ во время московскаго бунта, но что ему удалось спастись бѣгствомъ. При этомъ извѣстїи на югѣ вспыхнулъ мятежъ, во главѣ котораго сталъ Болотниковъ, и къ столицѣ подошло вскорѣ довольно сильное войско. Тогда появилась извѣстная «челобитная» или «извѣтъ чернеца Варлаама», написанная по приказанію Шуйскаго и имѣвшая

цѣлью доказать, что Самозванецъ былъ на самомъ дѣлѣ бѣглый монахъ Гришка Отрепѣевъ, еретикъ и чародѣй⁴⁾.

Въ томъ же духѣ написано однимъ изъ его приверженцевъ, такъ называемое «Иное сказаніе», которое служило долгое время однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи Смутаго времени и имѣло большое вліяніе на позднѣйшія повѣствованія объ этой эпохѣ.

Не одни русскіе изображали характеръ и дѣйствія Самозванца въ столь невыгодномъ для него свѣтѣ; такъ-же недоброжелательно отзывались о немъ иностранцы: протестанты потому, что они смотрѣли на него какъ на орудіе Рима и іезуитовъ, а католики потому, что онъ обманулъ ихъ ожиданія и не оправдалъ надеждъ, которыя они возлагали на него.

Всѣ историческія изслѣдованія о Самозванцѣ, вышедшія изъ-подъ пера русскихъ авторовъ, были проникнуты крайне враждебнымъ и въ высшей степени пристрастнымъ отношеніемъ къ нему. Нѣтъ того преступленія, нѣтъ того злодѣянія, которое бы они ему ни приписывали; лишь въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ встрѣчаются о немъ болѣе безпристрастныя сужденія

Что же это былъ за человекъ, возбудившій противъ себя такую вражду въ современникахъ и въ потомствѣ?

Нѣкоторыя обвиненія, вводимыя на него, разумѣется были справедливы.

Димитрій любилъ весело пожить, велъ даже разгульную жизнь, былъ легкомысленъ, расточителенъ и вспыльчивъ, а по вступленіи на престолъ выказывалъ огромную самоувѣренность, иной разъ былъ даже чрезвычайно заносчивъ и гордъ. Но послѣдній упрекъ можетъ быть если не всецѣло, то въ значительной степени оправданъ. Его взвели на Самозванца заграничныя писатели, привыкшіе къ западно-европейскимъ обычаямъ и обхожденію, тогда какъ въ Москвѣ господствовали въ то время совершенно иныя понятія, и цари окружали себя ореоломъ строгости и недосягаемаго превосходства. Димитрій, вопреки существовавшему обычаю, старался быть болѣе доступенъ своимъ подданнымъ, но убѣдившись въ томъ, что это чрезвычайно не нравилось боярамъ, и не желая слишкомъ возстановлять ихъ противъ себя, онъ сталъ держать себя болѣе замкнуто и высокомерно.

Но если бы онъ даже и заслуживалъ этого упрека, то этотъ недостатокъ искупался его несомнѣнными достоинствами.

Всѣ, кто зналъ Самозванца лично, свидѣтельствуютъ единогласно,

⁴⁾ Костомаровъ („Кто былъ первый Лжедимитрій“, стр. 17—24) и проф. Платоновъ „Древне-русскія сказанія и повѣсти о Смутаго времени“, (стр. 9—11) доказали, что этотъ „Извѣтъ“ не заслуживаетъ ни малѣйшей вѣры.

что онъ обладалъ выдающимися способностями и хотя не получилъ основательнаго образованія, но отличался широтою взглядовъ и возвышеннымъ образомъ мыслей. Съ этими качествами соединялось огромное честолюбіе, которое заставляло его мечтать о смѣлыхъ предпріятіяхъ, которыя могли принести пользу не только его странѣ, но всему христіанскому міру.

Вступивъ на московскій престолъ, онъ доказалъ, что онъ вполне понималъ свои обязанности и нужды народа. Онъ старался улучшить администрацію, судопроизводство, положеніе народа и поднять его экономическое благосостояніе. Понимая, что этому мѣшали частые набѣги татаръ, онъ началъ тотчасъ по вступленіи на престолъ приготовленія къ походу, чтобы разъ навсегда прекратить эти набѣги и уничтожить ихъ разбойничье гнѣздо.

Онъ хотѣлъ также развить въ Россіи образованіе и поднять нравственный уровень народа. Съ этой цѣлью, по словамъ Нѣмоевского ¹⁾, «онъ хотѣлъ дать боярамъ нѣкоторыя права и вызвать ученыхъ изъ за границы, а именно изъ Франціи», мечталъ объ основаніи школъ и о посылкѣ за границу способнѣйшихъ молодыхъ людей, для дальнѣйшаго образованія ²⁾.

Димитрій былъ краснорѣчивъ и обладалъ особымъ умѣньемъ снискать расположеніе людей. Онъ относился пренебрежительно къ другимъ религіямъ и поэтому для достиженія политическихъ цѣлей не задумался разыграть роль искренняго католика, а затѣмъ православнаго, но былъ глубоко убѣжденъ въ великихъ истинахъ евангельскаго ученія и придавалъ болѣе значенія правильному ихъ пониманію, нежели соблюденію обрядовъ и вообще наружныхъ знаковъ богопочитанія. Онъ стоялъ гораздо выше своихъ современниковъ въ томъ отношеніи, что не былъ суевѣренъ, не вѣрилъ въ чары и волшебство, въ ворожбу и всякіе подобнаго рода предразсудки ³⁾.

Въ личныя отношенія это былъ человѣкъ весьма доступный; онъ увлекался всякимъ смѣлымъ поступкомъ или замысломъ, былъ храбръ, энергиченъ, одаренъ замѣчательной физической силою и, несмотря на свой горячій и вспыльчивый нравъ, быстро забывалъ обиды и былъ великодушенъ даже по отношенію къ своимъ врагамъ.

¹⁾ Нѣмоевскій, тамъ-же, к. 66.

²⁾ Буссовъ, тамъ-же, стр. 38. Впрочемъ, эта мысль не была совершенной новостью въ Москвѣ, ибо уже Борисъ Годуновъ послалъ въ 1602 г. въ Англію пятерыхъ молодыхъ людей для обученія ихъ латинскому, англійскому и инымъ языкамъ (Пекарскій, Извѣстіе о молодыхъ людяхъ, посланныхъ для обученія наукамъ въ Англію въ 1601 г. Записки Императ. Акад. Наукъ. т. II, окт. 93).

³⁾ Масса, тамъ-же, т. I, стр. 149, т. II, стр. 160—161.

Вопросъ о происхожденіи этого человѣка, одареннаго столь богатыми качествами ума и сердца, весьма естественно живо интересовалъ всѣхъ историковъ. Русскіе писатели до послѣдняго времени утверждали единогласно, что это былъ бѣглый монахъ Гришка Отрепьевъ. Костомаровъ первый доказалъ несостоятельность этого мнѣнія ¹⁾. Почти одновременно съ нимъ Н. Павловъ, стараясь примирить существовавшее мнѣніе о происхожденіи Самозванца съ тѣмъ, которое было высказано митрополитомъ Платономъ, а именно, что онъ былъ ставленникомъ Рима и іезуитовъ, высказалъ предположеніе, будто въ Россіи появились одновременно два самозванца: первый изъ нихъ, подставленный боярами, врагами Бориса Годунова, былъ несомнѣнно Отрепьевъ, а второй, которому подъ именемъ Димитрія удалось вступить на московскій престолъ, былъ подставленъ единомышленниками этихъ бояръ, литовскими магнатами ²⁾.

Нѣкоторые другіе писатели, какъ напр. Добротворскій ³⁾ и Казанскій ⁴⁾ безуспѣшно пытались вновь доказать, что Димитрій былъ не кто иной какъ Гришка Отрепьевъ.

Въ послѣднее время восторжествовало окончательно мнѣніе Костомарова, что Димитрій и Отрепьевъ были двѣ совершенно разныя личности.

Не далѣе какъ въ 1894 г. профессоръ Д. И. Иловайскій высказалъ предположеніе, что первый Самозванецъ происходилъ изъ среды мелкопомѣстнаго русскаго дворянства и что, живя съ малыхъ лѣтъ, въ качествѣ слуги, въ домѣ Юрія Мнишека, онъ страстно влюбился въ его дочь Марину и эта кокетливая и честолюбивая полька подала ему мысль разыграть роль убитаго царевича Димитрія и такъ завлекла бѣднаго дворянчика, что онъ рѣшился достигнуть московскаго престола, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ получить руку Марины ⁵⁾.

Совершенно противоположное всѣмъ вышеприведеннымъ взглядамъ мнѣніе высказываетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о Пирлингъ, который признаетъ перваго Самозванца истиннымъ сыномъ Іоанна Грознаго, стараясь этимъ оправдать близкія сношенія, въ которыя вступила съ нимъ апостольская столица.

Что Димитрій былъ самозванецъ, это утверждали рѣшительно всѣ

¹⁾ Кто былъ первый Лжедимитрій. Спб. 1864 г.

²⁾ „Правда о Лжедимитріи“. „Рус. Архивъ“, т. II, стр. 525—566.

³⁾ „Кто былъ первый Лжедимитрій?“ (Вѣстникъ Западной Россіи, 1866, кн. IV—VII)

⁴⁾ „Изслѣдованіе о личности Лжедимитрія“ (Рус. Вѣстникъ, т. 130, стр. 465—507).

⁵⁾ Смутное время Московскаго государства. Москва. 1894 г., стр. 328 и 334.

здравомыслящіе люди въ Польшѣ, даже ничего не знавшіе объ его проискахъ; такъ напр. Замойскій публично заявилъ на сеймѣ, что онъ считаетъ разсказъ о чудесномъ спасеніи царевича ребяческимъ вымысломъ.

То же самое высказывали позднѣе тѣ лица, которыя были посвящены въ тайны этого дѣла, какъ-то: Басмановъ, Сигизмундъ III, Левъ Сапѣга, близкіе родственники семейства Мнишекъ: Мартинъ Стадницкій и Генбицкій, великій коронный канцлеръ. Многіе изъ нихъ говорили, что его манеры и поведеніе изобличали въ немъ поляка, и что его русскій выговоръ напоминалъ иностранца ¹⁾. Личный характеръ Самозванца, совершенно не походившій на характеръ прежнихъ царей ²⁾ и напоминавшій многими чертами западно-европейца, служитъ вѣскимъ доказательствомъ того, что Димитрій не былъ сыномъ Іоанна Грознаго и вообще не могъ быть русскимъ. Это обстоятельство весьма важно, ибо мы знаемъ, что онъ не могъ пріобрѣсти этихъ качествъ воспитаніемъ, такъ какъ онъ былъ почти необразованъ ³⁾; слѣдовательно эти черты характера были въ немъ врожденны.

Онъ побудили Иловайскаго видѣть въ немъ поляка или, лучше сказать, ополяченнаго русскаго дворянина. Но врядъ ли можно допустить, чтобы самый способный дьячекъ или мелкопомѣстный дворянинъ могъ сыграть роль московскаго царя такъ великолѣпно, съ такимъ глубокимъ пониманіемъ достоинства монарха, какъ разыгралъ ее первый Самозванецъ? ⁴⁾ Такой самоувѣренности не можетъ дать ни образованіе, ни даже величайшее нахальство—ее можетъ дать только глубокая увѣренность въ своемъ царственномъ происхожденіи.

Въ Польшѣ и въ сосѣднихъ съ нею странахъ было довольно распространено мнѣніе, что Димитрій былъ незаконнымъ сыномъ одного изъ монаховъ. Объ этомъ доносилъ между прочимъ въ началѣ 1604 г. такъ называемый корреспондентъ, т. е. австрійскій агентъ въ Краковѣ, увѣдомлявшій свой дворъ о всѣхъ важнѣйшихъ событіяхъ, происходившихъ въ Польшѣ ⁵⁾. О томъ же доносили Рудольфу II его комис-

¹⁾ Его обвиняли также и въ томъ, что онъ не былъ знакомъ съ образами православной церкви; быть можетъ поэтому многие называли его „царемъ польскимъ“ (Буссовъ, тамъ-же, стр. 43, 50) или считали его полякомъ (тамъ-же, стр. 39, 44, 46); Маржеретъ, тамъ-же, стр. 153 и 158.

²⁾ Это говорилъ уже Буссовъ (тамъ-же, стр. 39).

³⁾ Нѣмоевскій говоритъ о немъ: „онъ былъ совсѣмъ необразованъ; умѣлъ читать по-русски и по-польски“ (тамъ-же, к. 66). Какъ мало онъ былъ образованъ, доказываетъ лучше всего автографъ его перваго письма къ папѣ, обнародованный о. Пирлингомъ.

⁴⁾ На эту черту характера Самозванца особенно указываетъ Маржеретъ и Руссель.

⁵⁾ Zeitung aus Crakau vom 13 Januarii 1604. (Arch. ces. w. Wiedniu Polonica, 1604).

сары Юрій Гофманъ и Карлъ Имгофъ изъ Колошвара, 12-го октября 1604 г. ¹⁾). Въ юльѣ мѣсяцѣ 1605 г., во время перваго заговора Шуйскихъ, ихъ единомышленники также разглашали, что Самозванецъ былъ польскимъ королевичемъ ²⁾). Даже самъ Василій Шуйскій, въ письмѣ къ архіепископу рагузскому Мацѣю (брату Рудольфа II), писанномъ въ маѣ мѣсяцѣ 1607 г., называлъ Самозванца не Гришкой Отрепьевымъ, а «иноземнымъ князькомъ» ³⁾). То же говорить о немъ въ сочиненіи о Смутномъ времени Вильямъ Руссель, англичанинъ, пребывавшій въ то время въ Москвѣ ⁴⁾). Конрадъ Буссовъ говорить еще обстоятельнѣе чей сынъ былъ Самозванецъ и сообщаетъ даже отъ кого онъ это слышалъ.

Извѣстія, сообщаемыя Буссовымъ, заслуживаютъ вниманія, такъ какъ его совершенно нельзя сравнивать съ другими писателями, которые повторяли только ходячіе слухи. Онъ собиралъ свѣдѣнія о важнѣйшихъ событіяхъ изъ разныхъ источниковъ и, обладая обширнымъ умомъ, относился къ нимъ критически. Буссовъ прожилъ въ Москвѣ нѣсколько лѣтъ и обо всемъ происходившемъ въ Кремлѣ получалъ обстоятельныя свѣдѣнія отъ нѣмцевъ, служившихъ въ царской гвардіи. Онъ былъ также близокъ съ Басмановымъ. Послѣ смерти Димитрія онъ пробылъ довольно долгое время въ Калугѣ, гдѣ часто проводилъ время въ обществѣ знатныхъ польскихъ вельможъ и отъ нихъ то онъ и слышалъ, что Самозванецъ былъ незаконнымъ сыномъ Стефана Баторія ⁵⁾).

Подобное свѣдѣніе встрѣчается еще въ одномъ письмѣ того времени; а именно объ этомъ доносилъ Петръ Жеромскій епископу Рудницкому, 26-го января 1606 г., прибавляя, что это мнѣніе весьма распространено въ Литвѣ ⁶⁾).

Съ этимъ согласуется и вышеприведенное мнѣніе Василя Шуйскаго и его приверженцевъ о томъ, что Самозванецъ былъ польскій королевичъ, и оно объясняется обстоятельствами семейной жизни Стефана Баторія.

Стефану было 42 года, когда онъ былъ избранъ на польскій пре-

¹⁾ Normuzaki, Documente privitoare la Istoria Romanilor. т. IV, ч. I, стр. 397.

²⁾ Объ этомъ доносилъ изъ Москвы Вислоухъ. (Rps. Bibl. Ossol. 2284, стр. 157).

³⁾ „... einen fremden vermeineten Fürsten, welcher sich Demetrium des Kaisers Sohn genennet“ (Ludewig, Reliquiae manuscriptorum и т. д., т. VI, стр. 362).

⁴⁾ Roussel, тамъ-же, стр. 4.

⁵⁾ Буссовъ, тамъ-же, стр. 19 и 63.

⁶⁾ Rps. Muz. XX Czartor. 101, № 5 и 342, стр. 198. — Маржереть, тамъ-же, стр. 153.

столь, а жена его, Анна изъ семейства Ягеллоновъ, была стара и некрасива ¹⁾). Ихъ отношенія были весьма холодныя; король жилъ большею частью въ Литвѣ, и королева жаловалась на то, что супругъ совершенно забываетъ ее ²⁾). Очевидно нельзя предполагать, чтобы Баторій, при его пылкомъ темпераментѣ, жилъ аскетомъ, но такъ какъ онъ проживалъ большею частью въ Гроднѣ и строго соблюдалъ наружное приличіе, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что до насъ не дошло подробныхъ свѣдѣній о его интимной жизни въ Литвѣ. Зато современники и въ особенности литовскіе магнаты могли имѣть о ней самыя точныя свѣдѣнія. Извѣстіе, сообщаемое Буссовымъ, кажется весьма правдоподобнымъ, такъ какъ прекрасно объясняетъ поведеніе въ этомъ дѣлѣ Мнишека и характеръ самого Дмитрія. Если кромѣ смуглаго цвѣта лица, между Самованцемъ и королемъ Стефаномъ не было особеннаго сходства въ наружности, зато ихъ характеръ поражаетъ сходствомъ.

Самою выдающеюся чертою характера Самованца была его страсть къ смѣлымъ и рискованнымъ предпріятіямъ. Таковымъ былъ его походъ для завоеванія обширнаго Московскаго государства; этою же чертою были отмѣчены и дальнѣйшіе его воинскіе планы. Надобно замѣтить, что почти всѣ современные ему члены польской королевской семьи отличались такою же страстью къ смѣлымъ предпріятіямъ и замысламъ. Андрей, племянникъ короля Стефана, который былъ кардиналомъ и епископомъ варминскимъ, а впоследствии, вопреки трактатамъ, заключеннымъ съ рагузскимъ домомъ, княземъ Трансильваніи, погибъ въ неравной борьбѣ, затѣянной имъ для достиженія его честолюбивыхъ плановъ. Такова же была судьба его предшественника и двоюроднаго брата Сигизмунда, «князя Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи» и скромнаго князя на Ополѣ и Рациборѣ, который былъ то гонителемъ, то приверженцемъ іезуитовъ, то врагомъ, то другомъ Габсбурговъ. Этотъ удивительный человѣкъ, благодаря своей страсти къ новымъ, еще болѣе смѣлымъ предпріятіямъ, провелъ остатокъ своихъ дней въ плѣну у австрійцевъ. Таковъ же былъ характеръ и самого короля Стефана, коего соперничество изъ-за польской короны съ могущественнымъ нѣмецкимъ императоромъ также было предпріятіемъ въ высшей степени смѣлымъ и рискованнымъ.

Баторій обладалъ, какъ извѣстно, всѣми качествами благоразумнаго монарха и искуснаго политика. Онъ искренно желалъ блага своихъ подданныхъ и умѣлъ снискать ихъ любовь своимъ гуманнымъ обращеніемъ. Хотя онъ былъ очень вспыльчивъ, но могъ быстро подавить

¹⁾ Королева Анна род. въ 1523 г.

²⁾ Stan. Reszka, Diarum. Rps. Bibl. Jagiell. 2199, k. 58. Przejdzeczki, Jagellonski pols. w. XVI wieku, т. IV, стр. 222.

гнѣвъ и легко забывалъ нанесенныя ему оскорбленія, а своимъ великодушiемъ онъ прiобрѣлъ даже расположеніе своего соперника на престолѣ Трансильваніи, Каспара Бекеша. Извѣстна также любовь Баторіа къ наукамъ и въ особенности къ военному дѣлу, въ которомъ онъ стремился къ нововведеніямъ и усовершенствованіямъ и самъ охотно занимался военными упражненіями. Онъ былъ страстный охотникъ и отличался необычайной энергіей.

Всѣ эти черты характера мы видимъ и въ Самозванцѣ.

Хотя, несмотря на все сходство характера Баторіа и Самозванца, трудно рѣшить важный вопросъ о происхожденіи Димитрія, основываясь единственно на свѣдѣніи, сообщаемомъ однимъ писателемъ, какъ бы онъ ни заслуживалъ довѣрія, но можно сказать, что если источники, доступные историкамъ въ настоящее время, не дадутъ еще возможности окончательно объяснять загадку о его происхожденіи, то въ нихъ находится масса фактовъ, подтверждающихъ, что Самозванецъ не былъ простымъ искателемъ приключеній.

Хотя Димитрій не былъ особенно красивъ собою, но въ его наружности и обхожденіи было что-то необыкновенное ⁴⁾, что привлекало къ нему людей. На аудіенціяхъ у короля польскаго и у нунція, онъ умѣлъ согласовать приличную его положенію скромность, съ чувствомъ собственнаго достоинства. Точно также онъ держалъ себя и съ польскими вельможами, и съ знатнѣйшими московскими боярами. Вообще въ его обхожденіи съ подданными было замѣтно истинно царское величіе. Благодаря этимъ свойствамъ характера онъ прiобрѣлъ, несмотря на происки враговъ, вліяніе сперва на войско, а затѣмъ на народъ. Такая самоувѣренность могла быть результатомъ только глубокаго убѣжденія въ его высокомъ происхожденіи, которое ставило его гораздо выше самыхъ знатныхъ бояръ и дѣлало его равнымъ прочимъ монархамъ.

Это убѣжденіе и внушило ему тѣ великіе планы, выполненіе которыхъ могло принести огромную пользу всему христіанскому міру. Трудно сказать, чѣмъ окончилась бы задуманная имъ война съ турками, но она повела бы несомнѣнно къ сближенію Московскаго государства съ другими, болѣе цивилизованными державами; что, въ связи съ заботами о распространеніи въ Россіи образованія, вывело бы ее лѣтъ на сто ранѣе на путь западно-европейской цивилизаціи.

Переводъ В. В. Тимошукъ.

---

⁴⁾ Клавдій Рангони даже пишетъ о немъ въ своемъ донесеніи отъ 13-го марта 1604 г.: „...ha veramente del grande“ (Цирингъ, тамъ же. Pièces justif., ч. II, стр. 178).

Записки графа Л. Л. Беннигсена

О

войнѣ съ Наполеономъ 1807 года.

XI ¹⁾.

Сраженіе при Прейссишъ-Эйлау и его послѣдствія. — Отступленіе къ Кенигсбергу.

26-го января (7-го февраля) ночью русская армія двинулась двумя колоннами въ томъ же порядкѣ, какъ и въ предшествовавшій день, отъ Ландсберга къ Прейссишъ-Эйлау. Разстояніе между ними около двухъ миль. Первая колонна шла на Ваймансъ, Ципперкенъ, Гюллененъ и

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май 1897 г. Въ минувшемъ году неоднократно обращались ко мнѣ съ вопросами, почему не появляются въ печати дальнѣйшіе переводы записокъ графа Беннигсена и можно ли надѣяться увидѣть въ печати ихъ окончаніе? Я затруднялся отвѣтомъ по причинамъ отъ меня не зависящимъ, какъ это можно усмотрѣть изъ нижеслѣдующаго. Помѣщая въ № 11-мъ „Русской Старины“ 1896 года начало записокъ графа Беннигсена о войнѣ 1806 г. я указывалъ, что печатаю ихъ съ экземпляра, сохранившагося у наслѣдниковъ генераль-лейтенанта А. Б. Фока (бывшаго дежурнаго генерала въ арміи Беннигсена) и при этомъ упомянулъ, что нѣкоторыхъ тетрадей этихъ записокъ на лицо не оказалось. Мнѣ же было извѣстно, что всѣ бумаги графа Беннигсена, по его кончинѣ въ Ганноверѣ, были приобрѣтены у его родственниковъ и поступили въ военное министерство. Желаніе представить читателямъ не только точный, но и возможно полный переводъ записокъ графа Беннигсена побудило меня обратиться въ то же время (въ декабрѣ 1896 года) въ военное министерство съ просьбою допустить меня ознакомиться съ выше означенными бумагами, предполагая отыскать въ нихъ недостающія тетради записокъ Беннигсена и имѣть возможность разъяснить нѣкоторыя недомѣлкіи. Просьба моя не получала однако желаемаго для меня разрѣшенія въ продолженіе около двухъ лѣтъ, это и было причиною непомищенія

Грюнхофхенъ. Вторая колонна—черезъ Кумкеймъ, Дульцеръ, Кернеръ и Шторхнестъ. Прибывъ въ Прейсишъ-Эйлау, я приказалъ занять позицію по другую сторону города по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы обезпечить себя болѣе вѣрнымъ образомъ, въ какомъ-бы то ни было случаѣ, движеніе на Прегель и Кенигсбергъ, содержащій въ себѣ, какъ я уже упоминалъ, множество предметовъ, необходимыхъ для арміи, и, во-вторыхъ, потому, что мѣстность была болѣе открыта. Никакія возвышенности не господствовали надъ нею ни съ какой стороны; къ тому же по ровной мѣстности удобно было дѣйствовать кавалерію. Впрочемъ, мѣстность сама не представляла особенныхъ преимуществъ; фланги не были защищены и прикрыты, и только центръ позиціи, занятый генераль-лейтенантомъ Дохтуровымъ, имѣлъ выгодное положеніе; онъ занималъ небольшія возвышенности, на которыхъ можно было устроить батареи какъ разъ противъ города.

Правое крыло, подъ командою генераль-лейтенанта Тучкова, образуя уголъ, упиралось въ деревню Шмодиттенъ и прикрывалось на вѣкоторомъ разстояніи болотистымъ ручьемъ, хотя и замерзшимъ, но по которому было довольно затруднительно переправить артиллерию или заставить дѣйствовать кавалерію въ значительныхъ силахъ.

Лѣвое крыло, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Остермана, простиралось до деревни Серпаленъ, къ которой и примыкало.

Генераль-маіоръ графъ Каменскій съ 14-й дивизіею составлялъ резервъ лѣваго крыла; генераль-маіоръ Сомовъ съ двѣнадцатю баталіонами 4-й дивизіи составлялъ резервъ центра, а генераль-маіоръ Марковъ съ его отрядомъ, находившимся въ арьергардѣ, долженъ былъ составлять резервъ праваго крыла.

Боевой порядокъ, мною устроенный, состоялъ въ слѣдующемъ. Въ первой линіи каждый полкъ ставилъ свой третій баталіонъ въ резервъ, на разстояніи ста шаговъ позади первыхъ двухъ своихъ баталіоновъ.

дальнѣйшаго перевода записокъ Беннигсена въ „Русской Старинѣ“, а также и невозможности съ моей стороны отвѣчать на вопросы, о которыхъ указано въ началѣ сего объясненія, несмотря на мои хожденія. Нынѣ получивъ возможность ознакомиться съ бумагами Беннигсена, считаю долгомъ сказать слѣдующее:

1) графъ Беннигсенъ, составляя свои записки, давалъ ихъ перебѣлять, за тѣмъ исправлялъ своею рукою и уже съ этого исправленнаго имъ экземпляра (сохранившагося до нашихъ дней) поручалъ снимать копію для своего пріятеля А. Б. Фока. Впослѣдствіи графъ Беннигсенъ дѣлалъ еще новыя вставки, впрочемъ немногочисленныя;

2) записки Беннигсена о войнѣ 1806—7 годовъ сохранились въ полномъ объемѣ,—что дало мнѣ возможность перевести и тѣ главы, которыя не оказались въ экземплярѣ, находящемся у наследниковъ А. Б. Фока.

П. Майковъ.

Во второй линіи каждый полкъ стоялъ въ развернутыхъ баталіонныхъ колоннахъ. Этимъ путемъ третьи баталіоны первой линіи, стоявшіе въ резервѣ, могли явиться на помощь этой линіи весьма быстро, вездѣ, гдѣ бы это оказалось необходимымъ, не прерывая линіи.

Два или три полка второй линіи могли весьма легко и очень скоро построиться въ сильную колонну и направиться туда, гдѣ потребовалось бы ихъ появленіе.

Во всѣхъ сраженіяхъ я замѣчалъ преимущества этого боевого порядка предъ обыкновенно принятою системою густыхъ колоннъ, которую французская армія приняла для своихъ атакъ. Императоръ Наполеонъ, этотъ великій полководецъ, очень хорошо разсчиталъ выгоду глубокихъ колоннъ для атаки предъ системою тонкихъ линій въ три шеренги, отъ которой не хотѣли до сихъ поръ отказаться; онъ весьма легко опрокидывалъ и совершенно разбивалъ всѣ арміи, съ которыми до настоящаго времени вступалъ въ сраженіе. При первомъ столкновеніи эти густыя колонны, конечно, должны терять много людей отъ выстрѣловъ непріятельской артиллеріи; но коль скоро боевая линія прорвана этими массами, то ей нѣтъ болѣе спасенія. Эти колонны подвигаются впередъ, не давая разорваннымъ и разсѣяннымъ линіямъ время собраться и сомкнуться вновь. Ничто не можетъ остановить наступленія подобныхъ колоннъ. Армія, разъ уже порванная ими и не имѣющая другихъ массъ, готовыхъ удержать наступленіе этихъ сильныхъ колоннъ, всегда будетъ совершенно разбита. По этой же системѣ тактики Наполеонъ, во всѣхъ своихъ предшествовавшихъ войнахъ, разбивалъ до того сильно и окончательно всѣ арміи своихъ противниковъ при первой съ ними встрѣчѣ, что для него было вполне достаточно одного сраженія, чтобы принудить противника просить мира съ величайшими жертвованіями; этому можно привести очень много примѣровъ. Я заключаю, слѣдовательно, изъ этого, что для успѣшнаго сопротивленія атакамъ такихъ большихъ колоннъ не существуетъ другого начала, какъ дѣйствовать также массами, какъ и французы, и всегда имѣть подъ рукою наготовѣ сильныя резервы.

При Прейссишъ-Эйлау сошлись двѣ арміи и вступили въ сраженіе, руководствуясь приблизительно одними и тѣми же началами тактики: русская армія, несмотря на сильныя колонны, стремительно ее атаковавшия, нигдѣ, ни на одномъ пунктѣ не была прорвана. Она противостояла превосходнымъ силамъ непріятеля, на нее нападавшаго, какъ это можно будетъ усмотрѣть изъ изложенія этого замѣчательнаго сраженія.

Нашъ арьергардъ во время своего движенія мало подвергся нападенію непріятеля. Когда онъ приблизился на $\frac{3}{4}$ мили отъ г. Прейссишъ-Эйлау, я послалъ сообщить князю Багратіону, что необходимо насколько

возможно задержать приближеніе французовъ, такъ какъ голова нашей тяжелой артиллеріи начинала только-что подходить къ городу.

Въ то же самое время я послалъ ему подкрѣпленіе, состоявшее изъ полковъ восьмой дивизіи: Московскаго гренадерскаго и Софійскаго мушкетерскаго, и также драгунскихъ полковъ Петербургскаго и Ингерманландскаго. Должно замѣтить, что всѣ озера, обыкновенно означаемыя на картахъ, въ то время года были до того крѣпко замерзши, что не представляли ни малѣйшаго препятствія для движенія по нимъ войскъ и что на многихъ озерахъ происходили кавалерійскія атаки. Вслѣдствіе полученнаго указанія князь Багратіонъ приказалъ генералу Маркову занять своимъ отрядомъ позицію между замерзшими озерами Тенкитеномъ и Вашкѣйтенемъ; подошедшее же къ нему подкрѣпленіе изъ войскъ восьмой дивизіи было поставлено тутъ же, немного позади.

Послѣ того, какъ мы успѣли занять эти позиціи, сильныя непріятельскія колонны пѣхоты, предшествуемыя конными егерями въ видѣ фланкеровъ, двинулись на насъ, но были встрѣчены огнемъ нашихъ застрѣльщикова, а также артиллеріи. Впрочемъ, это не задержало наступленія французовъ. Тогда генералъ Марковъ съ пѣхотными полками, Псковскимъ и Софійскимъ, кинулся въ штыки на непріятельскую колонну и опрокинулъ ее. Другая колонна въ то же время была атакована и также опрокинута С.-Петербургскимъ драгунскимъ полкомъ, подъ начальствомъ храбраго полковника Балка. Эта колонна была обращена въ бѣгство, при чемъ потеряла свое знамя. Третья колонна, слѣзшая на помощь двумъ первымъ, была точно также остановлена въ своемъ движеніи артиллерійскимъ огнемъ батарей полковника Ермолова. Всѣ эти колонны отошли, но не далеко; скоро къ нимъ подошли подкрѣпленія, двигавшіяся быстрымъ шагомъ къ мѣсту сраженія. Непріятель открылъ огонь изъ значительныхъ батарей и возобновилъ атаку всѣми четырьмя колоннами. Московскій гренадерскій полкъ, подъ начальствомъ принца Карла Мекленбургскаго, а также стрѣлки 24-го егерскаго пѣхотнаго полка вступили тогда въ дѣло. Три непріятельскія колонны направили свое движеніе прямо на фронтъ позиціи князя Багратіона, а четвертая угрожала обходомъ его правому крылу. Багратіонъ, замѣтивъ что отрядъ генерала Маркова начинаетъ страдать отъ превосходства силъ непріятеля, приказалъ ему отойти.

Въ то время вся наша армія была выстроена и готова встрѣтить непріятеля, но опасаясь, чтобы подъ конецъ сраженія нашъ аріергардъ не пострадалъ отъ значительныхъ потерь, я далъ знать князю Багратіону, что ему необходимо отступить на Прейсшишъ-Эйлау и поставить свой отрядъ въ общую линію нашей арміи. Онъ исполнилъ это въ величайшемъ порядкѣ. Нѣсколько полковъ французской кавалеріи, желавшіе воспользоваться этимъ отступленіемъ и напасть на князя Багратіона,

были, въ свою очередь, отражены нашими кавалерійскими полками: Кирасирскимъ его величества, Елисаветградскимъ гусарскимъ и Ингерманландскимъ драгунскимъ. Полковникъ Ермоловъ очень отличился при этомъ случаѣ: онъ сумѣлъ очень хорошо воспользоваться мѣстностью, и, поставивъ выгодно свою конную батарею, открывалъ огонь такъ удачно, что непріятель съ большою осмотрительностью слѣдовалъ за нашимъ арьергардомъ. По прибытіи князя Батраціона съ его отрядомъ къ общему составу арміи, генералу Барклаю было поручено занять городъ егерскими полками его отряда и защищать его.

Послѣ четырехъ часовъ дня непріятельская армія показала передъ нашею позиціею и стала выстраиваться въ боевой порядокъ, но находилась еще внѣ нашихъ пушечныхъ выстрѣловъ. Впрочемъ, одинъ корпусъ подошелъ ближе и такъ сильно атаковалъ городъ, что генералъ Барклай, видя, что его тѣснятъ со всѣхъ сторонъ, принужденъ былъ ограничиться занятіемъ садовъ, окружавшихъ городъ со стороны расположенія нашей арміи. Но, чтобы непріятель не имѣлъ возможности занять днемъ мѣстность, находящуюся между городомъ и нашею позиціею (что совершенно напрасно могло беспокоить наши войска постоянными тревогами въ теченіе ночи), я приказалъ генералу Сомову съ девятью баталіонами, стоявшими въ резервѣ, взять обратно городъ, сообщивъ то же самое приказаніе генералу Барклаю.

Генералъ - майоръ Сомовъ повелъ атаку со стороны кладбища тремя колоннами: лѣвая колонна была на время остановлена непріятелемъ, но другія двѣ колонны проникли въ городъ, пробившись штыками по улицамъ, и, наконецъ, генералъ Сомовъ съ своими девятью баталіонами успѣлъ соединиться въ городѣ съ отрядомъ Барклая, который въ то же время проникъ въ городъ съ другой стороны и дошелъ до главной его площади. Оба эти генерала общими усиліями выбили непріятеля изъ города съ довольно значительною потерю убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ.

Къ общему несчастью, генералъ Барклай былъ при этомъ тяжело раненъ въ руку пулею, раздробившею ему кость. Этотъ храбрый и славный генералъ былъ принужденъ покинуть поле сраженія и перенестись, къ великому сожалѣнію всей арміи, въ Кенитсбергъ для излеченія своей раны.

По отбытіи генерала Барклая, общее командованіе всѣми нашими войсками, находившимися въ городѣ, перешло къ генералъ-майору Сомову, которому я далъ знать, чтобы онъ держался до дальнѣйшаго приказанія. Наступившая очень темная ночь положила конецъ бою этого дня, стоявшему непріятелю значительной потери людей; въ томъ числѣ находились и 500 человекъ, взятые нами въ плѣнъ.

Послѣ десяти часовъ вечера я послалъ одного офицера съ прика-

заніємъ къ генералу Сомову очистить городъ со всевозможною тишиною, чтобы не дать замѣтить непріятелю этого движенія, и со всѣми бывшими у него двѣнадцатю баталіонами, а также Архангелогородскимъ полкомъ, стать на позицію между городомъ и нашею первою линіею и занимать ее всю ночь. Генераль Сомовъ прекрасно исполнилъ это приказаніе послѣ одиннадцати часовъ вечера.

Мнѣ необходимо подробно изложить причины, побудившія меня очистить Прейссишъ - Эйлау, который, однако, находился въ очень близкомъ разстояніи отъ фронта нашей позиціи и могъ обезпечить центръ ея отъ всякихъ нападеній со стороны непріятеля, если бы мы имъ владѣли. Припомните сказанное уже мною въ началѣ этой главы, что только одинъ центръ нашей позиціи находился въ благопріятномъ положеніи. Не слѣдовало ли мнѣ стараться привлечь къ моему центру непріятеля, имѣя полную возможность приготовить и воспользоваться преимуществами, представляемыми мѣстностью для встрѣчи его. По изложенію хода сраженія можно легко себѣ представить, что бы могло постичь насъ, если бы непріятель, вмѣсто того чтобы упорствовать въ намѣреніи своемъ прорвать нашъ центръ, удовольствовался бы только ложными демонстраціями на центръ и направилъ противъ нашего лѣваго крыла всѣ свои силы, совершенно безполезно потраченныя имъ противъ нашего центра.

Моя главная квартира въ этотъ день была въ Ауклапенѣ. Получивъ отъ генерала Сомова донесеніе, что онъ уже очистилъ городъ, я разослалъ слѣдующія приказанія начальникамъ дивизій.

Генераль Дохтуровъ немедленно выходитъ изъ центра со всею седьмою дивизіею въ составѣ четырнадцати баталіоновъ, и эта дивизія вмѣстѣ съ двѣнадцатю баталіонами, находящимися подъ командою генерала Сомова, образуетъ резервъ нашего центра, какъ разъ противъ города. Генераль Дохтуровъ будетъ командовать всѣмъ этимъ резервомъ и построитъ его въ двѣ колонны въ развернутыхъ баталіонахъ. Генераль-лейтенантъ Тучковъ, командующій правымъ крыломъ, приметъ немного влѣво, чтобы занять своими войсками и резервомъ генерала Маркова интервалъ, который въ первой линіи занималъ генераль Дохтуровъ своею дивизіею. Онъ оставитъ сильный отрядъ въ деревнѣ Шлодиттенъ; казаки и нѣсколько отрядовъ кавалеріи праваго крыла займутъ равнину впереди этой деревни. Эта перемѣна въ расположеніи нашихъ войскъ должна быть сдѣлана не теряя времени, немедленно по полученіи генералами этого приказанія.

Четырнадцатая дивизія, подъ начальствомъ генераль-маіора графа Каменскаго, осталась въ резервѣ лѣваго крыла.

Два егерскихъ полка изъ отряда генерала Барклая были рассыпаны

въ цѣпь впереди центра; остальные войска этого отряда были присоединены къ отряду генерала Багговута на лѣвомъ флангѣ.

Французская армія въ продолженіе ночи оставалась на прежде занятой ею позиціи.

27-го января (8-го февраля), между четвертымъ и пятымъ часомъ утра, я отправился на фронтъ нашей позиціи передъ городомъ, который, вслѣдствіе сдѣланнаго мною измѣненія въ нашемъ расположеніи войскъ, находился въ болѣе близкомъ разстояніи къ нашему правому крылу. Огни, зажженные французами, скоро позволили мнѣ замѣтить, что дѣйствительно довольно значительный ихъ отрядъ уже прошелъ черезъ Прейсшишъ-Эйлау. Я тогда же приказалъ вернуть резервъ генерала Сомова, а также два баталіона Московскаго гренадерскаго полка обратно на прежнія ихъ мѣста и передъ разсвѣтомъ еще выставилъ батареи тяжелой артиллеріи на высоты, выбранныя мною наканунѣ противъ самаго города.

Съ разсвѣтомъ непріятельскіе стрѣлки и конные егеря стали подвигаться, и скоро очень сильный огонь завязался между ними и нашими двумя егерскими полками, разсыпанными въ цѣпь. Когда уже разсвѣло на столько, что можно было различать непріятельскія колонны, выступавшія противъ нашей позиціи, а также городъ и войска, еще издали только что къ нему подходившія, я, желая скрыть отъ непріятеля сдѣланное мною измѣненіе въ расположеніи войскъ, приказалъ открыть огонь тяжелой артиллеріи, поставленной напротивъ города на возвышенностяхъ. Батарея полковника Сиверса стрѣляла сперва съ очень большимъ успѣхомъ. Можно было хорошо замѣтить построеніе глубокихъ непріятельскихъ колоннъ между городомъ и возвышенностью. Спустя немного наши тяжелыя батареи открыли огонь по этимъ колоннамъ, а также по тѣмъ пѣхотнымъ и кавалерійскимъ войскамъ, которыя выступали изъ города и направлялись на наше правое крыло, бывшее подъ начальствомъ генерала-лейтенанта Тучкова. Непріятель, остановленный при первомъ своемъ натискѣ въ этомъ пунктѣ, занялъ строенія въ Статсъ-Мюле (т. е. мельницу), противъ нашего праваго фланга, чтобы оттуда снова атаковать насъ. Но застрѣльщики и 24-й егерскій полкъ принудили его покинуть это мѣсто. Французы стали усиливаться, между тѣмъ, новыми подходившими войсками; нѣсколько колоннъ пѣхоты и кавалеріи выступили опять изъ города, чтобы атаковать наше правое крыло. Тогда генералъ Тучковъ приказалъ генералъ-маіору Фоку выдвинуть свою бригаду впередъ и вмѣстѣ съ двумя драгунскими полками, Рижскимъ и Лифляндскимъ, вытѣснить французовъ изъ мельницы. Генералъ Фокъ стремительно атаковалъ непріятельскія колонны въ штыки, опрокинулъ ихъ, выбилъ изъ мельницы и даже отчасти уничтожилъ ихъ, преслѣдуя драгунами.

Три неприятельскія колонны (маршала Ожеро, Даву и Сенть-Илера), при которыхъ находилась также императорская гвардія, снова подвигались противъ нашего центра. Генераль Дохтуровъ выслалъ имъ на встрѣчу генерала Запольскаго съ колонною изъ резерва. Она развернулась, и оба фронта очень близко подошли другъ къ другу, поддерживая непрерывный огонь. Замѣтивъ, что неприятель остановился, генераль Запольскій ударилъ въ штыки, смялъ его и преслѣдовалъ на значительное разстояніе. Эта колонна французовъ потеряла очень много людей убитыми и ранеными. Кромѣ того, она лишилась орла и ста тридцати человекъ плѣнными. Въ то же самое время часть неприятельской колонны, поддержанная другою, подошла опять къ первой линіи нашего центра. Наши полки, наиболѣе близкіе къ ней, храбро встрѣтили ихъ штыками и обратили въ бѣгство. Нѣсколько полковъ, находившихся въ резервѣ позади центра, воспользовались этою минутою и уничтожили большую часть этой колонны. Нѣсколько эскадроновъ неприятельскихъ кирасиръ, принадлежащихъ къ гвардейскому корпусу, успѣли проскочить въ интервалъ этихъ двухъ пѣхотныхъ полковъ нашей первой линіи и проникнуть между первой и второю линіями, но, несмотря на всю храбрость, съ которою они защищались, и на всѣ ихъ усилія вернуться назадъ, они всѣ погибли. Имъ неоднократно кричали: «сдавайтесь», — но они продолжали рубиться въ надеждѣ пробиться сквозь наши ряды и выйти изъ-за первой линіи; эта попытка подъ-конецъ стоила имъ почти всѣмъ жизни. Капитанъ Марэ былъ, между прочими, тяжело раненъ ударомъ казачьей пикп, выбившимъ его изъ сѣдла. Несмотря на всѣ оказанныя ему медицинскія пособія, онъ умеръ черезъ нѣсколько дней въ Кѣнигсбергѣ.

Въ то время какъ все это происходило на нашемъ правомъ флангѣ и центрѣ, другая неприятельская колонна была также отражена съ потерями Московскимъ гренадерскимъ полкомъ и Шлюссельбургскимъ мушкетерскимъ, подъ начальствомъ принца Карла Мекленбургскаго. Всѣ эти отраженные войска французовъ соединились при ихъ отступленіи въ одну колонну, получили новыя свѣжія подкрѣпленія пѣхоты и кавалеріи и снова перешли въ наступленіе. Наши кавалерійскіе полки, до сего времени стоявшіе позади центральной позиціи, построились въ колонны, и генераль Запольскій вмѣстѣ съ своею кавалеріею повелъ во второй разъ атаку на неприятеля. Кавалерія французовъ, стоявшая на лѣвомъ флангѣ этихъ колоннъ, была опрокинута полковникомъ графомъ Оуркомъ, который съ тремя эскадронами кинулся на нее, опрокинулъ и преслѣдовалъ до самыхъ неприятельскихъ батарей. Пѣхотныя колонны также были отбиты съ потерею. Съ разсвѣтомъ дня неприятельскія колонны легкой пѣхоты атаковали на нашемъ лѣвомъ крылѣ отрядъ генерала Багговута, стоявній впереди, въ

деревнѣ Серпалленѣ. Генераль Каховскій съ польскими уланами и Малороссійскимъ кирасирскимъ полкомъ находился на лѣвомъ флангѣ деревни Серпалленѣ; онъ атаковалъ непріятельскую пѣхоту опрокинулъ ее и взялъ нѣсколько плѣнныхъ. Остальная часть этой колонны отступила въ лѣсъ. Тогда генералу Каховскому было приказано съ кавалерійскими полками отправиться на нашъ правый флангъ, гдѣ онъ также атаковалъ непріятельскія колонны и равнымъ образомъ принудилъ ихъ отступить.

Генераль графъ Паленъ, командовавшій кавалеріею на лѣвомъ флангѣ, приказалъ генераль-маіору барону Корфу съ его бригадою атаковать непріятеля, стоявшаго около Саусгартена, противъ дивизіи генерала Сакена; тутъ французы были совершенно опрокинуты. Наши кирасиры Военнаго ордена взяли у непріятеля орда и болѣе ста челоувѣкъ плѣнными.

Полки Изюмскій гусарскій и Курляндскій драгунскій произвели съ успѣхомъ нѣсколько атакъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ около Клейнъ-Саусгартена и отразили непріятеля съ потерей.

Непріятель, потерявъ уже много людей и видя тщетность своихъ усилій прорвать нашъ центръ или правое крыло, обратилъ теперь снова свое вниманіе на наше лѣвое крыло. Маршалъ Даву съ своимъ корпусомъ почти въ 30.000 челоувѣкъ повелъ атаку и пытался его обойти. Онъ двинулся въ сильныхъ колоннахъ противъ генерала Багговута, который, по слабости своего отряда, будучи не въ силахъ ему сопротивляться, зажегъ деревню Серпалленъ и отступилъ далѣе въ Саусгартенъ. Наша кавалерія лѣваго крыла, стоявшая около Серпаллена, также отошла назадъ и заняла позицію позади нашего лѣваго фланга.

Генераль графъ Каменскій подкрѣпилъ генерала Багговута войсками изъ резерва, стоявшаго позади Саусгартена; но непріятель, получивъ также подкрѣпленія, выдвинулъ еще нѣсколько свѣжихъ колоннъ и атаковалъ наши войска. Это и побудило графа Каменскаго приказать генералу князю Щербатову съ пѣхотными полками Углицкимъ и Костромскимъ направиться также къ Серпаллену, а Рязанскимъ полкомъ занять деревню Саусгартенъ, чтобы имѣть возможность отразить, въ случаѣ нападенія, непріятеля, стоявшаго въ Мольвиттенѣ.

Видя наступленіе сильныхъ непріятельскихъ колоннъ изъ Мольвиттена, подходившихъ къ нашему лѣвому крылу, генераль-лейтенантъ графъ Остерманъ счелъ нужнымъ перемѣнить фронтъ лѣвымъ флангомъ назадъ. Непріятельскія колонны, имѣвшія при себѣ сильную батарею тяжелой артиллеріи, тѣснили генерала Багговута и наконецъ принудили его отступить, тѣмъ болѣе что колонны, стоявшія въ Мольвиттенѣ, начинали обходить его лѣвый флангъ. Вслѣдствіе этого генераль Багговутъ сталъ отходить въ Ауклаппенъ на лѣвый флангъ

дивизіи генерала графа Остермана, на котораго непріятель сталъ быстро наступать. Очень сильный огонь завязался между застрѣльщиками обѣихъ сторонъ. Графъ Остерманъ тогда рѣшился выслать третьи баталіоны всѣхъ своихъ полковъ, стоявшихъ въ первой линіи его дивизіи, и, подкрѣпивъ ихъ своимъ резервомъ, направилъ ихъ въ атаку на подходившаго непріятеля. Послѣ очень упорнаго и кровопролитнаго боя французы были и на этомъ пунктѣ отброшены, но вскорѣ послѣ этого примѣчено было движеніе сильныхъ ихъ колоннъ, подходившихъ къ нашему лѣвому крылу съ цѣлю обойти его. Тогда графъ Остерманъ, чтобы отразить непріятеля, счелъ необходимымъ перемѣнить свою позицію въ Саусгартенѣ, а затѣмъ перейти въ Ауклаппенъ. Онъ считалъ себя тѣмъ болѣе обязаннымъ это сдѣлать, что графъ Каменскій былъ уже принужденъ съ своимъ резервомъ перейти за Ауклаппенъ, чтобы прикрывать наше лѣвое крыло.

Когда я замѣтилъ это передвиженіе на нашемъ лѣвомъ флангѣ, а также направленіе, принятое корпусомъ генерала Даву для обхода этого фланга въ Кушиттенѣ, я немедленно приказалъ сдѣлать перемѣну нашей позиціи. Генералъ Штейнгель, начальникъ моего штаба, отправившійся на мѣсто, чтобы привести въ исполненіе это движеніе, приказалъ выдвинуть нашу конную артиллерію и поставилъ три ея батареи въ Ауклаппенѣ подъ начальствомъ Кутайсова. Артиллерія не замедлила открыть огонь съ большимъ успѣхомъ и остановила не только наступленіе непріятельскихъ колоннъ, но и заставила одну изъ нихъ совершенно отступить; эта колонна отступая зажгла ферму Ауклаппенъ.

Непріятель, принудивъ генерала графа Каменскаго отступить, занялъ самъ деревню Кушиттенъ, но скоро былъ вытѣсненъ оттуда отрядомъ генерала Чаплица, состоявшимъ изъ трехъ эскадроновъ Павлоградскаго гусарскаго полка, Московскаго пѣхотнаго полка и нѣсколькихъ сотенъ казаковъ; пройдя деревню Кушиттенъ, этотъ отрядъ атаковалъ непріятельскую колонну и принудилъ ее отступить.

Атаманъ донскихъ казаковъ, генералъ-лейтенантъ Платовъ прибылъ ко мнѣ въ армію только 26-го января (7 февраля), въ то время, когда наши войска находились частію позади Прейссишъ-Эйлау и когда различные корпуса и отряды были уже распределены для командованія между разными генералами. Это помѣшало мнѣ ввѣрить Платову команду, соотвѣтствующую его чину и его военнымъ дарованіямъ. Поэтому онъ на время принялъ начальство надъ казаками, состоявшими при арміи, численность которыхъ едва доходила до 2.500 человекъ. Однако и съ этимъ небольшимъ отрядомъ Платовъ принялъ дѣятельное участіе въ сраженіи при Прейссишъ-Эйлау. Онъ послалъ два казачьихъ полка Сизова и Малахова на наше правое крыло, а полки Андропова и Киселева отправилъ къ нашему центру, самъ же на-

правился на лѣвый флангъ съ четырьмя полками, именно: Илло-вайскаго 9-го, Грекова 12-го, Ефремова 3-го и Попузова. Казаки праваго крыла неоднократно препятствовали отрядамъ неприятельской кавалеріи переправиться чрезъ болото впереди деревни Шлодиттенъ. Стоявшіе въ центрѣ много содѣйствовали пораженію французскихъ кирасиръ, пробившихся сквозь нашу первую и вторую линіи; въ особенности отличился при этомъ полкъ Киселева: онъ взялъ въ плѣнъ одного офицера и 20 нижн. чиновъ. Казачьи полки на лѣвомъ нашемъ флангѣ участвовали во всѣхъ атакахъ, произведенныхъ нашими войсками, и взяли въ плѣнъ 450 человекъ.

Къ вечеру подошелъ генераль-лейтенантъ Лестокъ съ прусскимъ корпусомъ, въ которомъ находились также Выборгскій пѣхотный полкъ и два полка казаковъ. Лестокъ двигался по дорогѣ отъ Дрангситтенъ въ Альтгофъ; за нимъ слѣдовалъ въ очень близкомъ разстояніи маршалъ Ней, передовые отряды котораго онъ встрѣтилъ въ Вуксенѣ. Онъ занялъ это мѣстечко отрядами, подъ начальствомъ генераловъ Плева и Притвица, которые и задержали неприятеля, между тѣмъ какъ самъ Лестокъ съ главными силами перешелъ чрезъ Помпикенъ и прибылъ къ полдню въ Альтгофъ. Отряды генераловъ Плева и Притвица не въ состояніи были долѣе слѣдовать за генераломъ Лестокомъ. Они должны были подъ-конецъ уступить превосходному числу неприятеля и отойти къ Кѣнигсбергу по дорогѣ, ведущей къ этому городу. Это доставляло двойную выгоду. Во-первыхъ, городъ Кѣнигсбергъ былъ прикрытъ со стороны большой дороги, а во-вторыхъ, неприятель, принявъ эти два отряда за весь прусскій корпусъ, не преслѣдовалъ его болѣе до самаго Альтгофа. Численность войска, которое привелъ намъ съ собою генераль Лестокъ, была не свыше 6.000 человекъ подъ ружьемъ, считая въ томъ же числѣ нашъ Выборгскій полкъ и около 400 казаковъ, бывшихъ все время при его корпусѣ. Лестокъ оставилъ небольшой аріергардъ на дорогѣ, который завязалъ перестрѣлку съ авангардомъ маршала Нейя, чтобы насколько возможно болѣе задержать его дальнѣйшее движеніе. Генераль-лейтенантъ Лестокъ изъ Альтгофа прошелъ чрезъ Шлодиттенъ къ нашему лѣвому крылу, на то мѣсто, которое я ему заранѣе уже предназначилъ, и въ которомъ мы всего болѣе нуждались въ подкрѣпленіи. Но и этотъ отрядъ Лестока далеко не уравнивалъ наши силы съ тѣми, которыя были направлены на это мѣсто французами.

Прибывъ на наше лѣвое крыло, Лестокъ немедленно атаковалъ деревню Кушиттенъ, которая была занята французами подъ начальствомъ Даву. Они были выбиты изъ деревни, отброшены въ березовую рощу и затѣмъ въ Клейнъ-Саусгартенъ, при чемъ потеряли четыре орудія. Затѣмъ они были также вытѣснены изъ занятой

ими возвышенности около деревни Кушиттенъ. Въ этихъ атакахъ преимущественно отличился нашъ Выборгскій пѣхотный полкъ, подъ начальствомъ полковника Пиллара, и прусскіе пѣхотные полки, подъ командою Шенинга и Рухеля, а также баталіонъ гренадеръ Фабека.

Генераль графъ Каменскій подвинулся тоже впередъ и сталъ съ своимъ резервомъ, а также отрядомъ генерала Чаплица, въ Кушиттенѣ. Генераль Лестокъ открылъ огонь тяжелыхъ батарей по колоннамъ, стоявшимъ около березовой рощи, а затѣмъ выслалъ своихъ стрѣлковъ противъ непріятельскихъ, занимавшихъ эту рощу, и скоро заставилъ ихъ отойти. Послѣ этого онъ вмѣстѣ съ генераломъ графомъ Каменскимъ продвинулся впередъ до Саусгартена, и оба генерала принудили непріятельскія колонны, уже обошедшія наше лѣвое крыло, отступить назадъ. Наступившая очень темная ночь положила ковецъ ихъ дальнѣйшимъ атакамъ.

Пока все это происходило на лѣвомъ крылѣ, восьмая дивизія, подъ начальствомъ генерала Эссена 3-го, и отрядъ генерала Маркова были посланы на лѣвый флангъ второй дивизіи къ Шлоддигтену. Ихъ стрѣлки, а также егеря 3-й дивизіи произвели атаку на французовъ (чтобы поддержать атаку генерала Лестока и генерала графа Каменскаго). Генераль-лейтенантъ Дохтуровъ былъ контуженъ и принужденъ оставить поле сраженія; его отрядъ, состоявшій изъ 7-й и 8-й дивизій, перешелъ подъ начальство генераль-лейтенанта князя Багратиона.

Пятая дивизія около Шлоддигтена, составлявшая наше правое крыло, поддерживаемая прусскою батареею, была, по приказанію генерала Фока, перемѣщена немного впередъ и отбила послѣднія попытки непріятеля.

Видя, что наши войска начинаютъ возвращаться на свои первоначальныя позиціи, я приказалъ полкамъ третьей дивизіи, при исходѣ уже дня, выбить еще непріятеля изъ деревни Клейнъ-Саусгартенъ, которую онъ и покинулъ послѣ сильной, но непродолжительной перестрѣлки. Очень облачное небо сдѣлало ночь чрезвычайно темною.

Наша кавалерія въ концѣ сраженія этого дня собралась около Шлоддигтена (по дорогѣ на Кёнигсбергъ). Это сраженіе, одно изъ самыхъ кровопролитныхъ нашего времени, началось 26-го января (7 февр.), въ три часа послѣ полудня и окончилось 27-го января (8 февр.) въ семь часовъ вечера. Поэтому потери, понесенныя обѣими арміями въ этотъ день—огромны. Наша потеря простирается до девяти тысячъ убитыми и семи тысячъ ранеными; въ числѣ послѣднихъ было семьдесятъ офицеровъ и девять генераловъ. Потеря французской арміи въ эти дни никогда не была объявлена; я разумѣю—дѣйствительную потерю; но многія лица, имѣющія возможность это знать съ достовѣрностію, утверждаютъ, что потеря французовъ была свыше 30.000 человекъ, что очень въ-

роятно, если судить по количеству генераловъ и офицеровъ различныхъ чиновъ, которые были или убиты, или ранены; однихъ генераловъ насчитываютъ 18. Между прочимъ въ числѣ ихъ находился и маршалъ Ожеро, который былъ раненъ.

Корпусы, составлявшіе французскую армію въ сраженіи при Прейсшишъ-Эйлау, были слѣдующіе: первый—Бернадотта; третій—Даву, четвертый—Сульта, шестой—Нея и седьмой—Ожеро; гвардія, подъ начальствомъ Бессьера, и резервъ—великаго герцога Бергскаго. Часть резерва, подъ начальствомъ Удино, также принимала участіе въ сраженіи, тогда какъ остальная часть резерва находилась на Наревѣ, противъ генерала Эссена. Оба эти корпуса, какъ увидимъ впоследствии, не принимали непосредственнаго участія въ сраженіи. Можно примѣрно опредѣлить численный составъ всѣхъ этихъ корпусовъ по даннымъ, которыя были мною уже сообщены выше. Въ началѣ этой войны наличный составъ корпусовъ доходилъ до 151.200 человекъ; изъ этого числа необходимо исключить соотвѣтственную потерю, а затѣмъ прибавить 20.000 новобранцевъ, поступившихъ въ полки въ теченіе ноября и декабря мѣсяцевъ. Такимъ образомъ можно придти къ очень достовѣрному предположенію, что французская армія въ сраженіи при Прейсшишъ-Эйлау должна была имѣть не менѣе ста тысячъ человекъ.

Выше было уже мною сказано, что я вступалъ въ старую Пруссію съ арміею въ 70.000 человекъ строевыхъ и нестроевыхъ. Съ этого времени, до сраженія при Прейсшишъ-Эйлау, убыло около 6.000 человекъ и кромѣ того числилось 4.000 больныхъ въ госпиталяхъ въ Кёнигсбергѣ и Гумбиненѣ. Такимъ образомъ у меня оставалось до дня великаго побоища едва 60.000 человекъ строевыхъ и нестроевыхъ. Поэтому потеря въ 16.000 человекъ строевыхъ въ эти два дня была гораздо чувствительнѣе для арміи русской, нежели потеря 30.000 человекъ для французской. Подкрѣпленіе, доставленное намъ отрядомъ генерала Лестока, состояло всего изъ 6.000 человекъ, какъ я уже выше сказалъ, потому что этотъ корпусъ былъ ослабленъ понесенными потерями во время движенія, а также отдѣленіемъ двухъ своихъ отрядовъ къ Кёнигсбергу. Чтобы дать ясное и точное понятіе о позиціи французской арміи вечеромъ послѣ сраженія и о тѣхъ причинахъ, которыя побудили меня придвинуться къ Кёнигсбергу со всею моею арміею, я приведу здѣсь краткое извлеченіе изъ рапорта маршала Нея къ военному министру принцу Невшательскому о его движеніи почти-что до окрестностей Шлодигтена. Вотъ что доносить маршалъ Ней.

«Армейскій корпусъ, мнѣ ввѣренный, находился въ движеніи съ 7-го числа отъ позиціи въ Либштадтѣ и Вормдигтѣ: онъ имѣлъ приказаніе

собраться въ Ландсбергъ и затѣмъ направиться на Крейцбургъ. Онъ занималъ постепенно слѣдующія позиціи. Седьмого числа вечеромъ колонна генерала Лассала стояла въ Оршенѣ, по дорогѣ изъ Ландсберга въ Крейцбургъ; первая бригада генерала Маршана — точно также въ Оршенѣ. Вторая дивизія — въ Ешенѣ. Дивизія генерала Гарданна — въ Ландсбергъ, а равно и драгунская бригада, т. е. 20-ый и 26-ой полки, подъ командою полковника Делорма, были также собраны.

«Непріятель занималъ Оршенъ пѣхотою, имѣя немного кавалеріи; онъ былъ атакованъ и отодвинутъ изъ этого мѣста, при чемъ взяты плѣнные. На другой день весь мой корпусъ выступилъ далѣе въ шесть часовъ утра. Едва передовой отрядъ сталъ выходить изъ лѣса позади Шлаутинена ¹⁾, какъ было замѣчено, что прусская колонна генерала Лестока движется въ лѣвой сторонѣ, направляясь къ Прейссишъ-Эйлау, чтобы соединиться съ русскою арміею, занимавшею позицію въ Шлаутиненѣ и Ауклаппенѣ. Я немедленно далъ приказаніе дивизіи генерала Маршана сдвинуть колонны, развернуть первую бригаду и атаковать непріятеля въ Помпикенѣ, позади котораго онъ дефилировалъ, и эту атаку поддержать войсками 2-й бригады. Остальной корпусъ продолжалъ свое движеніе; драгуны шли въ резервъ позади дивизіи Гарданна, которая была построена въ боевой порядокъ на одной высотѣ съ Шлаутиненомъ и позади этого мѣста. Кавалерія генерала Лассала должна была подкрѣплять дивизію г. Маршана.

«Непріятель во время своего флангового движенія оставилъ отрядъ въ 3.000 человекъ на дорогѣ въ Крейцбургъ между Солбеномъ и Помпикеномъ, чтобы прикрывать свое движеніе. Другой отрядъ старался привлечь мое вниманіе на лѣвомъ флангѣ близъ Вальдгейма. При этомъ слышалась пушечная пальба со стороны Прейссишъ-Эйлау. Г. Монтескью, въ десять съ половиною часовъ, явился ко мнѣ передать приказаніе императора, чтобы я поддержалъ на лѣвомъ флангѣ главную армію. Я приказалъ немедленно слѣдовать по направленію прусской колонны, черезъ Лейссенъ, Гравенштейнъ, Дрангзттенъ и Альтгофъ. Непріятель дорогою зажегъ мостъ въ Дрангзттенѣ и Альтгофѣ; но мы прибыли довольно скоро и могли, возстановивъ его, немедленно пройти по немъ. Около восьми часовъ вечера первая бригада дивизіи Маршана вступила въ сраженіе позади Шлодиттена; остальные войска моего корпуса развертывались въ боевой порядокъ впереди и позади Альтгофа. Наконецъ, въ десять часовъ вечера, эта бригада была отодвинута къ Альтгофу безъ иной потери, какъ шесть раненныхъ и нѣсколько убитыхъ. Бригада генерала Роже, бывшая

¹⁾ Маршалъ Ней пишетъ Schlautiennen, но это по всей очевидности Шлодиттенъ, упоминаемый ген. Беннигсеномъ.

очень позади, стала направляться къ Помпикену, но въ ночное время по недоразумѣнію она направилась на Крейцбургъ. Она нашла непріятели въ значительномъ числѣ, т. е. припримѣрно около 3.000 человекъ пѣхоты и 1.000 лошадей ¹⁾. Генераль Роже атаковалъ этотъ отрядъ и отодвинулъ его, но въ это время онъ получилъ второе приказаніе—идти занять позицію позади деревни Дрангзиттенъ. Въ Помпикенѣ оставлены были только четыре роты 75-го полка и пикетъ кавалеріи, для охраненія сообщенія Крейцбурга съ Ландсбергомъ.

«Девятаго числа весь корпусъ двинулся, чтобъ стать въ боевомъ порядкѣ въ двухъ линіяхъ. Правый флангъ упирался къ вѣтряной мельницѣ на лѣвой сторонѣ Прейссишъ-Эйлау, а лѣвый флангъ—по направленію въ Шторхнестъ».

Изъ этого рапорта маршала Нея можно заключить, что онъ прибылъ въ восемь часовъ вечера въ Альтгофъ со своимъ корпусомъ, который могъ имѣть отъ 17-ти до 18-ти тысячъ человекъ. Мѣстечко Альтгофъ отстоитъ менѣе чѣмъ на пол-мили отъ Шлодиттена, по большой дорогѣ въ Кеннигсбергъ, и находилось въ тылу нашего праваго фланга. Одна дивизія корпуса маршала Нея уже находилась, какъ сказано, между Альтгофомъ и Шлодиттеномъ. Самъ же генераль Лестоку съ своимъ корпусомъ шелъ по дорогѣ отъ Помпикена на Гравенштейнъ, Альтгофъ и Шлодиттенъ, послѣ чего онъ и занялъ позицію на нашемъ лѣвомъ флангѣ. Когда же вечеромъ я услыхалъ пушечные выстрѣлы въ этомъ направленіи, позади нашего праваго крыла, въ моемъ тылу, направленные непріятеlemъ на стрѣлковъ арьергарда, оставленнаго генераломъ Лестокомъ, я послалъ пять баталіоновъ пѣхоты и нѣсколько казаковъ, подъ начальствомъ князя Василія Долгорукова 4-го, занять позицію между Шлодиттеномъ и Альтгофомъ, чтобъ прикрыть наше сообщеніе съ Кеннигсбергомъ. Бригада французовъ, находившаяся еще въ небольшомъ разстояніи отъ Шлодиттена, была атакована въ штыки княземъ Долгоруковымъ и принуждена отступить на Альтгофъ.

Не должно упускать изъ виду, что о появленіи корпуса маршала Нея, такъ сказать, въ тылу нашего праваго фланга я узналъ отъ плѣнныхъ, говорившихъ также, что во французской арміи ожидаютъ съ часу на часъ появленія на ея правомъ флангѣ (слѣдовательно противъ лѣваго нашего фланга) перваго корпуса, т. е. корпуса князя Понте-Корво, который могъ имѣть еще до 13.000 человекъ, послѣ понесенныхъ имъ потерь при движеніи на соединеніе съ корпусомъ маршала Даву. Эти два корпуса, не принимавшіе участія въ сраженіяхъ 26-го и 27-го января

¹⁾ Это былъ тотъ отрядъ въ 2.000 человекъ, подъ командою прусскаго генерала Пледа, который, какъ я выше уже упомянулъ, направлялся на Крейцбургъ. Примѣч. Беннигсена.

(7-го и 8-го февраля), доставляли французской армии подкрѣпленіе, по крайней мѣрѣ, въ тридцать тысячъ человѣкъ, что почти восполняло понесенныя прочими корпусами утраты въ эти два дня, и доводили численность боевой армии французовъ до семидесяти тысячъ человѣкъ. Это число было слишкомъ несоразмѣрно съ числомъ войскъ, которое оставалось у меня, чтобы противостоять неприятелю на занимаемой мною позиціи послѣ сраженія.

Всякій опытный военный человѣкъ можетъ безпристрастно судить о томъ, что предписывало мнѣ дѣлать въ этомъ случаѣ благоразуміе. Слѣдовало ли мнѣ оставаться на позиціи при Прейссишъ-Эйлау и на другой день снова стважиться на третье сраженіе (ибо уже два дня дрались на этой позиціи), или же принять другое, болѣе благоразумное рѣшеніе. Не лучше ли было, отразивъ неприятеля на всѣхъ пунктахъ его нападенія, оставить его, послѣ значительныхъ потерь имъ понесенныхъ, въ снѣгахъ Прейссишъ-Эйлау и его окрестностяхъ, гдѣ онъ былъ лишень всѣхъ средствъ, необходимыхъ для своего существованія и продовольствія, для леченія и ухода за ранеными, для исправленія артиллеріи и т. д., а самому приблизиться къ Кёнигсбергу, гдѣ я находилъ все необходимое для приведенія въ порядокъ моей армии, для вполнѣ удовлетворительнаго пользованія раненыхъ, для ремонта нашей артиллеріи, для пополненія снарядовъ и патроновъ и т. д. Кромѣ того подъ Кёнигсбергомъ имѣлась позиція, которая хорошо прикрывала оба фланга; ее можно было усилить еще нѣкоторыми полевыми сооруженіями, которыя я и приказалъ сдѣлать. Обширная равнина, разстилавшаяся передъ фронтомъ этой позиціи, давала возможность нашей кавалеріи дѣйствовать совершенно безпрепятственно. Неприятелю оставался только выборъ: или придти атаковать насъ въ этой позиціи, дававшей намъ возможность сражаться противу превосходныхъ силъ, или же предпринять отступленіе со всею арміею. Наполеонъ, этотъ великій полководецъ, никогда не упускавшій случая, въ которомъ могъ нанести рѣшительный ударъ противнику и раздавить его, счелъ, однако, необходимымъ избрать послѣднее. Такимъ образомъ послѣдствія ясно доказали, что я не ошибся въ моихъ соображеніяхъ. Движеніемъ моимъ на Кёнигсбергъ я безъ малѣйшей потери приобрѣталъ тѣ же самыя выгоды, которыя могло бы мнѣ доставить новое пролитіе крови, если бы даже я могъ съ достовѣрностію рассчитывать на отраженіе и въ третій день всѣхъ усилій неприятеля, занимая ту же позицію въ Прейссишъ-Эйлау. Я долженъ былъ, однако, очень хорошо обдумать, дозволяютъ ли мнѣ всѣ условія, въ которыхъ находилась моя армія, понести вновь такую же потерю, какъ понесенная уже мною наканунѣ, и въ состояніи ли будетъ оставшаяся затѣмъ у меня армія слѣдовать за французскою при ея отступленіи, что я сдѣлалъ, нисколько не колеблясь, послѣ

моего движенія на Кёнигсбергъ, какъ это будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія. Но можно ли исчислить всѣ тѣ пагубныя послѣдствія, которыми сопровождалась бы моя неудача, противъ которой я не могъ, однако, представить никакихъ ручательствъ. Нельзя въ этомъ отношеніи утѣшать себя свѣтлыми мечтами, если только зрѣло обсудить наше положеніе. Всѣ наши приготовленія и снаряженія значительныхъ корпусовъ, дѣлаемые во внутреннихъ губерніяхъ имперіи, чтобы противостать силѣ, подъ предводительствомъ самого императора Наполеона, которому никто не противостоялъ, были, несмотря на всю проявляемую къ подрѣпленію арміи дѣятельность, подвинуты не болѣе какъ и во время сраженія подъ Пултускомъ, т. е. въ такое время, когда у меня имѣлось въ запасѣ несравненно болѣе средствъ, нежели послѣ сраженія при Прейссишъ-Эйлау. Извѣстно, какъ мало могутъ послужить на пользу всѣ проявляемыя въ странѣ усилія, коль скоро армія ея уничтожена. Когда мнѣ придется говорить о ходѣ переговоровъ Тильзитскаго мира, я снова коснусь этого, и читатель увидитъ, что Пруссія, сверхъ великихъ пожертвованій, которыя она принуждена была бы сдѣлать, неизбежно потеряла бы еще и Силезію, если бы наша армія потерпѣла пораженіе. Соображенія и обсужденія, внушенныя благоразуміемъ, должны были предшествовать каждому шагу моихъ военныхъ дѣйствій. Обстоятельства, въ которыхъ мы находились, не дозволяли мнѣ упускать изъ вида опасностей, которымъ мы могли легко подвергнуться, если бы я что-либо предоставилъ случайности. Словомъ сказать, въ моихъ дѣйствіяхъ я рѣшился руководствоваться началами, возлагаемыми на меня долгомъ, — заботиться и охранять интересы моего государя и народа. Самъ императоръ Наполеонъ отдалъ мнѣ въ этомъ полную справедливость. Онъ выразилъ это мнѣ столь лестнымъ для меня образомъ, что я не могу не сообщить здѣсь сказанныхъ имъ при этомъ словъ. Это происходило въ Тильзитѣ во время мирныхъ переговоровъ. Однажды я проходилъ мимо занимаемаго Наполеономъ помѣщенія. Онъ послалъ ко мнѣ офицера, для сообщенія мнѣ его желанія, чтобы я пришелъ къ нему. Я имѣлъ честь быть введеннымъ въ его кабинетъ, въ которомъ онъ находился одинъ. Послѣ нѣсколькихъ лестныхъ для меня словъ Наполеонъ сказалъ мнѣ: «и такъ, генераль, я былъ очевидецъ вашихъ талантовъ и вашего благоразумія», — и, придавая, какъ я могъ замѣтить, особенное значеніе этому послѣднему слову.

Не упрекайте меня, читатель, въ излишнемъ самолюбіи, побуждающемъ меня повторять эти слова императора Наполеона. Могу ли я быть нечувствительнымъ къ столь лестному для меня отзыву такого великаго человѣка!

Государь императоръ, въ изъявленіе своего удовольствія о дѣйствіяхъ нашей арміи въ этомъ знаменитомъ сраженіи и ко мнѣ въ особенности,

всемидостивѣйше удостоилъ пожаловать мнѣ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Кромѣ того, его величеству благоугодно было, указомъ г. министру финансовъ, повелѣть обратить мнѣ въ пожизненную пенсію двѣнадцатъ тысячъ рублей столовыхъ денегъ, которыя я въ то время получалъ. Всѣ генералы получили ордена; всѣ штабъ и оберъ-офицеры, представленные начальствомъ къ наградамъ за отличіе, удостоились всемидостивѣйше ихъ получить. Его величество, по моему о томъ представленію, приказалъ пожаловать болѣе 1200 офицерамъ особый знакъ отличія, состоявшій изъ золотого креста, который носился въ петлицѣ, съ изображеніемъ на немъ года, числа и мѣсяца знаменитыхъ дней подъ Прейссишъ-Эйлау. Этотъ крестъ всѣмъ, получившимъ оный, сокращалъ на три года установленный закономъ двадцатипятилѣтній срокъ безпорочной службы, для лицъ военнаго званія, на полученіе ордена св. Георгія 4-й степени. Кромѣ того, государь императоръ приказалъ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ всей дѣйствующей арміи, находившимся въ дѣлѣ подъ Прейссишъ-Эйлау, выдать въ награду одну треть получаемого ими жалованья ¹⁾).

Считаю необходимымъ привести полученный мною высочайшій рескриптъ отъ 8-го февраля 1807 года ²⁾).

---

¹⁾ Не лишнимъ считаемъ припомнить, что г. Беннигсенъ съ поля сраженія послалъ императору Александру съ флигель-адъютантомъ Ставицкимъ нижеслѣдующее письмо отъ 27-го января 1807 г.

„Ваше императорское величество! Почитаю себя чрезвычайно счастливымъ имѣя возможность донести вашему императорскому величеству, что армія, которую вамъ благоугодно было вѣрять моему начальствованію, явилась снова побѣдительницею. Прошедшая новая битва была кровопролитна и убійственна; она началась 26-го января въ три часа по полудни и окончилась только 27-го числа въ шесть часовъ вечера. Непрiятель былъ совершенно разбитъ; въ руки побѣдителей достались тысяча человѣкъ илѣнныхъ и двѣнадцатъ знаменъ, повергаемыхъ при семъ къ стопамъ вашего величества. Сегодня Бонапартъ съ отборными войсками производилъ атаки на мой центръ и оба крыла, но былъ всездѣ отраженъ и разбитъ; его гвардія неоднократно нападала на мой центръ безъ малѣйшаго успѣха; всездѣ эти атаки, послѣ сильнаго огня, были отбиты нашею кавалеріею и штыками пѣхоты. Нѣсколько пѣхотныхъ колоннъ непрiятеля и лучшіе его кирасирскіе полки были уничтожены.

„Не замедлю повергнуть къ стопамъ вашего императорскаго величества, какъ только это будетъ мнѣ возможно, подробное донесеніе объ этой достопамятной битвѣ при Прейссишъ-Эйлау.

„Полагаю, что наша потеря превыситъ 6.000 человѣкъ и, конечно, нисколько не преувеличу, заявивъ, что потеря непрiятеля должна превышать значительно цифру 12.000 человѣкъ“.

²⁾ Это позднѣйшая вставка Беннигсена въ его запискахъ, хранящихся въ архивѣ Военно-ученаго комитета. Рескриптъ на французскомъ языкѣ.

«Вамъ легко понять, генералъ, всю радость, доставленную мнѣ счастливымъ исходомъ сраженія при Прейсишъ-Эйлау. Вамъ была предоставлена слава побѣдить того, кто дондѣсь никогда не былъ побѣжденъ. Мнѣ очень пріятно имѣть возможность засвидѣтельствовать вамъ всю мою признательность, а также всего нашего отечества. Курьеру поручено вручить вамъ знаки ордена Св. Андрея Первозваннаго, а я въ то же время приказалъ министру финансовъ производить вамъ ежегодно пенсію въ двѣнадцать тысячъ рублей. Вся армія, состоящая подъ вашимъ начальствомъ, получить въ награду третное жалованье, и я ожидаю съ нетерпѣніемъ отъ васъ списокъ удостоенныхъ вами къ наградамъ, чтобы засвидѣтельствовать мою благодарность всѣмъ представленнымъ вами. Признаюсь вамъ, что я ощутилъ только одно сожалѣніе именно о томъ, что вы признали необходимымъ отступить; но возложивъ на васъ все довѣріе мое, вамъ однимъ представляется рѣшать по вашей опытности и познаніямъ то, что слѣдуетъ дѣлать. Вы сумѣете избрать время, когда вамъ будетъ предстоять двинуться впередъ и воспользоваться плодами вашей побѣды. Вы просите меня прислать къ вамъ всѣ имѣющіяся у меня свободныя войска. Всѣ находящіяся здѣсь войска давно были бы отправлены къ вамъ, если бы я не имѣлъ нѣкоторыхъ безпокойствъ въ отношеніи Швеціи. Дня три тому назадъ я увѣрился въ расположеніи этого двора и уже отдалъ приказъ двинуть къ вамъ всѣ войска, здѣсь находящіяся; въ слѣдующую среду они выступаютъ. Половина полковъ двинется по обычной дорогѣ на Ригу, а другая—на Псковъ и Яксбштадтъ. Эти двѣ дороги почти параллельны и поэтому для ихъ прохода потребуется одинаковое время. Войска найдутъ при этомъ болѣе удобства при остановкахъ и расквартированіи. Пошлю вамъ изъ кавалеріи: лейбъ-гвардіи Кавалергардскаго полка—5 эскадроновъ; Конной-гвардіи—5 эскадр., гусаръ гвардейскихъ—5 эск., уланъ полка моего брата—10 эскадр., и лейбъ-казаковъ—2 эскадр. Изъ пѣхоты лейбъ-гвардіи полковъ: Преображенскаго—3 батал., Семеновскаго—3 бат., Измайловскаго—3 батал., Егерскаго—2 батал., вмѣстѣ съ баталіономъ ополченія, что составитъ 3 батал., Гренадерскаго—3 батал., еще Кексгольмскаго полка—3 батал., Перновскаго—3 батал., Великолуцкаго—3 батал., втораго Егерскаго полка—3 батал. Всего же 27 эскадроновъ и 27 баталіоновъ. При каждомъ полку имѣется положенная артиллерія и кромѣ того 20 орудій тяжелой артиллеріи и 18 легкихъ слѣдуютъ вмѣстѣ съ артиллерійскимъ паркомъ. Конная батарея въ 12 орудій состоитъ при кавалеріи. Вотъ все, что находилось войскъ подъ Петербургомъ, такъ что въ настоящее время останется всего одинъ Преображенскій баталіонъ для занятія карауловъ во дворцѣ и одинъ эскадронъ казаковъ—для патрулей. Опасаюсь только, что вы ожидаете ихъ прибытія къ вамъ слишкомъ скоро, какъ это я усматриваю изъ

присланной вами копія съ рапорта къ прусскому королю. Черезъ 18 дней войска могутъ миновать Ригу, такъ что около 8-го или 10-го марта они могутъ быть на нашей границѣ. На другой день по пріѣздѣ Ставицкаго я приказалъ генералу Корсакову отправить къ вамъ всѣхъ, которыя у него свободны, а также изъ рекрутъ всѣхъ, которые уже порядочно обучены. Въ маѣ мѣсяцѣ надѣюсь имѣть возможность послать вамъ резервную армію, изъ трехъ новыхъ дивизій пѣхоты съ кавалерією и артиллерією. Прилагаютъ всевозможную быстроту для этого, но необходимо еще ждать два мѣсяца ихъ полного формировація.

«Теперь, генераль, обращаюсь къ той части вашего письма, которая до крайности меня огорчила (р е н ё), именно—къ просьбѣ вашей объ увольненіи васъ отъ командоваія армією. Возможно ли, генераль, чтобъ въ минуты, когда отъ васъ зависитъ спасеніе государства и всей Европы, вы могли бы помышлять о чемъ либо иномъ, какъ объ уготованной вамъ славѣ, которая такъ сказать въ вашихъ рукахъ. Продолжайте только какъ вы начали—и вы обезсмертите ваше имя. Съ моей же стороны, я желаю только васъ все болѣе и болѣе убѣдить въ томъ полномъ довѣрїи, которое къ вамъ имѣю. Буду говорить откровенно. Я подозрѣваю, что какія либо личныя соображенія могли васъ побудить на только что сдѣланный вами шагъ. Но я васъ заклинаю (conjure) постоянно помнить, что главнымъ командиромъ арміи состоите вы и что всѣ другіе безъ исключенія должны сообразоваться съ вашими приказаніями и имъ слѣдовать. Посылаю вамъ моего генерала-адъютанта Уварова, который слѣдуетъ за Бенкендорфомъ; ему поручено выразить вамъ словесно всѣ чувства уваженія, которыя я къ вамъ имѣю. Такъ какъ многіе генералы ранены, то вы можете дать Уварову назначеніе, на которое признаете его годнымъ и гдѣ вы найдете его полезнымъ. Уполномочиваю васъ вмѣстѣ съ тѣмъ перемѣнить генерала Эссена 1-го и замѣстить его тѣмъ изъ генералъ-лейтенантовъ, котораго вы найдете всего болѣе способнымъ командовать отдѣльнымъ отрядомъ.

«Примите, генераль, увѣреніе въ совершенномъ уваженіи. Александръ.

P. S. «Отправивъ отсюда всѣ войска и сдѣлавъ всѣ необходимыя распоряженія, я имѣлъ намѣреніе отправиться лично въ армію, но желалъ бы предварительно знать ваше мнѣніе о времени, когда мое прибытіе могло быть всего болѣе полезнымъ».

Теперь я перейду къ изложенію отступленія моего къ Кёнигсбергу.

Сообщилъ П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. Валуевъ и А. Г. Тройницкій.

23-го апрѣля 1861 г. дѣйствительный тайный совѣтникъ С. С. Ланской былъ уволенъ отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ, съ возведеніемъ въ графское достоинство, а управляющій дѣлами комитета министровъ статсъ-секретарь тайный совѣтникъ П. А. Валуевъ (впослѣдствіи графъ) назначенъ былъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

По современному разсказу А. Г. Тройницкаго, графъ Ланской пожелалъ лично представить своему преемнику бывшихъ своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и для этого пригласилъ къ себѣ ¹⁾ П. А. Валуева и старшихъ чиновъ министерства; пока они собирались въ залѣ, пріѣхалъ принцъ П. Г. Ольденбургскій, котораго графъ Ланской провелъ въ кабинетъ. Валуевъ же, поговоривъ съ нѣсколькими лицами, которыхъ зналъ раньше, подошелъ къ А. Г. Тройницкому, съ которымъ встрѣтился въ первый разъ, и обратился къ нему съ словами: «Надѣюсь, что вы будете для меня тѣмъ же, чѣмъ были для Сергѣя Степановича — правою рукою».

Эту надежду свою Валуевъ не замедлилъ осуществить; всего мѣсяцъ спустя, 31-го мая 1861 г., по его представленіямъ состоялось два высочайшихъ повелѣнія: о назначеніи члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ и непремѣннаго члена центрального статистическаго комитета, завѣдывающаго статистическимъ его отдѣломъ, тайнаго совѣтника Тройницкаго предсѣдательствующимъ въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ, съ званіемъ старшаго члена этого совѣта, и о предоставленіи ему же, Тройницкому, завѣдыванія, по ближайшимъ указаніямъ упра-

¹⁾ Тогда квартира министра внутреннихъ дѣлъ была въ домѣ министерства на Александринской площади.

вляющаго министерствомъ, частью дѣлопроизводства и текущей переписки по министерству ¹⁾, съ правомъ подписываться «за управляющаго министерствомъ». Тотчасъ же по утвержденіи своемъ, 9-го ноября 1861 г., министромъ внутреннихъ дѣлъ, Валувъ, 18-го того же ноября, исходатайствовалъ назначеніе Тройницкаго своимъ товарищемъ. Въ этой должности Тройницкій оставался до 9-го марта 1867 г., когда назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Такимъ образомъ Валувъ и Тройницкій одновременно стояли во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ почти шесть лѣтъ, въ самый дѣятельный періодъ преобразованій императора Александра II. На ихъ долю выпала масса труда—особенно сложнаго и отвѣтственнаго, часто не терпѣвшаго ни малѣйшаго отлагательства—по введенію въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ, составленію и введенію въ дѣйствіе положеній о земскихъ учрежденіяхъ, по поводу громадныхъ и частыхъ пожаровъ въ 1862 г. въ С.-Петербургѣ, а въ 1864 г. въ Симбирскѣ и вообще въ Поволжѣ, по поводу польскаго мятежа 1863 г., по принятію въ вѣдѣніе министерства и соотвѣтственнымъ преобразованіямъ цензуры и строительной части гражданскаго вѣдомства.

Валувъ, уже послѣ оставленія (9-го марта 1868 г.) министерства внутреннихъ дѣлъ, высказывалъ сожалѣніе, что у него не сохранилось слѣдовъ первыхъ мѣсяцевъ управленія министерствомъ, что въ его памяти изгладились всѣ подробности первыхъ начинаній, затрудненій, испытаній и опытовъ; онъ помнилъ однако, что взялся за управленіе министерствомъ и занялъ свое мѣсто въ высшихъ коллегіяхъ безъ соблюденія даже самыхъ обиходныхъ обрядныхъ формальностей, напри- мѣръ, въ Государственномъ Совѣтѣ былъ съ перваго раза въ обычной формѣ, безъ денты, при немъ не читался указъ о его назначеніи.

Сохранившіяся письма Валувъ къ Тройницкому отчасти дополняютъ сознававшійся имъ пробѣлъ въ его воспоминаніяхъ; письма эти даютъ понятіе о взаимныхъ отношеніяхъ корреспондентовъ, о ихъ взглядахъ на дѣла и дѣятелей того времени; во многихъ изъ нихъ такъ живо отразились впечатлѣнія данной минуты, что къ нимъ вполне примѣнимо мнѣніе князя П. А. Вяземскаго (въ его статьѣ «Памяти Карамзина»): письма—это сама жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ.

Письмами Тройницкаго къ Валуву мы не располагаемъ; но въ его письмахъ къ его матери и брату и къ давнишнему знакомому по Одессѣ—Аполлону Александровичу Скальковскому, встрѣчаются нерѣдко указанія на его отношенія къ Валуву и свѣдѣнія о его дѣятельности по званію

¹⁾ 2-го іюня 1861 г. П. А. Валувъ сообщилъ А. Г. Тройницкому перечень предоставленныхъ ему разрѣшенію предметовъ, занимающій болѣе двухъ страницъ листового формата.

товарища министра внутреннихъ дѣлъ; мы считаемъ не лишнимъ привести въ концѣ, послѣ писемъ Валужева, нѣсколько извлеченій изъ этихъ писемъ, чтобы хоть нѣсколько замѣнить письма Тройницкаго къ Валужеву.

Г. Т.

Письма П. А. Валужева къ А. Г. Тройницкому.

1.

29-го декабря 1861 года.

Приношу вашему превосходительству искреннѣйшую благодарность. Статью Арсеньева ¹⁾ возвращаю. Кажется, пропустить можно. Сдѣлайте милость не забудьте объ «entre-filet» по случаю вопросовъ другихъ газетъ насчетъ направленія «Сѣверной Почты», отношеній официальной части къ неофициальной, ненадобности въ протрублиеніи программы и проч. ²⁾.

Крѣпко опасаюсь «вопросовъ г. Никитенко» ³⁾.

Насчетъ передачи телеграммъ въ Москву въ редакцію «Наше го времени», тотчасъ, черезъ мой телеграфъ, прошу васъ сдѣлать конфиденціальное распоряженіе, приказавъ всѣ депеши, получаемыя для «Сѣверной Почты», тотчасъ пересылать въ копіи въ мою особенную канцелярію. Gardez moi le secret là dessus. Весь вашъ Валужевъ.

2.

1-го января 1862 г. ⁴⁾.

Очень вамъ благодаренъ и тронуть тѣмъ, что вы взяли на себя трудъ извѣститъ мени о народненіи № 1. Но что это за злополучный фельетонъ? Впрочемъ, какъ на первыхъ шагахъ не поскользнуться ⁵⁾.

Тысячу самыхъ искреннихъ пожеланій на новый годъ. Вамъ первому я пишу здѣсь, помѣчая 1862 годомъ. Потрудитесь передать ихъ г-жѣ Тройницкой. Весь вашъ Валужевъ.

¹⁾ Илья Александровичъ Арсеньевъ былъ редакторомъ политическаго отдѣла „Сѣвер. Почты“.

²⁾ См. въ № 1 „Сѣвер. Почты“ за 1862 г., на стр. 2, замѣтку по этому предмету.

³⁾ Никитенко, Александръ Васильевичъ, былъ главнымъ редакторомъ „Сѣвер. Почты“ (первымъ) съ 1-го января до 5-го іюля 1862 г.

⁴⁾ Переводъ съ французскаго.

⁵⁾ 1-го января 1862 г. вышелъ первый номеръ „Сѣвер. Почты“ (официальной газеты министерства внутреннихъ дѣлъ), въ которомъ помѣщенъ фельетонъ „Новый годъ, В. Ф.“, очевидно Виктора Яковлевича Фукса (въ то время чиновника особыхъ порученій при министрѣ внутр. дѣлъ), такъ какъ объ этомъ говорится въ письмѣ отъ 5-го янв. 1862 г.; о В. Я. Ф. не разъ упоминается въ дневникѣ А. В. Никитенко.

3.

5-го января 1862 г.

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство принять на себя трудъ распорядиться по слѣдующимъ пунктамъ:

- 1) Въ «Сѣверной Почтѣ» нѣтъ до сихъ поръ биржевыхъ извѣстій.
- 2) Нѣтъ также рубрикъ: корреспонденція и критика.
- 3) Не знаю, скоро ли появится рубрика: внутреннія извѣстія и скоро ли измѣнится рубрика политическія извѣстія.
- 4) Частныя рубрики въ заграничныхъ извѣстіяхъ г. Арсеньевъ введетъ съ будущей недѣли.
- 5) Между г. Арсеньевымъ и г. Фридбергомъ ¹⁾ неладно. Слѣдуетъ дать верхъ Арсеньеву, но бережливо для Фридберга.
- 6) Арсеньевъ способенъ, но забираетъ верхъ. Нужно попридержать. Онъ говорилъ о помѣщеніи критики на нашъ фельетонъ. Это выходка противъ Фукса. Согласенъ на помѣщеніе, если статья прилична и предварительно будетъ сообщена Фуксу. *Je prétends ne laisser évincer que ceux qu'il me convient de laisser filer. Pour Fuchs cela ne me convient pas* ²⁾.
- 7) Арсеньевъ знаетъ свое дѣло и приобретаетъ корреспондентовъ. Но нуженъ контроль.
- 8) Почему заграничное объявленіе помѣщено только одинъ разъ, и именно по-русски? Такъ ли просилъ тотъ кто его прислалъ? Сообщено ли ему о платѣ?
- 9) Прошу приказать начать перепечатаніе отчета министерства государственныхъ имуществъ (т. е. присланнаго извлеченія) ³⁾.

4.

28 января 1862 г.

Въ «Сѣверной Почтѣ» слѣдуетъ помѣстить почтительный и правдивый некрологъ о графѣ Сергѣи Степановичѣ ⁴⁾. Прошу совѣтъ вашего превосходительства: кому поручить написать оный?

---

¹⁾ Петръ Ивановичъ Фридбергъ былъ цензоромъ драматическихъ сочиненій.

²⁾ Я намѣренъ допускать, чтобы вытѣсняя тѣхъ, кого я хочу спустить. Для Фукса это мнѣ годится.

³⁾ См. въ №№ 7 и слѣд. „Сѣв. Почты“ за 1862 г.

⁴⁾ Графъ С. С. Ланской умеръ 26-го января 1862 г.

5.

6-го февраля 1862 г.

«Сѣверная Почта» забыла извѣстить своихъ читателей объ открытіи варшавскихъ церквей ¹⁾.

Кромѣ того слѣдуетъ напечатать, въ обычной формѣ, что государь императоръ изволилъ принимать 2-го числа начальника Орловской губерніи свиты его величества генералъ-майора графа Левашева и 4-го числа начальника Воронежской губерніи свиты его величества генералъ-майора Черткова ²⁾.

Князь Горчаковъ говорилъ мнѣ сегодня съ особымъ удовольствіемъ о своей встрѣчѣ съ вашимъ превосходительствомъ ³⁾ въ комитетѣ министровъ.

6.

15-го февраля 1862 г.

Позвольте представить вашему превосходительству г. Богушевича ⁴⁾ и просить васъ внушить г. Никитенко, который прежде самъ его вербовалъ, что онъ можетъ бытъ весьма полезенъ для «Сѣверной Почты». Душевно преданный Валувъ.

¹⁾ Извѣщеніе объ открытіи въ Варшавѣ римско-католическихъ церквей (послѣ временнаго закрытія ихъ самимъ духовенствомъ) см. въ «Сѣв. Почтѣ» 7-го февраля 1862 г., № 30.

²⁾ См. тотъ же № «Сѣверной Почты».

³⁾ При выѣздѣ А. Г. Тройницкаго изъ Одессы въ первое заграничное путешествіе (продолжавшееся съ 9 августа до 29 декабря 1839 г.), гр. М. С. Воронцовъ снабдилъ его слѣдующимъ письмомъ отъ 6 іюля къ князю Александру Михайловичу Горчакову, бывшему въ то время (1832—1841 г.г.). Совѣтникомъ Посольства въ Вѣнѣ. «Коллежскій совѣтникъ Тройницкій, отпра-вляющійся въ заграничное путешествіе, проситъ у меня рекомендательныхъ писемъ; я считаю всего лучшимъ направить его къ вамъ, дорогой князь. Убѣдительнѣйше прошу васъ оказать ему благосклонное вниманіе, котораго онъ вполне заслуживаетъ. Его бесѣда можетъ васъ заинтересовать, а если бы вы пожелали узнать что нибудь обстоятельное о нашемъ югѣ, никто лучше него не могъ бы вамъ того передать. Смерть его жены (См. Русск. Стар. 1887, февр. стр. 388), глубоко его опечалившая, побудила его предпринять настоящую поѣздку, чтобы нѣсколько разсѣяться; онъ будетъ просить у васъ писемъ въ Италію, и я, съ своей стороны, усерднѣйше прошу васъ, дорогой князь, не отказать ему въ этомъ, чѣмъ истинно меня обяжете».

Въ письмѣ къ своему брату изъ Вѣны отъ 26 августа—7 сентября 1839 г. А. Г. Тр. писалъ: «Со мною встрѣтилась здѣсь одна неудача, что всѣ рекомендацiонныя письма остались безъ пользы: князя Горчакова и банкировъ Ротшильдъ, Сивы и Эссенса нѣтъ въ городѣ, всѣ они на водахъ».

⁴⁾ Юрій Михайловичъ Богушевичъ, нинѣ редакторъ «Сельскаго Вѣстника», д. с. с., въ отставкѣ.

7.

9-го апрѣля 1862 г.

Посылаю къ вашему превосходительству:

1) Статью Вернадскаго ¹⁾ о подходномъ налогѣ, для «Сѣверной Почты». Корректуру слѣдовало бы еще разъ процензировать.

2) Статью «Одесскаго Вѣстника». Ее можно бы перепечатать въ «Сѣверной Почтѣ».

3) «Сѣверную Пчелу» № 94 ²⁾. По статьѣ о выкупномъ положеніи нужно написать Головнину ³⁾, что она именно подходила подъ разрядъ сомнительныхъ, о которыхъ надлежитъ спрашивать подлежащія вѣдомства, и даже вовсе могла подлежать запрещенію, какъ прямо направленная противъ только что изданнаго закона, въ самое критическое время, когда всячески должно стараться облегчать, а не затруднять его примѣненіе.

Кромѣ того я въ томъ же №-рѣ замѣтилъ объявленіе о «Misérables» Виктора Гюго. Развѣ эта книга цензурою одобрена къ продажѣ?

Объ «Инвалидѣ»,—о чинахъ по цензурной части и о преобразованіи «Сѣверной Почты» я желалъ бы съ вами лично объясниться.

8.

Дуббельнъ, 25-го іюля 1862 г.

Посылаю вашему превосходительству возвращенныя ко мнѣ отъ государя императора бумаги. Онѣ могутъ ожидать моего возвращенія. Дешпу генералъ-лейтенанта Жуковскаго ⁴⁾ я передалъ въ Либаву для свѣдѣнія его величества.

На сей разъ ограничиваюсь немногими строками и прошу извинить мой лаконизмъ. Внезапно очутивъ въ другомъ кругу жизненнаго движенія, мнѣ давно знакомомъ и нѣкогда весьма близкомъ, я на первые дни не имѣю ни одной свободной минуты, хотя, кромѣ депешъ, не имѣю и бумагъ. Не сообщаю депешъ изъ Либавы потому, что не знаю, въ какой формѣ официально мотивирована отсрочка возвращенія

¹⁾ Иванъ Васильевичъ Вернадскій (извѣстный политико-экономъ, † 27-го марта 1884 г.) въ то время чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, членъ центрального статистическаго комитета.

²⁾ Въ № 94 „Сѣверной Пчелы“ 1862 г. напечатаны: а) Записка о выкупномъ положеніи, читанная въ С.-Петербургѣ въ чрезвычайномъ губернскомъ собраніи дворянства въ январѣ 1862 г., а также объявленіе о выходѣ „Les Misérables“.

³⁾ Александръ Васильевичъ Головнинъ, министръ народнаго просвѣщенія въ вѣдѣніи котораго состояла тогда цензура.

⁴⁾ Григорій Васильевичъ Жуковскій былъ таврическимъ губернаторомъ съ 19 іюля 1856 г.; умеръ 15 февраля 1890 г.

и. и. в. в. (ихъ императорскихъ величествъ) а другія извѣщенія не заключаютъ въ себѣ ничего особаго.

Прибыль благополучно. Въ Ригѣ успѣлъ встрѣтить великаго князя Александра Александровича на пути въ Варшаву. Въ тотъ же вечеръ я былъ въ Дуббельнѣ. Въ субботу утромъ ѣду въ Ригу, гдѣ буду ожидать и. и. в. в.

Покорнѣйше прошу васъ весьма поклониться Михаилу Николаевичу ¹⁾ и всѣмъ нашимъ и пріять увѣреніе въ моемъ истинномъ почтеніи и совершенной преданности.

9.

Дуббельнѣ, 16-го августа 1862 г.

Покорнѣйше благодарю ваше превосходительство за телеграммы. Я такъ и думалъ, что препятствій не будетъ и что въ Государственномъ Совѣтѣ безъ меня легко обойдутся. Отсрочка мнѣ тѣмъ болѣе надобна, что мнѣ нужно, на дорогѣ, побывать у матушки (въ 40 верст. отъ желѣзн. дороги), и что съ нѣкотораго времени мнѣ нездоровится, хотя я этого не показываю и въ этомъ не признаюсь. Прилагаю нѣсколько бумагъ, которыя вы вѣроятно передать изволите по принадлежности большею частью Шидловскому.

Писемъ г. Попондопуло я на сей разъ даже не распечаталъ. Нельзя ли черезъ третье отдѣленіе или чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ узнать, что это за сумасшедшій. Въ Дуббельнѣ я уже получилъ писемъ до десяти и все въ одномъ родѣ.

Что сказать Лашкареву? ²⁾ Право не знаю. Если хочетъ ѣхать, пусть ѣдетъ и не ожидая меня. Оно можетъ быть и лучше. Пригласить можно и изъ Перми, перевести тоже.

Справка Фукса о погодѣ пригодится для «Сѣверной Почты». Не находите ли вы, что Варадиновъ ³⁾ очень полезенъ?

Насчетъ Фукса, который просится за границу, не изволите ли представить всеподданнѣйшій докладъ безъ меня, хотя бы и письменно. Скажите ему, прошу васъ, что насчетъ пособія письменно просить можетъ быть не удобно. Я сдѣлаю это *post factum*.

¹⁾ Очевидно, подразумѣвается Михаилъ Николаевичъ Шидловскій, въ то время правитель особенной канцеляріи министра внутреннихъ дѣлъ, потомъ одесскій градоначальникъ (съ 1 янв. 1865 до 23 февр. 1868 г.); умеръ въ концѣ 1896 года, въ Харьковѣ, тайнымъ совѣтникомъ въ отставкѣ.

²⁾ Александръ Григорьевичъ, пермскій губернаторъ съ 7-го сентября 1860 г. до 27-го апрѣля 1865 г.

³⁾ Николай Васильевичъ Варадиновъ завѣдывалъ главною редакціею „Сѣверной Почты“ съ 6-го іюля до 4-го октября 1862 г.; имъ составлена исторія министерства внутреннихъ дѣлъ.

Прошу васъ также сказать Я. А. Соловьеву ¹⁾, что здѣсь, въ со-
сѣдствѣ Ковенской губерніи, я убѣждаюсь въ надобности скорѣйшаго
распространенія выкупныхъ правилъ на Литовскій край. Въ какомъ
положеніи этотъ вопросъ? Что сдѣлалось и съ украинскимъ?

Сдѣлайте милость прикажите прилагаемое письмо отправить къ
Гернгросу ²⁾ и кромѣ того справиться, когда откроется коммисія въ-
домства министерства государственныхъ имуществъ по вопросу о по-
земельныхъ оцѣнкахъ.

10.

Четвергъ, 20-го сентября 1862 г.

Вчера былъ у меня Гончаровъ ³⁾. Признаюсь, онъ снова мнѣ
крѣпко понравился. Въ немъ есть эстетика, такъ что съ нимъ можно
имѣть дѣло часто, а это «часто» для сношеній съ главнымъ редак-
торомъ необходимо. Ему хочется этимъ быть. Его имя прибавить не
одного, а многихъ подписчиковъ, и докажетъ, что газета не падаетъ,
а поднимается. Кажется, онъ золъ на нѣкихъ литераторовъ. И это
можетъ быть полезнымъ. Что изволите о семъ думать?

11.

25-го сентября 1862 г.

Варадинову сказано съ надлежащими любезностями, что редакція
переходить къ другому. Сегодня же я испросилъ у гр. Адлерберга по-
дарокъ изъ кабинета и доложу государю въ пятницу.

12.

28-го сентября 1862 г.

Прилагаю при семъ проектъ объявленія съ моими замѣтками.

Шаткость Гончарова меня только потому беспокоитъ, что я опа-
саюсь, что его сбиваютъ. Сдѣлайте милость закрѣпите и тисните
по приглашенію.

¹⁾ Управлявшему въ то время земскимъ отдѣломъ министерства внут-
реннихъ дѣлъ.

²⁾ Николай Александровичъ, товарищъ министра государственныхъ иму-
ществъ съ 8-го января 1862 г. до 10-го ноября 1865 г.

³⁾ Иванъ Александровичъ Гончаровъ былъ главнымъ редакторомъ „Сѣ-
верной Почты“ съ 5-го октября 1862 г. до 29-го іюня 1863 года.

13.

1-го октября, вечеромъ, 1862 г.

Признаюсь, я былъ даже изумленъ нынѣшнимъ дополнительнымъ номеромъ «Сѣверной Почты» ¹⁾. Нахожу форму превосходною и приношу вашему превосходительству дань глубокой благодарности.

Раздѣляю ваше мнѣніе насчетъ проекта положенія о политико-экономическомъ комитетѣ. Нельзя ли вамъ захватить ко мнѣ не послѣ, но до засѣданія комитета министровъ.

14.

Москва, 22-го октября 1862 г., вечеромъ.

Ваше превосходительство, не взыщите за лаконизмъ. Я въ эти два дня былъ въ столькихъ домахъ, видалъ столько людей, слышалъ и говорилъ такъ много, что подъ конецъ внутреннее состояніе моего мозга похоже на «macédoine». Эду завтра, съ Божіею помощію, во Владиміръ, предоставляю себѣ, на обратномъ пути, дослушать невыслушанное и договорить недосказанное. Особаго ничего здѣсь нѣтъ. Прежній отгѣнокъ,—но посвѣтлѣе.

На вашу депешу я отвѣчалъ тотчасъ. Не раздѣляю мнѣнія князя В—ва ²⁾ потому преимущественно, что я всегда стараюсь дѣйствовать *comme le fait un gouvernement régulier* ³⁾, а наши генераль-губернаторы любятъ дѣйствовать *comme un gouvernement personnel*. ⁴⁾ Отдавать подъ судъ должно за извѣстный проступокъ. Безъ слѣдствія можно отдать подъ судъ только всѣхъ подписавшихъ, или только однихъ предводителей. Сочиненіе адреса ⁵⁾ есть только редакція. Зачинничество въ дѣлѣ можетъ принадлежать и не редакторамъ. Но, повторяю, тогда нужно слѣдствіе. Объ исповѣданіи же здѣсь говорить нечего.

¹⁾ Въ понедѣльникъ («Сѣв. Почта» не выходила въ слѣдующіе за праздничными дни) 1-го октября 1862 г., выищенъ былъ подъ названіемъ „Прибавленіе къ № 212* цѣлый листъ „Сѣверной Почты“, въ которомъ помѣщены высочайше утвержденныя 29-го сентабря того года основныя начала преобразованія судебной части.

²⁾ Кіевскій генераль-губернаторъ князь Викторъ Илларионовичъ Васильчиковъ.

³⁾ Какъ правильное правительствѣ.

⁴⁾ Какъ правительствѣ личное.

⁵⁾ Подольское дворянство, на губернскомъ съѣздѣ, составило адресъ о присоединеніи Подоліи, въ административномъ отношеніи, къ Царству Польскому.

Нельзя ли вамъ узнать поподробнѣе, отъ Милютина ¹⁾, въ чемъ собственно заключается новый законъ о рекрутскомъ наборѣ по Царству Польскому и какимъ порядкомъ онъ изданъ?

Прощайте до другого дня. Весь вашъ Валувъ.

15.

Москва, 28-го октября 1862 г.

Искренно благодарю ваше превосходительство за письмо отъ 27-го, (хотя не августа, какъ вы его помѣтили). Оно меня поставляетъ *parfaitement au courant*. Вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе по западнымъ дѣламъ. По проекту рекрутскаго временнаго положенія въ Царствѣ Польскомъ, мнѣ важно знать, какое участіе въ немъ принималъ Велепольскій. По херсонскому вопросу посылаю вамъ то письмо, о которомъ я упоминалъ въ моей депешѣ. Оно объяснитъ вамъ, почему съ моей стороны не было препятствія къ немедленному докладу представленія о Касиновѣ ²⁾. Насчетъ Клеванова ³⁾ и я думаю, что бракъ кончится разводомъ. Замятнина ⁴⁾ считаю не долговѣчнымъ, хотя сезонъ или два, въ новой квартирѣ, можетъ быть, удастся прожить. Наконецъ, насчетъ западнаго комитета вы не говорите, напечатана ли и разослана ли моя записка?

Вернулся сегодня. Достаточно промученъ тремя ночами въ вагонѣ и всѣмъ тѣмъ, что наполнило промежуточные дни. Вообще, поѣздкою доволенъ. Атмосфера лучше, чѣмъ вообще предполагають. Никакого неприятнаго эпизода не было. Видалъ кое-что и многихъ. Продолжаю то же самое здѣсь. Возвратясь въ половинѣ восьмого, я уже былъ у обѣдни въ 10-ть, принималъ съ 11-ти до 3-хъ, между прочимъ Каткова и Леонтьева и депутацію ямщиковъ, которые поднесли мнѣ икону; ѣздилъ съ 3-хъ до 5-го; обѣдалъ у стараго товарища; успѣлъ быть въ театрѣ и, наконецъ, приготавливаю, какъ изволите видѣть, свой постъ-пакетъ.

Посылаю вамъ полученныя отъ Безака и Григорьева взаимныя обвиненія, въ формѣ писемъ. Оба грамотны и неглупы. Кто тутъ виновать, не разберешь сразу. Прошу сообщить эту переписку, конфиденціально, Милютину.

Прошу также сказать отъ меня Рейтерну:

¹⁾ Дмитрія Алексѣевича (нынѣ графа), въ то время военнаго министра.

²⁾ Касиновъ, Егоръ Александровичъ, былъ херсонскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства съ 7-го декабря 1856 г. до 8-го марта 1868 г., а съ этого числа минскимъ губернаторомъ.

³⁾ Александръ Семеновичъ, въ то время состоявшій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

⁴⁾ Намекъ на предстоявшее назначеніе Дмитрія Николаевича Замятнина министромъ юстиціи.

1) Что владимірскій и нижегородскій акцизные управляющіе весьма довольны ходомъ ихъ дѣла въ ихъ губерніяхъ, особливо первый.

2) Что Купреяновъ ¹⁾ будетъ въ Петербургѣ 1-го или 2-го ноября. Онъ имѣлъ въ виду возможность пригласить его на мѣсто, первоначально предназначавшееся Барановскому.

(Пунктъ 2-ой совершенно конфиденціально).

Далѣе прошу васъ приказать приготовить для меня, къ пятницѣ, по возможности легкой докладъ. Что послужитъ, кромѣ дѣлъ нужныхъ, можетъ быть отложено на недѣлю. Затѣмъ прощайте.

16.

2-го ноября 1862 г.

Мнѣ завтра нужно быть на выносѣ тѣла бѣднаго Мороза ²⁾, а потомъ принимать разныхъ губернаторовъ et cetera. Позвольте покорнѣйше просить ваше превосходительство принять просителей въ домѣ министерства.

17.

Москва, 16-го ноября 1862 г.

Начинаю мое писаніе къ вашему превосходительству покорнѣйшею просьбою поручить А. Д. Шумахеру ³⁾ побывать у генерала Мельникова ⁴⁾, котораго я о семъ предварилъ, для соглашенія насчетъ порядка и формы упраздненія строительныхъ и дорожныхъ комиссій. Но Мельниковъ желаетъ, чтобы это дѣло устроилось какъ можно скорѣе. Полагаю, что ни вы, ни Шумахеръ, ни я, не пожалѣемъ о реченныхъ комиссіяхъ. Прошу васъ очень рекомендовать Шумахеру ковать желѣзо пока горячо и ковать съ-плеча. Ждать общаго преобразования губернскаго управленія нечего. Строительная часть всегда въ немъ уложится. Держусь первоначальной (1857 г.) своей мысли: строительное отдѣленіе губернскаго правленія. На правахъ совѣтника—губернскій инженеръ. Кромѣ того, губернскій архитекторъ; къ каждому,—по одному помощнику. Вольные техники по дипломамъ или патентамъ. Вотъ и все. Генералъ Мельниковъ, кажется, на все это согласится.

¹⁾ Яковъ Александровичъ Купреяновъ былъ пензенскимъ губернаторомъ съ 6-го августа 1861 г. до 28-го декабря 1862 г., а съ этого числа директоромъ департамента государств. казначейства, † 1869 г.

²⁾ Чиновникъ особыхъ порученій, Морозъ умеръ въ вагонѣ, на Валдайской станціи, на возвратномъ пути изъ Москвы, куда онъ сопровождалъ П. А. Валужева.

³⁾ Шумахеръ, Александръ Даниловичъ, директоръ хозяйственнаго департамента министерства внутр. дѣлъ въ 1861—1878 г.г., потомъ сенаторъ, дѣйств. тайн. сов., умеръ 1-го янв. 1898 г.

⁴⁾ Павелъ Петровичъ—въ то время главноуправляющій путей сообщенія и публичныхъ зданій.

Попрсите графа Шувалова ¹⁾ мнѣ тотчасъ прислать справку о томъ, сколько остается, по настоящее время, неизрасходованныхъ и неразассигнованныхъ изъ нашихъ 200 тысячъ на добавочное содержаніе губернаторовъ. Эта справка мнѣ нужна для доклада, въ которомъ я прошу о предоставленіи этого остатка въ распоряженіе министерства.

Далѣе прошу васъ тотчасъ же мнѣ сообщить, кѣмъ и какъ передано въ «Сѣверную Почту» свѣдѣніе о назначеніи епископа Маерчика (по Царству Польскому). Оказалось, что государь прочиталъ это извѣстіе въ «Сѣверной Почтѣ» въ т о т ъ с а м ы й д е н ь, въ который онъ только что подписалъ указъ о Маерчикѣ.

До сихъ поръ здѣсь не было никакихъ приемовъ или *festivités*, по случаю легкаго нездоровья императрицы. Я видѣлъ ее величество вчера и сегодня. Ей гораздо лучше, и послѣзавтра, вѣроятно, — общее представленіе дворянства. Здѣсь губернскіе предводители: нижегородскій, владимірскій, тульскій, калужскій, тверской, смоленскій, рязанскій, полтавскій, ярославскій и гродненскій. Дамы готовятся къ представленію въ понедѣльникъ или во вторникъ.

Народъ такъ бѣгаетъ за государемъ, что ему нельзя ходить. Онъ пробуетъ и потомъ кончается тѣмъ, что садится въ коляску и ѣдетъ далѣе.

18.

Москва, 18-го ноября 1862 г.

Письмо вашего превосходительства отъ вчерашняго числа я имѣлъ честь получить. Отвѣчаю, насколько сумѣю и успѣю. Сегодняшній день, по случаю приѣма дворянства и нѣкоторыхъ другихъ эпизодовъ, довелъ меня до двухъ часовъ ночи безъ минуты отдыха или досуга.

Посылаю при семъ статью о приѣмѣ дворянства, для напечатанія въ «Сѣверной Почтѣ» ²⁾. Вслѣдъ за нею, то-есть въ одномъ и томъ же съ нею номерѣ, прошу приказать напечатать, по предварительномъ сообщеніи Я. А. Соловьеву, прилагаемый циркуляръ. Онъ, въ сущности, заключаетъ въ себѣ только общія мѣста; но по отзывамъ многихъ компетентныхъ цѣвителей здѣшняго настроенія умовъ, онъ будетъ полезенъ, особенно по случаю совпаденія его съ сегодняшнимъ приѣмомъ. Не приписываю сему особаго значенія, но нахожу безвреднымъ послушаться. Если, въ чемъ однако же сомнѣваюсь, вы признаете нужнымъ, по совѣту Я. А., нѣсколько измѣнить или дополнить циркуляръ, то васъ къ сему уполномочиваю, съ тѣмъ, чтобы непременно былъ напечатанъ безъ замедленія. Подпишу послѣ.

¹⁾ Въ то время управлялъ департаментомъ общихъ дѣлъ мин-ва вн. дѣлъ.

²⁾ „Сѣв. Почта“ 21-го ноября 1862 г., № 254.

Въ Минскъ,—пока нечего сообщать. Тамъ, полагаю, ничего не будетъ, хотя и не исключительно благодаря губернатору.

О запросѣ Гессе сегодня ничего не скажу. Нужно справиться.

Отношеніе Рейтерна о полтавскихъ 5¹/₂% принимаю къ свѣдѣнію.

Идемъ отношеніе государственнаго секретаря о Г. М. Озерскомъ.

Записку Головинна прошу прислать, равно и отношеніе генерала Зеленаго ¹⁾ о новой комиссіи. Въ эту комиссію назначаю г.г. Колошина ²⁾ и Шульца ³⁾, если Я. А. Соловьевъ не предложитъ другого кандидата на мѣсто одного изъ двухъ.

Въ комиссію о Россійско-американской компаніи можно назначить Ржевскаго ⁴⁾ или Золотарева, если, по званію другихъ членовъ, перваго нельзя туда командировать.

Въ комиссію о казенной администраціи не знаю кого назначить, потому что не знаю о чемъ дѣло. Какая казенная администрація? Екатеринбургскіе заводы? Коинзаводство? Оброчныя статьи государственныхъ имуществъ?—все это казенная администрація.

Насчетъ дѣла о домѣ нищихъ не угодно ли распорядиться, какъ вы предположили, черезъ Гурко и Мансурова; Лебедева, состоящаго при князѣ Суворовѣ, я командировать никакъ не намѣренъ.

Насчетъ Сущева раздѣляю мнѣніе губернатора, который уже у васъ, на мѣстѣ. Сожалѣю, что на сей разъ я мнѣнія Я. А. Соловьева раздѣлить не могу. Мѣсяць или болѣе тому назадъ, я съ нимъ соглашался; но побывавъ на мѣстахъ, я увидѣлъ, что въ Нижнемъ лучше подобрать подъ масть, чѣмъ искать разношерстности.

Вотъ, кажется, и полный довольно отвѣтъ,—и половина третьяго утра,—головная боль порядочная. Желаю, чтобы вы легли ранѣе и безъ боли. До другого дня. Весь Вашъ Валуевъ.

«Съверную Почту», словно нарочно, ко мнѣ опять не отправляютъ.

19.

Москва, 20-го ноября 1862 г.

Письмо вашего превосходительства, отъ вчерашняго числа, я получилъ и признаю за вами преимущество въ томъ, между plurimis alius, что вы ранѣе меня начинаете дни, хотя завершаете ихъ одинаково

¹⁾ Александра Алексѣевича, министра государственныхъ имуществъ.

²⁾ Колошинъ, Николай Николаевичъ, въ то время помощникъ управляющаго земскимъ отдѣломъ; теперь членъ совѣта министра внутр. дѣлъ, тайн. совѣтникъ.

³⁾ Шульцъ, Павелъ Антоновичъ, въ то время вице-директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностр. исповѣд., дѣлопроизводитель остзейскаго комитета—теперь сенаторъ, дѣйств. тайн. сов.

⁴⁾ Позже былъ управляющимъ межевою частью.

поздно. Я всегда пишу накануне, а вы въ день отправленія постъ-пакетовъ.

Обращаюсь къ вопросу о комиссіи по дѣлу о слияніи сельскихъ сословій. Вижу, что вы учрежденія комиссіи не одобряете, и полагаю, что Я. А. Соловьевъ также имъ недоволенъ. Я другого мнѣнія. Я согласился на эту мѣру по желанію генерала Зеленаго и считаю ее скорѣе полезною, чѣмъ вредною. Вотъ мои аргументы, которые прошу сообщить Я. А.

1) Противорѣчія съ общими началами Государственнаго Совѣта быть не можетъ, потому что комиссія призвана дѣйствовать только на основаніи этихъ началъ. Она пока только устраивается. Генералъ Зеленый даже не имѣлъ въ виду нынѣ же сообщать высочайшаго о томъ новелѣнія. Но я просилъ это сдѣлать, потому что предпочитаю не держать высочайшія повелѣнія въ запасъ и люблю тотчасъ выводить на чистую воду то, въ чемъ участвую.

2) Дѣло нужно, наконецъ, двинуть. Оно полтора года коснѣетъ въ главномъ комитетѣ и въ государственной канцеляріи. Чтобы двинуть дѣло, желательно избѣгать лишнихъ треній съ министерствомъ государственныхъ имуществъ. Этого, одного, уже было достаточно, чтобы согласиться съ генераломъ Зеленымъ.

3) Государственная канцелярія какъ-то клонится къ тому, чтобы сдѣлаться министерствомъ преобразованій,—какихъ бы то ни было. Это не нормально и ведетъ къ застою дѣлъ отъ ихъ накопленія. Учрежденіе комиссіи отъ двухъ министерствъ вообще правильнѣе.

4) Вопросъ долженъ быть направляемъ, преимущественно, по взгляду министра внутреннихъ дѣлъ, который принимаетъ на себя управленіе сливаемыми сословіями. Этому взгляду доселѣ не оказывалось надлежащаго вниманія. Была сдѣлана попытка провести другіе взгляды. Подчиняться имъ министръ внутреннихъ дѣлъ не можетъ.

5) Кто бы ни былъ предсѣдателемъ комиссіи, дѣло, въ которомъ будутъ участвовать лица по моему назначенію и по моимъ инструкціоннымъ указаніямъ, пойдетъ, въ главныхъ чертахъ, не иначе, какъ по моему. Гдѣ я считаю нужнымъ настоять, конечно настою.

6) Конечно, было бы нѣкоторымъ образомъ правильнѣе учредить комиссію при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но это «при»—стоитъ ли спора? Чѣмъ болѣе я рѣшился не уступать въ существенномъ, тѣмъ равнодушнѣе я къ несущественному. Предсѣдатель взять со стороны, чтобы нѣкоторымъ образомъ держать дѣло въ равновѣсіи. Министръ государственныхъ имуществъ просилъ меня вызвать для сего какого-нибудь губернатора. Я отказалъ, потому что у губернаторовъ теперь есть свое дѣло.

7) Министерство государственныхъ имуществъ охотнѣе будетъ дѣ-

дать уступки мнѣ, чѣмъ государственной канцеляріи, которая иногда дѣйствуетъ раздражительно. Если же я въ этомъ ошибаюсь, то всегда найдется время идти на-проломъ.

Скажите, нѣтъ ли во всемъ вышеизложенномъ достаточныхъ уваженій къ тому, что мною допущено!

Отвѣтъ насчетъ назначенія членовъ въ комиссію мы дадимъ по моему возвращеніи въ С.-Петербургъ.

Возвращаю присланныя бумаги.

Вы спрашиваете, что дѣлаетъ графъ Старжинскій ¹⁾, — le cauchemar du gen. Nasimoff! Онъ представлялся вмѣстѣ съ прочими и сегодня имѣлъ особую аудіенцію у государя. Последнее между нами. Доброй ночи! Весь вашъ Валуевъ.

20.

Москва 23-го ноября 1862 г.

Искреннѣйше благодарю ваше превосходительство за добрыя письма и за веденіе всѣхъ дѣлъ такъ, что мое отсутствіе даже мнѣ самому не замѣтно. Съ вами такъ легко, и все такъ обезпечено, спокойно и приятно, что повторю, могу только отъ души васъ благодарить.

Письмо отъ вчерашняго числа получилъ. Посылаю къ вамъ доклады, сегодня разрѣшенные, разныя бумаги и прилагаемую замѣтку, которую вѣрю вашему особому попеченію. A bon entendeur salut. Я пишу торопливо, по необходимости, и можетъ быть не совсѣмъ ясно; но вы пополните не полное и разъясните не ясное.

Въ Саратовѣ вице-губернаторъ, полиціймейстеръ и еще кое кто continuent В. . . . . Предварите Муравьева ²⁾, если онъ у васъ, что ему нужно будетъ тотчасъ найти другого полиціймейстера. Это конечно между нами.

О перемѣнѣ вице-губернатора ³⁾ я ему уже сообщилъ. Доброй ночи. Весь вашъ Валуевъ.

1) Прошу составить для западнаго комитета таблицу народонаселенія западныхъ губерній по состояніямъ. Свѣдѣнія есть въ приложенияхъ къ отчетамъ гражданскихъ губернаторовъ. Если у насъ нѣкоторыхъ послѣ пожара не окажется, ихъ можно найти въ комитетѣ министровъ.

¹⁾ Графъ Викторъ Александровичъ Старжинскій былъ гродненскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства съ 21-го октября 1861 г. до 10-го сентября 1863 г.

²⁾ Николай Михайловичъ, саратовскій губернаторъ съ 16 ноября 1862 г. до 13 мая 1863 г.

³⁾ Съ 7-го декабря 1862 г. до 26-го іюля 1863 г. саратовскимъ вице-губернаторомъ былъ Петръ Макаровичъ Ратмановъ замѣнившій Федора Андреевича Беклемишева (съ 2-го марта 1862).

2) Прошу освѣдомиться о положеніи дѣла о полиціяхъ въ государственной канцеляріи. Государственный секретарь говорилъ мнѣ, что къ моему возвращенію будетъ составленъ проектъ заключенія. Могу-ли найти его у себя 27-го числа.

3) Выкупныя правила 1862 года (въ іюнь), понимаются въ губерніяхъ самымъ различнымъ образомъ. Прошу Я. А., по моему возвращенію, о томъ со мною переговорить.

4) У насъ были сдѣланы разные займы изъ суммъ департамента д. д. и. и. (духов. дѣлъ иностранныхъ исповѣданій) и хозяйственнаго департамента для «Сѣверной Почты», для постройки дома и т. п.

Прошу заблаговременно распорядиться составленіемъ точныхъ расчетовъ къ 1-му января. По департаменту д. д. и. и. должны быть выведены въ счетъ проценты, о чемъ я уже говорилъ графу Сиверсу ⁴⁾.

5) Смоленское губернское присутствіе приняло къ своему разсмотрѣнію дѣло по жалобѣ мирового посредника Воронца на уѣзднаго предводителя, и по предварительной перепискѣ съ министерствомъ представило о томъ въ Сенатъ. Прошу доложить, могутъ ли губерніскія присутствія разсматривать дѣла о жалобахъ на уѣздныхъ предводителей.

6) Въ Петербургѣ ли теперь саратовскій губернаторъ Муравьевъ?

7) Крестьянское дѣло вообще идетъ весьма успѣшно. Страсти успокоиваются, отношенія устанавливаются и крѣпнуть на правильной основѣ. Нужно два-три толчка и цѣль будетъ окончательно достигнута. Эти толчки нужны для того, чтобы пріободрить образумившихся, но еще боязливыхъ или колеблющихся, и чтобы еще болѣе уронить падающій кредитъ крикуновъ. Вотъ почему я приписываю особое значеніе нѣкоторымъ вопросамъ: о поземельныхъ искахъ, о рекрутскихъ квитанціяхъ, о наймѣ рабочихъ, объ охраненіи лѣсовъ, взиманіи оброковъ и т. п. Прошу Я. А. Соловьева приказать составить перечень всѣхъ подобныхъ вопросовъ, уже прежде возбужденныхъ, или возбуждаемыхъ пересылаемыми мною справками и записками. Какъ болѣзненны умы и какъ дешево можно вліять на нихъ, видно изъ того, что мой циркуляръ отъ 18-го, т. е. повтореніе неоднократно уже сказаннаго, здѣсь принять со всеобщимъ одобреніемъ и произвелъ сильное впечатлѣніе!!

Сообщилъ Г. А. Тройницкій.

---

⁴⁾ Графъ Эммануиль Карловичъ Сиверсъ въ то время директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностран. исповѣд., нынѣ сенаторъ, оберъ-гофмейстеръ.

обмолвился ни словомъ по поводу сдѣланной имъ ошибки и не сдѣлалъ въ своихъ донесеніяхъ или въ разговорѣ ни малѣйшаго прямого или косвеннаго намека на содержаніе секретнаго документа и на его ошибку. Съ тѣхъ поръ я пользовался его полнымъ довѣріемъ.

Если бы попытка къ сближенію съ Пруссіей, сдѣланная Австріей во время министерства Рехберга, привела къ желаемой цѣли, то результатомъ ея было бы заключеніе обще-германскаго союза, основаннаго на принципѣ дуализма, то-есть къ образованію въ средней Европѣ семидесятимилліоннаго двуглаваго государства, тогда какъ Шварценбергъ, употребляя все усиліе, чтобы осуществить этотъ союзъ, хотѣлъ, чтобы во главѣ его стояла одна Австрія, и чтобы Пруссія была отодвинута въ разрядъ второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ. Последнею попыткою къ этому былъ княжескій сеймъ 1863 года. Если бы шварценбергская политика увѣнчалась успѣхомъ и княжескій сеймъ достигъ предполагаемой цѣли, то главная его роль состояла бы, по всей вѣроятности, въ уничтоженіи внутренней нѣмецкой политики, подобно тому, какъ уже было приступлено къ ревизіи конституцій въ Ганноверѣ, Гессенѣ, Люксембургѣ, Липпѣ, Гамбургѣ и др. Подобная участь могла постигнуть и прусскую конституцію, если бы этому не помѣшала благородный образъ дѣйствій короля. Надобно полагать, что если бы во главѣ союза стояли двѣ равноправныя державы—Австрія и Пруссія, а этого можно было бы достигнуть благодаря моимъ личнымъ отношеніямъ къ Рехбергу, то наше внутреннее конституціонное развитіе погнбло бы въ союзной реакціи и вслѣдствіе односторонняго преслѣдованія отдѣльными государствами своихъ абсолютистскихъ цѣлей; въ соперничествѣ двухъ великихъ державъ было спасеніе нашей конституціи. При дуалистической системѣ, Австрія, Пруссія и средне-германскія государства должны были бы соревновать между собою, чтобы заслужить одобреніе общественнаго мнѣнія всей націи и отдѣльныхъ государствъ; это предохранило бы нашу общественную жизнь отъ застоя. Періодъ пятидесятихъ годовъ, когда либеральная пресса Австріи, соперничая съ Пруссіей, старалась одержать надъ нею верхъ хотя въ области фразы, даетъ нѣкоторое понятіе о томъ, до какой степени борьба за преобладающую роль въ Европѣ была полезна для оживленія національныхъ чувствъ и для развитія конституціонныхъ учреждений.

Но преобразование союза, при помощи княжескаго сейма 1863 года, въ томъ видѣ, какъ того желала Австрія, не оставило бы слишкомъ широкаго поля для соперничества Пруссіи и Австріи и для ихъ борьбы съ парламентаризмомъ. Преобладающая роль Австріи въ реформированномъ союзѣ была бы обезпечена большинствомъ, образовавшимся подъ вліяніемъ фантастической боязни Пруссіи и парламентаризма.

При общихъ комбинаціяхъ, то-есть при дуалистической системѣ или

при преобладаніи Австріи, значеніе Германіи, во внѣшней политикѣ, зависѣло бы отъ единодушія и сплоченности обѣихъ націй. Датскій вопросъ доказалъ ясно, что, дѣйствуя единодушно, Австрія и Пруссія представляютъ изъ себя такую силу, съ которой ни одна держава не вступитъ легкомысленно въ борьбу. Рѣшеніе этого вопроса не подвигалось впередъ до тѣхъ поръ, пока за него ратовала одна Пруссія; хотя на ея сторонѣ было общественное мнѣніе нѣмецкаго народа и всѣ средне-германскія государства, однако дѣло ограничивалось такими ничтожными мѣрами, каковы были Мальское перемиріе и Ольмюцкая конференція; но лишь только, съ назначеніемъ министромъ Рехберга, удалось заручиться поддержкою Австріи, эти двѣ нѣмецкія державы представляли изъ себя достаточно внушительную силу, чтобы удержать прочія державы отъ всякаго поползновенія вмѣшаться въ это спорное дѣло. Въ послѣднее время Англія выказывала постоянно стремленіе къ союзу съ одною изъ континентальныхъ державъ и, стараясь удовлетворить это стремленіе съ точки зрѣнія англійскихъ интересовъ, искала союза то въ Вѣнѣ, то въ Берлинѣ, не заботясь о томъ, что, мѣняя союзниковъ, она могла подвергнуться упреку, что она покидаетъ старыхъ друзей, какъ это было во время Семилѣтней войны. Когда же обѣ нѣмецкія державы сблизились и образовали тѣсный союзъ, то Англія не нашла удобнымъ идти противъ нихъ въ союзѣ съ одною изъ державъ, могущества которыхъ она опасалась, то-есть съ Франціей или съ Россіей. Но если бы между Пруссіей и Австріей произошелъ разрывъ, то европейскія державы, съ Англіей во главѣ, навѣрно вмѣшались бы въ датскій вопросъ. Поэтому, намъ было весьма важно поддерживать доброе согласіе съ Вѣною, чтобы не вступить снова на ложный путь; въ союзѣ съ Австріей было наше спасеніе отъ нападковъ прочихъ державъ и Англіи.

4-го декабря 1862 года, я бесѣдовалъ откровенно съ графомъ Кароли ¹⁾, съ которымъ я былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Я сказалъ ему:

— Наши отношенія должны либо улучшиться, либо ухудшиться. Я готовъ, вмѣстѣ съ вами, сдѣлать попытку улучшить ихъ. Если это не удастся по вашей винѣ, то не рассчитывайте, что насъ можно будетъ обмануть дружескими рѣчами союзниковъ. Вамъ придется имѣть дѣло съ нами, какъ съ великой державою; никакіе параграфы Вѣнскаго договора не въ состояніи приостановить историческаго развитія Германіи ²⁾.

Графъ Кароли, человекъ честныхъ и независимыхъ убѣжденій, ко-

¹⁾ Графъ Кароли (Karolyi) австрійскій дипломатъ, † 1889 г. В. В.

²⁾ Сравн. депешу отъ 24-го января 1863 г., въ которой Бисмаркъ излагаетъ содержаніе своей бесѣды съ Кароли, происходившей 4-го и 13-го декабря 1862 г. Государственный архивъ, VIII, 55, № 1751.

нечно, передалъ своему правительству, съ величайшей точностью, все то, что мы говорили съ нимъ съ глаза на глазъ. Но послѣ Ольмюца и Дрездена, когда въ Вѣнѣ упрочилось вліяніе Шварценберга, австрійцы увлеклись совершенно ошибочнымъ взглядомъ; насъ привыкли считать слабѣе и боязливѣе, чѣмъ слѣдовало, и въ вопросахъ международной политики стали придавать слишкомъ большое значеніе родственнымъ узамъ и любви, соединявшей царствующіе дома. Принявъ во вниманіе всѣ прошлыя обстоятельства, нельзя утверждать, что побѣда была бы, во всякомъ случаѣ, на нашей сторонѣ, если бы война 1866 года была объявлена уже въ 1850 году.

Фридрихъ-Вильгельмъ IV, вѣроятно, также легко рѣшился бы на мобилизацію войска въ 1850 году, какъ его преемникъ въ 1859 году, но врядъ ли онъ рѣшился бы объявить войну. Мы могли быть поставлены въ ложное положеніе такими уловками, къ какимъ прибѣгнулъ Гаугвицъ въ 1805 году; и хотя бы между нами не произошло настоящаго разрыва, то все же въ Австріи не обратили бы никакого вниманія на наши намеки и нашу попытку къ посредничеству.

Императоръ Вильгельмъ такъ же, какъ его братъ, находилъ нужнымъ поддерживать традиціи и упрочившіяся семейныя отношенія; но если, повинуваясь чувству чести, которое находило отголосокъ въ его военныхъ и монархическихъ взглядахъ, онъ считалъ себя обязаннымъ принять, хотя скрѣпя сердце, какое-нибудь рѣшеніе, то какъ бы велика ни была опасность, можно было сказать навѣрно, что онъ не покинетъ того, кто рѣшится идти вмѣстѣ съ нимъ. Въ Вѣнѣ этой чертѣ его характера придавали слишкомъ мало значенія, полагаясь, напротивъ, слишкомъ много на вліяніе общественнаго мнѣнія, которое создавалось прежде агентами прессы и субсидіями, а въ то время поддерживалось родственниками короля и семейной перепиской.

Къ тому же, въ Вѣнѣ преувеличивали вредное вліяніе, которое могъ оказать на нашу внѣшнюю политику и наши военныя силы происшедшій у насъ конфликтъ. Правда, многіе находили нежелательнымъ разсѣчь гордіевъ узелъ нѣмецкой политики мечемъ, какъ доказали, въ 1866 году, нѣкоторые факты, начиная съ покушенія Блинда и все то, что писалось по этому поводу въ передовыхъ органахъ ¹⁾ и кончая публичными демонстраціями общинъ и корпорацій и результатомъ выборовъ; но эти идеи не коснулись нашего войска и ихъ дѣйствій на полѣ битвы, гдѣ собственно и былъ ключъ къ рѣшенію этого вопроса. На ходъ военныхъ дѣйствій не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія

¹⁾ Въ берлинскихъ эстампныхъ магазинахъ висѣла литографія, на которой это покушеніе было изображено такимъ образомъ, что чортъ ловилъ на лету предназначавшіяся для меня пули, восклицая: „онъ мой!“ (Сравн. Politische Reden X, 123. Рѣчь 9-го мая 1884 г.). Примѣч. Бисмарка.

даже тотъ знаменательный фактъ, что, во время первыхъ сраженій въ Богеміи, въ Берлинѣ, при участіи бывшаго министра иностранныхъ дѣлъ и тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ фонъ-Шлейница, происходили дипломатическія интриги, въ которыхъ принимали участие даже и придворныя лица.

Если бы австрійскій кабинетъ отнесся какъ должно къ откровенному сообщенію, сдѣланному мною графу Кароли въ 1862 году, не истолковывая факты превратно, и если бы онъ измѣнилъ, сообразно съ этимъ, свою дальнѣйшую политику, стараясь сблизиться съ Пруссіей вмѣсто того, чтобы насиловать ея рѣшенія большинствомъ голосовъ, то намъ пришлось бы, по всей вѣроятности, пережить періодъ дуалистической политики или хотя бы только испробовать его. Разумѣется, никто не скажетъ, могла ли бы дуалистическая политика, при существовавшей тогда внутренней неурядицѣ, развиваться мирнымъ путемъ въ смыслѣ, желательномъ для національныхъ стремленій, если бы мы были лишены опыта 1866 и 1870 годовъ. Вѣра въ военное превосходство Австріи была слишкомъ сильна въ Вѣнѣ и при средне-германскихъ дворахъ, чтобы создать какое-нибудь *modus vivendi* на равноправныхъ отношеніяхъ къ Пруссіи. Доказательствомъ этого служатъ прокламаціи, найденныя въ ранцахъ австрійскихъ солдатъ вмѣстѣ съ новыми мундирами, въ которые они должны были облечься, вступая въ Берлинъ. Содержаніе этихъ прокламацій доказываетъ, какъ велика была увѣренность австрійцевъ въ томъ, что они вступятъ побѣдителями въ прусскія провинціи. Ихъ увѣренность въ побѣдѣ доказывается еще тѣмъ, что братъ генерала Габленца рѣшительно отказался принять мирныя условія, предложенныя пруссаками, объясняя свой отказъ финансовыми соображеніями о необходимости получить съ Пруссіи контрибуцію и выражая готовность начать переговоры о мирѣ тотчасъ послѣ перваго сраженія.

Весьма естественно, что подобныя соображенія, совершенно не соотвѣтствовавшія заявленному Австріей яко бы искреннему желанію быть во главѣ союза въ качествѣ равноправной державы, привели къ совершенно противоположному результату. Не отозвавшись, въ 1862 г., на предложеніе Пруссіи, стать вмѣстѣ съ нею во главѣ германскаго союза, Австрія выступила съ діаметрально противоположнымъ предложеніемъ, созвать во Франкфуртѣ княжескій сеймъ, коимъ король Вильгельмъ и его кабинетъ не мало были поражены въ началѣ августа, получивъ объ этомъ извѣстіе въ Гастейнѣ.

Судя по тому, что сообщаетъ Фребель ¹⁾, который считаетъ себя

¹⁾ Julius Fröbel. Ein Lebenslauf. Штутгартъ. 1891 г., II, 252, 255.

Примѣч. Бисмарка.

иниціаторомъ княжескаго сейма и безъ сомнѣнія былъ посвященъ въ подготовительныя къ нему работы, планъ Австріи не былъ извѣстенъ прочимъ нѣмецкимъ князьямъ до полученія ими, 31-го іюля, приглашеніе участвовать въ сеймѣ. Но въ тайну былъ, вѣроятно, посвященъ бывший впослѣдствіи виртембергскій министръ фонъ-Варнбюлеръ. Этотъ умный и дѣятельный дипломатъ выразилъ, лѣтомъ 1863 года, желаніе возобновить со мною знакомство, завязавшееся нѣсколько ранѣе, благодаря нашему общему другу фонъ-Бюлову-Гогендорфу. Онъ просилъ меня назначить ему свиданіе, которое, по его желанію, было облечено извѣстной таинственностью и происходило въ маленькомъ баварскомъ мѣстечкѣ, къ западу отъ Карлсбада. Я вынесъ изъ этого свиданія такое впечатлѣніе, что онъ хотѣлъ скорѣе вывѣдать мои мысли, нежели сдѣлать мнѣ какія-либо предложенія относительно нѣмецкаго національнаго вопроса. Онъ былъ въ то время чрезвычайно заинтересованъ тѣми хозяйственными и финансовыми вопросами, которые онъ помогъ мнѣ провести въ 1875 году, со свойственнымъ ему знаніемъ дѣла и настойчивостью; разумѣется, эти вопросы занимали его, преимущественно, съ точки зрѣнія обще-германской политики и таможенного союза.

2-го августа 1863 года, будучи въ Гастейнѣ, я сидѣлъ въ Шварценбергскомъ паркѣ, подъ сосною, на краю глубокаго оврага, образуемаго рѣкою Аахъ. Надъ моей головою находилось гнѣздо синицы; я наблюдалъ, съ часами въ рукахъ, за тѣмъ, сколько разъ въ минуту птичка приносила своимъ птенчикамъ гусеницу или какое-либо иное насѣкомое. Наблюдая за ея оживленной дѣятельностью, я замѣтилъ по ту сторону оврага короля Вильгельма, который сидѣлъ одинъ на скамьѣ, на Шиллеровой площади. Когда настало время одѣваться къ обѣду, я отправился въ занимаемое мною помѣщеніе, гдѣ я вѣшалъ записочку отъ его величества, въ которой онъ писалъ мнѣ, что будетъ ожидать меня на Шиллеровой площади, чтобы переговорить о предстоящемъ ему свиданіи съ австрійскимъ императоромъ. Я поспѣшилъ одѣться, но когда я прибылъ въ помѣщеніе, занимаемое королемъ, то оказалось, что свиданіе монарховъ уже состоялось. Если бы я не наблюдалъ такъ долго за птичкой и замѣтилъ короля ранѣе, то, быть можетъ, предложеніе, сдѣланное императоромъ, произвело бы на его величество совершенно иное впечатлѣніе.

Онъ не почувствовалъ въ первый моментъ, какъ унижительно было для Пруссіи приглашеніе участвовать въ сеймѣ. Предложеніе Австріи даже понравилось ему, можетъ быть потому, что онъ видѣлъ въ немъ элементъ солидарности царствующихъ лицъ въ борьбѣ съ парламентскимъ либерализмомъ, который доставлялъ ему уже непріятности въ Берлинѣ. Королева Елизавета, которую мы встрѣтили въ Вильдбадѣ, по пути

изъ Гастейна въ Баденъ, также настаивала на томъ, чтобы я ѣхалъ во Франкфуртъ. Я отвѣчалъ ей:

— Если король не измѣнитъ своего рѣшенія, то я отправлюсь во Франкфуртъ и буду служить ему тамъ. Но я уже не вернусь въ Берлинъ министромъ.

Мои слова, встревожили, повидному, королеву и она болѣе не настаивала на томъ, чтобы его величество дѣйствовалъ вопреки моему совѣту.

Если бы я не старался отговорить короля ѣхать во Франкфуртъ, а согласился сопровождать его, какъ онъ того желалъ, отказавшись отъ мысли о соперничествѣ съ Австріей и началъ бы, на княжескомъ сеймѣ, вмѣстѣ съ нею, борьбу съ революціей и конституціонными стремленіями, то Пруссія осталась бы, по внѣшнему виду, тѣмъ, чѣмъ она была раньше и, разумѣется, имѣла бы возможность воспользоваться, подъ покровительствомъ Австріи, рѣшеніями сейма, чтобы добиться пересмотра своей конституціи подобно тому, какъ были пересмотрѣны конституціи Ганновера, Гессена, Мекленбурга, какъ это было сдѣлано въ Липпѣ, Гамбургѣ и Люксембургѣ, но она закрыла бы себѣ этимъ путь къ національной нѣмецкой политикѣ.

Мнѣ не легко было отговорить короля отъ поѣздки во Франкфуртъ. Я приложилъ къ этому всевозможное стараніе, когда мы ѣхали съ нимъ изъ Вильдбада въ Баденъ въ открытомъ экипажѣ и, чтобы не быть понятыми прислугою, обсуждали нѣмецкій вопросъ на французскомъ языкѣ.

Когда мы пріѣхали въ Баденъ, я думалъ, что мнѣ удалось убѣдить въ этомъ его величество, но въ Баденѣ мы застали короля саксонскаго, который возобновилъ (19-го августа) приглашеніе отъ имени нѣмецкихъ князей. Его величеству не легко было противостоять этому.

Онъ повторялъ нѣсколько разъ: «30 царствующихъ особъ и король въ роли курьера». Онъ любилъ и уважалъ саксонскаго короля, которому это порученіе подходило болѣе, нежели всѣмъ прочимъ князьямъ.

Только около полуночи мнѣ удалось добиться того, чтобы король подписалъ бумагу, коей онъ отвѣчалъ на приглашеніе саксонскаго короля отказомъ. Когда я ушелъ отъ него, мы были оба въ высшей степени измучены и раздражены; мое возбужденное состояніе отразилось на разговорѣ моемъ съ саксонскимъ министромъ Бейстомъ ¹⁾, которому я сообщилъ рѣшеніе короля. Тѣмъ не менѣе, кризисъ миновалъ и саксонскій король уѣхалъ, не выдавъ болѣе моего монарха, чего я опасался.

Когда, возвращаясь изъ Баденъ-Бадена въ Берлинъ, король про-

¹⁾ Сравн. Бейстъ, *Aus drei Viertel-Jahrhunderten*. I, 332, v. Sybel II, 532.

ѣхалъ (31-го августа) близъ Франкфурта, не заѣхавъ туда, и этимъ ясно подчеркнулъ свое нежеланіе принять участіе въ сеймѣ, то большинство владѣтельныхъ князей или, по крайней мѣрѣ, самые вліятельные изъ нихъ были чрезвычайно встревожены при мысли, что такимъ образомъ задуманная реформа могла повести къ тому, что они остались бы въ союзѣ съ Австріей одни и что имъ нельзя было бы прикрываться соперничествомъ обѣихъ великихъ державъ. Очевидно, Вѣнскій кабинетъ надѣялся, что союзные князья изъявятъ согласіе на предложеніе, сдѣланное сейму 17-го августа, хотя бы они остались, въ концѣ концовъ, въ преобразованномъ союзѣ съ Австріей одни, ибо иначе оставшимся во Франкфуртѣ князьямъ не было бы предложено принять планъ Австріи и осуществить его на практикѣ, несмотря на отказъ Пруссіи.

Но среднегерманскія государства не хотѣли подчиниться во Франкфуртѣ ни односторонней прусской, ни австрійской опека; они хотѣли образовать нѣчто въ родѣ вліятельнаго тройственнаго союза, въ которомъ обѣ великія державы должны были бы сообразоваться съ желаніями и рѣшеніями среднегерманскихъ государствъ. На предложеніе Австріи принять рѣшеніе независимо отъ Пруссіи, она заявили, что надобно начать съ нею новые переговоры, и выразили готовность приступить къ нимъ. Этотъ отвѣтъ былъ данъ въ такой формѣ, которая могла показаться обидной вѣнскому кабинету. На графа Рехберга, съ которымъ мы разстались во Франкфуртѣ въ прекрасныхъ отношеніяхъ, это произвело сильное впечатлѣніе, и онъ заявилъ, что дорога въ Берлинъ для Австріи не дальше и не затруднительнѣе, нежели для среднегерманскихъ государствъ.

Смущеніе, вызванное отказомъ Пруссіи отъ участія въ сеймѣ, было, по моему мнѣнію, главною причиною того, что вѣнскій кабинетъ вздумалъ заключать съ Пруссіей отдѣльное соглашеніе, далеко не согласовавшееся со смысломъ союзной конституціи, хотя это и соответствовало какъ нельзя лучше интересамъ Австріи, но она долго не могла рѣшиться на этотъ шагъ. Для осуществленія этого союза прежде всего было необходимо, что бы во главѣ министерства остался Рехбергъ.

Если бы въ Германіи была восстановлена такимъ образомъ дуалистическая система, противъ которой ничего не имѣли прочія нѣмецкія государства, и если бы они убѣдились, что между двумя великими державами установилось честное и прочное согласіе, то передъ австро-прусскимъ союзомъ смолкли бы вождѣнія нѣкоторыхъ германскихъ министровъ къ образованію Рейнскаго союза, которые, какъ подтверждаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ графъ Бейстъ, проявились особенно сильно въ Дармштадтѣ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ Франкфуртскаго сейма, скончался датскій король Фридрихъ VII (15-го ноября 1863 г.). Неудача австрій-

скихъ предложеній, отказъ союзныхъ государствъ вступить въ близкія отношенія къ Австріи заставили Вѣну снова призадуматься о приемъ-устройствахъ дуалистической политики; и вскорѣ послѣ кончины датскаго короля вопросъ этотъ былъ, повиданому, гораздо ближе къ осуществленію, нежели въ декабрѣ мѣсяцѣ 1862 года. Графъ Рехбергъ, смущенный отказомъ союзныхъ государствъ вступить въ какія-либо обязательныя отношенія къ Австріи, безъ участія Пруссіи, перемѣнилъ фронтъ, заявивъ, что Австріи легче придти къ соглашенію съ Пруссіей, нежели среднегерманскимъ государствамъ ¹⁾. Въ то время это было вполне справедливо; но дружескія отношенія къ Пруссіи могли упрочиться лишь въ томъ случаѣ, если бы Австрія отнеслась къ ней какъ къ державѣ дѣйствительно съ нею равноправной и выразила готовность вознаградить ее за поддержку, оказанную ей въ Италіи и на востокѣ, не мѣшая Пруссіи подчинить своему влиянію, по крайней мѣрѣ, государства средней Германіи. Выгода дуалистической политики подтвердилась блестящимъ образомъ совмѣстными военными дѣйствіями на берегахъ Шлея, совмѣстнымъ вступленіемъ австрійскихъ и прусскихъ войскъ въ Ютландію и совмѣстнымъ заключеніемъ, обѣими державами, мира съ Даніей. Несмотря на то, что прочія союзныя государства отнеслись къ этому факту крайне несочувственно, австро-прусскій союзъ все-таки оказался довольно сильнымъ, чтобы противостоятъ прочимъ великимъ державамъ, подъ эгидою которыхъ Данія бросила вызовъ всей Германіи.

Нашему дальнѣйшему соглашенію съ Австріей могли сильно повредить происки военной партіи, которая всячески убѣждала короля въ необходимости перейти границу Даніи, хотя бы и безъ согласія Австріи. Мой давнишній другъ, фельдмаршалъ Врангель, послалъ королю, по телеграфу, нешифрованную депешу, наполненную самыхъ грубыхъ ругательствъ по моему адресу; намекая на меня, онъ говорилъ о дипломатахъ, заслуживающихъ висѣлицы ²⁾.

Мнѣ удалось все-таки убѣдить короля, что намъ не слѣдовало ни на волосъ отступать отъ Австріи и не слѣдовало дѣйствовать такъ, чтобы въ Вѣнѣ получилось впечатлѣніе, будто Австрія согласилась дѣйствовать вмѣстѣ съ нами противъ своей воли. Добрыя отношенія, въ ко-

¹⁾ Сравн. Бейстъ, I, 336.

²⁾ Вслѣдствіе этого эпизода мы были съ нимъ много лѣтъ въ холодныхъ отношеніяхъ и, встрѣчаясь при дворѣ, проходили другъ мимо друга молча; наконецъ, очутившись однажды за столомъ рядомъ, что случалось, впрочемъ, довольно часто, фельдмаршалъ сказалъ мнѣ со сконфуженной улыбкою: „Смѣхъ мой, развѣ ты не можешь позабыть?“ Я отвѣчалъ: „Какъ же можно забыть пережитое?“ Помолчавъ довольно долго, онъ сказалъ на это: „А развѣ ты не можешь и простить?“—„Отъ всей души“, отвѣчалъ я. Мы пожали другъ другу руку и попрежнему были друзьями. Примѣч. Бисмарка.

торыхъ я находился къ Рехбергу и Кароли, дали мнѣ возможность добиться ихъ согласія на вступленіе нашихъ войскъ въ Ютландію.

Несмотря на одержанный мною успѣхъ, дуалистической политикѣ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ, 22-го августа 1864 г. въ разговорѣ, происшедшемъ между монархами въ Шенбруннѣ въ присутствіи министровъ Рехберга и мена. Я сказалъ тогда между прочимъ австрійскому императору:

— Предназначенные судьбою дѣйствовать на политическомъ поприщѣ сообща, мы лучше можемъ послужить нашимъ династическимъ и политическимъ интересамъ, заключивъ союзъ и ставъ вмѣстѣ во главѣ Германіи; это намъ всегда удастся, пока мы будемъ дѣйствовать единодушно. Если Пруссія и Австрія поставятъ себѣ задачею заботиться не только о своихъ собственныхъ интересахъ, но также и о взаимныхъ интересахъ одна другой, то союзъ обѣихъ великихъ нѣмецкихъ державъ можетъ имѣть огромное значеніе не только для Германіи, но и для всей Европы. Австрія не заинтересована лично въ рѣшеніи датскаго вопроса, но для нея весьма важно выяснить свои отношенія къ Пруссіи. Это фактъ несомнѣнный; неужели же онъ не говорить въ пользу того, что Австріи лучше всего слѣдовать доброжелательной къ Пруссіи политикѣ, которая упрочила бы существующій нынѣ союзъ двухъ великихъ нѣмецкихъ державъ и вызвала бы со стороны Пруссіи признательность къ Австріи? Если бы вопросъ касался пріобрѣтенія не Голштиніи, а Италіи, если бы война, которую мы вели, предоставила бы въ распоряженіе обѣихъ государствъ не Шлезвигъ-Голштинію, а Ломбардію, то мнѣ не пришло бы въ голову настаивать на томъ, чтобы идти противъ желаній нашего союзника или требовать отъ него за это какое-либо равносильное вознагражденіе, если бы оно не запрашивалось само-собою. Отдать Австріи въ вознагражденіе за Шлезвигъ-Голштинію какую-нибудь старо-прусскую провинцію врядъ ли было бы возможно даже въ томъ случаѣ, если бы сами жители этой провинціи желали этого; между тѣмъ даже австрійцы, живущіе осѣдо въ Гладцѣ, протестовали противъ этого присоединенія. Мнѣ кажется, голштинскій вопросъ не исключаетъ возможности выгодныхъ для той и другой стороны дружескихъ отношеній между нѣмецкими державами, и хотя они не согласуются въ данномъ случаѣ съ личными интересами Австріи, но другой разъ они могутъ коснуться ея гораздо ближе; Австріи выгодно быть этотъ разъ щедрой и доброжелательной къ Пруссіи.

Мнѣ казалось, что нарисованная мною перспектива произвела благоприятное впечатлѣніе на императора Франца-Иосифа, хотя онъ замѣтилъ, что ради удовлетворенія общественнаго мнѣнія Австріи трудно выйти изъ настоящаго положенія не получивъ никакого вознагражденія, въ то время какъ Пруссія дѣлаетъ такое крупное пріобрѣтеніе какъ

Шлезвигъ-Голштинію; однако императоръ закончилъ вопросомъ, дѣйствительно ли мы намѣрены настаивать на этомъ и хотимъ ли мы присоединить Шлезвигъ-Голштинію къ Пруссіи? Мнѣ казалось, что онъ считалъ возможнымъ уступить намъ права на земли, пріобрѣтенныя отъ Дани, если ему былъ бы обезпеченъ за это прочный союзъ съ Пруссіей и поддержка съ ея стороны въ случаѣ подобныхъ притязаній Австріи.

Затѣмъ онъ спросилъ, дѣйствительно ли Пруссія хочетъ обратить герцогства въ прусскую провинцію или она удовлетворится извѣстными верховными правами (которыя были формулированы вполнѣдствіи подъ названіемъ февральскихъ условій).

Король молчалъ; я прервалъ молчаніе, сказавъ императору:

— Мнѣ весьма пріятно, что ваше величество предложили мнѣ этотъ вопросъ въ присутствіи моего августѣйшаго монарха; это дастъ мнѣ возможность узнать мнѣніе его величества.

До тѣхъ поръ, король не выражалъ мнѣ ни устно ни письменно своихъ намѣреній относительно герцогствъ.

Вынужденный отвѣтить императору, король сказалъ смущенно и нерѣшительно, что онъ не имѣетъ никакихъ правъ на герцогства и поэтому не можетъ предъявлять никакихъ требованій. Этимъ заявленіемъ, которое я приписываю вліянію родственниковъ короля и придворной либеральной партіи, я былъ разумѣется совершенно обезоруженъ и не могъ предъявлять императору болѣе никакихъ требованій. Тѣмъ не мене я повторилъ, что по моему мнѣнію, великимъ нѣмецкимъ державамъ необходимо дѣйствовать единодушно. Рехбергомъ и мною была составлена въ этомъ смыслѣ коротенькая записка, которую монархи одобрили, но мы не коснулись въ ней вопроса о дальнѣйшей судьбѣ Шлезвигъ-Голштиніи.

Дуализмъ, какъ я его понималъ, походилъ бы на нынѣшнее положеніе, съ тою лишь разницею, что Австрія, какъ наша союзница, сохранила бы нѣкоторое вліяніе на государства, образовавшія нынѣ вмѣстѣ съ Пруссіей Германскую имперію. Подобное государственное устройство, по сравненію съ прошлымъ и даже съ тогдашнимъ положеніемъ вещей, все-таки было бы шагомъ впередъ, но оно могло быть прочно до тѣхъ поръ, пока существовало довѣріе къ тѣмъ, кто былъ призванъ руководить политикою Австріи и Пруссіи.

Графъ Рехбергъ сказалъ мнѣ, когда я уѣзжалъ изъ Вѣны (26-го августа 1864 г.), что его положеніе колеблется; вслѣдствіе объясненій, данныхъ министествомъ, и личнаго отношенія къ нему императора онъ имѣлъ основаніе думать, что его коллеги и главнымъ образомъ Шмерлингъ, постараются добиться его отставки, если ему не удастся дать Австріи увѣренность, что можно будетъ въ скоромъ времени приступить къ переговорамъ о заключеніи таможеннаго союза,

которымъ чрезвычайно интересуется императоръ. Относительно этого *factum de contrahendo* я нисколько не заботился, будучи увѣренъ, что ему не удастся выторговать у меня никакихъ уступокъ, превосходящихъ границы возможнаго, ибо тутъ стояла на первомъ планѣ политическая сторона вопроса. Я считалъ таможенный союзъ съ Австріей несбыточной утопіей вслѣдствіе огромнаго различія, существующаго въ хозяйственномъ и административномъ положеніи обоихъ государствъ. Предметы, составляющіе на сѣверѣ финансовую основу таможеннаго союза, почти вовсе не употребляются въ значительной части Австро-Венгерской монархіи. Затрудненія, вызываемыя въ предѣлахъ самаго таможеннаго союза различіемъ обычаевъ и разнообразіемъ предметовъ потребления въ сѣверной и южной Германіи, превратились бы въ непреодолимое препятствіе, если бы обѣ эти области были включены въ одну общую таможенную границу вмѣстѣ съ западной частью Австро-Венгріи.

При этомъ было бы немислимо установить правильную норму таможеннаго обложенія, сообразно съ дѣйствительнымъ потребленіемъ предметовъ, подлежащихъ таможенной оплатѣ; всякая раскладка оказалась бы или несправедливою для таможеннаго союза или не была бы одобрена общественнымъ мнѣніемъ Австро-Венгріи. Неимѣющій никакихъ потребностей словакъ и галичанинъ, съ одной стороны, и житель Прирейнскихъ провинцій или ниже-саксонецъ—съ другой, представляютъ собою въ таможенномъ смыслѣ величины несоизмѣримыя. При томъ я не былъ увѣренъ, чтобы можно было вполне положиться на исправность таможенной службы на большомъ протяженіи австрійской границы.

Убѣжденный въ невозможности заключать таможенный союзъ съ Австріей, я не колебался оказать графу Рехбергу просимую имъ поддержку, чтобы помочь ему удержаться на своемъ посту. Уѣзжая въ Барицъ (5-го октября) я былъ увѣренъ, что король поступитъ сообразно съ высказаннымъ мною мнѣніемъ, и до сихъ поръ не понимаю, какіе мотивы руководили моими коллегами, министромъ финансовъ Карломъ фонь-Бодельшвингомъ, министромъ торговли графомъ Иценплицемъ и Дельбрюкомъ, которые во время моего отсутствія дѣйствовали такъ энергично въ этомъ довольно чуждомъ для нихъ вопросѣ, что вслѣдствіе отказа съ нашей стороны начать переговоры съ Австріей, положеніе Рехберга пошатнулось, какъ онъ и предсказывалъ, и на его мѣсто былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Менсдорфъ, кандидатъ Шмерлинга, который вскорѣ самъ былъ вытѣсненъ реакціонерами и католиками.

Несмотря на всю свою стойкость въ вопросахъ внутренней политики, король поддавался еще тогда вліянію той доктрины, которую

проповѣдывала его супруга, а именно, что пріобрѣтеніе популярности есть лучшее средство для рѣшенія нѣмецкаго вопроса.

Вотъ что писалъ мнѣ въ Біарицъ г. фонь-Тиле по поводу совѣщанія, происходившаго 10-го октября 1864 г., при участіи членовъ министерства иностранныхъ дѣлъ и торговли.

«Сегодняшнее засѣданіе подтвердило еще разъ справедливость того, впрочемъ давно уже извѣстнаго факта, что господа спеціалисты, несмотря на всю свою виртуозность въ обсужденіи спеціальныхъ вопросовъ, которую я охотно за ними признаю, страшно невѣжественны въ политикѣ и смотрять, напримѣръ, на возможность перемѣны министерства въ Вѣнѣ какъ на вещь пустяшную. Иценплицъ очень не твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Мнѣ удавалось неоднократно добиться его сознанія, что 25-я статья въ концѣ-концовъ ни къ чему не обязываетъ. Но укоризненный взглядъ Дельбрюка напоминалъ ему каждый разъ его обязанность какъ спеціалиста».

Два дня спустя, 12-го октября, Абекенъ, находившійся съ королемъ въ Баденъ-Баденѣ, писалъ мнѣ, что онъ не могъ добиться согласія его величества на утвержденіе 25-й статьи; его величество боялся «шума», который поднимется въ Австріи, въ случаѣ подобной уступки; онъ сказалъ по этому поводу: «Намъ удалось бы, пожалуй, устранить министерскій кризисъ въ Вѣнѣ, но зато мы могли бы вызвать таковой въ Берлинѣ; если бы мы утвердили 25-ю статью, Бодельшвингъ и Дельбрюкъ навѣрно подали бы въ отставку».

Два дня спустя Гольцъ писалъ мнѣ изъ Парижа:

«Если положеніе Рехберга окончательно пошатнулось (въ томъ, что оно поколеблено въ глазахъ императора, я рѣшительно сомнѣваюсь), то намъ придется приготовиться здѣсь къ сообщеніямъ министерства Шмерлинга».

Чтобы судить о значеніи, какое могла имѣть для Германіи дуалистическая политика, весьма важно было рѣшить, можно ли было полагаться на то, что Австрія будетъ энергично добиваться достиженія этой цѣли. Принявъ во вниманіе, какъ быстро Рехбергъ порвалъ съ среднегерманскими государствами и заключилъ союзъ съ нами, не только безъ участія этихъ государствъ, но даже противъ нихъ, какъ только они встревожили его своимъ отказомъ примкнуть къ Австріи, можно было предвидѣть, что, въ случаѣ разногласія съ Пруссіей относительно какихъ-либо частныхъ вопросовъ, легко могла произойти новая перемѣна фронта. Я никогда не могъ пожаловаться на отсутствіе искренности въ графѣ Рехбергѣ, но онъ былъ, какъ говоритъ Гамлетъ, въ высшей степени *Spleenetic and gasch*, и если личнаго неудовольствія графа Буоля по поводу нелюбезнаго отношенія къ нему императора Николая было достаточно для того, чтобы австрійская политика выка-

зала извѣстную всему міру неблагодарность (nous étouperons l'Europe par notre ingratitude) ¹⁾, то легко могло случиться, что гораздо болѣе слабыя узы пріязни, существовавшія между мною и графомъ Рехбергомъ, могли быть порваны какими-либо непредвидѣнными обстоятельствами.

Императоръ Николай имѣлъ гораздо болѣе вѣскія причины вѣрить въ устойчивость дружескихъ отношеній Австріи нежели мы, въ эпоху датской войны. Онъ оказалъ императору Францу-Іосифу такую услугу, какою монархъ рѣдко оказываетъ сосѣднему монарху, а выгоды, которыя могъ бы доставить Австріи союзъ съ Россіей въ интересахъ монархіи и въ борьбѣ съ революціей въ Италіи и Венгрии и съ польскимъ возстаніемъ въ 1846 г., имѣли для этой державы болѣе серьезное значеніе нежели союзъ, который она могла заключить съ Пруссіей въ 1864 г.

Императоръ Францъ-Іосифъ человекъ высокочестный, но австро-венгерское государство сложилось изъ столь разнородныхъ элементовъ, что ихъ броженіе, отъ коихъ зависитъ устойчивость монарха, трудно предвидѣть заранѣе. Центробѣжное стремленіе отдѣльныхъ національностей, сплетеніе жизненныхъ интересовъ, которые Австріи приходилось оберегать съ точки зрѣнія нѣмецкой, италіанской, восточной и польской національности, своеволие національнаго духа венгерцевъ и главное—неосторожность духовенства, влияніе котораго скрещивается съ политическими мѣропріятіями, обязываютъ каждаго союзника Австріи быть осторожнымъ и не ставить интересы своихъ собственныхъ подданныхъ въ исключительную зависимость отъ австрійской политики. Устойчивость, которую она яко бы приобрѣла во время долголѣтняго управленія Меттерниха, не можетъ долго существовать въ виду разнороднаго состава Габсбургской монархіи и тѣхъ силъ, которыя бурлятъ въ ней и совершенно не гармонируютъ съ политикой вѣнскаго кабинета до Меттерниха и послѣ него.

Хотя нельзя предвидѣть, какимъ образомъ текущія событія и общее положеніе дѣлъ могутъ повліять со-временемъ на рѣшенія вѣнскаго кабинета, тѣмъ не менѣе каждому союзнику Австріи необходимо поддерживать дружественныя отношенія къ другимъ державамъ, изъ коихъ въ случаѣ надобности могутъ возникнуть новыя комбинаціи ²⁾.

---

¹⁾ Мы удивимъ міръ своею неблагодарностью.

²⁾ Припомнимъ, что несмотря на существовавшій между Германіей и Австріей оборонительный союзъ, Германія заключила въ 1887 г. съ Россіей отдѣльный договоръ.

XVIII.

При Мюнхенскомъ дворѣ.—Кронпринцъ Людовикъ.—Его характеристикѣ короля Людовика II.—Изъ переписки короля Людовика съ Висмаркомъ.

По пути изъ Гастейна въ Баденъ-Баденъ мы заѣхали въ Мюнхенъ; король Максимилианъ отправился уже тогда во Франкфуртъ, предоставивъ своей супругѣ принимать гостей. Я не думаю, чтобы королева Марія, обыкновенно сосредоточенная и не особенно интересовавшаяся политикой, могла имѣть вліяніе на короля Вильгельма и на планы, коими онъ былъ заинтересованъ.

Во время нашего пребыванія въ Нимфенбургѣ, 16-го и 17-го августа 1863 г., моимъ сосѣдомъ за столомъ оба дня былъ кронпринцъ, впоследствии король Людовикъ II, сидѣвшій напротивъ своей матери. Мнѣ казалось, что онъ былъ разсѣянъ и дѣлалъ усиліе, чтобы поддерживать со мною разговоръ, который не выходилъ изъ рамокъ обычной придворной болтовни. Тѣмъ не менѣе изъ всего мною слышаннаго я могъ заключить, что это была натура живая и даровитая и что онъ много думалъ о роли, предстоявшей ему въ будущемъ. Во время перерывовъ нашего разговора, онъ смотрѣлъ на потолокъ черезъ голову своей матери и опорожничивалъ нѣсколько поспѣшно свой бокалъ, который наполнялся вновь, какъ я полагаю, по приказанію его матери, довольно медленно, такъ что принцъ, опорожнивъ его, неоднократно приподнималъ пустой бокалъ надъ плечомъ; только тогда слуга нерѣшительно наполнялъ его. Онъ былъ всегда воздержанъ въ питъѣ, но мнѣ казалось, что окружающіе наводили на него тоску и что онъ хотѣлъ поддержать шампанскимъ полетъ своей фантазіи, не имѣвшей ничего общаго съ дѣйствительностью. Принцъ произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе, хотя, къ крайнему моему сожалѣнію, я долженъ былъ сознаться, что мое стараніе быть для него пріятнымъ собесѣдникомъ за столомъ оказалось бесполезно. Это единственный разъ въ жизни, когда я имѣлъ случай видѣть короля Людовика, но онъ относился ко мнѣ весьма благосклонно съ самаго момента своего вступленія на престолъ (что случилось довольно скоро, а именно 10-го марта 1864 г.) и до своей кончины; мы вели съ нимъ довольно дѣятельную переписку, изъ которой я вынесъ впечатлѣніе, что онъ имѣлъ какъ правитель вполнѣ ясный взглядъ на государственные вопросы и понималъ ихъ съ точки зрѣнія нѣмецкихъ національныхъ интересовъ, хотя его заботы были направлены главнымъ образомъ на сохраненіе федеративнаго принципа государственныхъ учреждений и конституціонныхъ привилегій его страны. Припоминаю только одинъ его проектъ, который былъ

совершенно неосуществимъ съ политической точки зрѣнія и выяснился для меня во время переговоровъ, происходившихъ въ Версалѣ; принцъ хотѣлъ, чтобы роль председательствующей въ союзѣ нѣмецкой имперіи переходила наследственно по-очереди къ прусскому и къ баварскому королевскому дому. Вопросъ о томъ, какимъ образомъ осуществить на практикѣ эту совершенно непрактичную мысль обсуждался нѣсколько преждевременно при переговорахъ съ баварскими уполномоченными въ Версалѣ; выводы, къ которымъ они пришли, упредили событія, такъ какъ ими были выработаны въ общихъ чертахъ права, коими долженъ былъ пользоваться предстательствующій въ союзѣ монархъ, т. е. тѣ права, коими пользуется въ настоящее время король прусскій по отношенію къ своему союзнику, королю баварскому, между тѣмъ какъ тогда не было еще и рѣчи объ императорскомъ титулѣ.

Привожу здѣсь нѣкоторыя письма, коими мы обмѣнялись съ королемъ Людовикомъ и которыя могутъ служить матеріаломъ для болѣе правильной характеристики этого несчастнаго монарха, представляя также интересъ и сами по себѣ.

Версаль, 27-го ноября 1870 г.

Всепресвѣтлѣйшій, великодержавный король, всемилостивѣйшій монархъ, прошу ваше королевское величество принять изъявленіе моей благоговѣйной признательности за милостивыя сообщенія, сдѣланныя мнѣ графомъ Голнштейномъ, по повелѣнію вашего величества. Признательность, которую я питаю къ вашему величеству, вызвана не только моими личными чувствами, она имѣетъ болѣе глубокое основаніе, такъ какъ мое служебное положеніе даетъ мнѣ возможность оцѣнить великодушныя намѣренія вашего величества, благодаря которымъ вы содѣйствовали въ началѣ и при окончаніи этой войны объединенію и могуществу Германіи. Но благодарить пресвѣтлѣйшій баварскій царствующій домъ за патриотическую политику вашего величества и за геройство вашего войска не составляетъ мою обязанность, это долгъ исторіи и нѣмецкаго народа. Я могу только увѣрить ваше величество, что я до конца жизни буду искренно преданъ и признателенъ вашему величеству и всегда почту за счастье, если мнѣ удастся оказать вашему величеству какую-либо услугу. При обсужденіи вопроса о титулѣ нѣмецкаго императора я позволилъ себѣ передать графу Голнштейну небольшую записку, при изложеніи которой мною руководила моя преданность къ нѣмецкимъ царствующимъ династіямъ; я говорю въ ней: нѣмецкій императоръ—вашъ общій соотечественникъ, король прусскій—вашъ сосѣдъ, которому не подобаетъ подъ этимъ именемъ пользоваться правами, основанными на добровольной передачѣ ему своихъ правъ

нѣмецкими князьями и царствующими домами. Я полагаю, что титулъ нѣмецкаго императора облегчитъ возможность предоставить ему право предсѣдательствовать въ союзѣ; исторія учитъ насъ, что самыя вліятельныя княжескія династіи Германіи, включая Пруссію, никогда не считали существованіе избраннаго ими императора мѣшающимъ ихъ собственному положенію въ Европѣ. ф.-Бисмаркъ.

Гогеншвангау, 2-го декабря 1870 г.

Любезный графъ!

Я вижу съ особеннымъ удовольствіемъ, что несмотря на ваши многочисленныя и вѣтерпящія отлагательства занятія, вы нашли время выразить мнѣ чувства васъ одушевляющія.

Приношу вамъ за это мою искреннюю благодарность, ибо я высоко цѣню дружеское расположеніе человѣка, на котораго вся Германія взираетъ съ гордостью.

Мое письмо къ вашему королю, моему любезному и высокоуважаемому дядюшкѣ, будетъ получено имъ завтра утромъ. Отъ всего сердца желаю, чтобы мое предложеніе было принято сочувственно королевемъ, прочими членами союза, которымъ я также писалъ, и всей націей; меня радуетъ сознаніе, что благодаря положенію, занимаемому мною въ Германіи, я могъ въ началѣ и при окончаніи этой достославной войны сдѣлать рѣшительный шагъ на пользу нашего національнаго дѣла. Я надѣюсь, что Баварія сохранитъ и впредь свое положеніе, такъ какъ оно вполне согласуется съ честной и прямодушной союзной политикой и вѣрнѣе всего можетъ помѣшать пагубной централизаціи.

То, что вы сдѣлали для нѣмецкой націи, велико, безсмертно, и я могу сказать безъ лести, что вамъ принадлежитъ самое почетное мѣсто въ ряду великихъ дѣятелей нашего вѣка. Да продлитъ Господь вашу жизнь на много, много лѣтъ, чтобы вы могли дѣйствовать на благо и процвѣтаніе нашего общаго отечества. Примите искренній привѣтъ, любезный графъ, съ коимъ я пребываю вашъ искренній другъ Людовикъ.

Версаль, 24-го декабря 1870 г.

Всепресвѣтлѣйшій король, всемилостивѣйшій монархъ!

Милостивое письмо вашего величества, переданное мнѣ графомъ Голиштейномъ, даетъ мнѣ смѣлость выразить вашему величеству благодарность за милостивое содержаніе этого письма и вмѣстѣ съ тѣмъ принести вашему величеству поздравленіе съ наступающимъ Новымъ годомъ. Едва ли Германія пытала когда-либо такую увѣренность въ томъ, что новый годъ принесетъ ей осуществленіе ея національныхъ

желаній. Когда эти надежды осуществятся, когда объединенная Германія достигнетъ того, что она будетъ въ состояніи своими собственными силами обезпечить себѣ миръ въ надежныхъ границахъ, не стѣсняя вмѣстѣ съ тѣмъ свободнаго развитія отдѣльныхъ членовъ союза, то рѣшающей голосъ, который ваше величество имѣли въ преобразованіи нашего общаго отечества, навѣки стяжаетъ благодарность нѣмецкаго народа и никогда не будетъ забытъ исторіей.

Ваше величество совершенно справедливо предполагаете, что я также не ожидаю ничего добраго отъ централизаціи, но зато я вижу, что самая подходящая къ нѣмецкому духу форма государственнаго устройства состоитъ въ поддержаніи правъ, обезпеченныхъ союзной конституціей отдѣльнымъ членамъ союза, и нахожу вмѣстѣ съ тѣмъ, что она есть самая лучшая порука противъ тѣхъ опасностей, которыя угрожаютъ праву и порядку при свободномъ развитіи современной политической жизни. Враждебность, съ какою вся республиканская партія въ Германіи отнеслась къ инициативѣ вашего величества и союзныхъ князей относительно возстановленія императорскаго достоинства, доказываетъ, что это вполне согласуется съ интересами консервативной монархіи.

Прошу ваше величество милостиво вѣрить тому, что я почту себя счастливымъ, если успѣю сохранить всемиловѣйшее расположеніе вашего величества. ф.-Бисмаркъ.

Гогеншвангау, 31-го іюля 1874 г.

Любезный князь!

Мнѣ было бы не только чрезвычайно интересно, но и весьма пріятно побесѣдовать съ вами и лично выразить вамъ, любезный князь, чувства глубокаго уваженія, которыя я къ вамъ питаю. Гнусное покушеніе ¹⁾, благодаря Бога неудавшееся, повліяло, какъ я узналъ съ истиннымъ сожалѣніемъ, очень плохо на ваше драгоценное здоровье и на ходъ вашего леченія, такъ что я не рѣшаюсь просить васъ пріѣхать ко мнѣ въ горы, гдѣ я живу въ настоящее время.

Отъ всего сердца благодарю васъ за ваше послѣднее письмо, которое меня искренно обрадовало. Я вполне надѣюсь на васъ и вполне увѣренъ, что вы употребите, какъ вы сказали моему министру ф.-Пфрецишнеру, все свое вліяніе, чтобы въ основу новаго порядка вещей въ Германіи былъ положенъ федеративный принципъ. Да сохранитъ Господь вашу драгоценную жизнь на много лѣтъ! Ваша смерть точно такъ же, какъ и кончина глубокоуважаемаго императора Вильгельма, была бы большимъ несчастьемъ для Германіи и для

¹⁾ Кульмана, 13-го іюля 1874 г.

Баваріи. Съ самыми искренними пожеланіями, любезный князь, остаюсь съ особымъ почтеніемъ и глубокимъ довѣріемъ вашъ искренній другъ Людовикъ.

Киссингенъ, 10-го августа 1874 г.

Всепресвѣтлѣйшій король и всемилостивѣйшій монархъ. Узкая изъ Киссингена я не могу еще разъ не принести вашему величеству мою глубочайшую благодарность за всѣ милости, оказанныя мнѣ вашимъ величествомъ, въ особенности—за ваше милостивое письмо отъ 31-го числа.

Я глубоко осчастливленъ довѣріемъ, которое ваше величество высказали мнѣ въ этомъ письмѣ, и всегда буду стараться заслужить его: порукою этого служить не одни мои личные чувства. Ваше величество можете вполне разсчитывать и на тѣ ручательства, которыя вытекаютъ изъ самой сущности нашей конституціи, которая зиждется на федеративныхъ основахъ, утвержденныхъ союзными договорами, такъ что ее нельзя нарушить, не нарушивъ тѣмъ самымъ и этихъ договоровъ. Въ этомъ заключается различіе имперской конституціи отъ конституціонныхъ учрежденій всякой иной страны. Права вашего величества составляютъ нераздѣльную часть имперской конституціи и основываются поэтому на такомъ же законномъ основаніи, какъ всѣ государственныя учрежденія имперіи. Порукою въ томъ, что объединительныя стремленія не могутъ быть искажены или приувеличены, служить для Германіи Союзный Совѣтъ, а для Баваріи—ея почетное представительство въ Союзномъ Совѣтѣ. Ваше величество вполне можете быть увѣрены въ томъ, что конституціонныя права, утвержденныя договорами, будутъ строго соблюдаться и тогда, когда я не буду болѣе имѣть честь служить имперіи въ званіи канцлера. Съ чувствомъ глубокаго уваженія пребываю вашего величества всеподданнѣйшій слуга ф.-Бисмаркъ.

Фридрихсруэ, 2-го іюня 1876 г.

Ваше величество, какъ пишетъ мнѣ баронъ Вертеръ, милостиво предоставили и въ настоящемъ году въ мое распоряженіе экипажъ изъ придворной конюшни вашего величества для поѣздки въ Киссингенъ. Надѣюсь, что я буду имѣть возможность послѣдовать совѣту врачей и поѣхать въ это лѣто для пользованія туда, гдѣ я нашелъ исцѣленіе два года тому назадъ, какъ ваше величество изволили милостиво выразиться въ высочайшемъ повелѣніи вашемъ отъ 29-го апрѣля.

Въ Турціи дѣла принимаютъ угрожающій оборотъ и могутъ потребовать усиленной дѣятельности дипломатіи; но Германія, изъ всѣхъ европейскихъ державъ, находилась всегда въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ по отношенію къ Восточному вопросу и будетъ въ состояніи

довольно долго или во всякомъ случаѣ гораздо долѣе другихъ державъ не вмѣшиваться въ распри, вызванныя этимъ вопросомъ. Поэтому я не теряю надежды побывать въ Киссингенѣ нѣсколько недѣль спустя и почтительно прошу ваше величество благосклонно принять мою все-низжайшую благодарность за вашу заботливость и за оказанную мнѣ милость. ф.-Бисмаркъ.

Бергъ, 18-го іюня 1876 г.

Я искренно радъ, что надежда посѣтить Киссингенъ, выраженная въ достоуважаемомъ письмѣ вашемъ отъ 2-го числа сего мѣсяца, оправдалась.

Отъ души привѣтствую васъ въ моей странѣ и льшу себя пріятной надеждой, что ваше столь драгоценное для имперіи здоровье будетъ восстановлено цѣлебнымъ источникомъ Баваріи.

Дай Богъ, чтобы исполнилось желаніе всѣхъ нѣмецкихъ князей, чтобы миръ не былъ нарушенъ и чтобы вы, любезный князь, могли такимъ образомъ воспользоваться необходимымъ для васъ отдыхомъ отъ многотрудныхъ занятій и волнующихъ васъ заботъ.

Цѣлуя руку княгини и посылая вамъ, любезный князь, самый сердечный привѣтъ, остаюсь всегда вамъ доброжелательный и искренно преданный другъ Людовикъ.

Киссингенъ, 5-го іюля 1876 г.

...Къ сожалѣнію политика не даетъ мнѣ покоя, столь необходимаго при пользованіи водами, тѣмъ болѣе, что бесплодные труды дипломатовъ вызваны не дѣйствительной опасностью, угрожающей миру или по крайней мѣрѣ Германіи, а общимъ тревожнымъ состояніемъ и безпокойствомъ. Само собою разумѣется, эти труды не могутъ быть плодотворны до тѣхъ поръ, пока война, происходящая въ Турціи, не приведетъ къ какому-нибудь результату: чѣмъ бы она ни кончилась, соглашеніе между Россіей и Англійей всегда будетъ возможно при нѣкоторой искренности съ той и съ другой стороны, такъ какъ Россія не стремится овладѣть Константинополемъ (и до тѣхъ поръ, пока она не будетъ къ этому стремиться). Гораздо труднѣе будетъ примирить со-временемъ интересы Австро-Венгріи и Россіи; впрочемъ, между обоими императорскими дворами существуетъ до сихъ поръ согласіе, и я надѣюсь заслужить высочайшее одобреніе вашего величества, считая поддержаніе этого согласія главною задачею нѣмецкой дипломатіи. Германія была бы поставлена въ весьма затруднительное положеніе, если бы ей пришлось выбирать между этими двумя державами, которыя связаны столь тѣсными узами дружбы. Принимая какъ основной принципъ нашей политики, что Германія можетъ добровольно принять

участіе въ какой-либо войнѣ не иначе, какъ для защиты исключительно своихъ собственныхъ нѣмецкихъ интересовъ, я увѣренъ, что я поступаю совершенно согласно со взглядами вашего величества и всѣхъ нѣмецкихъ князей. Смѣю думать, что пока турецкій вопросъ не выходитъ изъ предѣловъ Турціи, онъ не затрогиваетъ такихъ насущныхъ интересовъ Германіи, изъ-за которыхъ ей стояло бы обнажить мечъ; точно также между Россіей и одной или двумя изъ западныхъ державъ можетъ возгорѣться война, отнюдь не возбуждая сочувствія Германіи настолько, чтобы она пожелала принять участіе въ этой войнѣ.

Наше положеніе было бы гораздо затруднительнѣе въ случаѣ разогласія между Австріей и Россіей, но я надѣюсь, что свиданіе обоихъ монарховъ въ Рейхштадтѣ послужитъ къ упроченію ихъ дружбы. Къ счастью, императоръ Александръ желаетъ мира и признаетъ, что въ виду волненій, происходящихъ въ южно-славянскихъ государствахъ, положеніе Австріи затруднительнѣе и сложнѣе, нежели положеніе Россіи, и настойчиво требуетъ какого-нибудь рѣшенія. Со стороны Россіи затронуты въ этомъ случаѣ только интересы вѣдшей политики, для Австріи же дѣло идетъ о ея внутреннихъ и самыхъ жизненныхъ интересахъ. ф.-Бисмаркъ.

Гогеншвангау, 16-го іюля 1876 г.

Вѣсть о благопріятномъ ходѣ вашего леченія доставило мнѣ величайшее удовольствіе. Многократно благодарю васъ за это радостное извѣстіе и отъ души надѣюсь, что непріятныя послѣдствія, происшедшія отъ излишняго употребленія Киссингенскихъ водъ, также вскорѣ исчезнутъ.

Вы меня чрезвычайно обязали, любезный другъ, изложивъ мнѣ такъ ясно современное политическое положеніе. Я пораженъ дальновидностью политическихъ взглядовъ, высказанныхъ вами при обсужденіи вопроса о положеніи Германіи по отношенію къ тревоженіямъ, происходящимъ за границею въ настоящее время и угрожающимъ ей въ будущемъ; нѣтъ надобности говорить, что ваши энергическія старанія, направленныя къ поддержанію мира, вызываютъ во мнѣ самое искреннее сочувствіе и безграничное довѣріе. Отъ души желаю, любезный князь, чтобы старанія нѣмецкой политики увѣнчались успѣхомъ и чтобы признательность нѣмецкихъ князей и династій застала васъ здоровымъ и бодрымъ.

Къ этому искреннему пожеланію присоединяю самый сердечный привѣтъ и увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и глубочайшемъ довѣрїи, съ коимъ, любезный князь, я остаюсь вашъ искренній другъ Людовикъ.

Биссингенъ, 27-го іюня 1879 г.

....Я не могъ избѣжать множества занятій во время моего леченія, такъ какъ рейхстагъ дѣлалъ по вопросу о моемъ замѣстителѣ всевозможныя затрудненія, съ которыми здоровье не позволяло мнѣ въ то время бороться, и я былъ вынужденъ контрасигнировать бумаги даже находясь въ отпуску.

Это одно изъ средствъ, коими большинство рейхстага старается добиться учрежденія того поста, который оно понимаетъ подъ названіемъ «отвѣтственнаго имперскаго министра», противъ чего я постоянно борюсь не для того, чтобы быть единственнымъ министромъ, но для того, чтобы охранить конституціонныя права союзнаго совѣта и его высокихъ довѣрителей. Министерствамъ, учрежденія которыхъ у насъ добиваются, могли бы быть даны права только въ ущербъ этимъ послѣднимъ и мы вступили бы тогда на путь централизаціи, который едва ли повелъ бы въ будущемъ ко благу Германіи. По моему мнѣнію, конституція не только даетъ моимъ коллегамъ по союзному совѣту право открыто поддерживать меня въ борьбѣ противъ введенія подобныхъ имперскихъ министерствъ и выяснить, что я защищаю не только единовластіе канцлера, но и права союзниковъ и министерскія права союзнаго совѣта,—это составляетъ, по моему мнѣнію, даже ихъ политическій долгъ. Я полагаю, что высказавъ это Пфрецишнеру (Pfretzschner), я поступилъ согласно со взглядами вашего величества и увѣренъ, что представитель вашего величества на союзномъ совѣтѣ облегчитъ мнѣ, вмѣстѣ со своими сотоварищами, борьбу съ парламентомъ, который настаиваетъ на учрежденіи отвѣтственныхъ министерствъ.

Если выборъ вашего величества палъ, какъ я слышалъ, на г. ф.-Рудгарта, то, судя по всему, что говорилъ мнѣ о немъ Гогенлоэ, я долженъ почтительнѣйше благодарить васъ за это назначеніе и полагаю, что я буду въ состояніи говорить съ нимъ вполне откровенно не только о внутреннихъ, но и о внѣшнихъ дѣлахъ имперіи, что по отношенію къ представителю вашего величества весьма важно для меня лично и въ служебномъ отношеніи. Наше положеніе по отношенію къ прочимъ державамъ таково же, въ настоящее время, какимъ оно было и зимою; все еще есть надежда, что война насъ не коснется. Довѣріе Россіи къ тому, что она можетъ положиться въ дѣлахъ политики на насъ, какъ на своихъ сосѣдей, увеличилось; вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилась также и надежда, что намъ удастся избѣжать такихъ событій, противъ которыхъ Австрія была бы вынуждена протестовать въ виду своихъ собственныхъ интересовъ. Мы стараемся по прежнему поддерживать дружескія отношенія, существующія между двумя имперіями, и наши старанія довольно успѣшны. Наши дружескія отношенія къ Англіи отъ этого до сихъ поръ не пострадали; пущенный при тамошнемъ дворѣ политическими интриганами слухъ,

будто Германія подумываетъ о завоеваніи Голландіи, могъ быть принять на вѣру только въ высшихъ дамскихъ кружкахъ; клеветники не устаютъ, но тѣ, которые имъ вѣрятъ, кажется уже устали. При такомъ положеніи дѣлъ, вѣшная политика имперіи всецѣло можетъ устремить свое вниманіе на вулканъ, который за послѣдніе 300 лѣтъ такъ часто угрожалъ Германіи своими изверженіями съ Запада. Я не придаю значенія увѣреніямъ, которыя доходятъ до насъ оттуда, но не могу посоветывать Имперіи ничего иного, какъ только ожидать возможнаго нападенія хорошо вооружившись и съ оружіемъ въ рукахъ. Фонъ-Бисмаркъ.

Бергъ, 7-го іюля 1897 г.

... Пользуюсь случаемъ, любезный князь, сказать вамъ, что я былъ чрезвычайно взволнованъ послѣднее время извѣстіемъ о предполагаемомъ выходѣ вашемъ въ отставку. При личномъ довѣрїи, которое я питаю къ вамъ, и при моемъ довѣрїи къ федеративной основѣ вашей политической дѣятельности, это событіе заставило бы меня сильно скорбѣть за себя лично и за мою страну.

Къ моей величайшей радости, этого не случилось и я отъ души желаю, чтобы Имперія и преданная ей Баварія долго еще могли пользоваться вашей мудрой и энергичной дѣятельностью. Примите, любезный князь, также мою искреннюю благодарность за сообщаемое вами радостное извѣстіе о надеждахъ на поддержаніе мира; и за то, что вы обнадеживаете меня, что фонъ-Рудгартъ, посланникъ, назначенный мною въ Берлинъ, будетъ принятъ вами благосклонно и съ полнымъ довѣрїемъ. Ваше отношеніе къ всплывающему время отъ времени вопросу объ учрежденіи отвѣтственныхъ министерствъ, доказываетъ, что мы имѣемъ въ васъ надежнаго защитника правъ союзныхъ князей; мнѣ доставили большое успокоеніе ваши слова, что вы видите благо Германія не въ централизаціи, которая будетъ достигнута учрежденіемъ подобныхъ министерствъ. Будьте увѣрены, что я употреблю всѣ силы къ тому, чтобы обезпечить вамъ, въ борьбѣ за сохраненіе конституціонныхъ основъ, самую чистосердечную и энергичную поддержку моихъ представителей на союзномъ сеймѣ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, присоединятся и уполномоченные прочихъ князей ¹⁾. Людовикъ.

Киссингенъ, 12-го августа 1878 г.

Позволяю себѣ повергнуть къ стопамъ вашего величества мою почетельнѣйшую благодарность за милостивое приказаніе, данное и въ нынѣшнемъ году королевской придворной конюшнѣ на время моего пребыванія здѣсь, и за милостивыя слова, переданныя мнѣ министромъ фонъ-Пфрецишнеромъ по высочайшему повелѣнію вашего величества

¹⁾ Рудгартъ этого не оправдалъ.

Примѣч. Бисмарка.

На конгрессѣ рѣшено слѣдовать такой политикѣ, которую ваше величество признали въ всемиловѣйшемъ письмѣ вашемъ вполне цѣлесообразной для блага Германіи. Миръ для насъ обезпеченъ, опасность разрыва между Австріей и Россіей устранена и наши отношенія къ обѣимъ дружественнымъ сосѣднимъ державамъ обезпечены и упрочены. Я радуюсь въ особенности тому, что намъ удалось внушить вѣскому кабинету и населенію австрійской имперіи довѣріе къ нашей политикѣ, возникшее такъ недавно. Руководя впредь внѣшней имперской политикой въ указанномъ смыслѣ, я надѣюсь заслужить высочайшее одобреніе вашего величества и, согласно съ этимъ, постараюсь повліять на Порту и на прочія державы, чтобы облегчить, по мѣрѣ возможности, вмѣшательствомъ дипломатіи, трудную задачу, которую Австрія взяла на себя, къ сожалѣнію, нѣсколько поздно.

Гораздо сложнѣе, въ настоящую минуту, задачи внутренней политики. Со смертію кардинала Франши, въ ожиданіи инструкцій изъ Рима, мои переговоры съ нунціемъ не подвигаются ни на волосъ, а въ инструкціяхъ, которыя привезъ архіепископъ новокесарійскій, требовалось фактическаго, не обусловленнаго договорами, возстановленія въ Пруссіи *status quo ante 1870* года. Подобныя уступки, съ той и съ другой стороны, немислимы. Папа, фактически, не имѣетъ возможности ничѣмъ вознаградить насъ съ своей стороны; партія центра, а также враждебная правительству пресса и польская партія, не послушаютъ его, хотя бы его святѣйшество и задумалъ приказать имъ поддержать правительство. Хотя силы, сосредоточенныя въ центрѣ, борятся въ настоящее время подъ знаменемъ папы, но сами по себѣ онѣ враждебны правительству и будутъ таковы, хотя бы онѣ не могли долѣе прикрываться знаменемъ католицизма; ихъ связь съ прогрессивной партіей и съ социалистами, основанная на враждѣ къ государству, не зависитъ отъ спора о церковныхъ дѣлахъ. По крайней мѣрѣ, въ Пруссіи избирательные округа, изъ которыхъ пополняется центръ, включая сюда дворянъ Вестфалии и Верхней Силезіи, коими руководятъ іезуиты и коихъ они съ умысломъ плохо воспитываютъ, были, подъ вліяніемъ демократическихъ принциповъ, въ оппозиціи правительству и до возникновенія спора о церковныхъ дѣлахъ. При такихъ обстоятельствахъ, папскій престолъ не можетъ предложить намъ никакого равносильнаго вознагражденія за тѣ уступки, какихъ онъ отъ насъ требуетъ, такъ какъ онъ не располагаетъ, въ настоящее время, вліяніемъ іезуитовъ на германскія дѣла. Бессиліе папы, безъ ихъ поддержки, выказалось особенно ясно при вторичныхъ выборахъ, когда католики, вопреки желанію папы, подавали голоса за социалистическихъ кандидатовъ и др. Муфангъ, въ Майнцѣ, отказался публично принять на себя какія-либо обязательства въ этомъ отношеніи. Переговоры, ведущіеся здѣсь съ нунціемъ, ограни-

чатся тѣмъ, что мы постараемся кое-что вывѣдать другъ у друга. Я вынесъ изъ нихъ такое впечатлѣніе, что пока нѣтъ возможности придти къ какому-либо заключенію; но, по моему мнѣнію, все-таки надобно стараться, чтобы они не были прерваны, этого желаетъ, кажется, и нунцій. Въ Римѣ, очевидно, полагаютъ, что мы болѣе нуждаемся въ поддержкѣ, нежели это есть на самомъ дѣлѣ, и преувеличиваютъ помощь, которую они, при самомъ добромъ желаніи, могутъ оказать намъ въ парламентѣ. Новые выборы въ рейхстагѣ перемѣстили центръ тяжести послѣдняго гораздо болѣе въ сторону правой, нежели мы ожидали. Переѣсъ либераловъ уменьшился и притомъ гораздо значительнѣе, нежели показываютъ цифры. Предлагая распустить парламентъ, я былъ увѣренъ, что избиратели болѣе сочувствуютъ правительству, нежели депутаты; и результатъ выборовъ былъ тотъ, что многіе депутаты, избранные вновь, несмотря на ихъ оппозицію правительству, могли добиться избранія, только давъ слово поддерживать правительство. Если они не сдержатъ своего слова и намъ придется снова распустить парламентъ, то они потеряютъ довѣріе избирателей и болѣе не будутъ избраны. Послѣдствіемъ обострившихся отношеній либеральной партіи и центра къ депутатамъ будетъ, по моему мнѣнію, бѣлая сплоченность союзныхъ правительствъ. Возрастающая опасность со стороны социаль-демократіи, увеличеніе, съ каждымъ годомъ, опасной разбойничьей шайки, обитающей, вмѣстѣ съ нами, въ большихъ городахъ, отказъ со стороны большинства рейхстага помочь правительству въ борьбѣ съ угрожающей ему опасностью, заставить, въ концѣ концовъ, нѣмецкихъ князей, ихъ правительства и всѣхъ приверженцевъ государственнаго порядка сплотиться для самозащиты, которую демагогическія нападки ораторовъ и прессы не въ состояніи будутъ побѣдить до тѣхъ поръ, пока правительство будетъ дѣйствовать единодушно и рѣшительно, какъ въ настоящее время. Цѣль нѣмецкой имперіи—защита закона; при образованіи существующаго нынѣ союза князей и городовъ, дѣятельность парламента считалась только средствомъ для достиженія цѣлей союза, а не абсолютною его цѣлью. Я надѣюсь, что дѣйствія рейхстага избавятъ союзныя правительства отъ необходимости примѣнить на практикѣ послѣдствія этого законоположенія. Но я не увѣренъ, что большинство избраннаго нынѣ рейхстага будетъ выразителемъ лояльно и монархически настроеннаго большинства нѣмецкихъ избирателей. Если этого не будетъ, то явится снова необходимость распустить парламентъ; я не думаю, однако, чтобы къ этой мѣрѣ пришлось прибѣгнуть нынѣшнюю осень. Если правительству придется обратиться снова къ избирателямъ, то вопросъ о хозяйственной и финансовой реформѣ, если только онъ будетъ правильно понятъ народомъ, явится прекраснымъ орудіемъ въ рукахъ союзныхъ правительствъ; но для этого онъ долженъ обсуждаться въ парламентѣ,—

а этого не можетъ быть ранѣе зимней сессіи. Необходимость увеличить доходы, повысивъ косвенные налоги, сознается всеми союзными государствами и была единогласно признана ихъ министрами въ Гейдельбергѣ. Несогласіе съ этимъ парламентскихъ теоретиковъ не встрѣтитъ, въ концѣ концовъ, сочувствія производительной массы населенія.

Всепокорнѣйше прошу, ваше величество, отнестись съ благосклоннымъ вниманіемъ къ этому краткому очерку современнаго положенія дѣлъ и не лишать меня впредь высочайшей милости вашего величества... Фонъ-Бисмаркъ.

Бергъ, 31-го августа 1878 г.

Отъ всей души благодарю васъ за крайне интересное изображеніе современнаго политическаго положенія, которое вы были такъ любезны прислать мнѣ изъ Киссингена, намѣтивъ въ вашемъ письмѣ и тѣ дѣли, къ которымъ направлены, въ будущемъ, ваши обширные политическіе планы. Искренно желаю, чтобы Киссингенъ и вторичное леченіе поддержали ваши исполнскія силы, необходимыя для осуществленія этихъ плановъ; онѣ понадобятся вамъ уже въ ближайшей сессіи рейхстага. Да послужитъ ваша дѣятельность попрежнему на благо нѣмецкихъ государствъ и да сохранитъ васъ Господь на многія лѣта для всѣхъ тѣхъ, кому дорого благо Германіи! Я также твердо надѣюсь, что союзныя правительства всегда будутъ дѣйствовать единодушно и въ полномъ согласіи въ тѣхъ случаяхъ, когда придется бороться съ опасностью, угрожающею отъ социаль-демократовъ.

Прошу васъ засвидѣтельствовать княгинѣ чувство моего особаго уваженія и передать мой поклонъ вашему сыну, графу Герберту.

Еще разъ отъ души благодарю васъ, любезный князь, за ваше въ высокой степени интересное письмо, доставившее мнѣ огромное удовольствіе, и прошу васъ вѣрить въ совершенное уваженіе и довѣріе, съ какимъ остаюсь вашъ искренній другъ Людовикъ.

Гогеншвангау, 29-го іюля 1879 г.

Любезный князь, фонъ-Бисмаркъ! Съ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ отъ души поздравить васъ съ успѣхомъ, коимъ увѣнчались происходившія въ рейхстагѣ пренія относительно представленнаго вами обширнаго финансоваго проекта. Надобно было обладать вашей необыкновенной энергіей и силой, чтобы одержать побѣду надъ массою эгоистическихъ интересовъ, которые препятствовали осуществленію вашихъ проектовъ. Нѣмецкія государства вновь обязаны вамъ признательностью и будутъ съ новыми силами стремиться къ достиженію матеріальнаго благосостоянія, составляющаго необходимую основу государственной жизни.

Искренно желаю, чтобы пребываніе въ Киссингенѣ дало вамъ воз-

возможность вполне отдохнуть от трудов и забот, испытанных последнее время. Къ этому искреннему пожеланію присоединяю увѣреніе въ глубокомъ уваженіи, съ коимъ пребываю вашъ искренній другъ Людовикъ.

Киссингенъ, 4-го августа 1879 г.

Ваше величество весьма осчастливилъ меня милостивыми словами, коими вы меня удостоили въ высочайшемъ письмѣ вашемъ отъ 29-го іюля. Я особенно признателенъ вамъ за то, что вы милостиво обратили вниманіе на затрудненія, которыя союзныя правительства встрѣчаютъ при проведеніи реформъ со стороны партійныхъ страстей и частныхъ интересовъ.

Врядъ ли, въ ближайшемъ будущемъ, удастся, по моему мнѣнію, достигнуть большаго въ хозяйственныхъ вопросахъ, касающихся покровительства нѣмецкому труду и промышленности; придется выждать практическаго результата того, что уже достигнуто, а результатъ этотъ можетъ сказаться только на слѣдующій годъ, такъ какъ принятое парламентомъ рѣшеніе—повременить введеніемъ ввозныхъ пошлинъ, снова дало чужимъ краямъ возможность наводнить нѣмецкій рынокъ беспошлинными произведеніями. Ожидаемое отъ этого благотворное вліяніе на поднятіе нашего матеріальнаго благосостоянія можетъ дать себя почувствовать только по истеченіи будущаго года.

Что касается финансовъ, то мнѣ кажется, что намъ придется, въ одно изъ ближайшихъ засѣданій рейхстага, снова сдѣлать попытку отыскать, для союзныхъ правительствъ, новые источники дохода; хотя прежніе доходы и покрываютъ дефицитъ нашего бюджета, но ихъ не хватаетъ на то, чтобы преобразовать прямыя налоги и оказать помощь нуждающимся волостнымъ правленіямъ.

Результатъ, къ которому привела дѣятельность союзныхъ правительствъ, вполне соответствуетъ въ политическомъ отношеніи моимъ ожиданіямъ и нанесъ, видимо, серьезный ударъ неправильной группировкѣ и составу нашихъ политическихъ партій. Центръ впервые принялъ положительное участіе въ законодательныхъ работахъ Имперіи.

Долго ли это будетъ продолжаться,—покажетъ будущее. Весьма возможно, что если соглашеніе съ Римомъ не состоится, то эта партія займетъ прежнее отрицательное и оппозиціонное положеніе. Надежды на соглашеніе съ Римомъ съ прошлаго года, какъ видно, не особенно увеличились. Нѣкоторую надежду подаетъ лишь тотъ фактъ, что папскій нунцій Якобини заявилъ послу, князю Рейсу, желаніе приступить къ переговорамъ, на что онъ получилъ полномочія изъ Рима. Какъ велики эти полномочія, мнѣ покуда неизвѣстно, но я обѣщаль нунцію видѣться съ нимъ, какъ онъ того желаетъ, въ Гастейнѣ и начать переговоры.

Послѣдняя сессія рейхстага заставитъ, я полагаю, національ-либеральную партію распасться на монархическую и прогрессистскую, то есть республиканскую партію. Попытка бывшего президента фонъ-Форкенбека подчинить законодательную власть имперіи непосредственному контролю нѣмецкаго союза городовъ и зажигательныя рѣчи Ласкера и Рихтера по адресу неимущихъ классовъ, ясно обнаружили революціонныя стремленія этихъ депутатовъ, такъ что приверженцы монархическаго образа правленія не могутъ имѣть съ ними болѣе ничего общаго въ своей политической дѣятельности. Планъ союза городовъ, съ его сословными депутатами въ рейхстагѣ, выработана «союзниками» по образцу союза французскихъ провинціальныхъ городовъ 1792 года. Этотъ проектъ не встрѣтилъ сочувствія въ нѣмецкомъ народѣ, но онъ показываетъ, что и въ нашихъ прогрессистскихъ депутатахъ были черты, напоминавшія депутатовъ конвента.

Наши революціонеры вербуются почти исключительно изъ ученика аго пролетаріата, коимъ сѣверная Германія богаче южной. Это ученые, высокообразованные господа, у которыхъ нѣтъ недвижимаго имущества, нѣтъ профессіи или опредѣленныхъ доходовъ, и которые существуютъ на содержаніе, получаемое или на государственной или общественной должности, или работая въ прессѣ, зачастую занимаясь тѣмъ и другимъ одновременно; въ рейхстагѣ они составляютъ болѣе половины депутатовъ, между тѣмъ какъ среди избирателей они составляютъ незначительный процентъ. Эти-то господа и составляютъ революціонный элементъ и руководятъ прогрессивной и національ-либеральной партіей и прессой. Разсѣять ихъ партію—составляетъ, по моему мнѣнію, самую важную задачу консервативной политики, а преобразование хозяйственныхъ вопросовъ составляетъ основу, при помощи которой правительство можетъ довольно близко подойти къ достиженію этой цѣли.

Почтительнѣйше благодарю ваше величество за выраженныя вами всемилостивѣйшія пожеланія относительно благополучнаго исхода моего леченія, которое, судя по всѣмъ признакамъ, навѣрно принесетъ пользу моему здоровью, сильно пошатнувшемуся прошлую зиму. Успѣху леченія много способствуютъ удобства, конми я пользуюсь благодаря милостивому вниманію вашего величества и которыя даютъ мнѣ возможность пользоваться цѣлебнымъ воздухомъ окрестныхъ лѣсовъ. Превосходныя лошади придворной конюшни вашего величества даютъ мнѣ возможность безъ труда посѣщать прелестныя окрестности Киссингена, что особенно пріятно при увеличивающейся съ лѣтами слабости въ ногахъ. Прошу ваше величество милостиво принять мою всеижайшую благодарность за это удовольствіе и за отличіе, которое мнѣ доставляетъ пользованіе имъ. Фонъ-Бисмаркъ.

Киссингенъ, 7-го августа 1879 г.

Зная, что ваше величество живо интересуетесь нашими переговорами съ Римомъ, я осмѣливаюсь представить на высочайшее воззрѣніе вашего величества копии съ нижеслѣдующихъ документовъ:

- 1) Съ письма папы къ его императорскому величеству отъ 30-го мая.
- 2) Съ отвѣта на это письмо отъ 21-го іюня.
- 3) Съ письма папы къ его императорскому величеству отъ 9-го іюля, на которое еще не послѣдовало отвѣта. Фонъ-Бисмаркъ.

Бергъ, 18-го августа 1879 г.

Любезный другъ! Искренно благодарю васъ за ваши письма отъ 4-го и 7-го числа сего мѣсяца, въ которыхъ вы сообщаете мнѣ такъ много интереснаго о партіяхъ и объ отношеніяхъ къ Риму, и которыя доставили мнѣ большое удовольствіе. Переговоры, которые вы ведете съ Римомъ, уже увѣичались успѣхомъ, такъ какъ замѣтное улучшение нашихъ отношеній къ римской куріи несомнѣнно повліяло на центръ и черезъ него на успѣхъ вашей финансовой реформы. Да увѣичаются и въ другихъ отношеніяхъ успѣхомъ ваши энергичныя старанія создать большую консервативную партію. Я искренно желаю, любезный князь, чтобы здоровье и силы позволили вамъ осуществить ваши великія и несомнѣнно важныя задачи; поэтому мнѣ было весьма пріятно узнать изъ вашего письма, что пребываніе въ Киссингенѣ обѣщаетъ отличные плоды.

Будьте увѣрены, любезный князь, въ совершенномъ уваженіи и довѣрїи, съ коими я остаюсь по-прежнему вашъ искренній другъ Людовикъ.

Бергъ, 1-го сентября 1880 г.

Любезный князь! Пожеланія, которыя вы были такъ любезны высказать мнѣ по случаю моего двойного праздника и 700 лѣтняго юбилея моего дома, доставили мнѣ истинное удовольствіе. Отъ всей души благодарю васъ за вашу испытанную преданность, которая такъ драгоценна для меня и для моей страны, и на которую я вполне полагаюсь и впредь. Въ виду сердечныхъ отношеній, существующихъ между вами, славнымъ и великимъ канцлеромъ и мною, мнѣ было пріятно узнать, что и предки мои имѣли причины уважать и отличать ваше семейство. Благопріятныя вѣсти, которыя вы сообщаете мнѣ, любезный князь, о своемъ здоровьи, весьма радуютъ меня, и я повторяю еще разъ, что мнѣ пріятно слышать, что баварскій источникъ поддерживаетъ изумительную энергію, которую вы употребляете на благо нѣмецкихъ государствъ. Я узналъ изъ вашего письма съ особеннымъ удовольствіемъ, что вы вполне увѣрены въ томъ, что миръ не будетъ нарушенъ, и благода-

ренъ вамъ за обѣщаніе прислать мнѣ записку о политическомъ положеніи дѣлъ.

Примите, любезный князь, вмѣстѣ съ вашей семьей, увѣреніе въ искренней моей симпатіи и глубокомъ уваженіи, съ какимъ я остаюсь всегда вашъ искренній другъ Людовикъ.

Гогеншвангау, 10-го августа 1881 г.

Любезный князь! Благополучный исходъ вашего леченія въ Киссингенѣ осуществилъ самыя искреннія мои желанія; я надѣюсь, что необходимый отдыхъ успокоитъ также невралгическія боли, которыя все еще васъ не оставляютъ, какъ я узналъ, съ большимъ сожалѣніемъ, изъ вашего письма. Я прочелъ съ живѣйшимъ интересомъ описаніе внутренняго и внѣшняго положенія государства, которое вы изложили въ столь драгоценномъ для меня вашемъ письмѣ, а пораженъ вашей изумительной дѣятельностью въ той и другой сферѣ. Меня радуетъ ваша надежда на поддержаніе мира и твердость, съ какою вы отражаете поползновенія парламентскаго большинства къ управленію страной, поползновенія, которыя обнаруживаются въ настоящее время и въ Баваріи, хотя по иному поводу. Я постараюсь, чтобы цѣль, которой они добиваются и которая несовмѣстима съ монархическимъ принципомъ и можетъ вызвать безконечныя волненія и неудовольствія, осталась недостигнутою. Меня живо интересуютъ предстоящіе выборы. Если бы они и не оправдали возлагаемыхъ на нихъ надеждъ, я все-таки увѣренъ, что вы съумѣете, съ обычной своей настойчивостью, выработать такія финансовыя и хозяйственныя мѣры, которыя необходимы для обезпеченія благосостоянія нѣмецкихъ государствъ и въ особенности положенія рабочихъ; въ искреннемъ содѣйствіи моего правительства вы можете быть вполне увѣрены. Съ другой стороны, любезный князь, я убѣжденъ, что, проводя свои обширные планы, вы будете охранять федеративный принципъ, на которомъ зиждется имперія и самостоятельность отдѣльныхъ государствъ. Меня весьма порадовало извѣстіе, что вы находитесь въ предѣлахъ Баваріи. Надѣюсь, что вы еще много и много лѣтъ будете посѣщать ее, и прошу васъ, любезный князь, принять вмѣстѣ съ самыми искренними моими пожеланіями увѣреніе во всегдашнемъ, съ моей стороны, особомъ довѣрїи и совершенномъ уваженіи, съ какимъ я остаюсь навсегда вашъ искренній другъ Людовикъ.

Бергъ, 27-го августа 1881 г.

Любезный князь! Отъ всего сердца благодарю васъ за удовольствіе, доставленное мнѣ вашимъ поздравленіемъ ко дню моего рожденія. Это поздравленіе, точно такъ же, какъ и все содержаніе уважаемаго письма вашего, служить новымъ доказательствомъ вашего дружескаго ко мнѣ

расположенія, которое глубоко радуеть меня, и на которое я вполне полагаюсь.

Искренно желаю вамъ наслаждаться, во время пребыванія въ Варцивѣ, полнѣйшимъ спокойствіемъ и хорошей погодой и, пользуясь добрымъ здоровьемъ, приступить, согласно вашему желанію, къ выполненію вашихъ обширныхъ плановъ.

Посылая вамъ и вашей семьѣ привѣтъ, остаюсь, любезный князь, съ особымъ уваженіемъ, вашъ искренній другъ Людовикъ.

Замокъ Бергъ, 2-го сентября 1883 г.

Любезный князь. Драгоценное письмо, которое вы были такъ любезны прислать мнѣ изъ Киссингена, доставило мнѣ большое удовольствіе. Принося вамъ, любезный князь, глубокую благодарность за высказанныя въ немъ пожеланія, я не хочу упустить случая сказать вамъ, что я прочелъ съ величайшимъ интересомъ приложенную къ вашему письму записку о современномъ политическомъ положеніи. Къ величайшему моему удовольствію, я вывелъ изъ нея заключеніе, что въ настоящее время нѣтъ серьезныхъ признаковъ, угрожающихъ европейскому миру. Хотя положеніе дѣлъ въ Россіи и большое количество войска, выставленнаго ею на западной границѣ, могутъ возбудить нѣкоторое опасеніе, но я надѣюсь, что благодаря согласію, существующему между Германіей и Австріей, которое служитъ порукою, что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ, и благодаря вашей мудрой и дальновидной политикѣ, удастся избѣжать войны, и мирныя намѣренія русскаго императора, высказанныя имъ недавно по случаю торжественной коронаціи въ Москвѣ, одержать, въ концѣ концовъ, верхъ. Примите, любезный князь, вмѣстѣ съ искренней моей благодарностью за ваши всегда пріятныя для меня письма, изъявленіе моей сердечной радости по поводу того, что ваше, къ сожалѣнію, давно уже разстроенное здоровье, начало немного поправляться подъ вліяніемъ цѣлебныхъ водъ Киссингена и пользованія опытнаго врача. Искренно желаю, чтобы оно какъ можно скорѣе возстановилось, и чтобы Германія долго еще пользовалась тѣмъ спокойствіемъ, какое внушаетъ ей довѣріе къ энергіи и осмотрительности ея великаго государственнаго человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возобновляю увѣреніе въ искреннемъ почтеніи и неизмѣнномъ расположеніи, которыя я всегда питаю къ вамъ, любезный князь. Посылаю вамъ искренній привѣтъ и остаюсь навсегда вашъ искренній другъ Людовикъ.

Эльмау, 27-го сентября 1883 г.

Любезный князь фонъ-Бисмаркъ! Я имѣлъ удовольствіе получить ваше письмо отъ 19-го числа сего мѣсяца; горячо благодарю васъ, любезный князь, за ваши сообщенія и за присланный, вмѣстѣ съ тѣмъ,

документъ, полученный изъ Петербурга. Я прочелъ то и другое съ живѣйшимъ любопытствомъ, съ какимъ я отношусь впрочемъ ко всему, что я получаю отъ васъ. Всего пріятнѣе для меня было, конечно, извѣстіе, что вы понемногу поправляетесь; отъ души желаю, чтобы здоровье ваше вполне возстановилось. Это даетъ мнѣ надежду, что, освѣжившись и возстановивъ свои силы, вы снова будете въ состояніи посвятить ихъ осуществленію высокихъ задачъ вашей государственной дѣятельности, и я спокойно ожидаю дальнѣйшаго хода политическихъ событій. Что касается, въ частности, отношеній Германіи къ Россіи, то я съ удовольствіемъ заключаю изъ донесенія генерала фонъ-Швейница, что нѣтъ причины сомнѣваться въ искренномъ миролюбіи русскаго императора и его канцлера. Этотъ успокоительный фактъ, въ связи съ согласіемъ, упрочившимся, къ счастью, между Германіей и Австріей, и которое, судя по вашимъ словамъ, нынѣ вполне обеспечено, что меня искренно радуетъ, еще болѣе укрѣпляетъ во мнѣ надежду на упроченіе мира.

Примите, любезный князь, вмѣстѣ съ моими искренними пожеланіями вамъ полнѣйшаго выздоровленія, увѣреніе въ особомъ почтеніи, съ какимъ я остаюсь вашъ искренній другъ Людовикъ.

XIX.

Разногласіе, возникшее между Бисмаркомъ и фонъ-деръ-Гольцомъ по поводу Шлезвигъ-Гольштинскаго вопроса.—Письмо Бисмарка къ Гольцу.—Взглядъ канцлера на необходимость присоединенія герцогствъ.—Возведеніе Бисмарка въ графское достоинство.—Отношенія къ Ганноверу.—Выдумка вельфской партіи.—Опроверженіе гессенскаго принца.—Значеніе сѣверо-восточнаго канала.—Противодѣйствіе этому проекту со стороны Мольтке.

Моимъ преемникомъ въ Парижѣ былъ назначенъ графъ фонъ-деръ-Гольцъ, занимавшій, съ 1855 года, послѣдовательно, постъ посланника въ Афинахъ, въ Константинополѣ и въ Петербургѣ. Я ожидалъ, что эта должность дисциплинируетъ его и что, перейдя отъ писательской дѣятельности къ служебной, онъ сдѣлается практичнѣе и разсудительнѣе, и, наконецъ, что назначеніе на самый важный, въ то время, постъ прусской дипломатіи удовлетворитъ его честолюбіе, но мое ожиданіе оправдалось только отчасти. Въ исходѣ 1863 года мнѣ пришлось имѣть съ нимъ переписку по дѣламъ службы; хотя у меня сохранились, къ сожалѣнію, только одни отрывки этихъ писемъ, но они представляютъ интересъ, рисуя тогдашнее положеніе дѣлъ и служа къ уясненію послѣдующихъ событій.

Берлинъ, 24-го декабря 1863 г.

... Что касается датскаго вопроса, то нельзя допустить, чтобы король имѣлъ двухъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, то-есть, чтобы при обсужденіи теперешняго животрепещущаго вопроса самый важный постъ занималъ противникъ министерской политики. Я переношу всякое противорѣчіе, если оно исходитъ изъ такого компетентнаго источника, каковъ вашъ; но я не могу ни съ кѣмъ раздѣлять официально обязанность королевскаго совѣтника въ этомъ вопросѣ, и если бы его величество потребовалъ этого, то мнѣ пришлось бы выйти въ отставку. Я сказалъ это королю при чтеніи одного изъ вашихъ послѣднихъ донесеній; его величество нашелъ мой взглядъ правильнымъ; я не могу отступить отъ него. Никто не ожидаетъ отъ васъ такихъ донесеній, которыя были бы только отраженіемъ министерскихъ взглядовъ; но ваши донесенія не могутъ быть названы таковыми въ обыкновенномъ смыслѣ; они имѣютъ характеръ министерскихъ докладовъ; вы совѣтуете въ нихъ королю слѣдовать совершенно иной политикѣ, чѣмъ та, которая одобрена имъ совмѣстно съ министерствомъ и которой онъ слѣдуетъ вотъ уже четыре недѣли. Рѣзкая, чтобы не сказать враждебная критика того, что рѣшено совѣтомъ, не можетъ, никоимъ образомъ, быть названа донесеніемъ посланника, а является какъ бы новой министерской программой. Эти противорѣчивые взгляды, не принося никакой пользы, могутъ, во всякомъ случаѣ, принести вредъ, наведя на сомнѣнія и вызвавъ нерѣшительность, а по моему мнѣнію, всякая политика, какова бы она ни была, лучше нерѣшительности.

Я вполне согласенъ съ вами, что «весьма простой самъ по себѣ вопросъ прусской политики» затемняется пылью, которая поднята датскимъ вопросомъ и туманными очертаніями, которыя онъ принимаетъ. Весь вопросъ въ томъ,—великая ли мы держава или же мы нѣмецкое союзное государство, и надлежитъ ли намъ, въ качествѣ первой, имѣть монархическую форму правленія, или же нами будутъ управлять профессора, уѣздные судьи и провинціальныя болтуны, что можетъ быть прилично только во второмъ случаѣ. Погоня за «призракомъ популярности» въ Германіи, которая занимаетъ насъ съ сороковыхъ годовъ, поколебала наше положеніе въ Германіи и въ Европѣ; намъ не удастся возстановить его, если мы вздумаемъ плыть по теченію, надѣясь въ то же время направлять его; мы вѣрнѣе достигнемъ цѣли, ставъ твер на свои собственныя ноги и будучи сперва великой державой, а потомъ уже союзнымъ государствомъ. Австрія, во вредъ намъ, всегъ понимала это, и несмотря на разыгрываемую ею комедію нѣмецки-симпатій, она не откажется, ради нихъ, отъ союзовъ съ прочими европейскими державами, если таковыя у нея имѣются. Если мы зайдемъ по ея попятіямъ, слишкомъ далеко, то она не отвернется отъ насъ

нений и самым родом колебаний нашей орфографии, господствующий характер ее историко-этимологической, но рядом с этим в значительной степени имеют силу и фонетический элемент: в нашем письме, как и у других народов, постоянно происходит движение вперед в обоих направлениях. С одной стороны, звуковыя или ошибочныя начертания исправлялись по требованіямъ словопроизводства, напр.: долго писали „сдѣлать“, „просьба“, „счастіе“, „лучше“ и т. д.: потомъ стали писать: „сдѣлать“, „просьба“, „счастіе“, „лучше“. С другой стороны этимологическія, не согласныя съ живымъ языкомъ начертанія измѣнились сходно съ выговоромъ; такъ, вѣдъкогда писали: „шестій“, „кондемъ“, „естли“; впоследствии же стали писать ближе къ произношенію: „шестой“, „концомъ“, „если“.

Слово, — во мнѣніи Я. К. Грота, — должно имѣть на письмѣ такую же опредѣленную, всѣми признанную и всѣми тотчасъ принимаемую форму, какую оно имѣетъ въ живомъ языкѣ: тогда только письменный образъ слова вызываетъ непосредственно, безъ пособія звуковой его формы, заключающееся въ немъ понятіе: вотъ почему важно единообразное правописаніе. Но достигнуть полного единообразія, совершеннаго согласія орфографія всѣхъ пишущихъ никогда не удастся; письмо, какъ и самый языкъ, живетъ, развивается, имѣетъ свою исторію, и вѣкоторое въ немъ колебаніе во всякій моментъ этой исторіи будетъ неизбежно. Поэтому, — добавляетъ почтенный филологъ, — не должно слишкомъ смущаться кое-какими орфографическими разнорѣчіями и относиться недиптически ко всякому отступленію отъ того или другого признаваемого лучшимъ правописанія.

Для ознакомленія читателей съ аргументаціей автора въ пользу того или другаго начертанія сомнительнаго слова, мы приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ справочнаго филологическаго указателя къ „Спорнымъ вопросамъ русскаго правописанія“ и изъ статьи „Замѣчанія о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ“. Вотъ, напр., какъ доказываетъ Я. К. Гротъ начертаніе „вѣдчина“ вмѣсто „ветчина“: присутствіе тутъ корня вѣдъ доказывается соответствующими словами въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и особенно въ польскомъ, гдѣ мы находимъ глаголъ *wędzić*, который именно значитъ „коптить мясо, сушить вѣшать въ дымѣ“, и

существительныя: *wędzina* — копченое мясо, *wędziarz* — коптильщикъ. Другой корень *więd*, еще болѣе соответствующій нашему вѣдъ, далъ въ польскомъ языкѣ, между прочимъ, слѣдующія реченія: *więdle mięso*, *więdlina* — вяленое, копченое мясо. Встрѣчающаяся въ „Домострой“ форма „ветчина“ наводила на мысль, не происходитъ ли разсматриваемое слово отъ прилагательнаго „ветхій“ и нельзя ли предположить, что названіе „ветшина“ образовалось въ противоположность „свѣжій“? Но, во-первыхъ, понятіе ветхости не имѣетъ ничего общаго съ понятіемъ о копченомъ или вяленомъ мясѣ, а во-вторыхъ, „свѣжина“ означаетъ просто не солоное мясо, и понятіе свѣжести въ смыслѣ недавности чуждо этому названію. Болѣе подробныя разсужденія объ этомъ словѣ находимъ на стр. 825, 850—851, 858—861. Причина тѣхъ возраженій, которыя встрѣчается съ разныхъ сторонъ правописаніе „вѣдчина“, — не иная, какъ лишь его новизна, непривычка видѣть его. Я однакожь полагаю, говорить Я. К. Гротъ, что эта форма, вслѣдствіе неоспоримой ея правильности, заслужитъ со-временемъ общее признаніе ¹⁾.

Относительно слова „копейка“ авторъ разсматриваемой нами книги замѣчаетъ, что нѣтъ причины писать ѣ, — производитъ ли это слово отъ „копѣе“ или, по Сенковскому, отъ монгольскаго „копека“²⁾.

Въ заключеніе приведемъ еще одно толкованіе Я. К. Грота: „м а ч е х а“. Здѣсь предпочитаю, — говоритъ авторъ, — правильную форму обычной „мачиха“ потому, что отъ м а т ь послѣдняя не могла образоваться: суффиксы и х а служатъ только къ образованію женскихъ именъ отъ мужскихъ: волчиха отъ волкъ, зайчиха отъ зайць... купчиха, повариха...

Этотъ томъ трудовъ Я. К. Грота, безъ сомнѣнія, сдѣлается настольною книгою всякаго интересующагося русскою орфографіею.
Н. К-ш-ъ.

¹⁾ Въ указателѣ къ „Русскому Правописанію“ авторъ заключаетъ свое толкованіе происхожденія слова замѣчаніемъ: „несмотря на то, давняя привычка къ написанію „ветчина“ заставляла до времени отказываться отъ строго-этимологической формы“.

²⁾ Мелкая монета хановъ Золотой Орды.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. — въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Кавани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостивный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.) Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гр. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются.

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о вѣдѣхъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Живописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографія, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отрывки о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе рассказы и преданія — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи **Русскую Старину** за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1898 по **9** рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семевского** и факс. его письма. Цѣна **3** рубля. Для подписчиковъ „Русской Старинѣ“ **2** рубля.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-й.

АВГУСТЪ.

1899 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. (Оконч.) Н. О. Дубровина.....	241—270	1878 г.г.) П. Д. Парел-сова.....	375—399
II. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.....	271—295	IX. Императоръ Александръ I. (Его характеристика по сочиненію Н. К. Шильдера) (Оконч.). П.....	401—426
III. Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа. Акад. Л. Н. Майкова.....	297—311	X. Россія и Франція въ 1870 году. (Побуждающъ генерала Флэри). (Оконч.)....	427—452
IV. Преступный отрывокъ элѣгии „Андрей Шенье“. (Изъ судебного процесса А. С. Пушкина, А. Леопольдова, Коноплева и др.) А. Слезинскаго.....	313—326	XI. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 года. Сообщ. П. М. Майковъ	453—466
V. Изъ воспоминаній прусскаго флигель-адъютанта Малаховскаго. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. . .	327—344	XII. П. А. Валуевъ и А. Г. Тройницкій. (Письма П. А. Валуева къ А. Г. Тройницкому). Сообщ. Г. А. Тройницкій.....	467—480
VI. Записка баварца о Россіи времямъ императора Павла. (Перев. съ французской рукописи). Сообщ. Евгений Шумигорскій.....	345—362	XIII. Записная книжка „Русской Старины“: Устройство въ Одессѣ коммерческаго порта. 6 ноября 1801 г. (стр. 296) — Советъ старцу. (Стихотвор.) Сообщ. Н. А. Воровковъ (312). — Письмо князя Семена Щербатова къ вице-губернатору Архангельской губ. Петру Ефимовичу Лодыженскому. 20 марта 1723 г. (374). — Объявленіе о подпискѣ на памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II (400).	
VII. Григорій Федоровичъ Генсъ. (Первый директоръ Оренбургскаго Неплюевского кадетскаго корпуса.). П. Л. Юдина.....	363—373	XIV. Библиографически. листокъ. (на оберткѣ).	
VIII. Изъ прошлаго. (Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—			

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.

2) Портретъ Григорія Федоровича Генса. Грав. И. Хельмицкій.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1899 г.

Можно получать журналъ за истекшіе годы, см. 4 стран. обертки.

Приемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Подъяческая, 39.

1899.

Digitized by Google

VIII-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го августа 1899 г.

Библиографическій листокъ.

Альбомъ Пушкинской Юбилейной выставки въ Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Май 1899. 250 фототипически исполненныхъ снимковъ съ портретовъ, рисунковъ, гравюръ, рукописей и пр. Составленъ подъ редакціей Л. Н. Майкова и В. Л. Модзалевскаго. Исполненъ и изданъ художественною фототипіей К. А. Фисера въ Москвѣ. 1899. Цѣна 6 руб.

Изъ числа юбилейныхъ изданій, вызванныхъ столѣтіемъ со дня рожденія А. С. Пушкина, считаемъ не лишнимъ указать нашимъ читателямъ на альбомъ, заглавіе котораго вписано выше. Альбомъ этотъ вышелъ подъ редакціей устроителей Пушкинской юбилейной выставки въ Академіи Наукъ—академика Л. Н. Майкова и В. Л. Модзалевскаго и заключаетъ въ себѣ 72 листа in-4°, на которыхъ систематически расположено 250 художественно исполненныхъ фототипіей снимковъ съ наиболее выдающихся портретовъ, видовъ и рукописей, находившихся на выставкѣ. Портреты раамѣщены по группамъ; такъ, сначала идутъ портреты самого Пушкина, числомъ 14, затѣмъ—его родныхъ, друзей, пріятелей и пріятельницъ, знакомыхъ, покровителей, начальниковъ, наиболее выдающихся представителей тогдашней литературы, науки и искусства, наконецъ—виды мѣстностей, въ которыхъ жилъ Пушкинъ, и снимки съ его рукописей. Кромѣ того, къ альбому приложенъ подробный каталогъ выставки (изъ 771 нумера), съ указателемъ именъ, причѣмъ отмѣнены предметы, воспроизведенные въ альбомѣ. Въ виду того, что въ альбомѣ помѣщено много снимковъ съ рѣдкихъ портретовъ, полученныхъ изъ частныхъ или семейныхъ собраній и въ первый и, вѣроятно, въ послѣдній разъ появившихся на выставкѣ, альбомъ этотъ можно назвать очень интереснымъ, особенно для любителей. Цѣна его (6 руб.) не высока, если принять во вниманіе большое количество снимковъ, при томъ чрезвычайно точно, художественно и изящно воспроизведенныхъ фототипіей К. А. Фисера.

Религіозные мотивы въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина. С. Г. Рункевичъ. С.-Петербургъ 1899 г. (Извлечено изъ журнала „Христіанское Чтеніе“, вып. V за 1899 г.)

Трудъ С. Г. Рункевича состоитъ изъ четырехъ главъ.

Въ первой главѣ — Общее построеніе Пушкина — авторъ совершенно справедливо заявляетъ, что А. С. Пушкинъ былъ воспитанъ въ правилахъ религіи; но рано начавшаяся школьная самостоятельность въ кружкѣ жизнерадостныхъ товарищей заставила, до времени, увлекаться юношу запрятать религіозные порывы на самую глубину души и шумно высказывать свое служеніе тѣмъ кумирамъ, которымъ поклонялись всѣ. Въ душѣ онъ никогда не былъ нерелигіознымъ, говѣлъ, исповѣдывался, заказывалъ заупокойныя обѣды, вчитывался въ Библію, хотя въ то же время не упускалъ случая пошутить, ради остроумія, надъ предметами, относящимися до религіи; напр. въ письмахъ 1824 г. мы находимъ такіа строка: „ѣду завтра въ Святыхъ Горы и веду отпѣвъ молебный или панихиду, смотря по тому, что дешевле“, или въ письмѣ 1826 г.: „теперь у ней (у няни) поны деруть молебенъ и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ“.

Особенное вліяніе на внутреннюю перемѣну Пушкина оказалъ его бракъ. Когда Пушкинъ женился и обзавелся дѣтьми, безпутныя мысли юности какъ-то сами почти сразу отлетѣли, и ростокъ религіознаго сѣмени въ душѣ былъ пригрѣтъ зародившеюся любовью къ семьѣ. Въ письмахъ его къ женѣ довольно часто встрѣчаются выраженія: „цѣлю и крещу“, „Христовъ васъ храни“, „Богъ съ тобою и дѣтьми“, „Господъ васъ благослови“ и т. п.

Вспоминая въ одномъ изъ писемъ о своей предстоящей смерти и о судьбѣ въ такомъ случаѣ своей семьи, Пушкинъ говоритъ: „ну, дѣлать нечего; Богъ великъ“. Въ письмѣ къ женѣ отъ 14-го іюля 1834 г. онъ спрашиваетъ: „всякій ли ты день молишься, стоя въ углу?“, а въ другомъ письмѣ—отъ 3-го августа—пишетъ: „благодарю тебя за то, что ты Богу молишься на колѣнахъ посреди комнаты. Я мало Богу молюсь и на-

ГЕНЕРАЛЪ - МАЮРЪ
ГРИГОРІЙ ФЕДОРОВИЧЪ
ГЕНСЪ.

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

VIII 1).

Ревизіи губерній сенаторами.—Отсутствіе средоточія для государственныхъ дѣлъ.—Указъ о правахъ Сената.—Учрежденіе министерствъ.—Взаимныя ихъ отношенія.—Внутреннее положеніе государства.—Необходимость административныхъ преобразованій.

оходившія отовсюду жалобы на вопіющія злоупотребленія побудили еще императора Павла I, при помощи ревизій, ознакомиться ближе съ тѣмъ, что дѣлалось въ губерніяхъ. Въ указѣ 6-го декабря 1799 г. императоръ поручилъ Сенату выбрать способнѣйшихъ и добросовѣтнѣйшихъ сенаторовъ и послать ихъ въ разныя губерніи, для изслѣдованія теченія по присутственнымъ мѣстамъ правосудія, дѣятельности полиціи и о поборахъ «лихоимству столь свойственныхъ 2)».

Императоръ Александръ I слѣдовалъ примѣру отца и весьма часто посылалъ сенаторовъ ревизовать губерніи, но, какъ увидимъ, пользы отъ этого было мало.—Утвержденная для ревизоровъ инструкція свидѣтельствуєтъ, что центральная власть имѣла весьма ограниченныя свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ губерніяхъ, и на обязанность сенаторовъ возлагалось собирать то, что, казалось бы, должно было быть извѣстно въ

1) См. „Русскую Старину“ іюль 1899 г.

2) Сборникъ Археологическаго института кн. III, отд. II, стр. 69 и 70.

Петербургѣ. На нихъ возлагалось разслѣдовать: всѣ ли мѣста, для управления установленныя, находятся въ дѣйствиці, или же нѣкоторыя совсѣмъ не учреждены; полный ли комплектъ чиновниковъ или въ нихъ недостатокъ или избытокъ. Сенаторы должны были разузнавать на мѣстѣ, какіе сборы учреждены въ губерніяхъ и освѣдомиться, нѣтъ ли излишнихъ поборовъ, злоупотребленій или лихоимства; поступаютъ ли въ казну доходы въ опредѣленные сроки и въ какомъ количествѣ, исполняются ли высочайшія повелѣнія и указы правительственныхъ учрежденій ¹⁾.

Собіраніе всѣхъ этихъ свѣдѣній, при полномъ царствѣ злоупотребленій, было не по силамъ одному человѣку, и сенаторъ, вторгнувшійся въ враждебную ему среду, встрѣчалъ повсюду обманъ, ложь и всевозможныя ухищренія для закрытія истины и преступленія. Обыкновенно возникали пререканія между губернаторами и ревизорами, отправлялись первыми въ Петербургъ ложныя жалобы и доносы на превышенія власти ревизора, и дѣло запугивалось самымъ сложнымъ образомъ. Производились новыя слѣдствія, тянувшіяся десятки лѣтъ и въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ не кончавшіяся и тѣмъ ставившія ревизоровъ въ самое непріятное положеніе. Если губернаторъ былъ дѣйствительно виновенъ, то ревизующему сенатору было трудно доискаться истины, «ибо весьма мало людей, кои смѣли бы показать истину противъ начальника губерніи, когда онъ еще при мѣстѣ, когда еще не извѣстно, чѣмъ дѣло кончится, и когда опасаться должно его мщенія, если ревизія губерніи кончится въ пользу его ²⁾». На этомъ основаніи баронъ Б. Б. Кампенгаузенъ предлагалъ, одновременно съ назначеніемъ ревизіи, переводить губернатора въ другую губернію или же просто удалить отъ должности.

Несмотря на то, что совѣтъ Кампенгаузена не былъ принятъ, ревизорамъ все-таки удавались раскрывать многочисленныя злоупотребленія губернскихъ властей.

Въ іюні 1801 года, въ домѣ казанскаго мѣщанина Оловяшниковъ произошелъ пожаръ, при чемъ въ поджогѣ дома обвинялся мѣщанинъ Яковлевъ. Несмотря на строгое запрещеніе пытокъ еще въ минувшія царствованія, по приказанію частнаго пристава Столбовскаго, «переодѣтые люди, въ неосвѣщенномъ мѣстѣ, стянули Яковлеву руки на спину, крѣпко связали ноги, трясли, давили его для умноженія боли и такимъ терзаніемъ вынудили признаніе». Впослѣдствіи Яковлевъ отказался признать себя виновнымъ, заявлялъ, что признаніе его было вынужденное.

¹⁾ Высочайше утвержденная 1-го августа 1808 г. инструкція сенаторамъ. Арх. минис. внутрен. дѣлъ, департ. полиціи, д. № 1458.

²⁾ Всеподданнѣйшее письмо барона Кампенгаузена 7-го апрѣля 1818 г. Сборн. Собственной Его Величества канцеларіи, выпускъ II, стр. 524 и 525.

но все-таки былъ преданъ суду въ казанскомъ городскомъ магистратѣ, гдѣ, среди пытокъ, опять принужденъ былъ принять вину на себя и былъ приговоренъ къ наказанію кнутомъ. Во время казни несчастный, при каждомъ ударѣ кнута, повторялъ, что онъ невиненъ въ преступленіи, и съ этими словами испустилъ духъ свой ¹⁾.

Случай этотъ возмутилъ императора Александра.

«Жестокость толико вопіющая, — писалъ онъ въ указѣ Сенату ²⁾, — злоупотребленіе власти столь притѣснительное и нарушеніе законовъ въ предметѣ, толико существенномъ и важномъ, заставили меня во всей подробности удостовѣриться на самомъ мѣстѣ сего происшествія въ истинѣ онаго, и на сей конецъ отправилъ я въ Казань флигель-адъютанта моего, подполковника Альбедиля ³⁾, чтобы, съ извѣстнымъ мнѣ его безпристрастіемъ, обнаружилъ онъ всѣ дѣла сего обстоятельства. Донесеніе его, на очевидныхъ обстоятельствахъ основанное, къ истинному сожалѣнію моему, не только утвердило свѣдѣнія, до меня дошедшія, но и удостовѣрило, что не въ первый разъ допущены тамошнимъ правительствомъ таковыя безчеловѣчныя и противозаконныя мѣры... Правительствующій Сенатъ, зная всю важность сего злоупотребленія и до какой степени оно противно самымъ первымъ основаніямъ правосудія и притѣснительно всѣмъ правамъ гражданскимъ, не оставитъ при семъ случаѣ сдѣлать повсемѣстно во всей имперіи наистрожайшія подтвержденія, чтобы нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ высшихъ, ни въ нижнихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допускать, ни исполнять никакихъ истязаній подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобы присутственныя мѣста, коимъ закономъ представлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, въ основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ передъ судомъ сознаніе, чтобы въ теченіе слѣдствія не были они подвержены какимъ-либо пристрастнымъ допросамъ, и чтобы, наконецъ, самое названіе пытки, стыдъ и укоризну

¹⁾ Всеподданнѣйшее донесеніе барона Альбедиля, 17-го сентября 1801 г. Архивъ Сената, дѣло 5-го департамента 1804 г., № 755.

²⁾ Отъ 27-го сентября 1801 г. Архивъ Сената. См. также „Русскій Архивъ“, 1887 г., № 11, стр. 449.

³⁾ Въ своемъ донесеніи флигель-адъютантъ Альбедиль говоритъ, что видѣлъ другаго мѣщанина, Мухина, подвергшагося также истязаніямъ. Мухинъ „далъ мнѣ письменное показаніе, что, по случаю сихъ же пожаровъ, былъ, по приказанію Столбовскаго, истязанъ; не стерпя мукъ, показалъ себя виновнымъ въ зажигательствѣ, подписалъ допросъ и потомъ, при цѣлованіи образа, присягою утвердилъ свою невинность. Его держали трои сутки подъ стражею и препроводили въ первую часть при запискѣ такого содержанія, что онъ въ зажигательствѣ не признанъ виновнымъ, но за пьянство наказанъ. Видѣлъ я на семъ Мухинѣ слѣды не совсѣмъ еще заглаженныхъ черезъ 12 недѣль признаковъ истязанія“.

человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной».

Всѣ виновные въ неправильномъ осужденіи Яковлева были преданы суду, и указомъ Сенату 13-го ноября 1804 г. Столбовскій былъ лишенъ чиновъ, подвергнутъ церковному покаянію, съ повелѣніемъ впредь на службу не принимать; члены магистрата и присутствующіе уголовной палаты, подписавшіе приговоръ, исключены изъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь ни въ какія должности не выбирать; военный губернаторъ Пущинъ, гражданскій—Мухановъ, губернский прокуроръ Княжевичъ и полиціймейстеръ Бычковскій—отрѣшены отъ должностей.

Подобное наказаніе удерживало не многихъ отъ своевольныхъ поступковъ, и до Петербурга доходили постоянныя жалобы на угнетеніе, жестокости и тиранства, терпимыя обывателями всѣхъ состояній отъ губернаторовъ, исправниковъ и чиновниковъ земскаго суда. «Лихоимство сихъ піявиць,—доносилъ сенаторъ Ключаревъ ¹⁾—покровительствуется совѣтниками губернскихъ правленій, секретарями губернаторскими и губернаторами, обоброчивающими хищниковъ и имъ во всемъ потворствующими».

Въ первой половинѣ 1806 года былъ полученъ цѣлый рядъ жалобъ, и тогда же сенаторъ Руничъ былъ отправленъ въ губерніи Рязанскую, Тамбовскую, Орловскую и Смоленскую. Ему поручено было не только раскрыть злоупотребленія по доносамъ, но изыскать средства къ улучшенію народнаго благосостоянія и принять мѣры къ устраненію притѣсненій. Они касались прежде всего крестьянъ, и по изслѣдованію открылось, что помѣщики Рязанской и Тамбовской губерній, «забывъ священный долгъ свой и правила чести», отправляли на Урюпинскую ярмарку крестьянъ и крестьянокъ, часто въ оковахъ, гдѣ и продавали ихъ по одиночкѣ донскимъ казакамъ, вмѣстѣ съ товаромъ «подобно безсловеснымъ скотамъ»...

«Прибытокъ постыдной сей торговли, — доносилъ Руничъ ²⁾, — отвращающій взоръ благородной души, столь сильно погасилъ въ сердцахъ ихъ (помѣщиковъ) всякое чувство человѣколюбія, что дѣти, лишаясь отцовъ и матерей, влекутся на жертву покупателейъ, а послѣдніе остаются стѣнящими у прежняго помѣщика».

Оставшійся непроданнымъ на Урюпинской ярмаркѣ крестьянинъ помѣщика Головина, Илья Ивановъ показалъ, что когда приходили его покупать, то онъ объявлялъ, что страдаетъ грыжею, почему торгующіе тутъ же на ярмаркѣ раздѣли его до-нага и внимательно осматривали.

¹⁾ Во всеподданнѣйшей запискѣ 15 апрѣля 1818 г. Сборникъ Собственной Его Величества канцеляріи, т. VII, 258.

²⁾ Во всеподд. дописаніи 11 марта 1806 г. Арх. мнѣис. внутр. дѣлъ. № 1500.

Крестьяне, которые обыкновенно наряжались съ подводами, для доставленія отправляемыхъ на ярмарку, получали отъ земской полиціи для свободнаго пропуска билетъ, подъ видомъ ѣдущихъ туда для покупки лошадей и хлѣба. Пятнадцать человѣкъ были проданы за 2.400 руб. и слѣдовательно по 160—170 руб. каждый.

За такой торгъ людьми, «нетерпимый въ благоустроенномъ государствѣ», Головину былъ объявленъ высочайшій выговоръ въ присутствіи собранія дворянства, и повелѣно Сенату ¹⁾ вновь подтвердить повсюду, чтобы люди безъ земли и по одиночкѣ отнюдь не были привозимы и продаваемы на ярмаркахъ.

Вскорѣ послѣ назначенія князя А. Б. Куракина министромъ внутреннихъ дѣлъ, вятскій вице-губернаторъ фонъ-Стакельбергъ писалъ ему ²⁾:

«Вятскую губернію издревле почитаютъ за собственность корыстолюбивыхъ чиновниковъ, что уже знаменитою и справедливою Мавринскою комиссіею и слѣдующими доказано. Сія губернія на таковыя операціи самая способная, потому что въ ней многочисленно беззащитныхъ казенныхъ и удѣльныхъ крестьянъ... Торжествующее здѣсь безчеловѣчіе годами дошло до совершенства. Волостные головы, пищики (писаря) и прочіе міромъ выбранные, во всѣхъ злодѣяніяхъ содѣйствуютъ (чиновникамъ); всякое злоупотребленіе можетъ твердо надѣяться на покровительство, но горе тому, кто жалуется! — ихъ отдають въ солдаты, въ милицію и пошлютъ (посылаютъ?) на поселеніе.

«Отличите, яко извѣстный патріотъ, начало вашей министеріи спасеніемъ миліона страдающихъ! Можетъ, вамъ сія слава предоставлена! Сія побѣда вамъ приноситъ будетъ благословеніе народа, довѣріе и награжденіе государя».

Наиболѣе всѣхъ страдало населеніе, состоявшее преимущественно изъ государственныхъ крестьянъ, извѣстныхъ подъ именемъ экономическихъ, удѣльныхъ, однодворческихъ, ямщицкихъ и проч. Въ уѣздѣ на разстояніи ста верстъ было до 200 селеній, и въ каждомъ были свои поборы, свои повинности. Въ двухъ казенныхъ волостяхъ, находившихся въ пятиверстномъ разстояніи другъ отъ друга, собиралось: въ одной по 20 руб. съ души и по двѣ подводы въ годъ; въ другой — по 30—40 руб., по 3 и по 4 подводы. Неравенство это происходило отъ произвольнаго распоряженія губернскихъ властей. Собственность поселянъ не была ничѣмъ обезпечена и зависѣла «не отъ уставовъ и окладовъ, а отъ исправниковъ, засѣдателей, старостъ, десятскихъ. Всякій

¹⁾ Указъ Сенату, 5-го августа 1808 года.

²⁾ Отъ 16-го декабря 1807 г. Арх. министер. внутр. дѣлъ, департаментъ полиціи, дѣло № 1159.

цѣпляется за нихъ, беретъ, что хочетъ, нѣтъ ни малѣйшей защиты, ничего извѣстнаго и положительнаго; самоуправія содѣлываются явными, будто дозволенными, отъ привычнаго терпѣнія притѣсняемыхъ. Собираютъ во взятки по гривнѣ, по полтинѣ съ души, и учащаемые поборы приводятъ въ замѣшательство платящихъ. Спросите крестьянина, сколько съ него взято въ годъ, онъ не дастъ вѣрнаго отчета»¹⁾).

Въ такомъ именно положеніи находилась Вятская губернія, гдѣ самовластіе и злоупотребленія губернатора вызывали множество жалобъ.

Посланный на ревизію тотъ же сенаторъ Руничъ, проѣзжая по самымъ многочисленнымъ уѣздамъ: Уржумскому, Нолинскому и Вятскому, встрѣчалъ повсюду толпы народа жаловавшагося, что, сверхъ государственныхъ податей, обыватели обременяются многими налогами на разные мірскіе расходы и плату чиновникамъ²⁾). Встрѣченный въ г. Вяткѣ множествомъ жалобъ, Руничъ предложилъ губернскому правленію отрѣшить отъ должностей обвиняемыхъ чиновниковъ и предать ихъ суду уголовной палаты. Но, — доносилъ онъ, — «если по рѣшеніи палатою сего дѣла будетъ оное представлено разсмотрѣнію нынѣшнихъ начальниковъ, какъ гражданскаго, такъ и генераль-губернатора, то судьба крестьянъ неминуемо подвергнется тяжкому угнетенію». Поводомъ къ такому заключенію было то, что въ Вяткѣ Руничъ сталъ получать свѣдѣнія, что земскіе чиновники, вмѣстѣ съ волостными головами, стараясь закрыть всѣ слѣды своего лихоимства, стращали крестьянъ и заставляли ихъ составлять подписки, что они никогда и никѣмъ не были угнетаемы. Познакомившись ближе съ положеніемъ дѣла, Руничъ пришелъ къ тому заключенію, что виною всѣхъ беспорядковъ было губернское начальство. Опредѣляемые губернаторомъ чиновники были поведенія самаго развратнаго, перемѣшавшіеся родствомъ со всѣми состояніями жителей и часто отрѣшенные отъ должностей въ другихъ губерніяхъ. По словамъ Рунича, стыдъ и честь едва-ли имѣли какое-либо значеніе въ Вятской губерніи. Все это побудило его просить, чтобы дѣло о злоупотребленіяхъ, по рѣшеніи его въ палатѣ, было передано прямо въ Сенатъ, а затѣмъ на высочайшее утвержденіе.

Удаливъ отъ должности вятскаго губернатора, императоръ Александръ повелѣлъ, чтобы приговоры палаты были переданы на разсмотрѣніе

¹⁾ Записка П. Сумарокова. Арх. Госуд. Совѣта, дѣла Комитета, 1826 г. № 84.

²⁾ Въ Филейской волости было выдано въ 1805 году: судѣй Готовцеву—300 руб., да дворецкому его—10 руб., секретарю Скосореву—15 руб., землемѣру Каеву—500 руб., неправнику Лаврентьеву—350 руб., да по его приказанію совѣтнику губернскаго правленія Поспѣлову—630 руб., плацъ-маіору Алексѣеву—150 руб., секретарю Шкляеву—30 руб., коллежскому регистратору Суворову—120 руб., доктору Лейбошицу—50 руб., квартальному Варушкину—7 руб. и горно-заводскому чиновнику Кованько—75 руб.; всего—2.237 руб.

Руничу и съ его мнѣніемъ препровождены въ Сенатъ, а затѣмъ на высочайшее утвержденіе.

«Я остаюся въ совершенномъ увѣреніи, — прибавлялъ императоръ ¹⁾, — что ни одно противузаконное дѣйствіе не скроется отъ пронизательности вашей, и общее благо и спокойствіе поселянъ возстановится къ особому моему удовольствію».

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ отягощеній поселянъ были злоупотребленія при сборѣ и роспускѣ милиціи. Чиновники земскихъ судовъ, волостные головы и писаря, обходя, за большую плату, богатыхъ и большія семейства, обращали всю тягость этой повинности на бѣдныхъ и одинокихъ поселянъ; сверхъ того они же составляли ложные приговоры относительно ссылки порочныхъ крестьянъ въ Сибирь на поселеніе.

«Дабы впредь, — сказано было въ указѣ Правительствующему Сенату ²⁾, — волостные головы и писарки (писаря) не могли употреблять во зло власть, имъ присвоенную, и, изъ потворства богатымъ, дѣлать мірскіе приговоры объ отдачѣ въ рекруты не очередныхъ бѣдныхъ поселянъ, возводя на нихъ разные пороки, которымъ они не причастны, мы признали за благо постановить, чтобы впредь всѣ мірскіе приговоры объ отдачѣ въ рекруты или на поселеніе крестьянъ распутнаго поведенія чинимы были въ волостномъ правленіи подъ присягою не менѣе 24 человекъ изъ подписавшихъ тѣ приговоры въ присутствіи волостныхъ головъ и старостъ ближайшихъ селеній, не допуская, однакоже, къ сей присягѣ головъ и писариковъ. По учиненіи на семъ основаніи приговоровъ, головы обязаны представлять ихъ, съ своимъ засвидѣтельствомъ и за скрѣпкою писарика въ казенныя палаты, не задерживая ихъ у себя долѣе трехъ дней, подъ опасеніемъ строжайшаго взыскація».

Ревизія Рунича выяснила то состояніе, въ которомъ находилась Вятская губернія.

Волостныя правленія и городская полиція не имѣли никакой опредѣленности ни въ людяхъ, ни въ расходованіи суммъ и въ этомъ отношеніи былъ полнѣйшій беспорядокъ. Хлѣбныя сельскіе магазины были почти пусты или наполнены хлѣбомъ, который дѣтъ 10-ть не освѣжался. Дороги были въ полномъ запущеніи и не имѣли почтовыхъ станцій вполнѣ устроенныхъ. Въ уѣздныхъ городахъ не было надежныхъ остроговъ и никакихъ воспитательныхъ домовъ, для незаконнорожденныхъ дѣтей; населеніе находилось подъ гнетомъ всевозможныхъ поборовъ, собираемыхъ въ пользу головъ, писарей и чиновниковъ при рекрутскихъ наборахъ. «Поселяне нерѣдко встрѣчали притѣсненія отъ землемѣровъ

¹⁾ Въ указѣ тайн. совѣт. Руничу, 15-го апрѣля 1808 г. Арх. министерства юстиціи, д. № 4271.

²⁾ Отъ 28-го апрѣля 1808 г. Тамъ же.

межевой конторы, при межеваніи ими земель, и отъ соляныхъ приставовъ при покупкѣ соли».

Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ губерніи канцелярскій порядокъ былъ совершенно нарушенъ, и отъ того въ теченіи дѣлъ была большая остановка ¹⁾. То же самое происходило и въ Тамбовской губерніи, гдѣ пришлось отрѣшиться отъ должностей всѣхъ чиновниковъ, губернскаго начальства составлявшихъ, а въ 1810-хъ годахъ не хватало сенаторовъ для разслѣдованія злоупотребленій въ губерніяхъ: Вологодской, Воронежской, Волынской, Пензенской, Новгородской и другихъ.

«Невозможно видѣть безъ крайняго прискорбія,—писалъ князь Н. И. Салтыковъ ²⁾,—множества злоупотребленій по губерніямъ, открытыхъ посланными въ оныя сенаторами. Послѣ таковыхъ опытовъ я долженъ былъ увѣриться, что всякіе беспорядки происходятъ большею частію отъ того, что нѣтъ нигдѣ главнаго средоточія для государственныхъ дѣлъ».

Это средоточіе, бывшее до того Сенатъ и въ рукахъ генераль-прокурора, постепенно ослабѣвало и съ образованіемъ министерствъ совершенно уничтожилось.

Въ прежнее время дѣла разныхъ коллегій стекались въ Сенатъ и по обсужденіи вносились черезъ генераль-прокурора къ государю. Въ концѣ царствованія Екатерины II и въ особенности въ царствованіе императора Павла I начались уклоненія отъ принятой системы государственнаго управленія. «Въ практическомъ производствѣ дѣлъ,—говоритъ графъ В. П. Кочубей ³⁾,—каждая часть имѣла способы, болѣе или менѣе удобные, по мѣрѣ случайной довѣренности ея начальниковъ, вносить свои дѣла непосредственно на высочайшее утвержденіе». Такъ дѣла военныхъ коллегій (сухопутной и морской) шли черезъ своихъ президентовъ, не попадая въ Сенатъ, который, въ отношеніи этихъ дѣлъ былъ «сборнымъ мѣстомъ высочайшихъ рѣшеній и распорядителемъ только нѣкоторыхъ дѣлъ текущихъ и маловажныхъ».

«Учрежденіе Сената и коллегій,—писалъ много лѣтъ спустя Г. С. Батенковъ ⁴⁾,—когда Россія обязана Петру Великому, было одно изъ прочнѣйшихъ и развито было въ практикѣ во всемъ пространствѣ. Оно устояло среди разныхъ внутреннихъ перемѣнъ въ теченіе семи царствованій... Не бывъ поддерживаемы общимъ мнѣніемъ (Сенатъ и коллегія), начали клониться къ упадку. Во внутреннемъ составѣ своемъ вмѣщали

¹⁾ Арх. министерства юстиціи, дѣло 1808 г. № 4271.

²⁾ См. Сборникъ Собствен. его величества канцеляріи, выпускъ VII, 217

³⁾ Во всеподданн. запискѣ 28 марта 1806 г. Сборникъ императ. русскаго историческаго общества, т. 90, стр. 202.

⁴⁾ Всеподд. записка подполковника Батенкова 25-го марта 1826 г.

уже не первыхъ лицъ въ государствѣ, какъ было при учредителѣ, но людей большею частію способныхъ только на все соглашаться. Канцеляріи сихъ мѣстъ еще болѣе пали. Извинѣ онѣ колебались вводимыми, по совершенной необходимости, новыми учрежденіями и мало по малу Сенатъ впалъ въ полную зависимость генераль-прокурора. Коллегии вѣсѣли на одномъ кредитѣ президентовъ. До насъ дошли, можно сказать, однѣ развалины сихъ нѣкогда великихъ и почтенныхъ государственныхъ учреждений».

Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени безпорядки отъ отсутствія центрального правительственнаго органа усилились и вызывали ропоть. Одни жаловались на самовластіе генераль-прокурора, другіе на бездѣйствіе Сената; генераль-прокуроръ самъ жаловался на множество дѣлъ и на недостатокъ единства—словомъ сказать «безобразное зданіе государственной администраціи»,—какъ выражался императоръ Александръ и члены неофициальнаго комитета ¹⁾—требовало перестройки. За нее взялись молодые совѣтники государя, люди, получившіе блестящее образованіе, вполне доброжелательные, но не знакомые съ практическою жизнью.

Въ засѣданіи неофициальнаго комитета 24 іюня 1801 года былъ впервые возбужденъ вопросъ о необходимости кореннаго преобразования правительственныхъ учреждений. Еще 9-го мая графъ Строгановъ представилъ императору Александру записку о началахъ, на которыхъ должны быть основаны предложенныя реформы. При обсужденіи этой записки въ первомъ засѣданіи императоръ Александръ выразилъ «нетерпѣніе перейти прямо къ административному отдѣлу и началъ говорить о Сенатѣ». Говорили, предлагали, возражали другъ другу болѣе года, привлекали къ обсужденію этого вопроса старыхъ дѣльцовъ: графовъ Воронцовыхъ, гр. Завадовскаго, кн. Зубова, Г. Р. Державина и другихъ, но въ большинствѣ отвергали ихъ мнѣнія, находя ихъ отсталыми и негодными. Требовали отъ самого Сената доклада о восстановленіи правъ его и также находили неудовлетворяющимъ ихъ желанію, полагая, что Сенатъ не слѣдуетъ считать законодательнымъ учрежденіемъ. Новосильцевъ находилъ, что Сенатъ слѣдуетъ ограничить одною судебною властью, но въ широкомъ размѣрѣ, поставивъ его въ независимое положеніе отъ генераль и оберъ-прокуроровъ. Предоставя такимъ образомъ свободный ходъ правосудію,—говорилъ Новосильцовъ,—и учредивъ верховную палату суда, правительство обезпечить гражда-

---

¹⁾ Неофициальный комитетъ образовался почти со дня вступленія на престолъ императора Александра и состоялъ подъ его предсѣдательствомъ изъ четырехъ членовъ: графа Виктора Павловича Кочубя, Николая Николаевича Новосильцова, кн. Адама Чарторыйскаго и графа Павла Александровича Строганова.

намъ величайшее благо, котораго цѣну они познають непосредственно, и тѣмъ внушить къ себѣ общее довѣріе.

Отказываясь отъ мысли предоставить Сенату власть законодательную, императоръ Александръ настаивалъ на томъ, чтобы поручить Сенату власть исполнительную. На это члены неофициальнаго комитета замѣтили, что не слѣдуетъ связывать себѣ руки и что лучше предоставить какую-либо часть администраціи одному человѣку, съ возложеніемъ на него извѣстной доли отвѣтственности, нежели отдать ее въ руки многихъ лицъ. Это послѣднее заявленіе навело на мысль о пользѣ учрежденія министерствъ, разработка Положенія о которыхъ была начата одновременно и параллельно съ обсужденіемъ правъ Сената.

10 февраля 1802 года кн Чарторыйскій читалъ свою записку о безотрадномъ положеніи нашей администраціи вообще. Она представляла, по его словамъ, «картину величайшаго неустройства»: съ одной стороны постоянныя столкновенія между Сенатомъ и генераль-прокуроромъ, съ другой—между Совѣтомъ и Сенатомъ, который, обладая административною властью, «нерѣдко занимался такими же дѣлами, какія вносятся на обсужденіе Совѣта». Для устраненія этихъ неудобствъ кн. Чарторыйскій предлагалъ раздѣлить административную власть между нѣсколькими министрами, въ руки которыхъ и передать всѣ нити управленія государствомъ. Въ помощь министрамъ и подъ ихъ начальствомъ учредить Совѣты изъ старшихъ чиновниковъ министерствъ. Судебную власть раздѣлить на гражданскую, уголовную и полицейскую, устроить первыя двѣ части такъ, чтобы въ каждой изъ нихъ были двѣ инстанціи и кассационный судъ.

«Сенату,—писалъ князь Чарторыйскій,—предоставить надзоръ за дѣйствіями всѣхъ чиновниковъ. Министры ежегодно представляютъ въ Сенатъ свои отчеты; его же вѣдѣнію подлежатъ жалобы на губернаторовъ и предводителей дворянства и вообще всякія незаконныя превышенія власти».

Записка эта очень понравилась Александру, и онъ высказалъ, что никогда не видѣлъ ничего столь яснаго и опредѣленнаго. Положивъ ее въ основаніе работы по учрежденію министерствъ, государь выразилъ увѣренность, что, слѣдуя этимъ путемъ, можно достигнуть желаемой имъ реформы. При этомъ члены комитета ставили непремѣннымъ условіемъ, чтобы при выборѣ министровъ назначать въ эти должности людей съ одинаковымъ образомъ мыслей, чтобы они могли составить нераздѣльное цѣлое и идти по одному направленію.

Въ такомъ случаѣ,—говорили молодые члены комитета ¹⁾,—промахи

¹⁾ М. И. Богдановичъ „Исторія царствованія императора Александра I“ т. I, приложение, стр. 65 и 66.

одного министра будутъ поставлены въ упрекъ всѣмъ прочимъ, и всѣ министры будутъ отвѣтственны за одну и ту же ошибку.

«Такое управленіе, руководимое одною общею волею и направленное къ одной и той же цѣли, на основаніи рациональной системы, поставило бы Россію въ короткое время на высшую степень благосостоянія; въ настоящее же время, по сознанію самого государя, разногласіе, существующее между министрами, было весьма вредно для государства».

Такое увлеченіе было весьма понятно между людьми, не знавшими по опыту, что самыя великія истины, превосходно изложенныя на бумагѣ, не всегда удачно осуществляются въ практической жизни. Какъ бы то ни было, но члены неофициальнаго комитета принялись съ увлеченіемъ за работу. Графъ Кочубей привезъ съ собою «Народный французскій календарь» (*l'Almanach national de France*), въ которомъ былъ помѣщенъ составъ всѣхъ тамошнихъ министерствъ и кругъ ихъ дѣятельности. Государь нашелъ, что у французовъ слишкомъ много подраздѣленій, сказалъ, что онъ поручилъ Оленину составить проектъ образованія министерствъ, что работа эта значительно подвинулась впередъ и какъ только будетъ готова, то передастъ ее на разсмотрѣніе комитета. Планъ предназначенныхъ министерствъ былъ показанъ Лагарпу, который одобрилъ его. Стали заготовлять указъ, и въ совѣщаніи 24-го марта 1802 г. графъ Кочубей прочиталъ проектъ поясненій къ указу. Проектъ подвергся возраженіямъ, и составитель его созналъ самъ, что его необходимо подвергнуть передѣлкѣ.

Въ засѣданіи 11-го апрѣля уже не графъ Кочубей, а Новосильцовъ читалъ свой проектъ образованія министерствъ и распредѣленіе дѣлъ между отдѣлами. Онъ предлагалъ всю администрацію раздѣлить на 8 частей и каждую поручить особому министру, которому предполагалось придать товарища. Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ обсуждались подробности, касавшіяся дѣлопроизводства, формы составленія докладовъ, составленія указовъ, говорили о выборѣ министровъ и называли лицъ, которымъ могло бы быть поручено то или другое министерство. Многіе пункты подвергались оспариванію и вызывали продолжительныя пренія.

Для характеристики русской жизни нѣтъ необходимости слѣдить подробно за ходомъ преній и выработкою положеній¹⁾; для нея важны результаты работъ, выразившіяся въ обнародованныхъ 8-го сентября

---

¹⁾ Подробности эти разработаны въ сочиненіяхъ В. Г. Щеглова: 1) „Государственный Совѣтъ въ Россіи“. Издан. 1892 г. т. I. глава III, стр. 702—815, и 2) „Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I“. Выпускъ первый изд. 1896 г. глава I, стр. 151—211. См. также „Извлеченіе изъ засѣданій неофициальнаго комитета“. Богдановичъ, т. I, прилож., стр. 38—91.

1802 г. указѣ «О правахъ и обязанностяхъ Сената» и въ манифестѣ «Объ образованіи министерствъ».

«Сенатъ, — сказано было въ указѣ¹⁾, — есть верховное мѣсто имперіи нашей; имѣя себѣ подчиненными все присутственныя мѣста, онъ, какъ хранитель законовъ, печется о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія; наблюдаетъ за собираніемъ податей и за расходами штатными, имѣетъ попеченіе о средствахъ къ облегченію народныхъ нуждъ, соблюденію общаго спокойствія и тишины, и прекращенію всякихъ противозаконныхъ дѣяній во всехъ подчиненныхъ ему мѣстахъ. Ревизія верховнаго суда по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ и межевымъ принадлежитъ безпристрастному и нелицемѣрному его правосудію.

«Власть Сената ограничивается единою властію императорскаго величества; иной же вышней власти онъ надъ собою не имѣетъ.

«Единое лицо императорскаго величества предсѣдаетъ въ Сенатѣ.

«Указы Сената исполняются всеми, какъ собственные императорскаго величества. Одинъ государь или его именной указъ можетъ постановить сенатскія повелѣнія. Все именныя императорскаго величества указы, кромѣ подлежащихъ особой тайнѣ, должны вноситься въ Сенатъ отъ всехъ мѣстъ и лицъ, которымъ оныя даны будутъ. Сенатъ опредѣляетъ чиновниковъ на мѣста, также и производитъ въ чины.

«Дозволяется Сенату, если бы по общимъ государственнымъ дѣламъ существовалъ указъ, который былъ бы сопряженъ съ великими неудобствами въ исполненіи, или по частнымъ суднымъ, не согласенъ съ прочими узаконеніями, или же не ясенъ, представлять о томъ императорскому величеству, но когда по такому представленію не будетъ учинено перемѣны, то остается онъ въ своей силѣ...

«Издавая сей указъ, мы ласкаемъ себя утѣшительнымъ удостовѣреніемъ, что Правительствующій Сенатъ опутитъ въ немъ мѣру нашей непреложной къ нему довѣренности и будучи точнымъ опредѣленіемъ власти своей, не стѣсняемъ уже никакими препонами въ отправленіи долгу его, обратитъ свои усиленные попеченія къ тому, чтобы во всемъ кругу внутреннихъ дѣлъ надлежаще дѣйствовали законы, и нигдѣ не ослабѣвало бы всякое благоустройство, хранящее пользу общую».

На рѣшеніе Сената никакія апелляціи не допускались.

Права его этимъ не ограничивались: онъ долженъ былъ наблюдать за дѣйствіями министровъ, какъ сейчасъ увидимъ изъ манифеста объ учрежденіи министерствъ.

«Благоденствіе народовъ, — сказано было въ манифестѣ²⁾, — премудрымъ

¹⁾ Отъ 8-го сентября 1802 г. Полн. Собр. Закон. т. XXVII № 20405.

²⁾ Отъ 8-го сентября 1802 г. Полн. Собр. Закон. т. XXVII, № 20:06.

промыслѣмъ скипетру нашему вѣрнѣйшихъ, есть священная и главнѣйшая цѣль, которую мы поставили себѣ, пріявъ бремя царствованія надъ обширною имперіею Россійскою,—надъ имперіею, которая столь же разнообразна климатами, мѣстными выгодами и естественными произведеніями, какъ и обитатели ея религіею, правами, языками и образомъ жизни. Воспламененные ревностнымъ желаніемъ изыскать и употребить всѣ удобные способы къ скорѣйшему и благопоспѣшнѣйшему достиженію сего, толь драгоцѣннаго сердцу нашему предмета, устремили мы вниманіе свое на всѣ причины и обстоятельства, содѣйствующія или препятствующія оному; и по строгомъ испытаніи и сравненіи ихъ между собою твердо увѣрились, что благоденствіе народа незыблемо и ненарушимо утверждено быть можетъ тогда единственно, когда правительство будетъ имѣть спасительныя средства не только исправлять всякое явное пагубными слѣдствіями обнаруживаемое зло; но въ особенности искоренять самое начало онаго, отвращать всѣ причины, могущія подать поводъ къ нарушенію общаго и частнаго спокойствія, открывать нужды народа, предупреждать ихъ, и благоразумно, ревностно и дѣятельно способствовать соблюденію и утвержденію необходимаго въ всемъ порядкѣ, и умноженію богатства природныхъ и искусственныхъ произведеній, основаніемъ силъ и могуществу имперіи служащихъ.

«Примѣры древнихъ и новѣйшихъ временъ удостовѣряютъ cadaго, что чѣмъ удобнѣе были средства къ сему употребляемы, и правила государственнаго правленія тому соотвѣтственнѣе; тѣмъ строинѣе, тверже и совершеннѣе было все политическое тѣло, тѣмъ довольнѣе и счастливѣе каждый членъ ему принадлежащій. Слѣдуя сему правилу и внушеніямъ сердца нашего, слѣдуя великому духу преобразователя Россіи Петра I, оставившаго намъ слѣдъ своихъ мудрыхъ намѣреній, по коимъ старались шествовать достойные его преемники, мы заблагоразсудили раздѣлить государственныя дѣла на разныя части, сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнѣйшаго теченія поручить оныя веденію избранныхъ нами министровъ, постановивъ имъ главные правила, коими они имѣютъ руководствоваться въ исполненіи всего того, чего будетъ требовать отъ нихъ должность, и чего мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія ко благу общему.

«На Правительствующій же Сенатъ, коего обязанности и первоначальную степень власти, мы указомъ нашимъ въ сей день даннымъ утвердили, возлагаемъ важнѣйшую и сему верховному мѣсту свойственную должность разсматривать дѣянія министровъ по всѣмъ частямъ ихъ управленію вѣрнѣйшымъ, и по надлежащемъ сравненіи и соображеніи оныхъ съ государственными постановленіями и съ донесеніями прямо отъ мѣстъ до Сената дошедшими, дѣлать свои заключенія и представлять намъ докладомъ.

«Учреждая министерства на таковыхъ правилахъ, мы имѣемъ лестную надежду, что они способствоватъ намъ будутъ къ утверженію народнаго спокойствія, сего истиннаго и ненаружимаго оплота царей и царствъ; къ сохраненію и возвышенію общаго всѣхъ благосостоянія и къ воздаянію каждому должнаго отъ лица правосудія; къ оживленію трудолюбія, промышленности и торговли; къ распространенію наукъ и художествъ, столь необходимыхъ для благоденствія народовъ:—словомъ къ приведенію всѣхъ частей государственнаго управления въ прочное и намѣренію нашему соотвѣтственное устройство».

Манифестъ состоялъ изъ 19 статей крайне неопредѣленныхъ, устанавливающихъ лишь общія черты по отношенію министерствъ къ верховной власти, къ Непремѣнному Совѣту, Сенату и между собою. Всѣхъ министерствъ было учреждено восемь: 1) военныхъ сухопутныхъ силъ; 2) морскихъ силъ; 3) иностранныхъ дѣлъ; 4) юстиціи; 5) внутреннихъ дѣлъ; 6) финансовъ; 7) коммерціи и 8) народнаго просвѣщенія.

«Три первыя государственныя коллегіи: военная, адмиралтействъ и иностранныхъ дѣлъ, состоятъ каждая въ вѣдомствѣ своего министра, который также управляетъ всѣми мѣстами и дѣлами, отъ нея зависящими; къ послѣдней изъ нихъ присоединяются и дѣла церемоніймейстерскія».

Такимъ образомъ въ самомъ манифестѣ не была соблюдена выдержанность и единство: первымъ тремъ министерствамъ оставленъ коллегіальный порядокъ, а остальные пять—переданы въ единоличное управленіе министровъ. Кругъ дѣятельности послѣднихъ былъ опредѣленъ не точно, также какъ и отношенія ихъ къ подчиненнымъ имъ учрежденіямъ. Предписанія министра могли быть оспариваемы, но если бы онъ далъ вторичное предписаніе, «тогда записывается мнѣніе присутствующихъ въ журналъ и чинится исполненіе». Эта простая формальность не имѣла никакого значенія и вела только къ излишнему бумагописательству.

Въ случаяхъ сомнительныхъ министр могъ входить со всеподданнѣйшимъ докладомъ, «изъ котораго бы ясно можно было видѣть, въ чемъ состоитъ предлагаемый имъ способъ (?), причину, заставившую его предложить оный и, наконецъ, пользу, отъ того произойти долженствующую». По утверженіи государемъ доклада онъ приводится въ исполненіе и объявляется Правительствующему Сенату. Если докладъ сопряженъ съ отмѣною закона и требуетъ новыхъ узаконеній, то пишется указъ Сенату. Каждый министръ прежде поднесенія доклада «долженъ предварительно его предложить прочимъ министрамъ для надлежащаго соображенія со всѣми государственными частями, въ вѣдѣніи ихъ находящимися; въ случаѣ же нарушенія сего уза-

коняемаго нами порядка, всякій министръ имѣеть право сдѣлать намъ о томъ свое представленіе».

Въ концѣ года каждый министръ обязанъ былъ представлять черезъ Сенатъ государю отчетъ о дѣятельности министерства.

«Правительствующій Сенатъ — сказано въ манифестѣ, — изслѣдовавъ сей отчетъ въ присутствіи самого министра, требуетъ отъ него, когда нужда въ томъ настоять будетъ, объясненій, сравниваетъ его показанія съ рапортами прямо отъ мѣстъ Правительствующему Сенату въ теченіе того года доставленными, разсматриваетъ всѣ указы по части его отдѣленія въ томъ году нами изданные, равно и доклады нами конфирмованные и симъ министромъ Правительствующему Сенату объявленные; и наконецъ, по учиненіи всѣхъ сихъ соображеній, входитъ къ намъ докладомъ и представляетъ означенный отчетъ министра вмѣстѣ съ мнѣніемъ своимъ объ управленіи и состояніи дѣлъ ему порученныхъ».

Въ случаѣ если бы въ какую часть вкравлись злоупотребленія, Сенатъ обязанъ былъ тотчасъ «требовать объясненія отъ министра и, ежели отвѣтъ его не будетъ признанъ удовлетворительнымъ, то представить намъ о томъ докладомъ».

Всѣ министры были обязательно членами Совѣта, въ то время носившаго наименованіе Непремѣннаго и бывшаго подъ предсѣдательствомъ государя, а также должны были присутствовать въ Сенатѣ. Совѣтъ «не иначе приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ какъ въ присутствіи по меньшей мѣрѣ пяти министровъ, въ числѣ которыхъ долженъ находиться и министръ, по части коего дѣло будетъ трактовано». Дѣла обыкновенныя должны были разсматриваться въ Комитетѣ Министровъ.

Ожидаемая правительствомъ польза отъ учрежденія министерствъ и обширный кругъ предстоящей имъ дѣятельности, изложенный въ манифестѣ только въ общихъ чертахъ, былъ встрѣченъ многими съ недоумѣніемъ. Прежде всего сомнѣніе выразилось со стороны тѣхъ, которые по своему положенію считали себя въ правѣ участвовать своими совѣтами въ устройствѣ новаго учрежденія, или считали себя необходимыми въ его исполненіи. Будучи обойдены въ томъ и другомъ, они, для оправданія себя передъ общественнымъ мнѣніемъ, считали необходимымъ осуждать то, что сдѣлано безъ ихъ участія или сопряжено было съ удаленіемъ ихъ отъ мѣстъ или должностей. Они находили, что для управленія вновь учреждаемыми частями государственной машины, среди молодежи, которою окружилъ себя Александръ I, не было достаточно подготовленныхъ и опытныхъ людей.

«Гдѣ способности всякаго рода?—спрашивалъ со словъ такихъ лицъ де-Местръ¹⁾.—Это въ настоящее время сильнѣйшій недугъ Россіи. По-

¹⁾ Письма де-Местра изъ Петербурга въ Италію. „Русскій Арх.“ 1871 г. т. I, стр. 96 и 129.

рядокъ этой страны — это беспорядокъ, и верхъ искусства государственныхъ людей заключается въ томъ, чтобы опредѣлить степень беспорядка, какая можетъ быть допущена. Страннѣе всего то, что главное заинтересованное лицо, вполне сознающее этотъ недугъ и ссылающееся во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ на отсутствіе дарованій, ничего не боится такъ сильно, какъ дарованія, не отыскиваетъ его вдали и не терпитъ его при себѣ».

Министерства были установлены и приведены въ дѣйствіе, а положительнаго наказа министрамъ не было, т. е. не было того, чѣмъ они должны были руководствоваться.

«Вообще новые законодатели Россіи, — писалъ Н. М. Карамзинъ ¹⁾, — славятся наукою письмоводства болѣе, нежели наукою государственною. Издаютъ проектъ наказа министерскаго; что важнѣе и любопытнѣе. Тутъ безъ сомнѣнія опредѣлена сфера дѣятельности, цѣль, способы, должности каждаго министра? Нѣтъ — брошено нѣсколько словъ о главномъ дѣлѣ, а все другое относится къ мелочамъ канцелярскимъ. Сказываютъ, какъ переписываться министерскимъ департаментамъ между собою, какъ входятъ и выходятъ бумаги, какъ государь начинаетъ и кончаетъ свои рескрипты. Авторъ сего проекта съ важностію даетъ правила судить о цвѣтущемъ и худомъ состояніи канцелярій; искренно хвалю его знаніе въ сей части, но осуждаю постановленіе: «Если государь издаетъ указъ несогласный съ мыслями министра, то министр не скрѣпяетъ его своею подписью». Слѣдственно, въ государствѣ самодержавномъ министръ имѣетъ законное право объявить публикѣ, что выходящій указъ, по его мнѣнію, вреденъ. Министръ есть рука въ ценосца, не болѣе: рука не судитъ головы! Министръ подписываетъ именно указы не для публики, а для императора во увѣреніе, что они написаны слово въ слово такъ, какъ государь приказалъ. Подобныя ошибки въ коренныхъ государственныхъ понятіяхъ едва-ли извинительны».

Учрежденіе министерствъ одновременно съ преобразованіемъ Сената требовало способныхъ и опытныхъ исполнителей для проведенія новыхъ началъ въ жизнь, но такихъ дѣятелей не было. Составъ Сената признавался неудовлетворяющимъ своему высокому назначенію, и въ одномъ изъ засѣданій неофициальнаго комитета императоръ Александръ выразилъ мнѣніе о необходимости назначать въ сенаторы людей дѣйствительно способныхъ выполнить свои обязанности. Не находя ихъ и сознавая всю трудность выбора лицъ на такія мѣста, государь пришелъ къ оригинальной мысли: поручить каждому губернатору пред-

¹⁾ Въ запискѣ о древней и новой Россіи. „Русскій Арх.“ 1870 г. т. II, стр. 2289.

ставлять отъ себя двухъ кандидатовъ, годныхъ для назначенія въ сенаторы, т. е. заставить губернаторовъ выбирать себѣ начальниковъ. Предложеніе это было отклонено членами комитета, создававшими всю трудность выбора, въ особенности при назначеніи министровъ. Какъ ни подыскивали подходящихъ для этого лицъ, все-таки пришлось обратиться къ старой партіи и назначить такихъ, которымъ императоръ Александръ не сочувствовалъ и не имѣлъ ни расположенія, ни довѣрія.

Въ день объявленія манифеста были назначены министрами: военно-сухопутныхъ силъ — генераль-отъ-инфантеріи и вице-президентъ военной-коллегіи Вязмитиновъ; морскихъ силъ—адмиралъ и вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи Мордвиновъ; иностранныхъ дѣлъ со званіемъ государственнаго канцлера—графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ; товарищемъ его — тайный совѣтникъ князь Адамъ Чарторыйскій; юстиціи или генераль-прокуроромъ—Г. Р. Державинъ; внутреннихъ дѣлъ—графъ В. П. Кочубей и товарищемъ его—тайный совѣтникъ графъ П. А. Строгановъ; финансовъ—графъ Васильевъ и товарищемъ его—гофмейстеръ Гурьевъ; коммерціи—графъ Н. П. Румянцовъ; народнаго просвѣщенія—графъ Завадовскій; товарищемъ его—тайный совѣтникъ М. Н. Муравьевъ; государственнымъ казначеемъ—тайный совѣтникъ Голубцовъ. Вице-канцлеръ князь Александръ Борисовичъ Куракинъ былъ назначенъ канцлеромъ россійскихъ орденовъ

15-го октября 1802 г. Д. П. Трощинскій, самый ярый противникъ учрежденія министерствъ ¹⁾, былъ назначенъ министромъ удѣловъ, главнымъ директоромъ почтъ и оставленъ завѣдывать канцелярією Непременнаго Совѣта.

Одновременно съ этими назначеніями послѣдовало повелѣніе статсъ-секретарю Сперанскому быть при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Съ этихъ поръ и началось его быстрое возвышеніе.

«Новыя министерства находились, — говоритъ И. И. Дмитріевъ ²⁾, — подъ вліяніемъ двухъ партій, изъ коихъ въ одной господствовали сослуживцы вѣка Екатерины, опытные, осторожные, привыкшіе къ старому ходу, нарушеніе коего казалось имъ возстаніемъ противъ святыни». Эти люди не пользовались расположеніемъ императора Александра. Графа Завадовскаго онъ называлъ овцою, назначенною «только для того, чтобы не кричалъ, что отстраненъ». Къ Державину государь былъ нерасположенъ со времени Лоцухинской исторіи ³⁾, зналъ, что онъ противникъ всякаго коверканія, что онъ не стѣсняясь выражалъ свое недо-

¹⁾ «О Трощинскомъ извѣстно, — писалъ графъ Кочубей, — что онъ есть одинъ изъ самыхъ уорныхъ порицателей и враговъ нововводимой системы».

²⁾ «Взглядъ на мою жизнь». Дмитріева, стр. 180.

³⁾ См. «Русскую Старину» 1899 г. іюнь, № 6, стр. 501—504.

вольствіе противъ молодыхъ совѣтниковъ и друзей Александра, «набитыхъ французскимъ и польскимъ конституціоннымъ духомъ», а членовъ неофициальнаго комитета называлъ якобинскою шайкою и высказывалъ мнѣніе, что они ни государства, ни дѣлъ гражданскихъ основательно не знаютъ.

«Къ графу А. Р. Воронцову,—говоритъ Н. К. Шильдеръ ¹⁾),—онъ (Александръ) питалъ непреодолимое отвращеніе; все было ему антипатично въ старикѣ: устарѣлые приемы, звукъ голоса, протяжный и гнусливый, привычныя тѣлодвиженія. Когда онъ въ 1804 году, по болѣзни, удалился отъ дѣлъ, Александръ, по замѣчанію очевидца, радовался какъ ребенокъ».

Къ графу Н. П. Румянцову относились равнодушно, но причисляли его скорѣе къ молодой, чѣмъ къ старой партіи. По словамъ И. И. Дмитріева, молодая партія, во главѣ которой стоялъ графъ Кочубей, «состояла изъ молодыхъ людей образованнаго ума, получившихъ слегка понятіе о теоріяхъ новѣйшихъ публицистовъ и напитаанныхъ духомъ преобразованій и улучшеній. Такое соединеніе двухъ возрастовъ могло бы послужить въ пользу правительства. Дѣятельная предпримчивость молодости, соединенная съ образованіемъ нашего времени, избрѣтала бы способы къ усовершенію и оживляла бы опытную старость, а сія, на обмѣнъ, умѣряла бы лишнюю пылкость ея и избирала бы изъ предлагаемыхъ средствъ надежнѣйшія и болѣе сообразныя съ мѣстными выгодами и положеніемъ государства. Но, къ сожалѣнію, и самыя благородныя души не освобождаются отъ эгоизма, порождающаго зависть и честолюбіе».

То и другое было причиною, что министерства въ самомъ началѣ своего существованія не вызывали къ себѣ сочувствія въ обществѣ, «были предметомъ неудовольствій, ложныхъ надеждъ и разныхъ сплетней» ²⁾).

Только одинъ Александръ I, по сродному ему увлеченію, былъ въ восторгѣ отъ творенія своихъ молодыхъ совѣтниковъ. Манифестъ объ образованіи министерствъ послѣдовалъ 8-го сентября 1802 г., а полтора мѣсяца спустя, когда еще не успѣли разобрать дѣла по соотвѣтствующимъ отдѣламъ, Александръ, 26-го октября, писалъ уже Лагарпу ³⁾: «Министерство ⁴⁾ образовано и идетъ довольно хорошо уже болѣе мѣ-

¹⁾ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“. Т. II, стр. 29 и 30.

²⁾ Всеподданнѣйшая записка графа Кочубея 28 марта 1806 г. Сборникъ Император. Руск. Историч. Общества. Т. 90, стр. 203.

³⁾ Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I“. Т. II, стр. 96.

⁴⁾ „Императоръ Александръ пишетъ министерство, а не министерства потому, что первоначально было предположено одно министерство съ подраздѣленіемъ его на части подвѣдомственныхъ министрамъ“.

саца. Дѣла отъ этого приобрѣли болѣе ясности и методичности, и я знаю точно, съ кого требовать, если что-нибудь идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ».

Впослѣдствіи и весьма скоро пришлось отказаться отъ столь поспѣшныхъ заключеній и даже приступить къ новымъ преобразованіямъ. На первыхъ же порахъ министры прямо уклонились отъ поставленной имъ цѣли, явились такими дѣятелями, которые захватили власть въ свои руки и, вопреки манифесту, стали поступать по личному произволу и безъ всякихъ ограниченій.

При учрежденіи министерствъ имѣлось въ виду раздѣлить дѣла «по порядку сколь можно болѣе имъ свойственному», поставить во главѣ ихъ лицъ, отвѣтственныхъ передъ Сенатомъ и государемъ, соединить дѣйствія министровъ въ Комитетъ, изъ нихъ же составленномъ, который могъ бы давать общее направленіе и единство.

Такимъ путемъ предполагалось ввести въ управленіе три главныя и необходимыя начала. 1) единство и скорость дѣйствія; 2) отвѣтственность, и 3) общія для всѣхъ частей соображенія. Конечно, если бы эти начала были удержаны во всей ихъ силѣ, то министерства принесли бы несомнѣнно громадную пользу; но чтобы достигнуть столь важныхъ цѣлей, недостаточно было тѣхъ общихъ фразъ, которыми былъ ограниченъ манифестъ 8 сентября 1802 г., а необходимо было опредѣлить точно кругъ дѣйствій каждаго министра, степень его отвѣтственности, оградить отъ всякихъ нареканій и укоризнъ и наконецъ при выборѣ министровъ «соблюсти сходство въ правилахъ и образѣ мыслей».

Ничего этого не было сдѣлано. Министры съ самаго начала нарушили основную цѣль учрежденія министерствъ, самопроизвольно пошли по ложному пути и оставили намъ свидѣтельство, какъ вполне необходимая и правильная мѣра можетъ быть испорчена въ самомъ началѣ. Съ теченіемъ времени дѣла не улучшились, а ухудшились и породили множество толковъ. Говорили, что императоръ Александръ I не желалъ вовсе учреждать министерствъ, но принужденъ былъ уступить требованію своихъ молодыхъ совѣтниковъ; что они сдѣлали это для того, чтобы потрясти древнія установленія имперіи, и потому каждый любящій отечество долженъ непремѣнно «въ Сенатѣ и вездѣ, гдѣ только можно» возставать противъ министровъ и всѣми способами оградить покушенія ихъ на старинныя учрежденія. Къ этимъ толкамъ присоединился составъ министровъ не только несходныхъ между собою по своимъ убѣжденіямъ, но и не входившихъ даже въ тѣ виды, которые предполагались при учрежденіи министерствъ. Словомъ сказать, съ каждымъ годомъ безпорядки и произволъ увеличивались. Вотъ какъ рисуетъ положеніе дѣлъ одинъ изъ министровъ, покидавшій свой постъ.

«Оставляя министерство,—писалъ графъ Кочубей императору Але-

ксандру I ¹⁾),—не могу я быть укоряемъ какимъ-либо пристраціемъ въ защищеніи правъ его. Движимъ будучи чистѣйшими побужденіями, я могу только имѣть одно то въ виду, чтобы открыть передъ вашимъ величествомъ неудобство настоящаго управленія и представить способы, кои, по мнѣнію моему, содѣйствовать могутъ къ усовершенствованію его и съ тѣмъ вмѣстѣ къ доставленію существеннаго улучшенія разнымъ правительственнымъ частямъ, во утвержденіе сугубое къ правительству довѣренности.

«Прежде всего обратить нужно вниманіе къ выбору (на выборъ?) людей мѣста министерскія занимать должностующихъ. Трудно, безъ сомнѣнія, найти восемь человѣкъ совершенно единомыслящихъ; но должно искать, чтобы люди, соединенные одною цѣлію въ ихъ должности, соединены были въ общихъ ихъ правилахъ и чтобы всѣ виды ихъ съ точностію соотвѣтствовали видамъ вашего величества. Нельзя желать, чтобы при разсужденіяхъ ихъ не было разногласій, но должно желать, чтобы споры, производяся безъ личныхъ какихъ-либо побужденій, имѣли цѣлію единственную пользу предметовъ или дѣлъ, по коимъ они происходятъ могутъ; должно желать, чтобы мѣры принятія въ комитетѣ (министровъ), хотя бы то было и противъ частнаго мнѣнія кого-либо изъ министровъ, удерживаемы были внѣ ихъ сословія, такъ точно, какъ бы предложены они были всѣми ими совокупно. Должно желать, чтобы министры не позволяли себѣ обнаруживать въ Сенатѣ, или вообще передъ публикою, мнѣній противныхъ мѣрамъ уже принятымъ, чтобы никто изъ нихъ не присвоивалъ себѣ права быть защитникомъ древнихъ установленій противъ такъ называемыхъ новизнъ вводимыхъ другими; словомъ, чтобы, при различіи мнѣній въ разсужденіяхъ, былъ голосъ министерства въ исполненіи.

«Доколѣ въ составѣ его не будетъ единства, дотолѣ нельзя ожидать, чтобы положенія правительства были единообразно понимаемы и уважаемы. Нужно, конечно, оставить каждому свободу изъясняться. Сіе отнюдь не опасно, ибо если дѣянія непорочны или на пользу предприемлемая государей, или орудій ими избираемыхъ, иногда неправильно въ общемъ мнѣніи судятся, то нельзя, конечно, найти много примѣровъ, чтобы въ послѣдствіи не отдали надлежащей онымъ справедливости. Но не министрамъ должно составлять въ отношеніи къ правительству противодѣйствіе. Во всѣхъ мѣрахъ его они представляютъ одно лицо.

---

¹⁾ Во всепод. запискѣ отъ 28 марта 1806 г. Сборникъ Императорскаго русскаго историчес. общес., т. 90 стр. 206. Графъ Кючубей былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ со дня образованія министерствъ и въ 1806 году былъ уволенъ по болѣзни.

которое не можетъ и не должно имѣть двухъ противоположныхъ мнѣній ¹⁾).

«На сіе можно бы было то возразить, что какъ дѣла министрами по частямъ производимыя всѣ стекаются къ одному центру въ лицѣ государя и отъ него получаютъ рѣшеніе, то противоположность исполнителей и не можетъ произвести важнаго вреда. Мнѣніе сіе было нѣкоторыми изъясляемо. Утверждаемо даже было въ послѣднее время, что можно государю не только все самому распорядить, но даже заниматься и сочиненіемъ бумагъ. Но правило сіе не можетъ быть совмѣстимо и для малыхъ государствъ, а въ большихъ оно совершенно пагубно.

«Какъ дѣйствительно государю обнять всѣ отрасли правленія, когда начальникъ одной какой-нибудь части, если бы онъ вздумалъ все дѣлать самъ, никакъ не могъ бы дѣлать съ надлежащимъ успѣхомъ. Какое достоинство при томъ можетъ быть не только для государя, но даже и для начальника какой-нибудь части писать самому или заниматься еще тѣмъ, чтобы писать хорошо. Дѣло государя думать и повелѣвать въ большихъ (общихъ) чертахъ; дѣло министра думать, какъ лучше исполнить повелѣнія имъ получаемыя, какъ лучше управлять частью ему ввѣренною, а механическая, такъ сказать, работа и мелочныя дѣла должны подлежать подчиненнымъ. Должно и государю и министрамъ имѣть время размышлять и умножать кругъ свѣдѣній ихъ, для пользы общественной нужныхъ; но въ настоящемъ порядкѣ отправленія дѣлъ тщетно искать такового свободнаго времени. Въ подкрѣпленіе сего мысли я привести могу слова человѣка, котораго большимъ умомъ, большими заслугами и большими видами Россія, конечно, прославляться можетъ—я хочу сказать князя Безбородко.

«Во время, когда, пользуясь довѣренностію вашего величества, угодно было вамъ, между прочимъ, чтобы я склонилъ его заняться положеніемъ на бумагу мыслей его объ управленіи государственнымъ, къ чему-было, какъ извѣстно вашему величеству, онъ и приступилъ,—я неоднократно слышалъ отъ него, при разсужденіяхъ о тогдашнемъ ходѣ дѣлъ, о мно-

---

¹⁾ Не можно описать все пространство того вреда, который нынѣ происходитъ отъ варушенія сего правила. Какое довѣріе могутъ имѣть люди къ правительству, когда видятъ первыхъ его исполнителей въ безпрерывномъ между собою противорѣчій. Примѣръ ихъ несогласія дѣйствуетъ въ губерніяхъ; раздѣленіе мнѣній министровъ производитъ раздѣленіе мнѣній въ губерніяхъ. Чинovníки входятъ въ правила министровъ и между собою раздѣляются. Напримѣръ губернаторъ будетъ того правила, что полезно установленіе министерствъ, а губернской прокуроръ защищаетъ старинныя установленія. Если же по какимъ-либо личнымъ связямъ или другимъ причинамъ и губернаторъ предастъ симъ стариннымъ установленіямъ, то вотъ уже почти вся губернія противъ высшаго правительства, а тутъ какому быть добру?

Примѣч. гр. Кочубея.

жествъ указовъ выходящихъ, о скорости, съ которою все дѣлалось, о мелочахъ, коими покойнаго государя беспокоили, «что не дѣло государей заниматься всѣмъ симъ и уронять достоинство ихъ безчисленными подписями всякихъ мелочей; что дѣло ихъ должно состоять въ томъ, чтобы избрать людей достойныхъ довѣренности и снабдивъ оною ихъ не затрудняться въ дѣйствіи и что способъ сей есть единый и самому хорошо управлять и другимъ доставить возможность исправлять съ успѣхомъ возложенныя на нихъ обязанности». Я думаю, что примѣръ сей не можетъ ослабить истинны заключеній моихъ.

«Такимъ образомъ утверждаясь на нихъ, съ тѣмъ болѣею надежностію должно согласиться въ необходимости того правила, что поелику государю не можно всѣмъ управлять въ подробности самому, то выборъ людей, кои бы въ исполненіи его воли имѣли всю его довѣренность, долженъ быть однимъ изъ самыхъ важныхъ способовъ управленія. И какъ воля государя есть едина, то и въ исполнителяхъ ея должно быть, по необходимости, единство видовъ и дѣйствія.

«Довѣренность къ министрамъ есть столь же необходима, какъ и постоянство правилъ, на конхъ они дѣйствуютъ. Составляя непосредственное орудіе верховной власти, ихъ первое и существенное свойство есть съ точностію исполнять ея намѣренія. Какъ скоро не предполагаютъ въ нихъ сей точности въ исполненіи, такъ скоро они бесполезны и терпѣть ихъ въ управленіи не должно. Никакое частное уваженіе не можетъ удерживать ихъ на мѣстахъ. Они существенно будутъ и порядку и дѣламъ вредны, какъ скоро довѣренность ихъ оставить, а посему и нужно было бы принять за правило увольнять ихъ отъ должностей, коль скоро они не будутъ имѣть надлежащей довѣренности, равно и какъ и имъ предоставить свободу всегда оставлять свои званія, коль скоро признаютъ они невозможнымъ исправлять оныя соотвѣтственно ихъ образу мыслей».

Итакъ все зависѣло отъ характера и произвола министровъ.

Съ одной стороны они ограничивали власть губернаторовъ, а съ другою допускали своеволія. Они вмѣшивались во все и посылали предписанія по самымъ мелочнымъ дѣламъ. П. Сумароковъ приводитъ примѣры предписаній о поправкѣ печей, перестилкѣ половъ и разрѣшеніи израсходовать полтора рубля. Подобныя разрѣшенія приходили поздно, и пропущенное время стоило большихъ убытковъ казнѣ. «Изъ сего видно,— прибавляетъ П. Сумароковъ, что министры, прибравъ къ себѣ всю власть, разстроили совершенно порядокъ въ губерніяхъ и что центральное въ Петербургѣ управленіе, перенятое у французовъ, вредитъ составу государства».

Соглашаясь, что учрежденіе министерствъ весьма полезно, графъ Кочубей сожалѣлъ, что они не приведены въ надлежащую связь съ Сена-

томъ и Совѣтомъ и что дѣятельность ихъ не соотвѣтствуетъ видамъ, положеннымъ въ основу ихъ учрежденія. Какъ самъ дѣятель и близкій свидѣтель всего происходившаго, графъ Кочубей сознавалъ, что къ неудобствамъ, происходящимъ отъ несогласованія учреждений между собою, присоединялись еще разнообразныя правила и планы между министрами.

«Что изъ всего сего произойти могло?—спрашивалъ онъ,—ежели не совершенное смѣшеніе. И правду сказать должно, оно дошло до самой высшей степени, такъ какъ по мѣрѣ замѣшательства сего, а можетъ быть и по какимъ-либо другимъ причинамъ потеряны всякое уваженіе и довѣренность къ высшему правительству и неудовольствіе распространяется болѣе или менѣе повсемѣстно».

При такомъ положеніи дѣлъ графъ Кочубей считалъ необходимымъ упрочить положеніе министерствъ и поднять ихъ значеніе новымъ соотвѣтствующимъ преобразованиемъ, или же перейти къ старымъ учреждениямъ.

— Лучше, по мнѣнію моему,—говорилъ онъ,—обратиться къ первымъ началамъ, сколько они ни были порочны; лучше все обратить пока въ Сенатъ и подвергнуть по-прежнему всѣ дѣла управленію генераль-прокуроровъ; лучше пока покрыть всѣ злоупотребленія, всѣ безпорядки и отвѣтственностью—ибо оной ни въ какомъ сословіи, изъ многихъ лицъ составленномъ, существовать не можетъ—нежели оставлять настоящую неопредѣленность и настоящій не твердый ходъ правительства.

Самъ графъ Кочубей отстаивалъ министерства, но министерства, утвержденныя на твердыхъ основаніяхъ, что, по его мнѣнію, сдѣлать было весьма возможно.

«Нельзя,—писалъ онъ,—или лучше сказать должно скорѣе отнести всѣ тѣ препятствія, которыя по нынѣ встрѣчались, какимъ-либо особеннымъ причинамъ кои, такъ какъ дѣла военныя или политическія, привлекали къ себѣ все вниманіе и не дозволяли ничѣмъ другимъ заниматься, нежели какимъ-либо другимъ побужденіемъ; ибо не могу остановиться на той мысли, которая была довольно гласно разносима, что разныя внушенія поколебали мысли государя императора. Трудно, чтобы ваше императорское величество, давъ столь гласный примѣръ убѣжденія своего, не только передъ всею Россіею, но передъ всею Европою, чтобы получа справедливую дань похвалы, не токмо въ Россіи отъ людей безпристрастныхъ, но и внѣ предѣловъ ея, гдѣ власть ваша не дѣйствуетъ и гдѣ потому не можно предполагать ни страха, ни ласкательства, допустить могли вы до себя таковыя внушенія. Трудно, чтобы ваше величество не видѣли тутъ намѣренія подъ предлогомъ коренныхъ и древнихъ установленій прикрывать злоупотребленія и виды самовластия. Трудно, чтобы ваше величество не видѣли въ лицахъ,

кои бы осмѣлились дѣлать подобныя внушенія, кои бы дерзнули предлагать привести все на прежнее положеніе, людей совершенно отдаленныхъ отъ всякаго попеченія о славѣ вашей и не привязанныхъ къ пользамъ государства.

«И такъ, не можно, кажется, остановиться на томъ, чтобы система управленія вновь принятая не должнаствовала быть предпочтенною и чтобъ не слѣдовало стараться довести министерство до того совершенства, въ коемъ по плану его существовать ему было предполагаемо».

Эти мысли и заявленія покидавшего свой постъ министра внутреннихъ дѣлъ нашли примѣненія вполнѣдствіи, когда приступлено было къ новымъ преобразованіямъ правительственныхъ учрежденій; но теперь безпорядка въ управленіи происходили главнѣйшимъ образомъ отъ несогласованія между собою и неурейства высшихъ учрежденій.

Вмѣстѣ съ образованіемъ министерствъ, въ высочайшемъ указѣ, того же 8-го сентября 1802 года, Сенатъ былъ названъ верховнымъ мѣстомъ въ Имперіи, которому подчинены были всѣ присутственныя мѣста. Какъ охранитель законовъ, онъ обязанъ былъ заботиться о повсемѣстномъ наблюденіи правосудія, слѣдить за исправнымъ собраніемъ податей и за расходами, изыскивать средства къ облегченію народныхъ нуждъ, блюсти за сохраненіемъ общаго спокойствія и тишины и прекращать всякія противозаконныя дѣйствія во всѣхъ подчиненныхъ ему мѣстахъ.

Указъ не опредѣлялъ отношеній Сената къ Непремѣнному Совѣту, который также занимался законодательными дѣлами, ни къ министерствамъ. Скоро онъ лишился права входить къ государю съ представленіемъ «о сумнѣніяхъ» въ состоявшихся указахъ. При первомъ заявленіи его объ этомъ послѣдовалъ указъ 21-го марта 1803 года, гдѣ было сказано, что подъ именемъ существующихъ законовъ должно разумѣть не вновь издаваемые и подтвержденные законы, а уже существовавшіе прежніе. Такимъ образомъ Сенатъ пересталъ быть законодательнымъ учрежденіемъ и уступилъ свое мѣсто Непремѣнному Совѣту, который хотя и былъ учрежденіемъ совѣщательнымъ, но мало-по-малу сталъ вмѣшиваться въ административныя и гражданскія дѣла. Сенату остались только одни судебныя дѣла; но и въ этой области онъ встрѣчалъ вмѣшательство Непремѣннаго Совѣта и своеволие губернаторовъ. Послѣдніе сами утверждали приговоры уголовныхъ палатъ по всѣмъ дѣламъ, за исключеніемъ дѣлъ о дворянахъ и чиновникахъ; гражданскіе искы, не превышающіе 500 руб., шли отъ губернаторовъ прямо на усмотрѣніе государя. Контроль Сената надъ министрами былъ также легко устраненъ тѣмъ, что расширенію ихъ власти не было положено никакихъ границъ и власть эта не опредѣлена никакими на-

казами и инструкціями. «По этому всё и даже произвольныя рѣшенія министровъ должны были исполняться безпрекословно всѣми подчиненными имъ мѣстами. Министры докладывали помимо Сената государю о всѣхъ дѣлахъ управления и скоро сдѣлались всецѣльными въ государственномъ управленіи. Они совершенно произвольно распоряжались государственными финансами и подъ предлогомъ личной ответственности передъ государемъ освободились вполнѣ отъ всякой ответственности передъ Сенатомъ... Наконецъ, самая отвѣтственность министровъ передъ Сенатомъ сдѣлалась невозможною вслѣдствіе того, что министры сами не могли дать никакого правила въ поясненіе или дополненіе существующихъ законовъ и поэтому испрашивали высочайшія рѣшенія на всё, даже и маловажные случаи» ¹⁾).

Объ отдачѣ Сенату отчетовъ въ своихъ дѣйствіяхъ никто изъ министровъ и не думалъ. Въ 1802—1803 г.г. было рассмотрѣно въ Сенатѣ только два отчета—министровъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ. Постановление, чтобы всѣ дѣла разсматривались въ Комитетѣ Министровъ, не исполнялось съ самаго начала; вносили тѣ дѣла, которыя хотѣли и когда считали удобнымъ прикрыться общимъ рѣшеніемъ. Но это не помѣшало тому, что скоро Комитетъ Министровъ сталъ во главѣ всего государственнаго управления. Въ 1805 году Комитетъ получилъ право разсматривать и разрѣшать не только текущія дѣла, но и тѣ, которыя министры сочтутъ за нужное представить туда для разрѣшенія своихъ сомнѣній. Ему же предоставлено было рѣшать собственною властью и тѣ дѣла, которыя зависѣли единственно отъ высочайшаго разрѣшенія. Въ 1808 году Комитету были поручены дѣла и высшей полиціи. Въ Комитетъ должны были представляться всѣ свѣдѣнія о благосостояніи и безопасности государства, т. е. то, что лежало на обязанности Сената. Комитету Министровъ предоставлено право уполномочивать министровъ къ исполненію дѣлъ нетерпящихъ отлагательства и въ обыкновенномъ порядкѣ требующихъ высочайшаго разрѣшенія. «Въ Комитетъ же Министромъ поступали разныя прошенія и жалобы, подаваемые на высочайшее имя». Этимъ сортомъ дѣлъ занимались одновременно Непремѣнный Совѣтъ, Сенатъ и Комитетъ Министровъ. Однимъ словомъ, Комитетъ, пріобрѣлъ такое вліяніе на дѣла государственныя, что сталъ законодательнымъ, административнымъ и отчасти судебнымъ учрежденіемъ. Многіе не знали, куда обращаться съ прошеніемъ: въ Совѣтъ, Сенатъ или Комитетъ, и, конечно, изъ этого выходила путаница и безпорядочное рѣшеніе дѣлъ. Такимъ образомъ, всѣ обязанности, возложенныя указомъ на Сенатъ, были мертвою буквою, оставшеюся на

---

¹⁾ В. Г. Щегловъ, „Государственный Совѣтъ въ царствованіе императора Александра I“. Выпускъ I, изд. 1895 г., стр. 187—188.

бумагъ. Министры съ самаго начала заслонили собою дѣятельность Сената и прекратили сношенія его съ верховною властью. Нося имя Правительствующаго и имѣя только «единый въ государственномъ учрежденіи обязанность наблюдать за точнымъ исполненіемъ повелѣній правительства», Сенатъ, соблюдая одно токмо имя правительственнаго сословія, былъ занятъ преимущественно ревизією судебныхъ дѣлъ. «Но дѣла управленія поступаютъ къ нему на разсмотрѣніе по нѣкоторымъ только частямъ, такъ что многія постановленія Комитета и распоряженія министровъ, до управленія же касающіяся, бывають ему совсѣмъ неизвѣстны; а ежели онъ и получаетъ о нихъ свѣдѣнія, то уже въ такое время, когда нѣтъ средствъ отвратить зла, допущеннаго или незамѣченнаго при исполненіи»¹⁾.

Сенатъ сталъ простымъ хранителемъ высочайшихъ повелѣній, сообщаемыхъ ему министрами, для обнародованія. Если онъ пытался вмѣшиваться въ дѣла, то министръ отвѣчалъ ему: «я имѣлъ счастье докладывать объ этомъ государю» и тѣмъ преграждалъ всякое вмѣшательство.

«Выходило,—писалъ Н. М. Карамзинъ²⁾,—что Россією управляли министры, то-есть каждый изъ нихъ по своей части могъ творить и разрушать. Спрашиваемъ: кто болѣе заслуживаетъ довѣренность, одинъ ли министръ или собраніе знатнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, которое обыкли мы считать высшимъ правительственнымъ, главнымъ орудіемъ монаршей власти? Правда, министры составляли между собою Комитетъ, ему надлежало одобрить всякое новое установленіе прежде, нежели оно утверждалось монархомъ. Но сей Комитетъ не походить ли на совѣтъ 6-ти или 7-ти разноземцевъ, изъ коихъ всякій говоритъ особеннымъ языкомъ, не понимая другихъ? Министръ морскихъ силъ обязанъ ли разумѣть тонкости судебной науки или правила государственнаго хозяйства, торговли и проч.? Еще важнѣе то, что каждый изъ нихъ, имѣя нужду въ стоворчивости товарищей, для своихъ собственныхъ выгодъ, самъ дѣлается стоворчивымъ».

Словомъ, въ государственномъ управленіи произошла какая-то разрозненность, и никто не зналъ, куда обратиться съ искомъ, гдѣ искать правосудія; извѣстно было только то, что протекція и деньги составляли лучшую гарантію отъ суда и наказанія.

«Чѣмъ чиновнѣе и богатѣе челоувѣкъ,—писалъ П. Сумароковъ³⁾,—тѣмъ неприступнѣе для кредиторовъ. Мастеровые, бумочники, мясни-

¹⁾ Всенподд. письмо князя Н. И. Салтыкова, 1815 г. Сборникъ Соб. его вел. канцеляріи, выпускъ VII, стр. 218 и 219.

²⁾ Въ своей запискѣ о древней и новой Россіи. „Русскій Арх.“, 1870 г. т. II, 2285.

³⁾ Арх. Государс. Совѣта, дѣла Комитета 1826 г. № 84.

ки по нѣскольку лѣтъ таскаются, съ росписками въ рукахъ, въ переднихъ у вельможъ или въ губернскомъ правленіи. Полицейскіе ходятъ съ указами и повѣстками понапрасну—никто не повинуется. Купецъ объявляется несостоятельнымъ, когда разсудить, и явно потомъ, располагая милліонами, смѣется надъ уставомъ и кредиторами. По векселю потерпите убытки, хлопоты; но закладной въ десять лѣтъ не продадутъ имѣнія, и долготерпѣвіе нарастаетъ, вмѣстѣ съ процентами. Одни бѣдные, малочиновные подлежатъ правосудію,—сидятъ за долги въ заключеніи. Обманъ укореняется, довѣріе совершенно разрушено; играютъ совѣстью, честью, законы безмолвствуютъ. Такая безответственность причиною, что всѣ сравнивались въ прихотяхъ и люди безъ состоянія смѣло подписываютъ гербовые листы (векселя), живутъ на чужой счетъ».

— Въ Россіи взаимной довѣренности нѣтъ,—говорилъ А. Якубовичъ;—казна не исполняетъ условій, законы слабы, чиновники во зло употребляютъ власть, и давно уже къ правительству потеряно всякое довѣріе. Банкротскій уставъ не дѣйствителенъ на богатаго и знатнаго должника, и кто лишился стыда, тотъ можетъ въ Россіи удобно жить на счетъ ближняго, не страшась справедливости и строгости законовъ ¹⁾.

Н. Витовтовъ былъ правъ, когда писалъ императору Александру, что подъ игомъ полиціи народъ стонетъ во всемъ государствѣ ²⁾. Къ этому внутреннему стону присоединилось тяжкое бремя почти непрерывныхъ войнъ, вызывавшихъ усиленное напряженіе народныхъ силъ и всеобщій, нескрываемый ропоть. При такихъ условіяхъ, въ 1806 году явился сначала въ Москвѣ, а потомъ и въ Петербургѣ листокъ ³⁾, въ которомъ слышалась горькая сатира на тогдашнее положеніе дѣлъ. Въ листкѣ этомъ говорилось:

Грѣхъ—скончался,
Правда—сгорѣла,
Благодѣтели выгнаны со свѣта,
Искренность—спряталась,
Правосудіе—въ бѣгахъ.
Добродѣтель ходитъ по міру,
Благодѣяніе подъ арестомъ,
Помощь—въ домѣ сумасшедшихъ,
Истина погребена подъ развалинами правды.
Кредитъ сдѣлался банкротомъ,
Совѣсть сошла съ ума, сѣдя на безмѣнѣ правосудія,

¹⁾ Показаніе Якубовича. Государственный Арх.

²⁾ Записка Н. Витовтова «О государственномъ вооруженіи», поданная императору Александру 14-го ноября 1806 г. Арх. минис. внутр. дѣлъ.

³⁾ По дознанію оказалось, что листокъ привезенъ изъ Москвы въ Петербургъ колл. ассес. Апаринимъ.

Вѣра осталась въ Иерусалимѣ ¹⁾,
 Надежда съ якоремъ на днѣ моря.
 Любовь—болѣзнь простуды,
 Честность вышла въ отставку,
 Вѣрность осталась на вѣсахъ у аптекаря,
 Кротость взята въ дракѣ на съѣзжую.
 Законъ на пуговицахъ Сената.
 Терпѣніе скоро лопнетъ ²⁾.

По мнѣнію современниковъ, внутреннее положеніе Россіи было настолько безотрадно, что необходимо было подумать прежде всего о собственномъ благоустройствѣ, а потомъ уже о свободѣ и независимости Западной Европы.

— Кабы я, батюшка Сила Андреевичъ,—говорилъ Чистоправднѣ ³⁾—былъ на твоёмъ мѣстѣ, я бы предъ надежею-государемъ все вывелъ на свѣжую воду. Написалъ бы ему такую грамотку, чтобы онъ погодилъ на время управляться съ не крещенными басурманами, а поуправился бы съ крещенными: они внутри больше дѣлаютъ зла, чѣмъ французы,—отъ тѣхъ хоть оборониться можно, а на этихъ и разинуть рта не смѣй; вѣдь и мы люди: терпя, терпя и камень треснетъ. Мы больше всѣхъ трудимся, всѣхъ поимъ и кормимъ, насъ же считаютъ хуже собакъ. Умилосердись, кормилецъ, вступиись за насъ грѣшныхъ, ужъ намъ отъ худыхъ судей приходится не вмоготу, отъ худой управы хоть домишки побросать. Доложи о насъ батюшкѣ государю, что коли мы разорены будемъ въ конецъ, то и матушки Руся не видать добра.

«Ваше высокопреосвященство!»—писала Васса Баскакова московскому архіепископу Августину ⁴⁾.—Если за необходимость почталось какъ въ древнія времена, равно и въ нынѣшнія каждому народу быть въ зависимости отъ самодержавнѣйшей власти единого монарха,—то, напротивъ того, не менѣе нужно и въ избранной особѣ, дабы находились всѣ тѣ качества, которыя необходимо должно имѣть каждому государю, какъ-то: кротку, челоуѣколюбиву, попечительну, правосудну и милостиву, дабы онъ не для собственного своего славолюбія взошелъ на таковую вышнюю степень, но чтобы болѣе старался быть для благополучія своего народа, который бы находилъ въ немъ себѣ отца и, смотря

¹⁾ О безвѣрїи тогдашняго общества см. статью: «Наші мистики-себтанты». «Русская Старина» 1894 г. № 9, стр. 169—203.

²⁾ Архивъ Государственнаго Совѣта. Дѣла Комитета 1807 года.

³⁾ «Нужды и горе Россіи». «Русская Старина» 1881 г., т. III, 907. Авторъ скрылъ свое имя, отвѣчая на извѣстное воззваніе графа Ѳ. В. Растопчина, писавшаго подъ псевдонимомъ Силы Андреевича Богатырева.

⁴⁾ Отъ 26 августа 1806 г. Дѣла Комитета 1807 г. № 54.

на неусыпные труды его, каждый бы тщался, подражая своему монарху, быть исправну въ своей должности».

«Вотъ, что больше нужно быть въ характерѣ государя, а не въ завоеваніяхъ многихъ областей и (постройкѣ) великолѣпныхъ зданій въ городахъ, кои стоютъ: первыя пролітія безвинной человѣческой крови, а послѣднія—великаго изживенія не на пользу ближняго, а для одного токмо тщеславія, ибо одно зрѣніе на великолѣпное зданіе многихъ домовъ не можетъ принести успокоенія странствующимъ безъ гостепримства. Равнымъ образомъ и въ распространеніи своего государства, не сдѣлавши прежде благоустройства въ ономъ, не можетъ (государь) никакъ приобрести славу, какъ бы могъ премудрый государь получить себѣ оную, черезъ хорошее правленіе своего народа».

Слѣдя за порядкомъ судопроизводства, наблюдая за правильнымъ примѣненіемъ законовъ, императоръ, по словамъ Баскаковой, доставилъ бы тѣмъ невиннымъ покровительство и удовлетвореніе.

— Если политика необходима для вѣдѣности государства, — говорилъ А. Якубовичъ, — то съ собственными подданными она и того нужнѣе, ибо не всегда по законамъ механики можно дѣйствовать одной силой рычага. Умъ и сердце, съ ихъ пороками и добродѣтелями — вотъ пружины, которыми двигаютъ цѣлое правители народовъ.

«Осмѣливаюсь присоветовать, — писалъ князь Чарторыйскій императору Александру ¹⁾, — что такъ какъ значительная доля драгоценнаго времени вашего величества поглощена занятіями второстепенной важности, — вы не можете удѣлять обсужденію мѣръ собственно государственныхъ и наблюденію за ихъ исполненіемъ той доли времени и послѣдовательнаго вниманія, коей онѣ требуютъ. Если это замѣчаніе, слышанное мною отъ многихъ лицъ, не лишено основанія, то ваше величество не удивитесь, узнавши, что вообще господствуетъ весьма прискорбное безпокойство на счетъ хода правленія и правительственныхъ мѣропріятій и на счетъ событій, которое готовитъ намъ будущее».

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I всѣ ожидали если не уничтоженія, то ограниченія злоупотребленій, но прошли годы, ожиданія не были удовлетворены, и Россія наполнилась недовольными. Жаловались въ палатахъ и хижинахъ; строго осуждали мѣры правительства, не имѣли къ нему ни усердія, ни довѣренности ²⁾.

«Теперь съ прискорбіемъ и увнѣніемъ видимъ мы, — писали императору

¹⁾ Отъ 22 марта 1806 г. «Русскій Архивъ» 1871, т. I, стр. 712.

²⁾ Н. М. Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи. «Русскій Арх.» 1870 г., т. II, 2273.

Александрѣ три товарища министровъ ¹⁾),—что пружины государства и побудительныя силы его могущества слабѣютъ подѣ тяжестью происшествій и преодолеваются властію обстоятельствъ. Довѣренность народа уклонилась отъ нихъ. Остается намъ единая любовь къ лицу твоему, единое упованіе и преданность къ твоимъ добродѣтелямъ и вмѣстѣ печальное убѣжденіе, что отеческія попеченія твои ни мало не подкрѣпляются дужнымъ содѣйствіемъ въ исполненіи».

Положеніе было довольно трудное, необходимъ былъ выходъ....

Н. Дубровинъ.

---

¹⁾ Князь Адамъ Чарторыйскій, графъ П. А. Строгановъ и Н. Н. Новосильцовъ отъ 11 ноября 1806 г. «Русская Старина» 1894 г. № 8, стр. 215.

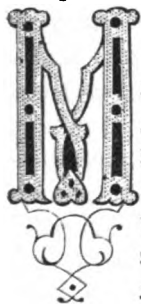

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

IV 4).

1840 годъ.

Римско-католическій митрополитъ Павловскій на дворцовомъ выходѣ.—Расправа съ будочникомъ и извозчикомъ.—Девизъ на гербѣ князя Васильчикова.—Императоръ Николай на публичныхъ маскарадахъ.—Дѣло калмыковъ въ Государственномъ Совѣтѣ.—Капитанъ Шульцъ.—Дѣло о дворовыхъ людяхъ.—Секретный комитетъ для обсужденія управленія финансовою частью по поводу болѣзни министра Канкрина.—Разсмотрѣніе положенія о товарищахъ министровъ въ особомъ комитетѣ.—Подробности пожалованія аренды князю Васильчикову.—Братья Пашковы.—Мнѣніе императора Николая о Государственномъ Совѣтѣ и объ Европѣ.—Дѣло въ комитетѣ о распространеніи на западныхъ губерніи общихъ русскихъ законовъ.—Совзаніе княземъ Васильчиковымъ въ отсутствіи государя и безъ его разрѣшенія экстреннаго собранія министровъ по поводу повсемѣстнаго неурожая въ Россіи и безпорядковъ, отъ того происшедшихъ.—Кожошники придворныхъ дамъ.

Митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи, при дворцовыхъ выходахъ въ торжественные дни, всегда видѣлъ царскую фамилію и былъ ею видимъ, наравнѣ съ другими особами, имѣющими пріѣздъ ко двору, т. е. при шествіи ея черезъ парадныя залы. Но въ первый день новаго, 1840 г., занимавшій тогда эту должность Павловскій, по окончаніи литургіи, подошелъ къ государю, къ общему удивленію, въ самой церкви, вслѣдъ за нашими архіереями и прочими членами Синода. Такое нововведеніе произвело непріятное

⁴⁾ См. „Русск. Старину“ 1899 г. июль.

впечатлѣніе на умы нашего духовенства. Кіевскій митрополитъ Филаретъ, при свиданіи со мною вскорѣ послѣ того, изъяснялся объ этомъ, какъ о вещи, совершенно неслыханной и неожиданной, которую, по его мнѣнію, можно было приписать только особенной протекціи къ римско-католическому духовенству герцога Лейхтенбергскаго, не за долго передъ тѣмъ вступившаго въ бракъ съ великою княгинею Марією Николаевною. Дошло ли это неудовольствіе до государя, или по другимъ причинамъ, только подобное приравненіе, въ православномъ храмѣ, главы римско-католическаго духовенства съ нашими іерархами впоследствии никогда уже болѣе не повторилось.

Во время пребыванія императора Николая въ петербургской столицѣ, оберъ-полиціймейстеръ ежедневно, въ часъ, являлся къ нему съ донесеніями и за приказаніями. Разъ, прочитывая, при такой аудіенціи, дневную записку о случившихся наканунѣ происшествіяхъ, государь спросилъ: дошло ли до полиціи свѣдѣніе о собственныхъ его въ тотъ день походахъ? На отрицательный отвѣтъ онъ разсказалъ, что, во время вечерней прогулки (это было въ декабрѣ, слѣдственно, въ ночную темноту), встрѣтилъ ѣхавшаго въ извозчичьихъ саняхъ будочника. И послѣдній, и извозчикъ спорили и кричали во весь голосъ и, завидѣвъ офицера (т. е. неузнаннаго ими, или имъ неизвѣстнаго государя), обратились къ нему съ просьбою ихъ разсудить.

Дѣло состояло въ томъ, что извозчикъ проѣзжалъ мимо будки погруженный въ сонъ, что заставило бдительнаго стража разбудить его, но разбудить по-полицейски, т. е. толчками въ бокъ, а это такъ не полюбилось очнувшемуся извозчику, что онъ съ своей стороны сталъ отвѣчать кулаками; конецъ же драмы былъ тотъ, что они ѣхали на расправу къ ближайшему квартальному надзирателю.

— Не знаю уже, — прибавилъ государь, — распорядился ли я въ точную силу Городоваго положенія; но поступокъ извозчика показался мнѣ нарушеніемъ дисциплины и, вмѣстѣ, двойнымъ нарушеніемъ порядка, такъ что, выдавъ себя за принадлежащаго тоже къ полиціи, я велѣлъ будочнику тотчасъ отвезти извозчика къ частному приставу, уже не на расправу, а просто для наказанія.

Извѣстно, что знаменитая французская фамилія Монморанси — les premiers Barons de la chrétienté — имѣетъ въ своемъ гербѣ древній девизъ: «mon âme à Dieu, mon corps au Roi, mon honneur à moi». Когда Васильчиковъ возведенъ былъ въ княжеское достоинство и, вмѣстѣ съ дипломомъ, надлежало составить для него гербъ, князь совѣтовался о девизѣ въ гербѣ съ Сперанскимъ, который предложилъ ему принять Монморансіевскій. На совѣтѣ съ родственниками и друзьями нашими, однако, что, въ полномъ русскомъ переводѣ, онъ былъ бы какъ-то неловокъ, и потому придумали слѣдующее подражаніе: «Жизнь царю,

честь никому». Этотъ девизъ не совсѣмъ нравился только зятю князя, министру юстиціи Дашкову, который находилъ его «черезчуръ уже либеральнымъ», что, однако, не остановило ни князя его принять, ни государя его утвердить.

Императоръ Николай чрезвычайно любилъ публичныя маскарады и рѣдко ихъ пропускалъ, давались ли они въ театрѣ, или въ дворянскомъ собраніи. Государь и вообще мужчины, военные и статскіе, являлись тутъ въ обычной своей одеждѣ; но дамы всѣ безъ изъятія были пережжены, т. е. въ домино и въ маскахъ, или полумаскахъ, и каждая имѣла право взять государя подъ-руку и ходить съ нимъ по заламъ. Его забавляло, вѣроятно, то, что тутъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, онъ слышалъ множество такихъ анекдотовъ, отважныхъ шутокъ и проч., которыхъ никто не осмѣлился бы сказать монарху безъ щита маски. Но какъ острота и умъ, составляющія привлекательность разговора, не всегда бываютъ удѣломъ высшаго общества, да и вообще рускія наши дамы, за немногими исключеніями, малосродны къ этой особеннаго рода игрѣ, то и случалось обыкновенно, что государя подхватывали такія дамы, которыя безъ маски никогда и нигдѣ не могли бы съ нимъ сойтиться. Одинъ изъ директоровъ дворянскаго собранія сказывалъ мнѣ, что на тамошніе маскарады раздавалось до 80-ти даровыхъ билетовъ актрисамъ, модисткамъ и другимъ подобнымъ разрядовъ француженкамъ, именно съ цѣлю интриговать и занимать государя.

Въ 1839 году, когда Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ только еще оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ, производилось въ Государственномъ Совѣтѣ одно дѣло по этой губерніи, само по себѣ не весьма важное, но которое прибавило однако же разныя любопытныя черты къ характеристикѣ окружавшихъ императора Николая сановниковъ и къ его личной, послуживъ вмѣстѣ съ тѣмъ новымъ доказательствомъ, что, даже и при монархѣ самомъ энергическомъ и самостоятельномъ, оборотъ и направленіе дѣла могутъ иногда зависѣть отъ образа доклада. По случаю споровъ между бузулцкими калмыками и занявшими часть ихъ земель казенными крестьянами, Сенатъ въ 1836 году предписалъ тѣхъ изъ крестьянъ, которые окажутся дѣйствительно уже поселившимися на калмыцкихъ земляхъ, оставить тамъ безъ перевода на другія мѣста. Вслѣдствіе того, оренбургскій военный губернаторъ предположилъ оставить на калмыцкихъ земляхъ 41 семейство крестьянъ, какъ прочно уже водворившееся, а 108 семействъ перевести въ другія мѣста. Но Сенатъ, усмотрѣвъ изъ представленія главнаго начальства государственныхъ имуществъ, основаннаго на полученной имъ надворной описи, что и изъ числа этихъ 108 семействъ почти всѣ обзавелись на калмыцкихъ земляхъ домами и хозяйствомъ, въ 1837 году новымъ указомъ предписалъ перевести на другія мѣста только тѣхъ крестьянъ,

которые не имѣютъ еще хозяйственнаго заведенія, или живутъ въ чужихъ домахъ, всѣхъ же прочихъ оставить на мѣстахъ ихъ водворенія. Вопреки сему, Перовскій распорядился о сводѣ съ калмыцкихъ земель всѣхъ предположенныхъ имъ первоначально къ переводу 108 семействъ: при чемъ (какъ они показывали) были разобраны въ ихъ домахъ печи, порѣзана дворовая птица и захвачены засѣянные поля; когда же крестьяне, войдя съ жалобой на сіе въ министерство государственныхъ имуществъ и извѣстясь, что по ней заведена переписка, опять было возвратились на прежнія жилища, то Перовскій снова велѣлъ ихъ выслать. Между тѣмъ по упомянутой жалобѣ крестьянъ министръ государственныхъ имуществъ собралъ нужныя свѣдѣнія и, увидя изъ донесенія палаты, какъ равно и изъ отзыва самого Перовскаго, что въ числѣ высланныхъ съ калмыцкихъ земель 108-ми семействъ у 99-ти были ужъ тамъ собственныя жилища и разработанныя поля, призналъ распоряженія военнаго губернатора противными сенатскимъ указамъ; почему и представилъ Сенату объ отмѣнѣ сихъ распоряженій и о возвращеніи тѣхъ 99-ти семействъ, по-прежнему, на занятыя ими калмыцкія земли. Сенатъ, согласясь съ такимъ заключеніемъ министра, вошелъ о томъ съ докладомъ, который поступилъ по порядку въ Государственный Совѣтъ, въ началѣ 1839 года, въ то время, когда находился въ Петербургѣ и самъ Перовскій, не имѣвшій еще тогда званія члена Совѣта.

Такимъ образомъ, подлежащій разсмотрѣнію фактъ заключалъ въ себѣ обвиненіе военнаго губернатора въ дѣйствіи, противномъ указамъ Сената, которые, по нашимъ законамъ, считаются равносильными именнымъ.

Подсудимымъ являлся государевъ генераль-адъютантъ и, что еще болѣе, бывший нѣкогда адъютантъ великаго князя Николая Павловича, которому всегда открытъ былъ свободный доступъ къ государю. Судьями надлежало быть, въ первой степени, членамъ департамента экономіи Государственнаго Совѣта, предсѣдателемъ котораго состоялъ не задолго передъ тѣмъ назначенный графъ Левашовъ, обнаружившій, съ первой минуты облеченія его въ это званіе, весьма упорный и самовластный характеръ и, такъ сказать, одинъ рѣшавшій дѣла въ своемъ департаментѣ. Другимъ еще, въ нѣкоторомъ отношеніи также подсудимымъ, былъ графъ Киселевъ, ибо предлежало рѣшить, кто изъ двухъ виноватъ: Перовскій ли въ неисполненіи сенатскихъ указовъ, или Киселевъ въ неправильномъ его въ томъ обвиненіи? Всякое среднее рѣшеніе, которое оправдывало бы обоихъ, представлялось, по свойству дѣла, невозможнымъ, а Киселевъ былъ первый другъ Левашова, во многомъ его руководитель. Наконецъ, подъ рукою могъ еще дѣйствовать я, безъ сомнѣнія, и дѣйствовать, человекъ, хотя не принадлежавшій къ составу департамента экономіи, но не совѣтъ посторонній дѣлу, ибо имъ пропущено

было опредѣленіе Сената, обвинившее оренбургскаго военнаго губернатора. Говорю о министрѣ юстиціи Дашковѣ, личномъ врагѣ Перовскаго, какъ онъ нисколько въ томъ не тайлся, и зятѣ Левашова ¹⁾).

При такой обстановкѣ Перовскому трудно было выиграть свой процессъ, даже если бы онъ былъ и правъ. Департаментъ экономіи не только вполне утвердилъ докладъ Сената, но и прибавилъ еще, чтобы «во вниманіе къ убыткамъ, понесеннымъ крестьянами, какъ отъ неправильно допущеннаго двукратнаго ихъ переселенія, такъ и отъ притѣснительныхъ дѣйствій со стороны отряженныхъ для переселенія ихъ чиновниковъ, произведено было на законномъ основаніи изслѣдованіе и по оному сдѣлано крестьянамъ, на счетъ виновныхъ, надлежащее за убытки ихъ вознагражденіе».

Въ общемъ собраніи Совѣта это заключеніе прошло единогласно, безъ малѣйшей перемѣны. Князь Васильчиковъ былъ весь вооруженъ въ его пользу, и я не припомню дѣла, въ которомъ онъ имѣлъ бы такое сильное убѣжденіе. Нѣкоторые члены шептали даже что-то о выговорѣ военному губернатору, но это было обойдено. Между тѣмъ и Перовскій не терялъ времени. Зная заключеніе Сената, узнавъ, разумѣется, тотчасъ и о заключеніи Совѣта, онъ предварилъ поднесеніе совѣтской меморіи подачею государю обширной записки, въ которой, изложивъ подробности дѣла (съ своей точки), описалъ руководившіе его виды и побужденія и оперся главнѣйше, съ одной стороны, на неудобство и невозможность исполненія послѣдовавшихъ отъ Сената указовъ, а съ другой,—на томъ, что возвращеніе крестьянъ снова на калмыцкія земли совсѣмъ уронило бы въ общемъ мнѣніи власть главнаго мѣстнаго начальника и поощрило бы каждого изъ жителей къ самовольному впредъ упорству. Потому, продолжая оправдывать свои дѣйствія, Перовскій просилъ, если бы они за всѣмъ тѣмъ были признаны неправильными, подвергнуть его какой угодно отвѣтственности, но крестьянъ оставить тамъ, куда онъ перевелъ ихъ тому назадъ уже два года. Послѣдствіемъ этого было, что меморію совѣтскую государь остановилъ, а записку Перовскаго прислалъ, частнымъ образомъ, къ Васильчикову, съ надписью, свидѣтельствовавшей, что она вполне убѣдила его величество въ правотѣ Перовскаго, и изъявлявшей надежду, что она такимъ же образомъ убѣдитъ и его, Васильчикова. Послѣ долгихъ колебаній, князь рѣшился на средній путь, не противорѣчившій его личному убѣженію, не прекословившій прямо высочайшему мнѣнію и, наконецъ, не унижавшій достоинства Совѣта. Онъ послалъ государю докладную записку, въ которой изъяснилъ, что хотя главный фактъ, именно неисполненіе мѣстнымъ

¹⁾ Они были женаты на двухъ сестрахъ, рожденныхъ Пашковыхъ, третья была за предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта княземъ Васильчиковымъ.

начальствомъ сенатскихъ указовъ, остается, и послѣ всѣхъ новыхъ объясненій, очевиднымъ и неопровергнутымъ; однако, какъ записка Перовскаго содержитъ въ себѣ разныя подробности, могущія ближе пояснить сущность дѣла; какъ его величеству благоугодно уже было удостоить его изъясненія высочайшаго вниманія, и какъ Оренбургское казачье войско, къ которому Бузулуцкіе калмыки принадлежатъ, вѣдается военнымъ министерствомъ: то, для возможнаго обезпеченія правильности рѣшенія, удобнѣе было бы предоставить военному министру, потребовать отъ Перовскаго всѣ нужныя объясненія и съесть потомъ съ министромъ государственныхъ имуществъ, представить Государственному Совѣту окончательное ихъ къ развязкѣ сего дѣла заключеніе ¹⁾. На этомъ докладѣ государь написалъ своею рукою: «будетъ совершенно справедливо». Вслѣдствіе чего князь объявилъ Совѣту написанное соотвѣтственно резолюціи высочайшее повелѣніе, а я, какъ государственный секретарь, сообщилъ его военному министру для исполненія, и министру юстиціи для свѣдѣнія. Такимъ направленіемъ дѣла, къ числу дѣйствовавшихъ лицъ присоединилось еще новое—военный министръ. Князь, тогда еще графъ Чернышевъ, бывалъ у государя съ ежедневнымъ докладомъ и, чтобы не являться съ пустыми руками, возилъ нерѣдко, за недостаткомъ матеріаловъ, не только всякія мелочи, но иногда даже и такія бумаги, которыя, въ общемъ порядкѣ, не подлежатъ совѣмъ его непосредственному докладу. Такъ и, вѣроятно, изъ тѣхъ же побужденій, потому что съ его стороны не было видно никакого особеннаго расположенія къ Перовскому, онъ поступилъ и въ настоящемъ случаѣ, не взвѣсивъ личной важности этого дѣла и не объяснясь даже предварительно съ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта. Словомъ, въ одно утро, вмѣсто ожидаемаго общаго отъ Чернышева и Киселева представления въ Государственный Совѣтъ, князь Васильчиковъ получилъ бумагу одного перваго, который сообщалъ ему (буквально), что «государь императоръ, разсмотрѣвъ съ особеннымъ вниманіемъ вытребованныя имъ, Чернышевымъ, по положенію Государственнаго Совѣта, объясненія Перовскаго, поручить ему извоилъ увѣдомить князя, что его величество, по зрѣломъ обсужденіи сего дѣла, извоилъ находить, что разсмотрѣваемымъ въ Государственномъ Совѣтѣ рѣшеніемъ общаго собранія Сената очевидно было бы нарушено неоспоримое законное право собственности Оренбургскаго войска на занятыя казенными крестьянами, ему принадлежащія, земли. Въ огражденіе сего права, которое необходимо и во всѣхъ случаяхъ должно быть неприкосновеннымъ, его

¹⁾ Слова эти подчеркнуты мною здѣсь потому, что къ нимъ, или къ сохраняю ихъ, относится все послѣдующее.

величество повелѣтъ изволилъ: 1) оставить на земляхъ калмыцкихъ только тѣ 41 семейство, которыя военнымъ губернаторомъ признаны были прочно поселившимися, причисливъ ихъ навсегда къ казачьему войску; 2) остальныхъ крестьянъ, уже выведенныхъ, не переводя обратно, оставить въ настоящемъ положеніи; 3) впредь воспретить строжайше казенныхъ крестьянъ и вообще выходцевъ изъ внутреннихъ губерній допускать къ поселенію на казачьихъ земляхъ, иначе какъ по истребованіи предварительнаго заключенія военнаго губернатора и по испрошеніи высочайшаго разрѣшенія и 4) дѣло о переселеніи упомянутыхъ крестьянъ, по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оно производится, считать за симъ рѣшительно окончаннымъ». Этой бумагѣ, столь уже щекотливой для князя по ея содержанію, Чернышевъ, или чиновники его канцеляріи сочли нужнымъ придать, какъ бы нарочно, не менѣе щекотливости и по внѣшней формѣ, заключивъ ее такъ: «монаршую волю сію сообщая вамъ, милостивый государь (отчего же именно ему, а не подлежащимъ министерствамъ?) для зависящаго исполненія, имѣю честь быть» и проч.

Я сказалъ выше, что не помню дѣла, въ которомъ князь Васильчиковъ имѣлъ бы такое сильное убѣжденіе; теперь прибавлю, что не помню и случая, въ которомъ видѣлъ бы его до такой степени раздраженнымъ. Изъ всегда добраго, кроткаго и незлобиваго онъ превратился въ разъяреннаго льва.

— Совѣтъ заплеванъ!—кричалъ онъ,—я заплеванъ; самъ государь себя уронилъ, а мнѣ его честь и слава дороже, чѣмъ мои собственныя, не такъ, какъ тѣмъ, которые играютъ его волею и его священнымъ словомъ. Или я научу этихъ господъ впередъ меня бравировать тамъ, гдѣ я дѣйствую добросовѣстно по долгу званія, или тотчасъ же оставлю службу, которой продолжать на такомъ основаніи не могу. Я никогда не позволялъ себѣ присвоивать своему лицу вліянія на рѣшенія государя по совѣтскимъ дѣламъ; но гдѣ идетъ рѣчь объ охраненіи неприкосновенности собственной его воли и правъ Совѣта, дѣйствующаго его именемъ, тамъ я долженъ вступиться всѣми своими силами, или все бросить и уйти!

Эта буря запальчивости продолжалась, я думаю, съ полчаса. На другой день князь поѣхалъ къ государю и возвратился въ полномъ торжествѣ. Бесѣда ихъ, какъ онъ мнѣ рассказывалъ, была живая и съ обѣихъ сторонъ настойчивая. Главнымъ убѣжденіемъ послужили, кажется, три вещи: 1) что государя ввели тутъ въ заблужденіе черезъ смѣшеніе формы съ существомъ дѣла—неисполненія сенатскаго указа, о чемъ одномъ только и судилъ Совѣтъ, съ самою правильностію сего указа, которая могла бы подлежать сужденію только впоследствии, по полученіи объясненій Перовскаго; 2) что сообщенное Чернышевымъ

высочайшее повелѣніе поставило бы Васильчикова въ самое двусмысленное положеніе передъ цѣлымъ Совѣтомъ, который, не имѣя свѣдѣнія ни о прежней докладной его, Васильчикова, запискѣ, ни о послѣдовавшей на ней резолюціи, знаетъ только объявленную имъ высочайшую волю и теперь вдругъ увидитъ объявляемую Чернышевымъ, совершенно прежней противоположную, слѣдственно, какъ бы уничтожающую достовѣрность слышанной прежде отъ него, Васильчикова, и 3) что отъ государя, разумѣется, всегда зависѣть будетъ рѣшить это дѣло по его благоусмотрѣнію, но тогда, когда оно придетъ къ нему въ порядкѣ, имъ самимъ указанномъ, и со всѣхъ сторонъ обсужденное, а не по одноличнымъ изъясненіямъ Перовскаго. Какъ бы то ни было, но въ тотъ же самый день Васильчиковъ отправилъ къ Чернышеву бумагу слѣдующаго содержанія: «государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему объ отношеніи ко мнѣ вашего сіятельства (касательно того-то), высочайше повелѣтъ изволилъ дѣло сіе возвратить въ тотъ порядокъ, какой указанъ оному былъ монаршею волею, объявленною мною Государственному Совѣту и сообщенною вамъ въ отношеніи государственнаго секретаря, именно чтобы ваше сіятельство, снесясь, по полученнымъ отъ генераль-адъютанта Перовскаго объясненіямъ, съ министромъ государственныхъ имуществъ, окончательное къ развязкѣ дѣла сего заключеніе внесли въ Государственный Совѣтъ. Сообщая вамъ о таковой высочайшей волѣ, для зависящаго къ исполненію оной распоряженія, имѣю честь быть» и проч.

Окончательное, по мнѣнію Государственного Совѣта, рѣшеніе сего дѣла, послѣдовавшее уже въ 1841 году было, такъ сказать, примирительное. Рѣшено: 1) оставить на калмыцкихъ земляхъ тѣ семейства крестьянскія, которыя находятся тамъ уже водворенными; 2) тѣхъ изъ нихъ, которыя пожелаютъ вступить въ казачье сословіе, надѣлить 30-ти десятинною пропорціею, прочіихъ же оставить въ прежнемъ званіи, съ 15-ти десятинною пропорціею; 3) выселеннымъ по распоряженію Перовскаго предоставить всѣ тѣ льготы и пособія, какія вообще даруются переселенцамъ. Только одинъ Чернышевъ остался при томъ мнѣніи, которое было выражено имъ, въ приведенной выше бумагѣ къ Васильчикову, въ видѣ высочайшаго повелѣнія; но государь утвердилъ общее заключеніе Совѣта. Вопросъ о личной виновности Перовскаго въ неисполненіи сенатскихъ указовъ былъ обойденъ молчаніемъ.

Императоръ Николай, ограничившій представленія къ наградамъ за обыкновенныя отличія по службѣ извѣстными сроками, установившій не давать орденовъ прежде полученія знака отличія безпорочной службы и строго наблюдавшій за сохраненіемъ постепенности въ награжденіяхъ, охотно и щедро отступалъ отъ всѣхъ сихъ правилъ, когда шло дѣло о подвигахъ чрезвычайныхъ. Такъ, между разными другими изъятіями

можно упомянуть о тѣхъ частыхъ и совершенно выходявшихъ изъ обыкновеннаго порядка милостяхъ, которыми, въ первые годы его царствованія, когда созидался безсмертный памятникъ свода законовъ, осыпаны были употребленные къ этому дѣлу чиновники II-го отдѣленія собственной его канцеляріи. То же самое, и даже въ большей еще степени, бывало при особенныхъ отличіяхъ военныхъ. Воспитанникъ артиллерійскаго училища, окончившій свое образованіе въ военной академіи и перешедшій потомъ въ генеральный штабъ, Шульцъ, въ польскую кампанію оказалъ подвиги львиной, неслыханной храбрости, но еще болѣе проявилъ ее въ дѣлахъ противъ горцевъ. Здѣсь получивъ въ одномъ сраженіи нѣсколько ранъ, онъ, съ пробитою челюстью, съ вышибленными зубами, не оставилъ своего поста, пока не упалъ въ безпамятствѣ. Бывъ тогда капитаномъ, онъ произведенъ въ подполковники; но въ томъ же самомъ приказѣ государь приписалъ своею рукою: «подполковникъ Шульцъ въ полковники». Не довольствуясь, однакоже, сею безпримѣрною наградю, онъ пожаловалъ ему еще Владимира 4-й степени съ бантомъ и велѣлъ тотчасъ предложить о подвигѣ Шульца въ чрезвычайномъ собраніи георгіевской думы, по удостоенію которой далъ ему 4-го Георгія. Какъ между тѣмъ Шульцу необходимо было ѣхать лечиться отъ своихъ ранъ за границу, то онъ, сверхъ всѣхъ исчисленныхъ наградъ, получилъ еще на путевыя издержки 1.500 червонцевъ.

Тунеядный, распутный, не имѣющій настоящей осѣдлости и, при всемъ томъ, огромный (свыше 1 милліона душъ) классъ дворовыхъ людей—этотъ зародышъ той безпокойной и всегда готовой къ волненіямъ массы, изъ которой въ Парижѣ составляется «la canaille», давно уже озабочивалъ наше правительство, и въ царствованіе императора Николая вопросъ о немъ нѣсколько разъ возобновлялся. Сперва, въ 1827 году, онъ составлялъ одинъ изъ предметовъ разсужденій извѣстнаго комитета 6-го декабря 1826 года; потомъ, въ 1830 году, имъ занимался и Государственный Совѣтъ; но операція надъ этою язвою государственною всегда казалась такою трудною, опасною и даже страшною, что ни одно начинаніе не было приведено ни къ чему положительному. Въ 1840 году у государя еще настойчивѣе прежняго возобновилась мысль если не о совершенномъ уничтоженіи, то по крайней мѣрѣ о возможномъ уменьшеніи сословія дворовыхъ людей. Онъ приказалъ статсъ-секретарю графу Блудову обработать ее и полученные отъ него записку и проектъ указа вручилъ князю Васильчикову, съ тѣмъ чтобы, пересмотрѣвъ еще разъ все дѣло совокупно съ Блудовымъ и съ министромъ юстиціи, онъ поднесъ указъ къ подписанію. Но Васильчиковъ, какъ всегдашній ревностный оберегатель достоинства Государственнаго Совѣта, не рѣшился принять сей воли къ безусловному исполненію. Онъ

возразилъ, что совершеніе такой важной государственной мѣры помимо Совѣта уронить вѣсь и значеніе послѣдняго; что если въ дѣлахъ финансовыхъ, по свойству ихъ, необходима иногда тайна, то едва-ли она нужна въ дѣлахъ чисто законодательныхъ, гдѣ разглашеніе предполагаемаго закона за нѣсколько дней до его обнародованія не можетъ имѣть никакихъ вредныхъ послѣдствій; что, при извѣстности ему, Васильчикову, взгляда на этотъ предметъ членовъ Совѣта, онъ нисколько не сомнѣвается въ принятіи предлагаемой мысли если не всѣми единогласно, то по крайней мѣрѣ огромнымъ ихъ большинствомъ; наконецъ, что желательно не совращать этого дѣла съ обыкновеннаго указываемаго законами пути уже и для того, чтобы избѣжать всякаго впоследствии противодѣйствія со стороны высшей аристократіи; ибо если мѣра сія примется въ совѣщаніи тридцати или болѣе членовъ Совѣта, то впоследствии, конечно, никто уже изъ нихъ не станетъ говорить противъ нея, тогда какъ въ противномъ случаѣ изъ этого числа много найдется порицателей, даже и изъ одного чувства огорченнаго самолюбія.

— Да неужели же,—возразилъ съ своей стороны государь,—когда самъ я признаю какую-нибудь вещь полезною или благотвѣльною, мнѣ непременно надо спрашивать на нее сперва согласіе Совѣта?

— Не согласіе,—отвѣчалъ Васильчиковъ,—но мнѣніе непременно, потому что Совѣтъ для этого и существуетъ, или надо его уничтожить, или охранять тотъ законъ, который сами вы для него издали.

Преніе по этому случаю, какъ рассказывалъ самъ Васильчиковъ, было длинное и жаркое, и на послѣдокъ кончилось тѣмъ, что, вмѣсто трехъ лицъ, государь приказалъ составить особый комитетъ изъ двѣнадцати членовъ Государственнаго Совѣта (большею частію министровъ), которому разсмотрѣть какъ самую сущность дѣла, такъ и вопросъ: должно ли потомъ провести это дѣло еще черезъ общее собраніе Совѣта? Мѣры, предложенныя графомъ Блудовымъ, были имъ болшею частію заимствованы изъ предложеній, состоявшихся въ 1827 и 1830 годахъ. Но тогда мѣры сіи предлагались не отдѣльно, а въ составѣ общаго закона о состояніяхъ, заключавшаго въ себѣ сверхъ того многіе другіе, гораздо важнѣйшіе предметы, среди которыхъ и, такъ сказать, подъ ихъ щитомъ постановленія о дворовыхъ людяхъ прошли бы едва замѣченными. Настоящее положеніе дѣла, когда имѣлось въ виду выпустить одну только эту часть упомянутаго закона, было другое, и потому большая часть членовъ сначала думали или совсѣмъ ничего не предпринимать, или ограничиться развѣ одними полумѣрами. Пока правительство не рѣшалось приступить къ коренному преобразованію, говорили они, всякая частная перемена въ соотношеніяхъ между помѣщиками и крѣпостными ихъ людьми, давая поводъ къ столкновенію правъ однихъ съ обязанностями другихъ и открывая въ крестьянахъ новыя понятія и

новый кругъ мыслей, котораго расширенія никакая человѣческая предусмотрительность угадать не въ силахъ, угрожаетъ самыми опасными послѣдствіями, не только для благосостоянія одного класса, но и для общественнаго спокойствія. Послѣ долгихъ и шумныхъ пререканій, возникли постепенно три главныхъ мнѣній. Одно, графа Чернышева, состояло въ томъ, что въ настоящее время безопаснѣе и полезнѣе не предпринимать совсѣмъ ничего въ отношеніи къ дворовымъ людямъ. Эта мысль, соотвѣтствовавшая и убѣжденію большинства, была, однакоже, отклонена въ виду положительно изъявленной высочайшей воли. Другимъ мнѣніемъ, графа Киселева, предлагалось учредить по городамъ цехъ слугъ, какъ притонъ для класса вольноотпущенныхъ, съ присоединеніемъ къ тому же классу, не теперь, а когда-нибудь впослѣдствіи, и тѣхъ дворовыхъ людей, которые остаются еще въ крѣпостной зависимости. Комитетъ принялъ часть этой мысли. Наконецъ, третье мнѣніе, князя Васильчикова, заключалось въ томъ, чтобы принять цифры дворовыхъ людей по послѣдней народной переписи нормою, далѣе которой не можетъ уже быть увеличиваемо число дворовыхъ людей и, сверхъ того, употребленіе впредь крестьянъ въ личную помѣщичью прислугу ограничить извѣстными условіями и правилами. Это мнѣніе было принято вполнѣ. Образовавшееся изъ всѣхъ сихъ разсужденій и частныхъ мнѣній общее заключеніе комитета состояло, кратко, въ слѣдующемъ. При сохраненіи нынѣшней системы крѣпостнаго права, два только способа представляются къ уменьшенію числа дворовыхъ людей: во-первыхъ, облегчить и побудить, всѣми зависящими отъ правительства средствами, переходъ ихъ въ другія состоянія и къ другому роду жизни, и во-вторыхъ, пресѣчь новыя перечисленія изъ крестьянъ въ дворовые, сколько то совмѣстно съ огражденіемъ правъ и власти владѣльцевъ. Въ отношеніи къ первому предмету полезно будетъ: 1) дозволить, при увольненіи двороваго человѣка на волю, постановлять въ отпускной условія не только о единовременномъ или срочномъ платежѣ извѣстной капитальной суммы, но и объ опредѣленіи, взаимнѣ того, или срочнаго оброка, или личной, также на срокъ, службы прежнему владѣльцу, 2) помѣщика, при отпускѣ имъ двороваго своего человѣка, обязывать къ платежу за него податей не до новой ревизіи, а только на одинъ годъ, въ продолженіе котораго этотъ человѣкъ обязанъ избрать себѣ родъ жизни, и 3) вольноотпущенныхъ, по припискѣ ихъ къ другому состоянію, увольнять отъ всякихъ податей на три года, а отъ рекрутства—до новой ревизіи. Въ отношеніи ко второму предмету достаточно будетъ постановить, или, лучше сказать, вывести изъ смысла существующихъ уже постановленій: 1) что въ числѣ дворовыхъ людей имѣютъ на будущее время оставаться только тѣ, которые самими владѣльцами показаны въ этомъ разрядѣ при послѣдней народной переписи; 2) что

если помѣщикъ пожелаетъ впредь употребить въ личную свою прислугу кого-либо изъ крестьянъ, то сіе можетъ быть дѣлаемо не иначе, какъ брать на брата, т. е. такимъ образомъ, чтобы одно тягло изъ семейства, изъ котораго крестьянинъ берется, было освобождено отъ всякихъ на владѣльца работъ и оброка и чтобы его участокъ оставался въ его семьѣ. вмѣстѣ съ симъ и въ видѣ введенія къ упомянутымъ мѣрамъ, необходимо: 1) учредить во всѣхъ городахъ особый цехъ слугъ и 2) предоставить приписываться къ сему цеху, сверхъ отпущенныхъ на волю вполнѣ или условно, и тѣмъ дворовымъ людямъ, которые будутъ отпускаемы изъ оброка, для приписыванія себѣ мѣстъ въ услуженіи. Всѣ сіи мѣры должно ввести въ дѣйствіе не вдругъ, а постепенно, и именно начать съ учрежденія цеха слугъ, потомъ издать указъ о новыхъ правилахъ для обращенія крестьянъ въ личную прислугу владѣльцевъ и наконецъ заключить другимъ указомъ, касательно льготъ при отпущеніи дворовыхъ людей на волю. Но какъ устройство цеха слугъ требовало еще ближайшаго соображенія подробностей, то комитетъ полагалъ предметъ сей предоставить министру внутреннихъ дѣлъ соединить съ приводившимся уже тогда къ окончанію проектомъ новаго образованія столичныхъ Думъ и цеховъ вообще и внести все сіе вмѣстѣ въ Государственный Совѣтъ, проекты же упомянутыхъ выше двухъ указовъ (составленные въ самомъ комитетѣ), если они удостоятся предварительнаго высочайшаго одобренія, обратиться къ тому же министру, для поднесенія въ свое время къ высочайшему подписанію, также черезъ Государственный Совѣтъ. Симъ окончились занятія особаго комитета. Государь, въ мартѣ 1840 года, утвердилъ его предположенія, и они тогда же были переданы къ исполненію въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Но этому дѣлу предлежало опять возобновиться и придти къ дальнѣйшему своему совершенію гораздо уже позже, и именно въ 1844 году. Подробности, тогда его сопровождавшія, описаны въ сочиненіи моемъ: «Императоръ Николай въ совѣщательныхъ собраніяхъ»¹⁾.

Съ начала 1840 года здоровье министра финансовъ графа Канкринна все болѣе и болѣе разстраивалось. Государь почасту утѣшалъ и ободрялъ заслуженнаго старца своими посѣщеніями и непремѣнно требовалъ, чтобы онъ, съ наступленіемъ благопріятнѣйшаго времени года, ѣхалъ за границу на воды. Канкринъ какъ-то заикнулся при этомъ объ отставкѣ.

— Ты знаешь, — отвѣчалъ государь, — что насъ двое, которые не можемъ оставить своихъ постовъ, пока живы: ты да я.

Между тѣмъ государственная роспись на 1840 годъ сведена была

¹⁾ См. „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго общества“, томъ 98.

лишь при крайнихъ усиліяхъ; дефицитъ, простиравшійся до 21¹/₂ мил. руб.; необходимость для покрытія его въ займѣ внѣшнемъ или внутреннемъ; повсемѣстный недостатокъ въ размѣнной монетѣ и затруднительное положеніе кредитныхъ установленій сильно озабочивали нашихъ государственныхъ людей и, между ними, преимущественно князя Васильчикова. Въ безпрестанномъ волненіи своего патріотическаго и преданнаго царю сердца, не находя покоя ни днемъ, ни ночью, онъ, послѣ долгихъ колебаній, рѣшился, наконецъ, подать государю записку о жалкомъ положеніи нашихъ финансовъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, говорилъ онъ, очистить свою совѣсть. Въ этой запискѣ было изъясняемо, что министерство финансовъ вмѣсто того, чтобы изыскивать новые источники доходовъ и разрабатывать прежніе, для уравниванія ихъ съ расходами, обращалось всегда къ мѣрѣ, простой въ исполненіи, но опасной въ послѣдствіяхъ, и именно къ покрытію дефицитовъ долгами; что сперва возросли до огромной цифры займы заграничныя, потомъ исчерпана значительная часть капиталовъ банковыхъ установленій и, наконецъ, при истощеніи и этого пособія, ухватились за выпускъ векселей, или билетовъ государственнаго казначейства; что такимъ образомъ система добраго финансоваго хозяйства замѣнилась однимъ заклеиваніемъ щелей и въ то время, какъ количество однихъ только процентовъ, ежегодно уплачиваемыхъ казною, возросло до 88 мил. руб., массѣ билетовъ казначейства, съ каждымъ годомъ увеличивающейся, не полагается никакихъ средствъ къ своевременному ихъ выкупу; что отдѣльное разрѣшеніе важныхъ финансовыхъ вопросовъ и мѣрѣ столько же вредно, сколько и поспѣшность, съ которою до сихъ поръ Государственный Совѣтъ всегда принужденъ былъ разсматривать годичный бюджетъ; наконецъ, что необходимо обратить на всѣ эти предметы ближайшее вниманіе, особенно же теперь, когда болѣзнь графа Канкрива не дозволяетъ надѣяться надолго сохранить его для государства, а между тѣмъ къ замѣненію его не имѣется въ виду никакого опытнаго и искусившагося въ финансовомъ дѣлѣ. Считаая, вслѣдствіе того, настоятельно нужнымъ приступить къ соображенію, какимъ образомъ устроить управленіе финансовъ имперіи на случай усугубленія болѣзненнаго состоянія графа Канкрива, или его отъѣзда въ чужіе края, Васильчиковъ предлагалъ составить, изъ большаго числа членовъ по высочайшему избранію, особый секретный комитетъ, которому: во-первыхъ, опредѣлить, какія именно части министерства финансовъ должны и впредь оставаться въ его составѣ и какія, напротивъ, удобнѣе было бы отдѣлить къ другимъ вѣдомствамъ; во-вторыхъ, обсудить, не полезнѣ ли существующій финансовый комитетъ замѣнить особымъ, независимымъ отъ министра, финансовымъ совѣтомъ, какъ для составленія общаго плана устройства этой части, такъ и для предварительнаго обсуживанія бюджетовъ, отчетовъ и всѣхъ во-

обще важнѣйшихъ финансовыхъ вопросовъ и мѣръ, и въ-третьихъ, при представленіи его величеству своихъ о семъ предположеній, присовокупить и мнѣніе о тѣхъ лицахъ, которыхъ можно и полезно было бы назначить членами новаго финансоваго совѣта. Государь долго не рѣшался принять эту мысль, изъ уваженія къ Канкрину, и убѣдился, наконецъ, только тѣмъ, что разсужденія и соображенія предположеннаго Васильчиковымъ предварительнаго комитета останутся совершенною тайною и для самого Канкринна, и для всей публики, пока въ физическомъ положеніи министра не послѣдуетъ такой перемѣны, которая неизбѣжно заставила бы ихъ огласить. Вслѣдствіе того, государь надписалъ на запискѣ князя: «Составить секретный комитетъ, подъ вашимъ предсѣдательствомъ, изъ графа Чернышева, графа Нессельрода, князя Меншикова, графа Левашова и графа Киселева, не приобщая къ нему, для производства дѣлъ никого, кромѣ барона Корфа».

Чтобы имѣть какое-нибудь основаніе или исходную точку для дальнѣйшихъ сужденій этого комитета, мною приготовлены были: историческій взглядъ на финансовое наше управленіе, сравнительное обозрѣніе организациі сей части въ Англіи, Франціи, Пруссіи и Австріи, и сводъ разныхъ сужденій по тому же предмету, происходившихъ въ знаменитомъ нѣкогда комитетѣ 6-го декабря 1826 года. Потомъ нашъ комитетъ имѣлъ нѣсколько продолжительныхъ засѣданій, которыя происходили у князя Васильчикова на дому, по вечерамъ, въ глубокой тайнѣ до такой степени, что велѣно было каретамъ нашимъ становиться на дворѣ, а постороннимъ, которые пріѣхали бы въ это время къ князю, сказывать, что его нѣтъ дома. Написано было нѣсколько обширныхъ журналовъ и проектовъ, въ томъ числѣ и проектъ инструкціи для временнаго управленія финансовою частію на случай отсутствія графа Канкринна. Между тѣмъ, послѣдній видимо сталъ поправляться въ здоровьи, а государь, при рыцарскомъ его духѣ и возвышенномъ образѣ чувствъ, продолжалъ какъ бы совѣститься, что все это сочиняется тайкомъ отъ его министра, о чемъ неоднократно говорилъ и Васильчикову, и другимъ. Словомъ, когда пришлось подписывать составленныя, по заключеніямъ комитета, бумаги, члены вскорѣ убѣдились, что многіе предметы, легко высказываемые въ секретномъ совѣщаніи, трудно и страшно повторять на бумагѣ и укрѣплять своею подписью. Какъ выдти изъ этого положенія, не оставивъ, однако, безъ исполненія высочайшей воли, въ силу которой комитетъ былъ учрежденъ? Графъ Киселевъ, самъ возбудившій этотъ вопросъ, самъ же, въ ловкомъ умѣ своемъ, тотчасъ нашелъ и предложилъ средство къ его развязкѣ.

— Соображенія наши,—говорилъ онъ,—начались во время опасной болѣзни графа Канкринна, а теперь ему гораздо лучше, и быть можетъ, что онъ и долго еще проживетъ и никуда не поѣдетъ; тогда все, что

предположено нами на случай его отсутствія, останется втунѣ. И такъ, составимъ журналъ за общимъ подписаніемъ о томъ только предметѣ, который независимъ отъ болѣзни министра и можетъ быть приведенъ въ исполненіе во всякое время, именно о лучшемъ образованіи финансоваго комитета, а все прочее вы, князь Иларіонъ Васильевичъ, поднесете государю въ видѣ частныхъ, никѣмъ не подписанныхъ записокъ, изъ которыхъ можно будетъ сдѣлать употребленіе въ свое время, если оно когда наступитъ и если государь уважитъ наши предположенія.

Прочіе члены очень обрадовались такому исходу, и бумаги, на семь основаній составленныя, князь Васильчиковъ отвезъ къ государю, который оставилъ ихъ у себя. Пока такимъ образомъ комитетъ размышлялъ сперва о цѣломъ преобразованіи нашей финансовой системы, потомъ только уже о временномъ распорядкѣ на случай отсутствія министра и, наконецъ, единственно лишь о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ устройствѣ финансоваго комитета, дѣло приняло совсѣмъ другое направленіе. Государь и прежде требовалъ, и теперь еще сильнѣе настаивалъ, чтобы министръ финансовъ выбралъ себѣ товарища, который могъ бы заступитъ его во время отсутствія. Канкринъ предложилъ особаго рода комбинацію, именно: чтобы, по отъѣздѣ его за границу, управленіе финансами ввѣрить совокупно двумъ старожиламъ его министерства: директору кредитной части Вронченко и директору общей канцеляріи Дружинину. Когда жъ государь съ неудовольствіемъ отвергъ мысль такого двойственнаго управленія, какъ совершенно новую и казавшуюся ему нелѣпою, то Канкринъ послалъ письмо, въ которомъ довольно прямо высказалъ, что, при такомъ къ нему недоувѣрїи и при той всегдашней оппозиціи, которую представленія его встрѣчаютъ со стороны Государственнаго Совѣта, ему лучше бы, можетъ быть, совсѣмъ оставить свое мѣсто. Письмо это не произвело, однако, того дѣйствія, котораго онъ, вѣроятно, ожидалъ. Государь отвѣтилъ уклончиво, нѣжно, но въ то же время съ обыкновенною своею энергіею вновь потребовалъ отъ министра непремѣннаго и немедленнаго исполненія его воли, т. е. выбора себѣ товарища. Канкринъ, отъ котораго я самъ прежде не разъ слыхивалъ, что если ему дадутъ товарища, то онъ и двадцати-четырехъ часовъ не останется министромъ, долженъ былъ покориться. Онъ предложилъ на постъ товарища двухъ кандидатовъ: упомянутаго выше Вронченко и бывшаго въ то время посланникомъ нашимъ при прусскомъ дворѣ барона Мейендорфа. Едва это предложеніе сдѣлалось извѣстнымъ Васильчикову, какъ онъ возсталъ противъ Вронченко всѣми силами, и тотчасъ, при мнѣ же, написалъ государю письмо, въ которомъ, въ весьма сильныхъ выраженіяхъ, говорилъ, что если Вронченко имѣетъ за себя опытность и неукоризненную честность правилъ, то, въ замѣнъ, онъ не пользуется никакимъ довѣріемъ и уваженіемъ въ публикѣ, есть больше

чиновникъ въ смыслѣ подъячаго, чѣмъ человекъ способный къ государственному дѣлу и, при извѣстной распутности своего поведенія, совершенно уронилъ бы важный санъ товарища. Государь отвѣчалъ, что жалѣеть о позднемъ полученіи этого предостереженія, потому что выборъ его изъ двухъ представленныхъ министромъ кандидатовъ остановился именно на Вронченко и о немъ уже подписанъ указъ. Когда Канкринъ съ своей стороны объявилъ Вронченко о новомъ его званіи, то сей послѣдній также написалъ государю, что никогда не готовилъ себя къ такому посту; что, напротивъ, по старости и слабому здоровью, хотѣлъ даже просить о пристроеніи его къ болѣе спокойному мѣсту, чѣмъ то, которое онъ занималъ, и, что, по всему этому, ходатайствуетъ объ отгнѣнн сего назначенія. Но и это письмо осталось безъ послѣдствій. вмѣсто того объявлено было высочайшее повелѣніе, чтобы въ случаѣ, когда министръ финансовъ не можетъ лично присутствовать, мѣсто его заступалъ товарищъ въ Комитетѣ Министровъ по всѣмъ дѣламъ, а въ Государственномъ Совѣтѣ по дѣламъ его вѣдомства. Такъ какъ послѣ всего этого министерство финансовъ воспріяло опять обыкновенный свой ходъ, то предположенія нашего секретнаго комитета сами собою рушились: имъ никогда и послѣ не было дано дальнѣйшаго движенія, а Вронченко въ то же лѣто, по случаю отъѣзда графа Канкринъ за границу, вступилъ временно въ управленіе министерствомъ.

Первая инструкція товарищамъ министровъ дана была въ общемъ учрежденіи министерствъ 1811 года, и тогда цѣль назначенія ихъ состояла единственно въ томъ, чтобы управлять министерствомъ въ отсутствіе или во время болѣзни министра, при личномъ управленіи котораго они были совершенно безгласны и могли дѣйствовать только по его порученіямъ и уполномочіямъ. Но при вступленіи на престолъ императора Николая, когда личный составъ министерствъ найденъ былъ въ самомъ жалкомъ положеніи и во всѣхъ министерскихъ постахъ состояли отживавшіе свой вѣкъ старцы, оказалось необходимымъ, изъ личныхъ собственно уваженій, усилить власть и значеніе товарищей. Въ должность эту были опредѣлены выступавшіе тогда на высшее административное поприще: къ министру внутреннихъ дѣлъ Дашковъ, къ министру народнаго просвѣщенія Блудовъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ изданы (30-го декабря 1826 года) дополнителныя о должности товарищей правила, которыми было уже постановлено въ ихъ обязанность облегчать министра въ его занятіяхъ и споспѣшествовать безостановочному ходу дѣлъ. При такомъ новомъ кругѣ дѣйствія, товарищи получили и нѣкоторую отдѣльную самостоятельность, свой особый голосъ, право совѣщаній и даже, въ нѣкоторой степени, право протеста противъ своихъ министровъ. Съ теченіемъ времени упомянутыя личныя уваженія миновались: бывшіе товарищи давно сами стали министрами; ими были довольны и не

предстояло необходимости ихъ смѣнять; наконецъ вообще оставался на лицо всею одинъ только товарищъ, и именно при военномъ министрѣ. Вдругъ государь разсудилъ воскресить снова это, почти умершее, установленіе и, настоявъ сперва, чтобы выбралъ себѣ товарища министръ финансовъ, въ томъ же 1840 году приказалъ послѣдовать его примѣру и прочимъ министрамъ, въ особенности же потребовалъ сего отъ министра государственныхъ имуществъ графа Киселева, предполагавшаго ѣхать дѣломъ въ Карлсбадъ. Киселевъ отвѣчалъ, что готовъ исполнить высочайшую волю, если сперва пересмотрѣны и исправлены будутъ правила о товарищахъ, совершенно связывающія руки министрамъ. Государь на сіе соизволилъ и, для предположеннаго пересмотра Положенія о товарищахъ министровъ, приказалъ составить особый комитетъ изъ всѣхъ министровъ, подъ предсѣдательствомъ князя Васильчикова, назначивъ меня для производства дѣлъ. Комитетъ, принявъ въ соображеніе, что прежнія обстоятельства измѣнились и что нынѣ государь не даетъ уже министрамъ товарищей, а предоставляетъ каждому изъ нихъ избрать самому себѣ такого, призналъ полезнымъ и для избѣжанія всякихъ столкновеній и пререканій власти, даже и необходимымъ возвратиться къ правиламъ 1811 года. Противнаго сему мнѣнія былъ одинъ только министръ юстиціи графъ Панинъ, утверждавшій, что въ такомъ случаѣ товарищъ будетъ лицомъ бесполезнымъ и излишнимъ; но противъ этого мнѣнія, хотя сначала поддерживалъ его нѣсколько графъ Блудовъ, писавшій правила 1826 года, всѣ прочіе министры сильно возстали, говоря, что если надъ ними поставленъ будетъ, въ лицѣ товарища, контролеръ, то никто не захочетъ оставаться министромъ и всякій предпочтетъ опуститься опять въ товарищи, званіе, въ которомъ, пользуясь правами, властію и почетомъ, будетъ свободенъ отъ всякой отвѣтственности. Графъ Панинъ къ слѣдующему засѣданію представилъ свое мнѣніе письменно, но и тутъ не могъ никого убѣдить. Государь, противъ своего обыкновенія, продержалъ у себя окончательный журналъ цѣлую недѣлю. Онъ долго колебался между общимъ заключеніемъ комитета и особымъ мнѣніемъ Панина; но наконецъ утвердилъ первое; вслѣдствіе чего изданы были новыя о товарищахъ правила 9-го апрѣля 1840 года.

Однажды, въ концѣ великаго поста 1840 года, государь обѣдалъ вдвоемъ съ министромъ государственныхъ имуществъ графомъ Киселевымъ. Зашла рѣчь о князѣ Васильчиковѣ и о томъ, что въ тамбовскомъ его имѣніи пало нѣсколько тысячъ барановъ.

— Но вы не знаете, государь, прибавилъ Киселевъ — что въ прошломъ году у него пропалъ и не такой еще баранъ.

— Какъ такъ?

Тутъ Киселевъ разсказалъ, что ужъ годъ, какъ у князя окончился

срокъ двухъ арендъ, приносившихъ ему, вмѣстѣ, 5.000 руб. серебромъ годоваго дохода, и что онъ грозилъ ему, Киселеву, разрывомъ дружбы, если бы тотъ осмѣлился когда-нибудь упомянуть объ этомъ государю.

— *Comme je reconnaiss là mon Wassiltchikoff!*—отвѣчалъ государь: однако, надо положить этому конецъ и дать ему гораздо болѣе прежняго—то, что слѣдуетъ по теперешнему его званію.

И вслѣдствіе того велѣно было приготовить указъ о пожалованіи Васильчикову аренды въ 12.000 руб. серебромъ на 24 года. Киселевъ, получивъ это приказаніе, поспѣшилъ обрадовать князя доброю вѣстію; но старикъ разсердился не на шутку и объявилъ Киселеву, что напрямикъ отказывается отъ милости, которая только свяжетъ ему руки, когда онъ давно уже думаетъ оставить службу, или по крайней мѣрѣ сложить настоящее званіе. Онъ написалъ ему даже въ такомъ смыслѣ письмо, прислалъ сына для личнаго объясненія и, когда все это не подѣйствовало, потому что Киселевъ, считая себя тутъ только исполнителемъ высочайшей воли, отказался отъ всякаго дальнѣйшаго вмѣшательства, то самъ поѣхалъ къ государю и, представя, что состояніе его довольно обезпечено, объяснилъ, что не можетъ принять назначенной милости, тѣмъ болѣе, что самъ неоднократно докладывалъ о затруднительномъ положеніи нашихъ финансовъ и говорилъ о томъ гласно, въ разныхъ комитетахъ. Такой аргументъ не убѣдилъ, однакоже, государя и даже ему не понравился. Утверждая, что не понимаетъ, откуда князя преслѣдуетъ вѣчная мысль о затруднительномъ положеніи нашихъ финансовъ и что, впрочемъ, судить объ этомъ дѣло не другихъ, а его, онъ настоялъ на своемъ и—указъ былъ подписанъ въ день Пасхи.

Къ высшему нашему обществу принадлежали три брата Пашковы, сыновья роднаго дяди княгини Васильчиковой. Старшій изъ нихъ, Андрей, умный, даровитый, тогда прекрасный музыкантъ, а впослѣдствіи стяжавшій себѣ большую извѣстность своими магнетическими лѣченіями, ославилъ себя, вмѣстѣ, большою склонностію къ ябедѣ и разными дѣйствіями, малосвойственными благородному человѣку. Служивъ до генеральскаго чина въ лейбъ-гусарахъ, а потомъ бывъ назначенъ въ егермейстерскую должность ко двору, онъ здѣсь вскорѣ поссорился съ тогдашнимъ оберъ-егермейстеромъ Нарышкинымъ, подалъ на него донось, который не оправдался, и принужденъ былъ оставить службу. Два другіе его брата, отставные коллежскій совѣтникъ Николай и штабсъ-ротмистръ Сергѣй, издавна жили въ Москвѣ, гдѣ прежде вели большую игру и были замѣшаны въ разные неприятныя исторіи. Андрей имѣлъ множество сомнительныхъ процессовъ, и ни личныя связи, ни родство его жены, дочери очень приближеннаго къ императору Николаю графа Модена, не могли способствовать ему къ выигрышу этихъ процессовъ,

какъ равно не были въ состояніи поддержать его въ общемъ мнѣніи, въ которомъ онъ глубоко упалъ.

Вънцомъ всѣхъ этихъ нечистыхъ дѣлъ была многолѣтняя тяжба между братьями о раздѣлѣ наслѣдственнаго послѣ отца имѣнія. Съ одной стороны Андрей, съ другой стороны Николай и Сергѣй взаимно выставляли себя, съ крайнимъ ожесточеніемъ, въ самыхъ черныхъ краскахъ. Сперва предложенъ имъ былъ мировой разборъ, который, однако, ничѣмъ не кончился; потомъ они приступили было къ фамиліальной сдѣлкѣ, но Андрей, добровольно на нее согласившійся, потомъ отказался ее признать, подѣ предлогомъ, что она — написана на гербовой бумагѣ ниже узаконеннаго достоинства! Впослѣдствіи и мать, жившая въ Москвѣ съ обоими младшими сыновьями, принесла государю письменно самыя жестокия жалобы на Андрея. Наконецъ, послѣ ея смерти, взаимная ненависть братьевъ дошла до крайнихъ предѣловъ, и не только всѣ присутственныя мѣста, но и самъ государь, многократно обременяемы были обоюдными ихъ притязаніями и совсѣмъ не родственными ругательствами. Въ 1840 году дѣло объ ихъ раздѣлѣ вторично достигло до Государственнаго Совѣта, который, вида, что всѣ способы примиренія уже истощены, заключилъ прибѣгнуть къ строгимъ судебнымъ мѣрамъ, именно обратилъ дѣло къ разбору съ нижней инстанціи, а спорное имѣніе взять въ опеку, устранивъ отъ его управленія всѣхъ трехъ братьевъ. Меморія объ этомъ возвратилась, въ свое время, съ слѣдующею грозною резолюціею, служившею новымъ доказательствомъ, сколько императоръ Николай чтилъ святость и неприкосновенность семейныхъ отношеній: «справедливо; но при семъ нужнымъ считаю велѣть объявить братьямъ Пашковымъ, что мнѣ весьма прискорбно видѣть рѣдкій примѣръ раздора семейнаго въ такомъ званіи, которое должно бы служить образцомъ всѣхъ доблестей. Сіе касается въ особенности до Андрея Пашкова; ему не должно забыть, что на немъ лежитъ неизглаженное пятно¹⁾: жалобы ко мнѣ его матери на неслыханные его поступки. Послѣ того я не считаю приличнымъ, чтобъ онъ всюду показывался въ благородномъ обществѣ, доколѣ ясно не докажетъ свою совершенную невинность». Меморія съ этою резолюціею пришла ко мнѣ во время засѣданія Государственнаго Совѣта и хотя заключеніе послѣдняго, давшее къ ней поводъ, состоялось подѣ предсѣдательствомъ не князя Васильчикова, устранившаго себя отъ обсужденія дѣла Пашковыхъ за родствомъ, а князя Голицына; однако я тотчасъ вызвалъ перваго изъ собранія, для прочтенія ему вышечисаннаго. Князя, хотя онъ и презиралъ Андрея Пашкова не менѣе, чѣмъ другіе,

¹⁾ Подчеркнутое здѣсь было подчеркнуто и въ собственноручной резолюціи.

чрезвычайно встревожили какъ содержаніе резолюціи, такъ и ея форма, и въ немъ родилась мысль ѣхать къ государю съ просьбою о ея отміненіи, что мнѣ удалось отклонить лишь съ большимъ трудомъ, главнѣйше тѣмъ доводомъ, что, при близкомъ его свойствѣ съ Пашковымъ, всякое возраженіе могло бы быть принято въ видѣ родственнаго ходатайства. Но тутъ предсталъ другой вопросъ: черезъ кого и въ какомъ порядкѣ объявить эту высочайшую волю Пашковымъ, и въ особенности Андрею, ибо должно было опасаться, что, если сдѣлать сіе, въ обыкновенномъ порядкѣ, черезъ Сенатъ, то онъ, по своимъ формамъ, напечатаетъ все въ общее свѣдѣніе, а это, можетъ быть, превзошло бы уже высочайшія намѣренія. Съ этимъ вопросомъ Васильчиковъ поѣхалъ къ государю послѣ засѣданія и получилъ повелѣніе: резолюцію всю прочесть непременно, въ первомъ собраніи Совѣта, въ общее услышаніе, и затѣмъ объявить ее Пашковымъ лично у себя, не публикуя черезъ Сенатъ, только изъ уваженія къ дворянскому сословію.

Въ бытность мою еще государственнымъ секретаремъ, осенью 1840-го года, я, по возвращеніи изъ заграничнаго отпуска, представлялся императору Николаю въ Царскомъ Селѣ. Во время этой аудіенціи, онъ замѣтилъ, между прочимъ, что составъ Государственнаго Совѣта очень одряхлѣлъ.

— Васильчиковъ—продолжалъ онъ—тоже все отъ меня оттягивается; но я настоятельно писалъ ему, чтобы онъ воротился (Васильчиковъ былъ тогда въ отпуску въ деревнѣ). Мнѣ рѣшительно не кѣмъ замѣстить его: князь Александръ Николаевичъ (Голицынъ), при всѣхъ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, никогда не былъ способенъ къ этой должности, а теперь еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь опустился.

При исчисленіи членовъ Совѣта, уѣхавшихъ (на лѣтнее время) и воротившихся, когда рѣчь коснулась князя Любецкаго, государь сказалъ:

— Этого я страшно боюсь; особенно теперь, въ отсутствіе Егора Францовича (Канкринъ), онъ совсѣмъ насъ загоняетъ!

Много также было говорено о подробностяхъ и послѣдствіяхъ моей поѣздки, а отъ этого рѣчь перешла къ общему взгляду на Европу:

— Скучно, государь—сказалъ я—за границую: меня измучила тоска по отчизнѣ, и я воротился мѣсяцемъ прежде срока отпуска.

— Это—отвѣчалъ онъ—обыкновенный результатъ того, когда выѣзжаютъ за границу люди нашихъ лѣтъ и нашихъ понятій; посмотришь, поразсудишь и убѣдишься, что если тамъ что и лучше, то у насъ оно выкупается другимъ словомъ: что наше несовершенство во многомъ лучше ихъ совершенства. Вообще, если мы и можемъ поучиться у иностранцевъ чему-нибудь въ жизни внѣшней, то, конечно, уже не во внутренней,—я разумѣю семью, домъ, «home», какъ гово-

рять англичане, а тутъ неволю и потянетъ домой. Но молодежь можетъ думать и смотрѣть на вещи иначе, увлекаясь наружностію и живя тамъ болѣе на распахку. Много ли ты встрѣчалъ въ чужихъ краяхъ нашей молодежи?

— Чрезвычайно мало, государь, почти никого.

— Все еще слишкомъ много. И чему имъ тамъ учиться? Не говорю уже о Франціи: этотъ край внѣ всякихъ правилъ, потому что тамъ, по моему понятію, все еще продолжается революція 1789-го года. Но посмотри и на Англію: въ Лондонѣ выбираютъ теперь въ лордъ-меры человѣка, не только оглашеннаго своимъ строптивнымъ и безпокойнымъ нравомъ, не только отъявленнаго врага всякаго законнаго порядка, но и публично издѣвавшагося надъ всѣмъ, что должно быть священнымъ въ глазахъ порядочныхъ людей, называвшаго даже письменно свою королеву «восковою куклою». На Рейнѣ я не былъ 18 лѣтъ и долженъ сказать, по правдѣ, что теперь нашелъ тамъ перемѣну къ лучшему; по крайней мѣрѣ мѣсто мнимолиберальныхъ идей заступила у нихъ осторожная выжидательность, но и это не отъ убѣжденія, или чувства, а просто отъ страха, возбужденнаго въ нихъ примѣромъ. Они были ежедневными свидѣтелями тѣхъ бѣдствій, которыя накликала на себя Франція подъ вліяніемъ тамошняго безразсуднаго направленія умовъ и— въ-время остановились. Остается Австрія; но объ этой для меня задача даже то, какъ она можетъ идти и какъ совсѣмъ еще не развалилась! Монархъ безгласный; совѣтъ управленія, въ которомъ всѣ члены отъ сердца другъ друга ненавидятъ и готовы бы одинъ другаго разорвать, а во главѣ этого совѣта—эрцгерцогъ Людвикъ, человѣкъ можетъ быть умный и знающій, но безъ всякаго характера, безъ всякой воли—суцная баба. Къ тому же если и нѣтъ въ Австріи класса настоящихъ адвокатовъ, людей, по моему понятію, самыхъ вредныхъ и опасныхъ, то есть сильная бюрократія, которая минируетъ государство и ставитъ умы въ вѣчную борьбу съ правительствомъ.

Былъ также вопросъ, много ли мнѣ попадалось за границею поляковъ? Я отвѣчалъ, что изъ лицъ примѣчательныхъ видѣлъ только въ Краковѣ, на улицѣ, Хлопицкаго.

— Да—отвѣчалъ государь—я знаю, что онъ живетъ тамъ въ болышомъ уединеніи и одиночествѣ;—но болѣе о немъ не распространялся.

Императрица въ 1840-мъ году проводила лѣто на Эмскихъ водахъ, куда ѣздилъ, для свиданія съ нею, и государь. Въ послѣднее время передъ его отъѣздомъ было много важныхъ дѣлъ по существовавшему въ то время особому комитету западныхъ губерній и, между ними одно, самое важное: о распространеніи на эти губерніи общихъ русскихъ законовъ, съ отиѣною дѣйствія Литовскаго статута и конституцій и со введеніемъ, въ производствѣ дѣлъ, повсемѣстно русскаго языка и рус-

скихъ формъ. Эта мысль, родившаяся первоначально отъ кievскаго генералъ-губернатора Бибикова, была схвачена и сильно поддержана государемъ, который собралъ даже комитетъ, по этому случаю, подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ. Князь Васильчиковъ, при обыкновенномъ горячемъ стремленіи къ благу Россіи въ томъ смыслѣ, какъ онъ его понималъ, съ своей стороны сильно сопротивлялся введенію этой мѣры, считая ее, во всѣхъ отношеніяхъ, скорѣе вредною, нежели полезною, особенно же потому, что ею должно было неизбежно еще болѣе возбудиться непріязненное противъ насъ расположеніе умовъ въ западныхъ губерніяхъ. Преданный государю и Россіи всеми чувствами и помыслами, прямодушный, правдивый, настоящій рыцарь безъ страха и безъ упрека, онъ часто говаривалъ мнѣ, что идетъ всегда отъ того начала, что государь разсердится, покосится и—пройдетъ, но при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ государь поставилъ къ себѣ его, Васильчикова, противно было бы его совѣсти, изъ видовъ сохраненія царской милости, жертвовать истинными выгодами Россіи. Слѣдуя тому же правилу и въ настоящемъ случаѣ, онъ простеръ свое сопротивленіе до самой крайней степени, и указъ 25-го іюня, распространившій на западныя губерніи русскіе законы и русскій языкъ, былъ подписанъ при явной оппозиціи нашего предсѣдателя, послѣ разныхъ непріятныхъ объясненій и сценъ. Но и доблестный князь имѣлъ своихъ враговъ. Кромѣ слышаннаго лично отъ него самого, государю перенесено было и то, что онъ говорилъ и дѣлалъ въ комитетѣ, а все это въ совокупности не могло не возродить нѣкотораго огорченія, такъ что, когда въ это время пріѣхалъ сюда князь Варшавскій, то государь прямо жаловался ему на противодѣйствіе комитета его видамъ. Вскорѣ послѣ того, государь уѣхалъ, подъ этими впечатлѣніями, въ чужіе края. Въ слѣдъ за его отъѣздомъ, начали доходить въ Петербургъ самыя непріятныя вѣсти изъ внутри Россіи. Плодороднѣйшія наши губерніи были поражены гибельнымъ, повсемѣстнымъ неурожаемъ, и печальное впечатлѣніе, произведенное симъ бѣдствіемъ, выражалось тѣмъ сильнѣе, что государь находился внѣ имперіи, слѣдственно, при несуществованіи въ то время телеграфовъ, рука помощи была далека. Васильчиковъ, видя необходимость въ немедленномъ принятіи хотя нѣкоторыхъ предварительныхъ мѣръ; почитая себя обязаннымъ къ тому по самому своему званію предсѣдателя двухъ верховныхъ установленій въ имперіи: Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ; наконецъ, разсчитывая, сколько прошло бы драгоценнаго, при такихъ обстоятельствахъ, времени, если бъ писать за границу и ждать оттуда отвѣта, рѣшился составить у себя чрезвычайное совѣщаніе изъ министровъ. Тутъ были положены на мѣру нѣкоторыя, нетерпѣвнѣйшія отлагательства распоряженія и, по приведеніи ихъ тотчасъ въ дѣйствіе, Васильчиковъ донесъ о всемъ томъ государю, съ изъясне-

ніемъ и причинъ, побудившихъ его къ такой рѣшительности. Въ этомъ, очевидно, сдѣланы были двѣ ошибки. Одна заключалась въ самой сей рѣшительности, которая, безъ особаго уполномочія, при всей чистотѣ побужденій, не могла быть угодна государю. Другая состояла въ томъ, что къ министерскому совѣщанію не былъ призванъ управлявшій въ то время, за отсутствіемъ Канкринна, министерствомъ финансовъ Вронченко, — тотъ самый, противъ назначенія котораго товарищемъ министра Васильчиковъ незадолго передъ тѣмъ такъ сильно протестовалъ. Первая ошибка могла показаться государю притязаніемъ непризванно устанавливать, въ его отсутствіе, нѣчто въ родѣ временнаго правительства; вторая должна была утвердить его въ мысли объ упорной оппозиціи, устранившей избраннаго имъ министра отъ составленнаго Васильчиковымъ совѣщанія только потому, что онъ не нравился сему послѣднему. Какъ бы то ни было, но донесеніе долго не возвращалось, гораздо долѣе, чѣмъ слѣдовало при обыкновенномъ движеніи заграничныхъ сношеній съ государемъ. Наконецъ самъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и тогда только бумага была выслана обратно къ Васильчикову, съ сухою надписью, изъявлявшею единственно удивленіе, что въ сказанное совѣщаніе князь не пригласилъ Вронченко. Затѣмъ, не далѣе какъ на другой день, созваны были въ Царское Село всѣ министры, кромѣ Васильчикова, и тутъ же послѣдовало повелѣніе, изъявъ дѣла о продовольствіи постигнутыхъ неурожаемъ губерній изъ вѣдѣнія Комитета Министровъ, учредить для нихъ особый временный комитетъ, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра Чернышева. Такимъ образомъ, не только предварительныя распоряженія не получили прямого утвержденія; не только созывъ Васильчиковымъ министерскаго совѣщанія остался безъ одобренія; но и самъ онъ поставленъ былъ на будущее время внѣ всякаго дальнѣйшаго участія и вліянія по этому важному предмету, съ порученіемъ дѣла, мимо него, руководству и надзору другаго лица. Прошло нѣсколько дней, и Васильчикова не приглашали въ Петергофъ. Наступилъ и его обыкновенный докладный день, вторникъ; но тутъ самъ онъ уклонился подъ предлогомъ нужныхъ дѣлъ по Комитету Министровъ, собиравшемуся въ тотъ же день; вслѣдствіе чего послѣдовало ему приказаніе явиться въ четвергъ. Чтò именно происходило при этомъ свиданіи, осталось для всѣхъ неизвѣстнымъ; но домашніе князя рассказывали мнѣ (я былъ тогда еще за границею), что никогда не впали князя столь разстроеннымъ, какъ послѣ этой поѣздки; что онъ ни о чемъ другомъ не говорилъ, какъ объ отставкѣ и что хотя на слѣдующее воскресенье его позвали въ Царское Село обѣдать, однако онъ воротился немногимъ веселѣе и вслѣдъ за тѣмъ уѣхалъ въ деревню, въ обыкновенный свой осенній отпускъ. Все это было въ іюль, а во второй половинѣ октября, уже при мнѣ, князь

воротился изъ деревни. Приѣхавъ ночью, онъ тотчасъ на слѣдующее утро былъ приглашенъ въ Царское Село и оставленъ тамъ на весь день. Разказъ его мнѣ объ этомъ свиданіи съ государемъ заключался въ слѣдующемъ. Недѣли за двѣ передъ тѣмъ онъ, изъ деревни, прислалъ государю письмо, въ которомъ прямо и откровенно просился въ отставку, какъ потерявшій его довѣріе ¹⁾. Въ отвѣтъ на это его потребовали непременно въ Петербургъ. Тема разговора, происходившаго въ Царскомъ Селѣ, состояла, со стороны Васильчикова, главнѣйше въ томъ, что распоряженія его могли показаться негодными развѣ лишь по подозрѣнію въ нихъ какого-нибудь тайнаго замысла (регентства и проч.); но какъ сердце государево, конечно, неспособно, въ отношеніи его, Васильчикова, къ подобной мысли, то она и могла родиться единственно отъ постороннихъ злонамѣренныхъ внушеній. Государь отвѣчалъ, что никогда подобной мысли не имѣлъ, а слѣдственно и подозрѣніе въ какихъ-нибудь внушеніяхъ само собою отпадаетъ. Далѣе говорено было, что какъ дѣла о продовольствіи вѣдались прежде въ Комитетѣ Министровъ, подъ предсѣдательствомъ его, Васильчикова, а теперь отдѣлены въ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ другаго лица, то онъ заключаетъ, что служба его болѣе не нужна. На это отвѣтствовано было фактомъ: въ особомъ комитетѣ, гдѣ предсѣдательствовала дотошъ Чернышевъ, велѣно предсѣдательствовать—Васильчикову. Такъ окончилось это дѣло, и едва-ли отношенія между почтеннымъ старцемъ и императоромъ Николаемъ не сдѣлались съ тѣхъ поръ еще искреннѣе, еще тѣснѣе. Эти два благородныя сердца, неизмѣнно стремившіяся къ одной цѣли, вполне понимали другъ друга, и случайныя между ними неудовольствія имѣли всегда болѣе видъ—размолвки между двумя любownikами. Васильчиковъ видѣлъ въ Николаѣ тотъ идеалъ, то олицетвореніе монархическаго начала, которое въ то время считалъ столь нужнымъ и для Россіи и для Европы—и боготворилъ его. Николай любилъ и уважалъ Васильчикова какъ преданнаго друга, какъ благородную и возвышенную душу, какъ олицетвореніе праводушія, столько самому ему свойственнаго и—прощалъ своему другу его вспышки и напоминавія, зная, что они истекали единственно отъ желанія славы монарху и блага его державѣ. Вскорѣ послѣ этой минутной размолвки, графъ Киселевъ сказывалъ мнѣ, что былъ свидѣтелемъ, какъ государь, получивъ при немъ упомянутое выше письмо, въ которомъ Васильчиковъ просилъ объ отставкѣ, сокрушался о томъ и горевалъ, что недоразумѣніе можетъ подорвать основанія дружбы и пріязни, столько лѣтъ ихъ связывающей.

При нашемъ дворѣ издавна существовалъ, для парадныхъ выходовъ,

¹⁾ Къ этому, безъ сомнѣнія, относилась слова государя мнѣ, что Васильчиковъ отъ него „оттагивается“.

особенный дамскій костюмъ, называвшійся русскимъ платьемъ, но въ сущности очень далекій отъ своего названія и составлявшій нѣчто среднее между нарядомъ польскимъ и татарскимъ. Въ царствованіе императора Николая этотъ костюмъ былъ болѣе сближенъ съ народнымъ и единообразенъ въ покроѣ и вышивкахъ, съ установленіемъ также одинаковой формы для кокошниковъ и повязокъ. Между тѣмъ на большомъ дворцовомъ балѣ 6-го декабря 1840 года нѣкоторыя дамы позволили себѣ отступить отъ этой формы и явились въ кокошникахъ, которые, вмѣсто бархата и золота, сдѣланы были изъ цвѣтовъ. Государь тотчасъ это замѣтилъ и приказалъ министру императорскаго двора князю Волконскому строго подтвердить, чтобы впредь не было допускаемо подобныхъ отступленій. Волконскій же, вмѣсто того чтобы ограничиться распоряженіемъ по двору, сообщилъ эту высочайшую волю къ исполненію с.-петербургскому военному генералъ-губернатору графу Эсену, никогда ни отличавшемуся ни особенною разсудительностію, ни высокимъ тактомъ. И что же вышло? Черезъ нѣсколько дней всѣ наши знатнѣйшія дамы и дѣвицы были перепуганы набѣгомъ квартальныхъ надзирателей, явившихся къ нимъ съ письменнымъ объявленіемъ помянутой высочайшей воли и съ требованіемъ, чтобы каждая изъ нихъ росписалась на томъ же самомъ листѣ въ прочтеніи сего объявленія! Государь, до котораго это, разумѣется, тотчасъ дошло, сначала очень посмѣялся надъ такимъ деликатнымъ распоряженіемъ полиціи, но потомъ не оставилъ сдѣлать строгое замѣчаніе и князю Волконскому, и графу Эсену.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Устройство въ Одессѣ коммерческаго дома.

Рескриптъ императора Александра I новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому.

6-го ноября 1801 г. С.-Петербургъ.

Дошло до меня прошеніе негодіанта Фурнье, извѣстнаго по торговымъ домамъ его въ Тулонѣ, Неаполѣ и Палермѣ, о дозволеніи ему учредить купно съ ливорнскимъ банкиромъ Жомомъ въ городѣ Одессѣ коммерческій домъ, съ положеніемъ въ оный капитала отъ двухсотъ до трехсотъ тысячъ ливровъ. Признавая такое устройство полезнымъ и находя въ томъ существенныя для торговли выгоды, соизволяю на произведеніе онаго въ дѣйствіе и вслѣдствіе того повелѣваю, когда прибудетъ въ Одессу означенный негодіантъ Фурнье или повѣренный отъ ихъ компаніи, въ устройствѣ предпринятаго ими заведенія оказывать имъ возможное пособіе, какое только съ законами будетъ сообразно и для коммерціи того края нужно, наблюдая, чтобы они пользовались всѣми тѣми выгодами, какія по изданнымъ установленіямъ иностранному купечеству дозволяются. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный.

Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа.

оржественно отпразднованная по всей Россіи столѣтняя годовщина со дня рожденія величайшаго изъ русскихъ поэтовъ не могла не отразиться извѣстнымъ движеніемъ въ литературѣ. Появилось немалое количество журнальныхъ и газетныхъ статей, брошюръ и даже цѣлыхъ книгъ, посвященныхъ Пушкину и содержащихъ въ себѣ воспоминанія о немъ его современниковъ, изложеніе его біографіи или отдѣльныхъ ея эпизодовъ, характеристика его таланта, разборъ его произведеній, опредѣленіе его значенія въ развитіи русской литературы и просвѣщенія. Правда, не все въ этомъ литературномъ матеріалѣ является плодомъ самостоятельныхъ и глубокихъ изысканій, многое написано на слѣхъ и отзывается компиляціей, — тѣмъ не менѣ эти юбилейныя статьи и брошюры производятъ въ общемъ пріятное впечатлѣніе, какъ посильныя попытки истолковать одно изъ крупнѣйшихъ проявленій нашего народнаго духа и характера, какъ законная дань памяти одного изъ величайшихъ двигателей русской умственной жизни.

Пересматривая этотъ новый запасъ трудовъ въ историко-литературной области, мы съ удовольствіемъ отмѣтили въ его составѣ нѣсколько этюдовъ очень любопытныхъ если не по исполненію, то по темѣ, какъ напримѣръ, казанская брошюра г. П. Черныяева: «А. С. Пушкинъ какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ», или статья Н. И. Петрова: «Отношеніе поэзія А. С. Пушкина къ украинской жизни и поэзія», помѣщенная въ изданіи Кіевскаго педагогическаго общества: «Сборникъ статей объ А. С. Пушкинѣ»; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не могли не вспомнить нѣкоторыхъ прежнихъ работъ, посвященныхъ біографіи и произведеніямъ поэта.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ П. В. Анненковъ, получивъ доступъ къ бумагамъ Пушкина, приступилъ къ подготовительнымъ трудамъ по изданію его сочиненій, съ которыми и успѣлъ такъ счастливо связать свое имя. Почти въ то же время П. И. Бартеневъ предпринялъ печатаніе собранныхъ имъ матеріаловъ для біографіи автора «Онѣгина», а В. По Гаевскій занялся монографіей объ одномъ изъ ближайшихъ его друзей баронѣ А. А. Дельвигѣ и вскорѣ за тѣмъ перешелъ къ изысканіямъ о самомъ Пушкинѣ. Появленіе Анненковскаго изданія въ 1855—1857 годахъ, основаніе Библиографическихъ Записокъ въ 1858 и Русскаго Архива въ 1863 году, а равно относящееся къ тому же времени смягченіе цензурныхъ условій, доставили новые богатые матеріалы для изслѣдованій по Пушкинскому періоду нашей литературы, дали замѣтный толчекъ работамъ въ этой области и привлекли къ нимъ новыхъ учено-литературныхъ дѣятелей, вскорѣ пріобрѣвшихъ справедливую извѣстность. Къ сожалѣнію, любопытные труды эти печатались, по обычаю, почти исключительно въ періодическихъ изданіяхъ и крайне рѣдко появлялись отдѣльными книгами, а потому, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, погребенные въ старыхъ журналахъ, исчезали изъ общаго обращенія и для многихъ чуть не дѣлались трудно находимыми библиографическими рѣдкостями. Не выходя изъ сферы Puschkiniana, смѣшно сказать, что даже такія важныя для изученія Пушкина вещи, какъ многочисленныя статьи Гаевского, разсѣяныя по Современнику, Отечественнымъ Запискамъ и Вѣстнику Европы, никогда не были соединены въ особо изданный сборникъ, что г. Бартеневъ не вздумалъ до сихъ поръ перепечатать свою монографію «Пушкинъ въ южной Россіи», не смотря даже на то, что она обогащена драгоцѣннѣйшими дополненіями И. П. Липранди, и что даже предприимчивый М. И. Семеvскій не догадался переиздать все, что имъ было написано о Пушкинѣ и его друзьяхъ еще до основанія Русско й Старины. Мы думаемъ, что время для такихъ перепечатокъ еще не ушло и теперь. Правда, многое въ этихъ статьяхъ могло бы быть пополнено и исправлено въ настоящее время; но и въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ вышли изъ-подъ пера того или другого автора лѣтъ тридцать и болѣе назадъ, онѣ сохраняютъ свою цѣну по богатству своего содержанія; до сихъ поръ нерѣдко приходится къ нимъ обращаться какъ къ первоисточникамъ, а потому и перепечатать ихъ слѣдовало безъ измѣненій, развѣ съ нѣкоторыми оговорками, и непременно съ означеніемъ прежней пагинаціи, для того, чтобы новымъ изданіемъ можно было пользоваться при справкахъ и ссылкахъ совершенно также, какъ старымъ. Высказываемъ это пожеланіе тѣмъ настойчивѣе, что въ настоящую минуту передъ нами лежитъ одна изъ такихъ перепечатокъ, которая, безъ сомнѣнія, будетъ встрѣчена съ сочувствіемъ всѣми, кто

занимается Пушкинымъ. Это—второе издание извѣстной книги покойнаго академика Я. К. Грота: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники».

Статьи, помѣщенные въ этомъ сборникѣ, были писаны и печатаны авторомъ въ разное время; въ 1887 году, послѣ того, какъ состоялось чествованіе памяти Пушкина въ ознаменованіе пятидесятилѣтія со дня его кончины, Я. К. Гротъ вздумалъ соединить эти статьи въ одну книгу, а затѣмъ, возвращаясь къ темѣ, которая неоднократно занимала его, напечаталъ еще нѣсколько замѣтокъ и документовъ изъ области Puschkiniana; они-то и включены теперь, какъ дополненіе, въ составъ настоящаго сборника, такъ что второе его изданіе (С.-Пб. 1899. Стр. 1—VIII и 1—316), приготовленное сыномъ покойнаго, профессоромъ К. Я. Гротомъ, заключаетъ въ себѣ все, что писано отцомъ послѣдняго касательно Пушкина и близкихъ къ нему лицъ.

Въ сборникъ вошли статьи, относящіяся до разныхъ моментовъ жизни Пушкина: представленъ общій очеркъ біографіи поэта, и кромѣ того, дана подробная хронологическая канва для нея (трудъ С. И. Пономарева, предоставленный въ распоряженіе Я. К. Грота и пополненный послѣднимъ); охарактеризована личность Пушкина какъ человѣка, при чемъ ярко очерчены его идеальныя воззрѣнія на жизнь, исполнѣ искупающія недостатки его, столь преувеличиваемыя его врагами; въ особыхъ замѣткахъ сообщены свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ стихотвореній поэта, дополненія къ изданіямъ его сочиненій и любопытныя подробности о приготовительныхъ занятіяхъ его для историческихъ трудовъ; главнымъ же образомъ содержаніе сборника касается школьныхъ годовъ Пушкина. Самъ бывшій питомецъ лицея еще въ то время, когда это заведеніе помѣщалось въ Царскомъ Селѣ, и затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, профессоръ русской словесности въ мѣстѣ своего образованія, Я. К. Гротъ съ особенною любовью изучалъ періодъ пребыванія Пушкина въ Царскосельскомъ лицей, старину и преданія этого заведенія и собиралъ свѣдѣнія о школьныхъ сверстникахъ поэта и объ его наставникахъ. По этому предмету въ сборникѣ есть и болѣе крупныя статьи, и мелкія замѣтки автора, а сверхъ того, напечатано нѣсколько современныхъ показаній о состояніи учебной и воспитательной части въ лицей Пушкинскихъ временъ и о томъ, каковъ былъ поэтъ на школьной скамьѣ.

Одинъ изъ рецензентовъ перваго изданія Гротовскаго сборника (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1887 г., № 12, стр. 362—364) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ замѣтилъ въ своей статьѣ, что «указанная авторомъ связь литературнаго направленія лицея съ направленіемъ Московскаго университетскаго пансіона заслуживаетъ полнаго вниманія будущаго историка русскаго

образования». Проводниками этого направления, которое такъ много содѣйствовало развитію юности, были въ Пушкинское время бывший питомецъ Московскаго университета, лицейскій профессоръ латинской и русской словесности Н. Ѡ. Кошанскій, его адъюнктъ П. Е. Георгіевскій и временный замѣститель перваго въ 1814 и 1815 годахъ А. И. Галичъ, учившійся въ главномъ педагогическомъ институтѣ и затѣмъ слушавшій лекціи въ германскихъ университетахъ.

Я. К. Гротъ даетъ обо всѣхъ о нихъ болѣе или менѣе благоприятные отзывы, расходясь въ этомъ отношеніи даже съ графомъ М. А. Корфомъ, который самъ принадлежалъ къ числу слушателей этихъ профессоровъ въ составѣ перваго лицейскаго курса; подъ перомъ покойнаго академика осуждается только крайняя распушенность, которою отличался вовсе лишенный педагогическаго такта Галичъ. Снисхожденіе Я. К. Грота къ Кошанскому и Георгіевскому объясняется прежде всего тѣмъ, что самъ онъ былъ ихъ ученикомъ; напротивъ того, нѣкоторое равнодушіе къ Галичу можетъ быть истолковано меньшимъ знакомствомъ автора съ этимъ лицомъ и его сочиненіями. На самомъ же дѣлѣ было такъ: изъ трехъ названныхъ наставниковъ наиболее даровитымъ и наиболее знающимъ оказывался, по видимому, Галичъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ лѣнивъ и небреженъ; Кошанскій, несомнѣнно, обладалъ тоже и умомъ, и познаніями, при томъ любилъ учебное дѣло, но не чуждъ былъ педантизма. Поэтому и отношенія между ними и Пушкинымъ были не одинаковы: къ Галичу онъ привязался безусловно и любилъ его—впрочемъ не столько за преподаваніе, сколько за занимательную и поучительную бесѣду; не безъ уваженія относился онъ и къ Кошанскому, который рано угадалъ гениальныя способности своего ученика, но позже между ними произошелъ разладъ, безъ сомнѣнія—вслѣдствіе педантической требовательности Кошанскаго, которая стала особенно тягостна лицеистамъ, избалованнымъ снисходительностью Галича, пока онъ замѣщалъ заболѣвшаго Кошанскаго. Что касается Георгіевскаго, этотъ преподаватель, по видимому, не оставилъ никакихъ слѣдовъ по себѣ въ памяти Пушкина; по крайней мѣрѣ, въ сочиненіяхъ послѣдняго нѣтъ о немъ ни малѣйшаго упоминанія; отзывъ же Я. К. Грота о Георгіевскомъ слѣдуетъ признать чрезмѣрно благосклоннымъ: онъ могъ дѣйствительно быть человекомъ «справедливымъ, скромнымъ и деликатнымъ», а какъ преподаватель, отличался не только «сухостью», но и другими недостатками, и мы думаемъ, что совершенно правъ Бестужевъ-Рюминъ, когда, въ своей упомянутой выше рецензій, противопоставляетъ похваламъ Грота слѣдующія возраженія: «Георгіевскій былъ риторъ совершенно пустой. Въ доказательство позволю себѣ привести опредѣленіе героя эпической поэмы изъ «Піитики» Георгіевскаго, заученное мною въ гимназіи (въ сороковыхъ годахъ) и до сихъ поръ памятное: такъ оно странно. Вотъ

это опредѣленіе: «Герой эпической поэмы, колеблемый бурей времени, несомый вихремъ происшествій, стоитъ неизблемо на своемъ эпическомъ основаніи и чувствуетъ шествіе божества на землѣ». Кажется, что такая фраза—Геркулесовы столбы безсмыслицы. А такая фраза: «Постоялый дворъ» Степанова, «Леонидъ» Зотова и «Герой нашего времени» Лермонтова имѣли заслуженный успѣхъ» плохо рекомендуетъ умственные способности автора».

Къ лицейскому періоду жизни Пушкина относятся и нѣкоторые подлинныя документы, напечатанныя въ сборникѣ Я. К. Грота; таковы воспоминанія о поэтѣ-лицействѣ товарищѣ его—С. Д. Комовскаго, снабженныя примѣчаніями М. Я. Яковлева, и графа М. А. Корфа. Первые были набросаны въ 1851 году для сообщенія ихъ П. В. Анненкову, когда онъ предпринялъ свое извѣстное изданіе сочиненій Пушкина; вторыя вызваны статьями П. И. Бартенева «Матеріалы для біографіи Пушкина», напечатанными въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1854 года. Воспоминанія Комовскаго—простыя, непритязательныя рассказы стараго товарища, небольшого мастера писать да и никогда не находившагося въ особенно короткихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ. Другое дѣло—Яковлевъ; это былъ общій любимецъ своихъ однокурсниковъ, впоследствии усердно собиравшій и хранившій лицейскія преданія, а потому прозванный «лицейскимъ старостой»; еще на школьной скамьѣ испытывалъ онъ свои способности въ писательствѣ и навсегда сберегъ въ своей душѣ любовь къ литературѣ и искусству, между прочимъ сочинялъ романсы на слова Пушкина и самъ пѣвалъ ихъ пріятнымъ баритономъ; и въ лицей, и позже онъ былъ близокъ съ Пушкинымъ, который еще въ 1814 году посвятилъ ему цѣлую строфу въ «Пирующихъ студентахъ»:

А ты, который съ дѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышешь!
Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь!
Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою,—
Наполни кружку до краевъ;
Разсудокъ, Богъ съ тобою!

Къ воспоминаніямъ Комовскаго Яковлевъ отнесся съ точки зрѣнія дружеской цензуры: не только исправилъ кое-какія неточности въ записяхъ товарища, но и отмѣтилъ, что находить нѣкоторыя подробности неумѣстными, не подлежащими оглашенію за предѣлами тѣснаго лицейскаго кружка. Какъ бы то ни было, и Комовскій, и Яковлевъ говорятъ о Пушкинѣ съ нѣжностью, свидѣтельствующею, что оба они питали къ нему неподдѣльное сердечное расположеніе.

Иное впечатлѣніе производятъ воспоминанія М. А. Корфа. Нужно отдать справедливость ихъ автору: не смотря на ихъ отрывочный характеръ, онъ умѣлъ сдѣлать ихъ очень интересными, но есть въ разсказахъ Корфа какой-то странный тонъ ворчливаго критиканства, которое вовсе не оправдывается ни безупречною точностью его собственныхъ сообщеній, ни высотой его нравственной личности. Этотъ пресловутый государственный мужъ, или точнѣе говоря (словами князя Вяземскаго о Сперанскомъ), этотъ чиновникъ огромнаго размѣра, отличался поразительнымъ самоувѣреніемъ и самоувѣренностью, и такія свойства его чисто бюрократическаго ума даютъ себя чувствовать въ каждомъ его сужденіи: онъ усиленно старается навязывать читателю свои мнѣнія, но попробуйте отнестись къ нимъ критически, проверьте его развязныя утвержденія, — и отъ нихъ останется очень немного; за то какъ разсердили бы вы ихъ вѣщателя! Дѣло въ томъ, что графъ Корфъ — человекъ, очень податливый передъ сильною властью, но очень нетерпимый и беспощадный ко всякому съ нимъ несогласному мнѣнію, — до крайности субъективенъ въ своихъ приговорахъ, и что эти приговоры онъ составляетъ очень часто по какимъ-нибудь личнымъ соображеніямъ, касающимся только его самого, но вовсе не относящимся до обсуждаемаго дѣла. Мы хорошо знаемъ, что этотъ недостатокъ свойственъ очень многимъ авторамъ мемуаровъ. Но въ лицейскихъ воспоминаніяхъ М. А. Корфа онъ выступаетъ съ особенною яркостью, а потому чтеніе ихъ производитъ особенно тяжелое впечатлѣніе. Я. К. Гротъ былъ близокъ къ Корфу при началѣ своей служебной карьеры, но какъ справедливый человекъ, не могъ не понять всей односторонности и пристрастія его воспоминаній; рѣшившись напечатать записку Корфа цѣликомъ (до тѣхъ поръ изъ нея были изданы только немногіе отрывки), онъ счелъ долгомъ снабдить ея изданіе слѣдующимъ объясненіемъ (стр. 222): «Строгость сужденій графа Корфа о Пушкинѣ, о его родныхъ и нѣкоторыхъ изъ первоначальныхъ наставниковъ лица не можетъ въ настоящее время служить препятствіемъ къ обнародованію этой записки, такъ какъ самыя рѣзкія мѣста ея, особенно касающіяся именно нашего поэта и близкихъ къ нему лицъ, уже не разъ появлялись въ печати. Ранѣе или позже она должна была сдѣлаться извѣстною во всемъ своемъ объемѣ. Невключеніе ея въ настоящій сборникъ имѣло бы видъ слѣпнаго пристрастія къ памяти поэта и къ мѣсту его воспитанія. Здѣсь же приговорамъ автора противопоставляются сочувственные отзывы, разсѣянные на страницахъ предлагаемаго труда. Въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ помѣщаются между прочимъ возраженія покойнаго П. А. Вяземскаго, съ которыми замѣтки графа Корфа напечатаны были въ газетѣ *Берегъ*». Должно однако сказать, что ни Вяземскій, ни самъ Гротъ въ своихъ примѣчаніяхъ не исчерпали всего, что можетъ и

должно быть сказано противъ Корфа; критика обязана выслѣдить его шагъ за шагомъ, и только очищенные такою операціей, рассказы его получать извѣстную цѣну. Не беремся здѣсь за это сложное дѣло, но приведемъ на удачу хоть одинъ примѣръ въ подтвержденіе нашихъ словъ.

Записка графа Корфа начинается извѣстіемъ, что «уставъ о лицейскомъ училищѣ Сперанскій, тогда государственный секретарь и на высшемъ апогеѣ довѣрія къ нему императора Александра» (стр. 222). Корфъ ссылается при этомъ на свидѣтельство самого Сперанскаго, но Гротъ справедливо противопоставляетъ этимъ словамъ показаніе И. И. Мартынова (тогдашняго директора департамента народнаго просвѣщенія) объ его ближайшемъ участіи въ составленіи лицейскаго устава (см. Памятники новой русской исторіи, т. II, отд. 2-й, стр. 172—175), однако не рѣшается заявить, чье свидѣтельство представляется ему болѣе достовѣрнымъ. Между тѣмъ изъ извѣстной книги Селезнева «Историческій очеркъ Императорскаго лицея», стр. 3—8, обнаруживается, что въ словахъ Корфа правды очень мало, или что онъ по крайней мѣрѣ произвольно преувеличиваетъ дѣло въ томъ направленіи, какое ему нравится. По словамъ Селезнева, «въ началѣ 1810 года, при вступленіи новаго министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго въ управленіе, государь передалъ ему на разсмотрѣніе проектъ «образованія лицея», который предположено учредить въ Царскомъ Селѣ, съ цѣлію образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной и составляемаго изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ знатныхъ фамилій». Было преданіе, что проектъ этотъ былъ составленъ бывшимъ наставникомъ императора Александра Ф.-Ц. Лагарпомъ, но Селезеву не удалось найти документальное подтвержденіе этому извѣстію. Графъ Разумовскій, рассмотрѣвъ упомянутую записку и принявъ во вниманіе слишкомъ отвлеченный характеръ предположеннаго въ ней учебнаго курса, обязался представить государю новыя соображенія по этому дѣлу. Изъ дальнѣйшаго хода его, говоритъ Селезневъ, — «видно, что въ планѣ новаго учрежденія государь лично принималъ участіе; что же касается до самаго выполненія проекта, то оно, какъ и слѣдовало, принадлежало директору департамента народнаго просвѣщенія И. И. Мартынову, о чемъ свидѣлствуютъ находящіеся у насъ подъ руками данныя» ¹⁾. Селезеву неизвестно было и то, что сочиненіе лицейскаго устава приписывается Сперанскому, но въ виду вышеупомянутыхъ данныхъ онъ не придалъ большого

¹⁾ Сходство рукописи проекта съ почеркомъ Мартынова и свидѣтельство самого Мартынова.

Примѣчаніе Селезнева.

значенія этому извѣстію, хотя и допускалъ, что Сперанскій могъ принять въ этомъ дѣлѣ нѣкоторое участіе частное: «Какъ другъ Мартынова, государственный секретарь могъ не только знать о проектѣ лица официально, но и частнымъ образомъ содѣйствовать старинному товарищу своему въ дѣлѣ, столь интересовавшемъ государя». Дѣйствительно, отношенія между Сперанскимъ и Мартыновымъ оставались постоянно дружественными, и упомянутая Корфомъ жалоба Сперанскаго, что кто-то отнялъ у него славу сочиненія лицейскаго устава, не можетъ относиться къ Мартынову. Вѣроятно же думать, что намекъ государственнаго секретаря обращенъ былъ противъ самого Разумовскаго, и эта догадка получила бы сильное подтвержденіе, еслибы мы знали, что Сперанскимъ была составлена та первоначальная записка объ учрежденіи лица, которая была отвергнута министромъ народнаго просвѣщенія. Но говорить о томъ значило бы вдаваться въ область шаткихъ предположеній. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе Корфа о дѣятельномъ участіи Сперанскаго въ созданіи лица не можетъ считаться достовернымъ ¹⁾.

Возвращаемся къ предмету, который всего болѣе интересуетъ насъ въ настоящемъ случаѣ, то-есть, къ Пушкину и къ отношеніямъ къ нему М. А. Корфа. Совершенно вѣрно слѣдующее заключеніе Я. К. Грота (стр. 4): «Между нимъ и Пушкинымъ никогда не было настоящаго сочувствія: ихъ характеры, нѣкоторыя понятія и житейскія цѣли слишкомъ расходились». Этимъ объясняются отчасти тѣ отзывы о Пушкинѣ и его родныхъ, которые находятся въ запискѣ Корфа. Было бы чрезвычайно любопытно выяснить коренную причину ихъ недружелюбія; но преданіе остается въ этомъ отношеніи совершенно нѣмо. Несомнѣнно только то, что взглядъ на Пушкина, проводимый въ запискѣ Корфа, возникъ у него не внезапно и не случайно, а зрѣлъ издавна и—стыдно сказать—разрабатывался имъ систематически, съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія. Печальнымъ тому доказательствомъ служить слѣдующее. Выше было сказано, что напечатанныя Я. К. Гротомъ лицейскія воспоминанія Корфа написаны въ 1854 году; но для вошедшихъ въ составъ ихъ разсказовъ о Пушкинѣ могутъ быть отмѣчены еще два извода или двѣ редакціи: одна—краткая, изданная въ газетѣ *Берегъ*, а по вѣдому, составляющая извлеченіе изъ воспоминаній, написанныхъ Корфомъ въ 1854 году, и другая—пространная, до сихъ поръ не проникавшая въ печать; она составлена несомнѣнно до половины 1852 года, ибо въ ней говорится о младшемъ братѣ поэта Львѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ,

¹⁾ Кстати укажемъ одну небольшую ошибку Я. К. Грота: въ числѣ лицестовъ 1-го выпуска онъ считаетъ брата И. И. Мартынова (стр. 292): это былъ не братъ, а сынъ Ивана Ивановича Аркадій, впоследствии служившій въ томъ самомъ департаментѣ, гдѣ его отецъ былъ директоромъ.

какъ о живомъ человѣкѣ, а онъ скончался въ означенномъ году 19-го іюля. Отъ другихъ изводовъ эта редакція отличается не однимъ объемомъ, но и содержаніемъ: М. А. Корфъ распространяется въ ней какъ о юности и ранней молодости Пушкина, такъ и о зрѣлыхъ годахъ его жизни, при чемъ личность поэта изображена здѣсь въ еще менѣе благопріятномъ свѣтѣ, чѣмъ въ другихъ записяхъ того же добраго товарища. Намъ извѣстенъ автографъ этой наиболѣе ранней редакціи Корфовыхъ разсказовъ о Пушкинѣ; онъ писанъ карандашомъ, но почти безъ помарокъ, такъ что даже по своему виѣшнему виду не можетъ быть принятъ за первоначальный черновой набросокъ; напротивъ того, это уже текстъ обдуманнѣйшій и обработанный на столько, что авторъ призналъ удобнымъ и полезнымъ сообщить его къ свѣдѣнію биографа Пушкина П. В. Анненкова. Содержаніе этихъ разсказовъ—какъ уже замѣчено выше—отличается рѣзкостью, но, по нашему мнѣнію, если эта рѣзкость способна набросить на кого-либо тѣнь, то ужь, конечно, на самаго разскащика, а не на великаго поэта, котораго онъ чернитъ. Въ виду этихъ соображеній помѣщаемъ здѣсь цѣликомъ повѣствованіе М. А. Корфа, вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляя себѣ право подвергнуть его обстоятельной критикѣ.

Въ 1842 году явилось въ Германіи сочиненіе «Petersburger Skizzen» въ которомъ, подъ псевдонимомъ Треймунда Вельпа, изложены были воспоминанія и замѣтки бывшаго петербургскаго книгопродавца, удалившагося во-свои Пельца. Это, по обыкновенію большей части иностраннѣхъ сочиненій о Россіи, была горькая діатриба противъ насъ и всего нашего, но діатриба, въ которой встрѣчались и очень живыя, совершенно справедливыя страницы, наиболѣе для характеристики нашихъ литераторовъ. Особенно интересны были подробности о Пушкинѣ, которыхъ не могъ бы правдивѣе разсказать и русскій, еслибъ отложился отъ національнаго самолюбія и вышелъ изъ того очарованнаго круга, въ который, вмѣстѣ съ великими произведеніями поэта, мы привыкли ставить и его личность.

«Пушкинъ», пишетъ Вельпъ или Пельцъ, — «получалъ огромныя суммы денегъ отъ Смирдина, которыхъ послѣдній никогда не былъ въ возможности обратно выручить. Смирдинъ часто попадалъ въ самыя стѣсненныя денежныя обстоятельства, но Пушкинъ не шевелилъ и пальцемъ на помощь своему меценату. Деньгами онъ впрочемъ никогда и не могъ помогать, потому что безпутная жизнь держала его во всегдашнихъ долгахъ, которые платилъ за него государь; но и это было всегда брошеннымъ благодѣяніемъ, потому что Пушкинъ отплачивалъ государю развѣ только какимъ-нибудь гладенькимъ словомъ благодарности и общаніями будущихъ произведеній, которыя ни-

когда не осуществлялись, и можетъ статья, скорѣе сбылись бы, еслибы поэтъ предоставленъ былъ самому себѣ и собственнымъ силамъ. Пушкинъ смотрѣлъ на литературу какъ на дойную корову и зналъ, что Смирдинъ, котораго кормили другіе, давалъ себя доить преимущественно ему; но пока только терпѣлось, Пушкинъ предпочиталъ спокойнѣйшій путь—дѣланія долговъ, и лишь уже при совершенной засухѣ принимался за работу. Когда долги слишкомъ накапливались, и государь медлилъ ихъ уплатою, то въ благодарность за прежнія благодѣянія Пушкинъ пускалъ тихомолкомъ въ публику двустипіа въ родѣ слѣдующаго, которое мы приводимъ здѣсь какъ мѣрило признательности великаго гения:

Хотѣлъ издать Лигуровы законы —
И что же издалъ онъ?—Лишь кантъ на панталоны ¹⁾.

«Нѣтъ сомнѣнія, что отъ государя не оставалось сокрытымъ ни одно изъ этихъ грязныхъ дѣтищъ грязнаго ума; но при всемъ томъ благодущная рука монарха щедро отверзалась для поэта и даже для оставшейся семьи, когда самого его уже не стало. До самой смерти Пушкина императоръ Николай называлъ себя его другомъ и доказывалъ на дѣлѣ, сколь высоко стоялъ надъ нимъ какъ человекъ. Какое уничижительное чувство—принимать знаки милости отъ монарха тому, кто непрерывно его оскорблялъ, осмѣивалъ, противъ него враждовалъ. Многіе не захотѣли бы, на такомъ условіи, и всего таланта Пушкина... Вокругъ Пушкина роились многія возникающія дарованія, много усердныхъ почитателей, которымъ для дальнѣйшаго хода не доставало только поощренія и опоры. Но ѣдкому его эгоизму лучше нравилось поражать все вокругъ себя эпиграммами. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые любятъ созидать. Онъ жаждалъ только единодержавія въ царствѣ литературы, и это стремленіе подавляло въ немъ всѣ другія».

Все это, къ сожалѣнію, сушая правда, хотя въ тѣхъ біографическихкихъ отрывкахъ, которые мы имѣемъ о Пушкинѣ, и которые вышли изъ рукъ его друзей или слѣпыхъ поклонниковъ, ничего подобнаго не найдется, и тотъ, кто даже и теперь еще отважился бы раскрыть передъ публикою моральную жизнь Пушкина, былъ бы почтенъ чуть ли не врагомъ отечества и отечественной славы. Всѣ, или очень многіе, знаютъ эту жизнь; но всѣ такъ привыкли смотрѣть на лицо Пушкина чрезъ призматическій блескъ его литературнаго величія, и мы такъ еще къ нему близки, что всякъ, кто рѣшился бы сказать дурное слово о человекѣ, навлечетъ на себя укоръ въ неуваженіи или зависти къ поэту.

¹⁾ Стыдливость не позволила Корфу привести все двустипіе: въ его автографѣ читаются только первыя два слова.

Не только воспитывавшись съ Пушкинымъ шесть лѣтъ въ лицей, но и проживъ съ нимъ еще потомъ лѣтъ пять подъ одною крышею ¹⁾, я зналъ его короче многихъ, хотя связь наша никогда не переходила обыкновенную пріятельскую. Все семейство Пушкиныхъ представляло что-то эксцентрическое. Отецъ, дожившій до глубокой старости, всегда былъ тѣмъ, что покойный князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій называлъ «шалберомъ», то-есть, довольно пріятнымъ болтуномъ, немножко на манеръ старинной французской школы, съ анекдотами и каламбурами, но въ существѣ—человѣкомъ самымъ пустымъ, бесполезнымъ, празднымъ и при томъ въ безмолвномъ рабствѣ у своей жены. Последняя, урожденная Гаянибалъ, женщина не глупая и не дурная, имѣла однакоже множество странностей, между которыми вспыльчивость, вѣчная разсѣянность, и особенно, дурное хозяйничанье стояли на первомъ планѣ. Домъ ихъ былъ всегда на изнанку: въ одной комнатѣ богатая старинная мебель, въ другой—пустыя стѣны или соломенный стулъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня, съ баснословною неопрятностью; ветхіе рыдваны съ тощими клячами и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдывало человѣка два-три лишнихъ, то всегда присылали къ намъ, по сосѣдству, за приборами. Все это перешло и на дѣтей. Сестра поэта Ольга въ зрѣломъ уже дѣвствѣ сбѣжала и тайно обвѣнчалась, просто изъ романтической причуды, безъ всякихъ существенныхъ препятствій къ ея союзу, съ человѣкомъ гораздо моложе ея. Братъ Левъ—добрый малый, но тоже довольно пустой, какъ отецъ, и разсѣянный и взбалмошный, какъ мать, въ дѣтствѣ воспитывался во всѣхъ возможныхъ учебныхъ заведеніяхъ, мѣняя одно на другое чуть ли не каждыя двѣ недѣли, чѣмъ приобрѣлъ себѣ тогда въ Петербургѣ родъ исторической извѣстности, и наконецъ, не кончивъ курса ни въ одномъ, записался въ какой-то армейскій полкъ юнкеромъ, потомъ перешелъ въ статскую службу, потомъ опять въ военную, былъ и на Кавказѣ, и помѣщикомъ, кажется—и спекуляторомъ, а теперь не знаю гдѣ. Наконецъ, судьбы Александра, нашего поэта, болѣе или менѣе всѣмъ еще извѣстны.

Въ лицей онъ рѣшительно ничему не учился, но какъ и тогда уже блисталъ своимъ дивнымъ талантомъ, а начальство боялось его ѣдкихъ эпиграммъ, то на его эпикурейскую жизнь смотрѣли сквозь пальцы, и она отозвалась ему только при концѣ лицейскаго поприща выпускомъ его однимъ изъ послѣднихъ. Между товарищами, кромѣ тѣхъ, которые, пописывая сами стихи, искали его одобренія и,

¹⁾ На Фонтанкѣ, близъ Калинкина моста, противъ родительнаго дома, въ домѣ тогда графа Апраксина, послѣ Путатива, потомъ Трофимова, теперь не знаю кому принадлежащемъ. Примѣчаніе М. А. Корфа.

такъ сказать, покровительства, онъ не пользовался особенною пріязнію. Какъ въ школѣ всякій имѣетъ свой собрикеть, то мы его прозвали «французомъ», и хотя это было, конечно, болѣе вслѣдствіе особеннаго знанія имъ французскаго языка, однако, если вспомнить тогдашнюю, въ самую эпоху нашествія французовъ, ненависть ко всему носившему ихъ имя, то ясно, что это прозваніе не заключало въ себѣ ничего лестнаго. Вспыльчивый до бѣшенства, съ необузданными африканскими (какъ его происхожденіе по матери) страстями, вѣчно разсѣянный, вѣчно погруженный въ поэтическія свои мечтанія, избалованный отъ дѣтства похвалою и льстецами, которые есть въ каждомъ кругу, Пушкинъ ни на школьной скамьѣ, ни послѣ въ свѣтѣ не имѣлъ ничего привлекательнаго въ своемъ обращеніи. Бесѣды ровной, систематической, связаной у него совсѣмъ не было; были только вспышки: рѣзкая острота, злая насмѣшка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль, но все это только изрѣдка и урывками, большею же частію или тривиальныя общія мѣста, или разсѣянное молчаніе, прерываемое иногда, при умномъ словѣ другого, дикимъ смѣхомъ, чѣмъ-то въ родѣ лошадинаго ржанія. Начавъ еще въ лицей, онъ послѣ, въ свѣтѣ, предался всѣмъ возможнымъ распутствамъ и проводилъ дни и ночи въ непрерывной цѣпи вакханалій и оргій, съ первыми и самыми отъявленными тогдашними повѣсами. Должно удивляться, какъ здоровье и самый талантъ его выдерживали такой образъ жизни, съ которымъ естественно сопрягались частыя любовныя болѣзни, низводившія его не разъ на край могилы. Пушкинъ не былъ созданъ ни для службы, ни для свѣта, ни даже—думаю—для истинной дружбы. У него были только двѣ стихіи: удовлетвореніе плотскимъ страстямъ и поэзія, и въ обѣихъ онъ ушелъ далеко. Въ немъ не было ни вѣшной, ни внутренней религіи, ни высшихъ нравственныхъ чувствъ; онъ полагалъ даже какое-то хвастовство въ высшемъ цинизмѣ по этимъ предметамъ: злая насмѣшка, часто въ самыхъ отвратительныхъ картинахъ, надъ всѣми религіозными вѣрованіями и обрядами, надъ уваженіемъ къ родителямъ, надъ всѣми связями общественными и семейными, все это было ему ни по чемъ, и я не сомнѣваюсь, что для ѣдкаго слова онъ иногда говорилъ даже болѣе и хуже, нежели думалъ и чувствовалъ. Ни несчастіе, ни благотворенія государя его не исправили: принимая одною рукою щедрыя дары отъ монарха, онъ другою омокать перо для язвительной эпиграммы. Вѣчно безъ копѣйки, вѣчно въ долгахъ, иногда и безъ порядочнаго фрака, съ безпрестанными исторіями, съ частыми дуэлями, въ тѣсномъ знакомствѣ со всѣми трактирщиками, ...ми и дѣвками, Пушкинъ представлялъ типъ самаго грязнаго разврата. Было время, когда онъ отъ Смирдина получалъ по червонцу за каждый стихъ; но эти червонцы скоро укатывались, а стихи, подъ которыми не

стыдно было бы выставить славное его имя, единственная вещь, которою онъ дорожилъ въ мірѣ,—писались не всегда и не скоро. При всей наружной легкости этихъ прелестныхъ произведеній, или именно для такой легкости, онъ мучался надъ ними по часамъ и въ каждомъ стихѣ, почти въ каждомъ словѣ было безчисленное множество помарокъ. Сверхъ того, Пушкинъ, писалъ только въ минуты вдохновенія, а онѣ заставляли ждать себя иногда по мѣсяцамъ. Женитьба нѣсколько его остепенила, но была пагубна для его таланта. Прелестная жена, любя славу мужа болѣе для успѣховъ своихъ въ свѣтѣ, предпочитала блескъ и бальную залу всей поэзіи въ мірѣ и, по странному противорѣчію, пользуясь всѣми плодами литературной извѣстности мужа, изъ-подъ тишка немножко гнушалась того, что она, свѣтская дама *par excellence*, въ замужествѣ за *homme de lettres*, за стихотворцемъ. Брачная жизнь привила къ Пушкину семейныя и хозяйственныя заботы, особенно же ревность, и отогнала его музу. Произведенія его послѣ свадьбы были и малочисленны, и слабѣе прежнихъ. Но здѣсь представляются, въ заключеніе, два любопытные вопроса: что вышло бы дальше изъ болѣе зрѣлаго таланта, еслибъ онъ не женился, и какъ сталъ бы онъ воспитывать своихъ дѣтей, еслибъ прожилъ долѣе?

* * *

У кандидата Московскаго университета Андрея Леопольдова, въ сентябрѣ 1826 года, оказалась копія извѣстной Пушкинской элегіи «Андрей Шенье», съ надписью, что она «сочинена на 14-е декабря 1825 года». Леопольдовъ былъ преданъ суду, которому вмѣнено было въ обязанность истребовать, въ чемъ нужнымъ окажется, объясненія отъ «сочинителя Пушкина». Это объясненіе и было истребовано, и «коллежскій секретарь Пушкинъ» показалъ, «что означенные стихи дѣйствительно сочинены имъ; что они были написаны гораздо прежде послѣднихъ мятежей, и элегія «Андрей Шенье» напечатана, съ пропусками, съ дозволенія цензуры 8-го октября 1825 года, что цензурованная рукопись, будучи вовсе не нужна, затеряна, какъ и прочія рукописи напечатанныхъ имъ сочиненій; что оныя стихи явно относятся къ французской революціи, въ коей Шенье погибъ; что оныя никакъ, безъ явной бессмыслицы, не могутъ относиться къ 14-му декабря; что не знаетъ онъ, Пушкинъ, кто надъ ними поставилъ ошибочное заглавіе, и не помнитъ, кому онъ могъ передать элегію «Шенье»; что въ семь отрывкѣ поэтъ говорить о взятіи Бастиліи, о клятвѣ *du jeu de raime*, о перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства, объ уничтоженіи царей,—но что жѣ тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14-го декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечью и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?» На вопросъ же

Новгородскаго уѣзднаго суда: какимъ образомъ отрывокъ изъ «Андрея Шенье», не бывъ пропущенъ цензурою, сталъ переходить изъ рукъ въ руки, Пушкинъ отвѣчалъ, что это стихотвореніе его было всѣмъ извѣстно вполнѣ гораздо прежде его напечатанія, потому что онъ не думалъ дѣлать изъ него тайны.

Дѣло это дошло до сената, который въ приговорѣ своемъ изъяснилъ, что, «соображая духъ сего творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое выпущено оное въ публику, не можетъ не признать сего сочиненія соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаруживало во всемъ его пространствѣ. Хотя сочинявшаго означенные стихи Пушкина, за выпускъ оныхъ въ публику прежде дозволенія цензуры, надлежало бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ; но какъ сіе учинено имъ до составленія всемилостивѣйшаго манифеста 26-го августа 1826 года, то, избавя его, Пушкина, по силѣ онаго, отъ суда и слѣдствія, обязать подпиской, дабы впредь никакихъ своихъ твореній, безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры, не осмѣливался выпускать въ публику, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взыскація». Государственный Совѣтъ согласился съ симъ приговоромъ, но съ тѣмъ, чтобы «по неприличному выраженію Пушкина въ отвѣтахъ на счетъ происшествія 14-го декабря 1825 года (несчастный бунтъ) и по духу самаго сочиненія, въ октябрѣ 1825 года напечатаннаго, поручено было имѣть за нимъ, въ мѣстѣ его жительства, секретный надзоръ». Рѣшеніе сіе было высочайше утверждено въ августѣ 1828 года.

* * *

Въ апрѣлѣ 1848 года я имѣлъ разъ счастье обѣдать у государя императора. За столомъ, гдѣ изъ постороннихъ, кромѣ меня, были только графы Орловъ и Вронченко, рѣчь зашла о лицѣ и оттуда—о Пушкинѣ. «Я впервые увидѣлъ Пушкина», рассказывалъ намъ его величество,—«послѣ коронаціи, въ Москвѣ, когда его привезли ко мнѣ изъ его заточенія, совсѣмъ больнаго и въ ранахъ...—Что вы бы сдѣлали, если бъ 14-го декабря были въ Петербургѣ? спросилъ я его между прочимъ.—Былъ бы въ рядахъ мятежниковъ, отвѣчалъ онъ не запинаясь.—Когда потомъ я спрашивалъ его: перемѣнился ли его образъ мыслей, и даетъ ли онъ мнѣ слово думать и дѣйствовать впредь иначе, если я пушу его на волю, онъ очень долго колебался и только послѣ длиннаго молчанія протянулъ мнѣ руку, съ обѣщаніемъ сдѣлаться инымъ. И что же? Вслѣдъ затѣмъ онъ безъ моего позволенія и вѣдома уѣхалъ на Кавказъ! Къ счастью, тамъ было кому за нимъ приглядѣть: Паскевичъ не любитъ шутить.—Подъ конецъ его жизни, встрѣчаясь очень часто съ его женою, которую я искренно любилъ и теперь люблю, какъ

очень хорошую и добрую женщину, я разъ какъ-то разговорился съ нею о комеражахъ, которымъ ея красота подвергаетъ ее въ обществѣ; я совѣтовалъ ей быть какъ можно осторожнѣе и беречь свою репутацію, сколько для себя самой, столько и для счастья мужа, при известной его ревности. Она, вѣрно, рассказала объ этомъ мужу, потому что, встрѣтась гдѣ-то со мною, онъ сталъ меня благодарить за добрые совѣты его женѣ. — Развѣ ты и могъ ожидать отъ меня другого? спросилъ я его. — Не только могъ, государь, но признаюсь откровенно, я и васъ самихъ подозрѣвалъ въ ухаживаніи за моею женою... Три дня спустя былъ его послѣдній дуэль».

Л. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Совѣтъ старцу.

Оставь ты помыслы лукавы,
Любезный мой, сѣдой старикъ!
Я право только для забавы
Ласкаю черный твой парикъ:
Подъ нимъ, я знаю, сѣдина,
А мнѣ не по сердцу она.

Челу, изрытому страстями,
Моихъ не ввѣрю алыхъ розъ;
На немъ искрится потъ звѣздами,
А глубже заглянуть—морозъ.
Люблю я гладкое чело,
Знакъ жизни и огня оно.

Прими, мой другъ, отъ дѣвы юной
Нельстивый, искренній совѣтъ:
Не мучь себя напрасной думой
Плѣнять красавицъ въ цвѣтѣ лѣтъ!
Твое богатство для нихъ соръ,
А слава, почестъ—сущій вздоръ.

А. Д. Боровковъ.

Сообщилъ Н. А. Боровковъ.

Преступный отрывокъ элегии «Андрей Шенье».

(Изъ судебного процесса А. С. Пушкина, А. Леопольдова, Коношлева и др.) ¹⁾.

Элегия «Андрей Шенье» была помѣщена въ первомъ собраніи стихотвореній А. С. Пушкина, изданномъ въ 1826 г. Выпуская ее въ свѣтъ, великій поэтъ не мало перенесъ неприятностей со стороны тогдашней цензуры, которая относилась къ его произведеніямъ съ особенной строгостью. Въ то время въ элегии было исключено 40 слишкомъ стиховъ, которые были въ обращеніи во множествѣ списковъ. Эти стихи ходили въ публикѣ какъ отдѣльныя стихотворенія подъ разными заглавіями и въ томъ числѣ подъ заглавіемъ «14-го декабря 1825 г.». Вотъ это стихотвореніе:

Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило;
Я славилъ твой священный тронъ,
Когда онъ разметалъ позорную твер-
дыню
И власти древнюю гордыню
Разсѣялъ цепломъ и стыдомъ;
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую
отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безречетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все неспровергли, увлекли,
И пламенный трибуна предрекъ, во-
сторга полный,

Перерожденіе земли.
Уже въ безсмертный пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ всходили славы
ны тѣни,
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачился ветхій тронъ;
Оковы падали. Законъ
На вольность опершись провозгласилъ
равенство,
И мы воскликнули: „блаженство!“
О, горе! о, безумный сонъ!
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей? Убийцу съ пала-
чами
Избрали мы въ цари! О, ужасъ! о,
поворъ!
Но ты, священная свобода,

¹⁾ Въ „Русской Старинѣ“, 1874 г., т. X и XI, и 1882 г., т. 33, были помѣщены свѣдѣнія объ элегии А. С. Пушкина „Андрей Шенье“. Въ печатаемой нынѣ статьѣ сообщается много новыхъ и интересныхъ подробностей. Р. е.

Богиня чистая! нѣтъ не виновна ты:	Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ
Въ порывахъ буйной слѣпоты,	освященный
Въ преарѣнномъ бѣшенствѣ народа—	Какъ будто Вакхомъ разъяренный,
Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный	Онъ бредитъ жаждою томимъ...
твой сосудъ	Такъ онъ найдетъ тебя. Подъ сѣнѣю
Завѣшенъ пеленой кровавой...	равенства,
Но ты придешь опять со мщеніемъ и	Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко от-
славой—	дохнетъ
И вновь твои враги падутъ.	И буря мрачная минетъ...

Къ этому отрывку присоединилось также въ концѣ известное письмо К. Θ. Рылѣва, писанное супругѣ и начинающееся словами: «Богъ и государь рѣшили участь мою».

Въ августѣ мѣсяцѣ 1826 г. калужскій помѣщикъ Коноплевъ, служившій по секретной части при генералѣ Скобелевѣ, явился къ своему начальнику и рассказалъ, что нѣкто кандидатъ правъ Леопольдовъ, заинтересовалъ его стихами, написанными на событіе 14-го декабря 1825 г.; что онъ, Коноплевъ ихъ списалъ, и стихи оказались преступнаго характера. Конечно, Леопольдовъ былъ немедленно отысканъ и подвергнутъ допросу. Вотъ отсюда и запала въ судебное дѣло первая искра; Леопольдовъ былъ первымъ звеномъ той цѣпи, которая вытянулась изъ нѣсколькихъ подсудимыхъ, въ томъ числѣ и самого А. С. Пушкина. Затѣмъ Леопольдовъ оговорилъ прапорщика лейбъ-гвардіи піонернаго эскадрона Молчанова. У этого сдѣлали обыскъ и нашли оба преступные документа. Тутъ дѣло приняло острый и серьезный ходъ. Молчанова заключили въ тюремный замокъ и донесли императору Николаю. Государь повелѣлъ освободить Молчанова изъ тюрьмы и приказомъ по гвардейскому корпусу ¹⁾ перевелъ его въ Нижегородскій драгунскій полкъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ содержался подъ арестомъ впредь до окончанія дѣла. Слѣдствіе продолжалось. Молчановъ, мучимый гнетомъ ареста и служебнаго пониженія, показалъ, что письмо и стихи передалъ ему штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Конноегерьскаго полка Алексѣевъ.

Послѣдній говорилъ, что преступные документы, дѣйствительно, передавалъ прапорщику Молчанову, но отъ кого ихъ самъ получилъ—объяснить отказался. Какъ ни добивалась слѣдственная власть узнать отъ Алексѣева истинное появленіе у него возмутительныхъ бумагъ—все напрасно; на всѣ увѣщанія и обѣщанія смягчить ему участь онъ твердилъ одно:

— Не знаю, не помню.

— Но, по крайней мѣрѣ, скажите правду: они Рылѣва или Пушкина?—спросили его.

¹⁾ 9-го сентября 1826 г.

— О письмѣ не знаю, а стихи Пушкина.

Пушкинъ объяснилъ, что стихи написаны имъ и составляютъ не пропущенный цензурой отрывокъ изъ элегии «Андрей Шенье», написанной имъ на французскую революцію, что этого отрывка онъ никому не давалъ и удивляется, какъ онъ попалъ въ чужія руки.

На этомъ слѣдствіе было окончено.

25-го сентября состоялось высочайшее повелѣніе, коимъ штабсъ-капитанъ Алексѣевъ предавался военному суду за то, что не имѣлъ права держать у себя втайнѣ отъ своего начальства такіа бумаги, которыя, по содержанию своему, говорятъ о злодѣяхъ, покушавшихся 14-го декабря 1825 года на разрушеніе «всеобщаго спокойствія»; Молчановъ обвинялся по суду въ томъ же и въ распространеніи среди легкомысленныхъ людей преступнаго свойства рукописей, а Леопольдовъ и Пушкинъ привлекались по «соприкасательству» къ этому дѣлу.

— Когда я находился въ Москвѣ, — говорилъ на судѣ штабсъ-капитанъ Алексѣевъ, — не помню, какого года, въ октябрѣ или ноябрѣ — то же не помню, получилъ стихи сочиненія Пушкина, но отъ кого — опять забылъ. Эти стихи я имѣлъ безъ всякаго худаго намѣренія и преступной цѣли. Впослѣдствіи я ихъ далъ прапорщику Молчанову, но не свой экземпляръ, а копію, переписанную собственною рукою и безъ надписи: «14-го декабря 1825 г.», такъ какъ и на моемъ экземплярѣ такой надписи не было. Письма же Рылѣва я не имѣлъ и ничего подобнаго Молчанову не передавалъ.

Алексѣеву предъявили письмо и отрывокъ, относительно которыхъ онъ замѣтилъ, что первое ему вовсе неизвѣстно, а во второмъ хотя заключаются и знакомые стихи, но писаны не его рукою.

— Я не признавалъ эти стихи за тайну, — добавилъ Алексѣевъ; изъ содержанія ихъ я не предполагалъ и не предвидѣлъ ничего зловреднаго.

Въ дополненіе къ этому показанію и послѣ священническаго увѣщанія, Алексѣевъ утверждался на томъ, что онъ точно не припомнитъ, отъ кого получилъ стихи, съ заглавіемъ: «14-го декабря 1825 г.».

Прапорщикъ Молчановъ показывалъ:

— Стихи мнѣ далъ въ іюль 1826 г. штабсъ-капитанъ Алексѣевъ, и я взялъ ихъ безъ всякаго тайнаго намѣренія, но только изъ одного желанія, чтобы имѣть въ рукописи сочиненіе такого славнаго писателя, какъ Пушкинъ. Потомъ листокъ со стихами и письмо Рылѣва отдалъ кандидату московскаго университета Леопольдову, но была ли на листкѣ надпись или заглавіе по поводу декабрскихъ безпорядковъ — хорошенько не припомню. Впрочемъ, могу сказать, что когда Алексѣевъ давалъ мнѣ стихи, то говорилъ, что они сочинены Пушкинымъ и выражаютъ событіе 14-го декабря.

Была сдѣлана обимъ очная ставка, при чемъ Алексѣевъ настойчиво утверждалъ, что на отданныхъ Молчанову стихахъ никакой надписи не было и ничего онъ ему ни о ней, ни о значеніи отрывка не говорилъ.

Между тѣмъ послѣдній не взялъ назадъ своего показанія относительно словесной прибавки Алексѣева къ стихамъ, а, напротивъ, еще болѣе стоялъ на томъ, что такъ именно и было.

— Полученные въ концѣ іюля отъ Молчанова стихи,—объяснялъ кандидатъ словесныхъ наукъ Андрей Леопольдовъ, — неизвѣстно мнѣ чьею рукою были писаны, но отлично помню, что надписи на нихъ не было, да и не могло быть, потому что надпись эту «14-го декабря» поставилъ я собственноручно. Что же тутъ такого? Я сдѣлалъ это соответственно содержанию стиховъ; она, какъ замѣтно, изображаютъ исторію 14-го декабря 1825 г. Я думалъ, что Молчановъ прислалъ мнѣ стихи для того, чтобы я, какъ словесникъ, указалъ ему, къ какому событію они относятся. Вотъ я и сдѣлалъ заглавіе, потомъ списалъ копию и его экземпляръ отослалъ къ нему же съ дворовымъ человѣкомъ генеральши Вадковской—Василіемъ.

Когда же ему замѣтили о полученномъ письмѣ государственнаго преступника Рылѣва, то Леопольдовъ отвѣтилъ, что и съ письма снялъ копию изъ любопытства, отославъ подлинникъ тому же Молчанову, потому эти копии, написанныя своею рукою, отослалъ чиновнику Коноплеву.

— Для какой же цѣли?—спросилъ его судъ.

— Я говорилъ ему о нихъ раньше; онъ, какъ и я, захотѣлъ полюбопытствовать.

На очной ставкѣ Молчановъ отвергъ показаніе Леопольдова относительно обратной присылки бумагъ, объяснивъ, что ничего отъ послѣдняго не получалъ и никакого Василія не видалъ. Леопольдовъ возражалъ и ссылался на то, что Молчановъ, должно быть, запомнилъ это обстоятельство. Однако объясненіе Молчанова нашло себѣ подтвержденіе и въ дознаніи московской полиціи, прочитанномъ на судѣ вслѣдъ за очной ставкой. Въ дознаніи говорилось, что тамъ, гдѣ квартировалъ кандидатъ правъ Леопольдовъ, полиція допросила всѣхъ дворовыхъ людей статской совѣтницы Вадковской, живущей нераздѣльно въ одномъ домѣ съ матерью, при чемъ оказалось, что людей пять человѣкъ; четверо изъ нихъ удостовѣрили, что, хотя Леопольдова они и знаютъ, но отъ него къ прапорщику Молчанову ни писемъ, ни другихъ бумагъ никогда не носили и объ этомъ ихъ онъ ни разу не просилъ; пятый же положительно отрицалъ подобное порученіе, говоря, что даже личность Леопольдова онъ нигдѣ не встрѣчалъ и не знаетъ его наружности.

— Я не указываю на этихъ именно дворовыхъ,—говорилъ противъ дознанія Леопольдовъ, — изъ нихъ не только одинъ, но и всѣ они

могутъ не знать меня въ лицо; я показываю, что носилъ обратво бумаги къ Молчанову Василіи, а кто онъ такой: дворовой или другой человѣкъ, можетъ быть, я и ошибся.

— А какъ ему фамилія? задалъ вопросъ одинъ изъ судей?

— Онъ—простолудинъ, поэтому у него можетъ и не быть фамиліи. Далѣе слѣдовало показаніе А. С. Пушкина.

— Стихи дѣйствительно сочинены мною, — говорилъ поэтъ, — но написаны гораздо прежде послѣднихъ мятежей, и помѣщены въ элегіи «Андрей Шенье», напечатанной съ пропусками въ собраніи моихъ стихотвореній. Разумѣть въ элегіи наши мятежи отнюдь нельзя, — это грубая ошибка, кривое толкованіе. Стихи явно относятся къ французской революціи, коей Андрей Шенье погибъ жертвою. Можно объяснить каждую строфу именно въ пользу революціи. Я говорю: «я славилъ твой небесный громъ, когда онъ разметалъ позорную твердню» — это взятіе Бастиліи, воспѣтое Андреемъ Шенье. Затѣмъ: «я слышалъ братскій ихъ обѣтъ, великодушную присягу и самовластію безтрепетный отвѣтъ». Это обозначаетъ вотъ что: присяга du jeu de raquette и отвѣтъ Мирабо—*allez dire à votre ministre*. «И пламенный трибунъ» и проч. и «уже въ безсмертный пантеонъ святыхъ изгнанниковъ входили славны тѣни» — это перенесеніе тѣлъ Вольтера и Руссо въ Пантеонъ. Наконецъ, «мы свергнули царей» — было въ 1793 году, «убійцу съ палачами избрали мы въ цари» — Робеспьеръ и Конвентъ. Я повторяю, что всѣ сіи стихи никакъ безъ ясной безсмыслицы не могутъ относиться къ 14-му декабря. Кто далъ стихамъ это ошибочное заглавіе — я положительно не знаю; не помню также и того, кому я могъ передать свою элегію «Андрей Шенье». Я вполнѣ утверждаю и для большей ясности показываю, что стихи, извѣстные подъ заглавіемъ: «14-го декабря 1825 г.», есть отрывокъ изъ элегіи, названной мною «Андрей Шенье».

Этимъ судебное слѣдствіе и окончилось. Военный судъ постановилъ резолюцію, которую утвердилъ и аудиторіатскій департаментъ. На основаніи ея штабсъ-капитанъ Алексѣевъ и прапорщикъ Молчановъ признавались виновными въ томъ, что хотя они не сознавали истиннаго значенія стиховъ и, по своему легкомыслію, не предполагали, что они вредны для умовъ, но тѣмъ не менѣе держали ихъ у себя тайно и передавали въ другія руки. Несмотря на смягчающія вину обстоятельства, за такое преступленіе, по силѣ законовъ, обвиняемые подлежали все-таки строгому наказанію, но, примѣняясь къ милосердію его величества и согласно мнѣнію командующаго гвардейскимъ корпусомъ великаго князя Михаила Павловича, было положено опредѣленіе: штабсъ-капитана Алексѣева выдержать одинъ мѣсяцъ въ крѣпости, а потомъ выписать изъ гвардіи въ армейскій полкъ тѣмъ же чиномъ; Молча-

нову же, который подвергся уже оштрафованію переводомъ изъ гвардіи въ армію и при томъ находился въ тюремномъ замкѣ, да и нынѣ содержится подъ арестомъ, вѣннать все это въ наказаніе и отправить въ полкъ.

О прочихъ подсудимыхъ въ опредѣленіи было сказано, что такъ какъ они люди гражданскіе, то Леопольдова предать гражданскому суду по уголовнымъ дѣламъ. Относительно же Пушкина говорилось, что если въ дѣлѣ не имѣется обстоятельствъ, вполнѣ уличающихъ его въ преступленіи, то равно нѣтъ и оправдывающихъ; поэтому уголовному суду вѣнналось истребовать отъ Пушкина, въ чемъ будетъ нужно, всестороннее объясненіе и предать «сочинителя стиховъ» судимости по законамъ о лицахъ гражданскихъ. Выражалось въ опредѣленіи также подозрѣніе и на помѣщика Коноплева, но о подсудности его ничего не было сказано, а только рекомендовалось суду удостовѣриться въ томъ, что такъ ли происходило дѣло съ полученіемъ стиховъ отъ Леопольдова, какъ Коноплевъ рассказывалъ генералу Скобелеву.

Такимъ образомъ дѣло о пушкинскомъ отрывкѣ и рылѣвскомъ письмѣ направилось изъ военнаго въ гражданское вѣдомство. Главный штабъ передалъ высочайше подтвержденный докладъ аудиторіатскаго департамента министру юстиціи князю Д. И. Лобанову-Ростовскому. Министръ сообщилъ его Правительствующему Сенату, а послѣдній указомъ далъ знать новгородскому губернскому правленію, такъ какъ Леопольдовъ въ то время находился въ вѣдѣніи новгородской полиціи.

Уѣздный судъ получалъ отъ губернскаго правленія довольно пространный указъ, въ которомъ было прописано все дѣло и въ концѣ стояло порученіе, чтобы слѣдствіе производилось подробно, обстоятельно и чтобы дѣло это уѣздный судъ вообще «предалъ строгому сужденію».

Дѣйствительно, уѣздный судъ развилъ судебное слѣдствіе до такихъ предѣловъ, что, кромѣ Леопольдова, Пушкина и Коноплева, къ дѣлу были еще привлечены: военный писарь Евграфъ Яковлевъ, аптекарскій помощникъ Скотти, ревельская уроженка Пахманъ и дворовый человѣкъ Василій Брызгаловъ.

И на слѣдствіи, и на судѣ всѣ указанные обвиняемые, кромѣ Леопольдова, по обычаю нашихъ прежнихъ судовъ, отсутствовали. Уѣздный судъ, по мѣстожительству подсудимыхъ, дѣлалъ только полицейскимъ властямъ запросы объ отзывахъ, обыскахъ, словомъ, судебный механизмъ двигался тогда посредствомъ бумажной переписки. За то Леопольдова таскали въ судъ неоднократно. Когда его привели первый разъ, онъ измѣнилъ свое показаніе и сказалъ, что письмо Рылѣва получилъ не отъ Молчанова, а ему передалъ Брызгаловъ, крѣпостной человѣкъ подполковницы Гурьевой, живущій въ Москвѣ, и

что это было въ первыхъ числахъ августа 1826 г. По этому поводу московскій оберъ-полиціймейстеръ генералъ Шульгинъ производилъ разслѣдованіе, на которомъ Брызгаловъ объяснилъ, что письмо Рылѣва получилъ онъ въ Петербургѣ, вскорѣ послѣ казни преступниковъ, отъ военнаго писаря Яковлева, служившаго въ канцеляріи великаго князя Михаила Павловича; Яковлевъ рассказывалъ ему, что письмо не подлинное, а списанная его рукою копія. Вернувшись въ Москву, Брызгаловъ привезъ и письмо, которое увидалъ у него кандидатъ Леопольдовъ, сталъ просить прочесть и взялъ его къ себѣ домой, но списывалъ ли онъ съ него копію, объ этомъ не знаетъ; зловредныхъ сочиненій Леопольдовъ ему никакихъ не давалъ, поэтому онъ ихъ не читалъ и никто изъ сочинителей преступныхъ стиховъ ему неизвѣстенъ. Представляя это изслѣдованіе въ уѣздный судъ, генералъ Шульгинъ вмѣстѣ съ тѣмъ препровождалъ и списокъ съ письма Рылѣва, а также и картину съ надписью, сдѣланною рукою писаря Яковлева. Относительно списка и картины оберъ-полиціймейстеръ писалъ, что они были найдены при обыскѣ въ комнатѣ Брызгалова, въ числѣ прочихъ бумагъ, не относящихся къ настоящему дѣлу. Въ заключеніе Шульгинъ сообщалъ суду, что въ квартирѣ помѣщицы Гурьевой оставленъ Леопольдовымъ, послѣ отъѣзда его въ 1826 г., чемоданъ съ вещами и что онъ опечатанъ.

Уѣздный судъ, подозрѣвая Богъ знаетъ что въ чемоданѣ, послалъ оберъ-полиціймейстеру бумагу какъ-бы съ упрекомъ, зачѣмъ онъ не осмотрѣлъ вещи, и просилъ чемоданъ доставить «сколь возможно поспѣшно» въ Новгородъ. Чемоданъ прибылъ и былъ вскрытъ; въ немъ оказались: книги на русскомъ, латинскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, собственныя рукописи Леопольдова, касающіяся духовныхъ предметовъ, рукописи, трактующія о литературѣ и философіи, переводы разныхъ иностранныхъ авторовъ и переписка его съ г. Станевичемъ по поводу религіи. Рукописи и книги, по компетенціи суда, ничего въ себѣ злонамѣреннаго противъ правительства не заключали. Сверхъ того въ чемоданѣ найдено: чугунное ядро, вѣсомъ 8 фунтовъ, 3 пули величиною въ каленый орѣхъ и два свинцовыхъ слитка, по 1 фунту вѣсомъ.

Приведенный въ судъ Леопольдовъ относительно этихъ вещей объяснилъ:

— Чугунное ядро,—говорилъ онъ,—я купилъ въ 1825 году у неизвѣстнаго мнѣ поселяннина для подвѣшиванія къ часамъ вмѣсто гири, а самыя гири разсѣкалъ и приготавлиалъ изъ кусковъ пульки, какія и найдены въ чемоданѣ. Пули мнѣ нужны были для охоты на крупную дичь и звѣря.

На священническомъ увѣщаніи Леопольдовъ не отказался отъ своихъ словъ.

— У васъ есть аттестатъ—гдѣ же онъ?—спросилъ судья.

— Есть. Мнѣ выданъ аттестатъ изъ Московскаго университета по случаю окончанія въ немъ курса словесныхъ наукъ. Я оставилъ его въ Петербургѣ, на квартирѣ, въ домѣ купца Варварина, что близъ Воспитательнаго дома. Меня тамъ арестовали и такъ скоростажно отправили въ Новгородъ, что я не успѣлъ захватить вещей; все осталось на квартирѣ.

Леопольдовъ пересчиталъ, какія именно остались вещи: двѣ подушки, одѣяло, двѣ пары сапогъ, 3 простыни, 3 рубашки, 3 жилета, двѣ пары наволочекъ, двое брюкъ суконныхъ, 3 манишки, 3 носовыхъ платка, двѣ батистовыя косынки, 8 полотенцевъ, 2 пары чулокъ, чернаго дерева чубукъ, ермолка, печать и книги—латинскій лексиконъ, вторая часть творенія Тацита, на латинскомъ и французскомъ языкахъ, «Полярная Звѣзда» 1824 г., поэма «Аталія», проповѣди и сумка съ литературными бумагами.

— Я даже остался должнымъ 38 р. чиновнику Скотти, проживавшему со мной на одной квартирѣ, и 21 р. хозяйкѣ,—сокрушенно добавилъ Леопольдовъ.

Для провѣрки его показаній уѣздный судъ просилъ петербургскаго оберъ-полиціймейстера допросить чиновника Скотти и хозяйку Пахманъ, сдѣлать опись вещамъ и все вмѣстѣ съ аттестатомъ представить въ судъ.

По доставленіи оберъ-полиціймейстеромъ Книжнѣннымъ просимыхъ документовъ, оказалось, что въ описи дѣйствительно помѣщены были всѣ тѣ вещи, о которыхъ говорилъ Леопольдовъ; въ аттестатѣ же, данномъ 8-го ноября 1826 г., было сказано, что онъ принятъ въ университетъ въ число студентовъ изъ духовнаго званія, и, при испытаніи по отдѣленію словесныхъ наукъ, оказалъ отличные успѣхи, съ примѣрнымъ поведеніемъ, почему и удостоенъ степени кандидата отдѣленія словесныхъ наукъ, при чемъ ему предоставлено право пользоваться преимуществами на службѣ по положенію о производствѣ въ ученныя степени.

Хозяйка Пахманъ, какъ видно изъ полицейскаго слѣдствія, объяснила, что Леопольдовъ нанялъ у нея особую комнату въ концѣ ноября 1826 г. за 20 р. въ мѣсяцъ; прожилъ одну недѣлю, а потомъ ради экономіи сговорился съ квартировавшимъ Скотти жить въ одной комнатѣ; Скотти за комнату и кушанье платилъ аккуратно. Наканунѣ Рождества Христова Леопольдовъ внезапно былъ взятъ пріѣхавшимъ фельдшеремъ, но неизвѣстно, по какому дѣлу. Арестованный не только не уплатилъ за столъ и квартиру 20 рублей, но даже на дорогу взялъ у

нея 50 коп. и сказалъ, когда прѣдетъ, такъ отдастъ, а теперь за-
логомъ оставилъ вещи. При выходѣ еще взялъ 50 к. на скорую руку.
Леопольдовъ ни разу ей денегъ не давалъ, она хорошо знаетъ,
что онъ и Скотти задолжалъ 38 руб. Насчетъ возмутительныхъ дѣйствій
14-го декабря онъ никогда съ нею не говорилъ; видѣла она у Леополь-
дова тетради, книги и разныя бумаги, но какія—не знаетъ; видѣла, какъ
онъ писалъ; но что писалъ,—ей неизвѣстно. Карлъ Скотти показавъ,
что съ Леопольдовымъ онъ былъ знакомъ только тогда, когда жилъ съ
нимъ въ одной комнатѣ. Ему легко можно было видѣть, что дѣлалъ
его сожитель; онъ часто писалъ, переводилъ разныя печатныя
вещи съ французскаго и латинскаго на русскій языкъ. Писалъ
ли онъ относительно происшествій 14-го декабря, Скотти не видалъ и
были ли у него насчетъ этого какія-либо сочиненія—не знаетъ. Вооб-
ще Леопольдовъ не стѣснялся сожительствомъ, писалъ и занимался,
не скрываясь. По поводу ареста и задолженности Скотти показавъ то же,
что и хозяйка.

Вотъ всѣ данныя, какія были собраны противъ Леопольдова слѣд-
ствіемъ.

Былъ допрошенъ въ Петербургѣ, по просьбѣ суда, писарь Яковлевъ,
который показавъ, что копию съ письма преступника Рылѣва списалъ
въ канцеляріи великаго князя и отдалъ ее дворовому Брыгалову
мѣсяца черезъ два послѣ казни Рылѣва; намѣренія худого онъ въ
этомъ не имѣлъ, а дѣйствовалъ единственно изъ любопытства, потому
что письмо не находилось въ секретѣ; кромѣ этой копии, онъ другихъ
вредныхъ писемъ и противуправительственныхъ стиховъ не имѣеть.

Останавливалось дѣло за Коноплевымъ и Пушкинымъ, но ихъ въ
Москвѣ на жительство не оказалось. Правда, вскорѣ московскій оберъ-
полиціймейстеръ сообщилъ уѣздному суду, что Коноплевъ выѣхалъ въ
Кромскій уѣздъ, Орловской губерніи; однако, и тамъ его не нашли.
Въ концѣ концовъ оба они объявились въ Петербургѣ. Въ октябрѣ
управа благочинія доставила суду объясненіе чиновника Коноплева
и отобранные у него стихи Пушкина и письмо Рылѣва, при этомъ
добавила, что въ квартирѣ Коноплева найдены еще бумаги, заслу-
живающія вниманія правительства, но такъ какъ онѣ не относятся къ на-
стоящему дѣлу, то и не отосланы въ судъ, а будутъ предоставлены въ
распоряженіе генераль-адъютанта Бенкендорфа. Въ отзывѣ же своемъ
Коноплевъ показавъ, что онъ, находясь по секретной части при гене-
ралѣ Скобелевѣ, интересовался всякими подпольными дѣлами. Разъ
узнаетъ онъ отъ кандидата Леопольдова, что у него имѣются стихи на
14-е декабря; онъ попросилъ у него списать изъ любопытства, и тотъ ему
далъ.

Списывая стихи, Коноплевъ убѣдился, что они сочинены противъ

правительства. Тогда онъ собирався ѣхать въ отпускъ въ Саратовскую губернію, поэтому посѣщавъ, въ силу своихъ обязанностей, доставить ихъ генералу Скобелеву. Генералъ былъ боленъ и доложить самъ объ этихъ стихахъ по начальству не могъ, однако, сознавая всю важность ихъ, далъ Коноплеву записку и отправилъ его со стихами прямо къ генералу Бенкендорфу, которому Коноплевъ и объяснилъ подробно, откуда появились возмутительные стихи. Спустя нѣсколько дней, Коноплевъ получилъ отъ генерала Скобелева приказаніе отправиться на поиски Леопольдова. Послѣдняго Коноплевъ нашелъ въ Петербургѣ и отобралъ отъ него свѣдѣніе, откуда и при какихъ обстоятельствахъ получены были имъ возмутительные стихи. Сдѣлавъ это, Коноплевъ вернулся въ Москву и доложилъ Скобелеву обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, какъ объ исторіи появленія стиховъ «14-го декабря» у Леопольдова, такъ и о долгихъ скитальческихъ розыскахъ его. Скобелевъ увѣдомилъ объ этомъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, и вскорѣ всѣ прикосновенныя къ этому дѣлу лица были взяты.

Допросъ съ Пушкина снималъ петербургскій оберъ-полиціймейстеръ. Показанія въ допросѣ по смыслу были тождественны съ показаніями, прежде данными повтомъ, но по словамъ отличались видимою рѣзкостью и раздражительностью; впрочемъ, въ концѣ стояла маленькая прибавка о томъ, что элегія «Андрей Шенье» пропущена цензурою 8-го октября 1825 г. и цензурованная рукопись, какъ ненужная, Пушкинымъ затеряна.

29-го октября 1827 года дѣло это слушалось въ новгородскомъ уѣздномъ судѣ. Сначала было прочитано въ длинномъ извлеченіи военно-судное дѣло о гвардейскихъ офицерахъ и прикосновенныхъ гражданскихъ лицахъ, затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ письменныхъ допросовъ, отзывовъ, показаній и проч.

Въ концѣ засѣданія Леопольдовъ, одинъ присутствовавшій на судѣ, объяснялъ чистосердечно.

— Письмо и стихи — говорилъ онъ, — взялъ я единственно изъ любопытства и сдѣлалъ надпись на стихахъ «14-го декабря 1825 г.», какъ разумѣлъ, что они по содержанію относятся къ декабрьскимъ беспорядкамъ. Дѣйствительно, я понялъ впоследствии, что стихи вредные, даже возмутительные, и тогда же намѣренъ былъ представить по начальству, но не успѣлъ по случаю скорой отлучки изъ Москвы къ родителямъ. Тутъ истинно виновата моя посѣшность; она мнѣ помѣшала. Увѣряю всей душою г.г. судей, что держалъ я стихи безъ всякаго зловреднаго намѣренія. Заклинаю себя всемогущимъ Богомъ, что къ возмущенію общества дѣли никогда не имѣлъ и ни съ кѣмъ на возмущеніе согласенъ не былъ.

Разрѣшая дѣло, уѣздный судъ аптекарскаго помощника Скотти и

ревельскую уроженку Пахманъ оставилъ отъ суда и слѣдствія свободными, такъ какъ они ничѣмъ со стороны другихъ обвиняемыхъ не были оговорены и по слѣдствію подозрѣнія на себя ни въ чемъ не навлекли. Двороваго челоуѣка Брызгалова тоже освободили, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Брызгаловъ имѣлъ у себя отъ писаря Яковлева письмо преступника Рылѣева и послѣ передалъ его Леопольдову. Письмо это, хотя со стороны Рылѣева «укоризненнаго насчетъ правительства» не содержало, но писано было лицомъ, лишеннымъ права гражданства и подвергнутымъ смертной казни. Къ такому письму не слѣдовало питать ни малѣйшаго интереса, а не только передавать его изъ любопытства и обращать на него вниманіе другихъ. Поэтому мѣстное начальство обязывалось строго внушить Брызгалову, съ отобраніемъ подписки, чтобы онъ и впредь «не покушался интересоваться и изъ любопытства имѣть у себя письма подобныхъ лицъ». Отобранныя у Брызгалова картину и письмо Рылѣева присуждено: первую—возвратить ему обратно, а второе—хранить при дѣлѣ, положивъ на него знакъ уничтоженія.

Объ упоминаемомъ писарѣ Яковлевѣ, который переписывалъ письмо Рылѣева и передалъ копію Брызгалову, судомъ не сдѣлано никакого заключенія, а лишь постановлено, какъ о непринадлежащемъ къ гражданскому вѣдомству, поступокъ его представить на разсмотрѣніе того начальства, коему онъ подвѣдомственъ.

Противъ калужскаго помѣщика Коноплева были приведены данныя въ томъ, что онъ будто-бы стихи, полученные отъ Леопольдова, представилъ въ 1826 г. при посредствѣ генерала Скобелева, лично генералъ-адъютанту Бенкендорфу, но тогда ли имъ на самомъ дѣлѣ были стихи получены и доставлены по начальству, нѣтъ положительной достовѣрности. Кромѣ того, какъ видно изъ сообщенія петербургской управы благочинія, у Коноплева были найдены бумаги, которыя, хотя и не относились къ этому дѣлу, но тѣмъ не менѣе имѣютъ по содержанію особенный характеръ и заслуживаютъ вниманія правительства. Наконецъ, по поводу взятыхъ у Коноплева отрывка и письма Рылѣева, не отобрано объясненія въ томъ, на какоу предметъ они у него находятся. Исходя изъ такихъ соображеній, судъ постановилъ о Коноплевѣ «предоставить изслѣдованію и разсмотрѣнію мѣстнаго начальства, гдѣ онъ служитъ или проживаетъ».

Относительно Пушкина состоялось такое же постановленіе. Ему ставилось на видъ, что онъ не представилъ суду доказательствъ въ томъ, что стихи «Андрей Шенье» были сочинены имъ и пропущены цензурою ранѣе декабрскихъ происшествій. А за утерю рукописи его обвинили «въ небрежномъ храненіи цензурою непропущеннаго сочи-

ненія, которое могло бы произвести вредное вліяніе на умы, склонныя къ вольномыслию».

Больше всѣхъ, конечно, пострадалъ кандидатъ правъ Леопольдовъ. Обвиненіе его сводится къ слѣдующему: Леопольдовъ, получивъ отъ Молчанова возмутительные стихи, переписалъ и учинилъ на нихъ преступную надпись «14-го декабря 1825 г.»; затѣмъ, стихи съ письмомъ Рылѣва начальству не представилъ, а передалъ списокъ съ нихъ помѣщику Коноплеву, какъ онъ, Леопольдовъ, во всемъ этомъ и сознался. Такое обвиненіе сложилось несмотря на признаніе судомъ за Леопольдовымъ того, что онъ письмо и отрывокъ имѣлъ изъ любопытства и на послѣднемъ сдѣлалъ надпись сообразно ихъ смыслу, что къ возмущенію общества цѣли никакой не имѣлъ и ни съ кѣмъ согласенъ на то не былъ, что найденныя у него книги, рукописи и частная переписка не показываютъ его наклонности къ вольнодумству и ничего какъ злонамѣреннаго противъ правительства, такъ и «растлительнаго для нравовъ» не заключаютъ и что, наконецъ, въ пріязненныхъ его связяхъ и знакомствѣхъ не усматривается, чтобы Леопольдовъ имѣлъ умыселъ составить партіи, опасныя государственному спокойствію.

Относительно имущества Леопольдова постановлено: кожаный чемоданъ, книги, три пули, куски свинца продать съ публичнаго торга и вырученными деньгами погасить долгъ его 59 руб. Скотти и Пахманъ, а остатокъ, если таковой окажется, отослать въ казначейство для причисленія къ государственнымъ доходамъ. Курьезно распорядились съ чугуннымъ ядромъ: его рѣшено было отослать къ начальнику войскъ въ Новгородъ, генералу Подейскому съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ ядро въ какую-либо артиллерійскую роту для практическаго ученія.

Леопольдова приговорили, лишивъ чина 10-го класса и личнаго дворянства, образованіемъ присвоеннаго, заклепать въ кандалы и сослать въ каторжныя работы.

Уѣздный судъ помѣщался въ екатерининскомъ зданіи присутственныхъ мѣсть, въ той небольшой темной комнатѣ, которая теперь отведена подъ канцелярію старшаго нотаріуса. Указанный приговоръ постановили судьи изъ тогдашнихъ помѣщиковъ—уѣздный судья Тырковъ и засѣдатели Литвиновъ и Лосунскій, при секретарѣ Омиинѣ.

По принятому порядку, рѣшенныя дѣла уѣздные судьи отсылали для обревизованія въ уголовныя палаты своей губерніи. Поэтому и настоящее дѣло уѣздный судъ со своимъ рѣшеніемъ направилъ въ подлинникъ (копію съ него оставилъ у себя) въ новгородскую палату уголовного суда. Изъ описей и дѣлъ палаты, хранящихся нынѣ въ новгородскомъ окружномъ судѣ и любезно предоставленныхъ мнѣ предсѣдателемъ А. Г. Гизетти, усматривается, что дѣло о Леопольдовѣ, Пушкинѣ и другихъ лицъ причастныхъ было въ палатѣ начато подъ та-

кимъ заглавіемъ: «Изъ новгородскаго уѣднаго суда о кандидатѣ словесныхъ наукъ Московскаго университета, состоящемъ въ 10-мъ классѣ Андрей Филипповъ Леопольдовъ, сужденномъ за имѣніе у себя возмутительныхъ стиховъ сочиненія А. Пушкина и учиненіе на нихъ надписи, что они на 14-е декабря 1825 года. Началось 2-го ноября 1827 года, кончилось 6-го марта 1828 года; на 109-ти листахъ».

Къ сожалѣнію, дѣло это въ 1884 году, по требованію, отослано въ департаментъ министерства юстиціи и тамъ осталось до сего дня; въ архивѣ же бывшей палаты сохранился лишь протоколъ, который представляетъ «экстрактъ» изъ подлиннаго дѣла и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, какія имѣются и въ дѣлѣ уѣднаго суда. Въ концѣ протокола, между прочимъ, приведено рѣшеніе, разнящееся съ рѣшеніемъ уѣднаго суда въ томъ, что вещи Леопольдова не продавать, а возвратить ему обратно и взыскать съ него долгъ въ пользу Пахманъ и Скотти, при чемъ уѣдному суду дѣлается выговоръ за неаккуратность въ разспросахъ Леопольдова и Коноплева.

Затѣмъ, по даннымъ, оглашеннымъ уже въ печати ¹⁾, дѣло это пошло въ Правительствующій Сенатъ: Леопольдовъ былъ присужденъ къ лишенію кандидатскаго званія, присвоенныхъ преимуществъ и отдачѣ въ солдаты; Пушкинъ же, хотя и долженъ былъ быть подвергнутъ отвѣту, но, за силою всемилоствѣйшаго манифеста 22-го августа 1826 года, избавленъ отъ суда и слѣдствія, съ предупреденіемъ, подъ строгою отвѣтственностью, не выпускать безъ цензуры своихъ произведеній. Рѣшеніе Сената разсматривалось въ Государственномъ Совѣтѣ и было отиѣнено. Леопольдову въ наказаніе засчиталось содержаніе его въ тюрьмѣ и подтверждалось, чтобъ въ подобныхъ поступкахъ былъ осмотрительнѣе.

На этомъ дѣло о преступномъ отрывкѣ кончилось, оставалось только объявить сужденнымъ рѣшеніе высшей инстанціи, но Пушкина не нашли. Изъ краткой переписки, найденной мною въ архивѣ губернскаго правленія, видно, что въ концѣ 1830 года петербургскій оберъ-полицеймейстеръ писалъ въ это правленіе о розыскѣ «чиновника 10-го класса Александра Пушкина» и было сдѣлано соотвѣтственное распоряженіе. Полицейскіе чины розыскивали въ Новгородѣ поэта, но не нашли, и сообщали собранныя свѣдѣнія о томъ, что «чиновникъ Пушкинъ» дѣйствительно былъ въ Новгородѣ, останавливался на постояломъ дворѣ ²⁾ купца Березина и выѣхалъ по направленію къ Москвѣ.

¹⁾ „Русск. Стар.“, т. XI, стр. 584.

²⁾ Впослѣдствіи гостиница, существующая и понынѣ.

Полиція розыскивала Пушкина для объявленія ему рѣшенія Государственнаго Совѣта ¹⁾.

Въ концѣ концовъ это рѣшеніе было объявлено поэту въ Москвѣ въ 1831 году ²⁾.

А. Слезкинскій.

---

¹⁾ Въ 1829 году новгородское губерское правленіе спрашивало псковское правленіе о пребываніи въ той губерніи Пушкина и получило отвѣтъ, что Пушкинъ проживаетъ въ Петербургѣ. „Русск. Стар.“, т. XXXIV, стр. 468.

²⁾ Тамъ же, стр. 469.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

пруссаго флигель-адъютанта Малаховскаго.

(1813 — 1820 годовъ).

Нодъ заглавіемъ «Воспоминанія изъ прусской старины» ¹⁾, въ Лейпцигѣ изданы автобіографическія записки генерала Малаховскаго, обнимающія собою періодъ его жизни съ конца прошлаго столѣтія до 1821 года. Потомокъ поляка, перешедшаго на прусскую службу и принявшаго протестантство вслѣдствіе брака съ лютеранкой, онъ участвовалъ во всѣхъ войнахъ съ Наполеоновскою Франціей, а послѣ назначенія въ началѣ 1815 года флигель-адъютантомъ къ королю Фридриху-Вильгельму III, сопровождалъ его въ поѣздкахъ на Вѣнскій, Ахенскій и Троппаускій конгрессы, находился при королѣ во время вторичнаго пребыванія союзниковъ въ Парижѣ, сопутствовалъ ему въ его путешествіи въ Россію и самъ ѣздилъ въ Петербургъ по особому порученію короля. Воспоминанія Малаховскаго написаны простымъ, яснымъ слогомъ, безъ всякихъ притязаній на особое историческое значеніе и присвоеніе себѣ исключительной роли. Хотя въ сужденіяхъ автора и проглядываетъ иногда пруссакъ, но его воспоминанія въ той части, которая касается Россіи и русскихъ, въ общемъ, лишены нетерпимости и предвзятости мнѣній, которыми отличаются въ большинствѣ случаевъ воспоминанія иностранцевъ, писавшихъ о Россіи и русскихъ. Въ частности для насъ, русскихъ, воспоминанія Малаховскаго представляютъ много интересныхъ данныхъ для оцѣнки личности и политики императора Александра и

¹⁾ Erinnerungen aus dem alten Preussen.

его «вѣрнѣйшаго друга и союзника», короля прусскаго Фридриха-Вильгельма. Въ предлагаемыхъ извлеченіяхъ мы знакомимъ читателя съ наиболѣе интересною частью воспоминаній Малаховскаго, заключающею въ себѣ его воспоминанія о войнѣ 1813—1814 годовъ, о Вѣнскомъ и Траппаускомъ конгрессахъ, о поѣздкахъ въ Россію и проч. Въ первой части его воспоминаній, обнимающей періодъ его жизни до 1813 г., любопытно указаніе, что «тогдашняя педагогика кадетскихъ корпусовъ покоилась главнымъ образомъ на излюбленной системѣ побоевъ». Эта же система перешла изъ Пруссіи въ Россію и съ особой строгостью примѣнялась къ воспитанію юношества въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ общества.

I.

Въ войнѣ 1813—14 годовъ Малаховскій участвовалъ въ качествѣ адъютанта полковника Муціуса, командовавшаго кавалерійской бригадой.

Въ воспоминаніяхъ Малаховскаго за этотъ періодъ времени содержится любопытное указаніе, дающее возможность предполагать, что между прусскими и французскими солдатами, внѣ военныхъ дѣйствій, не существовало замѣтной враждебности. По крайней мѣрѣ, Малаховскій рассказываетъ, что послѣ взятія Гросъ-Гершена онъ отправился туда, чтобы поискать воды, и нашелъ деревню кишѣвшую ранеными пруссаками и французами, мирно и въ перемишкѣ тѣснившимися къ колодцамъ, чтобы получить хоть одинъ глотокъ воды.

Бригада, въ которой служилъ Малаховскій, входила въ составъ отряда, прикрывавшаго въ концѣ апрѣля переходъ черезъ Эльбу у Мейсена. Аванпосты должны были занимать попеременно прусская кавалерія и наши казаки. Такъ какъ кавалерійскіе полки, предназначенные для этой цѣли, нѣсколько запоздали, то въ первую очередь были поставлены казаки. Выполненіе этого плана было поручено Малаховскому, и, когда онъ, передавъ всѣ распоряженія и выбравъ мѣста для постовъ, вернулся къ полковнику Муціусу съ докладомъ объ этомъ, послѣдній сообщилъ ему, что хотя кавалерійскіе полки и прибыли, но въ такомъ изнуренномъ состояніи, что онъ счелъ настоятельно необходимымъ отправить ихъ отдохнуть, и надѣется, что Малаховскому удастся склонить казаковъ нести аванпостную службу безъ содѣйствія пруссаковъ. «При господствующемъ настроеніи русскихъ, — пишетъ Малаховскій, — это было щекотливой задачей». Для полученнаго порученія Малаховскій прибѣгнулъ къ маленькимъ хитростямъ, которыя не слѣдовало допускать

въ отношеніи къ солдатамъ союзнаго государства, ведшаго войну исключительно въ интересахъ Пруссіи. Запасшись доброй фляжкой рома и все-какими съѣстными припасами. Малаховскій отправился къ полковнику, командовавшему казаками, и между ними «быстро была сведена дружба». Малаховскій началъ тѣмъ, что сталъ расточать похвалы казачьимъ лошадямъ и въ особенности выставялъ ихъ выносливость въ сравненіи съ прусскими лошадьми. Затѣмъ онъ сообщилъ своему собеседнику, что прусскую кавалерію пришлось отправить обратно, и закончилъ свою рѣчь вопросомъ, не могутъ ли казаки одни нести аванпостную службу.

— Это мнѣ очень пріятно.—отвѣчалъ на ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ казачій полковникъ.

Такимъ образомъ цѣль Малаховскаго была достигнута, и онъ поспѣшилъ съ радостной вѣстью обратно къ своему начальнику.

Но ночью на Малаховскаго нашло сомнѣніе, достаточно ли бдительно несутъ казаки свою службу. Съ этою цѣлью онъ объѣхалъ всѣ пикеты, расположенные большимъ кругомъ, и все напелъ въ порядѣ. Въ центрѣ этого круга, въ задней комнатѣ какого-то замка, Малаховскій нашелъ казачьяго полковника лежащимъ въ кровати совершенно раздѣтымъ, курящимъ и попивающимъ чай.

Французскіе аванпосты стояли на разстояніи не далѣе ружейнаго выстрѣла отъ нашихъ пикетовъ, и Малаховскій обратилъ вниманіе казачьяго полковника на опасность для него подобнаго положенія; но на его замѣчаніе, что французы легко могутъ произвести внезапное нападеніе и захватить его, тотъ отвѣчалъ съ величайшимъ спокойствіемъ:

— Этого они не могутъ; мои казаки должны предупредить меня объ этомъ.

Пораженный подобной увѣренностью, Малаховскій тоже закурилъ трубку и сѣлъ выжидать, что́ будетъ. Вскорѣ появился взволнованный казакъ съ длиннымъ донесеніемъ, за нимъ послѣдовалъ второй и еще нѣсколько.

На вопросъ Малаховскаго о содержаніи этихъ донесеній, онъ получилъ въ отвѣтъ:

— Одинъ французъ на той сторонѣ взялъ въ руки ружье и посмотрѣлъ сюда, другіе смѣялись и танцовали.

Удовлетворенный подобной внимательностью, Малаховскій рѣшилъ самъ отдохнуть, велѣлъ задать корму своимъ лошадямъ и выпилъ нѣсколько чашекъ чая. Въ концѣ концовъ, страшно уставшій, онъ попросилъ казачьяго полковника дать ему мѣсто въ его кровати. Его просьба была охотно исполнена со словами: «ступай, братъ». Такъ они прекрасно проспали до разсвѣта, когда казаки одинъ за другимъ стали доносить о движеніи французовъ. Несмотря на это, Малаховскій и казачій полков-

никъ, вставши, напились чаю и только тогда сѣли на лошадей и выѣхали на линію. Въ разныхъ направленіяхъ видѣлись медленно подвигавшіяся впередъ большія массы французской пѣхоты, и кольцо изъ пикетовъ стало постепенно суживаться, пока наконецъ весь отрядъ не соединился у воротъ Мейсена. Затѣмъ казаки проѣхали городъ и переправились черезъ Эльбу.

Повидимому, за Малаховскимъ было признано особое искусство обращаться съ казаками. Такъ, онъ рассказываетъ, что на подорогѣ между Бунцлау и Гейнау было рѣшено атаковать непріятеля, заняшаго находившійся тамъ довольно значительный лѣсъ, и къ Малаховскому обратились съ просьбою повліять на упомянутаго казачьяго полковника въ томъ смыслѣ, чтобы казаки дѣйствовали въ этой атакѣ совместно съ прусскою кавалеріей. «Мой азіатскій другъ,—пишетъ Малаховскій,—божась, увѣрилъ меня въ своемъ содѣйствіи, и дѣло началось». Схватка не была продолжительна, но тѣмъ не менѣе добычей союзниковъ было нѣсколько сотъ раненыхъ и плѣнныхъ. По словамъ автора воспоминаній, казаки быстро воспользовались платьемъ плѣнныхъ и скоро гарцовали во французскихъ мундирахъ, предварительно обрѣзавъ у нихъ полы.

Въ воспоминаніяхъ Малаховскаго передается между прочимъ слѣдующій эпизодъ, любопытный для характеристики казаковъ. Въ одномъ дѣлѣ казаки храбро и проворно бросились вмѣстѣ съ прусскими уланами въ атаку противъ французскихъ стрѣлковъ, какъ вдругъ по всей линіи казаковъ пронесся крикъ «пушки!», и они всѣ съ поразительною быстротою скрылись. Затѣмъ, по окончаніи стычки, при сборѣ, они всѣ оказались на лицо. На вопросъ Малаховскаго, что все это значитъ, онъ получилъ отъ ихъ командира слѣдующій отвѣтъ:

— Приближалась артиллерія, которую мои казаки терпѣть не могутъ, такъ какъ они могли бы потерять своихъ лошадей.

Въ воспоминаніяхъ Малаховскаго приведенъ еще одинъ случай, когда ему пришлось столкнуться съ казаками. Однажды въ концѣ октября резервная кавалерія расположилась бивакомъ у Керслебена. Стояла очень холодная ночь съ сильною мятьею. Холодъ заставилъ Малаховскаго искать спасенія въ ближайшей деревнѣ. Онъ вошелъ въ первый домъ, въ окнахъ котораго замѣтилъ огонь, и въ маленькой, но очень теплой комнаткѣ нашелъ за чаемъ стараго казака-офицера. Знакомство было быстро завязано, и вскорѣ Малаховскій, согрѣтый и подкрѣпившійся, спалъ на соломѣ рядомъ со старымъ казакомъ.

Когда отрядъ, въ составъ котораго входилъ Малаховскій, стоялъ лагеремъ у Теплица, было получено извѣстіе о побѣдѣ подъ Кацбахомъ. Извѣстіе это было отпраздновано богослуженіемъ и артиллерійскими залпами, а на находившіеся напротивъ, на горѣ, французскіе

аванпосты былъ посланъ парламентаръ для сообщенія полученной новости. Французы отвѣтили очень вѣжливо, что желаютъ союзникамъ счастья, но что имъ о побѣдѣ подъ Кацбахомъ ничего не извѣстно. Тѣмъ не менѣе на слѣдующее утро всѣ французскіе аванпосты безслѣдно исчезли.

Первую ночь на французской территоріи въ 1814 году Малаховскому пришлось провести въ Хагонданжѣ, между Тіонвилемъ и Мецемъ, въ домѣ тестя одного изъ французскихъ генераловъ. Когда Малаховскій съ товарищами явились въ отведенный имъ домъ, они не нашли въ немъ слѣдовъ какихъ бы то ни было приготовленій для ихъ встрѣчи. На всѣ ихъ вопросы о съѣстномъ, имъ неизмѣнно отвѣчали: «это найдется», но далѣе этихъ словъ дѣло не подвигалось. По мѣрѣ того, какъ ихъ голодъ усиливался, ихъ требованія становились настойчивѣе, и наконецъ они заявили хозяину дома, что если онъ не желаетъ ничего дать имъ, то они сами возьмутъ, то что найдутъ. Въ отвѣтъ на свое заявленіе они выслушали слѣдующія слова: «ей Богу, я предпочитаю, чтобы это было взято, чѣмъ самому отдавать его».

Тотчасъ же были обысканы всѣ кладовыя и шкафы; провізіи оказалось въ изобиліи, и вскорѣ былъ приготовленъ прекрасный обѣдъ, въ которомъ, совершенно весело и простодушно, принялъ участіе самъ хозяинъ дома.

Когда пришло время ложиться спать, то оказалось, что тоже ничего не приготовлено. Пруссаки велѣли принести соломы и легли на полу, покрывшись шинелями, тогда какъ хозяинъ дома расположился спать на великолѣпной кровати съ четырьмя матрацами и скоро преспокойно заснулъ. Въ это время въ комнату вошелъ рейткнехтъ Малаховскаго и, увидѣвъ своихъ офицеровъ лежащими на самомъ полу, а хозяина-француза спящимъ на четырехъ матрацахъ, подошелъ къ нему и потребовалъ дать нѣсколько матрацовъ съ его «высокаго трона». На возраженіе старика «я не понимаю», онъ съ силою вытащилъ прямо изъ-подъ него сначала одинъ, а потомъ другой матрацъ. Но и это не заставило старика выйти изъ его спокойствія, и онъ только повторялъ съ невозмутимымъ равнодушіемъ: «вотъ такъ любезный молодой человекъ!» Малаховскій съ товарищами велѣлъ возвратитъ старику его матрацы, но сами они долго не могли уснуть отъ смѣха, вызваннаго происшедшей сценой.

При дальнѣйшемъ движеніи впередъ, при приближеніи къ какой-то деревнѣ, фланкеры донесли, что она занята французской пѣхотой; тѣмъ не менѣе отрядъ продолжалъ подступать къ деревнѣ, и, такъ какъ изъ нея не раздавалось ни одного выстрѣла, то были посланы лазутчики, и выяснилось, что она полна веселыми и мирными людьми. На встрѣчу къ отряду вышли французскіе офицеры и объявили, что они вынуждены

сдаться со своимъ баталіономъ, такъ какъ ихъ солдаты рѣшительно не въ состояніи сражаться.

Оказалось, что несчастный баталіонъ нашелъ въ деревнѣ массу молодого вина и черезчуръ увлекся имъ. Всѣ солдаты были совершенно пьяны и безпрекословно послѣдовали за прусскими кирасирами, которые въ началѣ много потѣшались надъ пѣніемъ и антраша подгулявшихъ французовъ.

II.

Малаховскому пришлось участвовать въ сраженіи подъ Парижемъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ описываетъ онъ впечатлѣніе, испытанное всѣми, когда вдругъ среди боя раздались слова: «перемиріе, миръ!»

«Передать впечатлѣніе, произведенное этими словами, невозможно; чтобы быть справедливымъ, я долженъ сознаться, что первое чувство, вызванное ими во мнѣ, было странное смѣшеніе мыслей: «Слава Богу, что это кончилось» и «жаль, что это кончилось».

«Огонь смолкъ, и появились Фридрихъ Вильгельмъ и императоръ Александръ. Ихъ привѣтствовало тысячекратное «ура!» изъ радостно и глубоко потрясенныхъ грудей. Въ это мгновеніе расторглись всѣ узы порядка, и все, что было верхомъ, ринулось съ дикою поспѣшностью вслѣдъ за монархами на Монмартръ, чтобы взглянуть на городъ, на цѣль, достигнуть которой стоило такъ много дорогой крови. Тамъ, внизу, онъ лежалъ передъ ними. Въ серьезной задумчивости смотрѣли и мы на него, какъ нѣкогда крестоносцы должны были смотрѣть на Іерусалимъ, и наши сердца, переполненные благодарностью, возносились къ Тому. Кто даровалъ намъ побѣду, спасеніе и успѣхъ!»

Спускаясь съ Монмартра, Малаховскій повстрѣчался съ однимъ генераломъ и, разговаривая съ нимъ, доѣхалъ незамѣтно до Лашапель, въ садахъ которой еще происходила горячая перестрѣлка. Не обращая на нее вниманія, они поѣхали далѣе и очутились передъ баталіономъ французской національной гвардіи. Тогда генераль, съ которымъ ѣхалъ Малаховскій, замахалъ французамъ хлыстомъ и прокричалъ: «Сложите оружіе! заключено перемиріе!» И такъ какъ сначала французы медленно исполняли это, онъ закричалъ имъ снова: «Я приказываю вамъ!—главнокомандующій!» (*Je vous l'ordonne!—général en chef!*). Послѣ этого они оба спокойно вернулись къ своимъ войскамъ.

Резервная кавалерія расположилась въ Лашапель и ея окрестностяхъ, и Малаховскій рассказываетъ, что вскорѣ сотни парижанъ а па-

рижанокъ въ экипажахъ, верхомъ и пѣшкомъ очутились тамъ, «чтобы увидѣть поле сраженія», при чемъ многіе, по преимуществу дамы, спрашивали съ живымъ любопытствомъ: «гдѣ же мертвые?»

19-го марта состоялся вѣздъ въ Парижъ императора Александра и Фридриха Вильгельма. На слѣдующій день Малаховскій съ нѣсколькими товарищами поѣхалъ въ столицу покоренной Франціи, чтобы нѣсколько освѣжить свой туалетъ, въ чемъ чувствовалась настоящая необходимость. Когда это дѣло было сдѣлано, они отправились обозрѣвать достопримѣчательности Парижа. Вскорѣ къ нимъ подошелъ какой-то изящно одѣтый французъ и предложилъ свои услуги въ качествѣ путевода. Подъ его руководствомъ они осмотрѣли Тюильри, Лувръ, Пале-Рояль, соборъ Парижской Богоматери и Домъ Инвалидовъ и въ концѣ концовъ попали въ Люксембургскій дворецъ. Послѣ долгихъ переговоровъ сопровождавшаго ихъ француза съ кѣмъ-то изъ администраціи дворца, прусскіе офицеры были введены въ громадную залу, въ которой оказалось большое общество почтенныхъ по виду мужчинъ. Одинъ изъ нихъ, старый человекъ, съ кривыми ногами, какъ оказалось, впоследствии самъ Талейранъ, подошелъ къ вошедшимъ и обратился къ нимъ со словами:

— Вы хотите осмотрѣть Люксембургскій дворецъ; вы сильнѣе—мы уступаемъ.

На это Малаховскій возразилъ, что они вовсе не хотѣли мѣшать кому бы то ни было, что если они и попали въ эту залу, то лишь вслѣдствіе увѣреній ихъ чичероне, что доступъ повсюду разрѣшенъ.

— О, это дѣло другое, господа!—возразилъ Талейранъ,—воспользуйтесь настоящимъ случаемъ!

Послѣ этого Малаховскій съ товарищами вышли изъ залы и принялись за обозрѣніе прочихъ комнатъ дворца. Позднѣе они узнали, что попали на засѣданіе сената, занимавшагося учрежденіемъ временнаго правительства.

Послѣ прекраснаго обѣда въ одномъ изъ ресторановъ Пале-Рояля, въ которомъ оказались обѣдавшими нѣсколько сотъ офицеровъ всѣхъ національностей и родовъ оружія, Малаховскій со своими спутниками отправился въ оперу, въ которой въ тотъ вечеръ давали «Весталку». Въ кассѣ имъ было объявлено, что билеты всѣ проданы, но ихъ выручилъ ихъ чичероне: онъ исчезъ куда-то и затѣмъ вернулся съ билетомъ на ложу втораго яруса.

Малаховскій не останавливается на личности своего спутника и не старается выяснитъ, кто онъ таковъ. Но тотъ фактъ, что онъ провелъ прусскихъ офицеровъ въ залу, въ которой происходило засѣданіе французскаго сената, таинственный способъ полученія имъ билетовъ и, наконецъ, его поведеніе въ театрѣ, о которомъ будетъ рассказано сейчасъ,

неволью заставляють предполагать въ немъ одного изъ тайныхъ агентовъ Талейрана.

Когда Малаховскій съ товарищами вошелъ въ театральную залу, въ ней царило молчаніе, полное выжиданія. Молчаніе это нарушалось лишь расхаживавшими по залѣ продавцами сластей. «Императоръ Александръ», «прусскій король», «герцогъ Іоркъ» (вмѣсто генераль Іоркъ), выкрикивали они сдержаннымъ шепотомъ, предлагая портреты названныхъ лицъ и бѣлыя бумажныя кокарды, охотно разбиравшіяся публикой.

Наконецъ появились монархи. Ихъ привѣтствовали ликоваanjemъ и криками, какіе, по отзыву Малаховскаго, можно услышать только во Франціи. «Да здравствуютъ союзники! Да здравствуетъ императоръ Александръ! Да здравствуютъ Бурбоны! Да здравствуетъ прусскій король! Да здравствуетъ Людовикъ XVIII!» — раздавалось со всѣхъ сторонъ. Въ довершеніе всего изъ небольшой ложи, которая была расположена надъ боковой императорской ложей, выльзъ какой-то чловѣкъ и, цѣпляясь, какъ кошка, спустился до орла, увѣнчившаго императорскую ложу, и занавѣсилъ его. Эта выходка была привѣтствована ужасающими криками: «долой тирана!» и «да здравствуютъ Бурбоны!» Подобный же крикъ повторился, когда то же самое было продѣлано съ орломъ, украшавшимъ ложу на противоположной сторонѣ. Въ виду полученныхъ одобреній, на этомъ не остановились, и вскорѣ оба орла, разбитые въ дребезги, лежали на сценѣ, что снова вызвало крики: «долой тирана! да здравствуютъ Бурбоны! да здравствуетъ Людовикъ XVIII!» При этомъ всѣ присутствовавшіе украшали себя кокардами, служившими, какъ извѣстно, символомъ приверженности Бурбонамъ. Затѣмъ артисты вынуждены были пропѣть на сценѣ брошенные имъ стихи «въ честь союзниковъ Бурбоновъ», и въ заключеніе они пропѣли вмѣстѣ съ публикой слѣдующіе куплеты въ честь Генриха IV:

„Vive Henri Quatre, vive ce roi vaillant,
Ce diable à quatre, qui a le triple talent,
De boire et de battre, et d'être un ver galant“.

Пока происходило все это, Малаховскій имѣлъ возможность убѣдиться, что ихъ спутникъ долженъ былъ быть завязтымъ роялистомъ. такъ какъ онъ оказался однимъ изъ наиболѣе ярыхъ крикуновъ. Рядомъ съ ложею, въ которой помѣщались Малаховскій и его товарищи, сидѣло нѣсколько русскихъ офицеровъ въ обществѣ какой-то дамы полусвѣта, а «какъ извѣстно, пишетъ Малаховскій, дамы парижскаго полусвѣта были вѣрнѣйшими приверженницами Наполеона». И вдругъ окошечко, раздѣлявшее обѣ ложи, раскрылось, въ него просунулась раскрашенная женская головка, и послышались слова, обращенныя къ спутнику прусскихъ офицеровъ: «О, негодяй! ему было оказано императоромъ столько благодарній». Съ поразительною быстротою чичероне пруссаковъ при-

щемиль шею красавицы задвижкой отъ оконца, и на размазанное личико посыпался градъ сильнѣйшихъ пощечинъ, вызывавшихъ у жертвы страшные крики.

Въ отвѣтъ на произведенный шумъ въ залѣ послышались возгласы: «полицію! вонъ!» Во избѣжаніе дальнѣйшаго скандала, пруссаки вытолкали своего проводника изъ ложы, ложу заперли на задвижку, а голову несчастной сторонницы Наполеона освободили изъ непріятнаго ожерелья.

Во время своего вторичнаго посѣщенія Парижа Малаховскому пришлось быть свидѣтелемъ, какъ «вѣрный французскій народъ, возлюбленные граждане Парижа» старались съ помощью длинныхъ канатовъ стащить въ Вандомской колонны статую ихъ героя Наполеона, въ чемъ имъ усердно содѣйствовали бородатые сыны уральскихъ и донскихъ степей, предоставившіе въ ихъ распоряженіе своихъ маленькихъ лошадей и пользовавшіеся за это щедрымъ угощеніемъ.

Въ началѣ апрѣля Малаховскій вмѣстѣ со штабомъ прусской резервной кавалеріи перешелъ въ мирный городокъ Аббевиль и былъ назначенъ его комендантомъ. Въ качествѣ таковаго ему суждено было принять участіе въ приѣмѣ Людовика XVIII, проѣзжавшаго черезъ Аббевиль по пути въ Парижъ. Для встрѣчи короля были сдѣланы большія приготовленія: повсюду видѣлись громадныя бѣлыя кокарды, широчайшіе бѣлые же шарфы и изображенія лиліи въ петлицахъ. Въ день приѣзда короля съ ранняго утра все въ городѣ пришло въ движеніе; дома разукрасились, всѣ власти въ напряженномъ ожиданіи собрались на Торговой площади. Прусскій генераль, начальникъ Малаховскаго, поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ на встрѣчу королю. Однако, на первой же станціи они узнали, что король проѣдетъ не ранѣе вечера, и потому вернулись обратно въ Аббевиль. «Здѣсь, пишетъ Малаховскій, я былъ забросанъ тысячею вопросовъ,—вопросовъ, какіе могутъ дѣлать только французы и евреи: «пріѣдетъ ли король? вы уже видѣли его? хорошо ли онъ выглядитъ? любезенъ ли онъ?» и т. д. Въ минутномъ порывѣ задорной веселости я представился совершенно удивленнымъ и, наконецъ, сказалъ: «Но, Боже мой, повидимому, вы еще ничего не знаете?»—«Какъ, какъ, что такое?»—«Король не пріѣдетъ, пріѣдетъ Наполеонъ; союзные государи примирились съ нимъ, и онъ, а не кто-либо другой пріѣдетъ сегодня вечеромъ». Всѣ, пораженные, уставились на Малаховскаго; кое-кто сталъ потихоньку отдѣлываться отъ шарфа и лилій. Видя, что шутка можетъ зайти слишкомъ далеко, Малаховскій рассказалъ правду и въ отвѣтъ услышалъ характерныя слова, которыя навсегда остались у него въ памяти: «Эхъ-хе! Это все равно; лишь бы пріѣхалъ кто-нибудь: все приготовлено!»

Наконецъ, появился король, eskortируемый польскими уланами.

Прусскія войска тоже стояли подъ ружьемъ. Передъ соборомъ король остановился. Малаховскій слѣдующимъ образомъ описываетъ его внѣшность: «это былъ старый, красивый человекъ, представительной наружности, но сильно страдавшій подагрой, такъ что въ церковь и къ алтарю его пришлось тащить въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ виду этого невольно возникали сомнѣнія, будетъ ли этотъ человекъ дѣйствительно въ состояніи управлять Франціей при столь трудныхъ обстоятельствахъ».

«Въ переполненной церкви, по словамъ Малаховскаго, не было и слѣдовъ благоговѣйнаго настроенія; громкій говоръ и шумъ наполняли ее, а въ одномъ изъ боковыхъ пролетовъ завязались даже споръ и драка. Малаховскій поспѣшилъ туда съ солдатами. Тамъ онъ нашелъ двухъ ярыхъ роялистовъ; одинъ изъ нихъ кричалъ: «да здравствуетъ король!», а другой—«да здравствуютъ Бурбоны!» Они никакъ не могли сойтись во мнѣніяхъ, и дѣло дошло до побоевъ. Оба они были немедленно схвачены и выведены на улицу, гдѣ Малаховскій сказалъ имъ:

— А теперь, господа, не стѣсняйтесь и постарайтесь сговориться.

Изъ церкви король отправился на обѣдъ, который городъ давалъ въ честь его. Малаховскій со своимъ начальникомъ сидѣлъ противъ короля. Послѣдній дружески разговаривалъ съ ними и самъ подливалъ имъ вина, говоря:

— Пейте, пейте, господа, оно превосходно; его даетъ мнѣ мой добрый городъ Аббевиль; въ Тюильри мнѣ нельзя будетъ предложить вамъ подобнаго.

Ночь король провелъ въ Аббевилѣ и на слѣдующее утро продолжалъ свой путь черезъ Аміенъ. Въ теченіе этой ночи польскіе уланы стали безчинствовать, но прусскіе кирасиры быстро усмирили ихъ.

III.

Въ числѣ лицъ, составлявшихъ свиту короля прусскаго, во время засѣданій Вѣнскаго конгресса, находился и Малаховскій. Въ своихъ воспоминаніяхъ за этотъ періодъ времени онъ описываетъ между прочимъ впечатлѣніе, произведенное на него русской пасхальной заутреней. 17-го апрѣля, послѣ театра и посѣщенія княгини Турнь-и-Таксисъ, король отправился съ нимъ къ императору Александру, для присутствованія въ православной церкви на пасхальной заутренѣ.

«Тамъ,—пишетъ онъ,—собрался весь блестящій русскій дворъ; присутствовали также какъ великія княгини Марія и Екатерина Павловны, такъ и императрица австрійская. Церковное торжество было въ высшей

степени величественно, чудное пѣніе производило по истинѣ захватывающее впечатлѣніе. Послѣ службы, по русскому обычаю, была подана пасха, и только въ три часа все было окончено».

Въ Вѣнѣ очевидно изыскивали всевозможныя средства для развлечения собравшихся царственныхъ гостей; такъ, въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, въ концѣ апрѣля, въ Аугартенѣ было устроено оригинальное зрѣлище—состязаніе въ бѣгѣ скороходовъ всѣхъ знатныхъ особъ. Кто вышелъ побѣдителемъ изъ этого соревнованія, Малаховскій не упоминаетъ.

Разсказывая объ этомъ зрѣлищѣ, Малаховскій съ грустью замѣчаетъ: «при всѣхъ этихъ удовольствіяхъ и развлеченияхъ я чувствовалъ, оставаясь наединѣ, что ни дворцы, ни празднества не въ состояніи дать сердцу спокойствія и веселія, и что ихъ можно найти и наслаждаться только въ мирномъ домашнемъ кругу».

Въ воспоминаніяхъ Малаховскаго сохранился слѣдъ того, до какой мелочной придирчивости доходили австрійцы въ отношеніи къ русскимъ. 10-го мая пруссаки имѣли прощальную аудіенцію у императора и императрицы австрійскихъ. Францъ очень милостиво увѣрялъ ихъ, что посѣщеніе пруссаковъ во всякое время крайне пріятно ему, что онъ надѣется, что вскорѣ они снова увидятся съ нимъ, когда «злой человекъ» (Наполеонъ) будетъ опять принужденъ къ покою. Шталмейстеру фонъ-Ягову была выражена особая признательность за то, что пруссаки проявили большую скромность въ пользованіи придворными лошадьми. «Съ русскими было не такъ,—сказалъ Францъ:—у нихъ, повидимому, нѣтъ никакого разсудка, они держали моихъ лошадей на улицѣ по цѣлымъ суткамъ; ну, это не могло нравиться мнѣ».

Въ іюнѣ 1815 года Малаховскій снова покинулъ Берлинъ, чтобы вмѣстѣ съ главной королевской квартирой слѣдовать за арміей. Описывая вѣздъ трехъ монарховъ въ Нанси, Малаховскій говоритъ: «платки развѣвались въ воздухѣ и «да здравствуютъ союзные государи» раздавалось изъ тысячъ глотокъ. Я не могъ не вспомнить объ Аббевилѣ и словахъ: «лишь бы пріѣхалъ кто-нибудь». Съ тѣхъ поръ, отдавая полную справедливость общежительнымъ талантамъ каждаго изъ французовъ въ частности, я питаю отвращеніе къ французскому національному характеру».

Въ Парижѣ квартира Малаховскому была назначена въ домѣ генеральши Нансути. Когда онъ явился туда, его встрѣтилъ старикъ, дядя хозяйки, типичный французъ добраго стараго времени. Онъ разспысался передъ нимъ въ учтивѣйшихъ увѣреніяхъ, что отель такъ тѣсенъ, что нѣтъ никакой возможности помѣстить въ немъ Малаховскаго. Послѣдній повѣрилъ искренности старика и отправился въ мѣрію просить объ отводѣ ему другой квартиры. Тамъ его тоже встрѣтили съ величайшей гѣбливостью.

— А мой Боже,—получилъ онъ въ отвѣтъ на свое заявленіе,—это лучшая квартира, и все дѣло лишь въ отсутствіи добраго желанія у этого стараго плута; прочтите его хорошенько, и вы останетесь вполне довольны.

Малаховскій вернулся обратно, сообщилъ своему хозяину, какого высокаго мнѣнія о немъ въ мѣри, и настоятельно потребовалъ, чтобы ему было отведено помѣщеніе. Старикъ стоялъ на своемъ; это вывело Малаховскаго изъ терпѣнія, и онъ спросилъ его, живетъ ли онъ въ комнатахъ, передъ которыми они стоятъ. Тотъ отвѣтилъ утвердительно. «Тогда,—сказалъ ему Малаховскій,—вы не будете жить въ нихъ болѣе, а въ нихъ поселюсь я». Старикъ храбро защищалъ входъ, но Малаховскій отстранилъ его и вошелъ въ нихъ.

Вскорѣ затѣмъ къ нему явился лакей съ просьбою посмотреть комнаты, единственныя, которыя оказывалось возможнымъ предоставить въ его распоряженіе. Малаховскій пошелъ за нимъ и увидѣлъ великолѣпную залу съ нѣсколькими примыкающими къ ней комнатами, въ которыхъ и расположился удобно. Нѣсколько времени спустя, послышался легкій стукъ въ дверь, и, на его разрѣшеніе войти, въ дверяхъ показался хозяинъ—невыразимо вѣжливый, съ нѣсколькими книгами въ рукѣ.

— О, если бъ я зналъ,—проговорилъ онъ, торопливо подходя къ Малаховскому съ распростертыми объятіями—что вы удовольствуетесь столь малымъ, недавно произошедшей прискорбной сцены не было бы!

Принесенныя книги были предложены Малаховскому, какъ дружескій подарокъ, но, уѣзжая, послѣдній не взялъ ихъ съ собою.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ Малаховскій поселился въ домѣ генеральши Нансути, онъ былъ приглашенъ къ ней обѣдать. «Эта дама,—пишетъ онъ,—принадлежала къ высшему обществу, но въ то же время была французенкой самаго непріятнаго свойства. За столомъ она изощрялась между прочимъ въ каламбурахъ и вымученныхъ шуткахъ насчетъ генерала *le plus cher* (Блюхера) ¹⁾. Долгое время Малаховскій крѣпился, но наконецъ не выдержалъ и заставилъ ее замолчать, сказавъ, что они нѣмцы, постоянно и очень охотно слѣдуютъ примѣру болѣе цивилизованныхъ французовъ; что поэтому, конечно, и генераль Блюхеръ въ Парижѣ могъ лишь въ слабой степени подражать примѣру ея супруга, реквизици, и принудительныя мѣры котораго въ прилегающей къ Одру мѣстности оставили по немъ живыя, но далеко не признательныя воспоминанія.

10-го іюля состоялось вступленіе въ Парижъ прусской гвардіи. Оба императора, Александръ и Францъ, ѣхали во главѣ своихъ полковъ, что, по словамъ Малаховскаго, приводило французовъ въ неописанный восторгъ.

¹⁾ Самаго дорогаго. Неумѣстный каламбуръ былъ построенъ на однозвучіи словъ „plus cher“ и фамиліи Блюхера, если ее написать латинскимъ шрифтомъ и прочесть по-французски: plus cher—blucher.

«О, этотъ прусскій король, какимъ онъ сдѣлался важнымъ,—слышались восклицанія—два императора—простыми полковниками въ его гвардіи! Наполеону никогда не удавалось достигнуть этого». Это и подобныя восклицанія слышались въ многотысячной толпѣ собравшихся любопытныхъ.

На этотъ разъ императоръ Францъ появился въ необычайно элегантномъ для него мундирѣ новѣйшаго покроя, что произошло вслѣдствіе слѣдующаго. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ случай не лишенъ интереса для характеристики Франца.

Наканунѣ дня, въ который должно было состояться вступленіе въ Парижъ прусской гвардіи, къ Малаховскому, въ переднюю короля, явился генералъ-адъютантъ Франца—Кучёра, по отзыву Малаховскаго, добродушнѣйшій изъ добродушныхъ австрійцевъ.

— Любезнѣйшій другъ,—обратился онъ къ нему послѣ взаимныхъ объятій,—я мученикъ, я не знаю, что дѣлать, сжальтесь надо мною и помогите мнѣ! Его величество императоръ слышалъ, что въ прусской арміи введены новыя панталоны, и безъ дальнѣйшихъ разсужденій желаетъ имѣть такія же завтра на парадѣ; я не знаю, какъ достать ихъ.

Малаховскій отвѣчалъ, что лейбъ-портной короля приготовить къ слѣдующему утру для императора такія же панталоны, и обрадованный Кучёра ушелъ, вторично обнявъ Малаховскаго.

Такъ какъ Кучёра говорилъ довольно громко, то король (прусскій) слышалъ весь разговоръ изъ сосѣдней комнаты, и, когда тотъ ушелъ, онъ вышелъ въ переднюю къ Малаховскому.

— Я бы хотѣлъ также,—сказалъ онъ, улыбаясь,—достать для императора Франца къ раннему утру завтрашняго дня и другую шляпу; его старая съ большимъ аграфомъ имѣетъ какой-то фантастическій видъ.

На предложеніе Малаховскаго послать утромъ генералу Кучёра и шляпу самаго послѣдняго фасона, какъ нѣчто новое въ прусской арміи, король отвѣтилъ согласіемъ и прибавилъ:

— Если вы достанете готовую, то я охотно заплачу за нее.

Разсказывая о происшедшемъ вскорѣ послѣ этого парадѣ 60.000 арміи герцога Веллингтона, состоявшей изъ англичанъ, ганноверцевъ, брауншвейгцевъ, нассаусцевъ и нидерландцевъ,—Малаховскій пишетъ, что англійскія войска, въ частности, кавалерія и артиллерія, превзошли по красотѣ все, что ему приходилось видѣть до тѣхъ поръ по части войскъ.

Вечеромъ, въ этотъ день Малаховскій въ первый разъ видѣлъ французскую трагедію «Федра». По этому поводу онъ высказываетъ слѣдующее любопытное мнѣніе о характерѣ французовъ. «Я и мои товарищи по военной академіи,—пишетъ онъ,—когда наши профессора Эрманъ и Пальміе часто угощали насъ французскими трагедіями, давали просторъ предположеніямъ, что эти господа въ ихъ экзальтаціи сильно преувели-

чиваютъ. Здѣсь же я увидѣлъ, что до оригиналовъ было еще далеко; позднѣе я приобрѣлъ убѣжденіе, что даже наиболѣе пылкіе изъ французскихъ актеровъ, какъ Тальма, Дюшенуа и Марсь, не черезчуръ отклоняются отъ французскаго характера, такъ какъ мнѣ часто приходилось наблюдать, что французъ даже при малѣйшемъ поводѣ во вседневной жизни возвышается до театральнаго экстаза, что для насъ, вѣмцевъ, является чѣмъ-то почти непонятнымъ».

Въ другомъ мѣстѣ, говоря, что театръ былъ его любимѣйшимъ развлеченіемъ въ Парижѣ, Малаховскій замѣчаетъ: «Французы—врожденные актеры, и въ этой области они единственны и неподражаемы. Никогда я не видѣлъ такихъ актеровъ, какъ тогда. Между прочимъ мнѣ удалось присутствовать на бенефисномъ представленіи въ «Большой оперѣ». По парижскому обычаю, въ бенефисныхъ представленіяхъ принимаютъ участіе и актеры, пѣвцы и танцоры другихъ театровъ. Такимъ образомъ здѣсь, въ «Большой оперѣ», выступили въ опереткѣ артисты «французскаго театра», даже извѣстная Дюшенуа, вторая Ниновъ, не погнушалась выступить въ маленькой побочной роли».

Остальное время пребыванія въ Парижѣ, какъ и въ Вѣнѣ, прошло въ смотрахъ войскъ, прогулкахъ, обзорѣни достопримѣчательностей города и его окрестностей, въ посѣщеніи театровъ и проч. Въ частности, прусскій король много ѣздилъ верхомъ и гулялъ пѣшкомъ, несмотря на то, что, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Парижъ, онъ получилъ массу анонимныхъ писемъ съ угрозами и предупрежденіями, что въ такомъ-то мѣстѣ его ждутъ царевубійцы. Король прочитывалъ эти письма съ величайшимъ спокойствіемъ и затѣмъ откладывалъ ихъ въ сторону. Однажды, по полученіи новыхъ подобныхъ же писемъ, онъ сказалъ, улыбаясь:

— Однако бѣднягамъ пришлось бы долго ждать, пока я попадѣ бы въ указанныя улицы; нужно нѣсколько помочь имъ въ этомъ отношеніи, и въ концѣ концовъ я самъ далеко не прочь увидѣть хоть одного такого молодца «царевубійцу». Прикажите сѣдлатъ; пусть поѣдетъ также ординарецъ.

Король съ Малаховскимъ и ординарцемъ медленно проѣхалъ по всѣмъ обозначеннымъ въ письмахъ улицамъ, нѣсколько разъ останавливался и осматривался вокругъ.

— Я не вижу ничего особеннаго,—проговорилъ онъ въ одну изъ подобныхъ остановокъ,—молодцу не достаесть, повидимому, самаго главнаго—смѣлости.

Малаховскій рассказываетъ, что Фридрихъ-Вильгельмъ любилъ одѣваться въ статское платье и, отправляясь въ мѣста народныхъ гуляній, вмѣшиваться въ толпу. Онъ думалъ, что остается неузнаннымъ, между тѣмъ его тотчасъ же узнавали, и Малаховскій часто слышалъ въ толпѣ замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ:

— Вотъ прусскій король!— Какой онъ милый!— Вотъ король, какимъ король и долженъ быть!— Онъ ничего не боится! — Онъ совершенно велъ среди насъ!

IV.

Вѣроятно, подъ впечатлѣнiемъ вступленiя въ Парижъ прусской гвардіи и англійскаго парада,— какъ пишетъ Малаховскій,— императоръ Александръ пожелалъ доставить парижанамъ подобное же зрѣлище съ русскими войсками. Для этой цѣли въ Парижъ были стянуты съ довольно далекаго разстоянiя четыре гренадерскихъ, два егерскихъ и четыре кирасирскихъ полка, въ числѣ которыхъ находился и гренадерскій полкъ имени короля прусскаго. 29-го iюля (10-го августа) состоялся парадъ русскимъ войскамъ, и на этотъ разъ Фридрихъ-Вильгельмъ провѣлъ свой полкъ передъ императоромъ Александромъ. То, какъ онъ выполнялъ всѣ предложенныя эволюціи, вызывало восторгъ и удивленіе парижанъ.

— Посмотрите на прусскаго короля!— онъ великолѣпенъ!— Боже, какой красавецъ!— слышались возгласы изъ толпы.

Императоръ Александръ тоже вызывалъ сочувственные отзывы; возгласы въ родѣ «l'aimable Alexandre», «le joli garçon» непрерывно раздавались среди собравшейся массы любопытныхъ зрителей.

Вотъ какъ передаетъ Малаховскій въ своихъ воспоминанiяхъ ничтожный случай, произошедшій на парадѣ, и его послѣдствiя, омрачившія этотъ день для всѣхъ русскихъ.

«Императоръ Александръ во время парада былъ крайне возбужденъ, и его возбужденіе усилилось, когда въ полку короля нѣкоторыя части прошли не въ ногу. Сильнѣйшіе удары по ляжкѣ не могли ни въ чемъ помочь, и впечатлѣніе отъ парада было испорчено.

«Какъ императоръ Александръ, такъ и офицеры злополучнаго полка были приглашены королемъ къ обѣду. Всѣ собирались на переднемъ дворѣ дома, въ которомъ жилъ король, гдѣ императоръ хотѣлъ представить королю каждого изъ приглашенныхъ въ отдѣльности. Такъ какъ я былъ дежурнымъ, то отправился внизъ для приѣма гостей; первое, чтò я услышалъ, было извѣстіе, что начальникъ дивизіи генералъ Розенъ объявилъ весь корпусъ офицеровъ состоящимъ подъ арестомъ. Наконецъ, появился императоръ, и первыя слова, которыми начиналось его привѣтствіе къ собравшимся, — «васъ, дураки», давали уже возможность предугадать дальнѣйшія любезности».

Не желая, какъ иностранецъ, присутствовать при разыгрывавшейся сценѣ, Малаховскій вошелъ въ домъ. Король стоялъ у окна и, когда тотъ вошелъ, спросилъ его:

— Чтò тамъ за исторiя внизу?

Малаховскій разсказалъ о произошедшемъ.

— Ага! эти любезности уже знакомы мнѣ,—замѣтилъ король;—вотъ уже будетъ миленькій обѣдъ!

«Такъ оно и было,—прибавляетъ Малаховскій;—всѣ сидѣли грустные и угнетенные, и король былъ сердечно радъ, когда можно было встать изъ-за стола».

Черезъ нѣсколько дней состоялось повтореніе русскаго парада, за которымъ, какъ и въ первый разъ, послѣдовалъ обѣдъ у прусскаго короля. На этотъ разъ «небу было угодно,—пишетъ Малаховскій,—чтобы ноги не пришли въ новое смятеніе, и благодаря этому все прошло лучше и веселѣе, чѣмъ въ первый разъ».

Какъ Александръ, такъ и Фридрихъ-Вильгельмъ съ одинаковой страстностью отдавались военному дѣлу. Однажды между ними завязался споръ о томъ, чья пѣхота, русская или прусская, производитъ всѣ построенія съ бѣльшей быстротою. Для разрѣшенія этого вопроса, 20-го августа 1815 года было произведено ученіе двумъ батальонамъ прусскаго Александровскаго полка и двумъ батальонамъ русскаго гренадерскаго короля Прусскаго полка, подъ непосредственной командой Фридриха-Вильгельма и императора Александра. «Король,—пишетъ Малаховскій,—вылитый солдатъ, командовалъ со спокойствіемъ и съ сохраненіемъ полного достоинства въ осанкѣ. Императоръ Александръ былъ эlegantенъ, но взволнованъ. Ничто не помогало, пруссаки постоянно были раньше готовы, и часто, пока русскіе кончали, король позволялъ брать ружье къ ногѣ и стоять вольно. Вполнѣ довольные, не такъ, какъ русскіе, покинули пруссаки поле битвы этого мирнаго соревнованія».

Малаховскій подробно описываетъ происходившія 21-го и 22-го августа (2-го и 3-го сентября) церемоніи освѣщенія и раздачи знаменъ вновь образованнымъ прусскимъ военнымъ частямъ. Въ заключеніе своего описанія онъ замѣчаетъ: «при сколькихъ военныхъ зрѣлищахъ я ни находился, я не видѣлъ болѣе захватывающаго. Оно составляло рубежъ между славными оконченными битвами тяжелаго прошлаго и новою эрою для Пруссіи и ея арміи. Воодушевленіе и любовь къ королю заставляли глаза пруссаковъ свѣтиться большимъ блескомъ; при всей его молчаливости и скупости на слова, Фридрихъ-Вильгельмъ былъ богато одаренъ глубокимъ чувствомъ и покорялъ всѣ сердца своей правдивостью, прямою и благосклонностью, съ которою онъ встрѣчалъ cadaго».

Къ сожалѣнію, говоря о наступившей для Пруссіи новой эрѣ, Малаховскій не упоминаетъ, что багрянецъ, среди котораго занималась заря этой эры, составляли потоки русской крови, пролитой въ прусскихъ интересахъ и въ цѣляхъ созданія государства для «безземельнаго» Фридриха-Вильгельма.

«Императоръ Александръ,—пишетъ Малаховскій,—не былъ человѣкомъ, который могъ бы желать предоставить пруссакамъ первенство».

вать въ чемъ бы то ни было. Пресловутый большой смотръ русской арміи у Вертю долженъ былъ, по всей вѣроятности, превзойти все видѣнное до тѣхъ поръ. 29-го августа (10-го сентября) утромъ король отправился на Монтэмэ, небольшое возвышеніе на необозримой равнинѣ, и былъ торжественно встрѣченъ императоромъ Александромъ и прочими высокопоставленными лицами. Съ возвышенности можно было свободно обозрѣвать построенныя для парада гигантскимъ кругомъ 150.000 чело-вѣкъ русской арміи».

«По сдѣланному съ Монтэмэ сигнальному выстрѣлу, вся армія отдала честь при громѣ орудій; по второму выстрѣлу она выстроилась въ колонны, по третьему—колонны вступили въ одну линію, а по четвертому—вся армія, въ колоннахъ, построилась въ гигантское карре, имѣвшее въ окружности болѣе мили. Всѣ присутствовавшіе монархи съ ихъ свитою объѣзжали войска, для чего потребовался цѣлый часъ ѣзды галопомъ. Затѣмъ послѣдовало прохожденіе войскъ сомкнутыми колоннами, что тѣмъ не менѣе длилось два часа. Когда прохожденіе войскъ окончилось, армія снова построилась колоннами въ три линіи; по послѣднему сигнальному выстрѣлу она вся развернулась, и бѣглый огонь всѣхъ линій и батарей завершилъ это рѣдкое военное зрѣлище».

Въ заключеніе своего описанія Малаховскій пишетъ: «Распорядокъ, выполнение, осанка и внѣшній видъ войскъ были превосходны, но при всемъ томъ зритель оставался совершенно холоднымъ: это было слишкомъ... по-русски».

По окончаніи парада, у императора Александра состоялся обѣдъ на пятьсотъ приглашенныхъ, на которомъ были представители всѣхъ европейскихъ государствъ.

«30-го августа (11-го сентября),—продолжаетъ Малаховскій описаніе торжествъ при Вертю,—былъ Александровъ день. Празднество началось общимъ полевымъ богослуженіемъ для всей арміи. На холмѣ противъ Монтэмэ былъ воздвигнутъ величественный церковный наметъ; далѣе, въ сторонѣ, было устроено еще шесть церковныхъ наметовъ. Армія расположилась на равнинѣ колоннами; по сигналу, съ большими порядкомъ и быстротою, она построилась въ семь открытыхъ карре, подошедшихъ къ наметамъ для слушанія богослуженія. По новому сигналу по всей арміи раздалась сильная дробь, призывавшая къ молитвѣ, и богослуженіе началось; своимъ величественнымъ характеромъ и чуднымъ гнѣвомъ, оно не преминуло произвести большое впечатлѣніе. Монархи еще разъ объѣхали карре гренадерской дивизіи и конной артиллеріи и затѣмъ прямо отправились въ Парижъ».

И описаніе дня 30-го августа (11-го сентября) Малаховскій заканчиваетъ строками, изъ которыхъ видно, что и смотръ при Вертю былъ вызванъ, по его мнѣнію, лишь однимъ тщеславіемъ императора Александра. «Равнымъ образомъ и въ торжествахъ этого дня, при сопо-

ставленіи ихъ съ торжествами 22-го августа (3-го сентября) (освященіе прусскихъ знаменъ), сказались различные характеры обоихъ связанныхъ дружбою государей,—пишетъ онъ.—*«Вся воинская пышность на Марсовомъ полѣ была развернута Фридрихомъ-Вильгельмомъ лишь въ честь заслугъ его вѣрныхъ».*

Въ воспоминаніяхъ Малаховскаго приведенъ случай чисто англійской безцеремонности Веллингтона въ отношеніи союзныхъ государей.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся военныхъ ученій за время вторичнаго пребыванія монарховъ въ Парижѣ былъ маневръ, произведенный подъ начальствомъ герцога Веллингтона семью пѣхотными дивизіями и двумя кавалерійскими бригадами. Рано утромъ въ назначенный день прусскій король выѣхалъ къ равнинѣ Лашапель, сборному пункту для войскъ. При своемъ прибытіи, король увидѣлъ лишь двигавшіяся вдали войска, занимавшія постепенно различныя позиціи. Отъ долгаго ожиданія онъ пришелъ въ нѣкоторое нетерпѣніе и послалъ узнать, что все это значить, и нельзя ли ему получить диспозицію. Какъ пишетъ Малаховскій,—*«сухіе красносюртучники отвѣчали съ невѣроятной сухостью»*, что они ничего не знаютъ, и только то, что поставлены туда, гдѣ находятся. Тѣмъ временемъ войска все приближались; наконецъ, появился самъ Веллингтонъ, въ синемъ сюртукѣ, держа надъ головою красный дождевой зонтикъ и въ сопровожденіи двухъ дамъ верхами; онъ слегка поклонился ожидавшимъ его монархамъ. Послѣ представленія дамъ и обмѣна нѣсколькими незначительными фразами, онъ сказалъ въ концѣ концовъ:

— Вы приказали произвести маневръ; по своему характеру, мѣстность довольно хорошо подходит для представленія сраженія при Саламанкѣ; Монмартръ можетъ представлять собою Арапильскія горы.

Затѣмъ послѣдовало описаніе сраженія при Саламанкѣ, зонтикъ былъ выпущенъ изъ рукъ, дамы позабыты, собранные адъютанты получили инструкціи и поскакали по всѣмъ направленіямъ. *«Вскорѣ,—пишетъ Малаховскій,—все напоминало муравейникъ въ движеніи; при этомъ господствовали удивительные порядокъ, спокойствіе и тишина; мы увидѣли нѣсколько схватокъ, въ которыхъ различные роды оружія поддерживали другъ-друга съ образцовой отчетливостью, такъ что полководческій талантъ Веллингтона встрѣтилъ всеобщее восхищеніе».* По окончаніи маневра, во время прохожденія войскъ, дамы были поручены покровительству государей, что, конечно, не очень понравилось Фридриху-Вильгельму.

Возвращаясь домой, онъ замѣтилъ относительно произведеннаго маневра:

— Я никогда въ своей жизни не повѣрилъ бы, что можно такъ держать въ рукахъ войска. Сообщилъ Н. Шильдеръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Записка баварца о Россіи временъ императора Павла¹⁾.

(Переводъ съ французской рукописи).

Цѣль этой записки состоитъ исключительно въ томъ, чтобы дать точный обзоръ положенія Россіи въ эпоху, когда авторъ ея туда отправился. Эпоха эта представляетъ большой интересъ для Европы, какъ время, когда петербургскій дворъ, до тѣхъ поръ не принимавшій никакого участія въ той замѣчательной борьбѣ, которую возбудила французская революція, вдругъ бросился въ средину сражающихся, какъ главное лицо, а потомъ, по причинамъ, которыя будутъ объяснены ниже, снова удалился съ театра войны. Та-

---

¹⁾ Записка о Россіи („Mémoire sur la Russie“) написана однимъ изъ членовъ баварской депутаціи Мальтійскаго ордена, явившейся ко двору императора Павла въ ноябрѣ 1779 года и находившейся въ Россіи до 19-го февраля 1800 года. Во главѣ ея былъ баронъ Флаксландъ, а членами — графъ д'Арко, графъ Прейзингъ и кавалеръ де-Брей, родомъ французъ. Депутація, имѣвшая цѣлью изъяснить императору Павлу, какъ великому магистру Мальтійскаго ордена, покорность отъ баварскаго пріорства, сначала принята была имъ весьма благосклонно, и Флаксландъ былъ даже ежедневно приглашаемъ къ императорскому столу, но вскорѣ участіе баварцевъ въ дипломатическихъ интригахъ и наговоры Ростопчина, по словамъ аббата Жоржеля, до такой степени раздражили государя, что онъ пересталъ принимать Флаксланда и даже не далъ ему прощальной аудіенціи. Авторъ предлагаемой записки нигдѣ не называетъ себя прямо, но нѣкоторые указанія даютъ поводъ предполагать, что она составлена кавалеромъ де-Бреемъ, такъ какъ на немъ именно лежало бремя дипломатическихъ сношеній мюнхенскаго двора съ петербургскимъ кабинетомъ, о которыхъ подробно говорится въ „Запискѣ“. Время ея составленія — конецъ 1800 года. Записка написана въ тонѣ, довольно безпристрастномъ, и сообщаетъ много любопытныхъ свѣдѣній о Россіи и русскомъ обществѣ конца XVIII вѣка, являясь, такимъ образомъ, дополненіемъ къ „Запискамъ“ аббата Жоржеля, находившагося въ Россіи одновременно съ баварской депутаціей.

кая большая переѣвна была дѣломъ немногихъ мѣсяцевъ и тѣмъ не менѣе имѣла, особенно для Баваріи, такія послѣдствія, что въ значительной степени измѣнила ея положеніе.

I.

Очеркъ вѣннской политики императора Павла.—Отношенія императора къ Франціи въ началѣ его царствованія.—Союзъ съ Австріей и Англіей.—Переговоры Россіи съ Пруссіей, Швеціей и Даніей.—Охлажденіе императора Павла къ Австріи.—Распаденіе коалиціи противъ Франціи.—Интересы Баваріи.—Графъ Кобенцель, кавалеръ Витвортъ, герцогъ Серра-Каприола.—Политическая система Россіи.

Раштадтскій конгрессъ еще продолжался, когда планы, установленные соглашеніемъ между Россіей и Австріей, стали уже обнаруживаться. Походъ русскихъ войскъ на помощь Австріи былъ поводомъ для тѣхъ высокоумѣренныхъ требованій, которыя Франція предъявила ей; Франція смотрѣла на прибытіе русскихъ войскъ какъ на объявленіе войны; она забыла, что она сама среди переговоровъ и даже чуть не съ начала ихъ вызвала негодованіе всѣхъ народовъ своимъ нападеніемъ на Швейцарію, занятіемъ Туринской крѣпости, взятіемъ Мальты, Цизальпинской революціей, захватомъ Рима и своими военными приготовлениями противъ Неаполя.

Великодушный характеръ Павла I возмущенъ былъ столькими гнусными поступками. Договоры, заключенные императоромъ съ Австріей и Неаполемъ, извѣстны, но менѣе извѣстно, что въ тотъ самый день, какъ Павелъ узналъ объ объявленіи войны Франціи королемъ неаполитанскимъ, онъ самъ, предвидя тѣ опасности, которыя теперь угрожали послѣднему, предложилъ его послу, герцогу де Серра-Каприола, заключить оборонительный и наступательный союзъ; этотъ договоръ былъ въ дѣйствительности заключенъ и ратификованъ въ Петербургѣ 20-го декабря 1799 г.

Намѣренія императора были прямодушны и справедливы. Его характеръ, возбуждаемый рыцарскими идеями, къ сожалѣнію мало современными, побудилъ его объявить себя главою Мальтійскаго ордена, а вслѣдъ затѣмъ онъ заставилъ провозгласить себя гроссмейстеромъ всего ордена русскими рыцарями, которыхъ онъ самъ ранѣе назначилъ. Странность такого образа дѣйствій и слѣдствія, которыя они могли имѣть, сначала произвели особенно непріятное впечатлѣніе на вѣнскій дворъ, но онъ былъ слишкомъ заинтересованъ въ томъ, чтобы не ссориться съ императоромъ Павломъ, и потому оставилъ безъ вниманія эту фантазію. Дѣло ула-

дилось, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже, въ статьѣ, трактующей о мальтійскихъ дѣлахъ. Русскія войска прибыли въ Италію, когда уже кампанія была начата при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ и когда генераль Край разбилъ генерала Шерера и уничтожилъ всѣ планы цизальпинскаго правительства.

Прибытіе Суворова сопровождалось новыми успѣхами, и почти все лѣто было ознаменовано блестящими побѣдами.

Русскій императоръ, всецѣло преданный идеѣ возстановленія французской монархіи, проникнутый сознаніемъ правоты своихъ намѣреній, воодушевленный истиннымъ негодованіемъ противъ всего того, что, какъ казалось ему, могло противодѣйствовать его планамъ, основаннымъ на началахъ законности, гордый сознаніемъ своихъ собственныхъ силъ, увлекся побужденіемъ, естественнымъ для всякаго государя, не встрѣчающаго въ своей монархіи никакого препятствія своимъ желаніямъ, и вообразилъ, что они равнымъ образомъ повсюду должны были побѣждать всѣ препятствія: онъ пытался поднять всю Европу противъ Франціи и употреблялъ по-очереди обѣщанія и угрозы, чтобы привлечь всѣ кабинеты къ своему дѣлу. Тонъ, который онъ употреблялъ, угрозы, которыя онъ себѣ позволилъ, не вездѣ могли имѣть одинаковый результатъ. Пруссія, на которую онъ главнымъ образомъ рассчитывалъ и которая, какъ можно было ожидать по невѣрнымъ справкамъ, основаннымъ на мимолетныхъ данныхъ, была готова соединиться съ коалиціей, не поддавалась никакимъ внушеніямъ. Усилія лорда Гренвиля и кн. Репнина были напрасны, и договоръ о субсидіяхъ между Россіей и Англіей, основанный на слишкомъ рано предположенномъ присоединеніи Пруссіи къ ихъ союзу потерпѣлъ съ этихъ поръ значительное измѣненіе въ своихъ подробностяхъ.

Императоръ, огорченный сопротивленіемъ сѣверныхъ кабинетовъ, дошелъ въ своемъ гнѣвѣ до угрозъ, которыя могли только утвердить Пруссію и ея союзниковъ въ ихъ системѣ нейтралитета. Пруссія не боялась этого скоропреходящаго гнѣва: Саксонія и сѣверныя государства Германіи тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, сплотились вокругъ нея, и, когда я проѣзжалъ въ октябрѣ черезъ Берлинъ, графъ Гаугвицъ высказывалъ мнѣ спокойную увѣренность въ рѣшеніи, которое въ концѣ концовъ приметъ русскій императоръ.

Обстоятельствомъ, способствовавшимъ воодушевленію императора Павла и побудившимъ его къ высокоумѣреннымъ поступкамъ, такъ хорошо послужившимъ дѣлу Франціи, было предложеніе шведскаго короля Густава IV, сдѣланное имъ по собственному побужденію. Этотъ молодой государь съ очень пылкимъ характеромъ и съ очень живой волей, проникнутый идеями, воодушевлявшими короля, его отца, предложилъ Россіи заключить съ нимъ союзъ и выразилъ при этомъ желаніе выставить

съ своей стороны для войны съ Франціей 8.000 солдатъ подъ условіемъ, чтобы Англія доставила ему средства для ихъ содержанія; онъ отправилъ въ Петербургъ барона Толя, который началъ переговоры по этому поводу. Всѣ эти мѣры были результатомъ личныхъ намѣреній самого короля: онъ не сговаривался со своимъ министерствомъ, которое не имѣло и не должно было имѣть одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ.

Мало-по-малу предостереженія, сдѣланныя королю по этому поводу, поколебали его первоначальное рѣшеніе. Ему представили, что Швеція могла только потерять отъ войны съ Франціей, и что поведеніе Англіи относительно Швеціи таково, что нельзя положительно рассчитывать на какой-нибудь серьезный союзъ съ этой державой, что въ этотъ самый моментъ болѣе 900 шведскихъ судовъ были задержаны и секвестрованы въ англійскихъ гаваняхъ, и что Англія, кажется, поставила себѣ задачей уничтожить шведскую торговлю. Результатомъ этой противоположности намѣреній шведскаго монарха и его министерства было то, что баронъ Толь, добившись присоединенія шведскаго короля къ коалиціи, выставилъ чрезмѣрные требованія на содержаніе шведскихъ войскъ и предложилъ сроки для посадки войскъ на суда, не соответствовавшіе планамъ высадки въ Голландіи. Такимъ путемъ Швеція избѣжала объявленія войны Франціи и ограничилась очень страннымъ заявленіемъ, которое долженъ былъ сдѣлать въ Регенсбургѣ и дѣйствительно сдѣлалъ въ теченіе іюня представитель Помераніи. Французское правительство, имѣвшее уже достаточно враговъ, казалось, не обращало вниманія на эти поступки Швеціи и объясняло заявленіе, сдѣланное ею въ Регенсбургѣ, въ смыслѣ исполненія вассальныхъ обязанностей Швеціи, какъ владѣтельницы Помераніи, по отношенію къ Германской имперіи. Въ Парижѣ остался повѣренный по шведскимъ дѣламъ, а баронъ Толь вернулся изъ Петербурга въ Стокгольмъ, не заключивъ съ Россіей никакого соглашенія. Я знаю эти подробности отъ шведскаго посланника въ Петербургѣ. Между тѣмъ поступки шведскаго короля замѣтно повліяли на образъ дѣйствій русскаго императора: этотъ монархъ сталъ думать съ тѣхъ поръ о возможности вытребовать отъ другихъ дворовъ то, что одинъ изъ нихъ предложилъ ему добровольно.

Его переговоры съ Испаніей, отозваніе изъ нея русскаго посланника, наконецъ, объявленіе войны этой державѣ, несоответствующее цѣлямъ здравой политики, удаленіе посла, внезапная смерть котораго была почти слѣдствіемъ тѣхъ огорченій, которыя ему причинили эти утомительные переговоры, отозваніе русскаго посла изъ Дрездена, угрозы, сдѣланныя Даніи,—всѣ эти событія происходили одно за другимъ въ это время. Русскій дворъ требовалъ, чтобы Данія доставила транспортныя суда для посадки войскъ, назначенныхъ для дѣйствій въ Голландіи. Данія, между тѣмъ, медлила, сколько она могла, заключить формальный союзъ

противъ Франціи: она желала, если она ужъ должна была доставить суда для дѣйствій противъ Франціи, чтобы Россія тогда же ввела армію въ Германію для прикрытія границъ королевства и отпора французамъ, которые въ Гренингенѣ были на разстояніи двухдневнаго перехода отъ владѣній датскаго короля. Баронъ Бломъ обязанъ былъ считаться съ особенными соображеніями, высказанными ему императоромъ, чтобы не быть отозваннымъ, и время не замедлило привести къ результатамъ, которые дали намѣреніямъ императора почти противоположное направленіе.

Единственный дворъ, который по неволѣ долженъ былъ быть увлеченъ предложеніями Россіи, былъ дворъ мюнхенскій. Лишенный всякой поддержки, стѣсненный двумя императорскими дворами и оставленный Пруссіей, которая сама совѣтовала ему пристать къ коалиціи, онъ не могъ принять иного рѣшенія, какъ дать своимъ средствамъ возможное развитіе и заставить какъ друзей, такъ и враговъ высоко цѣнить свое содѣйствіе. Этому плану слѣдовало и по немъ дѣйствовало до сихъ поръ министерство его высочества курфюрста (Баварскаго) столь же искусно, какъ и успѣшно.

Между тѣмъ побѣды русско-австрійскихъ войскъ въ Италиі, имѣвшія первымъ результатомъ завоеваніе Пиемонта, не замедлили обнаружить поводы къ несогласію между союзниками.

Очень странно, что въ то время, какъ Павелъ объявлялъ всему міру, что онъ употребитъ всѣ силы своей имперіи для сверженія самозваннаго правительства Франціи и для восстановленія каждаго въ пользованіи своихъ законныхъ правъ, въ то время, какъ для этого онъ соединялъ свои войска съ войсками римскаго императора, самъ онъ никогда не могъ получить отъ своего союзника подобнаго же заявленія о цѣли войны. Австрія все время хранила свои намѣренія въ тайнѣ, и ея сокровенныя мысли раскрывались только по мѣрѣ того, какъ успѣхи союзниковъ внушали ей больше смѣлости.

Занятіе Пиемонта было первымъ камнемъ преткновенія для совмѣстныхъ дѣйствій союзниковъ. Сардинскій король, приглашенный Павломъ I возвратиться въ свое государство, былъ остановленъ австрійцами въ Тосканѣ и не могъ двинуться дальше. Вскорѣ затѣмъ эта распря въ политическихъ планахъ привела къ несогласіямъ и въ планахъ военныхъ дѣйствій. Было условлено, что русская армія соберется въ Швейцаріи подъ начальствомъ фельдмаршала Суворова; что эрцгерцогъ очиститъ Швейцарію, когда русскіе войдутъ въ нее; что тогда онъ направится въ Германію, гдѣ австрійская армія предприметъ осаду Майнца и Эрбренштейна. Этотъ планъ былъ составленъ при участіи Англіи, но Массена, проникшій въ него и не желавшій этимъ соединеннымъ войскамъ дать время себя атаковать, отразивъ эрцгерцога 9-го сентября, самъ атако-

валь русскаго генерала Корсакова 29-го того же мѣсяца и совершенно разбилъ его.

Эрцгерцогъ также настаивалъ, чтобы атаквали французовъ соединенными силами двухъ армій; онъ хотѣлъ даже дожидаться въ Швейцаріи прибытія Суворова, но графъ Дитрихштейнъ, который по приказанію вѣнскаго двора отправился въ іюль въ главную квартиру, воспротивился этой идеѣ и заявилъ на военномъ совѣтѣ эрцгерцогу, что его обязанность—не разсуждать, а повиноваться. Россія имѣла справедливый поводъ къ неудовольствію въ виду этого преждевременнаго оставленія Швейцаріи австрійскими войсками; но развѣ Австрія не имѣла столь же серьезнаго повода упрекать ее, потому что во время атаки 9-го сентября Корсаковъ отказался дѣйствовать сообща съ эрцгерцогомъ, который его умолялъ объ этомъ, и утверждалъ, что онъ можетъ получить приказанія только отъ Суворова, прибытія котораго онъ ожидалъ?

Разочарованный эрцгерцогъ отправился въ Швабію, куда французы проникли довольно далеко; онъ ихъ отразилъ и уже одержалъ надъ ними значительныя побѣды, когда совершенное пораженіе Корсакова побудило его вернуться къ границамъ Швейцаріи.

Когда прибылъ Суворовъ, ударъ уже былъ нанесенъ, и все, что могъ сдѣлать этотъ генералъ, выказавъ чудеса храбрости, это—отступить въ Граубинденъ.

Онъ сдѣлалъ объ этомъ событіи очень обстоятельный докладъ своему двору, докладъ, который заключалъ въ себѣ самыя страшныя обвиненія противъ Тугута и генерала Меласа и который императоръ велѣлъ цѣликомъ напечатать въ незначительной, впрочемъ, петербургской газетѣ. Этотъ докладъ, который я здѣсь прилагаю и въ которомъ русскій генералъ говоритъ безъ всякой церемоніи: Тугутъ меня обманулъ; Меласъ меня обманулъ; препятствія, оказываемыя вредебною природою, не были самыми трудными, которыя мнѣ пришлось побѣждать,—этотъ докладъ, говорю я, вызвалъ сильныя возраженія австрійскаго посла графа Кобенцеля, но императоръ не обратилъ на это никакого вниманія: уже нѣсколько раньше онъ ясно показалъ свое отчужденіе отъ вѣнскаго двора.

Когда графъ Дитрихштейнъ прибылъ съ эрцгерцогомъ въ Петербургъ, императоръ не хотѣлъ его принять въ Гатчинѣ и все, чѣмъ онъ отгѣтилъ на заступничество эрцгерцога, было то, что онъ дозволилъ Дитрихштейну исполнять свои обязанности, когда пришла его очередь придворной службы. Главнымъ поводомъ неудовольствія императора противъ графа было его поведеніе въ Швейцаріи; кромѣ того, онъ смотрѣлъ на него, какъ на креатуру перваго австрійскаго министра Тугута, намѣренія котораго съ каждымъ днемъ становились для него все болѣе и болѣе подозрительными. Когда онъ узналъ, что должны вскорѣ пріѣхать въ

Россію графъ Дитрихштейнъ, маркизь де Галло и принць Фердинандъ Виртембергскій, онъ сказалъ: «Мой дворець будетъ скоро зараженъ политикою». Соединеніе маркиза Галло и графа Кобенцеля, двухъ посредниковъ при заключеніи мира Кампоформіо, возбудило его подозрѣніе; онъ подозрѣвалъ тайные виды, коварные планы, и съ этихъ поръ милость, которою пользовался маркизь Галло, совершенно исчезла, чему отчасти способствовалъ и герцогъ Серра-Капріола, завидовавшій присутствію другаго посла своего двора.

Графъ Дитрихштейнъ уѣхалъ съ своей женой, урожденной Шуваловой, послѣ трехдневнаго пребыванія въ Петербургѣ, оставивъ тамъ эрцгерцога Іосифа, принца Фердинанда, принца Ауэрсперга и графа Кобенцеля подъ гнѣвомъ императора. Этотъ послѣдній высказывалъ его во все время пребыванія эрцгерцога въ Гатчинѣ; онъ совсѣмъ не разговаривалъ со своимъ зятемъ и даже дошелъ въ своемъ неудовольствіи до того, что однажды хотѣлъ посадить эрцгерцога подъ домашній арестъ.

Послѣ своего возвращенія изъ Раштадта графъ Кобенцель не пользовался больше никакимъ довѣріемъ государя императора Павла. Неприятная болѣзнь, которой онъ подвергся и которая сдѣлала его изъ очень некрасиваго отвратительнымъ, отвращала отъ него физически столько же, какъ его вѣроломный характеръ—морально. Онъ долженъ былъ, по первоначальному проекту брачнаго союза эрцгерцога Іосифа съ великой княжной Александрой Павловной, быть его представителемъ во время брачнаго обряда, но онъ внушалъ такое омерзѣніе и такое непобѣдимое отвращеніе императрицѣ и великой княжнѣ, которая по греческому обряду должна была пить съ нимъ изъ одной чаши во время вѣнчанія, что пришлось отказаться отъ этого плана, и эрцгерцогъ долженъ былъ явиться самолично. Когда послѣдній прибылъ въ Гатчину, императоръ не разговаривалъ уже больше съ посломъ, и съ тѣхъ поръ его немилость къ нему возрастала съ каждымъ днемъ.

Во все продолженіе пребыванія эрцгерцога въ Россіи, императоръ не переставалъ высказывать ему крайнюю холодность и при удобныхъ случаяхъ изощрять свое остроуміе по адресу вѣнскаго двора, его политики и агентовъ. «Когда мои генералы проникли въ Италію, сказалъ Павелъ однажды, и взяли тамъ пармезанскій сыръ, они за него заплатили». Въ другой разъ онъ высказалъ удивленіе, что не позволяютъ людямъ (т. е. Сардинскому королю) вернуться къ себѣ домой и занять то, что имъ принадлежало. Его бесѣда за обѣдомъ и послѣ него касалась почти всегда этихъ предметовъ и дѣлала страшно тяжелымъ положеніе тѣхъ, къ кому онъ обращался въ присутствіи самого эрцгерцога и австрійцевъ, составлявшихъ его свиту.

Напрасно Кобенцель самыми низкими услугами старался возвратить къ себѣ уваженіе и милости императора; государь, все болѣе и болѣе

недовольный, обнародовалъ 26-го сентября 1799 г., по новому стилю, декларацію ко всѣмъ членамъ Германской имперіи, въ которой онъ уже угрожалъ отозвать свои войска. Этотъ актъ былъ первымъ публичнымъ выраженіемъ новыхъ плановъ императора, которые не замедлили обнаружиться.

Неуспѣхъ военныхъ дѣйствій въ Голландіи также замѣтно повліялъ на намѣренія императора. Онъ всегда высказывалъ себя противникомъ этой экспедиціи, но капитанъ Пофамъ, человекъ краснорѣчивый и ловкій, опровергнувъ всё его возраженія и какъ бы вырвалъ условіе, подписанное затѣмъ кавалеромъ Витвортомъ. «Ну, хорошо, разъ вы это хотите, сказалъ ему императоръ, но я не вполнѣ съ этимъ согласенъ».

Суровое наказаніе, которому подвергся генералъ Германъ, отрѣшеніе отъ должности Корсакова и много другихъ знаковъ свидѣтельствовали о глубокомъ неудовольствіи, обуревавшемъ императора; оно вскорѣ увеличилось до такой степени, что съ тѣхъ поръ стало невозможно разсчитывать на этого человека, раздраженнаго противорѣчіями и котораго прямыя и чистыя намѣренія на каждомъ шагу находились въ противорѣчьи съ планами его союзниковъ или были разрушаемы военными событіями. Наконецъ, 8-го ноября былъ отправленъ приказъ фельдмаршалу Суворову о возвращеніи его въ Россію; генералъ-адъютантъ императора князь Щербатовъ отвезъ его.

Въ это самое время въ Петербургъ прибыло баварское посольство и при такихъ дурныхъ предзнаменованіяхъ явилось въ Гатчину.

Извѣстіе о приказѣ государя Суворову возбудило самое сильное волненіе всѣхъ приверженцевъ коалиціи и причинило справедливое безпокойство всѣмъ ея членамъ.

Кавалеръ Витвортъ представилъ по этому поводу очень сильную и очень убѣдительную ноту, проредактированную нѣкимъ Мезонѣвъ, бывшимъ посломъ Мальтійскаго ордена въ Берлинъ и другомъ кавалера Витворта; въ ней, по моей просьбѣ, выражалась энергическимъ образомъ необходимость поддержать интересы Баваріи. Я самъ вручилъ почти подобную записку графу Панину, и этотъ министръ составилъ превосходно написанный докладъ, въ которомъ онъ указывалъ на всѣ послѣдствія этой мѣры. Какъ могла Россія оставить союзниковъ, которыхъ сама искала, подвергнуть всѣмъ опасностямъ войны государства, которыя никогда не начали бы ея, если бы Россія ихъ не втянула въ нее, отречься отъ всѣхъ своихъ увѣреній и публичныхъ заявленій, дать Франціи смѣлость и новую силу направить свое побѣдоносное оружіе для нападенія на коалицію и поколебать принципы, на которыхъ она была основана? Наконецъ, могла ли Россія подвергнуть крушенію свое политическое вліяніе и предоставить Австріи и Англій свободное поле для осуществленія проектовъ, которые имъ продиктуеть ихъ честолюбіе?

Вотъ главные пункты, на которыхъ была основана записка графа Панина. Онъ послалъ эту записку графу Ростопчину въ Гатчину. Ростопчинъ письменно спросилъ Панина, хорошо ли онъ обдумалъ ее и было ли серьезнымъ его желаніе, чтобы эта записка была представлена императору. «Да, отвѣтилъ графъ Панинъ, я заклинаю васъ именемъ отечества и прошу прибавить эту мою настоятельную просьбу къ запискѣ». Записка была вручена императору, который, уже поколебленный продолжительной и живой бесѣдой съ принцемъ Фердинандомъ наканунѣ отъѣзда послѣдняго, отмѣнилъ приказъ объ отступленіи. Въ этой бесѣдѣ принцъ Фердинандъ былъ поддерживаемъ императрицей. Ему предстояло оправдать Австрію въ томъ, въ чемъ ее обвиняли, объяснить ея политическіе планы и снова привлечь императора къ общему дѣлу. Императоръ былъ готовъ дать себя уговорить, но вскорѣ окружавшія его лица вновь возбудили все его безпокойство и представили ему тысячу причинъ, чтобы отвлечь его отъ коалиціи, которой они никогда не сочувствовали. Эти происки возымѣли вскорѣ свое дѣйствіе, и приказъ Суворову о возвращеніи въ Россію былъ подтвержденъ.

Графъ Панинъ, огорченный этимъ рѣшеніемъ, скрывалъ его, сколько могъ, и въ то время, какъ графъ Ростопчинъ и его друзья довольно открыто объявляли о немъ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, графъ Панинъ ничего не высказывалъ и только въ послѣдней крайности, черезъ 19 дней послѣ принятія окончательнаго рѣшенія, сознался въ его существованіи во время министерскаго совѣщанія съ нѣсколькими членами дипломатическаго корпуса.

Вѣ-время ознакомившись съ настоящимъ положеніемъ вещей, я далъ знать объ этомъ его высочеству курфюрсту, а позже я составилъ записку 19-го января, касающуюся новыхъ политическихъ комбинацій, въ которыя могла быть втянута Баварія при возможности договора о субсидіяхъ съ Англіей и при условіи соединенныхъ дѣйствій баварской и австрійской армій.

Графъ Панинъ постоянно высказывалъ самыя прекрасныя намѣренія; но къ чему могли послужить отдѣльные планы невліятельнаго министра, который, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ—слѣдствіемъ честности и вѣрности его характера, не имѣлъ никакого вліянія на своего государя, къ которому онъ не былъ приближенъ? Съ этихъ поръ надо было смотрѣть на Россію только какъ на державу, чуждую войнѣ, которую она въ нѣкоторомъ родѣ сама возбудила, и болѣе, чѣмъ когда-либо, расположенную тщательно слѣдить за поступками державы, внушавшей ей подозрѣніе. Это положеніе было слишкомъ выгоднымъ для Баваріи, чтобы она не попыталась извлечь изъ него выгоду. Гарантія, обѣщанная по Гатчинскому договору, была существеннымъ пунктомъ поддержки, и всѣ наши старанія съ тѣхъ поръ были направлены къ тому, чтобы

поставить Баварію въ безопасность отъ нападенія со стороны Австрій. Планъ, указанный обстоятельствами, состоялъ въ томъ, чтобы доставить намъ грозную поддержку Россіи противъ всякаго рода требованій, которыя могла бы несправедливо предъявить Баваріи Австрія, и склонить петербургскій дворъ къ соглашенію по этому поводу съ берлинскимъ. Нужно было избѣгнуть только одного неудобства—не очень раздражать умы и не давать пищи для поддержанія и такъ уже сильно разгорѣшагося огня. Императоръ дѣйствительно продолжалъ давать самыя успокоительныя обѣщанія Баваріи и условливался съ Пруссіей о заключеніи договора о гарантіи, ей имъ обѣщанной.

Въ теченіе января (8-го числа) къ графу Кобенцелю прибылъ курьеръ отъ его двора, привезшій предложенія Австріи относительно вознагражденій, требуемыхъ ею въ Италіи. Она хотѣла получить въ этой странѣ Миланскую область, всю Венецію, 3 римскихъ легатства, 4 итальянскихъ округа, сосѣднихъ съ Граубинденомъ, и предлагала уступить Женеву сардинскому королю, который возвратилъ бы австрійскому дому Наварру и Тортонну. Австрія обѣщала не присвоивать себѣ ничего въ Германіи, возвратитъ Швейцаріи ея полную независимость и съ новыми силами продолжать войну противъ Франціи.

Графъ Кобенцель былъ въ Гатчинѣ, когда прибылъ этотъ курьеръ. Онъ написалъ тамъ же находившемуся графу Ростопчину, прося о свиданіи, чтобы посоветоваться съ нимъ объ этихъ важныхъ предметахъ. Графъ Ростопчинъ отослалъ его къ графу Панину, который находился въ это время въ Петербургѣ и который, по его словамъ, былъ уполномоченъ совѣщаться съ иностранными послами, такъ что графъ Кобенцель принужденъ былъ отправиться въ Петербургъ разыскать тамъ графа Панина и возвратиться на слѣдующій день обратно въ Гатчину. гдѣ, между тѣмъ, нѣсколькими днями раньше, графъ Ростопчинъ имѣлъ частное совѣщаніе съ шведскимъ посломъ.

Предложенія Австріи не очень понравились императору и вмѣсто того, чтобы снова привлечь его къ коалиціи, еще болѣе отдалили его отъ нея. Тогда-то онъ объявилъ, что расположить свое войско на границѣ и ограничиться защитой своего государства и своихъ друзей. Австрія могла понять съ тѣхъ поръ, что всякая надежда на соглашеніе исчезла. Вслѣдъ затѣмъ возникло дѣло по поводу взятія Анконы; подробности его слишкомъ хорошо извѣстны, и я не буду ихъ здѣсь рассказывать. Онъ привели къ полной опалѣ графа Кобенцеля: онъ получилъ приказаніе не являться больше ко двору. Заключенный въ своемъ домѣ, онъ скоро увидѣлъ себя покинутымъ всѣми: многіе удалены были изъ столицы за посѣщеніе его дома, и наконецъ императоръ запретилъ даже иностраннымъ посламъ всякое сношеніе съ опальнымъ ихъ товарищемъ. Такимъ образомъ съ посланникомъ первой европейской державы обращались,

какъ съ зараженнымъ членомъ общества, и удерживали его отъ всякаго сношенія даже съ его товарищами. Эти неслыханные поступки, совершенно противорѣчащія всѣмъ началамъ международного права, могли только удивить всѣхъ какъ въ Россіи, такъ и внѣ ея. Послѣ того какъ императоръ покинулъ Гатчину и ни съ кѣмъ изъ пословъ не разговаривалъ, даже кавалеръ Витвортъ, котораго онъ особенно отличалъ, сталъ ему подозрителенъ. Этотъ посолъ старался привлечь умы, согласовать интересы, но главнымъ образомъ защищалъ дѣло Австріи и этимъ проигралъ свое собственное. Императоръ старался съ этихъ поръ дѣлать ему личныя непріятности; онъ отстранилъ и изгналъ подъ самымъ несправедливымъ предлогомъ женщину (г-жу Жеребцову), къ которой былъ уже давно привязанъ кавалеръ Витвортъ и которой императоръ двумя годами раньше простилъ по собственному душевному движенію. несмотря на свою ненависть противъ братьевъ Жеребцовой—князей Зубовыхъ. Императоръ не прощалъ того, что кавалеръ Витвортъ продолжалъ видѣться съ Кобенцемъ. «Этотъ человекъ, котораго я считалъ своимъ другомъ, говорилъ онъ, станетъ моимъ врагомъ, если политика его двора ему это предприметъ».

Возвращеніе великаго князя Константина, клеветы, которыми онъ осыпалъ австрійцевъ, въ связи съ домашними огорченіями, о которыхъ я буду говорить въ другой части, настолько раздражили императора, что онъ сталъ почти недоступнымъ и почти не проходило дня, не означеннаго какимъ-нибудь актомъ суровости. Настоящій ужасъ царствовалъ во всемъ Петербургѣ. Боялись видѣться, разговаривать другъ съ другомъ. Такъ какъ все могло быть перетолковано въ дурномъ смыслѣ, то каждый осудилъ себя на полное молчаніе. Дипломатическій корпусъ особенно страдалъ при этомъ положеніи вещей. Хотя вообще онъ дѣйствовалъ согласно, но теперь онъ обнаружилъ разногласіе въ мнѣніяхъ и въ принципахъ. Герцогъ Серра-Каприола высказывалъ ужасную ненависть противъ Австріи и ея требованій. Онъ привлекалъ вниманіе Россіи на судьбу Италіи, онъ говорилъ во всеуслышаніе, что менѣе боялся для своей страны мимолетнаго господства французовъ, чѣмъ постоянной и дальновидной политики Австріи, желавшей ее поглотить; что нечего было сомнѣваться въ выборѣ между Тугутомъ и Бонапартомъ: пусть лучше останутся въ Италіи зеленые мундиры, чтобы противодѣйствовать австрійскому деспотизму; онъ сравнивалъ поведеніе неаполитанцевъ въ Римѣ и австрійцевъ въ Анконѣ и заявленія генерала Назелли и генерала Фрѣлиха. Онъ воскресилъ проекты нападенія на Мальту, далъ понять всю неполитичность оставленія плановъ, принятыхъ относительно этого острова Россіей заодно съ Неаполемъ и Англіей, и имѣлъ, наконецъ, удовлетвореніе достигнуть своей цѣли и заставить Россію рѣшить оставить въ Италіи и на Средиземномъ морѣ одинъ армейскій корпусъ и

одну флотскую дивизию. Немного времени спустя этотъ посольъ принесть присягу императору, какъ гроссмейстеру Мальтійскаго ордена отъ имени трехъ неаполитанскихъ областей—Капуи, Барлето и Мессины, и это уваженіе королемъ (неаполитанскимъ) того, что такъ близко принималъ къ сердцу императоръ, не мало способствовало хорошему настроенію духа послѣдняго. Съ другой стороны, посольъ жаловался на Англію, на ея морской деспотизмъ, а сардинскій посоль, подстрекаемый герцогомъ Серра-Каприола, сваливалъ на Австрію всѣ бѣдствія, которыя постигли его отечество.

Какъ могло подобное положеніе вещей не вліять замѣтно на отношенія союзныхъ державъ и не охлаждать и разнообразно измѣнять ихъ? Австрія, испытавъ всѣ неудобства для себя военнаго содѣйствія Россіи, очень вяло старалась измѣнить ея рѣшенія. Она выказывала уваженіе, а могъ бы сказать даже, самое покорное почтеніе Россіи, но, между тѣмъ какъ она думала этими незначительными доказательствами своей дружбы плѣнить русскаго императора или, по крайней мѣрѣ, сдержать его чувство досады,—въ болѣе важныхъ дѣлахъ она не дѣлала ни одного шага, который бы не обнаруживалъ ея живѣйшаго желанія отъ нея избавиться. Поэтому-то она такъ настойчиво отказывалась дать такъ часто требуемыя Россіей заявленія относительно конечной цѣли войны своей съ Франціей.

Поэтому-то въ тотъ самый моментъ, когда Австрія какъ будто бы просила Россію оставить свои войска въ Германіи, она сдѣлала Англи тѣ самыя заявленія, въ которыхъ такъ упорно отказывала Россіи, вполне увѣренная, правда, что эти заявленія не свяжутъ ее больше, чѣмъ хотѣла бы того сама Англія. Поэтому-то она привлекала ее къ себѣ самыми соблазнительными предложеніями и принимала возможныя мѣры для устраненія отнынѣ безвозвратно съ театра войны русскихъ, которые для нея теперъ могли быть только докучливыми свидѣтелями или неудобными союзниками. Если обратить вниманіе на прокламаціи генераловъ Фрѣлиха и Меласа, то можно увидѣть, что они никогда не упоминаютъ о русскихъ и приписываютъ одной австрійской арміи всѣ лавры, всѣ триумфы кампаніи.

Дѣло объ Анконѣ довершило неудовольствія. Безъ сомнѣнія неприлично, что генераль Фрѣлихъ допустилъ одинъ параграфъ капитуляціи, оскорбительный для Россіи, еще болѣе: онъ дошелъ до того, что велѣлъ снять русское знамя, которое водрузилъ адмираль Ушаковъ на укрѣпленіяхъ порта. Какъ можно предполагать, что этотъ генераль, по собственному побужденію, позволилъ себѣ такой неприличный поступокъ?

Та манера, съ которой графъ Панинь, по приказанію императора, долженъ былъ объясняться по этому поводу не только съ графомъ Кобенцелемъ, но и со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, показывала, до

Какой степени императоръ былъ разгнѣванъ. А, между тѣмъ, вѣнскій дворъ, слѣдуя своей системѣ кажущейся покорности на словахъ и противодѣйствія на дѣлѣ, въ то самое время, когда предлагалъ ему всевозможное удовлетвореніе, не уступалъ ни въ одномъ существенномъ пунктѣ. Онъ оставлялъ на своемъ посту графа Кобенцеля, ставшаго для императора предметомъ отвращенія и презрѣнія. Напрасно государь подвергалъ его ежедневнымъ оскорбленіямъ: ничто не могло тронуть безстрастности Тугута, который, казалось, хотѣлъ оставить посла на сѣденіе, какъ жертву гнѣва императора. Графъ Кобенцель попросилъ своего отозванія, но не могъ его добиться. Хотѣли, чтобы онъ уѣхалъ по своему собственному желанію, чтобы не быть обязаннымъ платить его долги, и Колычевъ, русскій посланникъ въ Вѣнѣ, замѣчалъ въ своихъ донесеніяхъ, что Тугутъ не открывалъ рта о положеніи графа Кобенцеля въ Петербургѣ. Каково же было намѣреніе вѣнскаго двора, оставлявшаго при петербургскомъ дворѣ челоуѣка, граждански умершаго для него, и какіе переговоры могъ онъ еще надѣяться вести путемъ, ставшимъ отнынѣ вполнѣ непроходимымъ?

Между тѣмъ какъ Австрія скрывала оскорбленія, не жаловалась на отозваніе изъ Вѣны русскаго посла, графа Разумовскаго, котораго она ласкала и котораго ей обѣщали оставить, Англія, съ своей стороны, недовольная Россіей и боясь подвергнуть планы новой кампаніи непостоянству рѣшеній такого вспыльчиваго и переменчиваго государя, медлила отъѣздомъ Повама, назначеннаго дипломатическимъ агентомъ ея въ Петербургъ, и распространяла слухъ, что онъ отправляется въ Петербургъ черезъ Средиземное море, потому что сѣверные льды мѣшаютъ ему проѣхать черезъ Балтійское. Тѣмъ не менѣе, Англія желала имѣть возможность произвести вмѣстѣ съ Россіей высадку въ Голландію и употребить на это русскія войска, которыя она уже имѣла въ своемъ распоряженіи. Но что касается до плановъ Дюмурье и всѣхъ великихъ проектовъ объ экспедиціи въ Нормандію и Голландію, то я имѣю сильныя основанія предполагать, что Англія была тутъ ни при чемъ, и холодность, съ которой кавалеръ Витвортъ узналъ о прибытіи Дюмурье, меня заставляетъ думать, что у него не было точныхъ приказаній ни поддерживать его предложенія, ни способствовать его намѣреніямъ. Дюмурье, изолированный, запертый въ гостиницѣ, нуждаясь почти въ самомъ необходимомъ, бывший предметъ удивленія всѣхъ тѣхъ, которые познакомились съ нимъ въ Петербургѣ, еще болѣе удивленный самъ видѣть себя здѣсь, мучимый нѣсколькими эмигрантами, которые, объявляя себя делегатами Митавы, смотрѣли на него, какъ на орудіе, которымъ они должны были воспользоваться по своему желанію, — Дюмурье, проклиная свою политическую роль, сожалѣлъ о своемъ положеніи перебѣжчика и примѣрами злоупотребленія деспотизмомъ, поражавшими ежедневно его

глазъ, внутренно утверждался въ любви къ республиканской независимости. Императоръ оставлялъ его безъ вниманія (впослѣдствіи онъ его выслалъ, послѣ того что онъ одинъ разъ поговорилъ съ нимъ на парадѣ). Павелъ однако поддерживалъ съ митавскимъ дворомъ пустыя сношенія, касавшіяся обмѣна орденовъ и имѣвшія результатомъ только выраженіе нѣсколькихъ пустыхъ увѣреній о чрезвычайной нѣжности, привязывающей покровительствуемаго короля къ покровительствующему монарху, въ то время, какъ этотъ государь находился въ самой рабской зависимости и покупалъ свое существованіе цѣною постоянныхъ непріятностей и огорченій, которыя причиняла ему послѣдовательная высылка его самыхъ вѣрныхъ слугъ. Павелъ I любитъ покровительствовать монархической идеѣ, но вовсе не монарху въ особѣ изгнаннаго французскаго короля Людовика XVIII. Самыя преданныя послѣднему личности послѣдовательно испытали поразительную немилость императора Павла: маршалъ Броглю былъ сосланъ въ Ригу, графъ С.-При смѣщенъ, графъ Шуазель-Гуффье лишенъ свой должности въ Петербургѣ и удаленъ, маркизъ Ламбертъ равнымъ образомъ уволенъ былъ отъ службы.

Графъ Ростовчинъ, истинный врагъ системы коалиціи, неослабный преслѣдователь иностранцевъ, принятыхъ на службу Россіи, поддерживалъ императора въ его ненависти и враждѣ къ бывшимъ его союзникамъ и повторялъ ему безпрестанно, что Россія сможетъ обойтись безъ всего свѣта и что она всегда будетъ въ состояніи явиться на политической сценѣ, когда захочетъ, и всегда будетъ играть ту политическую роль, которая ей подобааетъ. Онъ изображалъ войска его императорскаго величества, какъ жертвы, подверженныя разнымъ непріятностямъ и можетъ быть потерямъ, напередъ разсчитаннымъ завистливыми друзьями—австрійцами. Клеветы, распространенныя великимъ княземъ Константиномъ по его возвращеніи изъ арміи, укрѣпили это настроеніе императора, увеличили его отдаленіе отъ Австріи, и хотя эта держава, казалось, желала предложить новый планъ кампаніи и хотя фельдмаршалъ Суворовъ съ своей стороны предлагалъ то же, но рѣшеніе совершенно отказаться отъ участія въ коалиціи было принято и объявлено его высочеству курфюрсту Палатину, во владѣніяхъ котораго русскія войска расположены были на зимнихъ квартирахъ двумя письмами самого императора, и немного времени спустя былъ отправленъ курьеръ, который отвезъ приказъ возвратиться на родину русскимъ войскамъ, находящимся и въ Англіи. Таково было положеніе вещей, когда я покинулъ Россію 19-го февраля 1800 года.

Россия не имѣетъ теперь опредѣленной политической системы. Желанія государя составляютъ всю ея политику, а эти желанія управляются такими неистовыми страстями, что невозможно никогда на нихъ основывать ничего положительнаго въ политическихъ комбинаціяхъ. Между тѣмъ, его намѣренія постоянно одни и тѣ же. Ни одинъ государь, можетъ быть, не былъ такъ неизмѣнно занятъ одной мыслью, проникнуть однимъ чувствомъ, и очень рѣдко можно видѣть такую измѣнчивость дѣйствій, соединенную такъ тѣсно съ этимъ постоянствомъ принциповъ.

Добросовѣстная честность, искреннее желаніе видѣть cadaго вошедшимъ во владѣніе своихъ законныхъ правъ, прирожденная склонность къ деспотизму, особый складъ рыцарскаго ума, дѣлавшій его способнымъ на самыя великодушныя и смѣлыя рѣшенія, постоянно управляли Павломъ I въ его политическихъ сношеніяхъ съ другими державами. Онъ сталъ во главѣ коалиціи по чувству, а не ради какой-либо выгоды. При своемъ вступленіи на престолъ онъ слѣдовалъ по другому пути, потому что Безбородко былъ еще во главѣ правленія, а этотъ послѣдній былъ пропитанъ принципами политики Екатерины II, которая почти до самой своей смерти подстрекала къ дѣйствию другихъ, сама не дѣйствуя. Можетъ быть потому, что императрица въ послѣднія минуты жизни приняла различныя мѣры противъ революціонной Франціи, императоръ хотѣлъ выказать, что онъ не желаетъ ничего принимать изъ ея проектовъ и намѣренъ держаться всегда далеко отъ начертанныхъ ею плановъ. Остатокъ уваженія къ этому министру заставилъ его удержать его во главѣ управленія, но, конечно, если бы князь Безбородко прожилъ еще одинъ годъ, онъ былъ бы отставленъ.

Еще до смерти этого министра взятіе Мальты привело императора къ мысли, которую онъ впоследствии развилъ. Этотъ монархъ хотѣлъ стать восстановителемъ Европы, защитникомъ всѣхъ угнетенныхъ, онъ считалъ себя въ состояніи заставить все покориться его намѣреніямъ — онъ ошибся; онъ думалъ, что, заявляя, что онъ не имѣетъ никакого интереса и никакого личнаго честолюбія, при выполненіи своихъ политическихъ плановъ, онъ увлечетъ и другихъ сдѣлать это, — онъ еще разъ ошибся.

Австрія притворялась, потому что она нуждалась въ немъ и въ его вліяніи, чтобы вновь приобрести значеніе и разсѣять тотъ родъ ужаса, который распространили по Европѣ военные успѣхи французовъ въ 1796 и 1797 году и предпріятія ея правительства въ 1798 и 1799 году. Императоръ вступилъ въ коалицію съ прямыми, честными намѣреніями: онъ объявилъ, что желаетъ свергнуть незаконное правительство Франціи, и это была правда; что онъ ничего не хотѣлъ для себя, но все для тѣхъ, кому это принадлежало, это также — правда. Кто только зналъ намѣренія его союзни-

ковъ, могъ предвидѣть то столкновение, которое было слѣдствіемъ различія принциповъ и плановъ. По мѣрѣ того, какъ событія слѣдовали другъ за другомъ, политика прочихъ членовъ коалиціи обнаруживалась, и тогда встревоженная и возбужденная честность Павла I сильно отвратила его отъ тѣхъ, съ которыми онъ соединился. Съ этихъ поръ императоръ сталъ питать отвращеніе къ политикѣ. Всѣ его рѣчи были наполнены сарказмами противъ нея и ея дѣятелей. Онъ возмущался тѣмъ, что могли думать, что онъ поможетъ своими войсками осуществленію несправедливыхъ требованій и осуществленію постыдныхъ грабительствъ. Онъ замкнулся въ самомъ себѣ и высказывалъ полное презрѣніе ко всему тому, что онъ считалъ зараженнымъ противорѣчивыми ему принципами.

Если бы Павелъ I лучше зналъ людей и свой вѣкъ, онъ никогда не сталъ бы заблуждаться, думая, что у его союзниковъ нѣтъ личныхъ страстей и нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ интересовъ справедливости: тогда онъ сталъ бы между державами для достиженія не абсолютнаго, а возможнаго блага. Дѣйствуя такъ, какъ онъ дѣйствовалъ, онъ слѣблалъ свои благородныя и хорошія побужденія ненужными и даже вредными онъ затронулъ умы и возбудилъ страсти, которыя онъ хотѣлъ обуздать. Наконецъ, запечатлѣвая на цѣлой Россіи непостоянство своего характера и обнаруживая потокъ самыхъ сильныхъ страстей, онъ заставлялъ потерять ее всякое значеніе и всякое внѣшнее политическое вліаніе.

Какъ можно въ дѣйствительности разсчитывать на союзъ, который можетъ разрушиться отъ каприза, и предоставлять случайностямъ дурнаго настроенія успѣхъ самыхъ важныхъ предпріятій! Развѣ не замѣтно было также, что ни Англія, ни Австрія не заботились объ удержаніи подобнаго союзника и что онѣ ограничивались изъявленіями уваженія и дружбы, не дѣлая въ дѣйствительности ни одного шага, чтобы вернуться къ старымъ планамъ?

Между тѣмъ, императоръ продолжалъ договариваться съ различными державами. Три договора были подписаны съ Баваріей, Швеціей и Португаліей въ то время, когда уже у него зародилась мысль вернуть свои войска. Это все договоры гарантіи и обязательства защиты, необходимой противъ незаконныхъ нападеній. Они всѣ носятъ печать его прамаго и честнаго характера.

Императоръ плохой союзникъ для великой державы, но онъ очень важный покровитель для маленькой. Онъ тяжелый и, можетъ быть, вредный союзникъ, но, въ то же время, онъ былъ бы очень опаснымъ врагомъ. Это легко понять, потому что при дѣйствіи въ союзѣ съ другими. малѣйшее несогласіе, самое незначительное событіе могли стать поводомъ къ разладу, между тѣмъ, какъ дѣйствуя противъ другаго, онъ долженъ или идти впередъ, или признать себя побѣжденнымъ.

Поэтому Австрія настолько же боится его, как союзника, насколько страшится его, как врага. Она прекрасно знаетъ, что императоръ не допуститъ ничего, что бы могло принести значительный вредъ ея политической безопасности, и это меня заставляетъ думать, что пока государь будетъ жить или царствовать, она откажется отъ всякой мысли о расширеніи своихъ предѣловъ на востокъ, западъ или сѣверъ. Если небольшія домашнія ссоры съ Австріей и одни ея проекты о своемъ расширеніи къ югу могли возбудить Павла I до той степени, до которой онъ теперь возбужденъ противъ Австріи, чего нельзя ожидать отъ тѣхъ мѣръ, которыя формально задѣнутъ принятыя имъ обязательства! Манера, съ которой онъ обращается въ настоящее время съ вѣнскимъ посломъ, безпримѣрна въ исторіи дипломатіи; слухи о суровости его отношеній къ гр. Кобенцелю доходятъ даже до Англіи, но это показываетъ, что императора не останавливаютъ никакія соображенія, когда онъ считаетъ себя задѣтымъ въ самыхъ дорогихъ своихъ принципахъ.

Русскій императоръ находится въ настоящее время въ состояніи полного озлобленія противъ Франціи, на правительство которой онъ смотритъ, какъ на самозванное, но въ дѣйствительности онъ ведетъ съ ней войну только на одномъ пунктѣ Средиземнаго моря (Мальта). Онъ на военномъ положеніи съ Испаніей, хотя между ними нѣтъ военныхъ дѣйствій; онъ питаетъ ненависть противъ Австріи, всякое сближеніе съ которой тѣмъ болѣе будетъ труднымъ, что можно сказать, ихъ отдаленіе является результатомъ истиннаго несогласія. Онъ холоденъ къ Англіи и индифферентенъ къ Даніи. Онъ любитъ Швецію и Баварію. Онъ покровительствуетъ сардинскому королю, потому что тотъ несчастенъ. Неаполь—единственная держава, которую онъ дѣйствительно поддерживаетъ, потому что ея посолъ высказываетъ сильнѣйшую ненависть къ Австріи. Онъ союзникъ Порты, потому что въ этомъ союзѣ есть нѣчто привлекательное для его характера. Пруссія изъ всѣхъ державъ единственная, съ которой онъ началъ сношенія, имѣющія больше отношенія къ обыкновенному ходу политики, и это потому, что они—дѣло рукъ графа Панина, который вложилъ въ нихъ духъ порядка и метода, его характеризующій, и принципы союза съ Пруссіей были тѣ же, что и принципы его покойнаго дяди.

Поэтому, можно видѣть, что сношенія Россіи съ другими державами—сношенія отдѣльной личности съ другими; что они являются выраженіемъ чувства, а не политическаго соображенія и расчета; что императоръ руководится желаніями, а не планами; что онъ обладаетъ пылкими чувствами, но что невозможно рассчитывать на исполненіе тѣхъ его желаній, которыя требуютъ обдуманнаго соглашенія, разсчитаннаго шага и дальновидности.

Несмотря на это, для Баваріи страшно важно сохранить его дружбу

и поддержку. Ничего не может быть существеннѣй этой поддержки противъ притязаній Австріи. Единственное обстоятельство, на которое нужно обратить самое сильное вниманіе, это—то, что не слѣдуетъ еще больше возбуждать Павла I противъ Австріи, потому что, разъ война будетъ объявлена, послѣдней не придется высказывать никакой осторожности относительно Россіи, а съ тѣхъ поръ тѣмъ менѣе и относительно насъ; не только боязнь войны противъ такого фанатичнаго государя заставитъ ее питать къ намъ большее уваженіе, но и то, что она увидитъ, что императоръ принимаетъ близко къ сердцу интересы Баваріи.

Выборъ искуснаго посла, искренность котораго проявлялась бы и въ личной жизни и въ дипломатическихъ отношеніяхъ, есть вѣрное средство достигъ этой цѣли.

Сообщ. Евгений Шумигорскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Григорій Федорович Генетъ,

первый директоръ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса.

Въ августѣ исполняется семьдесятъ пять лѣтъ со дня учрежденія въ Оренбургѣ Неплюевскаго военнаго училища, что нынѣ кадетскій корпусъ того же названія, почему, намъ кажется, не лишнимъ будетъ, по вновь отысканнымъ архивнымъ документамъ, дать нѣсколько добавленій къ исторіи его возникновенія ¹⁾ и сказать нѣсколько словъ о первомъ его директорѣ.

Еще первый Оренбургскій губернаторъ Ив. Ив. Неплюевъ ²⁾ намѣревался открыть въ Оренбургѣ училище, для чего въ 1744, 1745 и 1747 годахъ собирались «доброхотныя приношенія»; но въ то время

---

¹⁾ До сей поры время основанія училища въ существующихъ печатныхъ произведеніяхъ указывалось разнорѣчиво. Покойный инспекторъ Неплюевскаго корпуса, полковникъ П. В. Митуричъ („Очеркъ исторіи Оренбургскаго Неплюев. воен. училища и Оренб. Неплюев. кадетск. корпуса, отъ основанія ихъ до послѣднихъ преобразованій“, см. въ „Справочн. книжкѣ Оренбургск. губ.“, за 1870 г., от. IV, стр. 193), говоритъ, что „училище открыто въ 1824 году“ (не указывая мѣсяца и числа) и что „мысль объ основаніи его принадлежитъ оренбургскому военному губернатору князю Волконскому“. Поздѣйшій же изслѣдователь Оренбургскаго края В. Н. Витевскій въ своей монографіи („Неплюевъ и Оренбур. край“, в. V, стр. 948) рассказываетъ объ этомъ нѣсколько иначе, будто „въ 1824 году императоръ Александръ Благословенный осчастливилъ Оренбургъ своимъ посѣщеніемъ и тогда же повелѣтъ соизволилъ, чтобы Неплюевское училище было открыто въ самомъ непродолжительномъ времени, а 2-го я н в а р я 1825 года высочайшая воля была исполнена. Къ сожалѣнію, ни тотъ, ни другой изъ авторовъ не указываютъ источниковъ, откуда они позаимствовали эти свѣдѣнія.

²⁾ Управлялъ губерніею съ 1744 по 1758 г., а съ 1742 г. онъ носилъ званіе командира Оренбур. комиссіи.

проектъ этотъ не осуществился на дѣлѣ, и не извѣстно, какое было назначеніе предполагаемаго училища и для какихъ сословій оно предназначалось.

Преемники Неплюева, занятые борьбой съ непокорными племенами съ одной стороны башкиръ, съ другой—киргизъ, а потомъ съ Пугачевщиной, наконецъ новымъ, послѣ того устройствомъ края и приведеніемъ его въ должный порядокъ,—совсѣмъ забыли о проектѣ этомъ и не предпринимали ничего къ устройству въ край какого-либо учебнаго заведенія. Возникновеніе училища, вполнѣдствіи названнаго въ честь перваго инициатора его «Неплюевскимъ», всецѣло обязано благому почину Александра I, относящемуся къ лучшимъ днямъ его царствованія.

Забывая о поднятіи нравственнаго и образовательнаго уровня русскаго дворянства, императоръ рескриптомъ 15-го августа 1801 года на имя оренбургскаго военнаго губернатора, генералъ-маіора Бахметева ¹⁾, «положилъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и между прочими Оренбургской, въ городѣ Оренбургѣ, учредить дворянское военное училище», гдѣ бы «воспитанники, не разрывая родственныхъ связей, только существенныхъ въ нравственномъ образованіи, въ глазахъ почти родныхъ своихъ, съ лучшимъ сохраненіемъ чувствъ ихъ привязанности, съ большею удобностію для ихъ помѣщенія, безъ дальнѣйшаго переезда, въ томъ же почти воздухѣ и на той же водѣ и, слѣдовательно, съ лучшею цѣлостію ихъ здоровья и съ большею достовѣрностію успѣха», могли бы «получить приличное имъ воспитаніе». Цѣлью училища было, «образуя воспитанниковъ въ первыхъ началахъ наукъ, доставлять на собственномъ его отчетѣ и попеченіи по извѣстному количеству ежегодно въ здѣшніе кадетскіе корпусы и ближайшіе университеты для дальнѣйшаго и окончательнаго приуготовленія однихъ къ военной, а другихъ къ гражданской службѣ» ²⁾.

«Дабы положить» училищамъ этимъ «прочное основаніе», на постепенное построеніе и содержаніе всѣхъ ихъ предположено было отпускать пятьсотъ тысячъ рублей въ годъ. Генералъ-маіору Бѣгичеву поручено отправиться «въ тѣ мѣста», гдѣ училища предназначались къ устройству, «чтобы обозрѣть всѣ удобства, отъ положенія ихъ зависящія». Но къ сожалѣнію, изъ дальнѣйшей переписки не видно, былъ ли генералъ Бѣгичевъ въ Оренбургѣ и почему тогда предположеніе это не осуществилось. Вскорѣ послѣ того губернаторъ Бахметевъ былъ

¹⁾ Николай Николаевичъ Бахметевъ правилъ Оренбургскимъ краемъ съ 25-го октября 1798 по 2-е августа 1803 г.

²⁾ См. „Матеріалы по исторіи Оренб. губерніи“, 1889, в. II, стр. XXVII—XXIX.

сѣненъ, а назначенному на его мѣсто, князю Волконскому ¹⁾ первое время управленія было не до училища, благодаря задуманнымъ имъ на первыхъ же порахъ (въ 1804 г.) «устройству Оренбургской линіи на лучшихъ основаніяхъ» и приготовленію къ неосуществившейся экспедиціи на Хиву ²⁾, а затѣмъ волненіямъ въ уральскомъ войскѣ при введеніи у казаковъ новаго положенія по проекту генерала Медера ³⁾.

Благая мысль императора осталась неисполненной, и въ послѣдствіи князю Волконскому пришлось обратиться за денежными средствами не въ казну, а къ пожертвованіямъ. Желая увѣковѣчить память одного изъ своихъ предшественниковъ, онъ прежде всего сдѣлалъ предложеніе родственникамъ покойнаго основателя Оренбурга, прося ихъ оказать содѣйствіе въ задуманномъ полезномъ дѣлѣ. Предложеніе было принято съ большимъ сочувствіемъ, и внукъ Ивана Ивановича, минскій губернаторъ Ив. Никол. Неплюевъ первымъ пожертвовалъ на устройство училища 10 тыс. руб. Слѣдомъ за нимъ откликнулись и другія лица, такъ что въ нѣсколько мѣсяцевъ была собрана сумма свыше 20 тыс. руб. Тогда (въ маѣ 1806 г.) князь Волконскій вошелъ къ императору съ всеподданнѣйшимъ докладомъ и, представляя при этомъ планъ предполагавшемуся училищу, просилъ въ то же время на устройство и содержаніе его отпустить 40 тыс. руб. отъ казны. Докладъ князя поступилъ на обсужденіе Совѣта о военныхъ училищахъ, и послѣдній, 10-го февраля 1807 г., за № 7, отвѣчалъ слѣдующее ⁴⁾:

„По высочайшему его императорскаго величества повелѣнію, г. тайный совѣтникъ Новосильцевъ препроводилъ на разсмотрѣніе Совѣта планъ училища, которое ваше сіятельство предполагаете завести въ Оренбургѣ, подъ названіемъ Неплюевскаго, и на которое отъ монаршихъ щедротъ испрашиваете 40.000, или сколько благоудно будетъ государю императору, дабы изъ процентовъ какъ съ сей суммы, такъ и съ 21.306 рублей 35 коп., жертвуемой частными людьми, содержать училище.

„Совѣтъ находить, что высочайше утвержденнымъ въ 5-й день ноября 1804 года уставомъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ университетамъ, положено въ Оренбургѣ быть гимназій и уѣздному училищу; да таковыя жъ уѣздныя училища должны учредитьсѣ и въ прочихъ городахъ сей губерніи; кромѣ того, по мѣрѣ надобности, устроены будутъ и приходскія училища. Такимъ образомъ, для просвѣщенія народнаго, существовать будутъ въ достаточномъ числѣ учебныя заведенія, въ кои вхождъ къ образованію себя открытъ для всѣхъ состояній. На всѣ сіи училища назначены изъ государственнаго казначейства знатныя суммы, и каждое изъ нихъ снабдено подробными правилами относительно образа ученія и управленія ихъ.

„При таковыхъ со стороны казны пожертвованіяхъ на предметъ просвѣ-

¹⁾ Генералъ-отъ-кавалеріи князь Петръ Семеновичъ Волконскій правилъ Оренбургскимъ краемъ съ 1803—1817 г.

²⁾ „Русская Старина“, 1894, XII, 288.

³⁾ „Русскій Архивъ“, 1898, IX, 57.

⁴⁾ См. въ Оренбур. центр. архивѣ „сношенія министерскія“, т. II.

шенія по Оренбургской губерніи, Совѣтъ не считаетъ необходимымъ учрежденіе въ Оренбургѣ помянутаго училища, на которое потребуется вновь сорокъ тысячъ рублей. Что же касается до татарскаго и персидскаго языковъ ¹⁾, которымъ въ томъ училищѣ обучать назначается,—министерство просвѣщенія равнымъ образомъ не упуститъ изъ виду и сего предмета, тѣмъ болѣе, что въ уставѣ именно назначено преподаваніе мѣстнаго языка.

„Основываясь на сихъ уваженіяхъ, Совѣтъ нужнымъ считаетъ отнестись къ вамъ, не согласитесь ли ваше сіятельство, дабы съ суммы 21.306 рублей 35 коп. проценты обращены были на содержаніе въ Оренбургѣ при уѣздномъ училищѣ такого числа бѣдныхъ дѣтей, на сколько оныхъ будетъ достаточно, поручивъ сихъ пансіонеровъ въ вѣдѣніе смотрителю сего училища, или же избравъ для сего особаго чиновника по предложенію вашему; и какъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ не полагается обучать военной экзерциціи, то на счетъ сихъ же процентовъ можно содержать учителя для сего предмета. Совѣтъ, въ случаѣ согласія на сіе вашего сіятельства, будетъ ожидать отъ васъ новаго плана содержанію предполагаемаго заведенія“.

У князя Волконскаго явилась тогда другая мысль: необходимыя 40 тыс. руб. собрать путемъ пожертвованій, для чего и была открыта по всему краю подписка.

Пожертвованія поступали туго. За время съ 1806 по 1817 г., вмѣстѣ съ ранѣ поступившими суммами, было собрано всего лишь 40 тыс. руб., съ выросшими на прежній капиталъ процентами. Добродотныя приношенія успѣшнѣе потекли уже послѣ отъѣзда (въ 1817 году) изъ Оренбурга князя Волконскаго. Въ послѣднія семь лѣтъ (по 1824 г.) капиталъ училища разомъ возросъ до 152 тыс. руб. Къ этимъ деньгамъ генераль Эссенъ причислил безплодно лежавшихъ въ Оренбургской пограничной комиссіи нѣсколько тысячъ такъ называемой мечетной суммы, такъ что всего составилось свыше 230 тыс. руб. ассигнаціями. Съ этими деньгами уже вполне возможно было осуществить давнишнюю мечту.

Въ началѣ 1824 года былъ составленъ новый планъ, по которому предполагаемое училище (на 40 казенныхъ и 40 своекоштныхъ воспитанниковъ) было уже приравнено къ типу кадетскихъ корпусовъ, съ преподаваніемъ въ немъ, помимо обще-образовательныхъ предметовъ и необходимыхъ для офицера того времени военныхъ наукъ, еще языковъ русскаго, нѣмецкаго, французскаго, арабскаго, персидскаго и татарскаго, такъ какъ училище имѣло главнымъ образомъ «сближеніе азіатцевъ съ русскими». Курсъ назначался шестилѣтній, съ раздѣленіемъ его на три двухгодичныхъ класса: нижній, средній и верхній. Дѣти чиновниковъ и дворянъ, по окончаніи его, выпускались урядниками и канцеляристами, а дѣти купцовъ и другихъ свободныхъ состояній пользовались покровительствомъ военнаго губернатора для оты-

¹⁾ Какъ предполагалъ въ представленномъ „планѣ“ князь Волконскій.

сканія должностей и занятій. Окончившіе же успѣшно курсъ по восточной словесности, безъ различія сословій, опредѣлялись переводчиками и толмачами по пограничному управленію. На содержаніе училища ассигновано было 18.245 руб., которые составлялись изъ процентовъ съ собраннаго капитала, процентовъ съ мечетной суммы и билетнаго сбора съ киргизъ (8 т. р.).

Проектъ этотъ удостоился высочайшаго одобренія, и въ томъ же 1824 году, именнымъ повелѣніемъ въ 4-й день августа, начальникъ инженеровъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, подполковникъ Григорій Ѳеодоровичъ Генсъ былъ «опредѣленъ директоромъ онаго, съ оставленіемъ при прежней должности» ¹⁾.

Съ этого времени, по нашему мнѣнію, и должно считаться начало существованія Непцювскаго военнаго училища, переименованнаго въ 1844 году въ кадетскій корпусъ.

Г. Ѳ. Генсъ отличался обширными познаніями, любознательностію и трудами, благодаря которымъ былъ лично извѣстенъ императору Николаю I. Не столько важны и интересны его заслуги по устройству и управленію училищемъ, какъ важны и цѣнны собранные въ оставленныхъ имъ запискахъ матеріалы по археологій, исторіи и этнографіи Оренбургскаго края и средне-азиатскихъ ханствъ, до сей поры еще не обнародованные. Поэтому считаемъ умѣстнымъ дать хотя бы краткую біографію этого недюжиннаго человѣка и неутомимаго труженика.

Г. Ѳ. Генсъ происходилъ изъ дворянъ, неизвѣстно только какой губерніи, но, должно быть, Курской, гдѣ онъ впоследствии женился на дочери помѣщика Редина, Евдокіи Матвѣевнѣ. Очевидно, родители его обладали хорошими средствами и могли дать сыну настолько солидное образованіе, что, будучи опредѣленъ (20-го ноября 1806 года) восемнадцатилѣтнимъ юношей въ инженерный корпусъ, онъ пробылъ въ немъ только одинъ учебный годъ. На слѣдующее лѣто (приказомъ 31-го іюля) Генсъ былъ выпущенъ изъ корпуса прямо подпоручикомъ, съ откомандированіемъ для инженерныхъ работъ въ Оренбургъ.

Тамъ, на далекой окраинѣ, въ глуши степей, вдали отъ свѣта и родныхъ, не потерялся и не сбился съ пути истиннаго молодой еще необкрѣпшій умъ; напротивъ, Генсъ со всею пылою молодости отдался службѣ, посвящая свои досуги изученію мѣстнаго края и литературнымъ занятіямъ. Всѣ возлагавшіяся на него порученія исполнялись имъ добросовѣстно и съ полнымъ стараніемъ, за что Г. Ѳ., помимо отличій и наградъ, получалъ не разъ высочайшія благодарности. Имѣя

---

¹⁾ См. въ дѣлѣ Тургайск. обл. архива за 1832 г., по добав. оп. № 277 „формулярный списокъ“ Генса. Между тѣмъ г. Витевскій (стр. 948) говоритъ, что онъ состоялъ директоромъ съ 1825 года.

полную возможность нажитья на поручаемыхъ ему инженерныхъ работахъ, онъ, какъ высокочестный человѣкъ, въ отличіе отъ чиновныхъ людей своего времени, въ продолженіе 38-ми-лѣтней службы не приобрѣлъ ничего ¹⁾; наоборотъ всегда старался сберечь казенную копѣйку. Примѣромъ сего можетъ служить постройка тюремнаго замка въ Оренбургѣ, когда онъ «сберегъ въ пользу казны 7.000 руб.», за что и всемилостивѣйше пожалованъ кавалеромъ ордена св. Анны 3-й ст., 1820 г. февраля 5-го.

Служа во времена двухъ отличающихся другъ отъ друга царствованій императоровъ Александра I и Николая I, при пяти оренбургскихъ военныхъ губернаторахъ ²⁾, Г. Ф. одинаково пользовался расположеніемъ всѣхъ ихъ, а у генераль-адъютанта В. А. Перовскаго былъ частымъ совѣтникомъ, особенно по дѣламъ ордынскимъ. Состоя лишь въ чинѣ капитана, онъ былъ назначенъ (прик. 16-го января 1810 г.) начальникомъ инженеровъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, потомъ въ чинѣ подполковника опредѣленъ директоромъ Неплюевского училища и, наконецъ, черезъ какихъ-нибудь четыре мѣсяца, будучи 1-го января 1825 г. за отличіе по службѣ произведенъ въ полковники, назначенъ (прик. 16-го января того же года), 38 лѣтъ отъ роду, предсѣдателемъ Оренбургской пограничной комиссіи (должность коего стояла выше званія гражданскаго губернатора того времени).

Большой опытности и осмотрительности требовала должность директора учебнаго заведенія, не подготовленнаго, не устроеннаго, даже не сформированнаго и совершенно новаго въ полуазиатскомъ и при томъ отдаленномъ краѣ, гдѣ, особенно въ то время, трудно было найти хорошихъ помощниковъ, надежныхъ руководителей юношества, а главное —учителей съ солидными познаніями по различнымъ спеціальностямъ. Поэтому Г. Ф-чу нужно было приложить много энергіи и труда, чтобы поставить на прочную почву этотъ рассадникъ военнаго образованія среди разнородныхъ обитателей края и пріохотить инородцевъ къ наукѣ и просвѣщенію. Если же (какъ увидимъ ниже) онъ не достигъ этого, то въ данномъ случаѣ вина была не его.

Не отступая отъ данной ему инструкции, Генсъ не имѣлъ никакой возможности съ полнымъ успѣхомъ примѣнить и выполнять утвержденную для учащихся учебную программу ³⁾. Вступившій въ 1830 году въ

¹⁾ Если не считать двухъ деревянныхъ домовъ въ Оренбургѣ, изъ коихъ одинъ принадлежалъ ему, другой его женѣ.

²⁾ Князь П. С. Волконскомъ (1803—1817), ген.-отъ-инфан. П. К. Эссенъ (1817—1830), графъ П. П. Сухтеленъ (по 1833 г.), ген.-адъютантъ В. А. Перовскомъ (по 1842) и ген.-отъ-инфан. В. А. Обручевъ (по 1851 г.).

³⁾ Въ программу, помимо вышепоказанныхъ языковъ, были включены: Законъ Божій, общее правоученіе, исторія всеобщ. и русская, географія мате-

е Оренбургскимъ краемъ графъ Сухтеленъ, при первомъ же възрѣннн Неплюевского училища, нашелъ въ учебной его части, выразился самъ, «настоящее столпотвореніе вавилонское». Испитанниковъ одновременно шести языкамъ и преподавать еще, большинство коихъ было мало способно къ всякому умствен-браженію, математику и военныя науки, — было выше силъ а и не принесло, какъ показать опытъ, желаемого успѣха. Не чего тогда же составлено было предположеніе раздѣлить учи-два отдѣленія: европейское и азіатское, съ преподаваніемъ въ только европейскихъ языковъ и всѣхъ прочихъ наукъ, а во — языковъ восточныхъ, исключивъ изъ курса этого отдѣленія науки, алгебру, тригонометрію и черченіе плановъ ¹⁾.

съ, хотя не задолго передъ тѣмъ (прик. 2-го апрѣля 1830 г.), ровитый, образованный и дѣльный офицеръ, былъ переведенъ еральный штабъ, но какъ только состоялся вышепоказанный в училища, вскорѣ послѣ того (прик. 10-го апрѣля 1832 г.), его или «состоять по арміи», а потомъ смѣнили съ должности дирек-Неплюевского училища, на которую былъ опредѣленъ полковникъ овъ. Только, видимо, не желая обидѣть этого почтеннаго дѣятеля, ию Федоровичу высочайшимъ приказомъ 15-го іюня того же 1832 ыло «предоставлено званіе попечителя онаго училища», которое силъ до конца жизни.

ботая неутомимо по службѣ, Генсъ находилъ время еще на литера-ия и историческія работы.

ь его «трудахъ» попадаются выписки не только изъ русскихъ, но и иностранныхъ журналовъ. Все, болѣе или менѣе интересное, а ое касающееся до исторіи Оренбургскаго края и сопредѣльныхъ съ областей, онъ неустанно заносилъ въ тетради, изъ которыхъ до поръ сохранилось только восемь ²⁾), хотя по имѣющимся на нихъ рамъ и цифрамъ можно догадываться, что ихъ было по крайней мѣрѣ е больше. Туда же записывалъ онъ и всѣ показанія и рассказы удившихъ на линію плѣнниковъ, легенды и преданія киргизъ, хи-девъ и прочихъ азіатскихъ народовъ, сообщенія, получаемыя отъ

ическая, всеобщ. и русск., начальныя основанія естествен. исторіи и ія понятія физики, съ приложеніемъ этихъ предметовъ въ особенности топографіи Оренбург. края, алгебра, арифметика, геометрія, тригонометрія ская и сферическая; полевая фортификація, начальн. основанія артилле-, рисованіе и черченіе плановъ, военныя экзерциціи и гимнастичес. упра-енія.

¹⁾ Проектъ этотъ удостоился высочайшаго утвержденія только 9-го де-бра 1840 г.

²⁾ Находятся въ настоящее время въ Оренбургской (публичной) библио-кѣ, по общему каталогу № 281.

переводчиковъ, инородческихъ старшинъ, туземныхъ посланниковъ и т. д. Какъ говорятъ, Г. Ѳ. настолько былъ любознателенъ, что нисколько не стѣснялся на глазахъ у всѣхъ, иди по улицамъ Оренбурга, останавливать какого-нибудь старика-киргиза или въ рубищахъ старуху-киргизку и спрашивалъ о ихъ житіи-бытїи, а иной разъ нарочно зазывалъ стариковъ-знатковъ своихъ обычаевъ къ себѣ на квартиру и по цѣлымъ часамъ съ ними бесѣдовалъ ¹⁾).

Гр. Ѳ. былъ человекъ добрейшей души. Умѣлъ привлекать къ себѣ простой народъ, а особенно дикарей-туземцевъ, дѣйствуя на нихъ не строгостью, а убѣжденіемъ, кротостью и ласкою. И киргизы платили ему за это неограниченнымъ довѣріемъ и любили его такъ, что безпрекословно слушались малѣйшихъ его приказаній. Когда, при вступленіи своемъ въ должность предсѣдателя Оренбургской пограничной комиссіи, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы «киргизы безпрепятственно шли на мѣну ²⁾ для торговли», желаніе его было тотчасъ же исполнено. Въ продолженіе его управленія киргизскими ордами ³⁾, по крайней мѣрѣ до 1834 года, въ зауральной степи не было ни одного волненія, если не считать незначительную вспышку киргизъ Джигалбайлинскаго рода, усмиренныхъ благодаря вліянію Генса, безъ всякихъ мѣръ строгости. Только съ прїѣздомъ въ 1833 г. въ Оренбургъ генерала Перовскаго, вадумавшаго подчинить киргизъ силою, они озлобились противъ пограничнаго начальства, и дерзкіе набѣги ихъ на прилинейныхъ жителей съ каждымъ годомъ стали учащаться.

Получая о Генсѣ такіе благопріятные отзывы и частыя представленія его къ наградамъ, императоръ Николай Павловичъ заинтересовался имъ и пожелалъ видѣть этого замѣчательнаго человека.

Г. Ѳ. былъ вызванъ въ Петербургъ. Государь обошелся съ нимъ ласково, пригласилъ его въ кабинетъ и долго съ нимъ бесѣдовалъ, расспрашивая о прежней и настоящей службѣ, о литературныхъ занятіяхъ, о состояніи края и проч. Отпуская его отъ себя, императоръ подаль ему руку. Но Генсъ, очарованный милостивымъ прїемомъ государя, дотогу растерялся, что забылъ снять съ правой руки перчатку. «Просто изъ ума

¹⁾ Настоящее сообщеніе о Генсѣ записано со словъ д. с. с. Н. М. Бечурина, бывшаго воспитанника Неплюевского корпуса, а потомъ служившаго переводчикомъ въ Оренбургской пограничной комиссіи, и поминѣ живущаго въ Оренбургѣ.

²⁾ Т. е. на Оренбургскій мѣновой дворъ. Это распоряженіе поставлено ему настолько въ большую заслугу, что отмѣчено въ кондуктномъ спискѣ.

³⁾ Зауральной (малой) и внутренней Букеевской, которыя въ то время непосредственно подчинялись Оренбургской пограничной комиссіи.

томъ рассказывалъ онъ въ своемъ домашнемъ кругу ¹⁾, «да сказать, я никакъ не ожидалъ, что императоръ удостоитъ меня юсти»...

оспѣшно сталъ сдергивать съ руки перчатку.

его!—промохвилъ государь.

це величество,—дрожащимъ голосомъ проговорилъ Генсъ, цѣ-ую руку: я до гроба буду хранить эту перчатку, къ которой въ вапа священная рука.

такомъ случаѣ,—сказалъ императоръ,—возьми и мою и береги память о нашемъ свиданіи. Я радъ, что познакомился съ то-и по-прежнему вѣрой и правдой, а я тебя не забуду.

тъ, дѣти ²⁾, эти перчатки,—говорилъ, показывая ихъ, Генсъ.—мру, мою положите со мной, а царскую сохраните у себя въ ніе о милостивомъ императорѣ.

мъ и усиленнымъ періодомъ дѣятельности Г. Ѳ-ча было время ю 1835 годъ. Но потомъ, видимо, не сочувствуя тѣмъ идеямъ строгости, которыя проводилъ его ближайшій начальникъ овскій, Генсъ, хотя и пользовался его расположеніемъ, но сталъ жнымъ рвеніемъ относиться къ служебнымъ занятіямъ. Къ надорванныя силы начали измѣнять ему съ каждымъ днемъ е. Въ послѣдніе годы, какъ говорятъ, вслѣдствіе болѣзненнаго тоянія, онъ уже по цѣлымъ мѣсяцамъ не выходилъ изъ дома. , чувствуя, что не въ состояніи свято исполнять свои обязан- въ началѣ 1844 года просилъ объ увольненіи на покой. Но императоръ, помня его заслуги, не согласился отпустить Генса въ отставку и «высочайше повелѣтъ соизволилъ»: по разстроено-уюю уволить его отъ должности предсѣдателя пограничной и въ награду отлично-усердной службѣ произвести его въ вѣтники, съ оставленіемъ въ вѣдомствѣ министерства ино- въ дѣлѣ и съ сохраненіемъ всѣхъ получаемыхъ имъ окладовъ, не на счетъ кибиточнаго сбора киргизовъ» ³⁾.

сохранить живую память объ этомъ видномъ дѣятелѣ, мы въ здѣсь копію съ его портрета ⁴⁾, рисованнаго карандашемъ

¹⁾ настоящій рассказъ записанъ со словъ д. с. с. Н. М. Бекчурина, в Генса.

²⁾ Генса было трое дѣтей: сынъ Дмитрій, умершій въ холеру 1848 г., Софья и Татьяна, изъ которыхъ первой въ 1834 г. было 12, а по-10 лѣтъ.

³⁾ распоряженіе управляющаго минис. иност. дѣлъ Оренбургскому воен. ру 9-го мая 1844 г.

⁴⁾ ый портретъ подаренъ Генсомъ своей крестницѣ и посаженной онниѣ здравствующей вдовѣ полковника Оренбур. казач. войска оокрещеновой, и хранится до сей поры у нея.

(24 февраля 1840 г.) извѣстнымъ художникомъ Алексѣемъ Чернышевымъ (какъ это видно и по надписи на портретѣ), въ благодарность за тѣ благодѣянія, которыя оказывалъ ему Генсъ.

Объ этихъ благодѣяніяхъ вотъ чтò рассказывала намъ М. Я. Новокрещенова ¹⁾.

Алексѣй Чернышевъ былъ сынъ швейцара, служившаго при Неплюевскомъ военномъ училищѣ, во время директорства Г. Ѳ-ча. Семья у отца была большая, еле-еле существовала на то жалованіе, которое получалъ старикъ по своей должности, такъ что, когда на свѣтъ Божій явился Алексѣй, всѣ необходимые расходы по этому случаю были произведены Генсомъ на свой счетъ. Супруга Г. Ѳ-ча, Авдотья Матвѣевна, была его воспріемницей отъ купели. Затѣмъ Алексѣй поступилъ въ семью директора и воспитывался тамъ, подъ руководствомъ гувернера, наравнѣ съ дѣтьми послѣдняго.

Уже въ дѣтскомъ возрастѣ началъ онъ оказывать успѣхи въ рисованіи. Замѣтя въ немъ эти способности, Г. Ѳ. упросилъ военнаго губернатора В. А. Перовскаго опредѣлить его въ Академію художествъ. Послѣднему, имѣя сильныя связи при дворѣ, конечно, сдѣлать это не только не составило большаго труда, но Василій Алексѣевичъ, отправивъ Алексѣя въ Академію и помѣстивъ его въ домъ вдовы маіорши Савиной, принялъ на себя и расходы по содержанію его въ Петербургѣ по день окончанія курса, отсылая ежемѣсячно по 25 руб. за столъ и квартиру прямо квартирной хозяйкѣ. Онъ все время слѣдилъ за успѣхами и развитіемъ Алексѣя и потомъ всѣми мѣрами старался выдвинуть его впередъ, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ.

Какъ-то разъ Алексѣй, еще будучи въ Академіи, нарисовалъ картину, представляющую среди дѣвственной степи ѣдущую на верблюдѣ въ національномъ костюмѣ киргизку съ нагайкой въ рукѣ. Воспользовавшись какимъ-то придворнымъ праздникомъ, Перовскій преподнесъ рисунокъ этотъ государю; картина удостоилась высочайшаго одобренія, Алексѣй былъ награжденъ брилліантовымъ перстнемъ и затѣмъ опредѣленъ состоять при Дворѣ.

Скромнаго и красиваго юношу, рекомендованнаго къ тому же царскимъ любимцемъ, вскорѣ тамъ всѣ такъ полюбили, что иначе не называли, какъ «нашъ Чернышевъ», хотя фамилія эта, которую носилъ и военный министръ, часто вводила придворную прислугу въ недоразумѣніе.

Однажды государыня сидѣла у себя за пяльцами и вышивала; кру-

¹⁾ Біографическія данныя о происхожденіи художника Чернышева вообще скудны. Поэтому, намъ кажется, будутъ не безынтересны нижеприводимыя свѣдѣнія.

гомъ нея играли дѣти: великіе князья и княжны. Вдругъ у нея блеснула мысль...

— Попросите ко мнѣ Чернышева,—приказала она лакею.

Въ это время у государя съ докладомъ былъ военный министръ. Какъ только послѣдній вышелъ изъ кабинета, лакей передалъ ему повелѣніе императрицы.

— Да не того Чернышева, не графа,—отвѣтила Александра Ѳеодоровна, когда камердинеръ доложилъ ей о приходѣ министра.—Мнѣ нужно «нашего Чернышева», художника.

Тогда только былъ позванъ Алексѣй.

— Вотъ что, Чернышевъ,—обратилась императрица къ нему,—сними меня!...

Моментъ для картины былъ очень удачный. Государыня уронила иголку; дѣти толпились около нея, стараясь наперерывъ поднять ее.

Алексѣй поразительно вѣрно схватилъ всѣ подробности этого момента. Государыня осталась очень довольна рисункомъ и подарила художнику часы съ брилліантами.

По окончаніи курса въ Академіи, для усовершенствованія въ искусствѣ, Чернышевъ на счетъ двора былъ отправленъ за границу. Но какъ въ это время шла его художественная работа, объ этомъ г-жа Новокрещенцова не знаетъ. Извѣстно только, что онъ страдалъ глазами. Ѣздилъ лѣчиться за границу, но не получилъ облегченія своей болѣзни. Въ концѣ концовъ онъ окончательно ослѣпъ и сошелъ съ ума.

П. Юдинъ.

Письмо князя Семена Щербатова къ вице-губернатору Архангельской губерніи Петру Ефимовичу Лодыженскому.

20-го марта 1723 г. Пустозерскъ.

Мл̄стивый мой Гд̄рь оцъ Петръ Евфимович.

Прошу вше превосходительство моего мл̄стиваго Гд̄ря оца сг̄бно, понеже указом его императорского величества повелено по дѣлам ис таинной канцелярии быт въ городѣх всылкѣ по одному, а двум и трем водном городе небыт а здѣсь обрѣтаецца нас 6 члвкъ, а имянно: капрал степаи морозъ члвкъ коварной, а на меня грѣшника великою злобою дышет и всякою бранию поносит, а служителей ишихъ всегда ксебѣ зоветъ и имѣетъ их за друзеи, что мнѣ грѣшнику зѣло противно. А стучит их от дому его никакъ не могу. Умл̄рдися мой мл̄стивый Гд̄рь сотвори надомною грѣшным отеческое мл̄рдіе, ежели возможно меня хтя далѣ куда и хуже сего мѣста перевестъ или ево мороза вывестъ выное мѣсто. Неизволь Гд̄рь помнит якобы нежелая здѣс быт лутчего мѣста грѣшный ишу, свидѣтельствуюся бгом куда вы мой мл̄стивый гд̄рь опредѣлите его императорс кого величеств указом вездѣ жить благодарствуя Гд̄да Бга иза его Императорского величества здравие иза всю его гд̄реву еамилію Бга молить, токмоб не стакам злоковарным члвкомъ вмѣстѣ быт, понеже его гд̄ревою высокою мл̄тлю доволенъ жалованемъ кормленемъ за что паче он ненавидитъ и злодѣствует, также и родител мой Гд̄рь по нѣсколку отпиралеть о соли каской для пропитанія, что ему зѣлож противно и завидно, Сотвори надною грѣшнымъ отеческую свою мл̄сть

Раб вшъ моего
мл̄стиваго Гд̄ря
грѣшныи князь

Семень Щербатово.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 г.г.).

XIV ¹⁾.

Избраніе мѣста для ставки государя.—Поѣздка великаго князя главнокомандующаго для выбора мѣста переправы.—Грозуйская исторія.—Бѣда, случившаяся и со мною.

Теперь предстоитъ мнѣ описать случай, который чуть-было не положилъ конца моей карьерѣ и службѣ, который долго лежалъ на мнѣ тяжелымъ гнетомъ и произвелъ, въ то время, такое потрясеніе, что неизгладимыми чертами вѣзался въ мою память; даже теперь, по прошествіи 20 лѣтъ, я не только живо и ясно все помню, но и не могу говорить объ этомъ безъ волненія.

5-го іюня, вызванный изъ Букареста телеграммой Левицкаго, пріѣхалъ я, по обыкновенію въ статскомъ платьѣ, въ Плоешти. Когда я вошелъ въ помѣщеніе Левицкаго—онъ тотчасъ же всѣхъ выпроводилъ и увелъ меня въ свой кабинетъ, очевидно для секретнаго разговора. Левицкій, какъ я говорилъ уже выше, былъ ужасно неаккуратный человекъ, письменный столъ его былъ образцомъ беспорядка, что часто порождало затрудненія, когда приходилось искать какую-нибудь нужную бумагу. Въ подтвержденіе высказаннаго мною объ его разсѣянности и неряшливости, доходившихъ до невѣроятныхъ размѣровъ, могу сослаться на всѣхъ моихъ товарищей и сослуживцевъ, когда-нибудь имѣвшихъ съ нимъ дѣло.

Какъ будто въ противоположность беспорядочности въ дѣйствіяхъ, Левицкій, отдавая приказанія, особенно важныя, старался говорить

¹⁾ См. „Русск. Старину“ іюль 1899 г.

чрезвычайно точно, съ разстановкой и удареніями, соблюдая знаки препинанія и отчеканивая слова. Такимъ же образомъ повелъ онъ и на этотъ разъ свою рѣчь.

— Можете ли вы,—началъ Левицкій,—къ 15-му іюня, отыскать между Букарестомъ и Журжевымъ такое мѣсто, гдѣ бы можно было разбить ставку государя, вполне безопасно отъ турецкихъ выстрѣловъ и при томъ такъ, чтобы государь могъ хорошо видѣть, какъ мы, послѣ переправы, будемъ брать Рушукъ?

Я отвѣчалъ, что такое мѣсто есть къ югу отъ желѣзнодорожной станціи Фратешти; на горѣ стоитъ хорошій помѣщичій домъ, съ балкона котораго, обращеннаго къ Дунаю, я лично, въ одну изъ моихъ экскурсій, отлично видѣлъ, конечно въ бинокль, турецкихъ часовыхъ даже въ укрѣпленіи Левентъ-Табія, лежащемъ позади Рушука.

— Ну-съ такъ вотъ вы и должны къ 15-му іюня, на этомъ мѣстѣ, разбить ставку государя.

Я доложилъ, что готовъ исполнить приказаніе, но что я отродясь не ставилъ никакой ставки, не только государя; что я понятія объ этомъ не имѣю и что нельзя ли мнѣ дать въ помощники кого-нибудь изъ придворныхъ, знающихъ это дѣло. Тогда Левицкій послалъ меня къ генераль-адъютанту Рылѣву съ тѣмъ, чтобы я потомъ опять зашелъ къ нему. Рылѣва я нашелъ прогуливавшимся по улицѣ, на которой жилъ государь. Онъ ничего не зналъ о томъ, что 15-го іюня государь куда-нибудь собирается ѣхать, и приказалъ зайти черезъ часъ за отвѣтомъ. Когда я пришелъ вторично, то Рылѣвъ сообщилъ, что для поставокки ставки будетъ командированъ свиты его величества генераль-майоръ Веймарнъ, я же долженъ только указать мѣсто; Рылѣвъ записалъ мой адресъ и просилъ до 15-го іюня не отлучаться изъ Букареста, такъ какъ онъ не можетъ еще теперь опредѣлительно сказать, когда прійдетъ ко мнѣ Веймарнъ.

Вернувшись къ Левицкому, я доложилъ мой разговоръ съ Рылѣвымъ.

— Хорошо-съ,—сказалъ Левицкій,—это одно порученіе, теперь другое. Можете ли вы, въ ночь съ 8-го на 9-е іюня, приготовить два экипажа четверкой: одинъ въ Букарестѣ, а другой въ Александріи?

Я отвѣчалъ, что такъ какъ скопцы главные и почти единственные владѣтели хорошихъ лошадей и такъ какъ староста ихъ Матюшевъ человѣкъ вполне намъ и лично мнѣ преданный, то я надѣюсь это устроить, только мнѣ необходимо знать, кто и куда поѣдетъ?

— Это секретъ,—возразилъ Левицкій; я не могу вамъ этого сказать.

Я отвѣчалъ, что немного удивляюсь такому секрету отъ меня, напичканнаго всякими секретами, что мнѣ надо знать не изъ любопыт-

ства, а для лучшаго исполненія порученія. Когда же Левицкій не понималъ или не хотѣлъ меня понять, то я объяснилъ, что, не зная, кто ѣдетъ, могу нанять неподходящіе экипажи, напримѣръ двухмѣстные, а поѣдетъ нѣсколько лицъ; кромѣ того, добавилъ я, для меня важно знать, кто поѣдетъ еще и потому, что я долженъ нанять экипажи, соотвѣтствующіе положенію ѣдущаго лица.

— Напримѣръ,—говорилъ я,—поѣдете вы—одинъ экипажъ, а поѣдетъ великій князь—другой. Что касается до пункта, куда предполагается поѣздка, то я вѣдь долженъ хотя бы весьма приблизительно указать хозяину лошадей, на сколько времени или на какое примѣрно разстояніе нанимается экипажъ; безъ этого никто не согласится ѣхать.

Левицкій повидимому убѣдился моими доводами.

— Хорошо, извольте, я вамъ скажу: поѣдетъ великій князь, сынъ его, Непокочичскій и я; мы доѣдемъ до Зимницы.

Потомъ Левицкій очень обстоятельно и подробно рассказалъ мнѣ, что одна коляска должна быть готова къ полуночи 8-го іюня въ саду Загороднаго дворца князя Карла, Котрочени и стоять такъ, чтобы ее никто не видѣлъ, но чтобы они легко могли ее найти; другая коляска должна ожидать путешественниковъ гдѣ-нибудь не доѣзжая Александріи, при чемъ я долженъ найти мостъ или бродъ черезъ р. Веде, въ сторонѣ отъ города, съ тѣмъ чтобы великій князь могъ миновать городъ и продолжать путешествіе, не заѣзжая въ оный, такъ какъ въ Александріи уже есть наши войска, которыя могутъ узнать ѣдущихъ, а великій князь этого отнюдь не желаетъ. Эти подробности значительно усложняли даваемое мнѣ порученіе, и я доложилъ Левицкому: 1) Садъ Котрочени большой, и ночью человѣку, не знакомому съ окрестностями сада и выходами изъ него, пожалуй, и не найти коляски; 2) бродъ около Александріи или даже мостъ найти не трудно, а потому вопросъ о минованіи города не представляетъ затрудненій, но трудно найти пунктъ, въ которомъ поставитъ коляску при условіи, чтобы ее легко можно было найти. Мѣстность къ сѣверо-востоку отъ Александріи степная, изборождена дорогами, какъ у насъ въ Херсонской губерніи, а потому весьма легко сбиться съ дороги и еще легче не найти второй коляски. Поэтому необходимо кому-нибудь знающему въ лицо великаго князя или его спутниковъ быть при экипажѣ въ Котрочени, а особенно въ Александріи. Тогда Левицкій порѣшилъ, что я долженъ быть лично въ Александріи, но я возразилъ, что не могу отлучиться изъ Букаresta въ виду ожидаемаго пріѣзда генерала Веймарна, и предложилъ, чтобы Бобриковъ былъ въ Александріи, а я въ Котрочени. Послѣ нѣкотораго колебанія Левицкій согласился, приказалъ телеграфировать ему условно, когда экипажи будутъ наняты, и прибавилъ, что онъ доложитъ предварительно великому князю все дѣло, испроситъ указаній, гдѣ мнѣ

быть лично, и что если мнѣ приказано будетъ все-таки находиться въ Александріи, то Бобрикову быть въ Котрочени.

Покончивъ эти разговоры, поспѣшилъ я въ Букарестъ и тотчасъ же послалъ за Матюшевымъ, нисколько не беспокоясь относительно возможности получить лошадей. Каково же было мое удивленіе, когда Матюшевъ, отъ котораго я до сихъ поръ не слыхивалъ слова «не могу», категорически заявилъ, что требуемыхъ двухъ четверокохъ дать не можетъ. Онъ очень обстоятельно высчитывалъ и объяснялъ, что лошади почти всѣ въ расходѣ¹⁾; еще наканунѣ ген.-маіоръ Воейковъ нанялъ у него 40 лошадей для главной квартиры государя, что затѣмъ пріѣзжалъ свиты его величества генералъ-маіоръ князь Долгорукій и тоже взялъ сколько-то экипажей.

— Теперь, батюшка, право, не могу,—прибавилъ онъ,—у меня есть лошади, да не дай Богъ, потребуются, быть можетъ, генералу Непокойчицкому или, чего добраго, самому великому князю куда-нибудь ѣхать? Не могу же я отдать вамъ послѣднихъ.

Всѣ мои просьбы, угрозы, посулы денегъ не приводили ни къ чему; я доходилъ до баснословныхъ суммъ, до такихъ, на которыя можно было купить два экипажа и двѣ четверки—ничего не помогало.

— Не могу, батюшка, душой бы радъ,—твердилъ Матюшевъ.

Не рѣшаясь сказать Матюшеву, что лошади и нужны-то именно великому князю, и въ то же время видя, что упрямый старикъ не поддается, опасаясь не достать экипажей, рѣшился я прибѣгнуть къ помощи Д. Э. Стурта; я зналъ, что если Стурартъ прикажетъ, то Матюшевъ не посмѣетъ уклониться. Взявши съ барона слово молчать, не упоминая о цѣли и направленіи поѣздки, я сказалъ только, что экипажи нужны для великаго князя и просилъ приказать Матюшеву меня послушаться. Я нисколько не опасался послѣдствій моего разговора съ Стурартомъ, зная его осторожность и умѣнье молчать, когда нужно, а кромѣ того имѣлъ въ виду, что онъ носилъ и носить въ себѣ не мало государственныхъ секретовъ; слѣдовательно, знаетъ, какъ съ ними обращаться. Баронъ съ большой готовностью взялся мнѣ помочь, не требовалъ отъ меня никакихъ подробностей и просилъ прислать поскорѣе къ нему Матюшева. Вернувшись въ свой номеръ, я былъ пораженъ, заставъ сидящаго у меня Матюшева.

— Что, ужъ не надумался ли?—спросилъ я.

— Надумался, батюшка,—отвѣчалъ онъ,—извольте, лошади и экипажи будутъ.

¹⁾ Надо замѣтить, что, говоря о лошадяхъ, Матюшевъ понималъ подъ этимъ не однихъ только своихъ, а лошадей всей свопческой общины въ Букарестѣ, общины, въ которой онъ былъ хотя и выбраннымъ, но всевластнымъ старостой, утвержденнымъ русскимъ консуломъ.

ило причиной такой перемены, мнѣ не удалось узнать. ились мы, кажется, по 100 франковъ за экипажъ, что было, ременамъ, очень дешево; я далъ инструкціи, при чемъ рѣшено ску, предназначенную въ Александрію, послать изъ Букареста день, 7-го іюня, пораньше утромъ съ тѣмъ расчетомъ, чтобы лѣбли отдохнуть ⁴⁾). Немедленно послалъ я записку Стурту о номъ исходѣ дѣла и телеграфировалъ Левицкому: «лошадей лѣ. Жду приказаній, гдѣ мнѣ быть лично». Совершенно спомъ я ожидать отвѣта изъ Плошти, который могъ прійти въ ень 6-го іюня; но увы! 6-го я ничего не получилъ, а между ошевѣ нѣсколько разъ на дню заходилъ спрашивать приказаній. черу мною овладѣло безпокойство, и я послалъ за Начовичемъ, ербынымъ, толковымъ и находчивымъ моимъ помощникомъ. вора съ нимъ я узналъ, что онъ отлично знаетъ Александрію, ности и берется провезти меня въ экипажѣ, не заѣзжая въ и другой берегъ р. Веде. На этотъ разъ я только предупредилъ ы онъ никуда не отлучался, а явился ко мнѣ 7-го, рано дя полученія приказаній и отправленія въ командировку дня ъ то же время я озаботился приготовленіемъ на дорогу пищи гешественникамъ; купилъ двѣ большія корзины, взялъ на про- яяина гостиницы стакановъ, рюмокъ, ножей и вилокъ, а также риготовить и уложить въ корзины разныхъ бутербродовъ, за- вина. Около 6 часовъ утра 7-го іюня явились Начовичъ и Ма- Не получая отвѣта отъ Левицкаго, ожидая со дня на день еймарна, я не рѣшился выѣхать изъ Букареста; Бобрикову тоже ло отлучиться, и потому я вынужденъ былъ послать въ Але- одного Начовича. Разложивъ карту, отыскиали мы дер. Гро- 10 верстахъ къ с.-в. отъ Александрии, на дорогѣ, ведущей Букареста; я разсказалъ подробно, какъ надо ѣхать, при чемъ ь очень обстоятельно показавъ мнѣ на картѣ, какъ и гдѣ про- ѣ экипажъ въ объѣздъ города. Начовичу было мною указано: вту 9-го іюня стать съ коляской у дер. Грозуль и ждать появле- ороины Букареста другой коляски съ четырьмя военными сѣ- эти сѣдоки пересадутъ въ новую коляску, Начовичъ долженъ ихъ мимо города на дорогу, которую они сами ему скажутъ, и ернуться въ Букарестъ. *Vous venez vous même et vous com- de quoi il s'agit*, сказалъ я ему на прощаніе ⁴⁾). Одновременно я напомнилъ ему о необходимости неоднократно навѣдываться

ь Букареста до Александрии не менѣе 80—85 верстъ. човичъ отлично говорилъ по-нѣмецки и по-французски, а по-русски лъ. Переговоры мои и переписка съ нимъ по большей части велись уаски.

на почту и телеграфъ въ виду возможности полученія отъ меня новыхъ распоряженій. Соблюденіе этого правила вмѣнялось въ обязанность всѣмъ моимъ агентамъ при посылкахъ ихъ въ мѣстности, гдѣ былъ телеграфъ или почта. Само собою разумѣется, что переписка велась или на условномъ языкѣ или шифромъ. Въ теченіе всего 7-го числа, я не получилъ отвѣта изъ Плоешти, 8-го, послѣ полудня, получилъ я слѣдующую телеграмму за подписью Левицкаго: «Вамъ быть въ Александрію. Передайте Жеребкову ¹⁾, уже тамъ находящемуся, чтобы былъ вмѣстѣ съ вами».

Что тутъ дѣлать? Хотя для меня было ясно, что лошадей не достать, но я все-таки попытался, давалъ 100 рубл. золотомъ, лишь бы довели ночью до Александрію—ничего не помогало: лошадей не было. Это, можетъ быть, покажется, невѣроятнымъ, но это было такъ. Стоитъ сообразить, какое количество лошадей потребовалось вдругъ при наплывѣ нашей арміи; главныя квартиры государя и главнокомандующаго, войска,— всѣ требовали и нанимали лошадей, платя баснословныя цѣны; а если прибавить къ этому различныя учрежденія дѣйствующей арміи, интендантство, Красный Крестъ, пресловутое товарищество Грегерь, Горвицъ, Коганъ и К^о, дворъ князя Карла, мобилизованную румынскую армію, забравшую массу лошадей въ странѣ, наконецъ обыкновенную мѣстную потребность, то станеть понятно, что ни лошадей, ни экипажей, по временамъ, достать было невозможно. Я звалъ корреспондентовъ англичанъ и нѣкоторыхъ военныхъ агентовъ, которые выписывали себѣ и покупали лошадей и экипажи въ Австрію.

Такимъ образомъ окончательно лишенный возможности попасть въ Александрію, вынужденный остаться въ Букарестѣ, телеграфировать я Начовичу: «Trouvez à Alexandrie colonel kozak Gérébkoff dites lui de ma part, que par ordre suprême il doit se trouver avec vous au moment du changement des chevaux. Répondez». Отвѣтъ Начовича объ исполненіи этого порученія былъ мною полученъ.

День 8-го іюня провелъ я въ тревожномъ ожиданіи. Мы рѣшили съ Бобриковымъ часамъ къ 11-ти вечера ѣхать въ Котрочени, а до тѣхъ поръ сидѣли дома. Часовъ въ 9 вечера къ намъ стремительно вошелъ А. Золотаревъ.

— Братцы, что-то неладно; кажется, бѣда стряслась.

— Что такое?—спросили мы въ одинъ голосъ.

— Да вотъ что: сидимъ мы у барона въ кабинетѣ, вдругъ дверь отворяется, и безъ доклада входитъ великій князь. Сѣлъ, пилъ чай, былъ очень разговорчивъ, а затѣмъ спросилъ: «а гдѣ Паренсовъ?» Баронъ отвѣтилъ, что здѣсь.

¹⁾ Командиръ 1-го Казачьяго полка, въ то время командовавшій конвоемъ великаго князя главнокомандующаго.

зъ здѣсь,—нахмурившись, сказалъ великій князь,—когда онъ
итъ совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ?

Стуартъ отвелъ великаго князя въ сторону и сказалъ: «я не
долженъ былъ быть Паренсовъ, но онъ здѣсь, но не извольте
ся, ваше высочество, для васъ все готово...

о готово?

ъ, смутившись, продолжалъ: «лошади и экипажъ»...

кѣ лошади, какой экипажъ?—все болѣе и болѣе сердясь, за-
его высочество.

вы изволите ѣхать...

уда не думаю я ѣхать. Я сейчасъ возвращаюсь въ Плошты и
государемъ ѣду въ Браиловъ, гдѣ будетъ переправа.

тъ,—говорилъ Золотаревъ,—совсѣмъ смущенный, спросилъ, не
ли онъ послать за Паренсовымъ, на что великій князь
ко отвѣтилъ: «не надо», наскоро со всѣми простился и уѣхалъ,
рассказавъ мнѣ свой à partée съ великимъ княземъ, приказалъ
съ предупредить».

дѣло, подумалъ я; какъ-то вся эта каша расхлебается.

ти ч. ночи прѣхалъ я съ Бобриковымъ въ Котрочени. Кру-
о пусто, чудная луна освѣщала окрестность и темный садъ съ
бывшимъ когда-то, во времена оны, монастыремъ. Вдали
нскихъ полицейскихъ вышли было къ намъ, но немедленно
Коляска стояла на мѣстѣ, и самъ Матюшевъ, за кучера, на
мы переставили её въ тѣнь и начали, отъ нечего дѣлать,
аться. Гдѣ-то пробило 12, потомъ часъ, два—полная тишина.
а свѣжая, мы прозябли и проголодались, а потому рѣшили
ать, хороши ли бутерброды въ корзинѣ, приготовленные Зейде-
было отлично. Пробило три, начинало свѣтать—ничего. Вдругъ
въ, очень близко отъ насъ, какъ сѣрая тѣнь, выскользнулъ
ицкій; въ одной рукѣ у него былъ сакъ-возажъ, а въ другой
гъ каски ¹). Онъ вышелъ прямо на насъ и, не останавливаясь
идя къ коляскѣ, проговорилъ мнѣ: «что вы надѣлали, что вы
!». Только-что собрался я отвѣчать, какъ изъ тѣхъ же кустовъ
дичъ за другимъ: главнокомандующій, младшій князь и Левиц-
нскій князь быстро подошелъ ко мнѣ и строгимъ голосомъ
:

ы чего разболтался о моей поѣздкѣ князю Карлу?

аше высочество, я съ княземъ Карломъ во всю мою жизнь ни-
говорилъ,—отвѣчалъ я.

какъ откуда же знаетъ онъ о моей поѣздкѣ?

не знаю, была ли въ этомъ футлярѣ каска, но знаю, что каска было
ѣшено не носить; футляръ же отчетливо помню.

Не успѣлъ я отвѣтить, что ничего не знаю, какъ изъ-за спины великаго князя выглянула фигура Левицкаго.

— А позвольте у васъ спросить, зачѣмъ вы рассказали барону Стурарту?—спросилъ онъ.

— Казиміръ Васильевичъ,—сказалъ я, отставивъ свою правоту—безъ Стурарта рисковалъ я совсѣмъ не достать лошадей.

— Не правда-съ; мы отлично знаемъ, что вы достали лошадей сами, безъ его помощи. А скажите пожалуйста, по какому случаю здѣсь полковникъ Бобриковъ?

— Ваше превосходительство, да вѣдь вы сами, въ Плошты, сказали мнѣ... Но къ эту минуту великій князь, стоявшій ближе ко мнѣ, сильно схватилъ меня за лѣвую руку выше локтя и, тряся ею, наклонился и въ страшномъ гнѣвѣ проговорилъ:

— Ты не умѣешь держать языкъ за зубами...—вонъ, мнѣ такнхъ не надо...

Когда же я, ничего не отвѣчая, стоялъ какъ окаменѣлый, его высочество, низко нагнувшись ко мнѣ, такъ что я, несмотря на полумракъ, ясно увидѣлъ бѣлки его глазъ, сильно оттолкнувъ меня отъ себя, громко и отрывисто сказалъ: «понимаешь... вонъ изъ арміи!»—Затѣмъ наступило гробовое молчаніе. Великій князь сѣлъ въ коляску съ той стороны, гдѣ я стоялъ, закричалъ: «пошелъ» и, оборотясь ко мнѣ, оказалъ по-французски: «c'est ainsi que je part en secret, grâce à vous».

Никакими красками, никакимъ перомъ, никогда не буду я въ состояніи описать то, чтó со мной и во мнѣ происходило. Нашло какое-то окаменѣніе, точно столбнякъ; только послѣднія слова главнокомандующаго, котораго я обожалъ, звучали у меня въ ухахъ. Бобриковъ во все время этой ужасной сцены не проронилъ ни слова.—Молча, не сговариваясь, пошли мы къ нашему извозчику, стоявшему съ другой стороны сада; два полицейскихъ опять выглянули и вновь спрятались; мы сѣли и поѣхали. Бобриковъ сидѣлъ какъ истуканъ и во всю дорогу не проронилъ ни слова, а я только и могъ сказать, да и то не сразу: «каково, Жоржинька, офицеру, наканунѣ войны, услышать отъ самого главнокомандующаго то, чтó я слышалъ?..»

Отвѣта не получилъ....

Интересно между прочимъ то, что вся эта сцена происходила у передняго лѣваго колеса коляски, какъ разъ воалъ козелъ; я увѣренъ, что Матюшевъ все слышалъ и видѣлъ; когда же я потомъ, по возвращеніи его въ Букарестъ, спрашивалъ его, то получалъ всегда одинъ отвѣтъ: «ничего, батюшка, не видалъ и ничего не слышалъ»,—а между тѣмъ сдѣлался ко мнѣ какъ-то особенно не то почителемъ, не то нѣженъ. Когда я его однажды увидалъ въ Петербургѣ и встрѣтилъ въ Москвѣ, весной 1880 года, по возвращеніи моемъ въ Россію съ минн-

о поста въ Болгаріи и вновь спросилъ, говоря, что теперь дѣло , можно признаться, онъ все-таки отвѣтилъ: «ничего, батюшка, не и ничего не видалъ».

миная впослѣдствіи всю эту сцену, я припомнилъ, что за всю продолжительную службу вблизи великаго князя, всегда добраго, доступнаго, мягкаго, я только два раза видѣлъ его въ такомъ имъ гнѣвѣ: первый разъ случилось это въ Петербургѣ, въ Михайль манежѣ, послѣ развода, когда его высочество разгнѣвался на ра конной гвардіи; второй случай, мнѣ извѣстный, я испыталъ въ саду Котрочени.

увшись домой, я былъ положительно въ изступленіи, я плакалъ, какъ, я думаю, плачутъ только дѣти; плакалъ на взрыдъ, Бобринжалъ у себя совершенно больной отъ нервнаго потрясенія.

орять: бѣда одна никогда не приходитъ; такъ случилось и тутъ. день или два вернулся Начовичъ и пріѣхалъ ко мнѣ прямо съ

Il y a un malentendu Monsieur qui est arrivé, сказалъ онъ,

Quel malentendu?

Mais personne n'est venu...

овичъ разсказалъ, что онъ отыскалъ Жеребкова, показалъ ему телеграмму, и оба они всю ночь и до половины слѣдующаго дня, 10-го іюня, стояли съ коляской у д. Грозуль, но со стороны та никто не пріѣзжалъ, а что когда Жеребковъ получилъ изъ Царина свѣдѣніе о проѣздѣ великаго князя, то онъ, Начовичъ, до-исъ, въ чемъ дѣло, поѣхалъ назадъ въ Букарестъ. Скоро вернул-ватушевъ; чуть не въ землю кланяясь, просилъ онъ прощенья, я, что сбился съ дороги и не нашелъ д. Грозуль, а въѣхалъ прелександрію. Войска увидѣли великаго князя, узнали его и кричали высочество останавливался, кажется, у Драгомирова и для даль-го путешествія взялъ какихъ-то лошадей въ Александріи.

имъ образомъ, благодаря несчастной случайности, вина моя еще величилась. Какъ докажу я теперь, что вторая коляска была въ гелности на мѣстѣ?

слѣдствіи, когда именно, не помню, узналъ я отъ капитана генерал-штаба Степанова, что дѣло происходило такъ ('). Степановъ, при комъ-то, чуть-ли не при Жеребковѣ, шелъ по улицѣ Александрии, какъ вдругъ видитъ коляску и въ ней главнокомандующаго съ

чень прошу генералъ-маіора Степанова, если ему случится читать мои письма, исправить неточность въ подробностяхъ, которыя могли вкратчѣ войти въ мое мѣсто моего разсказа. Описываю его на память, можетъ быть, кое-что, хотя сущность дѣла помню хорошо.

его спутниками. Великій князь велѣлъ остановиться, подозвалъ его и спросилъ, гдѣ Жеребковъ. Степановъ доложилъ, что не знаетъ точно, въ чемъ дѣло, но что наканунѣ, т. е. 8 іюня, къ Жеребкову явился какой-то черный статскій, «въ родѣ цыгана», какъ говорилъ Степановъ ¹⁾, и показалъ ему телеграмму полковника Паренсова, которая гласила, что Жеребковъ, по приказанію свыше, долженъ находиться въ какомъ-то пунктѣ въ то время, когда туда кто-то прійдетъ, и что Жеребковъ съ этимъ статскимъ, еще до свѣту, отправились въ д. Грозулъ. Тогда раздался голосъ Левицкаго: «нѣтъ такой деревни Грозулъ!» На счастье, у Степанова была карта, онъ указалъ на ней деревню эту, а затѣмъ, положительно по какому-то наитію, обратился къ Матюшеву, говоря, что ему навѣрно данъ маршрутъ; Матюшевъ сначала отгнѣкивался, но когда Степановъ на него прикрикнулъ, то досталъ изъ-за пазухи маршрутъ, писанный моею рукой, въ концѣ котораго стояло: Грозулъ (Grozul).

Все это узналъ я послѣ, но въ данное время положеніе мое было ужасно: я зналъ только, что великій князь вѣхалъ въ Александрію при крикахъ «ура!» узнавшихъ его войскъ, а слѣдовательно всю вину этой путаницы возлагалъ на меня; я понималъ, что гнѣву его высочества нѣтъ предѣловъ. А тутъ еще при немъ безгласный Непокойчицкій и очень голосистый Левицкій, въ чувствахъ котораго ко мнѣ я конечно не могъ уже сомнѣваться.

Скоро началъ я испытывать послѣдствія гнѣва главнокомандующаго; одинъ за другимъ проѣзжали изъ Плошты черезъ Букарестъ, направляясь къ Дунаю, товарищи мои, сослуживцы и знакомые; уѣхали и тѣ, которые жили въ Букарестѣ. Наконецъ даже Бобриковъ былъ вызванъ на Дунай; оставался одинъ я—да тылъ арміи.

Положеніе было безвыходное; ѣхать на Дунай безъ спросу—не смѣю, оставаться въ Букарестѣ—нелѣпо, да наконецъ, до какихъ же поръ оставаться. Приказано выѣхать изъ арміи, но вѣдь собственно писаннаго приказа или предписанія нѣтъ, а если бы таковой и былъ, то понятно, что исполнить его нельзя. Какъ же мнѣ ѣхать назадъ, когда все идетъ впередъ, съ какими глазами покажусь я въ Петербургъ, въ семью, знакомымъ, начальству? Я чувствовалъ, что объ этомъ и думать нельзя.

Прибавлю къ сказанному еще слѣдующее: меня убивала мысль, что великій князь, котораго я такъ искренно любилъ, почиталъ, за котораго я, конечно, не послѣднимъ въ ряду моихъ товарищей готовъ былъ жертвовать всѣмъ, великій князь, который былъ ко мнѣ всегда такъ милостивъ, что видно изъ всего написаннаго въ этихъ запискахъ, скажу, не опасаясь

¹⁾ Начовичъ былъ очень смуглый, съ густыми, черными волосами, усами и бородой и замѣчательно черными, выразительными глазами.

—который меня особенно любилъ—и вдругъ этотъ самый ве-
рь, въ порывѣ гнѣва, основанномъ на очевидномъ для меня,
гь недоразумѣннн, но въ которомъ виноватъ какъ будто я,—
ня вонь! Въ то же время я отлично понималъ, что съ точки
внокомандующаго я виноватъ кругомъ, выдалъ тайну великой
за какое дѣяніе удаленіе изъ арміи было наказаніемъ по-
се слабымъ. Но какъ же не разспросить, не выслушать, не
?..

ня было ясно, что если меня не вызовутъ въ армію на Дунай,
уже, предпшутъ уѣхать въ Россію—то неминуемо надо съ
нчить.

мъ я и остановился.

ню, какого именно числа, но вѣроятно около 10-го—12-го іюня,
шелъ ко мнѣ адъютантъ великаго князя Поповъ, котораго я
нъ любилъ, да и онъ, кажется, платилъ мнѣ тѣмъ же.

ли съ нимъ на ты, и меня всегда привлекала его солидность,
э и серьезность; онъ имѣлъ даже видъ мрачный, такъ что
тку называли иногда: «ваша мрачность»¹⁾.

засталъ меня совершенно убитымъ. На разспросы его я
откровеннымъ изложеніемъ всего случившагося. Онъ принялъ
мое искреннее, живое участіе, успокаивалъ, даже увлекся.

гь, говорилъ онъ, я этого не допущу. Ёду теперь на Дунай
же скажу все великому князю.

Попову *carte blanche* говорить великому князю, какъ и что
гь нужнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ передать отъ меня
эпокойчицкому, за которое тутъ же принялся. Копія этого
меня не сохранилось, но я хорошо помню, что начиналось оно
мѣливаюсь писать вашему высокопревосходительству не съ
авданія, такъ какъ виновнымъ себя признать не могу; прошу
итать письмо это до конца, такъ какъ въ немъ излагаю факты,
были въ дѣйствительности». Далѣе слѣдовало изложеніе всего
иная съ прїѣзда моего въ Плюэшти, 5-го іюня, а въ концѣ я
эпокойчицкаго, если возможно, довести письмо мое до свѣдѣнн
ндующаго.

было написано второпяхъ, въ тотъ же день отдано Попову,
вши его, я немного успокоился, точно дѣло сдѣлалъ.

юня получилъ я краткую телеграмму отъ Левицкаго: «Вамъ
о прибыть въ Драчу». Посмотрѣлъ на карту и нашелъ Драчу
стахъ къ юго-западу отъ Александрнн, на дорогѣ въ Турну-
Тотчасъ послалъ за Матюшевымъ и просилъ лошадей; онъ

¹⁾ французски нѣкогорые называли его: *le taciturne*.

прежде всего спросилъ: «а кто поѣдетъ?» и когда узналъ, что я самъ, то кратко отвѣтилъ: «будутъ, батюшка».

Сборы мои были непродолжительны. Забѣжавъ къ Стурарту, я просилъ его взять на храненіе мое статское платье и кое-какія вещи, расцѣловался съ нимъ и членами консульства, съ которыми прожилъ почти 6 мѣсяцевъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ, и вечеромъ, уже въ военной формѣ, былъ готовъ къ отъѣзду. Хозяинъ гостиницы и часть прислуги, привыкшіе ко мнѣ за столь долгое у нихъ проживаніе, вышли провожать на улицу, и каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ на козлахъ коляски, запряженной четверкой, самого тысячника Матюшева! «Какъ, самъ?» «Самъ, батюшка; ужъ дозвольте».

Очевидно, думалъ я, онъ все слышалъ.

Кончивши это описаніе начала моихъ невгодъ, прежде чѣмъ перейти къ повѣствованію о дальнѣйшихъ, остановлюсь немного на анализѣ прошедшаго.

Во-первыхъ: правильно ли было связывать меня двумя порученіями и при томъ противоположнаго характера? Постановка ставки государя требовала, чтобы я не отлучался изъ Букареста и ставила меня въ зависимость отъ генераль-адъютанта Рылѣва и генераль-маіора Веймарна, т. е. отъ главной квартиры государя, Левицкому не подчиненной, а поѣздка великаго князя вызывала, по причинѣ мнѣ неизвѣстной, отъѣздъ мой въ Александрію.

Полагаю, что было бы правильнѣе возложить на меня одно, а не оба порученія. Кстати здѣсь замѣтить, что я такъ ни отъ кого и не получилъ отмѣны относительно постановки ставки.

Второе: я телеграфировалъ Левицкому 6-го іюня съ категорическимъ вопросомъ: гдѣ мнѣ быть? Почему же отвѣтъ былъ полученъ мною только 8-го, да и то послѣ полудня, когда до Плоашти всего 60 верстъ, считая по желѣзной дорогѣ и городъ этотъ былъ уже связанъ съ Букарестомъ русской телеграфной линіей ¹⁾).

Положимъ, моя персона была небольшая и неважная, со мной лично можно было не церемониться, но я, въ данномъ случаѣ, былъ исполнителемъ порученія важнаго и большаго.

Въ третьихъ: кто помѣшалъ Левицкому вызвать меня въ Плоашти, по полученіи моей телеграммы 6-го іюня, для личнаго доклада объ организаціи поѣздки? Я могъ бы доложить хотя бы маршрутъ поѣздки: Левицкій, какъ офицеръ генеральнаго штаба, могъ бы руководить по

¹⁾ Я навѣрное не помню, была ли выставлена наша линія самостоятельно или подвѣшена наша проволока на румынскихъ столбахъ, или наконецъ румыны уступили намъ нѣсколько проводовъ, но помню отлично, что изъ Плоашти я переговаривался по-русски и что на станціяхъ были наши телеграфисты.

Матюшевымъ, они бы не сбились съ дороги и не было бы негрозульской исторіи, а также не случилось бы нежелательнаго вѣзда главнокомандующаго въ Александрію. Очень то послѣ катастрофы въ саду я не имѣлъ возможности дойти о маршрутѣ, да меня никто и не слушалъ; а что я позабылъ маршрутѣ, доказывается моею запиской, данной Матюшеву и неговъ Степановымъ.

могутъ поставить въ упрекъ, да я и самъ задавалъ себѣ вопросъ слѣдовало ли мнѣ съѣздить въ Плоэшти для личнаго доклада; а въ минуты на минуту отвѣта отъ Левицкаго на мою телеграмму со дня на день пріѣзда Веймарна, и кромѣ того, завѣдуя рестѣ всѣми проводниками и переводчиками для частей войскъ, квално съ утра до вечера осаждаемъ требованіями доставить цѣ и при томъ всегда «сейчасъ» и «немедленно». Конечно, и въ, а особенно проводники ступшевывались передъ вопросомъ о великаго князя, но я, къ несчастію моему, вѣрилъ, что телеграфъ для скорѣйшаго обмѣна извѣстій—и обманулся.

мъ же образомъ князь Карлъ узналъ о поѣздѣ главнокомандующаго, а главное, въ какой мѣрѣ и подробности зналъ онъ это—мнѣ и юрь не извѣстно; надо полагать, что всѣ наши депеши, отправляемыя, дешифрировались румынами, и наши секреты были вѣстны. Подобное явленіе было потомъ и въ С.-Стефано, когда мы изъ Петербурга шли туда черезъ Константинополь, не только дѣлались извѣстными нашимъ врагамъ, но и умы-адерживались ими и искажались.

XV.

мой изъ Букареста.—Прибытіе въ Зимницу.—Представленіе великому.—Жизнь въ Зимницѣ.—Порученіе выбрать мѣсто для втораго перехода главной квартиры за Дунай.—Генералъ Вердеръ.—Валте Тырнова.—Прибытіе главной квартиры.

авши изъ Букареста, вѣхали мы очень скоро. Не помню теперь, ли я гдѣ-нибудь или нѣтъ, помню только, что выѣхалъ въ вечеромъ, когда уличные фонари были уже зажжены, а пріѣхалъ въ Драчу на разсвѣтѣ. Здѣсь не нашелъ я ни души изъ главной квартиры, стояли только у какого-то забора изморенныя почтади, да ящики, отъ которыхъ я узналъ, что великій князь и нимъ бывшіе давно уѣхали въ Зимницу и что туда же прогосударь.

Изъ писемъ, писанныхъ женѣ моей, вижу, что я выѣхалъ изъ Букареста 15 июня, а пріѣхалъ въ Зимницу «черезъ день послѣ переправы». Принимая во вниманіе, что переправа совершалась въ ночь съ 14-го на 15-е июня, что я получилъ депешу 15-го, выѣхалъ въ тотъ же вечеръ, думаю, что я пріѣхалъ въ Зимницу 17-го, т. е. значительно спустя послѣ переправы; но въ то время я этого послѣдняго факта еще не зналъ и рвался впередъ, надѣясь поспѣть къ переправѣ и принять въ ней участіе. Несмотря на всѣ старанія достать лошадей, чтобы тотчасъ же ѣхать изъ Драчи, это не удалось; ямщики, которыхъ я видѣлъ, не соглашались везти; выручалъ меня Матюшевъ, предложившій везти дальше, предварительно выкормивъ и напоивъ лошадей, такъ какъ до Зимницы оставалось около 20 верстъ. Нечего дѣлать, пришлося покориться и ждать въ бездѣйствіи, ждать въ то время, когда тамъ, недалеко, можетъ быть идти бой!

Я былъ такъ преисполненъ мыслями и надеждой поспѣть на переправу, что, ѣдучи отъ Драчи, прислушивался—не слышию ли выстрѣловъ, негодовалъ на жару, глубокой песокъ и усталыхъ лошадей Матюшева, бѣжавшихъ не соответвенно моимъ пламеннымъ стремленіямъ. Проѣхали Пятру, городъ, въ которомъ было разставлено много госпитальныхъ шатровъ, и скоро потомъ вѣхали въ глубокую и узкую долину, почти что ущелье, по которому пролегла страшно песчаная дорога и на которой встрѣчнымъ экипажамъ было бы трудно разѣхаться. На встрѣчу показался казакъ верхомъ и просилъ остановиться, чтобы пропустить транспортъ раненыхъ, ѣдущихъ въ Пятру.

Транспортъ тащился мимо меня, я видѣлъ перевязанныя головы, подвязанныя руки, видѣлъ тяжело раненыхъ, и, странное дѣло, эти первые раненые, которыхъ я видѣлъ, не произвели на меня впечатлѣнія ужаса, не вызвали состраданія; я безучастно смотрѣлъ и думалъ: скоро ли пройдетъ транспортъ, скоро ли покажется изъ-за горы хвостъ его.

Долженъ объяснить: я былъ дотога еще полонъ всей катастрофой, со мной самимъ случившейся, чуть было не приведшей меня къ весьма печальному исходу, дотога былъ озабоченъ мыслью о боѣ, къ которому торопился, въ которомъ я можетъ быть лягу, или уподоблюсь тѣмъ искалѣченнымъ, которые въ данное время ѣдутъ мимо меня, что думалъ только о встрѣтившейся помѣхѣ моему стремленію впередъ, о невольной и досадной остановкѣ, заставляющей меня терять время, когда цѣль моя—бой, такъ близка.

Наконецъ, послѣ ожиданія, казавшагося мнѣ долгимъ, подошелъ хвостъ транспорта и казачій офицеръ, ѣхавшій сзади. Тутъ только одумался я—и спросилъ:

— Что переправа?..

— Переправились, переправились!..—получилъ я въ отвѣтъ.

аже не спросилъ когда, какъ; помню только, что уже не такъ понукалъ Матюшева.

Въхавши въ Зимницу довольно рано, до полудня, отправился я къ расположенію главной квартиры главнокомандующаго, чтобы начальству.

Большое пространство въ какомъ-то дворѣ было занято палатками его высочества и высшихъ чиновъ штаба; рядомъ помѣщалась квартира государя, частью въ палаткахъ, частью въ домикахъ, въ большого дома, въ которомъ жилъ государь.

Первое лицо изъ начальства, которое я встрѣтилъ въ районѣ палаточной квартиры великаго князя, былъ Непокойчицкій, который и пошелъ ко мнѣ. Я спросилъ, получилъ ли онъ мое письмо, посланное въ штабъ. Непокойчицкій чрезвычайно мягко, мило, ободряющимъ тономъ сказалъ: «получилъ, получалъ; вы не беспокойтесь, все благополучно пройдетъ. Поживите здѣсь у насъ». На вопросъ мой, надо ли еще же явиться главнокомандующему, онъ тѣмъ же ласковымъ тономъ сказалъ, что надо, и указалъ издали, гдѣ стоитъ палатка великаго князя. Направляясь къ ней, встрѣтился я съ Левецкимъ; тутъ тономъ суровымъ, отрывисто-повелительнымъ и рѣзкимъ: «а, пріѣхали? ну-съ едемъ покуда здѣсь».

Идя къ палаткѣ великаго князя, узналъ я, что его высочество выдвинулся, а потому сталъ ждать его выхода; скоро палатка раскрылась, и великій князь въ сапогахъ и рейтузахъ, но въ рубашкѣ, сшитой изъ чинныхъ рукавовъ, вышелъ на дугъ; онъ видимо только-что проснулся и вытиралъ полотенцемъ руки. Увидѣвъ меня, его высочество сказалъ: «а, вы пріѣхали; ну надѣюсь, что вы не будете больше дѣлать ей».

Великій князь былъ очень многозначителенъ по отношенію ко мнѣ, котомъ великій князь зналъ съ дѣтства, который состоялъ долгое время при высочествѣ и пользовался, какъ я имѣлъ уже случай не разъ сказать, особымъ его расположеніемъ, весьма опредѣленно обозначеніемъ этого расположенія, удаленіе отъ себя.

Вопросъ было нечего, да и неумѣстно. Отыскавъ товарищей, узналъ о переправѣ, которая, по ихъ словамъ, совершена близи. Мой другъ Нагловскій, участвуя въ переправѣ съ дивизіей артиллеріи, представленъ къ золотой саблѣ, хотя, по моему мнѣнію, по статуту Георгія, какъ первый, указавшій на Зимницу — для переправы. Поселился я вмѣстѣ съ Нагловскимъ, Бобринскимъ и Артамоновымъ; палатки наши были разбиты не при главной квартире великаго князя, а не доходя ея, у самой дороги, по которой проѣзжали верховые и повозки. Пыль была ужасная, а вслѣдствіе черноземнаго грунта она была черная. Бывало, передъ сномъ,

вымоемся, очистимся отъ поту и грязи, а на утро встаемъ чуть не неграми и во всякомъ случаѣ сѣрыми, съ цѣлыми слоями пыли на лицахъ. Неудовольствіе на Левицкаго продолжалось, а проживаниеъ наше въ Зимницѣ нѣкоторое время, правда, очень короткое, уподоблялось нѣсколько кашиневскому сидѣнью. Опять мы ничего не знали, ходили обѣдать и завтракать къ великому князю, но его почти не видали, потому что его высочество и Непокойчицкій, по большей части, обѣдали у государя.

Мнѣ надо было сдать оставшіеся у меня неизрасходованными семь тысячъ франковъ золотомъ. Пошелъ я съ мѣшечкомъ къ Шуберту, директору канцеляріи начальника штаба. Онъ почти съ неудовольствіемъ отдѣлывался отъ этихъ денегъ.

— Да какъ же я ихъ запишу,—говорилъ онъ,—надо же занести ихъ на приходъ, а въ какую статью?...

Такъ и не взялъ, а послалъ къ казначею. Пошелъ я къ нашему штабному казначею, кажется, по фамиліи Іокишъ. Этотъ тоже не беретъ и не беретъ основательно, объясняя, что онъ получаетъ только деньги на содержаніе чиновъ полеваго штаба, а неизвѣстныхъ суммъ не можетъ принять; онъ посоветовалъ пойти къ главному казначею дѣйствующей арміи Кидошенкову — и тотъ не беретъ, тоже вполне резонно объясняя, что это дѣло, ему не подлежащее. Вотъ, думалъ я, первый разъ вижу такую штуку; отдаю деньги, говорю это казенныя, не мои, возьмите—никто не беретъ, всѣ открещиваются... и понесъ я свой замшевый мѣшечекъ съ золотомъ опять къ Шуберту. Онъ долго, капризно отдѣлывался, наконецъ, велѣлъ передать своему помощнику Стефану, очень милому и любезному человѣку, который и взялъ наконецъ эти деньги.

Пользуясь нашимъ бездѣйствіемъ, съѣздивъ я съ товарищами на тотъ берегъ, въ Систовъ, навѣстить Драгомирова, котораго увидѣлъ уже украшеннымъ Георгіемъ 3-й степени. Въ это время начались у насъ разговоры про Скобелева 2-го, рассказывали о его храбрости и распорядительности во время переправы, гдѣ онъ, участвуя почти какъ волонтеръ, не имѣя ни назначенія, ни прямыхъ обязанностей, состоялъ въ роли ординарца при Драгомировѣ и руководилъ стрѣлковыми цѣпами; говорили, что послѣ переправы Скобелевъ куда-то все рвался съ казаками, но что великій князь за что-то на него разгнѣвался, велѣлъ вернуться изъ Систова въ Зимницу и сидѣть смиренно. Болтали даже, что онъ арестованъ, домашнимъ арестомъ, въ палаткѣ.

Въ описываемое мною время еще не успѣло испариться существовавшее въ Петербургѣ мнѣніе, что ташкентскіе подвиги—дутые, дѣла преувеличены и что награды, полученныя за храбрость, оказанную въ Средней Азіи, не заслуженны; конечно, все это касалось и Скобелева, у котораго враговъ, а въ особенности завистниковъ было не мало. Ско-

надлежало первому опровергнуть подобное мнѣніе, а сослуживцы по Ташкенту и другіе степняки, попавшіе въ дунайскую пачательню похоронили этотъ взглядъ.

20-го іюня, пришелъ къ намъ въ наши палатки Максимовичъ, очень симпатичный офицеръ конной гвардіи, окончившій деміи генеральнаго штаба и состоявшій, кажется, при Неполѣ; второпяхъ сообщилъ онъ мнѣ слышанную имъ и пріятелямъ новость, что кавалерія наша посылается въ набѣгъ за что однимъ изъ кавалерійскихъ отрядовъ назначенъ командиромъ Николай Максимиліановичъ Лейхтенбергскій, который великаго князя далъ ему меня въ качествѣ начальника штаба Лечего и говорить, что я воспрянулъ духомъ; наконецъ-то въ настоящее дѣло и разстанусь съ этой, тоску наводившей, квартирой и уйду отъ Казимира (Левицкаго).

нарочно, послѣ этого сообщенія, за завтракомъ, Левицкій сказалъ, чтобы я зашелъ къ нему, что у него есть для меня дѣло. ствовалъ, увѣренный, что дѣло, о которомъ долженъ былъ сообщить Левицкій, касается отправленія моего съ отрядомъ за ; самое приказаніе Левицкаго явиться къ нему для полученія, по мнѣнію моему и моихъ товарищей, подтверждало слышанную словъ Максимовича, а поэтому я шелъ къ Левицкому не совершенно спокойно, но даже съ нѣкоторой радостью. Въ

у него засталъ я командира 9-го армейскаго корпуса, лейтенанта барона Криденера, и былъ вновь свидѣтелемъ сцену невѣроятной по своей нелѣпости, подобной той, которая произошла Катаемъ и которую я уже описалъ. Криденеръ стоялъ Левицкимъ, очевидно, въ роли просителя; онъ упрашивалъ не могу иначе охарактеризовать тонъ Криденера) сообщить въ будеть главная квартира главнокомандующаго въ первые дни переѣзда великаго князя черезъ Дунай, а Левицкій говорилъ, что етъ сообщить этого.

Да помигуйте, Казимиръ Васильевичъ, вѣдь я получилъ приказаніе къ Николію и взять его; можетъ быть, съ перваго переѣзда придется что-нибудь доносить великому князю, спросить его и, надо же знать, куда посылать.

Левицкій былъ неумолимъ:

Не могу-съ, не могу-съ; все въ свое время узнаете,—отвѣчалъ. Теперь не могу, это секретъ.

Да какъ же, Казимиръ Васильевичъ, войдите въ мое положеніе,—начиналъ Криденеръ, но вновь слышалось: «не могу-съ, не могу-съ».

Криденеръ и ушелъ. Кажется, Левицкій находилъ наслажде-

нѣ показывать другимъ, особенно старшимъ, что вотъ онъ—все знаетъ и все можетъ, а они нѣтъ.

Присутствуя при такой сценѣ, имѣвшей видъ глумленія сильнаго надъ слабымъ, я радовался, что скоро уйду отъ всего этого, и каково же было мое удивленіе, когда Левицкій, по уходѣ Криденера, обратился ко мнѣ со словами:

— Вамъ надо немедленно ѣхать въ Журжево.

— Какъ въ Журжево?—не вѣря своимъ ушамъ, спросилъ я.

— Да, въ Журжево; а что это васъ такъ удивляетъ?—тоже удивленно спросилъ Левицкій.

Тутъ я доложилъ ему о дошедшемъ до меня слухѣ относительно предстоящей командировки, на что получилъ отвѣтъ, что дѣйствительно такое предположеніе существовало, но затѣмъ отмѣнено и что мнѣ надо ѣхать въ Журжево отыскать между этимъ городомъ и Зимницей мѣсто для наводки втораго моста ¹⁾. Я былъ просто уничтоженъ.

— Помилуйте, Казиміръ Васильевичъ,—доказывалъ я,—да для этого ѣхать нечего; на всемъ этомъ пространствѣ нѣтъ лучшаго мѣста для моста какъ у Петрошанъ, противъ острова Батина; вѣдь я весь этотъ берегъ, можно сказать, вылизалъ во время моихъ многократныхъ поѣздокъ по Дунаю. Наконецъ, въ послѣднюю рекогносцировку передъ самой переправой, все это пространство входило въ мой участокъ, и я былъ на этомъ мѣстѣ съ генеральнаго штаба подполковникомъ Фрее, инженеръ-полковникомъ Плюдинскимъ и капитаномъ 1-го ранга Новиковымъ; отчетъ о рекогносцировкѣ есть въ дѣлахъ штаба арміи, чего же еще ѣхать. Все равно, сколько бы разъ ни ѣздили, лучшаго мѣста не найти.

Мнѣ казалось это такъ ясно, такъ просто, но, увы, Левицкій смотрѣлъ на дѣло иначе, и я получалъ категорическое приказаніе взять въ Зимницѣ морскаго офицера, ѣхать въ Журжево, отыскать тамъ полковника Плюдинскаго, того самаго, о которомъ я только-что говорилъ, взять у него инженернаго офицера и затѣмъ, ѣдучи по берегу Дуная отъ Журжева къ Зимницѣ, найти мѣсто, удобное для наводки втораго моста.

Нечего дѣлать, пришлось, чуть не со слезами на глазахъ, исполнять. И такъ—всѣ впередъ, а я опять назадъ! Дали мнѣ морскаго офицера, и поѣхали мы въ коляскѣ въ Журжево, не доѣзжая котораго, недалеко отъ Слободзеи, нашель я цѣлый лагерь артиллеристовъ и ниже-

¹⁾ Слѣдуетъ обратить вниманіе, что на меня возложено было при этой командировкѣ только отыскать мѣсто для устройства второй переправы и отнюдь не было приказано устроить переправу, т. е. навести мостъ, что было невозможно, такъ какъ южный берегъ Дуная былъ еще занятъ турками, оборонявшими Рущукъ.

работавшихъ на осадныхъ батареяхъ. Тутъ познакомился я длеристомъ полковникомъ Экстеномъ, завѣдывавшимъ стрѣльбой убу на этомъ участкѣ, отыскалъ Плюцинскаго, который долго понять, зачѣмъ меня прислали, такъ какъ и ему хорошо было о, что кромѣ Петрошанъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не чпшаго мѣста для наводки другаго моста.

щцинскій далъ въ мое распоряженіе инженернаго офицера, ка- Богдановича, и мы поѣхали назадъ. Около Петрошанъ выдѣвали яски и занялись осмотромъ мѣста, которое единогласно и при- учшимъ и даже единственнымъ. Устройству переправы много гвовало то, что у Петрошанъ на Дунаѣ есть островъ Батинъ, ный отъ румынскаго берега протокомъ, въ то время очень мел- аѣстами почти сухимъ. Островъ густо поросъ крупной вербой, брались на него, осмотрѣли его берега, но затѣмъ принуждены алиться, такъ какъ на противоположномъ берегу рѣки, на вы- показали турки. Инженерный офицеръ началъ дѣлать сообра-) родѣ моста, который можно будетъ навести, при чемъ пред-) что значительную часть его, считая отъ румынскаго берега, будетъ устроить на козлахъ, въ виду мелководія Дуная съ этой) и того обстоятельства, что фарватеръ проходитъ между остро-) турецкимъ берегомъ. Я предложилъ ему, составивъ свои со- нія, представить ихъ въ полевой штабъ или начальнику инже- арміи, такъ какъ моя обязанность состояла только въ выборѣ техническая же сторона вопроса, не будучи моей специаль- , не входила въ возложенную на меня задачу.

ѣдка эта заняла три дня; по возвращеніи моемъ, я узналъ, что рія уже ушла, а съ нею ушли Нагловскій, Фрезе, Сухотинъ и звъ.

доложилъ Левницкому результаты моей рекогносцировки и подавъ енную мною по этому дѣлу записку; не помню, кто-то мнѣ ска- гуть ли не самъ Непокойчицкій, что великій князь остался ею нъ, и я порадовался, что дѣлшки мои начинаютъ поправляться. жестоко ошибался; какъ увидимъ дальше, самая эта рекогносци- и записка, поправлявшая какъ будто мои дѣла, носила въ себѣ и большаго ухудшенія моихъ дѣлъ и усугубленія недоволь- аною со стороны главнокомандующаго.

иблизительно около этого же времени пріѣхалъ въ Зимницу мль-лейтенантъ Гурко, вызванный изъ Петербурга, для коман- я всѣмъ отрядомъ, направленнымъ за Балканы. Какъ теперь Юсифа Владиміровича, гарцующаго на какомъ-то высокомъ гнѣ- или буромъ конѣ, у палатокъ главной квартиры великаго князя;

кто-то пѣшій, котораго я за лошадью не видѣлъ, съ нимъ разговаривалъ, а лошадь не стояла на мѣстѣ, прыгала и вертѣлась.

Намъ говорили, будто генераль Гурко поставилъ условіемъ, чтобы ему дали въ начальники штаба всего отряда Бунакова, бывшаго у него начальникомъ штаба 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи въ Петербургѣ, что на это согласились, вызвали Бунакова телеграммой, а покуда, до его пріѣзда, исправлять должность начальника штаба долженъ былъ Нагловскій. Генералу Гурко подчинена была вся кавалерія, бывшая подъ командою герцоговъ Лейхтенбергскихъ Николая и Евгенія Максимилиановичей, 4-я стрѣлковая бригада, болгарское ополченіе генерала Столѣтова и еще нѣкоторыя мелкія части. Генераль Оттонъ Егоровичъ Раухъ, временно, до пріѣзда Гурко, командовалъ отрядомъ.

За уходомъ отряда генерала Гурко при главной квартирѣ остались офицеры генеральнаго штаба, служившіе непосредственно въ полевомъ штабѣ, а именно полковникъ Левицкій (Николай), Артамоновъ какъ штабъ-офицеръ надъ вожатыми, а затѣмъ Бобриковъ и я, безъ опредѣленныхъ занятій, или, какъ иногда говорятъ любители иностранныхъ словъ—диспонибельные.

Не помню, котораго именно числа перешла черезъ Дунай главная квартира; вѣроятно, это было между 20 и 24 іюня. Великій князь сидѣлъ съ Непокойчицкимъ въ коляскѣ, за нимъ везли большой значекъ бѣлый съ голубымъ осьмиконечнымъ крестомъ, за значкомъ вся свита верхами. Вѣхали конечно шагомъ, при чемъ гарцовали только статскіе изъ канцеляріи начальника штаба и нѣкоторые другіе; мы, военные, подсмѣивались надъ тѣмъ, что лучшіе, т. е. самые красивые, длинные, походные сапоги, въ родѣ кирасирскихъ ботфортовъ, и самыя большія, блестящія шпоры были всегда у статскихъ, очутившихся верхомъ. Даже Шубертъ гарцовалъ на какой-то неугомонной лошади, которая его видимо изводила, но онъ увѣрялъ, что это ничего, даже очень пріятно.

Дунай перешли мы по мосту; передъ вѣздомъ на мостъ, еще на румынскомъ берегу, слышалъ я очень знаменательныя слова прусскаго военно-уполномоченнаго генерала Вердера, состоявшаго при государѣ. Этого Вердера я зналъ давно, да и кто не зналъ его въ Петербургѣ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ въ 1870 году, на маневрахъ между Петергофомъ и Ропшей, государь отправлялъ Вердера, еще полковника, въ Берлинъ съ порученіемъ къ императору германскому, въ то время королю прусскому, Вильгельму. Вердеръ скоро вернулся—генераломъ. Появленіе его въ генеральскихъ эполетахъ произвело въ Петербургѣ сенсацію, и тогда говорили, будто Вердеръ возилъ къ королю Вильгельму ручательство нашего государя въ томъ, что Австрія, благодаря

будеть сидѣть смирно во время только-что начавшейся франко-войны. Наградой Вердери за такое хорошее извѣстiе былъ генерала. Этотъ Вердеръ, выѣзжая изъ Зимницы къ Дунаю, въ халатъ рядомъ съ кѣмъ-то и говорилъ громко, такъ что я, не желая подслушивать, отлично слышалъ и запомнилъ слѣдующее:

Je crains que la facilité avec la quelle vous aurez effectué le passage auube ne vous entraîne dans des opérations risquées et ne vous arre-tes reverg.

Ища это, я вспомнилъ слухъ, ходившій между нами, о военномъ или просто совѣщанiи, которое будто бы было въ Систовѣ, на которомъ обсуждались дальнѣйшiя дѣйствiя послѣ переправы и на кото-рой Царевичъ говорилъ:

Генеръ, ваше высочество, намъ осталось одно: «впередъ, впередъ!»!

И даже страшно стало: слова Гальяра, опытнаго боеваго человѣка, въ дурномъ обзвѣ и неудовлетворительной администраци уже слышались на дѣлѣ; неужели и Вердеръ, тоже боевой человѣкъ, будетъ такъ?

10 июня стояли мы въ д. Царевичѣ; на этой стоянкѣ получили вѣсть о взятiи Тырнова Гуркой, который награжденъ за это Георгиевскою степеню прямо помимо Георгiя 4-й ст.

Взятiе Тырнова съ боя произвело большое ликование въ главной квартире, да и было чего. Тырново—древняя столица Болгарiи; занятiе Тырнова произведетъ большое впечатлѣнiе среди болгаръ и тянется въ Константинополь. За Тырновымъ начинаются Балканы, которыми уже подошелъ генералъ Гурко, не встрѣтивъ на своемъ пути никакого сопротивленiя. Очевидно, успѣхъ сопровождалъ наши дѣла и радостно отзывался въ главной квартирѣ; были даже излишества; слышно было, какъ нѣкоторые говорили: «къ 30 августа въ Петербургъ».

Возвращенiе главной квартиры, къ которому конечно и я присоеди-нился, скоро перевернулось, относительно меня лично, новымъ горемъ. Вердеръ, шатаясь безъ дѣла по нашему лагерю, увидѣлъ я шед-шего на встрѣчу Модеста Дмитрiевича Новикова. Завидѣвъ Новикова, всегда называвшiй меня «племянничкомъ», загудѣлъ своимъ басомъ, которому видимо старался придать тихiй тонъ, шепота, такъ какъ встрѣча наша произошла невдалекѣ отъ жилища великаго князя; конечно, шепотъ Новикову не удался.

Племянничекъ, а я тебя ищу.

Что надо?

Что, братъ, дѣла твои плохи, такъ я пошелъ тебя предупредить.

Иду я сейчас мимо палатки великаго князя и слышу твою фамилію: ну, грѣшный человѣкъ, любя тебя, рѣшилъ послушать. Слышу Д . . . говорить: Помилуйте, ваше высочество, работа Паренсова никуда не годится; онъ не измѣрилъ ни быстроты теченія, ни глубины фарватера; да онъ даже на тотъ берегъ не ѣздилъ совсѣмъ.

— Что это съ Паренсовымъ сдѣлалось?—сказалъ великій князь.— Прежде такъ отлично все исполнялъ, а теперь, что ни поручишь, все испакостить; затѣмъ слышу голосъ Левицкаго: «ваше высочество, необходимо показать примѣръ, необходимъ строгій примѣръ»... Въ палаткѣ зашевелились, и я пошелъ тебя искать.

Часъ отъ часу не легче! Да какъ же на тотъ берегъ ѣхать, когда тамъ турки стояли? Да наконецъ мнѣ было приказано только найти мѣсто для наводки моста; всѣ подробности проекта постройки его, системы, конструкціи, матеріала—все это до меня не касалось: положимъ Д . . . могъ этого не знать, но Левицкій это отлично зналъ. Самъ не помня себя и не сознавая, зачѣмъ собственно, совершенно безотчетно, но съ какой-то особой рѣшительностью, пошелъ я по направленію палатки великаго князя, не доходя которой, въ наступившихъ уже вечернихъ сумеркахъ, натолкнулся на генерала Д . . . , который первый заговорилъ.

— Ахъ, полковникъ, а я только-что, къ сожалѣнію, долженъ былъ дать дурной отзывъ о вашей работѣ; вы совсѣмъ не исполнили данной вамъ задачи.

Злой до забывчивости, я рѣзко и дерзко спросилъ:—«а какаѣ мнѣ была дана задачи»? Кажется Д . . . былъ нѣсколько озадаченъ моимъ голосомъ и, понизивъ тонъ, продолжалъ:

— Какъ какаѣ? вамъ велѣно было составить проектъ постройки и наводки моста...

Я просто кипѣлъ отъ злости и еще рѣзче отвѣтилъ:

— Никогда, никто мнѣ такой задачи не давалъ; мнѣ велѣно было только найти мѣсто, гдѣ можно было бы, вполнѣдствіи, навести мостъ, а какой мостъ,—это дѣло не мое, а вашихъ офицеровъ.

Д . . . былъ, кажется, добрый человѣкъ, и мой отвѣтъ его вѣроятно поразилъ, потому что онъ совсѣмъ уже мягко сказалъ: «какъ же мнѣ теперь быть?»

— Не знаю, какой у васъ обычай; я обыкновенно, когда когонибудь подвелъ, по незнанію или ошибкѣ, иду къ начальству и говорю: извиняте, я ошибся, а держитесь ли вы этого правила я не знаю, и ушелъ, оставивъ Д . . . ошеломленнымъ.

Чѣмъ кончилось это недоразумѣніе—не знаю, по крайней мѣрѣ мнѣ никто ничего болѣе не говорилъ; я продолжалъ ѣхать за коляской главнокомандующаго и скучать на привалахъ.

Тество наше къ Тырнову происходило совсѣмъ какъ дома, гдѣ въ Малороссіи; въ деревняхъ выходилъ народъ, кланялись, кричали «добре дошли», «да живей царь Александръ», а гдѣ были церкви выходили и священники въ облаченіи и съ крестомъ. Мы шли по необычайно плодоносной мѣстности за исключеніемъ окрестностей скихъ деревень, опустѣлыхъ и окруженныхъ пустырями. Въ особенности поражала насъ трава, густая, необычайно высокая. Не знаю, мало, глядя на эту траву, интеллигентство; мы же думали, что это бы какимъ-нибудь тыловымъ частямъ заняться этимъ дѣломъ жить, а то все попадетъ въ руки товарищества Грегерь и Комп. 10 іюня, день моихъ именинъ, у насъ была дневка, кажется, въ Би, и мы пошли къ главнокомандующему поздравить съ именинникаго князя Петра Николаевича. Великій князь Младшій, узнавъ, я именинникъ, пригласилъ меня къ себѣ, и я только-что раслся закусить, какъ меня потребовали къ Левицкому, приказавши мнѣ скакать въ Тырново, передать письмо генералу Гурко и биваку для конвоя главнокомандующаго (1). По словамъ Левицкаго, генералъ Гурко выступаетъ къ Балканамъ, а можетъ быть даже выступилъ въ этотъ день, а потому я долженъ спѣшать. При Левицкій сказалъ, что мѣстность, по которой мнѣ придется идти, опасна, такъ какъ башни-бузюки бродятъ въ окрестностяхъ, надо людей. Я, не имѣя никакого дурнаго умысла, отвѣчалъ: «прикажете, столько и возьму». Левицкій чего-то обидѣлся за мнѣ, что я вѣроятно хвастаюсь своей храбростью, хочу, что ничего не боюсь; я вовсе этого не думалъ, а потому ялся подобному нелѣпому предположенію и отвѣчалъ, что по я могу знать, сколько брать. Левицкій круто оборвалъ и что даетъ мнѣ одного казака.

Я и осѣдлать своего кабардинца, взялъ одного лейбъ-казака оя великаго князя и пустился въ путь. Обязанный торопиться, стать генерала Гурко, помня, что въ началѣ рѣчи Левицкій нужнымъ дать конвой, въ виду опасности пути, я не ѣхалъ, въ Тырново, куда пріѣхалъ въ сумерки. Первый разъ пріѣхавъ увидѣть городъ, построенный на уступахъ и на покатосяхъ къ горѣ; одна изъ улицъ, по которой я ѣхалъ, была устроена но въ видѣ лѣстницы съ каменными ступенями и настолько узко ѣхалъ какъ въ корридорѣ. Генерала Гурко съ его штабомъ въ домѣ тырновскаго епископа или архимандрита; они всѣ къ выступленію рано утромъ слѣдующаго дня. Передавъ

было то письмо Левицкаго, о которомъ упоминается въ статьѣ і отрядъ" Д. С. Нагловскаго. „Русскій Вѣстникъ“ 1891 года № 3.

приказаніе, я побесѣдовалъ съ Нагловскимъ и завалился спать вмѣстѣ съ другими офицерами въ большой залѣ. На другой день, выбравъ мѣста для биваковъ прибывающихъ войскъ, остался я, согласно полученнаго приказанія, ждать прибытія главнокомандующаго. Городъ украшался для встрѣчи великаго князя; флаги, цвѣты, триумфальныя арки видѣлись повсюду. Почти на всѣхъ аркахъ и на домахъ видѣлись надписи: «добре дошелъ», «да живей царь Александръ», а иногда: «Боже, царя храни». Встрѣтить его высочество поѣхалъ я за городъ, по той улицѣ, по которой долженъ былъ состояться торжественный въѣздъ; она была очень узка и совершенно запружена встрѣтившимися обозами. Разныя полицейскіе чины изъ мѣстныхъ болгаръ и казаки старались распутать эту путаницу, но вышло еще хуже потому, что подводчики, боясь палокъ болгаръ и нагаекъ казаковъ, разбѣжались; нѣкоторые изъ нихъ увели лошадей и буйволовъ, повозки спѣшились, и не было возможности ихъ растащить. Тѣснота была такая, что я одинъ верхомъ еле проѣхалъ, пробираясь между стѣнами домовъ и повозками, при чемъ лошади моей приходилось переступать черезъ ступицы колесъ, а я отталкивался рукой отъ стѣнъ, чтобы не зашибить ногу. Въ виду такой сумятицы поспѣшилъ я на встрѣчу главной квартиры, нашелъ ее верстахъ въ 2-хъ отъ города и доложилъ великому князю о встрѣтившемся затрудненіи. Тѣмъ не менѣе его высочество рѣшилъ сняться съ привала, поѣхалъ со своей свитой къ выѣзду изъ города и самъ увидѣлъ невозможность проѣхать. Тутъ произошла сцена, подтверждающая многое, сказанное мною выше и дающая поводъ къ размышленіямъ о порядкахъ, у насъ существовавшихъ.

Вся главная квартира съ главнокомандующимъ во главѣ остановилась въ нерѣшительности передъ неожиданнымъ препятствіемъ; что дѣлать? Впереди непроѣзжая отъ обозовъ улица, слѣва скалистые обрывы, а внизу ихъ Янтра, вправо дома. Въ это время подъѣзжаетъ къ великому князю полковникъ Бобриковъ съ самымъ спокойнымъ и серьезнымъ лицомъ:

— Ваше высочество, позвольте я васъ проведу.

— А ты развѣ знаешь дорогу?

— Я, ваше высочество, нѣсколько лѣтъ путешествовалъ по Болгаріи, каждый разъ подолгу живалъ въ Тырновѣ и знаю окрестности.

— Ну, веди; посмотримъ, посмотримъ...— съ отѣнкомъ недовѣрія, но улыбаясь, сказалъ великій князь.

Я какъ теперь вижу, Бобриковъ, на бѣлой лошади, съ невозмутимымъ спокойствіемъ повернулъ налѣво; затѣмъ нашелъ какую-то дорожку и съ увѣренностью, точно у себя дома, началъ спускаться наискось горы, къ Янтрѣ. Подъѣзжая къ рѣкѣ, нѣкоторые изъ свиты выражали безпокойство, что она глубока, но Бобриковъ, доложивъ его

еству, чтобы не беспокоился, спустился въ рѣку въ такомъ мѣстѣ, въ дѣлѣ воды было не выше бабки лошадей, переѣхавъ мѣстечко, поднялся въ гору, объѣхавъ запруженную улицу, и при главномъ командующаго къ большой аркѣ съ надписями: «добре до и «Боже, царя храни», съ разными украшеніями, прямо на ю площадь!

авнокомандующій не пожелалъ занять квартиры, отведенной ему здѣсь, а расположился въ палаткѣ за городомъ, на чудесномъ дугу, ошья длиннаго и пологога ската горы, гдѣ, кажется, былъ загород- дѣ; возлѣ палатки великаго князя размѣстилась свита и высшіе штаба, вдоль ската остальные лица, а на самомъ верху, отдѣльно отъ нихъ, стояли двѣ или три палатки; тамъ поселился Вобриковъ, въ которое время Вульффертъ ¹⁾, былъ складъ вещей Нагловскаго, оиутился и я.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Помню, какъ попалъ туда Вульффертъ, который участвовалъ въ 1-мъ Балканѣ; можетъ быть, онъ раньше вернулся или позже поѣхалъ.

Объявленіе о сборѣ пожертвованій на сооруженіе памятника императрицѣ Екатеринѣ II въ Вильнѣ.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу главнаго начальника Сѣверо-Западнаго края генераль-адъютанта В. Н. Троицкаго, ВЫСОЧАЙШЕ соизволилъ, 9-го февраля 1899 года, на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки для сбора пожертвованій на сооруженіе въ г. Вильнѣ памятника ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-й, какъ главной виновницѣ возвращенія Россіи отторгнутато отъ нея Бѣлорусскаго края.

Такое МОНАРШЕЕ соизволеніе открываетъ теперь всѣмъ русскимъ людямъ возможность внести свою лепту на это обще-русское дѣло, гдѣ дорогъ не рубль, а дорога и каждая копѣйка, приславная со всѣхъ концовъ нашего обширнаго отечества, какъ дань священной памяти Великой Радѣтельницы русской земли.

Учрежденный по волѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта В. Н. Троицкаго, особый комитетъ для сбора пожертвованій и устройства памятника, озабочиваясь возможнымъ удобствомъ и облегченіемъ каждому члену великой русской семьи взноса пожертвованій, имѣетъ честь до всеобщаго свѣдѣнія, что всякое пожертвованіе, въ какомъ бы оно ни было размѣрѣ, принимается, по распоряженію господина министра финансовъ, всѣми казначействами, но можетъ быть, по желанію, препровождаемо и непосредственно въ комитетъ, въ городъ Вильну. Редакціи газетъ, получившихъ настоящее объявленіе и подписные занумерованные листы, за подписью предсѣдателя комитета, также принимаютъ пожертвованія отъ желающихъ.

Императоръ Александръ I.

Его характеристика по сочиненію Н. К. Шильдера).

V 1).

да Александру было только двадцать мѣсяцевъ, Екатерина писала о немъ, что онъ «старается о томъ, чтобъ нравиться». Искреннія письма Александра, какъ уже упомянуто выше, тоже наруживаютъ въ его характерѣ какую-то вкрадчивую нѣжность. И дѣйствительно, современники единогласно говорятъ о его обаятельности, умѣнии прельщать. Это умѣние было возведено въ науку; въ практическомъ примѣненіи ея къ жизни живалъ рѣдкія находчивость, подчасъ изобрѣтательность. Это нравиться создало обликъ того легендарнаго «царя-человека», который при упоминаніи объ Александрѣ выступаетъ на первый планъ своею яркостью, блескомъ, ослѣпляетъ и мѣшаетъ различію свойства его характера.

Современниковъ объ Александрѣ не только единодушны, но и полны какою-то восторженностью.

«Съ онъ былъ чудесенъ!» восклицаетъ одинъ изъ современниковъ. «Онъ былъ «ангелъ и умный ангелъ», замѣтилъ какъ-то Армандъ человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ, и тотъ не устоялъ передъ наущеніемъ государя: это сущій прельститель», сказалъ въ позднѣе время объ Александрѣ Сперанскій. Характерны слѣдующія слова казаннаго Шишкова въ отвѣтъ на вопросъ, почему онъ, Кунястинъ, передъ государемъ не переноситъ войны за престола послѣ изгнанія изъ нея Наполеона. «Я представлялъ ему возразилъ престарѣлый фельдмаршалъ:—но первое, онъ смо-

Русскую Старину», июль 1899 г.

трить на это съ другой стороны, которую также совсѣмъ опровергнуть не можно; и другсе, скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обвинить меня и поцѣлуетъ: тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ». — «Онъ былъ идеаломъ совершенства, — пишетъ другой современникъ. Всѣ имъ гордились и все въ немъ нравилось, даже нѣкоторая изысканная картинность его движеній, сутуловатость и движеніе плечъ впередъ, мѣрный, твердый шагъ, картинное отставленіе правой ноги, держаніе шляпы такъ, что всегда между двумя раздвинутыми пальцами приходилась пуговица отъ галуна кокарды, кокетливая манера подносить къ глазу лорнетку, все это шло къ нему, всѣмъ этимъ любовались»¹⁾.

Искусство Александра нравиться находило большое подспорье въ присущей ему громадной силѣ самообладанія; она позволяла ему сдерживать себя въ минуты самаго сильнаго недовольства и выраженіе гнѣва смѣнять на своемъ лицѣ самой обворожительной улыбкой. Иногда эти переходы казались окружающимъ просто непонятными. Такъ Михайловскій-Данилевскій рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ дневниковъ слѣдующее: «Въ 10 часовъ утра его величество гулялъ по саду и семь разъ прошелъ мимо моихъ оконъ (въ Царскомъ Селѣ). Онъ казался веселымъ, и взглядъ его выражалъ кротость и милосердіе; но чѣмъ болѣе я разсматриваю сего необыкновеннаго мужа, тѣмъ болѣе теряюсь въ заключеніяхъ. Напримѣръ, какимъ образомъ можно соединить спокойствіе души, начертанное теперь на лицѣ его, съ извѣстіемъ, которое мнѣ сейчасъ сообщили, что онъ велѣлъ посадить подъ караулъ двухъ крестьянъ, которыхъ единственная вина состояла въ томъ, что они подали ему прошенія?».

Но съ особенною силою самообладаніе Александра сказалось при полученіи имъ извѣстія о смерти Софіи Нарышкиной, причинившей ему большую «личную печаль», какъ выразился онъ въ письмѣ къ графу Аракчееву. Она была дочерью Маріи Антоновны Нарышкиной, и Александръ питалъ къ ней особенную привязанность. Будучи уже невѣстой графа Шувалова, она заболѣла чахоткою. Болѣзнь крайне озобочивала государя; каждое утро и вечеръ фельдъегерь привозилъ ему бюллетени о ходѣ ея болѣзни. Въ утро ея смерти государь находился въ Красномъ Селѣ. Когда было получено извѣстіе о ея кончинѣ, онъ готовился выйти къ собравшемуся во дворецъ всему генералитету гвардіи. Долго Волконскій и Вилліе не рѣшались сообщить Александру полученную новость, наконецъ Вилліе, отвѣчая на неоднократные вопросы государя, встревоженнаго ихъ видомъ, сказалъ: «все кончено: она болѣе не существуетъ».

¹⁾ Дараганъ: „Воспоминанія перваго камеръ-нажа великой княгини Александры Феодоровны 1817—1819 г.“ „Русская Старина“, 1875 г., т. 12-й и 13-й.

Александръ, ни слова не проговоривъ на это, возвелъ глаза кверху ился самыми горячими слезами, такъ что вся рубашка на его была замочена ими; «слѣдовало ожидать,—пишетъ свидѣтель этой лейбъ-медикъ Тарасовъ,—что артиллерійское ученье будетъ отложено спустя четверть часа императоръ выходить въ приемную, обра- къ нѣкоторымъ изъ генераловъ и потомъ садится на ожидавшую оховую лошадь».

и выходѣ императора въ приемный залъ я внимательно наблюдалъ о, на которомъ, къ величайшему моему удивленію, я не могъ за- ни малѣйшей черты, обличающей внутреннее положеніе растер- такую важную потерю великой души его. Онъ обычно былъ ко привѣтливъ, нѣкоторымъ дѣлалъ вопросы, пояснялъ отвѣты и до- ранилъ присутствіе духа, что кромѣ насъ троихъ (Волконскаго, Тарасова), бывшихъ въ кабинетѣ его, никто не могъ знать о его немъ состояніи души».

огда ученье кончилось, Александръ тотчасъ же потребовалъ ко- сверней и во весь карьеръ поскакалъ на дачу Нарышкиной. Воз- онъ обратно только на парѣ, такъ какъ другая пара лошадей ою отъ неимоვნно быстрой ѣзды. Въ этотъ день Александръ но не обѣдалъ.

ександръ увлекалъ не однимъ своимъ внѣшнимъ обликомъ. Онъ оникать въ сердце человѣка и, подмѣтивъ его особенности, лъ сочувствіе имъ, какъ-бы находя горячій отголосокъ имъ въ обственномъ сердцѣ. Этимъ онъ окончательно влюблялъ въ нно это выраженіе «влюблялъ» должно быть примѣнено къ ію чувствъ, которыя онъ пробуждалъ въ Лагарпѣ, Каразинѣ, я многихъ другихъ. Когда же почему-либо онъ переставалъ ться ими, его отношеніе къ нимъ круто измѣнялось. Такъ, по малѣйшему подозрѣнію былъ схваченъ и посаженъ въ ургскую крѣпость, и, пока выяснилась его полная невинов- цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ провелъ въ мрачномъ казематѣ.

гъ выраженіемъ любви, которую Александръ умѣлъ пробу- бѣ, служить слѣдующія строки изъ письма къ нему Паррота, о послѣднимъ, когда онъ убѣдился, что между ними все кон- ій брошенъ,—писалъ онъ 5-го февраля 1816 года.—Ваше ве- лаете, чтобы я видѣлъ въ васъ лишь властелина Россіи. Вы, ія, имѣете свои основанія къ этому, которыя кажутся вамъ ми. Я не обращаюсь за защитой къ будущему, которое ть меня уже теперь. Но я обжалую благородному чувству чества тотъ способъ, которымъ вамъ было угодно произвести изнанный вами необходимымъ. Я просилъ васъ порвать со зъ тѣмъ же прямодушіемъ, которое соединило насъ. Вы от-

*

казали мнѣ и тѣмъ самымъ признали меня недостойнымъ того. Вотъ что удваиваетъ мою печаль, и, если бы подданный осмѣливался говорить своему государю, что онъ не правъ, я сказалъ бы вашему величеству, что вы не правы въ данномъ случаѣ. Развѣ я совершилъ какое-либо преступленіе? Вотъ уже 13 лѣтъ, государь, какъ я живу только для васъ; мое служебное положеніе, мои обязанности, даже мои литературные труды—у меня все связывалось съ вами. Я хотѣлъ быть и казаться достойнымъ довѣрія, которымъ ваше величество, противно установленному порядку вещей, удостоивали меня. Я любилъ васъ, вы знаете это, съ увлеченіемъ, которое иногда вызывало ваше удивленіе. Я никогда не слѣдовалъ столь обыденному правилу, что лучше нравиться министру, чѣмъ государю. Да что я говорю такое? Я никогда не хотѣлъ нравиться вамъ; я хотѣлъ лишь любить васъ и служить вамъ. Къ тому же, государь, вы не скупились въ области чувства.

«Государь! Если когда-либо случай снова столкнетъ ваше величество съ отзывчивымъ человѣкомъ, который, привлеченный благородствомъ вашей души, захочетъ всецѣло отдаться вамъ, во имя Божества, которое вы чтите такъ же, какъ я, оттолкните его съ самаго начала. Удовольствуйтесь одной жертвой чувства!

«Таковы послѣдніе звуки голоса, въ теченіе одиннадцати лѣтъ звучавшаго въ душѣ вашего величества. Быть можетъ, я долженъ былъ бы придать имъ другой тонъ и скрыть свое горе, но я хочу остаться вѣрнымъ самому себѣ: я никогда не научусь притворяться».

Братья просто боготворили Александра. Въ своей перепискѣ послѣ его кончины они называли его не иначе, какъ анге. Въ частности о любви къ Александру цесаревича Константина въ запискахъ Тарасова сохранился слѣдующій трогательный рассказъ. Въ 1824 году у Александра сдѣлалось на ногѣ рожистое воспаленіе; въ это время пріѣхалъ изъ Варшавы цесаревичъ Константинъ, чтобы присутствовать на бракосочетаніи Михаила Павловича. Тотчасъ послѣ пріѣзда онъ поспѣшилъ на свиданіе со своимъ августѣйшимъ братомъ. Какъ только камердинеръ раскрылъ двери комнаты, въ которой находился государь, цесаревичъ, въ полной парадной формѣ, поспѣшно вбѣжалъ въ нее, упалъ на колѣни у дивана, на которомъ лежалъ больной Александръ, и, залившись слезами, цѣловалъ государя въ губы, глаза и грудь, а затѣмъ, склоняся къ ногамъ императора, сталъ цѣловать его больную ногу.

Приведенная сцена какъ нельзя лучше дополняется слѣдующимъ разговоромъ, произошедшимъ между Александромъ и Константиномъ въ 1818 году. Посѣтивъ Варшаву осенью, государь возвращался въ Петербургъ; цесаревичъ провожалъ брата нѣсколько станцій, и во время этой поѣздки Александръ обратился къ нему со словами:

— Я долженъ сказать тебѣ, братъ, что я хочу абдикировать: я

не въ силахъ сносить тягость правительства, я тебя предупредя для того, чтобы ты подумалъ, что тебѣ надобно будетъ дѣлать лучаѣ.

евичъ отвѣтилъ:

гда я буду просить у васъ мѣсто втораго камердинера вашего; мѣ служить, и ежели нужно, чистить вамъ сапоги. Когда бы я) сдѣлалъ, то почли бы подлостью, но когда вы будете не на я докажу преданность мою къ вамъ, какъ благодѣтелю моему. ая Елисавета Алексѣевна, болѣе другихъ имѣвшая причины я на своего августѣйшаго супруга, всю свою жизнь платила юю, покорною любовью. И когда его не стало, она писала ери: «Что мнѣ дѣлать съ своею волею, которая была всецѣло му, съ своею жизнью, которую я любила посвящать ему! О матушка, какъ быть, что дѣлать? Я ничего болѣе не вижу бою. Я останусь здѣсь, пока онъ будетъ находиться здѣсь, отправится, я тоже отправлюсь; я не знаю, когда, куда пой- ничего не могу сказать вамъ больше, моя добрая матушка,—я не слишкомъ беспокойтесь за меня, но если бы я смѣла, какъ- мла послѣдовать за тѣмъ, кто составлялъ цѣль моей жизни».

П. М. Волконскій тоже былъ безпредѣльно преданъ Алетю и были минуты, когда онъ говорилъ, что «болѣе не надидить съ государемъ, котораго капризы бывають иногда такъ о онъ не въ состоянн ихъ переносить».

ому поводу Данилевскій передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ высшей степени любопытный для характеристики Алетазговоръ свой съ княземъ Волконскимъ.

только иногда видѣлъ,—говорилъ Волконскій Данилевскому,—лю; но большей части непріятностей моихъ никто, даже и ты знаешь. Помнишь ли, какъ въ Мобежѣ король прусскій прибалъ къ графу Воронцову ранѣе государя? Онъ мнѣ за это : такія слова, что я хотѣлъ въ ту же минуту его оставить; въ дй день нѣсколько англичанокъ пріѣхали, когда всё уже сиоломъ, за что опять онъ меня бранилъ. На другой день я рафу Воронцову, чтобы обѣдню служили по-придворному, то- л не пѣли концерта; графъ увѣрилъ меня, что служба будетъ я, какъ государь желаетъ, но вдругъ запѣли концертъ: ты не идумать всего, что онъ мнѣ за сіе наговорилъ, хотя я былъ о не виновать.

вскій старался по мѣрѣ силъ успокоить и утѣшить взволнованнаго и сказалъ, что имя его принадлежитъ исторіи, и потомъ говорить о немъ, какъ о другѣ царя. Волконскій отвѣчалъ

— Повѣрь мнѣ, что черезъ недѣлю послѣ моей смерти обо мнѣ забудутъ; я однако желаю, когда меня болѣе не будетъ при государѣ, то чтобы тотъ, кто заступитъ мое мѣсто, служилъ бы ему съ равнымъ усердіемъ, какъ я.

По словамъ князя Вяземскаго, Александръ обладалъ прирожденной способностью «часто малозначащимъ словомъ польстить человѣку и порадовать его личною и привѣтливою внимательностью». Какъ-то Александръ прямо высказалъ Данилевскому свой взглядъ на необходимость быть приятнымъ въ обществѣ. «Я убѣжденъ, сказалъ онъ, принявъ при этихъ словахъ важный видъ,—что ничто такъ не необходимо въ жизни, какъ радушіе и вѣжливость. Эти качества указываются намъ религіей и дѣлаютъ возможнымъ существованіе общества, точно такъ же, какъ, съ другой стороны, все то, что разрушаетъ чувство радушія, вредно для существованія обществъ».

Безпрерывныя путешествія и поѣздки Александра во вторую половину его царствованія представляли особенно много удобныхъ случаевъ для него проявлять свое искусство «сущаго прельстителя». И онъ умѣло пользовался ими, чтобы плѣнять и чаровать всѣхъ. Вотъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ этого.

Проѣзжая черезъ одинъ изъ городовъ, Александръ Павловичъ разговаривалъ съ хозяиномъ дома, въ которомъ ему была отведена квартира. Разспрашивая о лицахъ, собравшихся передъ домомъ, онъ обратилъ вниманіе на одну старушку и пожелалъ узнать, кто она.

— Это вдова полковника Костомарова, пріѣхала изъ деревни,—отвѣтили ему.

— А зачѣмъ пріѣхала? Что, она богатая?—спросилъ государь.

— Нѣтъ, не богатая, у нея только 25 душъ, а пріѣхала, чтобы посмотреть на васъ.

Этотъ отвѣтъ повидимому понравился государю.

— А что, у нея есть семейство?—спросилъ Александръ Павловичъ.

— Одинъ сынъ служилъ въ артиллеріи и тотъ убитъ подъ Бородинымъ.

Александръ вышелъ, сталъ обходить собравшихся и обратился также и къ заинтересовавшей его старушкѣ.

— Кто вы?—спросилъ онъ.

— Полковница Костомарова.

— Гдѣ живете?

— Въ деревнѣ, пріѣхала, чтобы посмотреть на васъ.

— Благодарю.

Затѣмъ императоръ сдѣлалъ видъ, что припоминаетъ что-то.

— А позвольте,—снова заговорилъ онъ,—не было ли у васъ сына въ артиллеріи?

— Былъ.

— Онъ убитъ въ Бородинскомъ сраженіи?

— Да, отвѣчала старушка.

— Это заставляетъ меня вдвое уважать васъ, какъ мать героя. Хотите поцѣловать вашу руку.

осторожное «ура» собравшейся толпы послужило лучшимъ доказательствомъ впечатлѣнія, произведеннаго словами государя на присутствующихъ при этой сценѣ.

Во время крымскаго путешествія въ 1818 году, въ Карасубазарѣ раторъ Александръ, узнавъ, что тамъ находится сестра генерала Эвича, занимавшаго тогда мѣсто начальника штаба второй арміи, азаль Данилевскому отыскать ее. Послѣдній доложилъ, что это бѣд-простая татарка.

— Позови ее ко мнѣ съ ея дѣтьми,—сказаль ему государь.

Онѣ пробыли нѣсколько минутъ у императора»,—пишетъ Данилев-—«и когда вышли, то государь, заставъ меня одного въ комнатѣ, лизился ко мнѣ съ выразительною улыбкою, какъ-бы спрашивая о мнѣнія.

— Ваше величество—сказаль я ему, вотъ истинная награда генерала Рудзевичу; это ему лестнѣе, нежели всѣ ленты, которыя вы ему ловали.

— Я не различаю,—отвѣчалъ императоръ,—ни дворянъ, ни разносѣвъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; мнѣ всѣ равны, если служатъ хорошо. Эвичъ татаринъ, но мнѣ дороже, чѣмъ иной столбовой дворянинъ. Послѣ сего государь приказаль мнѣ отъ его имени вручить сестрѣ рала брилліантовый фермуаръ».

Путешествуя по Финляндіи въ 1819 году, государь, прибывъ въ не-ительное крестьянское селеніе Хапаланкангасъ, замѣтилъ среди авшихся крестьянина съ медалью, выбитою въ память сейма 1809 г. Борго. Подозвавъ къ себѣ сопровождавшаго его въ качествѣ перевод-капитана Грипенберга, Александръ сказаль ему:

— Знаете ли, Грипенбергъ, что этотъ человѣкъ мой старый знако-? Мы видѣлись на сеймѣ въ 1809 году.

Потрепавъ по плечу Тервонена, государь продолжалъ:

— Скажите ему, что мнѣ очень пріятно возобновить съ нимъ зна-ство.

Удивленный и растроганный ласковыми словами императора, крестья-ь выразилъ просто, но чистосердечно радость, которою преисполнила милость государя, удостоившаго своимъ посѣщеніемъ жителей столь зкаго края. Затѣмъ государь приказаль спросить его, женатъ ли онъ; ько у него дѣтей и доволенъ ли своимъ земледѣльческимъ состоя-ь, послѣ чего, взявъ его за руку, простился съ нимъ.

Во время того же путешествія по Финляндіи Александръ, отпуская отъ себя простаго крестьянина, служившаго ему проводникомъ при проходѣ черезъ одну лишенную дорогъ мѣстность, пожалъ ему руку— и это обстоятельство, конечно, тоже могло только способствовать его популярности въ недавно завоеванномъ краѣ.

Постоянная забота о томъ, чтобы нравиться, естественно, порождала въ натурѣ Александра извѣстную искусственность. Александръ часто говорилъ, что «для того, чтобы получать наслажденія, необходимо создавать себѣ лишенія», и эти слова лучше всего указываютъ на отсутствіе въ его характерѣ непосредственности. Та же его особенность сказалась и въ его взглядѣ на любовь и ухаживанія. Противоставляя себя своимъ окружающимъ, онъ говорилъ имъ въ томъ смыслѣ, что они, ухаживая, стремятся къ скорѣйшему обладанію своимъ предметомъ, тогда какъ, по его мнѣнію, вся прелесть заключается въ самомъ процессѣ ухаживанья, и поэтому нужно стараться по возможности затягивать его. Искусственность природы Александра сказалась и въ его манерѣ держаться—вычурной, дѣланной,—лучшимъ выраженіемъ которой служить приведенная выше выдержка изъ воспоминаній Дарагана. Привычка обращать особенное вниманіе на свою наружность была свойственна ему съ юности, и еще тогда его пристрастіе къ модамъ вызывало неудовольствіе со стороны Протасова, порицавшаго «странныя моды молодыхъ жемановъ, толстые на шеѣ платки, короткія трости и низкіе башмаки, кои ежеминутно съ ногъ спадывали». Однажды Протасовъ даже не сдержался, чтобы не высказать Александру Павловичу, «сколь далеко зараза этихъ странныхъ модъ въ немъ вкоренилась» и «сколь гнусно прилѣпляться къ этимъ страннымъ модамъ и тѣмъ дѣлать непріятности бабушкѣ и родителямъ, отъ которыхъ еще и таится въ томъ, преобразаясь въ другую одежду, какъ скоро гдѣ видѣтъ надлежитъ».

Та же неустанная мысль о своей наружности, о томъ впечатлѣніи, которое онъ производитъ, привила Александру боязнь того, что французы называютъ: «le ridicule», при чемъ это слово понималось имъ въ самомъ узкомъ смыслѣ.

Александръ очаровывалъ не только русскихъ, но и иностранцевъ; это обстоятельство тѣмъ болѣе понятно, что онъ прилагалъ болѣшія усилія нравиться послѣднимъ, чѣмъ первымъ. Къ этому его побуждали не только весь складъ его понятій, сложившихся подъ вліяніемъ воспитанія Лагарпа, и обстановка современной ему русской жизни, но и вполне естественное побужденіе большинства людей—сдерживать себя при чужихъ и тѣмъ самымъ выказывать себя передъ ними съ лучшей стороны. Эта черта была свойственна и Александру. Подтверженіемъ этого можетъ служить слѣдующая выдержка изъ воспоминаній Михай-

ловскаго-Данилевскаго, относящаяся къ 1814 году: «уже два дня, какъ государь скученъ, бранить камердинеровъ своихъ и князя Волконскаго, который съ нимъ почти выросъ, во всю жизнь былъ неразлученъ и душевно его любить. Я не знаю, какъ согласовать суровость, которую онъ сегодня показываетъ, съ обыкновенною его любезностью, особенно къ иностранцамъ; напримѣръ, чиновниковъ города Ляндау государь такъ обворожилъ, что они, выходя отъ него, были въ восхищеніи; когда же они уѣхали и никого не осталось въ домѣ кромѣ насъ, русскихъ, то онъ опять началъ сердиться. Таковыя противорѣчія ясно обнаруживаютъ притворство, составляющее одну изъ главныхъ чертъ характера его. Я сохраню навсегда истинное уваженіе къ великимъ его дарованіямъ, но не испытываю одинаковаго чувства къ личнымъ его свойствамъ».

Талейранъ, повидимому, тоже подмѣтилъ различное отношеніе Александра къ русскимъ и иностранцамъ и довольно вѣрно понялъ причину подобнаго отношенія. По крайней мѣрѣ въ одномъ случаѣ онъ на этой почвѣ ловко польстилъ государю. Интригуя противъ Наполеона, онъ сказалъ Александру: «Французскій народъ цивилизованъ, а его государь—нѣтъ, государь Россіи—цивилизованъ, а его народъ—нѣтъ: поэтому государю Россіи надлежитъ быть союзникомъ французскаго народа».

Однако явное предпочтеніе, которое Александръ выказывалъ иностранцамъ, далеко не всегда выражало у него расположеніе къ нимъ. Такъ, несмотря на то, что во время своего пребыванія въ Парижѣ онъ приложилъ все свое мастерство, чтобы завоевать симпатіи парижанъ, онъ высказалъ болѣе чѣмъ несправедливый взглядъ на французовъ и Францію: «Въ этой землѣ живутъ тридцать милліоновъ скотовъ, одаренныхъ словомъ, безъ правилъ, безъ чести; да можетъ ли что-нибудь быть тамъ, гдѣ нѣтъ религіи?»

Въ другомъ случаѣ, говоря о чистотѣ домовъ въ Англіи, Александръ замѣтилъ, что «опрятность въ сей землѣ еще болѣе ощутительна, когда пріѣзжаешь туда изъ грязной и проклятой Франціи». Самый же Парижъ, какъ Александръ всенародно объявилъ въ манифестѣ 1816 года, былъ признанъ имъ гнѣздомъ мятежа, разврата и пагубы народной.

Въ сношеніяхъ Александра съ иностранцами поражаетъ то обстоятельство, что онъ какъ-бы боялся, чтобы его не приняли за варвара, самодержца-тирана, пользующагося своею безграничною властью въ разрѣзъ съ либеральными принципами. И вотъ въ салонѣ м-ше де-Сталь онъ говоритъ о своемъ полномъ презрѣніи къ Фердинанду VII, тотчасъ по своемъ возвращеніи въ Испанію уничтожившему конституцію; говоритъ о рабствѣ французской печати, упомянувъ при этомъ, что ничего подобнаго нельзя встрѣтить въ Россіи; жалуется, что его добрыя намѣренія не были ни поняты, ни поддержаны во Франціи.

— Бурбоны, — сказала Александръ между прочимъ, — неисправившіеся и неисправимые, полны предразсудковъ стараго режима. Либеральныя взгляды лишь у одного герцога Орлеанскаго; на прочихъ нечего надѣяться.

Въ теченіе этого же вечера Александръ обѣщалъ м-ше де-Сталь, что на предстоящемъ конгрессѣ потребуетъ уничтоженія невольничества.

— За главою страны, въ которой существуетъ крѣпостничество, — замѣтилъ при этомъ государь, — не признаютъ права явиться посредникомъ въ дѣлѣ освобожденія невольниковъ; но каждый день я получаю хорошія вѣсти о внутреннемъ состояніи моей имперіи, и, съ Божьею помощію, крѣпостное право будетъ уничтожено еще въ мое царствованіе.

И становится вполне понятнымъ, что послѣ всего выслушаннаго отъ Александра м-ше де-Сталь могла воскликнуть: «Что за человекъ этотъ императоръ Россіи! Безъ него мы не имѣли бы ничего похожаго на конституцію!»

Въ Лондонѣ же, примѣнительно къ англійскимъ нравамъ, Александръ просилъ лорда Грея представить ему «проектъ созданія въ Россіи оппозиціи». Подобная просьба, помимо ея необычайности, тѣмъ болѣе поражаетъ въ устахъ Александра, что, при его ревнивомъ отношеніи къ своей власти, онъ не прощаль и тѣни противорѣчія себѣ. Вообще къ Александру — за границей и къ Александру — у себя дома можетъ быть вполне примѣнима справедливая замѣтка П. И. Бартевева, что самодержецъ-либераль бывало вставалъ и кланялся слугѣ, принимая отъ него стаканъ воды, а въ войскахъ у него постоянно процвѣтала такъ называемая «зеленая роща».

Дѣйствуя въ качествѣ великодушнаго завоевателя, безкорыстнаго союзника, просвѣщеннаго либерала, Александръ не обращалъ вниманія на то, что часто его образъ дѣйствій долженъ былъ производить тяжелое впечатлѣніе на его коренныхъ подданныхъ. Въ такихъ случаяхъ онъ какъ-бы пренебрегалъ ихъ мнѣніемъ и любовью. А между тѣмъ эти случаи вызывали въ русскихъ горькое чувство и, оскорбляя ихъ самолюбіе, отдаляли ихъ отъ государя.

Такъ, во время пребыванія въ Парижѣ въ 1814 году, пока Александръ стремился снискать популярность среди французовъ и находившихся въ Парижѣ поляковъ, побѣдоносныя русскія войска претерпѣвали различныя испытанія и лишенія. «Во все время пребыванія нашего въ Парижѣ часто дѣлались наряды, — пишетъ очевидецъ Н. Н. Муравьевъ, — такъ что солдату въ Парижѣ приходилось труднѣе, чѣмъ въ походѣ. Побѣдителей морили голодомъ и держали какъ-бы подъ арестомъ въ казармахъ. Парижской національной гвардіи приказано

было брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда ихъ встрѣчали на улицѣ, отъ чего произошло много дракъ, въ которыхъ большею частью наши оставались побѣдителями. Но такое обращеніе съ солдатами отчасти склонило ихъ къ побѣгамъ, такъ что при выступленіи нашемъ изъ Парижа множество изъ нихъ осталось во Франціи. Офицеры также имѣли своихъ притѣснителей. Особенно отличался генераль Сакенъ, который былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Парижа и всегда держалъ сторону французовъ. Комендантомъ Парижа сдѣлали Рошешуара, флигель-адъютанта государева. Онъ былъ родомъ французъ и въ числѣ тѣхъ, которые во время революціи оставили отечество свое подъ предлогомъ преданности къ своему изгнанному и неспособному королю, но въ сущности, какъ многіе судили, съ единственною цѣлью миновать бѣдствія и труды, которые соотечественники ихъ переносили для спасенія Франціи. Рошешуаръ дѣлалъ всякія неприятности русскимъ офицерамъ, почему его и не терпѣли. Онъ окружилъ себя французами, которыхъ поддерживалъ, и давалъ имъ всегда преимущество предъ нашими».

Строгости въ отношеніи русскихъ войскъ продолжались и послѣ вторичнаго занятія Парижа союзными войсками. Черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда Александра въ Парижъ, 29-го іюля, одна гренадерская и одна кирасирская дивизіи съ торжествомъ вступили въ столицу Франціи. Во время церемональнаго марша нѣкоторыя части сбились съ ноги, за что полковые командиры были арестованы. Надо замѣтить, что въ тотъ день во дворцѣ у императора въ караулѣ были англичане; поэтому Ермоловъ предложилъ государю, что, буде дѣйствительно угодно арестовать тѣхъ полковниковъ, то, по крайней мѣрѣ, посадить ихъ въ русскую караульную, дабы не срамить нашего имени. «Нѣтъ,—отвѣчалъ императоръ,—пусть они для большаго стыда будутъ содержаны у англичанъ».

Арестъ полковыхъ командировъ за столь ничтожную вину произвелъ на русскія войска самое тягостное впечатлѣніе. Вечеромъ Ермоловъ встрѣтилъ въ театрѣ великихъ князей Николая и Михаила Павловичей и подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ всего произошедшаго не могъ удержаться, чтобы не сказать имъ:

— Развѣ полагаете, ваши высочества, что русскіе военные служатъ государю, а не отечеству? Они пришли въ Парижъ защищать Россію, а не для парадовъ. Таковыми поступками нельзя пріобрѣсти привязанности арміи.

Отношеніе Александра къ Россіи и русскимъ отразилось и въ пресловутой варшавской рѣчи 1818 года, произнесенной имъ по случаю открытія перваго сейма. Въ этой рѣчи передъ лицомъ всей Европы и, въ частности, по адресу Россіи, давалось понять, что Россія въ поли-

тическомъ отношеніи не дозрѣла до тѣхъ учреждений, которыя оказывалось возможнымъ даровать вновь созданному королевству, но что и она въ свое время получить ихъ. На извѣстную часть русской молодежи эта рѣчь подѣйствовала возбуждающимъ образомъ; но люди болѣе опытные, не способные увлечься громкою фразою, иначе отнеслись къ ней. «Она была оскорбительна для русскаго самолюбія»,—записалъ въ своихъ запискахъ Паскевичъ. «Я думаю, судьба не доведетъ насъ до униженія имѣть поляковъ за образецъ, и все останется при однихъ общаніяхъ всеобъемлющей перемѣны»,—писалъ съ своей стороны Ермоловъ.

Неблагопріятное впечатлѣніе отъ варшавской рѣчи усиливалось различнымъ отношеніемъ государя къ русскимъ и полякамъ. «Въ Варшавѣ,—пишетъ И. Ѳ. Паскевичъ,—русскихъ какъ будто вовсе не было; мы всѣ черезчуръ ступшевывались, на насъ не обращали вниманія и насъ всѣхъ нарочно, вѣроятно, чтобы нравиться полякамъ, держали въ черномъ тѣлѣ,—вездѣ первенствовали поляки: они, будто они одни, представляли собою типъ всѣхъ способностей, у которыхъ русскіе должны будто-бы всему учиться... Русскіе молчаливо, но глубоко затаили оскорбленіе національному своему чувству». «Государь съ поляками обращался ласковѣе, нежели съ русскими»,—замѣтилъ Данилевскій въ дневникѣ, относящемся къ болѣе раннему времени (1816 г.), но старался объяснить это желаніемъ Александра сблизить обѣ народности. Въ Польшѣ государь награждалъ войска вчетверо болѣе противъ русскихъ, т. е. вмѣсто рубля мѣди жаловалъ рядовымъ по рублю серебра. «Щедрость его распространялась даже на польскихъ инвалидовъ, изувѣченныхъ, конечно, не для защиты Россіи». «Во время своего пребыванія въ Пулавахъ, въ гостяхъ у Чарторижскихъ, въ 1805 году, Александръ придерживался этикета только въ присутствіи русскихъ военныхъ и дипломатическихъ чиновниковъ, а, оставаясь въ кругу польскаго общества, держалъ себя въ высшей степени просто и непринужденно.

Если сопоставить все сказанное, то не покажется особенно неожиданнымъ, что Александръ не любилъ воспоминаній объ отечественной войнѣ. Онъ не посѣтилъ ни одного классическаго мѣста войны 1812 г., Бородина, Тарутина, Мало-Ярославца и другихъ, хотя изъ Вѣны ѣздилъ на Ваграмскія и Аспернокія поля, а изъ Брюсселя въ Ватерло. «Достоинно примѣчанія,—пишетъ Михайловскій-Данилевскій въ своихъ запискахъ,—что государь не любитъ вспоминать объ отечественной войнѣ и говорить о ней, хотя она составляетъ прекраснѣйшую страницу въ громкомъ царствованіи его». Въ другомъ мѣстѣ Данилевскій пишетъ: «Сегодня имѣлъ я новое доказательство, какъ императоръ не любитъ вспоминать объ отечественной войнѣ. Генералъ Толь, смотря съ Монтеме (во время торжествъ при Вертю) на выстроившуюся армію, ска-

заять его величеству: «Какъ пріятно, что сегодня память Бородинскому сраженію». Государь не отвѣчалъ ни слова и отвернулся. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ лейбъ-медикъ Вилліе и, сдѣлавъ замѣчаніе почти такого же содержанія, получилъ такой же молчаливый отвѣтъ».

Какъ симпатіи къ иностранцамъ и ко всему нерусскому вообще, такъ и роль великодушнаго завоевателя и безкорыстнаго союзника не могли совмѣщаться съ преслѣдованіемъ въ политикѣ чисто русскихъ интересовъ. Къ тому же Александръ, въ противность своей великой бабкѣ, и не задавался какими бы то ни было широкими политическими замыслами. Трудно даже сказать, въ чемъ онъ видѣлъ историческое призваніе Россіи, въ чемъ полагалъ ея насущные политическіе интересы. Силы Россіи являлись въ его представленіи лишь средствомъ, ниспосланнымъ ему Провидѣніемъ и позволявшимъ ему воплощать въ себѣ, въ глазахъ изумленной Европы, идеалъ просвѣщеннаго государя - либерала, великодушнаго завоевателя, безкорыстнаго союзника, врага тиранніи и друга свободы. Въ 1801 году Александръ объявилъ Дюроку, что ему лично ничего не нужно, и что желаетъ только содѣйствовать спокойствію Европы. Затѣмъ, нѣсколько позднѣе, въ 1802 году, онъ высказалъ, что Россія не имѣетъ надобности въ союзѣ для собственныхъ выгодъ, но если бы она могла пріобрѣсти полезное вліяніе на дѣла Европы, то это было бы весьма прилично. Въ манифестѣ же 30-го августа 1806 г. было торжественно провозглашено, что неизмѣннымъ основнымъ началомъ политики императора Александра является безкорыстіе. И, въ ущербъ интересамъ Россіи, онъ остался вѣренъ этому красивому началу: онъ отказался отъ присоединенія къ Россіи польскихъ областей Пруссіи, противъ воли долженъ былъ покорить Финляндію, но зато отдалъ ей чисто русскую губернію—Выборгскую, создалъ герцогство Варшавское, выступалъ столь яркимъ полонофиломъ, что Наполеону приходилось сдерживать его порывы; обдумывалъ присоединеніе къ царству Польскому западныхъ губерній, мечталъ о созданіи великаго княжества Литовскаго; защищая въ Тильзитѣ интересы Пруссіи, по собственному признанію, часто забывалъ, что онъ русскій, и т. д. Позднѣе, когда на сцену выступилъ Меттернихъ, Александръ дотого отрѣшався отъ русскихъ интересовъ, что приводилъ австрійскаго канцлера въ восторгъ и изумленіе. «Все это слишкомъ хорошо,—писалъ по этому поводу Меттернихъ,—и если бы я не ощупывалъ себя, то подумалъ бы, что мною играетъ мечта». Однимъ словомъ, внѣшняя политика Россіи въ царствованіе Александра I можетъ быть опредѣлена слѣдующими мѣткими словами графа Ростопчина: «Россія — это быкъ, съ котораго сдираютъ шкуру, котораго пожираютъ и изъ котораго готовятъ бульонный экстрактъ для другихъ народовъ».

VI.

Когда въ первомъ часу по полуночи съ 11-го по 12-е марта 1801 г. графъ Паленъ явился въ Михайловскомъ замкѣ къ наслѣднику съ извѣстіемъ о кончинѣ императора Павла, горестъ Александра Павловича была не-описанная. Съ трудомъ графъ Паленъ уговорилъ его выйти къ Преображенскому и Семеновскому полкамъ.

— Довольно быть ребенкомъ,—сказалъ графъ Паленъ,—ступайте царствовать, покажитесь гвардіи!

Исполнивъ желаніе военнаго губернатора, новый государь въ сопровожденіи Константина Павловича переѣхалъ изъ Михайловскаго замка въ Зимній дворецъ въ два часа по полуночи.

Когда утромъ 12-го марта 1801 года узнали о воцареніи Александра, какое-то восторженное настроеніе охватило населеніе столицы. На улицахъ люди плакали отъ радости, обнимая другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенія. Лучшимъ выраженіемъ впечатлѣнія, произведеннаго восторженіемъ на престолъ Александра, служатъ слѣдующія строки изъ письма императрицы Елизаветы Алексѣевны: «Все тихо и спокойно, если не говорить о почти безумной радости, охватившей всѣхъ отъ послѣдняго мужика до высшихъ слоевъ общества... Я дышу свободно вмѣстѣ со всею Россією».

«Вся мыслящая Россія восторженно встрепенулась при извѣстіи о воцареніи Александра. Всѣ умы и сердца успокоились, пишетъ А. С. Шишковъ. Восторгъ былъ всеобщій и искренній и, по свидѣтельству современниковъ, выходилъ даже изъ предѣловъ благопристойности. Общество какъ-бы возрождалось къ новой жизни, очнувшись отъ терроризма чело-вѣка, который четыре года, не вѣдая, чтѣ творить, мучилъ Богомъ ввѣренное ему царство. Природа какъ-бы участвовала въ общей радости: до 12-го марта погода была сырая и пасмурная, съ воцареніемъ же Александра засіяло солнце надолго». Всѣ съ упованіемъ взирали на юнаго государя: молодой, прекрасный собою, съ кроткимъ и задумчивымъ взглядомъ, застѣнчивый и привѣтливый, онъ могъ очаровать всѣхъ. Россія увидала исполненіе пророческаго Державинскаго стиха:

«Будь на тронѣ чело-вѣкъ».

Ужасныя мысли о тюрьмахъ, пыткахъ, ссылкахъ разсѣялись, какъ зловѣщіе призраки; ихъ замѣнила надежда на народное благосостояніе и на личную безопасность.

Люди самыхъ противоположныхъ мнѣній и направленій встрѣтили воцареніе Александра съ одинаковыми радостными чувствами и искренними привѣтствіями.

Однако самъ Александръ былъ неутѣшенъ. Въ виду настроенія окружающихъ, онъ былъ вынужденъ скрывать отъ всѣхъ свое горе; онъ часто запирался въ самую отдаленную комнату дворца и тамъ, отдаваясь своему горю, выпускалъ глухіе стоны, обливаясь потоками слезъ. И долго впоследствии, среди самыхъ пышныхъ торжествъ, воспоминаніе о ночи съ 11-го на 12-е марта 1801 г. не покидало его. Онъ не переставалъ упрекать себя, на него находили даже моменты оцѣпенѣнія, такъ что приходилось опасаться за его рассудокъ.

— Всѣ непріятности и огорченія, какія мнѣ случатся въ жизни моей, я ихъ буду носить, какъ крестъ,—сказалъ онъ вскорѣ по своемъ воцареніи.

При такихъ-то условіяхъ вступилъ на престолъ Александръ. Онъ напоминалъ собою молодого неопытнаго помѣщика-мечтателя, «страстного вольтерьянца», проникнутаго намѣреніемъ измѣнить весь строй жизни въ доставшейся ему вотчинѣ и сгорающаго желаніемъ поскорѣе провести свои идеи въ жизнь. Но работы, предстоявшей ему, такъ было много, что онъ не зналъ, за чтѣмъ взяться... «Онъ не составилъ себѣ никакого плана», сказалъ гр. Строгановъ со словъ графа Кочубея, характеризуя первыя начинанія императора Александра. Но онъ уповалъ, пишетъ Н. К. Шильдеръ,—«что онъ сдѣлаетъ Россію счастливою, что онъ отдастъ ей лучшіе годы, лучшія силы, замолитъ грѣхъ, совершенный чужими руками, а затѣмъ, благословляемый народомъ, исполнивъ завѣтныя мечты, сойдетъ съ выпавшаго на его долю блестящаго поприща и разстанется съ царскимъ вѣнцомъ, который сдѣлался для него неизсякаемымъ источникомъ скорби и сожалѣній».

Великодушныя слова: «отмѣнить, простить, возвратить» градомъ посыпались съ высоты престола. Цѣлый рядъ «освободительныхъ» манифестовъ ознаменовалъ собою время съ 14-го марта по 30-е мая 1801 г.

Для обсужденія вопроса о предполагаемомъ преобразованіи государственнаго строя Россіи былъ учрежденъ въ маѣ 1801 года особый «негласный комитетъ». Этотъ комитетъ и долженъ былъ заняться «реформой безобразнаго зданія администраціи имперіи», имѣя въ виду желанную цѣль Александра—«обуздать деспотизмъ нашего правительства».

Въ особомъ рескриптѣ государемъ было заявлено, что начало и источникъ народнаго блаженства онъ поставляетъ въ единомъ законѣ, «бывъ удостовѣренъ въ той истинѣ, что всѣ другія мѣры могутъ сдѣлать въ государствѣ счастливыя времена, но одинъ законъ можетъ утвердить ихъ на вѣки».

Александръ какъ-бы хотѣлъ вселить во всѣхъ сознаніе, что законъ выше всего и выше всѣхъ, даже выше его, источника законовъ. «Какъ скоро я себѣ позволю нарушить законы, кто тогда почтетъ за обязанность почитать ихъ?» писалъ въ то время государь. «Быть выше ихъ, если бы

я могъ, но, конечно бы, не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала: напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ первѣе всѣхъ наблюдать за исполненіемъ его, и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только правосуднымъ».

Александръ въ эту пору своей жизни представлялъ вообще явленіе необычайное въ русской исторіи и обнаружилъ столько искренняго желанія добра и справедливости, что именно поэтому возбудилъ къ себѣ сочувствіе и уваженіе всѣхъ честныхъ людей не только въ Россіи, но и въ Европѣ. «Это чувство, замѣчаетъ современникъ александровской эпохи, и эта ревность къ общему благу хотя и не были обильны результатами, тѣмъ не менѣе сдѣлали то, что имя его будетъ съ честью жить въ исторіи».

Начало царствованія Александра, судя по тому впечатлѣнію, которое оно произвело на современниковъ, можно сравнить съ пышной зарей, обѣщавшею чудный солнечный день. Подъ вліяніемъ всего, что говорилъ и дѣлалъ государь, все какъ-бы оживало, возрождаясь къ новой жизни.

Вся та лихорадочная поспѣшность, съ которою Александръ въ первыя недѣли своего царствованія заявлялъ о своемъ образѣ мыслей, не могла быть продолжительна въ силу одного своего напряженія и указывала на возможность вполнѣ естественной реакціи. Быть можетъ, даже поворотъ въ обратную сторону или, вѣрнѣе сказать, охлажденіе и равнодушіе къ столь занимавшему его дѣлу наступили ранѣе, чѣмъ этого можно было ожидать по началу. Главныхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ въ Александрѣ произошелъ полный переломъ, было нѣсколько. Прежде всего возможность подобнаго перелома коренилась въ самой натурѣ Александра: по свидѣтельству историка, весь отвлеченный или идеалистическій либерализмъ Александра уживался въ его умѣ, уже въ дни юности, съ стремленіями и симпатіями совершенно противоположнаго свойства. Нуженъ былъ только толчекъ, чтобы эти свойства получили преобладающее значеніе; въ первое время по воцареніи Александра этотъ толчекъ былъ данъ быстро назрѣвшимъ сознаниемъ трудностей, съ которыми было бы сопряжено осуществленіе реформъ, задуманныхъ въ порывѣ юношескаго увлеченія, и, — какъ это ни странно, — рѣчами и совѣтами Лагарпа. Дѣйствительно, Лагарпъ, пріѣхавшій въ 1801 году къ своему вѣнценосному воспитаннику, былъ уже «далеко не тотъ якобинецъ, который смущалъ русское придворное общество въ 1794 году». «Опытъ управленія Гельветическою республикою, — пишетъ Н. К. Шильдеръ, — оказалъ свою долю вліянія на образъ мыслей бывшаго правителя ея. Отнынѣ Лагарпъ сталъ предостерегать своего воспитанника противъ призрачной свободы народныхъ собраній и противъ либеральныхъ увлеченій вообще; онъ убѣждалъ Александра дорожить своею властью, видоизмѣняя ее мало-по-малу мудрыми и прочными учрежденіями. Для подкрѣпленія своихъ

доводовъ Лагарпъ указывалъ на примѣръ Пруссіи, нашедшей тайну соединить абсолютизмъ съ законностью и порядкомъ. Окончательно всѣ совѣты Лагарпа сводились теперь къ одному основному началу—твердой и непоколебимой власти, но, конечно, отнюдь не въ смыслѣ реакціи».

Всѣ совѣты Лагарпа заключались старымъ приговомъ, что «единственный вѣрный другъ монарха—его собственное здравое разсужденіе». Легко себѣ представить, какое впечатлѣніе эти слова должны были произвести на подозрительнаго, недоувѣрчиваго Александра! Такимъ образомъ оказывалось, что, «противно всѣмъ опасеніямъ его недоброжелателей, Лагарпъ сталъ играть роль ревниваго охранителя независимости Александра, предостерегать его отъ политическихъ увлеченій и совѣтовать не отступать отъ спокойнаго благоразумія. Что касается возбужденнаго тогда императоромъ Александромъ вопроса о правахъ Сената, то Лагарпъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ расширенія его правъ, усматривая въ этомъ западню, поставленную государю немедленно по его вступленіи на престолъ».

Осторожность и постепенность признавались Лагарпомъ необходимыми и въ крестьянскомъ вопросѣ, который, по его словамъ, «легко рѣшаютъ въ кабинетѣ, но съ величайшимъ трудомъ—въ дѣйствительной жизни. Во всякомъ случаѣ вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ постепенно, безъ шума и тревоги, а главное—безъ малѣйшаго посягательства на права собственности». Лагарпъ простиралъ свою осторожность въ крестьянскомъ дѣлѣ дотога, что совѣтовалъ даже государю всѣ относящіяся къ нему мѣры называть не иначе, какъ только улучшеніемъ или упрощеніемъ экономическаго быта, всячески избѣгая словъ: свобода, воля, освобожденіе.

Такимъ образомъ, совѣты Лагарпа, побуждавшіе Александра быть на-сторожѣ, подозрѣвать какіе-то замыслы противъ себя и бояться возможныхъ опасностей, естественно должны были, при характерѣ Александра, отвращать его отъ дѣла внутренняго устройства Россіи, которому онъ хотѣлъ—было посвятить себя. Вскорѣ затѣмъ «парадоманія» «экзерцирмейстерство», привитыя гатчинской кордегардіей и приведшія къ Мемельскому свиданію со всѣми его послѣдствіями, а также и увлеченіе вѣншею политикой окончательно отвлекли его вниманіе отъ заботъ о внутреннемъ положеніи Россіи. Ему открывалась и его манила другая арена, болѣе широкая, болѣе блестящая—арена всемірной исторіи, сулившая болѣе громкую славу. На этотъ путь его особенно толкалъ Чарторыйскій, проповѣдывавшій, что единственная политика въ грандіозномъ стилѣ, достойная такого монарха, какъ Александръ, заключается въ томъ, чтобы пробудить въ Европѣ чувство солидарности и уваженія къ международному праву и поднять знамя во имя высшихъ принциповъ. Къ сожалѣнію, Александръ не обратилъ вниманія на то,

что сущность грандіозной политики въ стилѣ поляка-патріота, которому онъ вручилъ управленіе иностранными дѣлами Россіи, заключалась въ борьбѣ за интересы Польши. Вступивъ на новый путь, Александръ постепенно забрасывалъ свои первоначальные планы. И если — и то только въ первую половину своего царствованія, — онъ моментами какъ-бы снова интересовался ими, это носило характеръ случайности, быть можетъ, невольной дани его юношескимъ увлеченіямъ. И такъ, къ нимъ всецѣло можетъ быть примѣненъ отзывъ, высказанный Балашевымъ, относительно «молодыхъ наперсниковъ александровыхъ», составлявшихъ интимный кружокъ друзей и совѣтниковъ государя въ первое время по восшествіи его на престолъ. «Они, пожалуй, и умные люди, но лунатики. Посмотрѣть на нихъ, такъ надвишься: одинъ ходитъ по самому краю высокой крыши, другой по оконечности крутого берега надъ бездною; но назови любаго по имени, онъ очнется, упадетъ и расшибется въ прахъ».

Вскорѣ послѣ вступленія Александра на новый путь, его постигъ страшный ударъ — унизительное для него лично Аустерлицкое пораженіе. Аустерлицкій погромъ произвелъ въ характерѣ Александра рѣзкій переломъ и окончательно сдѣлалъ невозможнымъ всякій возвратъ къ прошлому. По этому поводу современникъ пишетъ: «Аустерлицкая баталія сдѣлала великое вліяніе надъ характеромъ Александра, и ее можно назвать эпохою въ его правленіи. До того онъ былъ кротокъ, довѣрчивъ, ласковъ, а тогда сдѣлался подозрителенъ, строгъ до безмѣрности, неприступенъ и не терпѣлъ уже, чтобы кто говорилъ ему правду; къ одному графу Аракчееву имѣлъ полную довѣренность, который по жестокому своему свойству приводилъ государя на гнѣвъ и тѣмъ отвлекъ отъ него людей, истинно любящихъ его и Россію».

Помимо того Аустерлицкое сраженіе, такъ сказать, перемѣстило центръ тяжести внѣшней политики Александра. Какъ уже упомянуто выше, Александръ не простилъ Наполеону своего пораженія 20-го ноября 1805 года. Мысль о низверженіи Наполеона всецѣло завладѣла умомъ Александра, и въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ всѣ силы Россіи были напряжены для достиженія этой цѣли. Избравъ Александра своимъ орудіемъ для низверженія Наполеона, судьба обезпечила ему двойное торжество: побѣду надъ Наполеономъ и славу «освободителя Европы», увѣнчавшую его дѣятельность въ области политики въ грандіозномъ стилѣ.

VII.

Во время десятилѣтняго упорнаго преслѣдованія одной цѣли — униженія Наполеона, Александру приходилось переживать тяжелыя мину-

ты, когда ему должно было казаться, что всё его усилія напрасны, и что Наполеонъ, въ концѣ концовъ, все-таки, восторжествуетъ. Въ особенности его приводило въ безнадежное отчаяніе занятіе французами Москвы и положеніе союзныхъ армій послѣ Люценскаго, Бауценскаго и Дрезденскаго сраженій въ 1813 году. И вотъ подъ вліяніемъ всего пережитаго имъ въ эти минуты въ немъ совершился неожиданный переломъ: онъ впалъ въ религіозность. До этого времени онъ относился къ вопросамъ религіи довольно безучастно, что самъ онъ объяснялъ условіями, въ которыхъ воспитывался.

— Приставленные ко мнѣ лица, — говорилъ онъ, — имѣли нѣкоторыя добрыя качества, но не были вѣрующими христіанами, и потому первоначальное воспитаніе мое не было соединено съ какими-либо глубокими нравственными впечатлѣніями; сообразно съ обычаями нашей греческой церкви, меня приучили формально повторять утромъ и вечеромъ извѣстныя заученныя молитвы; но этотъ обычай, нисколько не удовлетворявшій внутреннимъ потребностямъ моего религіознаго чувства, скоро надоелъ мнѣ. Случалось между тѣмъ не разъ, что я, ложась спать, живо чувствовалъ въ душѣ свои грѣхи и разные нравственные недостатки своего образа жизни; возникавшее при этомъ сердечное раскаяніе пробуждало во мнѣ потребность вставать съ постели и среди ночной тишины бросаться на колѣна, чтобы со слезами просить у Бога прощенія и силъ для большей бдительности надъ собою на будущее время. Это сердечное сокрушеніе продолжалось нѣсколько времени; но мало-помалу, при отсутствіи нравственной поддержки со стороны окружающихъ лицъ, я сталъ рѣже и слабѣе чувствовать въ себѣ эти спасительныя движенія благодати; вмѣстѣ съ мірскою разсѣянностію грѣхъ сталъ болѣе и болѣе владычествовать въ моей душѣ. Но вотъ наступили тяжелыя испытанія 1812 года, — признавался государь, — Господь снова призвалъ меня, по любви и милосердію своему, и прежнія движенія благодати возобновились въ сердцѣ моемъ съ новою силою. Въ это время одно благочестивое лицо посоветовало мнѣ приняться за чтеніе Священнаго Писанія и дало мнѣ въ руки Библію, находя, что слова ея вливаютъ новый, прежде никогда не испытанный миръ въ мое сердце и удовлетворяютъ жаждѣ души моей. Господь, по благости своей, даровалъ мнѣ Духомъ Своимъ разумѣть то, что я читалъ; этому-то внутреннему назиданію и озаренію я обязанъ всѣми духовными благами, приобретенными мною при чтеніи божественнаго слова, — вотъ почему я смотрю на внутреннее озареніе или наставленіе отъ Святаго Духа, какъ на самую твердую опору спасительнаго богопознанія.

— Я жилъ и развлекался, — изливалъ Александръ свое сердце въ бесѣдѣ съ прусскимъ епископомъ Эйлертомъ, — но пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, — продолжалъ онъ съ воодушевленіемъ и возвышая

голосъ,—и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ наполнилъ мое сердце теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я позналъ Бога, какъ открываетъ его Священное Писаніе; съ тѣхъ поръ я понялъ и понимаю Его волю и законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе только Ему и распространенію Его славы. Съ тѣхъ поръ я сталъ другой; искупленію Европы отъ гибели обязанъ я собственнымъ искупленіемъ и освобожденіемъ.

Неизмѣнное въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ стремленіе низвергнуть Наполеона превращало послѣдняго въ глазахъ Александра въ какого-то могучаго титана, бороться съ которымъ было возможно лишь при помощи сверхъестественныхъ силъ.

— Послѣ Люцена, Бауцена и Дрездена,—разсказывалъ онъ,—когда намъ, послѣ напрасныхъ усилій и несмотря на геройскую храбрость нашихъ войскъ, все-таки приходилось отступать, у вашего короля и у меня явилось убѣжденіе, что человѣческими усиліями ничего нельзя достигнуть, и что Германія потеряна, если Божественное Провидѣніе насъ не поддержитъ и не благословитъ. Молча и погруженные въ размышленія мы ѣхали рядомъ одни, король и я. Тогда мой лучший другъ прервалъ молчаніе и сказалъ: «Это должно пойти иначе; мы двигаемся на востокъ, а мы намѣрены были и должны идти на западъ. И это случится съ Божіею помощью. Но если, какъ я надѣюсь, Всевышній благословитъ наши общія усилія, то мы должны будемъ сознаться передъ лицомъ свѣта, что Ему одному принадлежитъ слава успѣха».

Такимъ образомъ счастливый исходъ войны съ Наполеономъ долженъ былъ окончательно укрѣпить вѣру императора Александра.

Съ тѣхъ поръ, возносясь духомъ къ Богу, Александръ, по его словамъ, отрѣшился отъ всѣхъ земныхъ наслажденій и, призывая къ себѣ на помощь религію, приобрѣлъ то спокойствіе, тотъ міръ душевный, который—признавался онъ въ 1818 году графинѣ С. И. Соллогубъ,—онъ не промѣнялъ бы ни на какія блаженства здѣшняго міра. Но миръ, водворившійся въ душѣ императора Александра, не былъ благодатнымъ миромъ, обеспечивающимъ процвѣтаніе и преуспѣяніе народовъ. Напротивъ, онъ какъ-бы усыплялъ всѣ его бывшія мечты о внутреннемъ устройствѣ Россіи. Это же глубокое душевное спокойствіе обусловило и широкую вѣротерпимость Александра, сказавшюся прежде всего въ уравненіи, въ административномъ отношеніи, государственной православно-религіи не только съ прочими христіанскими исповѣданіями, но даже и съ нехристіанскими. Рисуя «усладительную» картину терпимости вѣрѣ въ Россіи, о которой Александръ часто и съ особеннымъ удовольствіемъ говорилъ, какъ «ревностнѣйшій ея защитникъ», Михайловскій-Данилевскій въ другомъ мѣстѣ своихъ воспоминаній передаетъ слѣду-

ющее замѣчаніе принца Гессенъ-Гомбургскаго, высказанное имъ государю и относящееся къ его путешествію по Крыму:

— «Я,—говорилъ онъ,—протестантъ, со мною въ коляскѣ сидѣлъ графъ Кламмъ, католикъ, на козлахъ былъ кучеръ русскій, слѣдственно, греческаго исповѣданія, фореиторъ былъ еврей, а переводчикъ, подлѣ меня ѣхавшій, магометанинъ».

Хотя Александръ, ставшій религіознымъ, утверждалъ, что религія—проста, что правила ея доступны людямъ самымъ простымъ и самымъ просвѣщеннѣйшимъ, и что одни только безпокойные умы находятъ отраду въ тонкостяхъ, которыхъ и сами не понимаютъ, тѣмъ не менѣе вскорѣ его собственныя вѣрованія приняли мистическій оттѣнокъ, и послѣ 1815 года правительство стало открыто покровительствовать мистическому направленію. «Мистическая вздорологія», какъ назвалъ Карамзинъ новое направленіе, приводила къ такимъ увлеченіямъ, что даже вызывала у цесаревича Константина Павловича опасеніе, какъ-бы «не вышло у насъ, такъ сказать, шоуен аге».

VIII.

Съ заточеніемъ Наполеона на островъ Св. Елены, цѣль, которой императоръ Александръ добивался въ продолженіе цѣлыхъ двѣнадцати лѣтъ съ рѣдкими упорствомъ и настойчивостью, была наконецъ достигнута. Какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ съ большинствомъ людей, онъ долженъ былъ ощутить пустоту въ своей жизни. «Весь запасъ твердой воли Александра оказался потраченнымъ на борьбу съ Наполеономъ, потребовавшую высшаго напряженія всѣхъ его духовныхъ и физическихъ силъ, и ничего нѣтъ удивительнаго, что у государя проявились крайняя усталость и душевное утомленіе».

Къ этому присоединялись и утомленіе жизнью, подмѣненное въ немъ Меттернихомъ, и безотрадный взглядъ на людей, постепенно выработавшійся у Александра и въ корнѣ подкашивавшій малѣйшій великодушный порывъ.

«Опытъ убѣдилъ его, что употребляли во зло расположеніе его къ добру; язвительная улыбка равнодушія явилась на устахъ его, скрытность заступила мѣсто откровенности, и любовь къ уединенію одѣлалась господствующею его чертою; онъ обращаетъ теперь врожденную ему пронизательность преимущественно къ тому, чтобы въ другихъ людяхъ открывать пороки и слабости, предугадывать пагубныя намѣренія ихъ и изыскивать средства отъ нихъ уклоняться. Перестали довѣрять его

ласкамъ, если онъ кому-либо ихъ оказывалъ, и престонародное слово «надувать» сдѣлалось при дворѣ общимъ; можетъ-быть, оно не для всѣхъ будетъ понятно, но кто знаетъ хорошо нашу эпоху, согласится, что оно есть лучшая характеристика оной. Онъ употребляетъ теперь своихъ генераловъ и дипломатовъ не какъ совѣтниковъ своихъ, но какъ исполнителей своей воли; они боятся его, какъ слуги своего господина.

«Люди, всё безъ исключенія, эгоисты, и каждый домогается только своихъ скрытыхъ видовъ, пока его не пересоздастъ, не возродитъ христіанство. Хуже всего, что люди обыкновенно скрываютъ это отъ другихъ и отъ самихъ себя и стараются увѣрить себя, что служатъ общему благу, тогда какъ побужденіемъ ихъ дѣйствій являются гнѣздящіяся въ глубинѣ ихъ души тщеславіе, честолюбіе и корыстолюбіе». «Людская благодарность такъ же рѣдко встрѣчается, какъ бѣлый воронъ», высказалъ Александръ въ другомъ случаѣ.

Все это приводило къ разочарованности, апатіи... «Бремя короны» стало «страшно тяготить» Александра, и, по собственному признанію, онъ готовъ былъ бы сбросить его съ себя. Постепенно мечты объ удаленіи въ частную жизнь возродились съ новою силою. «Я скоро переселюсь въ Крымъ и буду жить частнымъ человѣкомъ», сказалъ какъ-то Александръ.—Я отслужилъ 25 лѣтъ, и солдату въ этотъ срокъ даютъ отставку». Государь становился все задумчивѣе и мнительнѣе; свойственная ему подозрительность все усиливалась. На него часто находили припадки мрачнаго настроенія, которое онъ какъ-бы пытался разсѣять непрерывными разъѣздами, непрерывной смѣной новыхъ впечатлѣній. Настроеніе это лишь усиливалось несомнѣннымъ фактомъ, что недовольство внутри Россіи растетъ. Къ тому же Александръ самъ сознавалъ, что внутренняя жизнь Россіи требуетъ самыхъ неусыпныхъ заботъ. «Но когда подумаю, — признавался онъ Лубяновскому, — какъ мало еще сдѣлано внутри государства, то эта мысль ложится мнѣ на сердце, какъ десяти-пудовая гири. Отъ этого устаю». Все это вмѣстѣ взятое утомляло, казалось скучнымъ, надоедливымъ и лишь укрѣпляло вполне естественное желаніе какъ-нибудь сбросить это бремя... И постепенно Александръ, какъ выразился Вигель, сталъ похожъ на господина, который, накучивъ самъ управлять имѣніемъ, сдать все на руки строгаго управителя, будучи увѣренъ, что при немъ крестьяне не избалуется.

Александръ въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія, — «погрузившійся въ мистическія созерцанія», — уже не былъ и не могъ быть Александромъ прежнихъ лѣтъ, — пишетъ Н. К. Шильдеръ, — онъ искалъ отнынѣ не смѣлыхъ реформаторовъ, а прежде всего исправныхъ дѣлопроизводителей, бдительныхъ и строгихъ блюстителей вѣшняго порядка. При такомъ настроеніи явилась невольная склонность и даже потребность передать бремя заботъ по внутреннему управленію имперіи въ

жесткія руки вѣрнаго друга, довѣріе къ которому было всегда неограниченно. Настало время, когда Карамзинъ имѣлъ полное основаніе писать: «Говорятъ, что у насъ теперь только одинъ вельможа—графъ Аракчеевъ. Богъ съ нимъ и со всѣми». Къ этому же заключенію пришелъ и графъ Ростопчинъ, сказавъ: «Графъ Аракчеевъ есть душа всѣхъ дѣлъ».

Такимъ образомъ тусклая фигура Аракчеева успѣла окончательно заслонить Россію отъ взоровъ Александра.

Утомленный жизнью, Александръ оставался безучастнымъ даже къ такимъ явленіямъ современной ему внутренней жизни Россіи, которыя могли грозить его личной безопасности. Когда въ 1821 году онъ возвратился въ Россію съ Лайбахскаго конгресса, Васильчиковъ успѣшилъ доложить ему о существованіи обширнаго политическаго заговора. Государь выслушалъ эти разоблаченія, которыя, повидимому, не являлись для него неожиданностью, долго оставался задумчивымъ и безмолвнымъ, погружившись въ глубокое и тихое размышленіе; затѣмъ произнесъ слова, имѣющія,—по справедливому замѣчанію Н. К. Шильдера,—важное историческое значеніе:

— Дорогой Васильчиковъ, вы, который находитесь на моей службѣ съ начала моего царствованія, вы знаете, что я раздѣлялъ и поощрялъ эти иллюзіи и заблужденія.

Затѣмъ, послѣ долгаго молчанія, государь прибавилъ:

— Не мнѣ карать!

Слова Васильчикова остались безъ послѣдствій. Та же участь постигла и записку Бенкендорфа, заключающую подробныя свѣдѣнія о заговорѣ и заговорщикахъ, подтвержденныя слѣдственной комиссіей 1826 года. Послѣ кончины императора Александра записка Бенкендорфа была найдена безъ всякихъ помѣтокъ въ кабинетѣ государя въ Царскомъ Селѣ.

Единственное, чѣмъ Александръ продолжалъ интересоваться и заниматься лично — это была вѣйшія политика. Главное его вниманіе въ этой области было обращено на созданіе и поддержаніе Священнаго Союза. По собственнымъ словамъ императора Александра, мысль объ образованіи Священнаго Союза была внушена ему желаніемъ навсегда уничтожить на землѣ войны и пролитіе крови. Въ бесѣдѣ съ однимъ изъ квакеровъ, посѣтившихъ Россію, Гредла, императоръ Александръ признавался, что много ночей проведено имъ безъ сна въ напряженныхъ размышленіяхъ о томъ, какъ-бы осуществить это завѣтное желаніе, и въ глубокой скорби при мысли о безчисленныхъ бѣдствіяхъ и несчастіяхъ, причиненныхъ войною. Въ то время, когда душа его, такимъ образомъ, смирилась въ пламенной молитвѣ къ Спасителю, у него возникла идея пригласить всѣ коронованныя особы къ составленію одного Священнаго Союза, предъ судомъ котораго можно было бы на будущее

время примирять всё вновь возникающія разногласія, вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ мечу и пролитію крови; эта мысль такъ заняла его, что онъ всталъ съ постели, изложилъ письменно свои чувства и стремленія въ этомъ направленіи съ такою живостію и съ такимъ жаромъ, что намѣренія его подверглись со стороны многихъ незаслуженнымъ подозрѣніямъ и перетолкованіямъ, «хотя»,—прибавилъ онъ со вздохомъ,— «теплая любовь къ Богу и людямъ была единственнымъ побужденіемъ, руководившимъ мною».

Уже изъ этихъ словъ императора Александра видно, что многіе изъ его современниковъ были склонны иначе объяснять возникновеніе Священнаго Союза. По всей вѣроятности, такихъ голосовъ раздавалось довольно много, потому что въ бесѣдѣ съ прусскимъ епископомъ Эйлертомъ Александръ снова счелъ нужнымъ протестовать противъ извращенія тѣхъ цѣлей, которыя, по его словамъ, единственно преслѣдовались имъ, какъ творцомъ Священнаго Союза. «Не много людей,—говорилъ онъ,—имѣютъ объ этомъ союзѣ истинное и правильное представленіе, а, напротивъ того, многіе—совершенно ложное; нѣкоторые даже усматриваютъ въ немъ злое намѣреніе и даютъ понять, что за нимъ лукаво скрываются низкія цѣли. Этотъ союзъ вовсе не наше дѣло, а дѣло Божіе. Искупитель самъ внушилъ всё мысли, которыя составляютъ содержаніе этого акта. Всякій, кто не признаетъ и не чувствуетъ этого, всякій, кто видитъ въ этомъ лишь тайные замыслы политики и не различаетъ сятаго дѣла отъ несвятаго, тотъ не имѣетъ голоса въ этомъ вопросѣ, и съ такимъ человѣкомъ нельзя говорить объ этомъ».

Позднѣе, въ разговорѣ съ Шатобріаномъ, императоръ Александръ снова затронулъ вопросъ о толкованіи цѣлей Священнаго Союза, повидимому, сильно занимавшій его, и сказалъ:

— Неужели вы думали, какъ это утверждаютъ наши враги, что союзъ—слово, служащее лишь для прикрытія честолюбія? Это было бы справедливо при прежнемъ порядкѣ вещей, но теперь, когда образованный міръ находится въ опасности, не можетъ быть и рѣчи о какихъ-либо частныхъ выгодахъ.

Къ числу лицъ, не раздѣлявшихъ въ душѣ взгляда государя на побужденія, руководившія имъ въ области внѣшней политики послѣ 1816 года, принадлежалъ и другъ и союзникъ его, король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ, высказавшій однажды, что «истинная цѣль императора заключается очевидно въ желаніи быть посредникомъ въ Европѣ и черезъ это играть первую роль, а чтобы имѣть возможность угрожать—ему хочется сохранить свои многочисленныя арміи»¹⁾.

¹⁾ „Aus dem Leben General's Oldwig von Notzmer“, Berlin, 1876. Извлеченія см. въ „Русской Стар.“ изд. 1888. Іюнь.

Но каковы бы ни были цѣли, которыя преслѣдовалъ Александръ, создавая и поддерживая Священный Союзъ, петербургскій кабинетъ работалъ въ сущности въ пользу австрійской политики. Насколько образъ дѣйствій, усвоенный Россіей въ области внѣшней политики, превосходилъ всѣ желанія злѣйшаго врага Россіи, австрійскаго канцлера Меттерниха, видно изъ его отзывовъ, что императоръ Александръ «просто изъ чернаго сталъ бѣлымъ», что «русскій кабинетъ однимъ ударомъ ниспровергъ великое твореніе Петра Великаго и всѣхъ его преемниковъ»; это же подтверждаютъ и приведенныя нами выше слова его: «Все это слишкомъ хорошо, и, если бы я не оцупывалъ себя, то подумалъ бы, что мною играетъ мечта». Къ сожалѣнію, австрійскія мечты воплощались русской дѣйствительностью.

Впрочемъ, Александръ не скрывалъ отъ себя истиннаго характера своихъ отношеній къ Меттерниху и въ откровенной бесѣдѣ какъ-то признался послѣднему:

— Меня осыпаютъ упреками за то, что я отказался отъ своей независимости и предоставляю вамъ руководить собою.

Поэтому австрійскій канцлеръ имѣлъ полное основаніе замѣтить съ самодовольствомъ, что «фокусъ», выкинутый имъ, не изъ заурядныхъ.

Для осуществленія цѣлей, преслѣдуемыхъ Священнымъ Союзомъ, Александръ не отступалъ и передъ возможностью новыхъ войнъ, несмотря на то, что Россія не оправилась еще отъ послѣдствій цѣлаго ряда войнъ первой половины его царствованія. Такъ онъ предлагалъ свою помощь въ 1821 году Австріи для борьбы съ Неаполемъ и Пиемонтомъ, а въ 1822 году—Франціи для борьбы съ Испаніей. И если русская кровь не пролилась снова за чуждое Россіи дѣло, то въ первомъ случаѣ потому, что борьба въ Пиемонтѣ окончилась прежде, чѣмъ стотысячная русская армія успѣла явиться на помощь Австріи, а во второмъ—потому, что Франція гордо отказалась отъ непрощенной помощи.

Александръ былъ готовъ помогать Австріи поработить Италію несмотря на то, что возможность новой войны была встрѣчена въ Россіи всеобщимъ неудовольствіемъ, и офицеры не желали идти противъ неаполитанцевъ; но въ то же время онъ воздержался отъ активнаго вмѣшательства въ греческій вопросъ, хотя война съ Турціей, по собственному признанію Александра, какъ нельзя болѣе отвѣчала интересамъ его, интересамъ его народовъ и общественному мнѣнію страны, но въ волненіяхъ Пелопоннеза онъ усмотрѣлъ признаки революціи, и, «запуганный революціями», какъ-бы представлялъ задачу Священнаго Союза въ подавленіи всякихъ революціонныхъ движеній, стремившихся, по его мнѣнію, къ низверженію «алтарей и престоловъ». Его убѣдили или самъ онъ былъ убѣжденъ, что долгъ Священнаго Союза подавить между про-

чимъ и греческое движеніе, хотя оно направлялось не противъ христіанскаго, а противъ турецкаго «алтаря и престола». Такимъ образомъ оказывалось возможнымъ, что, по выраженію А. Н. Пыпина, «Священный Союзъ сталъ защищать магометанскій алтарь и престолъ».

Однако, въ концѣ концовъ, и внѣшняя политика перестала интересоваться императора Александра. По крайней мѣрѣ, его слова: «я не былъ бы недоволенъ сбросить съ себя это бремя короны, страшно тяготящей меня», были сказаны имъ уже послѣ Веронскаго конгресса, въ 1824 г. Съ ослабленіемъ же интереса къ внѣшней политикѣ исчезало послѣднее побужденіе, поддерживавшее въ немъ интересъ къ дѣятельной жизни. Если же припомнить при этомъ, что къ послѣднему году жизни Александра относятся петербургское наводненіе 7-го ноября, произведшее на него самое тяжелое впечатлѣніе, и доносъ Шервуда, указывавшій на существованіе обширнаго заговора съ многочисленными развѣтвленіями по всей арміи, то станеть вполне понятнымъ, насколько въ Александрѣ, «разочарованномъ суетностями міра», должно было развиться и усилиться не только утомленіе жизнью, но и отвращеніе къ ней.

Въ такомъ-то нравственномъ состояніи заболѣлъ Александръ въ началѣ ноября 1825 года.

Во время своей болѣзни онъ обнаруживалъ «упрямство въ дѣлѣ лѣченія», упорно отклонялъ совѣты докторовъ, не соглашался дѣлать то, что признавалось ими необходимымъ, отказывался принимать лѣкарства.

— Ступайте прочь,—отвѣчалъ онъ однажды на увѣщанія Вилліе,— у меня свои причины такъ дѣйствовать.

По словамъ того же Вилліе, Александръ, повидимому, искалъ смерти и отказывался отъ всѣхъ средствъ, которыя могли отвратить ее.

Онъ скончался среди полной безучастности ко всему земному, ни единымъ словомъ не затронувъ вопроса о будущей судьбѣ Россіи, оставленной имъ безъ объявленнаго наслѣдника престола.

II.

Россия и Франция въ 1870 г.

(По бумагамъ генерала Флери).

IV ¹⁾.

Политическое положеніе Россіи передъ франко-прусскою войною 1870 г. и во время ея.—Перемѣна правительства во Франціи.—Мнѣніе о немъ императора Александра II.—Великодушное участіе его въ послѣдующей судьбѣ Франціи.

Баронъ Жomini—генералу Флѣри.

С.-Петербургъ, 7-го (19-го) іюля.

Господинъ посланникъ! Намъ сообщаютъ изъ Берлина, что Англія, на основаніи трактата 1856 г., предлагаетъ свое посредничество для заключенія мира ²⁾. Графъ Бисмаркъ ограничился увѣдомленіемъ о полученіи этого предложенія.

Полагаютъ, что король потребуетъ отъ Франціи гарантій для будущаго. Вчера вечеромъ, ожидали объявленія войны.

Это доказываетъ: 1) что переговоры еще продолжаются и 2) что война еще не объявлена.

Непосредственные переговоры, происходящіе между державами, честолюбіе которыхъ возбуждено и раздражено, должны быть замѣнены посредничествомъ дружественныхъ державъ, которыя сообщать той и

¹⁾ См. „Русскую Старину“, іюль 1899 г.

²⁾ Инициативу этого предложенія взялъ на себя лордъ Lyons, англійскій посланникъ въ Парижѣ; первую мысль къ тому подалъ лордъ Лофтусъ, великобританскій посланникъ въ Берлинѣ. Подобное же сообщеніе было сдѣлано въ Петербургѣ англійскимъ посланникомъ, сэромъ А. Бухананомъ и генераломъ Флѣри; императоръ Александръ принялъ его съ готовностью. См. Souvenirs du général Fleury, I, 327.

другой державѣ такія обязательства, которыя удовлетворяютъ обѣихъ. Надобно найти подходящую формулу, она будетъ найдена. Надобно только выиграть время. Дай Богъ, чтобы это удалось!

Генераль Флѣри—Наполеону III.

7-го (19-го) іюля.

Императоръ Александръ просить ваше величество повременить, если возможно, окончательнымъ рѣшеніемъ. Онъ телеграфировалъ сегодня ночью королю прусскому, что онъ присоединяется къ предложенному Англіей посредничеству, основанному на трактатѣ 1856 г.

Царь одушевленъ въ настоящее время самыми дружелюбными наміреніями—мнѣ удалось изгладить полученное имъ первое неблагоприятное впечатлѣніе.

Въ случаѣ войны, онъ обѣщаетъ соблюдать нейтралитетъ подъ условіемъ, чтобы Австрія не принимала въ ней никакого участія.

Императоръ снова говорилъ со мною объ участіи въ данномъ вопросѣ. Онъ одобрилъ бы энергичное воздѣйствіе на Пруссію и присоединился бы къ нему до нѣкоторой степени, чтобы добиться исполненія 5-й статьи пражскаго договора.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 20-го (8-го) іюля 1870 г.

Я получилъ вашу телеграмму отъ 18-го числа. Для начала намъ безусловно необходимъ вооруженный нейтралитетъ Австріи, т. е. 100.000 человекъ въ Богеміи, а впоследствии ея содѣйствіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы можемъ успокоить Россію, и я имѣю поводъ думать, что вѣнскій кабинетъ поспѣшитъ сдѣлать ей съ этой цѣлью нѣкоторыя предложенія, которыя она сочтетъ вѣроятно возможнымъ принять. Мы требуемъ отъ Россіи взаимно этого только нейтралитета. Локалізація войны—терминъ неопредѣленный и стѣснительный и который ничего въ точности не обозначаетъ. Избѣгайте его. Объявленіе войны отправлено въ Берлинъ въ воскресенье; мы обнародовали его здѣсь; завтра оно будетъ сообщено мною державамъ.

Сообщенія, сдѣланнаго палатамъ, достаточно для того, чтобы уяснить дѣло обществу; оно будетъ сопровождаться дипломатическимъ сообщеніемъ, которое послужитъ дополненіемъ къ нему.

Я долженъ сообщить вамъ, совершенно конфиденціально, что мы ведемъ переговоры одновременно съ Италіей и съ Австріей и надѣмся

притти въ скоромъ времени къ взаимному соглашенію. Съ своей стороны употребите всё усилія къ тому, чтобы заручиться содѣйствіемъ Россіи.

Императоръ пѣнить жертву, которую вы приносите ему и странѣ, оставаясь на своемъ посту; вы, конечно, понимаете необходимость этой жертвы для успѣха нашей политики. Императоръ, страна и министры не оставлять это безъ вниманія.

Генералъ Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 21-го (9-го) іюля 1870 г.

Я ѣду въ лагерь, съ цѣлью видѣться съ императоромъ. Переговоры, которые вы возложили на меня, представляютъ большую трудность. Они совершенно не согласуются, въ настоящій моментъ, съ политикой петербургскаго кабинета. Мнѣ необходимо имѣть возможность что-либо предложить взаимнѣ того, что вы приказываете мнѣ требовать. Придасть ли императоръ значеніе моимъ предложеніямъ и повѣрить ли онъ ихъ осуществленію, въ виду возможныхъ случайностей и возможнаго исхода войны? Ожидаю немедленно отвѣта; сегодня я только подготовлю почву и постараюсь задержать объявленіе нейтралитета на тѣхъ условіяхъ, какія я вамъ сообщилъ, т. е. при условіи, чтобы Австрія не принимала рѣшительно никакого участія въ войнѣ.

Наполеонъ III—генералу Флѣри.

21-го (9-го) іюля, получена въ Петербургѣ 22-го.

Выразите императору Александру мое удовольствіе за его добрыя намѣренія. Если Австрія вооружится, это не должно тревожить Россію.

Я увѣжаю только черезъ нѣсколько дней.

Генералъ Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 22-го (10-го) іюля 1870 г.

Въ депешѣ къ императору я намекнулъ на необходимость, высказанную мною уже 19-го числа, опровергнуть ложныя депеши, полученные изъ Берлина, а именно, будто бы вы сказали г. Вертеру, что король прусскій долженъ извиниться передъ императоромъ Наполеономъ.

Вчера я добился отъ императора Александра, чтобы въ увѣдомленіи о нейтралитетѣ, которое я вамъ посылаю, не было упомянуто объ Австріи.

Императоръ Александръ говоритъ, что онъ оградить Австрію отъ алчности Пруссіи. Слѣдовательно, онъ до сихъ поръ отнюдь не допускаетъ для Австріи необходимости принимать оборонительное положеніе.

Если она сосредоточитъ войска въ Богеміи, то императоръ рѣшилъ отвѣтить на это немедленно объявленіемъ вооруженнаго нейтралитета, который будетъ чреватъ событіями и полонъ опасности. Быть можетъ, принимая такимъ образомъ Австрію подъ свою защиту, императоръ Александръ думаетъ устранить ее отъ участія въ вознагражденіи и хочетъ отнять у нея всякій предлогъ помочь Франціи. Мы извѣстно, что онъ пригласилъ къ себѣ графа Хотека.

Императоръ Александръ также чрезвычайно озабоченъ всѣмъ тѣмъ, что дѣлается въ Польшѣ и хотѣлъ бы повидимому слышать, что мы воздержимся отъ всякаго вмѣшательства въ ея дѣла.

Оканчивая это письмо, я долженъ сказать, что его величество выказалъ представителю Франціи, въ присутствіи всего войска, большое сочувствіе и благосклонное вниманіе. Прежде нежели продолжать возложенныя на меня порученія, я ожидаю отъ васъ инструкцій и дальнѣйшихъ приказаній.

Генераль Флѣри — герцугу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 22-го (10-го) іюля 1870 г.

Вотъ объявленіе о нейтралитетѣ, которое будетъ опубликовано завтра въ «Правительственномъ Вѣстникѣ»:

«Разногласія, возникшія послѣднее время между французскимъ и прусскимъ правительствомъ, вызвали живую заботливость его императорскаго величества. По повелѣнію его императорскаго величества, были употреблены всѣ усилія, чтобы предупредить вооруженное столкновеніе. Къ сожалѣнію, рѣшительная форма, которую приняли съ самаго начала объясненія, происходившія между обоими правительствами, и поспѣшность, съ какою были приняты крайнія рѣшенія, сдѣлали бесполезными всѣ усилія императорскаго правительства и старавія прочихъ правительствъ, преслѣдовавшихъ ту же цѣль.

«Его императорское величество предвидитъ съ глубокимъ сожалѣніемъ бѣдствія, неразлучныя съ войною на материкѣ Европы.

«Его величество твердо рѣшилъ соблюдать строгій нейтралитетъ по отношенію къ обѣимъ воюющимъ державамъ до тѣхъ поръ, пока интересы Россіи не будутъ затронуты случайностями войны.

«Императорскій кабинетъ готовъ оказать самое искреннее содѣйствіе всякой попыткѣ, которая будетъ сдѣлана съ цѣлью ограничить предѣлы военныхъ операцій, сократить ихъ продолжительность и возвратитъ Европѣ блага мира».

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 25-го (13-го) іюля 1870 г. (Телеграмма).

Австрія безъ всякихъ условій заявила о своемъ нейтралитетѣ и не сосредоточиваетъ войскъ въ Богеміи, следовательно, Россіи нѣтъ причины объявлять вооруженный нейтралитетъ. Въ настоящій моментъ вамъ остается только наблюдать. Скажите, готова ли Россія, по вашему мнѣнію, начать войну и вести ее съ успѣхомъ.

. Генералъ Флѣри—герцогу де-Грамону.

С.-Петербургъ, 26-го (14-го) іюля 1870 г. (Телеграмма).

Отвѣчаю на вашу депешу отъ 25-го числа.

Я все еще увѣренъ, что Франція можетъ рассчитывать на строгій нейтралитетъ Россіи въ томъ случаѣ, если Австрія не приметъ оборонительнаго положенія.

Каковы бы ни были проекты тайнаго союза съ Пруссіей, приписываемые Россіи, я не повѣрю имъ до тѣхъ поръ, пока Австрія не подастъ къ этому предлога и покуда Франція не будетъ поощрять возжеланій Польши.

Общественное мнѣніе, печать и армія дѣйствительно высказываются съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе энергично, противъ какого бы то ни было увеличенія Пруссіи и относятся къ намъ сочувственно.

Россія еще не вполне готова къ походу. Ей понадобится по крайней мѣрѣ шесть недѣль, чтобы созвать резервы, перейти на военное положеніе и сдѣлать всякаго рода приготовленія. Тѣмъ не менѣе, вполне справедливо, что въ случаѣ вооруженнаго нейтралитета, она можетъ, не считая войскъ, находящихся на Кавказѣ и въ Одессѣ, выставить, нынѣ же, 200.000 человекъ, эшелонировавъ ихъ на польской границѣ.

Генералъ Флѣри—Наполеону III.

27-го (15-го) іюля.

Генералъ Тотлебенъ утверждаетъ, что оборонительныя средства Майнца весьма плохи. Здѣсь говорятъ, будто бы пруссаки весьма озабочены нашими митральезами и превосходствомъ нашихъ ружей.

Исполняющій должность министра иностранныхъ дѣлъ¹⁾ получилъ

¹⁾ Баронъ Жюмнини.

извѣщеніе о нейтралитетѣ Австріи и официально подтвердилъ мнѣ нейтралитетъ Россіи. Войска ровно никуда не двинуты.

Канцлеръ возвращается въ пятницу. Русская печать враждебна Пруссіи и очень дружелюбна къ Франціи. Я посылаю извлеченія изъ газетъ по почтѣ.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 28-го (16-го) іюля 1870 г. (Телеграмма).

Я получилъ вашу телеграмму отъ 26-го числа. Вы можете заявить во всеуслышаніе, что Франція не намѣрена ни по какому пункту создавать Россіи затрудненій и что мы вовсе не намѣрены поощрять стремленій Польши.

Генералъ Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 30-го (18-го) іюля 1870 г. (Телеграмма).

Я провелъ нѣсколько дней въ лагерѣ и много бесѣдовалъ съ императоромъ.

Откровенное заявленіе, сдѣланное мною отъ вашего имени, согласно вашей телеграммѣ отъ 28-го числа, произвело наилучшее впечатлѣніе. Взаимнъ *statu quo*, соблюдаемаго Австріей въ Галиціи, и политическаго съ нашей стороны невмѣшательства въ дѣла Польши, его величество повторилъ мнѣ формальное увѣреніе въ его горячемъ и искреннемъ желаніи соблюдать, со своей стороны, самый строгій и безпристрастный нейтралитетъ.

Генералъ Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 1-го августа (20-го іюля) (Конфиденціально).

Послѣднія телеграммы, полученныя мною отъ вашего превосходительства, ясно и опредѣленно намѣтили образъ дѣйствій, которому я долженъ слѣдовать. Онѣ свидѣлствуютъ, если я не ошибаюсь, о томъ, что кабинетъ, зрѣло обсудивъ положеніе дѣлъ, отказался, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, отъ мысли обратиться за содѣйствіемъ къ Австріи. Наконецъ послѣдней телеграммою я былъ уполномоченъ заявить отъ имени правительства формальнымъ образомъ, что оно не намѣрено создавать Россіи затрудненій ни по какому пункту и не будетъ поощрять стремленій Польши.

Я, въ свою очередь, сообщилъ вамъ вторично, что взаимнѣе обѣщанія Австріи соблюдать *statu quo* и полнѣйшее невмѣшательство Франціи въ польскій вопросъ, Россія обязуется гарантировать Австріи ея нѣмецкія провинціи противъ посягательствъ Пруссіи и соблюдать строжайшій нейтралитетъ.

Если это такъ, то слѣдуетъ хладнокровно и всесторонне обсудить, не вознаградится ли потеря дѣйствительной и немедленной помощи со стороны Австріи съ лихвою увѣренностью въ строгомъ нейтралитетѣ Россіи теперь и въ будущемъ.

Я сознаю, что Австрія, своимъ участіемъ въ войнѣ, могла бы принести намъ весьма важную и существенную пользу.

Сосредоточивъ войска въ Богеміи, она парализовала бы значительную часть прусскихъ силъ. Она привлекла бы своимъ примѣромъ къ союзу съ нами Италію и, давъ ей возможность двинуть войска черезъ Тироль, дала бы намъ возможность ударить во флангъ южныхъ провинцій Пруссіи.

Очевидно, соблазнъ былъ великъ и сулилъ намъ значительныя выгоды, но Россія не потерпѣла бы этого. Она вступила бы въ Галицію подъ предлогомъ волненія, которое Австрія вызываетъ въ Польшѣ (хотя бы она и не оказала первое время помощи Пруссіи) и начала бы войну съ Австріей, которую она ненавидитъ, чтобы уничтожить ее и очистить себѣ путь къ Константинополю и на Востокъ.

Если бы нѣмецкое и чешское населеніе Австріи измѣнило ей—нѣмцы всегда готовы перейти къ Пруссіи, а чехи подъ знамена славянъ,—то могла ли бы Австрія, которой приходится бороться съ венгерцами, не желающими воевать, вынести матеріально столкновение съ Россіей, допустивъ даже, что всѣ эти народы останутся ей вѣрны? Я этого не думаю. При ея разстроенныхъ финансахъ и неоконченномъ вооруженіи, вынужденная бороться съ снѣдающими ее внутренними затрудненіями, Австрія не была бы въ состояніи перенести неожиданное потрясеніе, и исходъ войны навѣрно былъ бы для нея пагубенъ.

Считая полный нейтралитетъ Австріи условіемъ, *sine qua* поп своего собственнаго нейтралитета, императоръ Александръ руководствуется желаніемъ оказать услугу дядѣ, удовлетворивъ вмѣстѣ съ тѣмъ миролюбивымъ стремленіямъ своей страны. Такъ можно по крайней мѣрѣ думать; какова бы ни была лояльность императора и довѣріе, которое я питаю къ его слову, я понимаю, что на царя имѣютъ вліяніе родственныя чувства и его расположеніе къ Германіи.

Но нація смотритъ враждебно на увеличеніе Пруссіи, и императору Александру извѣстно, что войско, печать и общественное мнѣніе относятся съ каждымъ днемъ сочувственнѣе къ Франціи. Онъ не могъ бы безъ всякой причины перейти въ наступательное положеніе до тѣхъ

поръ, пока Австрія не подала бы къ тому повода. Поэтому намъ слѣдуетъ посовѣтовать этой державѣ строго соблюдать принятыя ею на себя обязательства, и такъ какъ ей никто не угрожаетъ, то не ставить себя въ неловкое положеніе безплодной агитаціей и приготовленіями, которыя не доводятся ею до конца и не приносятъ пользы ни ей, ни намъ.

Позвольте мнѣ, герцогъ, высказать откровенно мое мнѣніе. Мнѣ кажется, что намъ нѣтъ надобности особенно заботиться о побудительныхъ причинахъ, руководящихъ дѣйствіями императора Александра; слѣдуетъ обращать вниманіе только на могущій быть результатъ. Лишая насъ содѣйствія Австріи тѣмъ самымъ, что онъ вынуждаетъ ее къ нейтралитету, царь полагаетъ, что онъ дѣйствуетъ только въ интересахъ своей страны и ради удовлетворенія своихъ чувствъ къ королю Вильгельму.—Императоръ Александръ ошибается, но не будемъ выводить его изъ этого заблужденія.

Есть еще другой, весьма важный результатъ: нейтралитетъ Австріи спасаетъ ее и обезпечиваетъ намъ нейтралитетъ Россіи.

Существованіе Австріи для насъ слишкомъ необходимо, она будетъ слишкомъ крупнымъ козыремъ въ нашей игрѣ, когда придетъ время вести дальнѣйшіе переговоры и возстановить поколебленное равновѣсіе; поэтому намъ слѣдуетъ желать, чтобы Австрія сохранила полный нейтралитетъ; отъ этого зависятъ, по моему мнѣнію, поддержаніе дружественныхъ отношеній къ Россіи и спасеніе самой Австріи.

Я не могу окончить этотъ бѣглый очеркъ нынѣшняго положенія, не сообщивъ вашему превосходительству нѣкоторыя подробности относительно моихъ первыхъ свиданій съ императоромъ Александромъ.

Какъ вамъ уже извѣстно изъ моихъ телеграммъ, царь выказалъ полную готовность быть посредникомъ у короля Вильгельма и посовѣтовать ему быть сговорчивѣе. Я счелъ себя тогда въ правѣ объявить вамъ 12-го числа, что столкновеніе вѣроятно будетъ устранено благодаря искреннему желанію его величества.

15-го числа, когда я явился въ лагерь, чтобы сообщить императору о телеграммѣ, въ коей Франція просила посредничества Россіи, положеніе уже совершенно измѣнилось.

Императоромъ Александромъ были получены изъ Берлина депеши, сообщавшія, что ваше превосходительство заявили г. Вертеру, что король долженъ извиниться передъ императоромъ Наполеономъ.

Царь, обиженный и раздраженный, взявъ сторону своихъ родныхъ, былъ вначалѣ настроенъ такъ нервно, что былъ моментъ, когда я думалъ, что мнѣ придется удалиться. Но, опровергнувъ спокойно и съ почтительной твердостью преувеличенные и ложные слухи, мнѣ удалось вскорѣ вызвать въ императорѣ Александрѣ болѣе справедливыя чувства.

Нѣсколько дней спустя, 20-го числа, царь самъ высказалъ желаніе присоединиться къ посредничеству Англіи, на основаніи трактата 1856 г. Могу засвидѣтельствовать, что съ тѣхъ поръ императоръ относится ко мнѣ весьма благосклонно, вѣроятно желая загладить впечатлѣніе о его мимолетномъ раздраженіи.

Я имѣю поэтому основаніе думать, что нейтралитетъ можно считать обезпеченнымъ на самыхъ прочныхъ основахъ, если только какіе-либо новые факты не измѣнятъ намѣреній императора Александра и если въ Австріи не произойдетъ вичего такого, что могло бы вызвать неудовольствіе Россіи.

Генераль Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

Петергофъ, 4-го августа (23-го іюля) 1870 г.

Императоръ Александръ сказалъ мнѣ съ жаромъ, что онъ весьма сожалѣетъ о томъ, что Франція такъ настойчиво добивается союза съ Даніей. Онъ полагаетъ, что, каковъ бы ни былъ исходъ войны, Данія за нее заплатится. Я отвѣчалъ съ твердостью, что я не получаю никакихъ сообщеній касательно Даніи и не могу ничего сказать опредѣленно, но я полагаю, что если Франція, желая сдѣлать пріятное Россіи и обезпечить ея нейтралитетъ, согласилась лишиться содѣйствія Австріи и пожертвовала съ этой цѣлью выгодами столь полезной диверсін, то она не можетъ поступить точно такъ относительно Даніи или относительно сѣюзовъ съ прочими государствами, которые Франція въ правѣ заключать, чтобы создать себѣ операціонный базисъ для своего флота, и наконецъ, что Данія нечего опасаться исхода войны, каковъ бы онъ ни былъ, такъ какъ Англія или Россія защитятъ ее противъ побѣдоносной Пруссіи или Франціи.

По моему мнѣнію, не слѣдуетъ тревожиться этимъ новымъ проявленіемъ симпатіи племянника къ дядѣ.

По окончаніи этого разговора, я бесѣдовалъ съ наслѣдникомъ цесаревичемъ, который уѣхалъ сегодня ночью въ Копенгагенъ. Онъ понимаетъ, что мы поступаемъ правильно и, если герцогъ де-Кадоръ еще не уѣхалъ изъ Копенгагена, то онъ найдетъ великаго князя прекрасно настроеннымъ.

Наслѣдникъ цесаревича хотѣлъ, по моему совѣту, поговорить съ отцомъ, чтобы заставить его взглянуть на дѣло болѣе безпристрастно.

Войска еще не передвигаются; дѣлаются только приготовленія для снабженія ихъ, покупаютъ лошадей, пополняютъ контингентъ, въ зависимости отъ приготовленій, дѣлаемыхъ Австріей.

Англійскій посланникъ сообщилъ императору предложеніе лорда

Гранвиля, насчетъ соглашенія между Россіей и Англійей для обезпеченія безопасности Бельгіи.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 4-го августа (23-го іюля) 1870 г.

Въ циркулярѣ, обнародованномъ мною сегодня въ «Journal officiel», я упоминаю объ инсинуаціяхъ на русскій дворъ, которыми графъ Бисмаркъ старается повліять на лорда Кларендона, чтобы вынудить его отвѣтить отказомъ на наше предложеніе о разоруженіи, которое послѣдній взялся отстаивать и защищать. Если у васъ потребуютъ объясненій по этому поводу, то вы можете сказать, что графъ Бисмаркъ, въ числѣ прочихъ поводовъ къ отказу, привелъ слѣдующій: «что здоровье императора плохо и что личныя чувства наследника цесаревича внушаютъ Пруссіи опасенія». Само собою разумѣется, я не хотѣлъ предавать это гласности, но эти слова графа Бисмарка приведены дословно въ депешахъ, коими лондонскій кабинетъ обмѣнялся съ нами по поводу нашего предложенія о разоруженіи, сообщеннаго Пруссіи Англійей.

Генералъ Флѣри—герцугу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 4-го августа (23-го іюля) 1870 г.

Побесѣдовавъ со мною болѣе часа въ самомъ откровенномъ и дружественномъ тонѣ, императоръ отказался отъ своихъ вчерашнихъ взглядовъ. Онъ допускаетъ, сегодня, что Франціи необходимо содѣйствіе Даніи, но проситъ императора дѣйствовать умѣренно и не требовать отъ короля Христіана явнаго и фактическаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ; король можетъ нарушить нейтралитетъ и начать дѣйствовать, но не иначе какъ сдѣлавъ видъ, что онъ къ этому вынужденъ и что онъ не въ состояніи болѣе сопротивляться.

Въ депешѣ, полученной вчера, которая была прочитана императоромъ, Окуневъ пишетъ, что вы сказали ему откровенно, что Австрія не можетъ не сосредоточить войскъ на границѣ и что въ случаѣ неудачи вы будете вынуждены ничѣмъ не пренебрегать.

Императоръ встревоженъ этими заявленіями, которыя не согласуются съ тѣмъ, что я сообщилъ ему отъ вашего имени. Въ интересахъ нейтралитета, который онъ желалъ бы поддержать, онъ настоятельно проситъ васъ не допускать вышатательства г. Бейста, которое ничѣмъ не оправдывается.

Дѣйствительно, императоръ прочиталъ мнѣ декларацію короля прус-

скаго, который обязуется пощадить иѣмецкія провинціи императора Франца-Иосифа.

Что касается Польши, которая составляетъ самый важный предметъ, такъ какъ малѣйшій признакъ возстанія низвергъ бы все зданіе нейтралитета, то царь утверждаетъ, будто во Львовѣ, въ Галиціи, организуется франко-польскій комитетъ, съ отдѣлами въ Польшѣ. Его величество выразилъ желаніе, чтобы въ «*Journal officiel*» появилась краткая замѣтка, коей было бы подтверждено разъ навсегда, что Франція этому не причастна.

Императоръ далъ мнѣ честное слово, что имъ не дано до сихъ поръ никакихъ приказаній относительно передвиженій войскъ и что онъ ограничился тѣми подготовительными мѣрами, о которыхъ я вамъ сообщалъ.

Я повелъ разговоръ такъ, что императоръ самъ сознался, что онъ находитъ вполне естественнымъ, чтобы Италія оказала намъ поддержку и не удивится, если армія Виктора Эммануила перейдетъ Монъ-Сенисъ; этотъ аргументъ подтверждаетъ наше право заключать союзы.

Императоръ, кажется, искренно расположенъ къ Англіи. Онъ считаетъ предложеніе лорда Гренвила относительно Бельгіи излишнимъ и говоритъ, что это напрасный актъ недоувѣрія. Я думаю, однако, что онъ присоединится къ нему, хотя онъ и дѣлаетъ видъ, будто не придаетъ этому значенія.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 5-го августа (24-го іюля) 1870 г.

Окуновъ былъ у меня и сказалъ, что если Австрія вооружится, то Россія также вооружится; если Австрія нападетъ на Пруссію, то Россія нападетъ на Австрію. Я отвѣчалъ, что это сообщеніе должно быть сдѣлано Вѣнѣ, а не Парижу. Я не понимаю, какъ оправдала бы Россія нападеніе на Австрію, если бы эта держава не напала на Россію, если только не существуетъ секретнаго договора между Россіей и Пруссіей. Повѣренный въ дѣлахъ Россія спросилъ меня, существуетъ ли секретный договоръ между Франціей и Австріей, обезпечивающій Румынію. Я отвѣчалъ отрицательно. На вопросъ о томъ, существуетъ ли секретный договоръ между Австріей и Италіей, я отвѣчалъ, что мнѣ это неизвѣстно.

Я пишу вамъ подробнѣе по поводу этого разговора, который, по своей важности, не можетъ быть переданъ вкратцѣ по телеграфу.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 6-го августа (25-го іюля) 1870 г.

Я получилъ вашу сегодняшнюю телеграмму; я также телеграфировалъ вамъ сегодня утромъ.

Мой разговоръ съ Окуновымъ не противорѣчить тому, что вамъ поручено сказать. Дѣло въ томъ, что Австрія не связана съ нами никакимъ договоромъ. Вѣнскій кабинетъ руководствуется лишь своими собственными выгодами и до сихъ поръ не оказывалъ намъ никакого содѣйствія. Я сказалъ, и это само собою разумѣется, что если бы насъ побили, то мы прибѣгли бы ко всѣмъ за помощью; какая держава не поступила бы такъ же? Что касается Польши, то вы можете объявить рѣшительно, что мы отвергли всякія наущенія; я подумаю, нельзя ли будетъ заявить это официально. Потрудитесь указать на то, что наша побѣда будетъ имѣть послѣдствіемъ миръ и спокойствіе Европы, а наше пораженіе поведетъ къ всеобщему перевороту.

Вы узнаете изъ прусскихъ депешъ о пораженіи при Виссембургѣ (Wissembourg). На дивизію Дюэ напали неожиданно значительныя силы, и она была вынуждена отступить, съ нѣкоторымъ урономъ.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 6-го августа (25-го іюля) 1870 г.

Я видѣлся вторично съ Окуновымъ; онъ сказалъ мнѣ, что нейтралитетъ Россіи зависитъ отъ нейтралитета Австріи. Я поблагодарилъ его за это чистосердечное и откровенное заявленіе и въ особенности за дружеское расположеніе императора, коего я имѣю доказательства. Я прибавилъ: «Мы не связаны никакимъ договоромъ съ Австріей; эта держава руководствуется исключительно своими личными выгодами и не отступить отъ нихъ ни на шагъ». Желая отвѣтить на откровенность тѣмъ же, я сказалъ, что мы не хотѣли бы связывать себя общаніемъ не заключать союза съ Австріей, такъ какъ было бы не благо-разумно связывать себя въ будущемъ, но въ настоящій моментъ мы увѣрены, что Австрія ничего не сдѣлаетъ безъ насъ. Что касается Польши, то вы можете подтвердить еще разъ, что мы рѣшительно не вмѣшиваемся въ ея дѣла; я готовъ даже дать въ этомъ смыслѣ совѣтъ Вѣнскому кабинету. Мы не можемъ помѣстить въ «Journal officiel» никакого заявленія относительно Польши. Это могло бы имѣть для васъ весьма серьезныя неудобства.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 7-го августа (26-го іюля) 1870 г.

Маршалъ Макъ-Магонъ проигралъ сраженіе и формируетъ вновь свой корпусъ въ Савернѣ (Saverne). Генералъ Фроссаръ также былъ вынужденъ отступить передъ значительными силами. Эти неудачи вынудили правительство принять, изъ предосторожности, мѣры къ оборонѣ Парижа. Мы продолжаемъ военныя дѣйствія; непріятель, съ своей стороны, много пострадалъ.

Вы узнаете изъ телеграммъ агентства Гаваса все то, что извѣстно намъ самимъ.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 8-го августа (27-го іюля) 1870 г.

Окуневъ снова былъ у меня и спрашивалъ, правда ли, что мы просили помощи у Австріи и Италіи. Я отвѣчалъ отрицательно и прибавилъ, что я три дня не видалъ австрійскаго посланника. Что касается Италіи, то дѣйствительно у насъ настаиваютъ на томъ, чтобы я посоветовалъ императору написать по этому поводу италіанскому королю; я отказался, ибо увѣренъ, что императоръ не сдѣлалъ бы этого. До нашихъ неудачъ онъ еще, пожалуй, согласился бы на это, но послѣ двухъ проигранныхъ сраженій, мы можемъ принять помощь, которую намъ предложить, но не можемъ просить о ней.

Къ счастью, мы имѣемъ большіе резервы, которые еще не пострадали, и мы не преминемъ ими воспользоваться. Духъ арміи хорошъ, и большое сраженіе неизбежно.

Генералъ Флѣри—министру иностранныхъ дѣлъ.

10-го августа (29-го іюля).

Будьте такъ любезны попросите маршала Лѣбефа разрѣшить де-Мирибелю вернуться во Францію. При настоящихъ обстоятельствахъ я не вижу надобности держать здѣсь этого офицера, который можетъ быть весьма полезенъ въ арміи. Мы знаемъ въ настоящее время все то, что можно было узнать; въ случаѣ разрыва мы не могли бы узнать ничего новаго.

Генералъ Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 10-го августа (29-го іюля) 1870 г.

Катковъ, издатель «Московскихъ Вѣдомостей», создающій общественное мнѣніе въ Россіи, жалуется на то, что телеграммы агентства Гаваса доходятъ до него не иначе какъ черезъ посредство берлинскаго оффиціознаго агентства Вольфа, которое исправляетъ ихъ.

Нельзя ли заставить агентство Гаваса поступать справедливѣе и безпристрастнѣе?

Русская пресса, весьма независимая по отношенію къ національной политикѣ, оказываетъ намъ большія услуги.

Было бы весьма важно придти ей на помощь и перепечатать кое-какія выдержки изъ русскихъ статей.

Генералъ Флѣри—герцогу де-Грамонъ.

С.-Петербургъ, 10-го августа (29-го іюля) 1870 г.

Я получалъ вашу телеграмму отъ 8-го числа, относящуюся къ новому разговору съ Окуневымъ. Полагаю, что моя телеграмма отъ 9-го числа будетъ для васъ достаточнымъ отвѣтомъ. Общество не особенно поражено у насъ неудачами, постигшими корпуса Макъ-Магона и Фроссара вслѣдствіе того, что они были гораздо малочисленнѣе непріятеля. Всѣ удивляются, что мы не дѣйствовали, подобно пруссакамъ, съ самаго начала, большими массами и не сформировали, подъ начальствомъ фельдмаршаловъ, три арміи, изъ коихъ одну резервную. Это произвело бы на непріятеля болѣе сильное впечатлѣніе, подѣйствовало бы внушительнѣе на солдатъ и произвело бы болѣе выгодное впечатлѣніе за границую.

Герцогъ де-Грамонъ—генералу Флѣри.

Парижъ, 11-го августа (30-го іюля) 1870 г.

Я получилъ ваши телеграммы отъ 10-го и 11-го числа. Существуетъ договоръ, связывающій агентство Гаваса и мѣшающій ему посылать телеграммы въ Россію иначе, какъ черезъ агентство Вольфа.

Ваши стратегическія замѣчанія къ сожалѣнію вполне справедливы. Быть можетъ завтра будетъ дано рѣшительное сраженіе.

Я остаюсь по необходимости временно исполняющимъ должность министра, въ ожиданіи моего преемника.

Генералъ Флѣри—герцогу де-Грамона.

С.-Петербургъ, 14-го (2-го) августа.

Послѣднія событія заставляють Россію серьезно призадуматься. Она смотритъ на будущее съ боязнью и, какъ мнѣ извѣстно изъ откровенныхъ сообщеній, она озабочена заключеніемъ союзовъ, чтобы быть готовой ко всякимъ случайностямъ, которыхъ она опасается.

По моему мнѣнію, надобно воспользоваться случаемъ. Можно было бы не теряя времени воспользоваться колебаніемъ императора Александра, чтобы не дать ему склониться въ сторону Пруссіи, постаравшись примирить Россію съ Австріей.

Царь, движимый втайнѣ желаніемъ быть полезнымъ королю Вильгельму, возсталъ рѣшительно противъ вмѣшательства Австріи въ пользу Франціи.

Желая ослабить дѣйствіе этого вмѣшательства, въ случаѣ если бы Австрія рѣшила помочь намъ, Россія заявила, какъ вамъ извѣстно, что какая бы то ни было демонстрація со стороны Австріи вызоветъ возстаніе въ Галиціи, а затѣмъ въ Польшѣ и слѣдовательно Россія обязана помѣшать этому, выставивъ свои войска, т. е. перейдя волей-неволей въ наступательное положеніе.

Но я знаю и предчувствую, что въ настоящее время уже готовы отказать отъ этихъ рѣшительныхъ заявленій. Я думаю, что Россія не станетъ мѣшать Австріи, если г. Бейстъ дастъ ей какія-либо гарантіи относительно Галиціи, если она заявитъ напимѣръ рѣшительно, какъ сдѣлала это Франція, что она не будетъ поощрять польскихъ вождельнѣй.

Если бы это вполне выяснилось, то императоръ Александръ не имѣлъ бы въ свою очередь предлога нарушить нейтралитетъ и, каковы бы ни были его личныя симпатіи или обѣщанія, ему было бы удобнѣе слѣдовать національной политикѣ страны, которая съ каждымъ днемъ высказывается все болѣе и болѣе энергично противъ Пруссіи.

Прошу васъ серьезно принять это во вниманіе. Столь желательное примиреніе между Австріей и Россіей кажется мнѣ возможнымъ при исполненіи указанныхъ мною условій. Если бы переговоры по этому поводу велись въ Вѣнѣ энергично, то къ этому соглашенію, имѣющему такое огромное значеніе для успѣха нашего оружія, навѣрно удалось бы привлечь Италію. Но, не достигнувъ его, повторяю, было бы рисковано что-либо предпринять.

Австрійскій посланникъ, графъ Хотекъ, уѣзжаетъ сегодня въ Вѣну, чтобы хлопотать объ этомъ у императора и графа Бейста.

Князь Де-ля-Туръ-д'Овернь ¹⁾—генералу Флэри.

Парижъ 16-го (4-го) августа 1870 г.

Я получилъ вашу телеграмму отъ 14-го числа. Я не удивляюсь, что въ виду вынѣшнихъ событій петербургскій кабинетъ, встревоженный за будущее, старается сблизиться съ Австріей.

Эта держава, со своей стороны, не отвергаетъ мысли о переговорахъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Что касается насъ, то мы не хотимъ мѣшать попыткѣ къ сближенію, которая доказываетъ, по моему мнѣнію, что Россія сознаетъ опасность, которою успѣхи Пруссіи угрожаютъ всѣмъ державамъ.

Князь Де-ля-Туръ—генералу Флэри.

Парижъ, 19-го (7-го) августа 1870 г. (Весьма конфиденціально).

Повѣренный въ дѣлахъ Россіи заявилъ мнѣ въ одну изъ нашихъ послѣднихъ бесѣдъ, что его правительство только и думаетъ о томъ, чтобы локализовать войну, что оно не связано никакимъ обязательствомъ съ Пруссіей и будетъ строго соблюдать нейтралитетъ до тѣхъ поръ, пока Австрія будетъ дѣйствовать въ томъ же смыслѣ. Я счелъ долгомъ сказать ему, что при теперешнихъ обстоятельствахъ императорское правительство не надѣется ни на что кромѣ своей энергии и своего права. Относительно Австріи, я прибавилъ, что мнѣ было извѣстно, во время моего пребыванія въ Вѣнѣ, о переговорахъ, начатыхъ этой державою съ Россіей для выработки плана совмѣстныхъ дѣйствій; что я не хотѣлъ мѣшать имъ, будучи убѣжденъ, что для Франціи будетъ весьма выгодно, если державы, на дружелюбіе которыхъ имѣетъ основаніе разсчитывать, заключать между собою подобное соглашеніе.

Впрочемъ, я не скрылъ отъ Окунева, что, если бы германскія войска, благодаря своей численности, одержали рѣшительную побѣду надъ нашими доблестными солдатами, то нація конечно будетъ продолжать борьбу до послѣдней возможности, и миръ, по моему мнѣнію, можетъ быть заключенъ только подъ условіемъ неприкосновенности территоріи и сохраненія династіи.

Россія отнеслась къ этому заявленію весьма сочувственно и вполне одобрила его. Австрійскій посланникъ, со своей стороны, далъ мнѣ

¹⁾ Министръ иностранныхъ дѣлъ съ 9-го августа.

возможность объясниться съ нимъ въ томъ же смыслѣ, онъ одушевленъ повидимому столь же благоприятными для насъ чувствами.

Не касаясь въ настоящую минуту тѣхъ гарантій мира, которыя при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ намъ будетъ вѣроятно возможно потребовать отъ Пруссіи для обезпеченія европейскаго мира въ будущемъ, я имѣю основаніе думать, что вѣнскій кабинетъ вполне раздѣляетъ высказанный мною взглядъ.

Генераль Флѣри—князю Де-ля-Туръ.

С.-Петербургъ, 20-го (8-го) августа (телеграмма).

(Для васъ лично). Отвѣчаю на вашу депешу отъ 19-го числа.

Императоръ Александръ и князь Горчаковъ весьма довольны вашимъ назначеніемъ министромъ. Все, что я буду говорить отъ вашего имени, будетъ особенно принято во вниманіе.

Несмотря на огромное впечатлѣніе, произведенное послѣдними событіями, положеніе здѣсь не измѣнилось. Императоръ Александръ одушевленъ самыми лояльными и чисто сердечными намѣреніями. Онъ понимаетъ, что успѣхъ, одержанный Пруссіей, и увеличеніе этой державы угрожаютъ политикѣ и интересамъ его страны. Онъ высказалъ мнѣ по этому поводу свой взглядъ, который я считаю вполне искреннимъ, но на него имѣютъ вліяніе, какъ вамъ извѣстно, родственныя узы и его нѣмецкія симпатіи, его надобно постоянно успокаивать относительно революціи, которой онъ опасается во Франціи.

Изъ словъ Окунова вы могли заключить, что канцлеръ лучше умѣетъ скрыть свое безпокойство. Онъ понимаетъ, что въ моментъ посредничества Россіи придется употребить все свое стараніе, чтобы спасти достоинство Франціи. На добрыхъ услугахъ, которыя онъ собирается намъ оказать, и на нашей благодарности за эти услуги онъ основываетъ надежду заключить союзъ, выгодный для интересовъ обоихъ государствъ.

Я буду поддерживать въ князѣ Горчаковѣ увѣренность въ томъ, что какой бы оборотъ ни приняли дѣла, мы согласимся вести переговоры о мирѣ только подъ условіемъ сохраненія неприкосновенности территоріи и династій.

Генераль Флѣри—князю Де-ля-Туръ.

С.-Петербургъ, 21-го (9-го) августа (телеграмма).

Носятся слухъ, что принцъ Наполеонъ уѣхалъ въ Италію и въ Австрію. Надѣюсь, что онъ не затронетъ польскаго вопроса, но самый

фактъ его присутствія въ Вѣнѣ навѣрно возбудитъ здѣсь сильныя опасенія. Миѣ необходимо имѣть по этому поводу самыя точныя свѣдѣнія.

Князь Де-ля-Туръ — генералу Флѣри.

Парижъ, 22-го (10-го) августа 1870 г.

Намъ ничего неизвѣстно о какомъ-либо порученіи, данномъ принцу Наполеону. Онъ ѣдетъ, кажется, въ Италію, но объ его поѣздкѣ въ Вѣну нѣтъ рѣчи. Судя по свѣдѣніямъ, полученнымъ военнымъ министерствомъ, положеніе маршала Базена не дурно.

Генералъ Флѣри — князю Де-ля-Туръ.

С-Петербургъ, 24-го (12-го) августа 1870 г.

(Для васъ однихъ).—Я видѣлся снова съ княземъ Горчаковымъ. Онъ желаетъ, чтобы, въ виду ожидаемыхъ событій и предстоящихъ переговоровъ, я выразилъ вамъ еще разъ его живѣйшее удовольствіе по поводу вашего назначенія министромъ.

Канцлеръ увѣдомилъ меня о присоединеніи Россіи къ лигѣ нейтральныхъ державъ (*La ligue des neutres*), но онъ прекрасно понимаетъ, — не такъ, какъ Англія въ этомъ случаѣ, — что еще не настало время для посредничества.

Онъ подтвердилъ миѣ добрыя намѣренія императора Александра, который не согласится на посредничество, при такихъ условіяхъ, которыя могли бы показаться унижительными для Франціи или повлекли бы за собою хотя бы малѣйшее уменьшеніе ея территоріи.

Желая вполнѣ знать миѣніе князя Горчакова, я объявилъ ему, согласно съ вашей инструкціей, что Франція, истощивъ всѣ средства къ защитѣ, будетъ вести переговоры о мирѣ не иначе, какъ подъ условіемъ сохраненія цѣлости ея территоріи и династіи.

Канцлеръ отвѣчалъ, что, по его миѣнію, династіи не угрожаетъ опасность и что было бы неумѣстно подымать этотъ вопросъ чисто внутренней политики, въ которую державамъ не слѣдуетъ вмѣшиваться. Онъ присовокупилъ, что, по его миѣнію, перемѣна управленія во Франціи поведетъ къ республикѣ, и что это будетъ ѣдствомъ для всей Европы. Въ заключеніе онъ сказалъ, что онъ говоритъ миѣ это не съ цѣлью уклониться отъ обсужденія этого вопроса, такъ какъ всѣмъ уже давно извѣстно, что лично онъ симпатизируетъ императору Наполеону и его семейству.

Отвѣтъ канцлера навелъ меня на слѣдующее размышленіе, которое

я позволяю себѣ высказать вамъ: а именно, что въ деклараціяхъ къ представителямъ иностранныхъ державъ было бы пожалуй благо-разуміе не упоминать о династіи и не говорить о возможности такихъ неудачъ, которыхъ ни одна монархія, не исключая Пруссіи, не имѣетъ основанія желать намъ. Сохраненіе династіи есть вопросъ чести. Этотъ вопросъ не раздѣленъ для насъ отъ защиты и освобожденія страны.

Впрочемъ, армія предана императору. Наши солдаты и генералы, побѣдители или побѣжденные, будутъ вѣрны императору и его сыну. Армія, послѣ ея геройскихъ побѣдъ или пораженій, будетъ стоять такъ высоко, заслужить такую благодарность отечества, что она предпишетъ свою волю и спасетъ Францію отъ революціи.

Мнѣ кажется, что если бы пресса повела въ этомъ смыслѣ кампанію съ осторожностью, но въ то же время и съ настойчивостью, то это могло бы имѣть отличные результаты.

Нѣчто въ родѣ манифеста, изданнаго генераломъ Тропю, вы-звало здѣсь величайшее изумленіе. Я нахожу такую личную политику весьма прискорбною, такъ какъ она даетъ ложное представленіе о томъ, въ чьихъ рукахъ находится власть.

Князь Орловъ уѣхалъ въ Парижъ и скоро долженъ вернуться.

Можетъ быть вы найдете полезнымъ довести эту вполнѣ конфиденціальную депешу до свѣдѣнія императора и ея императорскаго величества регентши.

Князь Де-ля-Туръ—генералу Флѣри.

Парижъ, 25 (13-го) августа 1870 года.

Сейчасъ получилъ вашу телеграмму отъ 24 числа. Насъ радуешь, что императоръ Александръ не допускаетъ, точно такъ же, какъ мы, мысли о мирѣ, который имѣлъ бы послѣдствіемъ малѣйшее уменьшеніе французской территоріи. Князь Горчаковъ также прекрасно понимаетъ, что мы не могли бы допустить никакого посторонняго вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла. Я упомянулъ объ этомъ, впрочемъ, совершенно конфиденціально съ цѣлью отвѣтить на злостныя инсинуаціи, которыя берлинскій кабинетъ старается распространить въ нѣмецкой прессѣ.

Мы очень рады знать взглядъ петербургскаго кабинета на этотъ счетъ; намъ пріятно также знать, какъ онъ смотритъ на послѣдствія, которыя имѣла бы для всѣхъ правительствъ перемена въ нашихъ государственныхъ учрежденіяхъ.

Я заключаю изъ этого, что мы согласны по всѣмъ пунктамъ, слѣдовательно, вамъ не къ чему возвращаться къ обсужденію съ канцде-

ромъ вопроса, на который я намекнулъ только съ цѣлью доказать, что его не слѣдуетъ касаться.

Генераль Флѣри—князю Де-ля-Тура.

С.-Петербургъ, 29-го (17-го) августа 1870 года.

Я имѣлъ сегодня продолжительный разговоръ съ императоромъ. Сущность этого, въ высшей степени откровеннаго, разговора, который въ то же время былъ подонъ недомолвокъ, состоитъ въ томъ, что его величество подтвердилъ мнѣ свое доброжелательство къ намъ, коего князь Горчаковъ явился истолкователемъ.

Онъ писалъ недавно въ этомъ смыслѣ королю Вильгельму; далъ ему понять, что въ случаѣ, ежели Франція понесетъ окончательное пораженіе, то миръ, основанный на униженіи, будетъ лишь перемиріемъ и что это перемиріе будетъ опасно для всѣхъ державъ.

Король отвѣтилъ будто бы въ удовлетворительномъ смыслѣ, но упомянулъ, что ему будетъ трудно добиться, чтобы Германія отказалась отъ нѣкоторыхъ изъ завоеванныхъ ею провинцій. Послѣ обмѣна мыслей и энергическаго протеста съ моей стороны, царь болѣе не настаивалъ. Мои слова видимо произвели на него впечатлѣніе, и онъ отвѣтилъ мнѣ съ живостью, что онъ раздѣляетъ мое мнѣніе и отлично сумѣетъ, въ случаѣ надобности, возвысить свой голосъ.—Я настаиваю на этихъ подробностяхъ, чтобы показать еще разъ, до какой степени императоръ поддается прусскому вліянію и какъ полезно время отъ времени противо-дѣйствовать вліянію, которое г. Бисмаркъ имѣетъ на его честное, но мягкое сердце.

Что касается династическаго вопроса, который царь затронулъ первый, то мнѣ пріятно вамъ сказать, что онъ не только не будетъ поддерживать ни тайно, ни явно, кандидатуру котораго-либо изъ орлеанскихъ принцевъ, но онъ даже подтвердилъ мнѣ, что самъ прусскій король желаетъ сохраненія династіи. Они сознаютъ оба, что только республика можетъ явиться на смѣну павшей династіи, а король Вильгельмъ, какъ я уже вамъ писалъ, считаетъ учрежденіе ея во Франціи самымъ роковымъ ударомъ, который можетъ быть нанесенъ будущей судьбѣ его имперіи. Поэтому императоръ живо интересуется волненіями, происходящими въ Парижѣ, молчаніемъ, которымъ обходятъ имя императора Наполеона, гнуснымъ зрѣлищемъ, которое представляетъ оппозиція и слабость большинства, которое, не оказывая никакого протеста, позволяетъ ежедневно колебать монархію. Онъ разспрашивалъ меня о преданности и энергіи командующихъ арміей. Кажется, мнѣ воистинѣ удалось убѣдить его въ ихъ честности и преданности.

Какъ видите, отъ твердости, которую выкажетъ правительство въ виду революціи, будетъ зависѣть сохранить болѣе или менѣе доброжелательное и дѣятельное содѣйствіе Россіи.

Императоръ получаетъ почти ежедневно извѣстія о нашемъ внутреннемъ положеніи; ему нишутъ объ этомъ изъ Парижа министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ или князь Орловъ.

Первый не сочувствуетъ Франціи, второй, какъ представитель русской національной партіи, относится къ ней доброжелательно. Не можете ли вы видѣться съ нимъ иногда для того, чтобы направлять или видоизмѣнять впечатлѣнія, получаемыя имъ изъ правительственныхъ сферъ?

Военно-уполномоченный, генералъ князь Витгенштейнъ также пишетъ вѣроятно частыя донесенія, имѣющія извѣстное вліяніе. Военное министерство могло бы со своей стороны легко вліять на его неподвижный умъ.

По поводу убитаго случайно трубача-парламентера Пруссія протестовала противъ нарушенія военныхъ законовъ. Я не придалъ значенія этому обвиненію. Его величество говорилъ со мною также объ отказѣ Бельгіи на нашу просьбу пропустить раненыхъ пруссаковъ. Мнѣ нетрудно было возразить на это мнимое обвиненіе и разъяснить ему, что наши военные интересы настоятельно требуютъ, чтобы мы не облегчали пруссакамъ сношенія.

Мое удаленіе изъ Франціи и изъ арміи становится для меня съ каждымъ днемъ тягостяѣе. Я бы желалъ слышать ваше одобреніе и желалъ бы знать, придаетъ ли нынѣшній кабинетъ такое же значеніе моему пребыванію въ Петербургѣ, какъ предшествовавшій.

Князь Де-ля-Туръ—генералу Флѣри.

Парижъ 31-го (19-го) августа 1870.

Я прочелъ съ интересомъ вашу телеграмму отъ 30 числа. Вы хорошо сдѣлали, протестовавъ противъ всякой мысли о мирѣ, который повлекъ бы за собою какое-либо уменьшеніе нашей территоріи.

Въ глазахъ императора неприкосновенность французской территоріи важнѣе всякаго другаго вопроса. Впрочемъ, паденіе имперіи очевидно повело бы къ республикѣ и послужило бы для Европы сигналомъ къ революціи. Вамъ слѣдуетъ въ разговорѣ съ императоромъ Александромъ всячески настаивать на этомъ.

Я былъ бы очень радъ видѣться съ княземъ Орловымъ, но слухъ о его пребываніи въ Парижѣ невѣренъ. Вы получите новый меморандумъ, въ которомъ мы протестуемъ не только противъ обвиненій, коимъ под-

вергаются наши солдаты со стороны Пруссіи, но и противъ нарушенія прусской арміей законовъ челоувѣколюбія, а равно противъ нарушенія военныхъ законовъ.

Теперешній кабинетъ придаетъ такое же значеніе, какъ и предъидущій тому, чтобы вы остались въ Петербургѣ, и ожидаетъ величайшей пользы отъ вліянія, которое вы съумѣли приобрѣсти при русскомъ дворѣ.

Генераль Флёрі—князю Де-ля-Туръ.

С.-Петербургъ, 4-го сентября (23-го августа) 1870 г. (Для васъ однихъ).

Люди хорошо освѣдомленные и доброжелательные къ Франціи смотрятъ на положеніе дѣлъ слѣдующимъ образомъ:

Пруссаки, отдѣлавшись отъ арміи Макъ-Магона, устремятъ всѣ свои силы противъ Базена. Мецкая армія, побѣжденная превосходными силами или голодомъ, скоро будетъ вынуждена капитулировать.

Тогда всѣ четыре арміи пруссаковъ, не стѣсняемыя ничѣмъ въ своихъ движеніяхъ, двинутся къ Парижу. Они не заблуждаются насчетъ трудностей осады, но прежде нежели приступить къ ней, они наводятъ страну, пресѣкутъ намъ пути сообщенія и доставку провіанта, а мы не будемъ въ состояніи помѣшать этому. Пруссаки, дѣйствительно, думаютъ, что формируемая нами армія не имѣютъ достаточной артиллеріи, кавалеріи, перевозочныхъ средствъ... и не въ состояніи продолжать войну.

Если это вѣрно, то полагаютъ, что для лиги нейтральныхъ державъ настало время вмѣшаться въ дѣло, а для Франціи—начать переговоры о мирѣ.

Король прусскій, опьяненный побѣдами, ликующій по поводу того, что императоръ Наполеонъ у него въ лагерѣ, будетъ доступнѣе и будетъ еще въ силахъ противостоять требованіямъ Германіи, которая заговорила уже очень громко и хочетъ сохранить Эльзасъ и Лотарингію.

Какими бы патриотическими чувствами ни была вызвана наша рѣшимость сражаться до конца, она можетъ только отсрочить, безъ всякой пользы, исходъ, который навѣрно будетъ роковымъ.

Вообще, наши друзья говорятъ, что нейтральныя державы болѣе расположены въ настоящее время помочь Франціи и, если еще есть время, спасти монархическую идею въ своихъ собственныхъ интересахъ. Но можно опасаться, что со временемъ эти державы заключатъ союзъ съ Пруссіей, чтобы вести сообща борьбу съ республикой и революціей.

Генералъ Флѣри—Жюлю Фавру.

С.-Петербургъ, 6-го сентября (25-го августа) 1870 г., 10 часовъ утра.

Честь имѣю препроводить вамъ прошеніе объ увольненіи меня отъ званія французскаго посланника въ Россіи.

Ожидаю инструкцій, кому мнѣ приказано будетъ сдать, оставляя свой постъ, управленіе дѣлами ¹⁾.

Роль генерала Флѣри въ Россіи однако не была еще окончена. Надобно было выяснитъ, какъ отнесется Россія къ революціи и къ революціонному правительству.

Императоръ Александръ, несмотря на свою антипатію къ новому правительству и на свою привязанность къ дядѣ, внялъ до нѣкоторой степени безкорыстной просьбѣ императрицы Евгеніи, которая умоляла его «сохранить къ Франціи, каково бы ни было ея правительство, тѣ же чувства, которыя онъ выказывалъ къ ея династіи во время этихъ тяжелыхъ испытаній, и когда настанетъ время употребить свое вліяніе, чтобы помочь ей заключить почетный и прочный миръ».

Это письмо регентши, писанное ею уже въ ссылкѣ, было получено въ Петербургѣ 17-го сентября на имя генерала Флѣри. Онъ испросилъ тотчасъ аудіенцію у императора, передалъ ему въ собственные руки письмо императрицы и горячо сталъ настаивать на необходимости измѣненія со стороны императора.

Бывшій посланникъ нашелъ, что намѣренія императора Александра чрезвычайно измѣнились ²⁾. Если регентша, движимая патриотизмомъ, ступевывалась передъ новымъ правительствомъ, то въ глазахъ европейскихъ канцелярій оно все-таки было правительствомъ революціоннымъ. Жюль Фавръ, не стараясь стать въ глазахъ Европы на болѣе легальную почву, настаивалъ въ своихъ разговорахъ и перепискѣ на его революціонномъ характерѣ, злословя и клеветая на павшее правительство.

Въ виду этого императоръ Александръ относился крайне недоброжелательно къ временному правительству и хотѣлъ предоставить Франціи самостоятельно добиваться выгодныхъ для нея условій мира.

Тѣмъ не менѣе письмо, въ которомъ императрица взывала къ его

¹⁾ Эта телеграмма была послана одновременно съ телеграммою Жюлю Фавра, который отзывалъ генерала Флѣри и поручалъ завѣдываніе дѣлами, временно, маркизу де-Габріакъ, первому секретарю посольства.

²⁾ На письмо генерала Флѣри, переданное императору графомъ Шуваловымъ, его величество приказалъ отвѣтить, что событія измѣнили положеніе дѣлъ и что революція измѣнила его намѣренія.

человѣколюбію, глубоко тронуло его; прежде нежели отвѣтитъ ей, онъ разрѣшилъ канцлеру войти въ переговоры съ бывшимъ посланникомъ и обсудить вмѣстѣ съ нимъ, на какихъ условіяхъ могло бы состояться его вмѣшательство ¹⁾).

Вотъ собственноручный отвѣтъ императора Александра императрицѣ Евгеніи, копія съ котораго снята въ Петербургѣ въ 1870 г.:

Царское Село, 20-го сентября (2-го октября) 1870 г.

«Ваше величество, я получилъ письмо, съ которымъ ваше величество обратилась ко мнѣ. Я понимаю и цѣню побужденія, которыя руководили вами при этомъ и заставили васъ позабыть ваши собственныя несчастія, думая только о несчастіи Франціи. Я принимаю въ ней живое участіе и горячо желаю, чтобы скорое заключеніе мира прекратило ея несчастія и бѣдствія, простирающіяся изъ него для Европы. Я полагаю, что миръ будетъ тѣмъ прочтѣе, чѣмъ онъ будетъ справедливѣе и умѣреннѣе. Я сдѣлалъ и сдѣлаю впродъ все отъ меня зависящее для достиженія этого результата, котораго я искренно желаю.

«Благодарю васъ за добрую память и за ваше довѣріе къ моимъ чувствамъ. Возобновляя въ нихъ увѣреніе, я остаюсь вашего величества доброжелательный братъ Александръ».

Между тѣмъ бывшій посланникъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы измѣнить недружелюбное отношеніе русскаго кабинета къ правительству 4-го сентября. По его настоянію, петербургскій кабинетъ согласился дать прусскому правительству совѣтъ изъявить свое согласіе на переговоры съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Ему было дано свиданіе, и 19-го сентября Жюль Фавръ былъ принятъ въ Феррьерѣ. Лстя себя обманчивыми мечтами, министръ воображалъ, что Пруссія не будетъ продолжать войну съ «свободнымъ народомъ» ²⁾). Бисмаркъ, отвергавшій вначалѣ всякую мысль о перемиріи, принялъ его высокоумно и ясно поставилъ вопросъ объ Эльзасѣ.

На другой день, посовѣтовавшись съ королемъ и подчиняясь вліянію русскаго императора, Бисмаркъ согласился заключить миръ подъ условіемъ уступки «Страсбурга и его округа».

Остальное извѣстно. Жюль Фавръ, отрѣзавъ себѣ путь къ отступленію своими неосторожными выраженіями, не согласился на предложенія, которыя могли повести къ заключенію мира. Война продолжалась; импе-

¹⁾ Императоръ Наполеонъ, узнавъ объ этихъ переговорахъ, писалъ изъ Вильгельмстеге генералу Флѣри, 25-го сентября: „... Меня весьма заинтересовало то, что вы пишете мнѣ о намѣреніяхъ и чувствахъ императора Александра... Я не думаю, чтобы перемиріе было возможно... Базаень можетъ играть нѣкоторую роль, ежели онъ очутится въ извѣстныхъ благопріятныхъ условіяхъ и если у него будутъ хорошіе совѣтники... Хотя я очень сожалѣю, что вы не были вождѣмъ меня, но вы оказали мнѣ въ Россіи истинныя услуги“.

²⁾ Донесеніе de Rainneville'a.

раторъ Александръ, видя, что его великодушное посредничество не принесло ожидаемыхъ плодовъ, отказался отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ и возвысилъ свой голосъ только для того, чтобы потребовать отмены трактата 1856 г.¹⁾ Приѣздъ въ Петербургъ Тьера не могъ измѣнить выжидательнаго положенія, котораго рѣшила держаться русская канцелярія. Когда же Англія предъявила, въ концѣ октября, робкій меморандумъ, желая добиться соглашенія съ Россіей и подготовить возможность заключенія мира, то императоръ Александръ отказался присоединиться къ нему дипломатическимъ путемъ, но написалъ королю прусскому, «совѣтуя ему согласиться на перемиріе, и выразилъ надежду, что оно поведетъ къ заключенію мира; онъ уговаривалъ своего дядю не требовать территоріальныхъ уступокъ, которыя сдѣлали бы заключеніе мира невозможнымъ»²⁾).

Царственный дядя отвѣчалъ на письма своего августѣйшаго племянника со слезами на глазахъ, но всегда упоминалъ о своихъ «обязанностяхъ по отношенію къ своимъ союзникамъ и къ подданнымъ». Императоръ не говорилъ опредѣленно, гдѣ, по его мнѣнію, кончается умѣренность и когда территоріальныя уступки сдѣлаютъ миръ невозможнымъ; между тѣмъ условія, предъявленныя Бисмаркомъ, не казались чудовищными его другу, князю Горчакову.

Поэтому, несмотря на сочувствіе, съ какимъ относилась къ Франціи вся Россія, несмотря на услуги, оказанныя ей императоромъ Александромъ, несомнѣнно, что Россія, своимъ образомъ дѣйствій въ франко-прусскую войну, оказала Пруссіи выдающуюся услугу. Новый германскій императоръ торжественно благодарилъ изъ Версаля своего племянника въ извѣстной телеграммѣ отъ 26-го февраля 1871 г.

Это имѣло результатомъ тѣсный союзъ между обѣими имперіями, сближеніе съ Австріей и полное уединеніе Франціи, которое продолжалось до конца царствованія Александра II, когда въ высшихъ сферахъ Россіи преобладали все время симпатіи къ Германіи. Но въ 1875 г. императоръ доказалъ еще разъ свои высоко гуманныя чувства. Когда желѣзный канцлеръ рѣшилъ нанести окончательный ударъ Франціи, которая не успѣла еще тогда преобразовать свою армію, то императоръ Александръ II употребилъ все свое вліяніе, чтобы не допустить дѣло до войны³⁾).

¹⁾ Князь Горчаковъ, несмотря на протестъ графа Греввиля, требовалъ отмены той статьи Парижскаго договора, которая касалась свободы плаванія по Черному морю, „требованіе чисто теоретичное, которое не будетъ немедленно примѣнено на практикѣ“, какъ онъ самъ высказалъ въ одномъ официальномъ документѣ. (Депеша барону Бруннову, въ Лондонъ, 20-го ноября).

²⁾ Донесенія Лофгуса и Буханана.

³⁾ См. Klaczko, „Les deux chanceliers“.

Долго сдерживаемыя симпатіи русскаго народа къ Франціи проявились съ полной силою уже послѣ кончины Александра II, въ особенности во время знаменательныхъ событій, которыя, по волѣ императора Александра III, привели къ союзу обѣихъ державъ. Какъ повліяетъ этотъ союзъ на судьбы Европы? Одному Богу извѣстно.

Записки графа Л. Л. Беннигсена

О

войнъ съ Наполеономъ 1807 года.

—
XII 1).

Отступление къ Кенигсбергу и пребываніе около этого города. — Сраженіе при Мансфельдѣ. — Генераль Бертранъ и переговоры о перемиріи. — Польза движенія къ Кенигсбергу. — Отступление французовъ и слѣдованіе за ними Беннигсена.

Рыше были изложены всѣ основанія, побудившія меня рѣшиться на приближеніе со всею моею арміею къ Кенигсбергу. Поэтому уже 27-го января (8-го февраля) до разсвѣта я выступилъ со всею моею арміею въ двухъ колоннахъ, при чемъ первая колонна шла черезъ Шлодигтенъ—Мюльгаузенъ, на Гросъ-Лаутъ, гдѣ она и перешла черезъ рѣчку Фришингъ; вторая черезъ Гроссъ-Саусгартенъ, на Виттеркеймъ, гдѣ переправилась черезъ ту же рѣчку. Для прикрытія нашего лѣваго крыла и воспрепятствованія непріятелю переправить нѣсколько отрядовъ легкихъ войскъ по ту сторону р. Прегела (что произвело бы только безполезныя тревоги, или побудило бы насъ отдѣлить особые отряды), я приказалъ генераль-лейте-

1) См. „Русскую Старину“ іюль 1899 г. Графъ Беннигсенъ вводитъ въ свои записки такія подробности относительно аванпостныхъ стычекъ и захвата при этомъ плѣнныхъ, которыя не имѣютъ значенія при описаніи общаго хода военныхъ дѣйствій. — Чтобы не затемнять рассказа и дать цѣльность впечатлѣнія, редакція считаетъ необходимымъ опускать эти подробности. При этомъ необходимо замѣтить, что при чтеніи записокъ слѣдуетъ пользоваться картою театра военныхъ дѣйствій, приложенною къ № 1-му „Русской Старины“ 1897 г.

нанту Лестоку съ его корпусомъ направиться 28-го января (9-го февраля) чрезъ Домнау на Фридландъ. Но, дойдя только до Домнау, этотъ отрядъ былъ достигнуть авангардомъ корпуса маршала Даву и долженъ былъ вступить съ нимъ въ перестрѣлку, не имѣвшую однако какихъ-либо послѣдствій.

Моя армія совершила переходъ самымъ спокойнымъ образомъ. Генераль-лейтенантъ князь Багратионъ, не видѣвъ даже ни одного непріятельскаго солдата, прибылъ въ 2 часа по полудни со своимъ арьергардомъ въ Гроссъ-Лаутъ. На слѣдующій день 29-го числа (10-го февраля) армія въ томъ же порядкѣ и никѣмъ не тревожимая шла отъ Виттенберга до обширныхъ равнинъ, простирающихся впереди Кенигсберга. Наше лѣвое крыло опиралось на старый Прегель, а правое—простиралось до форта Фридрихсбурга. Кромѣ того мы воздвигли нѣсколько полевыхъ укрѣпленій, чтобы удобнѣе обстрѣливать болотистую мѣстность, называемую Нассгартенъ, которая однако была еще тогда замерзшею.

Наибольшая часть легкихъ войскъ составляла авангардъ подъ начальствомъ атамана донскихъ казаковъ генераль-лейтенанта Платова и генераль-лейтенанта князя Багратиона. Они прикрывали позицію на рѣкѣ Фришингъ; правый флангъ ихъ цѣпи упирался къ берегамъ Фришгафа, а лѣвый простирался до самаго Фридрихсбурга, откуда сильные и частые патрули поддерживали наше сообщеніе съ отрядомъ генераль-лейтенанта Лестока, который въ этотъ день дошелъ до Алленбурга, чтобы при его слабыхъ силахъ избѣгнуть значительнаго столкновенія съ отрядомъ маршала Даву, за нимъ очень близко слѣдовавшаго. Генераль Лестокъ избралъ позицію, чтобы защищать проходы между рѣками Фришингъ и Алле, а также лѣса около Астравикшенъ. Ему было предложено поддерживать надежное сообщеніе съ русскою арміею и быть готовымъ присоединиться къ ней немедленно по первому о томъ увѣдомленію.

О позиціяхъ, занимаемыхъ непріателемъ въ это время, можно судить приблизительно по слѣдующему донесенію маршала Нея отъ того же числа къ военному министру, принцу Нефшательскому. Нея пишетъ: 29-го января (10 февраля) въ 6 часовъ вечера изъ мѣстечка Комятень слѣдующее:

„Имѣю честь донести вашей свѣтлости, что войска 6-го армейскаго корпуса размѣщены по слѣдующимъ мѣстамъ: генераль Кольберъ съ его кавалерійскою бригадою, второй баталіонъ 6-го полка и два артиллерійскихъ орудія занимаютъ Пушкамъ и Помпикенъ по дорогѣ изъ Ландсберга къ Крейцбургу. Онъ долженъ имѣть наблюдательный постъ въ самомъ Крейцбургѣ, если непріятель не будетъ находиться тамъ въ слишкомъ значительныхъ силахъ. Этотъ генераль со всѣмъ передовымъ отрядомъ стаетъ на высотѣ Шромбенень, какъ скоро войска корпуса князя Повте-Корво начнутъ показываться на дорогѣ къ Крейцбургу или когда армія двинется къ Виттенбергу.

„Первая бригада дивизіи генерала Маршанъ занимаетъ Фирдингъ-хубенъ, Левиттенъ и Веттенкеймъ. Вторая бригада—Мюльгаузенъ, Шуттгиленъ и Шромбененъ. Первая бригада дивизіи генерала Гардана занимаетъ Кнаутенъ и Комиттенъ. Вторая бригада той же дивизіи занимаетъ Книпиттенъ и Соссененъ.

„Общимъ сборнымъ пунктомъ всей арміи назначено мѣсто позади Мюльгаузена, при развѣтвленіи дорогъ на Эйлау и Домнау. Большая часть кавалеріи великаго герцога Бергскаго прошла уже Мюльгаузенъ, направляясь на Гроссъ-Лаутъ. Я полагаю даже, что она перешла уже рѣку Фришингъ. Я слышалъ вчера небольшую пушечную пальбу и ружейную перестрѣлку, впрочемъ довольно незначительную.

„Я сообщаю великому герцогу для свѣдѣнія расположеніе моихъ войскъ, чтобы въ случаѣ какихъ-либо дѣйствій онъ могъ бы ихъ поддержать“.

Другой рапортъ маршала Нея тому же военному министру изъ Комиттена отъ 30 января (11 февраля) былъ слѣдующаго содержанія:

„Его высочество великій герцогъ Бергскій прислалъ мнѣ вчера вечеромъ одного изъ своихъ адъютантовъ съ предложеніемъ, чтобы я отрядилъ въ его распоряженіе нѣсколько своей пѣхоты для занятія Виттенберга. Я замѣтилъ на это его высочеству, что для перехода черезъ Фришингъ, совершеннаго имъ единственно съ кавалерією, имѣется всего только одинъ мостъ при Гроссъ-Лаутѣ, что, при отступленіи въ случаѣ какихъ-либо неблагоприятныхъ событій, казалось бы по моему мнѣнію несогласнымъ съ приказаніями вашей свѣтлости и намѣреніями императора. Но чтобы не подвергать опасности великаго герцога, находившагося въ стѣлкѣ съ непріателемъ, немедленно я послалъ ему 69-ый пѣхотный полкъ къ мосту при Гроссъ-Лаутѣ. Съ разсвѣтомъ я послалъ одного изъ моихъ адъютантовъ далѣе позиціи, занятой 69-мъ полкомъ, чтобы получить свѣдѣнія о положеніи кавалерійскаго корпуса его высочества великаго герцога. Генераль Кольберъ мнѣ донесъ, что онъ не могъ занять Крейцбургъ и поставить тамъ наблюдательный постъ, какъ это было ему вчера приказано, потому что сильные разѣзды гусаръ и казаковъ постоянно то выѣзжаютъ, то пріѣзжаютъ днемъ и ночью въ Крейцбургъ и что отряды непріятельской пѣхоты доходятъ до Пушкама и тревожатъ наши аванпосты“.

Французская армія была въ то время расположена двумя линіями первую—составлялъ армейскій корпусъ Даву, при чемъ на правомъ крылѣ стоялъ маршалъ Ней съ своимъ корпусомъ, а на лѣвомъ крылѣ—маршалъ Бернадоттъ. Прочіе корпуса составляли вторую линію и находились въ окрестностяхъ Прейсишъ-Эйлау.

По нашемъ выступленіи изъ Прейсишъ-Эйлау я приказалъ генераль-лейтенанту Платову днемъ и ночью тревожить казаками непріятельскіе аванпосты вездѣ, гдѣ только къ этому представится возможность. Наши казаки исполняли эту обязанность такъ хорошо, что въ первые три дня сняли съ непріятельскихъ пикетовъ и аванпостовъ двухъ офицеровъ и до двухсотъ рядовыхъ, не потерявъ при этомъ сами ни одного человѣка. Изъ дальнѣйшаго изложенія скоро можно будетъ усмотрѣть весь вредъ, причиненный непріятелю казаками подъ начальствомъ ихъ

храбраго вождя, при свойственной имъ необычайной дѣятельности, въ особености при томъ расположеніи, въ которомъ въ это время находились обѣ арміи.

Я приказалъ генералу, командовавшему авангардомъ, при приближеніи непріятеля въ значительныхъ силахъ съ очевиднымъ намѣреніемъ совершить со всею арміею переходъ чрезъ Фришингъ, отнюдь не защищая перехода чрезъ рѣку, немедленно отступить къ нашей позиціи, на которой уже были сооружены почти всѣ полевые батареи, выше мною упомянутыя. На основаніи этого приказанія генералъ Платовъ и князь Багратіонъ перемѣстили свои главные квартиры въ Людвигсъ-Вальдъ и отодвинули назадъ всю цѣпь нашихъ аванпостовъ.

Сильный отрядъ непріятельской кавалеріи перешелъ тогда чрезъ рѣку Фришингъ при Гроссъ-Лаутѣ и приблизился къ деревнѣ Гезау. Князь Багратіонъ, узнавъ объ этомъ отъ своихъ аванпостовъ, послалъ туда подкрѣпленіе, состоявшее изъ Ольвиопольскаго гусарскаго полка и егерскаго пѣхотнаго полка съ двумя конно-артиллерійскими орудіями, съ приказаніемъ удерживать этотъ постъ. Къ полученнымъ нами свѣдѣніямъ о движеніи этого отряда непріятельской кавалеріи скоро прибавилось и другое, будто вся непріятельская армія слѣдуетъ за этимъ отрядомъ съ намѣреніемъ атаковать насъ въ нашей позиціи подъ Кёнигсбергомъ. Это побудило меня предложить генералу Лестоку присоединиться къ русской арміи, чтобы по возможности принять сраженіе со всѣми находившимися у меня подъ рукою войсками.

Генералъ Лестокъ вслѣдствіе этого предложенія направился со своимъ отрядомъ на позицію между Генслакенъ и Велау, откуда онъ могъ продолжать движеніе по лѣвому берегу рѣки Прегеля и въ одинъ переходъ прибыть въ Кёнигсбергу. Два дня спустя генералъ Лестокъ однако занялъ снова свою позицію при Алленбургѣ, такъ какъ французская армія не собиралась на насъ наступать и оставалась въ занятыхъ ею послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау позиціяхъ.

Въ день 1 (13) февраля все оставалось по-прежнему. Отрядъ казаковъ передъ цѣпью нашего лѣваго крыла снялъ съ непріятельскаго аванпоста тринадцать французскихъ солдатъ.

Генералъ Платовъ на основаніи полученнаго имъ донесенія приказалъ усилить постъ, стоявшій въ Боршерсдорфѣ, въ такомъ размѣрѣ, что тамъ находилось теперь восемь эскадроновъ Сумскаго гусарскаго полка, подъ командою полковника Ушакова, и два полка казаковъ: Андропова и Сизова. Храбрые офицеры, командовавшіе этими войсками, вида, что мѣстность по ту сторону Боршерсдорфа, откуда начиналъ показываться непріятель въ значительно превосходномъ числѣ, слишкомъ пересѣчена, чтобы можно было дѣйствовать съ успѣхомъ одною кавалеріею, сочли нужнымъ отступить за деревню, чтобы привлечь непріятеля въ откры-

тыя поля, находившіяся позади деревни. Французская кавалерія не замедлила показаться въ колоннахъ, но наши войска не дали ей времени совершенно построиться и атаковали ихъ уже развернутый фронтъ съ такою стремительностью и неустрашимостью, что не только опрокинули кавалерію, но и обратили въ полное бѣгство и остальную часть непріятельской колонны. Наши гусары и казаки стали очень сильно преслѣдовать непріятельскую кавалерію до окрестностей Гроссъ-Лаута, гдѣ она переправилась обратно черезъ Фришингъ и отошла подъ прикрытіе отряда своей пѣхоты. Эта стѣчка, дѣлающая большую честь отряду Сумскаго гусарскаго полка и казакамъ, а также бывшимъ во главѣ ихъ офицерамъ, стоила непріятелю убитыми и ранеными четыреста человекъ; кромѣ того французы потеряли орла, десять штабъ и оберъ-офицеровъ и 167 рядовыхъ кавалеристовъ, взятыхъ нами въ плѣнъ.

4-го (16) февраля генераль Платовъ приказалъ всѣмъ казачьимъ полкамъ выслать отъ себя отдѣльные отряды по разнымъ дорогамъ и съ самаго разсвѣта атаковать цѣпь непріятельскихъ аванпостовъ по всему ея протяженію. По возвращеніи изъ этого набѣга, казаки привели 50 человекъ плѣнными.

Генераль Платовъ лично отправился на линію аванпостовъ, тянувшихся отъ Людвигсвальда до Виттенберга. При его прибытіи непріятельскіе стрѣлки, поддерживаемые тремя эскадронами, завязали перестрѣлку. Генераль Платовъ послѣ этого приказалъ атаковать эти три эскадрона бывшими тутъ казачьими командами изъ полковъ Грекова 18-го и Ефремова 3-го. Непріятель былъ отгѣсненъ и преслѣдуемъ до Виттенберга и немного далѣе.

Генераль князь Багратионъ въ этотъ же день выполнилъ порученіе, данное ему наканунѣ. Именно: онъ сильно занялъ Кобельбуде.

Маршалъ Ней доносилъ въ этотъ день военному министру изъ Комиттена 16-го (4) февраля слѣдующее:

„Сего числа послѣ полудни я имѣлъ честь получить въ Гроссъ-Лаутѣ общія распоряженія, сдѣланныя сего же числа императоромъ для измѣненія въ размѣщеніи войскъ. Я послалъ необходимыя приказанія генераламъ Клейну и Лассалу, чтобы они завтра приблизились къ Мюльгаузену и прикрывали пѣхоту. По возвращеніи своемъ сюда въ Комиттенъ, я послалъ этимъ генераламъ подробныя инструкціи объ общемъ ходѣ военныхъ дѣлъ, возложенныхъ на аріергардъ, и я ничево не упустилъ для достиженія связаннаго и совокупнаго дѣйствія отдѣльныхъ частей. Императоръ можетъ быть вполне увѣренъ, что это движеніе будетъ исполнено настойчиво и съ твердостью.

„Если непріятель будетъ имѣть смѣлость отважиться на попытку меня прорвать, онъ встрѣтитъ съ моей стороны сопротивленіе, которое заставитъ его расклататься въ подобномъ намѣреніи. Я нахожусь здѣсь въ такой позиціи, которая доставляетъ мнѣ возможность видѣть образъ дѣйствія какъ офицеровъ, такъ и солдатъ и давать имъ приказанія, смотря по обстоятельствамъ и ходу дѣлъ.

„Завтра 17-го числа я займу позицію на плато (возвышенности) позади Эйлау и войду въ сношеніе съ княземъ Понте-Корво въ Шлоттиненгъ, а если возможно, то и съ маршаломъ Даву.

„Непріятель до сихъ поръ не дѣлалъ демонстрацій ни на фронтѣ моей позиціи, ни на правомъ ея флангѣ; повидимому, онъ имѣетъ намѣреніе направить нѣсколько кавалеріи на лѣвый флангъ арміи князя Понте-Корво“.

Генераль Бертранъ, адъютантъ императора Наполеона, чрезъ наши аванпосты передалъ мнѣ 2-го (14) числа письмо, въ которомъ сообщаетъ, что по приказанію его величества отправляется съ порученіемъ къ прусскому королю, а потому и проситъ меня дозволить ему проѣхать въ Мемель. Убѣжденный, что порученіе генерала Бертрана не могло имѣть другой цѣли, какъ только сближеніе съ королемъ, при чемъ военныя дѣйствія нисколько не были бы пріостановлены, я не счелъ возможнымъ дѣлать затрудненія поѣздкѣ генерала Бертрана, тѣмъ болѣе что являлось скорѣе выгоднымъ, нежели пагубнымъ, знать взгляды Наполеона на этотъ весьма любопытный вопросъ. Поэтому я приказалъ сдѣлать немедленно всѣ распоряженія, чтобы наши аванпосты доставили въ ночь генерала Бертрана въ Кѣнигсбергъ, и донесъ объ этомъ въ то же время прусскому королю, чтобы нѣсколько предварить его о пріѣздѣ адъютанта Наполеона.

Генераль Бертранъ пробылъ въ Мемелѣ не долго. Уже 5-го (17) числа февраля вечеромъ онъ вернулся снова въ Кѣнигсбергъ. Дѣйствительно, его порученіе касалось общихъ переговоровъ о мирѣ. Король прусскій взялъ на себя сообщить императору всероссійскому и другимъ союзнымъ державамъ миролюбивыя стремленія императора Наполеона и предложить ихъ конгрессу. Такъ какъ переговоры эти продолжались впоследствии во время расположенія арміи на зимнихъ квартирахъ, то я со временемъ снова коснусь этого обстоятельства. Король прусскій, желая оказать вѣжливость и со своей стороны, чрезъ нѣсколько дней послалъ своего генераль-адъютанта, полковника Клейста, въ Остероде, гдѣ Наполеонъ, послѣ отступленія французской арміи, имѣлъ свою главную квартиру.

Генераль Бертранъ при своемъ возвращеніи чрезъ Кѣнигсбергъ сдѣлалъ мнѣ любезность—навѣстилъ меня и въ продолженіе нашей бесѣды сказалъ мнѣ между прочимъ, что обѣимъ арміямъ крайне необходимо нѣсколько отдохнуть и что, по его мнѣнію, перемиріе было бы очень полезно для обѣихъ сторонъ. Не знаю, былъ ли этотъ генераль уполномоченъ на то, чтобы вести со мною подобный разговоръ, но я тѣмъ не менѣе ему отвѣтилъ, что мнѣ кажется очень затруднительнымъ, чтобы мы могли сойтись или согласиться въ условіяхъ перемирія. «Не думайте этого,—отвѣтилъ онъ мнѣ на это,—только вы бы захотѣли приступить къ этому».

Я опять ему повторилъ, что считаю перемиріе очень трудно достижимымъ, и затѣмъ разговоръ нашъ продолжался о совершенно постороннихъ предметахъ. Ночью онъ пустился далѣе въ путь, чтобы скорѣе возвратиться къ императору.

За два дня до возвращенія изъ Мемеля генерала Берграна, я получилъ отъ генерала Гюйо письмо, касавшееся того же самого предмета, которое было передано чрезъ парламентаря на наши аванпосты. Сообщаю это письмо здѣсь съ моимъ на него отвѣтомъ, убѣжденный, что читатель будетъ одинаковаго со мною мнѣнія о томъ, что перемиріе предлагалось единственно съ цѣлю скрыть на время приготовленія, которыя дѣлались во французской арміи для ея обратнаго движенія, вскорѣ и совершеннаго послѣ этой переписки. Вотъ эти письма:

«Его превосходительству г. главнокомандующему войсками его императорскаго величества, государя всероссійскаго.

«Одинъ изъ генераловъ, командующихъ аванпостами вашей арміи, предложилъ вчера одному изъ генераловъ нашей арміи родъ перемирія, а потому я отправился на аванпосты съ намѣреніемъ вступить въ объясненія лично съ генераломъ, командующимъ войсками въ Людвигсвальдѣ, и договориться о прекращеніи между нами всякаго рода аванпостныхъ перестрѣлокъ, которыя ни къ чему не приводятъ и только напрасно утомляютъ войска обѣихъ армій. Господинъ полковникъ (?), съ которымъ я говорилъ, сообщилъ мнѣ, что онъ имѣетъ положительное приказаніе не принимать никакихъ парламентаровъ и тѣмъ болѣе никакихъ предложеній о перемирії. Поэтому я удалился отъ него, сказавъ, что призжалъ къ нему единственно, чтобы отвѣтить на предложеніе, сдѣланное намъ однимъ изъ вашихъ офицеровъ. Въ этотъ же вечеръ явился ко мнѣ парламентаръ и поручилъ мнѣ передать, что если я желаю только обратиться къ вашему превосходительству съ предложеніемъ о перемирії, то такое можетъ повлечь немедленно приостановку военныхъ дѣйствій.

«Заглушая на время всякое самолюбіе, какое бы оно ни было, и руководствуясь только откровенностью, свойственною военнымъ людямъ, я желалъ послѣдовать обычаямъ, установившимся среди австрійскихъ и другихъ войскъ, съ которыми намъ приходилось воевать, и рѣшился поэтому предложить вамъ войти со мною во взаимное соглашеніе, по которому было бы опредѣлено время для предварительнаго увѣдомленія о началѣ военныхъ дѣйствій.

«Я долженъ однако предупредить васъ, генераль, что я не имѣю никакого точнаго разрѣшенія, чтобы окончательно согласиться на условія, предложенныя вашими офицерами, но я убѣжденъ, что получу такое отъ его императорскаго высочества великаго герцога Бергскаго, лишь только вашему превосходительству угодно будетъ назначить какое-либо

лицо, снабженное уполномочіями, для заключенія упомянутого договора. Ожидая отвѣта вашего превосходительства, имѣю честь просить принять увѣреніе въ моемъ глубокомъ къ вамъ уваженіи.

Начальникъ легкой кавалеріи великой арміи Гюйо».

3-го (15) сего февраля 1807 года.

Съ моей стороны послѣдовалъ на это слѣдующій отвѣтъ:

«Г. командиру легкой кавалеріи великой арміи г. генералу Гюйо.

«Ваше превосходительство! Получивъ письмо, которое вамъ угодно было мнѣ написать, ставлю себѣ въ пріятное удовольствіе отвѣчать на оное съ тою же военною откровенностью, съ которою вы обратились ко мнѣ съ предложеніями, и которую мы съ нашей стороны также никогда не покидаемъ. Никто болѣе меня не убѣжденъ въ бесполезности мелкихъ стычекъ, часто совершенно случайныхъ и единичныхъ, ни къ чему не ведущихъ и только напрасно утомляющихъ войска обѣихъ воюющихъ сторонъ.

«Я уже очень давно запретилъ нашимъ ведеттамъ и главнымъ карауламъ тревожить войска, находящіяся впереди ихъ, но я никого до сего времени не уполномочивалъ предлагать тотъ родъ перемирія, о которомъ вашему превосходительству угодно было упомянуть. Чтобы имѣть возможность съ большею точностію дать вамъ на это отвѣтъ, мнѣ желательно бы знать, кто могъ сдѣлать подобное предложеніе, но до настоящаго времени я не могъ получить надлежащаго объ ономъ свѣдѣнія. Вы изволите упоминать о лицѣ въ генеральскомъ чинѣ, но такового не находится на упоминаемомъ вами мѣстѣ.

«Что касается бывшихъ въ послѣднее дни перестрѣлокъ, то онѣ несколько не составляютъ нарушенія вышеупомянутого моего приказанія; онѣ являются только неизбѣжнымъ слѣдствіемъ движенія одного изъ вашихъ отрядовъ, который двинулся на правый берегъ рѣки Фришинга, занимаемый въ настоящее время моими войсками, и который я желалъ бы удержать за собою, такъ какъ онъ является естественною демаркаціонною (пограничною) между нами линіею, что вы изволите усмотрѣть на картѣ. Имѣю честь просить ваше превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ уваженіи. Беннигсенъ».

Кенигсбергъ, 4-го (16) сего февраля 1807 года.

5-го (17) февраля отряды казаковъ, высланные, чтобы тревожить цѣль непріятельскихъ аванпостовъ, взяли у непріятеля, съ разсвѣтомъ дня, въ различныхъ мѣстахъ около 112 человекъ. Но, встрѣтивъ на лѣвомъ берегу Фришинга на всѣхъ аванпостахъ пѣхотныя войска, возвратились назадъ, принявъ такое распоряженіе за мѣру осторожности со стороны непріятеля, не желавшаго, послѣ сраженія при Прейсишъ-Эй-

лау, подвергать болѣе нападеніямъ свою кавалерію, очень пострадавшую и безъ того въ этомъ сраженіи. Поэтому только вечеромъ генераль Платовъ сообщилъ мнѣ, что вся непріятельская армія начала отступать по направленію къ Ландсбергу.

Я послалъ генераль-лейтенанта князя Багратиона въ С.-Петербургъ съ донесеніями его величеству о положеніи, въ которомъ въ настоящее время находилась наша армія.

Генераль Платовъ, командовавшій поэтому одинъ всѣмъ авангардомъ, немедленно приступилъ къ преслѣдованію непріятеля всѣми легкими войсками, состоявшими подъ его начальствомъ.

Генераль Лестокъ въ этотъ день вытѣснилъ непріятеля изъ Фриданда и приказалъ занять это мѣстечко отрядомъ его корпуса.

Теперь считаю нужнымъ обратить вниманіе читателя на полезныя послѣдствія моего движенія на Кёнигсбергъ послѣ сраженія при Прейсшъ-Эйлау, а также на пребываніе обѣихъ армій одна противъ другой на берегахъ рѣки Фришинга, т. е. съ 28-го января (9 февраля) по 5-е (17) февраля, на такомъ близкомъ разстояніи, что достаточно было одного перехода, чтобы совсѣмъ сойтись.

Всѣ пѣхотныя войска нашей арміи въ продолженіе этихъ девяти дней имѣли возможность совершенно спокойно отдохнуть отъ тѣхъ большихъ усилій и утомленія, которымъ подвергались въ продолженіе болѣе двухъ мѣсяцевъ, и при томъ въ столь суровое время года. Здѣсь въ близкомъ разстояніи отъ города Кёнигсберга солдатъ получалъ хорошее продовольствіе, мясо, водку и т. д.

Генераль-лейтенантъ Рухель, военный губернаторъ старої Пруссіи, оказалъ намъ существенныя услуги при этомъ. Онъ принялъ всѣ возможные мѣры, чтобы войска наши ни въ чемъ не терпѣли недостатка. Этотъ почтенный генераль, слѣдствіе раны, полученной въ сраженіи подъ Іеною, отправлялся въ Кёнигсбергъ и оказался чрезвычайно намъ полезенъ своею дѣятельностью и въ особенности добрымъ къ намъ расположеніемъ при отправленіи всякаго рода обязанностей, относившихся до вѣрннаго ему круга дѣятельности, весьма часто сопряженныхъ съ общими движеніями нашей арміи и разными другими предметами, до нее относящимися. Всѣ мастеровыя необходимыя для неотложнаго исправленія нашей артиллеріи были немедленно предоставлены въ наше распоряженіе принудительными мѣрами прусскаго правительства; это дало полную возможность въ восемь дней привести нашу артиллерію въ возможно лучшее состояніе.

Полки, терпѣвшіе недостатокъ въ обуви и одеждѣ, были всѣ снабжены тѣмъ и другимъ.

Еще весьма существеннымъ для насъ предметомъ, найденнымъ нами въ Кёнигсбергѣ, являлся большой складъ овса и сѣна, давшій

возможность выдавать въ кавалерію и артиллерію столько корма, сколько требовалось для полнаго поправленія лошадей, не совсѣмъ впрочемъ изнуренныхъ, несмотря на дѣятельную службу, которую постоянно управляла наша легкая кавалерія. Равнымъ образомъ въ Кёнигсбергѣ мы нашли всѣ возможные средства для вполнѣ хорошаго ухода за нашими больными и ранеными. Обширныя зданія были предоставлены для этой цѣли въ наше распоряженіе; всѣ доктора, хирургы и фельдшера прусскіе, находившіеся въ этомъ городѣ, оказали намъ большія и существенныя услуги при первыхъ перевязкахъ раненыхъ.

Не могу пройти здѣсь молчаніемъ и не помянуть добрымъ словомъ обывателей Кёнигсберга. Увидѣвъ, какія тяжелыя обязанности лежатъ на лицахъ, завѣдывавшихъ госпиталями, и до чего затруднительно, въ особенности въ первые дни, доставить все необходимое столь значительному числу больныхъ и раненыхъ, прибывшихъ почти одновременно въ городъ, обыватели Кёнигсберга оказывали всевозможное къ тому содѣйствіе и приложили все свое стараніе къ облегченію бѣдственнаго положенія несчастныхъ. Они избрали изъ среды своей наиболѣе почтенныхъ и достойныхъ лицъ, жившихъ въ городѣ, какъ напримѣръ герцога Гольштейнъ-Бекскаго, графа Дона, графа Шлибена и тому подобныхъ, и поставили ихъ во главѣ особой комиссіи для распредѣленія между различными госпиталями пособій всякаго рода, которыя предложены были жителями города раненымъ и больнымъ. Непріятельскіе раненые, находившіеся въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, пользовались на совершенно равномъ основаніи сострадательною благотворительностью обывателей, изъ которыхъ одинъ исключительно завѣдывалъ госпиталемъ, отведеннымъ для плѣнныхъ французовъ. Словомъ сказать, жители города Кёнигсберга сознали все, что они въ настоящую минуту обязаны сдѣлать для русской арміи, и старались, насколько могли, проявить всю свою признательность. Я полагаю, что французская армія не можетъ сдѣлать подобнаго отзыва о своемъ пребываніи въ окрестностяхъ Прейсигъ-Эйлау и на берегахъ Фришинга.

6-го (18-го) февраля маршалъ Ней, разставивъ по всѣмъ передовымъ пунктамъ его аванпостной линіи пѣхоту, этимъ самымъ ввелъ нашихъ казаковъ въ заблужденіе; это дало возможность всему непріятельскому ариегарду, которымъ онъ командовалъ, выиграть цѣлый день, въ продолженіе котораго онъ совершалъ свое отступленіе, безъ всякаго съ нашей стороны преслѣдованія. Равнымъ образомъ наступившая въ эти дни сильная оттепель привела дороги въ такое состояніе, что по нимъ было очень затруднительно проходить; низменныя же мѣста въ обширной равнинѣ сдѣлались совершенно непроходимыми; такимъ образомъ представлялось почти невозможнымъ нашей пѣхотѣ, бывшей въ авангардѣ, совершить усиленный переходъ съ тѣмъ, чтобы поддержать съ достаточ-

ною силою нашу легкую кавалерію, при ея преслѣдованіи непріятели; въ особенности же это было чрезвычайно затруднительно для артиллеріи.

Изъ помѣщаемаго ниже рапорта самого маршала Нея наглядно видно, до чего затруднительно было движеніе войска въ это время года.

Однако генераль Платовъ приказалъ занять отрядомъ казаковъ вечеромъ Прейсишъ-Эйлау, въ которомъ нашелъ еще нашихъ тяжело раненыхъ въ сраженіи 27 января (8 февраля), которыхъ не было возможности увезти съ собою, именно: три маіора, четыре оберъ-офицера и нѣсколько сотенъ солдатъ.

Въ тотъ же день я далъ приказанія всѣмъ начальникамъ дивизій моей арміи собираться къ выступленію и направляться къ берегамъ рѣки Фришинга. Для нашей арміи были назначены во время этого движенія слѣдующія стоянки: пятая дивизія въ Бернсдорффъ, осьмая въ Виттенбергъ, третья въ Ундервангенъ, вторая въ Абшвангенъ, седьмая въ Шенфлисъ, четырнадцатая въ Непердорффъ, а четвертая въ Акерау. Авангардъ подъ начальствомъ генерала Платова состоялъ изъ двухъ отрядовъ, чтобы преслѣдовать непріятели по двумъ дорогамъ. Одинъ отрядъ еще рано утромъ перешелъ р. Фришингъ въ Крейцбургъ и шелъ по той дорогѣ, по которой слѣдовалъ князь Понте-Корво со своимъ корпусомъ. Другой же отрядъ, во главѣ котораго находился лично генераль Платовъ, переправился черезъ Фришингъ въ Гроссъ-Лаутъ.

Маршаль Ней доносилъ военному министру изъ Ландсберга отъ 18-го (6) февраля 1807 года въ 5 часовъ по полудни, между прочимъ, слѣдующее:

...«Войска были до крайности утомлены чрезвычайно затруднительными дорогами; они будутъ расквартированы сегодня слѣдующимъ образомъ: драгуны генерала Клейна въ Древенъ и его окрестностяхъ, дивизія легкой кавалеріи генерала Лассала въ Вотенлакъ, Паустернъ, Гроссъ-Пестенъ и Эйхорнъ. Пѣхотная дивизія генерала Гардана въ Хофъ, Синкенъ и Гроссъ-Глодау. Дивизія генерала Маршана въ Ландсбергъ. Бригада легкой кавалеріи генерала Кольбера и одинъ баталіонъ вольтижеровъ въ Воймангъ, Эшенъ, Вориненъ и Мюгенъ.

«Завтра армія направится на Фреймарктъ, чтобы расположиться на дневку. Я не замедлю сообщить вашей свѣтлости сдѣланныя мною распоряженія по этому поводу. Надѣюсь, что мы успѣемъ протащить орудія и зарядные ящики по ужаснымъ дорогамъ изъ Эйлау въ Ландсбергъ. Я полагаю, что человѣколюбіе требовало оставить въ Ландсбергъ часть раненыхъ, взятыхъ изъ Эйлау, такъ какъ повозки, на которыхъ ихъ везли, сломались или совершенно завязли. Многіе изъ этихъ несчастныхъ умерли дорогою, а везти ихъ далѣе по столь ужасной дорогѣ значило бы

обрекать их на вѣрную смерть. Всѣ тѣ, которые въ состояннн выдержать перевозку, будутъ увезены.

«Завтра я оставлю одинъ баталіонъ вольтижеровъ и одну бригаду линейной кавалеріи генерала Гюйо, которые смѣнятъ войска генерала Кольбера на всемъ протяженіи отъ Ландсберга до Бергерсвальда, чтобы прикрывать перевозку всѣхъ снарядовъ и раненыхъ.

«Четыре казака прибыли въ полдень въ Эйлау, сопровождая адъютанта его императорскаго величества, генерала Бертрана. Непріятель безъ сомнѣнія хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы удостовѣриться въ дѣйствительности нашего отступленія. Однако онъ не могъ ничего усмотрѣть относительно очищенія нами Эйлау, который мы еще довольно сильно занимаемъ по настоящее время: эти казаки къ тому же были задержаны въ Шлодттенѣ и затѣмъ отправлены подъ конвоемъ довольно далеко по дорогѣ къ Мюльгаузену.

Р. S. «Одинъ изъ моихъ адъютантовъ, возвратясь изъ арьергарда, донесъ мнѣ, что два взвода казаковъ появились подъ Эйлау около трехъ часовъ дня, не сдѣлавъ однако ни одного выстрѣла: они даже не слѣдовали за движеніемъ нашихъ войскъ. Небольшая ружейная перестрѣлка слышалась по направленію къ Оршену и Лишену, т. е. по дорогѣ, по которой движется князь Понте-Корво. Я послалъ туда одного изъ моихъ офицеровъ, чтобы разузнать о происходившемъ. Повидимому, мы будемъ принуждены бросить нѣсколько повозокъ съ снарядами; въ одномъ переходѣ только этого дня пало болѣе пятидесяти обозныхъ лошадей; онѣ падаютъ отъ изнуренія вслѣдствіе недостатка корма. Если дороги, по которымъ мы направимся завтра, въ такомъ же ужасномъ состояннн, какъ тѣ, по которымъ мы шли сегодня, то я опасаясь, что принужденъ буду бросить мою артиллерію».

Въ слѣдующей главѣ будутъ изложены дальнѣйшія дѣйствія, послѣдовавшія съ обѣихъ сторонъ, прежде чѣмъ оба начальника воюющихъ армій признали необходимымъ доставить войскамъ покой, расположивъ ихъ по зимнимъ квартирамъ, послѣ столь утомительныхъ передвиженій и такого большаго пролитія крови. Перемиріе было необходимо также, чтобы пополнить въ особенности убыль въ людяхъ.

Генералъ Лестокъ получилъ извѣстіе, что храбрый генералъ Руккеттъ, дѣйствовавшій до настоящаго времени съ большимъ искусствомъ и большою осторожностью съ небольшимъ ввѣреннымъ ему отрядомъ, потерпѣлъ неудачу. Его отрядъ состоялъ только изъ одного баталіона пѣхоты и семи эскадроновъ кавалеріи. Съ этимъ небольшимъ числомъ солдатъ генералу Руккетту поручено было защищать Нидригунгъ противъ цѣлой дивизіи генерала Друэ. Послѣ различныхъ стычекъ съ перемѣннымъ успѣхомъ въ окрестностяхъ Прейсишъ-Голланда, генералъ Руккеттъ принужденъ былъ наконецъ 11-го февраля (новаго стиля)

уступить значительно превосходившимъ силамъ непріятеля, встрѣченнымъ въ окрестностяхъ Маріенвердера, и отступить съ потерей къ Данцигу.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь приказъ, отданный Беннигсеномъ при выступленіи арміи для преслѣдованія непріятеля, а также и приказъ Наполеона къ его арміи, при отступленіи ¹⁾).

Приказъ генерала Беннигсена.

Кенигсбергъ, 16-го (8-го) февраля 1807 года.

Солдаты! Непріятель намѣревался отрѣзать насъ отъ границъ нашихъ и стать между вами и Россією. Но эти отважные замыслы были своевременно открыты. Ничто не могло ускользнуть отъ бдительности и дѣятельности нашихъ аванпостовъ. Приказанія, отправленныя къ французскимъ генераламъ, попали въ наши руки и открыли намъ въ-время ихъ смѣлыя преднамѣренія. Переимѣнивъ немедленно направленіе, мы обманули ихъ ожиданія; мы привлекли непріятеля къ себѣ, и онъ попалъ въ засаду. Онъ отважился слѣдовать за нами, и все пространство, которое мы заставили его пройти, было обогрено его кровію. Наконецъ послѣ навсегда достопамятной битвы при Прейсишъ-Эйлау, въ которой ваша храбрость, превзойдя всякія ожиданія, стоила жизни болѣе 30 тысячамъ французамъ, непріятель принужденъ былъ уступить вашему превосходному мужеству. Онъ отступаетъ со всѣхъ мѣстъ—покидаетъ раненыхъ, оставляетъ обозы и желалъ бы поставить преградою между вами и собою всю землю. 12 баталіоновъ непріятельскихъ, попытавшись показаться, всѣ погибли за исключеніемъ немногихъ, которые, возвратясь въ лагерь, только ускорили отступление всей арміи. Солдаты! мы отдохнули отъ тяжкихъ трудовъ; двинемся впередъ, окончимъ наше дѣло и побѣдами самыми блестящими и еще болѣе рѣшительными доставимъ миръ вселенной и возвратимся въ наше отечество, гдѣ среди семействъ будемъ наслаждаться при счастливомъ царствованіи императора Александра, спокойствіемъ, славою и счастьемъ.

Приказъ Наполеона.

Солдаты! мы начали только немного отдыхать въ нашихъ зимнихъ квартирахъ, какъ непріятель атаковалъ первый корпусъ и появился на нижней Вислѣ. Мы двинулись противъ него и упорно его преслѣ-

¹⁾ Это до конца главы взято изъ записокъ Беннигсена, хранящихся въ архивѣ военно-ученаго комитета.

довали на разстояніе восьмидесяти льё. Онъ укрѣлся за своими укрѣпленіями и перешелъ обратно Прегель. Въ сраженіяхъ при Бергфридѣ, Дешпенѣ, Хофѣ, въ битвѣ при Эйлау мы отняли у него 65 орудій, 16 знаменъ и лишили его убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ болѣе сорока тысячъ человекъ. Храбрые, павшіе съ нашей стороны на погѣ чести, почли славною смертію, смертію истинныхъ солдатъ. Ихъ семейства имѣютъ всегда полное право на нашу о нихъ заботливость и на наши благодѣянія.

Разстроивъ всѣ замыслы врага, мы приближаемся къ Вислѣ и вступаемъ въ наши кантонирь-квартиры. Осмѣлившійся нарушить нашъ отдыхъ раскается. За Вислою, какъ и за Дунаемъ, среди зимней стужи, какъ и въ при началѣ весны, вы пребудете всегда французскими солдатами, и при томъ солдатами великой французской арміи.

Сообщилъ П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. А. Валуевъ и А. Г. Троицкій.

Письма П. А. Валуева къ А. Г. Троицкому ¹⁾.

21²⁾.

23-го ноября 1862 г.

Покорнѣйше благодарю ваше превосходительство за письмо отъ 21-го.

Возвращаю почти всѣ мнѣ присланныя бумаги и прилагаю замѣтку съ нѣкоторыми desiderata.

Весь Вашъ Валуевъ.

Записка для памяти.

1) Мѣсяца четыре тому назадъ я просилъ составить по земскому отдѣлу сравнительную справку съ случаяхъ безпорядковъ по крестьянскому дѣлу, требовавшихъ содѣйствія военныхъ командъ, т. е. ввода ихъ въ имѣнія и т. д. Теперь, при сближеніи 2-хъ-лѣтняго срока, желательно составить о томъ полную справку по губерніямъ. Можно бы въ ней упомянуть о тѣхъ случаяхъ, гдѣ было явное упорство и шумное неповиновеніе, хотя бы они были устранены безъ ввода командъ. Прошу г. Макова этимъ заняться.

2) Въ меморіяхъ по крестьянскому дѣлу есть свѣдѣнія объ уставныхъ грамотахъ оброчныхъ и барщинныхъ и о выкупныхъ сдѣлкахъ. Нѣтъ свѣдѣній о даровомъ четвертномъ надѣлѣ. Прошу ихъ потребовать. Эти данныя нужны для общаго изображенія хода дѣла.

3) Желательно также имѣть болѣе подробныя данныя по губерніямъ: 1) Объ уѣздахъ и участкахъ, гдѣ грамоты введены прежде другихъ, по числу душъ и имѣній. 2) О случаяхъ добровольныхъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ июль 1899 г.

²⁾ Нѣкоторыя письма П. А. Валуева, написанныя на французскомъ языкѣ, помѣщаются здѣсь въ переводѣ.

Р е д.

соглашеній. 3) О выкупахъ, съ содѣйствіемъ и безъ содѣйствія правительства. 4) О жалобахъ крестьянъ и помѣщиковъ.

4) Тоже,—общій перечень главныхъ вопросовъ, возникшихъ при введеніи въ дѣйствіе Положенія и о послѣдовавшихъ на то разрѣшеніяхъ.

NB. По всѣмъ самъ пунктамъ прошу г. Макова, по соглашенію съ Я. А. Соловьевымъ, принять трудъ на себя.

5) По медицинскому департаменту. Я еще не вижу въ «Сѣверной Почтѣ» ежемѣсячныхъ сравнительныхъ табелей о больныхъ, выздоровѣвшихъ и умершихъ. Желалъ бы, чтобы къ тому присовокупялись еженедѣльные о родившихся и умершихъ.

6) Я просилъ по желѣзнымъ дорогамъ помѣщать сравнительныя ежемѣсячныя данныя о движеніи и сборахъ за прошлый и текущій годы. Просилъ также добыть еженедѣльные свѣдѣнія о движеніи по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ. Тогда и по Николаевской, вмѣсто ежедневныхъ будутъ гебдомидарныя. А. Г., конечно, не откажетъ попросить о томъ генерала Мельникова.

7) Покорнѣйше прошу А. Г. нынѣ уже распорядиться затребованіемъ нужныхъ свѣдѣній для стчета за 1862 годъ. По этой части возможны разныя улучшенія. Г. Туруновъ ¹⁾ можетъ указать на затрудненія, имъ встрѣченныя при составленіи отчета за 1861 годъ.

22.

8-го декабря 1862 г. Москва.

Вчера былъ такой занятой для меня день, что я не успѣлъ помѣтить всѣхъ докладовъ, и потому не возвращаю ихъ съ сегодняшнимъ курьеромъ, тѣмъ болѣе, что они получены были бы въ Петербургъ завтра, въ воскресенье, и слѣдовательно остались бы безъ исполненія. Спѣшу только сообщить вашему превосходительству о причинѣ замедленія и о томъ, что все сошло благополучно. Антоновичъ ²⁾ останется въ Одессѣ. Веліо ³⁾ отправится въ Бессарабію. На удаленіе отъ долж-

¹⁾ Михаилъ Николаевичъ, въ то время членъ Совѣта министра внутреннихъ дѣлъ; позже предсѣдатель С.-Петербургскаго цензурнаго комитета. Умеръ 19-го марта 1890 г. сенаторомъ, дѣйств. тайн. совѣтн.

²⁾ Платонъ Александровичъ Антоновичъ былъ одесскимъ градоначальникомъ съ 8-го марта 1861 г. до 1-го августа 1863 г., потомъ до 30-го ноября 1867 г. бессарабскимъ губернаторомъ, позже попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа.

³⁾ Баронъ Иванъ Осиповичъ Веліо былъ съ 14-го ноября 1861 г. херсонскимъ вице-губернаторомъ, съ 28-го декабря 1862 г. бессарабскимъ губернаторомъ, съ 1-го августа 1863 года до 1865 года одесскимъ градоначальникомъ. Умеръ въ 1899 г. дѣйствит. тайн. совѣтникомъ, членомъ Государств. Совѣта.

ности г. Лаврова послѣдовало высочайшее соизволеніе и т. д. О Калужской перемѣнѣ я вчера сообщилъ вамъ по телеграфу, но прошу хранить дѣло въ секретѣ до совершенія. На мѣсто Арцимовича прочу Лерхе ¹⁾, а на мѣсто Лерхе графа Чапскаго ²⁾, за которымъ, если онъ еще въ Петербургѣ, прошу послать и конфиденціально ему сообщить о моемъ намѣреніи, государемъ уже одобренномъ.

Прошу васъ также тотчасъ побывать у Рейтерна и ему сказать, что назначеніе Купреянова могло бы состояться въ слѣдующую пятницу, если онъ пришлетъ къ этому дню проектъ указа. Тогда я дамъ къ подписи и указъ объ Александровскомъ ³⁾.

О назначеніи Анненкова ⁴⁾ вамъ уже извѣстно. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ завтра или послѣзавтра. По дѣламъ западнаго комитета я испросилъ высочайшее повелѣніе, о которомъ вы изволите узнать завтра изъ бумагъ, которыя пришлю незапечатанными, именно для вашего свѣдѣнія, съ просьбою приказать оныя тотчасъ отправить по принадлежности.

Здѣсь все благополучно. Весь вашъ Валуевъ.

Прилагаю, вслѣдствіе разговора съ княземъ Долгоруковымъ, памятную записку въ 3-хъ пунктахъ.

23.

8-го декабря 1862 г. Москва.

Посылаю при семъ вашему превосходительству бумаги, о которыхъ говорилъ въ отправленномъ утромъ письмѣ.

Исполненія по одному изъ приложенныхъ докладовъ сдѣланы здѣсь. По другому вы потрудитесь распорядиться. Письмо къ Корнилову ⁵⁾ прошу приказать отправить по прочтеніи. Нельзя ли вамъ заѣхать къ военному министру въ понедѣльникъ или во вторникъ (по дорогѣ), и сказать ему, к о н ф и д е н ц и а л ь н о, что Н. Н. Анненковъ уже озабоченъ передѣлкою проекта о генераль-губернаторахъ, находя, что ему предоставляется слишкомъ мало дѣлъ, и даже проекта о военныхъ округахъ, по соображеніямъ, мнѣ, какъ не специалисту, менѣе доступнымъ. Впро-

¹⁾ Эдуардъ Васильевичъ, до 14-го декабря 1862 г. новгородскій вице-губернаторъ, а съ этого числа калужскій губернаторъ. Умеръ тайн. совѣтникомъ, сенаторомъ. См. „Русскую Старину“, 1898 г., августъ.

²⁾ Эмерикъ Карловичъ, новгородскій вице-губернаторъ съ 21-го декабря 1862 г., а съ 1-го января 1865 г. с.-петербургскій; съ 13-го апрѣля 1875 г. до 25-го іюня 1879 г. директоръ лѣснаго департамента.

³⁾ Пензенскій губернаторъ съ 28-го декабря 1862 г.

⁴⁾ Николай Николаевича, генераль-губернаторомъ въ Кіевѣ; умеръ 25-го декабря 1865 г.

⁵⁾ Федоръ Петровичъ Корниловъ въ то время управлялъ дѣлами Комитета Министровъ.

чемъ онъ расположенъ весьма умѣренно и за дѣло берется усердно. Оно пойдетъ, если онъ не поторопится составленіемъ себѣ окончательнаго мнѣнія о Кіевскомъ краѣ (сообщите также Д. А. Милютину сущность того, что я писалъ къ Корнилову). Весь вашъ Валуевъ.

24.

11-го декабря 1862 г. Москва.

Письмо вашего превосходительства отъ 7-го я получилъ и очень благодаренъ за скорое разрѣшеніе Калужскаго вопроса. Да будетъ Арцимовичъ въ Москвѣ. Кажется, что пора была ему возсѣсть въ Сенатъ.

Присланныя ко мнѣ отъ васъ бумаги я возвратилъ вчера (т. е. одну изъ нихъ, ибо донесеніе подольскаго губернатора я вкратцѣ доложу государю). Весьма сожалѣю о прискорбномъ происшествіи въ домѣ министества. Вы конечно уже приказали изслѣдовать оное при соблюденіи указныхъ формъ.

Отослана ли наша смѣта? Имѣете ли отзывъ Рейтерна о назначеніи Купреянова?

Здѣсь все благополучно. Государь вчера былъ на охотѣ въ предѣлахъ Владимірской губерніи и вернулся благополучно въ 9 часовъ вечера; но я еще не знаю, какой успѣхъ имѣла охота. Дворъ выѣзжаетъ 18-го. Я полагаю выѣхать, по предположенію, въ субботу 15-го числа. Слѣдовательно послѣднее отправленіе ко мнѣ можетъ быть сдѣлано 14-го, но только непременно съ фельдъегеремъ, а не по почтѣ, чтобы получить здѣсь до выѣзда.

Прошу васъ приказать справиться, почему Лифляндскому губернатору ¹⁾ не ассигновано прибавочнаго содержанія и не дано подъемныхъ? Я уже разъ объ этомъ спрашивалъ. Весь вашъ Валуевъ.

25.

1-го марта 1863 года.

Мнѣ кажется, что до публикаціи указа о выкупѣ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ было бы полезно напечатать въ «Сѣверной Почтѣ» «корреспонденцію» или «замѣтку», обращающую вниманіе на необходимость развязки крестьянскаго дѣла въ томъ краѣ — моменты слѣдующіе:

- 1) Исключительное положеніе крѣпа.
- 2) Преданность крестьянъ и сомнительныя дѣйствія многихъ помещиковъ.

¹⁾ Съ 18-го мая 1862 г. до 16-го января 1868 г. Августъ Александровичъ фонъ-Эгтингеръ.

3) Явное стараніе нѣкоторыхъ изъ нихъ возбудить неудовольствіе въ массахъ мѣрами строгости за неисполненіе обязанностей.

4) Неопредѣленное положеніе поземельныхъ отношеній впредь до повѣрки повѣрочными коммиссіями.

5) Уклоненіе нѣкоторыхъ крестьянъ отъ исполненія ихъ обязанностей, частію вслѣдствіе дѣйствій самихъ помѣщиковъ, частію вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ края вообще.

6) Невозможность принятія строгихъ военныхъ мѣръ противъ крестьянъ, когда войска заняты охраненіемъ края отъ систематическихъ попытокъ враговъ порядка.

7) Между тѣмъ необходимость огражденія общихъ началъ права собственности и исполненія полож. 19-го февраля.

8) Inde—ускореніе выкупа.

9) Inde, далѣе,—принятіе правительствомъ мѣръ къ его облегченію и ускоренію.

Если вы раздѣляете это мнѣніе, то не угодно ли поручить Соловьеву ¹⁾ написать нѣчто объ этомъ.

Je Vous importune, parce qu'il me faut V o t r e tact. T. à V. W. ²⁾

26.

14-го марта 1863 года.

Съ превеликою благодарностію возвращаю вашему превосходительству вашу прекрасную статью, прошу позволенія только обратить ваше вниманіе на нѣсколько замѣтокъ, сдѣланныхъ мною при чтеніи.—Общій смыслъ ихъ слѣдующій:

1) Достаточно ли выгорожены Могилевская губернія и часть Витебской,—тамъ гдѣ рѣчь о необходимости выкупа.

2) Не слишкомъ ли ясно высказана цѣль разьединенія?

3) Достаточно ли выставлена на свѣтъ цѣль огражденія правъ собственности.

Мнѣ кажется, что нѣсколькихъ словъ достаточно, въ пяти—шести мѣстахъ, чтобы устранить всякое сомнѣніе.

Дальнѣйшія приказанія редакціи не угодно ли будетъ отдать прямо отъ себя. Весь вашъ Валуевъ.

¹⁾ Яковъ Александровичъ Соловьевъ былъ въ то время управляющимъ земскимъ отдѣломъ.

²⁾ Я васъ безпокою, потому что нуждаюсь въ вашемъ тактѣ. Весь вашъ. Валуевъ.

27.

16-го марта 1863 года.

Возвращаю при семъ письмо Щербинина ¹⁾; жаль:

1) Что въ Москвѣ такъ упорно настаиваютъ на мнимомъ подчиненіи московскаго комитета петербургскому, тогда какъ на дѣлѣ этого нѣтъ, какъ председателю петербургскаго только поручено за меня подписывать обрядныя бумаги, какъ ни одного разрѣшенія не исходить безъ моей подписи, и какъ не далѣе какъ сегодня г. Цеэ ²⁾ написалъ Аксакову, что онъ не имѣетъ никакого права перевершать или критиковать распоряженія московской цензуры.

2) Что Щербининъ такъ настаиваетъ на увольненіи къ Пасхѣ. Впрочемъ это дѣйствительно ему обѣщано и между 31-го марта и 17-го апрѣля будетъ исполнено.

3) Что онъ настаиваетъ на сохраненіи всего содержанія. Впрочемъ и здѣсь будетъ сдѣлано возможное.

На счетъ нападокъ на Каткова я распоряжусь. Весь вашъ Валуевъ.

28.

17-го марта 1863 года.

Возвращаю съ превеликою благодарностью прилагаемую корректуру. Мнѣ кажется:

1) Что заголовка не нужно. Достаточно напечатать въ неофициальномъ отдѣлѣ подъ рубрикой С. - Петербургъ 18-го марта ³⁾.

2) Никакихъ замѣчаній не имѣю, кромѣ желаній, чтобы были нѣсколько вами провѣрены мѣста, гдѣ рѣчь о народностяхъ. Я поблѣднѣлъ отъ испуга, прочитавъ, что вы признаете большинство сельскаго населенія въ 4-хъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ польскимъ племенемъ. Что бы было съ нами, если бы это сорвавшееся съ вашего пера выраженіе попало въ печать!!! Я сперва пробовалъ чинить; потомъ рѣшился зачеркнуть весь alinéa. Поль-

¹⁾ Михаилъ Павловичъ Щербининъ, въ то время председатель московскаго цензурнаго комитета, отъ котораго онъ хотѣлъ избавиться, о чемъ писалъ А. Г. Тройницкому 24 марта 1863 года (см. „Русскій Архивъ“ 1894 г., апрѣль, стр. 580).

²⁾ Василій Андреевичъ Цеэ, нынѣ сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, въ то время председатель с.-петербургскаго цензурнаго комитета.

³⁾ Подъ такимъ заглавіемъ напечатана въ № 62 „Сѣверной Почты“ за 1863 годъ статья, написанная А. Г. Тройницкимъ, какъ видно изъ письма къ нему М. П. Щербинина отъ 24-го марта 1863 года (см. „Русскій Архивъ“ 1864 года, апрѣль стр. 582).

съ нимъ племенемъ, кромѣ помѣщиковъ и части горожанъ, мы никого тамъ признавать не можемъ.

Кажется, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно было бы смягчить обвиненія противъ ксендзовъ и проч. Газета министерства должна быть весьма осторожною. Впрочемъ это говорю такъ, по нѣкому чутью и не указывая на опредѣленные мѣста.

Посылаю вамъ, кстати, письмо Лонгинова и мой отвѣтъ, которые, по прочтеніи, прошу возвратить. Одному Лонгинову я бы не отвѣчалъ такъ пространно; но онъ пишетъ именемъ Каткова.

Щербинину я бы васъ просилъ написать и кромѣ того прибавить, что я желалъ бы его видѣть здѣсь на Страстной или на Святой. Весь вашъ Валуевъ.

29.

5-го сентября 1863 года.

Я забылъ васъ спросить, напомнили ли вы Соловьеву, въ объясненіи съ нимъ, случаи его отказа отъ скрѣпы подписанныхъ мною бумагъ. Это случилось дважды въ теченіе года. Онъ имѣлъ на то право, но онъ выстѣлъ съ тѣмъ долженъ былъ знать выводы, какіе я изъ этого сдѣлаю. Надо или принять окраску своего начальника, или знать, что союзъ не вѣченъ. Весь вашъ Валуевъ.

30.

5-го сентября 1863 года.

Послѣ переданнаго мнѣ вашимъ превосходительствомъ разговора вашего съ Я. А. Соловьевымъ, я убѣдился, до какой степени было бесполезно мое старательное объясненіе съ нимъ въ прошлую субботу. Повѣрки моихъ словъ я допускать не могу и не могу также не припомнить, что въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ я имѣлъ случай достаточно доказать г. Соловьеву, что я справедливо оцѣниваю и его достоинства и его заслуги. Но въ настоящую минуту явно, какія чувства я успѣлъ возбудить въ немъ.

Считаю вопросъ теперь окончательно рѣшеннымъ. Дѣло въ томъ, какимъ путемъ развязать узелъ. Я желалъ бы избрать ту форму, которую Я. А. найдетъ для себя болѣе пригодною. Лучшая, по моему мнѣнію, слѣдующая: взять отпускъ на 28 дней и въ теченіе этого времени сообразить, а затѣмъ мнѣ сообщить, какой видъ увольненія ему покажется болѣе приятнымъ. Въ противномъ случаѣ я до отъѣзда государя въ Крымъ развяжу узелъ самъ ¹⁾. Повторяю, что желаю

¹⁾ 11-го сентября 1863 года состоялось увольненіе Я. А. Соловьева отъ должности управляющаго земскимъ отдѣломъ, съ назначеніемъ состоять при министрѣ внутреннихъ дѣлъ; впоследствии онъ былъ сенаторомъ и членомъ учредительнаго комитета въ царствѣ польскомъ.

искренно доброй развязки; но настоять на правахъ министра и исполнить его обязанности, по моему разумѣнію, я долженъ. Весь вашъ
Валуевъ.

31.

19-го сентября 1863 года.

Будьте добры пригласите на завтра Кригера и скажите ему, что я предложу его въ Екатеринославъ ¹⁾.

Вы меня также обяжете, если вызовете Колошина и скажете ему, что вы мнѣ говорили о его предположеніяхъ (подозрѣніяхъ), но что я могу только хвалиться имъ и лично выскажу это ему въ субботу. Весь вашъ Валуевъ.

Я снова думалъ о томъ, что вы говорили мнѣ по поводу цензуры и кажется, что я присоединюсь къ вашему мнѣнію.

32.

27-го октября 1863 года.

Ваше превосходительство очень меня обяжете, если замѣните меня завтра и послѣ завтра въ Совѣтъ и въ Комитетъ.

Потрудитесь при этомъ случаѣ поговорить съ Рейтерномъ по поводу прилагаемыхъ двухъ бумагъ. Онъ приписываютъ мнѣ всемогущество, которымъ я не пользуюсь. Весь вашъ Валуевъ.

P. S. Прошу совѣта. Спуская Вернадскаго, можно ли его сдѣлать членомъ статистическаго совѣта.

33.

24-го февраля 1864 года.

Я упрекаю автора записки о Новосельскомъ не въ томъ, что онъ его защищаетъ, а въ томъ, что онъ это такъ дѣлаетъ. Онъ долженъ бы понимать, что я въ состояніи подумать объ Одессѣ и Пятигорскѣ. Я возвратилъ вамъ записку, рассчитывая, что вы, быть можетъ, найдете случай извѣстить его объ этомъ, потому что онъ вѣроятно будетъ справляться.

Я думаю, что и записка Фролова предназначена ad astra. Дѣла эти могли бы быть переданы изъ хозяйственнаго департамента въ земскій отдѣлъ.

¹⁾ Контръ-адмиралъ Григорій Александровичъ Вевель-фонъ Кригеръ былъ губернаторомъ съ 18 сентября 1861 года ковенскимъ, а съ 26 сентября 1863 года до 15 февраля 1865 года екатеринославскимъ.

Не ѣздите къ Гагарину. Онъ въ плохомъ расположеніи духа. Предсѣдатель въ комитетѣ, предсѣдательствующій въ совѣтѣ ¹⁾).

34.

15-го марта, 1864 года.

• Вотъ записка къ Каменскому ²⁾). Вы увидите въ чемъ дѣло и какой урокъ я хочу ему дать. Если хватитъ времени, прочтите пожалуйста мою статью; если же некогда, вы прочтете ее въ корректурѣ, но потрудитесь переслать все Каменскому. Вотъ и его статья, которую благоволите мнѣ возвратить ³⁾). Весь вашъ Валуевъ.

Записка П. А. Валужева—Д. И. Каменскому.

15-го марта 1864 г.

Почтеннѣйшій Дмитрій Ивановичъ, вы хотѣли отвѣтить «Русскому Инвалиду». Мнѣ показалось, что для отвѣта нужны матеріалы. Прилагаю:

- 1) Мою записку въ земскій отдѣлъ для полученія матеріаловъ.
- 2) Самые матеріалы.
- 3) Составленную мною самимъ отвѣтную статью.

Прошу васъ, по набраніи статьи, отправить одну корректуру на цензуру Алек. Грэг., другую—на цензуру въ земскій отдѣлъ (на случай ошибокъ съ моей стороны), а затѣмъ третью, для пропуска въ печать, съ двумя другими, завтра въ 9 час. вечера ⁴⁾). Преданный Валуевъ.

35.

16-го апрѣля 1864 г.

Сдѣлайте одолженіе пришлите мнѣ статью Инвалида (дней восемь тому назадъ) о печати въ Финляндіи. Взгляните, что говорятъ объ этомъ сегодня «Московскія Вѣдомости» ⁵⁾).

¹⁾ 24 февраля 1864 г. князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ былъ назначенъ предсѣдательствующимъ въ Государственномъ Совѣтѣ и предсѣдателемъ Комитета Министровъ.

²⁾ Дмитрій Ивановичъ Каменскій былъ главнымъ редакторомъ «Сѣверной Почты» съ 1 іюля 1863 г. до 1869 г.

³⁾ См. въ „Сѣв. Почтѣ“ 17 марта 1864 г. № 62, статью „С.-Петербургъ 16 марта“, въ которой опровергаются сужденія „Русскаго Инвалида“ по поводу сокращенія числа мировыхъ участковъ, т. е. мировыхъ посредниковъ.

⁴⁾ См. эту статью въ „Сѣв. Почтѣ“ 1864 г., № 62.

⁵⁾ Въ № 85 «Московскихъ Вѣдомостей» 1864 г., въ передовой статьѣ «Москва 14-го апрѣля», высказано сочувствіе по поводу принятаго Финляндскимъ Сенатомъ закона о печати.

36.

29-го апрѣля 1864 года.

Вопросъ о «Сѣверной Почтѣ» и Циркулярахъ я полагаю разрѣшить слѣдующимъ образомъ.

1) Мотивировать мѣру напраснымъ трудомъ типографій, министерской и губернскихъ и обремененіемъ почтъ по всѣмъ трактамъ перевозкою особыхъ пакетовъ съ циркулярами.

2) Объявить, что кромѣ случаевъ экстренно-слѣсныхъ, или не подлежащихъ огласкѣ, съ 1-го іюня не будетъ печатаемо и рассылаемо особыхъ циркуляровъ ни отъ министерства, ни отъ губернскихъ начальствъ и коллегій; но что всѣ эти циркуляры будутъ печатаемы въ «Сѣверной Почтѣ» и «Губернскихъ Вѣдомостяхъ», по принадлежности.

3) Объявить, что къ «Сѣверной Почтѣ» будутъ прилагаемы, съ этою цѣлю, особыя прибавленія, по мѣрѣ надобности¹⁾.

4) Шрифтъ для этихъ прибавленій выбрать покрупнѣе нынѣшняго въ «Сѣверной Почтѣ» (сей послѣдній весьма мало мнѣ вообще нравится, и я не вижу, чтобы переменна, съ 1-го января, принесла какую-либо пользу или выгоду).

5) Для всѣхъ полицейскихъ управленій, уѣздныхъ и становыхъ и для всѣхъ городскихъ управленій, а равно для губернскихъ коллегій полученіе «Сѣверной Почты» обязательно.

6) Для мировыхъ учрежденій необходимо полученіе «Губернскихъ Вѣдомостей».

7) Категорически вѣннить губернаторамъ въ обязанность исполненіе этихъ мѣръ.

8) Сдѣлать полученіе «Губернскихъ Вѣдомостей» обязательнымъ для волостныхъ правленій.

9) Обратитъ вниманіе губернаторовъ на пользу, въ финансовомъ отношеніи, означенныхъ мѣръ для редакцій «Губернскихъ Вѣдомостей» и для губернскихъ типографій.

37.

10-го августа 1864 г. Аптекарскій островъ.

Искренно благодарю ваше превосходительство за интересныя письма²⁾ и убѣдительнѣйше прошу извинить мое безмолвіе. Здѣшнія

1) Въ «Сѣв. Почтѣ» 1864 г. № 120 (30 мая) напечатанъ циркуляръ по этому предмету министра внутреннихъ дѣлъ (отъ 7 мая) начальникамъ губерній; официальные прибавленія къ «Сѣверной Почтѣ» издавались съ 1 іюля 1864 г.

2) Съ 2 іюля до 29 августа 1868 г. А. Г. Тройницкій былъ за границей; настоящее письмо было получено имъ въ Парижѣ, куда онъ пріѣхалъ изъ Лондона.

impressions de séjour не подѣ статью лондонскимъ *impressions de voyage*. При томъ вы знаете, насколько моя жизнь, особливо во время вашего отсутствія, преисполнена досуга. Душевно радуюсь тому, что вы довольны своею поѣздкой. Не знаю, покажется ли вамъ естественнымъ это ощущеніе; но мнѣ какъ будто удѣляется нѣкоторая доля вашего отдохновенія (повидимому, впрочемъ весьма дѣятельнаго); мнѣ кажется, будто я вмѣстѣ съ вами нѣсколько отрѣшаюсь отъ здѣшнихъ бумагъ и тревоженій, и переношусь въ другой міръ, гдѣ нѣтъ Чевкиныхъ и Аксаковыхъ, и гдѣ вѣками насаждено и завѣщено то, что Чевкины и Аксаковы такъ усердно мѣшаютъ насаждать и завѣщевать.

Здѣсь немного новаго, кромѣ того, что по вашему возвращеніи я поѣду знакомиться съ вашею Одессой. Государю угодно, чтобы я побывалъ въ Кіевѣ, гдѣ многое не ладится. При этомъ случаѣ, отчасти чтобы маскировать прямую цѣль поѣздки, я поѣду до Одессы, оттуда вѣроятно въ Крымъ, а затѣмъ на Харьковъ, Курскъ и т. д.—Собираюсь ѣхать около 5-го сентября и потому ожидаю васъ, попрежнему, къ 30 августа. Ранѣе не прошу васъ пріѣхать и пожалѣлъ бы о каждомъ днѣ, который вы принесли бы въ жертву скорѣйшему возвращенію.

Дѣла идутъ своимъ порядкомъ. Кривиса нѣтъ. При свиданіи дамъ подobaющій отчетъ.

До свиданія. Прошу васъ вѣрить моимъ неизмѣннымъ чувствамъ искренняго уваженія и душевной преданности. Весь вашъ Валуевъ.

38.

8-го сентября 1864 г. Черниговъ.

На первый разъ, многоуважаемый Александръ Григорьевичъ, подаю голосъ изъ Чернигова. Благополучно прибылъ сюда въ 7 ч. вечера, послѣ двухъ-часоваго визита въ Гомелѣ. Не переходя къ горизонтальному положенію, стараюсь очистить бумажный запасъ, накопившійся въ дорогѣ. Отправляю въ канцелярію разныя записки и прошенія, полученныя большею частію въ Москвѣ. Настоятельнаго въ нихъ нѣтъ, кромѣ того, что относится до польскихъ арестантовъ по вѣдомству департамента полиціи исправительной.

Въ Казань, по неудачѣ доклада о Гельфрейхѣ, я полагалъ бы назначить совѣтника москов. губ. прав. Давыдова¹⁾, полубрата гр. Орлова-Давыдова, но ожидаю еще нѣкоторыхъ о немъ свѣдѣній. По полученіи ихъ сообщу мое окончательное мнѣніе.

¹⁾ Съ 1 октября 1864 г. до 8 апрѣля 1866 г. казанскимъ вице-губернаторомъ былъ Левъ Петровичъ Давыдовъ.

Видѣлъ въ Москвѣ Петрова ¹⁾. Онъ не казистъ.—Видѣлъ Каткова — Il est honnête et sincère, mais injénu et opiniâtre. Его двѣ статьи въ отвѣтъ Schedo-Ferroti хорошо написаны. Замѣтили ли вы въ концѣ второй статьи выпадку на Головнина? Катковъ въ этомъ случаѣ правъ. Головнинъ отъ излишней тонкости часто попадаетъ, и вообще неудобно, что онъ какъ бы соединяетъ двѣ портфели, одну по высочайшему указу Е. В., другую по порученіямъ ген.-адмирала.

Многое переѣнилось въ Россіи къ лучшему.—Полиціи узнать нельзя. Я видѣлъ человѣкъ шесть или семь уѣздныхъ начальниковъ, какихъ прежде съ двадцатью фонарями нельзя было отыскать. Но жаль, что экономическая сторона дѣлъ не преусиѣваетъ подобно польской. Непремѣнно нужно правительству сдѣлать и продолжать дѣлать что-нибудь для поддержки и поднятія хозяйства и промышленности, кромѣ устройства кабаковъ. Недостатокъ нынѣшняго министерства финансовъ заключается въ его жесткомъ равнодушіи или пренебреженіи къ этой части его призванія. Прощайте. Уставшіе глаза требуютъ отдыха и сна. Искреннѣйше преданный Валувевъ.

39.

Кіевъ, 11-го сентября 1864 года.

Прибылъ въ Кіевъ вчера, въ 5 ч. Осматриваюсь. Неутѣшительная картина. Разладъ. Отсутствие руководящей мысли, направляющей руки. Цѣлый сегодняшний день посвящаю выслушиванію разныхъ лицъ. Прошу ваше превосходительство между тѣмъ сдѣлать по цензурѣ секретное распоряженіе, чтобы не было пропускаемо, до моего возвращенія, полемическихъ статей о ходѣ крестьянскихъ дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ. Уже теперь видно, что, кромѣ односторонности и искаженія дѣла, въ нихъ ничего ожидать нельзя. Въ статьяхъ, которыя могли бы быть пропущены по умѣренности тона, желательно требовать подписей корреспондентовъ. Цензоры должны объяснять редакціямъ, что эта мѣра временная, вызванная необходимостью предупредить большія затрудненія на мѣстахъ. Въ особенности слѣдуетъ объяснить это Каткову. Искреннѣйше преданный Валувевъ.

40.

Одесса, 23-го сентября 1864 года.

Я собирался писать къ вамъ отсюда нѣсколько подробнѣе о томъ, что видѣлъ и въ Кіевѣ, и здѣсь, и на пути сюда. Но если вы подумаете

¹⁾ Александръ Григорьевичъ Петровъ, въ 1844—1852 г.г. Директоръ Рашельевскаго лицея, въ данное время служилъ въ Москвѣ по цензурѣ, позже предсѣдатель Спб. цензурнаго комитета.

о томъ настроеніи духа, въ которомъ теперь совершается мое путешествіе, вы безъ труда объясните себѣ, почему я такъ писать не могу. Я едва справляюсь съ текущимъ, обиходнымъ дѣломъ. Мысль моя постоянно переносится туда, гдѣ она останавливается съ прискорбіемъ, для другихъ чуждымъ, надъ вопросомъ, который имъ также чуждъ.

Весьма благодаренъ вамъ за письма отъ 14-го и 15-го. Я au sougant того, что у васъ дѣлается. Этого достаточно. Весьма радъ, что вы отстояли смѣту и что дѣлоо передачѣ строительныхъ комиссій въ наше вѣдѣніе рѣшено. Остается однако же вопросъ о преобразованіи губернскаго управленія. Не знаю, въ какомъ положеніи это послѣднее дѣло.

То, что вы сообщаете о пожарахъ и проч., меня не изумляетъ. Совершенно характеристично, что князь Гагаринъ и Бутковъ озабочены надзоромъ надъ губернаторами и оцѣнкою губернаторовъ. Съ одной стороны это свойство калифата на часъ, съ другой послѣдствіе системы, при которой министръ внутреннихъ дѣлъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, перестаетъ быть министромъ внутреннихъ дѣлъ. Все это мною вдоволь испытано. Знаю также, какъ распоряжаются командированные генералы. Прилагаю à propos de Simbirsk, бумаги и письмо, полученные отъ Галлера. За присылку вашихъ циркуляровъ очень благодаренъ. Кажется, что съ нашей стороны сдѣлано все, что слѣдовало. Командировку Жданова считаю весьма полезною. Безакъ также принесетъ пользу. Онъ уменъ и не подѣ стать Врангелю. Не знаю, когда выѣзжаю. Полагаю, что завтра вечеромъ. Ъду въ Крымъ, потому, что было такъ сказано и пароходъ заказанъ. Миѣ не до Крыма. Прощайте. Быть можетъ, изъ Ялты или Екатеринославля напишу болѣе. Душевно преданный Валувевъ.

24-го. P. S. Сейчасъ получилъ вашу депешу о комиссіи для разсматриванія моего отчета. Комиссія составлена, кромѣ Бахтина, изъ лицъ, благопріятно расположенныхъ.

Я забылъ вамъ сказать, что опытъ устройства арестантскихъ рабочихъ ротъ удался превосходно. Гражданскія роты гораздо выше ротъ изъ штрафныхъ нижнихъ чиновъ. Необходимо развить это учрежденіе. Прошу васъ потрубить объ этомъ при всѣхъ удобныхъ случаяхъ, что у насъ необходимо для предварительнаго поколебанія разныхъ затрудненій отъ разновѣдомственности. Полезно было бы изъ донесеній подковника Поля и капитана Коломатьяно составить особую записку. Поля я здѣсь видѣлъ. Весь вашъ Валувевъ.

41.

Харьковъ, 1-го октября 1864 года.

Письмо ваше отъ 22-го я нашель здѣсь. Премного за него благодарю. Оно меня ставитъ parfaitement au sougant. Совершенно раз-

дѣлаю ваше мнѣніе на счетъ непропуска статьи «Голоса» и прекращенія дальнѣйшей полемики о Шедо-Ферроти; статьи «Московскихъ Вѣдомостей» по моему мнѣнію хороши. Но и basta. Не понимаю, почему Фукса нѣтъ. Прошу приказать его вызвать. Я ему сказалъ въ Москвѣ, чтобы онъ торопился. Лошкаревъ¹⁾ долженъ ѣхать. Никогда я не разрѣшалъ ему оставаться ad infinitum. Дѣло весьма усложнилось и испортилъ Тимашевъ, уѣхавшій съ поля сраженія à la française, чего французы не дѣлаютъ.

Симбирскія и прочія дѣла показываютъ, какъ мы мало способны распорядиться въ экстренныхъ случаяхъ. Но и не экстренные это обнаруживаютъ. Не угодно ли вамъ обратить вниманіе на устройство военныхъ округовъ и проч. Являются въ губерніяхъ новыя военачальники, постоянныя войска, новыя интендантскія и другія учрежденія. Отъ нѣкоторыхъ городовъ, напримѣръ Харькова, требуется квартирнаго расхода до 30 тысячъ ежегодно; и министерство внутреннихъ дѣлъ не только не спрошено, но даже не увѣдомлено. Извините отрывочность этого письма. У меня сердце не на мѣстѣ. Еще разъ благодарю за доброе слово. Душевно преданный Валуевъ.

Мнѣ кажется, что на счетъ Перми вы могли бы сказать Рейтерну, что я не думаю, чтобы онъ желалъ меня лично поставить въ затруднительное положеніе. Дѣло не въ одномъ Лошкаревѣ, который однако же все-таки губернаторъ, и по высочайшему указу стоитъ выше Антипова. Дѣло въ отзывѣ на счетъ Антипова г.-а. Тимашева, который признавалъ его невозможнымъ, между прочимъ вслѣдствіе неумѣстныхъ отзывовъ г. Антипова на счетъ меня и происходившаго у меня совѣщанія въ присутствіи министра финансовъ. Такимъ образомъ я вынужденъ настаивать на томъ же, о чемъ просить и генераль-маіоръ Лошкаревъ. Сообщилъ Г. А. Тройницкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Пермскій губернаторъ. См. „Русскую Старину“, июль, стр. 23.

Замѣченныя въ июльской книжкѣ «Русской Старины» опечатки (въ статьѣ П. А. Валуевъ и А. Г. Тройницкій).

	Напечатано:	Должно быть:
Стр. 228, въ 3-ей стр. связи.	это мнѣ годится	это мнѣ не годится.
„ 232, „ 16-ой „ сверху.	на нѣкихъ	на нѣкихъ.
„ 233, „ 10-ой „ „	не взыщите	не взычете
„ 235, „ 9-ой „ „	затѣмъ прошайте	засимъ прошайте.
„ 237, „ 10-ой „ „	plurimisalutis	plurimis aliis.

сразу, что тѣхъ двадцати процентовъ нѣмецкаго народонаселенія, которые въ ней насчитываютъ, будетъ недостаточно для того, чтобы заставить ее идти вмѣстѣ съ нами, вопреки ея собственнымъ интересамъ. Она покинетъ насъ въ извѣстный моментъ и съумѣетъ стать на надлежащій путь въ европейской политикѣ, какъ только мы свернемъ съ него. Политика Шмерлинга, подражаніе которой казалось вамъ идеаломъ прусской политики, потерпѣла фіаско. Наша политика, противъ которой вы такъ горячо возставали весной, оказалась пригодной въ польскомъ вопросѣ, тогда такъ политика Шмерлинга принесла Австріи горькіе плоды. Развѣ нельзя считать величайшей побѣдой, что Австрія, два мѣсяца спустя послѣ испробованной ею реформы, радуется, когда объ этой реформѣ болѣе не говорятъ, и пишетъ вмѣстѣ съ нами тождественныя ноты своимъ бывшимъ друзьямъ и вмѣстѣ съ нами же съ угрозою объявляетъ своему любимому дѣтищу, большинству союзнаго сейма, что она не позволитъ ему руководить собою? Мы добились дѣломъ уничтоженія Брегенцской коалиціи. Австрія приняла нашу программу, которую она публично осмѣивала въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года; она ищетъ союза съ Пруссіей, готова принять нашу помощь, и если мы отвернемся отъ нея въ настоящую минуту, то министерство падетъ. До сихъ поръ не бывало, чтобы вѣнской политикой руководили такъ *en gros et en détail* ¹⁾ изъ Берлина. Кромѣ того, въ насъ заискиваетъ Франція; Флѣри предлагаетъ болѣе, нежели король можетъ дать; въ Лондонѣ и въ Петербургѣ нашъ голосъ имѣетъ такой вѣсъ, какого онъ не имѣлъ за послѣднія 20 лѣтъ; и все это достигнуто не болѣе, какъ восемь мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ вы предсказывали, что мы будемъ совершенно изолированы вслѣдствіе нашей польской политики. Если мы отвернемся теперь отъ великихъ державъ и кинемся въ объятія провинціальной политики, запутавшейся въ сѣтяхъ союзной демократіи, то мы поставимъ этимъ монархію въ самое жалкое положеніе со стороны внѣшней и внутренней политики. Мы пойдемъ тогда на буксирѣ вмѣсто того, чтобы идти во главѣ; и намъ придется опираться на такіе элементы, которыми мы не въ состояніи руководить, которые неизбежно отвесутся къ намъ враждебно, и отъ воли которыхъ мы должны будемъ зависѣть.

Вы полагаете, что въ «нѣмецкомъ общественномъ мнѣніи», въ камерахъ, въ газетахъ и т. п. есть сила, которая можетъ поддержать насъ или можетъ помочь намъ въ нашей союзной политикѣ. Я считаю это величайшей ошибкой, праздною мечтою. Наша сила не въ камерахъ, не въ прессѣ, а въ вооруженной силѣ и въ политикѣ, соотвѣтствующей достоинству великой державы.

¹⁾ Въ общемъ и въ частностяхъ.

Вы преувеличиваете значеніе датскаго вопроса; васъ подкупаетъ то, что этотъ вопросъ сдѣлался лозунгомъ демократіи, которая руководитъ прессой и союзомъ и съумѣла раздуть этотъ самъ по себѣ ничтожный вопросъ. Годъ тому назадъ кричали о двухгодичномъ срокѣ службы, восемь мѣсяцевъ тому назадъ кричали о Польшѣ, теперь кричать о Шлезвигъ-Голштиніи. Припомните, какимъ казалось вамъ положеніе Европы лѣтомъ?

Вы предвидѣли для насъ всевозможныя опасности и говорили о неудовлетворительности нашей политики; развѣ всѣ эти опасности исчезли со смертью датскаго короля?...

Вы говорите о 70-ти-милліонномъ государствѣ съ милліономъ солдатъ, которое, будучи сплочено, можетъ противостоять Европѣ; слѣдовательно, вы предполагаете, что Австрія душою и тѣломъ будетъ предана политикѣ, которая доставитъ Пруссіи первенство; однако, вы не довѣряете государству, въ которомъ находится 35 изъ этихъ 70-ти милліоновъ? Я также не довѣряю ему; но я нахожу, что намъ все-таки слѣдуетъ поддерживать согласіе съ Австріей; настанетъ ли когда-нибудь часъ разлуки и кто будетъ этому виною,—покажетъ будущее. Вы спрашиваете: когда же намъ придется воевать и на что намъ такая армія? А изъ вашихъ собственныхъ донесеній видно, что Франція собирается воевать весной, а въ Галиціи готовится возстаніе. Россія вооружила 200.000 человѣкъ болѣе, нежели ей нужно для усмиренія Польши; между тѣмъ, у нея нѣтъ денегъ для фантастическихъ вооруженій; слѣдовательно, по всей вѣроятности, она ожидаетъ войны; я также ожидаю войны и революціи.

Вы говорите, что намъ лично не угрожаетъ война; я никакъ не могу согласовать это съ вашими собственными донесеніями за послѣдніе три мѣсяца. Я вовсе не боюсь войны; напротивъ, я отношусь равнодушно къ революціонерамъ или консерваторамъ, вообще ко всякой фразѣ; можетъ быть, вы скоро убѣдитесь, что война входитъ также въ мою программу; но я считаю путь, коимъ вы хотите вызвать ее, несогласнымъ съ здравой политикой...

Лондонскій договоръ былъ, по вашему мнѣнію, революціоннымъ; трактаты, заключенные въ Вѣнѣ, были въ десять разъ революціоннѣе и въ десять разъ несправедливѣе относительно князей, сословій и государствъ; европейское право создается европейскими трактатами, но если мы станемъ приглядывать къ нимъ мѣрку справедливости и нравственности, то, пожалуй, всѣ они окажутся нигде не годными.

Если бы вы находились здѣсь, то я увѣренъ, что вы бы скоро убѣдились въ несостоятельности той политики, которую вы рекомендуете мнѣ и которую вы называете «высоко патріотичной», такъ что ради нея вы готовы отказаться отъ дружбы со мною. Я могу только сказать

на это: *la critique est aisée* ¹⁾); нѣтъ ничего легче, какъ, угождая толпѣ, порицать правительство, въ особенности если оно успѣло раздражить своихъ тайныхъ враговъ; если событія докажутъ, что правительство было право, то о порицаніи забудутъ; если же оно потерпитъ фіаско въ такихъ вещахъ, которыхъ человекъ не въ силахъ предотвратить и предвидѣть, то можно будетъ гордиться тѣмъ, что мы предсказывали, что правительство заблуждается. Я весьма цѣню вашу политическую проницательность, но и себя не считаю дуракомъ; вы назовете это, пожалуй, самообольщеніемъ. Можетъ быть, вы будете лучшего мнѣнія о моемъ патріотизмѣ и о моемъ умѣ, если я скажу вамъ, что я уже двѣ недѣли настаиваю на предложеніяхъ, высказанныхъ вами въ одномъ изъ вашихъ донесеній. Мнѣ удалось, съ нѣкоторымъ трудомъ, заручиться согласіемъ Австріи на созваніе Голштинскихъ сословій, если на этомъ удастся настоять во Франкфуртѣ...

Быть можетъ, мы увидимъ еще нѣкоторые факты, согласные съ вашей программой; но могу ли я, не стѣсняясь, высказывать вамъ свои сокровенныя мысли, когда вы объявили мнѣ, на политическомъ поприщѣ, войну и откровенно высказываете намѣреніе бороться съ нынѣшнимъ министерствомъ и съ его политикой; иначе говоря, устранить его? Я говорю это, основываясь единственно на вашемъ собственномъ письмѣ, не обращая вниманія на сплетни и на то, что мнѣ передаютъ по поводу вашихъ словесныхъ и письменныхъ заявленій относительно меня. Какъ министръ, я обязанъ быть вполне откровененъ съ нашимъ посланникомъ въ Парижѣ, если отъ этого не страдаютъ государственныя интересы. Столкновенія, которыя на моемъ мѣстѣ каждому приходится имѣть съ министрами и съ совѣтниками короля, съ палатами, съ прессой, съ иностранными дворами, не должны осложняться тѣмъ, что дисциплина, которая должна бы существовать въ моемъ вѣдомствѣ, смѣняется соперничествомъ между министромъ и посланникомъ, и что мнѣ приходится возстановлять необходимое въ служебномъ отношеніи согласіе при помощи писемъ. Я рѣдко имѣю возможность писать такъ много, какъ сегодня, въ сочельникъ, когда всѣ служащіе въ отпуску и никому, кромѣ васъ, я не написалъ бы и четвертой доли этого письма. Я дѣлаю это потому, что не рѣшаюсь писать вамъ официально и черезъ канцелярію въ такомъ высококѣрномъ тонѣ, въ какомъ написаны ваши донесенія.

Я не надѣюсь убѣдить васъ, но полагаюсь на вашу служебную опытность и на ваше безпристрастіе и надѣюсь, вы согласитесь со мною, что въ политикѣ должно существовать единство, и что она не должна уклоняться съ пути, намѣченнаго министерствомъ и королемъ. Если вы

¹⁾ Критиковать легко.

хотите ее измѣнить и свергнуть министерство, то вамъ слѣдуетъ дѣйствовать здѣсь, въ прессѣ и во главѣ оппозиціи; тогда и я соглашусь съ вами, что когда идетъ борьба между патріотизмомъ и дружбою, то главную роль долженъ играть патріотизмъ ¹⁾).

Всѣ измѣненія, которыя были возможны въ датскомъ вопросѣ, сулили для герцогствъ нѣкоторое улучшение въ ихъ тогдашнемъ положеніи, и сводились, въ концѣ концовъ, къ присоединенію герцогствъ къ Пруссіи, что я и высказалъ въ совѣтѣ тотчасъ послѣ кончины Фридриха VII. Я напомнилъ королю, что всѣ его предки, не исключая его брата, дѣлали для государства какія-либо земельныя приобрѣтенія; Фридрихъ-Вильгельмъ IV присоединилъ къ Пруссіи Гогенцоллернъ и Ядскую губу; Фридрихъ-Вильгельмъ III—Прирейнскія провинціи; Фридрихъ-Вильгельмъ II—Польшу; Фридрихъ II—Силезію и т. д. и т. д.; я совѣтывалъ ему идти по ихъ стопамъ. Въ протоколѣ того засѣданія, въ которомъ это было сказано, мои слова были пропущены. Когда я освѣдомился о причинѣ у тайнаго совѣтника Костенобля, которому было поручено составленіе протоколовъ, то онъ сказалъ, что король предполагалъ, что мнѣ будетъ пріятнѣе, если эти слова не будутъ включены въ протоколъ; кажется, его величество предполагалъ, что эти слова были сказаны мною подъ вліяніемъ лишней рюмки вина, выпитой за завтракомъ, и что я буду радъ, если объ нихъ не будетъ болѣе рѣчи. Я настоялъ, однако, на томъ, чтобы они были включены въ протоколъ, что и было исполнено. Слушая мою рѣчь, кронпринцъ возвелъ руки къ небу, какъ бы сомнѣваясь въ томъ, что я говорю въ здоровомъ разсудкѣ; мои коллеги выслушали мои слова молча»...

14-го (26-го) августа 1865 года была заключена Гастейнская конвенція; воспоминаніемъ о ней служить нижеслѣдующее письмо короля ²⁾:

Берлинъ, 15-го сентября 1865 г.

Сегодня совершается актъ занятія герцогства Лауенбургскаго; онъ является результатомъ моей правительственной дѣятельности, которую вы поддерживали со столь удивительной и необычайной дальновидностью и провицательностью.

Въ тѣ четыре года, въ теченіе которыхъ вы стоите во главѣ управленія страны, Пруссія заняла положеніе, достойное ея прошлой исторіи и обещающее ей дальнѣйшую счастливую и славную будущность.

Желая вознаграждать васъ за выдающіяся заслуги, за которыя я такъ часто имѣлъ случай выражать вамъ мою признательность, я жа-

¹⁾ Сравн. Bismarck-Jahrbuch, V, 232. Отвѣтъ Гольца на это письмо съ замѣтками на него, сдѣланными на поляхъ рукою Бисмарка, см. въ Bismarck Jahrbuch, 238.

²⁾ Bismarck Jahrbuch. VI, 203.

люю васъ, съ вашимъ нисходящимъ потомствомъ, въ графское достоинство; это отлчїе всегда будетъ свидѣтельствовать о томъ, какъ высоко я цѣнилъ вашу дѣятельность на пользу отечества. Вамъ доброжелательный король Вильгельмъ.

Переговоры, происходившіе между Берлиномъ и Вѣною и между Пруссїей и прочими нѣмецкими государствами послѣ Гастейнской конвенціи и до начала австро-прусской войны, извѣстны по обнародованнымъ нынѣ документамъ. Въ государствахъ южной Германіи борьба съ Пруссїей отошла на задній планъ, когда произошелъ взрывъ нѣмецкихъ патріотическихъ чувствъ; въ Шлезвигъ-Голштиніи; всѣ тѣ, которые не добились осуществленія своихъ желаній, начали мириться съ новымъ порядкомъ вещей, одна только вельфская партія ¹⁾ продолжала чернильную войну по поводу событій 1866 г.

Невыгодное устройство, которое Пруссія получила на Вѣнскомъ конгрессѣ въ награду за старанія и за все ею сдѣланное, могло быть терпимо только въ одномъ случаѣ, если мы могли быть вполне увѣрены въ преданности тѣхъ государствъ прежняго германскаго союза временъ Семилѣтней войны, которыя были втиснуты между обѣими частями монархіи. Я старался, энергично черезъ графа Платена ²⁾, обезпечить намъ содѣйствіе Ганновера и могъ уже надѣяться, что мнѣ удастся, по крайней мѣрѣ, заключить съ нимъ договоръ, которымъ былъ бы обезпеченъ нейтралитетъ Ганновера, когда графъ Платенъ прїѣхалъ въ Берлинъ 21-го января 1866 г. съ цѣлью вести со мною переговоры о бракѣ ганноверской принцессы Фридерики съ нашимъ юнымъ принцемъ Альбрехтомъ; намъ удалось добиться согласія на этотъ бракъ нашихъ дворовъ; оставалось только устроить личное свиданіе между молодыми людьми и убѣдиться, какое впечатлѣніе они произведутъ другъ на друга, когда въ мартѣ или въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ Ганноверѣ, подъ самымъ пустяшнымъ предлогомъ, начали созывать резервы. Это было результатомъ посторонняго вліянія на короля Георга со стороны его своднаго брата, австрійскаго генерала князя Сольмса, который, прїѣхавъ въ Ганноверъ, совершенно перевернулъ короля, преувеличавъ въ своихъ описаніяхъ силы австрійскаго войска, которыя доходили, по его словамъ, до 800.000 человекъ, совершенно готовыхъ къ бою; въ случаѣ преданности Австріи онъ обѣщалъ ему даже, какъ я слышалъ изъ секретнаго ганноверскаго источника, территориальное увеличеніе, по крайней мѣрѣ, въ видѣ Минденскаго округа. На мой оффиціальныи запросъ о причинахъ вооруженія ганноверскихъ войскъ мнѣ

¹⁾ Такъ называлась партія, возникшая послѣ захвата Ганновера Пруссїей въ 1866 г., которая стремилась къ возстановленію ганноверскаго царствующаго дома.

B. B.

²⁾ Сравни. Politische Reben, IV, 137.

отвѣтили, что, вслѣдствіе хозяйственныхъ соображеній, осенніе маневры будутъ произведены весной. Это звучало почти насмѣшкой ¹⁾.

14-го іюня я видѣлся, въ Берлинѣ, съ гессенскимъ наслѣднымъ принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ и совѣтовалъ ему отправиться съ экстреннымъ поѣздомъ въ Кассель, чтобы обезпечить нейтралитетъ курфиршества гессенскаго или хотя бы его войска, повліявъ, въ этомъ смыслѣ, на курфирста или даже дѣйствуя помимо его. Принцъ не хотѣлъ ѣхать съ экстреннымъ поѣздомъ; я доказывалъ ему, что въ такомъ случаѣ онъ опоздаетъ и не успѣетъ предотвратить войну между Пруссіей и Гессеномъ и обезпечить этимъ дальнѣйшее существованіе курфиршества. Въ случаѣ побѣды Австріи, онъ могъ бы, конечно, предъявить свои права и даже получить въ награду какія-нибудь прусскія земли; но если бы побѣда осталась на нашей сторонѣ послѣ того, какъ онъ отказался соблюдать нейтралитетъ, то курфиршеству не сдобровать; гессенскій престолъ все же стоялъ экстреннаго поѣзда. Принцъ сказалъ мнѣ на прощанье:

— Навѣрно, мы съ вами еще встрѣтимся въ жизни, а 800.000 храброго австрійскаго войска тоже что-нибудь да стоятъ.

6-го и 8-го іюля король прусскій, въ самомъ дружескомъ тонѣ, обратился къ курфирсту съ предложеніемъ заключить союзъ съ Пруссіей и отозвать свои войска изъ непріятельскаго лагеря, но эта попытка также осталась безуспѣшною.

Наслѣдный принцъ Аугустенбургскій, отказавшись отъ исполненія такъ-называемыхъ февральскихъ условій, также упустилъ благопріятный моментъ.

Въ появившихся, въ 1890 году, воспоминавіяхъ Даммера ²⁾, вельфская партія пустила слѣдующую выдумку: авторъ записокъ передаетъ, будто бы наслѣдный принцъ гессенскій самъ говорилъ ему, что на аудіенціи у короля Вильгельма онъ принялъ на себя требуемыя отъ него обязательства, а король обѣщалъ утвердить его въ его владѣтельныхъ правахъ и сказалъ, что это дѣло будетъ окончательно улажено первымъ министромъ на слѣдующій день, и будто бы на слѣдующій день я явился къ принцу, но сказалъ ему, что экипажъ ждетъ меня у подъѣзда, и что я долженъ немедленно ѣхать въ Біаррицъ къ императору Наполеону и поэтому прошу принца оставить въ Берлинѣ уполномоченнаго, а на слѣдующій день принцъ былъ немало удивленъ, прочитавъ въ берлинскихъ газетахъ, что онъ отклонилъ предложенія, сдѣланныя ему Пруссіей.

Это нелѣпая выдумка. Переговоры, происходившіе съ гессенскимъ

¹⁾ Сравни. Sybel IV, 439. Примѣч. 1.

Примѣч. издателя.

²⁾ Erinnerung und Erlebnisse des General-Major Dammers (Hannover, 1890), стр. 94.

принцемъ, изложены Зибедемъ ¹⁾ въ его исторіи на основаніи документовъ; я могу добавить къ этому кое-что по моимъ воспоминаніямъ и по сохранившимся у меня бумагамъ.

Король не приходилъ съ принцемъ ни къ какому соглашенію; я никогда не былъ у принца и никогда не говорилъ ему ни о Біаррицѣ, ни о Наполеонѣ; я уѣхалъ 1-го октября 1864 года въ Баденъ, оттуда 5-го числа поѣхалъ въ Біаррицъ; 30-го сентября 1865 года я отправился прямо изъ Берлина въ Біаррицъ, а въ 1863 году я вовсе не былъ въ Біаррицѣ. Я разговаривалъ съ принцемъ два раза; къ нашему первому разговору (18-го ноября 1863 г.) относятся слѣдующее письмо ¹⁾:

Гота, 11-го декабря 1863 г.

Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, обратиться къ вамъ съ вѣсколькими строками, вызванными статью, появившеюся въ № 282 «*Kreuzzeitung*» (отъ 3-го декабря), о которой я узналъ только сейчасъ. Въ этой статьѣ говорится, между прочимъ, обо мнѣ, будто я сказалъ одному изъ депутатовъ, что «г. Бисмаркъ не принадлежитъ къ числу моихъ друзей».

Я не могу припомнить точно сказанныхъ мною словъ, такъ какъ тутъ идетъ дѣло о случайномъ выраженіи, сказанномъ мною въ разговорѣ. Весьма возможно, что я выразилъ свое сожалѣніе по поводу того, что взглядъ вашего превосходительства относительно шлезвигъ-голландскаго вопроса не согласуются съ моимъ, какъ я откровенно высказалъ это вамъ самимъ во время моего послѣдняго пребыванія въ Берлинѣ. Но я вполнѣ увѣренъ, что я не могъ произнести словъ, переданныхъ газетою, такъ какъ я твердо поставилъ себѣ за правило строго отдѣлять все политическое отъ личнаго. Поэтому я искренно сожалѣю, что подобное извѣстіе могло проникнуть въ печать.

Я особенно считалъ долгомъ высказать это вамъ, такъ какъ я не могу не признать лояльности вашего образа дѣйствій, съ какимъ ваше превосходительство заявили мнѣ въ Берлинѣ, что хотя вы лично и убѣждены въ моемъ правѣ и признаете справедливымъ, что я стараюсь добиться своихъ правъ, но что въ виду союзовъ, заключенныхъ Пруссіей, и общаго положенія дѣлъ, вы не можете дать мнѣ никакихъ обѣщаній.

Примите и пр. Фридрихъ.

... Одинъ изъ проектовъ, объ осуществленіи котораго я много хлопоталъ, находится нынѣ ²⁾, послѣ многихъ проволочекъ, на пути къ осуществленію: я говорю о сѣверо-восточномъ каналѣ, соединяющемъ Нѣмецкое море съ Балтійскимъ. Заботясь объ интересахъ германскаго

¹⁾ Т. III, 337.

²⁾ Bismark-Jahrbuch, V, 256.

³⁾ Т. е. въ то время, когда писались эти воспоминанія, въ 1891—92 гг.

флота, который могъ развиваться только подъ покровительствомъ Пруссіи, я, да впрочемъ не я одинъ, придавалъ большое значеніе прорытію этого канала и обладанію укрѣпленными конечными его пунктами. Мысль прорыть перешеекъ, раздѣляющій эти моря, и сдѣлать, такимъ образомъ, возможнымъ сосредоточеніе морскихъ силъ была плодомъ необыкновеннаго увлеченія флотомъ, которое охватило общество въ 1848 году; но къ этой мысли охладѣли, когда мы приобрѣли право располагать этой территоріей. Стараясь оживить интересъ къ этому проекту, я встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны кронпринца, предсѣдательствовавшаго въ комиссіи національной обороны, фактическимъ руководителемъ которой былъ графъ Мольтке. Онъ доказывалъ въ засѣданіи рейхстага, 23-го іюня 1873 г. ¹⁾, что каналъ будетъ приносить пользу только лѣтомъ, и что его значеніе въ военномъ отношеніи весьма сомнительно; за тѣ 40—50 милліоновъ талеровъ, которые онъ обойдется, лучше соорудить второй флотъ. Доводы, которые противопоставлялись мнѣ, когда я старался добиться на это сооруженіе согласія короля, не имѣли значенія по существу, а играли роль только благодаря вліянію, какимъ пользовались у его величества военные лица. Всѣ эти доводы сводились къ тому, что столь дорогое сооруженіе потребуетъ для своей защиты, въ военное время, такого огромнаго количества войска, которое мы не въ состояніи будемъ, безъ ущерба, отдѣлать отъ сухопутной арміи. Предполагали, что если бы Данія присоединилась къ непріятельскому десанту, то для защиты канала пришлось бы имѣть наготовѣ 60.000 человекъ. Я возражалъ на это, что хотя бы канала и не существовало, во всякомъ случаѣ намъ пришлось бы прикрывать Киль и его окрестности, Гамбургъ и дорогу въ Берлинъ.

Обремененный массою дѣлъ и занятый борьбою, которую мнѣ пришлось вести въ семидесятыхъ годахъ по разнообразнымъ вопросамъ, я не имѣлъ ни времени, ни силъ побороть противодѣйствіе, которое мнѣ оказывали названные лица. Я приписываю его скорѣе всего военному честолюбію, съ которымъ мнѣ пришлось бороться въ 1866, 1870 и въ послѣдующіе годы; эта борьба доставила мнѣ наиболѣе огорченій.

Стараясь убѣдить короля въ пользѣ этого проекта, я ставилъ ему на видъ не столько интересы торговли, какъ болѣе близкія его сердцу соображенія военнаго характера. Военный флотъ Голландіи имѣетъ то преимущество, что онъ можетъ пользоваться каналами, прорытыми внутри страны, которые доступны самымъ большимъ судамъ. Для насъ же необходимость въ такомъ каналѣ увеличивается существованіемъ датскаго полуострова и распредѣленіемъ нашего флота на двухъ моряхъ. Если бы нашъ флотъ, въ полномъ боевомъ составѣ, могъ, совер-

¹⁾ Moltke's Reden, Werke VII, 25.

шенно неожиданно, произвести нападеніе изъ Кильской гавани, изъ устья Эльбы или, въ случаѣ удлиненія канала, изъ Ядской губы, то неприятель, блокирующій наши берега, долженъ бы имѣть въ каждомъ изъ этихъ морей эскадру, равносильную всему нашему флоту. Руководствуясь этими соображеніями, я находилъ, что сооруженіе канала могло быть полезнѣе для обороны нашихъ береговъ, нежели употребленіе потребныхъ на его постройку денегъ на возведеніе крѣпостей и постройку новыхъ судовъ, для снабженія конхъ войскомъ и экипажемъ мы не располагали достаточнымъ количествомъ людей. Мое желаніе было, чтобы каналъ, начинаясь у нижняго теченія Эльбы, былъ продолженъ къ востоку такъ, чтобы устье Везера, Ядская губа и можетъ быть даже устье Эмса могли служить пунктами выхода для флота ¹⁾, за которыми неприятелю, блокирующему наши берега, пришлось бы зорко слѣдить. Продолженіе канала въ западномъ направленіи обошлось бы сравнительно дешевле, нежели прорыть пологую почву Голштиніи.

Въ виду возможной блокады со стороны Франціи, для насъ было бы полезно обезпеченіе Гельгоганда нейтралитетомъ Англіи; французская эскадра не могла бы, въ такомъ случаѣ, имѣть тамъ депо угля, но была бы вынуждена возвращаться за нимъ время отъ времени и при томъ въ довольно короткіе промежутки во французскія гавани или разсылать взадъ и впередъ довольно большое число транспортныхъ судовъ. Теперь же ²⁾ намъ надобно собственными силами защищать эту скалу, если мы не хотимъ, чтобы, въ случаѣ войны, французы основались на ней. Не знаю, какіе мотивы повліяли, въ 1885 году, на комиссію національной обороны, ослабивъ ея противодѣйствіе этому проекту; быть можетъ, графъ Мольтке убѣдился, наконецъ, въ томъ, что мысль о союзѣ Германіи съ Даніей, съ которой онъ носился, неосуществима.

---

¹⁾ Такимъ образомъ, по проекту Бисмарка, сѣверо-восточный каналъ былъ бы исходнымъ пунктомъ цѣлой системы каналовъ, которые соединили бы Киль съ устьями Эльбы, Везера, Яде и Эмса. В. В.

²⁾ Гельголандъ приобрѣтенъ отъ Англіи въ 1890 г., во время министерства графа Каприви, въ обмѣнъ за одну изъ прекраснѣйшихъ нѣмецкихъ колоній въ восточной Африкѣ. В. В.

XXX.

Въ главной квартирѣ въ Рейхенбергѣ.—Неудовольствіе военныхъ по поводу вмѣшательства Бисмарка.—Телеграмма Наполеона III.—Взглядъ Мольте на войну съ Франціей.—Бисмаркъ настаиваетъ на заключеніи мира.—Восный совѣтъ въ Чернагорѣ.—Желанія территориальныхъ приобрѣтеній со стороны короля прусскаго.—Категорическія требованія, предъявленныя Кароли.—Перемиріе.—Переговоры съ Кароли и Бенедетти о заключеніи мира.—Военный совѣтъ 23 іюля.—Записка Бисмарка.—Вынужденное согласіе короля.—Внутреннее положеніе Пруссіи послѣ войны.—Причины, побуждавшія Бисмарка оттягивать войну съ Франціей.—Его взглядъ на вѣроятное отношеніе къ Пруссіи прочихъ державъ.—Эпизодъ 1863 г.: предложеніе императора Александра II.—Отвѣтъ, на которомъ настаивалъ Бисмаркъ.—Его болѣзнь.

30 іюня 1866 г. вечеромъ, его величество прибылъ съ главной квартирой въ Рейхенбергъ. Въ этомъ городѣ, съ 28.000 жителей, находилось 1.800 плѣнныхъ австрійцевъ и всего 500 обозныхъ солдатъ, вооруженныхъ ружьями старой системы; а саксонская кавалерія стояла всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, могла прискакать въ одну ночь въ Рейхенбергъ и захватить въ плѣнъ короля и всю главную квартиру, о нахожденіи которой въ Рейхенбергѣ всѣмъ и каждому было извѣстно изъ телеграммъ. Я обратилъ на это вниманіе короля и вслѣдствіе этого предостереженія солдатамъ было приказано по одиночкѣ незамѣтнымъ образомъ пробраться въ замокъ, гдѣ помѣстился король. Военные были недовольны моимъ вмѣшательствомъ; чтобы доказать имъ, что я не заботился о своей безопасности, я выѣхалъ изъ замка, гдѣ его величество приказалъ мнѣ помѣститься, и поселился въ городѣ. Это былъ первый поводъ къ неудовольствію, которое питали по мнѣ впоследствии лица военнаго вѣдомства и которое поддерживалось ихъ завистью къ положенію, которое я занималъ у его величества; во время войны 1866 г. точно такъ же, какъ и во время франко-прусской войны, это неудовольствіе возросло еще болѣе.

Послѣ битвы подъ Кѣниггрецомъ, наше положеніе было таково, что намъ слѣдовало согласиться на предложеніе Австріи начать переговоры о мирѣ; это было не только возможно, но даже необходимо, такъ какъ иначе намъ угрожало вмѣшательство со стороны Франціи.

Въ ночь съ 4-го на 5-го іюля въ Горлицѣ¹⁾ была получена адресованная на имя его величества телеграмма отъ императора Наполеона, въ которой послѣдній сообщилъ королю объ уступкѣ ему императоромъ Францомъ Іосифомъ Венеціи и о его просьбѣ о посредничествѣ. Блистательный успѣхъ, одержанный прусскими войсками, вынуждалъ Наполеона

¹⁾ Hottitz, какъ пишетъ главный штабъ, выговаривается Hortsitz.

Примѣч. Бисмарка.

выйти изъ его безучастнаго положенія ¹⁾). Вмѣшательство Франціи было вызвано нашей побѣдою; до тѣхъ поръ Наполеонъ разсчитывалъ, что мы будемъ побиты и вынуждены прибѣгнуть къ его помощи. Если бы мы воспользовались побѣдою подъ Кёниггрецомъ, какъ должно, если бы генералъ ф.-Этцель дѣйствовалъ рѣшительно и мы преслѣдовали бы энергично разбитаго непріятеля нашей, нетронутой еще, кавалеріей, присылка генерала ф.-Габленца въ прусскую главную квартиру имѣла бы вѣроятно результатомъ не только заключеніе перемирія, но повела бы къ выработкѣ основъ будущаго мира, такъ какъ съ нашей стороны предъявлялись въ то время чрезвычайно умѣренные требованія и король былъ съ этимъ согласенъ. Австрія, со своей стороны, признавала эти требованія вполне справедливыми и была готова оставить намъ въ союзники всѣхъ бывшихъ членовъ германскаго союза, но униженныхъ и съ урѣзанными владѣніями. Его величество отвѣчалъ императору Наполеону, по моему совѣту, уклончиво, однако отказался отъ заключенія перемирія, а равно отъ какихъ-либо гарантій относительно будущихъ мирныхъ условій.

Я предложилъ впослѣдствіи генералу ф.-Мольтке, въ Никольбургѣ, вопросъ, что бы онъ сдѣлалъ, если бы Франція приняла участіе въ войнѣ. Онъ отвѣчалъ: я сталъ бы дѣйствовать оборонительно противъ Австріи, ограничилъ бы военныя дѣйствія Эльбской линіей и тѣмъ временемъ велъ бы войну съ Франціей.

Эти слова еще болѣе убѣдили меня въ необходимости настаивать на томъ, чтобы миръ былъ заключенъ не иначе, какъ при сохраненіи территоріальной неприкосновенности Австрійской имперіи. Если бы Франція вмѣшалась въ войну, то намъ пришлось бы или немедленно заключить миръ съ Австріей на весьма выгодныхъ для нея условіяхъ и быть можетъ даже заключить съ нею союзъ, чтобы напасть совмѣстно на Францію, или какъ можно скорѣе парализовать ея силы, напавъ на нее и поддерживая въ то же время волненіе въ Венгріи и пожалуй въ Богеміи, а до поры до времени дѣйствовать оборонительно противъ Франціи, а не противъ Австріи, какъ полагалъ Мольтке. Я былъ увѣренъ, что война съ Франціей, которую Мольтке хотѣлъ вести сначала, надѣясь быстро съ нею покончить, будетъ не такъ легка и что если у Франціи не было достаточно силъ, чтобы вести наступательную войну, за то когда ей пришлось бы вести оборонительную войну, въ своей собственной странѣ, то умудренная опытомъ она оказалась бы въ скоромъ времени достаточно сильною, чтобы затянуть военныя дѣйствія; такъ что если бы намъ пришлось перенести войну на французскую территорію, имѣя въ тылу враждебную намъ Австрію и Южную Германію, то мы не

¹⁾ См. текстъ у Шнейдера, I, 253.

Пригвѣч. издателя.

могли бы, пожалуй, вести съ успѣхомъ оборонительныхъ дѣйствій противъ Австріи на Эльбѣ. Въ виду этого я рѣшилъ употребить всевозможное стараніе, чтобы заключить какъ можно скорѣе миръ.

Принявъ участіе въ войнѣ, Франція могла послать въ то время въ Германію не болѣе шестидесяти тысячъ войска, но и этого подкрѣпленія союзной южно-германской арміи было бы достаточно, чтобы возстановить въ ней единодушіе и заставить ее дѣйствовать энергичнѣе, подъ командою французовъ, которые приняли бы вѣроятно начальство надъ арміей. Во время перемирія въ одной баварской арміи было, какъ говорили, до 100.000 человекъ; если присоединить къ этому прочія нѣмецкія войска, состоявшія изъ превосходныхъ, мужественныхъ солдатъ, и 60.000 французовъ, то на юго-западѣ образовалась бы 200.000-ная армія, подъ начальствомъ энергичныхъ французскихъ офицеровъ, которые замѣнили бы прежнихъ робкихъ командировъ, страдавшихъ отсутствіемъ единодушія; мы не могли бы противопоставить этой арміи, движущейся къ Берлину, равносильнаго войска, не ослабивъ этимъ себя противъ Австріи. Майнцъ былъ занятъ союзными войсками, подъ командою баварскаго генерала графа Рехберга; если бы французы вступили туда, то ихъ не легко было бы заставить удалиться изъ этой крѣпости.

Опасаясь вмѣшательства Франціи, въ то время когда нельзя еще было предсказать, удастся ли намъ устранить его путемъ дипломатическихъ переговоровъ, я рѣшился посовѣтовать королю сдѣлать воззваніе (Appell) къ венгерскому народу. Если бы Наполеонъ рѣшилъ принять участіе въ войнѣ, а намѣренія Россіи оставались невыясненными, и тѣмъ временемъ холера усилилась бы въ нашемъ войскѣ, то наше положеніе сдѣлалось бы столь затруднительнымъ, что для своего спасенія намъ пришлось бы воспользоваться всякимъ средствомъ, которое предоставило бы намъ національное движеніе не только въ Германіи, но даже въ Венгрии и въ Богеміи ¹⁾.

12 іюля въ походной канцеляріи въ Чернагора (Czerlnhoga) состоялся военный совѣтъ, или совѣтъ генераловъ, какъ военные называли его, — я придерживаюсь для краткости общепонятнаго перваго названія, которое употребляетъ также Роонъ ²⁾, хотя фельдмаршалъ Мольтке и утверждаетъ въ статьѣ, переданной имъ 9 мая 1881 г. профессору ф. Трейчке (Treitschke), что въ обѣихъ войнахъ (1866 и 1870 гг.) ни разу не собиралось военного совѣта ³⁾.

¹⁾ Сравн. сказанное въ рѣчи 16 января 1874 г. Politische Reden, VI, 140. Примѣч. издателя.

²⁾ Въ письмѣ къ своей супругѣ 7 февраля 1871 г. (Denkwürdigkeiten III⁴ 297).

Примѣч. Бисмарка.

³⁾ Сравн. Moltke, Gesammelte Schriften, III, 415.

Въ 1866 г. меня приглашали, когда мнѣ позволяло время, на эти совѣщанія, происходившія подъ предсѣдательствомъ короля сначала въ опредѣленные сроки, а затѣмъ съ болѣе или менѣе продолжительными промежутками. Въ засѣданіи, о которомъ я говорю, обсуждался вопросъ о томъ, какъ намъ дѣйствовать впредь по отношенію къ Австріи; я нѣсколько запоздалъ на засѣданіе, и король объяснилъ мнѣ, что существовало предположеніе овладѣть укрѣпленіями флоридсдорфской линіи, чтобы открыть путь на Вѣну и что въ виду тамошнихъ сильныхъ укрѣпленій необходимо подвезти пушки изъ Магдебурга, для доставки коихъ на мѣсто потребуется 14 дней. Пробивъ въ крѣпостной стѣнѣ брешь, крѣпость предполагали взять приступомъ, при чемъ вѣроятный уронъ съ нашей стороны исчисляли около 2.000 человекъ. Король предложилъ мнѣ высказать свое мнѣніе. Первое соображеніе, пришедшее мнѣ въ голову, состояло въ томъ, что мы не могли терять 14 дней, не рискуя вмѣстѣ съ тѣмъ, что вѣроятность французскаго внимательства значительно этимъ увеличится. Я высказалъ свои опасенія.

Мы не можемъ терять 14 дней въ выжидательномъ положеніи; это можетъ усилить вліяніе Франціи. Затѣмъ я поставилъ вопросъ, слѣдуетъ ли намъ вообще штурмовать флоридсдорфскія укрѣпленія, нельзя ли намъ обойти ихъ. Сдѣлавъ небольшой поворотъ влѣво, мы могли бы двинуться къ Пресбургу и перейти въ этомъ мѣстѣ Дунай съ меньшимъ затрудненіемъ. Въ такомъ случаѣ либо австрійцы были бы вынуждены принять сраженіе въ невыгодной для нихъ позиціи, къ югу отъ Дуная, обратившись фронтомъ къ востоку, либо имъ пришлось бы отступить въ Венгрію; въ послѣднемъ случаѣ ¹⁾ Вѣна могла бы быть взята безъ боя. Король велѣлъ подать себѣ карту и одобрилъ мое предложеніе; къ выполненію этого плана было приступлено, какъ мнѣ казалось, весьма неохотно, но все же онъ выполненъ.

Въ виду нашихъ дальнѣйшихъ отношеній къ Австріи, мнѣ казалось необходимымъ избѣгнуть, по мѣрѣ возможности, всякихъ неприятныхъ воспоминаній, если это могло быть сдѣлано безъ ущерба для нашей нѣмецкой политики. Побѣдоносное вступленіе прусскаго войска въ Вѣну было бы, разумѣется, пріятнымъ воспоминаніемъ для нашихъ военныхъ, но для нашей политики въ этомъ не было никакой надобности; австрійцы были бы этимъ оскорблены, лично такъ же, какъ если бы имъ пришлось уступить намъ какое-нибудь исконное ихъ владѣніе, что, не представляя для насъ крайней необходимости, осложнило бы безо всякой пользы въ будущемъ наши взаимныя отношенія. Я былъ увѣренъ, что намъ придется воевать въ будущемъ для того, чтобы за-

¹⁾ Подобное же положеніе было подъ Парижемъ въ 1870 году

Примѣч. Бисмарка.

пищать то, что мы приобретаемъ въ эту кампанію, такъ же точно, какъ Фридриху Великому пришлось вести болѣе кровопролитную семилѣтнюю войну, отстаивая приобретения, сдѣланные имъ въ двѣ первыя силезскія войны. Хотя бы мы и сдѣлали Наполеону тѣ маленькія уступки, коихъ онъ ожидалъ отъ насъ за свой нейтралитетъ, но послѣдовательный ходъ историческихъ событій говорилъ ясно, что вслѣдъ за войною съ Австріей намъ придется воевать съ Франціей. Трудно было также предсказать, какъ отнесется къ намъ Россія, когда она поняла бы ясно, къ какому усилению могло повести въ будущемъ національное объединеніе Германіи. Нельзя предвидѣть, съ кѣмъ намъ придется воевать въ будущемъ, чтобы удержать сдѣланные нами приобретения, но, во всякомъ случаѣ, для насъ имѣло весьма важное значеніе, будетъ ли вражда нашихъ враговъ непримирима и могутъ ли зажить раны, нанесенныя нами имъ и ихъ самолюбію. Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, я считалъ необходимымъ, изъ политическихъ видовъ, не только не поощрять мысли о торжественномъ вступленіи нашихъ войскъ въ Вѣну; но даже препятствовать этому. При томъ положеніи, въ какомъ мы находились въ то время, политическія соображенія требовали, побѣдивъ непріятеля, не задавать себѣ вопроса, сколько изъ него можно выжать сока, но стараться получить только то, что было необходимо, по соображеніямъ политическаго характера. Я полагаю, что неудовольствіе, вызванное моимъ образомъ дѣйствій въ военныхъ кружкахъ, было послѣдствіемъ ихъ узкихъ сословныхъ взглядовъ и интересовъ, вліяніе которыхъ я никакъ не могъ допустить на обще-государственную политику и на будущее государства.

Когда пришлось наконецъ принять какое-нибудь рѣшеніе, въ виду телеграммы, полученной отъ императора Наполеона, 4 іюля, то король набросалъ слѣдующій проектъ мирныхъ условій: преобразование союза-наго сейма подъ главенствомъ Пруссіи, приобретение Шлезвигъ-Гольштейна, австрійской Силезіи, пограничной полосы Богеміи, восточной Фризландіи, замѣщеніе враждебныхъ намъ монарховъ Ганновера, Гессена, Мейнингена и Нассау ихъ наслѣдниками. Позднѣе имъ были высказаны и нѣкоторыя другія желанія, возникшія въ умѣ его величества отчасти самостоятельно, отчасти подъ постороннимъ вліяніемъ. Онъ хотѣлъ присоединить къ Пруссіи нѣкоторыя части Саксоніи, Ганновера, Гессена и въ особенности Ансбахъ и Байрейтъ.

Обсуждая вопросъ о приобретеніи нѣкоторыхъ земель отъ Австріи и Баваріи, я руководствовался соображеніемъ, будутъ ли жители этихъ мѣстностей, въ случаѣ войны, вѣрны королю прусскому по удаленіи прусскихъ войскъ и властей, будутъ ли они повиноваться получаемымъ отъ него приказаніямъ? Я не могъ поручиться, что населеніе

этихъ мѣстностей, сроднившееся съ австрійскими и баварскими порядками и нравами, могло быть предано династїи Гогенцоллерновъ.

...Когда рѣчь зашла объ австрійской Силезїи, то я принялъ тѣ же соображенія, на которыя я указывалъ, обсуждая вопросъ о присоединенїи франкскихъ княжествъ; не говоря уже о томъ, что это была одна изъ преданнѣйшихъ провинцій австрійской монархїи, большинство ея населенія составляли славяне, то же можно было сказать и относительно богемскихъ владѣній: Рейхенберга, Эгерталя, Карлсбада, которыя король хотѣлъ сохранить по настоянїю принца Фридриха-Карла. Впослѣдствїи, Каролі категорически отказался отъ всякихъ территориальныхъ уступокъ и не согласился даже отдать намъ небольшого округа Браунау, о которомъ я завелъ рѣчь, такъ какъ онъ былъ нуженъ намъ для желѣзной дороги. Я предпочелъ отказаться и отъ этого округа, сколь скоро прїобрѣтеніе его угрожало затянуть переговоры о заключенїи мира и дѣлало болѣе вѣроятнымъ вмѣшательство Франціи.

Заявленное королемъ желаніе сохранить западную Саксонїю, Лейпцигъ, Цвикау и Хемницъ, чтобы имѣть сообщеніе съ Байрейтомъ, вызвало отказъ со стороны Каролі; онъ заявилъ рѣшительно, что онъ обязанъ обезпечить цѣлость Саксонїи, какъ *conditio sine qua* по мирныхъ условїи. Эта разниця въ отношенїи къ союзникамъ объясняется личными отношенїями къ королю саксонскому и поведенїемъ саксонскихъ войскъ послѣ Кенїггрецкаго сраженїя, которыя представляли изъ себя при отступленїи самый свѣжїй, бодрый отрядъ.

Прочїя нѣмецкія войска сражались храбро, но они вступили въ бой поздно и не принесли особенно существенной пользы; въ Вѣнѣ держались даже не совсѣмъ справедливаго взгляда, что союзники, т. е. собственно баварцы, и виртембергцы не оказали достаточной помощи.

Въ сочиненїи, издаваемомъ главнымъ штабомъ, отмѣчено подъ 21-мъ іюля:

«Въ Никольсбургѣ начались нѣсколько дней передъ тѣмъ переговоры, съ цѣлью заключенїя пятидневнаго перемирїя. Главная цѣль его была—выиграть время для дипломатїи. ¹⁾».

Я задалъ вопросъ Мольтке, считаетъ ли онъ сраженіе, которое мы собирались дать близъ Пресбурга опаснымъ или сомнительнымъ. До тѣхъ поръ наша слава была незапятнана. Если можно было рассчитывать навѣрняка на благопрїятный исходъ сраженїя, то слѣдовало дать его и начать перемирїе полднемъ позднѣе; послѣ побѣды наше положеніе

¹⁾ Въ виду возможнаго вмѣшательства со стороны Франціи положеніе военнаго начальства было опаснѣе, нежели положеніе дипломатїи.

Примѣч. Бисмарка.

во время переговоровъ было бы, разумѣется, гораздо выгоднѣе. Въ противномъ случаѣ лучше было отказаться отъ этого предпріятія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что считаетъ исходъ сраженія сомнительнымъ и что это предпріятіе вообще весьма рискованное; впрочемъ, во время войны все опасно. Выслушавъ этотъ отвѣтъ, я рѣшилъ совѣтовать его величеству заключить перемиріе такъ, чтобы непріязненные дѣйствія были прекращены въ воскресенье 22-го числа послѣ полудня и могли быть возобновлены лишь послѣ полудня 27-го числа. Генералъ фонъ-Фрайзекъ получилъ 22-го числа въ 7¹/₂ часовъ утра извѣщеніе о наступающемъ въ тотъ же самый день перемиріи и приказаніе сообразовать съ этимъ свои дѣйствія. Поэтому сраженіе, которое онъ велъ подъ Блуменау, должно было прекратиться въ 12 часовъ дня.

Тѣмъ временемъ мною были выработаны совмѣстно съ Кароли и Бенедетти условія, на которыхъ возможно было заключить миръ; Бенедетти, благодаря бездѣятельности нашей военной позиціи въ тылу арміи, удалось проѣхать въ ночь съ 11-го на 12-е іюля въ Цвितтау, и онъ появился передо мною совершенно неожиданно, когда я былъ еще въ постели. Онъ заявилъ, какъ основное требованіе Наполеоновской политики, что увеличеніе Пруссіи не болѣе какъ на 4 милліона душъ въ Сѣверной Германіи и сохраненіе нами линіи Майна, какъ границы съ юга, не вызоветъ вмѣшательства со стороны Франціи. Несомнѣнно, онъ надѣялся образовать изъ южно-германскихъ государствъ союзъ, подъ покровительствомъ Франціи. Австрія выступала изъ германскаго союза и была готова признать всѣ измѣненія, которыя король былъ намѣренъ ввести въ сѣверной Германіи, съ условіемъ сохраненія неприкосновенности Саксоніи. Эти условія заключали въ себѣ все, что намъ было нужно: свободу дѣйствій въ Германіи.

Руководствуясь вышеприведенными соображеніями, я твердо рѣшилъ сдѣлать изъ принятія австрійскихъ предложеній государственнѣйшій вопросъ. Положеніе было крайне затруднительно: рѣшительно всѣ генералы были противъ прекращенія побѣдоносной войны, а король въ то время охотнѣе выслушивалъ совѣты военныхъ и охотнѣе принималъ ихъ совѣты, нежели мои; въ главной квартирѣ я былъ единственный человѣкъ, на которомъ, какъ на министрѣ, лежала политическая отвѣтственность и который, въ виду совершающихся событій, долженъ былъ имѣть свое собственное мнѣніе и принять какое-либо рѣшеніе, не имѣя возможности сослаться впоследствии на какой-л. авторитетъ, въ видѣ коллегіальнаго рѣшенія или высочайшаго повелѣнія. Я не могъ предвидѣть, какъ и всякій иной человѣкъ, какъ жатая обстоятельства въ будущемъ и каковъ будетъ, въ зависимо отъ этого, приговоръ свѣта, но изъ всѣхъ присутствующихъ я оди

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

РУССКАЯ СТАРИНА

1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ** руб.— въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о вѣдѣхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живеописанія и матеріалы къ биографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобиографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—VII. Члѣбитиця, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VIII. Народная словесность.—IX. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по 8 рублей; и съ 1888—1898 по 9 рублей.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность. 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. М. И. Семевского и факс. его письма. Цѣна 3 рубля. Для подписчиковъ „Русской Старины“ 2 рубля.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXX-й.

СЕНТЯВРЬ.

1899 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.....	481—515	XIV. Новая книга о Пушкинѣ. М. Б.	707—713
II. Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа (Оконч.). Аквд. Л. Н. Майкова.	517—530	XV. Записная книжка „Русской Старины“: О поселеніи духоборцевъ на р. Молочной. 1802 года (стр. 516). — Къ біографіямъ А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго (536). — В. И. Даль о своихъ пословицахъ и словарь. (558). — Восподанійшее прошеніе ген.-лейт. Дорохова 11 апр. 1815 г. (570). — Графъ Ѳ. В. Ростовичъ и Г. Р. Державинъ. (1803 г.) Сообщилъ Г. К. Рѣшнскій. (615—616). — Пожертвованіе екатеринославскаго дворянства на Харьковскій университетъ. 30 января 1804 г. (628). — Порученіе фельдмаршала князя Варшавскаго охлѣвать выписку изъ сочиненій князя Курбскаго о порядкахъ, бывшихъ въ войскахъ въ XVI столѣтіи. 11 июля 1844 г. Сообщ. Н. Викинскій (654). — Переселеніе болгаръ въ Россію. 1802 г. (674). — Рескриптъ императора Александра барону Кампентаузену. 1805 г. (694). — Письмо М. Шумскаго барону В. В. Кампентаузену. 1822 г. (714). — Письмо въ редакцію Ю. Н. Милютина. (715—716).	
III. А. С. Пушкинъ и Н. И. Бухаровъ. Сообщ. П. П. Левицкій.....	531—535	XVI. Библиографическ. листокъ. (на оберткѣ).	
IV. Записка баварца о Россіи времянъ императора Павла. Сообщ. Евгений Шумигорскій.....	537—557		
V. Отношенія крутскаго архіепископа Никола въ декабристамъ. Леонид Трефолевъ.....	559—569		
VI. Изъ воспоминаній прусскаго флигель-адъютанта Малаховскаго. (Оконч.). Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.....	571—586		
VII. Яковъ Николаевичъ Толстой. В. Л. Модзалевскаго.....	587—614		
VIII. Мои цензурныя мытарства. А. Чумикова.....	617—627		
IX. Изъ прошлаго. П. Д. Пиренцова.....	629—648		
X. Изъ секретной переписки Барилла-де-Толли въ 1812 году. Сообщ. А. З. Ммышлевской.....	649—653		
XI. Изъ дневника П. Г. Дивова (1830 годъ).....	655—673		
XII. Записки графа Л. А. Беннигсена о войнѣ съ Наполеономъ 1807 года. Сообщ. П. М. Майковъ.....	675—693		
XIII. П. А. Валуевъ и А. Г. Тройницкій. Сообщ. Г. А. Тройницкій.....	695—706		

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка.
2) Портретъ Якова Николаевича Толстого. Грав. И. Хельмицкій.
3) Планъ города Ловчи и его окрестностей.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, 39.
1899.

Digitized by Google

IX-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го сентября 1899 г.

1799—26 мая—1899. Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящіяся въ библиотекѣ Императорскаго Юрьевскаго университета. Съ 5 снимками Юрьевъ 1899 г.—Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго университета“.

Настоящая работа, — читаемъ мы въ предисловіи, — есть посильная дань великому поэту отъ библиотекы Императорскаго Юрьевскаго университета, какъ учрежденія. Съ Пушкинымъ у каждаго изъ насъ связано столько дорогихъ воспоминаній, каждый изъ насъ столь многимъ обязанъ ему, что становится исполнѣ понятнымъ всеобщее желаніе посильно выразить свою благодарность и дань уваженія гениальному поэту.

Разсматриваемая нами статья проф. Е. Ф. Шмурло распадается на двѣ части: большая касается маски А. С. Пушкина, а меньшая—собственноручнаго письма поэта. Въ концѣ брошюры помѣщены три фотографіи съ маски и двѣ съ письма Пушкина, прекрасно исполненныя цинкографическими заведеніемъ А. И. Вильборга въ С.-Петербургѣ.

Вопросъ о посмертныхъ маскахъ А. С. Пушкина остается до сихъ поръ далеко невыясненнымъ и спорнымъ. Въ основѣ этого лежитъ письмо В. А. Жуковскаго къ отцу поэта С. Л. Пушкину, известное его описаніе „последнихъ минутъ Пушкина“, — именно тѣ строки, гдѣ онъ говоритъ, что въ-время вспомнилъ о необходимости снять маску, и что это было немедленно исполнено, прежде чѣмъ черты лица успѣли измѣниться.

Когда именно и кѣмъ была снята маска, въ чьи руки она попала потомъ, — не известно. Известно только, что вскорѣ по смерти поэта нѣкій Палацци вынулъ въ продажу гипсовые снимки своей работы съ посмертной маски, придѣлавъ къ нимъ волосы до половины головы; одновременно съ Палацци, съ маски Пушкина Элеонорою Жуковскою былъ сдѣланъ рисунокъ, впервые воспроизведенный, кажется, въ 1837 г., литографически, затѣмъ въ „Литературной Газетѣ“ 1843 г., а съ 1887 г. появившіяся во многихъ изданіяхъ. Въ 1880 г., въ дни празднествъ, состоявшихся по поводу открытія въ Москвѣ памятника А. С. Пушкину, — въ Петербургѣ была устроена выставка, гдѣ, въ числѣ другихъ предметовъ, была представлена маска поэта, святая, — какъ главно-силъ каталогъ, — на другой день послѣ его смерти 4).

Маска, хранящаяся въ библиотекѣ Юрьевскаго университета, поступила туда въ даръ отъ профессора этого университета М. П. Розберга и въ теченіе уже многихъ лѣтъ помѣщается въ верхнемъ этажѣ библио-

теки; она покоится на гипсовой забронзированной подушкѣ, на нижней передней части которой (по зеленому фону) бронзовою краскою начертаны слова: „А. С. Пушкинъ“. Стекланный колпакъ предохраняетъ ее отъ пыли.

Точно опредѣлить время поступленія этой маски въ библиотеку университета нельзя, такъ какъ, по свидѣтельству М. М. и Е. М. Розбергъ, — дочерей покойнаго профессора, — маска была передана лично изъ отцомъ библиотекарю, въ шестидесятыхъ годахъ, безъ какаго-либо письменнаго заявленія. Опредѣленно сказать, оригиналь это или копія, — положительно невозможно.

Приведа размѣры этой маски, г. Шмурло высказываетъ предположеніе, что ее сдѣдуетъ отнести, по своей выразительности, къ разряду оригинальныхъ. Она прекрасно передаетъ всѣмъ известныя черты поэта: явственно отпечатѣлись на ней толстая, мясистая губы; прямой, у конца слегка погнутой къ низу, носъ съ широкими раздѣвшимися ноздрями; широкой открытый лобъ съ мощной надглазною костью. Въ числѣ мелкихъ подробностей особенно бросается небольшая ямка, точно вдавленная пальцемъ, на правомъ вѣкѣ, въ части, обращенной къ носу; замѣчаются также два небольшихъ углубленія и на лбу, надъ лѣвыми глазомъ, по одно изъ нихъ едва-едва примѣтно. Ротъ даетъ возможность если не видѣть, то по крайней мѣрѣ чувствовать рядъ зубовъ.

Кромѣ только что описанной маски, въ Юрьевскомъ университетѣ имѣется еще и другая, недавно полученная изъ Парижа отъ А. Ф. Овѣгина, — прекрасный слѣпокъ, хотя и уступающій по качествамъ полученному отъ М. П. Розберга; въ немъ менѣе подробностей, мускулы болѣе сглажены, не такъ ясно пророчены глаза, не такъ чувствуются зубы; не столь отчетливо обозначены ноздри. Размѣромъ маска г. Овѣгина совершенно тождественна съ маскою г. Розберга.

Хранящеся въ библиотекѣ Юрьевскаго университета собственноручное письмо А. С. Пушкина М. П. Загоскину входитъ въ составъ коллекціи автографовъ, собранныхъ консерваторомъ Императорскаго Эрмитажа г. Шардусомъ и подаренныхъ имъ въ 1852 г. упомянутому университету. Оно писано на простой плотной бумагѣ желтоватаго цвѣта безъ какихъ-либо водяныхъ знаковъ, формата четвертушки писчего листа; запечатано красною свѣрочною печатью съ изображеніемъ какаго-то герба. Письмо имѣетъ дату: 14 іюля. Москва.

Мы не будемъ приводить текстъ этого письма, такъ какъ оно уже было напечатано въ „Русской Старинѣ“ (1890 г. т. LXVII, стр. 292), но безъ указанія мѣстоахожденія автора (и безъ опредѣленія года. Послѣ цѣлаго ряда разсужденій, Е. Ф.

4) Она принадлежитъ Т. В. Сѣмечкиной.

ЯКОВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
ТОЛСТОЙ.

Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

V¹).

1841 годъ.

Балетъ „Зефиръ и Флора“.—Дѣло Дубенскаго.—Переходная ступень къ образованію министерства государственныхъ имуществъ.—П. Д. Киселевъ.—Внутренность кабинета императора Николая I.—Любовная интрига въ большомъ свѣтѣ.—Н. Наз. Муравьевъ.—Двойной приговоръ крестьянину, произшедшему дерзкія выраженія противъ государя.—Балъ у графини Кавкриной.—Кн. А. Н. Голицынъ.—Ночлегъ императора у динабургскаго коменданта Гельвига.—Нѣмецкая просьба.—Генералъ-адъютантъ Микулинъ.—Паденіе потолка Георгіевской залы.—Наслѣдникъ цесаревичъ правитель имперіи во время отъѣзда государя на маневры въ Ковно и Варшаву.—Императоръ Николай играетъ на домашнемъ театрѣ въ Гатчинѣ.—Большіе дворцовые балы.

19-го апрѣля былъ торжественный спектакль по случаю празднованія бракосочетанія государя наслѣдника. Давали давно забытый балетъ «Зефиръ и Флора», утомительный, скучный, съ устарѣлою музыкою, но назначенный на этотъ день именно по волѣ государя потому, что этотъ же самый балетъ давали, 24 года передъ симъ, при собственномъ его бракосочетаніи.

Государственные имуществы, до учрежденія для управленія ими особаго обширнаго министерства, вѣдались въ одномъ небольшомъ департаментѣ, принадлежавшемъ къ общему составу министерства финансовъ. Начальникомъ этого департамента многіе годы, еще со временъ императора

¹) См. „Русскую Старину“ августъ 1899 г.

Александра, былъ сенаторъ Николай Порфиріевичъ Дубенскій, чело-
вѣкъ немногому учившійся, но съ чрезвычайно свѣтлымъ и вѣрнымъ
взглядомъ на дѣла. Сверхъ того, служивъ до полковника въ армейскихъ
полкахъ, съ которыми часто переходилъ съ одной стоянки на другую,
и бывъ потомъ долго вице-губернаторомъ, губернаторомъ и губер-
нскимъ предводителемъ, онъ приобрѣлъ очень много опытности и зналъ
Россію, какъ мало кто изъ тогдашнихъ нашихъ государственныхъ людей.
Вообще если онъ и не былъ охотникомъ до нововведеній и рѣдко по-
мышлялъ о томъ, чтобы отъ частнаго идти къ общему, т. е. отъ раз-
рѣшенія текущихъ дѣлъ къ усовершенію законодательства и къ улуч-
шенію самой части, то по крайней мѣрѣ со стороны критическаго ума,
дѣятельности, распорядительности и желѣзной энергіи онъ имѣлъ мало
соперниковъ. Но всѣ отличныя качества Дубенскаго помрачались его
характеромъ. Холодный и надменный эгоистъ, неумолимый деспотъ въ
кругу своихъ подчиненныхъ¹⁾, не только пользовавшійся вполнѣ своею
властію какъ строгій начальникъ, но и злоупотреблявшій ею для колкихъ и
ядовитыхъ насмѣшекъ надъ тѣми изъ подчиненныхъ, которые имѣли несча-
стіе ему не нравиться, онъ оставался вѣренъ той же самой язвитель-
ной насмѣшливости и въ отношеніи къ равнымъ, къ высшимъ себя, къ
администраторамъ, къ правительству, даже къ священному лицу мо-
нарха. Острый и ѣдкій языкъ его никого не щадилъ, и если иногда
Дубенскій расточалъ свои насмѣшки не прямо въ лицо, то всегда и
предпочтительно передъ самыми приближенными къ тѣмъ, надъ кото-
рыми онъ издѣвался. Все это, естественно, навлекло ему безчисленное
множество враговъ; а какъ къ прочимъ его свойствамъ присоединялись
еще, собственно по службѣ, подъ видомъ охраны казенныхъ интере-
совъ, всевозможныя притѣсненія каждому, кто имѣлъ до него дѣло,
самое грубое и жестокое обхожденіе, и наконецъ преднамѣренныя дѣй-
ствія наперекоръ людямъ сильнымъ, чтобы доказать свою власть или
свое безстрашіе: то я не зналъ никого, кромѣ развѣ, можетъ быть,
графа Аракчеева, кто былъ бы вообще такъ ненавидимъ всѣми слоями
публики. Даже непосредственный начальникъ Дубенскаго, графъ Кан-
кринъ, который держалъ его и испрашивалъ ему частыя награды
единственно по убѣжденію приносимой имъ пользы, внутренно его тер-
пѣть не могъ. Отголоски этой публичной ненависти не могли не дойти и
до престола, а тутъ къ порицаніямъ заслуженнымъ поспѣшила присое-
диниться и клевета.—Дубенскаго выставили въ глазахъ государя чело-
вѣкомъ, жертвующимъ государственными интересами для личныхъ сво-

¹⁾ Вмѣстѣ съ департаментомъ имуществъ Дубенскій управлялъ долго и
департаментомъ податей и сборовъ, гдѣ, бывъ при немъ три года начальни-
комъ отдѣленія, я имѣлъ случай подробно изучить этого чрезвычайно тяже-
лаго, но все-таки примѣчательнаго человѣка.

ихъ выгодъ, предателемъ благодѣтеля своего Канкринъ, не имѣющимъ ничего святаго, осуждающимъ все, что дѣлаетъ правительство, даже противодѣйствующимъ его распоряженіямъ,—словомъ, въ самыхъ черныхъ краскахъ, и именно въ такихъ, которыя наиболѣе должны были взволновать благородную и возвышенную душу императора Николая. Пронски эти не остались тайною и для города. Стали говорить, что Дубенскаго отрѣшаютъ отъ должности, передаютъ суду и пр. Небольшое число его доброжелателей совѣтовало ему, въ отвращеніе грозившей бури, добровольно оставить службу. Но полагаясь, вѣроятно, на чистоту служебныхъ своихъ дѣйствій, или по крайней мѣрѣ на огражденіе ихъ безукоризненнымъ формализмомъ, онъ смѣялся надъ всѣми благонамѣренными совѣтами и продолжалъ оставаться при своей должности.

Около этого времени, къ вѣщшей пагубѣ Дубенскаго, выступалъ у насъ на государственную сцену одинъ новый человѣкъ съ обаятельнымъ умомъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ покорять себѣ людей, съ блестящими формами, человѣкъ, исполненный воображенія, кипучей жизни, дальновидныхъ государственныхъ замысловъ и отваги. Бывъ сперва начальникомъ штаба 2-ой арміи и потомъ, послѣ турецкой кампаніи 1828—29 годовъ, полномочнымъ правителемъ Молдавіи и Валахіи, гдѣ память о немъ живетъ и донинѣ, Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, въ роли рядоваго члена Государственнаго Совѣта ¹⁾ не могъ находить достаточной пищи своей дѣятельности. Ему необходимъ былъ кругъ дѣйствія болѣе обширный, болѣе выпуклый, особенно такой, гдѣ, являсь исправителемъ старыхъ упущеній и вмѣстѣ вводителемъ новизны и улучшеній, онъ могъ бы стяжать себѣ блестящую славу. Управление государственныхъ имуществъ представляло для всего этого самое странное поле.

Какъ въ частной жизни бываютъ иногда лица, противъ которыхъ особенно устремляются злословіе и клевета, такъ и въ администраціи всегда есть части, которыя, по предубѣжденію ли, по обдуманному ли плану, или просто по привычкѣ, дѣлаются мѣтою какихъ-то особенныхъ, систематическихъ нападокъ. Къ числу такихъ общепорицаемыхъ частей у насъ издавна принадлежало управление казенными крестьянами, оброчными статьями и пр. Оно, дѣйствительно, шло худо, но едва-ли хуже нѣкоторыхъ другихъ частей: только видимость предмета и, такъ сказать, осязательность его для каждаго были причиною, что управление это оуждали болѣе всѣхъ прочихъ.

Еще при императорѣ Александрѣ, а потомъ и при его преемникѣ, неоднократно учреждаемы были высшіе комитеты для преобразованія

¹⁾ Онъ былъ возведенъ въ это званіе 6-го декабря 1834 года, въ одинъ день съ назначеніемъ меня государственнымъ секретаремъ.

этой части, но все, что ни придумывалось ими, встрѣчало противодѣйствіе и отъ Канкринна, по общей ненависти его ко всему, чего не самъ онъ былъ творцомъ, и отъ Дубенскаго, какъ врага, по системѣ, всякихъ нововведеній и немилосерднаго критика всѣхъ идей, заимствованныхъ изъ одной теоріи. При томъ предубѣжденіи и, можно сказать, нравственномъ презрѣніи, которое питалъ императоръ Николай къ Дубенскому, и при блестящихъ качествахъ Киселева, не трудно было внушить государю, съ одной стороны, что пока эта часть находится въ рукахъ у упорнаго Канкринна и его директора, до тѣхъ поръ нельзя ожидать ничего хорошаго, съ другой, что для кореннаго преобразованія и улучшенія необходимъ и способенъ одинъ только бывший правитель княжествъ, который изъ царствовавшего тамъ хаоса успѣлъ, въ нѣсколько лѣтъ, создать образецъ порядка и благоустройства.

И вотъ настала роковой январь 1837 года.

Въ ночь съ 6-го на 7-е число Канкринна разбудили указомъ, павшимъ на него и на массу людей, какъ снѣгъ на голову, но давно предвидѣннымъ людьми наблюдательными. Дѣла о государственныхъ имуществвахъ были изъяты изъ министерства финансовъ; для завѣдыванія ими учреждено новое, V-е отдѣленіе въ составѣ Собственной Его Величества канцеляріи, по которому назначенъ докладчикомъ Киселевъ, а прежнимъ департаментомъ велѣно управлять особому Временному Совѣту, за учрежденіемъ котораго Дубенскій пересталъ быть директоромъ, хотя указъ лично о немъ прошелъ молчаніемъ ¹⁾. Съ сей эпохи открылось уже прямое и гласное преслѣдованіе его. Сначала, подъ видомъ ревизіи дѣлъ департамента имуществъ, приступлено было къ обслѣдованію личныхъ дѣйствій бывшаго его директора. Это обслѣдованіе возложили на стараго подъячаго и отъявленнаго врага Дубенскаго, сенатора Болгарскаго, подъ благовиднымъ предлогомъ, что онъ нѣкогда самъ управлялъ тѣмъ же департаментомъ, и на генераль-адъютанта Деллинггаузена, человѣка съ нѣкоторою военною репутаціею, но совершенно несвѣдущаго въ гражданской части ²⁾. Естественно, что такая ревизія, подъ вліяніемъ личной вражды и при стремленіи угодить предполагаемому свыше желанію, произведена была не только со всею строгостію и съ самою мелочною подробностію, нисходившею до порядка внесенія бумагъ въ реестры, переписки черновыхъ отпусковъ, скрѣпы ихъ и пр., но и со всевозможною придирчивостію. Обвиненія ревизоровъ съ перваго взгляда представлялись столько же странными, сколько, по боль-

¹⁾ Министерство государственныхъ имуществъ было образовано уже позже, въ концѣ года; но Киселевъ получилъ портфель, какъ уже упомянуто, съ самой минуты удаленія Дубенскаго.

²⁾ Позже Деллинггаузенъ замѣстилъ князя Голицына, назначенный впоследствии статсъ-секретаремъ у принятія прошеній.

шей части, и несомнѣнными. По множеству статей были сдѣланы произвольные выводы отъ частныхъ къ общему, т. е. отъ безпорядковъ, усмотрѣнныхъ по нѣсколькимъ дѣламъ, выводилось заключеніе о бездѣйствіи, небреженіи или упущеніи департаментомъ своихъ обязанностей вообщемъ. Сверхъ сего Дубенскому, и всегда только ему одному, вѣнялось въ вину и то, что по закону лежало прямо на обязанности его подчиненныхъ, и то, что дѣлалъ и предписывалъ министръ, и то, что было разрѣшено Сенатомъ, наконецъ даже такія упущенія и дѣйствія, которыя относились къ времени, предшествовавшему его управленію. Словомъ, бывшего директора представили какимъ-то исключительнымъ лицомъ, на котораго одного должна была пасть отвѣтственность по цѣлой части, какъ будто бы не существовало ни надъ нимъ министра, ни подъ нимъ чиновъ департамента, и какъ будто бы онъ былъ не только самостоятельнымъ во всемъ распорядителемъ, но и контролеромъ дѣйствій своего начальника. Въ такомъ видѣ обвинительные пункты, возросшіе до 33-хъ статей, были, по высочайшей волѣ, предъявлены Дубенскому, и тутъ наступило для него новое, самое горькое уничтоженіе. Съ цѣлю извлеченія нужныхъ къ оправданію матеріаловъ, ему открыты были всѣ дѣла департамента, но не иначе, какъ въ самомъ департаментѣ. Такимъ образомъ сенатору, Александровскому кавалеру и прежнему самовластному и высококомѣрному начальнику, надлежало всякій день являться въ департаментъ, самому прискивать всѣ нужныя для него свѣдѣнія и бумаги, дѣлать лично всѣ выписки и пр.; и все это въ глазахъ и посреди прежнихъ подчиненныхъ, которымъ не было уже надобности его беречь и которыхъ малоскрябаемыя глумленія такъ тяжело должны были язвить его самолюбіе...

Обвиненія ревизоровъ, вмѣстѣ съ оправданіями Дубенскаго, поступили въ 1-й департаментъ Сената. Здѣсь всѣ выведенныя первыми упущенія признаны были или такими, которыя, по связи ихъ съ мѣрами общими, не зависѣли отъ одного департамента имуществъ, или же такими, за которыя директоръ могъ бы подлежать развѣ лишь възысканію административному. Только одинъ предметъ обвиненія: о приобрѣтеніи Дубенскимъ отъ нѣкоторыхъ лицъ правъ на пожалованныя земли, показался довольно важнымъ, чтобы подвергнуть его судебному разбору. Вслѣдствіе того Дубенскій преданъ былъ суду въ V-мъ департаментѣ, съ объявленіемъ секретно высочайшей воли, чтобы, до окончанія суда, онъ не присутствовалъ въ Сенатѣ ¹⁾.

V-й департаментъ, обвинявъ подсудимаго лишь по весьма немногимъ

¹⁾ Государь въ такой степени обращалъ вниманіе на это дѣло, что приказалъ доносить себѣ о ходѣ его каждыя двѣ недѣли. За всѣмъ тѣмъ оно пролежало въ V-мъ департаментѣ и въ министерствѣ юстиціи около года, а всего, отъ начала его до окончанія, длилось болѣе четырехъ лѣтъ.

статьямъ, заключилъ тѣмъ, чтобы считать его уволеннымъ отъ должности директора; но потомъ, на основаніи даннаго министромъ юстиціи (графомъ Панинымъ) предложенія, измѣнилъ свою резолюцію и хотя по десяти статьямъ совсѣмъ отвергнувъ обвиненія ревизоровъ, а по нѣкоторымъ другимъ нашелъ ихъ маловажными; однако, при общемъ соображеніи остальныхъ, призналъ Дубенскаго виновнымъ въ бездѣйствіи власти, невниманіи къ государственнымъ пользамъ и употребленіи начальническаго вліянія для своекорыстныхъ видовъ. Затѣмъ, принявъ въ основаніе къ смягченію приговора недостатокъ средствъ бывшаго управленія столь обширнымъ вѣдомствомъ, исполненныя и предположенныя при Дубенскомъ въ послѣдніе годы улучшенія и наконецъ пятидесятилѣтнюю его службу, V-й департаментъ опредѣлилъ: считать его отрѣшеннымъ отъ должности директора, о чемъ, равно какъ и о винѣ его, публиковать повсемѣстно печатными указами. Графъ Панинъ, съ своей стороны, внося это дѣло въ Государственный Совѣтъ, прибавилъ, что, за силою такого приговора, онъ не считаетъ уже приличнымъ оставлять Дубенскаго и въ званіи сенатора.

Докладъ V-го департамента поступилъ въ Совѣтъ въ половинѣ марта; но огромность его (въ немъ было около 1.500 страницъ) не позволила изготовить дѣла къ слушанію прежде половины мая. Въ этотъ промежутокъ времени послѣдовало бракосочетаніе государя наследника, сопровождавшееся изданіемъ милостиваго манифеста, котораго вліяніе должно было простираться и на участь настоящаго дѣла. Въ гражданскомъ департаментѣ Совѣта сталъ на стражу интересовъ Дубенскаго одинъ изъ немногихъ друзей его, Лонгиновъ, съ которымъ согласились три другіе члена: принцъ Петръ Ольденбургскій, Грейгъ и Оленинъ; но за то тѣмъ съ большею запальчивостію вооружился противъ Дубенскаго Бутурлинъ, который остался однако же одинъ. Между тѣмъ, какъ обвиненія ревизоровъ и V-го департамента, или, лучше сказать, министра юстиціи, котораго мнѣніе сенаторы приняли, были, въ наибольшей части статей, слишкомъ притязательны, чтобы согласиться съ ними безусловно, даже и при явномъ недоброжелательствѣ къ обвиняемому, то изъ числа 33-хъ статей по 31-й состоялось въ гражданскомъ департаментѣ единогласное заключеніе, которымъ Дубенскій или вполнѣ оправдывался, или извинялся разными обстоятельствами, и разномысліе произошло только по двумъ статьямъ. Одна касалась того, что въ представленіи Комитету министровъ объ отдачѣ въ частную аренду Онежскихъ лѣсопильныхъ заводовъ было умолчано о возраженіяхъ противъ сей мѣры мѣстнаго начальства, которыя, можетъ быть, дали бы другое направленіе дѣлу, представлявшему важный казенный интересъ. Бутурлинъ относилъ сіе къ винѣ Дубенскаго, а прочіе четыре члена оправдывали его тѣмъ, что отдача заводовъ приказана была собственноручною

резоллюціею министра, слѣдственно, Дубенскому, какъ исполнителю, нельзя было и представленіе Комитету изложить въ иномъ смыслѣ. Другая статья была гораздо важнѣе. Дубенскій скупилъ отъ разныхъ лицъ права на пожалованныя имъ земли (болѣе 18-ти тыс. десятинъ) и выбралъ сіи послѣднія въ такомъ участіи Оренбургской губерніи, который за восемь мѣсяцевъ передъ тѣмъ, предписаніемъ министра финансовъ, за скрѣпою самого его, Дубенскаго, велѣно было оставить для казенныхъ крестьянъ, съ запрещеніемъ раздачи въ частное владѣніе. При предназначеніи сихъ земель Дубенскому, нѣкоторые смежныя селенія изъявили желаніе оставить ихъ за собою; но ни это желаніе, ни послѣдующія просьбы и жалобы крестьянъ не были уважены министерствомъ. Наконецъ въ представленіи министра Сенату объ утвержденіи означенныхъ земель за Дубенскимъ сокрыты были какъ сіи просьбы и жалобы, такъ и предшешее запрещеніе раздавать тотъ участокъ въ частныя руки. Пятый департаментъ вывелъ изъ сего и Бутурлинъ вполне съ нимъ согласился, «что въ дѣйстви департамента государственныхъ имуществъ по выбору и отводу земель директору онаго Дубенскому обнаруживается преступленіе предѣловъ власти въ своекорыстныхъ видахъ, по которому Дубенскій не можетъ уже впредь имѣть довѣрія въ порученіи ему какого-либо государственнаго управления». Но тутъ былъ и оборотъ медали. Дубенскій имѣлъ осторожность совершенно устранить себя отъ управленія департаментомъ по всему производству этого дѣла и, всегда и вездѣ, являлся и дѣйствовалъ въ немъ какъ постороннее частное лицо; онъ подавалъ только просьбы, а всѣ распоряженія исходили отъ министра, за скрѣпою вице-директора (Энегольма). Слѣдственно, по строгости, Дубенскій могъ, въ качествѣ частнаго лица, просить и незаконнаго, т. е. отвода ему такихъ земель, которыя за 8 мѣсяцевъ, прежде, при участіи его въ качествѣ директора, запрещено было раздавать въ частное владѣніе, а дѣло уже министра или департамента было въ томъ отказать, какъ равно и включить въ представленіе Сенату тѣ обстоятельства, которыхъ пропускъ вмѣненъ былъ послѣ въ вину, безъ всякаго основанія, самому Дубенскому. Выведа подробно всѣ сіи обстоятельства въ своемъ мнѣніи и присовокупивъ еще, что преступленіемъ и проступкомъ законъ велитъ считать только то, что запрещено имъ подъ страхомъ наказанія, а покупка правъ на пожалованныя земли нигдѣ директору департамента имуществъ не возбранена, четыре члена признали Дубенскаго по сей статьѣ невиннымъ. Къ этому мнѣнію принцъ Ольденбургскій приписалъ еще, въ черновомъ проектѣ, собственноручно: «Хотя же Дубенскому и надлежало бы отклонить отъ себя малѣйшую даже тѣнь подозрѣнія; но за намѣренія онъ можетъ подлежать одному суду совѣсти и суду Божиему; судъ же человѣческой тре-

буеть доказательствъ юридическихъ, формальныхъ, а Дубенскимъ по сей статьѣ всѣ формы соблюдены».

Когда дѣло, съ такимъ разногласіемъ, перешло въ общее собраніе Государственнаго Совѣта, враги подсудимаго и вообще тѣ, которыхъ интересовалъ исходъ суда надъ нимъ, начали усердно дѣйствовать противъ него. Предсѣдатель Совѣта князь Васильчиковъ лично совѣтъ не зналъ Дубенскаго, а по репутаціи зналъ его тоже очень мало, но тѣмъ болѣе знали нравственную сторону характера самого Васильчикова искавшіе предрасположить его. Дубенскій былъ выставленъ въ его глазахъ своекорыстнымъ человѣкомъ, который пожертвовалъ для своихъ выгодъ казеннымъ интересомъ, а потомъ умылъ себѣ руки, сложивъ всю вину на министра, всегдашняго его благодѣтеля, и на вице-директора, который былъ единственно слѣпымъ и раболѣпнымъ его орудіемъ. Этого довольно было, чтобы вооружить все праводушіе князя и, при первомъ моемъ съ нимъ объясненіи, я увидѣлъ, что Дубенскій—потерянь: ибо именно въ этомъ дѣлѣ, по направленію сужденій въ ту или другую сторону, личный взглядъ предсѣдателя былъ особенно важенъ. Такъ и случилось. До засѣданія нѣкоторые изъ членовъ, въ частныхъ разговорахъ, очевидно, склонялись въ пользу подсудимаго; но ихъ испугали «соболезнованіями о его судьбѣ», говоря, что государь крайне противъ него разгнѣванъ и, какое ни послѣдовало бы заключеніе въ Совѣтѣ, непременно его осудитъ. Графъ Канкринъ въ то время былъ за границею, а управляющій за него министерствомъ Вронченко въ засѣданіе не явился, подъ предлогомъ нездоровья, но безъ сомнѣнія избѣгая необходимости или осудить прежняго товарища (оба долго вмѣстѣ были директорами) или коснуться дѣйствій своего министра. Киселевъ также не пріѣхалъ, бывъ въ то утро съ докладомъ у государя. Затѣмъ въ самомъ засѣданіи (9-го іюня), едва прочли дѣло, предсѣдатель, вопреки своему обыкновенію и даже, нѣкоторымъ образомъ, вопреки если не законамъ, то преданіямъ Совѣта, первый началъ говорить.

— Всѣмъ,—сказалъ онъ,—довольно, я думаю, извѣстно, что не въ моихъ правилахъ кого-либо утѣснять; но въ настоящемъ случаѣ мнѣ кажется долгомъ каждаго вѣрноподданнаго, тѣмъ еще болѣе каждаго изъ насъ, сказать государю правду, а по моему глубокому убѣжденію она состоитъ въ томъ, что сенаторъ—помните законъ: «честность должна быть его дружбою»—что сенаторъ, который наложилъ на себя пятно даже въ своихъ намѣреніяхъ, хотя бы по дѣйствіямъ оградилъ себя формою, не можетъ уже болѣе оставаться въ этомъ званіи. Сверхъ того я предлагаю Совѣту другой еще вопросъ: должны ли неправильно отданныя г. Дубенскому земли, если онѣ окажутся нужными для казны, оставаться его собственностію?

Разумѣется, что первая апострофа князя увлекла и тѣхъ чле-

новъ, которые могли еще втайнѣ благоволить къ подсудимому. Въ томъ же смыслѣ начали тотчасъ говорить графъ Панинъ, Бутурлинъ и графъ Блудовъ; четыре члена гражданскаго департамента защищались слабо, и общимъ результатомъ при отобраніи, наконецъ, голосовъ было, что при высказанномъ въ департаментѣ мнѣніи остались они одни, а всѣ остальные 19 членовъ заключили: Дубенскаго, освободивъ отъ наказанія единственно силою манифеста, уволить отъ званія директора ¹⁾). Относительно же предложеннаго Васильчиковымъ втораго вопроса сіи 19 членовъ рассуждали, что, въ смыслѣ юридическомъ, вопросъ сей не могъ быть разрѣшенъ иначе, какъ отрицательно, за непростительностью еще законной давности отъ утвержденія земель за Дубенскимъ; но въ смыслѣ административномъ необходимо предусмотрѣть и охранить здѣсь и другіе еще предметы, именно: возможность и удобство выселенія тѣхъ крестьянъ, которые могли быть водворены тамъ Дубенскимъ; дѣйствительную надобность въ этихъ земляхъ для казенныхъ крестьянъ, или для другихъ потребностей казны наконецъ и слѣдующее Дубенскому вознагражденіе, такъ какъ самага прѣва на отводъ земель въ томъ или другомъ мѣстѣ, основаннаго на законной покупкѣ, отнять у него нельзя. Вслѣдствіе того положено было поручить министру государственныхъ имуществъ, собравъ о всемъ этомъ ближайшія свѣдѣнія, войти съ особымъ представленіемъ въ Комитетъ министровъ.

Мнѣніе 19-ти членовъ было утверждено государемъ безусловно. Извергнутый, такимъ образомъ, изъ службы Дубенскій, и въ то время уже весьма престарѣлый, прожилъ, однако, еще нѣсколько лѣтъ, не выѣзжая изъ Петербурга, гдѣ у него былъ собственный домъ, у Таврическаго сада. Изъ этого дома, почти за 30 лѣтъ передъ тѣмъ, и именно въ мартѣ 1812 года, ночью, тайно отъ всѣхъ, полицейскій офицеръ вывезъ Сперанскаго, въ кибиткѣ, въ нижегородское заточеніе. Здѣсь же, спустя 10 лѣтъ, въ 1851 году случилось самоубійство товарища министра внутреннихъ дѣлъ Сениавина...

Сыновья Дубенскаго служили съ отличіемъ въ военной службѣ, и одинъ изъ нихъ, уже генералъ, палъ славною смертію отъ раны, полученной имъ въ 1854 году, при переправѣ черезъ Дунай у Браилова.

---

¹⁾ Замѣчательно одно въ этомъ рѣшеніи: что не было заключено ни потребовать объясненія отъ министра финансовъ, какимъ образомъ онъ могъ отдать Дубенскому такой участокъ земли, который самъ, 8 мѣяцевъ передъ тѣмъ, запретилъ обращать въ частное владѣніе, ни отъ вице-директора о томъ, почему допущены были имъ всѣ умолчанія и отступленія, давшія дѣлу о семъ участкѣ незаконное направленіе. Въ естественномъ негодованіи Совѣта противъ главнаго виновнаго, который, для достиженія своихъ цѣлей, употребилъ во зло нравственное свое вліяніе надъ подчиненными ему лицами, все относившееся не къ нему лично было оставлено безъ вниманія или обойдено

Императоръ Николай только въ самыя послѣдніе годы своей жизни переселился въ тотъ маленькій кабинетъ (въ Зимнемъ дворцѣ), гдѣ предопредѣлено ему было окончить свои дни смертію праведника. Превжній его кабинетъ былъ въ самомъ верхнемъ этажѣ надъ этимъ маленькимъ, окнами къ Адмиралтейству. При засѣданіи въ 1841 году одного изъ собиравшихся у государя комитетовъ, въ которомъ и я участвовалъ въ качествѣ производителя дѣлъ, я усидѣлъ, во время продолжительнаго, имъ самимъ, чтенія извѣстныхъ уже мнѣ бумагъ, подробно высмотрѣть эту «мастерскую вѣчнаго работника на тронѣ», къ чему болѣе имѣлъ удобства въ этотъ разъ, нежели въ другіе, когда я призывался предъ государя одинъ. Немедленно по возвращеніи изъ комитета домой, я бросилъ на бумагу изображеніе этого кабинета, и вотъ какъ оно вылилось у меня тогда изъ-подъ пера. Вокругъ всей комнаты идутъ полушкафы, на которыхъ лежатъ книги и портфели. По срединѣ ея два огромныхъ пиьемныхъ стола, въ параллельномъ направленіи; третій поперегъ комнаты, съ приставленнымъ къ одной оконечности его пюпитромъ ¹⁾. Въ цѣломъ—порядокъ удивительный: ничего не нагромождено, не валяется; всякая вещь кажется на своемъ мѣстѣ. Засѣданіе комитета было вечеромъ, и на ближайшемъ ко входной двери столѣ, на которомъ хозяинъ обыкновенно работаетъ, лежало нѣсколько невскрытыхъ пакетовъ, вѣроятно только-что присланныхъ, потому что императоръ Николай никогда не ложился, не вскрывъ всего имъ полученнаго. Во всей комнатѣ только два, но огромныхъ, какъ ворота, окна и въ простѣвкѣ между ними большіе малахитовые часы съ такимъ же циферблатомъ. Вся безъ изыятія мебель, стулья и кресла, корельской березы, обитая зеленымъ сафьяномъ; одинъ только диванъ и ни одного вольтера. Поданные на столѣ, у котораго мы сидѣли, подсвѣчники были серебряные, самыя низенькіе, въ формѣ подушечекъ, и сверхъ того на полушкафахъ стояли двѣ обыкновенныя столовыя лампы; небольшая бронзовая люстра не была зажжена. На каминѣхъ и на столахъ разставлены восковыя и гипсовыя ²⁾ статуэтки солдатиковъ въ полной формѣ, а на одномъ изъ полушкафовъ четыре такія же фигурки, побольше, подъ стеклянными колпаками. На продольной стѣнѣ, противъ входа, огромная картина Ладюрнера, изображающая парадъ на Царицыномъ лугу; на противоположной стѣнѣ картина, такого же размѣра, Крюгера, представляющая парадъ въ Берлинѣ. Затѣмъ на поперечной стѣнѣ, тоже между двумя большими картинами, которыхъ я не могъ хорошенько разглядѣть ³⁾, грудной портретъ Петра Вели-

¹⁾ Императоръ Александръ II, читавшій эти записки, дѣлалъ на поляхъ свои замѣчанія, которыя и приводятся здѣсь въ выносахъ.—Передъ словомъ „пюпитромъ“ онъ написалъ „бюро“.

²⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „свинцовыя раскрашенныя“.

³⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Полтавскаго сраженія“.

каго, а подъ нимъ и вокругъ него, на уступахъ двухъ каминовъ и на письменныхъ столахъ, также множество портретовъ, большихъ и миниатюрныхъ, бюстовъ и бюстиковъ членовъ нашего, прусскаго и нидерландскаго царственныхъ домовъ, живыхъ и умершихъ. Одного только нѣтъ, или по крайней мѣрѣ при всѣхъ поискахъ я не могъ найти,— изображения Екатерины II. Извѣстно, что императоръ Николай, для котораго душевная чистота была высшимъ изъ всѣхъ качествъ, никогда не принадлежалъ къ числу ея почитателей и нисколько не тайлъ своей неприязни къ ея памяти.

Одинъ молодой человекъ изъ высшаго общества давно уже состоялъ на замѣчаніи тайной полиціи по либеральнымъ своимъ идеямъ; но долгое время были въ виду именно все однѣ только идеи, а не факты, за которые можно было бы ухватиться. Наконецъ слѣдалось извѣстнымъ, что онъ имѣетъ любовную связь съ одною замужнею дамою, принадлежавшею также къ высшему обществу, и что кромѣ свиданій между ними есть и постоянная переписка. Черезъ подкупленную прислугу эта переписка вскорѣ перешла въ руки тайной полиціи. Сначала были все только идилліи; но въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ болтливый любовникъ, рассказывая, какъ все ему наскучило, какъ онъ недоволенъ правительствомъ, какъ все у насъ худо идетъ, какъ необходима перемена, между разными вздорными патриотическими возгласами объявлялъ прямо, что, жертвуя собой для пользы общей, онъ рѣшается убить государя. Разумѣется, что послѣ такого открытія вся переписка представлена была на высочайшее воззрѣніе. Государь отвѣчалъ графу Бенкендорфу: «возврати этому молодцу его письма и скажи ему, что я и хъ читалъ, да вразуми его, моимъ именемъ, что когда имѣешь любовную связь съ порядочною женщиною, то надо тщательно оберегать ея честь и не давать валяться ея и своимъ письмамъ»¹⁾). Неужели же этимъ все и кончилось? Именно этимъ одни мѣ-

Николай Назарьевичъ Муравьевъ, пользовавшійся, въ званіи новгородскаго губернатора, особеннымъ расположеніемъ графа Аракчеева, былъ потомъ назначенъ статсъ-секретаремъ въ состоявшую подъ управленіемъ графа Собственную Его Величества канцелярію и остался въ этой должности и по вступленіи на престолъ императора Николая, но уже безъ посредствовавшей между нимъ и государемъ власти. Но въ 1831 году, возвратясь изъ даннаго ему отпуска, онъ повѣстилъ всѣхъ о вступленіи своемъ снова въ должность, безъ спроса на то предварительнаго высочайшаго соизволенія. Это отступленіе отъ того общаго порядка, по которому всякій подчиненный, послѣ отпуска, всту-

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Никогда объ этомъ не слыжалъ“.

пасть въ прежнія свои обязанности не иначе, какъ съ разрѣшенія своего начальства, прогнѣвало государя и—Муравьевъ былъ смѣненъ Татищевымъ. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ безъ службы, въ своемъ селѣ Покровскомъ, недалеко отъ Петербурга, по Шлиссельбургской дорогѣ, и оттуда не переставалъ громить публику разными философическими трактатами, подъ названіемъ его «Досуговъ», публикаціями о своихъ хозяйственныхъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ, о «ржи муравьевкѣ», колоссальномъ картофелѣ, исполинской капустѣ, и пр.; наконецъ самого государя—диссертаціями и утопіями по разнымъ частямъ государственнаго управленія. Во всемъ этомъ, съ притязаніемъ на глубокую мыслительность появлялись всегда—однѣ высокопарныя нелѣпости, выраженные самымъ дикимъ и неуклюжимъ языкомъ. «Досуги» Муравьева, не менѣе чѣмъ и хозяйственныя объявленія, смѣсь безвкусія, какихъ-то, почти ребяческихъ полумыслей и, при крайней самоувѣренности, отсутствіе всякаго такта, морили публику со смѣха. При всемъ томъ императоръ Николай, снисходя къ «коньку» старика, не запрещалъ ему писать къ себѣ обо всемъ, что приходило ему въ голову; хотя потомъ написанный имъ вздоръ оставлялъ безъ вниманія или изрѣдка сообщалъ кому-либо изъ приближенныхъ, чтобы вмѣстѣ посмѣяться. Такъ однажды, въ 1841 году, государь вручилъ князю Васильчикову полученное отъ бывшаго своего статсъ-секретаря новое произведеніе, съ приказаніемъ, въ шутку, передать его мнѣ, въ образецъ слога для государственныхъ бумагъ. Одно вычурное заглавіе показывало уже достаточно направленіе и содержаніе сочиненія. Оно было названо: «Созерцаніемъ будущаго распространенія русскихъ народностей» и начиналось такъ: «Нынѣшнее отдѣленіе народа русскаго, посвящающее себя службѣ царской, родовое дворянство, хотя и расползается, но не въ той степени, какъ народъ русскій. А состояніемъ своимъ оно рѣшительно упадаетъ; смышленіемъ же, язычествуя, очевидно поплывається къ смышленію народа, смышленію, быстро впередъ подвигающемуся: для этого не нужно болѣе русской грамоты и счета, или природнаго смышленія слушать того, кто ее читаетъ». Въ такомъ же родѣ продолжалось все и далѣе, точно сонный бредъ спящаго. Тутъ шла рѣчь и о конституціи, и о желѣзныхъ дорогахъ, и о томъ, что новые законы дурны, и о старикѣ. «всесторонне надломленномъ порывами вихрей его жизни», и объ окружающихъ государя «льстивыхъ и одностороннихъ должностяхъ», и о «чуждыхъ водакахъ», и хотя сочинитель заключалъ произведеніе свое «искреннимъ желаніемъ, чтобъ подобные листы письменъ его сохранились въ его неотдаленное потомство, дабы прахъ его былъ въ немъ покоенъ», однако, при всемъ этомъ наборѣ словъ, никакой человѣческій умъ не могъ бы повясть цѣли бумаги и вообще того, что мерещилось при ея наложеніи «всесторонне надломленному старику». А между тѣмъ, императоръ Ни-

колай имѣлъ терпѣніе пробѣгать такіе «листы письменъ», или по крайней мѣрѣ не запрещалъ автору утруждать его ими подѣ страхомъ заключенія въ домъ умалишенныхъ!

Въ концѣ 1841-го года въ Государственномъ Совѣтѣ разсматривался докладъ Сената объ одномъ крестьянинѣ, который, въ пьяномъ видѣ, произнесъ дерзкія выраженія противъ государя. Сенатъ, присудивъ его къ ссылке въ каторжную работу, представилъ вмѣстѣ съ тѣмъ о помилованіи, т. е. о замѣнѣ каторги, въ уваженіе къ невѣжеству и пьяному состоянію преступника, ссылкой на поселеніе. Государственный Совѣтъ нашелъ, что въ преступленіяхъ такой важности и Сенату и самому Совѣту слѣдуетъ присуждать наказаніе по всей строгости законовъ, а смягченіе можетъ зависѣть единственно отъ монаршаго милосердія; почему, съ прописаніемъ впрочемъ и всѣхъ этихъ разсужденій, представилъ заключеніе о ссылкѣ того крестьянина въ каторгу. По дѣламъ подобнаго рода, когда не было стеченія другихъ еще преступленій, императоръ Николай обыкновенно и, можно сказать, всегда даровывалъ виновнымъ совершенное прощеніе; но на этотъ разъ меморія, противъ общаго чаянія, возвратилась съ безусловнымъ утвержденіемъ, которое и было объявлено Совѣту въ присутствіи наслѣдника цесаревича ¹⁾. Въ слѣдующее, однако, засѣданіе его высочество возвѣстилъ мнѣ волю государя, чтобы исполненіе по этому дѣлу остановить и представить его вновь, для прощенія осужденнаго. Вечеромъ, на балѣ у графа Воронцова, государь, увидѣвъ меня, лично подтвердилъ мнѣ то же самое приказаніе, прибавивъ, «что не понимаетъ, какъ это дѣло могло у него проскочить». Такимъ образомъ уже на самыхъ первыхъ порахъ обнаружилия благотворныя послѣдствія присутствія наслѣдника въ Совѣтѣ.

Графъ Канкринъ имѣлъ систему почти ежегодно стращать всѣхъ оставленіемъ имъ министерства, особенно пока трудно было предполагать, чтобы назначеннаго ему въ товарищи Вронченко сочли способнымъ и достойнымъ занять его мѣсто. Въ концѣ 1841 года я какъ-то заѣхалъ къ графу, и тутъ онъ торжественно увѣрялъ меня, что ничѣмъ уже не убѣдятъ его остаться министромъ; что здоровье его совершенно разстроено, но что еще болѣе побуждаютъ его бросить службу общіе противъ него нападки, происки враждебной партіи, интриги его непріятелей и пр.; что онъ уже купилъ себѣ домъ (графа Кушелева на Дворцовой набережной), чтобы жить въ немъ частнымъ человѣкомъ; что, при увольненіи, не будетъ просить ни пенсіи, ни другой награды, а

¹⁾ Его высочество пожалованъ былъ въ члены Государственнаго Совѣта, собственнымъ указомъ августѣйшаго его родителя, 16-го апрѣля 1841 года, въ день его бракосочетанія, но не утромъ, а поздно вечеромъ, такъ что это пожалованіе можно было считать какъ бы относившимся къ слѣдующему уже числу—дню рожденія его высочества.

хочетъ просто покоя, и тому подобное. И дѣйствительно, онъ послалъ просьбу объ отставкѣ; но государь сперва лично къ нему пріѣхалъ, а потомъ прислалъ — по выраженію графа Орлова — «любвное» письмо и — старикъ остался, даже болѣе чѣмъ остался: онъ объявилъ гласно своимъ приближеннымъ, что, послѣ всего сказаннаго и написаннаго ему государемъ, считаетъ обязанностію служить до послѣдняго его дыханія. Впрочемъ, по увѣренію тѣхъ же приближенныхъ, истинною причиною прежней его рѣшимости оставить службу были не столько приведенныя имъ мнѣ обстоятельства, сколько огорченное тщеславіе его жены: она давно уже оскорблялась, что ее не жалуютъ въ статсъ-дамы, чего, однако же, она не удостоилась и до конца своихъ дней. Графиня Екатерина Захарьевна (урожденная Муравьева, дочь эконома въ Смольномъ монастырѣ) была женщина добрая, но вѣтренная и не всегда осторожная на языкъ, и императоръ никогда ея не жаловалъ. За нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ графъ давалъ большой балъ и, когда государя спросили, будетъ ли онъ тамъ?

— Помилуйте, — отвѣчалъ онъ, — да развѣ вы не знаете, что графиня терпѣть меня не можетъ: она, пожалуй, выгонитъ меня изъ дому.

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, хотя и не пользовался особенно высокимъ мнѣніемъ императора Николая относительно государственныхъ его достоинствъ, однако же всегда былъ чрезвычайно имъ любимъ и уважаемъ, какъ одинъ изъ приближеннѣйшихъ людей къ Александру I-му, какъ чрезвычайно добрый, можно даже сказать добродѣтельный человекъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ необыкновенно пріятный собесѣдникъ, обладавшій неистощимымъ запасомъ воспоминаній и анекдотовъ о старинѣ. Полнота довѣрія къ нему выражалась, между прочимъ, и тѣмъ, что, при многочисленныхъ разъѣздахъ государя и императрицы, Голицынъ всегда, и въ дѣтствѣ и въ первой молодости государя и наслѣдника, оставался главнымъ его пѣстуномъ и блюстителемъ надъ его воспитаніемъ и воспитателями ¹⁾. Вслѣдствіе этого государь избралъ день бракосочетанія наслѣдника, чтобы ознаменовать свое благоволеніе къ Голицыну особенною милостию. Въ такую минуту, когда мы не имѣли ни одного дѣйствительнаго тайнаго совѣтника 1-го класса, онъ былъ возведенъ въ этотъ чинъ, обойдя 13-тъ старшихъ (считая въ томъ числѣ и военныхъ генераловъ), и при томъ не обыкновеннымъ, а написаннымъ, отъ начала до конца, собственною рукою государя указомъ. Этотъ драгоценный знакъ внимательности глубоко растрогалъ старика:

— Я полагалъ, — говорилъ онъ, — что для меня уже не можетъ быть никакой награды (дѣйствительно, онъ уже имѣлъ и всѣ ордена и государевъ портретъ), а государь не только придумалъ ее, да и исполнилъ

¹⁾ Впослѣдствіи то же самое было въ отношеніи и къ прочимъ дѣтямъ царскимъ.

еще такимъ образомъ, что одно уже это исполненіе превыше всякой награды! ¹⁾).

Это мнѣ припоминаеть, что въ 1837 году, при посѣщеніи императоромъ Николаемъ, съ нѣкоторыми изъ членовъ царственной его семьи, южнаго берега Крыма, они были и въ Гаспрѣ, замкѣ князя. Подъ находившимся тамъ его портретомъ государь подписался собственноручно такъ:

«Радъ видѣть портретъ; но оригинала здѣсь видѣть никогда не желаю: ибо кого душевно любишь, съ тѣмъ не расстаешься вѣчно; не такъ ли?»

Николай».

Гаспра, 18-го сентября 1837.

Тутъ же приписались: «Александра ²⁾ Согласна».

«Александръ ³⁾ 18 сентября 1837».

«Елена ⁴⁾ 18 сентября».

«Марія» ⁵⁾).

Динабургскій комендантъ, генераль-лейтенантъ Гельвигъ, былъ заслуженный, опытный и вообще отличный инженерный офицеръ, но съ тѣмъ вмѣстѣ большой взяточникъ, чтò едва-ли не дошло, подъ рукой, и до императора Николая, впрочемъ очень его жаловавшаго. Другимъ, также извѣстнымъ свойствомъ Гельвига было чрезвычайное его отвращеніе къ женскому полу. Въ проѣздъ государя ⁶⁾ въ 1841 году ⁷⁾, вмѣстѣ съ императрицею и бывшею тогда еще великою княжною Ольгою Николаевною ⁸⁾, черезъ Динабургъ, помѣщеніе для нихъ отведено было въ комендантскомъ домѣ, какъ лучшемъ въ цѣломъ городѣ. Приѣхавъ туда, государь, съ свойственнымъ ему, когда хотѣлъ, строгимъ выраженіемъ лица, объявилъ Гельвигу, что имѣеть переговорить съ нимъ наединѣ и, отведя его въ особую комнату, вдругъ спросилъ его, тоже очень строгимъ тономъ:

— Гельвигъ, я долженъ сдѣлать тебѣ вопросъ по совѣсти; но дай честное слово, руку на сердцѣ, что отвѣтишь сущую правду?

¹⁾ Князь Голицынъ, послѣ этого пожалованія, завелъ себѣ новыя визитныя карточки, которыя показались всѣмъ немножко вычурными. На нихъ напечатано было, безъ фамиліи просто: «дѣйствительный тайный совѣтникъ 1-го класса». Правда, что онъ въ то время былъ одинъ въ этомъ чинѣ, но все же титулъ его былъ не должностію, а только чиномъ.

²⁾ Государыня императрица.

³⁾ Наслѣдникъ цесаревичъ.

⁴⁾ Великая княгиня Елена Павловна.

⁵⁾ Великая княгиня Марія Николаевна.

⁶⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „Съ государемъ наслѣдникомъ“.

⁷⁾ Императоръ Александръ II исправилъ: „въ 1840 году“.

⁸⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „И невѣстою государя наслѣдника принцессою Марією гессенскою“.

Можно себѣ представить, что «на ворѣ шапка загорѣлась», и что онъ, между жизнью и смертію, ожидалъ грознаго допроса и потомъ приговора за обнаруженное свое лихоимство. Но, послѣ минутнаго молчанія, государь продолжалъ:

— Правда ли, что ты ненавидишь женщинъ?

— Во всякомъ правилѣ есть изъятіе,—пролепеталъ ожившій Гельвигъ,—и ваше величество, конечно, не изволите подумать...¹⁾

— Ну, извини же, что я навязалъ тебѣ жену и дочь; когда онѣ выйдутъ, ты можешь обмытъ и обкурить свой домъ, чтобы и духу ихъ не осталось.

Курляндскій помѣщикъ, отставной подполковникъ Фитингофъ вознамерился, при проѣздѣ государя черезъ Динабургъ, подать просьбу по тяжбному своему дѣлу и, выбравъ для того минуту, когда государь выходилъ изъ церкви, упалъ передъ нимъ на колѣни, держа бумагу въ рукахъ. Государь съ гнѣвомъ приказалъ ему подняться.

— Развѣ вы не знаете, сударь, что на колѣни становятся только передъ Богомъ!

Между тѣмъ онъ развернулъ, однако, поданную просьбу, но еще болѣе разгнѣвался, увидавъ, что она написана по-нѣмецки.

— Стыдитесь, сударь, дослужившись въ русской службѣ до подполковничьяго чина, не знать довольно русскаго языка, чтобы подавать нѣмецкую просьбу.

— Но, ваше величество, по нашимъ курляндскимъ правамъ...

— А по нашимъ русскимъ правамъ за такія вещи сажаютъ на гауптвахту, куда и прошу васъ сейчасъ отправиться.

Дѣло въ томъ, что хотя дѣйствительно Курляндія пользовалась правомъ употреблять въ судопроизводствѣ нѣмецкій языкъ, однако едва-ли могло быть что-нибудь нелѣпѣе, какъ примѣнить такое право къ просьбѣ, подаваемой монарху русскимъ офицеромъ, и гнѣвъ государя, при столь вздорномъ отвѣтѣ на его замѣчаніе, былъ совершенно естественъ. Впрочемъ Фитингофъ просидѣлъ на гауптвахтѣ не болѣе часа.

Въ іюлѣ умеръ генераль-адъютантъ Микулинъ, еще въ цвѣтѣ лѣтъ. Человѣкъ желчный и съ самымъ тревожнымъ самолюбіемъ, онъ командовалъ, при событіяхъ 14-го декабря 1825 года, 1-мъ баталіономъ лейб-гвардіи Преображенскаго полка, потомъ былъ долгое время командиромъ этого полка и наконецъ выдвинулся нѣсколько впередъ по участію своему въ усмиреніи безпокойствъ, возникшихъ въ 1830 году, во время холеры, въ Новгородскихъ военныхъ поселеніяхъ. Немногимъ кому

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „онъ отвѣчалъ по-французски: *Sir c'est une calmie, вмѣсто calmie*“.

извѣстно, что онъ былъ нѣкогда невольною причиною переменъ въ нашихъ орденскихъ постановленіяхъ. По присоединеніи ордена св. Станислава къ русскимъ, кавалеры 1-й его степени продолжали носить звѣзду и по полученіи 1-й степени Анны, а лента Станислава надѣвалась, въ такомъ случаѣ, по камзолу, подъ мундиромъ. Такъ сдѣлалъ и Микулинъ, когда ему послѣ Станислава, въ 1833 году, пожалована была Анненская лента. Былъ ли онъ первымъ ¹⁾, который въ этой формѣ попался на глаза, или по чему другому, только, увидѣвъ его въ двухъ звѣздахъ, государь изъявилъ свое удивленіе, откуда у него другая и, узнавъ, въ чемъ дѣло, приказалъ, чтобы впредь, по полученіи Анненской звѣзды, звѣзда и лента Станислава были снимаемы и кавалеры замѣняли ихъ крестомъ на шеѣ. Впослѣдствіи это повелѣніе вошло и въ орденскій статутъ.

Въ ночь съ 9-го на 10-е августа обрушился въ Зимнемъ дворцѣ потолокъ Георгіевской залы и увлекъ въ паденіи своемъ часть стѣнъ и колоннъ, сооруженныхъ изъ каррарскаго мрамора. Потолокъ упалъ отъ того, что подломились чугунныя балки, на которыхъ онъ былъ утвержденъ. Утромъ того же дня собиралась въ этой залѣ кавалерская дума ордена св. Станислава, которой засѣданіе окончилось въ половинѣ пятого, а съ небольшимъ за три мѣсяца передъ этимъ происшествіемъ кипѣлъ тутъ народный маскарадъ, данный, въ присутствіи всего императорскаго дома, по случаю бракосочетанія государя наследника... Толкамъ городскимъ по случаю этого печальнаго событія не было конца.

— Въ нынѣшнее царствованіе, — говорили, — сгорѣлъ дворецъ, стоявшій семьдесятъ лѣтъ, и возобновленный обрушается, провалилась тронная зала....

Но болѣе всего было вопля противъ главнаго строителя, графа Клейнмихеля. Говорили—и громко, во всѣхъ сословіяхъ,—что если успѣхъ построенія дворца обращенъ былъ въ личную ему заслугу, то и неудачу должно точно также обратить на личную его отвѣтственность, и что если прежде онъ былъ осыпанъ наградами, то теперь надо подвергнуть его наказанію. Впрочемъ Георгіевская зала не впервые уже подвергалась подобной участи. Года за два или за три до пожара, въ ней осыпалась съ потолка штукатурка, и при томъ тотчасъ послѣ собранія Георгіевской Думы, въ которой присутствовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ.

Великій князь Николай Павловичъ никогда не зналъ положительно ни объ отреченіи Константина Павловича отъ своихъ правъ на наследованіе престоломъ, ни о томъ, что преемникомъ Александра будетъ—

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Это было общимъ обыкновеніемъ“.

онъ, Николай Павловичъ. При сохраненіи въ глубокой тайнѣ тѣхъ актовъ, которыми приуготовлена была эта переминая въ порядкѣ наслѣдія русскаго престола, великаго князя хотя и могъ наводить иногда на мысль о томъ разговоръ съ нимъ императора Александра I, въ 1819 году, въ Красносельскомъ лагерѣ ¹⁾, но ничто во вѣншемъ образѣ дѣйствія императора не обнаруживало намѣренія привести въ исполненіе выраженную тогда мысль. Великій князь не былъ приобщаемъ ни къ какимъ высшимъ правительственнымъ соображеніямъ, не былъ ознакомливаемъ съ дѣлами государственными и вообще былъ совершенно удаляемъ отъ всего, что выходило изъ официальной его сферы—дивизионнаго командира въ гвардейскомъ корпусѣ и начальника инженерной части. Наученный опытомъ, императоръ Николай начерталъ себѣ совсѣмъ другой образъ дѣйствія въ отношеніи къ своему сыну. Цесаревичъ Александръ Николаевичъ съ первой молодости присутствовалъ при всѣхъ министерскихъ докладахъ, прочитывалъ всѣ восходившіе къ его родителю акты государственныхъ установленій и присутствовалъ, сперва слушателемъ, а потомъ и членомъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ Комитетѣ министровъ. Наконецъ въ августѣ 1841 года, при отъѣздѣ государя на маневры въ Ковно и Варшаву, послѣдовалъ рескриптъ, которымъ возлагалось на князя Васильчикова объявить Комитету министровъ, что рѣшеніе по его дѣламъ въ высочайшемъ отсутствіи поручается Наслѣднику. Этотъ примѣръ нѣкоторымъ образомъ соцарствія, едва-ли не первый въ нашей исторіи, свидѣтельствовалъ вновь и о высокой предусмотрительности императора Николая, и о святой чистотѣ того сердечнаго союза, который связывалъ его съ сыномъ-преемникомъ.

Упомянутый рескриптъ объявленъ былъ Комитету въ чрезвычайномъ собраніи, созванномъ въ четвергъ, тогда какъ засѣданія его бывають всегда по вторникамъ. Преднамѣреніе государя содержано было такъ тайно или родилось такъ внезапно, что и для приближеннѣйшихъ представило совершенную неожиданность. Такъ, напримѣръ, военный министръ князь Чернышевъ, всякій день видѣвшій государя, передъ самымъ тѣмъ засѣданіемъ Комитета, къ которому члены были приглашены особыми повѣстками, для выслушанія высочайшаго повелѣнія, сказывалъ одному изъ своихъ чиновниковъ, что оно касается, вѣроятно, отобранія недвижимыхъ имѣній у католическаго духовенства. о чемъ тогда шла рѣчь.

Вотъ подлинныя слова рескрипта, подписаннаго въ Царскомъ Селѣ,

¹⁾ См. сочиненіе мое подъ заглавіемъ: „14 декабря 1825 года“, напечатанное въ 1854 году, въ 25 экземплярахъ. См. также статью: „Императрица Александра Феодоровна въ своихъ воспоминаніяхъ“ съ 1817 по 1820 „Рус. Стар.“ 1896 г. т. 88, № 10, стр. 5—60. Ред.

20 августа: «князь Илларионъ Васильевичъ! Признавъ за благо въ отсутствіе мое поручить любезнѣшему сыну моему, наслѣднику цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу, рѣшеніе по дѣламъ Комитета министровъ, предлагаю вамъ о семъ объявить Комитету. Тѣ дѣла, по коимъ слѣдовать будутъ указы, представляютъ особю на мое разсмотрѣніе».

Рескриптъ этотъ, впрочемъ, никогда не былъ опубликованъ и сохранился всегда въ нѣкоторой тайнѣ. Въ утверждаемыхъ наслѣдникомъ цесаревичемъ и передаваемыхъ къ исполненію въ подлежащія министерства положенія Комитета по-прежнему означено было, что они «высочайше утверждены», и весь этотъ временный распорядокъ оставался только домашнимъ, такъ сказать, дѣломъ. Подъ заключеніями Комитета, гдѣ государь, въ случаѣ утвержденія ихъ, ставилъ, подъ каждою журнальною статьею, особый знакъ, цесаревичъ, вмѣсто того, выставлялъ букву А; послѣ чего, въ концѣ всего журнала, онъ писалъ: «за отсутствіемъ государя императора цесаревичъ Александръ».

Во второй половинѣ октября дворъ провелъ недѣлю въ Гатчинѣ, и петербургскую публику очень занимали слухи о готовившемся тамъ на это время спектаклѣ. Предполагалось играть двѣ пьесы: забавный фарсъ Каратыгина: «Ложа 1 яруса на послѣдній дебютъ Тальони», и французскую старинную комедію: «L' hôtel garni», въ которой императоръ Николай въ 1820 году, въ бытность еще великимъ княземъ, но уже супругомъ, исполнял, на домашнемъ спектаклѣ у императрицы Маріи Ѳеодоровны, роль трактирщика. Въ обоихъ пьесахъ—такъ гласила городская молва—долженъ былъ играть самъ государь: во французской прежнюю роль, а въ русской роль нѣмца, сбиваемаго съ ногъ, у кассы русскимъ купцомъ и потомъ просящаго у него же въ этомъ прощенія.

На репетиціяхъ, дѣйствительно, государь занималъ эту роль (русскаго купца представлялъ флигель-адъютантъ Катенинъ)¹⁾; но въ настоящій спектакль было иначе. Сначала, въ субботу, 18-го октября, играли одну вышеупомянутую французскую пьесу, въ самомъ тѣсномъ кружку, составленномъ, сверхъ царской фамиліи, только изъ княгини Бярянинской (матери), графини Бобринской, графовъ Орлова и Бенкендорфа и генераль-адъютанта князя Лобанова-Ростовскаго. Тутъ, въ воспоминаніе юношескихъ забавъ, государь, дѣйствительно, занималъ прежнюю роль трактирщика. Затѣмъ русскую пьесу играли въ воскресенье, 19-го, при публикѣ нѣсколько болѣе многочисленной; но въ этомъ представленіи государь уже не участвовалъ, и роль, которую онъ исполнял на репетиціяхъ, была передана адъютанту наслѣдника Мердеру. Прочія важнѣйшія роли выполняли: мужскія: придворные кавалеры Никита

¹⁾ Императоръ Александръ написалъ: „Не помню“.

Всеволожскій и два брата графы Вельгорскіе и преображенскій офицеръ Вонлярлярскій ¹⁾, а женскія: фрейлины графиня Тизенгаузенъ, Бартенева и Нелидова.

Большіе дворцовые балы, бывавшіе при императорѣ Николаѣ обыкновенно въ Николинъ день (6-го декабря), а иногда и въ другіе высокаторжественные дни, изъ году въ годъ имѣли одинаковый, строго классическій, но именно потому и чрезвычайно грандіозный характеръ. Танцы, ограничивавшіеся въ прежнее время только одними полонезами, къ которымъ впослѣдствіи присоединились вальсъ, кадрили и пр., происходили въ той залѣ, которая до пожара называлась Бѣлою и потомъ переименована въ Золотую галерею ²⁾; въ карты играли въ Георгіевской залѣ, а ужинали въ большомъ Аванъ-залѣ (теперь Николаевская зала). Приглашенія на эти балы были по классамъ, и всѣ, военные и статскіе, являлись на нихъ въ парадныхъ мундирахъ и въ башмакахъ. Въ 1841 году балъ, данный для празднованія государева тезоименитства, на другой день его (7-го декабря), отличался отъ предшедшихъ ему въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ играли въ карты въ Портретной галереѣ, а не въ Георгіевской залѣ, гдѣ не за долго передъ тѣмъ обрушился сводъ и дверь въ которую была заставлена роскошнымъ буфетомъ изъ стариннаго золота и серебра; во-вторыхъ не танцующимъ военнымъ впервые позволено было явиться въ сапогахъ, съ нѣкоторыми однако же, очень небольшими изытіями, лично указанными самимъ государемъ, болѣе для шутки. Такъ, напримѣръ, дивизионному генералу старику Дохтурову, котораго государь называлъ не иначе, какъ «мое пузо» — именно велѣно было пріѣхать на балъ, по прежней формѣ, въ башмакахъ.

— Я думалъ,—сказалъ ему государь,—что ты станешь танцовать, и соотвѣтственно тому опредѣлил и твой нарядъ.

---

¹⁾ Въмѣсто словъ „преображенскій офицеръ Вонлярлярскій“ императоръ Александръ написалъ: „Ив. Матв. Толстой и многіе другіе“.

²⁾ Императоръ Александръ зачеркнулъ слова „золотую галерею“ и написалъ „Гербовую“.

VI.

1842 годъ.

Подметныя записки поручика Флиппова.—Богоявленская церемонія.—Депутатія отъ купцовъ по случаю утверждѣнія проекта Московской желѣзной дороги.—Статсъ-секретарь Вилламовъ.—Статья парижскаго журнала „Minerve“ объ императорѣ Николаѣ.—Церемоніальная пикировка съ французскимъ дворомъ.—Афросимовъ и „Саша“.—Графъ Толь.—Кончина герцога Орлеанскаго

Назначенный на 1-е января 1842 года большой выходъ былъ отмѣненъ повѣтками, разосланными только наканунѣ, уже поздно вечеромъ, и государь въ этотъ день не былъ, противъ обыкновенія, ни на балѣ у оберъ-церемоніймейстера графа Воронцова, ни на публичномъ маскарадѣ въ театрѣ. Придворные приписывали это случившемуся у императрицы нервическому припадку, а лица, считающія себя за глубокихъ мыслителей и политиковъ, утверждали, что выходъ, къ которому приглашается въ новый годъ и весь дипломатическій корпусъ, отмѣненъ въ избѣжаніе повторенія со стороны французскаго посольства такой же неприятности, какая послѣдовала 6-го предшедшаго декабря ¹⁾. Истинная причина была совсѣмъ другая и ее, и въ то время и послѣ, узнали лишь очень не многіе.

31-го декабря фельдфебелями четырехъ гвардейскихъ полковъ были получены по городской почтѣ безыменныя записки возмутительнаго содержанія, въ которыхъ обращалось ихъ вниманіе «на худое вообще управленіе, на расточительность государя, занявшаго 200 милліоновъ Богъ знаетъ на чтѣ и бросающаго деньги на содержаніе нѣмцевъ, тогда какъ гвардія остается безъ своевременнаго удовлетворенія жалованьемъ» ²⁾. Въ этомъ духѣ и, при томъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ, гвардейскому корпусу напоминалось 14-е декабря 1825 года, и чины его приглашались къ бунту. Фельдфебели, однако, тотчасъ представили полученныя ими записки полковымъ командирамъ, а эти корпусному командиру, великому князю Михаилу Павловичу, который вмѣстѣ съ ними поѣхалъ къ государю. Здѣсь, послѣ приказанія о строгомъ розыскѣ, положено было отмѣнить выходъ 1-го января, чтобы, на всякій случай, офицеры оставались при своихъ полкахъ. Тѣмъ, впрочемъ, все и кончилось, и никакого дѣйствительнаго покушенія къ возмущенію не обнаружилось, а самъ государь ни съ кѣмъ изъ постороннихъ о томъ не говорилъ и

¹⁾ Объ этомъ будетъ говорено ниже.

²⁾ Жалованье, которое прежде обыкновенно раздавалось нижнимъ чинамъ въ праздникъ, въ этотъ разъ, дѣйствительно, получено было въ полкахъ 31-го декабря и, при размыкѣ этихъ записокъ, оставалось еще нерозданнымъ.

обѣдавшимъ у него на другой день Васильчикову и Леванову сказать, что не поѣхалъ на балъ Воронцова просто «изъ лѣни» ¹⁾.

Дерзкаго или, лучше сказать, несчастнаго, отважившагося нарушить покой царственнаго нашего дома своими безыменными письмами, вскорѣ открыли. Это былъ отставной поручикъ Филипповъ, сынъ одного петербургскаго архитектора, воспитывавшійся въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, выпущенный оттуда, въ 1832 году, за болѣзнію, въ статскую службу, но перешедшій потомъ въ военную и наконецъ уволенный, по просьбѣ, въ отставку только передъ самымъ этимъ происшествіемъ. Онъ былъ открытъ по тождеству почерка въ письмѣ его къ одному изъ товарищей (о совершенно постороннемъ предметѣ) съ почеркомъ записокъ, отправленныхъ къ фельдфебелямъ, и схваченъ по указанію лавочника, въ лавкѣ котораго отдавалъ свои пакеты на городскую почту. По неосторожности, съ которою онъ написалъ безыменныя свои записки обыкновеннымъ своимъ почеркомъ и даже самъ отнесъ ихъ на почту, тотчасъ было выведено заключеніе объ его помѣшательствѣ, которое подтвердилось потомъ и при допросѣ его въ III отдѣленіи. Сначала онъ заперался, но когда разложили передъ нимъ и стали читать вслухъ его записки, онъ закричалъ, что ихъ «надо читать со-вѣмъ съ другою интонаціею» и, принявшись самъ за чтеніе въ самомъ патетическомъ тонѣ, во всемъ повинился. На вопросъ о побужденіяхъ къ такому гнусному поступку, онъ не умѣлъ привести ничего инаго, какъ чувство мести за то, что его выпустили изъ корпуса и послѣ перевели въ военную службу съ низшимъ, чѣмъ будто бы слѣдовало, чиномъ, и за то, что, при отставкѣ, не дали ему пенсіи, на которую, по числу лѣтъ службы, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго права. Послѣ кратковременнаго заключенія, единственно для ближайшаго удостовѣренія въ умственномъ его разстройствѣ, въ крѣпости, онъ былъ переведенъ въ больницу умалишенныхъ. Впослѣдствіи одинъ изъ врачей этой больницы сказывалъ мнѣ, что съумасшествіе Филиппова было уже давнее и началось едва-ли не съ самаго выпуска его изъ корпуса; но что, впрочемъ, онъ велъ себя очень тихо и скромно, занимаясь почти исключительно математическими выкладками.

При императорѣ Александрѣ I 6-го января, въ праздникъ Бого-явленія, всегда бывалъ, не смотря на степень мороза, большой парадъ ²⁾, съ пушечною пальбою и съ бѣглымъ ружейнымъ огнемъ во время погруженія креста въ «Иорданъ», которая устраивалась на Невѣ, противъ посланническаго подъѣзда. При императорѣ Николаѣ сохранилось

¹⁾ Противъ этихъ словъ императоръ Александръ II написалъ: „Все это дѣйствительно было; но выходъ былъ не потому отказанъ, а дѣйствительно по нездоровью матушка“.

²⁾ Императоръ Александръ II прибавилъ: „Въ первые годы царствованія“.

только послѣднее, т. е. Иорданъ съ выходомъ двора на Неву; а парадъ замѣненъ сборомъ военно-учебныхъ заведеній и небольшого отряда войскъ в нутри дворца ¹⁾. Въ 1842 году, однако, государь приказалъ возобновить въ день крещенія Господня прежній обычай и собрать къ церемоніи всѣ войска, если будетъ менѣе 5° холода; но какъ морозъ въ этотъ день возвысился до 7°, то ограничились опять внутреннимъ парадомъ. Въ этотъ разъ была и одна новинка по духовной части. Къ процессіи на Иорданъ, для которой собирается все приходское духовенство, прежде приносили отъ каждой церкви лучшія, какія гдѣ были, ризы, чтѣ производило неприятную для глазъ пестроту. Въ 1842 году къ празднику Богоявленія по волѣ государя изготовлено было ²⁾ для всего духовенства, впрочемъ на собственный счетъ каждой церкви, совершенно единообразное облаченіе, чѣмъ чрезвычайно украсилась процессія. Это облаченіе, въ которомъ ризы и подрясники изъ серебрянаго, а оплечье изъ золотого газета, впервые тутъ показавшееся, съ тѣхъ поръ стало уже постоянно употребляться при всѣхъ церемоніяхъ, на которыя является духовенство отъ разныхъ церквей.

25-е января ознаменовалось рѣдкимъ въ нашей административной исторіи событіемъ. По случаю утвержденія проекта желѣзной дороги между столицами, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ представлялъ императору Николаю депутацію, состоящую изъ семнадцати почетнѣйшихъ купцовъ, избранныхъ изъ среды торгующаго сословія для принесенія его величеству всеподданнѣйшей благодарности за этотъ новый знакъ монаршаго попеченія о пользахъ и процвѣтаніи коммерціи. Къ краткому о томъ извѣстію и къ поименному списку лицъ, составившихъ депутацію, газеты наши присовокупили слѣдующее:

«Государь императоръ, благоволивъ всемилостивѣйше принять искреннее выраженіе чувствъ всеподданнѣйшей благодарности, изволивъ въ то же время отозваться купечеству, что построеніе желѣзной дороги будетъ произведено въ дѣйство успѣшно, бывъ поручено ближайшему и непосредственному попеченію его императорскаго высочества государя цесаревича наследника престола. Слова сіи возбудили во всѣхъ, слышавшихъ оныя, искреннюю, душевную радость». — Газеты, разумѣется, и не могли сказать болѣе; но чего онѣ не въ силахъ и не въ правѣ были передать, это—того поэтического приѣма, который государь сдѣлалъ депутаціи; того, отличавшаго его въ высшей степени дара сердечнаго краснорѣчія, который онъ снова проявилъ тутъ во всей полнотѣ; того восторга, которымъ одушевились всѣ эти добрые русскіе люди при его мощномъ и истинно русскомъ словѣ; тѣхъ слезъ бла-

¹⁾ Императоръ Александръ II замѣтилъ: „взводовъ отъ военно-учебныхъ заведеній и полковъ гвардіи со знаменами“.

²⁾ Императоръ Александръ прибавилъ: „по примѣру Москвы“.

годарности, которыя лились у нихъ даже и послѣ, при пересказываніи подробностей этой аудіенціи, продолжавшейся болѣе четверти часа. На другой день я видѣлся съ нѣкоторыми изъ нихъ, и они все еще были въ какомъ-то восторженномъ состояніи. Императоръ Николай зналъ и любилъ Русь, какъ зналъ и любилъ ее до него развѣ одинъ только Петръ Великій, а знаніе народа, согрѣтое любовью, всегда дѣйствуетъ съ электрическою силою. Онъ принялъ депутацію въ своемъ кабинетѣ, въ сюртукѣ, за-просто, по-домашнему, что съ первой уже минуты произвело самое пріятное впечатлѣніе. Прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ выговорить слово, онъ началъ съ изъявленія своей благодарности за вниманіе купечества къ попеченіямъ его объ этомъ дѣлѣ.

— Мнѣ надо было, — продолжалъ онъ, — бороться съ предубѣжденіями и съ людьми; но когда самъ я разъ убѣдился, что дѣло полезно и необходимо, то ничто уже не могло меня остановить. Петербургу дѣлали одно нареканіе: что онъ — на концѣ Россіи и далекъ отъ центра имперіи; теперь это исчезнетъ; черезъ желѣзную дорогу Петербургъ будетъ въ Москвѣ и Москва въ Кронштадтѣ.

Потомъ, обратясь къ цесаревичу наслѣднику, онъ прибавилъ:

— Но человѣкъ смертенъ и потому, чтобы имѣть увѣренность въ довершеніи этого великаго дѣла, я назначилъ предѣдателемъ комитета желѣзной дороги вотъ его: пусть онъ и додѣлаетъ, если не суждено мнѣ.

Аудіенція заключилась призывомъ къ купечеству содѣйствовать благотѣльнымъ попеченіямъ правительства своею дѣятельностію и честностію.

7-го февраля умеръ статсъ-секретарь по дѣламъ учрежденій императрицы Маріи, Григорій Ивановичъ Вилламовъ. Сынъ директора Петропавловской школы и извѣстнаго въ свое время нѣмецкаго стихотворца, не смотря на звуки своей фамиліи нѣмецъ и лютеранинъ, онъ достигъ высшихъ степеней и чиновъ въ имперіи, а что еще болѣе — десятки лѣтъ пользовался полнымъ довѣріемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, которымъ былъ, какъ-бы преемственно, удостоенъ и отъ императора Николая. При глубокой старости, онъ сохранялъ еще видъ человѣка среднихъ лѣтъ, въ полномъ цвѣтѣ силъ и здоровья; но, бывъ пораженъ, въ первой половинѣ января апоплексическимъ ударомъ, послѣ того цѣлый мѣсяцъ уже не жилъ, а только мучился. Нѣкоторые изъ нашихъ государственныхъ людей, особенно графъ Канкринъ, считали его чрезвычайно умнымъ человѣкомъ; но, бывъ съ нимъ семь лѣтъ въ Государственномъ Совѣтѣ и въ разныхъ комитетахъ, я не видѣлъ въ немъ ни одного проблеска высшаго ума, ни одной мысли, которая походила бы на гениальную, а въ совѣщаніяхъ о важнѣйшихъ государственныхъ интересахъ былъ свидѣтелемъ совершеннаго его равнодушія и невнимательности, такъ что въ Совѣтѣ упорное его хладнокровіе и молчаніе были

замѣчены даже великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, неоднократно и съ негодованіемъ мнѣ о томъ говорившимъ. Послѣ этого умъ Вилламова не заключался ли преимущественно въ нѣкоторой тонкости и въ особенности въ искусствѣ заставить многихъ вѣрить въ существованіе такого ума? По своей специальной части онъ, черезъ сорокалѣтнія занятія ею, приобрѣлъ, разумѣется, огромную рутину и, при отличной памяти, зналъ ее, какъ свои пять пальцевъ; но и тутъ имѣлъ еще особенную странность: все, исходившее изъ его канцеляріи, не только доклады государю и императрицѣ, но и записки въ Совѣтъ и Комитетъ министровъ, форменныя отношенія, словомъ, всякую бумагу онъ всегда переписывалъ всю собственною своею рукою! По моральному характеру Вилламовъ стоялъ—но тутъ уже не въ одномъ моемъ личномъ, а въ общемъ понятіи—также невысоко. Подъ личиною какого-то добродушнаго простосердечія у него была холодная и черствая душа. Ежедневныя сношенія съ императрицею Маріею—этимъ ангеломъ доброты и высшаго сердоболія — остались безъ всякаго симпатичнаго на него вліянія. У самаго истока добра, со всѣми средствами изливать его ежедневно, онъ умѣлъ оттолкнуть отъ себя умы и сердца всѣхъ и, кромѣ семейства, едва-ли кто пожалѣлъ объ его смерти.

Жена Вилламова, а по ней и ихъ дѣти, были православнаго исповѣданія, и это побудило его, чтобы нѣкогда лечь имъ вмѣстѣ, присоединиться, уже на смертномъ одрѣ, къ нашей церкви. Императоръ Николай, посѣтившій его за нѣсколько дней до кончины, пожелалъ, чтобы переписка его съ императрицею Маріею была передана его величеству. Сверхъ того послѣ Вилламова остались и мемуары, которые также взяты были государемъ къ себѣ ¹⁾.

Въ парижскомъ журналѣ «*Minerve*» явилась, въ мартѣ 1842 года, статья, содержащая въ себѣ, подъ заглавіемъ: «*Coup d'oeil sur Pétersbourg*», взглядъ на нашъ дворъ, на нѣкоторыя значительнѣйшія лица въ составѣ нашего управленія и на петербургское высшее общество. Сочинитель этой статьи (оставшійся мнѣ неизвѣстнымъ), иностранецъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, пожелалъ представиться императору Николаю и былъ допущенъ къ тому при публичномъ выходѣ, въ рядахъ дипломатическаго корпуса. Потомъ онъ напечаталъ (въ упомянутой статьѣ) слѣдующій отчетъ о своихъ впечатлѣніяхъ: «Я ждалъ минуты выхода императора, признаюсь, не безъ нѣкотораго внутренняго волненія. Въ залѣ царствовало какое-то тревожное молчаніе, будто предвѣстіе великаго событія. Для меня увидѣть императора было дѣломъ великой

¹⁾ Выдержки изъ этихъ мемуаровъ напечатаны въ „Русской Старинѣ“ настоящаго года №№ 1—3.

важности. Я не умѣлъ отдѣлать въ моихъ мысляхъ человѣка отъ идеи о его власти, ни идеи власти отъ человѣка, и потому ожидалъ въ Николаѣ какъ бы олицетворенія его испанской монархіи. Онъ вошелъ. Я увидѣлъ черты, какими изображаютъ намъ героевъ древности: высокій лобъ, пронизательный взглядъ, исполненный достоинства, ростъ и формы Алкида. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, онъ поклонился на обѣ стороны, однимъ протянулъ руку, другихъ привѣтствовалъ милостивою улыбкою, съ нѣкоторыми сталъ бесѣдовать то по-русски, то по-французски, то по-нѣмецки, то по-англійски, и все одинаково свободно. Когда пришла моя очередь, онъ много и долго говорилъ со мною о чужихъ краяхъ. Ему все было извѣстно: мысль и рѣчь его переходили отъ востока къ западу, отъ юга къ сѣверу; замѣчанія его о разныхъ странахъ и о различныхъ ихъ отношеніяхъ были такъ тонки и обличали такое глубокое знаніе, что, забывъ монарха, я дивился въ немъ только мыслителю. Откуда находится у него время, чтобы имѣть обо всемъ такія вѣрныя и положительныя свѣдѣнія и о каждой вещи произносить такое справедливое и основательное сужденіе? Цѣлая администрація колоссальной имперіи въ немъ сосредоточивается; ни одно, сколько-нибудь важное дѣло не рѣшается безъ него; просьба послѣдняго изъ его подданныхъ восходить на его усмотрѣніе; каждое утро, съ раннихъ часовъ онъ работаетъ съ своими министрами, каждая ночь застаётъ его опять за рабочимъ столомъ!...»

Все, что можно сказать объ этомъ портретѣ, это то, что онъ былъ— все еще ниже истины. Французъ, и при томъ тогдашній французъ, привыкшій къ конституціоннымъ королевкамъ, не могъ вполне судить о бремени, лежащемъ на самодержавномъ монархѣ огромной Россіи; а кто несъ это бремя добросовѣстнѣе, благоразумнѣе, могущественнѣе Николая! Независимо отъ высшихъ качествъ, которыя могли быть оценены одними русскими, и изъ нихъ, преимущественно, одними приближенными, въ наружности, въ осанкѣ, въ бесѣдѣ, во всѣхъ приемахъ императора Николая были, дѣйствительно, какое-то обаяніе, какая-то чаровавшая сила, которыхъ вліянію не могъ не подчиниться, увидавъ и услышавъ его, даже и самый лютый врагъ самодержавія.

Съ самаго вступленія на французскій престолъ короля Людовика Филиппа, императоръ Николай первый и постоянный охранитель законности, не таясь, оказывалъ, во всѣхъ сношеніяхъ съ парижскимъ дворомъ, неприязнь свою и къ лицу монарха и къ его династіи. Такъ, при формальныхъ тамъ траурахъ, изъ числа всѣхъ посланниковъ одинъ нашъ освобождалъ себя отъ ихъ соблюденія; послѣ повторявшихся нѣсколько разъ покушеній на жизнь короля, всѣ дворы изъявляли, черезъ нарочныхъ, или по крайней мѣрѣ посредствомъ писемъ, радость свою

о неудачахъ преступныхъ замысловъ, а нашъ всегда безмолвствовалъ; то же самое было при рожденіи графа Парижскаго, при бракахъ дочерей и сыновей королевскихъ и пр. Въ противоположность сему, Людовикъ Филиппъ съ своей стороны не измѣнялъ никогда уважительнаго поведенія въ отношеніи къ нашему двору, не смотря на вопли сильной партіи, видѣвшей въ поступкахъ русскаго императора оскорбленіе національной гордости, и, вопреки настояніямъ Тьера и другихъ министровъ.

Въ концѣ 1841-го года нашъ посоль графъ Паленъ оставилъ Парижъ и пріѣхалъ въ Петербургъ не за долго до дня рожденія короля. Въ газетахъ тотчасъ нашли этому причину. Принято было въ этотъ день явиться передъ королемъ всему дипломатическому корпусу, при чемъ старшій изъ наличныхъ пословъ привѣтствовалъ его поздравительною, отъ имени всѣхъ, рѣчью. Роль эту издавна исполнялъ австрійскій посоль графъ Аппони; но въ 1841-мъ году онъ былъ въ отпуску, и мѣсто его приходилось заступить, по старшинству, графу Палену, а онъ — вдругъ оставилъ Парижъ: слѣдственно, уѣхалъ, чтобы не поздравлять короля, что истолковано было какъ новое оскорбленіе, нанесенное лично послѣднему, а съ нимъ вмѣстѣ дѣлой Франціи. Того же мнѣнія было и министерство и при необходимости, въ виду приближавшагося открытія камеръ, поддержать его, Людовикъ Филиппъ нашелся вынужденнымъ, уступивъ общимъ настояніямъ, выйти изъ своего пассивнаго положенія. 6-го декабря, въ день тезоименитства императора Николая, дипломатическій при нашемъ дворѣ корпусъ приглашенъ былъ собраться во дворецъ, для принесенія поздравленій, послѣ обѣдни, т. е. къ 12-ти часамъ. Не ранѣе какъ въ 10 часовъ утра того же дня въ министерство иностранныхъ дѣлъ принесли записку французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Казимира Перрье (посоль Барантъ былъ тогда въ отпуску), которою онъ извѣщалъ, что, по случаю «*d'une indisposition subite*», какъ самъ онъ, такъ и всѣ чины французскаго посольства не могутъ явиться ни къ поздравленію, ни къ назначенному на слѣдующій день придворному балу,—что, дѣйствительно, и было ими исполнено, хотя потомъ 8-го числа Перрье и всѣ его чиновники гуляли публично по Невскому проспекту, а вечеромъ явились даже въ театръ. Разумѣется, что сколько этотъ случай былъ непріятенъ государю, столько же онъ произвелъ шуму и толковъ въ нашей публикѣ, и что чины французскаго посольства этимъ, невольнымъ съ ихъ стороны дѣйствіемъ, тотчасъ исключили себя изъ круга нашего высшаго общества, т. е. что всѣ единодушно согласились никуда ихъ болѣе не приглашать. Одна только графиня Воронцова ¹⁾, это своевольное и шаловливое дитя,

¹⁾ Жена оберъ-церемоніймейстера, урожденная Нарышкина, которой домъ считался въ то время однимъ изъ первыхъ въ нашемъ высшемъ кругу.

говорила: «qu'elle ne se mêle pas de politique et qu'elle engage à ses soirées les personnes qui lui font plaisir, sans regarder à leur conduite diplomatique»¹⁾).

Этотъ остракизмъ не могъ, однакоже, разумѣться, простираться на публичныя мѣста, куда доступъ свободенъ всякому. Такъ Перрье явился на балъ дворянскаго собранія, бывшій 16-го декабря. Государь, который стоялъ съ статсъ-дамою баронессою Фредериксъ, увидѣвъ его, сказалъ ей по-нѣмецки: «Da ist er!» и потомъ прошелъ мимо съ тѣмъ царственнымъ, самодержавнымъ величіемъ, въ которое такъ умѣлъ при случаѣ облекаться, не удостоивъ его ни однимъ взглядомъ. Дальнѣйшія извѣстія объ этомъ непріятномъ столкновеніи публика наша—разумѣя тѣхъ ея привилегированныхъ членовъ, для которыхъ нѣтъ цензуры—получала только черезъ иностранныя газеты.

Первый заговорилъ «Moniteur Parisien», журналъ хотя и неофициальный, однако принадлежавшій министерству. «Сказываютъ, что г. Киселевъ, русскій посланникъ (т. е. повѣренный въ дѣлахъ) въ Парижѣ,—писали тамъ,—въ Новый годъ не явился въ Тюльери къ общему представленію дипломатическаго корпуса. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ оказывается слѣдующее. Русскій посолъ во Франціи, графъ Паленъ, въ ноябрѣ былъ отозванъ въ Петербургъ, и предполагаемая, не осприваемая причина (motif non contesté) сего отозванія заключалась въ нежеланіи императора, чтобы графъ, какъ старшій членъ дипломатическаго корпуса, привѣтствовалъ короля. 18-го (6-го) декабря, въ день рожденія императора, г. Перрье и прочіе чины французскаго посольства занемогли и не явились въ Зимній дворецъ. 1-го января занемогъ въ свою очередь г. Киселевъ и не явился въ Тюльери».

«Preussische Staats-Zeitung», помѣстивъ на своихъ страницахъ означенную статью, прибавила, что, по общимъ слухамъ, она была послѣдствіемъ весьма горячаго объясненія между Киселевымъ и Гизо. «При всей важности предмета—продолжала прусская газета—отданное обомъ посольствамъ приказаніе быть въ извѣстный день больными и, еще болѣе, публичное оглашеніе этого приказанія кажутся всѣмъ частію очень забавными, частію же недостойными державы столь могущественной, какова Франція. Дипломаты говорятъ, что если такія вещи иногда и приказываются, то никогда однако же не публикуются. Утверждаютъ, впрочемъ, что помянутая статья дотога прогнѣвила русское посольство, что г. Киселевъ тотчасъ отправилъ курьера въ Петербургъ за новыми инструкціями и извѣстилъ г. Гизо, что, въ ожиданіи ихъ, прекращаетъ всѣ дипломатическія сношенія съ французскимъ кабинетомъ».

¹⁾ Что она не смѣшиваетъ политику и приглашаетъ на свои вечера лицъ, которыя доставляютъ ей удовольствіе, не обращая вниманія на ихъ дипломатическое поведеніе.

На другой день послѣ вышеприведенной статьи «*Moniteur Parisien*» напечатано было въ «*Journal des Débats*»: «Мы прочли вчера извѣстіе, сообщенное одною вечернею газетою о причинахъ, воспрепятствовавшихъ русскому повѣренному въ дѣлахъ явиться въ Новый годъ въ Тюльери, и не придаемъ ему никакого особеннаго значенія. Намъ не вѣрилось и теперь не вѣрится въ его официальность. Что графа Палена отозвали въ Петербургъ, чтобы не привѣтствовать короля іюльской революціи, это очень вѣроятно; что его намѣстникъ, г. Киселевъ, занемогъ въ тотъ день по приказанію, это тоже возможно. Но мы не знаемъ и не вѣримъ, чтобы французское правительство, въ видѣ возмездія, прибѣгло къ той же системѣ и велѣло и своему агенту въ Петербургъ занемочь въ день рожденія императора. Подобная война между могущественными державами была бы для насъ непонятна. Если бы Франція почла себя оскорбленною поведеніемъ русскаго кабинета, то отозвала бы своихъ агентовъ, на что имѣетъ и право и обязанность; но къ такой мелочной тактикѣ не обращаются для ратоборства между собою два сильныя правительства: это было бы ребячествомъ и уничиженіемъ. Мы понимаемъ заботу и подозрѣнія, возбужденныя въ Европѣ іюльскою революціею; понимаемъ также и опасеніе, которое долженъ былъ ощутить русскій императоръ при перемѣнѣ нашей династіи, и потому въ первую минуту не могли требовать отъ него ни довѣрія, ни пріязни. Но время взяло свое: Пруссія, Австрія, Англія, всѣ державы при каждомъ случаѣ доказываютъ ту высокую довѣренность, которую внушаетъ имъ наше правительство и нашъ король. Зачѣмъ же только русскому императору оставаться при прежнемъ своемъ нерасположеніи? Зачѣмъ ему одному упорствовать въ непризнаніи заслугъ, оказанныхъ нашимъ правительствомъ дѣлу монархизма и общаго мира? Зачѣмъ ему одному, систематическою непріязнью, протестовать противъ нашей славной и неизбѣжной революціи? Но чѣмъ болѣе мы жалѣемъ, что монархъ великой державы идетъ такимъ путемъ, тѣмъ болѣе мы должны избѣгать совпаденія съ нимъ на этомъ пути. Если, чего мы впрочемъ не думаемъ, дружественная и взаимно вѣжливая связь съ русскимъ кабинетомъ впредь уже не возможна, то, повторяемъ, Франціи не остается ничего инаго, какъ прервать всякое официальное сношеніе. Лучше совсѣмъ отозвать отъ чужестранныхъ дворовъ нашихъ агентовъ, чѣмъ, вмѣсто назначенія ихъ быть вѣстниками мира и доброй пріязни, оставлять ихъ при одной только роли переносчиковъ обоюдной щекотливости. Такой разрывъ не былъ бы еще войною, тогда какъ нынѣшнія двусмысленныя отношенія безпрестанно грозятъ миру. А мы только и желаемъ мира, мира постояннаго и честнаго, равно охраненнаго какъ отъ страстей народныхъ, такъ и отъ капризовъ владыкъ».

Но между тѣмъ, пока французскіе журналы такъ ораторствовали,

дѣло улаживалось само собою. 7-го января 1842 года на балъ въ концертной залѣ приглашены были, въ составѣ дипломатическаго корпуса, и пріѣхали Перрье съ женою. Естественно, что, послѣ цѣлаго мѣсяца опалы, общее вниманіе было обращено на нихъ. Государь, проходя мимо Перрье, сказалъ: «Ah, Monsieur se porte donc bien à présent!» и только. Императрица спросила, скоро ли возвратится Барантъ. Впрочемъ, одно обстоятельство, которое въ другое время прошло бы незамѣченнымъ, въ этотъ вечеръ всѣхъ поразило: Перрье съ женою уѣхали хотя послѣ ужина, но во время продолжавшихся еще въ присутствіи государя и всей царской фамилии танцевъ. Пока это происходило у насъ, подобное же и въ то же время повторилось и въ Парижѣ. Сперва Киселевъ пріѣхалъ на вечеръ къ Гизо и былъ принятъ самымъ предупредительнымъ образомъ. Спустя день онъ явился и на Тюльерійскій балъ, при чемъ во французскихъ журналахъ тотчасъ провозгласили, что «король, увидѣвъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, который, какъ кажется, совсѣмъ оправился отъ послѣдняго своего нездоровья, подошелъ къ нему и нѣсколько минутъ съ нимъ бесѣдовалъ». Еще до этого парижскія газеты писали: «National»: «окончанія нашей этикетной распри должно ожидать въ непродолжительномъ времени, отозваніемъ г. Перрье, который перешелъ данныя ему инструкціи. Ему приказано было только проѣхать верхомъ мимо дворца, во время торжественнаго тамъ выхода, а онъ показался и въ театрѣ; поэтому г. Гизо совсѣмъ отъ него отречется: ибо никогда не имѣлъ въ виду нанести формальное оскорбленіе русскому двору, а хотѣлъ только произвести маленькій «scandale»; теперь же, видя, какой серьезный оборотъ приняло это дѣло, самъ перепугался, а «quand Mr. Guizot a peur, il est terrible», и бѣдному Перрье придется дорого заплатить. Впрочемъ, совершеннаго примиренія, даже и при пожертвованіи господиномъ Перрье, ожидать еще нельзя. Извѣстно, что въ высшемъ петербургскомъ кругу объ орлеанской династіи отзываются въ такихъ выраженіяхъ, которыхъ ни одинъ французскій журналъ не отважился бы повторить, и что именно оттуда всѣ европейскіе дворы заражены «брачною блокадою» (blocus conjugal) противъ принцевъ нашей младшей линіи».

Въ «La Presse» писали: «Г. Перрье не употребить, безъ сомнѣнія, никакихъ новыхъ респрессалій въ день Новаго года, и мы надѣмся, что положеніе вещей, только посрамляющее оба двора, не продолжится».

«А мы—возражалъ «National»—этого не надѣмся, или по крайней мѣрѣ не желаемъ: ибо если въ теперешнемъ положеніи вещей посрамленіе обоюдное, то никакъ не должно отступать; иначе весь ущербъ падетъ на долю одной Франціи».

Перрье оставался однакоже въ Петербургѣ еще до слѣдующаго

сентября (1842 года), да и тогда не былъ отозванъ, а самъ отпросился въ отпускъ, за болѣванію своей жены, и при увольненіи получилъ орденъ почетнаго легіона и обѣщаніе перваго вакантнаго министерскаго поста.

За отсутствіемъ начальника 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи Гурко, должность его, въ зиму съ 1841 на 1842 годъ, исправлялъ генераль-Афросимовъ, а съ наступленіемъ весны она была поручена наслѣднику цесаревичу. Объявляя объ этомъ на разводѣ, государь, шутя, сказалъ Афросимову, что надѣется, что онъ не вызоветъ за то «Сашу» на дуэль, и во всякомъ случаѣ теперь же заявляетъ, что онъ, государь, съ своей стороны, отказывается быть секундантомъ.

23-го апрѣля умеръ главноуправлявшій путями сообщенія и публичными зданіями генераль-адъютантъ графъ Карлъ Ѳеодоровичъ Толъ. Въ немъ Россія потеряла одно изъ примѣчательнѣйшихъ въ военномъ отношеніи и, конечно, историческихъ лицъ. Не распространяясь здѣсь о тѣхъ обстоятельствахъ славной его жизни, которыя можно найти и въ послужномъ его спискѣ и въ разныхъ печатныхъ біографіяхъ, ни объ участіи его въ окончаніи печальнаго возстанія 14-го декабря 1825 года, уже рассказаннаго въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, передамъ здѣсь преимущественно то, что слышалъ о немъ изъ достовѣрныхъ источниковъ и что зналъ лично, изъ моихъ съ нимъ сношеній, въ теченіе почти девяти лѣтъ, по Комитету министровъ и Государственному Совѣту.

Наружность графа Толя очень мало обѣщала. Невысокаго роста, но плечистый и ширококостный, такъ что казался довольно объемистымъ; съ лицомъ, хотя не безобразнымъ, однако очень простымъ, которое оживлялъ лишь огненный его взглядъ; въ полурыжемъ гладкомъ парикѣ, который онъ снялъ только послѣ поразившаго его въ 1839 году апоплексическаго удара; наконецъ съ ухватками и приѣмами, заимствованными нѣсколько отъ стариннаго хвастовства, ничто въ его фигурѣ не намекало на что-нибудь гениальное. Между тѣмъ всѣ, слѣдившіе за его военнымъ поприщемъ, всѣ, видѣвшіе его на полѣ сраженія, единогласно называли его однимъ изъ первостепенныхъ полководцевъ нашего вѣка. При львиной личной храбрости, онъ былъ отличный стратегикъ, обладалъ огромными свѣдѣніями тактическими и имѣлъ весь огонь, весь гений истиннаго военачальника. Въ 1812 году, по отступленіи арміи отъ границы къ Дриссѣ, онъ, еще въ полковничьемъ чинѣ, назначенъ былъ генераль-квартирмейстеромъ главной дѣйствующей арміи, а по прибытіи князя Смоленскаго—генераль-квартирмейстеромъ всѣхъ дѣйствовавшихъ противъ непріятеля войскъ. Знаменитое движеніе на Калугу было плодомъ его соображеній; Мюратъ былъ разбитъ

¹⁾ „14-го декабря 1825 года“. С.-Петербургъ 1854.

при Чернишной по начертанному имъ плану; наконецъ въ Польскую кампанію, Толь рѣшительно содѣйствовалъ къ одержанію побѣды подъ Остроленкою, искуснымъ расположеніемъ главной батареи, а въ дѣлѣ подъ Варшавою, послѣ полученной княземъ Паскевичемъ въ самомъ ея началѣ контузіи, 26-го августа, одинъ командовалъ арміею до самаго утра 27-го числа и, послѣ заключенной капитуляціи, одинъ же ввелъ войска въ городъ. Вспылчивый до бѣшенства въ обычной жизни, онъ, въ началѣ дѣла, становился вдругъ ледовито-хладнокровнымъ, и это хладнокровіе не оставляло уже его ни на минуту во все продолженіе сраженія; но съ послѣднимъ пушечнымъ выстрѣломъ возвращалась къ нему опять и вся запальчивая его горячность. Князь Смоленскій былъ всегда искреннимъ его другомъ и почитателемъ его дарованій; но не таковы были отношенія къ нему графа Дибича и потомъ Паскевича. Князь Васильчиковъ, одинъ изъ усерднѣйшихъ цѣнителей талантовъ Толя и близко знавшій и его и Дибича, рассказывалъ мнѣ, что они оба издавна соперничествовали другъ съ другомъ и не таили взаимной своей ненависти. Передъ началомъ Польской кампаніи государь собралъ у себя родъ военнаго совѣта изъ него, Васильчикова, князя Волконскаго и графа Толстаго. Тутъ, когда положено было послать главнокомандующимъ Дибича, родился вопросъ: кого дать ему въ начальники главнаго штаба? Государь самъ предложилъ Толя; но общее мнѣніе было, что это значило бы соединить воду съ огнемъ, т. е. въ самыя тѣсныя, требующія совершеннаго единодушія отношенія, поставить двухъ отъявленныхъ враговъ. Государь отвѣтилъ, что онъ призывалъ уже къ себѣ Толя и что послѣдній, въ сознаніи опасности отечества, обѣщавъ не только безусловно подчиниться Дибичу, но и дѣйствовать во всемъ какъ вѣрнѣйшій и преданнѣйшій его другъ. И дѣйствительно, онъ рыцарски сдержалъ свое слово! ¹⁾ Но съ преемникомъ Дибича, Паскевичемъ, Толь не сошелся съ первой минуты и до конца жизни оставался въ явной враждѣ. Толь считалъ Паскевича ниже себя по военнымъ достоинствамъ, а тщеславный Паскевичъ ненавидѣлъ въ немъ нескрываемое превосходство. Вскорѣ по вступленіи Паскевича въ командованіе арміею, дѣйствовавшею противъ польскихъ мятежниковъ, Толь писалъ къ графу (теперь князю) Орлову (я слышалъ это лично отъ графа), прося его довести до высочайшаго свѣдѣнія, что новый главнокомандующій дѣйствуетъ не въ своемъ умѣ, что всѣ его поступки и распоряженія превратны и что, если они такъ продолжатся, то нельзя отвѣчать ни за исходъ кам-

¹⁾ Императоръ Александръ II написалъ: „Не совѣмъ, ибо въ самое тяжкое время войны просилъ увольненія отъ должности, на что отвѣтъ государя былъ полученъ уже послѣ смерти графа Дибича и прочтенъ самимъ графомъ Толемъ, въ присутствіи незадолго передъ тѣмъ присланнаго въ армію графа Ал. Гр. Орлова“.

паніи, ни даже за спасеніе арміи. Письмо это Орловъ представилъ государю, и Толю сдѣланъ былъ, по выраженію графа, «строгий нагоняй». Послѣ это заглушилось удачами кампаніи и взятіемъ Варшавы; но современная лесть ¹⁾ несправедливо отнесла послѣднее къ заслугѣ Паскевича ²⁾; самъ же Паскевичъ, достигшій между тѣмъ апогея величія, еще болѣе возненавидѣлъ соглядатая его дѣйствій и соперника въ раздѣлѣ славы. Толь, впадъ если не въ явную немилость, то по крайней мѣрѣ въ полужабненіе, никогда уже не могъ оправиться при дворѣ, гдѣ, говоря, что отдають справедливость его достоинствамъ, наблюдали въ отношеніи къ нему не болѣе какъ одно холодное уваженіе ³⁾.

Получивъ за штурмъ Варшавы Андреевскую ленту, графъ Толь вслѣдъ за тѣмъ, и именно 5-го сентября 1831 года, былъ уволенъ «по разстроенному здоровью и собственному желанію» отъ званія начальника главнаго штаба дѣйствующей арміи и спустя два года, 1-го октября 1833 года, перешелъ на гражданское поприще, бывъ назначенъ главнымъ управляющимъ путями сообщенія и публичными зданіями. Съ сего времени почти прекратились для него и внѣшнія почести. Въ восемь съ половиною лѣтъ, онъ получилъ только алмазы къ Андреевскому ордену (7-го апрѣля 1835 г.) и маіоратство въ царствѣ Польскомъ (1-го января

¹⁾ Императоръ Александръ написалъ: „Не лесть, а безпристрастная справедливость, хотя честь послѣдняго штурма во многомъ принадлежитъ графу Толю“.

²⁾ Я помню, что вскорѣ послѣ того показывали въ Петербургѣ панораму съ объявленіемъ въ афишахъ, что она представляетъ „взятіе Варшавы графомъ Толемъ“; но и афиши эти и самую панораму тотчасъ запретили.

³⁾ Въ 1839 году, когда дѣлались сборы къ Бородинскимъ маневрамъ и всѣ лица, участвовавшіе сколько-нибудь въ славной Бородинской битвѣ, особенно были туда приглашаемы, графъ Бенкендорфъ, въ разговорѣ объ этомъ въ Петергофскомъ дворцѣ, спросилъ Толя, почти съ удивленіемъ: „А развѣ и вы туда собираетесь?“ Я случился возлѣ нихъ, и Толь, отойдя отъ своего собесѣдника, взглянулъ на все нервное свое сердце. „Вотъ,—сказалъ онъ, раскраснѣвшись,—какъ трактуютъ насъ люди, которые сами не оставили по себѣ странички въ исторіи; въ Бородинскомъ дѣлѣ я, въ чинѣ полковника, былъ генераль-квартирмейстеромъ всей арміи и первый занялъ позицію, а спрашиваютъ: собираюсь ли я на маневры; и кто же? Тотъ, кто былъ тогда ничтожнымъ поручикомъ, кто самъ однако считаетъ долгомъ туда ѣхать и кому поручено завѣдывать приглашеніями!“ При этомъ случаѣ сильно также досталось Данилевскому за его исторію войны 1812 года. „Это не исторія,—продолжалъ разсерженный старикъ,—а просто придворный календарь: кому теперь хорошо при дворѣ, того имя гремитъ на каждой страничкѣ, хотя бы онъ не получилъ и царяпинки, а о другихъ, настоящихъ дѣйствителяхъ, сошедшихъ по обстоятельствамъ со сцены, или не пользующихся особенною милостію при дворѣ, и поману нѣтъ. Такъ время затемняетъ исторію, а лесть совсѣмъ ее стираетъ“. Дѣйствительно, о блистательныхъ подвигахъ Толя въ отечественную кампанію въ сочиненіи Данилевскаго упоминается вездѣ только очень кратко и какъ бы вскользь и нехотя.

1837 г.). Но что еще хуже, въ новой своей должности онъ помрачилъ прежнюю свою славу. Не имѣя никакихъ свѣдѣній въ порученной ему части, онъ, съ самаго начала вступленія въ должность, слѣпо вѣрился одному изъ генераловъ того же корпуса Девятнину, котораго потомъ возвелъ въ званіе своего товарища и который былъ человекъ очень умный и тонкій, но нѣчто въ родѣ военнаго подъячаго. Ненавидимый подчиненными за вспыльчивое и грубое обращеніе, водимый по произволу своихъ любимцевъ, со всѣхъ сторонъ обманываемый, Толь доказалъ на опытъ, что можно быть отличнымъ полководцемъ и очень плохимъ администраторомъ. Кругомъ его и возлѣ него все воровало и мошеничало, какъ ни по какой другой части, а онъ, самъ въ высшей степени честный и благородный и потому не подозрѣвавшій лжи и въ другихъ, вездѣ и передъ всѣми запальчиво отстаивалъ офицеровъ своего корпуса именно со стороны чистоты ихъ правилъ! Въ Совѣтъ и въ Комитетъ министровъ Толь былъ тоже всегда совершенно рядовымъ членомъ. По-русски онъ и говорилъ и писалъ прекрасно, даже такъ, какъ мало кто изъ современныхъ ему государственныхъ людей нашихъ; но, мало знакомый съ гражданскими дѣлами, онъ возвышалъ свой голосъ въ тѣхъ лишь рѣдкихъ случаяхъ, когда обсуживались дѣла его вѣдомства, и тутъ горячился обыкновенно до такой степени, что, послѣ засѣданія, долженъ былъ отхаживаться и отпаиваться водою, пока могъ сѣсть въ карету, не опасаясь простуды. Впрочемъ, въ послѣднее время и этого уже болѣе не было. Удрученный тяжкимъ недугомъ, онъ сидѣлъ не только не говоря самъ, но, кажется, и не слушая другихъ.

Отецъ трехъ сыновей и двухъ дочерей (жена его была дочь генерал-отъ-инфантеріи Штрандмана), графъ Толь былъ отличный семьянинъ, обожаемый женою и дѣтьми. Въ домашнемъ своемъ хозяйствѣ, при очень небольшомъ состояніи, онъ отличался не только бережливостію, но даже и скупостію. Занимая присвоенный его должности казенный домъ (бывшій Юсуповскій), онъ сберегалъ значительную часть суммы, отпускавшейся ему на содержаніе и ремонтъ этого дома, и, обитая въ истинно-царскихъ палатахъ, велъ образъ жизни болѣе чѣмъ скромный. Разсказывали даже, будто бы изъ находящихся при томъ домѣ обширныхъ садовъ и оранжерей ни одна ягодка не шла къ его столу, и все продавалось на Щукинъ дворъ.

Замѣчательно, что смерть постигла графа Толя именно въ день Георгія Побѣдоносца, столько разъ покровительствовавшаго ему на полѣ брани. Онъ дожилъ до 66-го года.

Вѣсть о страшной кончинѣ герцога Орлеанскаго — онъ, какъ извѣстно, умеръ отъ ушиба, полученнаго при паденіи изъ разнесенной лошадыи коляски — пришла въ Петербургъ, съ газетами, 13-го іюля; но дворъ и

приближенные узнали объ этомъ происшествіи еще 11-го числа, сперва черезъ варшавскій телеграфъ, хотя еще въ довольно неопредѣлительныхъ выраженіяхъ, а потомъ черезъ курьера, присланнаго отъ нашего посольства на гаврскомъ пароходѣ. Не смотря на неприязнь свою къ Людовику Филиппу, государь принялъ живое участіе въ несчастіи, столь неожиданно поразившемъ королевскую фамилію. Симпатія родительскихъ, высшихъ чувствъ одержала верхъ надъ политической антипатіею. Назначенный уже на 11-е число, по случаю именинъ великой княжны Ольги Николаевны, балъ въ Знаменскомъ былъ немедленно отмѣненъ. На другой же день, т. е. 12-го, послѣдовало повелѣніе наложить придворный трауръ на 12-ть дней. Наконецъ, въ первый разъ съ Іюльской революціи, государь отправилъ къ королю французовъ письмо съ изъявленіемъ своего участія и, сверхъ того, отъѣзжавшему отъ насъ въ то время во Францію живописцу Горасу Верне, который находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Людовику Филиппу, поручено было еще лично передать послѣднему душевное соболѣзнованіе къ постигшему его тяжкому удару.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О поселеніи духоборцевъ на р. Молочной.

*Рескриптъ императора Александра I новороссійскому губернатору
Миклашевскому.*

25-го января 1802 г. С.-Петербургъ.

Внявъ прошенію отъ духоборцевъ въ Слободско-Украинской губерніи обитающихъ и получивъ таковое же отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ губерніи вамъ ввѣренной живущихъ о соединеніи ихъ въ одно мѣсто и водвореніи сколько можно отдѣльно отъ прочихъ, я призналъ за благо сколько по уваженію претерпѣннаго семи людьми разоренія, столько и по тому предположенію, что таковое соединеніе считаю я надежнѣйшимъ средствомъ къ погашенію ихъ ереси и къ пресѣченію вліянія ея на другихъ, переселить ихъ въ Новороссійскую губернію въ Маріупольской уѣздъ на обильныхъ поляхъ лежащихъ по теченію рѣки Молочной. Къ произведенію сего намѣренія въ дѣйствіе поручаю вамъ:

- 1) Избравъ надежнаго, благонаправнаго и скромныхъ правилъ чиновника, объявить чрезъ него духоборцамъ во ввѣренной вамъ губерніи живущимъ, что снисходя на прошеніе ихъ и желая въ разоренномъ ихъ состояніи дать нужную помощь — соизволяю я переселить ихъ на выше означенное мѣсто; 2) что мѣсто сіе сверхъ плодороднаго своего положенія представить имъ и ту выгоду, что будутъ они соединены и расположены по слободамъ съ духоборцами въ Слободско-Украинской губерніи живущими и вмѣстѣ съ тѣмъ со всѣхъ сторонъ будутъ отдѣлены отъ сосѣдства имъ притѣснительнаго; 3) что на каждую переселившуюся душу назначено будетъ по пятнадцати десятинъ земли; 4) на пять лѣтъ считая съ текущаго нынѣ года освобождаются они отъ всѣхъ государственныхъ податей; 5) при самомъ переселеніи на подъемъ выдано имъ будетъ изъ казны по сту рублей на каждое семейство заимообразно; 6) въ возвратъ денегъ сихъ въ казну дастся имъ десять лѣтъ льготы, считая со времени ихъ водворенія; 7) по истеченіи сихъ льготныхъ лѣтъ взысканіе съ нихъ сей суммы расположится на 20 лѣтъ, такъ что каждый годъ каждое семейство не болѣе пяти рублей уплачивать будетъ; 8) изъяснивъ имъ всѣ сіи даруемыя имъ выгоды назначить нужное число надежныхъ чиновниковъ, которые бы отправясь на предъпредѣляемое духоборцамъ урочище вмѣстѣ съ довѣренными отъ нихъ людьми обозрѣли его, назначили на немъ по удобности и прочимъ выгодамъ мѣста для заселенія и сняли планы, кои и представьте мнѣ на утвержденіе; 9) Слободско-Украинскому губернатору предписалъ я, чтобы и тамошнія духоборческія общества сдѣлавъ подобный выборъ прислали къ вамъ довѣренныхъ людей. А по сему для совмѣстнаго показанія назначаеваемой имъ земли не оставите вы снестись съ начальникомъ сей губерніи и о всѣхъ послѣдствіяхъ сего распоряженія мнѣ донести. — Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный.

Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа¹⁾.

Въ напечатанной нами наиболее ранней редакціи воспоминаній М. А. Корфа о Пушкинѣ сохранились примѣты, по которымъ можно судить о происхожденіи разсматриваемаго памятника. Прежде всего бросается въ глаза, что это—не дополнительные примѣчанія и поправки къ какому-либо чужому труду, подобно запискѣ, изданной Я. К. Гротомъ, а самостоятельно задуманная и тщательно отдѣланная статья, въ которой авторъ ставитъ себѣ цѣлью дать характеристику своего лицейскаго товарища-поэта на основаніи какъ личнаго знакомства, такъ и собранныхъ со стороны фактовъ и сужденій. Планъ статьи составленъ искусно: сперва предлагается рассказъ нѣкоего малоизвѣстнаго иностранца, который самъ по себѣ не могъ бы внушить большого довѣрія, но пріобрѣтаетъ извѣстное значеніе, потому что Корфъ «съ сожалѣніемъ» подтверждаетъ его ссылками на свои собственные наблюденія; затѣмъ выдвигается свидѣтельство болѣе важнаго характера—изложено судебное дѣло, въ которомъ послѣднее слово принадлежитъ государственному совѣту, высказывающему неблагоприятное для Пушкина рѣшеніе; наконецъ, приводится высоко-авторитетный отзывъ о поэтѣ, принадлежащій императору Николаю Павловичу; М. А. Корфъ самъ слышалъ его изъ устъ государя и записалъ въ своемъ дневникѣ. Никакого заключенія авторъ не высказываетъ, но вся послѣдовательность его изложенія разчитана на то, чтобы подѣйствовать на читателя подавляющимъ образомъ...

¹⁾ Окончаніе. См. Русскую Старину за августъ текущаго года, стр. 297-311.

Въ такомъ видѣ М. А. Корфъ обработалъ свои воспоминанія о Пушкинѣ въ 1852 году и сообщилъ ихъ П. В. Анненкову, а затѣмъ, два года спустя, когда П. И. Бартеневъ сталъ печатать свои біографическіе «Матеріалы», баронъ Модестъ Андреевичъ вздумалъ составить къ нимъ дополненія и при этомъ случаѣ рѣшился сдѣлать кое-какія заимствованія изъ своей прежней работы. Этимъ объясняется сходство между нѣкоторыми параграфами въ запискѣ, изданной въ сборникѣ Я. К. Грота, и воспоминаніями, напечатанными теперь нами. Но въ сущности это—два разные произведенія, имѣвшія различное происхожденіе и предназначенныя служить разнымъ цѣлямъ: въ воспоминаніяхъ 1852 года рѣчь идетъ исключительно о Пушкинѣ, при чемъ говорится о разныхъ моментахъ его жизни, а въ запискѣ 1854 года рассказывается преимущественно о порѣ его ученія и вообще молодости, и, кромѣ того, сообщаются свѣдѣнія о Царскосельскомъ лицей старыхъ временъ, о тамошнихъ наставникахъ, воспитателяхъ и проч.

Такова внѣшняя исторія тѣхъ документовъ о повѣ, которые оставлены намъ М. А. Корфомъ. Постараемся хоть отчасти разобраться въ внутреннемъ ихъ смыслѣ.

Выше уже было упомянуто, что Корфова записка 1854 года подлежитъ внимательной критической провѣркѣ. То же должно быть сказано и о воспоминаніяхъ 1852 года. Разумѣется, мы не сомнѣваемся ни въ точной передачѣ Корфомъ словъ императора Николая, ни въ вѣрномъ пересказѣ обстоятельствъ страннаго дѣла, возникшаго въ 1827 году по поводу элегіи «Андрей Шень»; рассказъ государя близко совпадаетъ съ тѣмъ, что, напримѣръ, самъ Пушкинъ говорилъ А. Гр. Хомутовой о своемъ первомъ представленіи императору ¹⁾, а документы по процессу о «Шень», изданные въ Русской Старинѣ 1874, 1882 и текущаго годовъ, подтверждаютъ сообщеніе о томъ М. А. Корфа. Тѣмъ не менѣе, весь первый отдѣлъ его воспоминаній необходимо долженъ быть подвергнутъ строгому пересмотру и сличенію съ показаніями другихъ современниковъ Пушкина. Между прочимъ, именно въ этомъ отдѣлѣ находятся тѣ извѣстія, которыя были повторены авторомъ въ примѣчаніяхъ или запискѣ 1854 года и въ свое время вызвали возраженія со стороны князя П. А. Вяземскаго и Я. К. Грота. Характерно то, что при вторичномъ воспроизведеніи того или другого рассказа авторъ счелъ долгомъ устранить или совсѣмъ откинуть нѣкоторыя жесткія выраженія первоначальнаго текста: очевидно, правдивому историку ничего не стоило присочинить ту или другую рѣзкую подробность и затѣмъ отбросить ее за ненадобностью. А между тѣмъ «сочиненія» подобнаго

¹⁾ Русскій Архивъ, 1880 г., № 1, стр. 132.

рода получили ходъ между біографами поэта. Такъ, Анненковъ въ своей книгѣ «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху» (стр. 41), ссылаясь на авторитетъ человѣка, «имя котораго очень высоко стоитъ въ Россіи и безызвѣстно въ Европѣ», не только сообщаетъ самые безпощадные отзывы М. А. Корфа о своемъ лицейскомъ товарищѣ, но и руководствуется ими отчасти при собственномъ заключеніи о личности Пушкина.

Нельзя не привести здѣсь хотя двухъ-трехъ примѣровъ исторической «точности» М. А. Корфа. Въ воспоминаніяхъ 1852 года онъ утверждаетъ, что Пушкинъ еще въ лицей началъ вести «эпикурейскую жизнь», что начальство, опасаясь его эпиграммъ, смотрѣло на то сквозь пальцы, и что «она отозвалась ему только при концѣ лицейскаго поприща выпускомъ его однимъ изъ послѣднихъ»; по окончаніи же курса молодой поэтъ совершенно предался кутежамъ въ обществѣ «съ первыми и самыми отъявленными тогдашними повѣсами». Въ примѣчаніяхъ 1854 года Корфъ имѣлъ осторожность совсѣмъ откинуть слова, приведенныя выше въ кавычкахъ. Но ихъ не слѣдовало помѣщать и въ первоначальный текстъ. Если Пушкинъ смолоду кутилъ, то разумѣется, не съ отъявленными смиренниками; но также вѣрно и то, что между товарищами его разгула, «минутными друзьями минутной молодости», какъ выражался онъ впоследствии, были люди умные и образованные, какъ Н. В. Всеволожскій, Я. Н. Толстой и наконецъ тотъ самый П. П. Каверинъ, дружбой съ которымъ корятъ Пушкина вотъ уже болѣе восьмидесяти лѣтъ¹⁾. Петръ Павловичъ Каверинъ былъ старше Пушкина лѣтъ на пять; они познакомились и подружились еще въ Царскомъ Селѣ, когда поэтъ кончалъ курсъ въ лицей, а Каверинъ служилъ въ гусарахъ; еще тогда Пушкинъ написалъ къ нему посланіе, въ которомъ между прочимъ говорилъ:

Минуту юности лови
И черни презирай ревнивое роптанье.
Она не вѣдаетъ, что можно дружно жить
Съ стихами, картами, Платономъ и бокаломъ,
Что рѣзвыхъ шалостей подъ легкимъ покрываломъ
И умъ возвышенный, и сердце можно скрывать.

Человѣкъ, къ которому можно было обратить такія строки, очевидно, былъ не заурядный гуляка. По словамъ князя Вяземскаго (Сочиненія, т. VIII, стр. 436), «Петръ Павловичъ, бывший геттингенскій студентъ и гусарскій офицеръ, въ томъ и другомъ званіи извѣстенъ былъ проказами своими и скиескою жаждою; но былъ онъ въ свое время извѣстенъ и благородствомъ характера, и любезнымъ обхожденіемъ». Въ Гет-

¹⁾ М. А. Корфъ говоритъ объ этой дружбѣ и въ своей запискѣ 1854 года (см. въ сборникѣ Грота стр. 248).

тингенъ онъ слушалъ лекціи одновременно съ Н. И. и С. И. Тургеневыми и съ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ; пріязнь этихъ лицъ къ Каверину много свидѣтельствуесть въ его пользу, а самое пребываніе въ университетѣ объясняетъ его интересъ къ Платону, то-есть, къ философіи. Сохранилось нѣсколько писемъ Каверина ¹⁾, изъ которыхъ видно, что онъ любилъ литературу и обладалъ умѣньемъ наблюдать явленія общественной жизни. Очевидно, Пушкинъ не только повѣсничалъ съ нимъ, но и велъ порою бесѣды о серьезныхъ предметахъ.

Если въ сужденіи о повѣсничествѣ Пушкина М. А. Корфъ обнаружилъ только мнимую основательность, то говоря объ его лицейскомъ эпикуреиствѣ и о потворствѣ тому со стороны Е. А. Энгельгардта, онъ проявилъ нѣчто худшее—готовность легкомысленно бросить лишній камень не только въ свою предызбранную жертву, Пушкина, но и въ того почтеннаго наставника, къ которому старшіе лицеисты всегда относились съ особымъ уваженіемъ. Замѣчательно, что въ этомъ хорѣ похвалъ не слышно голоса Корфа: если онъ и говоритъ въ своихъ лицейскихъ воспоминаніяхъ объ Энгельгардтѣ, то съ равнодушіемъ, и иногда не безъ ироніи, однажды въ насмѣшку называетъ его даже «романтическимъ». Да, Е. А. Энгельгардтъ дѣйствительно былъ романтикомъ, но не въ забавномъ, а въ лучшемъ смыслѣ—благороднаго, возвышеннаго идеализма. Онъ способенъ былъ закрывать глаза на многое дурное въ человѣкѣ, если замѣчалъ въ немъ хоть искру добра, за то онъ ухаживалъ за этою искрой и старался разжечь ее, надѣясь, что такимъ образомъ добро возьметъ верхъ надъ зломъ; на мягкія души онъ дѣйствовалъ чарующимъ образомъ, и такіе люди привязывались къ нему безповоротно: декабристъ И. И. Пущинъ, послѣ двадцатилѣтней разлуки съ Энгельгардтомъ, писалъ ему изъ Сибири письма, проникнутыя самою юношескою горячностью; ссыльный В. К. Кюхельбекеръ вспоминалъ о немъ съ нѣжностью. Меньше поддавались влиянію педагога-романтика юноши, отличавшіеся своеобычіемъ и острымъ самолюбіемъ, да и самъ онъ чувствовалъ къ нимъ меньше расположенія. Къ Пушкину онъ относился съ замѣчательною для такого добродушнаго человѣка строгостью; признавая умъ и даровитость юноши, убѣжденный еще въ лицѣ, что будь онъ посерьезнѣе, то можетъ стать замѣчательнымъ писателемъ ²⁾, директоръ считалъ Пушкина крайне легкомысленнымъ и

¹⁾ См. Русскую Старину 1896 г., т. 86, стр. 425—430.

²⁾ Почтенный внукъ Е. А. Энгельгардта баронъ Ф. Р. Остенъ-Сакенъ любовно сообщилъ намъ нѣсколько отзывовъ своего дѣда о Пушкинѣ, находящихся въ письмахъ перваго къ князю А. М. Горчакову; вотъ что между прочимъ писалъ Энгельгардтъ въ январѣ 1818 года: „J'ai soupiré tant de fois: Ah, si ce coquin-là avait voulu étudier, c'aurait été un homme distingué dans notre littérature“.

глубоко испорченнымъ въ нравственномъ отношеніи; въ свою очередь и Пушкинъ не питалъ къ нему довѣрія, а потому сближеніе между ними не состоялось; строки, которыя Пушкинъ написалъ въ альбомѣ Энгельгардта при выпускѣ изъ лицея ¹⁾, не переступаютъ предѣловъ холодной учтивости. Тѣмъ не менѣе, смѣшно думать, что Энгельгардтъ опасался насмѣшекъ Пушкина и изъ страха способенъ былъ даже нарушить требованія нравственности и потворствовать волокитству лицействоу, въ томъ числѣ Пушкина, за разными особами прекраснаго пола. Онъ только находилъ, что молодежь, готовую вступить въ свѣтъ, не бесполезно и въ школѣ знакомить съ его обычаями, и потому дозволялъ устройство вечернихъ собраний и разныхъ загородныхъ поѣздокъ, въ которыхъ лицейская молодежь сходилась съ членами его семейства и его знакомыми, и гдѣ, въ свою очередь, появлялись родные самихъ воспитанниковъ. «Женское общество», вспоминалъ впоследствии Пушкинъ,—«всему этому придавало особенную прелесть и приучало насъ къ приличію въ обращеніи. Однимъ словомъ, директоръ нашъ понималъ, что запрещенный плодъ—опасная приманка, и что свобода, руководимая опытною дружбой, удерживаетъ отъ многихъ ошибокъ. Отъ сближенія нашего съ женскимъ обществомъ зарождался платонизмъ въ чувствахъ: этотъ платонизмъ не только не мѣшалъ занятіямъ, но придавалъ даже силы въ классныхъ трудахъ, нашептывая, что успѣхомъ можно порадовать предметъ воздыханій. Пушкинъ клеймилъ своимъ стихомъ лицейскихъ Сердечкиныхъ, хотя и самъ иногда попадалъ въ эту категорію» ²⁾. Очевидно, ни въ понятіяхъ Энгельгардта, ни въ возрѣніяхъ его питомцевъ не было ничего ни безнравственнаго, ни «эпикурейскаго» (у Корфа эти понятія считаются тождественными), и директору лицея не приходилось ни на что смотреть сквозь пальцы. Къ этому должно прибавить еще слѣдующее: какъ ни много мѣста отведено въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина эротическому элементу и такъ-называемому «эпикурейскому» міросозерцанію, во всемъ этомъ эротизмъ и эпикуреизмъ слѣдуетъ видѣть гораздо болѣе книжнаго, навѣяннаго изъ литературы, чѣмъ лично испытаннаго авторомъ и взятаго изъ жизни; недаромъ Пушкинъ при самомъ поступленіи въ лицей уже удивлялъ товарищей своимъ обширнымъ знакомствомъ съ французскою литературой, что и подтверждается его ранними произведеніями, гдѣ онъ называетъ между прочимъ такихъ второстепенныхъ писателей, какъ Шольё, Лафаръ, Шапель, Грекуръ, Буфлеръ. Такимъ образомъ исчезаетъ послѣднее основаніе

¹⁾ См. въ сборникѣ Я. К. Грота, стр. 274.

²⁾ См. нашъ сборникъ: „Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературныя очерки“ (С.-ПБ. 1899) стр. 65.

къ тому, чтобы считать лицеиста Пушкина преданнымъ эпикурейскому образу жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ послѣдній поводъ вѣрить рассказамъ правдиваго Корфа. Если же Пушкинъ былъ выпущенъ изъ лицея по второму разряду, или какъ выражается М. А. Корфъ, однимъ изъ послѣднихъ, то вполне достаточно, и вѣроятно, единственною тому причиной должно считать плохое и небрежное учение юноши: недостатокъ прилежанія былъ замѣченъ въ Пушкинѣ съ начала лицейскаго курса, и такъ продолжалось дѣло до самаго выпуска.

Оставимъ однако лицейскій періодъ жизни поэта и обратимся къ другимъ ея сторонамъ. Въ воспоминаніяхъ 1852 года М. А. Корфъ усердно проводитъ убѣжденіе, что въ Пушкинѣ слѣдуетъ строго различать поэта и человѣка: какъ высокъ онъ былъ въ своемъ творчествѣ, такъ въ качествѣ простаго смертнаго «представлялъ типъ самаго грязнаго разврата». Тѣ же прекрасныя выраженія М. А. Корфъ повторяетъ и въ примѣчаніяхъ 1854 года, при чемъ называетъ жизнь Пушкина двоякою (см. въ сборникѣ Я. К. Грота стр. 248 и 251). Прочитавъ эти строки еще въ рукописи, князь П. А. Вяземскій справедливо замѣтилъ: «Какъ то обыкновенно бываетъ со всѣми: здѣсь нѣтъ двоякости, исключительно или особенно Пушкину принадлежащей» ¹⁾. Но біографамъ поэта мысль М. А. Корфа, очень обыкновенная и даже пошлая, показала почему-то особенно поразительною, и они стали повторять ее на всѣ лады: П. В. Анненковъ положилъ ее въ основу своей книги: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху» (С.-Петербургъ. 1874), П. И. Бартеневъ не разъ твердилъ ее въ своихъ комментаріяхъ и замѣткахъ къ разнымъ документамъ о Пушкинѣ, которые печатались въ Русскомъ Архивѣ, и даже Вл. С. Соловьевъ, въ своей брошюрѣ «Судьба Пушкина» (С.-Пб., 1898), не побрезгалъ указать на азбучную истину, возвыщенную М. А. Корфомъ. Разница лишь въ томъ, что Анненковъ и Соловьевъ постарались внести въ свой психологическій анализъ личности Пушкина нѣкоторую тонкость пониманія, тогда какъ самъ Корфъ толкуетъ свойственную будто бы натурѣ Пушкина двоякость съ замѣчательною грубостью: по его разумѣнію, двоякость—то же, что двуличность, и стало быть, Пушкинъ былъ просто фальшивый, недостойный довѣрія человѣкъ. Самое яркое проявленіе фальшивости Пушкина, и разумѣется, наиболѣе достойное порицанія, М. А. Корфъ усматриваетъ въ отношеніяхъ поэта къ императору Николаю: «Ни несчастія, ни благотворенія государя его не исправили: принимая одною рукою щедрые дары отъ монарха, онъ другою омокать перо для язвительной элиграммы».

¹⁾ Собраніе сочиненій князя Павла П. Вяземскаго. С.-Петербургъ. 1893. стр. 489.

Тѣ же злыя слова М. А. Корфъ включилъ и въ примѣчанія 1854 года, и здѣсь они встрѣтили слѣдующій рѣшительный отпоръ со стороны князя П. А. Вяземскаго: «Императору Николаю былъ онъ душевно преданъ» (въ сборникѣ Я. К. Грота стр. 250). Быть можетъ, этимъ холоднымъ, но твердымъ возраженіемъ и слѣдовало бы ограничиться въ данномъ случаѣ; но черезъ чуръ усердный обличитель поэта имѣлъ неосторожность сослаться на чужое свидѣтельство и тѣмъ поставилъ критику въ необходимость подробно обсудить и опредѣлить достоинство послѣдняго.

Прежде всего слѣдуетъ сказать, что «Петербургскіе очерки» Пельца ¹⁾, цитуемые М. А. Корфомъ, вовсе не заслуживаютъ того громкаго названія «горькой діатрибы» противъ Россіи, какое онъ имъ даетъ. Это — просто плохое, бездарно написанное сочиненіе, въ которомъ бѣдное поверхностное содержаніе прикрыто скучною виѣшностью изложенія. Авторъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, но конечно, не узналъ и не могъ узнать Россію, хотя и беретъ разсуждать о разныхъ касающихся ея предметахъ. Будучи по специальности книгопродавцемъ, онъ пріѣхалъ въ наше отечество съ цѣлю преобразовать нашу книжную торговлю на подобіе нѣмецкой. Онъ безусловно правъ, когда говоритъ о преимуществахъ послѣдней, о лучшей ея организаціи, объ образованности ея агентовъ и т. п.; но онъ совершенно не понималъ ни условій русскаго книжнаго рынка (особенно каковъ онъ былъ въ тридцатыхъ годахъ), ни потребностей русскаго общества въ сферѣ книжнаго дѣла. Кто бы подумалъ, что нападки Пельца направлены главнымъ образомъ противъ извѣстнаго А. Ф. Смирдина, тогда какъ именно Смирдинъ своею умною предприимчивостью сумѣлъ внести значительное оживленіе въ русскую книжную торговлю своего времени и даже сумѣлъ придать своей книгопродавческой дѣятельности извѣстный культурный отбѣнокъ. Если въ концѣ концовъ его фирма все-таки потерпѣла крушеніе, произошло это не отъ неумѣлости ея главы, а вслѣдствіе излишней довѣрчивости Смирдина къ своимъ собратьямъ-книгопродавцамъ и къ нѣкоторымъ литературнымъ промышленникамъ, вовлекавшимъ бойкаго издателя въ предпріятія, которыя не могли имѣть успѣха ²⁾. Все это — факты давно извѣстные, и безъ сомнѣнія, М. А. Корфъ хорошо зналъ ихъ, когда встрѣчалъ противорѣчіе имъ въ сооб-

¹⁾ Petersburger Skizzen. Von Treumund Welp. 3 Bände in-12. Leipzig. 1842. Позже тѣмъ же авторомъ были изданы, тоже въ 12-ю долю: Neue Petersburger Skizzen. Schweidnitz. 1844

²⁾ Любопытныя черты торговой дѣятельности А. Ф. Смирдина разсказаны въ „Воспоминаніяхъ стараго книгопродавца“ Н. Г. Овсянникова, помѣщенныхъ въ рѣдкомъ изданіи П. А. Ефремова: Матеріалы для исторіи русскаго книжной торговли. С.-Петербургъ. 1879.

щеніяхъ Пельца; тѣмъ не менѣе, онъ настойчиво выражаетъ довѣріе этимъ сообщеніямъ, и именно изъ главы «Очерковъ», посвященной русской литературѣ и книжной торговлѣ, почерпаетъ приводимую имъ цитату съ извѣстіемъ о томъ, что Пушкинъ, безпощадно забирая огромныя суммы денегъ у Смирдина, наиболѣе содѣйствовалъ его разоренію. По счастью, простая фактическая справка можетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергнуть это сообщеніе. Въ сущности, Смирдинъ былъ издателемъ лишь очень немногихъ новыхъ произведеній Пушкина, преимущественно помѣщенныхъ послѣднимъ въ его журналѣ Б и б л и о т е к а для чтенія; кромѣ того, весной 1830 года П. А. Плетневъ, завѣдывавшій печатаніемъ сочиненій поэта, устроилъ продажу Смирдину имѣвшихся въ складѣ экземпляровъ «Бахчисарайскаго фонтана», «Цыгановъ», «Полтавы», семи главъ «Онѣгина» и двухъ томовъ мелкихъ «Стихотвореній», при чемъ Смирдинъ обязался выплачивать автору по 600 руб. въ мѣсяцъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. Такимъ образомъ Пушкинъ долженъ былъ получить 28.800 руб. ассигн.,—сумму, конечно, значительную, но нѣтъ сомнѣнія, что книгопродавецъ, при всемъ томъ, успѣлъ вернуть свои затраты, и съ большою выгодой. «Если мы и обогатимъ Смирдина», писалъ Плетневъ Пушкину при началѣ этого соглашенія,—«литературѣ же лучше: онъ будетъ предпріимчивѣе, а мы собственно не въ накладѣ; потеряютъ для него одни библиоманы» ¹⁾. Очевидно, разореніе Смирдина пошло не отъ неудачныхъ будто бы сдѣлокъ его съ авторомъ «Онѣгина».

Такимъ образомъ, даже по предмету своей специальности, по книжной торговлѣ, Пельцъ не сумѣлъ добыть себѣ точныя свѣдѣнія и просто душно довѣрился сплетнямъ, шедшимъ изъ враждебныхъ Пушкину источниковъ, можетъ быть, отъ Булгарина или Греча, съ которыми нѣмецкій книгопродавецъ—какъ самъ говорить—былъ коротко знакомъ.

По всему вѣроятію, изъ тѣхъ же источниковъ Пельцъ почерпнулъ и другія клеветы на Пушкина—о его стремленіи къ литературной гегемоніи (вспомнимъ направленные противъ Пушкина и его друзей толки С ѣ в е р н о й П ч е л ы о литературной аристократіи), о неискреннихъ отношеніяхъ поэта къ правительству и т. д. Денежныя обстоятельства Пушкина были всегда запутаны и лежали на немъ тяжелымъ бременемъ; но никогда, даже въ минуты крутой нужды, онъ не связывалъ своихъ матеріальныхъ выгодъ съ самостоятельностью своихъ убѣжденій, и обратно—никогда не кадался въ оппозицію изъ-за равнодушія къ нему

¹⁾ Сочиненія П. А. Плетнева, т. III, стр. 350. По видимому, въ связи съ этою сдѣлкою стоитъ упрекъ, который дѣлала Пушкину С ѣ в е р н а я П ч е л а, обвинявшая его въ томъ, что онъ, по корыстолюбію, очень дорого продаетъ „Евгенія Онѣгина“ (см. Сочиненія Пушкина, изданіе литерат. фонда, т. V, стр. 129).

властей. То, что рассказывает по этой части Пельцъ, могъ говорить только заѣзжій иностранецъ, введенный въ заблужденіе своими случайными русскими знакомыми. Но трудно даже понять, какъ могъ М. А. Корфъ давать значеніе этимъ рассказамъ, скрѣплять ихъ своимъ подтвержденіемъ и надѣяться, что найдутся люди, которые имъ повѣрятъ. Есть впрочемъ основательные поводы думать, что если кто-нибудь отличался недостаткомъ искренности, то именно самъ Корфъ, и это между прочимъ видно по его отзывамъ о Пушкинѣ и объ отношеніяхъ поэта къ императору Николаю.

Нѣтъ надобности пересказывать здѣсь послѣдовательное развитіе этого сближенія. Замѣтимъ только, что прямыя, непосредственныя сношенія между государемъ и поэтомъ были и чисты, и свободны, и довѣрчивы съ обѣихъ сторонъ. «Я говорилъ сегодня съ однимъ изъ умнѣйшихъ людей въ Россіи», сказалъ императоръ Николай послѣ перваго свиданія съ Пушкинымъ въ 1826 году. Въ свою очередь поэтъ тоже выразилъ свои впечатлѣнія стихами:

Его я просто полюбилъ.
Онъ бодро, честно править нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами...

Не лестъ слагать Пушкинъ царю, когда, въ страстномъ порывѣ поэтического увлеченія, почувствовалъ, среди деревенской глуши, потребность прославить подвигъ царева «сердца», поѣздку «героя» въ зараженную холерой Москву:

..... Небесами
Клянусь: кто жизнью своей
Игралъ предъ сумрачнымъ недугомъ,
Чтобъ ободрить угасшій взоръ,
Клянусь, тотъ будетъ небу другомъ,
Каковъ бы ни былъ приговоръ
Земли слѣпой!..
Да будетъ проклять правды свѣтъ,
Когда посредственности холодной,
Завистливой, къ соблазну жадной,
Онъ угождаетъ праздно. Нѣтъ,
Тьмы вязкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ...

— «возвышающій обманъ идеала», поясняетъ намъ это увлеченіе современнй историкъ литературы, — «не безразличіе оппортунизма, а исканіе челоѣчности въ царствѣ силы; не капризъ поэта, а иллюзія челоѣка, честно и серьезно работавшаго надъ вопросами личнаго и общественнаго блага. Это», прибавляетъ тотъ же историкъ, — «и даетъ

тонь творчеству Пушкина» ¹⁾: тонь строгаго благородства, свойственнаго писателю-гражданину, такому же работнику своего народа, какимъ—по выраженію поэта—былъ на тронѣ царь Петръ, и какимъ онъ вообще воображалъ себѣ идеаль царя.

Но столь возвышенное пониманіе гражданскаго долга не всѣмъ было доступно, и Пушкину вскорѣ пришлось въ томъ убѣдиться личнымъ опытомъ. Сношенія между царемъ и поэтомъ не могли всегда происходить безъ участія посредника, а человекъ, на котораго была возложена эта обязанность, графъ А. Х. Бенкендорфъ, не только не постигалъ своей благородной и высокой роли, но проявлялъ полное равнодушіе къ интересамъ мысли и въ то же время, пользуясь расположеніемъ государя, не по праву присвоивалъ себѣ руководящій, даже рѣшающій голосъ въ дѣлѣ, гдѣ ему слѣдовало быть только добросовѣстнымъ передатчикомъ мыслей и желаній царя и того, кого царь называлъ своимъ другомъ. Отсюда—рядъ недоразумѣній, грозившихъ иногда разрѣшиться трагически.

Въ запискахъ А. О. Смирновой — памятникъ, нерѣдко возбуждающемъ къ себѣ недовѣріе, но иногда поразительномъ по какой-то мѣткости своихъ сообщеній,—есть замѣчательная страница, бросающая яркій лучъ свѣта въ густую сѣть обстоятельствъ, опутавшихъ Пушкина съ тѣхъ поръ, какъ царь пожелалъ приблизить его къ себѣ. Стихотвореніе «Анчаръ», написанное еще въ 1829 году, появилось въ печати (въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ») лишь къ началу 1832 года, при чемъ не было предварительно представляемо государю, а просто одобрено общою цензурой. Бенкендорфъ увидѣлъ въ этомъ нарушеніе установленнаго порядка (относительно просмотра новыхъ произведеній Пушкина самимъ государемъ) и потребовалъ отъ автора объясненія, которое и было имъ дано. Вотъ что по этому поводу рассказываетъ А. О. Смирнова:

«Пушкинъ нажилъ себѣ непріятностей «Анчаромъ». Въ концѣ концовъ все уладилось, но Катонъ невыносимъ ²⁾. Императоръ самъ прочелъ *corpus delicti*, который произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Передъужиномъ онъ заговорилъ объ этомъ со мною и сказалъ: «То былъ рабъ, а у насъ крѣпостные. Я прекрасно понялъ, что хотѣлъ выразить этимъ стихотвореніемъ Пушкинъ, и о какомъ деревѣ онъ говорить. Большею частью люди ищутъ и желаютъ свободы для себя и отказываютъ въ ней другимъ. Пушкинъ не изъ таковыхъ. Я его знаю:

¹⁾ Пушкинъ національный поэтъ. Рѣчь академика Александра Веселовскаго. С.-Пб. 1899, стр. 17.

²⁾ Катonomъ А. О. Смирнова прозвала графа Бенкендорфа—безъ сомнѣнія, по воспоминавію о римскомъ М. П. Катонѣ Цензорѣ.

это—воплощенная прямота, и онъ совершенно правъ, говоря, что прежде всего мы должны возвратить русскому мужику его права, его свободу и его собственность. Я говорю мы, потому что я не могу совершить этого помимо владѣльцевъ этихъ крѣпостныхъ; но это будетъ». Потомъ онъ улыбнулся и сказалъ: «Еслибъ я одинъ сдѣлалъ это, сказали бы, что я—деспотъ. Уполномочиваю васъ передать все это Пушкину, а также сказать ему, чтобъ онъ прислалъ ко мнѣ то, что хочетъ печатать. Я поручаю это вамъ, но прошу, чтобы по этому поводу не было лишнихъ разговоровъ. Я вѣдь не могу сдѣлаться единственнымъ цензоромъ всѣхъ пишущихъ: мнѣ пришлось бы проводить всю жизнь за чтеніемъ рукописей». Государь былъ очень въ духѣ.

«Я поѣхала къ Карамзинимъ, гдѣ застала Пушкина, который былъ въ восторгѣ отъ этого разговора. Я говорила съ нимъ съ глазу на глазъ въ углу гостиной, въ сторонѣ даже отъ Е. А. Карамзиной. Пушкинъ сказалъ мнѣ нѣчто удивившее меня: «Меня упрекаютъ въ томъ, что я преданъ государю. Думаю, что я его знаю, и знаю, что онъ понимаетъ все съ полуслова. Меня каждый разъ поражаетъ его пронизательность, его великодушіе и искренность. Послѣ одной изъ неприятностей, причиненныхъ мнѣ Катонемъ, я встрѣтилъ государя въ Лѣтнемъ саду, и онъ сказалъ мнѣ: «Продолжай излагать твои мысли въ стихахъ и въ прозѣ; тебѣ нѣтъ надобности золотить пилюлю для меня, но надо дѣлать это для публики. Я не могу позволить говорить всѣмъ то, что позволяю говорить тебѣ, потому что у тебя есть вкусъ и тактъ. Я убѣжденъ въ томъ, что ты любишь и уважаешь меня, и это взаимно. Мы понимаемъ другъ друга, а понимаютъ люди только тѣхъ, кого любить». Пушкинъ прибавилъ: «Меня очень трогаетъ его довѣріе; но я могу утратить его, если на меня будутъ клеветать». Я поспѣшила увѣрить его въ томъ, что государь много разъ говорилъ въ моемъ присутствіи, что Пушкинъ—не только великій поэтъ, и человѣкъ замѣчательнаго ума, но что это—человѣкъ честный, искренній, правдивый и вполне порядочный; на государя же не легко вліять. Пушкинъ вздохнулъ: «Онъ—наидовѣрчивѣйшій изъ людей, потому что самъ—человѣкъ прямой; а это-то и страшно: онъ вѣритъ въ искренность людей, которые часто его обманываютъ»¹⁾.

Нѣжная рука женщины, быть можетъ, смягчила нѣкоторыя подробности въ этомъ разсказѣ и тѣмъ придала ему излишне оптимистическій оттѣнокъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ общемъ А. О. Смирнова вѣрно изобразила положеніе вещей и своимъ живымъ умомъ и чуткимъ сердцемъ сочувственно поняла тѣ затрудненія особаго рода, въ какія былъ поставленъ Пушкинъ милостью государя. Напротивъ

¹⁾ Записки А. О. Смирновой. Ч. I. С.-Пб. 1895, стр. 178 и 179.

того, совершенно иными и недружелюбными глазами должны были смотрѣть на эти обстоятельства разные «случайные» люди, которыхъ Пушкинъ встрѣтилъ при дворѣ. Если Бенкендорфъ, по преданію—добрый и честный человѣкъ, еще могъ видѣть въ расположеніи, оказываемомъ поэту, только не совсѣмъ понятное нарушеніе обычнаго порядка, то такіе честолюбцы и искатели счастья, какъ С. С. Уваровъ и М. А. Корфъ, уже совершенно не въ состояніи были отнестись безъ корысти и зависти къ той исключительной, хотя и не видной, совершенно неофициальной роли, какая волею государя была предоставлена поэту. Извѣстно, что еще при жизни послѣдняго Уваровъ сталъ въ открытую къ нему вражду. Болѣе осторожно повелъ себя М. А. Корфъ: только много лѣтъ спустя по смерти Пушкина, въ своихъ воспоминаніяхъ, онъ составилъ противъ него обвинительный актъ, въ которомъ, опираясь на давнее знакомство и на знаніе разныхъ юношескихъ проказъ своего школьнаго товарища, еще усугубилъ жесткость сужденія, проявленную относительно поэта пресловутымъ «посредникомъ», представителемъ тайнаго надзора.

Въ виду тѣхъ жизненныхъ условий, среди которыхъ пришлось вращаться Пушкину въ тридцатыхъ годахъ, совершенно понятны безпокойствія его опасенія быть оклеветаннымъ во мнѣніи государя. Рѣчи не въ пользу поэта, безъ сомнѣнія, нерѣдко раздавались въ присутствіи императора; можно догадываться и о томъ, какія затрогивались теми для того, чтобы возстановить его противъ Пушкина. Пушкинъ съ признательностью принялъ дозволеніе представлять свои произведенія на непосредственную цензуру государя, мирился и съ неудобствами этой льготы, но не могъ не возмущаться тѣми непрерывными безтолковыми стѣсненіями, коимъ подвергалась вообще литература его времени со стороны цензуры. Его первая попытка сдѣлаться издателемъ газеты, относящаяся къ 1832—1833 годамъ, главнымъ образомъ имѣла цѣль доставить нѣкоторый просторъ печатной гласности, но по обстоятельствамъ онъ даже не рѣшился приступить къ осуществленію своего намѣренія. Въ 1836 году, предпринявъ изданіе Современника, онъ возвращается къ той же мысли и— снова встрѣчаетъ рядъ затрудненій: попытка напечатать въ журналѣ статью о Радищевѣ остается безъ успѣха; изъ записки Карамзина о древней и новой Россіи ему позволено издать только отрывки; полемическая статья князя Одоевскаго противъ Булгарина и Сенковского вовсе изъята изъ журнала. «Не знаю»,— писалъ Пушкинъ Д. Давыдову въ сентябрѣ 1836 года,— «чѣмъ провинились русскіе писатели, которые не только смиренны и безотвѣтны, но даже сами отъ себя слѣдуютъ духу правительства; но знаю, что никогда не бывали они притѣснены, какъ нынче, даже и въ послѣднее десятилѣтіе царствованія императора Александра, когда вся литература сдѣ-

лалась рукописною, благодаря Красовскому и Вирукову. Одно спасеніе намъ—если государь успѣетъ самъ прочитатъ и разрѣшить». Пушкинъ еще не терялъ надежды чего-нибудь достигнуть при личномъ своемъ объясненіи съ императоромъ Николаемъ, но разумѣется, приберегалъ этотъ способъ лишь для чрезвычайныхъ и крайне рѣдкихъ случаевъ,—попытки же коснуться въ бесѣдѣ съ государемъ общаго вопроса о цензурѣ оказывались совершенно безуспѣшными; такъ, осенью 1836 года молодому князю П. П. Вяземскому удалось слышать отъ Александра Сергѣевича признаніе такого рода: «Въ прошломъ году я говорилъ государю на балѣ, что царствованіе его будетъ ознаменовано свободой печати, что я въ этомъ не сомнѣвался. Императоръ разсмѣялся и отвѣчалъ, что онъ моего убѣжденію не раздѣляетъ» ¹⁾. Государь прервалъ разговоръ любовною шуткой, но и изъ этой шутки Пушкинъ долженъ былъ заключить, что представители противнаго ему образа мысли уже успѣли овладѣть царскимъ мнѣніемъ. М. А. Корфъ, безъ сомнѣнія, зналъ, что первоначально поэтъ пользовался большимъ довѣріемъ государя, но вся его записка разчитана на то, чтобы показать, что это довѣріе было ошибкой, и что съ годами державный покровитель Пушкина естественно долженъ былъ отступиться отъ него.

До сихъ поръ остается нераскрытою вся та путаница интригъ, среди которыхъ Пушкинъ прожилъ послѣдніе мѣсяцы своей жизни. Не такъ важна семейная сторона печальнаго дѣла, приведшаго его къ могилѣ, какъ сторона общественная; а между тѣмъ, именно о ней-то мы знаемъ всего менѣе. Когда скончался поэтъ, его поклонники должны были молчать, тогда какъ люди, къ нему не расположенные, сочли долгомъ высказать свое сужденіе о немъ. Фельдмаршалъ Паскевичъ, извѣщенный о смерти Пушкина, написалъ императору Николаю 19-го февраля изъ Варшавы слѣдующее: «Жаль Пушкина, какъ литератора—въ то время, когда его талантъ созрѣвалъ; но человекъ онъ былъ дурной». Паскевичъ не любилъ Пушкина, и теперь, когда поэтъ былъ уже въ могилѣ, онъ не затруднился выразить ему свое порицаніе предъ самимъ государемъ. По всему вѣроятію, Паскевичъ зналъ, что въ Петербургѣ взгляды стали мѣняться, и что порицаніе будетъ принято безъ гнѣва. И дѣйствительно, онъ имѣлъ внутреннее удовлетвореніе прочесть въ отвѣтномъ письмѣ императора слѣдующія строки: «Мнѣніе твое о Пушкинѣ я совершенно раздѣляю, и про него можно справедливо сказать, что въ немъ оплакивается будущее, а не прошедшее» ²⁾.

Нельзя не сопоставить этихъ словъ съ рассказомъ, который привелъ М. А. Корфомъ въ заключеніе его воспоминаній, и который, въ свою

¹⁾ Собраніе сочиненій князя П. П. Вяземскаго, стр. 545.

²⁾ Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, т. I, стр. 106 и 107 (1896 г.).

очередь, долженъ быть сближенъ съ запросомъ Бенкендорфа, сдѣланнымъ Пушкину въ октябрѣ 1829 года, по его возвращеніи съ Кавказа ¹⁾. Запросъ былъ сдѣланъ отъ имени государя, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что инициатива его принадлежала самому Бенкендорфу; по крайней мѣрѣ, когда, въ концѣ того же 1829 года, императоръ Николай встрѣтилъ Пушкина у фрейлины А. О. Россети (впослѣдствіи Смирновой), онъ обошелся съ нимъ чрезвычайно ласково и не выразилъ никакого неудовольствія по поводу кавказской побѣдки поэта. Такимъ образомъ оказывается, что она была поставлена Пушкину въ вину лишь впослѣдствіи, и можетъ быть, не безъ участія Паскевича, который негодовалъ на Александра Сергѣевича за его сношенія съ сосланными на Кавказъ декабристами.

Извѣстно, что въ предсмертные дни поэта императоръ Николай не переставалъ выражать ему свою милость; но по прошествіи десяти лѣтъ съ его кончины, когда ушло въ даль обаяніе его личности, образъ поэта затуманился въ памяти государя, а непріатели Пушкина постарались пробудить въ душѣ царя то же недоверіе, съ какимъ опальный былъ встрѣченъ имъ при первомъ свиданіи въ Кремлевскомъ дворцѣ въ сентябрѣ 1826 года. И эта цѣль была достигнута: когда, въ 1852 году, въ Императорскую Публичную Библиотеку было приобретено Погодинское древлехранилище, и императору Николаю было доложено, что въ составѣ его находятся между прочимъ автографы Пушкина и Гоголя, памятники отечественной литературы съ ея самыми дорогими именами, государь подчеркнул эти слова и—прибавляетъ достовѣрный современникъ—«съ боку поставилъ достаточное количество вопро- сительныхъ и удивительныхъ знаковъ» ²⁾. Въ подобныхъ фактахъ, свидѣтельствующихъ о рѣшительной перемѣнѣ во взглядѣ государя, заключается простѣйшее объясненіе его разсказа о Пушкинѣ, которымъ М. А. Корфъ въ заключеніе своихъ воспоминаній желалъ произвести особенно сильное впечатлѣніе на своихъ читателей.

Вообще намъ кажется, что М. А. Корфъ, человекъ, которому никакъ нельзя отказать въ умѣ, и особенно въ умѣ практическомъ, сдѣлалъ большую ошибку, постаравшись придать своимъ воспоминаніямъ о Пушкинѣ столь односторонне-враждебное направленіе: вслѣдствіе того они получили значеніе только какъ сводъ тѣхъ наговоровъ, которые распространялись про Пушкина еще при его жизни, но едва ли кто повѣритъ ихъ правдивости въ настоящее время, когда мы знаемъ о поэтѣ уже довольно много изъ разныхъ надежныхъ источниковъ; за то нельзя не сказать, что составленіемъ этихъ воспоминаній М. А. Корфъ далъ возможность заглянуть въ его собственную душу съ самымъ тяжелымъ чувствомъ.

Л. Майковъ.

¹⁾ См. переписку между Бенкендорфомъ и Пушкинымъ, напечатанную въ майской книжкѣ Русской Старины за текущій годъ.

²⁾ Н. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XII, стр. 350.

А. С. Пушкинъ и Н. И. Бухаровъ.

жизни Пушкина въ Михайловскомъ біографы говорятъ обычно, что поэтъ тамъ скучалъ, отъ скуки развѣзжалъ по сосѣднимъ помѣстьямъ, веселился съ помѣщиками и волочилъ за мѣстными красавицами. А кто они такіе эти помѣщики, когда Пушкинъ съ ними познакомился,—объ этомъ ничего не извѣстно. Дѣло собственно ограничивается однимъ Тригорскимъ и его обитательницами. На самомъ же дѣлѣ кругъ знакомыхъ Пушкина былъ весьма обширный.

Между прочимъ въ бытность свою въ Михайловскомъ Пушкинъ «весьма часто» ѣздилъ въ с. Михалево къ своему пріятелю, Н. И. Бухарову, владѣльцу имѣнія. Когда въ Михалевѣ бывалъ Пушкинъ, туда же «обычно» пріѣзжалъ и другой сосѣдъ и пріятель Пушкина А. Н. Карамышевъ.

Время проводили весело, какъ умѣли и могли проводить его наши помѣщики въ старое время. Кутили, катались по озеру, любовались восхитительными окрестностями Вышгорода.

Пушкинъ былъ, какъ всегда, очаровательнымъ собесѣдникомъ, свою рѣчь пересыпалъ стихами и остроумными словцами. Но любилъ часто уединяться въ паркѣ и сидѣть тамъ на каменномъ диванѣ подъ дубомъ на берегу озера. Библиотека Бухаровыхъ, современная Пушкину, сгорѣла; изъ вещей, имѣющихъ отношеніе къ поэту, остался только каменный диванъ.

Вотъ свѣдѣнія, которыя получены отъ Е. А. Миллеръ и О. Н. Бухаровой. Имъ выражаю глубокую благодарность за сообщеніе ихъ. Елизавета Александровна Миллеръ, дочь А. Н. Карамышева, теперь глубокая старушка, была въ то время еще дѣвочкой; самого Пушкина

не видѣла и передаетъ все это какъ преданіе, свято хранимое въ ихъ родѣ.

Я дважды посѣтилъ этотъ мало извѣстный Пушкинскій уголокъ. Имѣніе Михалево расположено приблизительно въ верстѣ отъ погоста Вышгорода и верстахъ въ 60—70 отъ Михайловскаго, въ Порховскомъ уѣздѣ. Вся эта мѣстность самая возвышенная и вѣроятно самая красивая во всей Псковской губерніи.

Верстахъ въ десяти отъ Михалева находится и самая высокая точка всей Валдайской возвышенности, гора Судомы ¹⁾, упоминаемая и въ учебникахъ географіи.

Имѣніе Михалево лежитъ на берегу озера, вдоль котораго тянется паркъ, гдѣ гулялъ Пушкинъ. Теперь онъ заглохъ, превратился въ лѣсъ. О бывшей культурѣ его напоминаетъ небольшой, приблизительно въ аршинъ, земляной валикъ, отдѣляющій паркъ во всю его длину отъ самаго озера. Въ концѣ парка озеро дѣлаетъ изгибъ, луку, а паркъ заканчивается небольшимъ полуостровомъ. Здѣсь-то, у этого лукоморья и росъ въ былыя времена тотъ «дубъ зеленый», подъ которымъ поэтъ уединялся. Отъ него остался теперь одинъ только пенъ. Срубили его раскольники, которымъ въ недавнее время продано Михалево. Мѣстная интеллигенція утверждаетъ, что дубъ былъ грандіозныхъ размѣровъ. О томъ же говорить и громадный діаметръ оставшагося пня.

Къ счастью еще не добрались до каменнаго дивана. Онъ и до настоящаго времени сохранился въ томъ видѣ и положеніи, какъ и при Пушкинѣ. Высѣченъ онъ изъ большаго булыжника, который подни-

---

¹⁾ Съ этой горой связана извѣстная всѣмъ псковичамъ наивная поэтическая легенда.

Въ старыя-де времена на Судому съ неба спускалась цѣпь. Тяжущіеся приходили сюда судиться, и правый изъ нихъ цѣпь доставалъ, а отъ виноватаго она уходила. Но потомъ цѣпь совсѣмъ ушла въ небо: Богъ разсердился, будучи обманутъ однимъ человекомъ. Дѣло было такъ. Этотъ недобрый человекъ укралъ у другаго деньги. Передъ тѣмъ, какъ идти на Судому къ цѣпи, онъ спряталъ деньги внутрь своей палки, просверливъ въ ней отверстіе. Когда явились оба на Судому, сначала подошелъ къ цѣпи правый и цѣпь досталъ. Послѣ этого украшій деньги попросилъ его поддержать палку, пока онъ будетъ доставать цѣпь. Вместе съ палкой у пострадавшаго оказались и деньги. Поэтому и воръ досталъ цѣпь. А потомъ онъ опять взялъ палку съ деньгами обратно. Цѣпь была обманута; Богъ разсердился и взялъ цѣпь на небо. Къ этой легендѣ, вѣроятно, имѣетъ отношеніе и самое названіе горы. Судомы, судъ, домъ, судъ дома. Не нужно, слѣдовательно, ходить далеко къ судьямъ, судъ у насъ дома, у себя, свой судъ, онъ же и Божій судъ.

Около Судомы протекаетъ небольшая рѣчка Судомы, которая въ древности называлась Судомиръ и была, вѣроятно, довольно большою, потому что по ней шелъ торговый путь изъ Новгорода въ Полоцкую землю.

мается изъ земли. Имѣеть спинку и двѣ какъ бы ручки. Вообще похожъ на земляные диваны изъ дерна. На немъ могутъ помѣститься человѣка три въ рядъ.

Вышгородъ, окрестностями котораго Пушкинъ любовался, представляеть изъ себя село или погостъ. Прежде онъ былъ небольшою крѣпостью, городищемъ. Объ этомъ говорить и самое названіе. Остатки искусственной насыпи на высокой горѣ сохранились и теперь. Во время Пушкина въ Вышгородѣ была одна церковь. Теперь на мѣстѣ древняго укрѣпленія Бибиковыми построена новая прекрасная церковь въ романо-византійскомъ стилѣ. Поставленная на высокой горѣ и сама очень высокая, она издалека производитъ эффектное впечатлѣніе. Съ ея колокольни въ свою очередь открывается необозримый горизонтъ. Самую достопримѣчательностію храма является рѣзной изъ розоваго кипариса иконостасъ работы Боголюбова. До установки въ этой церкви онъ былъ между прочимъ на Вѣнской художественной выставкѣ. Другой иконостасъ изъ чернаго дуба въ русскомъ стилѣ. Всѣ иконы—художественной работы. Есть, напримѣръ, хорошая копія съ «Моленіе о чашѣ» Бруни.

При другой церкви находится замѣчательная, можетъ быть единственная по величинѣ библіотека для народнаго чтенія. Она устроена и ежегодно пополняется г. Поповымъ, преподавателемъ Кронштадтскаго морскаго техническаго училища, въ память безвременно умершей дочери его Александры, похороненной здѣсь. Дѣйствительно, этотъ человѣкъ увѣковѣчилъ имя своей любимой дочери, потому что на каждой книгѣ вы видите штампель: «библіотека въ память дочери г.г. Поповыхъ Александры».

Вообще, вся эта мѣстность и по красотѣ и по своимъ преданіямъ и достопримѣчательностямъ оставляетъ самое отрадное и пріятное воспоминаніе.

Теперь перейдемъ къ самому Н. И. Бухарову, бывшему владѣльцу Михалева, пріятелю Пушкина. Эта личность должна быть дорога и интересна для насъ уже и по тому одному, что она связана съ именами нашихъ двухъ гениальныхъ поэтовъ.—Съ Пушкинымъ онъ былъ пріателемъ, а у Лермонтова къ нему обращены два стихотворенія. Эти стихотворенія, съ одной стороны, говорятъ о теплыхъ дружескихъ отношеніяхъ Лермонтова и Бухарова, съ другой—немногими, но выразительными штрихами характеризуютъ «столѣтня прошлаго обломокъ, пировъ и битвы гражданина».

Вотъ эти стихи:

Къ портрету стараго гусара. (Н. И. Бухарову).

Смотрите, какъ летить, отвагою пылая...
Порой обманчива бываетъ сѣдина:

Такъ жмомъ покрытая бутылка въковая
Хранить струю кипучаго вина.

Къ Н. И. Бухарову.

Мы ждемъ тебя, спиши, Бухаровъ,
Брось царскосельскихъ соловьевъ!
Въ кругу товарищей гусаровъ
Обычный кубокъ твой готовъ.
Для насъ въ бесѣдѣ голосистой
Твой смѣхъ пріятнѣй соловья,
Намъ милъ и усъ твой серебристый,
И трубка плоская твоя;
Намъ дорога твоя отвѣга.
Огнемъ душа твоя полна,
Какъ вновь раскупоренная влага
Въ бутылкѣ стараго вина.
Столѣтъя прошлаго обломокъ,
Межъ насъ остался ты одинъ,
Гусаръ прославленныхъ потомокъ,
Пировъ и битвы гражданнѣ.

Родовитѣй, богатѣй, статнѣй красавецъ, отважнѣй лейбъ-гусаръ, послѣднѣй могиканъ — герой двѣнадцатаго года, несмотря на сѣдину, веселѣй, съ душою полною огня, — Николай Ивановичъ пользовался всеобщими симпатіями. Товарищи лейбъ-гусары охотно посѣщали его родовое имѣніе. До самаго послѣдняго времени въ Михалевѣ на берегу озера въ паркѣ стояла хорошенькая бесѣдка съ надписью: «моимъ товарищамъ лейбъ-гусарамъ». Воздвигнута она была въ память одного изъ такихъ посѣщеній. Семейное и мѣстное преданіе утверждаетъ, что въ числѣ тѣхъ лейбъ-гусаровъ, которымъ посвящена бесѣдка, былъ и Лермонтовъ. Въ настоящее время раскольники перенесли бесѣдку на противоположную сторону дома и перестроили ее такъ, что она стала совершенно неузнаваема. А на томъ мѣстѣ, гдѣ она стояла раньше, теперь красуются обычные крестьянскія бани.

Знакомство Пушкина съ Бухаровымъ относится къ лицейскому періоду жизни поэта, когда лицеисты послѣднихъ курсовъ принимали дѣятельное участіе въ гусарскихъ пирушкахъ. Въ это время, какъ извѣстно (Анненковъ), Пушкинъ приобрѣлъ среди лейбъ-гусаровъ много друзей и знакомыхъ. По выходѣ изъ лицея, онъ мечталъ поступить въ лейбъ-гусарскій полкъ, и только ограниченныя средства отца заставили его пойти по гражданской службѣ.

Тамошніе крестьяне и до настоящаго времени хранятъ благодарную память о Бухаровыхъ: называютъ ихъ добрыми боярами. Извѣстно, что названіе «добры баринъ» въ приложеніи къ помѣщикамъ крѣпостнаго права имѣетъ у крестьянъ совершенно опредѣленный смыслъ. Такимъ

добрымъ словомъ поминають крестьяне и Пушкина. Для мужиковъ «добрымъ бариномъ» былъ тотъ, который не «безвѣчилъ», какъ они говорили, своихъ людей поркой и непосильной «барщиной». Въ то время, когда въ крестьянахъ затруднялись признать человѣческое достоинство, такія личности были рѣдчайшими исключеніями. Бухаровъ, говорятъ, не выносилъ стонать крестьянъ подъ розгой; поэтому его крѣпостныхъ не наказывали. Однако это еще не все.—За озеромъ, противъ Михалева находилось имѣніе помѣщика Мягкова, который нещадно сѣкъ своихъ людей. Вопли и стоны несчастныхъ неслись по озеру до самаго Михалева. Когда здѣсь былъ Бухаровъ, онъ обычно посылалъ къ Мягкову съ просьбой прекратить наказаніе. Фактъ во всякомъ случаѣ замѣчательный.

Сообщилъ П. П. Левицкій.

Еъ біографіямъ А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго.

Письмо Ив. Ив. Дмитріева—П. П. Свиньину.

23-го марта 1837 г. Москва.

Увѣренъ, почтенный Павелъ Петровичъ, что посѣщеніе мое васъ было бы вамъ не въ тягость; увѣренъ, равно и въ томъ, что и знакомая мнѣ Костромская дорога и пребываніе въ домашнемъ быту образованнаго и любезнаго хозяина, давно уже испытаннаго въ постоянной пріязни, доставило бы мнѣ удовольствіе и умственное, и сердечное. А нашему брату, старику, только въ отраду и остается доживать этимъ запасомъ.

Но справка съ календаремъ, разстояніе отъ Москвы едва ли не 400 верстъ, признаюсъ вамъ, нѣсколько меня пугнула; однакожь не хочу отчаиваться въ исполненіи моего желанія, только еще не смѣю назначить срока; ибо прежде того хотѣлось бы еще побывать въ Петербургѣ.

Вы не ошиблись, любезный Павелъ Петровичъ. Катастрофѣ Пушкина отдался въ моемъ сердцѣ, и я же обязанъ былъ объявлять о томъ бѣдному отцу его!

Вчера В. А. Жуковской прислалъ мнѣ въ подарокъ новое изданіе въ 8-ми томахъ его твореній и переводъ его гексаметромъ прелестной повѣсти, хотя и въ прозѣ, по истинѣ поэтической Ундины, Ламота-Фукѣ, извѣстнаго вамъ нѣмецкаго писателя.

Добрый Жуковской пишетъ ко мнѣ, что, при разборѣ имъ бумагъ Пушкина, найдены имъ уже въ отдѣлѣ двѣ прекрасныя піесы въ стихахъ: Медный конь (Мѣдный всадникъ) и Каменный гость (Донъ-Жуанъ), которыя и будутъ напечатаны въ «Современникѣ»; множество отрывковъ въ стихахъ и прозѣ и собранныя матеріалы для Исторіи Петра Великаго. Все это будетъ издано.

Вотъ вамъ послѣдняя новость изъ Петербурга, а по Москвѣ на-капливаются только помолвки жениховъ съ невестами, но это для обонхъ насъ постороннее дѣло.

И такъ, остается желать мнѣ продолженія ко мнѣ вашей пріязни и просить васъ и милостивую государыню Надежду Аполлоновну, принять искреннее увѣреніе въ душевномъ почтеніи и преданности, съ коими къ обонимъ имѣю честь пребыть навсегда, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга.

Записка баварца о Россіи временъ императора Павла¹⁾.

(Переводъ съ французской рукописи).

II.

Личность императора Павла и его правительственная система.— Графы Растопчинъ и Кутайсовъ.— Г-жа Шевалье.— Печальное положеніе императрицы Маріи.— Нелидова и кн. Лолухина.— Жестокость и подозрительность императора.— Великіе князья Александръ и Константинъ.— Характеристика графовъ Растопчина и Панина.— Высшія лица государственнаго управленія.— Дипломатическій корпусъ при петербургскомъ дворѣ.— Отношенія къ нему императора Павла.

Все, что до сихъ поръ было сказано въ этой запискѣ, показываетъ, что въ Россіи—только одно дѣйствующее начало, только одна воля, только одна личность. Эта личность—императоръ. Этотъ государь—самый неограниченный деспотъ, когда-либо существовавшій. То, что онъ чувствуетъ, то, что онъ желаетъ,— въ Петербургѣ является принципомъ всякаго чувства, всякаго желанія. Этотъ государь, съ природнымъ большимъ умомъ, съ благороднымъ, великодушнымъ и даже нѣжнымъ сердцемъ, принужденный 30 лѣтъ сдерживать свои чувства и скрывать свои намѣренія, лишь только сталъ повелителемъ, какъ успѣвши проявить свою личность: сжимаемая такъ долго пружины распрямились съ ужасающей силой.

Смерть его отца произвела на него неизгладимое впечатлѣніе: покойная императрица внушала ему нѣчто въ родѣ ужаса²⁾. Его угнетала

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1899 г.

²⁾ Императоръ Павелъ, къ счастью своему, разстался съ этимъ впечатлѣніемъ, найдя въ бумагахъ своей матери, послѣ восшествія на престолъ, письмо въ ней графа Алексѣя Орлова, напечатанное въ «Арх. кн. Воронцова», XXI, 93.

мысль, что онъ никогда не вступитъ на престолъ, его существованіе казалось ему загадкой. Нѣсколько разъ онъ высказывался по этому поводу своимъ близкимъ друзьямъ. Однажды онъ сказалъ графинѣ Розенбергъ, съ которой онъ познакомился во время путешествія своего по Европѣ: «Меня никогда не допустятъ взойти на престолъ, и я на это не стану рассчитывать, но если судьба меня доведетъ до него, не удивляйтесь тому, что, какъ вы увидите, я сдѣлаю; вы знаете мое сердце, но вы не знаете этихъ людей (т. е. русскихъ), а я знаю, какъ нужно ими управлять».—Я привожу этотъ анекдотъ со словъ графа Гаугвица ¹⁾, который его слышалъ отъ самой графини Розенбергъ.

Едва вступивъ на престолъ, Павелъ I высказалъ свое отвращеніе къ событіямъ 1762 г.: онъ хотѣлъ предупредить пагубныя слѣдствія закона Петра Великаго о порядкѣ престолонаслѣдованія. Предоставленіе свободной воли государя выбора ему преемника подвергало имперію дѣйствию непрерывныхъ заговоровъ честолюбцевъ. Личность государя дѣлала предметомъ всякихъ происковъ и интригъ. Можно было воспользоваться минутой слабости или заблужденія, выждать послѣднія минуты, когда ослабѣвшее тѣло уничтожаетъ власть разсудка, когда всѣ впечатлѣнія внушаются окружающими, часто вѣроломными и всегда честолюбивыми, для того, чтобы лишить законнаго наслѣдника его правъ и ввергнуть государство въ бездну тревогъ, которыя являются слѣдствіемъ разнородныхъ требованій. Дѣйствительно, взгляните на исторію Россіи послѣ Петра Великаго. Вы въ ней увидите полный беспорядокъ, постоянную неправильность въ выборѣ наслѣдниковъ короны, перешедшей сперва къ вдовѣ, затѣмъ къ внуку, затѣмъ къ родственницѣ другой вѣтви, затѣмъ къ ребенку изъ этой же вѣтви, наконецъ въ лицѣ Елисаветы вернувшейся къ поколѣнію Петра I, чтобы затѣмъ стать предметомъ страшныхъ несогласій между Петромъ III и его супругой. Извѣстны событія—безчисленныя революціи, ознаменовавшія эти различныя эпохи. Законъ великаго государя былъ самъ по себѣ преступенъ и по меньшей мѣрѣ такъ же вреденъ для Россіи, какъ существовавшая когда-то установленная Владиміромъ удѣльная система, которая, раздробляя и ослабляя силы имперіи, привела ее, беззащитную, къ татарскому игу.

Павелъ I, боявшійся повторенія событій 1762 года, началъ съ установленія закона, на подобіе салическаго, отстраняющаго женщинъ отъ наслѣдованія престола и передающаго его неизмѣнно старшему изъ мужчинъ въ родѣ.

Императоръ выказалъ себя благодарнымъ къ тѣмъ, кто былъ привязанъ къ нему въ то время, когда онъ былъ великимъ княземъ. Кура-

¹⁾ Прусскаго министра, руководившаго въ то время внѣшней политикой Пруссіи при слабомъ королѣ Фридрихѣ-Вильгельмѣ III.

кины получили первыя должности ¹⁾), Растопчинъ ²⁾ былъ выдвинуть и впоследствии вознесъ до высшей степени свое значеніе и свое благосостояніе.

Восшествіе на престолъ императора Павла ознаменовано было также нѣсколькими актами справедливости. Польскій король ³⁾ былъ приглашенъ явиться въ Петербургъ, помѣщенъ въ Мраморномъ дворцѣ, и съ нимъ обходились съ особеннымъ уваженіемъ; послѣ смерти короля, тѣлу его воздавали почести 19.000 солдатъ, которыми командовалъ самъ императоръ. Костюшко былъ освобожденъ изъ тюрьмы и осыпанъ милостями которыя заслуживали бѣльшей благодарности съ его стороны ⁴⁾. Такова была глубокая чистота намѣреній Павла I, что онъ не возражалъ противъ того, чтобы Польша была предоставлена сама себѣ, и можетъ быть, даже исполнилъ бы этотъ планъ, если бы могъ дѣйствовать одинъ. Князь Безбородко ⁵⁾ управлялъ иностранными дѣлами и былъ осыпанъ милостями и почестями.

Вскорѣ Куракины, остерегаясь крайней рѣзкости характера императора, всегда существовавшей, но болѣе или менѣе сдерживаемой, пытались образовать партію, во главѣ которой хотѣли поставить императрицу, и для исполненія своего плана пользовались поддержкой г-жи Нелидовой. Графъ Кутайсовъ ⁶⁾ турецкій рабъ, взятый при Очаковѣ и впоследствии приставленный къ государю, который, велѣвъ воспитать его,

¹⁾ Князь Александръ Борисовичъ (1752—1818), вице-канцлеръ, и князь Алексѣй Борисовичъ (1759—1826), генераль-прокуроръ. Особой дружбой Павла Петровича пользовался кн. Александръ, бывший при немъ съ отроческихъ его лѣтъ.

²⁾ Графъ Федоръ Васильевичъ Растопчинъ (1763—1826), знаменитый московскій генераль-губернаторъ 1812 г., еще при жизни Екатерины, называвшей его «сумасшедшимъ Федькой», успѣлъ привлечь на себя вниманіе Павла; въ день восшествія своего на престолъ императоръ назначилъ его своимъ генераль-адъютантомъ и поручилъ ему дѣла военной коллегіи.

³⁾ Станиславъ-Августъ († 1798), послѣ окончательнаго раздѣла Польши жившій въ Гроднѣ, подъ наблюденіемъ кн. Репнина.

⁴⁾ Костюшко, послѣдній защитникъ независимости Польши, взятый въ плѣнъ въ битвѣ при Мадювцахъ, по освобожденіи своемъ изъ плѣна, отправился въ Америку и оттуда, при грубомъ письмѣ, возвратилъ императору Павлу пожалованныя имъ ему деньги.

⁵⁾ Князь Безбородко скончался въ 1799 г. Изъ ближайшихъ сотрудниковъ Екатерины онъ былъ единственный, кто приобрѣлъ довѣріе новаго императора, благодаря гибкости своего характера и поддержкѣ императрицы Маріи Феодоровны и Нелидовой. Подозрѣвали, что онъ передалъ Павлу для уничтоженія завѣщаніе Екатерины объ усугубленіи его отъ наследованія престола.

⁶⁾ Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ († 1834 г.) началъ свою карьеру въ царствованіе императора Павла въ качествѣ его камердинера, а чрезъ 4 года послѣ того кончилъ ее графомъ и Андреевскимъ кавалеромъ, въ званіи оберъ-штабмейстера.

сдѣлалъ изъ него своего камердинера и довѣренное лицо, — разоблачилъ этотъ заговоръ, предупредилъ императора и предотвратилъ ударъ.

Исторія графа Кутайсова вообще извѣстна. Это одинъ изъ тѣхъ примѣровъ чрезвычайнаго счастья, которые встрѣчаются только при деспотическихъ правленіяхъ. Кутайсовъ обладаетъ ловкостью людей его національности, хитростью и прекраснымъ знаніемъ сердца своего господина. Онъ ни золь, ни мстителенъ, но онъ лишенъ всякаго понятія о величіи и не способенъ къ планамъ, достойнымъ того вліянія, которымъ онъ пользуется, и могущества государя, которому служить. Онъ очень противится партіи коалиціи, а такъ какъ графъ Раstopчинъ все свое значеніе основываетъ главнымъ образомъ на Кутайсовѣ, то можно себѣ составить представленіе о твердости этой партіи, и о средствахъ, которыми она можетъ пользоваться, чтобы обойти государя! Искали причину быстрой перемѣны, происшедшей въ государѣ касательно его политическихъ взглядовъ. Безъ сомнѣнія вопросъ о Пиемонтѣ, различіе въ предложеніяхъ объ эвакуаціи Швейцаріи, упорство Пруссіи въ сохраненіи своей системы нейтралитета. — начали уже внушать ему отвращеніе, и уже 26-го сентября, когда онъ обнародовалъ знаменитую декларацію членамъ Германской имперіи, у него зародилось намѣреніе отказаться отъ коалиціи. Но, кажется, естественно предположить, что существовали и другія причины отдаленія императора отъ его союзниковъ и что, по крайней мѣрѣ, въ его домашней жизни вліятельныя особы были заняты развитіемъ чувства этого отчужденія и довели его до того состоянія, въ которомъ оно теперь находится. Нѣкоторые лица, хорошо знающія страну, считаютъ, что имѣютъ глубокія основанія думать, что Кутайсовъ особенно вліялъ въ этомъ дѣлѣ, и что къ этому онъ былъ подстрекаемъ своей любовницей, госпожей Шевалье, актрисой французскаго театра. Эта госпожа Шевалье стала въ Петербургѣ очень значительной личностью. Ея положеніе любовницы любимца доставляло ей уваженіе и почести отъ толпы интригановъ и честолюбцевъ, среди которыхъ находились люди самаго высокаго полета, которые не краснѣя выпрашивали ея покровительства и обращались къ ней съ самыми позорными просьбами. Въ спектакляхъ, которые она давала въ свои бенсфисы, графъ Шереметевъ, оберъ-камергеръ, платилъ каждый разъ по 3.000 р. за ложу. Золото и подарки сыпались на нее; даже государь нѣсколько разъ дѣлалъ ей прекрасные подарки, хотя совершенно невѣрно то, что будто онъ хотѣлъ этимъ воспользоваться, какъ объ этомъ рассказывали.

Сначала императрица старалась удалить г-жу Шевалье, но такъ какъ Кутайсовъ къ ней привязанъ, то она находится въ безопасности отъ всякаго преслѣдованія, и самъ императоръ предоставилъ въ ея распоряженіе ложу въ Эрмитажѣ и разрѣшилъ ей играть для публики. Госпожа Шевалье красива и изящна; она жила раньше въ Лионѣ и Гамбургѣ, откуда и прибы-

ла въ Петербургъ. Ея мужъ, большой негодай, былъ другомъ Колло д'Эрбуа и помогалъ ему во время памятнаго лонскаго разстрѣливанія. Этотъ гнусный человѣкъ, умъ котораго направлепъ только ко злу, имѣеть между тѣмъ вліяніе на свою жену, что можетъ повести къ тому, что она станетъ опаснымъ оружіемъ въ его рукахъ. Гаугвицъ, хорошо знающій ее, разсказалъ мнѣ эти подробности ея жизни, за точность которыхъ онъ ручается. Онъ разсказалъ мнѣ, что во время послѣдняго путешествія покойнаго прусскаго короля въ Пирмонтъ, Шевалье прибылъ туда со своей женой и дѣлалъ невозможное, чтобы король или Гаугвицъ привязались къ ней. Ихъ сношенія съ французскими демократами были извѣстны: Гаугвицъ подозрѣвалъ это и счумгълъ ихъ отстранить. Эти самые люди въ настоящее время въ Петербургѣ держатъ въ своихъ рукахъ источникъ милостей и являются хранителями государственныхъ тайнъ. Шевалье, раньше посредственный танцоръ, сталъ теперь балетмейстеромъ его императорскаго величества съ чиномъ коллежскаго ассесора и въ своемъ безстыдствѣ дошелъ до того, что высказываетъ надежду на получение Мальтійскаго креста. Кто можетъ поручиться, что онъ его не получитъ? Кутайсовъ вѣдь получилъ.

По этому положенію, по извѣстнымъ сношеніямъ Шевалье, по всемогущему вліянію его жены на Кутайсова и послѣдняго на императора, можно дѣлать много догадокъ. Кутайсовъ каждый вечеръ является къ Шевалье и возвращается затѣмъ во дворецъ, гдѣ онъ занимаетъ апартаменты, ранѣе занимаемые любимцами императрицы. Эти апартаменты находятся подъ императорскими и соединены съ ними потаенной лѣстницей, такъ что государь и любимецъ могутъ видѣться ежеминутно.

Въ концѣ копцовъ, благодаря Кутайсову, Куракины, изъ которыхъ одинъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а другой—генераль-прокуроромъ, были сосланы и потеряли свои мѣста; Нелидова была выслана, а императрица совершенно потеряла съ этихъ поръ всякое вліяніе на императора и всякое его довѣріе. Эти событія усилили власть Кутайсова, и онъ уже не переставалъ пользоваться полнѣйшимъ довѣріемъ императора, котораго онъ никогда не покидаетъ. Государь далъ ему послѣдовательно всѣ чины, званіе оберъ-штабмейстера Россійской Имперіи и наградилъ его орденами Мальтійскимъ, Св. Александра Невскаго и Св. Анны.

Съ этого времени императрица играетъ только очень незначительную роль; эта государыня не обладаетъ особымъ умомъ, безхарактерна и имѣеть рѣшительную склонность къ маленькимъ интригамъ и къ домашнимъ сплетнямъ. Ея особенная любовь къ принцу Фердинанду, ея брату, сдѣлала ее совершенной австріячкой ¹⁾. Это чувство ея является

¹⁾ Принцъ Фердинандъ Виртембергскій находился на австрійской службѣ.

въ настоящее время лишнимъ поводомъ къ немилости ея супруга. До сихъ поръ императоръ былъ образцовымъ супругомъ и отцомъ; восторженная чувствительность доводила его даже донеестественности въ выраженіяхъ супружеской и родительской нѣжности. Но его умъ, пораженный идеей заговоровъ, въ существованіе которыхъ умѣли заставить его убѣдиться, не кажется способнымъ отдѣлаться отъ страха, и такимъ образомъ тѣ же лица, которыя отдалили его отъ императрицы, успѣли создать ему новыя связи и связать его новыми путами.

Привязанность его къ Нелидовой была вполнѣ платонической: это былъ союзъ душъ и мыслей. Эта дѣвица очень некрасива, но умна и со способностями. Кутайсовъ чувствовалъ, что, втянувъ императора въ болѣе серьезную связь, онъ его еще больше отдалитъ отъ императрицы, вліянія которой онъ все еще боялся. Онъ обратилъ его взоры на княжну Лопухину ¹⁾, дочь князя Лопухина, замѣнившаго генераль-прокурора Куракина. Эта молодая особа обладаетъ довольно приятнымъ лицомъ, прекрасными черными глазами и свѣжестью молодости; ей приписываютъ мало ума, но она высказываетъ много темперамента. Она долго противилась домогательствамъ императора: его ухаживанія ей льстили, но ея самолюбіе не было настолько сильно, чтобъ она могла отвѣчать на любовь, которую онъ къ ней питалъ. Между тѣмъ, она съ каждымъ днемъ постепенно овладѣвала умомъ императора, и когда Кутайсовъ испыталъ минуту немилости, ей удалось заставить призвать его снова и разсѣять тучи, скопившіяся надъ нимъ. Съ этой минуты Кутайсовъ всячески заботился о томъ, чтобы еще болѣе сблизить ее съ императоромъ. Онъ заручился содѣйствіемъ ея отца: это было самымъ легкимъ дѣломъ. Послѣдній, низкій придворный, какъ почти всѣ русскіе, употребилъ все свое значеніе, все свое вліяніе на свою дочь. Тѣмъ не менѣе Лопухина долго сопротивлялась. Во время пребыванія двора въ Павловскѣ прошлымъ лѣтомъ, она получила большой Мальтійскій крестъ и первое мѣсто послѣ княженъ царской крови. Императоръ осыпалъ ее милостями; однако она не могла спасти отца отъ немилости, его постигшей. Онъ былъ назначенъ генераль-прокуроромъ на мѣсто князя Куракина и былъ замѣщенъ Беклешовымъ, также получившимъ свою отставку въ теченіе февраля 1800 г. Обольяниновъ былъ его преемникомъ. Это четвертый генераль-прокуроръ въ теченіе царствованія Павла I. Генераль-прокуроръ по значенію своему—министръ внутреннихъ дѣлъ.

Императоръ, въ любви, какъ и въ ненависти, доходящій до крайности, вскорѣ наскучилъ княжнѣ Лопухиной. Она также высказывала и испытывала тревогу за непостоянство чувствъ императора, выражала сомнѣнія въ его вѣрности; она часто изливалась въ

¹⁾ Княжна Анна Петровна (1777—1805), въ замужествѣ княгиня Гагарина

слезахъ, говорила ему, что если онъ ее покинетъ, она умретъ съ горя; она умоляла его, по крайней мѣрѣ, устроить ея судьбу, выдавъ ее прилично замужь. Государь обратилъ тогда вниманіе на молодого князя Гагарина ¹⁾, сына министра торговли. Онъ его назначилъ своимъ генералъ-адъютантомъ и позволилъ ему видѣться съ княжной Лопухиной. Княжна не замедлила найти адъютанта столь же милымъ, какъ и императора, и крайне охладѣла къ послѣднему; онъ это замѣтилъ и, борясь между чувствомъ гордости и боязнью уязвить ту, которую любилъ, былъ постоянно въ состояніи колебанія, что затрудняло встрѣчи и сношеніе съ нимъ и не мало вліяло на рѣшеніе общихъ дѣлъ. Это состояніе длится съ декабря (1799 г.) до сихъ поръ. Однажды онъ повздорилъ съ княжной и не хотѣлъ ее больше видѣть. Императрица воспользовалась этимъ моментомъ, чтобы попробовать возстановить свое значеніе и предложила вновь призвать Нелидову. Она засвидѣтельствовала императору самую безкорыстную свою привязанность, говорила ему, что чувствуетъ, что неспособна его больше привлекать, но заклинала его, чтобы его выборъ падалъ на особъ, болѣе его достойныхъ, и предложила его старую подругу, Нелидову. Она дѣйствительно пріѣхала, но объявила, что не желаетъ болѣе показываться при дворѣ, и больше тамъ не появлялась. Между тѣмъ все уладилось между императоромъ и княжной Лопухиной. Онъ согласился устроить ея бракъ съ княземъ Гагаринымъ, который дѣйствительно былъ заключенъ 19-го февраля ²⁾.

Я знаю всѣ эти подробности отъ госпожи Шевалье, любовницы графа Кутайсова.

Дѣла были въ такомъ положеніи, когда я оставилъ Петербургъ.

Новѣйшія извѣстія дали мнѣ знать, что императоръ этимъ лѣтомъ (1800 г.) отправился въ Павловскъ, гдѣ совершенно отдалился отъ двора и иностранныхъ пословъ. Княгиня Гагарина находится тамъ съ мужемъ, и ихъ бракъ не внесъ никакихъ измѣненій въ отношенія императора къ ней. Императоръ, кажется, не перемѣнится. Прискучивъ императрицей, влюбленный по темпераменту и воображенію, онъ будетъ всегда нуждаться въ любовницахъ и любимцахъ. Эта порода людей единственно можетъ быть приближенной къ нему и одна лишь можетъ властвовать надъ человекомъ, который хочетъ быть тираномъ для всѣхъ и который является только рабомъ своихъ собственныхъ страстей. Онъ такъ проникнутъ идеей своей власти, что все, что можетъ ее сдѣлать болѣе наглядной въ его глазахъ, находитъ себѣ примѣненіе. Поэтому онъ увеличиваетъ число церемоній, торжествъ, во время которыхъ онъ появляется публично въ полномъ блескѣ императорскаго величія, съ короной на го-

¹⁾ Князь Павелъ Гавриловичъ (1777—1850), впоследствии генералъ-адъютантъ при Павлѣ, сынъ президента коммерцъ-коллегіи.

²⁾ По новому стилю.—По старому—8-го февраля (1800 г.).

ловѣ, окруженный блестящимъ и раболѣпно - покорнымъ дворомъ. Ежеминутно повторяются приказанія, что когда императоръ или кто-либо изъ императорской фамилии появится въ Петербургѣ, то имъ были бы оказаны должныя почести. Когда онъ проѣзжаетъ по улицамъ столицы, все останавливается, все неподвижно, кромѣ тѣхъ, кто выскакиваетъ изъ каретъ, какова бы ни была погода, чтобы поклониться ему, когда онъ появляется. Полицейскіе провожаютъ его всегда и повсюду, чтобъ арестовывать тѣхъ, кто не слишкомъ подвиженъ и кто не выказалъ приказанныхъ знаковъ почтенія. Чинъ, полъ, возрастъ,—не составляютъ никакого исключенія изъ этого правила. Малѣйшее уклоненіе отъ него можетъ показаться императору посягательствомъ на его достоинство или заговоромъ противъ его особы. Однажды онъ не услышалъ призыва часового къ оружію, когда онъ появился: онъ подумалъ, что здѣсь скрывается какой-то заговоръ, и сдѣлалъ суровое замѣчаніе великому князю полкъ котораго былъ на часахъ. Съ тѣхъ поръ послѣдній разставилъ у дверей, чрезъ которыя чаще всего проходилъ императоръ, и подъ его окнами часовыхъ съ громкимъ голосомъ, которые испускали ужасные крики въ часы, опредѣленные для этого рода сигналовъ. Въ другой разъ не доставало въ караульнѣ въ Петербургѣ двухъ офицеровъ, которые были больны; императоръ заподозрилъ какое-то скрытое намѣреніе и хотѣлъ сослать весь полкъ. Это вызвало очень бурное объясненіе между нимъ и великимъ княземъ Александромъ, который на этотъ разъ потерялъ терпѣніе и получилъ на 3 дня лихорадку отъ причиненнаго ему волненія. Въ то время, когда я былъ въ Петербургѣ, онъ разжаловалъ князя Голицына и сослалъ Конно-гвардейскій полкъ за то, что у одного солдата штаны были желтѣе, а сабля болѣе изогнута, чѣмъ у другихъ ¹⁾. Часто онъ приѣзжаетъ съ быстротой молніи на простыхъ саниахъ, такъ что ничто не объявляетъ о немъ издали, и караульные офицеры, не имѣвшіе ни счастья его замѣтить, ни времени приказать солдатамъ взяться за оружіе, разжаловываются и наказываются. Оттого эти несчастные въ продолженіе всего дня—на развѣдкахъ, чтобы предупредить всякую случайность. На парадахъ императоръ выказываетъ крайнюю строгость. Прежде тѣмъ онъ заболѣлъ въ Гатчинѣ, парады бывали тамъ несмотря ни на какую погоду, ни на какой холодъ. Эти парады длятся иногда два часа. Нерѣдко можно было видѣть, какъ онъ наказываетъ офицеровъ палкой и разжаловываетъ другихъ. Однажды въ Гатчинѣ онъ далъ великому князю неподходящее порученіе: дать 29 палочныхъ ударовъ двумъ гренадерамъ, которыми онъ былъ недоволенъ.

Императоръ много занимается подробностями военнаго и полицей-

¹⁾ Разумѣется, объясненіе это является результатомъ распускавшихся въ то время врагами Павла слуховъ.

скаго дѣла. Онъ ежедневно встаетъ до 6 часовъ утра. Въ 6 часовъ къ нему приходитъ Паленъ, губернаторъ города, и докладываетъ о всемъ, чтò произошло; о лицахъ, которыхъ императоръ считаетъ подозрительными или которыя ему не нравятся, и о ихъ общественныхъ отношеніяхъ. Графъ Растопчинъ приходитъ въ 7 часовъ и приноситъ ему портфель иностранныхъ дѣлъ и письма, готовые къ подписи; тогда же онъ принимаетъ у императора приказанія относительно другихъ писемъ. Въ 9 часовъ императоръ идетъ на парадъ и занимается военными дѣлами. Затѣмъ онъ прогуливается, почти всегда съ графомъ Кутайсовымъ, посѣщаетъ до обѣда кн. Гагарину, снова гуляетъ сразу послѣ обѣда, затѣмъ возвращается къ Гагариной, въ 6 часовъ идетъ къ императрицѣ, въ 7—на спектакль, въ 9—ужинаетъ и удаляется на покой въ 10. Онъ много занимается военными дѣлами. Петербургскія газеты каждый разъ наполнены безчисленнымъ спискомъ назначенныхъ или разжалованныхъ офицеровъ. Считаютъ ихъ всего до 19.000 человекъ.

Послѣ того, какъ столько причинъ къ неудовольствію возбудили умъ императора и ослабили его чувства, все ему стало подозрительнымъ: самыя естественныя, самыя невинныя собранія привлекаютъ его вниманіе и часто немилость. Не потому ли русскіе держатся совершенно изолированно и живутъ только по семейному? Императоръ, замѣтивъ нѣсколько каретъ у дверей одного англійскаго магазина, приказалъ военному губернатору Палену наблюдать за собраніями, которыя могутъ имѣть цѣлью разрушеніе государства. Петербургъ, такой блестящій и оживленный раньше, теперь угрюмъ и погруженъ въ глубокое оцѣпенѣніе. Ежеминутно узнаютъ, что такой-то или такой-то сосланъ, разжалованъ, высланъ, посаженъ въ тюрьму, и все это большею частью по неизвѣстнымъ причинамъ. Все, чтò касается до людей ему ненавистныхъ, послѣдовательно устраняется; княгиня . . . .¹⁾ была выслана ради опалы, постигшей графа Кобенцеля, и теперь все, чтò близко этому послу, подвергается особенной немилости. Великій князь Константинъ постоянными доносами способствуетъ распространенію волненія умовъ. Самъ императоръ, на короткое время привязавшійся къ нему, оцѣнилъ его теперь и лишилъ своего довѣрія. По этой очень вѣрной картинѣ можно судить, насколько должно быть тягостнымъ и печальнымъ существованіе во дворцѣ. Братья и сестры едва осмѣливаются съ трудомъ видѣться и разговаривать другъ съ другомъ, еще менѣе осмѣливаются переписываться. Въ дѣйствительности въ Петербургѣ не посылается ни одного письма, которое бы не было прочтено и часто дурно истолковано. Даже великія княгини не защищены отъ этой стѣснительной инквизиціи. Снабженный письмомъ отъ наслѣдной баденской принцессы для ея дочери, великой княгини

¹⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

Елизаветы, я долженъ былъ принимать чрезвычайныя мѣры предосторожности, чтобы доставить его ей; она же никогда не осмѣливалась говорить о немъ.

Между тѣмъ, императоръ обладаетъ нѣкоторою игривостью ума, остроуміемъ и нѣкоторою веселостью, которыя не зависятъ отъ обстановки. Говорятъ, что когда-то онъ былъ счастливъ въ своей домашней жизни. Онъ увѣренъ, что его дѣти, особенно дочери, получаютъ очень тщательное воспитаніе, дѣлающее честь присмотру императрицы. Теперь эта нѣжная дружба въ семьѣ государя не существуетъ больше, по одной изъ причинъ, по которымъ жена великаго князя Константина находилась въ Царскомъ Селѣ, была та, чтобы ее отдѣлить отъ ея невѣстки, великой княгини Елисаветы. Въ обществѣ императоръ чрезвычайно чопоренъ въ своей походкѣ и манерахъ. Онъ, кажется, воображаетъ, что императоръ не долженъ ни ходить, ни садиться, ни глядѣть, ни говорить, какъ обыкновенный человѣкъ. Въ обществѣ его разговоръ нѣсколько изысканъ; онъ очень вѣжливъ, даже довѣрчивъ до безразсудности съ тѣми людьми, которыхъ видитъ въ первый разъ: онъ часто довѣрялъ иностранцамъ, не имѣвшимъ никакого права разговаривать съ нимъ, политическія дѣла, самыя важныя рѣшенія; это влечетъ за собой множество неудобства. При его дворѣ все совершается по самому строгому этикету; величіе въ цѣломъ, — вотъ чего въ особенности требуетъ императоръ. Нужно быть очень осмотрительнымъ на балахъ и въ собраніяхъ и внимательно смотрѣть, какъ бы не повернуться къ нему спиной. Однажды императоръ прогналъ двухъ камергеровъ принца Фердинанда Виртембергскаго за то, что принцъ Фердинандъ, не видѣвшій, какъ онъ вошелъ въ комнату, и приглашавшій даму на танецъ, повернулся спиной къ императору.

Столько жестокости, столько странностей, такое злоупотребленіе властью заставляютъ необходимо ожидать и даже желать возможности революціи. Она бы уже произошла, если бы великій князь Александръ имѣлъ не такой кроткій и покорный характеръ. Этотъ принцъ вообще любимъ. Если бы онъ сказалъ одно слово или сдѣлалъ бы одно движеніе, его отецъ погибъ бы. Къ тому же, возлѣ него нѣтъ ни одного разумнаго человѣка. Его оберъ-гофмейстеръ, графъ Толстой, глухъ ¹⁾, а между людьми, привязанными къ судьбѣ императора и ставшими врагами великаго князя, есть очень ловкіе, какъ Кутайсовъ и Растопчинъ. Послѣдній прямо оскорбилъ великаго князя въ дѣлѣ, касавшемся графа Головина ²⁾, лучшаго друга Растопчина. Я не распростра-

¹⁾ Графъ Николай Александровичъ Толстой (1765—1816), впоследствии оберъ-гофмаршалъ.

²⁾ Графъ Николай Николаевичъ Головинъ (1753—1821), впоследствии оберъ-шенкъ; женатъ былъ на графинѣ Варварѣ Николаевнѣ, урожденной княжнѣ Голицыной, оставившей „Записки“.

няюсь о томъ, что касается этого министра: Сульцеръ ¹⁾ въ своихъ донесеніяхъ о Россіи далъ на его счетъ точныя и достаточныя свѣдѣнія. Я прибавлю только, что графъ Растопчинъ вмѣстѣ со своими друзьями, Головинымъ и Гурьевымъ ²⁾,—страшный противникъ коалиціи и системы совмѣстныхъ дѣйствій съ Австріей и, лишенный истинныхъ политическихъ соображеній, вноситъ въ дѣла духъ сарказма и руководящаго имъ предубѣжденія: этимъ онъ понравился императору; его мысль та, что Россія не должна вмѣшиваться ни во что въ Европѣ, и должна только внушать уваженіе къ себѣ своимъ сосѣдямъ. Растопчинъ забываетъ подписанные ею договоры и принятые на себя обязательства: они не заставляютъ его задуматься. Поддержаніе своего личнаго вліянія, увеличеніе своего состоянія—вотъ что его занимаетъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе будетъ удержаться возлѣ такого вулкана, какъ императоръ. Поэтому-то я принужденъ думать, что Растопчинъ доставитъ себѣ, если сможетъ, случай почетной отставки, чтобы избѣжать исхода быть опрокинутымъ грозой, неизбежной со временемъ.

Графъ Панинъ ³⁾, наоборотъ, человекъ систематичный, преисполненный чести и деликатности, подъ холодной внѣшностью скрываетъ умъ и самый милый характеръ. Онъ видитъ съ глубокимъ огорченіемъ, какъ Россія теряетъ свое значеніе и вліяніе, нарушаетъ свои обязательства, подвергаетъ своихъ самыхъ вѣрныхъ союзниковъ неприятностямъ, дѣйствуетъ скачками въ событіяхъ, требующихъ послѣдовательности и систематичности. Графъ Панинъ—сторонникъ коалиціи, а также союза съ Пруссіей. Такъ какъ онъ прекрасный работникъ, имѣетъ дѣйствительныя познанія, испытанную честность и пользуется личнымъ уваженіемъ, то онъ можетъ имѣть нѣкоторое пассивное вліяніе, слѣдствія котораго могутъ, однако, распространяться только на дѣла, касающіяся его вѣдомства. Въ концѣ концовъ, онъ не находится въ числѣ лицъ, приближенныхъ къ императору, и всѣ дѣла идутъ черезъ Растопчина.

Я совершенно не знаю новаго генераль-прокурора Оболянинова ⁴⁾, замѣстившаго Беклешова ⁵⁾. Это уже четвертый генераль-прокуроръ въ

¹⁾ Сульцеръ—агентъ Баваріи въ Петербургѣ.

²⁾ Гурьевъ Дмитрій Александровичъ, впоследствии графъ и министръ финансовъ (1751—1825).

³⁾ Никита Петровичъ, членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, затѣмъ вице-канцлеръ († 1837 г.). Сторонникъ коалиціи, Панинъ велъ свою политику, интриговалъ противъ императора и наконецъ первый завелъ рѣчь объ устраненіи его отъ престола.

⁴⁾ Петръ Хрисанфовичъ Оболяниновъ, генераль-отъ-инфантеріи, изъ гатчинцевъ, исполнительный, но необразованный сановникъ (1752—1841).

⁵⁾ Третій генераль-прокуроръ за царствованіе Павла, генераль-отъ-инфантеріи Александръ Андреевичъ Беклешовъ (1749—1808) былъ опытнымъ и твердымъ администраторомъ. „Какой былъ генераль-прокуроръ Куракинъ,

настоящее царствованіе. Это выскочка, однако, какъ говорятъ, не безъ заслугъ. Я ссылаюсь на донесенія Сульцера относительно того, что касается Васильева ¹⁾, главнаго казначея имперіи, преемника графа Самойлова. Князь Гагаринъ, свекоръ фаворитки—министръ торговли ²⁾. Этотъ человѣкъ, говорятъ, имѣеть разумные взгляды и дѣйствительныя познанія. Онъ только-что установилъ новый таможенный тарифъ и уничтожилъ старый, составленный наперекоръ всякому смыслу и знанію истинныхъ интересовъ Россіи (Я прилагаю къ своей запискѣ различные тарифы). Онъ также открылъ Ревельскій портъ для ввоза. Эта мѣра выгодна тѣмъ, что придастъ оживленіе части Ливоніи, чего ей недоставало, и будетъ способствовать стеченію иностранныхъ судовъ. Ревельскій портъ удобнѣе Петербургскаго и Рижскаго, бывшихъ единственно открытыми для ввоза иностранныхъ товаровъ.

Во внутренней жизни двора даже оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ не безъ вліянія. Императоръ очень привыкъ къ нему. Нарышкинъ ³⁾ имѣеть право постоянно быть возлѣ государя; у него крайняя гибкость, свойственная низости характера, и ничего такого, что бы могло раздѣлить государя и любимца. Въ настоящее время государь отличаетъ графа Строганова ⁴⁾, но послѣдній играетъ только роль придворнаго. Куселевы ⁵⁾, Кутузовы ⁶⁾ не безъ вліянія, и есть еще нѣсколько семействъ, которыя, благодаря многочисленности своихъ членовъ и ихъ связей, привлекаютъ на себя многочисленныя милости.

Между иностранными послами въ настоящее время никто не пользуется замѣтнымъ вліяніемъ. Неаполитанскій посолъ герцогъ Серра-Каприола—тотъ, чьи переговоры въ послѣднее время были самыми счастливыми. Это человѣкъ ловкій, услужливый и прекрасно знающій свою среду. Его женитьба на княжнѣ Вяземской ⁷⁾ доставила ему въ

какой—Допухинъ!— говорилъ ему при его назначеніи Павелъ: „ты да я, я да ты, мы оба будемъ дѣлать дѣла“! На самомъ же дѣлѣ Беклешовъ своею неуступчивостію скоро вооружилъ противъ себя государя.

¹⁾ Баронъ Васильевъ, Алексѣй Ивановичъ (1742—1807), впоследствии графъ министръ финансовъ при Александрѣ I.

²⁾ Князь Гавриилъ Петровичъ (1745—1807), президентъ коммерцъ-коллегіи, сенаторъ.

³⁾ Александръ Львовичъ, оберъ-камергеръ, р. 1760, † 1826.

⁴⁾ Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ (1738—1811), носилъ званіе оберъ-камергера и занималъ должность президента Академіи художествъ.

⁵⁾ Изъ рода Куселевыхъ пользовался значеніемъ при Павлѣ адмиралъ Григорій Григорьевичъ (1754—1833), пожалованный графомъ и назначенный вице-президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи.

⁶⁾ Голенищевы-Кутузовы: Иванъ Логгеновичъ (1729—1801), адмиралъ-фельдмаршалъ по флоту, и Михаилъ Иларіоновичъ (1745—1813), генералъ-отъ-инфантеріи, впоследствии кн. Смоленскій, фельдмаршалъ, герой 1812-го года.

⁷⁾ Дочери Екатеринбургскаго генералъ-прокурора кн. А. А. Вяземскаго.

Россіи связи, изъ которыхъ онъ извлекъ выгоду; его домъ пріятенъ и единственное существующее въ настоящее время мѣсто собранія для иностранцевъ.

Кавалеръ Витвортъ, замѣстившій Фидгерберга, преемника лорда Мальмсбери, пользовался самымъ большимъ расположеніемъ императора. Голландская экспедиція и ходъ политическихъ событій лишили Витворта этого преимущества. Это человѣкъ съ самой пріятной и выгодной вѣншностью, и съ нимъ можетъ быть только пріятно вести дѣло, если сѣумѣтъ внушить ему довѣріе. Этотъ посолъ покинулъ Россію послѣ того, какъ навлекъ на себя немилость, похожую на ту, которой подвергнулся графъ Кобенцель. Онъ и капитанъ Пофамъ уѣхали, не получивъ прощальной аудіенціи, и въ настоящее время въ Петербургѣ нѣтъ ни одного англійскаго дипломатическаго агента.

Шведскій посолъ, баронъ Стедингъ,—человѣкъ прекрасный и пользующійся отличной репутаціей, но который не имѣетъ вліянія. Онъ прекрасно содержитъ свой домъ, хотя его состояніе разстроено.

Баронъ Бломъ, датскій посолъ, нашель средство быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ императоромъ въ послѣднее время, но отвращеніе, вызванное всѣмъ тѣмъ, что творится въ Петербургѣ, заставило его просить полной отставки, которую онъ и получить это лѣто. Его племянникъ, Отгонъ Бломъ, останется въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Баронъ Бломъ-дядя—человѣкъ очень умный и поистинѣ съ любезнымъ и драгоценнымъ характеромъ. Онъ былъ замѣщенъ барономъ Розенкранцомъ, датскимъ посломъ въ Берлинѣ, который принялъ постъ въ Петербургѣ только на время и на очень выгодныхъ условіяхъ. Баронъ Розенбранцъ—человѣкъ любезный, дѣятельный и достойный уваженія по качествамъ. Баронъ Бломъ навсегда покинулъ свою карьеру. Онъ былъ долгое время датскимъ посломъ въ Парижѣ и заимствовалъ тамъ характеризующую парижанъ учтивость.

Я ничего не скажу ни о графѣ Кобенцелѣ, о которомъ достаточно шла рѣчь, ни о шевалье Хуэрта—португальскомъ послѣ, съ которымъ императоръ ни разу не разговаривалъ со дня своего вступленія на престолъ. Вообще, дипломатическій корпусъ очень хорошо составленъ, но непонятное съ нимъ обращеніе, постоянное нарушеніе элементарныхъ началъ международнаго права, которымъ пользуются по своему усмотрѣнію, отказывая въ выдачѣ паспортовъ курьерамъ, запрещая сношенія съ тѣми изъ ихъ товарищей, которые не нравятся, или высылая ихъ за границу какъ заговорщиковъ; малое уваженіе, которымъ онъ пользуется при дворѣ, куда въ теченіе всей этой зимы его приглашали, при чемъ императоръ ни разу не появился на собраніи, какъ раньше это бывало по обыкновенію—столько непріятностей, невозможность сношеній съ русскими, всѣ двери которыхъ закрыты для ди-

пломатовъ, сдѣлали въ концѣ концовъ пребываніе въ Петербургѣ невыносимымъ для иностранныхъ пословъ и поведутъ, можетъ быть, даже къ какому-либо совмѣстному ихъ рѣшенію, касающемуся измѣненія и прекращенія настоящаго положенія вещей.

Удаленіе императора въ Павловскъ освобождаетъ это лѣто (1800 г.) дипломатическій корпусъ отъ того стѣсненія, которому онъ подвергся въ прошломъ году. Тогда члены его были обязаны постоянно ѣздить въ полномъ парадѣ на очень большія разстоянія для присутствія на безпрестанно повторяющихся церемоніяхъ. Уединеніе, на которое обрекъ себя въ этомъ году императоръ, освобождаетъ ихъ отъ этого стѣсненія. Но невозможно разсчитать, сколько времени это продлится.

III.

Управленіе въ Россіи и культурное ея состояніе.—Коллегія иностранныхъ дѣлъ.—Сенатъ.—Полиція.—Мѣры строгости.—Настроеніе петербургскаго общества.—Духовенство въ Россіи.—Отношеніе населенія къ религіознымъ вопросамъ.

Объ администраціи Россіи и объ организаціи ея правительства написано уже такъ много, что было бы скучнымъ повтореніемъ останавливаться здѣсь на подробностяхъ, которыя каждый самъ легко себѣ добудетъ. Германъ, Георги, Шторхъ и особенно Швецеръ въ своихъ сочиненіяхъ дали самыя точныя свѣдѣнія относительно этихъ предметовъ. Существуютъ также статистическія таблицы Веттихера, съ которыми недурно ознакомиться. Я ограничусь только нѣкоторымъ общимъ обзоромъ различныхъ частей администраціи.

Иностранныя дѣла довѣрены, какъ это уже сказано, графу Раstopчину, который только-что назначенъ членомъ коллегіи и который исполняетъ обязанности канцлера. Онъ работаетъ непосредственно съ императоромъ. Онъ оставляетъ подробности графу Панину, исполняющему должность вице-канцлера. Первый изъ этихъ министровъ получаетъ 8.000 рублей жалованья и 12.000 руб. серебромъ столовыхъ. Второй—6.000 рублей жалованья и 6.000 руб. серебромъ столовыхъ. Я думаю, что, по новому положенію, окладъ этотъ увеличенъ. Въ день прошлаго Новаго года коллегія иностранныхъ дѣлъ была реорганизована. Я прилагаю новую роспись полномочій и суммъ, которыя прибавлены: 1.200.000 рублей въ годъ назначены для издержекъ этого департамента, всѣ оклады значительно увеличены, и тѣмъ не менѣе, какъ говорятъ, есть экономія въ 100.000 руб. въ годъ сверхъ общихъ расходовъ. Это слѣдствіе громадной только-что произведенной реформы: 93 чиновника

департамента отосланы въ герольдію, родъ суда, отправленія котораго состоятъ въ размѣщеніи тѣхъ, кому правительство назначаетъ должность и кто имѣетъ право на нее претендовать. Считали около 13.000 лицъ, причисленныхъ къ герольдіи. Департаментъ иностранныхъ дѣлъ состоитъ въ настоящее время изъ трехъ министровъ или главныхъ членовъ: графъ Растопчинъ—первый министръ департамента; графъ Панинъ—вице-канцлеръ и Латышевъ, завѣдующій отчетностью департамента. Первые члены или министры департамента, назначенные Павломъ I при его вступленіи на престолъ, всѣ были отставлены. Въ ихъ числѣ были Алопеусъ ¹⁾, Куракинъ и Николай Румянцевъ ²⁾.

У каждаго министра своя отдѣльная канцелярія, организованная по его желанію и работающая у него въ домѣ. Правитель этой канцелярія можетъ играть значительную роль. Кохъ имѣлъ это мѣсто. Предполагаютъ, что Оберъ, давно причисленный къ департаменту, будетъ его преемникомъ.

Растопчинъ и его партія, приведя въ исполненіе планъ реформы, пользовались работой князя Безбородко, написанной имъ по этому поводу. Но они приняли за правило отстранять, насколько возможно, отъ дѣлъ тѣхъ, кого они называютъ старыми болванами, и довѣрять ихъ людямъ молодымъ, военнымъ и особенно людямъ русской партіи, то есть антикоалиціонной.

Эта послѣдняя реформа, выбросивъ толпу старыхъ служащихъ, дала поводъ къ большому ропоту. Многие были отставлены безъ пенсіи и безъ повышенія въ чинѣ. Другіе были назначены въ Сенатъ—скопище всѣхъ .....³⁾ Имперіи. Но самое ужасное въ администраціи департамента—это крайняя медленность въ отправленіи дѣлъ. Иногда приходится ждать цѣлые годы выдачи издержекъ и авансовъ или актовъ и бумагъ, необходимыхъ для обезпеченія и укрѣпленія своего существованія. Недостатокъ въ этихъ средствахъ въ странѣ, гдѣ при подобномъ монархѣ все очень легко мѣняется, ставить каждаго въ тяжкое положеніе неувѣренности въ своей судьбѣ, и потому положеніе вещей въ настоящее время таково, что мѣста во внутреннемъ управленіи служатъ предметомъ домогательства только для тѣхъ, кто нуждается въ нихъ, чтобы жить. Съ другой стороны, политическія дѣла ведутся съ невѣроятной быстротой, когда они угодны императору. Тогда немного дней нужно, чтобы постановить важнѣйшія рѣшенія. Но и эта крайняя медленность, и эта крайняя быстрота—обѣ имѣютъ свои неудобства.

¹⁾ Максимъ Максимовичъ Алопеусъ, послѣдствіемъ посланникъ въ Берлинъ, ярый приверженецъ союза съ Пруссіей и чуждый интересамъ Россіи.

²⁾ Графъ Николай Петровичъ (1754—1826), канцлеръ при Александрѣ I, меценатъ.

³⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

Въ вѣдѣніи Сената находится все, что касается управленія Имперіей, законовъ, податей, полиціи, торговли, ремесль и мануфактуръ и т. д. и т. д. Никакое вообще постановленіе не имѣетъ силы закона, пока оно не обнародовано Сенатомъ; но простаго слова императора достаточно для установленія этой формальности: никогда не было столь безличнаго законодательнаго учрежденія, какъ нынѣшній русскій Сенатъ.

Онъ раздѣляется на два собранія: одно находится въ Москвѣ, другое въ Петербургѣ. Послѣднее окончательно разсматриваетъ то, что постановлено въ первомъ.

Идея Сената была бы прекрасна сама по себѣ, если бы его функціи были тѣмъ, чѣмъ онѣ могли бы быть, если бы онъ не былъ лишь ничтожнымъ орудіемъ въ рукахъ государя. Въ настоящее время назначаютъ въ Сенатъ всѣхъ тѣхъ, кто имѣетъ извѣстный чинъ и съ кѣмъ не знаютъ, что дѣлать. Это скорѣе чинъ, чѣмъ должность, и между полнымъ отдыхомъ и занятіями сенатора въ большинствѣ случаевъ только маленькая разниа.

Управленіе полиціей въ столицѣ ввѣрено петербургскому губернатору Палену ¹⁾; надзоръ же за сношеніями заграничными ввѣренъ Рас-топчину. Ни въ одной странѣ, не исключая Франціи, полицейскія мѣры не мелочны и не тягостны до такой степени, какъ здѣсь. Во всякой благоустроенной странѣ онѣ должны быть таковы, чтобы честный человекъ ихъ совершенно не чувствовалъ, и чтобы мошенникъ и злодѣй встрѣчалъ бы ихъ повсюду. Это вполнѣ понятно: первый идетъ прямо своею дорогою и никогда не можетъ переступить границу законовъ; другіе, напротивъ, стремятся всегда расширить ихъ границы.

Въ Петербургѣ улицы кипятъ членами полиціи. Общественныя мѣста ими переполнены; вашъ костюмъ, ваша прическа, ваши разговоры, ваши общественныя сношенія—все представляетъ интересъ для нея.

Пропорціонально безконечному увеличенію приказовъ и воспре-

---

¹⁾ Злой геній императора Павла, графъ Петръ Алексѣевичъ фонъ-дербъ-Паленъ (1744—1826), генералъ-отъ-кавалеріи, по отзывамъ современниковъ, подъ маской прямодушія и благородства таилъ коварныя замыслы и низкій, предательскій характеръ. Необычайное хладнокровіе, рассчитанная жестокость и настойчивый, твердый характеръ Палена дѣлали его способнымъ къ той роли, которую онъ разыгралъ въ Павловское время. По вступленіи своемъ на престолъ Павелъ уволилъ его отъ службы, упрекнувъ его въ „подлости“, но затѣмъ простилъ и вновь принялъ на службу. Вкрадчивый Паленъ успѣлъ тогда добиться довѣрія государя и былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Петербурга. Въ этой должности, искажая или усиливая значеніе распоряженій императора, а также сознательно вызывая его гнѣвъ или недобуманныя мѣры завѣдомо ложными докладами о разныхъ лицахъ, — Паленъ заботился только о томъ, чтобы возбудить противъ императора войска и народъ.

щеній, увеличивается число случаевъ ихъ нарушенія. Малѣйшее нарушеніе закона, малѣйшее недовольство, выраженное относительно кого-либо императоромъ, влечетъ за собой тюремное заключеніе и ссылку. Гауптвахты переполнены людьми арестованными или за то, что они недостаточно рано поклонились императору или императорской фамилии, или по другимъ такимъ же пустымъ причинамъ. Ихъ иногда ссылаютъ въ Сибирь, и въ то время, какъ я былъ въ Петербургѣ, одинъ несчастный купецъ, секундою позже сошедшій съ саней, чуть по ошибкѣ не былъ закинутъ въ азіатскія степи, такъ какъ былъ заключенъ въ той же гауптвахтѣ, какъ и игроки, подвергавшіеся этому наказанію. Одна разбитая параличомъ женщина, не смогшая вслѣдствіе этого выйти изъ кареты при встрѣчѣ съ императоромъ, была посажена въ тюрьму на 24 часа на хлѣбъ и на воду. Два англичанина, Уэлль и Боддингтонъ, бывшіе въ Петербургѣ, когда я тамъ находился, оговоренные негодяемъ слугою, желавшимъ получить обѣщанную доносчикамъ награду, несмотря на то, что доносъ былъ признанъ ложнымъ и въ схваченныхъ у нихъ бумагахъ не найдено было ни малѣйшаго повода къ обвиненію,—были принуждены оставить Петербургъ въ теченіе двухъ недѣль. Они были еще обязаны этой отсрочкой кавалеру Витворту, у котораго они находились все время.

Принужденіе дошло до отгнѣны нѣкоторыхъ самыхъ обыкновенныхъ наименованій, напримѣръ слова: клубъ. Существовалъ одинъ клубъ, который былъ извѣстенъ подъ названіемъ: Музыкальный клубъ; указомъ заставили его назвать Музыкально-танцевальнымъ собраніемъ. Въ танцевальныхъ собраніяхъ вальсъ воспрещенъ, въ то время какъ онъ разрѣшенъ при дворѣ. Тѣмъ не менѣе, склонность публики къ удовольствіямъ сдѣлала то, что эти балы все еще были блестящими въ началѣ зимы. Тогда императоръ запретилъ всѣмъ военнымъ тамъ танцевать. Равнымъ образомъ всѣмъ военнымъ запрещено играть въ любительскихъ спектакляхъ. Также не существовало въ Петербургѣ дома, куда осмѣлились бы внести двѣ скрипки или разыграть сцену изъ Мольера или Корнеля. Императоръ спрашивалъ отъ времени до времени, забавляются ли въ Петербургѣ. Ему отвѣчали, что все очень спокойно.

Театры вообще очень посредственны; ихъ четыре: русскій, французскій, итальянскій и нѣмецкій; но первые три въ одной и той же залѣ, а послѣдняя такъ плоха, такъ что будто существуетъ только одинъ. Императоръ разрѣшаетъ играть передъ собой только французамъ и итальянцамъ. Въ отдѣлѣ искусствъ я распространюсь подробнѣе объ этомъ предметѣ, разсматриваемомъ съ точки зрѣнія литературы, такъ какъ вопросъ теперь идетъ только объ общественныхъ нравахъ и о разрѣшенныхъ правительствомъ развлеченияхъ.

Во время моего трехмѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ не было

французскихъ спектаклей, за исключеніемъ послѣдняго мѣсяца, да и тогда спектакли давались не больше раза въ недѣлю. Императоръ держалъ труппу въ Гатчинѣ; она же появлялась въ Петербургѣ для спектаклей въ Эрмитажѣ. Онъ никогда не ходитъ въ общественный театръ. На придворныхъ спектакляхъ присутствуютъ лица первыхъ 3-хъ классовъ, и между ними находилось только одно лицо I-го класса, фельдмаршалъ Салтыковъ. Иностранцы—члены дипломатическаго корпуса исключены изъ списка приглашенныхъ. Говорятъ, что эти спектакли не очень оживлены; къ тому же тамъ запрещается разговаривать и высказывать малѣйшій знакъ удовольствія или неодобренія. Однажды императоръ велѣлъ удалить трехъ придворныхъ дамъ за то, что онѣ шумѣли. Императоръ садится возлѣ оркестра посреди залы. Онъ сидитъ возлѣ императрицы, и въ томъ же ряду находится княгиня Гагарина. Онъ съ удовольствіемъ схватываетъ переходы пьесы, намекающіе на его чувство къ княгинѣ; онъ тогда смотритъ на нее и дѣлаетъ выразительнѣйшіе взгляды. Императрица старается не замѣчать всего этого. Кромѣ театра не было другаго посѣщаемаго мѣста собраній, какъ музыкальный клубъ, о которомъ я говорилъ. Одинъ антрепренеръ задумалъ открыть новое собраніе, приготовилъ прекрасное помѣщеніе, объявилъ о балахъ и ужинахъ, но всѣ такъ мало были расположены къ исканію развлеченій, что никто не являлся къ нему, хотя записалось болѣе 200 человекъ.

Ни одинъ иностранецъ не можетъ вступить въ предѣлы Россіи безъ паспорта министра иностранныхъ дѣлъ. Императоръ наблюдаетъ самъ за этимъ и лично слѣдитъ за выдачей паспортовъ. Ни въ одномъ государствѣ не стѣснены такъ формальностями этого рода, какъ въ настоящее время въ русскихъ городахъ. Въ Ригѣ мнѣ пришлось показать и дать визировать свой паспортъ, хотя я ѣхалъ, какъ курьеръ. Всѣ эти препятствія удаляютъ отъ Россіи путешественниковъ, которые когда-то туда стекались; дороги—пусты; сообщеній никакихъ. Когда я уѣхалъ изъ Петербурга, во всемъ городѣ остался только одинъ иностранецъ изъ благороднаго сословія. Страхъ распространенія революціонныхъ принциповъ сдѣлалъ императора столь подозрительнымъ, что малѣйшая мелочь можетъ причинить немилость. Отсюда его крайняя строгость по службѣ. Оба Сень-При ¹⁾ были исключены изъ службы, одинъ за то, что поклонился слишкомъ рано, другой—за то, что слишкомъ поздно.

¹⁾ Французскіе эмигранты, братья графы Сень-При: старшій—Эммануэль Францовичъ, генералъ-маіоръ, впоследствии генералъ-адъютантъ, младшій—Карлъ Францовичъ, бывшій при Александрѣ I херсонскимъ губернаторомъ; третій братъ графъ Сень-При извѣстенъ былъ своими каррикатурами и вошелъ Пушкинымъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“.

Графъ Шуазель-Гуффье ¹⁾ и маркизь Ламбертъ ²⁾ были высланы, потому что собирались каждый вечеръ и занимались съ графомъ Коссе, балли Флаксландъ и Дюмурье ³⁾ спорами о политическихъ дѣлахъ, не могшихъ причинить никому ни зла, ни добра. Князь Барятинскій ⁴⁾ былъ высланъ за то, что забылъ преклонить колѣно; графъ Головкинъ ⁵⁾ за то, что попросилъ отставку; фигляръ по имени Вушура за то, что ужиналъ у Кобенцеля, и 4 придворныхъ повара за то, что посѣщали повара этого посла. Чинъ, мѣсто, извѣстныя заслуги и абсолютное ничтожество,—все смѣшано, ничто не принимается во вниманіе. Тысячи русскихъ сосланы въ мѣстности, гдѣ нѣтъ усадьбъ, какъ напр., Федоръ Головкинъ и братья Зубовы ⁶⁾. Они не могутъ нкуда выѣхать, и два послѣдніе, хлопотавшіе черезъ свою сестру Жеребцову ⁷⁾ о разрѣшеніи поселиться вмѣстѣ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ у нихъ удобный домъ, получили отъ императора свое письмо разорваннымъ, а сестра ихъ тотчасъ же была выслана изъ Петербурга, и этотъ государь претендуетъ на любовь своихъ подданныхъ, онъ хочетъ, чтобы его любили. Онъ хочетъ воплотить мечту, неудавшуюся Алкивиаду, простирая надъ всѣмъ окружающимъ желѣзную палку и распространяя во всѣ стороны мрачный ужасъ и отчаяніе, которое рано или поздно приведетъ для него къ печальнымъ результатамъ.

Между тѣмъ надо признать, что изъ-за столькихъ ужасныхъ странностей проглядываютъ прекрасныя и благородныя побужденія и великодушіе, почти никогда не измѣнявшееся.

Въ сношеніяхъ съ духовенствомъ императоръ высказываетъ больше

---

¹⁾ Графъ Огюсть-Лоранъ Шуазель-Гуффье былъ принятъ на русскую службу при Екатеринѣ; при Павлѣ занималъ должности президента Академіи художествъ и директора публичной бібліотеки.

²⁾ Маркизь Ламбертъ, изъ эмигрантовъ, былъ въ это время генерал-майоромъ на русской службѣ.

³⁾ Генералъ Дюмурье, измѣнившій республикѣ, явился въ Петербургъ и велъ здѣсь переговоры съ роялистами. Графъ Коссе де Бривакъ былъ агентомъ проживавшаго въ Москвѣ Людовика XVIII, а балли Флаксландъ находился во главѣ баварской депутаціи, въ составъ которой входилъ и авторъ предлагаемой „Записки“, кавалеръ де Брей.

⁴⁾ Иванъ Ивановичъ, впоследствии посланникъ въ Мюнхенъ.

⁵⁾ Федоръ Гавриловичъ, камергеръ, извѣстный своимъ злымъ языкомъ и низкимъ характеромъ.

⁶⁾ Князь Платонъ Александровичъ (1767—1821), фаворитъ Екатерины, и два брата его: старшій—графъ Николай (1763—1815), шталмейстеръ, и младшій графъ Валеріанъ (1771—1814). Всѣ три брата сдѣлались ярыми пособниками Палена.

⁷⁾ Сестра Зубовыхъ, Ольга Александровна Жеребцова (1766—1849), любовница англійскаго посла Витворта, принимала главное участіе въ заговорѣ Палена. Черезъ ея посредство Витвортъ сыпалъ заговорщикамъ англійскія гиней.

довкости и знанія людей: онъ его осыпаетъ милостями и знаками почета. Онъ первый награждалъ епископовъ орденами, которые до сихъ поръ давались только мірянамъ. Вездѣ, при всякомъ случаѣ, онъ высказываетъ имъ самое глубокое уваженіе, но въ этомъ у него меньше системы, чѣмъ чувства.

Однако же русское духовенство съ Петра Великаго значительно потеряло въ своемъ значеніи. Петръ Великій уничтожилъ патриаршество, присоединивъ его къ коронѣ¹⁾; такимъ образомъ въ настоящее время императоръ—глава церкви. Петръ Третій въ короткое время своего царствованія конфисковалъ владѣнія духовенства въ пользу короны и низвелъ его на степень простаго служилого сословія. Богатства духовенства были огромныя. Одна Кіевская лавра, основанная св. Владиміромъ (sic), имѣла болѣе 60.000 крестьянъ. Императрица Екатерина въ своихъ лицемѣрныхъ воззваніяхъ упрекала своего несчастнаго супруга за его ненависть къ духовенству и церкви и сдѣлала изъ нея предлогъ къ его осужденію; но она поостереглась вернуть духовенству то, что у него отнялъ императоръ, и этотъ изобильный источникъ средствъ во все время ея царствованія служилъ для обогащенія ея фаворитовъ и щедраго покровительства искусствамъ и полезнымъ учрежденіямъ.

Въ настоящее время духовенство бѣдно. Петербургскій архіерей(?) имѣетъ отъ Петербурга только 5.000 руб. Онъ не имѣетъ никакого вліянія на дѣла, никакого участія въ гражданскомъ и политическомъ управленіи. Нигдѣ разграниченіе между вѣдомствами церковнымъ и свѣтскимъ, между мірскимъ и духовнымъ не наблюдается такъ точно, какъ здѣсь. Русское духовенство составлено только изъ людей незначнаго происхожденія. Нѣтъ ни одного родовитаго человѣка ни въ монастыряхъ, ни въ приходахъ. Священники обязаны жениться, но если они становятся вдовцами, то они не могутъ второй разъ жениться и должны постричься въ монахи. Исключенія изъ этого правила очень рѣдки.

Русское духовенство, въ общемъ, очень невѣжественно; тѣмъ не менѣе въ монастыряхъ встрѣчаются нѣсколько ученыхъ; священника никогда нельзя встрѣтить въ обществѣ. Русскіе скорѣе суевѣрны, чѣмъ религіозны. Высшій классъ набоженъ, какъ и повсюду; народъ, отупѣвшій благодаря отсутствію всякаго образованія и порокамъ грубой администраціи, ограничиваетъ свою набожность нѣкоторыми обрядами. нѣкоторыми внѣшними проявленіями, съ которыми онъ не связываетъ никакой идеи.

Греческое богослуженіе довольно пышно, но оно не такъ методич-

¹⁾ Это ошибочное мнѣніе иностранца какъ бы подтверждалось поведеніемъ императора Павла, котораго обвиняли въ стремленіи къ первосвященничеству.

но и не такъ хорошо устроено, какъ католическое. Инструментальная музыка воспрещена въ греческихъ церквахъ. Богослуженіе совершается на народномъ языкѣ (?), и это—его хорошая сторона. Праздники крайне многочисленны. Кромѣ воскресній есть еще праздники, въ которые никакія работы не производятся. Выходить 121 день въ году, посвященный праздности.

Официальные праздники, какъ дни рожденія членовъ императорской фамиліи, дни событій, праздники орденовъ, почитаются какъ религіозныя. Число церквей въ Петербургѣ не очень велико, и тамъ только одинъ монастырь—св. Александра Невскаго; кромѣ того, благодаря нѣкоторой вѣротерпимости,—церкви армянскія, католическія, лютеранскія и кальвинистскія. Нельзя вести диспуты о религіяхъ въ странѣ, гдѣ мало разсуждаютъ, но нѣтъ совершенно ни нетерпимости, ни преслѣдованій, и это дѣлаетъ честь правительству.

Евгеній Шумигорскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

В. И. Даль о своихъ пословицахъ и словарѣ.

Письмо В. И. Дала — Федору Богдановичу Миллеру.

7-го января 1859 г.

Рыбакъ рыбака далеко слышитъ на плесу. Охотно подалъ бы я вамъ руку помощи на доброе дѣло, но одной воли мало, хотя она и служить краеугольнымъ камнемъ всякому дѣлу. Если и не всякому суждено быть призвану въ ловцы челоуѣковъ, то всякому дозволено стремиться на путь этотъ, на путь милосердія и благостыни. Но у бѣлки уже зубовъ нѣтъ; уходили бурку крутыя горки. Служба и неудачи удерживаютъ меня, все свободное отъ того и другаго время идетъ у меня на продолженіе и окончаніе печатныхъ работъ и я давно уже отказался отъ участія въ другихъ трудахъ. Голова слаба и даже руки плохо повинуются. Плоть упорна и строптива. Дай Богъ здоровья Крузе, — на-дняхъ получилъ я отъ него рукопись пословицъ и вскорѣ начинаю ихъ здѣсь печатать. Много пересудовъ было и будетъ объ этомъ сборникѣ, потому что это опытъ расположенія ихъ въ смысловомъ порядкѣ, но опытъ только на половину удачный, потому что трудъ меня одолѣлъ и осилилъ. Но передній заднему—мостъ. Кто за это дѣло возьмется послѣ меня, тотъ сладить и докончить его.

Остальное время сижу за словаремъ, который вѣроятно придется доканчивать въ духовномъ мірѣ, какъ Богу угодно; это уже не мой отвѣтъ, лишь бы дѣло не стало за мною. Позвольте просить васъ о дружеской заслугѣ, въ отместку на мой отказъ: какъ издатель ¹⁾, вы, конечно, будете въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ цѣновщиками умственного товара; когда начнется печатаніе пословицъ, то надо будетъ послать имъ (не пословицамъ т. е., а цѣновщикамъ) предисловіе, добавочныя объясненія и проч. Примите на себя трудъ быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, полезномъ, какъ я надѣюсь, для роднаго слова. Не трудитесь отвѣчать мнѣ на это: молчаніе приму я за знакъ согласія.

Съ должнымъ уваженіемъ и преданностію вашъ покорнѣйшій слуга.

¹⁾ Журнала „Развѣченіе“.

Отношенія иркутскаго архіепископа Нила къ декабристамъ.

(Письма книгини Е. И. Трубецкой, князя С. П. Трубецкаго и князя С. Г. Волконскаго).

Чувство дружбы между русскимъ «духовнымъ владыкою», съ одной стороны и политическими преступниками—съ другой, повидимому, являлось чѣмъ-то совершенно невѣроятнымъ; во всякомъ случаѣ оно слишкомъ мало соответствовало условіямъ этихъ двухъ сторонъ при общественномъ и официальномъ ихъ положеніи. Тѣмъ не менѣе, это доброе чувство—историческій фактъ. Нашелся человекъ, который счумѣлъ заслужить въ средѣ декабристовъ любовь и уваженіе. Здѣсь мы разумѣемъ иркутскаго (впослѣдствіи ярославскаго) архіепископа Нила, знаменитаго переводчика священнаго писанія на монгольско-бурятскій языкъ¹⁾. Съ нимъ находились въ перепискѣ нѣкоторые изъ наиболѣе вліятельныхъ участниковъ декабрьскихъ событій 1825-го года, какъ-то: Сергій Петровичъ Трубецкой и его супруга Екатерина Ивановна, прибѣгавшіе къ нему за совѣтами въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ, Сергій Григорьевичъ Волконскій, Артамонъ Захаровичъ Муравьевъ и Александръ Викторовичъ Поджіо.

¹⁾ Въ декабрѣ минувшаго 1898 года исполнилось столѣтіе со дня его рожденія въ селѣ Орѣхи, Могилевской епархіи. Къ сожалѣнію, широкую и разнообразную дѣятельность архіепископа Нила не помянула, какъ бы слѣдовало, добрымъ словомъ ни столичная, ни мѣстная печать въ Вяткѣ, Иркутскѣ и Ярославѣ, гдѣ онъ занималъ епископскія кафедръ. Единственнымъ исключеніемъ была, кажется, только одна небольшая замѣтка въ ярославской газетѣ „Сѣверный Край“. Наши почтенные ориенталисты также не обмолвились ни однимъ словомъ о несомнѣнныхъ ученыхъ заслугахъ архіепископа Нила, скончавшагося 25-тъ лѣтъ тому назадъ (1874 г.).

Л. Т.

Къ сожалѣнію, большинство писемъ декабристовъ къ архіепископу Нилу безвозвратно погибло во время переѣзда его изъ Иркутска въ Ярославль: чемоданъ съ бумагами утонулъ въ какой-то горной рѣчкѣ,— такъ что въ оставшихся послѣ Нила рукописяхъ, заключающихъ въ себѣ множество любопытныхъ автографовъ разныхъ знаменитостей, уцѣлѣло и находится въ рукахъ у насъ всего лишь четыре письма Трубецкой, одно—ея мужа и одно—Волконскаго. Но даже и въ тѣхъ немногихъ строкахъ, которыя здѣсь въ первый разъ появляются въ печати, проглядываетъ свѣтлая личность «русской женщины», воспѣтой Некрасовымъ.

... „Нѣтъ, я не жалкая раба,
 Я—женщина, жена.
 Пускай горька моя судьба,—
 Я буду ей вѣрна!
 О, еслибъ онъ меня забылъ
 Для женщины другой,
 Въ моей душѣ достало бъ силъ
 Не быть его рабой!
 Но знаю: къ родинѣ любовь—
 Соперница моя,
 И, еслибъ нужно было вновь
 Ему простила бъ я“...¹⁾

О «всепрощающей» сердечности Трубецкой, между прочимъ, свидѣтельствуетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» тоже глубоко-симпатичный человѣкъ, докторъ Бѣлоголовый, знавшій многихъ декабристовъ изъ числа друзей архіепископа Нила, при чемъ онъ вполне справедливо высказалъ сожалѣніе, что жены ихъ «до сихъ поръ не нашли ни должной оцѣнки, ни своего Плутарха»²⁾. И въ самомъ дѣлѣ: было бы странно въ настоящее время ограничиваться относительно этихъ незабвенныхъ русскихъ женщинъ одною лишь поэтической оцѣнкою ихъ, какъ бы она ни была вѣрна съ исторической стороны. Возможно-полное собраніе ихъ писемъ—вотъ чтò, по нашему мнѣнію, всего нужнѣе въ данномъ случаѣ для характеристики тѣхъ героинь, которыя, вслѣдъ за своими мужьями, устремились въ сибирскія трущобы. Александра Григорьевна Муравьева, Камилла Петровна Ивашева, Александра Васильевна Егталцева, Марія Казиміровна Юшневская, Елизавета Петровна Нарышкина, Наталья Дмитріевна Пущина (бывшая вдова М. А. фонъ-Визина), Марія Николаевна Волконская, Екатерина Ивановна Трубецкая—всѣ онѣ представляютъ собою достаточно-благодарный «матеріалъ» для того «Плутарха», о коемъ мечталъ покойный Бѣлоголовый. Можно заранѣе предсказать, что такого рода сборникъ писемъ и воспоминаній женъ

¹⁾ Стихотворенія Некрасова, посмертное изданіе, 1879 г., т. II, стр. 367.

²⁾ Н. А. Бѣлоголовый, изд. 3-е, стр. 28.

декабристовъ, сопровождаемый, конечно, необходимыми примѣчаніями, нашель бы обширный кругъ читателей и, въ особенности, читательницъ. Всѣ они, думается намъ, не встрѣтили бы тамъ ничего, кромѣ неподкрашенной исторической правды, чуждой запоздалыхъ проклятій — по адресу своихъ враговъ и гонителей: эти женщины умѣли страдать и прощать! По крайней мѣрѣ, такова была одна изъ нихъ — княгиня Трубецкая, которую архіепископъ Нилъ называлъ своей «второй матерью».

Всѣхъ писемъ ея, какъ уже сказано, у насъ имѣется только четыре, которыя и приведемъ здѣсь. Какъ и всѣ великосвѣтскія женщины конца 20-хъ годовъ и начала 30-хъ, Трубецкая получила образованіе «французское», но по-русски она писала довольно-правильно.

1.

12-го ноября 1839 г. Уричь¹⁾.

Преосвященнѣйшій владыко!

Податель сего письма — Еланьской Троицкой церкви дьячекъ Левъ Гавриловъ Поповъ во время тяжелой болѣзни далъ обѣтъ: въ случаѣ выздоровленія, сходить на поклоненіе къ мощамъ св. Сергія, Радонежскаго чудотворца.

Не зная, къ кому обратиться съ просьбой исходатайствовать ему ваше разрѣшеніе на это дѣло, онъ просилъ объ этомъ Артамона Захаровича Муравьева, который мнѣ поручилъ передать вамъ его усерднѣйшую просьбу объ этомъ человѣкѣ.

Можетъ быть, преосвященнѣйшій владыко, вы найдете, что мы не въ свое дѣло вмѣшались; но сильное желаніе его исполнить обѣтъ и убѣдительныя его просьбы насъ такъ растрогали, что мы не умѣли ему отказать, и, надѣясь на вашу снисходительность, рѣшились васъ беспокоить.

Испрашивая вашего прощенія и поручая себя вашему милостивому расположенію, съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь душевно преданная вамъ К. Трубецкая.

Артамонъ Захаровичъ и мужъ мой свидѣтельствуютъ вамъ свое глубочайшее почтеніе и просятъ удостоить ихъ вашимъ пастырскимъ благословеніемъ.

¹⁾ Деревня Уричь — мѣсто поселенія нѣкоторыхъ декабристовъ, послѣ окончанія ими ваторжныхъ работъ, находится въ 17-ти верстахъ отъ Иркутска.

2.

7-го января 1842 г., получено 10-го января 1842 г.

Преосвященнѣйшій владыко!

Возвращаю вамъ, съ благодарностью, книги, которыя вы мнѣ давали прочитать. Долго ихъ держала, потому что всё надѣялась быть у васъ и лично вамъ ихъ вручить. Боясь, однако же, чтобъ онѣ вамъ не занедабились, воспользовалась нынче случаемъ доставить ихъ вамъ. Если пришлете мнѣ одну или двѣ другія части этой книги,—много меня обяжете.

Можетъ быть, просьба моя не скромна, но чтеніе тѣхъ двухъ частей, которыя были у меня, очень меня привязало. Я въ нихъ нашла очень много назидательнаго и утѣшительнаго, и прошу продолженія этого чтенія, какъ лѣкарства для больной души.

Душевно желала бы, преосвященнѣйшій владыко, побывать у васъ. Здоровье мое и разныя другія обстоятельства до сихъ поръ мѣшали мнѣ. Покуда примите мужа моего и мое заочное поздравленіе съ Новымъ годомъ и искреннія наши желанія вамъ всевозможныхъ благъ духовныхъ и земныхъ.

Поручая себя вашему доброму расположенію и испрашивая себѣ и своимъ вашего святаго благословенія, съ глубочайшимъ почтеніемъ и душевною къ вамъ привязанностію остаюсь навсегда вамъ преданная Катерина Трубецкая.

3.

3-го апрѣля 1843 г.

Преосвященнѣйшій владыко!

Въ теченіе цѣлаго поста я всё собиралась въ городъ и надѣялась быть у васъ, но здоровье мое заставило меня отказаться отъ этой поѣздки. Теперь обращаюсь къ вамъ съ просьбою: не можете ли вы прислать мнѣ какую-нибудь духовную книгу, которая бы мнѣ помогла приготовиться къ говѣнію? Думаю говѣть на будущей недѣлѣ, и сильно желала бы приступить къ этому важному дѣлу, по возможности приготовить себя хотя нѣсколько. Если Bourdaloue у васъ не свободенъ, то не найдется ли у васъ какое (ябудь) другое чтеніе, которое могло бы возбудить во мнѣ тѣ чувства, съ коими (я) желала бы приступить къ святому Таинству?

Если я и не совсѣмъ скромно въ этомъ случаѣ поступаю,—я увѣрена, что вы, по добротѣ своей, не взыщете, и поручаю себя обычной вашей снисходительности.

Испрашивая себѣ и всему мнѣ близкому вашего святаго благословенія, съ чувствомъ искренней преданности и привязанности къ вамъ, остаюсь навсегда вамъ преданная К. Трубецкая ¹⁾.

4.

5-го ноября 1846 г.

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

Добраго нашего Артамона Захаровича ²⁾ нѣтъ уже на свѣтѣ! Вчера, въ 12 часовъ по полудни, у него показался антоновъ огонь. Онъ скоро понялъ, что съ нимъ дѣлается, и тутъ же сейчасъ потребовалъ священника. Въ полной памяти и, какъ видно, съ сильнѣйшимъ упованіемъ на милосердіе Божіе, онъ исповѣдался и приобщился. Послѣ того, не смотря на тяжкія страданія, онъ, предавъ себя совершенно въ волю Божію, кротко и съ сильнымъ, спокойнымъ духомъ ожидалъ смерти.

Послѣднее его движеніе (съ сознаніемъ сдѣланное) было знаменіе креста, очень не задолго до кончины.

Онъ, преосвященнѣйшій владыко, всею душою былъ къ вамъ привязанъ. Не могу удержаться отъ просьбы къ вамъ: когда будете молиться за усопшихъ, и если возможно, при совершеніи Тайнства, вспоминайте о немъ. Не откажите ему въ своихъ молитвахъ!

Зная любящую душу вашу, я увѣрена, что вы не будете сѣтовать на то, что такъ просто высказала вамъ желаніе мое, и думаю, что вы точно съ любовію вспомните этого истинно-добраго человѣка.

Испрашивая себѣ и всѣмъ своимъ вашего святаго благословенія, съ искреннею къ вамъ привязанностію и съ глубочайшимъ почтеніемъ остаюсь навсегда вамъ преданная К. Трубецкая.

Скончался вчера въ 9-ть часовъ вечера ³⁾.

¹⁾ Замѣчательно, что на этомъ письмѣ значится рукою Нила: „получено 4-го апрѣля 1843 г. отъ княгини Трубецкой“. Сама себя она такъ не титуловала, сообразуясь съ указомъ императора Николая 10-го іюля 1826 г. верховному уголовному суду.

²⁾ Т. е. Муравьева.

³⁾ Письмо это важно уже потому, что имъ устанавливается не только день, но и часъ кончины А. З. Муравьева. Конечно, Трубецкая, присутствовавшая при его послѣднихъ страдальческихъ минутахъ жизни, не могла впасть въ ошибку; между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, напримѣръ въ „Спискѣ декабристовъ, умершихъ въ изгнаніи, убитыхъ на Кавказѣ или скончавшихся по возвращеніи на родину, до 1869 года“, Лейпцигское изданіе 1875 г., стр. 306, означенное печальное для всѣхъ декабристовъ событіе приурочено не къ

О смерти Трубецкой (14-го октября 1854 г.) архіепископъ Нилъ, занимавшій въ то время уже Ярославскую кафедру, получилъ нѣсколько писемъ: несомнѣнное доказательство, что сибиряки любили и уважали эту почтенную и—въ глазахъ ихъ—святую женщину, которую, повторяемъ, самъ Нилъ называлъ своей «второй матерью», что въ устахъ русскаго архипастыря, особенно такого строгаго цѣнителя людскихъ пороковъ и добродѣтелей, какимъ былъ Нилъ, конечно, не могло являться пустымъ звукомъ или льстивою фразой.—Приводимъ кстати нѣсколько такихъ задушевныхъ отголосковъ, заключающихъ въ себѣ любопытныя подробности о предсмертныхъ дняхъ и минутахъ жизни Трубецкой.

«Не стало и Катерины Ивановны на свѣтѣ! ¹⁾ Еще за недѣлю до смерти она спрашивала меня, не получалъ ли я отъ васъ писемъ. Покойная уважала васъ безконечно! При встрѣчахъ со мною она вспоминала васъ часто со слезами на глазахъ. Ей не нужно было ни надгробныхъ словъ, ни похвалъ человѣческихъ, которыя бы напомнили о жизни ея: дѣла покойной сами за себя говорятъ. Толпа облагодѣтельствованныхъ ею принесла послѣднюю ей дань любви—сердечныя слезы. Миръ праху твоему, святая, незабвенная женщина!»..

«Вспомните въ архипастырскихъ молитвахъ вашихъ душу вновь преставившейся рабы Божіей Екатерины! ²⁾ Вчера, въ 8-мъ часу утра, скончалась Екатерина Ивановна Трубецкая, которую, при отъѣздѣ изъ Иркутска, ваше высокопреосвященство называли своей второй матерью, что и осталось въ живой памяти моей. Продолжительный же-

---

4-му, а къ 5-му декабря 1846 года; докторъ же Бѣлоголовый уже совершенно ошибочно сообщаетъ, что Муравьевъ умеръ „или въ самомъ концѣ 40-хъ годовъ, или въ началѣ 50-хъ“. Но характеристика бывшаго гусарскаго полковника, сдѣланная тѣмъ же Бѣлоголовымъ, вполне согласна съ приведеннымъ выше письмомъ Трубецкой: и тотъ, и другая, главнымъ образомъ, упоминаютъ объ его истинной (т. е. не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ) добротѣ, которая была тѣмъ очаровательнѣе, что „добрякъ“ Артамонъ Захаровичъ „былъ всегда веселъ, всегда хохоталъ... Его всѣ любили за беззаветную и дѣятельную доброту; онъ не только платонически сочувствовалъ всякой чужой бѣдѣ, а дѣлалъ все возможное, чтобы помочь ей“.. (Воспомнанія Бѣлоголоваго, изд. III, 14 и 15).

¹⁾ Изъ письма Сельскаго, отъ 5-го ноября 1854 г., изъ Иркутска.—Сельскій редактировалъ тогда „Вѣстникъ Восточной Сибири“. Находящіяся у насъ письма его къ архіеп. Нилу очень интересны, особенно по дѣламъ Сибирскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества.

Л. Т.

²⁾ Изъ письма Баснина, о которомъ упоминаетъ Бѣлоголовый въ своихъ „Воспомнаніяхъ“, отзываясь о немъ, какъ объ умномъ и „оригинальномъ человѣкѣ“. Вас. Ник. Баснинъ велъ оживленную переписку съ архіепископомъ Ниломъ, который, и по переѣздѣ въ Ярославль, интересовался Сибирью, гдѣ тогда, при Н. Н. Муравьевѣ, закипала на Амурѣ уже большая дѣятельность.

Л. Т.

стокій кашель былъ слѣдствіемъ чахотки; въ послѣднее время отъ случайности (?), были еще желудочныя тяжкія боли; къ тому же—прежняя застарѣлая болѣзнь (?). Екатерина Ивановнѣ было всего 52 года; а здѣсь на глазахъ нашихъ—бодрая старушка Софья Григорьевна Волконская, 68-ми или 69-ти лѣтъ, свѣтлѣйшая княгиня, сестра Сергѣя Григорьевича. Образъ ея жизни—простой, здоровый, дѣятельность неимовѣрная, а бойкость въ движеніяхъ изумительная; послѣднее доказано переѣздомъ черезъ Байкаль на пароходѣ во время сильной бури: ѣздила въ Кяхту... Положеніе семейства Трубецкихъ—то же самое, какъ и при васъ было». и проч.

«...На-дняхъ, я лишилась второй опоры моего одиночества въ Иркутскѣ¹⁾: Екатерина Ивановна Трубецкая, послѣ многихъ страданій, окончила земной путь свой. Миръ душъ ея! Скончалась она 14-го октября. Вчера погребли ее подлѣ трехъ ея младенцевъ. Послѣдняя болѣзнь ея, какъ я слышала отъ постороннихъ, была горловая чахотка. За нѣсколько дней до смерти, она пріобщилась св. Таинъ, предъ самую же кончиною соборовалась и выслушала отходную. Такъ какъ это было около 7-ми часовъ утра, то, кромѣ семьи, никого не было у постели ея. Въ послѣдніе дни, она собиралась все что-то сказать то Сергѣю Петровичу, то Александру Викторовичу Поджію, но потомъ, послѣ нѣсколькихъ раздумьевъ (sic), говорила, что никакъ не можетъ собрать мыслей. Сергѣю Петровичу она, однакожъ, разъ начала тѣмъ, что она уже больше не встанетъ; но онъ разувѣрилъ ее, говоря, что доктора нашли настоящую ея болѣзнь и надѣются помочь ей. Она замолчала и ужъ послѣ, кажется, не говорила объ этомъ. Въ ночь передъ кончиною она призвала обонхъ дѣтей и благословила ихъ. Въ послѣднее время она, говорятъ, очевь была покойна и довольна. Кяхтинскія дѣла ихъ, съ отъѣздомъ оттуда одной особы (?), пошли очень хорошо... Н. Н. М.²⁾, по пріѣздѣ съ Амура, былъ у нея; она тогда хоть и не была въ опасности, но уже была нездорова... Итакъ можно думать, что ничего тяжелаго не осталось у нея на сердцѣ въ то время, какъ сердце это, великое по своей любви и кротости, перестало биться... Смотри на Сергѣя Петровича, не знаешь, чему удивляться: высокой ли покорности чело-вѣка Богу, или благодати Божіей, такъ могущественно помогающей чело-вѣку? Въ послѣднее время онъ постарѣлъ, по крайней мѣрѣ, десятью годами; но его семейная заботливость, нѣжность къ дѣтямъ, до-

¹⁾ Изъ письма Александры Ивановны Гамбурцевой, отъ 18-го октября 1854 г. Гамбурцева, пользовавшаяся расположеніемъ Трубецкой и архіепископа Нила, занимала должность учительницы въ Иркутскѣ и, впоследствии, была директриссой въ ярославской женской гимназіи. Л. Т.

²⁾ Т. е. генераль-губернаторъ (впоследствии графъ) Николай Николаевичъ Муравьевъ.

брота ко всему окружающему кажутся неустойчивыми и не прерывались въ самыя трудныя минуты».

Трубецкой, какъ извѣстно, успѣлъ воспользоваться амнистіей, дарованною Царемъ-Освободителемъ, и пережилъ свою жену на 6 лѣтъ (скончался 22-го ноября 1860 г. въ Москвѣ).

Еще долговѣчнѣе его былъ князь С. Г. Волконскій, скончавшійся въ селѣ Воронкахъ, Черниговской губерніи, 28-го ноября 1866 г. Онъ, сколько намъ извѣстно, имѣлъ возможность встрѣтиться съ архіепископомъ Ниломъ и вспомнить своихъ друзей и товарищей по изгнанію, между прочимъ—М. С. Лунина. Приводимъ, кстаті, письмо Волконскаго, касающееся этого декабриста, одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени.

Высокопреосвященнѣйшій владыко!

По смерти товарища и друга моего Михаила Сергѣевича Лунина, остались духовныя и другія на древнихъ языкахъ книги, которыя, по назначенію законной его наслѣдницы, сестры его, вдовы двора Его Императорскаго Величества камергера Уварова, Катерины Сергѣевны, поручено мнѣ съ вѣдѣнія мѣстнаго начальства, представить въ даръ въ Иркутскую семинарію. Исполняя волю ея, при семъ имѣю счастье препроводить къ вашему высокопреосвященству, тѣ изъ сказанныхъ книгъ, которыя имѣю здѣсь на лицо, означенныя въ особой прилагаемой при семъ запискѣ, остальные же будутъ представлены мною вамъ по полученіи оныхъ изъ Нерчинскаго горнаго управленія.

Для меня утѣшительно, что любимыя занятія покойнаго моего друга и товарища подали сестрѣ его благочестивую мысль—быть полезной заведенію, состоящему подъ просвѣщеннымъ покровительствомъ вашего высокопреосвященства.

Испрашивая себѣ вашего святаго благословенія, съ глубочайшимъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего преосвященства всепокорнѣйшій слуга Сергѣй Волконскій.

1-го сентября 1846 г. Селеніе Урикъ.

Въ заключеніе, сообщаемъ матеріалъ, имѣющій существенное значеніе для исторіи семейныхъ декабристовъ во время ихъ сибирскаго житья-бытья, уже не на каторгѣ, а на поселеніи.

Извѣстно, что императоръ Николай I сильно желалъ оказать нѣкоторое милосердіе если не самимъ декабристамъ, то дѣтямъ ихъ, родившимся въ Сибири. Въ чемъ выразалось это милосердіе, и какой отвѣтъ встрѣтило оно со стороны одного изъ бывшихъ князей, именно С. П. Трубецкаго,—это видно изъ слѣдующаго письма его къ архіепископу Нилу:

«Высокопреосвященнѣйшій владыко!

«Мнѣніе вашего высокопреосвященства для меня драгоцѣнно, и потому я давно чувствую душевную потребность представить вамъ отзывъ мой генераль-губернатору ¹⁾. Не имѣвъ случая исполнить лично, я нынѣ поручилъ это жемъ моей. Изъ прилагаемаго списка съ добавленными примѣчаніями ваше высокопреосвященство усмотрите безъ дальнѣйшихъ поясненій и самыя причины, руководившія мною.

«Счастливымъ себя почту, если въ теперешнемъ моемъ поступкѣ ваше преосвященство удостоите видѣть то душевное уваженіе и глубочайшую преданность, съ которыми имѣю счастье назваться вашего высокопреосвященства всепокорнѣйшимъ слугою Сергій Трубецкой».

18-го мая 1842 г. С. Омь.

Копія отзыва, даннаго С. П. Трубецкимъ генералу Рунперту.

«16-го числа сего мѣсяца, ваше превосходительство объявили намъ, что государь императоръ, по случаю торжественнаго въ прошедшемъ году бракосочетанія его императорскаго высочества государя цесаревича наследника, соизволилъ обратить высочайшее вниманіе на поступки жемъ нашихъ, послѣдовавшихъ за нами въ заточеніе, и принять всемилостивѣйшее намѣреніе, въ уваженіе ихъ, оказать свое милосердіе на дѣтяхъ ихъ, родившихся въ Сибири. Что комитетъ, которому всемилостивѣйше повелѣно было изыскать средства привести въ исполненіе благодѣтельную волю государя императора, собравъ потребныя свѣдѣнія, положилъ: по достиженіи дѣтьми узаконеннаго возраста, принять ихъ для воспитанія въ одно изъ казенныхъ заведеній для дворянскаго сословія учрежденныхъ, если отцы на то согласны будутъ; при выпускѣ же возвратить имъ права, утраченныя отцами ихъ, когда они поведеніемъ своимъ и успѣхами въ наукахъ окажутся того достойными, но вмѣстѣ съ тѣмъ лишить ихъ фамильнаго имени ихъ отцовъ, приказавъ именовать по отчеству.

«До глубины души исполненный чувствомъ живѣйшей признательности къ вниманію, всемилостивѣйше обращенному на жемъ и дѣтей нашихъ, смѣю уповать, что государь императоръ по милосердію своему не допуститъ наложить на чела матерей незаслуженное ими пятно и лишеніемъ дѣтей фамильнаго имени отцовъ причислить ихъ къ незаконнорожденнымъ.

«Касательно же согласія моего на помѣщеніе дѣтей моихъ въ казенное заведеніе, я въ положеніи моемъ не дерзаю взять на себя рѣшеніе судьбы ихъ, но не долженъ скрыть, что разлука на вѣкъ дочерей съ ихъ матерью будетъ для нея смертельнымъ ударомъ».

¹⁾ Вильгельму Яковлевичу Рунперту. Отрывки изъ переписки его съ архіепископомъ Ниломъ сохранились также въ бумагахъ послѣдняго.

Далѣ, единственно уже для свѣдѣнія архіепископа Нила, С. П. Трубецкой написалъ слѣдующія объясненія, или, какъ онъ назвалъ ихъ, примѣчанія:

«О мальчикахъ сказано: что они будутъ воспитаны въ кадетскомъ корпусѣ; о дѣвочкахъ сказано просто: въ казенномъ заведеніи. Слова: для дворянскаго сословія учрежденныхъ написаны единственно со словъ генераль-губернатора. Право дворянства дается тогда, когда при выпускѣ достойными того окажутся.

«Предстоитъ вопросъ, что будетъ съ ними, когда (они) не будутъ найдены достойными дворянскаго достоинства?

«Лишеніе дѣтей родительской фамилии неминуемо подвергаетъ ихъ безчисленнымъ неспрiятностямъ отъ совоспитанниковъ и впоследствии. Дѣлаетъ ихъ чуждыми семействамъ ихъ родителей. Лишаетъ ихъ права наслѣдованія, даже отъ матери. Слѣдовательно, дворянское достоинство не доставляетъ нашимъ дочерямъ никакой житейской пользы.

«Согласившись отдать ихъ въ казенное заведеніе, я вмѣстѣ съ тѣмъ далъ бы согласіе и на перемѣну ихъ имени, и по моему понятію, призналъ бы грѣховнымъ сожитіе съ женою моею и осрамилъ бы ее и семейство ея предъ цѣлымъ свѣтомъ!

«Къ счастью, все это есть только опредѣленіе комитета, которое, надѣюсь, не получитъ высочайшаго утвержденія.

«Когда государю угодно сдѣлать добро нашимъ дѣтямъ, то я могу уповать, что Господь положитъ ему на сердце послѣдовать единственно собственному влеченію».

Разумѣется, архіепископъ Нилъ утѣшалъ Трубецкаго и особенно его жену надеждою на высочайшую милость по отношенію къ дѣтямъ ихъ «въ ближайшемъ будущемъ»; но они дождались лучшихъ дней лишь послѣ амнистіи, дарованной тѣмъ, который дважды явился Царемъ-Освободителемъ—въ 1856 и 1861 годахъ.

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что даже и въ высочайшемъ указѣ Правительствующему Сенату 26-го августа 1856 года, установлены были нѣкоторыя исключенія. Такъ, во 2-мъ пунктѣ этого указа значится слѣдующее: «Причисленнымъ же, по винѣ своей, къ низшимъ степенямъ: Владиміру Штейнгелю, Андрею Розену, Захару Чернышеву, Алексѣю Черкасову, Валеріану Голицыну и Веніамину Соловьеву и законнымъ дѣтямъ ихъ, рожденнымъ послѣ приговоровъ, даровать прежніе титулы: Голицыну—княжескій, Чернышеву—графскій, а прочимъ—баронскій. Если и послѣ умершихъ лицъ, осужденныхъ по упомянутымъ дѣламъ, пользовавшихся дотолѣ почетными титулами и перечисленныхъ къ разрядамъ не выше третьяго, остались законныя дѣти, то и имъ даровать прежніе почетные титулы отцовъ ихъ»... Но извѣстно, что друзья Нила (Трубецкой и Волконскій) принадлежали къ двумъ

первымъ разрядамъ государственныхъ преступниковъ, а потому съ возвращеніемъ свободы и дворянскаго достоинства, они и дѣти ихъ не получили, въ 1856 году, княжескаго титула. Только впоследствии дарована была ихъ сыновьямъ и дочерямъ и эта милость.

Что касается другихъ декабристовъ, то не всѣ они, подобно Трубецкому, стойко защищали права своихъ дѣтей на родовыя фамиліи. Сыновья ихъ, взятые, по волѣ императора Николая I, въ учебныя заведенія, во время своей школьной жизни именовались просто, напримѣръ, Васильевыми—по именамъ родителей ихъ: Василя Давыдова, Василя Ивашева и Вильгельма (въ русскомъ «вольномъ» переводѣ—тоже Василя) Кюхельбекера. Замѣтимъ еще, что нѣкоторые декабристы не могли дать тотъ или другой отвѣтъ по настоящему вопросу, такъ какъ они (напримѣръ, В. П. Ивашевъ и другъ Пушкина В. К. Кюхельбекеръ) уже покоились въ могилахъ—подъ крестомъ, этимъ вѣчнымъ знакомъ всепрощающей любви и неземнаго милосердія.

Леонидъ Трефолевъ.

**Всеподданнѣйшее прошеніе генераль-лейтенанта Дорохова
объ обезпеченіи его семейства.**

11-го апрѣля 1815 г. г. Тула.

Всемиловѣннѣйшій государь,

Богъ не удостоилъ меня пролить остатокъ крови моей предъ лицомъ вашимъ на полѣ чести, но въ 30 лѣтъ служенія моего престолу вашему она пролилась пять разъ; теперь по двухлѣтнемъ страданіи моемъ отъ послѣдней моей раны полученной на брани отечественной я чувствую, что жизнь не есть участь моя и уже близко то мгновеніе, что я долженъ предстать предъ судью вѣчнаго.

Всемиловѣннѣйшій государь! Служба моя всегда управляема была неусыпнымъ рвеніемъ, честью и безкорыстіемъ. Есть-ли есть на виду какія-либо отличія по оной, то за все милосердый монархъ я награжденъ вами съ избыткомъ. Итакъ только отъ безпримѣрной щедроты вашей на всѣхъ вамъ вѣрноподданныхъ я надѣюсь, что ваше императорское величество почтите и мою память.

Будьте всещедрый монархъ благодѣтельнымъ отцомъ женѣ моей, четыремъ моимъ сиротамъ и двумъ ея. — Я спокоенъ на щетъ воспитанія дочерей, ибо сія примѣрная женщина вышла за меня не по честолюбію а единственно изъ состраданія ко мнѣ и по любви къ дѣтямъ моимъ. Ей я ввѣряю воспитаніе дочерей, есть-ли вы всещедрый монархъ оставите по смерти моей пожалованную вамъ мнѣ аренду на то число лѣтъ, и мое жалованье въ пенсіонъ имъ до выхода хотя первой за мужъ, онѣ будутъ воспитаны и не должны жаловаться на судьбу свою.

Сынъ мой уже по милосердію вашему имѣетъ дорогу, и есть-ли будетъ достоинъ, будетъ имѣть въ васъ отца своего.

Прикажите всещедрый монархъ помѣстить его въ Пажескій корпусъ, ибо онъ милосердіемъ вашимъ туда уже записанъ.

Удостоите также помѣщеніемъ съ нимъ вмѣстѣ въ оной же корпусъ двоюроднаго его брата Карамзина также сироту, да не разлучатся сіи два юноша съ ихъ младенчества и да послѣдуютъ примѣру ихъ отцамъ въ истинной дружбѣ къ себѣ, и въ служеніи престолу вашему.

Великій монархъ! дабы не унижить память мою прибѣгаю къ милосердію вашему, по недостаточному моему положенію, — я долженъ! Безъ помощи вашей уплата долгу можетъ разстроить дѣтей моихъ. Въ кампанію 1807 года я имѣю претензію на казнѣ, равно по переводу векселя въ 10.000 серебромъ на бывшаго тогда подрядчика Мееровича взыскать сіи деньги, а по закону не могъ и по сію минуту. ибо онъ отзывается что имѣетъ претензію на казнѣ.

Снизойдите по щедротѣ вашей на сію мою послѣднюю къ вамъ просьбу; чтобъ я предъ вѣчнымъ судьей могъ излить слезы чистой моей къ вашему императорскому величеству благодарности, ибо дѣти мои отъ благости вашей щастливы будутъ совершенно.

Всеподданнѣйше испрашиваю вашего императорскаго величества о награжденіи слѣдующимъ чиномъ адъютанта моего лейбъ-гвардіи конноегерскаго полка поручика Томилловскаго 1-го, яко офицера храбраго и дѣятельнаго по службѣ вашей.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ прусскаго флигель-адъютанта Малаховскаго. (1813 — 1820 годовъ).

V¹).

Фридрихъ-Вильгельмъ выѣхалъ изъ Парижа 24-го (12-го) сентября (1815 г.), направляясь черезъ Брюссель, Кельнъ, Бонъ и Франкфуртъ въ Берлинъ. Жители Бона, присоединеннаго къ Пруссіи вмѣстѣ съ прочими областями, перешедшими къ ней въ силу постановленій Вѣнскаго конгресса, пожелали устроить своему новому государю особо торжественную встрѣчу, несмотря на его нелюбовь къ подобнымъ встрѣчамъ и положительное запрещеніе устраивать ему ихъ. Встрѣча эта вышла столь своеобразной, что мы считаемъ не безынтереснымъ привести здѣсь описаніе ея. Еще за мило до города короля встрѣтили подвыпившая рота ландвера и конный отрядъ мѣстной лѣсной стражи, отъ радости тоже нѣсколько слишкомъ выпившей за здоровье своего новаго государя. Очень тучный старшій лѣсничій поѣхалъ рядомъ съ коляской короля и постоянно дѣлалъ усилія завести связанный разговоръ, большая часть котораго пропадала средн вѣтра и шума. Король, уже разсерженный, неоднократно приказывалъ Малаховскому удалить этого господина, но всѣ крики, знаки и жестикуляція пропадали даромъ. Тѣмъ временемъ король замѣтилъ передъ собою какое-то высокое сооруженіе на подобіе воротъ.

— Это что такое? Пожалуй, чортъ возьми, это своего рода триумфальная арка!—выбранился онъ.

¹) См. „Русскую Старину“, августъ 1899 г.

Такъ оно и оказалось въ дѣйствительности. Короля встрѣтили одѣтыя въ бѣлое дѣвушки и молодыя женщины, и онъ былъ вынужденъ принимать депутаціи и выслушивать ихъ рѣчи. Конечно, его лицо не могло выражать при этомъ дружелюбія. Но нѣчто другое, худшее, ожидало его еще впереди. Когда показались ворота Бона, раздалась пушечные залпы. Это окончательно вывело короля изъ себя. Къ тому же, почтовые лошади испугались и понесли, такъ что экипажъ, пролетѣвъ по всѣмъ улицамъ, остановился лишь на торговой площади, гдѣ была выстроена городская гвардія, и короля ожидала огромная толпа народа. Окончательно разсердившись, Фридрихъ-Вильгельмъ выскочилъ изъ экипажа и, подойдя къ толпѣ, произнесъ громкимъ голосомъ:

— Всевозможныхъ торжественныхъ встрѣчъ я не только не просилъ, но даже положительно запретилъ ихъ. Исполнивъ это мое повелѣніе, вы бы дали мнѣ первое и лучшее доказательство вашей привязанности. Я ненавижу наполеоновскія торжества по случаю встрѣчъ! Нѣ вы еще не можете питать никакихъ чувствъ любви и привязанности ко мнѣ, ни я къ вамъ; вотъ, когда мы проживемъ лѣтъ десять вмѣстѣ, и я найду въ васъ вѣрный и преданный народъ, а вы во мнѣ—справедливаго и заботливаго государя, тогда мнѣ будетъ приятно, когда вы будете громко выражать вашу радость видѣть меня.

Когда при всеобщемъ молчаніи король снова сѣлъ въ экипажъ, къ нему подошелъ длинный, худощавый священникъ и обратился со слѣдующими, по его мнѣнію, конечно, крайне назидательными словами:

— Государь, принимайте ближе всего къ сердцу религію и добродѣтель!

— Ахъ, что тамъ!—воскликнулъ король, все еще возбужденный,— оставьте меня въ покоѣ! Въ своей жизни я еще никогда не угнеталъ ни религіи, ни добродѣтели.

При этихъ словахъ экипажъ покатился далѣе.

10-го октября (28-го сентября) король вернулся въ Берлинъ и обратился къ своей строго размѣренной жизни. Правильное теченіе ея было нарушено только въ началѣ пріѣздомъ въ Берлинъ императора Александра.

Вотъ нѣкоторыя подробности изъ его пребыванія въ Берлинѣ, передаваемые Малаховскимъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Между прочимъ король посѣтилъ съ императоромъ Александромъ музей, и тамъ государю былъ показанъ вырѣзанный изъ можжевельника скипетръ, якобы принадлежавшій одному изъ русскихъ царей. Но императоръ Александръ не обратилъ на этотъ скипетръ особеннаго вниманія и небрежно положилъ его обратно на мѣсто, сказавъ при этомъ:

— Ба! Это сказка!

Однимъ изъ пріятнѣйшихъ, по отзыву Малаховскаго, празднествъ, устроенныхъ въ честь пребыванія императора Александра, было собраніе на Павлинѣ островѣ. «Любезный императоръ Александръ,—пишетъ онъ,—скоро далъ замѣтить, что онъ чувствуетъ себя здѣсь совершенно какъ на родинѣ, и выказалъ себя со стороны своихъ лучшихъ человѣческихъ качествъ. Онъ принималъ живое участіе въ различныхъ увеселеніяхъ, и между прочимъ оба государя, вспоминая прошлое, наглядно показали молодежи, съ помощью тычинъ, какъ тяжело было въ доброе старое время точно и красиво производить эспантономъ предписанныя движенія, какъ стоя, такъ и на шагѣ».

Во время пребыванія императора Александра въ Берлинѣ тула же прибылъ русскій гренадерскій король прусскаго Фридриха-Вильгельма полкъ. Малаховскій объясняетъ это не простой случайностью, а преднамѣреннымъ желаніемъ императора Александра заставить короля провести этотъ полкъ передъ собою, такъ какъ ему самому неоднократно приходилось проводить передъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ прусскій полкъ своего имени. Надо отдать справедливость Фридриху-Вильгельму въ этомъ отношеніи: онъ, несомнѣнно, пошелъ дальше всѣхъ желаній императора Александра. Полкъ вступилъ въ Берлинъ 23-го (11-го) октября и былъ построенъ на учебномъ полѣ въ Тиргартенѣ, тогда какъ прусскія войска были выстроены по обѣимъ сторонамъ улицы *Unter den Linden*. Когда на плацу появился императоръ Александръ, король сталъ во главѣ полка и салютовалъ государю. Затѣмъ, съ обнаженной шпагой, онъ провелъ полкъ черезъ Бранденбургскія ворота вдоль по улицѣ *Unter der Linden*, мимо прусскихъ войскъ, и вся церемонія закончилась совмѣстнымъ прохожденіемъ и русскихъ и прусскихъ войскъ мимо замка. Въ этотъ же день состоялась помолвка великаго князя Николая Павловича съ дочерью короля, принцессой Шарлоттой, о чемъ войскамъ было торжественно объявлено—русскимъ фельдмаршаломъ Барклаемъ-де-Толли, а прусскимъ—генераломъ Йоркомъ.

На слѣдующій день караулы въ городѣ были заняты русскимъ полкомъ. «Несомнѣнно,—замѣчаетъ по этому поводу Малаховскій,—являлось курьезомъ съ военной точки зрѣнія, что въ мирное время всѣ караулы въ резиденціи были заняты исключительно войсками хотя бы и дружественной, но тѣмъ не менѣ чуждой державы». Въ 11 часовъ состоялся русскій разводъ, при чемъ король дважды провелъ пѣшкомъ свой полкъ передъ императоромъ Александромъ, идя, по русскому уставу, на правомъ флангѣ первой шеренги—одинъ разъ тихимъ, а другой разъ скорымъ шагомъ. «Кто хоть нѣсколько зналъ короля,—заключаетъ Малаховскій описаніе вахтъ-парада,—зналъ, что подобное прохожденіе въ присутствіи огромной толпы народа не могло быть особенно пріятно

ему. Тѣмъ не менѣе все, что онъ высказалъ вслѣдъ за тѣмъ по этому поводу, ограничилось слѣдующими словами:

— Сегодня впервые случилось, что я проводилъ войска, идя въ рядахъ; но чѣмъ становишься старѣе, тѣмъ болѣе странныя вещи приходится переживать на своемъ вѣку.

За парадомъ послѣдовала православная литургія, а вечеромъ по случаю помолвки былъ данъ для города большой балъ въ оперномъ театрѣ, со свободнымъ входомъ для каждаго; на этомъ балу присутствовали и члены императорской и королевской фамилій. «Весь день,— пишетъ Малаховскій,— король былъ непривычно веселъ, такъ какъ тѣсная семейная связь съ русскимъ императорскимъ домомъ издавна составляла его душевное желаніе. Въ благодарное воспоминаніе товарищества по союзу и боеваго братства Фридрихъ-Вильгельмъ до самой своей смерти держался этихъ узъ твердо, честно и вѣрно».

Вообще весь приемъ русскаго полка въ Берлинѣ свидѣтельствуетъ о полной готовности Фридриха-Вильгельма оказать императору Александру знаки полнаго вниманія. Такъ 25-го октября (6-го ноября), не смотря на навѣстную бережливость короля, русскимъ гренадерамъ въ числѣ 2.400 человѣкъ былъ данъ обѣдъ на покрытыхъ и прекрасно сервированныхъ столахъ. Для этой цѣли нижнее помѣщеніе цейхгауза было красиво украшено и превращено въ столовую, а посреди него было воздвигнуто сооруженіе на подобіе храма, съ желѣзнымъ крестомъ, съ русскимъ и прусскимъ орлами и съ увѣнчаннымъ лаврами бюстомъ императора Александра. Когда были провозглашены тосты, оба монарха чокались другъ съ другомъ и съ солдатами, и Малаховскій видѣлъ, какъ не по одному бородатому лицу катились слезы радости.

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Берлина въ послѣднихъ числахъ октября, а 2-го (14-го) ноября выступили изъ него и русскіе гренадеры. Полкъ, снарядившись въ походъ, выстроился на Дворцовой площади, и король провелъ его до моста *Langenbrücke*, тамъ пропустилъ его мимо себя, а затѣмъ проводилъ до Бѣлаго озера (*Weissensee*), гдѣ для офицеровъ и солдатъ былъ приготовленъ великолѣпный завтракъ. Послѣ завтрака, съ неумолкаемымъ «ура!» полкъ отправился далѣе, къ себѣ на родину.

Вскорѣ послѣ отъѣзда императора Александра Берлинъ посѣтила проѣздомъ императрица Елисавета Алексѣевна. Малаховскій въ своихъ воспоминаніяхъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику ея: «Не будучи красавицей, императрица Елисавета была въ высшей степени миловидной женщиной, кротость, покорность и сердечная доброта которой неудержимо привлекали каждаго. На ней слишкомъ ясно сказывалось, что земное величіе не приноситъ съ собою истиннаго счастья».

Разсказывая о состоявшемся 30-го мая (12-го іюня) 1817 года

отъѣздъ въ Россію принцессы Шарлотты ¹⁾, Малаховскій передаетъ, что отъѣздъ ея глубоко опечалилъ всю королевскую семью. Король провожалъ свою дочь до Фрейенвальде. Окончательно простившись тамъ съ нею, онъ быстро сѣлъ въ экипажъ, сказавъ при этомъ Малаховскому: — Вотъ еще новая рана въ сердцѣ!

Малаховскій возразилъ на это, что съ Божьею помощью эта разлука можетъ стать въ будущемъ источникомъ большихъ радости и счастья. По словамъ Малаховскаго, это замѣчаніе замѣтно подбодрило короля.

VI.

Въ маѣ 1818 года Фридрихъ-Вильгельмъ предпринялъ путешествіе въ Россію по случаю рожденія его перваго внука великаго князя Александра Николаевича. Его сопровождали наслѣдный принцъ и герцогъ мекленбургскій Карлъ. Въ свитѣ короля находился и Малаховскій. По переѣздѣ русской границы, у Вержболова, короля ожидала «почетная» придворная прислуга—дворецкій, камердинеръ, скороходы и множество лакеевъ, завитыхъ и напудренныхъ. Въ Вильковишкахъ состоялся обѣденный столъ, сервированный съ царскою роскошью. При такой же обстановкѣ происходили обѣды и въ послѣдующіе дни. Какъ только обѣдъ кончался, прислуга, служившая при столѣ и кухонная, бросалась къ фургонамъ и спѣшила впередъ, къ мѣсту, гдѣ опять долженъ былъ быть сервированъ столъ. По этому поводу Малаховскій замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, несмотря на всю пудру и разряженные костюмы, въ концѣ концовъ было замѣтно полное утомленіе людей. 29-го мая (10-го іюня) король ночевалъ въ Вильнѣ, а 30-го мая (11-го іюня) проѣзжалъ черезъ Сморгонь, гдѣ, по словамъ Малаховскаго, находилась «школа танцевъ для молодыхъ русскихъ... медвѣдей». На слѣдующій день переѣзжали Березину, «узенькую рѣчку, медленно текущую между широкими болотистыми берегами съ многочисленными извилинами». Но король, очевидно, проникся глубокимъ историческимъ значеніемъ этой «рѣчки» не только для одной Пруссіи, но и для всей Европы. Онъ вышелъ изъ экипажа и долго и задумчиво стоялъ «у плочучей могилы (Pluthengrabe) остатковъ великой арміи».

Проѣзжая по Могилевской губерніи, Малаховскій обратилъ вниманіе на ряды прекрасныхъ березъ, которыми были обсажены, по его словамъ, необыкновенно широкія и ровныя дороги. «Но подобныя дороги,—

¹⁾ Впослѣдствіи императрица Александра Ѳеодоровна.

нишетъ онъ, — являются необходимостью въ странѣ, въ которой путешествующій любить ѣздить съ величайшей быстротою».

Въ Куяцовѣ (подъ Москвою) короля встрѣтили императоръ Александръ и великій князь Николай Павловичъ съ супругою, дочерью короля. 5-го (17-го) числа съ большой торжественностію состоялся въѣздъ въ Москву. Въ Кремлѣ Фридрихъ-Вильгельмъ былъ встрѣченъ всѣми членами царской семьи, при чемъ великая княгиня Александра Феодоровна держала на рукахъ своего первенца, великаго князя Александра Николаевича, впоследствии императора Александра II. Приѣздъ короля прусскаго былъ ознаменованъ цѣлымъ рядомъ всевозможныхъ празднествъ. «При каждомъ случаѣ, — пишетъ Малаховскій, — развертывалась чисто восточная роскошь; я думаю, что нигдѣ нельзя было увидѣть собраннымъ вмѣстѣ такого множества драгоценныхъ и благородныхъ камней. Императоръ Александръ постоянно выдѣлялся, какъ государь, царящій надъ всѣмъ, иногда благодаря тому, что, самъ по себѣ, онъ составлялъ рѣзкій контрастъ съ привычной роскошью окружавшей его обстановки. Такъ, напримѣръ, во время стола, когда прислуживало безчисленное множество пажей и прислуги въ богато расшитыхъ костюмахъ всевозможныхъ цвѣтовъ, ему лично служили старые бородатые солдаты-денщики въ простыхъ зеленыхъ мундирахъ».

По словамъ автора воспоминаній, русскіе вельможи пытались, насколько возможно, затмить придворныя торжества блескомъ и оригинальностью празднествъ, устроенныхъ ими въ честь прибытія прусскаго короля. Въ имѣніи князя Юсупова путешественники слышали его пресловутый роговой оркестръ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ ста рожечниковъ. Рога были длиною отъ маленькаго пальца до двѣнадцати футовъ, и каждый рогъ имѣлъ одинъ тонъ, такъ что въ общемъ этотъ оркестръ представлялъ собою какъ бы живой органъ. «Невъроятна чистота, — пишетъ Малаховскій, — съ которой исполнялись труднѣйшія музыкальныя пьесы; впечатлѣніе получалось громадное, но сколько трудовъ, сколько времени и сколько силъ требовалось для того, чтобы обучить подобный странный хоръ».

Праздникъ у графини Орловой долженъ былъ какъ бы завершить собою всѣ торжества. Дворецъ съ его огромнымъ садомъ былъ залитъ огнями. Во время ужина въ саду загорѣлась бесѣдка, и приглашенные начали нѣсколько тревожиться, но хозяйка дома замѣтила своимъ гостямъ съ величайшимъ спокойствіемъ: «не беспокойтесь, мы будемъ лишь лучше освѣщены, вотъ и все!»

Во время своего пребыванія въ Москвѣ король и его свита посетили всѣ достопримѣчательности первопрестольной столицы и любовались видомъ Москвы съ колокольни Ивана Великаго и съ Воробьевыхъ горъ. Были осмотрѣны также во всѣхъ подробностяхъ и различ-

ныя общественныя и благотворительныя учрежденія, состоявшія въ вѣдѣніи вдовствующей императрицы.

12-го (24-го) іюня императоръ Александръ съ членами царской семьи отбылъ въ Петербургъ для приѣма тамъ короля. Въ Москвѣ оставалась лишь одна императрица Марія Ѳеодоровна, устроившая въ Царицынѣ по случаю пребыванія короля громадную рыбную ловлю; привлеченныя къ ней сотни крестьянъ стояли по грудь въ водѣ, и эта ловля съ «выступавшими изъ воды бородами великолѣпными головами» представляла собою очень живописную картину.

15-го (27-го) іюня король выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ. Проѣздомъ черезъ Новгородскую губернію онъ видѣлъ пресловутыя военныя поселенія. Вотъ что занесъ о нихъ Малаховскій въ свои воспоминанія: «мы видѣли недавно устроенныя военныя поселенія: привѣтливо и чистенько выглядывающія деревни съ желто выкрашенными домами и хорошо содержимыми садами. Посреди поселенія стоитъ цейхгаузъ и домъ командира. Все населеніе, состоящее только изъ солдатъ и ихъ семействъ, было выстроено фронтомъ; возлѣ взрослыхъ мужчинъ стояло юношество мужскаго пола, обмундированное такъ же, какъ и взрослые, а затѣмъ женщины и дѣвушки въ праздничныхъ нарядахъ. Всѣ привѣтствія носили строго военный характеръ, даже женскіе поклоны, казалось, отвѣщивались по темпамъ и исполнялись по командѣ».

19-го іюня (1-го іюля) король прибылъ въ Царское Село. Описывая прогулку въ экипажахъ по царскосельскому парку, Малаховскій говоритъ, что она совершилась въ «колбасообразныхъ экипажахъ», какъ онъ называетъ русскія линейки. При посѣщеніи Павловска пруссаковъ поразили роскошныя павловскіе цвѣтники, составлявшіе предметъ особенныхъ заботъ со стороны императрицы Маріи Ѳеодоровны. Впечатлѣніе, произведенное ими, было настолько сильно, что можно было вообразить себя перенесеннымъ въ полуденныя страны юга. 4-го іюля совершился торжественный въѣздъ короля въ Петербургъ. Отъ самой заставы вплоть до Зимняго дворца стояла, выстроившись рядами, гвардія. Колокольный звонъ и несмолкаемое «ура» сопровождали монарховъ на всемъ пути ихъ слѣдованія. День завершился грандіознымъ обѣдомъ. «Наступила чудная, нѣжная ночь, когда солнце не заходитъ. Мы, адъютанты, воспользовались ею, чтобы прогуляться по набережной Невы. Безспорно, Нева при ея истокѣ является красивѣйшей изъ рѣкъ; во всей своей прелести катилась она передъ нами, оживленная сотнями всевозможныхъ судовъ и освѣщенная разноцвѣтными отраженными лучами низко стоящаго солнца и иллюминаціи».

Какъ и въ Москвѣ, прибытіе Фридриха-Вильгельма было ознаменовано въ Петербургѣ пѣлымъ рядомъ торжествъ, военныхъ ученій, разводовъ и церковныхъ парадовъ. «На придворныхъ праздникахъ

господствовала такая же восточно-царская роскошь, какъ и въ Москвѣ; въ частности, освѣщеніе и украшеніе заль рѣдчайшими и красивѣйшими растеніями производили впечатлѣніе волшебнаго дворца,—впечатлѣніе, которое еще болѣе усиливалось видомъ араповъ въ богатѣйшихъ восточныхъ костюмахъ, стоявшихъ у всѣхъ дверей».

Насколько Малаховскій, а по всей вѣроятности и пруссаки вообще были проникнуты невольнымъ сознаніемъ мощи Россіи, видно изъ незначительнаго самого по себѣ замѣчанія Малаховскаго, высказаннаго имъ при слѣдующемъ случаѣ. Въ послѣднихъ числахъ іюня, къ концу пребыванія Фридриха-Вильгельма въ Петербургъ, былъ назначенъ большой смотръ флоту въ Кронштадтѣ. Въ назначенный день въ семь часовъ утра оба государя сѣли въ Петергофъ на роскошно устроенный фрегатъ «Россія». Стояло чудное утро, но вѣтра почти совершенно не было, такъ что фрегатъ подвигался впередъ крайне медленно. Всѣ приказанія государя ускорить его ходъ оставались напрасными, такъ что въ концѣ концовъ онъ былъ вынужденъ пересѣсть съ королемъ на шлюпки и такимъ образомъ добраться до Кронштадта. Рассказывая объ этомъ, Малаховскій прибавляетъ отъ себя: «Эолъ не слушается приказаній даже могущественнаго императора Россіи...»

Петербургскія торжества въ честь прусскаго короля завершились спускомъ въ присутствіи обоихъ государей новаго фрегата. По старинному обычаю, когда судно было спущено, къ императору Александру подошелъ корабельный строитель въ траурномъ одѣяніи съ распущеннымъ креповымъ вуалемъ и съ величайшимъ благоговѣніемъ получилъ изъ рукъ государя серебряное блюдо со вновь отчеканенными серебряными рублями. Траурный костюмъ, по словамъ Малаховскаго, указывалъ на якобы дѣйствительно исполнявшійся въ старину обычай, въ силу котораго строитель корабля, въ случаѣ неудавшагося спуска, подвергался немедленно казни. При передачѣ подарка императоръ Александръ замѣтилъ:

— Я охотно и твердо держусь этого стараго обычая, другой же никогда болѣе не будетъ примѣненъ въ Россіи.

5-го (17-го) іюля король выѣхалъ изъ Петербурга. Отъѣздъ не обошелся для Малаховскаго безъ приключеній съ лошадьми. Экипажъ съ флигель-адъютантами несся дикимъ карьеромъ по улицамъ Петербурга, какъ вдругъ кучеръ сталъ усиленно кричать: стой! стой! Когда экипажъ остановился, то оказалось, что одна изъ переднихъ лошадей упала, оборвавъ при этомъ постромки, попала подъ экипажъ, и онъ переѣхалъ черезъ нее, такъ что сидѣвшіе въ экипажѣ, уже привыкнувъ ко всѣмъ прелестямъ путешествія по Россіи того времени, даже не обратили вниманія на получившійся толчекъ.

Обратное путешествіе Фридриха-Вильгельма по Россіи происходило

при той же обстановкѣ, какъ и его путешествіе отъ Вержолова въ Москву, при чемъ около Митавы онъ осматривалъ стоявшія тамъ лагерьмъ русскія войска.

На пути отъ Полаугена въ Берлинъ, въ Эльбингѣ, произошелъ слѣдующій случай, живо характеризующій личность короля. Граждане Эльбинга съ давнихъ поръ жили въ неладахъ съ городскими властями. Чтобы склонить къ себѣ симпатіи короля, они рѣшили устроить ему демонстративную встрѣчу, но король узналъ объ этомъ и послалъ положительное запрещеніе устраивать ему какія бы то ни было оваціи; вмѣстѣ съ тѣмъ и на случай возможныхъ безпорядковъ онъ принялъ свои мѣры предосторожности и приказалъ держать наготовѣ эскадронъ гусаръ, стоявшихъ гарнизономъ въ Эльбингѣ. Тѣмъ не менѣе, граждане Эльбинга вышли за городъ и привѣтствовали короля громкими криками «ура», при чемъ была сдѣлана попытка выпрячь лошадей, чтобы везти экипажъ короля на себѣ.

Взбѣшенный король въѣхалъ въ городъ, окруженный шумною толпою; на рынкѣ онъ вышелъ изъ экипажа и среди давки крикнулъ: «гдѣ власти?» Когда начальствующія лица робко появились передъ нимъ, онъ прочелъ имъ сильную отвѣдь:

«Вы власти? Но у васъ нѣтъ никакой власти, иначе было бы невозможно, чтобы мое ясно выраженное повелѣніе осталось безъ послѣдствій. Я самъ водворю здѣсь порядокъ, если вы не въ состояніи сдѣлать это!»—И затѣмъ, обратившись къ молчавшимъ гражданамъ, онъ воскликнулъ: «Кто еще осмѣлится ослушаться, когда я повелѣваю?! Теперь всѣ расходитесь по домамъ!»

Толпа въ смущеніи разошлась, а король отдалъ приказаніе тщательно изслѣдовать причины недоразумѣній между гражданами и городскими властями. На дальнѣйшемъ пути, въ Маріенбургѣ, между королемъ и однимъ изъ высшихъ гражданскихъ чиновъ произошелъ разговоръ, въ которомъ онъ въ сильныхъ выраженіяхъ высказалъ свое убѣжденіе, что слѣдствіемъ неопредѣленнаго, нерѣшительнаго и робкаго поведенія властей въ тѣхъ случаяхъ, когда было бы умѣстно принятіе энергическихъ мѣръ, являлось лишь возрастающее неповиновеніе, и что это было одной изъ главныхъ причинъ современныхъ бѣдствій и демагогическихъ стремленій.

Послѣ короткаго пребыванія въ Берлинѣ Фридрихъ-Вильгельмъ отправился въ Ахенъ для участія въ засѣданіяхъ конгресса.

По свидѣтельству Малаховскаго, свѣтская жизнь въ Ахенѣ во время конгресса была далеко не блестяща, и ее нельзя и сравнивать съ тѣмъ, что было въ Вѣнѣ во время Вѣнскаго конгресса. Какъ и въ Вѣнѣ, домъ княгини Турнь-и-Таксисъ являлся сборнымъ пунктомъ для всего общества. Однимъ изъ наиболѣе блестящихъ вечеровъ былъ

у герцога Веллингтона, на которомъ присутствовали какъ три союзные монарха, такъ и все, что было въ Ахенѣ наиболѣе выдающагося изъ европейскихкихъ знаменитостей: Каталани восхищала общество своимъ пѣніемъ, а въ заключеніе прогѣла на нѣмецкомъ, русскомъ и англійскомъ языкахъ народныя гимны этихъ государствъ.

VII.

Въ среднихъ числахъ августа 1819 года, въ Берлинѣ было получено извѣстіе о рожденіи у великаго князя Николая Павловича втораго ребенка, великой княжны Маріи Николаевны. По этому случаю король послалъ Малаховскаго въ Петербургъ, для передачи поздравленій короля и всей королевской фамиліи.

Описывая свою поѣздку въ Петербургъ, Малаховскій замѣчаетъ, что хотя во всѣхъ странахъ существуетъ разница между тѣмъ, когда ѣдешь въ свитѣ государя или ѣдешь самостоятельно, но что будто бы нигдѣ эта разница не бываетъ столь ощутительна, какъ въ Россіи. При этомъ онъ замѣчаетъ, что хотя во вниманіе къ миссіи, которою онъ былъ облеченъ, съ нимъ обходились съ большою вѣжливостію, тѣмъ не менѣе ему стоило многихъ часовъ и рублей достать себѣ подорожную, съ которой онъ и добрался безъ затрудненій до Риги. Но тутъ встрѣтились неожиданныя препятствія къ безостановочному продолженію пути. Въ Ригѣ Малаховскій долженъ былъ получить отъ генераль-губернатора новую подорожную и потому, тотчасъ же по прибытіи въ Ригу, около шести часовъ вечера, отправился въ генераль-губернаторскій домъ ¹⁾. «Его превосходительства нѣтъ дома,—получилъ онъ въ отвѣтъ на свое заявленіе,—зайдите въ восемь часовъ». Въ восемь часовъ ему сказали, что его превосходительство отправляются въ театръ, «зайдите въ 10 часовъ». «Въ десять часовъ,—пишетъ Малаховскій,—его превосходительство ужинали и снова не могли принять меня». Тогда Малаховскій сказалъ камердинеру доложить его превосходительству, что онъ очень охотно подождетъ до слѣдующаго утра или столько времени, сколько его превосходительству будетъ угодно, но что только онъ попроситъ выдать ему удостовѣреніе, что онъ былъ задержанъ въ Ригѣ безъ всякой необходимости, чтобы, такимъ образомъ, по приѣздѣ въ Петербургъ, имѣть возможность объяснить его величеству причины своего запозданія.

¹⁾ Генераль-губернаторомъ въ Ригѣ былъ въ то время генераль-адъютантъ маркія Паулуччи.

Едва это порученіе было выполнено камердинеромъ, какъ обѣ половинки дверей распахнулись, и передъ Малаховскимъ предсталъ генералъ-губернаторъ съ повязанной салфеткой и со словами: «Господи, долженъ же я ѣсть!» Малаховскій возразилъ на это, что онъ отнюдь ни въ чемъ не хочетъ мѣшать ему, но что онъ ни въ какомъ случаѣ не уѣдетъ безъ просимаго удостовѣренія. «Но, Боже мой, — воскликнулъ тотъ, — такъ откушайте же со мною; побудьте это время съ моею женою, а я сейчасъ же велю позвать секретаря и адъютанта, и вы въ одно мгновеніе получите вашу подорожную; только ничего не говорите государю, я васъ очень прошу объ этомъ». Малаховскій остался нечувствителенъ къ этой запоздалой любезности и съ благодарностію отклонилъ сдѣланныя приглашенія, сказавъ, что его превосходительство предоставилъ ему вполне достаточно времени для того, чтобы поѣсть въ гостиницѣ. Тогда, пренебрегая своимъ достоинствомъ, губернаторъ, какъ былъ, съ повязанной салфеткой, посѣщилъ въ канцелярію и приказалъ написать и подписалъ подорожную, съ каждымъ мгновеніемъ становясь все болѣе «нѣжнымъ» къ Малаховскому. Когда подорожная была готова, онъ проводилъ его внизъ по лѣстницѣ, и, уже уходя, Малаховскій снова услышалъ позади себя слова: «но вы не сдѣлаете мнѣ непріятностей и ничего не скажете, не правда ли?»

Но Малаховскому въ его поѣздкахъ по Россіи какъ-то особенно не счастливилось. Когда онъ, уже ночью, пріѣхалъ въ Ненналь (на берегу Пейпусскаго озера), почтмейстеръ заявилъ ему, что такъ какъ слѣдующій перегонъ очень песчаный, то онъ совѣтуетъ ему лучше взять шесть лошадей, а не четыре, какъ значилось въ подорожной, и заплатить за двѣ добавочныя лошади. Чтобы скорѣе доѣхать до Петербурга, Малаховскій согласился, но каково было его удивленіе, когда, выйдя садиться, онъ замѣтилъ при слабомъ свѣтѣ фонарей, что запряжены только четыре лошади. Послѣ энергически заявленнаго протеста ему была добавлена третья пара, но даны совершенно пьяные ямщики.

Малаховскій пріѣхалъ въ Петербургъ на разсвѣтѣ 1-го сентября и остановился у своего друга, майора Люкаду, состоявшаго при прусскомъ посольствѣ. Такъ какъ императора Александра въ это время не было въ Петербургѣ, то уже въ восемь часовъ утра Малаховскій отправился къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, былъ принятъ ею крайне милостиво, передалъ ей поздравленія съ рожденіемъ внука и вручилъ ей адресованныя ей письма. Говоря между прочимъ о великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, вдовствующая императрица сказала Малаховскому:

— Я сердечно благодарю Бога за то, что онъ даровалъ въ ней моему сыну добрую жену; за то же, что и мнѣ, старой женщины, онъ послалъ въ ней любящую дочь, я ежедневно возношу къ Нему мои искреннѣйшія благодарственныя молитвы.

Отъ вдовствующей императрицы Малаховскій поспѣшилъ въ Павловскъ, гдѣ жилъ въ то время великій князь Николай Павловичъ. По словамъ Малаховскаго, радость великой княгини Александры Ѳеодоровны увидѣть своего соотечественника изъ числа лицъ, состоявшихъ въ наибольшей близости къ ея отцу, была чрезмѣрна; Николай Павловичъ и Александра Ѳеодоровна повели его въ дѣтскую, гдѣ съ родительскою радостью показали обоимъ своимъ дѣтей: великаго князя Александра Николаевича и новорожденную великую княжну. Только поздно вечеромъ вернулся Малаховскій въ Петербургъ.

Ночью на 3-е (15-е) сентября возвратился въ Петербургъ императоръ Александръ, а на слѣдующее утро, въ 7 часовъ, былъ назначенъ приемъ въ Каменноостровскомъ дворцѣ, къ которому явился и Малаховскій. Тѣ изъ его хорошихъ знакомыхъ, съ которыми онъ сталкивался въ прежніе годы и которыхъ встрѣтилъ теперь въ приемной залѣ Каменноостровскаго дворца, привѣтствовали его съ холодной снисходительностію. Между прочимъ Милорадовичъ милостиво замѣтилъ ему:

— Вамъ не придется ждать долго; императоръ выйдетъ сейчасъ; прежде всего онъ переговоритъ со мною и съ другими начальствующими лицами, а затѣмъ, навѣрно, скорѣ приметъ и васъ.

Пока Малаховскій объяснялъ ему, что ему нечего другаго дѣлать, какъ выждать приказаній его величества, дверь императорскаго кабинета растворилась, императоръ Александръ появился на порогѣ со словами:

— Ну, Малаховскій, входите же!

Еще при открытыхъ дверяхъ государь поздоровался съ Малаховскимъ, обнялъ его и затѣмъ только заперъ за собою дверь.

Едва Малаховскій успѣлъ передать государю письма короля, императоръ Александръ сказалъ ему:

— Теперь расскажите мнѣ, но только по правдѣ, исторію съ вашими *gardes du corps*.

Дѣло заключалось въ томъ, что рота *gardes du corps*, возмущенная неправильными распоряженіями, оказала въ одномъ случаѣ неповиновеніе. Король, крайне недовольный этимъ, приказалъ немедленно расформировать ее, виновные были привлечены къ отвѣтственности, и этимъ все кончилось. По словамъ Малаховскаго, это происшествіе было извѣстно ему во всѣхъ подробностяхъ, и поэтому онъ съ полной увѣренностью могъ убѣждать государя, что оно не могло имѣть въ арміи дальнѣйшихъ послѣдствій. Но императоръ Александръ не хотѣлъ вѣрить этому и возразилъ:

— Вашъ государь и вы страшно заблуждаетесь; здѣсь дѣло въ демагогіи и ни въ чемъ другомъ; когда-нибудь вы будете сожалѣть, что не повѣрили мнѣ.

На это Малаховскій объяснилъ, что при разсмотрѣннн не было обнаружено никакой демагогической подкладки, что все это происшествіе явилось слѣдствіемъ неправильныхъ распоряженій и отсутствія энергическаго воздѣйствія со стороны ближайшихъ начальниковъ. Но императоръ Александръ не хотѣлъ ничего слушать и оставался при своемъ мнѣнн, стараясь подкрѣпить его длинными объясненіями. Малаховскій съ своей стороны оставался при своемъ убѣжденн, и такимъ образомъ разговоръ около часу вращался на одномъ пунктѣ, нисколько не подвигаясь впередъ. Наконецъ, государь заключилъ его словами:

— Я знаю, что вы вѣрный слуга вашего государя; я уважаю эти чувства, но, тѣмъ не менѣе, дѣло обстоитъ такъ, какъ я понимаю его безъ всякихъ предубѣжденій.

Этими словами закончилась аудіенція Малаховскаго.

Когда вслѣдъ за тѣмъ онъ вышелъ въ пріемную залу, настроеніе всѣхъ въ отношенн къ нему рѣзко измѣнилось: «Много okayмленныхъ золотомъ рукъ потянулось ко мнѣ на встрѣчу, — пишетъ онъ, — изъ одного объятія я перелеталъ въ другое, и радость снова повстрѣчаться со мною возросла чудеснымъ образомъ». Однако Милорадовичъ не могъ удержаться отъ колкаго замѣчанія: «Я очень люблю господъ пруссаковъ, но только повсюду они становятся намъ поперекъ дороги».

На слѣдующій день Малаховскій снова поѣхалъ въ Павловскъ. Почти все время до обѣда было проведено въ дѣтской. Къ обѣду прибыли императоръ Александръ и императрица Марія Ѳеодоровна. Послѣ обѣда государь спросилъ Малаховскаго, доволенъ ли онъ своимъ помѣщеніемъ, и при этомъ выяснилось, что онъ живетъ у маіора Люкаду. На это Александръ замѣтилъ нѣсколько обиженнымъ тономъ:

— А, значить, вы остановились у Люкаду; я сдѣлалъ упущеніе, не приказавъ оберъ-гофмаршалу пригласить васъ принять помѣщеніе отъ меня, я очень прошу извинить меня.

Малаховскій позволилъ себѣ почтительно возразить, что безъ особеннаго приказанія онъ не осмѣлился бы явиться во дворецъ просить о помѣщенн. Въ отвѣтъ императоръ Александръ проговорилъ дружески:

— Но это разумѣется само собою: боевые товарищи (*camarades de guerre*) постоянно останавливаются у меня, и вы переселитесь туда еще сегодня вечеромъ.

Дѣйствительно, уже поздно вечеромъ, когда Малаховскій, вернувшись изъ Павловска въ Петербургъ, легъ спать, къ нему явился гофмаршалъ Нарышкинъ и настоялъ на немедленномъ переселенн во дворецъ.

9-го (21-го) сентября Малаховскій выѣхалъ изъ Петербурга обратно въ Берлинъ. Къ сожалѣнню, его отъѣздъ изъ Россіи не обошелся безъ

новыхъ злоключеній. Экипажъ Малаховскаго нѣсколько пострадалъ въ пути отъ Берлина до Петербурга, и потому онъ за дорогія деньги отдалъ его въ починку въ Петербургѣ. Когда его доставили изъ починки, въ самый день отъѣзда, у него тотчасъ же, еще на улицѣ, при поворотѣ, сломалась передняя ось. Потребовалась новая починка, нѣсколько оттянувшая отъѣздъ Малаховскаго, такъ что онъ выѣхалъ только въ 10 часовъ вечера. Но едва онъ проѣхалъ нѣсколько улицъ, какъ оказалось, что плохо закрѣпленный шкворень совершенно ослабъ. Чтобы помочь бѣдѣ, нужны были нѣсколько человекъ, а между тѣмъ взять ихъ было не откуда, такъ какъ въ городѣ (11 часовъ вечера) стояла мертвенная тишина. Тогда чтобы собрать народъ, ямщикъ сталъ шумѣть и кричать; вскорѣ явился сильный военный патруль, чтобы арестовать нарушителя общественной тишины, и ямщику и сѣдокамъ пришлось отправиться на гауптвахту. Дежурный офицеръ вошелъ въ положеніе Малаховскаго, распорядился оказать ему помощь, и только тогда онъ выѣхалъ окончательно изъ Петербурга. Нѣсколько верстъ за Стрѣльной ямщикъ затѣмъ-то сошелъ съ козелъ и когда хотѣлъ снова взобраться на нихъ, лошади подхватили и понесли. Ямщикъ попалъ подъ колеса, и такимъ образомъ его протащило до тѣхъ поръ, пока экипажъ не наѣхалъ на кучу камней и не опрокинулся. Тогда лошади остановились. Ъхавшій съ Малаховскимъ камердинеръ получилъ сильныя поврежденія, а самъ онъ отдѣлался легкими ушибами. Помощи ждать было неоткуда, и Малаховскій послалъ своего камердинера пѣшкомъ обратно въ Стрѣльну. Онъ появился съ нѣсколькими людьми, богатырскаго роста, съ фонарями и ломами въ рукахъ. Послѣ долгихъ переговоровъ они заявили, что готовы помочь, если имъ будетъ уплачено пятьдесятъ рублей, въ противномъ же случаѣ грозили уйти обратно. На предложеніе Малаховскаго, что онъ заплатитъ имъ деньги въ Стрѣльнѣ, они отвѣтили отказомъ, и уже хотѣли было удалиться. Тогда онъ объявилъ имъ, что достанетъ деньги изъ экипажа, и, подойдя къ нему, взявъ изъ него саблю и незаряженный пистолетъ. Затѣмъ онъ ударилъ ближайшаго къ нему молодца ножами по головѣ съ такою силою, что тотъ зашатался, и, приподнявъ пистолетъ, сказалъ, что застрѣлитъ каждого, кто не захочетъ помочь. Испробованное средство немедленно оказало свое дѣйствіе: всѣ упали на колѣни, изъявляя полную готовность сдѣлать все, что «батюшка» пожелаетъ. Экипажъ былъ быстро поднятъ, мертвый ямщикъ положенъ въ него, и печальное шествіе направилось къ Стрѣльнѣ. Жалоба Малаховскаго почтовому смотрителю на образъ дѣйствій его людей не имѣла никакихъ послѣдствій, такъ какъ послѣдній заявилъ, пожимая плечами, что имъ, конечно, хотѣлось заработать что-нибудь.

Для оказанія помощи камердинеру Малаховскаго, былъ позванъ «костоправъ» квартировавшаго въ Стрѣльнѣ эскадрона, съ большимъ

искусствомъ наложившій пострадавшему повязку и объявившій, что они могутъ безъ всякой опасности продолжать дальнѣйшій путь. Но дорогою боли усилились дотогу, что въ Дерптѣ Малаховскій послалъ за докторами. Явились два университетскіе доктора и съ явными колебаніями рѣшили снять повязку. Такъ какъ Малаховскій, наблюдая за ними, вынесъ убѣжденіе, что «ученые господа» не понимаютъ, въ чемъ дѣло, то онъ объявилъ имъ, что, по его мнѣнію, повязка превосходна и нужно только смочить ее прохладною и успокаивающею боли жидкостью. Это предложеніе было встрѣчено съ знаками несомнѣнной радости, и оба доктора объявили, что приплотъ сейчасъ требуемую жидкость. На вопросъ же Малаховскаго о гонорарѣ они отвѣтили, что ни подъ какимъ видомъ не возьмутъ денегъ съ адъютанта друга ихъ государя, и что считаютъ за честь оказать ему услугу.

Но удивленіе, возбужденное въ Малаховскомъ подобнымъ отвѣтомъ, значительно умѣрилось, когда половой подалъ ему склянку гулардовой воды и немного камфоры со счетомъ въ четыре слишкомъ дуката за столь рѣдкія и дорогія лѣкарства.

«Къ счастью, — замѣчаетъ онъ, — это было послѣднимъ приключеніемъ на русской почвѣ»¹⁾.

VIII.

Въ ноябрѣ 1820 года Фридрихъ-Вильгельмъ отправился на конгрессъ въ Троппау. Въ числѣ сопровождавшихъ его флигель-адъютантовъ былъ и Малаховскій. Недалеко отъ австрійской границы короля встрѣтилъ императоръ австрійскій Францъ, и оба монарха вмѣстѣ вѣхали въ Троппау. Императоръ Александръ прибылъ туда еще ранѣе и, въ прусской формѣ, ожидалъ короля въ предназначенной для него квартирѣ.

По словамъ Малаховскаго, пребываніе въ Троппау представляло мало пріятнаго, чему сильно способствовала прескверная погода. Въ частности Фридрихъ-Вильгельмъ держался въ сторонѣ и почти совершенно не принималъ участія въ дипломатическихъ вечерахъ; ежедневно, несмотря ни на какую погоду, онъ отправлялся гулять, а вечеромъ заставлялъ читать себѣ вслухъ. Однимъ изъ наиболѣе блестящихъ торжествъ въ теченіе Троппаускаго конгресса была обѣдня, отслуженная кардиналомъ архіепископомъ эрцгерцогомъ Рудольфомъ.

3-го (15-го) ноября императоръ Александръ получилъ въ Троппау необычайно огорчившее его извѣстіе о возмущеніи въ Семеновскомъ

¹⁾ Достоверность этого разсказа, конечно, лежитъ на отвѣтственности автора.

полку ¹⁾. Извѣстiе это произвело среди съѣхавшихся на конгрессъ лицъ громадное впечатлѣнiе. Самъ императоръ былъ видимо взволнованъ. Онъ тотчасъ же посѣтилъ прусскаго короля, чтобы увѣдомить его о происшедшемъ. Когда онъ ушелъ, король подробно разсказалъ находившимся въ передней офицерамъ о происшествiи въ Семеновскомъ полку и къ этому присоединилъ указанiе, чтобы могущiе распространиться разказы объ этомъ событiи исправлять согласно переданному государемъ. Говоря объ этомъ, Малаховскiй пишетъ, «что поводомъ къ мятежу послужили нечеловѣческое обращенiе и недобросовѣстность, и что о связи этого событiя съ политическими стремленiями прочиxъ недовольныхъ установлено не было.»

Едва прошло достаточно времени для того, чтобы императоръ могъ успѣть вернуться къ себѣ, какъ къ Малаховскому явился камеръ-лакей съ приглашенiемъ пожаловать къ государю. Императоръ Александръ ожидалъ его въ дверяхъ своей рабочей комнаты и заперъ ее за Малаховскимъ. Разсказавъ ему со всѣми подробностями о происшествiи въ Семеновскомъ полку, государь сказалъ въ заключенiе:

— Вы видите, мой милый, что демагогiя здѣсь ни при чемъ — это рѣшительно то же самое и подобная же глупость, какъ и исторiя съ вашими *gardes du corps*.

Такъ какъ Малаховскiй не считалъ возможнымъ входить въ обсужденiе вопроса, исключительно касавшагося Россiи, то вскорѣ и былъ отпущенъ государемъ. Конечно, онъ немедленно передалъ Фридриху-Вильгельму свой разговоръ съ императоромъ Александромъ.

Напечатанныя воспоминанiя Малаховскаго обрываются на 1821 г., когда, съ назначенiемъ командиромъ гвардейскаго гусарскаго полка, онъ вышелъ изъ состава свиты Фридриха-Вильгельма. Его воспоминанiя о позднѣйшемъ времени, изъ которыхъ въ книгѣ приведенъ небольшой отрывокъ, уже не представляютъ, по отзыву издателя воспоминанiй, его внука, того общаго интереса, какъ ихъ первая часть.

Сообщилъ Н. Шильдеръ.

¹⁾ Передавая объ этомъ, Малаховскiй впадаетъ въ погрѣшность, будто это извѣстiе было получено 3-го (15-го) ноября. Въ дѣйствительности первое извѣстiе о Семеновскомъ происшествiи было получено императоромъ Александромъ 28-го октября (9-го ноября), а болѣе подробное донесенiе о немъ было доставлено въ Троппау ротмистромъ Чаадаевымъ 30-го октября (11-го ноября). Очевидно, императоръ Александръ не разглашалъ полученныхъ свѣдѣнiй, пока не выработалъ себѣ опредѣленнаго взгляда на разыгравшееся въ Петербургѣ событiе и не обдумалъ того, въ какомъ освѣщенiи слѣдуетъ представить его съѣхавшимся на конгрессъ лицамъ. Только 3-го (15-го) ноября онъ сталъ говорить о немъ, какъ о свѣже полученной новости. См. „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованiе“ Н. К. Шильдера, въ изданiи А. С. Суворина. Т. IV.

Яковъ Николаевичъ Толстой.

(Биографическій очеркъ) ¹⁾.

ь обширному кругу лицъ, съ которыми приходилось сталкиваться на жизненномъ пути А. С. Пушкину, принадлежать и Яковъ Николаевичъ Толстой, которому Пушкинъ посвятилъ свое прекрасное стихотвореніе—«Стансы», относящееся къ 1819 году.

Личность Я. Н. Толстого, могущая возбудить вполне понятный интересъ уже по одному этому стихотворенію, оставалась до сего времени въ полной неизвѣстности. Авторъ предлагаемаго очерка задался цѣлью выяснить, по возможности, черты жизни и характера этого, по выраженію Пушкина, «ранняго философа». Оказалось, что Я. Н. Толстой заслуживаетъ биографическаго очерка и не по одному отношенію къ Пушкину, что его жизнь и дѣятельность стоятъ того, чтобы поговорить объ нихъ подробнѣе. Поэтому, первоначальныя узкія рамки, въ которыхъ предполагалось держаться при началѣ работы, незамѣтно расширились до солидныхъ размѣровъ.

Я. Н. Толстой былъ старшимъ изъ трехъ сыновей богатаго тверскаго помѣщика Николая Яковлевича Толстого отъ брака его съ Алевтиной Ивановной, рожденной Кудрявцевой ²⁾. Я. Н. Толстой, по своему рожденію и связямъ, принадлежалъ къ высшему кругу русскаго общества и былъ одно время оставковскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства; въ этомъ званіи онъ и умеръ въ одинъ изъ своихъ прѣздовъ въ Петербургъ, 19-го октября 1813 г. ³⁾, оставивъ женѣ

¹⁾ Оригиналъ приложеннаго при настоящей статьѣ портрета Я. Н. Толстого, написаннаго въ Парижѣ Neigel'емъ въ 1834 г., былъ обязательно сообщенъ на Пушкинскую юбилейную выставку въ Академіи наукъ М. С. Толстой и воспроизведенъ въ „Альбомѣ“ этой выставки (С.-Пб. 1899, табл. № 34).

²⁾ В. В. Руммель. Родословный сборникъ русскіхъ дворянскихъ фамилій. т. II, С.-Пб. 1887 г. стр. 503. Жена Н. Я. здѣсь ошибочно названа Алевтиной Павловной.

³⁾ Архивъ Департ. герольдіи. Чинопроизводныя дѣла за 1813 г., №№ 60 и 86.

довольно солидныя помѣстья въ Тверской и Новгородской губерніяхъ съ 3.350 душами крестьянъ ¹⁾).

Яковъ Николаевичъ родился въ 1791 году ²⁾. Сначала онъ воспитывался въ частномъ пансіонѣ, а на двѣнадцатомъ году былъ отданъ въ Пажескій корпусъ, гдѣ одновременно съ нимъ учились и два его брата: Иванъ Николаевичъ, умершій въ 1854 г. сенаторомъ, и Николай Николаевичъ, бывшій тверскимъ предводителемъ дворянства и скончавшійся въ 1872 г. ³⁾. Пробывъ въ корпусѣ пять лѣтъ, Яковъ Николаевичъ 20-го ноября 1808 г. былъ произведенъ въ прапорщики, но уже черезъ два года (31-го декабря 1810 г.) вышелъ въ отставку «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ». Въ это время онъ, по собственному выраженію, «на всякій случай» выдержалъ экзаменъ при Главномъ педагогическомъ институтѣ ⁴⁾. Но новыми правами, приобретенными экзаменомъ, Толстому не пришлось воспользоваться ⁵⁾, такъ какъ съ началомъ Отечественннй войны онъ снова поступилъ въ военную службу (9-го апрѣля 1812 г.) и, опредѣленный въ Мингрельскій пѣхотный полкъ, сразу же отправился въ дѣйствующую армію. Онъ участвовалъ, между прочимъ, въ сраженіи противъ саксонскихъ войскъ подъ Кобриномъ (15-го іюня 1812 г.) и въ нѣсколькихъ дѣлахъ противъ польскихъ войскъ въ концѣ 1812 и началѣ 1813 г., за что 23-го мая получилъ орденъ Владиміра 4-й степени съ бантомъ, вскорѣ таковой же безъ банта и 16-го октября 1814 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Павловскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ генералъ-лейтенанту Л. О. Роту, извѣстному впоследствии по своей дѣятельности въ Турецкую войну 1828—1829 гг. 27-го января 1817 г. Яковъ Николаевичъ былъ опредѣленъ въ должность старшаго адъютанта къ Арс. Андр. Закревскому ⁶⁾, бывшему въ то время дежурнымъ генераломъ Главнаго штаба.

Заявъ довольно видное мѣсто по службѣ, обладая вліятельными родственными связями и хорошимъ состояніемъ, Толстой вскорѣ же во-

¹⁾ Формуляръ Я. Н. Т. за 1849 г.

²⁾ Ibid.

³⁾ Кромѣ братьевъ, у Я. Н. было еще пять сестеръ, изъ которыхъ одна, Прасковья Николаевна, была матерью Николая Арсеньевича Жеребцова, виленакаго губернатора и писателя по общественнымъ и экономическимъ вопросамъ.

⁴⁾ Архивъ Мнн. нар. просвѣщенія, д. № 128. 221. Письмо Я. Н. къ В. Д. Комовскому изъ Парижа отъ $\frac{1}{13}$ -го іюня 1841 г.

⁵⁾ Держать этотъ экзаменъ при переходѣ въ статскую службу заставилъ Якова Николаевича извѣстный указъ 6-го августа 1809 г., проведенный Сперанскимъ. По этому указу чины коллежскаго assessора и статскаго совѣтника можно было получать не иначе, какъ имѣя дипломъ объ окончаніи университетскаго курса.

⁶⁾ Свѣдѣнія о службѣ Я. Н. заимствуются изъ его формулярнаго списка.

шелъ въ высшій кругъ петербургскаго общества. Къ этому-то времени (1817 г.) и относится знакомство Якова Николаевича съ юнымъ Пушкинымъ, который по выходѣ изъ лица сталъ съ жадностью предаваться всевозможнымъ развлеченіямъ и удовольствіямъ въ свѣтскомъ и товарищескомъ кругу. Встрѣча ихъ произошла, вѣроятно, въ томъ кружкѣ молодыхъ повѣсь, который собирался у братьевъ Н. В. и А. В. Всеволожскихъ и носилъ названіе «Зеленой Лампы». Пушкинъ не замедлил примкнуть къ нему. Кружокъ этотъ, собиравшійся, главнымъ образомъ, для веселаго и пріятнаго времяпрепровожденія, былъ не лишень, однако, и нѣкотораго литературнаго оттѣнка. Члены его были, по большей части, люда, занимавшіеся литературой и живо интересовавшіеся театромъ. Самъ не чуждый ни тому, ни другому, Яковъ Николаевичъ успѣшилъ сдѣлаться членомъ «Зеленой Лампы». Участниками собраній этого общества были представители богатой свѣтской молодежи, прожигавшей жизнь. Изъ нихъ намъ извѣстны, кромѣ братьевъ Всеволожскихъ, еще слѣдующіе: офицеръ л.-гв. Егерскаго полка Дм. Ник. Барковъ, много писавшій для театра; офицеръ генеральнаго штаба М. А. Щербининъ¹⁾; лейбъ-уланъ Фед. Фил. Юрьевъ; В. В. Энгель-

¹⁾ Личность Михаила Андреевича Щербинина, которому Пушкинъ (какъ и многимъ другимъ членамъ „Зеленой Лампы“) написалъ (1819 г.) посланіе: Житье тому, любовный другъ,

Кто страстью глупою не боленъ... и т. д.

также до сего времени оставалась неизвѣстною. Благодаря имѣющемуся у насъ формулярному списку М. А. Щербинина, доставленному намъ изъ Московскаго архива Главнаго штаба при посредствѣ акад. Н. О. Дубровина, мы можемъ сообщить здѣсь хоть вѣшнюю біографію этого лица. М. А. Щербининъ родился въ 1795 г., происходилъ изъ дворянъ Харьковской губерніи и въ 1812 г. былъ опредѣленъ колонновожатымъ въ свиту его величества по квартирмейстерской части; былъ въ заграничныхъ походахъ и многихъ сраженіяхъ 1812—1814 г.г., находился при вступленіи русскихъ въ Парижъ (вѣроятно къ нему относится эпизодъ, рассказанный его товарищемъ по службѣ А. И. Михайловскимъ-Данилевскимъ и приведенный въ изслѣдованіи Н. К. Шильдера объ Александрѣ I, т. III, стр. 214), будучи уже на службѣ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ. Съ іюня 1816 по ноябрь 1817 г. М. А. состоялъ при русскомъ посольствѣ, отправленномъ въ Персію подъ начальствомъ А. П. Ермолова. Отсюда онъ былъ командированъ къ начальнику Главнаго штаба и затѣмъ находился при немъ во время путешествій императора Александра I въ 1818 и 1819 г.г. Со 2-го сентября 1819 г. по 27-е сентября 1820 г. состоялъ при канцеляріи генералъ-квартирмейстера Главнаго штаба. Въ 1820 г. (14-го октября) Щербининъ былъ переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ и опредѣленъ адъютантомъ къ малороссійскому военному губернатору кн. Н. Г. Репнину, а въ 1823 г. произведенъ въ полковника съ назначеніемъ въ Муромскій пѣхотный полкъ. 22-го марта 1824 г. Щербининъ, „по домашнимъ обстоятельствамъ“, былъ уволенъ отъ службы. Дальнѣйшая судьба его намъ неизвѣстна.

гардтъ, извѣстный своимъ открытымъ образомъ жизни; лейбъ-гусарь Пав. Петр. Каверинъ, бывший воспитанникъ Гёттингенскаго университета; прославившійся своими дуэлями А. И. Якубовичъ, впоследствии декабристъ; Пав. Бор. Мансуровъ, родственникъ Всеволожскаго, адъютантъ генерала Н. И. Депрерадовича, наконецъ—только что выпущенный изъ лица Пушкинъ, а позднѣе и братъ его Левъ. Яковъ Николаевичъ вступилъ въ общество, по всей вѣроятности, черезъ самихъ основателей его, Всеволожскихъ, съ которыми былъ близко знакомъ; впоследствии Никита Всеволодовичъ Всеволожскій даже женился (вторымъ бракомъ) на родной племянницѣ Якова Николаевича—Екатерины Арсеньевнѣ Жеребцовой ¹⁾.

Изъ отрывочныхъ свѣдѣнй, сохранившихся о «Зеленой Лампѣ» ²⁾, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ кружкѣ. Интересовавшійся имъ П. В. Анненковъ пришелъ къ заключенію, что этотъ дружескій кружокъ «составлялъ, со своимъ прославленнымъ калмыкомъ ³⁾, не болѣе, какъ обыкновенное оргіаческое общество, которое, въ числѣ различныхъ домашнихъ представленій, какъ «Изгнаніе Адама и Евы», «Погибель Содома и Гоморры» и проч., имъ устраиваемыхъ въ своихъ засѣданіяхъ, занимался еще и представленіемъ изъ себя, ради шутки, собранія съ парламентскими и масонскими формами, но посвященное исключительно обсужденію плановъ волокитства и закулисныхъ интригъ»... «Дѣла, разрѣшавшіяся Зеленой Лампой, были преимущественно дѣла по Театральной школѣ, куда нѣкоторые изъ членовъ старались даже пробраться подъ видомъ говѣнія: школа имѣла свою церковь. Вѣроятно, тутъ же слушались и анекдоты изъ скандальной хроники общества, вродѣ анекдота съ театральнымъ маіоромъ, гдѣ первымъ дѣйствующимъ лицомъ былъ самъ Пушкинъ, и тому подобныхъ» ⁴⁾. Можно, однако, смѣло сказать, что кружокъ молодыхъ повѣсь, собиравшійся у Всеволожскихъ, не преслѣдовалъ исключительно цѣлей кутежа, волокитства, дебоширства и пустыхъ театральныхъ сплетенъ: въ собраніяхъ общества участвовали и такіе люди, какъ Каверинъ и даже Гнѣдичъ; извѣстно, что здѣсь читались и разбирались произведенія членовъ, ибо большая часть ихъ, какъ ска-

¹⁾ Кн. А. Б. Лобановъ-Ростовскій. Русская родосл. книга, т. I, С.-Пб. 1895, стр. 124.

²⁾ П. И. Бартеневъ—въ «Моск. Вѣд.» 1855 г., № 143; его же: Пушкинъ въ южной Россіи. М. 1862, стр. 128; Журавлевъ—въ «Моск. Вѣд.» 1855 г., № 146; П. В. Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. С.-Пб. 1874, стр. 63—64 и проч.

³⁾ Это былъ мальчикъ, находившійся въ услуженіи у Всеволожскихъ и всегда присутствовавшій на засѣданіяхъ членовъ «Зеленой Лампы».

⁴⁾ Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. С.-Пб. 1874, стр. 63—64.

зано выше, занималась литературой, и обсуждались вопросы театральнаго искусства, которому они предавались съ большимъ увлеченіемъ. По свидѣтельству Я. Н. Толстого, кутежъ, когда и бывалъ, начинался уже послѣ засѣданій, за ужиномъ, во время котораго прислуживалъ смышленный калмыкъ. «Само собою разумѣется», рассказываетъ онъ, «что во время ужина начиналась свободная веселость; всякій болталъ, что въ голову приходило; остроты, каламбуры лились рѣкою, и какъ скоро кто-нибудь отпускалъ пошлое красное словцо, калмыкъ нашъ улыбался насмѣшливо, и наконецъ мы рѣшили, что этотъ мальчикъ, всякій разъ, какъ услышитъ пошлое словцо, долженъ подойти къ тому, кто его отпустить, и сказать: «здравія желаю!» Съ удивительною смѣтливостью калмыкъ исполнялъ свою обязанность. «Впрочемъ», замѣчаетъ Толстой, «Пушкинъ ни разу не подвергался калмыцкому желанію здравія. Онъ иногда говорилъ: «Калмыкъ меня балуетъ: Азія протезируетъ Африку». Конечно, мудро было осудить искры ума Пушкина, который въ эти минуты не только расточалъ остроты, но даже импровизировалъ прекрасные стихи» ¹⁾).

Роль Якова Николаевича въ собраніяхъ «Зеленой Лампы» была настолько значительна, что, когда въ 1819 г. Всеволожскій уѣзжалъ изъ Петербурга, члены кружка собирались на его квартирѣ. «Однажды», рассказываетъ онъ, «Гнѣдичъ читалъ отрывки изъ своего перевода «Иліады». Въ нѣкоторыхъ стихахъ замѣчали мы шероховатость. Пушкинъ морщился и зѣвалъ. Гнѣдичъ, подошедши къ нему, сказалъ: «Укажите мнѣ, Александръ Сергѣевичъ, стихи, которые вамъ не нравятся». Пушкинъ отказывался, Гнѣдичъ настаивалъ; тогда Пушкинъ произнесъ слѣдующій экспромптъ:

Съ тобою въ споръ я не вступаю,
 Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю:
 Я руку наложилъ,
 Погладилъ—зановилъ“ ²⁾).

Отношеніе Пушкина къ этому кружку было самое живое: онъ съ удовольствіемъ посѣщалъ его собранія и принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, касавшихся театра: раздѣлялъ нападки членовъ общества на только-что выступавшую актрису А. М. Колосову (Каратыгину), бывшую соперницей Е. С. Семеновой въ исполненіи классическихъ ролей, и даже написалъ на нее злую эпиграмму ³⁾, участвовалъ въ различныхъ театральныхъ манифестаціяхъ и т. п. Поэтому, когда «Зеленая Лампа» замѣтно начи-

¹⁾ «Современникъ» 1857 г., № 4, отд. V, стр. 266. Письмо Я. Н. къ М. Н. Лонгинову изъ Парижа отъ 1/13-го ноября 1856 г.

²⁾ Ibid., стр. 266—267.

³⁾ Соч. Пушкина, изд. Литер. фонда, т. I, стр. 213.

нала уже распадаться, Пушкинъ съ сожалѣніемъ отмѣчалъ это; такъ, 27-го октября 1819 г., онъ писалъ изъ Петербурга своему пріятелю П. Б. Мансурову: «Tolstoy боленъ... «Зеленая Лампа» нагорѣла; кажется, гаснетъ, а жаль: масло есть (то-есть, шампанское нашего друга)» ¹⁾. И позже, уже на югѣ Россіи, Пушкинъ вспоминалъ о кружкѣ своихъ товарищей, «минутныхъ друзей минутной молодости». «Постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ»,—писалъ онъ брату Льву изъ Кишинева 27-го іюня 1821 г. «Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его ²⁾, Овошникову его ³⁾, Лампу его и все, елико друга моего. Поцѣлуй, если увидишь, Юрьева и Мансурова, пожелай здравія калмыку и напиши мнѣ обо всемъ» ⁴⁾. Въ письмѣ къ Я. Н. Толстому изъ Кишинева отъ 26-го сентября 1822 г. онъ также спрашивалъ о судьбѣ общества и такъ выражалъ свои о немъ воспоминанія:

Горишь ли ты, лампада наша,
Подруга бѣднѣи и пировъ?
Кишишь ли ты, золотая чаша,
Въ рукахъ веселыхъ остряковъ?
Все тѣ же ль вы, друзья веселы,
Друзья Киприды и стиховъ?
Часы любви, часы похмѣлья
По-прежнему ль летятъ на зовъ
Свободы, лѣни и бездѣлья?
Въ изгнаньѣ скучномъ каждый часъ
Я къ вамъ лечу воспоминаемъ,
Воображаю, вижу васъ.
Вотъ онъ, пріютъ гостепримный,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ съ ними клятвою взаимной
Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство;
Гдѣ своенравный произволь
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ и шутовъ, и вина.
Я слышу, вѣрные поэты,
Вашъ очарованный языкъ...

¹⁾ Ibid. т. VII, 5—6

²⁾ Марья винъ.

³⁾ Танцовщица.

⁴⁾ Соч., т. VII, стр. 23.

Налейте мнѣ вина кометы,
Желай мнѣ здравія, калмыкъ! ¹⁾.

Таковы были воспоминанія Пушкина о кружкѣ друзей его кипучей юности. Памятникомъ отношеній его къ Толстому являются извѣстные «Стансы», обращенные къ Якову Николаевичу и написанные по просьбѣ послѣдняго. Исторія этого стихотворенія такова. Однажды, въ 1819 г., возвращаясь съ дружеской пирушки, вѣроятно изъ засѣданія «Зеленой Лампы», Пушкинъ ѣхалъ съ Толстымъ по набережной Фонтанки къ себѣ домой, къ Калинкину мосту. Во время дороги Яковъ Николаевичъ взялъ съ Пушкина обѣщаніе подарить его посланіемъ; но послѣдній долго не исполнялъ своего слова. Тогда Толстой обратился къ нему со слѣдующими стихами, которые позже были напечатаны въ сборникѣ его произведеній «Мое праздное время» (стр. 48—51):

О ты, который съ юныхъ лѣтъ
Прельщаешь лирой золотою;
Направа къ Пинду свой полетъ,
Летишь во храмъ его стрѣлою
И тамъ, въ бесѣдѣ Аонидъ,
То гимны страстны и веселы
Поешь, какъ истинный пѣтъ,
То громозвучные глаголы
Текутъ, какъ пламенна рѣка,
Изъ устъ твоихъ обильнымъ токомъ,
Разсыпши черны облака
Въ своемъ пареніи высокомъ,
Дивять и трогаютъ сердца
Склонись о Пушкинъ, Феба ради,
На просьбу слабого пѣвца
И вспомни, какъ, къ моей отрадѣ,
Ты мнѣ посланье обѣщалъ;
Припомни также вечеръ ясный,
Когда до дому провождалъ
Тебя, пѣтъ мой сладкогласный,
И ты мнѣ руку съ словомъ далъ;
Когда, стихами и шампанскимъ
Свои разсудки начиная
И дымомъ окурася султанскимъ,
Едва дошли мы до коня;
Усѣлись кое-какъ на дрожкахъ,
Качаясь, ѣхали въ тѣни,

¹⁾ Яковъ Николаевичъ, отвѣчая Пушкину на вопросъ, заданный имъ въ началѣ этого стихотворенія, писалъ ему:

Ахъ! Лампа погасла,
Не стало въ ней масла!

Изъ этого слѣдуетъ, что собранія друзей прекратились въ концѣ 1822 г. (М. Н. Лонгиновъ, «Современникъ», I. cit.).

И гасли медленно въ окошкахъ
 Чуть-чуть замѣтные огни;
 Зыбься, въ Фонтанкѣ отражалась
 Столбомъ серебрянымъ луна,
 И отъ строеній разстигалась
 Густая тѣнь, какъ пелена,
 И слышенъ былъ, подобно грому,
 Повозокъ шумъ издалека;
 По своду темно-голубому
 Прозрачны плыли облака,
 И Вesperъ теплился порою,
 Двояся трепетно въ струяхъ:
 Въ то время мчались мы съ тобою
 Въ пустыхъ Коломенскихъ краяхъ...
 Ты вспомни, какъ, тебя терзая,
 Согласье выпросилъ тогда,
 Какъ соннымъ голосомъ, зъвая,
 На просьбу мнѣ ты молвилъ: „да!“
 Но вотъ проходить ужъ вторая
 Недѣля съ вечера того,—
 Я слышу, пишешь ты ко многимъ,
 Ко мнѣ жъ покамѣстъ—ничего ¹⁾);
 И я перомъ своимъ убогимъ
 Тебѣ рѣшился докучать,
 Доколя ты не сдержишь слово.
 Бездѣлку трудно-ль написать?
 Искусство для тебя не ново:
 Тебѣ плетуть давно вѣнецъ
 На Пиндѣ музы, для примѣра.
 Возьми жъ свой пламенный рѣзецъ,
 Владыко рѣзны и размѣра,
 И имъ изобрази мнѣ живо
 Прелестный образъ музы той,
 Что пѣтъ тебя краснорѣчиво
 Такъ научила, милый мой;
 Открой искусство мнѣ столь сладко
 Писать, какъ вѣчно пишешь ты,
 Чтобъ могъ изображать я кратко

¹⁾ Дѣйствительно, въ 1819 году Пушкинъ написалъ посланія къ слѣдующимъ членамъ „Зеленой Лампы“: Ѳ. Ф. Юрьеву, В. В. Энгельгардту и Н. В. Всеволожскому. Къ этому же году слѣдуетъ отнести и посланіе къ М. А. Щербинину, включаемое обыкновенно въ число стихотвореній 1818 г. Подтвержденіемъ такого предположенія служить: 1) то, что весь почти 1818 г. Щербининъ былъ въ отсутствіи, состоя въ свитѣ Александра I во время его путешествій, изъ которыхъ онъ вернулся въ концѣ декабря 1818 г.; 2) въ 1819 же году Щербининъ былъ въ Петербургѣ и съ 1-го сентября считался въ „домашнемъ отпуску“; 3) о посланіи къ Щербинину, на-ряду съ посланіями къ Энгельгардту и А. Ѳ. Орлову, несомнѣнно относящимися къ 1819 г., какъ о новостяхъ, А. И. Тургеневъ сообщалъ 13-го августа 1819 г. кн. П. А. Вяземскому (Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ, подъ ред. В. И. Саптовой. Т. I, С.-Пб. 1899, стр. 288 п Соч. Пушкина, т. VII, стр. 4).

И сохраняяль бы красоты;
 Чтобъ нѣжность, вкусъ, витійства сила,
 Что отъ боговъ тебѣ даны,
 И коими Русланъ, Людмила
 Удачно такъ облечены,—
 Въ моихъ стихахъ являясь съ блескомъ
 Таеши же точно, какъ въ твоихъ;
 Во вкусѣ медленномъ нѣмецкомъ
 Отвадь меня нвзять мой стихъ;
 Въ моихъ стихахъ наишество слога
 Рѣзцомъ своимъ ты отколи
 И отъ таланта хоть немного
 Ты своего мнѣ удѣли!
 На что мнѣ длинное посланье?
 Твоихъ стиховъ десятка три—
 Вотъ, Пушкинъ, все мое желанье,
 Меня ты ими подари!
 Пускай трудится мрачный мистикъ
 Надъ кипой древнихъ теоремъ,—
 Ты напиши одинъ мнѣ листикъ,
 И я доволенъ буду тѣмъ.
 Давно въ враждѣ ты съ педантизмомъ
 И съ пустословіемъ въ войнѣ,
 Такъ научи жъ, какъ съ законизмомъ
 Ловчѣе подружиться мнѣ...
 Прошу, очисти мнѣ дорогу
 Кратчайшую во вкуса храмъ,
 И, твоего держаса слогу,
 Пойду цита по стопамъ!

На это посланіе Пушкинъ отвѣтилъ своими «Стансами»:

Философъ равній, ты бѣжишь
 Царю и наслажденій жизни;
 На игры младости глядишь
 Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.
     Ты милыя забавы свѣта
     На грусть и скуку промѣнялъ
     И на лампаду Эпиктета—
     Златой Гораціевъ фіалъ.
 Повѣрь, мой другъ, она придетъ,
 Пора увлыхъ сожалѣній,
 Холодной истинны, заботъ
 И бесполезныхъ размышленій!
     Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
     Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки:
     Надъ сѣдинами не гремятъ
     Безумства рѣзвыя гремушки.
 Ахъ, младость не приходитъ вновь!
 Зови же сладкое бездѣлье
 И легкокрылую любовь,
 И легкокрылое веселье.

*

До капли наслажденье пей,
 Живи безпечень, равнодушень,
 Мгновенью жизни будь послушень,
 Будь молодъ въ юности твоей!

Изъ «Стансовъ» Пушкина видно, что въ Толстомъ по какимъ-то причинамъ произошло охлажденіе къ «играмъ младости», и онъ отвратился отъ нихъ. Пушкинъ, конечно, не могъ съ полнымъ осужденіемъ относиться къ настроенію своего пріятеля, но, призывая его къ наслажденію жизнью, лишь высказывалъ тотъ же взглядъ, что и раньше (1817 г.), когда въ посланіи къ П. П. Каверину говорилъ:

.... Черни презирай ревнивое роптанье:
 Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
 Съ Клеерой, съ Портикомъ и съ книгой, и съ бокаломъ;
 Что умъ высокій можно скрыть
 Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Такимъ образомъ, понятенъ становится этотъ призывъ, обращенный къ «раннему философу, бѣгущему пировъ и наслажденій жизни»: Пушкинъ старается убѣдить его только въ томъ, что, предаваясь серьезнымъ занятіямъ, не слѣдуетъ забывать и про свою молодость, которая никогда не возвращается; что можно легко соединить одно съ другимъ, и что такое соединеніе вполне достойно человѣка съ возвышенной душой.

Съ именемъ Я. Н. Толстого связана исторія перваго изданія стихотвореній Пушкина, который еще до своего отъѣзда на югъ Россіи передалъ Якову Николаевичу право на изданіе отдѣльной книжкой своихъ новыхъ стихотвореній, о чемъ свидѣтельствуется въ письмахъ къ Гнѣдичу — отъ 13-го мая 1822 г. и къ А. А. Бестужеву — отъ 12-го января 1824 г. Однако, изданіе это не состоялось вслѣдствіе вмѣшательства Гнѣдича. «Гнѣдичъ шутить со мной шутки въ другомъ родѣ», писалъ Пушкинъ Бестужеву въ вышеупомянутомъ письмѣ: «онъ разгласилъ, будто бы всѣ новые стихи, обѣщанные мною Толстому, проданы уже ему, Гнѣдичу. Толстой написалъ мнѣ письмо пресухое, въ которомъ онъ справедливо жалуется на мое легкомысліе: отказался отъ изданія моихъ стихотвореній, уѣхалъ въ Парижъ,—и объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу. Онъ переписывается съ тобою въ «Сынѣ Отечества»¹⁾; напиши ему слово обо мнѣ, оправдай меня въ его глазахъ, да пришли его адресъ».

¹⁾ Здѣсь Пушкинъ имѣетъ въ виду полемику, которая завязалась между Яковомъ Николаевичемъ и Бестужевымъ съ одной стороны и А. А. Жандромъ — съ другой — на страницахъ «Сына Отечества». Споръ начался по поводу статьи Жандра, появившейся въ «Сынѣ Отечества» за 1823 г. (ч. 84, № 9, стр. 64—72) и озаглавленной «Разговоръ отъ „Полярной Звѣзды“». Въ ней Жандръ, въ діалогѣ съ г. С., въ насмѣшливомъ тонѣ критикуетъ альманахъ Бестужева «Полярная Звѣзда» и обвиняетъ его въ томъ, что онъ въ своей

Передъ отправленіемъ своимъ на югъ, въ срединѣ 1820 г., Пушкинъ проигралъ Н. В. Всеволожскому 1.000 р. асс. ¹⁾ и, не будучи въ состояніи заплатить свой долгъ наличными деньгами, передалъ ему, для изданія, рукопись своихъ стихотвореній, приготовленную уже къ печати, съ тѣмъ, чтобы Всеволожскій продажею книги выручилъ выигранную сумму. Но Всеволожскій долго не могъ собраться приступить къ дѣлу и хотѣлъ продать право на ихъ изданіе князю Алекс. Яковл. Лобанову-Ростовскому, бывшему въ то время полковникомъ л.-гв. Гусарскаго полка ²⁾: онъ хотѣлъ напечатать стихотворенія поэта въ Парижѣ ³⁾. Узнавъ объ этомъ, Пушкинъ встревожился, такъ какъ не терпѣлъ надежды издать ихъ по возвращеніи въ Петербургъ. «Явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому»,—писалъ онъ брату Льву изъ

известной статьѣ „Взглядъ на старую и новую словесность въ Россіи“ сдѣлалъ де грубую ошибку, сказавъ, что „Жандръ съ товарищами перевелъ съ французскаго нѣсколько трагедій и одну комедію, отъ чего многоручные переводы сіи получили пестроту въ слогѣ“ и что „трагическіе стихи его гладки, не рѣдко сильны и часто заржавлены старинными выраженіями“. Опровергая Бестужева, Жандръ говоритъ, что онъ перевелъ съ товарищемъ (Грибодовымъ), а не съ товарищами, только одну комедію („Притворная невѣрность“); что онъ одинъ написалъ „Семелу“ въ подражаніе Шиллеру и что одинъ же перевелъ нѣсколько хоровъ и одну сцену изъ Расиновой „Гоеолин“. Въ 12-мъ № „Сына Отечества“ за тотъ же годъ (стр. 223—229) появилось „Письмо къ А. А. Бестужеву въ Москву“ Я. Н. Толстого, въ которомъ онъ вступая за Бестужева, высмѣиваетъ Жандра и его „Разговоръ“, но главнымъ образомъ со стороны слога и отдѣльныхъ выраженій. Письмо это, въ свою очередь, вывало возраженіе Жандра (№ 14, стр. 310—312), на которое Толстой отвѣтилъ въ № 15 (стр. 32—35). Наконецъ, споряція стороны еще разъ обмѣнялись возраженіями (№ 16, стр. 83—86 и № 17, стр. 124—128), послѣ чего редакторъ—Гречъ, который и конца не видѣлъ этой скучной и бевсодержательной полемики, вращавшейся исключительно на критикѣ отдѣльныхъ словъ и выраженій, замѣтилъ спорщикамъ, что пора бы кончить ихъ переписку на страницахъ его журнала, чтобы не вызывать справедливыхъ упрековъ читателей. И дѣйствительно, уже въ № 20 „Сына Отечества“ (стр. 258—270) напечатано было одно изъ „Писемъ на Кавказъ“ какаго-то Ж. К., въ которомъ онъ, говоря о „Сынѣ Отечества“, замѣчалъ по поводу этой полемики, что ничего не можетъ быть „скупчѣе и несноснѣе споровъ или ссоръ объ однихъ словахъ, образѣ мыслей одного человѣка, о его способѣ выражаться и о прочемъ, тому подобномъ“. Въ этой перепискѣ, говоритъ онъ, „два антагониста заставляютъ терпѣливыхъ читателей быть свидѣтелями пустого, ни для кого не интереснаго спора о томъ, правъ ли былъ г. Бестужевъ въ сужденіи своемъ о г. Жандрѣ или нѣтъ, и кто лучше выражаетъ мысли свои на русскомъ языкѣ: Я. Т. или Жандръ“.

¹⁾ Письмо Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому отъ 29-го ноября 1824 г.

²⁾ К. Н. Маевей. Исторія л.-гв. Гусарскаго полка, ч. III, С.-Пб. 1859, стр. 97.

³⁾ Письмо Пушкина къ Гнѣдичу отъ 27-го сентября 1822 г.

Кишинева 4-го сентября 1822 г.,—«и скажи ему, чтобъ онъ, ради Христа, погодилъ продавать мои стихотворенія до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику...» Между тѣмъ Пушкинъ получилъ письмо отъ Я. Н. Толстого, котораго кн. Лобановъ избралъ посредникомъ въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ Якову Николаевичу уже принадлежало право на изданіе новыхъ произведеній поэта. Пушкинъ не замедлилъ отвѣтомъ и 26-го сентября 1822 г. писалъ Толстому:

«Милый Яковъ Николаевичъ! Приступаю тотчасъ къ дѣлу. Предложеніе кн. Лобанова льститъ моему самолюбію, но требуетъ съ моей стороны нѣкоторыхъ объясненій. Я сперва хотѣлъ печатать мелкія свои стихотворенія по подпискѣ, и было роздано уже 30 билетовъ; обстоятельства принудили меня продать свою рукопись Никитѣ Всеволожскому и самому отступить отъ изданія. Разумѣется, что за розданные билеты я долженъ заплатить,—и это первое условіе. Во вторыхъ, признаюсь тебѣ, что въ числѣ моихъ стихотвореній нѣкоторыя должны быть выключены, многія—переправлены, для всѣхъ долженъ быть сдѣланъ новый порядокъ, и потому мнѣ необходимо нужно пересмотрѣть свою рукопись. Третье: въ послѣдніе три года я написалъ много новаго. Благодарность требуетъ, чтобъ я переслалъ князю Александру, но... милый другъ, подождемъ еще два—три мѣсяца! Какъ знать? Можетъ быть къ новому году мы свидимся, и тогда дѣло пойдетъ на ладъ. Покажѣсть, прими мои сердечныя благодаренія: ты одинъ изъ всѣхъ моихъ товарищей, минутныхъ друзей минутной молодости, вспомнилъ обо мнѣ. Кстати или не кстати—два года и шесть мѣсяцевъ никто ни строки, ни слова!»¹⁾

Такимъ образомъ, право на изданіе стихотвореній осталось въ рукахъ Всеволожскаго; но прошло еще около двухъ лѣтъ, а изданіе это и не начиналось. Тогда Пушкинъ рѣшился выкупить у Всеволожскаго свое утраченное право. «Постарайся увидѣть Никиту Всеволожскаго, лучшаго изъ минутныхъ друзей моей минутной молодости», писалъ онъ 29-го іюня 1824 г., уже изъ Одессы, А. А. Бестужеву. «Напомни этому милому безпамятному эгоисту, что существуетъ нѣкто А. Пушкинъ, такой же эгоистъ и пріятный стихотворецъ. Оный Пушкинъ продалъ ему когда-то собраніе своихъ стихотвореній за 1000 р. асс. Нынѣ за ту же цѣну хочеть у него ихъ купить. Согласится ли Ариштищъ

¹⁾ Письмо Пушкина оканчивается вышеприведеннымъ стихотвореніемъ „Горнишь ли ты, лампада наша?“, а затѣмъ идутъ слѣдующія строки: „Ты пишешь мнѣ о своихъ стихотвореніяхъ, а я, въ бессарабской глуши, не получая ни журналовъ, ни новыхъ книгъ, не зналъ объ изданіи книги, которая утѣшила бы меня въ моемъ уединеніи. Прости, милый, до свиданія и до посланія! Обними нашихъ. Что Сосницкіе? Что Хмѣльницкій? Что Катенинъ? Что Шаховской? Что Ежова? Что гр. Пушкинъ? Что Семеновы? Что Завадовскій? Что весь театръ? (Соч., т. VII, стр. LXI).

Всеволодовичъ? Я бы въ придачу предложилъ ему мою дружбу, mais il l'a depuis longtemps, d'ailleurs ça ne fait que 1000 roubles»... О томъ же писалъ онъ и самому Всеволожскому ¹⁾, и брату Льву ²⁾, и кн. Вяземскому ³⁾, но только въ мартѣ 1825 г. получилъ извѣстіе, что Никита Всеволодовичъ уступилъ эту «проклятую», по выраженію самого Пушкина, рукопись, и братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ съ П. А. Плетневымъ приступили къ ея изданію, вышедшему въ свѣтъ въ 1826 году. Такъ неудачно окончилось участіе Якова Николаевича въ изданіи стихотвореній великаго поэта. Однако, дружескія ихъ отношенія, повидимому, не измѣнились съ теченіемъ времени и сохранились до самой смерти Пушкина. По крайней мѣрѣ, еще за недѣлю до рокового дня, Толстой, пріѣхавшій въ Петербургъ изъ-за границы хлопотать о поступленіи на службу, навѣстилъ поэта и говорилъ съ нимъ о посвященныхъ ему «Стансахъ» ⁴⁾.

Выше было упомянуто о томъ, что Я. Н. Толстой уже смолоду не былъ чуждъ занятій литературой ⁵⁾. Если не ошибаемся, первымъ его печатнымъ произведеніемъ является переводъ въ стихахъ V-й элегіи Тибулла (книги I-й), помѣщенный въ 1818 г. въ изданіи В. Н. Олина «Журналъ древней и новой словесности» (октябрь, стр. 22—25) и изданной отдѣльно въ томъ же году въ Петербургѣ ⁶⁾. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1819 г., появилось отдѣльнымъ изданіемъ «Посланіе къ Петру Михайловичу Каменскому» ⁷⁾, съ которымъ Яковъ Николаевичъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Чтобы дать понятіе о музѣ Толстого, приведемъ вкратцѣ содержаніе этого посланія.

Укорая Каменскаго за то, что онъ, удалившись въ деревню, забылъ объ его существованіи, Толстой выражаетъ зависть спокойствію своего друга среди сельской природы и противопоставляетъ ему свою суетливую жизнь въ городѣ. Онъ рисуетъ, какъ докучно ему жить въ столичной суетолюбѣ. Вотъ приходитъ къ нему кутила и вѣтрогонъ Хватковъ, затѣмъ—врачъ Микстуриязъ, пристающій къ нему съ лѣкарствами;

¹⁾ Изъ Одессы, въ іюнѣ 1824.

²⁾ Изъ Михайловскаго, въ ноябрѣ 1824.

³⁾ Оттуда же, 29-го ноября 1824.

⁴⁾ „Современникъ“ 1857 г., № 4, отд. V, стр. 265: статья М. Н. Лонгинова.

⁵⁾ А. О. Шидловскій далъ намъ возможность просмотрѣть внѣшескій альбомъ Я. Н., хранящійся нынѣ въ музеѣ Пажескаго корпуса: въ этомъ альбомѣ находится довольно много русскихъ и французскихъ стихотвореній, и нѣкоторыя изъ нихъ сочинены Толстымъ.

⁶⁾ Возможно, что переводъ сдѣланъ Толстымъ съ латинскаго языка, который онъ дѣйствительно зналъ; намъ неизвѣстно, однако, гдѣ могъ онъ его научиться? Экзаменъ при Педагогическомъ институтѣ не требовалъ знанія латинскаго языка.

⁷⁾ Обѣ эти піесы вошли въ сборникъ Толстого „Мое праздное время“.

дальше—ханжа Молитвинъ, къ которому Толстой обращается съ такими словами:

Уже ль ты думаешь, что всемогущій Богъ
Довольствуется тѣмъ, что слышитъ ложный вздохъ,
Молевія твою, глаза, къ Нему подняты,
Что видитъ хитрый взглядъ, смиренно руки сжаты,
Обманчивы твои поклоны передъ Нимъ,—
Межъ тѣмъ, какъ злости ядъ въ душѣ твоей хранимъ,
И ближнему въ бѣдахъ помочь не поспѣшаешь?
Нѣтъ, нѣтъ! Ты божества законъ тѣмъ унижаешь!

Послѣ Молитвина одинъ за другимъ приходятъ: Бекасинъ, надѣждающій ему разговорами

О гончихъ, о борзыхъ, о зайцахъ-русакахъ,

откупщикъ и кулакъ Торгуевъ, хвастунъ-офицеръ Усатовъ, щеголь Верхолѣтъ; наконецъ, является къ нему съ своей слезливою музою Увынинъ:

Что слово,—то у в њ, что стихъ,—то жалкій а х њ!
И струны лирные измокли всѣ въ слезахъ.
Зефиры воютъ съ нимъ, блѣднѣетъ нѣжна Флора,
И слезы за него, тоскуя, льетъ Аврора.
Комаръ ли прожужжитъ, или вскрикнетъ гдѣ сверчокъ,
Онъ мыслить, что и ихъ сражаетъ лютой рокъ;
А если жъ запоетъ къ несчастью Филомела—
Бѣда: горячихъ слезъ рѣка польется цѣла!

Въ этихъ стихахъ, не лишенныхъ остроумія, нельзя не признать явнаго намека на слишкомъ ревностныхъ послѣдователей Карамзинскаго сентиментализма.

Начавъ писать значительно ранѣе выхода въ свѣтъ двухъ вышеупомянутыхъ стихотвореній, Яковъ Николаевичъ въ 1821 г. рѣшилъ, по совѣту друзей, издать сборникъ своихъ произведеній, которыхъ къ тому времени накопилось уже довольно много. Сборникъ этотъ вышелъ въ началѣ того же года въ Петербургѣ подъ вычурнымъ заглавіемъ: «Мое праздное время, или собраніе нѣкоторыхъ стихотвореній Якова Толстого». Сюда вошли, кромѣ двухъ приведенныхъ выше, 20 стихотвореній, не считая эпиграммъ. Въ началѣ книги помѣщено обращеніе «Къ друзьямъ», въ которомъ Толстой говоритъ, что только по ихъ настоянію рѣшился выступить въ печати.

Затѣмъ слѣдуютъ три сатиры: «Поэтъ въ недоумѣніи», «Примиреніе» и «Воззваніе» къ издателю журнала. Въ первой поэтъ выражаетъ недоумѣніе: почему онъ, за всѣ тяжелые труды, посвящаемые на то, чтобы писать стихи, получаетъ только насмѣшки, непріятности, огорченія, и восклицаетъ:

Всѣ, всѣ противъ меня, и даже мой сапожникъ,
Сердся, узкіе мнѣ сдѣлалъ сапоги!

Наконецъ, поэтъ рѣшается замолчать, но ему очень трудно исполнить такое рѣшеніе, такъ какъ кругомъ онъ видитъ столько ужасныхъ пороковъ, молчать о которыхъ невозможно. При этомъ онъ рисуетъ нѣсколько отрицательныхъ типовъ, напримѣръ, Блестова, разбогатѣвшаго, зазнавшагося человѣка и его жестокосердную жену, которая

Купается въ слезахъ отъ смерти канарейки,
Межъ тѣмъ какъ при смерти слуга ея лежитъ.

Сознавая свое безсиліе въ борьбѣ съ подобными людьми, поэтъ въ отчаяніи восклицаетъ:

Не знаю самъ теперь, что дѣлать, что начать:
Писать ли мнѣ, или вѣтъ? Браниться, или молчать?
Шутить, или скорбѣть; смѣяться, или плакать?
Бѣда! Не вѣдаю, чѣмъ людямъ мнѣ упакать!

Сатира «Примиреніе» — подобнаго же содержанія: поэтъ, сознавъ всю тяготу своей роли, какъ обличителя пороковъ, рѣшаетъ не писать болѣе горькой правды, а всѣхъ хвалить, чтобы избавиться отъ враговъ:

Итакъ, писать на пряники
Отнынѣ правды не намѣренъ,
И Фирсъ, душой какъ ни кривн,
А можетъ твердо быть увѣренъ,
Что я молчу. Кто хочетъ, рви
Съ Ханжеевой обмана маску —
Я рукъ не подыму...

Наконецъ, третья сатира направлена противъ какого-то злого и желчнаго журналиста; изъ нѣкоторыхъ намековъ можно предположить, что она имѣетъ въ виду издателя «Вѣстника Европы» Каченовскаго.

Второй отдѣлъ сборника занятъ посланіями. Кромѣ двухъ приведенныхъ выше посланій къ Пушкину и П. М. Каменскому, здѣсь находятся еще слѣдующія: къ Д. Н. Философову, Н. В. Всеволожскому, О. Н. Глиникѣ, Петербургскому жителю и Старому другу. Въ посланіи къ Всеволожскому Толстой призываетъ своего пріятеля пріѣхать къ нему отдохнуть отъ свѣтской жизни «въ сосѣдствѣ съ милымъ драматургомъ», то-есть, кн. А. А. Шаховскимъ:

Увидишь добраго сосѣда,
Ту отрасль толстую князей
Могущихъ, храбрыхъ Ярославскихъ,
Что страшны были для Литвы,
Для странъ татарскихъ, скандинавскихъ,
А нынѣ правнукъ ихъ, увы,
О, оборотъ судьбы печальной!
Вънецъ и мантию сложа,
Властитель сцены театральной,
Со славой Талии служа,
Стяжалъ безсмертіе Мольера!
Пороковъ врагъ, сей милый князь
Выводитъ намъ ихъ для примѣра

И исправляетъ ихъ, рѣзвась;
И мастеръ онъ на растабары:
Съ нимъ время пролетитъ шута.

Посланіе къ Ѳ. Н. Глинкѣ, написанное въ с. Ельцахъ (Осташковскаго уѣзда) 30-го ноября 1820 г., любопытно тѣмъ, что даетъ еще одно подтвержденіе доброты, которою отличался этотъ, по выраженію Пушкина, «мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся отъ всякія скверны»¹⁾. Называя Глинку «несчастливыхъ другомъ», «другомъ людей», «защитникомъ сиротъ, вдовицъ и нищеты», Толстой проситъ его оказать свое покровительство одному ветерану, который отправился въ Петербургъ пѣшкомъ, надѣясь на помощь Глинки. Въ концѣ стихотворенія Толстой упоминаетъ объ участіи Ѳедора Николаевича въ дѣлѣ освобожденія крѣпостного поэта И. С. Сибирякова²⁾.

Отмѣтимъ еще «Посланіе къ Петербургскому жителю», замѣчательное тѣмъ, что въ немъ Толстой рисуетъ времяпровожденіе петербургскаго щеголя, совершенно подобное описанію того же въ I-й главѣ «Евгенія Онѣгина» (строфы XV—XXXVI). Для наглядности приведемъ нѣсколько параллелей.

Бывало, онъ еще въ постели:
Къ нему записочки несутъ
Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ:
Три дома на вечеръ зовутъ.

...Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ
И тамъ гуляетъ на просторѣ,
Пока недремлющій брегетъ
Не прозвонитъ ему обѣдъ.

...Звонъ брегета имъ доноситъ,
Что новый начался балетъ.

Онѣгинъ полетѣлъ къ театру.

Двойной лорнетъ, сходясь, наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ.

...А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ:
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.

Проснувшись по утру съ обѣдней,
Къ полудню кончивъ гулетъ;
Межъ тѣмъ лежитъ уже въ передней
Завывный на вечеръ билетъ.

...Спѣвшишь, какъ будто приневоленъ,
Шагами мѣрять бульваръ.

Прогулку кончивши, въ кариклѣ
На званный завтракъ ты спѣшишь.
Но часъ обѣденный ужъ близокъ...

Пора, однако же, карету
Тебѣ закладывать велѣтъ;
Пора въ театръ: туда къ балету,
Я знаю, хочешь ты поспѣтъ.
И вотъ, чрезъ пять минутъ въ спектаклѣ
Ты въ ложахъ лорнируешь дамъ.

Тебя зовутъ уже на танцы,
И ты пріѣхать слово далъ;
На лицахъ нѣжные румянцы
Тебѣ сумяютъ веселый балъ.
Домой заѣхавши, фигуркѣ
Своей ты придалъ лучшій тонъ,—
И вотъ ужъ прыгаешь въ мазуркѣ...

¹⁾ Сочиненія, т. VII, стр. 106.

²⁾ О Сибиряковѣ и его освобожденіи см. въ I т. „Остафьевскаго архива князей Вяземскихъ“, подъ ред. В. И. Сантова.

Вопель. Полна народу зала...
Музыка ужъ гремѣть устала;
Толпа мазуркой занята...

Что жъ мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ.

Но, шумомъ бала утомленный
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спитъ въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя...
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.

Съ восходомъ солнца кончишь день,
Живя по модному уставу;
Тогда усталость, скука, лѣнь,
Снесуть въ карету полумертва,—
И ты до полдня крѣпко спишь,
На завтра жъ снова, моды жертва,
Веселью въ срѣтенье летншь,
И снова начинаешь то же,
И такъ проходитъ круглый годъ...

Не сравнивая достоинствъ стиховъ Пушкина и Толстого, замѣтимъ только, что между ними существуетъ несомнѣнная связь. Прибавимъ къ этому, что Пушкинъ познакомился съ «Посланиемъ» въ сборникѣ Толстого не ранѣе конца 1822 г. ¹⁾, а за «Евгенія Онѣгина» онъ принялся 9-го мая 1823 г. ²⁾.

Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ книжки Толстого мы находимъ эпиграммы, не отличающіяся особеннымъ остроумиемъ; въ этомъ же отдѣлѣ помѣщены и элегии, содержаніе которыхъ крайне однообразно: это сознаніе скоротечности счастья или приближенія старости.

Подводя итогъ стихотворческой дѣятельности Толстого, можно сказать, что она не выходила изъ рядовъ скромной посредственности и не обнаружила въ авторѣ не только поэтическихъ дарованій, но даже и версификаторскихъ способностей. Повидимому, Толстой и самъ сознавалъ это, такъ какъ послѣ изданія своего сборника уже не появлялся въ печати со стихотворными произведеніями, хотя извѣстно, что до послѣднихъ годовъ своей жизни писалъ стихи на русскомъ и французскомъ языкахъ. Указаніе на это мы встрѣчаемъ, между прочимъ, въ письмѣ его родной племянницы—княгини Ек. Ник. Абамелекъ, сообщавшей отцу изъ Парижа въ 1863 г., что Яковъ Николаевичъ читалъ ей «свои стихи, которые онъ пишетъ для забавы», и переводы ³⁾. Въ числѣ послѣднихъ назовемъ, на примѣръ, переводъ на французскій языкъ «Черной шали» Пушкина, сообщенный авторомъ въ 1856 г. М. Н. Лонгинову, по мнѣнію котораго, Толстой «преодолѣлъ» въ переводѣ «большую трудность стихосложенія», такъ что Лонгиновъ собирался даже напечатать его въ «Современникѣ» ⁴⁾.

¹⁾ Соч. Пушкина, т. VII, стр. LXI. ²⁾ Я. К. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е. С.-Пб. 1899, стр. 198.

³⁾ Часть писемъ, выдержки изъ коихъ будутъ приводиться и далѣе, была сообщена намъ Н. А. Толстымъ, которому считаемъ долгомъ выразить свою благодарность.

⁴⁾ „Современникъ“ 1857 г., № 4, отд. V, стр. 267.

Какъ сказано было выше, въ собраніяхъ «Зеленой Лампы» часто и много трактовалось о драматическомъ искусствѣ, театральнхъ пьесахъ и актерахъ. Нѣкоторые изъ членовъ кружка даже сами писали для сцены, какъ, напримѣръ, Н. В. Всеволожскій и Д. Н. Барковъ. Увлеченный, вѣроятно, ихъ примѣромъ Яковъ Николаевичъ захотѣлъ попробовать свои силы на поприщѣ драматическаго писателя. Къ тому же, по указанію П. Н. Арапова, Толстой въ 1818—1819 г. усердно посѣщалъ вечера кн. А. А. Шаховскаго, съ которымъ, какъ мы видѣли выше, онъ былъ очень хорошо знакомъ; на этихъ вечерахъ собирались всѣ тогдашніе театралы и драматурги, какъ, напримѣръ: Грибоѣдовъ, Д. Н. Бѣгичевъ, А. А. Жандръ, Н. И. Хмельницкій, Ѳ. Ѳ. Кокоскинъ, П. А. Катенинъ ¹⁾. И вотъ, 8-го декабря 1819 г., въ бенефисъ М. А. Колосовой, на которую сначала нападали члены «Зеленой Лампы», Толстой въ первый разъ выступилъ передъ публикой: была поставлена, въ его переводѣ съ французскаго языка, опера-водевиль въ 1-мъ дѣйствіи «Мнимые разбойники, или суматоха въ трактирѣ», съ музыкой Сапюенца. Но пьеса эта не попала въ печать, и первое ея представленіе было и послѣднимъ, изъ чего можно заключить, что выборъ переводчика оказался не особенно удачнымъ ²⁾. Спустя полтора года, 25-го іюля 1821 г., въ бенефисъ четы Сосницкихъ, была поставлена новая комедія въ 1-мъ дѣйствіи, въ стихахъ, передѣланная Яковомъ Николаевичемъ съ французскаго языка, — «Нетерпѣливый» ³⁾. Канвой для этой пьесы послужила комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ весьма плодовитаго французскаго писателя Буасси, игранная въ первый разъ на французскомъ театрѣ въ январѣ 1724 г. ⁴⁾. Впрочемъ, Толстой воспользовался ею только въ главныхъ чертахъ, значительно сокративъ ее и упростивъ интригу ⁵⁾; но несомнѣнно, что типъ Вспышкина ⁶⁾ снятъ съ Слѣпандре'а Буасси ⁷⁾; нѣкоторыя подробности также взяты изъ его комедіи. Хотя Толстой и сдѣлалъ сокращенія сравнительно съ пьесой Буасси его комедія вышла все-таки растянутой, вялой и, не

¹⁾ Лѣтопись русскаго театра. С.-Пб. 1861, стр. 274.

²⁾ Тамъ же., стр. 289—290.

³⁾ Тамъ же, стр. 305. «Нетерпѣливый» изданъ въ Петербургѣ въ 1822 г.

⁴⁾ Bibliothèque des théâtres, contenant le catalogue alphabétique des pièces dramatiques, opéra, parodies et opéra-comiques et le temps de leurs représentations. Paris. 1733, стр. 171.

⁵⁾ Въ „Архивѣ дирекціи импер. театровъ“ (вып. I, отд. 3, С.-Пб. 1892, стр. 196) указанъ имѣющійся тамъ печатный экземпляръ комедіи въ 1 д. соч. Lantier, того же названія (l'Impatient), исполнявшейся въ переводѣ на петербургскихъ театрахъ въ 1795—1800 гг. Но мы не могли слышать ее съ пьесой Толстого за неимѣніемъ ея въ Императорской публичной бібліотекѣ.

⁶⁾ Въ комедіи Толстого имена дѣйствующихъ лицъ указываютъ на ихъ качества, напр.: Вспышкинъ, Понежнинъ (подъячій) и Рубенскій (художникъ).

⁷⁾ Ср. Boissy. Théâtre français. Tome I. Paris. 1735, pp. 18—122.

смотря на относительно гладкіе стихи, представляетъ мало интереса. Петербургской публикѣ она, вѣроятно, не понравилась, потому что не пшла болѣе одного раза. Такимъ образомъ, опытъ Толстого на поприщѣ драматическаго писателя оказался неудачнымъ, и онъ болѣе не появлялся на сценѣ ¹⁾).

Въ описываемый нами періодъ времени Яковъ Николаевичъ, продолжая службу въ Павловскомъ полку, въ 1821 г. былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ въ Главный штабъ и получилъ чинъ штабсъ-капитана. Но вскорѣ въ его судьбѣ произошла крупная перемѣна, пзмѣнившая его жизнь уже навсегда. 23-го апрѣля 1823 г. Яковъ Николаевичъ взялъ заграничный отпускъ для излѣченія какой-то болѣзни ногъ. Въ сентябрѣ онъ былъ уже на мѣстѣ, рѣшивъ пробыть въ Парижѣ годъ или полтора; но обстоятельства сложились такъ, что ему уже не скоро удалось возвратиться въ Россію. Онъ находился еще во Франціи въ то время, какъ въ Петербургѣ совершились событія 14-го декабря 1825 г. Слѣдствіе открыло, что Яковъ Николаевичъ также былъ причастенъ къ движенію, охватившему часть русскаго образованнаго общества. По одному показанію, онъ примкнулъ къ этому движенію еще до 1821 г., образовавъ, вмѣстѣ съ княземъ Евг. Оболенскимъ и » колл. асс. Токаревымъ, тайное общество въ Измайловскомъ полку, которое было независимо отъ Союза благоденствія ²⁾). По показанію же, данному С. М. Семеновымъ, слѣдуетъ, что Толстой вступилъ въ члены тайнаго общества позже, когда «Николай Тургеневъ, возвращаясь изъ Москвы въ 1821 г., начиналъ изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженнаго Союза (Благоденствія) составлять новое тайное общество» и «въ оное приглашалъ прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его, Семенова, да принялъ полковника Митькова, Якова Толстого и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣйствія общества прекратились» ³⁾).

Изъ этого противорѣчія намъ помогаетъ выйти самъ Н. И. Тургеневъ, который въ I томѣ «La Russie et les russes», говоря о «Донесеніи Слѣдственной комиссіи», обсуждаетъ, между прочимъ, и два вышеприведенныхъ свидѣтельства. Вотъ чтò, по его мнѣнію, могло подать поводъ къ показанію Семенова. «Послѣ возвращенія моего въ

¹⁾ Араповъ въ своей „Лѣтописи“ упоминаетъ еще (стр. 280) комедію „Витязиндова башня, или кавитуліція жидовъ“, переведенную съ французскаго языка какимъ-то А. Н. Толстымъ и игранную въ 1819 г. Не принадлежитъ ли она перу Я. Н. Толстого?

²⁾ Rapport de la commission d'enquête. St.-Petersbourg. 1826, p. 26. Въ „Донесеніи Слѣдственной комиссіи“ (стр. 16) имени Якова Николаевича не упомянуто при описаніи этого новаго общества, и говорится только о кн. Оболенскомъ и Токаревѣ. Но бар. А. Е. Розенъ рассказываетъ о немъ согласно съ „Rapport“ (Записки декабриста. Лейпцигъ. 1870, стр. 66).

³⁾ Rapport de la commission d'enquête, стр. 38—39, примѣч. 2.

Петербургъ» ¹⁾, рассказываетъ онъ: «секретарь прежняго общества Семеновъ... сказалъ мнѣ однажды, что нѣкоторые изъ его друзей, которыхъ, однако, я зналъ весьма мало, и не зналъ, были ли они, или нѣтъ, членами этого (прежняго) общества,—спрашивали его, почему общество было уничтожено, и нужно ли отказаться ото всего. Не удовлетворенные объясненіями, которыя онъ (то-есть, Семеновъ) имъ далъ, они хотѣли переговорить со мной, чтобы отъ меня узнать, чего имъ теперь держаться. Я сказалъ ему, что постараюсь ихъ увидѣть и сообщить имъ то, что произошло въ Москвѣ. Я отправился къ одному изъ этихъ господъ, гдѣ и встрѣтилъ, кромѣ Семенова, еще троихъ: Оболенскаго, Я. Толстого и Миклашевскаго. Я сообщилъ имъ рѣшеніе, принятое въ Москвѣ, и словесно изложилъ мои доказательства о безусловной невозможности работать въ Россіи для общаго блага съ помощью тайныхъ обществъ. Я настаивалъ, чтобы каждый въ отдѣльности старался о томъ, и въ особенности совѣтовалъ заняться освобожденіемъ рабовъ,—предметъ, для котораго должны быть достаточны старанія или дѣйствія сообща двухъ-трехъ друзей и который, по самому свойству своему, несомнѣстимъ съ тайной. Всѣ сношенія мои съ сими людьми ограничились этимъ единственнымъ свиданіемъ» ²⁾ Опровергая такимъ образомъ, показаніе Семенова, Тургеневъ говоритъ далѣе слѣдующее: «Толстой находился во Франціи во время возстанія 1825 г. Когда въ Парижѣ занимались составленіемъ оправдательной для меня записки, то для этого сочли необходимымъ спросить у него объясненій. Онъ отвѣтилъ (это письмо его у меня въ рукахъ и теперь), что «предложеніе вступить въ тайное общество было сдѣлано ему не Н. Тургеневымъ, а Семеновымъ (давшимъ то показаніе, о которомъ идетъ рѣчь), и что общество, въ которое ему предлагали вступить, было не иное, какъ прежнее общество «Союзъ общественнаго благоденствія». Такимъ образомъ выясняется, что Толстой вступилъ въ тайное общество до 1821 г. или въ самомъ его началѣ. Намъ не извѣстно, давалъ ли какія-нибудь показанія Толстой Слѣдственной комиссіи. Вѣроятно нѣтъ, такъ какъ находился тогда за границей, да и въ «Донесеніи» не находимъ никакихъ слѣдовъ этого. Строгихъ преслѣдованій противъ Якова Николаевича также не было, если не считать обвиненій въ написаніи какой-то статьи въ «La France chrétienne» (1826 г.), направленной противъ русскаго правительства. Впрочемъ, Толстой доказалъ, что не онъ былъ ея авторомъ ³⁾.

¹⁾ Изъ Москвы, гдѣ въ февралѣ 1821 г. было рѣшено закрыть Союзъ Благоденствія.

²⁾ La Russie et les russes, t. I, pp. 197—198.

³⁾ La Russie et les russes, t. I, p. 199 и 273.

По прїѣздѣ въ Парижъ въ 1823 г., Яковъ Николаевичъ быстро окунулся въ его кипучую жизнь: онъ старался все увидѣть, все узнать. Насколько сильно было впечатлѣніе, произведенное на него столицей Франціи, можно видѣть изъ письма его къ А. А. Бестужеву, писаннаго вскорѣ по прїѣздѣ въ Парижъ—5 (17-го) ноября 1823 г. ¹⁾: «Не требуйте отъ меня описанія Парижа: слабое перо мое не въ состояніи начертать очаровательной картины шумныхъ увеселеній, да и сверхъ того сія гостиница просвѣщеннаго міра, средоточіе жизненныхъ наслажденій, была предметомъ описаній тысячи путешественниковъ. У насъ, начиная отъ неподражаемаго Карамзина, коего волшебная кисть съ равнымъ искусствомъ рисовала обычай народовъ и прелести природы, до послѣдняго странствователя, едва умѣющаго писать,—всѣ вели въ свою очередь болѣе или менѣе занимательныя путевыя записки, которыя, при статьѣ о Парижѣ, увеличивались описаніями, сужденіями и примѣчаніями; рѣдко кто ихъ не читалъ, многіе даже затвердили перваго наизусть. Со времени же двоекратнаго взятія сей столицы побѣдоносными нашими войсками мало кто въ ней не бывалъ; кто жъ не былъ, тотъ вѣрно слышался отъ друзей и знакомыхъ, по крайней мѣрѣ, объ удовольствіяхъ парижской жизни. Всѣ и даже слуги наши, по слышкѣ знаютъ Пале-Рояль! Лѣтъ за пятнадцать передъ симъ, кто былъ въ Парижѣ, тотъ выходилъ изъ чѣрты обыкновенныхъ людей; на него указывали, какъ на всезнающаго человѣка, и говорили: «Онъ даже былъ въ Парижѣ!» Но съ тѣхъ поръ, какъ русскія войска успѣли заплатить французскимъ два визита за одинъ; съ тѣхъ поръ, какъ мечъ указалъ намъ дорогу къ берегамъ Сены,—мы угадали нетрудность быть въ столицѣ Франціи: нынѣ тотъ, кто въ состоявіи заплатить прогоны за три тысячи верстъ, скачетъ за границу, и цѣль его путешествія—Парижъ!»

Однако, Яковъ Николаевичъ не восторгался слѣпо всѣмъ французскимъ только потому, что оно французское: онъ умѣлъ, напримѣръ, подмѣтить и недостатки парижанъ: ихъ вѣтренность, непостоянство и неустойчивость во мнѣніяхъ; онъ дѣлаетъ слѣдующую, не лишенную наблюдательности, характеристику тогдашняго парижскаго общества. «Всѣ путешественники единодушно утверждаютъ», говоритъ онъ, «что французы любезны, милы и гостепріимны; я не спорю, можетъ быть свойства сіи входятъ въ ихъ общій характеръ, но нынѣшніе французы находятся внѣ своей сферы: народъ, существующій для удовольствій жизни, пустился въ мрачную политику; общество раздѣлилось на партіи, и либералы питаютъ явную ненависть къ роялистамъ, во всякомъ

¹⁾ Письмо это напечатано въ „Сынъ Отечества“ за 1823 г., ч. 90, № XLII (29-го декабря), стр. 243—259.

незнакомомъ видятъ себѣ противника; хладнокровныя и умѣренныя сужденія кажутся имъ противорѣчимъ ихъ системамъ, и любезный, гостепріимный нравъ претворяется въ угрюмую мизантропію. Еслибъ раздѣленіе ограничивалось сими двумя партіями, то легко бы можно было ихъ различать и примѣняться къ людямъ благомыслящимъ; но разнообразіе толковъ оставляетъ въ недоумѣніи самаго тонкаго наблюдателя, и мудрено догадаться, чего кто добивается. Вы найдете демократовъ, либераловъ, конституціонныхъ, министеріальныхъ, аристократовъ, роялистовъ, бонапартистовъ; прибавьте латинское слово *ultra* къ каждому изъ сихъ наименованій — и списокъ партій удвоится. При томъ, всѣ онѣ между собою въ непримиримой враждѣ; но и тутъ неосновательность французскаго характера васъ поразитъ: вы не рѣдко встрѣтите молодого человѣка съ лиліею въ петлицѣ и съ вензелемъ Наполеона на жилетѣ; или перстень, изображающій этого великаго человѣка, блещетъ на пальцѣ моднаго франта, напѣвающаго народную пѣсню «Vive Henry IV»... Въкъ поэзіи и изящнаго краснорѣчія во Франціи миновалъ; насталъ въкъ безплодныхъ разсужденій. Гдѣ тѣ гении, которые на развалинахъ ума человѣческаго созидали новыя системы? Гдѣ тѣ пѣнопѣвцы, которые раздували священный огонь поэзіи, возжженный древними? Ихъ нѣтъ болѣе! Круговращеніе бурнаго полустолѣтія потушило ихъ небесныя искры. Во всей Франціи нѣтъ ни одного хорошаго поэта: легионы публицистовъ заступили ихъ мѣсто». Такovy были выводы Толстого, сдѣланные послѣ короткаго знакомства съ парижской жизнью; но они, тѣмъ не менѣе, во многомъ справедливы и обнаруживаютъ въ ихъ авторѣ внимательнаго наблюдателя.

Остальная часть письма заключаетъ въ себѣ извѣстія о парижскихъ театрахъ, которые Толстой, какъ большой любитель, посѣщалъ чуть-ли не ежедневно, объ актерахъ и всевозможныхъ зрѣлищахъ, а также о журналахъ и новыхъ книгахъ. Драматическій театръ совсѣмъ не удовлетворилъ ожиданій Толстого. «Въ трагедіи — Тальма и иногда Дюшенуа, въ комедіи — Марсъ, вотъ и все!» восклицаетъ онъ. «Изъ числа вспомогательныхъ (*accessoires*) нѣтъ почти ни одного хорошаго; нѣкоторые же такъ дурны, что не годились бы на наши губернскіе театры». За то онъ съ большою похвалою отзывается о французской и итальянской оперѣ и балетѣ. Толстой заканчиваетъ свое письмо обѣщаніемъ сообщать Бестужеву все, достойное вниманія. И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени на страницахъ того же «Сына Отечества» ¹⁾ появилось второе его письмо, отъ 25-го апрѣля 1824 г., но на этсмъ корреспонденціи его и прекратились. Здѣсь Яковъ Николаевичъ вполне подтверждаетъ свое мнѣніе о французскомъ театрѣ. «Въ

¹⁾ Ч. 94, іюнь, № XXIV, стр. 145—167.

первомъ письмѣ моемъ», говоритъ онъ, «писалъ я вамъ о здѣшнихъ театрахъ. Вы, мѣжетъ статься, подумаете, что я не успѣлъ порядочно взглянуть и писалъ по первымъ впечатлѣніямъ. Повѣрьте же мнѣ, что семимѣсячное здѣсь пребываніе и почти ежедневное посѣщеніе театровъ не возвысили ихъ достоинства въ моихъ глазахъ; итакъ, я упорствую въ моемъ мнѣніи и готовъ торжественно повторить то, что сказалъ въ первомъ моемъ письмѣ». Кромѣ извѣстій о новостяхъ театральнаго міра, Толстой говоритъ о торжественномъ засѣданіи Французской академіи, а также сообщаетъ названія нѣкоторыхъ вновь вышедшихъ книгъ, достойныхъ, по его мнѣнію, вниманія соотечественниковъ.

Выѣхавъ изъ Россіи съ нѣкоторымъ запасомъ денегъ, Яковъ Николаевичъ, принявшійся жить на широкую ногу, скоро ихъ израсходовалъ и очутился въ очень затруднительномъ положеніи. Съ этого времени началось его постоянное перебиваніе со дня на день, долги, возня съ кредиторами. Картина его парижской жизни становится весьма печальной, а письма къ роднымъ наполняются жалобами на нищету, преслѣдованія заимодавцевъ, разнообразныя выворачиванья и уловки, къ которымъ ему приходилось прибѣгать для того, чтобы получить возможность существовать. Между тѣмъ, даже находясь въ такой грустной жизненной обстановкѣ, онъ сумѣлъ познакомиться со многими французскими писателями и журналистами и не оставлялъ литературныхъ занятій. Такъ, уже въ 1824 г. въ Парижѣ вышла его брошюрка «*Quelques pages sur l'Anthologie russe pour servir de réponse à une critique de cet ouvrage, insérée dans le «Journal de Paris.»*» Въ номерѣ этого журнала отъ 2-го января 1824 г. появился разборъ изданной въ 1823 г. Emile'омъ Dupré de Saint Maure'омъ «Русской Антологіи», заключавшей въ себѣ переводъ на французскій языкъ произведеній нѣкоторыхъ русскихъ писателей. Разборъ этотъ былъ написанъ критикомъ «*Journal de Paris*» Р. Ваоур Логмиан'омъ и заключалъ въ себѣ отрицательное отношеніе къ русской литературѣ и, между прочимъ, нападки на Крылова.

Дѣло въ томъ, что Ваоур Логмианъ, усмотрѣвъ въ баснѣ Крылова «Сочинитель и воръ» ¹⁾ прозрачныя намеки на Вольтера, съ гнѣвомъ обрушился за это на нашего баснописца и отвергалъ въ его басняхъ всё тѣ достоинства, которыя видѣлъ въ нихъ Dupré de Saint-Maure. Выступивъ въ качествѣ защитника правъ русской литературы и достоинствъ басенъ Крылова, Толстой въ своемъ возраженіи (не приня-

¹⁾ Она переведена гр. Ксавье-де-Местромъ.

томъ ни однимъ французскимъ журналомъ), замѣчаетъ: «Да позволено мнѣ будетъ спросить г. критика, гдѣ онъ взялъ доказательство тому, что эта басня написана была противъ Фернейскаго философа? Г. Крыловъ говорить объ авторѣ, который, посягая своими сочиненіями опасные принципы въ обществѣ, получаетъ въ аду возмездіе за то зло, которое вызвали его сочиненія. Но вѣдь Вольтеръ не единственный писатель, который въ своихъ сочиненіяхъ нападалъ на духовныхъ лицъ и особенно на злоупотребленія могуществомъ и силою религій». А такъ какъ, — говоритъ Толстой, — басня написана по-русски и для русскихъ, то «нельзя-ли предположить съ большею вѣроятностью, что и стрѣлы ея направлены на какого-нибудь русскаго философа», или даже не имѣютъ въ виду отдѣльнаго лица? Свое возраженіе Толстой заканчиваетъ совѣтомъ, обращеннымъ къ Baour-Lorgnier у позаняться немного русской литературой. «Я увѣренъ» замѣчаетъ онъ: «что если онъ (Baour-Lorgnier) послѣдуетъ моему совѣту, то будетъ впредь болѣе справедливъ къ народу, который не перестаетъ удивлять великихъ людей Франціи, народу, который питаетъ постоянную склонность къ французамъ преимущественно предъ всѣми другими націями и всегда шель по пути науки подъ покровительствомъ ихъ ученыхъ» ¹⁾).

Когда въ 1825 г. въ Парижѣ вышла книга Alphonse Rabbe'a: «Resumé de l'histoire de Russie», Яковъ Николаевичъ выступилъ съ своими замѣчаніями ²⁾ на это сочиненіе, съ цѣлью указать противорѣчія, неточности и исправить ошибки, которыми оно было наполнено, а также заступиться за русскихъ, на которыхъ авторъ сильно нападалъ въ своемъ трудѣ, взводя на нихъ разныя небылицы. А такихъ небылицъ въ тогдашнихъ иностранныхъ сочиненіяхъ о Россіи встрѣчалось великое множество, и заграничные писатели были на нихъ очень тароваты. Не даромъ обозрѣватель «Московского Телеграфа» въ своей статьѣ «Извѣстія о Россіи и русской литературѣ, помѣщаемыя во французскихъ журналахъ», говорилъ: «Во Франціи и въ Германіи безпрестанно являются книги и журнальныя статьи, въ которыхъ говорятъ и толкуютъ о Россіи. Благодаримъ за вниманіе и съ удовольствіемъ замѣчаемъ, что Россія весьма занимаетъ нынѣ умы европейцевъ». «Жаль только», прибавляетъ онъ, «что извѣстія о насъ большею частью не вѣрны и ошибочны» и въ то же время выражаетъ пожеланіе, «чтобы нашлось у насъ нѣсколько человѣкъ, которые въ состояніи были бы

¹⁾ Рецензія на брошюру Толстого, написанная Е. Héreau, была помѣщена въ „Revue Encyclopédique“ 1824 г., t. XXI, pp. 421—422.

²⁾ „Revue Encyclopédique“ 1825 г., t. XXVI, pp. 531—534. О книгѣ Раббеа и критикѣ на нее Толстого см. также „Моск. Телеграфъ“ 1825 г., ч. IV, № 16, стр. 358—359.

указывать ошибки французскимъ, нѣмецкимъ или англійскимъ литераторамъ и въ то же время могли бы сообщать имъ, что можно¹⁾. Поэтому-то, когда появились замѣчанія Толстого на книгу Рабба, въ «Московскомъ Телеграфѣ» съ сочувствіемъ отмѣтили этотъ фактъ и благодарили Якова Николаевича, принявшаго на себя «посредничество между русскими и французами». Посредничество это выразалось въ томъ, что въ «Revue Encyclopédique», въ которомъ былъ отведенъ цѣлый отдѣлъ извѣстіямъ о Россіи²⁾, съ 1824 года стали появляться небольшія замѣтки Толстого о русской литературѣ, имѣвшія цѣлью знакомить французскую публику съ ходомъ нашей словесности. Не ограничиваясь этимъ, онъ даже перевелъ на французскій языкъ цѣлое сочиненіе С. В. Броневскаго о Кавказѣ³⁾ и представилъ его Географическому обществу для напечатанія⁴⁾, но дѣло это не состоялось. Относясь съ похвалою къ подобной дѣятельности Толстого, критикъ «Московского Телеграфа» указываетъ также и на промахи, сдѣланные Яковомъ Николаевичемъ въ его рецензіяхъ, помѣщенныхъ въ «Revue Encyclopédique».

Разборъ Толстымъ книги Рабба вызвалъ цѣлый рядъ опроверженій и возраженій со стороны послѣдняго. Вся полемика ихъ по этому поводу подробно рассказана въ «Московскомъ Телеграфѣ» П. А. Вяземскимъ, скрывшимся подъ буквами Г. Р.-К.⁵⁾ Вотъ почему возгорѣлся споръ. Раббъ въ одномъ мѣстѣ своего «Resumé» выразился, что русскіе напрасно производятъ слово славяне отъ корня слава; утверждалъ, что оно имѣетъ болѣе связи со словомъ esclave и называлъ поэтому славянъ эсклавами. Яковъ Николаевичъ, въ вышеуказанныхъ замѣчаніяхъ своихъ на книгу Рабба, отвѣтилъ на это, что «историку слѣдовало бы знать, что слово esclave ничего не значитъ ни на славянскомъ, ни на русскомъ языкѣ, и что, слѣдовательно, игра словъ его совершенно неумѣстна. Пусть же г. Раббъ узнаетъ», прибавляетъ Толстой, «что esclave по-русски и по-славянски значитъ рабъ». Эта колкость сильно раздражила Рабба, и онъ напечаталъ возраженіе на замѣтку Толстого въ «Revue Encyclopédique», а затѣмъ въ «Courrier Français». На послѣднее опять таки возражалъ Толстой въ томъ

¹⁾ „Моск. Телеграфъ“ 1825 г., ч. IV, № 16, стр. 358.

²⁾ Видными вкладчиками въ этотъ отдѣлъ были: С. Д. Полторацкій и секретарь „Revue Encyclopédique“—Edme Héreau, жившій одно время въ Россіи, звавшій хорошо русскій языкъ и сотрудничавшій въ „Моск. Телеграфѣ“ Статьи Полторацкаго и Геро указаны въ „Table décennale de la „Revue Encyclopédique“ (1819—1829), par P. A. M. Miger. Paris, 1831, 2 v.

³⁾ „Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ“. М. 1823.

⁴⁾ „Моск. Телеграфъ“ 1825 г., ч. IV, № 16, стр. 360.

⁵⁾ „Москов Телеграфъ“ 1825 г., ч. V, стр. 261—267. Статья эта не вошла въ собраніе сочиненій князя Вяземскаго.

же «Французскомъ Курьерѣ» письмомъ отъ 15-го іюня 1825 г. ¹⁾, въ которомъ доказывалъ, что Раббъ совершенно напрасно такъ на него обидѣлся, и при этомъ исправлялъ еще нѣсколько ошибокъ, сдѣланныхъ Раббомъ въ его отвѣтахъ. Однако, Раббъ не успокоился и послѣ этого, помѣстивъ еще одно письмо въ «Courrier Français».

Сотрудничество Якова Николаевича въ «Revue Encyclopédique», о которомъ мы упоминали выше, выразилось въ нѣсколькихъ статьяхъ, большею частью о новыхъ русскихъ книгахъ и альманахахъ. Статьи эти слѣдующія: рецензія на «Путешествіе по Тавридѣ» Муравьева-Апостола ²⁾, «Обзоръ главнѣйшихъ произведеній русской литературы, вышедшихъ въ послѣднее время» ³⁾, отзывъ о «Полярной Звѣздѣ» Вестужева и «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» Дельвига ⁴⁾, замѣтка «Объ изслѣдованіи сѣверныхъ береговъ Сибири» ⁵⁾, о засѣданіи Академіи наукъ ⁶⁾ и рецензіи на «Евгенія Онѣгина» и «Наталью Долгорукую» (Козлова) ⁷⁾; наконецъ, онъ сообщилъ Е. Нёгеау нѣкоторые матеріалы для его статьи о цензурѣ въ Россіи ⁸⁾. Наиболее крупною статью Толстого въ «Revue Encyclopédique» является некрологъ Карамзина, очень тепло написанный ⁹⁾.

Журнальная и полемическая дѣятельность Толстого обратила на себя вниманіе петербургскихъ литераторовъ, и въ 1827 г. князь Вяземскій, принимавшій самое дѣятельное участіе въ изданіи «Московского Телеграфа», поручилъ А. И. Тургеневу, бывшему въ то время въ Парижѣ, сговориться съ Толстымъ и привлечь его къ сотрудничеству въ «Московскомъ Телеграфѣ» ¹⁰⁾. Яковъ Николаевичъ былъ уже знакомъ въ это время съ Вяземскимъ, съ которымъ онъ переписывался, и которому, вѣроятно, понравились его корреспонден-

¹⁾ Оно напечатано въ вышеупомянутой статьѣ князя Вяземскаго.

²⁾ „Revue Encyclopédique“ 1825 г., т. XXV, стр. 126—127.

³⁾ Тамъ же, т. XXVI, стр. 897—900.

⁴⁾ Тамъ же, т. XXVI, стр. 455—456.

⁵⁾ Тамъ же, 1824 г., т. XXIV, стр. 231—234.

⁶⁾ Тамъ же, т. XXI, стр. 218—219.

⁷⁾ Тамъ же, 1828 г., т. XXXVIII, стр. 126—127. Почти всѣ они подписаны только буквой Т. О принадлежности ихъ Толстому см. „Table décennale de la „Revue Encyclopédique“ 1819—1829, par. P. A. M. Miger. Paris, 2-e partie, p. 549.

⁸⁾ „Revue Encyclopédique“ 1829 г., т. XLIV, p. 506.

⁹⁾ Тамъ же, 1826 г., т. XXXI, pp. 242—244 (о принадлежности его Толстому см. тамъ же, т. XXXII, p. 378 и „Table décennale...“).

¹⁰⁾ Знакомство князя Вяземскаго съ Толстымъ не прерывалось до самой смерти Якова Николаевича.

ціи, помѣщенныя въ «Сынѣ Отечества»; къ тому же мы видѣли, что князь Петръ Андреевичъ сочувственно относился къ дѣятельности Толстого въ Парижѣ. Онъ предложилъ ему вознагражденіе за его сотрудничество. Между тѣмъ финансовыя дѣла Якова Николаевича находились въ это время въ самомъ неблагопріятномъ положеніи: у него было до 11.000 франковъ долгу; онъ обратился съ просьбою къ государю, умоляя его придти къ нему на помощь и снять съ него подозрѣніе, навлеченное на него участіемъ въ 14-мъ декабря, но въ отвѣтъ получилъ только, черезъ генерала Дибича, приказаніе возвратиться на службу. «Мнѣ объявили»,—пишетъ онъ брату 31-го января (12-го февраля) 1827 г. изъ Парижа¹⁾,— «что моя отставка не была представлена государю²⁾. Я отвѣтилъ посланнику, что, вопреки моему желанію подчиниться приказаніямъ моего начальства, мнѣ совершенно невозможно этого исполнить въ виду многочисленныхъ долговъ, которые я сдѣлалъ». «Я нахожусь въ ужаснѣйшемъ положеніи»,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ: «часто я вынужденъ быть безъ обѣда, мнѣ не на что купить сапогъ, я страдаю отъ голода, стыда и униженія; я былъ преслѣдуемъ за одинъ долгъ и долженъ былъ скрываться, чтобы избѣжать тюрьмы; меня стерегутъ въ домѣ, гдѣ я живу изъ милости. Я все продалъ, что имѣлъ: книги, вещи, платье... У меня остаются только мои пистолеты», трагически добавляетъ онъ...

Въ виду такого тяжелаго положенія, Яковъ Николаевичъ охотно согласился на предложеніе князя Вяземскаго, и вотъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» за 1827 же годъ³⁾ появляются «Отрывки писемъ изъ Парижа», подписанныя инициалами «Я. Т». Въ нихъ Толстой сообщаетъ русскимъ читателямъ о парижскихъ новостяхъ дня, о новѣйшихъ изданіяхъ, по его мнѣнію интересныхъ, о театрѣ, о засѣданіяхъ Палаты и ораторахъ, которыхъ онъ тамъ слышалъ, о публичныхъ чтеніяхъ Вильмена и т. п. Но послѣ этихъ отрывковъ Толстой долго ничего не посылалъ въ «Московскій Телеграфъ», будучи занятъ мыслью о возвращеніи въ Россію и тревожимъ разными непріятностями. «Позволеніе вернуться изъ ссылки князю Ильѣ Долгорукову»,—писалъ онъ брату въ октябрѣ 1827 г.,—«заставляетъ меня думать, что правительство простить тѣхъ, которые оказались виновными⁴⁾; это обстоятельство придаетъ мнѣ спокойствія на мой счетъ, не смотря на то, что нѣкоторые люди, которыхъ я зналъ въ Парижѣ и которые возвратились въ Россію,

¹⁾ Большая часть писемъ, отрывки изъ которыхъ приводятся въ нашей статьѣ, писана на французскомъ языкѣ и предлагается здѣсь въ переводѣ.

²⁾ Однако, въ формулярномъ спискѣ Толстого значится, что онъ еще 25-го ноября 1826 г. былъ „уволенъ въ отставку“.

³⁾ Ч. XVII, отд. 2, стр. 52—54 и 106—111.

⁴⁾ Въ дѣлѣ 14-го декабря.

сообщили мнѣ извѣстія мало утѣшительныя и убѣдили меня даже не возвращаться такъ скоро. Послѣдній случай, о которомъ я не говорилъ тебѣ въ письмахъ, боясь, что они не дойдутъ до тебя, и который меня очень тревожилъ,—это несправедливое обвиненіе меня въ томъ, что я авторъ одного гнуснаго пасквиля, напечатаннаго здѣсь въ одномъ журналѣ ¹⁾). Я объяснился по этому поводу съ посланникомъ, доказавъ ему, что я не могъ быть его авторомъ по различнымъ несомнѣннымъ основаніямъ: во-первыхъ, я былъ въ Неаполѣ, когда статья эта появилась, слѣдовательно—физически невозможно, чтобы я ее составилъ. Я написалъ ему письмо, которое онъ переслалъ графу Нессельроде ²⁾, и я пишу себя тѣмъ, что моя невинность признана». Естественно поэтому, что Толстому было некогда заниматься литературными корреспонденціями; только въ мартѣ 1828 г. въ «Московскомъ Телеграфѣ» появился ³⁾ еще одинъ, уже послѣдній ⁴⁾ «отрывокъ» письма его изъ Парижа отъ 13-го (25-го) января, въ которомъ онъ, какъ и въ первыхъ двухъ, даетъ читателю бѣглый обзоръ современныхъ явленій французской литературы.

Хотя Толстой, повидимому, долженъ былъ уже навсегда потерять надежду получить прощеніе отъ государя или выйти изъ запутаннаго финансоваго положенія, онъ, тѣмъ не менѣе, старался всѣми силами и способами возстановить репутацию вѣроподданнаго. Желаніе это ясно просвѣчиваетъ во всѣхъ его литературныхъ работахъ, которыя быстро слѣдовали одна за другой, и въ которыхъ онъ, съ удивительною настойчивостью, старался заявить себя патриотомъ, не жалѣющимъ своихъ силъ для пользы и чести отечества. Какъ видно изъ его писемъ, онъ посылалъ свои сочиненія въ Россію, старался распространять ихъ среди сильныхъ міра сего, хлопоталъ о томъ, чтобы государю стала извѣстна его ревностная дѣятельность во славу Россіи. И, въ концѣ концовъ, черезъ 10 долгихъ, исполненныхъ лишеній, лѣтъ, Толстой добился своего: его оцѣнили въ Петербургѣ и пригласили на службу... Посмотримъ, однако, въ чемъ выразилась дѣятельность Якова Николаевича въ теченіе этихъ 10-ти лѣтъ.

Б. Л. Модзалевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Вѣроятно, эта та самая статья въ „La France chrétienne“ 1826 г., о которой говоритъ Н. И. Тургеневъ. (См. выше, стр. 636).

²⁾ Письмо это переслано не было, что повело къ ряду новыхъ неприяностей для Якова Николаевича.

³⁾ Ч. XX. № 5, мартъ, стр. 113—118.

⁴⁾ „Отрывки изъ записокъ русскаго въ Парижѣ въ 1829 г.“, напечатанные въ „Моск. Телеграфѣ“ 1831 г., ч. 42, стр. 3—18, какъ видно изъ ихъ содержанія, не принадлежатъ перу Я. Н. Толстого.

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и Г. Р. Державинъ.

Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина—Г. Р. Державину ¹⁾.

15-го января 1803 г., с. Вороново.

Милостивый государь мой,
Гаврило Романович!

Хотя я изъ-давнихъ временъ убѣжденъ, что просьба отставнаго министра хуже всякой фальшивой ассигнаціи, но зная васъ отправляю смѣло въ одномъ пунктѣ мое прошеніе. Его подасть вамъ г. Болотовъ, тотъ самый, который, управляя нѣкогда и долго всею Богородицкою волостью, не въ примѣръ другимъ, разстроилъ собственное небольшое свое имѣніе, въ кое удалясь послѣ, предался совершенно страсти своей къ домоводству, и тамъ, можно сказать, всѣ минуты жизни его посвящались общему благу. Испытаніе открытій и рѣдкія знанія его менѣе извѣстны у насъ, чѣмъ въ чужихъ краяхъ; но сей достойный и почтенный человѣкъ, занимаясь въ нѣдрахъ земныхъ, сдѣлался чуждъ всему тому, что на поверхности ея происходитъ и черезъ сіе можетъ легко проиграть процессъ, который совершенно разстроитъ его состояніе. Хотя онъ и правъ и честенъ, но честныхъ людей скорѣе другихъ обманываютъ. Прикиньте его дѣло на собственные вѣсы ваши, приобрѣтите признательность истинную . . . . . ²⁾ и ободрите страждущихъ и погибающихъ отъ лбеды находить въ васъ защитника передъ лицомъ правосудія, съ коею (sic) вы съ молодыхъ самыхъ лѣтъ какъ любовникъ съ любовницею.

Я жъ неподалеку отъ Москвы, ушедъ отъ травли, лежу въ свѣгу и сося лапу, увѣряю васъ человѣческимъ языкомъ, что я съ истиннымъ къ вамъ почитаніемъ и таковою же преданностію имѣю честь пребыть

¹⁾ Письма этого нѣтъ въ „Полномъ собраніи сочиненій Г. Р. Державина“, изд. Я. К. Грота.

²⁾ Одно слово не разобрано.

вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга графъ Ѡедоръ Ростопчинъ.

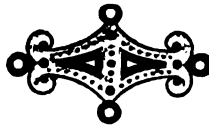
Отвѣтъ Г. Р. Державина.

10-го февраля 1803 г.

Милостивый государь мой,
графъ Ѡедоръ Васильевичъ!

Правила свѣта, почитающаго по вашему выраженію просьбу отставныхъ министровъ хуже всякой фальшивой ассигнаціи, не суть правила моего сердца. Я надѣюсь, что это вамъ давно извѣстно. Ваше требованіе въ отношеніи г. Болотова было бы исполнено мною тѣмъ охотнѣе, что я самъ знаю его, какъ человѣка достойнаго и справедливаго; но его дѣло кончено еще до полученія письма вашего. По сему процессу сдѣлано все, что только по закону и справедливости въ пользу просителя сдѣлать было возможно. Съ удовольствіемъ буду я ожидать новыхъ отъ васъ препорученій, дабы по исполненіи оныхъ могъ я имѣть случай увѣрить васъ тѣмъ же человѣческимъ языкомъ, на которомъ вы со мною говорить захотѣли, о истинномъ почтеніи и совершенной преданности, съ коими имѣю честь быть и проч.

Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

Мои цензурныя мытарства.

(Воспоминанія).

„Я только передатчикъ и простой рассказчикъ: заобрътательности у меня на-волось нѣтъ“.

С. Т. Аксаковъ.

„Нравственныя пытки, которымъ при предварительной цензурѣ подвергался писатель, могутъ быть сравнены развѣ только съ пыткой художника кисти, когда непрощенный цѣнитель мазнеть толстымъ пальцемъ по его свѣжему рисунку“.

И. Аксаковъ.

Я намѣренъ рассказать о пережитой мною въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ тяжелой борьбѣ съ причудливымъ произволомъ дореформенныхъ цензоровъ. При этомъ прошу читателя имѣть въ виду, что это — «Воспоминанія», и все, что я здѣсь рассказываю, относится къ сравнительно далекому прошлому нашей цензуры, которое, надо надѣяться, дѣйствительно отошло уже въ область исторіи.

I.

Парижскія лекціи Мицкевича о славянской литературѣ ¹⁾.

А. Н. Майковъ.

Первой же моей попыткѣ выступить на литературное поприще пришлось испытать горькую неудачу. Быть можетъ съ моей стороны было довольно наивно надѣяться, что произведенія эмигранта-поляка могутъ благополучно пройти черезъ цензурныя фуркулы, но мнѣ было не болѣе 24 лѣтъ и я не имѣлъ никакого понятія о нашихъ цензурныхъ порядкахъ, а разобратся тогда въ томъ, «чего нельзя и что возможно», не могли хорошенько и болѣе свѣдущіе люди. Записанныя мною

¹⁾ Извѣстный философъ бывшій министръ, Кузень, говорилъ мнѣ, что славянская кафедра учреждена имъ собственно для Мицкевича.

лекціи Мицкевича о славянской литературѣ взялся помѣстить въ своемъ журналѣ «Отеч. Записки» такой опытный издатель, какъ А. А. Краевскій, но потерпѣлъ полную неудачу, такъ какъ цензура изъ этихъ лекцій не пропустила ничего ¹⁾.

Не могу не подѣлиться здѣсь съ читателями тѣми впечатлѣніями, которыя я вынесъ изъ аудиторіи Мицкевича въ Collège de France. Весь внѣшній обликъ автора «Конрада Валленрода», его худощавая фигура, съ длинными съ просѣдою волосами, выражали что-то страдальческое и истомленное. Той же грустью вѣяло на меня и отъ слушателей, состоявшихъ почти исключительно изъ эмигрантовъ-поляковъ и полякъ въ траурныхъ костюмахъ. Изъ русскихъ постоянными посѣтителями лекцій были А. И. Тургеневъ и неизмѣнно сопровождавшій его П. В. Анненковъ. Послѣдній, передъ входомъ лектора въ аудиторію, иногда клалъ на кафедру какіе-то исписанные листки. Пріѣзжалъ иногда на лекціи также Н. И. Тургеневъ (декабристъ).

Одна изъ лекцій Мицкевича своимъ нѣсколько шовинистическимъ отношеніемъ къ русскому народу сильно взволновала меня, и я послалъ ему письменное возраженіе. Я позволилъ себѣ упрекнуть лектора въ томъ, что здѣсь, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, онъ упускаетъ изъ виду прямую задачу лекцій: содѣйствовать взаимному сближенію славянскихъ народовъ посредствомъ ознакомленія ихъ съ выдающимися произведеніями ихъ литературъ. Можетъ ли способствовать такому сближенію, напримѣръ, рассказъ о воцареніи Анны Иоановны, въ которомъ, путемъ извращенія историческихъ событій, дается прямо таки каррикатурная характеристика русскихъ того времени? ²⁾ Потакая шо-

¹⁾ Переданныи мною А. А. Краевскому записки не обнимали всего курса Мицкевича, потому что часть записокъ была похищена у меня вмѣстѣ съ пальто въ одной изъ читаленъ Парижа. Полный курсъ впервые появился на нѣмецкомъ языкѣ въ 4 частяхъ въ 1843, 44 и 45 годахъ (Vorlesungen über slawische Literatur und Zustände. Gehalten im Collège de France von 1840—1842 von Adam Mickewicz. Leipzig u. Paris). Сколько мнѣ извѣстно, эти лекціи на французскомъ языкѣ въ печати не появлялись.

²⁾ Уничтоженіе императрицей Анной извѣстныхъ пунктовъ, ограничавшихъ самодержавіе, было изображено лекторомъ въ такой шаржированной картинѣ: „Собравшійся передъ дворцомъ народъ ломился въ ворота, кричалъ, требуя освобожденія плѣнной (enchainée) царицы. Показавшаяся (на балконѣ) Анна, обратясь къ князю Василю Долгорукову, сказала: вижу, что народъ желаетъ, чтобы я правила государствомъ самодержавно, по примѣру моихъ предѣстниковъ. Великій канцлеръ, смущенный и дрожащій, подаль ей хартію (la charte), и она разорвала ее при всеобщемъ ликованіи (applaudissements) .“

Говоря о жестокомъ характерѣ Петра Великаго, Мицкевичъ увѣрялъ, что царь, въ видахъ изученія анатоміи, собственноручно пожемъ рѣзатъ ж и в ы хъ бояръ, стрѣльцовъ и крестьянъ. См. Vorlesungen, 2 ч., стр. 68 и 113.

винистическому настроенію своихъ слушателей, шумно аплодирующихъ въ подобныхъ случаяхъ лектору, не подогрѣваетъ ли онъ, наоборотъ, чувства взаимной отчужденности между славянскими племенами?

Мицкевичъ не оставилъ моего возраженія безъ отвѣта и на ближайшей же лекціи, 17-го мая 1842 г., въ весьма опредѣленныхъ возраженіяхъ заявилъ, что онъ отнюдь не желаетъ возбуждать въ своей аудиторіи чувства неприязни къ русскому народу. Въ числѣ полученныхъ мною писемъ, касающихся моихъ лекцій, — сказалъ онъ, — меня особенно заинтересовало письмо одного русскаго. Я воспользуюсь справедливыми и мѣстами даже глубокими замѣчаніями автора письма. Разумѣется, я не имѣю возможности останавливаться на каждомъ его замѣчаніи въ отдѣльности, но могу торжественно заявить, что не желаю поддерживать и усиливать ненависть поляковъ къ русскимъ. Корреспонденту, — заключалъ профессоръ, — вѣроятно неизвѣстно, что нѣкоторыя газеты обвиняютъ мои лекціи въ противоположной тенденціи. Не служитъ ли это обстоятельство доказательствомъ, по крайней мѣрѣ, моего безпристрастія»¹⁾.

Цензурныя неприятности, связанныя съ лекціями Мицкевича, не окончились для меня неудачной попыткой издать ихъ на русскомъ языкѣ. Много лѣтъ спустя мнѣ опять пришлось имѣть столкновение съ цензурнымъ вѣдомствомъ изъ-за этихъ же лекцій, изданныхъ къ тому времени, какъ выше сказано, на нѣмецкомъ языкѣ. Узнавъ, что изданіе это имѣется у одного моего знакомаго въ Ревелѣ, я попросилъ одолжить мнѣ его на извѣстный срокъ и выслать по почтѣ въ Гельсингфорсъ, гдѣ я тогда жилъ. До меня книги дошли вполне благополучно. Возвращая ихъ обратно въ Ревель, я самъ сдалъ на почтѣ посылку, но мой знакомый черезъ нѣкоторое время извѣстилъ меня, что онъ книгъ своихъ не получалъ. Навожу справки въ Гельсингфорскомъ почтамтѣ и къ великой досадѣ узнаю, что, вѣроятно, книги задержаны петербургской таможей и препровождены въ комитетъ иностранной цензуры. Volens-voles пришлось ѣхать на выручку книгъ въ Петербургъ, гдѣ я сильно рассчитывалъ на помощь своего университетскаго товарища Аполлона Николаевича Майкова, служившаго тогда въ названномъ комитетѣ.

Майковъ поступилъ въ университетъ (1837 г.) едва-ли не 16 лѣтъ, съ виду казался совершеннымъ мальчикомъ, да и дѣйствительно, при случаѣ, не прочь былъ пошкольничать. Такъ, передъ входомъ въ аудиторію профессора богословія Гайковскаго, — кстати сказать не очень нами любимаго, — нашъ будущій знаменитый поэтъ забавлялся рисованіемъ на черной доскѣ козлиной головы.

¹⁾ Цитирую слова Мицкевича по вышеназванному нѣмецкому изданію его лекцій, стр. 305.

Когда, два года спустя по окончании университета, я встрѣтился съ Аполлономъ Николаевичемъ въ Римѣ и ближе познакомился съ нимъ, я вполнѣ оцѣнилъ эту дѣйствительно прекрасную личность. Мы сошлись здѣсь какъ хорошіе товарищи и вмѣстѣ веселились, во время римскаго карнавала, прославленнаго Гёте. Припоминаю, какъ однажды мы съ нимъ костюмировались для бала-маскарада, даваемого корпораціей русскихъ художниковъ, и какъ отецъ Майкова, извѣстный живописецъ, въ замѣнъ масокъ, загримировалъ наши физиономіи масляными красками. Наши художники ¹⁾ вообще являлись тогда какъ бы центромъ, вокругъ котораго группировались и другіе русскіе, проживавшіе въ Римѣ. Это былъ прекрасный, живой и дружно сплоченный кружокъ. Собирались мы всегда въ ресторанѣ «Лепрэ» къ обѣду,—состоявшему не болѣе какъ изъ двухъ блюдъ, а иногда только изъ одного *macaroni-stafati* и, запивая его дешевенькимъ мѣстнымъ *vino-russo*, просиживали въ веселой бесѣдѣ отъ 12 до 6 часовъ вечера. Съ какимъ чисто-русскимъ радушіемъ пріивѣтствовали наши художники всякаго вновь прибывшаго соотечественника! Такъ какъ насъ всегда сидѣло за столомъ не менѣе 20 человекъ въ отдѣльной «русской» комнатѣ, то въ числѣ присутствующихъ очень часто встрѣчался или именинникъ или «новорожденный», угощавшій все общество. Здѣсь впервые пришлось мнѣ увидѣть Огарева, друга Герцена, пришедшаго вмѣстѣ съ А. Н. Майковымъ. Онъ прочелъ намъ что-то изъ «Онѣгина», кажется о дуэли съ Ленскимъ, и родныя слова въ твореніи великаго писателя произвели такое сильное впечатлѣніе на слушателей, давно оставившихъ свою родину, что нѣкоторые изъ нихъ плакали.

Отыскавъ въ Петербургѣ А. Н. Майкова и сообщивъ ему о моей невгодѣ, я встрѣтилъ съ его стороны полную готовность помочь мнѣ выручить конфискованное сочиненіе Мицкевича. Тотчасъ отправились мы съ нимъ въ находившійся недалеко отъ его квартиры (на Большой Садовой) цензурный комитетъ. Но къ общему удивленію насъ ожидало здѣсь под *possumus*, объявленное секретаремъ комитета. Этотъ блюститель цензурныхъ правилъ, указавъ намъ на мирно стоявшіе въ шкафѣ томики «Лекцій», объявилъ, что выдать ихъ мнѣ невозможно, такъ какъ они уже внесены въ реестръ конфискованныхъ книгъ. Можно себѣ представить смущеніе добрѣйшаго А. Н. Майкова, пришедшаго въ комитетъ съ полной увѣренностію, что ему, старшему цензору, не составитъ особаго труда помочь мнѣ. Въ то время (1873 г.) какъ въ петербургскомъ комитетѣ иностранной цензуры сочиненія Мицкевича значились въ индексѣ, въ Вильнѣ они были изданы съ одобренія цен-

¹⁾ Въ числѣ ихъ находились болѣе или менѣе извѣстные: Пименовъ, Скотти, Воробьевъ, Ставассеръ, Штернбергъ, Шамшевъ, Завьяловъ, Орловъ, Раевъ, Ивановъ (скульпторъ), Рязановъ, Тырыновъ, Щуруповъ, П. Бенуа.

зуры еще въ 1857 г. ¹⁾, а въ Варшавѣ въ 1871 г. ²⁾. Поговорку—что городъ, то поровъ можно было тогда дополнить словами: то свой законъ.

Но разъ обѣщавъ честнымъ словомъ собственнику лекцій возвратить ихъ и не имѣя возможности гдѣ-либо купить, я задался мыслью выручить во что бы ни стало сочиненіе Мицкевича, а потому, не находя другаго выхода, рѣшился перехитрить цензурные порядки. Придуманый мною способъ не могъ на самомъ дѣлѣ обмануть ни А. Н. Майкова, ни секретаря комитета, но они съ радостью ухватились за него какъ за средство помочь мнѣ, не нарушая закона.

— Существуетъ въ книжной торговлѣ такой обычай, убѣждалъ я,— что иностранныя книги, недозволенные цензурой, высылаются за границу обратно тѣмъ книгопродавцамъ, отъ которыхъ онѣ были получены. Сдѣлайте то же самое съ моими книгами: предположите, что я купилъ ихъ въ Гельсингфорсѣ, а такъ какъ Финляндія пользуется отдѣльными цензурными правилами и своей таможеню, то препроводите книги въ послѣднюю, имѣющую свое отдѣленіе на вокзалѣ финляндской желѣзной дороги; таможня же перешлетъ ихъ обратно книгопродавцу.

Мое предложеніе было одобрено, и я на другой же день собрался въ Гельсингфорсъ. Передъ отходомъ поѣзда я зашелъ въ финляндскую таможеню полюбопытствовать, полученъ ли изъ цензурнаго комитета, для отправки въ Гельсингфорсъ, пакетъ съ книгами. «Да, полученъ, отвѣчали мнѣ и, если вы желаете доставить по адресу, то возьмите его съ собой». И вручили мнѣ моего Мицкевича, не справляясь о моемъ имени и не требуя какой-либо росписки. И такъ, «Лекціи» снова очутились въ моихъ рукахъ и на полкахъ моей бібліотеки, а впослѣдствіи были возвращены ихъ собственнику уже конечно не черезъ почту.

II.

Цензоры Елагинъ и Ахматовъ.

Выступить въ роли не только автора, но и издателя, и благодаря этому непосредственно познакомиться съ «волокиною» внутренней цензуры того времени. мнѣ впервые пришлось въ 1850 году. Я предпринялъ тогда изданіе «Мнемотехники» по системѣ Ревентлова, приспособивъ ее къ изученію исторической хронологіи. Система эта состоитъ

¹⁾ Записки поляка. „Русск. Старина“ 1898, Кн. 4.

²⁾ Точно такъ же находились въ спискѣ запрещенныхъ сочиненія Гейне, тогда, какъ они свободно продавались у всѣхъ петербургскихъ нѣмецкихъ книгопродавцевъ.

въ томъ, что для облегченія памяти хронологическія числа замѣняются соответственными буквами, изъ которыхъ составляются слова и фразы, напоминающія данное историческое событіе. Кромѣ изложенія этой системы, въ задуманное мною изданіе должны были войти обработанныя по ней хронологическія таблицы, и также біографіи извѣстныхъ мнемотехниковъ древности и новаго времени. Своими размѣрами рукопись не превышала 5 печатныхъ листовъ, и разумному цензору достаточно было $\frac{1}{4}$ часа, чтобы, перелиставъ ее, убѣдиться въ ея безусловно невинномъ содержаніи. Но г. Елагинымъ дѣла дѣлались не такъ скоро. Всякое изданіе, имѣвшее несчастіе попасть въ его цензорскіе когти, служило ему поводомъ выказать себя полновластнымъ вершителемъ его судьбы; ему доставляло большое удовольствіе, по возможности, попріжать автора или издателя. Быть можетъ, впрочемъ, его придирки и волокиты имѣли своимъ источникомъ не одно только властолюбіе. По крайней мѣрѣ, тогда рассказывали, что нѣкоторые издатели-книгопродавцы добивались быстро и благоприятнаго рассмотрѣнія имъ рукописей путемъ добродетельныхъ приношеній. По какимъ бы мотивамъ, однако, ни дѣйствовалъ Елагинъ, свое цензорское своеволіе онъ проявлялъ весьма широко, не задумываясь даже объ отвѣтственности. И чего смущаться было ему, разъ онъ былъ авторомъ восторженной біографіи графини Анны Орловой, «любимой дщери» извѣстнаго фанатика Фотія, находился подъ покровительствомъ пользовавшейся большимъ вѣсомъ при дворѣ, Т. Б. Потемкиной, расположеніе которой онъ снискалъ, являясь къ ней ежедневно съ просфорой, и сверхъ того сумѣлъ оказывать услуги своему прямому начальству, завѣдуя конюшнею товарища министра и сужая деньгами предсѣдателя цензурнаго комитета, бывшаго въ то же время и попечителемъ учебнаго округа. Послѣдній постоянно находился въ финансовыхъ затрудненіяхъ и, для облегченія своихъ сношеній съ многочисленными и постоянно осаждавшими его кредиторами, выработалъ даже, во время своего попечительства въ Казани, какъ мнѣ рассказывали, особый мимическій ритуалъ: уходя изъ дому и проходя черезъ пріемную, гдѣ ежедневно бывало нѣсколько кредиторовъ, онъ, если у него не было денегъ, закрывалъ лицо руками, и кредиторы понимали, что въ этотъ день съ него «взятки гладки». Какой былъ знакъ для тѣхъ случаевъ, когда деньги имѣлись, рассказъ умалчивается; быть можетъ, что въ этихъ случаяхъ, за крайнею ихъ рѣдкостью, онъ не считалъ нужнымъ прибѣгать къ сокращенному способу объясненія.

И вотъ къ этому господину я имѣлъ наивность обратиться съ просьбою помочь выручить мою рукопись, намѣренно задерживаемую Елагинымъ. Изданіе «Мнемотехники» было сопряжено съ затратою долговременнаго труда и довольно значительныхъ для меня денежныхъ средствъ. а потому я сильно былъ заинтересованъ въ скорѣйшемъ выпускѣ книги

и ея продажѣ. Представляя рукопись цензору, я выразилъ надежду, что онъ разсмотритъ ее не болѣе какъ въ двухнедѣльный срокъ, что онъ первоначально и обѣщаль сдѣлать. Но прошли 2, 3 и 4 недѣли, и я все-таки не могъ добиться ея одобренія: Елагинъ отказывался назначить даже приблизительный срокъ выпуска рукописи. Не зная, какъ иначе подѣйствовать на неумолимаго цензора, я съ отчаянія обратился къ посредничеству его начальника. Предсѣдатель цензурнаго комитета М. П. выслушалъ мое ходатайство весьма снисходительно и далъ мнѣ обѣщаніе повліять на Елагина. Но вслѣдствіе ли вышеупомянутыхъ отношеній деликатнаго характера, существовавшихъ между имъ и Елагинымъ, или по какимъ-либо другимъ мнѣ неизвѣстнымъ причинамъ, обѣщанное посредничество привело къ очень плачевному для меня результату. Когда я вслѣдъ за этимъ пришелъ къ Елагину навѣдаться о моей рукописи, то былъ встрѣченъ упрекомъ.

— Вы на меня жаловались.

— Не жаловался — отвѣчалъ я ему, — а только просилъ вашего начальника разрѣшить вамъ разсмотрѣть мою рукопись внѣ вами установленной очереди.

Ясно было, что обидившійся цензоръ не былъ намѣренъ простить мнѣ неосмотрительный шагъ и, какъ говорится, постарается «доказать мнѣ свою дружбу». Онъ доказалъ ее не только по отношенію къ моей несчастной «Мнемотехникѣ», но и по прѣшествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда мнѣ пришлось по другимъ изданіямъ опять очутиться въ его лапахъ. Въ настоящемъ случаѣ возмездіе началось придирками такого рода.

— Въ вашемъ изданіи, заявилъ г. Елагинъ, вы, между прочимъ, говорите, что такимъ-то мнемотехникамъ, за систему, ими изобрѣтенную, присуждены были разными учеными обществами медали, но какъ мнѣ убѣдиться въ томъ, не вида свидѣтельства на медаль, что она дѣйствительно такому-то лицу была дана. Кромѣ того система ваша, научалъ, какъ обращать буквы въ числа, можетъ повести къ злоупотребленіямъ — къ тайному сношенію шифрами.

Не буду говорить о моихъ объясненіяхъ съ г. Елагинымъ, такъ какъ нелѣпость его замѣчаній слишкомъ очевидна.

Въ 1852 г. я перевелъ съ нѣмецкаго «Сцены на морѣ и на сушѣ», извѣстнаго дѣтскаго писателя Дилитца. Опять пришлось имѣть дѣло съ г. Елагинымъ, снова представился ему желанный случай помучить меня своими придирками. До сихъ поръ я видѣлъ въ немъ человѣка, главнымъ образомъ, ограниченныхъ умственныхъ способностей, но теперь онъ уже обнаружилъ свойственный ему мстительный нравъ. Мнѣ было желательно напечатать книжку къ предстоящему Рождественскому празднику, ко времени, когда бываетъ главный спросъ на подобныя

сочиненія: яваче книжка ¹⁾ пролежала бы непроданной на полкахъ книгопродавца цѣлый годъ, до будущаго Рождества. Первоначально цензоръ, какъ бы желая показать, что совершенно забылъ про наше, — три года назадъ случившееся — столкновение, сначала довольно любезно обошелся со мной и общалъ просмотрѣть рукопись внѣ очереди и возвратить ее черезъ двѣ недѣли. Но какъ оказалось впоследствии, Елагинъ, прикинувшись добрякомъ, имѣлъ въ виду лишь поиграть со мной «какъ кошка съ мышкой». Прошли двѣ и даже четыре недѣли, и я все-таки не могъ добиться возвращенія моей рукописи. Между тѣмъ Рождественскіе праздники уже миновали, и я прекратилъ на нѣсколько мѣсяцевъ мое хожденіе къ цензору. Прихожу не ранѣе какъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ слѣдующаго года и, къ немалому моему удивленію, г. Елагинъ объявляетъ, что мой трудъ, якобы переданъ имъ въ цензурный комитетъ, ибо одинъ изъ разсказовъ, озаглавленный «Береговое право», показался ему неподходящимъ для дѣтскаго чтенія. Въ этой, по мнѣнію г. Елагина, опасной для нравственности дѣтей, статьѣ описывался нехорошей обычай береговыхъ обывателей Испаніи выходить въ бурную погоду къ берегу моря, когда ожидались караблекрушенія и можно было поживиться вещами, выкинутыми на берегъ. При томъ, чтобы завладѣть имуществомъ, иногда приходилось не давать пощады также спасавшимся съ судна людямъ и ихъ убивали. Случилось, что одна престарѣлая чета, побуждаемая корыстолюбіемъ, не разглядѣвъ въ бурную темную ночь человѣка, плывшаго къ берегу, нанесла багромъ смертельный ударъ собственному сыну. Кажется мораль была ясна: божественное правосудіе покарало людей за ихъ жадность и хищничество. Надо было быть Елагинимъ, чтобы въ постигшемъ убійцѣ наказанія усмотрѣть что-либо вредное для юношества.

Пришлось отпрапляться въ цензурный комитетъ; но тамъ оказалось, что г. Елагинъ неизвѣстно съ какою цѣлью солгалъ, и рукопись туда никогда не препровождалъ. Затѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, упомянутый разсказъ не былъ имъ пропущенъ. Но этимъ не окончились мои хлопоты изъ-за этой несчастной книжки. Когда пришлось получить билетъ на выпускъ ея изъ типографіи, то явилась новая задержка. Цензоръ сталъ упрекать меня за нѣкоторыя поправки слога на корректурныхъ листахъ и потребовалъ перепечатки нѣсколькихъ страницъ. Я было попытался сослаться на § 144 цензурнаго устава, которымъ дозволяются подобныя исправленія, и просилъ его указать мнѣ тѣ изъ нихъ, которыя онъ ваходитъ недозволенными, но несмотря на то, что

¹⁾ Изданіе ея обошлось мнѣ довольно дорого, такъ какъ къ ней приложены были картинки, раскрашенныя тогда у насъ еще мало распространеннымъ хромолитографическимъ способомъ.

книжка лежала передъ нимъ, я получилъ въ отвѣтъ, что это излишне. Выпускной билетъ былъ полученъ не ранѣе какъ черезъ три недѣли, хотя былъ обѣщанъ черезъ недѣлю.

Перепечатка нѣсколькихъ страницъ книжки и уничтоженіе картинки къ разсказу «Береговое право» не могло не отозваться чувствительно на моемъ карманѣ и такъ какъ книжка была отпечатана не болѣе какъ въ 600 экземплярахъ, то выгода, полученная отъ ея продажи, оказалась крайне ничтожной. И подумаешь—всею этою цензурскою операцію былъ подверженъ не трудъ какого-нибудь мало извѣстнаго писателя, а сочиненіе заслуженнаго педагога, переведенное на всѣ европейскіе языки.

Не далѣе какъ по прошествіи одного года неумолимая судьба въ третій и, увы!—не послѣдній разъ, опять столкнула меня съ этимъ цензоромъ *par excellence*.

По просьбѣ г-жи Д., начальницы института, въ которомъ я служилъ, принялъ я на себя хлопоты по новому изданію сочиненной ею азбуки подъ названіемъ «Елка». Казалось бы, перепечатываніе, безъ малѣйшихъ противъ перваго изданія измѣненій, книжки, посвященной при томъ августѣйшимъ дѣтямъ государя императора, не должно было встрѣтить со стороны цензора ни малѣйшаго затрудненія, и одобреніе ея было бы только исполненіемъ установленной формальности. Но г. Елагинъ придерживался въ своей служебной практикѣ иныхъ воззрѣній. Какъ бы безупречно ни было въ цензурномъ отношеніи сочиненіе, но если онъ «имѣлъ зубъ» противъ автора или издателя, то придирки были неминуемы и нескончаемы. Послѣ многократныхъ посѣщеній Елагина, когда онъ уже вдоволь успѣлъ натѣшиться надъ моимъ нетерпѣніемъ, я, наконецъ, узнаю, что азбука «Елка» передана на разсмотрѣніе цензора Ахматова, жившаго на одной съ нимъ лѣстницѣ въ домѣ католической церкви, выходящемъ на Михайловскую площадь.

Ахматовъ былъ своего рода замѣчательнымъ типомъ дореформеннаго цензора. Помѣщикъ одной изъ приволжскихъ губерній, онъ очутился въ должности цензора, какъ меня увѣряли, только благодаря тому обстоятельству, что состоялъ кредиторомъ всевластнаго предсѣдателя цензурнаго комитета Мусина-Пушкина. Съ виду Ахматовъ казался добродушнымъ, привѣтливымъ старикомъ; но вскорѣ пришлось мнѣ убѣдиться, что относительно придирчивости къ мелочамъ онъ мало чѣмъ уступалъ виртуозу по этой части, Елагину, съ тѣмъ различіемъ, что побудительной причиной у послѣдняго было желаніе выказать свою начальническую власть, охота потѣшиться надъ своей жертвой, а въ Ахматовѣ преобладала трусливость, боязнь лишиться тепленькаго мѣстечка. Къ счастью, однако, робость характера не позволяла ему твердо отстаивать свои рѣшенія противъ доводовъ и настояній издателей и, пред-

варительно измаявъ послѣднихъ, онъ зачастую въ концѣ концовъ сдавался. Но пока дѣло доходило до вождѣннаго конца, въ своихъ придирикахъ онъ доходилъ иногда до геркулесовыхъ столбовъ. Ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не могъ бы, конечно, отыскать въ невинной азбукѣ что-либо несогласное съ цензурными правилами. Но Ахматовъ, желая ли выказать свое остроуміе или знаніе Свода Законовъ, съумѣлъ и здѣсь усмотрѣть важное правонарушеніе. Такъ какъ относительно благонамѣренности текста книжки, удостоенной посвященія царскимъ дѣтямъ, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, то цензоръ все свое строгое вниманіе сосредоточилъ на приложенныхъ къ ней гравиюрахъ. И вотъ двѣ изъ нихъ заставили его призадуматься въ ихъ цензурности.

Явился я къ Ахматову въ назначенный имъ срокъ. Попросивъ меня сѣсть, — вѣжливость, которую, кстати сказать, Елагинъ никогда не соблюдалъ, — онъ раскрылъ книжку и, указавъ мнѣ на картинку, на которой изображена была группа дѣтей и среди нихъ кадетикъ во всей формѣ, занятый чтеніемъ какой-то книжки, сказалъ къ немалому моему удивленію, что онъ находитъ изображеніе кадета въ азбукѣ совершенно неумѣстнымъ, такъ какъ кадетъ азбукѣ не обучаютъ, и эта картинка можетъ возбудить неудовольствіе начальства военно-учебныхъ заведеній. Мнѣ удалось обезоружить придиричаваго цензора замѣчаніемъ, что азбука на картинкѣ находится собственно въ рукахъ мевшихъ дѣтей, а кадета можно себѣ представить въ роли старшаго брата учащагося, но обучающаго. Успокоенный старикъ послѣ того перешелъ къ другой картинкѣ, изображающей деревенскій бытъ.

— Вотъ вы, — началъ онъ, — пожалуй на этой картинкѣ не замѣтите ничего не дозволеннаго закономъ, а вѣдь такіе колодцы-журавли не дозволены такой-то статьей Свода Законовъ.

Незнакомый тогда съ обстановкой настоящей русской деревни, я могъ побѣдить боязнь цензора только такимъ хромающимъ аргументомъ, что содержаніе картинки можетъ быть отнесено къ тому времени, когда Сводъ Законовъ еще не былъ изданъ. Впослѣдствіи, проживая въ подмосковскомъ имѣніи, я убѣдился, что, несмотря ни на какія запрещенія, подобные журавли-колодцы преспокойно существуютъ во многихъ русскихъ деревняхъ. Этими двумя замѣчаніями и ограничились цензорскія придирички къ азбукѣ того знаменитаго цензора, который въ поваренной книгѣ Авдѣевой не допустилъ, чтобы пироги ставились на вольный духъ ¹⁾).

Пройдя два продолжительныхъ мытарства, «Елка», безъ малѣйшихъ цензорскихъ измѣненій, наконецъ была передана мною, по желанію ея

¹⁾ Сябичевскій, стр. 370.

автора, въ типографію II отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи. Г-жа Д. попросила меня обратиться тамъ, отъ ея имени, къ завѣдывавшему типографіей чиновнику И. Д. Делянову ¹⁾, который, по ея словамъ, началъ свою службу подъ покровительствомъ ея отца, извѣстнаго Балугіанскаго, и конечно теперь не откажется оказать ей услугу и распорядится всѣмъ, что потребуется для изданія ея труда. Какъ извѣстно, эта дама не очень-то любила расплачиваться съ своими долгами, и, мнѣ кажется, я не ошибусь, предположивъ, что обязательный Иванъ Давидовичъ Деляновъ никогда не дозволил себѣ потревожить г-жу Д. напоминаніемъ объ уплатѣ за бумагу и печать.

А. Чумиковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Впослѣдствіи графъ и министръ народнаго просвѣщенія.

Пожертвованіе екатеринославскаго дворянства на Харьковскій университетъ.

Указъ императора Александра статскому совѣтнику Екатеринославскому вице-губернатору Невъровскому.

30-го января 1804 г.

Изъ донесенія вашего ко мнѣ съ удовольствіемъ видѣлъ я, что екатеринославское дворянство, желая содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія, опредѣлило составить единственно отъ избытковъ своихъ, безъ отягощенія крестьянъ налогомъ, довольно значущее приношеніе въ пользу университета въ Харьковѣ учреждаемаго.

Во изъявленіе, сколь пріятно мнѣ благое изволеніе дворянства, пожаловалъ я предводителя его кавалеромъ ордена святыя Анны 2-го класса, поручивъ ему изъявить благородному сему сословію, за столь благонамѣренный его подвигъ и любовь къ истинному просвѣщенію, отличное мое благоволеніе.

Впрочемъ куда ежегодно вносится должна быть предназначенная на университетъ сумма, министръ внутреннихъ дѣлъ по сношенію его съ министромъ просвѣщенія, не оставитъ отъ себя сдѣлать надлежащихъ распоряженій. Что же принадлежитъ до распространенія на дѣтей екатеринославскаго дворянства тѣхъ преимуществъ, какія для харьковскаго благороднаго юношества по части ученія будутъ представлены,—то какъ на основаніи общихъ просвѣщенію постановленій, такъ и особенно приносимымъ нынѣ въ пользу онаго пожертвованіемъ, екатеринославское благородное юношество неоспоримое приобрѣтастъ на нихъ право.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспомяніа офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877—78 г.г.).
(Съ планомъ г. Ловчи и его окрестностей).

XVI ¹⁾.

Рекогносцировка Османъ-Базара.—Перестрѣлка съ непріателемъ.—Движеніе къ г. Сельви.—Набѣгъ на г. Ловчу.—Встрѣча отряда болгарами.—Болгары-шакалы.—Обезоруженіе турецкаго населенія.—Внутренность турецкихъ домовъ.—Возвращеніе въ Тырново.—Второе движеніе къ Ловчѣ.—Занятіе турками Плевны.—Прибытіе къ нашему отряду М. Д. Скобелева.—Поѣздка наша въ Бресляницу.—Встрѣча съ Донъ-Карлосомъ.—Генералъ Шильдеръ-Шульдеръ —Занятіе турками Ловчи.—Характеристика Скобелева.—Попытка его выбить турокъ изъ Ловчи.

30-го іюня, въ день пріѣзда главнокомандующаго въ Тырново, получилъ я приказаніе, въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, выступить на другой день съ отрядомъ изъ эскадрона лейбъ-казаковъ и полусотни донцовъ подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Жеребкова для рекогносцировки къ Османъ-Базару, отстоявшему верстъ на 70 отъ Тырнова ²⁾. Чтобы не повторяться впослѣдствіи скажу теперь, что при всѣхъ подобныхъ экспедиціяхъ, отрядамъ предписывалось, одновременно съ исполненіемъ главной цѣли, для которой посланъ отрядъ, обезоруживать мѣстное турецкое населеніе.

Верстахъ въ 30 къ востоку, у болгарской деревни Кесарева, нашли мы Брянскій пѣхотный полкъ 9-й дивизии, 8-го корпуса, подъ начальствомъ полковника Липинскаго (офицеръ генеральнаго штаба, впослѣдствіи начальникъ штаба 9-го корпуса), выдвинутый заслономъ по направленію къ Османъ-Базару. Переночевавъ на бивакѣ брянцевъ, 2-го

¹⁾ См. „Русскую Старину“, августъ 1899 г.

²⁾ При отрядѣ находился также казачій штабъ-офицеръ Мандрыкинъ очень смѣлый, разсудительный и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичный.

юля пошли мы съ казаками дальше и вступили въ очень гористую, лѣсистую и вообще пересѣченную мѣстность. Деревни, встрѣчавшіяся по пути, были уже чисто турецкія, но жители выходили намъ на встрѣчу съ покорностью. Жеребковъ вызывалъ старшинъ, объявлялъ имъ прокламацію главнокомандующаго и приказывалъ къ извѣстному времени собрать все оружіе, которое мы должны были забрать на обратномъ пути. Препятствій никакихъ не было, вездѣ видѣли мы покорность, о турецкихъ войскахъ ни слуху, ни духу, и мы шли дальше. Отойдя верстѣ 20 отъ Кесарева, пройдя д. Демирджиляръ и подойдя къ дер. Лайлакюй, полковникъ Жеребковъ рѣшилъ сдѣлать привалъ. Очень почтенные на видъ турки, все старые (молодыхъ не было видно, и мы объясняли это тѣмъ, что они забраны въ войска), предложили офицерамъ кофе, на что, конечно, мы согласились. Кофе былъ отличный; по словамъ и этихъ жителей, турецкихъ войскъ и слыхомъ не слыхать, оружіе съ готовностью сносили во дворъ дома, гдѣ мы были, но все старое, поломанное и вообще никуда негодное. Деревня эта расположена на берегу рѣчки при выходѣ изъ лѣса, который мы уже прошли, а далѣе шла довольно открытая мѣстность, повышающаяся по мѣрѣ удаленія отъ деревни и ограниченная съ сѣвера, т. е. съ лѣвой стороны нашего наступленія, крутымъ спускомъ къ глубокой обширной балкѣ. Напивши лошадей, напившись сами кофе и закусивъ, похваливая гостепрѣимство почтенныхъ и даже симпатичныхъ турокъ, вышли мы изъ деревни и начали подниматься на отлогую возвышенность, но не успѣли пройти 2-хъ-3-хъ верстѣ, какъ на впереди лежащемъ гребнѣ, къ которому мы приближались, среди бѣла дня съ яркимъ солнцемъ, вдругъ, какъ мнѣ показалось, блеснула молнія, совсѣмъ круглая, и не успѣли мы очнуться, какъ загрохоталъ орудійный выстрѣлъ искусно спрятанной позади гребня батареи ¹⁾).

Первый разъ видѣлъ я и слышалъ настоящій боевой выстрѣлъ, направленный не въ деревянную мишень, а прямо въ насъ, значить, и въ меня. За первымъ выстрѣломъ послѣдовали другіе, и тутъ я замѣтилъ, что огонь при выстрѣлѣ совсѣмъ не имѣетъ видъ круга, а скорѣе видъ огненной струи или снопа, потомъ бѣлый дымокъ и гораздо позже звукъ. Одновременно съ первымъ выстрѣломъ полетѣли впередъ казачьи разъѣзды и впереди всѣхъ молодой красавецъ корнетъ князь Дадешкеліяни. Приблизившись къ турецкой позиціи, разъѣзды были встрѣчены ружейнымъ огнемъ, пули конечно долетали и до насъ, двигавшихся на поддержку разъѣздовъ, выславъ рассыпныя полусотни. Все это было чрезвычайно интересно; выстрѣлы изъ пушекъ издавали густой звукъ, а пролетавшія пули свистѣли и жужжали. Разъѣзды наши

¹⁾ Это была часть войскъ, отступившихъ отъ Тырнова къ Османъ-Базару, послѣ ваятія Тырнова генераломъ Гурко.

гарцовали впереди турецкой позиціи, надо сказать, очень искусно; появляясь то тамъ, то тутъ, они вызывали огонь пѣхоты и орудій, что дало возможность довольно точно опредѣлить протяженіе турецкой позиціи по фронту, а также присутствіе нѣсколькихъ орудій. Заинтересованный невиданной картиной, внимательно, въ бинокль, разсматривалъ я непріятеля, какъ ко мнѣ подскакалъ слѣва донской офицеръ Желтухинъ:

— Господинъ полковникъ, взгляните сюда, — захыхавшись, сказалъ онъ, указывая въ лѣвую сторону.

Но такъ какъ съ того мѣста, гдѣ я стоялъ, ничего не было видно, то пришлось поѣхать вмѣстѣ съ Желтухинымъ къ нашему лѣвому флангу, къ тому крутому спуску въ балку, о которомъ я уже упомянулъ и, что же я увидѣлъ: внизу по балкѣ, примѣрно въ 500 шагахъ отъ того гребня, на которомъ я стоялъ, двигался въ обходъ нашего лѣваго фланга цѣлый батальонъ турецкой пѣхоты! Онъ уже миновалъ насъ, т. е. находился въ тылу, шелъ въ замѣчательномъ порядкѣ, стройно, сомкнутой колонной, чуть не въ ногу и, очевидно, направлялся къ деревнѣ, которую мы только-что прошли; если бы турки успѣли занять ее и войти въ лѣсъ, черезъ который намъ неизбежно приходилось отходить, то мы были бы приперты къ рѣчкѣ и наше положеніе сдѣлалось бы очень не завиднымъ. Конечно, будучи верхами, мы не тутъ, такъ тамъ, въ концѣ-концовъ, ушли бы отъ пѣхоты, но несомнѣнно, много потеряли бы отъ ружейнаго огня изъ лѣса и деревни, доставлявшихъ хорошія закрытія непріятелю. Я доложилъ мои соображенія полковнику Жеребкову, который приказалъ всѣмъ отступать, что было какъ разъ въ-время, такъ какъ батальонъ подходилъ уже къ деревнѣ. Отходили мы рысцей и широкимъ фронтомъ, но, войдя въ деревню и втянувшись въ узкія и кривыя ея улицы, естественно столпились и сжались въ длинную кишку. Тутъ мы испытали на себѣ расположеніе къ намъ почтенныхъ обитателей Лайлакюй. Только-что мы порядкомъ втянулись въ деревню, какъ изъ-за всѣхъ стѣнъ, заборовъ, калитокъ и домовъ, посыпались къ намъ пули жителей, только-что сдавшихъ намъ поломанное оружіе, увѣрявшихъ, что годнаго нѣтъ и что турецкихъ войскъ въ окрестности даже не слышать. Оставалось одно: идти на утекъ, и всѣ мы поскакали, при чемъ, проѣзжая мимо того дома, гдѣ только-что пили кофе, получили и оттуда нѣсколько свинцовыхъ гостинцевъ. Я скакалъ позади и объ одномъ только думалъ, какъ бы не споткнулась лошадь, что было очень легко при скачкѣ безъ дороги, по неровной мѣстности, усѣянной камнями.

Втянувшись въ лѣсъ, мы сдержали лошадей и, почувствовавъ безопасность, посмѣивались надъ всѣмъ случившимся.

Проходя на обратномъ пути мимо деревень Демирджиляръ, Джулалкюй и Чесмедже, мы уже строже относились къ вопросу объ обезору-

женіи жителей; привезли оружіе на нѣсколькихъ ѱподводахъ къ брянцамъ. но несомнѣнно не собрали и четвертой его части.

Это происходило 2-го іюля, а въ Тырновѣ вернулись мы 3-го вечеромъ, гдѣ узналъ я, что передовой отрядъ генерала Гурко уже перешелъ Балканы, а вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ грустное извѣстіе, что мой товарищъ по корпусу и большой пріятель П. А. Ушаковъ, находившійся въ Русцукскомъ отрядѣ, сильно раненъ въ руку и чуть было не попался въ плѣнъ.

Не успѣли мы порядкомъ отдохнуть, какъ получили приказаніе двинуться въ томъ же составѣ, т. е. эскадронъ лейбъ-казаковъ подъ командой того же полковника Жеребкова, но съ придачею 2-хъ орудій, къ гор. Сельви, гдѣ, по полученнымъ донесеніямъ, сотня донцовъ находится въ критическомъ положеніи вслѣдствіе большаго количества непріятели. Въ отрядѣ кромѣ меня находились адъютанты великаго князя Орловъ (Анфиногенъ Алексѣевичъ) и Мухановъ, а также переводчикъ Ульяновъ, взятый изъ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго. Передъ выступленіемъ отряда, я зашелъ къ Левицкому за инструкціями и между прочимъ спросилъ, далеко ли намъ доходить за Сельви, на чтѣ получилъ отвѣтъ: «да хоть до Ловчи».

Отъ Тырнова до Сельви 45—50 верстъ; мы пришли туда, кажется, на разсвѣтѣ 5-го іюля или очень поздно вечеромъ 4-го и застали тамъ сотню 30-го донскаго полка Антонова, еще сколько-то донцовъ, кажется, полсотни того же полка подъ командой Афанасьева и полусотню Владикавказскаго полка сотника Верещагина, младшаго брата художника Василія Васильевича. Афанасьевъ былъ положительно молодецъ, какъ впрочемъ и всѣ сотенные командиры 30-го полка Орлова (Давыда Ивановича), выдѣлявшіеся своимъ молодечествомъ. Какъ устроилъ Орловъ такой подборъ начальствующихъ лицъ полка, я не знаю. Вѣрно одно, что его подчиненные: Митрофанъ Грековъ, Галдинъ, Грузиновъ, Антоновъ и другіе были молодцы, отличались большою самостоятельностью и сотни были лихіи. Афанасьевъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ уже раненъ въ лицо и руку шашками и съ своей полусотней или разѣздомъ побывалъ въ Плевнѣ, послѣ паденія Никополя и до прихода Осман-паши. Въ то время, т. е. до такъ-называемой первой Плевны, случившейся 8-го іюля, въ этомъ городѣ турецкихъ войскъ еще не было.

Антоновъ доложилъ Жеребкову, что отъ Ловчи на Сельви постоянно нападаютъ черкесы и башибузуки, что онъ отъ нихъ кое-какъ отбивался, но число непріятели постоянно возрастало.

Отдохнувъ и выкормивъ лошадей, 5-го іюля Жеребковъ рѣшилъ двинуться впередъ по направленію къ Ловчѣ, до которой было 35—40 верстъ: ближайшей цѣлью было разгромить деревню Акенджиляръ, лежавшую верстахъ въ 12-ти отъ Сельви, въ лѣсной и горной трущобѣ,

служившей, по показаніямъ болгаръ, притономъ башибузукамъ. Дорога въ Ловчу, великолѣпное шоссе, идетъ сначала, верстъ пять, по плоскости; вправо тянутся холмы и не высокія горы, а вдали влѣво видны предгорія Балканъ и за ними, судя по картѣ,—большіе Балканы съ Розалитскимъ переваломъ. Пройдя эти пять верстъ, возвышенности сближаются къ дорогѣ, которая идетъ уже по лѣсистому, довольно дикому, ущелью, а потомъ, пройдя версты 3—4 за Акенджиляръ, снова выходитъ на довольно ровное мѣсто.

Часовъ въ восемь утра, выступили мы съ бивуака впереди Сельви; въ отрядѣ находились: эскадронъ лейбъ-казаковъ, Антоновъ съ частью своей сотни, Верещагинъ съ терцами и 2 орудія. Раненый Афанасьевъ остался въ Сельви для охраны города на время нашего отсутствія. Жеребковъ приказалъ при встрѣчѣ съ неприятелемъ энергично наступать на него и, если бы встрѣтились съ значительными силами, Орлову командовать центромъ, при которомъ должны были быть оба орудія. Муханову—правымъ флангомъ, а мнѣ—лѣвымъ; при дѣйстви кавалеріи вразсыпную, фронтъ растягивался, разбрасывался, и назначеніе частныхъ начальниковъ имѣло основаніе, какъ это и вышло въ дѣйствительности.

Подходя къ лѣсу, окружающему Акенджиляръ, въ ущельи раздался со всѣхъ сторонъ ружейные выстрѣлы турокъ, засѣвшихъ на горахъ. преимущественно же слѣва, гдѣ во впадинѣ, на чистой и ровной площадкѣ находилась деревня. Казаки пошли вразсыпную, гоня передъ собой турокъ. Мелкіе кусты, поросль и большія деревья принуждали скакать въ одиночку, и мы разбились на отдѣльныя кучки. Скакавшій впереди меня лейбъ-казакъ пикой толкнулъ какого-то турка, тотъ повалился на спину и выстрѣлилъ въ верхъ, но такъ какъ передовой казакъ уже проскочилъ, то выстрѣлъ въ него не попалъ. Скачка и гонка по кустамъ продолжались довольно долго, жара была ужасная, такъ что когда мой лѣвый флангъ выбрался на поляну, то мы были уже порядочно запыхавшись. На шоссе я увидѣлъ нашъ центръ, два орудія, которыя, снявшись съ передковъ, открыли огонь по густой рошѣ, лежавшей впереди и нѣсколько вправо отъ шоссе; въ рошѣ что-то копошилось, и оттуда шла ружейная стрѣльба. Въ это время подскочалъ ко мнѣ урядникъ Владикавказскаго полка, небольшого роста блондинъ, съ русой козлиной бородкой, украшенный медалями, и ужасно добродушно, совсѣмъ не казенно заговорилъ:

— Батюшко, плечомъ-то заходи, лѣвымъ плечомъ забирай побольше; ронъ лѣсокъ-то: съ тылу охватывай.

Когда же я сталъ разсматривать указываемое имъ мѣсто, то онъ въ нетерпѣніи повторялъ:

— Да я уже покажу, ты только скачи за мной поскорѣй!

Урядникъ этотъ назывался Гасюкъ, былъ опытный старый кавказецъ, я съ нимъ часто потомъ встрѣчался всегда особенно дружелюбно. Я поспекалъ за нимъ, а за мной, конечно, и весь лѣвый флангъ; охватили лѣсъ съ тылу, но турки или черкесы, которые тамъ были, уже ускакали. По очищеніи лѣса больше нечего было дѣлать, и я съ моими казаками вернулся на шоссе, гдѣ былъ Жеребковъ и собрался весь отрядъ. Жеребковъ обнялъ меня и говорилъ:

— Посмотри-ка, на кого ты похожъ; жаль, что нѣтъ зеркала.

— А что?..

— Да что, шапка на затылкѣ, потъ льетъ градомъ, и глаза на выкатѣ, да что у тебя на рукѣ, кровь?

Я взглянулъ, и дѣйствительно вся ладонь лѣвой руки и поводья въ крови. Что за исторія? Ничего не чувствую, очевидно, не раненъ, а крови много. Оказалось, что лошадь моя ранена и ранена очень оригинально: пуля засѣла у нея подъ кожей съ лѣвой стороны шеи, въ направленіи снизу вверхъ и наискось спереди назадъ; я же, оглаживая лошадь и трепля ее по шеѣ, перепачкался въ крови. Надо думать, что это была пуля сваливагося въ кустахъ турка. Я подумалъ, что вотъ какія бываютъ случайности: выстрѣли турокъ немного пораньше, попалъ бы въ казака, а чуть-чуть позже попалъ бы мнѣ прямо въ грудь. Я испугался за лошадь, тѣмъ болѣе, что это была не моя, а Фрезе, но къ счастью нашелся фельдшеръ, прорѣзалъ кожу, пуля упала на землю, и я пересѣлъ на другую лошадь. Мы продвинулись еще нѣсколько впередъ и остановились передохнуть у какого-то опустѣлаго хана ¹⁾.

Здѣсь Жеребковъ предложилъ вопросъ, что предпринять дальше: идти ли на Ловчу, не зная, что тамъ есть, или, въ виду сильнаго утомленія отряда, вернуться въ Сельви. Мнѣнія раздѣлились; одни настаивали на продолженіи движенія на Ловчу съ тѣмъ, чтобы налетѣть, такъ сказать, съ нахрапу, другіе же совѣтовали вернуться въ виду утомленія лошадей, сдѣлавшихъ наканунѣ около 45-ти верстъ, мало отдохнувшихъ въ Сельви и сегодня уже порядочно заморенныхъ. Самымъ энергичнымъ адвокатомъ движенія впередъ былъ полковникъ Орловъ; его мнѣніе восторжествовало, и мы пошли дальше. Въ началѣ турокъ не было видно, но, подходя къ опустѣлому хану Павликианъ (Павликане), увидѣли мы вдали, на гребнѣ, пѣшихъ турокъ и услышали сигнальный рожокъ, что, очевидно, указывало на присутствіе регулярной пѣхоты. Въ этомъ мѣстѣ шоссе спускалось въ довольно глубокую лощину съ крутыми берегами, густо поросшими виноградникомъ; противоположный берегъ лощины былъ такой же, только еще повыше. Въ донесеніи полковника Жеребкова говорится слѣдующее: «...услышавъ сигнальные рожки неприятель-

¹⁾ Корчма, постоянный дворъ.

ской пѣхоты и вида невозможность продолжать атаку въ конномъ строю, вслѣдствіе густыхъ виноградниковъ и чрезвычайной крутизны, я вызвалъ артиллерію на позицію въ центрѣ, на шоссе, спѣшилъ лейбъ-казаковъ на лѣвомъ, а сотню 23-го донскаго полка на правомъ флангѣ. Выждавъ результатовъ дѣйствія нашей артиллеріи и стрѣлковъ, я приказалъ атаковать высоты цѣпью, охватывая ихъ съ фланговъ, а полковнику Паренсову съ конными частями—атаковать непріятеля съ фронта. Такъ какъ горы и виноградники не позволяли идти въ конномъ строю по бокамъ шоссе, то полковникъ Паренсовъ во главѣ 2-го взвода лейбъ-казаковъ и одного взвода 23-го полка, не ожидая окончательнаго сбора этихъ частей, вмѣстѣ съ штабсъ-ротмистромъ Муратовымъ, корнетами княземъ Дадешкелияни и Сумбатовымъ, бросился, справа по-три, въ атаку по шоссе. Непріятель былъ сбитъ, бѣжалъ и т. д.»

Вслѣдствіе раны, полученной моей лошадыю утромъ, я скакалъ на моемъ любимцѣ, шамилевскомъ кабардинцѣ, довольно долго первымъ, но при подъемѣ на гору меня обогналъ корнетъ Сумбатовъ, на скаку крича мнѣ, что не дастъ никому быть впереди его.

Вѣхавъ на высокую гору, съ которой шоссе, круто извиваясь, спускается въ котловину, образуемую рѣкой Осьмой, увидѣли мы городъ Ловчу и послѣшно, уже вдалекѣ, уходившіе обозы, по которымъ пустили нѣсколько орудійныхъ выстрѣловъ.

Ловча (Ловачъ) лежитъ въ очень глубокой котловинѣ, по которой весьма причудливыми зигзагами протекаетъ рѣка Осьма. Турецкій кварталъ города лежитъ внизу, ближе къ рѣкѣ, а болгарскій лѣпится по уступамъ горъ южной стороны котловины. Прямо къ югу идетъ изъ Ловчи шоссе къ г. Троянъ и къ Троянову перевалу; черезъ Балканы къ западу идутъ простыя дороги на Микре, Турскій-Изворъ и рѣку Видъ, на Софійское шоссе, а къ сѣверу, немного уклоняясь на западъ—идетъ шоссе на Плевну, до которой было около 35-ти верстъ. Лошади наши и люди были утомлены до-нельзя; но особенно утомились артиллерійскія лошади, которыя просто падали отъ жары и продолжительнаго усиленнаго движенія безъ водопоя, а потому полковникъ Жеребковъ рѣшилъ спуститься для отдыха въ городъ, откуда уже приходили и пріѣзжали жители болгары, прося занять городъ и заявляя, что турецкая пѣхота, бывшая впрочемъ въ очень маломъ числѣ, ушла вразсыпную, частью въ Турскій-Изворъ, частью въ Плевну. Спустившись съ горъ, мы вѣхали на площадь, гдѣ насъ ждала толпа народу и три священника въ облаченіи, которые тотчасъ начали служить молебень. Мы сняли шапки, стали полукругомъ вокругъ священниковъ, а жители, среди которыхъ не было, кажется, никого съ пустыми руками, наперерывъ угощали насъ фруктами и мѣстнымъ виномъ, принесеннымъ въ большихъ кувшинахъ.

Впослѣдствіи часто приходилось слышать о негостепріимствѣ болгаръ, доходившемъ до скаредности, и о томъ, что даже за деньги нельзя было у нихъ достать нужныхъ припасовъ: все это дѣйствительно было, но только впослѣдствіи, когда они, наученные горькимъ опытомъ непрочности занятія нами городовъ и разныхъ мѣстностей, уступленныхъ потомъ туркамъ со всѣми ужасами ихъ возвращенія,—сдѣлались осторожны, недовѣрчивы, а иногда даже недружелюбны къ намъ. Измѣненіе отношеній къ намъ болгаръ произошло на моихъ глазахъ, я самъ увидѣлъ потомъ эту же Ловчу, встрѣтившую насъ совсѣмъ иначе, но въ началѣ встрѣчи нашихъ войскъ болгары были въ высшей степени дружелюбны, радушны и гостепріимны. Такъ было и при первомъ занятіи нами Ловчи; не говоря уже о томъ, что всѣ мы и наши лошади были украшены цвѣтами и вѣнками, болгары наперерывъ старались выказать намъ свое расположеніе, кто какъ умѣлъ и чѣмъ могъ. Примѣромъ тому служить слѣдующее: во время молебна, подъ палящимъ солнцемъ, мой измученный кабардинецъ зашатался, и я попросилъ воды, чтобы окатить ему голову; воды не оказалось, а одинъ молодой болгаринъ, стоявшій по близости, понявъ, что нужно облить голову лошади, преусердно началъ поливать ей голову краснымъ виномъ и, когда я хотѣлъ остановить его, то онъ, полагая вѣроятно, что мнѣ жаль вина, сталъ еще усерднѣе поливать, говоря, что это ничего, что вина много и что вино «добре».

Бивуакъ выбранъ былъ внѣ города, къ сторонѣ Плевны, на чудесномъ лугу полуострова, образуемаго Осьмой. Чтобы выйти изъ города на этотъ полуостровъ, надо было перейти рѣку по очень оригинальному, весьма длинному, крытому мосту, внутри котораго, по обѣ стороны, были лавки съ разнымъ товаромъ. Туннель или корридоръ, образуемый этимъ мостомъ, былъ довольно темень, такъ какъ освѣщался только съ боковъ рѣдкими окнами. Мостъ этотъ тогда же обратилъ на себя мое вниманіе, какъ весьма опасное дефіле въ тылу отряда, и по приказанію Жеребкова былъ занятъ караулами при входѣ на него и выходѣ. На бивуакѣ нашемъ шелъ просто пиръ въ благоразумныхъ предѣлахъ. На зеленомъ холмѣ, ближе къ перешейку, которымъ полуостровъ соединялся съ городомъ, расположились офицеры, а на лугу, у подножія холма, отрядъ. Болгары, наперерывъ усердствуя другъ передъ другомъ, натащили живыхъ барановъ, овощей, фруктовъ и вина для котораго привезли два большихъ чугунныхъ или желѣзныхъ котла въ родѣ ротныхъ, наполнили ихъ до половины чистымъ, отличнымъ льдомъ и налили туда вина. Вино было мѣстное, очень вкусное, легкое, какъ фруктовый квасъ, но молодое. Большинство изъ насъ вслѣдствіе жестокой жары пили его неумѣренно, что и отразилось на нѣкоторыхъ не охмѣлнѣніемъ, а желудочнымъ расстройствомъ. Я хорошо помню, что

за многіе припасы болгары ничего не брали, а за чтò и брали, то весьма дешево.

Я не помню навѣрное, сколько мы стояли въ Ловчѣ; выступили оттуда, кажется, 7-го іюля. Вопросъ о томъ, чтò дѣлать, разбирали съ разныхъ сторонъ, но полковникъ Жеребковъ рѣшилъ идти назадъ въ Тырново, мотивируя это рѣшеніе тѣмъ, что ему не было категорическаго приказанія занять Ловчу, а только освободить нашу сотню въ Сельви отъ нападавшихъ на нее турокъ, что это послѣднее исполнено и, что, наконецъ, онъ съ лейбъ-казаками составляетъ конвой главнокомандующаго и долженъ къ нему возвратиться.

На всякій случай въ Ловчѣ оставили донскую сотню, кажется, Антонова.

Передъ выступленіемъ, организовали мы изъ мѣстныхъ жителей городскую стражу, учредили городскіе караулы, снабдили ихъ оружіемъ, отобраннымъ нами да и самими болгарами отъ турокъ, произвели выборы мѣстныхъ властей при посредствѣ всеобщей подачи голосовъ, однимъ словомъ, устроили въ городѣ самоуправленіе и самоохраненіе. Кстати здѣсь упомянуть объ одномъ явленіи, которое потомъ повторялось вездѣ, гдѣ мнѣ приходилось ходить съ отрядами. Покуда отрядъ стоитъ на бивуакѣ, постороннихъ людей, кромѣ продавцовъ съѣстныхъ припасовъ, не было видно, но какъ только отрядъ трогался съ мѣста, какъ въ тылу его всегда появлялись вооруженные съ головы до ногъ болгары, на маленькихъ мѣстныхъ лошадяхъ. На разпросы наши они обыкновенно отвѣчали, что бѣжали отъ турецкихъ насилій изъ той мѣстности, куда мы теперь идемъ, или что они ѣдутъ въ качествѣ проводниковъ и переводчиковъ, на всякій случай. Зная мѣстную обстановку, зная, гдѣ можно ожидать встрѣчи съ турками, они ѣхали обыкновенно тамъ, гдѣ было безопаснѣе, въ хвостѣ отряда, а иногда и впереди его, но всегда исчезали куда-то незамѣтно всякій разъ, какъ мы разбивали турецкій отрядъ, а въ особенности когда разоряли какое-нибудь селеніе. Они нагоняли потомъ отрядъ, и я часто замѣчалъ у нихъ какое-нибудь благопріобрѣтеніе: то вмѣсто плохой лошадки очутится отличная, явится новое оружіе, новый костюмъ и т. п. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я зналъ уже въ лицо и по имени, такъ какъ они аккуратно появлялись при выступленіи отряда въ районѣ извѣстной мѣстности. Эти личности должны быть отнесены къ разряду ш а к а л о в ъ потому, что на повѣрку выходило часто, что они вовсе не ограбленные бѣженцы, совсѣмъ не изъ того города или селенія, куда мы въ этотъ разъ направлялись, а просто слѣдуютъ за отрядомъ съ цѣлью поживиться на счетъ турокъ, а иногда, и это конечно въ лучшемъ случаѣ, свести старые личные счеты.

Подходя на обратномъ пути къ Акенджиляру, полковникъ Жереб-

ковъ рѣшилъ его съечь, для чего выслалъ впередъ, подъ моей командой, казаковъ. Я никогда не отказывался отъ подобнаго, не скажу, чтобы очень пріятнаго порученія, исходя изъ того соображенія, что мое присутствіе во всякомъ случаѣ служило порукой сохраненія относительнаго порядка и нѣкоторой сдержанности при совершеніи акта разгрома и разрушенія, когда исполнители предоставлены сами себѣ, своимъ личнымъ инстинктамъ. Шакаловъ я тщательно устранялъ отъ участія въ подобныхъ операціяхъ. Въ Акенджилярѣ не оказалось не только ни души людской, но даже не было и скота; все скрылось. Ко времени подхода отряда деревня горѣла уже со всѣхъ концовъ, а когда мы подошли къ Сельви, то вдали, во мракѣ ночи, изъ-за горъ и лѣса, поднимался огненный столбъ, указывавшій мѣсто бывшаго разбойничьяго гнѣзда. На другой день въ Сельви повторили мы то, что сдѣлали въ Ловчѣ. Выбрали и учредили мѣстное управленіе городомъ, городскую стражу, а затѣмъ Жеребковъ приказалъ мнѣ взять лейбъ-казаковъ подъ командой офицеровъ и отправиться въ турецкій кварталъ города, произвести обыскъ и отобрать оружіе, которое, по словамъ болгаръ, было спрятано въ мечетяхъ и зажиточныхъ турецкихъ домахъ. Жеребковъ мотивировалъ назначеніе меня въ эту командировку тѣми же соображеніями, которыя я описалъ выше, при сожженіи Акенджиляра. Мнѣ пришлось первый разъ побывать въ турецкихъ домахъ: всѣ они были внутри глубокихъ дворовъ и окружены по истинѣ поразительнымъ лабиринтомъ внутреннихъ, маленькихъ двориковъ, палисадниковъ, цвѣтниковъ, разгороженныхъ заборами съ очень маленькими и тѣсными калитками, гдѣ было весьма легко заблудиться. Мы перебѣгали изъ сада въ садъ, съ одного двора въ другой и постоянно наталкивались то на отдѣльно стоящій, иногда очень кокетливый, домикъ, въ родѣ бесѣдки, довольно комфортабельно, конечно, по-восточному, убранный, то упирались въ глухую стѣну, заставлявшую насъ искать выхода въ другомъ мѣстѣ. Какъ теперь вижу, оглябая на-бѣгу какую-то бесѣдку, натолкнулся я на одивоко стоявшую женщину и былъ пораженъ: вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ насъ и прятаться, какъ обыкновенно дѣлали турчанки, она, напротивъ того, неподвижно стояла и глядѣла на насъ; на ней было розовое платье въ родѣ капота и не только не было покрывала, такъ уродливо закрывающаго голову и лицо турецкихъ женщинъ, но совсѣмъ ничего не было на головѣ. Это была очень высокаго роста, полная, но совсѣмъ еще молодая женщина, свѣтлая блондинка, беременная, съ сѣрыми глазами, безъ всякой боязни, но какъ-то тупо смотрѣвшая на насъ шелкая орѣхи или сѣмячки. Очевидно, что это была не турчанка, а можетъ быть даже и не болгарка. Но остановиться и разспросить было некогда, я боялся, что казаки, разбрѣдясь по садамъ и закоулкамъ, наскочатъ на засаду, и велѣлъ трубачу, за мной слѣдовавшему, трубить

сборъ; одновременно съ этимъ, услышавъ гдѣ-то визгъ и крикъ, направился въ ту сторону и попалъ въ высокій и просторный хлѣвъ, куда сбилось нѣсколько женщинъ, кричавшихъ безъ всякой причины. На этотъ разъ то были настоящія турчанки, въ черныхъ балахонахъ и бѣлыхъ покрывалахъ, которыми они тщательно укутывали лицо, поворачиваясь къ намъ спиной. Казаки по приставной лѣстницѣ взобрались въ верхнее помѣщеніе и что-то шарили. Съ трудомъ собралъ я разбѣжавшуюся команду и привелъ на бивуакъ, куда къ тому времени привели 2-хъ или 3-хъ башбузуконъ, по словамъ болгаръ, пойманныхъ съ оружіемъ въ рукахъ, предводителей шакъ, свирѣпствовавшихъ въ окрестности. Между ними былъ мулла, средняго роста, шпрокопчій, пожилой брюнетъ, котораго можно было бы назвать красивымъ, если бы онъ не былъ такъ толстъ и жиренъ. Мулла этотъ, по словамъ болгаръ, былъ главнымъ виновникомъ разныхъ насилій, предводительствовалъ шайками башбузуконъ, которыхъ сзывалъ въ городъ, поднимая на минаретѣ зеленый флагъ. Когда злодѣйства ихъ были доказаны показаніями многихъ свидѣтелей изъ самыхъ почетныхъ жителей, приведенныхъ къ присягѣ, рѣшено было этихъ турокъ разстрѣлять, чтѣ и было имъ сказано. Они сидѣли въ кружокъ на корточкахъ, раскачивались всѣмъ тѣломъ, произнося часто, скороговоркой: Алла, Алла, Алла. Особенно энергично и торопясь дѣлалъ это мулла, перебирая четки. По объясненію болгаръ, за вѣрность котораго не ручаюсь, тотъ мусульманинъ, который, передъ самой смертью, успѣетъ произнести сколько-то сотенъ разъ имя Аллаха, попадаетъ въ рай. Одинъ изъ арестованныхъ попросилъ воды, молодой болгаринъ принесъ ее въ кувшинѣ, давалъ всѣмъ по-очередно пить, но когда дошелъ до муллы, тотъ молча отказался, кивая отрицательно головой и все повторяя: Алла, Алла.

Ихъ разстрѣляли, привязавъ къ телеграфнымъ столбамъ: мулла встрѣтилъ смерть стойчески, съ полнымъ хладнокровіемъ и самообладаніемъ.

9-го утромъ направились мы въ Тырново, приближаясь къ которому встрѣтили конно-гвардейцевъ: Максимовича, о которомъ я уже говорилъ, Непокойчицкаго, сына начальника главнаго штаба, и артиллериста, адъютанта князя Масальскаго, поручика Джонсона, ѣхавшихъ съ приказаніями, кажется, къ Тутолмину, о которомъ въ главной квартирѣ беспокоились, не получая отъ него извѣстій. Максимовичъ и Непокойчицкій очень удивились, увидѣвъ насъ возвращающимися, и сообщили, что въ главной квартирѣ будутъ тоже очень удивлены и недовольны нашимъ возвращеніемъ, такъ какъ считаютъ, что мы въ Сельви или Ловчѣ. Несмотря на это, мы продолжали нашъ путь, такъ какъ были уже близко отъ Тырнова. Явившись къ Левицкому и доложивъ ему о результатахъ нашей экспедиціи, я получилъ жестокою распечку,

зачѣмъ вернулись. Хотя я докладывалъ ему, что не я же былъ старшимъ въ отрядѣ и что Жеребковъ имѣлъ на то свои причины, Левицкій говорилъ мнѣ, что я, какъ офицеръ генеральнаго штаба, долженъ былъ настоять на томъ, чтобы остаться въ Ловчѣ. Хотя я не былъ согласенъ съ Левицкимъ относительно того, чтобы я могъ настоять на невозвращеніи отряда, но принципиально былъ съ нимъ согласенъ, что уходить намъ изъ Ловчи не слѣдовало.

Разговоръ нашъ кончился тѣмъ, что Левицкій приказалъ мнѣ «завтра же» опять идти на Ловчу.

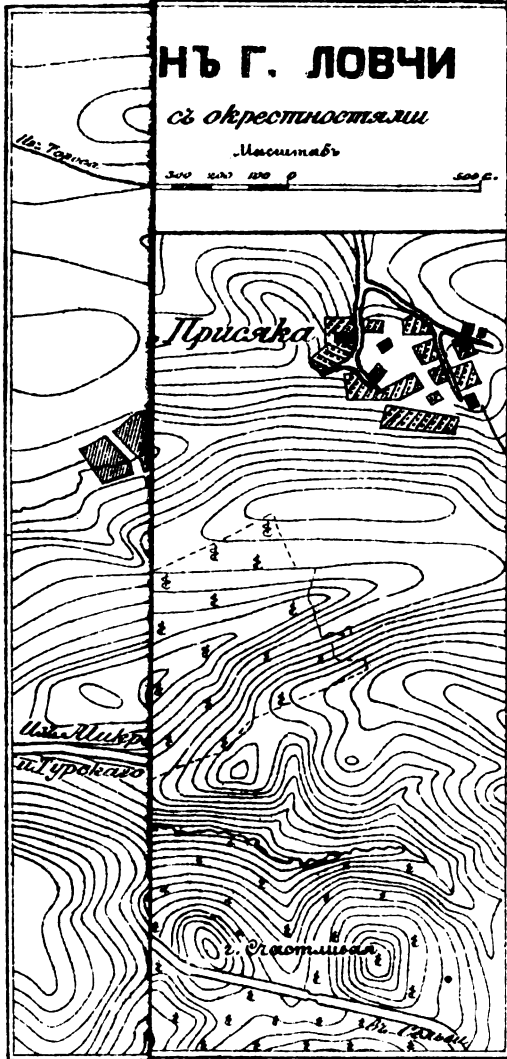
Утромъ 10-го іюля былъ я потребованъ къ Левицкому, который передалъ мнѣ приказаніе идти въ Ловчу съ нѣсколькими сотнями (кажется, двумя) № 23-го полка Бакланова и двумя орудіями 6-й донской батареи; дойдя до Ловчи, отряду тамъ остановиться и освѣщать пространство отъ Ловчи къ Трояну и Плевнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по прибытіи въ Ловчу, по организаціи и отправкѣ разѣздовъ въ указанныхъ направленіяхъ, самому лично войти въ связь съ Кавказской казачьей бригадой полковника Тутолмина, который долженъ находится гдѣ-то въ окрестностяхъ Плевны, къ востоку отъ нея, между этимъ городомъ и рѣкою Осмой, на дорогѣ изъ Плевны въ Бѣлу и отъ котораго давно не получено свѣдѣній. На мой вопросъ, кто будетъ командовать отрядомъ, Левицкій отвѣтилъ, что командовать будетъ подполковникъ Баклановъ; когда я спросилъ, удобно ли меня, полковника, подчинять подполковнику Бакланову, Левицкій отвѣчалъ, что на войнѣ не разсуждаютъ, а исполняютъ. Надѣвши шарфъ, пошелъ я явиться Бакланову и нашелъ въ немъ милѣйшаго, добрѣйшаго и вполне порядочнаго человѣка. Очень высокаго роста, худой блондинъ, съ большимъ, горбатымъ, красивымъ носомъ, онъ по наружности совсѣмъ не напоминалъ отца, знаменитаго Боклю, извѣстнаго храбреца. Отношенія мои съ нимъ сразу установились отличныя; рѣшено было все, что касается письменности, а также высшихъ соображеній предоставить мнѣ, предводительство же и бой—ему. Двумя орудіями, намъ приданными, командовалъ сотникъ Лупцовъ¹⁾.

Мнѣ сообщили слухъ, что скоро пріѣдетъ генераль-маіоръ Скобелевъ 2-й и приметъ начальство надъ отрядами Бакланова и Тутолмина, а слѣдовательно и я поступлю въ его распоряженіе.

10-го іюля вечеромъ, выступили мы по знакомой уже мнѣ дорогѣ на Сельви и Ловчу, куда прибыли 11-го въ 10 часовъ вечера. Въ Сельви присоединили мы къ нашему отряду сотни 30-го полка и кавказскихъ казаковъ (кажется, полусотню). Я живо помню, что, приближаясь къ Ловчѣ, вечеромъ, при чудномъ лунномъ освѣщеніи, пѣсельники пѣли пѣсни и кавказскія были особенно хороши.

Я указалъ Бакланову тотъ крытый мостъ, который озабочивалъ меня

¹⁾ Впослѣдствіи командиръ полка въ Варшавскомъ округѣ.

въ первое мое пребываніе въ Ловчѣ; онъ велѣлъ занять его караулами съ обоихъ концовъ, а мы, въ составѣ 4-хъ сотенъ, расположились на томъ же полуостровѣ, на которомъ были и первый разъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ знакомыхъ уже намъ жителей, оказывалось, что со стороны Трояна, Турскаго-Изора и Микре все было тихо, но что отъ Плевны къ Ловчѣ и ближайшимъ деревнямъ Новосело, Зетово (Сотеве) являлись черкесы и башибузуки, о чемъ мною тогда же было донесено въ главную квартиру, на имя Левицкаго, и послана записка полковнику Тутолмину съ кавказскими казаками, знавшими приблизительно мѣсто его расположенія. Я писалъ, что по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ Ловчѣ, въ Плевну прибыло изъ Виддина 26 таборовъ (13—14 тыс.) при 40 ор., съ тремя пашами, подъ начальствомъ Ахмеда-Эюба-паши. 12-го рано утромъ произвели мы рекогносцировки окрестностей, при чемъ убѣдились, что въ случаѣ нападенія на насъ большихъ силъ со стороны Турскаго-Изора и Микре, путь отступленія намъ свободенъ, но если на насъ нападутъ превосходныя силы со стороны Плевны, то единственнымъ путемъ отступленія для орудій можетъ быть мостъ и дорога на Сельви.

Нѣсколько разъ аванпосты наши со стороны Плевны доносили о появленіи противъ нихъ черкесовъ и конныхъ баши-бузуковъ. На подкрѣпленіе имъ была выслана сотня, которая прогнала неприятеля, и день прошелъ тихо; вечеромъ послалъ я опять донесеніе въ главную квартиру, въ которомъ сообщалъ подтвержденіе слуховъ о томъ, что Плевна сильно занята большимъ отрядомъ и что изъ Плевны на Ловчу производятся поиски пока не важные и нами благополучно отбиваемые.

13-го іюля съ утра было очень жарко; небо безъ одного облачка, кругомъ тихо, и я рѣшилъ воспользоваться этимъ благополучіемъ, чтобы выкупаться и хорошенько помыться. Съ этою цѣлью я пошелъ къ водяной мельницѣ, расположенной недалеко отъ нашего бивуака, нѣсколько впереди его, сѣлъ подъ мельничное колесо, раздѣлся и мылся съ головы до ногъ. Въ то время, какъ я совершенно безопасно предавался этому занятію, сложивъ на берегу платье и бѣлье, впереди, по направленію отъ Плевны, прискакалъ донецъ и, проскакивая мимо меня къ холму, на которомъ былъ Баклановъ, кричалъ: «нападаютъ, нападаютъ!» Я не очень этимъ обезпокоился, будучи увѣренъ, что казакъ скачетъ изъ развѣзда, т. е. издалека, но все же прекратилъ омовеніе и хотѣлъ уже складывать пожитки, какъ вдругъ мимо меня проскакали два казака рядомъ и везли поперекъ сѣдла мертвое тѣло, крича: «хорунжаго убили!..»

— Далеко ли?—успѣлъ я спросить.

— Да вотъ сейчасъ, здѣсь, недалеко. Наступаютъ!

Вслѣдъ за этими казаками прискакало еще нѣсколько; ну тутъ было уже не только не до укладки пожитковъ, а дай Богъ скорѣй къ отряду. Я на-

тянулъ на мокрое тѣло сапоги и рейтузы, рубашку, какъ теперь помню, желтую шелковую, мыло и проч. бросилъ, накинулъ сюртукъ и бѣгомъ пустился къ холму, возлѣ котораго сотни уже сидились, а Баклановъ орломъ скакалъ на Плевненское шоссе. Когда я его нагналъ, то черкесы и конные баша-бузуки уже уходили весьма спѣшно, а за ними, примѣрно къ сѣверу отъ деревни Сотево (Зетово), видна была неприятельская пѣхота. По дорогѣ навстрѣчу намъ бѣжали болгары, жители окрестныхъ деревень, и какъ сейчасъ вижу, идетъ маленькій осликъ, а поперекъ его лежатъ на животѣ зарѣзанный молодой болгаринъ, провожаемый плачущими женщинами. Черкесы удирали во всѣ стороны и, настигаемые казаками, соскакивали съ лошадей, пѣшкомъ бросались въ овраги, зарѣзавъ предвзвительно лошадей. Я помню чудесную небольшого роста темносѣрую лошадь, очевидно молодую, лежавшую на шоссе, еще теплую съ глубоко прорѣзаннымъ горломъ. Наши казаки ужасно ругали неприятеля за уничтоженіе лошадей.

Усиливши аванпосты и выдвинувши ихъ подальше, вернулись мы на бивакъ. Я тотчасъ написалъ донесеніе въ Тырново, а кромѣ того, съ согласія Бакланова, послалъ письмо полковнику Липинскому, пришедшему съ Брянскимъ полкомъ въ Сельви; въ письмѣ этомъ я сообщалъ ему о всемъ, что у насъ происходитъ, сообщалъ, что въ случаѣ новаго нападенія, противъ котораго мы можемъ быть не въ состояніи будемъ держаться, отрядъ нашъ будетъ отступать на Сельви, для обезпеченія же и поддержки этого отступления просилъ полковника Липинскаго выслать, въ видѣ репли, роты двѣ къ хану Павликане или къ ущелью Абенджилляръ.

Остальное время дня прошло тихо; 14-го утромъ было также тихо, и Баклановъ посовѣтовалъ мнѣ ѣхать на свиданье съ Тутолминимъ для соглашенія о взаимныхъ дѣйствіяхъ. Мнѣ не особенно улыбалась эта поѣздка, потому что ѣхать приходилось какъ разъ на сѣверъ, хотя и не на самую Плевну, но все же въ ту сторону, а большаго конвоя взять было нельзя по слабости нашего отряда. Рѣшено было, что я возьму всѣхъ осетинъ и владикавказцевъ, находившихся у насъ, и поѣду на Дойрявъ, Дреново, Волчитренъ и Карагачъ Болгарскій, т. е. уклоняясь нѣсколько къ востоку отъ шоссе, ведущаго въ Ловчу изъ Плевны. Въ Карагачъ я прибылъ благополучно, но самого Тутолмина не было; онъ уѣхалъ въ Бресляницу, къ командиру 9-го армейскаго корпуса, генералу барону Криденеру, по его вызову. Офицеры Кавказской казачьей бригады говорили мнѣ, что у нихъ уже получено распоряженіе о пріѣздѣ Скобелева 2-го, подъ начальство котораго должны поступать Кавказская казачья бригада и отрядъ Бакланова. На всякій случай, не зная, когда вернется Тутолминъ, я послалъ ему записку въ Бресляницу, съ извѣщеніемъ, что я пріѣхалъ условиться относительно соглашенія дѣйствій

его съ Баклановымъ. Вечеромъ прѣхалъ и Тутолминъ, а почти одновременно съ нимъ, только съ другой стороны, изъ Ловчи—Скобелевъ. Выслушавъ доклады полковника Тутолмина и мой, Скобелевъ отдалъ приказанія: на другой день Кавказской казачей бригадѣ передвинуться въ Ловчу, мнѣ же остаться при немъ и сопровождать его въ Бресляницу къ барону Криденеру.

15-го іюля съ разсвѣтомъ, взявъ провожатыхъ изъ кавказскихъ казаковъ, выѣхалъ я со Скобелевымъ, верхомъ, въ штабъ 9-го корпуса въ Бресляницу, къ барону Криденеру. Скобелевъ, горя нетерпѣніемъ, съ мѣста пустился чуть не въ карьеръ и, бросивъ дорогу, поѣхалъ напрямикъ. Я не любилъ способъ движенія на прямки, зная по опыту, что въ концѣ концовъ всегда исколеситъ гораздо больше, чѣмъ по торной дорогѣ. Такъ вышло и на этотъ разъ; скакали, скакали и наконецъ вынуждены были выѣхать на дорогу, приведшую насъ въ окрестности Трестеника, гдѣ былъ расположенъ штабъ 5-й пѣхотной дивизіи 9-го корпуса и самъ начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Шильдеръ-Шульднеръ, который очень радушно и любезно пригласилъ насъ къ себѣ отдохнуть и закусить. Бѣдный старикъ Шильдеръ-Шульднеръ находился подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неудачи, понесенной имъ 8 іюля, въ такъ называемую первую Плевну; онъ былъ совершенно убитъ и не могъ говорить безъ слезъ о потеряхъ, понесенныхъ въ этомъ дѣлѣ его полками. Къ чести Шильдера-Шульднера долженъ сказать, что во все время разговора онъ ни разу ни на кого не пожаловался, никого не попрекнулъ. Подобное отношеніе къ дѣлу было явленіемъ довольно рѣдкимъ въ минувшую войну; обыкновенно расказики, участники неудачнаго дѣла, валили все на другихъ, преимущественно на отсутствующихъ; всегда выходило, что кто-то не пришелъ своевременно, не поддержать, не распорядился и т. д., а расказики, не участники дѣла, по большей части являлись чистѣйшими олимпійцами, авторитетнымъ тономъ высказывая неопровержимый приговоръ и критику дѣйствій. Стоустая молва, подхватывая эти сужденія, частенько накладывала клейма на распорядителей и руководителей дѣла, выдавала патенты, которые потомъ, проникая въ печать, разглашались по всей Россіи.

Шильдеръ-Шульднеръ только горевалъ о потеряхъ своей дивизіи, о неудачѣ, ее постигшей, но не бранилъ никого. Я не участвовалъ въ первой Плевнѣ, а потому и описывать ее не буду; можетъ быть, Шильдеръ-Шульднеръ распорядился не такъ, какъ бы слѣдовало, а можетъ быть другіе виноваты. Пусть судитъ исторія.

Подкрѣпившись у Шильдеръ-Шульднера, поскакали мы дальше и добрались до Бресляницы, до которой отъ Болгарскаго Карагача было добрыхъ 25 верстъ. Въ самой Бресляницѣ барона Криденера не было; намъ сказали, что онъ стоитъ дальше, по дорогѣ къ Никополю, у ка-

кихъ-то 5-ти колодцевъ. Мы опять поскакали, уже совсѣмъ въ пространство, потому что не было никакихъ признаковъ, по которымъ можно было бы найти эти 5 колодцевъ. Никакихъ постовъ для связи, или почтовыхъ, мы не встрѣчали, а встрѣтили только группу бабихъ-то статскихъ, на отличныхъ лошадяхъ. Впереди этой группы ѣхалъ очень красивый брюнетъ, еще молодой, по-дорожному, но вмѣстѣ съ тѣмъ изящно одѣтый, къ которому спутники его относились съ большимъ почтениемъ; приблизившись, я узналъ Донъ-Карлоса, претендента на испанскій престолъ, котораго видѣлъ зимой въ Букарестѣ. Зачѣмъ онъ сюда попалъ и куда ѣхалъ, не знаю, да и справляться было некогда и не у кого. Послѣ долгихъ блужданій, совершенно, можно сказать неожиданно, наѣхали мы на какую-то балку и въ ней увидѣли нѣсколько палатокъ; то былъ штабъ 9-го корпуса, тутъ былъ самъ баронъ Криденеръ и его начальникъ штаба генералъ-маіоръ Шнитниковъ со свитой. Для меня осталось загадкой, какимъ образомъ могли они помѣститься въ такой труппѣ, безъ всякаго ориентировочнаго пункта, такъ что и днемъ-то трудно было ихъ найти, а воображаю, какъ плутали ночью тѣ, которымъ нужно было пріѣхать въ этотъ, точно скрывавшійся, штабъ.

Явились Криденеру. Скобелевъ занялся разговорами съ нимъ и Шнитниковымъ, а я бесѣдовалъ съ офицерами, болѣе подходившими ко мнѣ по ихъ рангу. Одновременно съ нами пріѣхалъ къ барону Криденеру ординарецъ великаго князя Иванъ Дерфельденъ и еще кто-то. Какое именно приказаніе привезли они Криденеру, я теперь не припомню, но помню, что тогда уже трактовали о томъ, что въ главной квартирѣ считали необходимымъ взять Плевну, возлагая эту операцію на Криденера, а онъ находилъ, что, несмотря на прибытіе въ составъ его отряда частей 11 корпуса князя Шаховскаго, войскъ было мало, и былъ правъ.

Покончивши переговоры, генералъ Скобелевъ выѣхалъ назадъ въ Карагачъ, гдѣ мы, отдохнувъ нѣсколько, поѣхали по знакомой ужъ мнѣ дорогѣ, догонять Кавказскую бригаду, направленную на Ловчу. Бригаду мы нашли въ Дреновѣ, и тутъ, въ ночь съ 15-го на 16-е іюля, узнали мы грустную вѣсть: Ловча взята турками, вышедшими изъ Плевны утромъ 15-го іюня.

Итакъ мои опасенія оправдались, мои донесенія въ главную квартиру не были фантазіей, а горестной дѣйствительностью. Дреново было наполнено бѣженцами изъ Ловчи, среди коихъ я встрѣтилъ много знакомыхъ лицъ, видѣнныхъ мною во время двукратнаго моего пребыванія въ Ловчѣ. Всѣ ихъ рассказы сводились къ одному: «Турци дошли, всички поскѣли, всички загубили». Изъ несвязныхъ рассказовъ несчастныхъ бѣженцевъ можно было составить общую картину: 14-е число прошло спокойно, а 15-го на разсвѣтѣ турецкая пѣхота, въ числѣ около

5 тысячъ человекъ съ артиллеріей (по-болгарски — топове), предшествуемая черкесами и конными башибузуками, нагрянула на несчастную Ловчу. Крайне безпокоясь объ участи Бакланова, а въ особенности 2-хъ орудій нашихъ, я съ трудомъ добился толку и узналъ, что при первыхъ гранатахъ, упавшихъ на нашъ бивуакъ, Баклановъ, понимая невозможность держаться, рѣшилъ отступать на Сельви черезъ мостъ, о которомъ я уже упоминалъ выше, но, какъ слѣдовало ожидать, мостъ былъ уже въ рукахъ турокъ. Какъ именно это случилось, и подробно узнать не могъ. Бакланову оставалось уходить цѣликомъ въ горы, переправясь въ бродъ черезъ Осьму. Что казаки могли отступать прямо въ горы, я еще понималъ, но какъ поднялись орудія—рѣшительно не понималъ, тѣмъ болѣе, что имъ приходилось вскарабкаться по совершенно отвѣсному скату. Гораздо позже узналъ я отъ самого взводнаго командира Луцова, что дѣйствительно они вскарабкались по этому отвѣсу, но какъ могли они это сдѣлать, онъ и самъ не брался объяснить. Во всякомъ случаѣ я былъ радъ, что Баклановъ съ отрядомъ уцѣлѣлъ, но не могъ добиться, куда они отступили. Что касается до болгаръ, насъ такъ радушно угощавшихъ въ Ловчѣ, то судьба ихъ была трагична; бѣженцы говорили, что побито болѣе 1.000 душъ, въ томъ числѣ два изъ тѣхъ трехъ священниковъ, которые служили намъ молебенъ при взятіи Ловчи 5-го іюля; ихъ повѣсили, а третьяго оставили живымъ, чтобы хоронилъ убитыхъ болгаръ.

Скобелевъ пылалъ гнѣвомъ и рѣшилъ, несмотря на страшную усталость (мы сдѣлали съ нимъ 15-го днемъ и въ ночь съ 15-го на 16-ое при поѣздкахъ къ Криденеру и обратно въ бригаду, около 70—80 верстъ), немедленно двинуться на Ловчу, попытаться махнуть на турокъ врасплохъ и вновь захватить городъ. Онъ говорилъ мнѣ, что турки, взявъ Ловчу днемъ 15-го іюля, предаются грабежу и неистовствамъ, упоены побѣдой, грабятъ, а слѣдовательно въ городѣ естественно царствуетъ беспорядокъ, который дастъ намъ большіе шансы на успѣхъ. Скобелевъ прибавилъ, что мы облечемъ наше движеніе на Ловчу въ форму усиленной рекогносцировки, въ случаѣ если натолкнемся на значительныя силы—отступимъ, но будемъ по крайней мѣрѣ знать, какой отрядъ занимаетъ Ловчу, а можетъ быть удастся и что-нибудь другое. Соотвѣтственно сему отданы были приказанія бригадѣ выступать, и еще до разсвѣта тронулись мы на Слатину-Павликане. Выступая изъ Дренова и обогнувъ какую-то гору, мы увидели вдали огромное зарево, обозначавшее Ловчу, а по дорогѣ то и дѣло попадались несчастные бѣженцы. Признаюсь, я избѣгалъ говорить съ тѣми изъ нихъ, которыхъ узнавалъ въ лицо—совѣстно было.

Скобелевъ ѣхалъ при авангардѣ, даже впереди его, между авангардомъ и передовыми разѣздами. Мнѣ это очень нравилось, но въ то же

время я раздумывалъ: какъ же это такъ, главный начальникъ отряда, хотя и не большаго, скачетъ чуть не на высотѣ передовыхъ разбѣдовъ. Не знаю, скучно ли стало Скобелеву ѣхать молча, или онъ замѣтилъ мое раздумье, только онъ подѣхалъ ко мнѣ и рѣзко спросилъ: «о чемъ вы думаете?» Я ему откровенно сказалъ, что хотя и не былъ въ серьезныхъ дѣлахъ, а только въ стычкахъ, но все же не понимаю, зачѣмъ онъ ѣдетъ впереди, когда во всѣхъ военныхъ книжкахъ пишется, что начальникъ только въ исключительныхъ, крайнихъ, случаяхъ можетъ себѣ позволить быть впереди. Скобелевъ отвѣчалъ, что онъ дѣлаетъ это нарочно, такъ какъ бригада его не знаетъ и нужно показать примѣръ. Онъ точно былъ пророкомъ, потому что скоро вслѣдъ за симъ представился случай показать примѣръ. Подѣзжая къ какому-то ручью, черезъ который былъ перекинутъ мостъ, и который нельзя было миновать, съ противоположнаго довольно крутаго берега, изъ-за нѣсколькихъ пустыхъ повидному домовъ, раздались выстрѣлы; донскіе казаки, прибывшіе со Скобелевымъ изъ Ловчи 14-го іюля и ѣхавшіе теперь впереди, замаялись, приостановились и рассыпались по нашему берегу ручья, не рѣшаясь перебраться на ту сторону. Скобелевъ вскипѣлъ: «А, такъ вы такъ-то! я же васъ выучу. Впередъ!...» и съ этими словами въ карьеръ пустился черезъ мостъ; конечно, и я за нимъ. Когда мы вскакивали на противоположный берегъ, то донцы, а за ними и передовые кавказцы, уже насъ обгоняли. «Вотъ видите теперь, для чего я ѣхалъ впереди», — сказалъ мнѣ Скобелевъ, — «теперь они уже не посмѣютъ заминаться отъ всякой пули». И дѣйствительно, я болѣе этого уже не видалъ.

При движеніи къ Ловчѣ Скобелевъ отдалъ черезъ меня нѣсколько приказаній въ бригаду; всѣ эти приказанія были такъ осмысленны, такъ практичны, обнаруживали такую наблюдательность и прозорливость, что вмѣстѣ съ лихостью, полнымъ пренебреженіемъ къ опасности, высказанными Скобелевымъ, сразу покорили мое сердце, и я тутъ же сдѣлался пламеннымъ его поклонникомъ. Подойдя къ Ловчѣ со стороны Плевны, (собственно по дорогѣ Слатина-Павликане), выставили мы наши шесть орудій на шоссе, ведущемъ изъ Плевны въ Ловчу, и открыли огонь. Меня очень занимало и даже смѣшило то обстоятельство, что нѣсколько дней тому назадъ я сидѣлъ въ Ловчѣ, какъ разъ тамъ, гдѣ теперь сидятъ турки, а они были на моемъ теперешнемъ мѣстѣ. Наши выстрѣлы, очевидно, не приносили никакого вреда туркамъ, но тѣмъ не менѣе вызвали отвѣтный огонь турецкихъ орудій, которыхъ я насчиталъ шесть. Скобелевъ приказалъ кубанцамъ развернуться по сторонамъ орудій не только для прикрытія ихъ, но и съ цѣлью заставить турокъ яснѣе обнаружить свои силы. Одновременно съ этимъ онъ слѣзъ съ лошади, велѣлъ мнѣ сдѣлать то же, пошелъ на батарею, приказалъ мнѣ сѣсть возлѣ стрѣлявшихъ орудій и считать неприятельскія войска. Мнѣ казалось тогда да

и теперь кажется, что и это онъ сдѣлалъ для того, чтобы зарекомендовать себя. Впослѣдствіи, изъ его разспросовъ о томъ, какъ я себя чувствую, и изъ реляціи, написанной имъ о совокупности нѣсколькихъ дѣлъ подъ Ловчею и Плевною, я могу увѣренно сказать, что кстати, попутно, онъ хотѣлъ и мнѣ сдѣлать экзамень.

Кубанцы на флангахъ батареи маневрировали очень удачно, вызвали появленіе изъ Ловчи черкесовъ, надвигавшихся въ обходъ нашихъ фланговъ, а въ центрѣ турецкой позиціи, вполне явственно обозначались 6 таборовъ. Такимъ образомъ, считая, что въ началѣ войны турецкіе таборы (батальоны) были въ комплектѣ, примѣрно въ 600 человекъ, можно было съ достаточною точностью опредѣлить, что Ловча занята пѣхотою до 4 тысячъ человекъ, при 6 орудіяхъ и толпами черкесовъ и башибузуковъ.

Сидя калачикомъ возлѣ орудій и наблюдая злополучную Ловчу, я зачѣмъ-то оглянулся и къ великому удивленію своему увидѣлъ позади орудій нашихъ какого-то турку, хладнокровно и спокойно взирающаго на Ловчу. Я былъ пораженъ, такъ что вмѣсто того, чтобы приказать сейчасъ его схватить и допросить, принялся его разсматривать, не вѣря своимъ глазамъ. Вижу, что не ошибаюсь: дѣйствительно, настоящій турокъ, чрезвычайно смуглый, очень худой, высокій, съ рѣдкой, черной бородой клиномъ, преспокойно стоитъ, заложивъ руки назадъ, и смотритъ впередъ. Какъ онъ сюда попалъ, рѣшительно не понимаю. Я подошелъ къ Скобелеву и только могъ ему сказать: «Михаилъ Дмитріевичъ, смотрите»... Скобелевъ взглянулъ, отрывисто сказалъ «взять», тотчасъ явились казачкі, смяли турка и утащили назадъ. Но заниматься дальнѣйшей его судьбой было некогда; турецкая пѣхота въ стройномъ порядкѣ, прикрываясь спереди цѣпью стрѣлковъ, а съ фланговъ черкесами, начала правильное наступленіе. Артиллерія ихъ продолжала учащенный огонь, который намъ впрочемъ почти не вредилъ; все перелеты, а иногда медалеты, но пули начали сказываться. Поднялось со всѣхъ сторонъ жужжанье и свистъ. Михаилъ Дмитріевичъ нашелъ, вѣроятно, что уже довольно, да и дѣйствительно дѣлать было нечего. Положимъ, опасности большой не было, насъ все равно не могли бы захватить, но стоять подъ пулями и нести потери было незачѣмъ, тѣмъ болѣе, что къ тому времени силы турокъ были опредѣлены довольно точно, и капитанъ генеральнаго штаба Стромилловъ, состоявшій при Кавказской бригадѣ, окончилъ порученное ему крокл.

Скобелевъ приказалъ отступать уступами. Какъ только началось наше движеніе, черкесы и башибузуки тоже начали насѣдать, такъ что нѣкоторымъ сотнямъ приходилось спѣшиваться, особенно тѣмъ, которыя прикрывали артиллерію. Отступленіе Казачьей бригады происходило въ замѣчательномъ порядкѣ, точно на ученьи.

При отступленіи нашемъ я былъ свидѣтелемъ двухъ интересныхъ случаевъ. Ёдучи позади бригады, рядомъ съ Скобелевымъ, провожаемые артиллерійскимъ огнемъ турокъ, мы были окружены кавказскими казаками, образовавшими конвой генерала. Вдругъ одинъ изъ нихъ, вправо отъ насъ и очень близко, вскрикнулъ, и я увидѣлъ что-то дѣйствительно необычайное: неразорвавшаяся граната упала на спину лошади, позади сѣдла, и мнѣ показалось, что она скатилась черезъ хвостъ, а казакъ, какъ ни въ чемъ не бывало, спрыгнулъ съ лошади. Въ дѣйствительности казакъ-то спрыгнулъ и не былъ даже раненъ, но лошадь была убита.

Немного далѣе, вправо отъ дороги, увидѣлъ я какую-то странную кучу; очевидно, лежалъ человѣкъ, турокъ въ чалмѣ; лежалъ онъ ничкомъ на животѣ, но видны были только голова и верхняя часть туловища. Заинтересованный знать, чтò это такое, направился я въ ту сторону и отлично узналъ того турка, котораго видѣлъ передъ тѣмъ на батареѣ, только ноги его были притянуты къ спинѣ и связаны съ руками, закрученными назадъ. Не успѣлъ я подѣхать вплотную, какъ услышалъ голосъ Скобелева: «*revenez à votre place, il n'y a rien à voir* *)» и когда я къ нему подѣхалъ, то онъ продолжалъ: «*n'aggretez vous jamais à des choses semblables*»); нѣкоторые казаки, слѣдуя моему примѣру, тоже отѣзжали въ сторону, гдѣ лежалъ турокъ, но Скобелевъ сердито приказалъ имъ стать на мѣста.

Я понялъ, что турку прикончили.

Дойдя до Пелишата, Скобелевъ приказалъ полковнику Тутолмину тамъ остановиться съ бригадой, а мнѣ велѣлъ сопровождать его въ Порадимъ къ командиру 11-го корпуса генералъ-лейтенанту кн. Шаховскому, которому Скобелевъ былъ непосредственно подчиненъ.

Михаилъ Дмитріевичъ сильно настаивалъ на необходимости взять Ловчу прежде, чѣмъ предпринимать что-либо противъ Плевны. Этотъ взглядъ раздѣлялъ и кн. Шаховской, но онъ былъ подчиненъ барону Криденеру. Пришлось спросить его, а у барона Криденера къ тому времени были уже положительныя приказанія взять Плевну. Скобелевъ, увлекаясь мыслию о необходимости вернуть утерянную Ловчу, уже сдѣлалъ нѣкоторыя по сему предмету распоряженія, но ихъ пришлось отменить въ виду категорическаго приказанія взять Плевну.

П. Паренсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Вернитесь на мѣсто, нечего тамъ смотрѣть.

*) Никогда не задерживайтесь такими вещами.

Изъ секретной переписки Баркляя-де-Толли въ 1812 году.

1.

Письмо Баркляя-де-Толли князю П. И. Багратиону.

17-го апрѣля. № 1.

По высочайшему повелѣнiю имѣю честь сообщить вашему сіятельству, что его величеству угодно, дабы назначенный во вѣренную вамъ армію корпуснымъ командиромъ 8-го корпуса, генераль-отъ-инфантеріи графъ Каменскій, былъ всегда въ виду вашего сіятельства. Почему корпусъ ему вѣренный никогда не отдѣляйте, а имѣйте оный всегда тамъ, гдѣ ваше сіятельство сами присутствовать будете для того, чтобы графъ Каменскій не могъ, по природному своему обыкновенію, дѣлать по службѣ никакихъ прихотей и лишняго взысканія съ своихъ подчиненныхъ.

2.

Предписаніе адъютанту штабсъ-капитану Чижачеву.

20-го апрѣля. № 2.

Предписываю вашему высокоблагородію по полученіи сего отправиться въ Минскъ съ прилагаемымъ при семъ конвертомъ. Въѣздъ вашъ туда непремѣнно долженъ быть ночью прямо въ домъ къ г. губернатору, гдѣ имѣете вручить ему сей конвертъ и истребовать отъ него надежнѣйшаго чиновника, тотчасъ отправьтесь съ онымъ въ домъ генерала французской службы Володковича, гдѣ, собравъ въ одно мѣсто всѣ его бумаги, немедленно опечатайте, приложивъ къ онымъ печати не только г. Володковича, но вашу и чиновника съ вами посланнаго; и съ оными бумагами отправьтесь обратно ко мнѣ въ Вильно; а г. Володковича от-

650 ИЗ СЕКРЕТНОЙ ПЕРЕПИСКИ БАРКЛАЯ-ДЕ-ТОЛЛИ ВЪ 1812 ГОДУ.

правьте съ фельдъегеремъ, съ вами посылаемымъ, въ Смоленскъ къ гражданскому губернатору съ приложеннымъ при семь конвертомъ, гдѣ имѣеть онъ его, Володковича, сдать и потомъ уже возвратиться обратно въ Вильно.

3.

Предписаніе смоленскому гражданскому губернатору.

20-го апрѣля. № 3.

По высочайшему повелѣнію отправляется къ вашему превосходительству съ фельдъегеремъ изъ Минска генераль французской службы Володковичъ, съ тѣмъ чтобы онъ находился безвыѣздно въ городѣ Смоленскѣ подъ благовиднымъ, но строжайшимъ полицейскимъ надзоромъ. По привозѣ къ вамъ г. Володковича, прошу вашего превосходительства фельдъегеря отправить ко мнѣ обратно въ Вильно.

4.

Предписаніе минскому гражданскому губернатору.

20-го апрѣля. № 4.

Хотя и писалъ я къ вашему превосходительству, чтобы вы отправили г. Володковича въ Смоленскъ съ своимъ чиновникомъ, но находя нужнымъ отправить его съ фельдъегеремъ, съ адъютантомъ штабс-капитаномъ Чихачевымъ для сего отправленнымъ, почему на таковой конецъ и даны ему надлежащія наставленія.

5.

Предписаніе генералу-отъ-инфантеріи князю Багратиону.

9-го мая. № 5.

По высочайшему повелѣнію, честь имѣю сообщить вашему сіятельству, для точнаго исполненія и единственнаго вашего свѣдѣнія:

1) Подъ главнымъ начальствомъ вашимъ, составитя 2-я западная армія около Пружанъ. Въ составъ оной войдутъ: пѣхота: 2-я гренадерская, 26-я и 12-я пѣхотныя дивизіи съ артиллерійскими своими бригадами и сводными гренадерскими баталіонами; кавалерія: 2-я кирасирская, 4-я кавалерійская дивизіи и 6-ть донскихъ казачьихъ полковъ, нынѣ подъ начальствомъ вашимъ состоящіе; артиллерія: вся 3-я резервная артиллерійская бригада, конная донская рота и 1 рота

піонеровъ. Къ симъ войскамъ присоединится сверхъ того и весь 6-й корпусъ, о состояніи коего при семъ препровождаю вѣдомость.

2) По сему назначенію прикажите немедленно онымъ войскамъ слѣдовать къ Пружанамъ, давая имъ повелѣнія ваши о семъ не вдругъ, но по мѣрѣ, когда какая часть выступить должна, дабы въ самой вашей арміи не можно было вдругъ проникнуть цѣли сего движенія.

3) Сами извольте остаться въ Луцкѣ, пока послѣднія войска двинутся. Весьма бы хорошо было, еслибъ можно безъ дальняго круга устроить маршъ войскамъ, болѣе нежели по одной дорогѣ, и тѣмъ ускорить движеніе. Къ каждой части пѣхоты надобно будетъ опредѣлить часть конницы.

4) О расположеніи войскъ около Пружанъ, извольте до прибытія вашего давать свои повелѣнія генералъ-лейтенанту Эссену 1-му, который, по прибытіи вашемъ въ Пружаны, получить другое назначеніе.

5) Главный штабъ арміи—сей извольте составить изъ нынѣ при васъ существующаго и при 6-мъ корпусѣ состоящаго: главнаго и корпуснаго штабовъ.

6) Всѣ остальные войска и чиновники главнаго штаба, ввѣренной вамъ нынѣ арміи поступаютъ въ составъ 3-й резервной арміи, состоящей подъ начальствомъ генерала-отъ-кавалеріи Тормасова, съ коимъ благоволите тотчасъ войти въ сношенія.

7) Извольте наблюдать всевозможныя предосторожности, чтобы движеніе сіе совершилось скоро и быстро и не было преждевременно проникнуто. На сей конецъ удвоить кордоны и не продолжать марша близъ границы.

8) Изъ артиллерійскихъ парковъ прикажите тремъ, въ Поланномъ состоящимъ, перейти въ Пинскъ.

9) Изъ подвижныхъ инвалидныхъ ротъ также двѣ переходятъ во вновь составляемую армію, въ которой съ 1-ю ротою, при 6-мъ корпусѣ находящеюся, состоятъ оныхъ будетъ три.

10) Ордеръ де-баталя сей вновь формируемой арміи при семъ препровождается.

11) Дистанція къ содержанію кордона остается для сей арміи та же самая, которая препоручена была 6-му корпусу, а дистанція, по сіе время 2-ю западною арміею содержанная, передается въ вѣдѣніе генерала-отъ-кавалеріи Тормасова. Какъ о выступленіи войскъ, такъ и о всѣхъ прочихъ вашихъ распоряженіяхъ, ваше сіятельство благоволите меня увѣдомить съ сямъ возвращающимся курьеромъ для доклада государю императору.

Наконецъ, честь имѣю васъ предувѣдомить, что 27-я дивизія выступила 1-го мая изъ Москвы и слѣдуетъ къ вашей вновь вамъ назначенной арміи.

6.

Предписаніе генераль-лейтенанту Эссену 1-му.

10-го мая. № 6.

По высочайшему повелѣнію, имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству копію съ секретнаго моего отношенія къ генералу-отъ-инфантеріи князю Багратіону, для точнаго вашего свѣдѣнія и въ чемъ слѣдуетъ немедленнаго исполненія. По полученіи увѣдомленія отъ князя Багратіона о приближеніи войскъ его арміи къ Пружанамъ, ваше превосходительство тотчасъ въ то время войска ввѣреннаго вамъ 6-го корпуса расположите правѣе и дайте квартиры идущимъ полкамъ 2-й арміи. Все вышепрописанное прощу вашего превосходительства содержать въ непроницаемой тайнѣ, такъ чтобы сего никто не могъ знать даже изъ приближенныхъ вашихъ, и всякое исполненіе по сему предмету не оставьте писать своею рукою.

7.

Письмо генераль-лейтенанту Эссену 1-му.

10-го мая. № 7.

Милостивый государь мой,
Иванъ Николаевич!

По существующимъ обстоятельствамъ, городъ Рига есть важный для насъ пунктъ, почему государь императоръ, не надѣясь на военные таланты и достоинства генерала-отъ инфантеріи князя Лобанова-Ростовскаго, повелѣтъ соизволилъ немедленно ему отправиться къ новому назначенію, а вашему превосходительству поручаетъ защиту сего важнаго пункта отъ нападенія непріятельскаго и подчиняетъ въ команду вашу всѣ войска, тамъ находящіяся. Его величество, удостовѣривъ будучи съ давняго времени въ военныхъ вашихъ достоинствахъ, заботливости и усердіи къ службѣ, остается въ полной надеждѣ, что ваше превосходительство оправдаете сію высочайшую къ вамъ милость въ предназначенномъ вамъ мѣстѣ. Объявля высочайшую волю вашему превосходительству, я долгомъ себя поставлю увѣдомить васъ, что по полученіи извѣщенія о приближеніи войскъ 2-й арміи къ новымъ квартирамъ, тотчасъ получите ваше превосходительство отъ меня повелѣніе объ отъѣздѣ вашемъ изъ нынѣшняго мѣста къ новому назначенію въ Ригу. Въ то же время о семъ формально объявится.

8.

Предписаніе генералу-отъ-кавалеріи Торماسову.

12-го мая. № 8.

По высочайшему повелѣнію, ввѣренная вамъ 3-я западная армія усиливается войсками отъ арміи князя Багратіона, а въ какомъ числѣ она теперь состоять будетъ при семъ прилагаю вѣдомость, съ остальными же войсками 2-й западной арміи князь Багратіонъ перейдетъ къ Пружанамъ, слѣдственно дистанція прежде ему порученная перейдетъ въ вѣдѣніе вашего высокопревосходительства и съ тѣмъ вмѣстѣ поручается вамъ сверхъ наблюденія австрійцевъ, также и наблюденіе Варшавскаго герцогства. По сему благоволите ваше высокопревосходительство войти въ сношенія съ княземъ Багратіономъ, дабы назначить пункты, на которыхъ войска, отъ него отходящія, должны быть вами сосредоточены, имѣя въ виду вышеизъясненныя обязанности, а равно также прикрытіе и обезпечиваніе большихъ нашихъ запасовъ, около Луцка имѣющихся. А затѣмъ прошу вашего высокопревосходительства доставить мнѣ черезъ сего нарочно посланнаго къ вамъ курьера обстоятельныя свѣдѣнія о всѣхъ вашихъ распоряженіяхъ и росписаніе войскамъ по корпусамъ, для доклада государю императору.

Сообщ. А. З. Мышлаевскій

Порученіе фельдмаршала князя Варшавскаго сдѣлать выписку изъ сочиненій князя Курбскаго о порядкахъ, бывшихъ въ войскахъ въ XVI столѣтіи.

Письмо фельдмаршала—Ивану Михайловичу Викинскому.

11-го іюня 1844 г., Варшава.

Зная, съ одной стороны, до какой степени вы любите заниматься всѣми предметами, относящимися до обязанности на васъ возложенной, а съ другой—будучи увѣренъ, что никто отчетливѣе и скорѣе вашего превосходительства не исполнитъ моихъ приказаній, я препровождаю къ вамъ одинъ экземпляръ вновь вышедшей и доставленной ко мнѣ книги: Князь Курбскій, въ 4-хъ частяхъ, съ тѣмъ, чтобы вы приказали сдѣлать изъ нея выписки въ военномъ отношеніи и доложили бы мнѣ лично: не было ли въ XVI-мъ столѣтіи какого-либо отступленія отъ порядка въ войскахъ, противу нынѣ соблюдаемыхъ правилъ.

Сообщилъ Н. Викинскій.

Изъ дневника П. Г. Дивова¹⁾.

1830 г.

нваря 7-го. У графа Нессельроде былъ большой обѣдъ въ честь турецкихъ посланниковъ, на коемъ присутствовали они съ ихъ свитою, состоящей изъ 8 человекъ. Обѣдъ былъ роскошный и сопровождался музыкой. На этотъ обѣдъ были приглашены только члены Государственнаго Совѣта и нѣсколько важнѣйшихъ сановниковъ. Дипломатическій корпусъ не былъ приглашенъ потому, что графъ хотѣлъ оказать почетъ туркамъ, а это было бы невозможно согласовать съ этикетомъ.

Послѣ обѣда я бесѣдовалъ довольно долго съ прусскимъ генераломъ Муфлингомъ о принцессѣ нидерландской, будущей супругѣ принца Альберта прусскаго. Онъ сообщилъ мнѣ, что прусскій король поѣдетъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Брюссель, чтобы присутствовать на бракосочетаніи своего сына. Говоря о семейномъ счастіи своего монарха и объ его прекрасныхъ дѣтяхъ, онъ сказалъ между прочимъ, что король не можетъ забыть своей покойной супруги, которой память по справедливости читается въ Пруссіи.

Въ тотъ же день генераль-губернаторъ Кутузовъ уволенъ въ отставку, съ сохраненіемъ званія генераль-адъютанта и члена Государственнаго Совѣта. Ему данъ очень лестный рескриптъ; на его мѣсто назначенъ оренбургскій генераль-губернаторъ, генераль-лейтенантъ Эссенъ. Это свидѣтельствуетъ, что нѣмецкій элементъ въ силѣ, ибо на это мѣсто прочли Горгоди и Храповицкаго.

Инваря 8-го. День моего рожденія. Я узналъ съ величайшимъ изу-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, 1898 г. № 12.

мленіемъ, что вице-канцлеръ пригласилъ на балъ нѣкоторыхъ служащихъ своей канцеляріи, а меня не увѣдомилъ ни словомъ.

Января 11-го. Сегодня по утру я получилъ отъ вице-канцлера приглашеніе на балъ и письмо Полѣнова, объясняющее, что почтальонъ затерялъ мой пригласительный билетъ, ну, да все-равно. Я отправился на этотъ балъ, гдѣ было до 300 приглашенныхъ. Дворъ пріѣхалъ въ 10¹/₂ ч., когда балъ уже начался. При 300 приглашенныхъ въ квартирѣ вице-канцлера было тѣсно. Его помѣщеніе, стѣсненное глупой пристройкою—некрасиво; впрочемъ, все было прекрасно обставлено. Столы были отлично сервированы, лакеи и официанты одѣты прекрасно, но 50 человекъ ужинали въ корридорѣ. Это напоминало монастырскую трапезу.

Января 15-го. Сегодня былъ большой балъ у оберъ-церемоніймейстера графа Потоцкаго, стоившій 18 тысячъ рублей. На этомъ балу былъ дворъ; для императрицы была устроена отдѣльная уборная.

Января 28-го. Турецкіе посланники Галиль-паша и его товарищъ были приняты императоромъ въ торжественной аудіенціи. Всѣ залы дворца, начиная съ комнатъ покойной вдовствующей императрицы, вплоть до Георгіевской залы были заняты кавалергардами и конногвардейцами. Императоръ принялъ турецкихъ посланниковъ, стоя на второй ступени трона, имѣя по правую руку императрицу, а по лѣвую великаго князя Михаила Павловича. Вручая его величеству свои вѣрительныя грамоты, послы произнесли рѣчь. Имъ отвѣчали по установившемуся обычаю; затѣмъ ихъ провели въ Эрмитажъ, гдѣ императоръ бесѣдовалъ съ ними, между тѣмъ какъ императрица прослѣдовала въ тронное зало, гдѣ ей представлялись послы. Вечеромъ во дворцѣ былъ балъ на 1.000 человекъ. Турки появились въ своихъ новыхъ военныхъ мундирахъ, совершенно отличныхъ отъ прежнихъ, имѣя на головѣ, вмѣсто чалмы, что-то въ родѣ казацкой шапки безъ мѣха.

Балы идутъ своимъ чередомъ.

Появилось нѣсколько приказовъ, коими предоставлена министрамъ болѣе обширная власть, въ ущербъ авторитету монарха. Путаница, царствующая въ законодательствѣ, увеличивается съ каждымъ днемъ, вслѣдствіе того, что поминутно издаются новые законы въ то самое время какъ вырабатывается новый сводъ законовъ.

Февраля 13-го. Въ домѣ Энгельгарда былъ общественный маскарадъ, на которомъ присутствовалъ императоръ съ императрицей. На слѣдующій день былъ маскарадъ въ зданіи Удѣловъ; присутствующіе щеголяли дорогостоящими костюмами. Такъ проходитъ день-за-днемъ въ танцахъ и всякаго рода увеселеніяхъ. Императрица предается удовольствіямъ отъ всей души, а императора влечетъ къ нимъ любовь къ своей супругѣ.

Марта 3-го. Императоръ уѣхалъ въ военные поселенія со своимъ зятемъ, принцемъ Альбертомъ прусскимъ, его ожидали къ 6-му, но 5-го числа вечеромъ получено извѣстіе, что его величество пожелалъ сопровождать принца Альберта въ Москву. Это неожиданное извѣстіе произвело впечатлѣніе на дипломатическій корпусъ, но не на публику, которая привыкла къ частымъ отлучкамъ государя въ предъидущее царствованіе.

Марта 14-го. Императоръ вернулся изъ Москвы, совершивъ этотъ путь въ 36 часовъ. Это большая быстрота.

Марта 27-го. Весь этотъ мѣсяцъ говорили о разныхъ преобразованіяхъ въ чиновной іерархіи, о перемѣнѣ календаря, что вызвало оживленныя пренія въ Государственномъ Совѣтѣ, такъ какъ не всѣ члены сошлись во мнѣніи относительно этого предмета. Наконецъ, по представленіи министра народнаго просвѣщенія, императоръ снялъ, 25-го марта, съ очереди вопросъ о перемѣнѣ календаря, который могъ повести къ безчисленнымъ затрудненіямъ при празднованіи памяти святыхъ и при богослуженіи вообще.

Апрѣля 21-го. Тезоименитство императрицы. Министръ двора, князь Волконскій, получилъ портретъ императора. Надобно полагать, что это не пришлось по вкусу ни графу Кочубею, ни князю Александру Голицыну. Нѣкоторымъ лицамъ пожалованы мѣяе значительныя награды. Я замѣтилъ сближеніе, происшедшее между министромъ внутреннихъ дѣлъ Закревскимъ и начальникомъ тайной полиціи генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ. Должно быть, они хотятъ дѣйствовать заодно противъ партіи Кочубея. Мнѣ кажется также, что придворныя интриги увеличиваются съ каждымъ днемъ и что всѣ стараются вытѣснить одинъ другаго. Графъ Сухтеленъ назначенъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ на мѣсто Головина, котораго вообще не хвалятъ; его обвиняютъ также въ несчастьи, постигшемъ л.-гв. Егерскій полкъ подъ Варною.

Апрѣля 27-го. Я получилъ, по старинному обычаю, копію съ указа, коимъ я назначенъ временно управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, въ отсутствіе вице-канцлера.

Мая 16-го. Повѣренный въ дѣлахъ Франціи, баронъ де-Бургуэнъ, заѣхалъ ко мнѣ, не предупредивъ меня о своемъ посѣщеніи, и сказалъ, что ему поручено его дворомъ сообщить нашему двору слѣдующее, относительно греческихъ дѣлъ: 1-е Франція желаетъ, чтобы инструкціи, которыя получаютъ посланники трехъ державъ въ Греціи, были тождественны; 2-е чтобы никакая посторонняя держава не участвовала въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя будутъ приняты тремя дворами, подписавшими протоколъ о греческихъ дѣлахъ, но она находитъ, что необходимо склонить всѣ европейскія державы къ признанію независимости

Греціи. Де-Бургуэнъ спросилъ меня, въ какой формѣ слѣдуетъ ему сдѣлать это сообщеніе? «Въ видѣ неофициальной ноты,—отвѣчалъ я,— которую я перешлю въ воскресенье въ Варшаву». На слѣдующій день онъ прислалъ мнѣ пакетъ на имя вице-канцлера, который я отправилъ ему, не вскрывая, 18-го числа.

Мая 20-го. Повѣренный въ дѣлахъ Франціи заѣхалъ ко мнѣ неожиданно и думалъ сбить меня съ толку, прочитавъ мнѣ полученную имъ официальную депешу о предполагаемой экспедиціи въ Алжиръ, но такъ какъ съ тою же почтою ему была доставлена еще шифрованная депеша и такъ какъ онъ говорилъ со мной о дѣлахъ Греціи, то я подумалъ, что шифрованная депеша касается этихъ же дѣлъ, и поэтому послалъ ее графу Нессельроде, въ надеждѣ, что г. Струве, который дешифрируетъ депеши, удастся найти ключъ къ ней.

Мая 22-го. Я видѣлся съ графомъ (Нессельроде) и бесѣдовалъ съ нимъ о текущихъ дѣлахъ; онъ не думалъ, чтобы принцъ Леопольдъ отказался отъ Греціи, а два часа спустя, насъ извѣстия объ его отказѣ изъ Лондона и Дрездена. Говоря о Франціи, вице-канцлеръ выразился, что она сама не знаетъ, чего хочетъ относительно Греціи, и что русскому посланнику даны на всякій случай инструкціи на этотъ счетъ. Мнѣ показалось, что графъ очень озабоченъ, и я думаю, что императоръ охладѣлъ къ нему и что ему готовятъ преемника, о чемъ многіе уже поговариваютъ.

Іюня 6-го. Повѣренный въ дѣлахъ Пруссіи, графъ Галенъ, сообщилъ мнѣ, по повелѣнію своего двора, что его величество король прусскій былъ бы очень доволенъ, если бы его зять, герцогъ Карлъ мекленбургскій, командующій гвардіей, былъ избранъ на греческій престолъ вмѣсто герцога Леопольда кобургскаго, отказавшагося отъ этого престола въ то время, когда державы, заинтересованныя въ этомъ дѣлѣ, уже изъявили свое согласіе на его избраніе. Я отвѣчалъ, что доведу о желаніи его монарха до свѣдѣнія императора. Воспользовавшись свиданіемъ съ графомъ Галеномъ, я спросилъ его, извѣстны ли ему слухи, распространяемые газетами о королевскомъ принцѣ (который въ порывѣ запальчивости будто бы убилъ человѣка). Онъ отвѣчалъ, что это, вѣроятно, выдумка, ибо король дозволилъ принцу пріѣхать вмѣстѣ съ прочими членами королевскаго семейства въ Фишбахъ; такъ какъ король прусскій очень строгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что онъ не допустилъ бы принца на это семейное собраніе, если бы этотъ слухъ былъ вѣренъ; къ тому же королевскій принцъ кротокъ, какъ агнецъ; поэтому графъ считаетъ этотъ слухъ пустой басней.

Іюня 7-го. Князь Александръ Голицынъ просилъ меня сообщить ему какъ можно скорѣе всѣ свѣдѣнія о свитѣ, которая будетъ сопрово-

ждать шведскаго королевскаго принца Оскара; я отвѣтилъ ему въ десятомъ часу утра, что принцъ пріѣдетъ на фрегатѣ «Эвридика»; подъ команду Гилленграната, который уходитъ изъ Стокгольма 16-го (28-го) числа, и что его свита будетъ состоять изъ оберъ-шталмейстера графа Брюле, камергера и капитана гвардіи барона Мунка, адъютанта маіора Пайрона и придворнаго врача Тильнинга. Я сообщилъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ, что морское начальство находится въ затрудненіи относительно салюта принцу съ крѣпости и что я могъ представить князю Меншикову единственный примѣръ Хозревъ-мирзы, которому салютовали, какъ великому князю, 21 пушечнымъ выстрѣломъ.

1 юня 13-го. Ея императорское высочество великая княгиня Елена Павловна назначила 15-го числа представленіе ей маркиза Презенде, чрезвычайнаго полномочнаго посла императора бразильскаго, о чемъ я извѣстилъ его письмомъ.

Въ тотъ же день были получены отъ всѣхъ дворовъ депеши, касавшіяся греческихъ дѣлъ; намъ писали отовсюду, что вслѣдствіе отказа отъ престола принца Леопольда кобургскаго, необходимо избрать новаго монарха и что на этотъ престолъ является уже много претендентовъ. Англія стоитъ, повидимому, за принца Фридриха нидерландскаго. Франція ставитъ условіемъ (изъ принципа), чтобы выборъ былъ сдѣланъ изъ новыхъ кандидатовъ. Она высказывается рѣшительно противъ принца нидерландскаго и, кажется, намѣрена предложить принца Вильгельма прусскаго, командующаго войсками въ Дюссельдорфѣ. Съ другой стороны, Пруссія горячо желаетъ, чтобы выборъ палъ на зятя прусскаго короля, принца мекленбургскаго. Любопытно знать, чѣмъ все это кончится; несомнѣнно, что президентъ Греціи, графъ Капо д'Истріа, запутываетъ это дѣло и отговаривается невозможностью отозвать войска съ той территоріи, которая должна быть возвращена Портѣ. Однимъ словомъ, врядъ ли это дѣло кончится мирнымъ путемъ.

1 юня 14-го. Я отдалъ визитъ бразильскому посланнику, маркизу Презенде, который бесѣдовалъ со мною о слѣдующихъ предметахъ: во-первыхъ, онъ описалъ князя Меттерниха, какъ человѣка самаго коварнаго, который, устроивъ Презенде аудіенцію у императора, все-таки заставилъ его подписать протоколъ о Португальскихъ дѣлахъ (что даетъ князю возможность вмѣшиваться въ эти дѣла); затѣмъ, онъ сказалъ, что, будучи уполномоченъ своимъ дворомъ пригласить нѣсколькихъ австрійскихъ офицеровъ для организаціи бразильской арміи, маркизь былъ вынужденъ прекратить эти переговоры, такъ какъ ему было заявлено, что надобно пригласить и австрійскаго генерала и облечь его властью главнокомандующаго. Онъ приписываетъ всѣ волненія, происходящія въ Америкѣ, интригамъ лондонскаго кабинета и выражаетъ желаніе, чтобы нѣкоторымъ русскимъ офицерамъ было разрѣшено от-

*

правиться въ Бразилію для того, чтобы организовать военные поселенія по образцу русскихъ. Между прочимъ, онъ сказалъ, что португальское правительство, желая предупредить интриги англичанъ въ торговыхъ сношеніяхъ, которыя установятся, вѣроятно, между Россіей и Бразиліей, намѣрено командировать правительственнаго комиссара для закупки за счетъ казны тѣхъ предметовъ, которые нужны въ Бразиліи, и для выписки оттуда разныхъ вещей, которыя могутъ найти легкій и выгодный сбытъ въ Россіи; Англія добивается раздробленія Бразиліи. Видя военные успѣхи этой имперіи въ борьбѣ съ сосѣдними республиками, она угрожаетъ стать въ ряды противниковъ, если миръ не будетъ заключенъ въ теченіе 6 мѣсяцевъ.

Іюня 16-го. Шведскій посланникъ переговорилъ со мною объ этикетѣ, который будетъ соблюдаться во время посѣщенія шведскаго королевскаго принца. Я далъ ему прочесть правила, установленныя главными европейскими дворами въ 1822 г., по поводу пріѣзда датскаго королевскаго принца, въ которыхъ говорится, что королевскіе принцы должны первые отдать визитъ посланникамъ. Кромѣ того, онъ просилъ меня позаботиться, чтобы шведскій генеральный консулъ былъ приглашенъ ко двору.

Іюня 20-го. Австрійскій посланникъ просилъ у меня свиданія и высказалъ мнѣ свои опасенія по поводу того, чтобы новая организація Молдавіи и Валахіи, выработанная г. Минчаки, не нанесла ущерба привилегіямъ, коими пользуется въ этихъ провинціяхъ Австрія, въ силу договоровъ, заключенныхъ съ Турціей до Адрианопольскаго трактата. Онъ просилъ меня сообщить ему все, касающееся этого вопроса, прежде, чѣмъ представить проектъ новой организаціи на утвержденіе императора. Я отвѣчалъ, что, въ виду ожидаемаго возвращенія государя, я поспѣшу передать все сказанное имъ тому, кто будетъ дѣлать докладъ по этому предмету его величеству. Затѣмъ онъ говорилъ о вольномъ городѣ Бродахъ и просилъ меня убѣдить министра финансовъ не издавать новыхъ постановленій по финансовой части, до полученія окончательнаго рѣшенія его двора, который предлагаетъ ограничить привилегіи этого города для того, чтобы Россія не считала его болѣе складочнымъ мѣстомъ контрабандной торговли.

Іюня 22-го. Я получилъ приказъ о томъ, что князь Ливень (Лондонскій) будетъ докладчикомъ по всѣмъ дѣламъ внѣшней политики, а я буду, по-прежнему, управлять дѣлами коллегіи.

Іюня 24-го. Вице-канцлеръ прислалъ мнѣ изъ Варшавы нѣсколько указовъ, помѣченныхъ 19-мъ числомъ. Въ крайне любезномъ письмѣ графъ высказываетъ, что князь Ливень, которому порученъ временно портфель министра иностранныхъ дѣлъ, отвесится ко мнѣ очень добро-

желательно, и выражаетъ надежду, что мы останемся довольны другъ другомъ.

Іюня 28-го. Приѣхалъ князь Ливенъ. Я тотчасъ отправился къ нему и передалъ мой разговоръ съ бразильскимъ и австрійскимъ посланниками. Въ 12 ч. онъ приѣхалъ въ канцелярію и высказалъ мнѣ, въ присутствіи Родофиникина, что онъ очень признателенъ вице-канцлеру и не желаетъ измѣнять порядокъ веденія дѣлъ, принятый графомъ Нессельроде, а поэтому проситъ насъ указывать ему на тѣ невольныя отступленія, которыя онъ можетъ сдѣлать. Меня особенно удивило, что онъ въ тотъ же день былъ у меня съ визитомъ. Я обѣдалъ въ это время и не могъ принять его.

Іюня 30-го. Я отправился вечеромъ въ Петергофъ, гдѣ мнѣ отвели помѣщеніе въ Англійскомъ дворцѣ, вмѣстѣ съ дипломатическимъ корпусомъ. Я обязанъ этой любезности почтъ-директору князю Голицыну, который позаботился обо мнѣ. Я видѣлъ тамъ весь дипломатическій корпусъ, съ которымъ обѣдалъ. На этомъ парадномъ обѣдѣ отсутствовали только англійскій посланникъ, получившій въ этотъ день извѣстіе о кончинѣ короля. Австрійскій посланникъ заговорилъ со мною о новой организаціи Молдавіи и Валахіи; я совѣтовалъ ему коснуться этого вопроса въ разговорѣ съ княземъ Ливеномъ, при первомъ же свиданіи, чтобы онъ сильнѣе запечатлѣлся въ памяти князя и чтобы не пришлось брать обратно проекта, когда онъ будетъ уже подписанъ императоромъ.

Тотчасъ послѣ обѣда я поѣхалъ въ городъ на *baise-mains*. Императрица сказала мнѣ нѣсколько словъ по-русски, что мнѣ было очень пріятно. Послѣ *baise-mains* мы привѣтствовали принца Оскара. Во дворецъ съѣхалось очень мало народа, такъ что безъ камергеровъ и придворныхъ чиновъ зало было бы пусто.

Іюля 3-го. Много толкуютъ о наказаніи, которому былъ подвергнутъ, по повелѣнію императора, одинъ командиръ линейнаго корабля за то, что матросъ, стоявшій на часахъ на верху мачты, далъ знать о приѣздѣ императора, котораго встрѣтили, вопреки его приказанію, со всѣми почестями. Командиръ посаженъ на бакъ—наказаніе, которому подвергали прежде только однихъ нижнихъ чиновъ.

Черезъ Стокгольмъ получено извѣстіе объ объявленіи войны Марокко.

Сообщая объ этомъ кн. Ливену въ Петергофъ, я спросилъ его, не сочтетъ ли его величество умѣстнымъ дать знать объ этомъ въ Одессу гр. Воронцову и подлежащимъ властямъ. Кн. Ливенъ оставилъ мое письмо безъ отвѣта, но, вернувшись на слѣдующій день изъ Петергофа, сказалъ мнѣ, что такъ какъ вице-канцлеръ не счелъ нужнымъ принять что-либо по этому поводу въ то время, когда это извѣстіе

было получено изъ Мадрида, то онъ считаетъ себя обязаннымъ поступить точно также.

1 июля 16-го. Англійскій посланникъ заѣзжалъ наканунѣ въ канцелярію, но не засталъ меня. Оказалось, что онъ хотѣлъ сообщить мнѣ свои вѣрительныя грамоты, на имя императора и императрицы. Затѣмъ мы бесѣдовали о постороннихъ предметахъ; онъ сказалъ мнѣ, что императоръ выразилъ ему свое удовольствіе по поводу депешъ гр. Матусевича, что княгиня Ливенъ вернулась въ Лондонъ и состоитъ въ перепискѣ со своимъ братомъ, Бенкендорфомъ; это обстоятельство вредитъ иногда дѣламъ, самъ же кн. Ливенъ лѣнивъ. Наконецъ, упомянувъ о вліяніи лорда Веллингтона, англійскій посланникъ сказалъ, что распущеніе парламента и вторичное избраніе новыхъ членовъ придастъ жизненность нынѣшнему министерству. Парламентъ состоитъ изъ трехъ разномыслящихъ партій: каннинговъ, виговъ и людей, коихъ вездѣ много, т. е. такихъ, которые идутъ туда, куда дуетъ вѣтеръ, и готовы примкнуть къ любой партіи смотря по тому, на чьей сторонѣ сила. Лица, составившія только-что распущенный парламентъ, не въ состояніи, по его мнѣнію, сформировать новое министерство, такъ какъ оппозиція совершенно расходится съ ними во взглядахъ; было бы весьма желательно, чтобы король нашелъ человѣка, способнаго преданно служить ему и быть его достойнымъ представителемъ въ нижнемъ парламентѣ. На этомъ нашъ разговоръ окончился.

1 июля 23-го. Я былъ приглашенъ на обѣдъ къ шведскому посланнику; на этомъ обѣдѣ, на которомъ былъ только дипломатическій корпусъ и принцъ Оскаръ, англійскій и австрійскій посланники сидѣли по правую и по лѣвую руку отъ королевскаго принца; я сидѣлъ по правую руку отъ шведскаго посланника. За обѣдомъ и по окончаніи его я наблюдалъ за шведскимъ принцемъ и подмѣтилъ въ его обращеніи совѣми говорившими съ нимъ нѣкоторую фамильярность, напоминающую вольность обращенія, которая характеризуетъ военныхъ. Нѣсколько дней спустя послѣ этого обѣда, принцъ уѣхалъ на своемъ фрегатѣ въ Стокгольмъ, послѣ того какъ ему былъ оказанъ самый лестный приемъ, какъ бы подтвердившій актъ признанія правъ на шведскій престолъ семьи Бернадотта. За два дня до отъѣзда шведамъ, состоявшимъ въ его свитѣ, были пожалованы русскіе ордена: гр. Браге—орденъ Бѣлаго Орла, а прочимъ лицамъ св. Анны 2 ст. съ алмазами и безъ оныхъ.

1 июля 27-го. Получено извѣстіе о рѣшительномъ поступкѣ французскаго короля, который уничтожилъ свободу прессы и отмѣнилъ выборы, произведенные въ новую палату депутатовъ, которая не имѣла еще ни одного засѣданія. Онъ назначилъ новые выборы. Я не предвижу ничего хорошаго отъ этихъ насильственныхъ мѣръ.

1 июля 29-го. Въ ночь съ 29-го на 30-ое число получено извѣстіе

о революціи въ Парижѣ. Король бѣжалъ изъ столицы. Гвардія, жандармы и слуги короля стрѣляли въ народъ, который взялся за оружіе. Съ той и съ другой стороны убито отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ человѣкъ. Палата депутатовъ собралась сама и объявила, что не разойдется, не окончивъ дѣла. Немедленно была организована національная гвардія; начальство надъ нею принялъ маркизь ля-Файетъ. Затѣмъ герцогъ Орлеанскій принялъ, по просьбѣ временнаго правительства, званіе регента.

Августа 2-го. Прибылъ курьеръ отъ графа Поццо-ди-Борго, привезшій подробныя извѣстія объ этомъ событіи. При полученіи первыхъ извѣстій, императоръ былъ весьма огорченъ и тотчасъ уѣхалъ въ Финляндію, куда ему посылаютъ всѣ бумаги. На почтѣ задержаны всѣ газеты.

Августа 3-го. Почтовая цензура газетъ и журналовъ получила приказаніе пропускать только тѣ статьи, которыя будутъ напечатаны въ прусской «*Staatszeitung*». Не знаю, какъ они исполнять это приказаніе, ибо въ этой газетѣ помѣщаются подробныя свѣдѣнія объ всемъ происходящемъ во Франціи.

Августа 4-го. Въ Парижъ, Лондонъ и къ другимъ дворамъ посланы курьеры съ приказаніемъ, чтобы всѣ русскіе выѣхали изъ Франціи. Этотъ циркуляръ разосланъ повсюду. Говорятъ, будто король отрекся отъ престола, но положительнаго ничего не извѣстно. Маршалъ Мармонтъ остался вѣренъ своему монарху и сражался съ войсками противъ инсургентовъ, къ которымъ примкнуло нѣсколько линейныхъ полковъ. Мятежники нацѣпили снова трехцвѣтную кокарду, подняли трехцвѣтное знамя и уничтожили на всѣхъ казенныхъ и частныхъ зданіяхъ вывѣски съ гербомъ Бурбоновъ.

Августа 7-го. Военный министръ сообщилъ министру иностранныхъ дѣлъ повелѣніе императора не допускать на французскихъ судахъ трехцвѣтнаго флага и употребить силу въ томъ случаѣ, если прибывшія подъ этимъ флагомъ суда захотятъ войти, несмотря на запрещеніе. Мнѣ кажется, что эта мѣра слишкомъ поспѣшная.

Августа 8-го. Я видѣлся съ княземъ Ливеномъ и рѣшительно высказалъ ему свое мнѣніе о необходимости не пропускать въ русскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, издаваемыхъ Академіей, никакихъ извѣстій о событіяхъ, волнующихъ Францію, упомянувъ только вкратцѣ о безпорядкахъ, бывшихъ въ Парижѣ. Князь возразилъ мнѣ, что цивилизація сдѣлала въ Россіи такіе успѣхи, что, по его мнѣнію, немисливо скрывать отъ публики этихъ событийъ. Я замѣтилъ, что толки, которые это можетъ возбудить въ обѣихъ столицахъ, ничего не значатъ; но надобно остерегаться приподнять завѣсу въ провинціи, гдѣ читающая публика просматриваетъ газеты отъ нечего дѣлать; въ особенности же не

слѣдуетъ говорить о томъ, что къ возставшему народу присоединились войска.

Затѣмъ мы вспоминали о событіи 14-го декабря, коимъ сопро-вождалось восшествіе на престолъ нынѣ царствующаго императора, о томъ, какъ грустилъ императоръ Александръ, знавшій о существованіи заговора. Князь разсказалъ мнѣ по этому случаю, что когда онъ вернулся изъ Англіи, въ 1821 г., то императоръ предложилъ ему однажды поѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ его экипажѣ въ Павловскъ; чувствуя потребность облегчить свое сердце, государь заговорилъ о тѣхъ личностяхъ, коихъ онъ считалъ причастными къ тайнымъ обществамъ, преступная дѣятельность которыхъ обнаружилась послѣ его кончины; въ числѣ этихъ лицъ онъ назвалъ между прочимъ пятерыхъ, постоянно съ нимъ обѣдавшихъ, и нѣкоторыхъ другихъ, оказавшихся впослѣдствіи невинными. Слущая императора, князь Ливенъ подумалъ сначала, что онъ не вполне здоровъ, но по мѣрѣ того какъ государь говорилъ все откровеннѣе, князь убѣждался, что его величество имѣетъ, вѣроятно, какія либо свѣдѣнія о существованіи заговора.

Окончивъ этотъ разговоръ, мы перешли къ дѣламъ Франціи; «къ счастью, все идетъ тамъ законнымъ путемъ,—замѣтилъ князь,—но за будущее нельзя ручаться». Я сказалъ, что пока европейскія державы не признаютъ нынѣшняго правительства, трудно будетъ вести переговоры съ Франціей; отреченіе отъ престола короля, дофина и всей старшей линіи Бурбоновъ предупредило междоусобную войну, но положеніе дѣлъ остается совершенно неопредѣленнымъ; по моему мнѣнію, надобно выждать дальнѣйшихъ событій прежде, нежели принять какія бы то ни было мѣры.

Августа 9-го. Прибылъ курьеръ отъ графа Поццо-ди-Борго съ извѣстіемъ о вступленіи на престолъ герцога Орлеанскаго подъ именемъ Филиппа VII. Палата депутатовъ и палата пэровъ, принимая во вниманіе положеніе страны и желая предупредить могущіе произойти беспорядки, рѣшили почти единогласно, что въ виду теперешнихъ обстоятельствъ нельзя возвести на престолъ малолѣтняго герцога Бордосскаго, въ пользу котораго отrekliсь отъ престола Карлъ X и дофинъ. Герцогъ Орлеанскій принялъ предложеніе націи, которую изображали пэры и депутаты, и хартія была измѣнена. Русскій посланникъ, извѣщая нашъ дворъ объ этомъ событіи, далъ понять, что намъ надобно признать это правительство законнымъ. Такимъ образомъ, Европа будетъ обязана своимъ спокойствіемъ уму этого дипломата, ибо нашъ кабинетъ послѣдовалъ его совѣту, отмѣнивъ сдѣланныя имъ уже распоряженія довольно враждебнаго характера относительно новаго правительства Франціи.

Августа 10-го—15-го. Петербургскія газеты, вышедшія 12-го августа, заговорили въ тонѣ, соответствующемъ принятому нами рѣшенію.

т. е. нашему намѣренію признать короля Филиппа законнымъ монархомъ. Говоря о трехцвѣтномъ флагѣ и кокардѣ, ихъ не называли болѣе трехцвѣтными, а говорили: новый государственный флагъ и кокарда бѣлаго, голубаго и краснаго цвѣта. Вообще, я замѣчаю во всемъ излишнюю торопливость, не соответствующую важности событій: къ счастью, мы избрали въ концѣ концовъ самый благоразумный путь, т. е. отмѣнили распоряженія, сдѣланныя нѣсколько дней передъ тѣмъ.

Августа 15-го и 16-го. Желая обставить какъ можно приличнѣе событія, происшедшія во Франціи, нами посланы курьеры ко всѣмъ главнымъ Европейскимъ дворамъ. Въ нашихъ сообщеніяхъ говорилось, что мы не хотимъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, но намѣрены признать нынѣшнее ея правительство лишь тогда, когда оно окончательно упрочится.

Мы считали герцога Орлеанскаго, какъ регента, законнымъ правителемъ Франціи, но въ то же время какъ будто намѣревались поддерживать права герцога Бордосскаго, въ пользу котораго Карлъ X и его сынъ дофинъ отреклись отъ престола. Никто не думалъ поддерживать права Карла X и его сына, добровольно отрекшихся отъ престола, но видимо никто не хотѣлъ признавать правъ Людовика-Филиппа, избраннаго палатами. Какъ уладить это дѣло, право, не знаю. Съ другой стороны, нашъ дворъ какъ будто хочетъ дѣйствовать противъ Франціи совмѣстно съ прочими державами.

Событія, видимо, осложняются и, вѣроятно, разразятся какою-либо катастрофой; непризнание короля, получившаго престолъ не милостью Божьей, а вслѣдствіе избранія палаты или народа, можетъ поставить Европу въ чрезвычайно опасное положеніе въ будущемъ. Какимъ образомъ будутъ вести переговоры съ регентомъ французскаго королевства, когда эта страна не признаетъ существованія малолѣтняго монарха?

Августа 21-го. Въ Петербургъ пріѣхалъ адъютантъ французскаго короля Людовика-Филиппа, генераль Аталинь; въ тотъ же день онъ имѣлъ совѣщаніе съ княземъ Ливеномъ, а на слѣдующій день былъ представленъ императору въ Царскомъ Селѣ. Согласно рѣшенію, принятому петербургскимъ кабинетомъ, ему будетъ, вѣроятно, заявлено, что новое правительство будетъ признано Россіей, какъ только состоится его признание союзными державами; такимъ образомъ, въ случаѣ, если намъ придется обнажить мечъ противъ безчинствъ, совершаемыхъ во Франціи, мы будемъ дѣйствовать совмѣстно съ прочими державами, не заключая новыхъ обязательствъ и не возобновляя прежнихъ. Король прусскій, первый рѣшительно призналъ *statu quo*, существующій во Франціи; Англія была вынуждена къ тому своими принципами, Австрія также высказалась въ утвердительномъ смыслѣ. Слѣдовательно, и съ нашей стороны не замедлятъ послѣдовать общему примѣру.

Въ тотъ же день, я присутствовалъ при довольно оригинальной сценѣ между княземъ Ливеномъ и газетнымъ цензоромъ, статскимъ совѣтникомъ Цирлейномъ. Послѣдній принесъ цѣлую кучу газетъ, запрещенныхъ къ продажѣ, и желалъ знать по этому поводу резолюцію князя, князь же, видимо, не хотѣлъ скрѣпить своею подписью приказъ о пропускѣ газетъ, хотя сказалъ Цирлейну, что государь приказалъ не задерживать ихъ. Я видѣлъ затруднительное положеніе цензора, который, не имѣя подписи князя, настаивалъ на томъ, чтобы получить ее. Чтобы разрѣшить это затрудненіе, я вмѣшался въ разговоръ, сказавъ Цирлейну, что онъ долженъ повѣрить его сіятельству на слово и что ежели почтовая цензура выразитъ какое-либо сомнѣніе, то она можетъ снестись съ княземъ письменно. Князь замѣтилъ на это, что онъ не откажется отъ своихъ словъ, но Цирлейнъ стоялъ на своемъ, повторяя, что всѣ газеты полны разсужденіями насчетъ принципа законнаго престолонаслѣдія и что ихъ слѣдуетъ задержать всѣ безъ исключенія. Наконецъ, князь Ливенъ назначилъ Цирлейну пріѣхать къ нему въ часъ дня, чтобы просмотрѣть газеты.

Августа 23-го. Ко мнѣ пріѣзжалъ ганноверскій посланникъ генералъ Дернбергъ, съ просьбою выдать ему паспортъ для возвращенія на родину. По этому случаю у насъ завязался разговоръ о дѣлахъ Франціи. Онъ сказалъ, что всѣ эти событія представляются ему въ черномъ цвѣтѣ и что онъ боится послѣдствій, какія они могутъ имѣть для Европы; его успокоиваетъ одно—твердый характеръ русскаго императора. Я отвѣчала, что его величество твердо рѣшилъ дѣйствовать въ этихъ обстоятельствахъ не иначе, какъ сообразуясь съ принципами, которые будутъ приняты его союзниками, слѣдовательно, все будетъ находиться въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ были дѣла до переворота, совершившагося во Франціи. Выстѣ съ тѣмъ, я замѣтилъ, что главная опасность неожиданнаго превращенія герцога Орлеанскаго въ короли и тѣхъ принциповъ, которые при этомъ были высказаны, заключается въ томъ, что они будутъ приняты англійскими радикалами.

Получено извѣстіе о серьезныхъ волненіяхъ въ Брюсселѣ и о томъ, что Бельгія обнаруживаетъ большое желаніе отложиться отъ Голландіи. Возмущеніе такъ или иначе подавлено, но духъ мятежа нельзя будетъ искоренить. Испанія, Неаполь и Пьемонтъ не замедлятъ поднять знамя возстанія и ниспровергнуть королевскую власть, замѣнивъ ее той чудовищной ограниченной властью, которой удовлетворился французскій король Людовикъ-Филиппъ для того, чтобы вступить на престолъ.

Въ концѣ августа были пріостановлены всѣ газеты; я былъ лишень даже «Гамбургской Газеты». Правительство какъ будто боялось обнародовать извѣстія изъ Франціи, но въ сущности на этотъ предметъ не было опредѣленныхъ взглядовъ. То хотѣли ограничить газетныя извѣстія, то

не хотѣли этого, то отдавали строгія приказанія, то отмѣняли ихъ или смягчали; грустно видѣть эту неустойчивость взглядовъ.

Сентября 1-го. Гвардія выступила въ Царское Село для маневровъ, на которые приглашенъ генералъ Аталинъ; это показываетъ, что близится время, когда Людовикъ-Филиппъ, — король по милости народа, — будетъ признанъ нашимъ дворомъ законнымъ монархомъ Франціи.

Англія уже признала его, Пруссія готова признать точно такъ же, какъ вѣнскій дворъ; мы послѣдуемъ ихъ примѣру.

Волненія въ Брюсселѣ вынудили нидерландскаго короля двинуть противъ этого города 25-ти-тысячное войско; но если это войско состоитъ не изъ голландцевъ, то оно можетъ только раздуть пламя вмѣсто того, чтобы потушить его.

Дурному примѣру Брюсселя послѣдовали Кельнъ и Аахенъ. Въ этихъ городахъ также произошли волненія и сожжено нѣсколько домовъ.

Я узналъ, къ величайшему своему удовольствію, что графъ Поццоди-Борго отказался исполнить полученное имъ приказаніе: 1) заставить всѣхъ русскихъ выѣхать изъ Франціи, и 2) выѣхать самому изъ посольскаго дома, оставивъ въ немъ посольство. Это новое доказательство твердости его характера и правильности сужденія, конечно, заслужитъ ему благодарность монарха, который одобрилъ его поведеніе, отмѣнивъ всѣ приказанія, данныя имъ на-скоро, когда было получено извѣстіе о перемѣнѣ правленія во Франціи. Какое счастье, что при этихъ обстоятельствахъ въ Парижѣ былъ такой дальновидный человѣкъ!

Сентября 6-го. Сардинскій посланникъ, графъ Симонетти, въ отсутствіе князя Ливена, обратился ко мнѣ съ просьбою представить его императорскому величеству письмо отъ его короля. Такъ какъ онъ не могъ дать мнѣ копию съ этого письма, то я объявилъ ему, что не могу исполнить его желаніе, но совѣтую ему, по возвращеніи его величества съ маневровъ изъ Новгородскихъ поселеній, попытаться получить позволеніе представить это письмо лично государю. Получивъ аудіенцію у императора, онъ будетъ въ состояніи послать своему двору интересное донесеніе о томъ, что императоръ скажетъ относительно нынѣшнихъ событій во Франціи. Онъ поблагодарилъ меня за совѣтъ, которому рѣшилъ послѣдовать, и прочелъ мнѣ, подъ секретомъ, депешу, полученную имъ съ курьеромъ. Въ этой депешѣ описывалось затруднительное положеніе его двора, вслѣдствіе близости Франціи; благодаря Бога, говорилось въ ней, страна вполне спокойна, но французы пускаютъ въ ходъ всевозможные происки, чтобы возбудить возстаніе, доказательствомъ чего служитъ прокламація къ жителямъ Пьемонта (которая была приложена къ депешѣ и которую я самъ читалъ).

Въ этой прокламаціи французы говорятъ безо всякихъ околичностей, что надобно прогнать короля съ престола. Кромѣ того, въ депешѣ

было выражено желаніе короля сообразоваться со взглядами, которыми будутъ руководствоваться союзныя державы. Я поблагодарилъ графа Симонетти за его сообщеніе и, желая сразу поставить его въ извѣстность о томъ, какого образа дѣйствій намѣрена держаться Россія, я далъ ему прочесть циркуляръ, разосланный всѣмъ нашимъ посланникамъ, въ коемъ имъ предписывалось не пускаться ни въ какія разсужденія по поводу событій, происшедшихъ во Франціи, оставаясь въ роли простыхъ зрителей, и говорилось, что петербургскій дворъ предполагаетъ держаться тѣхъ же принциповъ, какъ лондонскій, вѣнскій и берлинскій кабинеты, т. е. не будетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, но будетъ зорко слѣдить за ея внѣшней политикой; при этомъ о признаніи установившагося въ этой странѣ правительства говорилось, какъ о вещи весьма вѣроятной, ежели мы будемъ вынуждены къ тому силою обстоятельствъ. Подъ конецъ нашей бесѣды, сардинскій посланникъ настоятельно просилъ меня никому не передавать того, что онъ сообщилъ мнѣ, такъ какъ онъ хочетъ подѣлиться этими новостями только съ княземъ Ливеномъ. Я далъ ему въ этомъ слово и сдержалъ его, поручивъ директору канцеляріи написать г. Сакену (который уѣзжалъ въ тотъ же день въ военныя поселенія), что дѣло идетъ только о передачѣ письма сардинскаго короля, которое я не согласился принять, не имѣя съ него копій.

Два дня тому назадъ получено извѣстіе, что герцогъ брауншвейгскій изгнанъ изъ своей столицы, которую онъ оставилъ тотчасъ по выходѣ изъ театра.

Сентября 7-го. Я получилъ сегодня отъ нашего генеральнаго консула въ Лейпцигѣ извѣстіе о возстаніи въ Дрезденѣ. Если бы покойный король былъ живъ, ничего подобнаго не случилось бы.

Сентября 8-го. На концертѣ г-жи Зонтагъ, данномъ въ театрѣ, я сидѣлъ случайно рядомъ съ извѣстнымъ англійскимъ адмираломъ Кодрингтономъ, побѣдителемъ при Наваринѣ, и бесѣдовалъ съ нимъ. Онъ красивъ собою и уменъ. Въ театрѣ же подошелъ ко мнѣ повѣренный въ дѣлахъ Баваріи, графъ Лерхенфельдъ, и попросилъ у меня свиданія. Я назначилъ ему пріѣхать на слѣдующій день къ 12 ч. въ канцелярію.

Сентября 9-го. Онъ заѣхалъ въ канцелярію и сообщилъ мнѣ, что имѣетъ передать письмо отъ королевы баварской ея императорскому высочеству великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Я посоветовалъ ему передать это письмо черезъ генерала Алединскаго. Мы говорили о волненіяхъ въ Дрезденѣ и Брюсселѣ. О дрезденскихъ волненіяхъ ему ничего не извѣстно; говоря о возмущеніи въ Брюсселѣ, онъ похвалилъ поведеніе принца Оранскаго, но замѣтилъ, что требованія брабантскихъ жителей неудобноисполнимы въ интересахъ спокойствія Европы, если правда, что инсургенты требуютъ отдѣленія Голландіи отъ Брабанта и

образованія изъ него отдѣльнаго королевства. Онъ спросилъ меня, что думаютъ у насъ о Баваріи. Я отвѣчалъ, что мы очень довольны поведеніемъ этой державы во время парижскихъ смуть. Говоря о своемъ отечествѣ, онъ сообщилъ мнѣ, что король, его монархъ, получилъ кучу анонимныхъ писемъ и приказалъ напечатать въ газетахъ, что если его подданные имѣютъ на что жаловаться, то они должны дѣйствовать открыто, не прибѣгая къ этимъ подпольнымъ средствамъ; посланникъ говорить, что баварскія войска одушевлены самыми лучшими чувствами и что въ ихъ странѣ никто не рискнетъ возмущать народъ, такъ какъ всѣ твердо убѣждены, что встрѣтятъ противодѣйствіе въ здоровомъ смыслѣ, который стремится къ сохраненію установленнаго порядка. На этомъ нашъ разговоръ прекратился.

Наступилъ новый фазисъ въ безпорядкахъ, происходящихъ въ Дрезденѣ. Принцъ Фридрихъ-Августъ, родившійся въ 1797 г., отъ перваго брака нынѣ царствующаго короля, сталъ во главѣ инсургентовъ, которые провозгласили его королемъ, тогда какъ король и его братъ отказались отъ престола.

Жители Брауншвейга, изгнавъ своего владѣтельнаго герцога Карла, который удалился въ Англію, провозгласили его брата Вильгельма, родившагося въ 1806 г.

Въ тотъ же день получена эстафета отъ графа Нессельроде, который извѣщаетъ о скоромъ возвращеніи своемъ и проситъ князя Ливена уговорить императора не принимать, до его пріѣзда, никакого рѣшенія относительно Нидерландовъ.

Едва успѣлъ я вернуться домой и сталъ припоминать всѣ событія дня, какъ мои размышленія были прерваны повѣреннымъ въ дѣлахъ Нидерландовъ, который пріѣхалъ ко мнѣ неожиданно, точно съ неба свалился, безо всякаго увѣдомленія. Извинившись за свой неожиданный пріѣздъ, онъ заговорилъ о дѣлахъ своей страны; въ восторженныхъ выраженіяхъ описалъ онъ геройское поведеніе принца Оранскаго и возбужденную его пріѣздомъ въ Брюссель надежду на восстановленіе порядка; онъ говорить, что до окончательнаго устройства дѣлъ все останется въ томъ положеніи, въ какомъ принцъ оставилъ Брюссель, т. е., что граждане будутъ слѣдить за порядкомъ и воздержатся отъ всякихъ демонстрацій. По возвращеніи принца Оранскаго въ Гагу, былъ созванъ государственный совѣтъ для обсужденія требованій Брюсселя; по мнѣнію посланника, нельзя допустить, чтобы былъ подписанъ актъ объ отторженіи этой страны отъ Нидерландовъ и образованіи изъ нея отдѣльнаго королевства, которое будетъ только занято брабантскими войсками. Виновникомъ всѣхъ этихъ бѣдъ, по словамъ посланника, всегда былъ г. Маннъ; пользуясь довѣріемъ короля, онъ не принялъ своевременно

надлежащихъ мѣръ къ предупреденію возстанія; посланникъ въ восторгѣ, что этотъ Манья устранилъ наконецъ отъ дѣлъ.

Получилъ изъ Голландіи письмо отъ своего друга (также члена государственнаго совѣта), изъ котораго видно, что онъ былъ чрезвычайно испугавъ приказаніемъ принца Оранскаго привести всѣ крѣпостныя гарнизоны на военное положеніе, такъ какъ это приказаніе совершенно не согласуется съ прокламаціей его монарха отъ 4-го сентября; поэтому онъ предполагаетъ, что съ 4-го по 9-е сентября произошли, вѣроятно, какія-нибудь событія, вызвавшія необходимость подобныхъ мѣръ; французскій министръ иностранныхъ дѣлъ заявилъ нидерландскому полномочному посланнику, что онъ совѣтуетъ голландцамъ не призывать на помощь иноземныхъ войскъ, ибо въ такомъ случаѣ онъ не ручается за послѣдствія. Наконецъ, такъ какъ я сказалъ посланнику, что графъ Нессельроде пріѣдетъ сегодня въ ночь или завтра, то онъ просилъ меня устроить ему свиданіе съ графомъ, тотчасъ по его пріѣздѣ, и сообщилъ мнѣ еще, что такъ какъ императрица интересуется дѣлами Голландіи, то онъ составилъ очеркъ всѣхъ событій, начиная съ возстанія въ Брюсселѣ, и вручилъ его графинѣ Моденъ, для передачи ея величеству.

Сентября 17-го. Баронъ де-Бургуэнъ сообщилъ мнѣ между прочимъ, что вчера здѣсь получено извѣстіе о признаніи короля Людовика-Филиппа Австріей. Вспомнивъ, что у меня лежали на столѣ записки одной высокопоставленной дамы о Людовикѣ XVIII, я взялъ эту книгу и, желая дать разговоръ другой оборотъ, спросилъ его, читалъ ли онъ ее? Онъ отвѣчалъ: нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ я,—совѣтую вамъ прочесть ее: это классическое сочиненіе о тѣхъ лицахъ, которыя играютъ роль въ нашемъ отечествѣ.

Онъ сказалъ мнѣ, что память объ этомъ королѣ читается во Франціи, и привелъ въ доказательство то, что во время революціи въ Парижѣ была разбита статуя Карла X, а статуя Людовика XVIII осталась неприкосновенна. Это дѣлаетъ честь французамъ, такъ какъ этотъ монархъ заслуживалъ ихъ любовь; сами роялисты волнуютъ страну съ цѣлью добиться отміны хартіи, данной Людовикомъ народу.

— Я предчувствовалъ,—сказалъ я посланнику,—событія, которыя должны были повлечь за собою гибель Людовика XVIII; когда французское посольство извѣстило меня о его кончинѣ, я тотчасъ написалъ, что это потеря непоправимая; къ сожалѣнію, текуція событія доказали, что мое предсказаніе было вѣрно.

Получивъ наканунѣ извѣстіе о томъ, что король Людовикъ-Филиппъ признанъ вѣнскимъ дворомъ, петербургскій дворъ присоединился къ рѣшенію союзныхъ державъ; но императоръ скрѣпилъ этотъ актъ своею подписью съ величайшимъ неудовольствіемъ. Его пришлось убѣждать,

доказывая, какія печальныя послѣдствія могло имѣть нарушеніе всеобщаго союза. Тѣмъ не менѣе государь упорно продолжаетъ называть короля братомъ въ письмахъ, адресуемыхъ ему нашимъ кабинетомъ.

Сентября 27-го. Императоръ неожиданно уѣхалъ въ Москву, чтобы успокоить народъ, взволнованный холерою. Это весьма похвально; въ Петербургѣ государя ожидали къ 10-му октября; теперь говорятъ, что его величество будетъ осматривать до 20-го числа водяные пути сообщенія.

Октября 14-го. Нѣсколько дней уже носится слухъ о возмущеніи въ военныхъ поселеніяхъ и о томъ, что народъ бьетъ окна на Невскомъ проспектѣ. Эти слухи оказались ложны, но они свидѣлствуютъ о стремленіи нѣкоторыхъ лицъ вызвать безпорядки. Съ другой стороны, появился высочайшій указъ о назначеніи начальникомъ поселеній графа Петра Толстаго, который облеченъ такою же неограниченной властью, какая дается въ военное время главнокомандующимъ, съ правомъ произносить смертныя приговоры. Глубоко опечаленный тѣмъ духомъ, коимъ одушевлена молодежь въ моемъ отечествѣ, я нарисовалъ себѣ мысленно картину будущаго и увидѣлъ въ немъ всѣ данныя къ страшнымъ волненіямъ: 1-е военныя поселенія, 2-е кантонисты, обучаемые при штабахъ, и наконецъ пагубный примѣръ разныхъ государствъ Европы. Военныя поселенія могутъ, несомнѣнно, льстить тщеславію монарха. Огромныя суммы, потраченныя на ихъ обзаведеніе, постройки, которые тянутся на нѣсколько верстъ, ученья, совершаемыя съ удивительной военной выправкой, все—однимъ словомъ способно ослѣпить взоры и представить учрежденіе этихъ поселеній въ самомъ радужномъ свѣтѣ. Между тѣмъ эти поселенія могутъ быть весьма пагубны, со временемъ, для Россіи и могутъ даже пошатнуть престолъ. Если военные поселяне когда-нибудь взбунтуются, то они навѣрно увлекутъ за собою жителей тѣхъ губерній, въ которыхъ они расположены. Находясь неподалеку отъ обѣихъ столицъ, они могутъ внести въ нихъ этотъ мятежный духъ. Кантонисты, воспитанные при штабахъ, образуютъ, по моему мнѣнію, родъ третьяго сословія, которое несомнѣнно примкнетъ къ каждому мало-мальски организованному возстанію, а примѣръ нѣкоторыхъ государствъ Европы упрочить безпорядокъ и неповиновеніе и ниспровергнуть монархическую власть.

Императоръ, раздраженный безпорядками, которые обнаружили въ Европѣ и имѣли цѣлью подорвать монархическую власть, рѣшилъ двинуть войска противъ инсургентовъ; соотвѣтствующія приказанія были уже отданы нѣкоторымъ корпусамъ, стоявшимъ въ Литвѣ, и министру иностранныхъ дѣлъ было повелѣно сообщить о томъ прочимъ дворамъ. Къ счастью, вице-канцлеръ, имѣвшій при самомъ началіи французской революціи свиданіе съ графомъ Меттернихомъ и графомъ Берндор-

фомъ (первые министры въ Вѣнѣ и Берлинѣ) и видѣвшій необходи- мость поддержать въ Европѣ миръ, счумѣлъ убѣдить его величество въ томъ, что, желая обнажить мечъ противъ анархіи, нельзя дѣйствовать изолированно, ибо безъ помощи союзныхъ державъ будетъ немислимо обезпечить даже продовольствіе войскъ. Поэтому не слѣдуетъ начинать войны до тѣхъ поръ, пока французскіе, брабантскіе и иные инсургенты, напавъ на владѣнія союзныхъ державъ, не сдѣлаютъ эту войну неиз- бѣжной и покуда всѣ державы не будутъ дѣйствовать сообща. импера- торъ согласился съ этими доводами, сознавшись, что «графъ Нессель- роде благоразумнѣе его».

Октября 18-го. Окончивъ свою санитарную (?) поѣздку, импера- торъ вернулся въ Царское Село.

Наканунѣ его пріѣзда въ Сенатѣ былъ прочитанъ новый указъ, ко- имъ дозволяется вывозить и ввозить золото и серебро, чеканенное въ Россіи. Многіе полагаютъ, что вслѣдствіе этого звонкая монета исчез- нетъ изъ имперіи. Время покажетъ, насколько эта мѣра хороша; при- знаюсь, я не понимаю принципа, лежащаго въ ея основѣ, а равно, чѣмъ мотивируется разрѣшеніе вывоза и въ особенности ввоза звонкой мо- неты.

Князь Ливень, уѣзжая изъ Петербурга въ Лондонъ, написалъ вице- канцлеру, рекомендуя ему (но не называя впрочемъ никого по имени) всѣхъ работавшихъ подъ его начальствомъ.

Октября 25-го. Императоръ и императрица съ августѣйшими дѣтьми возвратились изъ Царскаго Села въ городъ.

Октября 27-го. Оберъ-полиціймейстеромъ назначенъ генералъ- маіоръ Кокоскинъ.

Ноября 11-го. Я былъ у князя Александра Голицына, чтобы пере- говорить съ нимъ о глазной лѣчебницѣ, коей онъ состоитъ попечите- лемъ. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, онъ спросилъ, читалъ ли я статью въ «Gazette de France» о текущихъ событіяхъ. Я отвѣчалъ отрица- тельно. Тогда онъ прочелъ ее мнѣ вслухъ, вѣроятно, съ цѣлью подгото- виться къ чтенію этой статьи государю. Статья написана мастерски; въ ней дѣлается обзоръ всѣхъ формъ правленія, которыя испробованы во Франціи за послѣднія 40 лѣтъ.

Ноября 15-го. Князь Голицынъ посвѣтилъ лѣчебницу. Я просилъ священника отслужить молебень и вставить молитву о здравіи князя и всѣхъ благотворителяхъ госпиталя. Онъ былъ, видимо, тронутъ этимъ вниманіемъ, затѣмъ во время нашей бесѣды я постарался вставить слово о пользѣ, которую онъ приноситъ лѣчебницѣ, хотя она ограничи- вается въ сущности только тѣмъ, что онъ служитъ посредникомъ между императоромъ и лѣчебницей.

Ноября 26 го. Получено извѣстіе о мятежѣ въ Варшавѣ. Гово-

рять, что нѣсколько генераловъ пали жертвою бунтовщиковъ и что великій князь Константинъ Павловичъ удалился въ Краковъ съ 6.000-нымъ войскомъ.

Н о я б р я 27-го. Появился первый бюллетень, возвѣщавшій, что мятежъ вспыхнулъ 17-го числа: 1-е въ школѣ подпрапорщиковъ; 2-е среди польскихъ войскъ; 3-е среди польской конной артиллеріи, примкнувшей къ мятежникамъ.

Н о я б р я 29-го. Появился второй бюллетень. Говорятъ, будто великій князь установилъ изъ Виланова сообщеніе съ противоположнымъ берегомъ Вислы. Къ нему присоединилось нѣсколько полковъ и батарея, состоящая изъ 28-ми орудій подъ командою генераловъ Корфа и Герштенцвейга. По этимъ бюллетенямъ оказывается, что главною причиною или главнымъ поводомъ къ возстанію была ненависть, которую всѣ питали къ великому князю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ получено извѣстіе, что должностныя лица, назначенныя императоромъ и королемъ (польскимъ), смѣнены и что на ихъ мѣсто назначены народныя власти. Въ тотъ же день гвардія получила приказаніе выступить и должна уйти изъ Петербурга 2-го декабря.

Переселеніе болгаръ въ Россію.

Рескриптъ императора Александра новороссійскому гражданскому губернатору Миклашевскому.

16-го іюня 1802 г. Могилевъ.

Изъ выписки, при семь прилагаемой, донесенія тайнаго совѣтника Тамары, вчера мною полученнаго, усмотрите вы, что настоящія неустройства и разоренія въ Ромеліи доставляютъ средство пріобрѣсти для Новороссійской губерніи не малое число болгаръ и другихъ христіанъ спасающихся къ берегамъ Чернаго моря. Но какъ мѣра сія не можетъ имѣть полнаго дѣйствія иначе, какъ если первые переселенцы найдутъ отъ правительства все нужное на первый случай пособіе въ разсужденіи ли продовольствія или пристроенія ихъ со всякою выгодною. сообразно состоянію и желанію каждаго, то и поручаю вамъ принять наиблагонадежнѣйшія мѣры, чтобъ все сіе составлено было сходственно видамъ моимъ и пользѣ губерніи, начальству вашему вѣренной. Вы не оставите донести мнѣ какія распоряженія вами учинены будутъ, доставляя при томъ повременно обстоятельныя свѣдѣнія, сколько такихъ выходцевъ изъ областей турецкихъ прібудетъ и гдѣ и какъ вы ихъ на жительство расположите.—Впрочемъ само по себѣ разумѣтся, что никто изъ нихъ ни за кѣмъ укрѣпленъ быть не можетъ.—Пребываю вамъ благосклоннымъ.

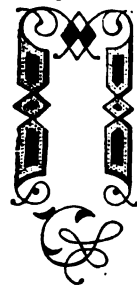
Записки графа Л. Л. Беннигсена

О

ВОЙНЪ СЪ НАПОЛЕОНОМЪ 1807 ГОДА.

—
XIII ¹⁾.

Наличный составъ арміи.—Дѣла у Браукеберга, Петерсвальда, и Гутштадта.—Дѣйствія отряда генерала Сакена у Зекерне.—Обезпеченіе Кѣнигсберга отъ непріятельскаго нападенія.—Взаимное положеніе армій.—Расположеніе на зимнихъ квартирахъ.

редварительно дальнѣйшаго изложенія военныхъ дѣйствій обѣихъ сражающихся армій, необходимо сообщить свѣдѣнія о количествѣ войскъ, бывшихъ въ моемъ распоряженіи, въ столь важныя минуты, чтобы читатель могъ болѣе основательно судить о томъ, дозволяли ли мои средства дѣйствовать болѣе рѣшительнымъ и смѣлымъ образомъ. Я вполне уважаю оцѣнку моихъ военныхъ дѣйствій, коль скоро она основывается на справедливыхъ сужденіяхъ и точномъ знаніи всѣхъ сопро-вождавшихъ обстоятельствъ. Мнѣ кажется, что не могу ничего лучшаго сдѣлать какъ сослаться на рапортъ дежурнаго генерала о налич-

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ августъ 1899 г. Графъ Беннигсенъ вводитъ въ свои записки такія подробности относительно аванпостныхъ стычекъ и захвата при этомъ плѣнныхъ, которыя не имѣютъ значенія при описаніи общаго хода военныхъ дѣйствій.—Чтобы не затемнять разсказа и дать цѣльность впечатлѣнія, редакция считаетъ необходимымъ опускать эти подробности. При этомъ необходимо замѣтить, что при чтеніи записокъ слѣдуетъ пользоваться картою театра военныхъ дѣйствій, приложенною къ № 1-му „Русской Старины“ 1897 г.

Р е д.

номъ составѣ моей арміи въ тотъ день, какъ она выступила въ походъ изъ окрестностей Кёнигсберга для слѣдованія за французскою арміею при ея отступленіи. Изъ этого рапорта видно, что я находился во главѣ арміи, имѣвшей всего въ строю 37.800 человекъ регулярнаго войска и 2.500 казаковъ. Корпусъ генераль-лейтенанта Лестока, предназначенный для прикрытія праваго фланга моей арміи и подкрѣпленія ея въ случаѣ надобности, состоялъ изъ 9.000 человекъ. Такимъ образомъ, въ день сраженія, я могъ имѣть въ моемъ распоряженіи сорокъ шесть тысячъ восемьсотъ человекъ регулярнаго войска и двѣ тысячи пятьсотъ казаковъ.

Французская армія, какъ уже я говорилъ ранѣе, послѣ ея соединенія съ корпусами маршала Нея и Бернадота, простиралась до семидесяти тысячъ человекъ, изъ которыхъ одна пѣхота почти равнялась двойному количеству моей пѣхоты. Что же касается кавалеріи, то мы имѣли преимущество во всѣхъ отношеніяхъ надъ непріятелемъ, лошади котораго были доведены до крайняго изнуренія, тогда какъ наша кавалерія была въ полной силѣ и въ хорошемъ состояніи. Но наступила оттепель, равнины сдѣлались непроходимыми, и кавалерія могла дѣйствовать только по дорогамъ. Наполеонъ въ то время вызвалъ къ себѣ на подкрѣпленіе всѣ войска, какія только находились свободными въ его тылу. Резервы получили приказаніе двинуться къ нему на присоединеніе. Дивизіи генераловъ Молитора и Бондэ выступили изъ Истріи на усиленіе великой арміи. Двадцать тысячъ новобранцевъ были посланы къ нему изъ Франціи, кромѣ тѣхъ двадцати тысячъ, которые были уже отправлены въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Онъ послалъ въ Парижъ сенату рапортъ военнаго министра, сопровождаемый императорскимъ указомъ, въ которомъ предписывался призывъ новобранцевъ, должствующихъ поступить на службу въ будущемъ 1808 году. Польскія войска, уже сформированныя, получили приказаніе присоединиться къ арміи. вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось ускорить формированіе остальныхъ 30.000 человекъ, которыхъ вызвались поставить на свой счетъ обыватели провинцій, принадлежащихъ прусскому королю.

Германскія владѣтельныя княжества, составлявшія Рейнскій союзъ, получили настоятельныя предложенія ускорить присылкою своихъ контингентовъ. Князья, недавно вступившіе въ число членовъ Рейнскаго союза, равнымъ образомъ должны были выслать свои войска, именно: князья Ангальтъ—800 человекъ; Шварценбергъ—650 ч.; Рейссъ—450 ч. и Вальдекъ—400 человекъ. Наконецъ движеніе испанскаго корпуса въ 16.000 человекъ было направлено равнымъ образомъ на усиленіе французской арміи. Впослѣдствіи будетъ мною подробно указать точный размѣръ колоссальныхъ силъ, составлявшихъ армію Наполеона въ началѣ второй кампаніи.

Съ моей же стороны, немедленно послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, былъ посланъ императору подробный рапортъ, въ которомъ я представилъ о необходимости двинуть ко мнѣ всѣ войска, оставшіяся свободными въ Россіи. Генераль-лейтенантъ князь Багратионъ былъ посланъ съ подобнымъ же порученіемъ въ Петербургъ. Вслѣдствіе этого государь изволилъ приказать первой дивизіи, въ составъ которой входила также и гвардія, выступить изъ Петербурга къ прусской границѣ, подъ командою его императорскаго высочества Константина Павловича: она состояла изъ 17.000 человекъ. Самыя настоятельныя приказанія были посланы во внутреннія губерніи имперіи, чтобы ускорить по возможности формированіе войскъ и наборъ рекрутъ, предназначенныхъ также для подкрѣпленія и пополненія армейскихъ полковъ. Лишь только я убѣдился, что непріятель не имѣетъ намѣренія дать въ настоящее время второе сраженіе, и предвидя при томъ, что онъ не въ состояніи долго стоять на позиціяхъ между Прейсишъ-Эйлау и рѣкою Фришингомъ и принужденъ будетъ начать отступление, я отправилъ генераль-лейтенанта графа Толстаго въ Гоніондзъ на рѣку Бобръ, чтобы привести къ арміи стоявшій тамъ корпусъ подъ начальствомъ генерала Седморцакаго, какъ объ этомъ уже было говорено выше. При тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ находилась моя армія, я не могъ обойтись безъ участія этого корпуса.

На мѣсто дежурнаго генерала графа Толстаго я назначилъ генераль-маіора Фока, прибывшаго въ армію наканунѣ сраженія подѣ Прейсишъ-Эйлау, въ которомъ онъ очень отличился, какъ это видно изъ отчета о ходѣ этого сраженія. При томъ генераль Фокъ пользовался уваженіемъ въ арміи, такъ какъ съ большимъ отличіемъ всегда служилъ. Генераль-лейтенантъ Эссенъ I, отъ своего корпуса, расположеннаго на Наревѣ и Бугѣ, назначилъ въ корпусъ генерала Седморцакаго 2.500 человекъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта князя Волконскаго. Отрядъ казаковъ въ пять тысячъ человекъ, шедшій съ Дона, подходилъ въ это время къ арміи. Я поручилъ генералу графу Толстому собрать всѣ эти войска въ одинъ отрядъ и дѣйствовать съ нимъ въ тылу французской арміи въ случаѣ, если она будетъ сохранять занимаемая ею позиціи, въ противномъ же случаѣ, при ея отступленіи, тревожить постоянно ея правый флангъ и стараться установить себѣ сношенія съ корпусомъ генераль-лейтенанта Лестока.

7-го (19-го) февраля мои дивизіи исполнили отданное имъ наканунѣ приказаніе и сосредоточились на берегахъ рѣки Фришинга. Я предложилъ генералу Лестоку также подвинуться впередъ со всѣмъ своимъ корпусомъ для общаго преслѣдованія непріятеля и направиться на Гельсбергъ, откуда Лестокъ долженъ былъ занять позицію на правомъ крылѣ нашей арміи.

Генералъ Платовъ продолжалъ слѣдить за непріятелемъ съ легкою кавалеріею и постоянно нападалъ на его арьергардъ.

Въ то же время маршалъ Ней доносилъ военному министру 7-го (19-го) февраля 1807 года въ 10 часовъ утра изъ Ландсберга слѣдующее:

„Я получилъ письмо вашей свѣтлости, которымъ мнѣ предписывается пріостановить мое движеніе сегодня, чтобы артиллерія имѣла возможность слѣдовать за мною. Еще вчера вечеромъ я приказалъ генералу Маршану располжить его дивизію эшелонами отсюда до Дрвенца и, совместно съ бригадою легкой кавалеріи генерала Гюйо, занять Воймансъ, Орпенъ, Воринненъ, Палиссенъ. Но дивизія генерала Гардана, а также драгуны генерала Клейна и остальная легкая кавалерія генерала Лассала направляются такъ, чтобы расположиться въ Фреймарктъ, Аренсдорффъ и въ окрестностяхъ.

„Всю ночь мы занимались вытаскиваніемъ орудій и зарядныхъ ящиковъ, дорогою завязшихъ въ страшной грязи; будемъ дѣлать всевозможное весь этотъ день, а также ночь на завтра и на слѣдующій день утромъ, чтобы большая часть артиллеріи двигалась вслѣдъ за арміею. Вся наша артиллерія спасена: мы потеряемъ только пять зарядныхъ ящиковъ. Дорога отсюда до Гоффа была исправлена моими саперами; два баталіона были отряжены для починки плохихъ мѣстъ. Всѣ вообще люди старались свыше силъ, чтобы имѣть возможность выйти изъ крайняго затрудненія, въ которомъ мы находились вчера. Могу завѣрить ваше сіятельство, что ни одна повозка моего корпуса не осталась бы позади, если бы только большое количество повозокъ, обоза, зарядныхъ ящиковъ и провіантныхъ фуръ, принадлежащихъ четвертому корпусу, а также императорской гвардіи, не заставило нашихъ лошадей простоять въ грязи шесть часовъ безъ корма и пищи; послѣ этого лошади были обесшлены и падали отъ изнуренія, когда требовались усилія, чтобы вытащить завязшую въ грязи артиллерію.

„Князь Понте-Корво почевалъ вчера въ Бахольцѣ. Онъ мнѣ сообщаетъ, что только съ невѣроятными усиліями ему удастся проташить артиллерію и обозъ по чрезвычайно худымъ дорогамъ. Я сообщилъ ему о моемъ положеніи въ свою очередь и о твердой рѣшимости ждать приближенія моей артиллеріи.

„Благодарю вашу свѣтлость за оказанную о насъ заботливость и доставленіе намъ хлѣба, а также воды въ Фреймарктѣ. Я отправлюсь около двѣнадцати часовъ въ это мѣсто“.

9-го (21-го) февраля генералъ Платовъ направился на Ландсбергъ, куда и прибылъ около двухъ часовъ по полудни, въ то самое время, какъ послѣдніе непріятельскіе отряды оставляли это мѣстечко. Два полка казаковъ, составлявшіе авангардъ Платова, захватили врасплохъ на разсвѣтѣ дня непріятельскій драгунскій полкъ и взяли у него въ плѣнъ 134 человекъ, а также немало людей убили и ранили. Въ городѣ непріятель покинулъ 4-хъ офицеровъ и 380 солдатъ,—все раненые, съ тремя фельдшерами; за недостаткомъ лошадей и повозокъ ихъ невозможно было увезти далѣе. Наши казаки въ этотъ же день захватили еще много повозокъ и зарядныхъ ящиковъ, брошенныхъ непріятелемъ частью по грязнымъ непроходимымъ дорогамъ, а частью въ самомъ городѣ Ландсбергѣ. Наша армія подвигалась впередъ по дивизіямъ, которыя заняли слѣдующее расположеніе:

Генераль-лейтенантъ князь Голицынъ, съ частью кавалеріи, расположился въ Форстѣ-Амтѣ; остальная кавалерія была размѣщена по дивизіямъ, которыя находились на обоихъ флангахъ моей арміи.

Пятая дивизія остановилась въ Крейцбургѣ, восьмая—въ Гезау; третья—въ Мюльгаузенѣ; вторая—въ Прейсишъ-Эйлау; седьмая—въ Лихтенгагенѣ, четырнадцатая—въ Людвигсвальде, четвертая—въ Удервангенѣ. Общимъ сборнымъ пунктомъ въ случаѣ тревоги былъ назначенъ Прейсишъ-Эйлау.

Генераль Лестокъ съ своимъ корпусомъ прибылъ въ Домнау.

Отъ 21-го (9-го) февраля 1807 года въ семь часовъ утра маршалъ Ней доносилъ военному министру изъ Фреймарка слѣдующее:

„Получилъ письмо вашей свѣтлости отъ сего же числа въ два часа утра, которымъ вы изволите предлагать мнѣ расположить мою кавалерію такимъ образомъ, чтобы отразить рѣшительно отряды казаковъ, которые осмѣлились бы тревожить мой арьергардъ.

„Ваша свѣтлость изволитъ конечно усмотрѣть изъ моего послѣдняго письма, что единственная остающаяся у меня кавалерійская бригада направляется къ Гейльсбергу вмѣстѣ съ однимъ пѣхотнымъ полкомъ для прикрытія перевозки хлѣбныхъ запасовъ, собранныхъ маршаломъ Даву. Генераль Лассаль равнымъ образомъ совершаетъ движеніе къ Нейденбергу, которое предписано его королевскимъ высочествомъ великимъ герцогомъ Бергскимъ. Непріятель послѣ понесенной имъ неудачи вчера ¹⁾ боже не показывался и вѣроятно не отважится что-либо предпринять противъ моей пѣхоты, которая совершенно не боится, а только презираетъ всѣхъ казаковъ.

„Я исполнѣ совною всю важность пункта въ Гутштадтѣ, и ваша свѣтлость можете быть убѣждены, что я при общихъ моихъ распоряженіяхъ употреблю самое дѣятельное вниманіе, чтобы избѣжать всякой неожиданности и заставить непріятели раскаться въ случаѣ, если бы онъ вздумалъ атаковать насъ. Я останусь въ Гутштадтѣ и направлюсь повсюду, гдѣ потребуетъ польза службы. Пруссаки, по словамъ адъютанта маршала Даву, сообщеннымъ мнѣ сегодня, занимаютъ Бартенштейнъ пѣхотою и кавалерією. Очень возможно, что они считаютъ наше отступленіе окончательно рѣшеннымъ. Если они подвигнутся еще далѣе вверхъ по р. Алле, то встрѣтятъ тѣхъ же самыхъ солдатъ, которые ихъ вездѣ колотили и не перестанутъ колотить.

„Я получилъ — писалъ Ней во второмъ рапортѣ отъ того же числа, — планъ общихъ распоряженій, сдѣланныхъ его императорскимъ величествомъ относительно размѣщенія всѣхъ корпусовъ великой арміи. Я отдалъ всѣ приказанія, необходимыя для приведенія въ исполненіе всего того, что предписывается моему корпусу. Я прикрою Аренсдорфъ сегодня же пѣхотною бригадою; завтра же она направится по назначенію въ Кветцъ и Алленбургъ. Дивизія генерала Маршана подходитъ сегодня же къ Гутштадту, который она къ вечеру и можетъ занять. Маршалъ Даву, сообразно тому, что онъ мнѣ пишетъ, можетъ очистить это мѣсто только сегодня послѣ полудня. Я посы-

¹⁾ Тутъ очевидная ошибка: наканунѣ дѣйствительно была стычка, въ которой мы не потеряли ни одного даже раненаго; наши же казаки взяли въ плѣнъ 134 человекъ у драгунскаго непріятельской полка, захваченнаго врасплохъ. Прим. Веннингена.

лаю, также по предложению сего маршала, одинъ пѣхотный полкъ и легкую кавалерійскую бригаду генерала Кольбера въ Гейльсбергъ, чтобы прикрыть перевозку пятидесяти тысячъ раціоновъ муки. Завтра эти войска займутъ назначенныя имъ мѣста. Я не имѣю никакихъ извѣстій о мѣстѣ нахождения драгунъ генерала Груши.

„Сегодня утромъ я направляюсь самъ въ Гутштадтъ, и сегодня же или завтра утромъ буду имѣть честь сообщить вамъ о всѣхъ распоряженіяхъ, сдѣланныхъ мною для приведенія въ исполненіе желаній императора относительно размѣщенія войскъ шестаго корпуса“.

10-го (22-го) февраля я приказалъ увѣдомить генералъ - лейтенанта Платова о томъ, что, получивъ рапорты о крайнихъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ всею артиллеріею вообще и провіантскими обозами, при слѣдованіи за арміею по непроходимымъ дорогамъ, я сдѣлалъ распоряженіе въ видахъ сбереженія лошадей, чтобы войска остановились на одинъ день и отдохнули бы. Въ то же самое время я предписалъ генералу Платову продолжать по-прежнему тревожить непріятеля. Но какъ при этомъ ни кавалерія, ни пѣхота не будутъ близко слѣдовать за нимъ, а слѣдовательно и не могутъ поддержать его въ случаѣ надобности, то я и предлагалъ Платову продолжать преслѣдованіе съ величайшею осмотрительностью.

Непрерывныя оттепели дѣлали дороги съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе непроходимыми. Артиллерія и въ особенности провіантскіе парки, повозки которыхъ ежеминутно увязали въ грязи, замедляли движеніе всей русской арміи при преслѣдованіи непріятеля, который при своемъ отступленіи приближался къ продовольственнымъ запасамъ, направленнымъ къ его арміи. Я предложилъ генералу Лестоку попытаться ускорить движеніе на одинъ день съ тѣмъ, чтобы имѣть возможность совершить переправу черезъ р. Алле до приближенія главныхъ силъ русской арміи, и за тѣмъ пройти разстояніе между этою рѣкою и р. Пассаргою и занять со своимъ корпусомъ мѣсто на правомъ флангѣ нашей позиціи. Въ то же время отряду прусскаго генералъ-лейтенанта Плетца, стоявшаго въ Бранденбургѣ, я предложилъ направиться по берегамъ залива Фришъ-гафа до самаго Хейлигенбейля, откуда онъ долженъ былъ своими аванпостами занять Браунсбергъ. Его отрядъ, какъ я уже говорилъ, состоялъ изъ 2.500 человекъ, включая въ томъ числѣ русской Калужскій пѣхотный полкъ подъ начальствомъ его командира полковника Казачковскаго, а также нѣсколько казаковъ. Этому отряду вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было установить сношенія съ 5-ю дивизіею, подъ начальствомъ генерала Тучкова, до прибытія генералъ-лейтенанта Лестока. Сей послѣдній направился изъ Алленбурга чрезъ Домнау на Бартенштейнъ, откуда послалъ прусскій отрядъ атаковать маленькій городокъ Гейльсбергъ и овладѣть имъ. Подполковникъ Штутергеймъ находился во главѣ этого отряда и выполнилъ данное ему порученіе благора-

зумно и съ большою неустрашимостью. Онъ принудилъ непріятеля поспѣшно покинуть этотъ городокъ, оставивъ нѣсколько провіантныхъ запасовъ. Маіоръ д'Арнимъ съ отрядомъ пруссаковъ занялъ Бишофштейнъ, откуда выбилъ непріятеля, взявъ въ плѣнъ нѣсколько человекъ. Я предложилъ генералу Лестоку направить 11-го (23-го) февраля свой корпусъ на Гейльсбергъ, а затѣмъ 12-го (24-го) числа на Вормдигъ, чтобы имѣть возможность легче и скорѣе соединиться съ отрядомъ генерала Шлетца и прикрывать правое крыло русской арміи.

Французская армія совершала свое отступленіе въ довольно сосредоточенномъ порядкѣ. Когда маршалъ Ней, составлявшій центръ первой боевой линіи, находился въ Фреймарктѣ, маршалъ Бернадотъ былъ въ Бахольцѣ, составляя лѣвое крыло, а маршалъ Даву, составлявшій правое крыло непріятельской арміи, стоялъ въ Гутштадтѣ. Вся остальная французская армія переходила черезъ р. Пассаргу, чтобы приблизиться къ Остероде.

11-го (23-го) февраля генералъ Платовъ съ главною квартирою всего авангарда оставался въ Ландсбергѣ, но армія нѣсколько подвинулась и расположилась на квартирахъ слѣдующимъ образомъ:

Генераль-лейтенантъ князь Голицынъ съ главнымъ кавалерійскимъ отрядомъ стоялъ въ Оршенѣ, чтобы въ случаѣ надобности поддержать г. Платова. Въ первой боевой линіи стояли: пятая дивизія, занимавшая правый флангъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Тучкова—въ Гроссъ-Лабенекѣ восьмая дивизія, составлявшая центръ подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Дохтурова—въ Вальдгеймѣ, третья дивизія, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Сакена въ Форстъ-Амтѣ. Вторая дивизія подъ командою генерала графа Остермана составляла лѣвый флангъ и стояла въ Прейсишъ-Эйлау. Во второй боевой линіи стояли: седьмая дивизія, на правомъ флангѣ въ Аренсбергѣ; четвертая дивизія—на лѣвомъ флангѣ въ Мюльгаузенѣ. Четырнадцатая дивизія стояла въ резервѣ подъ командою генерала графа Каменскаго въ Гезау.

Общимъ сборнымъ пунктомъ всей арміи въ случаѣ необходимости назначенъ Прейсишъ-Эйлау. Генераль-лейтенантъ графъ Толстой прибылъ со своимъ отрядомъ въ Шиппенбейль; отрядъ же генераль-лейтенанта князя Волконскаго прошелъ чрезъ Растенбургъ. Главная квартира генерала Лестока находилась въ Бартенштейнѣ. Непріятельскій отрядъ, занимавшій еще лѣсъ впереди Вормдита, очистилъ его, переправился чрезъ Пассаргу и сталъ позади моста у Спортенена. Генераль-лейтенантъ Платовъ донесъ, что онъ близко наблюдаетъ за непріятелемъ и даже слѣдуетъ за нимъ съ казаками при малѣйшемъ его отступленіи, при чемъ нѣкоторые передовые отряды подкрались почти до самаго Гутштадта.

Я былъ принужденъ остановить 12-го (24-го) числа все движеніе

нашей тяжелой артиллерии, чтобы не заморить окончательно наших лошадей при движеніи по сѣвернымъ дорогамъ.

Насколько непріятельская армія страдала отъ худыхъ дорогъ въ отношеніи своевременнаго подвоза продовольствія, можно судить по рапорту маршала Нея военному министру отъ 24-го (12-го) февраля, въ которомъ говорится:

„Мы находимся въ величайшемъ затрудненіи относительно продовольствія; трудно описать это положеніе. Хлѣба совершенно нѣтъ, едва-едва находимъ живой скотъ для мяса; фуража также нѣтъ; придется умирать съ голоду, если ваша свѣтлость не сдѣлае распоряженія о доставленіи въ Гутштадтъ сколько-нибудь существенныхъ жизненныхъ припасовъ. Если бы я могъ размѣстить мои войска по другимъ мѣстностямъ, нежели тѣ, которыя обязанъ занимать въ Гутштадтѣ и его окрестностяхъ, то нашелъ бы средства прокормить мои войска, тутъ же, по причинѣ близости непріятеля, не подлежитъ сомнѣнію, что нѣтъ возможности найти състныхъ припасовъ. Ваша свѣтлость знаетъ, что я жалуюсь на недостатокъ средствъ существованія только въ самомъ крайнемъ положеніи, и теперь мы дѣйствительно до этого дошли“.

Непріятель сжегъ мосты на Пассаргѣ отъ Шпандена до Альгена. Авангардъ прусскаго генерала Плетца вытѣснилъ французскій отрядъ изъ Браунсберга и принудилъ его отступить чрезъ Зегернъ на Гроссъ-Тромпъ. Прусскіе маіоры де-Рошъ-Эймонъ и Шерделли, а также поручикъ Кохъ очень отличились въ этомъ дѣлѣ. Пруссаки взяли въ плѣнъ нѣсколько человекъ французовъ, въ числѣ которыхъ находились два офицера; они также захватили у нихъ 32 лошади.

13-го (25-го) февраля главная квартира всей арміи была въ Ландсбергѣ, главная квартира авангарда находилась въ Аренсдорфѣ.

Генераль-лейтенантъ князь Голицынъ съ главнымъ отрядомъ кавалеріи подвинулся до Петерсгагена; остальная армія также вся подвинулась впередъ. Первая боевая линія, правый флангъ которой простирался до Оршена, прошла чрезъ Ландсбергъ до Альбрехтсдорфа, гдѣ упирался лѣвый ея флангъ. Вторая боевая линія занимала разстояніе между Шёневизе до Цолена; резервъ занялъ Прейшишъ-Эйлау и его окрестности, только-что оставленные второю боевою линіею.

Главнымъ сборнымъ пунктомъ для всей арміи въ случаѣ необходимости было назначено мѣсто впереди Ландсберга.

Генераль-лейтенантъ Лестокъ прибылъ со своимъ корпусомъ въ окрестности Вормдита. Полковникъ Штутергеймъ, прикрывавшій движеніе этого корпуса, направился въ окрестности Спортенена, чтобы охранять мостъ на р. Пассаргѣ. Генераль Лестокъ принялъ необходимыя предосторожности для защиты всѣхъ переправъ на Пассаргѣ, по которымъ непріятель могъ бы попытаться тревожить войска генерала Лестока въ ихъ кантонирь-квартирахъ.

15-го (27-го) февраля армія наша оставалась въ тѣхъ же позиціяхъ.

Генераль-лейтенантъ Платовъ сообщилъ, что 14-го (26-го) числа генераль-маіоръ баронъ Корфъ¹⁾, имѣя съ собою два баталіона своего егерскаго полка, находился въ деревнѣ Петерсвальдъ на аванпостахъ и былъ дотого мало остороженъ, что непріятелю удалось захватить его врасплохъ и взять въ плѣнъ вмѣстѣ съ его адъютантомъ въ то самое время, когда онъ выходилъ изъ своей квартиры, направляясь къ баталіону. Неосторожность и несмотрительность этого генерала въ данномъ случаѣ поразительны. Вся его команда была собрана на одномъ концѣ деревни; онъ же, чтобы имѣть лучшее себѣ помѣщеніе, расположился на другомъ ея концѣ. Два казака одинъ за другимъ прискакали къ нему съ извѣстіемъ о приближеніи непріятеля, но застали барона Корфа еще въ постели. Онъ успѣлъ едва одѣться и выйти изъ квартиры, какъ попался въ руки французовъ вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ. Непріятель, поощренный такимъ началомъ, прошелъ съ значительными силами чрезъ деревню и напалъ на наши два баталіона егерей, уже стоявшихъ однако подъ ружьемъ, такъ какъ казаки успѣли предварить ихъ о приближеніи непріятеля, покинувъ свои аванпосты. Вмѣсто ожидаемаго появленія своего командира оба баталіона подверглись стремительному нападенію французовъ. Нашъ отрядъ оборонялся съ большою храбростью, но не могъ устоять противъ значительныхъ силъ французовъ и принужденъ былъ отступить по дорогѣ въ Зекернъ, гдѣ находился болѣе значительный отрядъ нашего авангарда. Означенные два баталіона совершили отступление въ полномъ порядкѣ и, хотя непріятель и не долго ихъ преслѣдовалъ, но они потеряли однако по непростительной оплошности генерала Корфа убитыми одного офицера, одного унтеръ-офицера и 43 солдата; ранеными же оказались два штабъ-офицера и два оберъ-офицера и сто пятьдесятъ одинъ рядовой. Потеря непріятеля конечно была не менѣе значительна, если принять во вниманіе мужество и храбрость, съ которыми оборонялся нашъ небольшой отрядъ.

Изъ рапорта маршала Нея къ военному министру князю Нефштальскому объ этомъ дѣлѣ еще очевиднѣе, насколько баронъ Корфъ является виновнымъ по неслыханному своему образу дѣйствія во все время пребыванія своего въ плѣну.

16-го (28-го) февраля по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ обывателей разныхъ мѣстъ на рѣкѣ Пассаргѣ, непріятель сосредоточивалъ свои войска, чтобы снова двинуться впередъ. Я приказалъ моей арміи занять болѣе тѣсныя квартиры, а именно: центръ всего авангарда

---

¹⁾ Не должно смѣшивать этого генераль-маіора Корфа, командира егерскаго пѣхотнаго полка, съ другимъ барономъ Корфомъ, также генераль-маіоромъ, но командиромъ Псковскаго драгунскаго полка, отмѣнно отличившагося въ сраженіи при Прейсш-Эйлау, въ которомъ онъ былъ раненъ. Онъ все время войны служилъ съ большимъ отличіемъ. Прим. Беннигсена.

занялъ Неймарктъ; правый его флангъ—Оппенъ; а лѣвый—Лангевизе. Генераль-лейтенантъ князь Голицынъ съ главными кавалерійскими силами сталъ въ Фрауендорффъ и его окрестностяхъ, впереди центра моей арміи. 5-я дивизія, составлявшая правый флангъ, стояла въ Лихтенау, а 7-я дивизія въ Эшенау. Восьмая дивизія составляла центръ арміи и занимала Страбункенъ; вторая дивизія или лѣвый флангъ—находилась въ Гроссендорффъ. Третья и четвертая дивизіи составляли вторую линію и занимали разстояніе между Петерсгагеномъ и Сислакъ. Четырнадцатая дивизія или резервъ находилась въ Гроссъ-Пестенъ и его окрестностяхъ.

Свѣдѣнія, доставленныя обывателями, однако не подтвердились. Передвиженіе нѣкоторыхъ непріятельскихъ отрядовъ, вѣроятно, дало имъ поводъ къ предположенію о сосредоточеніи силъ противника и о его наступленіи. Движенія, совершенныя за это время обѣими воюющими арміями, ясно проявляли желаніе обѣихъ сторонъ доставить войскамъ спокойствіе, въ которомъ они крайне нуждались вслѣдствіе большаго утомленія, которому были подвержены въ продолженіе всей зимы. Къ тому же дороги сдѣлались совершенно непроходимыми и дѣлали невозможнымъ въ настоящее время какія-либо передвиженія. Оставалось только съ точностію опредѣлить то пространство, которое надлежало занять для обезпеченія войскамъ покоя и огражденія ихъ отъ всякихъ случайныхъ нападений на мѣста ихъ расположеній по квартирамъ.

Маршалъ Ней между прочимъ писалъ военному министру 15-го (27-го) февраля:

«Болѣзни свирѣпствуютъ въ арміи, ежедневно уменьшаютъ составъ полковъ и ослабляютъ ихъ силы. Въ четыре дня, которые мы простояли противъ непріятели, отправлено въ госпитали восемьсотъ человекъ отъ изнуренія силъ, по причинѣ худаго, недостаточнаго питанія. У меня подъ ружьемъ въ дѣйствительности всего отъ 10 до 11 тысячъ человекъ пѣхоты; что же касается кавалеріи, то полки ея среднимъ числомъ имѣютъ всего по 120 лошадей каждый. Если нѣтъ возможности надѣяться на нѣсколько дней спокойствія, то не только составъ этихъ полковъ еще болѣе уменьшится, но и нельзя будетъ думать о какомъ-либо исправленіи и починкѣ всей ихъ одежды, въ которой они до крайности нуждаются».

Непріятель избралъ позицію при Остероде, какъ главный сборный пунктъ всей арміи, чтобы принять сраженіе, если бы я пожелалъ горячо его преслѣдовать. Впослѣдствіи я узналъ, что этого даже и ожидали и были увѣрены, что я направляю движеніе моей арміи на Остероде съ цѣлью атаковать французскую армію. Но всѣ преимущества этой позиціи у Остероде были мнѣ хорошо извѣстны изъ географической карты, которая въ то же время указывала мнѣ также и всѣ пре-

пятствія, представляемыя при наступленіи множествомъ озеръ и дремучими лѣсами, окружающими эту мѣстность. Это побудило бы меня со всею моею арміею спуститься почти до окрестностей Гогенштейна, чтобы обойти эти лѣса. Но помню географическихъ картъ, всѣ преимущества позиціи при Остероде мнѣ были очень хорошо извѣстны ранѣе, такъ какъ въ планахъ обороны противъ Россіи, въ случаѣ войны съ нею, Фридрихъ Великій еще въ 1753 году упоминаетъ объ этой позиціи, указанной имъ подъ № 13 или позиція Шмигвальда. Король-полководецъ говоритъ, что если русская армія приблизится къ этой позиціи, то должно немедленно ее атаковать и т. д.

Я былъ бы кромѣ того принужденъ значительно усилить корпусъ генерала Лестока русскими войсками, чтобы доставить ему возможность противиться нападениамъ, которыя два корпуса маршаловъ Сульта и Бернадотта могли бы попытаться сдѣлать вмѣстѣ на Кѣнигсбергъ во время моихъ дѣйствій при Остероде.

17-го февраля (1-го марта) русская армія рано утромъ тронулась съ мѣста и расположилась слѣдующимъ образомъ: авангардъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Платова образовалъ кордонъ, простиравшійся отъ Вормдита до Гутштадта. Правое крыло его, въ Вормдитѣ, примыкало къ прусскому отряду, тянувшемуся до Фришъ-Гаффа; лѣвое крыло—упиралось къ Гутштадту. Главная квартира генерала Платова была назначена въ Аренсдорфъ.

Главная квартира генералъ-лейтенанта князя Голицына, командовавшаго кавалеріею лѣваго крыла, была въ Беннернѣ.

Правое крыло или 5-я дивизія, подъ начальствомъ генерала Тучкова, стояла въ Мельзакѣ, откуда онъ правымъ флангомъ сообщался съ прусскимъ корпусомъ подъ начальствомъ генерала Лестока, имѣя приказаніе поддерживать его въ случаѣ нападенія французовъ.

Восьмая дивизія стояла въ Трауендорфѣ; четвертая—въ Амтъ-Гейльсбергѣ; третья—въ Лаунау; вторая—въ Рейхенбергѣ, образуя лѣвое крыло; четырнадцатая, составлявшая резервъ, стояла въ Стабункенѣ.

Чтобы имѣть возможность находиться ближе къ событіямъ, которыя могли послѣдовать вскорѣ послѣ этого перехода, я переселился съ моимъ штабомъ въ Гейльсбергъ, гдѣ былъ назначенъ и главный сборный пунктъ всей арміи.

Въ тотъ же день, я получилъ донесеніе, что генералъ, графъ Толстой, прибылъ со своимъ отрядомъ въ Бишофштейнъ и открылъ сообщеніе съ лѣвымъ флангомъ нашей арміи. Это подкрѣпленіе въ 8.000 человекъ давало мнѣ возможность обезпечить спокойныя кантонирь-квартиры моей арміи и установить прочное сообщеніе съ корпусомъ

генерала Эссена, стоявшимъ на Наревѣ. Генераль-маіоръ Кноррингъ съ отрядомъ легкихъ войскъ, принадлежавшихъ къ составу отряда графа Толстаго, направился въ окрестности Алленштейна, гдѣ застигъ неприятельскій транспортъ, перевозившій двѣсти человѣкъ плѣнныхъ русскихъ, которые и были освобождены: сопровождавшій ихъ конвой былъ истребленъ, при чемъ взято въ плѣнъ пятьдесятъ французовъ.

Маршалъ Ней доносилъ военному министру изъ Шлитта отъ 1-го марта 1807 года въ пять часовъ утра слѣдующее:

Сію минуту получилъ я приказаніе вашей свѣтлости отъ вчерашняго числа шести часовъ вечера. Изъ расположенія моихъ войскъ отъ 28-го февраля вы изволите усмотрѣть, принявъ въ соображеніе разстояніе отъ меня моихъ войскъ и время потребное для передачи имъ различныхъ распоряженій, что я не имѣю никакой возможности собрать всѣ мои войска сегодня, чтобы осуществить предначертанія императора, состоящія въ слѣдующемъ: занять Гутштадтъ, какъ бы авангардомъ, расположить лівію моихъ войскъ такимъ образомъ, чтобы правое крыло заняло высоты позади города, а лѣвое—было бы у Пассарги со стороны Ельдиттена, и поставить посты пѣхоты по лѣвому берегу Алле до самаго Алленштейна. Я дѣлаю всѣ необходимыя распоряженія для сосредоточенія моихъ войскъ; завтра или послѣ завтра, отнюдь не позже, я двинусь противъ неприятеля и сдѣлаю все отъ меня зависящее для выполненія во всѣхъ отношеніяхъ намѣреній его величества.

18-го февраля (2-го марта) русская армія и ея авангардъ оставались въ полномъ спокойствіи на прежнихъ позиціяхъ.

Маршалъ Ней того же числа, 2-го марта (18-го февраля), въ 4¹/₂ часа утра, доносилъ военному министру изъ Депенна слѣдующее:

Я получилъ новыя распоряженія, сдѣланныя его величествомъ, для одновременной атаки всею арміею завтрашній день. Я совершенно готовъ выступить противъ неприятеля утромъ, въ какомъ часу признается всего болѣе удобнымъ. Не получивъ другихъ распоряженій, я не много до разсвѣта начну атаку, съ тою цѣлью, чтобы неприятель не могъ видѣть совокупность всего моего наступленія. Русская армія занимаетъ Кветцъ и имѣетъ двойную цѣль ведетовъ на высотахъ, господствующихъ надъ Анкендорфомъ, чрезъ Комальмень и Вальтерсмуле. Я приказалъ хорошо осмотрѣть сборный пунктъ позади Анкендорфа, чтобы внезапно и неожиданно напасть на Кветцъ, а оттуда на Глоттау съ цѣлью овладѣть Гутштадтомъ.

Я вижу, что придется отказаться отъ вѣзятія въ плѣнъ нѣсколькихъ человѣкъ сегодня, потому что эта попытка подала бы поводъ къ кавалерійскому дѣлу; но я значительно уступаю неприятелю въ численности кавалеріи, а потому и уклоняюсь отъ подобнаго дѣла. Лишь только нашъ офицеръ появляется для разузнанія мѣстности, какъ немедленно и значительно усиливаются неприятельскіе ведеты; ихъ можно насчитать до 150, разставленныхъ одинъ не далеко отъ другаго, и въ каждомъ отъ 4 до 6 человѣкъ. Занимаемые ими высоты препятствуютъ разсмотрѣть, что скрывается позади ихъ.

19-го февраля (3-го марта) наша армія также оставалась на всѣхъ прежнихъ позиціяхъ. Генеральъ Платовъ сообщилъ мнѣ, что маршалъ Ней приблизился со всѣмъ своимъ корпусомъ къ Гутштадту и снова овладѣлъ имъ. Читатель, конечно, припомнить, что я ранѣе уже указы-

валь, что этотъ городъ былъ занятъ только однимъ нашимъ батальономъ съ нѣсколькими казаками и, въ то же время, высказалъ соображенія, побудившія меня оставить въ этомъ городѣ такой слабый отрядъ. Мои приказанія были исполнены въ точности, и командовавшій батальономъ егерей, видя, что непріятель подступаетъ къ Гутштадту, съ значительными силами, покинулъ городъ въ полномъ порядкѣ, послѣ небольшой перестрѣлки и отошелъ на правый берегъ р. Алле, въ Гутштадтскій лѣсъ, который онъ и занялъ вполнѣ. Маршалъ Нея направилъ свои войска на небольшой отрядъ князя Щербатова, стоявшій въ Шмолайнѣ, и приказалъ сильно и рѣшительно атаковать его. Но князь Щербатовъ счумѣлъ такъ хорошо расположить свои войска и такъ искусно воспользовался мѣстностью, что французы, несмотря на свое значительное превосходство, встрѣтили внушительное сопротивление при отступленіи русскаго отряда. Князь Щербатовъ, почти безъ потерь, прибылъ въ Петерсвальде, гдѣ и присоединился къ нашему авангарду генерала Маркова. Въ самомъ рапортѣ маршала Нея читатель увидитъ, какъ онъ лестно отзывался объ отступленіи князя Щербатова.

Движеніе маршала Нея должно было внушить мнѣ предположеніе о наступательныхъ дѣйствіяхъ, предпринятыхъ имъ совместно съ движеніями прочихъ непріятельскихъ корпусовъ, съ цѣлью принудить меня отступить. Я же, напротивъ того, рѣшился твердо держаться и, нисколько не отступая, сохранить за мною занимаемыя позиціи по берегамъ рѣки Алле и отчасти на р. Пассаргѣ. Поэтому я сдѣлалъ распоряженія, придвинуть 3-ю, 4-ю, 7-ю и 14-ю дивизіи съ большею частью кавалеріи князя Голицына (или лѣваго крыла), подъ общимъ начальствомъ генерала Сакена, старшаго генералъ - лейтенанта въ моей арміи. Я приказалъ написать этому генералу, чтобы онъ поддерживалъ авангардъ и нисколько не отступалъ передъ непріятелемъ, развѣ что будетъ принужденъ къ этому значительнѣйшими его силами. Сакенъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, по крайней мѣрѣ, двадцать тысячъ человекъ, включая въ то число и авангардъ, что составляло, конечно, двойное количество всѣхъ войскъ, бывшихъ въ то время подъ начальствомъ маршала Нея. Читатель скоро увидитъ, что генералъ Сакенъ, при не много большемъ умѣніи и большей рѣшимости, могъ бы нанести рѣшительный ударъ корпусу маршала Нея, принудить его отступить назадъ съ большою для него потерей и доставить намъ новыя мѣста для зимнихъ квартиръ. Непріятель послѣ такого урока очень бы воздержался отъ вторичнаго на насъ нападенія, съ столь недостаточными силами, тѣмъ болѣе, что главные начальники обѣихъ армій очень желали отвести свои войска на зимнія квартиры и доставить имъ отдыхъ. Но нашъ генералъ допустилъ себя остановить незначительнымъ отрядомъ,

потерявъ при этомъ столько же людей, сколько бы ихъ могло погибнуть въ большомъ, но хорошо направленномъ дѣлѣ.

Съ разсвѣтомъ маршалъ Ней атаковалъ Зекернъ и Петерсвальде. Генераль Сакенъ приказалъ нашему авангарду отступить до самаго лѣса, между Лаунау и Зекерномъ и сосредоточилъ всѣ свои войска около Лаунау. Цѣпь наша изъ легкихъ войскъ прошла мимо Петерсвальда и оттуда направилась чрезъ Зоммерфельдъ, Петерсдорфъ, Швендтъ до самой р. Пассарги, а затѣмъ двигалась по правому берегу этой рѣки до самыхъ передовыхъ аванпостовъ прусскаго отряда. Я въ то же время предписалъ генераль-лейтенанту, графу Толстому, прибывшему уже въ Бартенштейнъ, приблизиться со своимъ корпусомъ къ Гейльсбергу на правый берегъ рѣки Алле, присоединивъ къ нему еще и вторую дивизию, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Остермана. Генераль-лейтенанты Тучковъ и Дохтуровъ получили тогда же приказаніе приблизиться съ 5-й и 7-й дивизіями къ Гейльсбергу по лѣвому берегу р. Алле, куда направилась также часть кавалеріи праваго крыла. Такимъ образомъ, я былъ въ состояніи сильно отразить всякую серьезную попытку непріятеля на этотъ городъ.

Генераль-лейтенантъ Лестокъ прислалъ меня увѣдомить, что непріятельскій отрядъ изъ корпуса князя Понте-Корво перешелъ р. Пассаргу въ Браунсбергъ и занялъ уже Нейштадтъ, но что онъ приметъ мѣры въ непродолжительномъ времени вытѣснить его изъ этого мѣста.

20-го февраля (4-го марта) генераль Сакенъ находился со своимъ корпусомъ дотого близко противъ непріятеля, что ему надлежало съ его двадцати-тысячнымъ отрядомъ только выступить изъ позиціи въ Лаунау, чтобы опрокинуть сперва отдѣльные отряды маршала Нейа одинъ на другой, и затѣмъ главный корпусъ въ полномъ составѣ, такъ что онъ не успѣлъ бы водворить порядка. Имѣя въ своемъ распоряженіи двѣ тысячи казаковъ и всю кавалерію лѣваго крыла, можно было бы нанести очень сильное пораженіе непріятелю при его отступленіи, давъ хорошее назначеніе нашей кавалеріи. Генераль Сакенъ имѣлъ бы, кромѣ того, еще и то преимущество, что маршалъ Ней былъ лишенъ возможности знать о превосходствѣ силъ генерала Сакена, скрытыхъ лѣсами, прикрывавшими его позицію. Изъ донесенія самаго маршала Нейа усматривается, что дѣйствительно онъ и не подозрѣвалъ, что въ столь близкомъ отъ него разстояніи находится такой сильный русскій отрядъ, который въ случаѣ необходимости могъ быть поддержанъ всею остальною русскою арміею.

Утромъ, какъ только стало свѣтать, генераль Сакенъ началъ атаку ии, лучше сказать, бесполезно потревожилъ непріятельскіе аванпосты, бывшіе впереди Зекерна. Въ то же время онъ вывелъ изъ лѣсу нѣсколько батальоновъ егерей противъ Остервальде, но не дѣлалъ никакихъ распоря-

женій, чтобы поддержать эту атаку. Послѣдствіемъ этого было то, что эти храбрые баталіоны были отражены съ большою потерей. Маршалъ Ней имѣлъ на этихъ двухъ пунктахъ, въ Зекернѣ и Петерсвальдѣ, только 50-й, 27-й и 59-й линейные полки съ двумя ротами вольтижеровъ и двумя карабинерными ротами 25-го легкаго полка; всѣ эти войска составляли не болѣе 4.000 человекъ, которые при томъ не были сосредоточены въ одномъ мѣстѣ. Сакенъ, имѣя при себѣ до 20.000 человекъ и при томъ сосредоточенныхъ въ одномъ отрядѣ, допустилъ отразить себя два раза въ одинъ день этою горстью французовъ. Поэтому маршалъ Ней и говорить въ своемъ рапортѣ: «Я не былъ въ силахъ поддержать мои войска; между тѣмъ какъ непріятель все усиливалъ свои; а потому я приказалъ моимъ резервамъ стоять въ оборонительной позиціи и ограничиться рѣдкою перестрѣлкою, поддерживаемою и артиллерійскимъ огнемъ. Непріятель маневрировалъ очень худо; семь или восемь разъ, въ величайшемъ безпорядкѣ и съ оглушительнымъ крикомъ, подходилъ на пятнадцать шаговъ отъ моихъ батальоновъ, но находилъ вездѣ смерть и т. д.»¹⁾

¹⁾ Объ этомъ дѣлѣ при Зекернѣ, очень, повидимому, поразившемъ г. Беннигсена, онъ писалъ своему пріятелю А. Б. Фоку, 17-го января 1808 г. изъ Вильны слѣдующее:

„Посылаю вамъ донесенія о жалкомъ дѣлѣ при Зекернѣ; вы увидите сами, какъ худо поступилъ генералъ Сакенъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи до 20.000 человекъ, онъ, какъ сами усмотрите, сражался съ двумя ротами вольтижеровъ, двумя ротами карабинеровъ, 25-мъ легкимъ полкомъ и 27-мъ линейнымъ, поддержаннымъ 59-мъ пѣхотнымъ полкомъ, и вся потеря непріятеля состоитъ въ 262 человека убитыми и ранеными. Вы также усмотрите, что весь корпусъ Нея состоялъ въ то время всего изъ 12.630 человекъ. Такимъ образомъ, генералъ Сакенъ въ дѣйствительности вступилъ въ бой или, точнѣе сказать, допустилъ себя разбить отрядомъ въ 3.000 человекъ. Поэтому маршалъ Ней въ своемъ донесеніи и говорить: „русскія войска очень худо маневрировали“ и далѣе, „что они шли въ атаку въ величайшемъ безпорядкѣ“. Вотъ прекрасное дѣло генерала Сакена, стоявшее намъ 500 человекъ убитыми. Вы также усмотрите далѣе, что маршалъ Ней смѣняетъ начальника дивизіи, генерала Гарданна (Gardanne) за допущенную имъ въ этомъ дѣлѣ ошибку, которою однако генералъ Сакенъ не сумѣлъ воспользоваться. Но я васъ спрашиваю: если во французской арміи наказываютъ такъ строго начальника дивизіи за небольшую ошибку, то не былъ ли бы генералъ Сакенъ давно разстрѣлянъ въ этой арміи за всѣ грубыя ошибки, совершенныя имъ въ его жизни въ дѣйствіяхъ противъ непріятелей?..

„Вы также усмотрите изъ рапортовъ маршала Нея его опасенія подвергнуться нападенію съ моей стороны по обѣимъ берегамъ рѣки Алле и чтобы я въ то же время не прошелъ чрезъ Вольфсдорфъ, съ цѣлію отрѣзать ему отступленіе;— это именно то, что я и намѣревался сдѣлать. Это показываетъ, что маршалу Нею не удалось бы ускользнуть изъ моихъ рукъ, если бы только генералъ Сакенъ въ точности повиновался даннымъ ему приказаніямъ. Лиш-

Получивъ уже урокъ отъ непріятеля и пожертвовавъ напрасно немалымъ числомъ людей, генераль-лейтенантъ Сакенъ, вмѣсто того, чтобы возстановить порядокъ и единство въ своихъ войскахъ и воспользоваться сдѣланною въ свою очередь непріятелемъ ошибкою на его глазахъ, пропустилъ и этотъ случай нанести поражение французамъ. По приказанію французскаго генерала Гарданна, 6-й легкой пѣхотный полкъ занялъ лѣсъ, очень близко находившійся отъ нашей позиціи въ Зекернѣ. Генераль Сакенъ очень легко могъ его совершенно отрѣзать, но онъ ограничился приказаніемъ атаковать лѣсъ отрядомъ кавалеріи, которая, какъ и слѣдовало ожидать, была отражена съ потерей людей. Послѣ этого генераль Сакенъ поддерживалъ бесполезную перестрѣлку въ продолженіе всего дня. Наконецъ, солнце уже совершенно сѣло, и тогда только онъ рѣшился опять произвести серьезную атаку. Въ девять часовъ вечера онъ приказалъ выступить изъ лѣса подъ Лаунау нѣсколькимъ отдѣльнымъ отрядамъ, при чемъ передовые, довольно слабые и при томъ никѣмъ не поддерживаемые, были немедленно отражены французами при первомъ столкновеніи подъ Зекерномъ, несмотря на то, что весь корпусъ Сакена стоялъ подъ ружьемъ, въ колоннахъ, въ небольшомъ разстояніи, совершенно готовый двинуться на непріятеля. Въ этомъ безпорядкѣ генераль Сакенъ спутывается самъ въ своемъ планѣ атаки и, наконецъ, отдаетъ приказаніе отступать, къ величайшему изумленію и негодованію всѣхъ войскъ, бывшихъ подъ его начальствомъ. Генераль Сакенъ приказалъ своимъ войскамъ вернуться на прежнія позиціи въ лѣсахъ Лаунау. Таковъ былъ результатъ этого пагубнаго дня при Зекернѣ, стоившаго намъ 500 человекъ нашего храбраго войска, тогда какъ непріятель потерялъ убитыми и ранеными всего 262 человека, какъ это заявляетъ самъ маршалъ Ней въ подробномъ своемъ рапортѣ объ этомъ дѣлѣ.

Я предложилъ генераль-лейтенанту Лестоку не упускать изъ виду безопасность Кенігсберга при размѣщеніи его отрядовъ. Поэтому онъ расположилъ свой отрядъ позади рѣчки Банаунъ, каковая позиція прикрывала совершенно Кенігсбергъ отъ нападенія непріятеля. Передовые посты Лестока занимали непрерывною цѣпью правый берегъ Пассарги отъ Браунсберга до праваго фланга русской арміи.

21-го февраля (5-го марта) наши войска оставались на всѣхъ прежде занимаемыхъ ими позиціяхъ. Начальникъ моего штаба генераль Штейнгейль, отправившійся въ авангардъ, приказалъ тамъ соорудить батарею для шести орудій 6-ти фунтоваго калибра, на лѣвомъ нашемъ крылѣ

нее съ моей стороны что-либо еще прибавлять къ этому, такъ какъ вся армія, бывшая очевидцемъ всего этого, была въ негодованіи отъ его худыхъ дѣяній“.

Лаунау, на одной возвышенности противъ Зекерна. Эта батарея была такъ удачно поставлена, что лишь только она открыла огонь 22-го февраля (6-го марта), рано утромъ, непріятель немедленно покинулъ это мѣсто, но оставался еще отъ него довольно близко и могъ помѣшать нашимъ войскамъ занять его немедленно. Впослѣдствіи французы отошли до высотъ впереди Гронау, на которыхъ стояли бивуаками ихъ отряды, чтобы поддерживать пикеты и ихъ цѣпи впереди аванпостовъ.

23-го февраля (7-го марта), маршалъ Ней приказалъ смѣнить свѣжими войсками тѣ, которыя стояли уже нѣсколько дней на аванпостахъ. Наши аванпосты, расположенные на правомъ берегу рѣки Алле, сообщили, что французы поставили изъ войскъ того же самаго корпуса довольно многочисленныя аванпосты на противоположномъ берегу, начиная отъ позиціи позади Зекерна до самаго Гутштадта. Я въ то же время получилъ отъ нашихъ передовыхъ постовъ, находившихся въ равнинѣ противъ Петерсвальде, извѣстіе, что непріятель выставилъ артиллерію впереди своей пѣхоты, между этимъ мѣстечкомъ и Зекерномъ, и что онъ занятъ сооруженіемъ нѣсколькихъ батарей. Другія донесенія съ нашихъ передовыхъ постовъ на Пассаргѣ сообщали мнѣ, что войска корпусовъ Сульта и Бернадотта, аванпосты которыхъ стояли на лѣвомъ берегу этой рѣки отъ Дешпена до Браунсберга, не совершали какихъ-либо движеній, по которымъ можно было бы заключить о намѣреніяхъ французовъ перейти въ наступленіе. Отъ казачьихъ отрядовъ, посланныхъ въ окрестности Алленштейна, я получилъ такого же рода донесенія относительно передовыхъ непріятельскихъ войскъ, входящихъ въ составъ корпуса маршала Даву, которые были на лѣвомъ берегу Алле, и о расположеніи по квартирамъ войскъ этого корпуса.

Отъ тайныхъ своихъ агентовъ я узналъ, что одинъ изъ корпусовъ французской арміи по-прежнему занимаетъ зимнія квартиры въ окрестностяхъ Остероде. Всѣ эти свѣдѣнія и донесенія вселили во мнѣ увѣренность, что французская армія считаетъ зимнюю кампанію оконченною и что она встрѣчаетъ надобность, быть можетъ, болѣе насъ въ спокойствіи и отдохновеніи съ цѣлью залѣчить раны этой первой кампаніи.

Поэтому всѣ сдѣланныя французскою арміею демонстраціи не имѣли иной цѣли, какъ только устроить мостовыя укрѣпленія на правомъ берегу Пассарги для лучшаго охраненія и обезпеченія отъ всякихъ внезапныхъ нападений размѣщенія войскъ по квартирамъ. Я также съ своей стороны очень желалъ доставить моимъ войскамъ отдыхъ, въ которомъ они крайне нуждались послѣ столькихъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что бивуаки, въ сырое время, которое тогда стояло, увеличивали съ каждымъ днемъ число больныхъ въ полкахъ. Равнымъ образомъ надо было выиграть также время, чтобы дать возможность транспортамъ всякаго рода подойти къ нашимъ войскамъ и снабдить ихъ всѣмъ необхо-

димымъ для успѣшнаго сопротивленія французской арміи, силы которой ежедневно увеличивались подкрѣпленіями, подходившими по приказаніямъ императора Наполеона со всѣхъ сторонъ Европы. Это послѣднее соображеніе побуждало меня безусловно ожидать приближенія ко мнѣ нѣкоторыхъ свѣжихъ войскъ прежде, нежели подвергать армію потерямъ, которыя могли уменьшить еще болѣе мои силы. На правомъ моемъ флангѣ находился прусскій отрядъ генерала Лестока, доходившій едва до 9.000 человекъ; отрядъ этотъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы имѣть возможность противостоятъ двумъ непріятельскимъ корпусамъ маршала Сульта и Бернадотта; онъ занималъ разстояніе отъ Либштадта до Браунсберга или до берега Фришъ-Гаффа. Означенные два непріятельскіе корпуса были каждый въ отдѣльности сильнѣе отряда генерала Лестока. Кромѣ того корпусъ Бернадотта, послѣ сраженія при Прейсишъ-Эйлау, былъ усиленъ остатками корпуса маршала Ожоро.

Всѣ означенныя французскія войска могли очень легко соединившись произвести общее нападеніе на пруссаковъ, съ цѣлью угрожать Кѣнигсбергу, если бы я слишкомъ растянулъ мои войска на лѣвомъ крылѣ. Поэтому съ прибытіемъ на рѣку Алле я не имѣлъ въ виду иной цѣли, какъ установить лѣвое крыло моей арміи въ Гутштадтѣ, что мнѣ и удалось бы исполнѣ, если бы генералъ Сакенъ не совершилъ большую ошибку 20-го февраля (4-го марта).

Разсматривая со вниманіемъ по картѣ расположеніе войскъ французской арміи, нельзя не признать, что корпусъ маршала Нея былъ слишкомъ выдвинутъ впередъ и даже подверженъ опасности. Поэтому замѣтивъ, что непріятель не дѣлаетъ измѣненія въ размѣщеніи своихъ войскъ, я тогда же составилъ планъ нанести этому корпусу рѣшительный ударъ, обойдя его въ разныхъ направленіяхъ, лишь только ко мнѣ подойдутъ ожидаемыя подкрѣпленія. Осуществленіе этого плана было однако отложено до начала второй кампаніи, о которой я сообщу въ свое время, когда дойдемъ до этой эпохи, и читатель снова увидитъ, что и въ тотъ разъ генералъ Сакенъ воспрепятствовалъ выполненію этого намѣренія.

Вышеизложенныя соображенія и причины побудили меня рѣшиться 24-го февраля (8-го марта) размѣстить мою армію по зимнимъ квартирамъ въ слѣдующемъ порядкѣ. Генералъ-лейтенантъ Тучковъ съ 5-ю дивизіею, составляя правый флангъ арміи, занялъ Ландсбергъ и его окрестности. Восьмая дивизія стала въ Альбрехтсдорфъ, четвертая—въ Лойденъ, третья—въ Гейльсбергъ. Кавалерія праваго крыла расположилась между Вормдитомъ и Гейльсбергомъ. Авангардъ остался въ своей первоначальной позиціи на лѣвомъ берегу р. Алле. На правомъ берегу этой рѣки находилась вторая дивизія и занимала Рогаузенъ и его окрестности. Четырнадцатая дивизія стояла въ Лаутергартенѣ. Седь-

мая—въ Галлингенѣ. Кавалерія лѣваго крыла—въ Амть-Гейльсбергѣ и его окрестностяхъ. Корпусъ графа Толстаго стоялъ между Гейльсбергомъ и Гутштатомъ на правомъ берегу, при чемъ главная квартира находилась въ Гейльсбергѣ. Зеебургъ былъ занятъ отрядомъ кавалеріи корпуса графа Толстаго, подъ начальствомъ генераль-маіора Кнорринга. Патрули и разъѣзды этого корпуса должны были наблюдать за неприятелемъ на пространствѣ отъ Гутштадта до Алленштейна по правому берегу рѣки Алле. Генераль-маіоръ Чаплицъ, съ своимъ Павлоградскимъ гусарскимъ полкомъ, былъ посланъ въ Бишофштейнъ, чтобы въ случаѣ надобности поддержать отрядъ, стоявшій въ Зеебургѣ. Маіоръ Селивановъ съ казачьимъ полкомъ былъ посланъ въ Бишофсбургъ, съ тѣмъ чтобы немедленно увѣдомить о приближеніи неприятеля, въ случаѣ, что сей послѣдній возымѣлъ намѣреніе обойти нашъ лѣвый флангъ, съ цѣлью тревожить наши войска съ этой стороны.

При такомъ расположеніи всѣхъ моихъ войскъ, помѣщеніе въ Гейльсбергѣ главной моей квартиры, столь близкое отъ аванпостовъ, было слишкомъ опасно и подвержено всякимъ внезапнымъ тревогамъ. Поэтому я перемѣстился въ тотъ же день со всѣмъ моимъ штабомъ въ Бартенштейнъ, гдѣ была учреждена главная квартира на всю остальную зиму. Позиція въ Гейльсбергѣ, по обѣимъ берегамъ р. Алле, была назначена для первоначальнаго сбора всѣхъ войскъ моихъ въ случаѣ, если бы движенія неприятеля вызвали необходимость сосредоточить наши войска. Если бы при этомъ наша армія принуждена была совершить отступленіе, то его должно было сдѣлать на Шиппенбейль, гдѣ армія должна была занять позицію, упираясь правымъ крыломъ къ Алле и оградивъ свой фронтъ маленькой рѣчкой Зайнъ. Часть нашей тяжелой артиллеріи вслѣдствіе этого была размѣщена въ окрестностяхъ Гердауена, но впоследствии я вызвалъ ее на позицію въ Гейльсбергъ, когда получилъ нѣкоторыя подкрѣпленія.

Генераль-лейтенантъ Лестокъ оставался въ занятой имъ позиціи. Главная квартира этого отряда была по-прежнему въ Мельзакѣ; въ случаѣ нападенія на него французовъ его долженъ былъ подкрѣпить генераль Тучковъ съ войсками, расположенными въ Ландсбергѣ и его окрестностяхъ.

Сообщилъ П. Майковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

**Рескриптъ императора Александра дѣйствительному камергеру
барону Кампенгаузену.**

27-го мая 1805 г.

Я съ удовольствіемъ извѣстился отъ министра внутреннихъ дѣлъ о сдѣланномъ вами въ пользу департамента внутреннихъ дѣлъ приношеніи разныхъ сочиненій, картъ и рукописей до статистики и исторіи російской принадлежащихъ.

Посвящая общей пользѣ произведеніе долготѣтныхъ трудовъ и издвенія вашего, вы даете новый знакъ извѣстнаго мнѣ отличнаго усердія вашего къ общему добру. Мнѣ пріятно отдать вамъ сію справедливость какъ въ семъ случаѣ, такъ и вообще по службѣ вашей вамъ совершенно принадлежащую.

П. А. Валуевъ и А. Г. Тройницкій.

Письма П. А. Валуева къ А. Г. Тройницкому ¹⁾.

42.

8-го октября 1864 г.

Признаюсь, что по моемъ возвращеніи, я не желалъ бы видѣть въ «Сѣверной Почтѣ» возвращаемую статью. Она напомнила мнѣ о томъ, что слѣдуетъ испросить высочайшее разрѣшеніе на принятіе званія «civis» города Одессы, о чемъ не сказано въ статьѣ. Не изволите ли вы о семъ представить всеподданнѣйшій докладъ ²⁾. Весь вашъ Валуевъ.

43.

14-го октября 1864 года.

Вопросъ о классахъ и штатахъ возвращенъ въ департаменты, чтобы меня выслушать и меня ограничить. Я мѣтилъ на особое мнѣніе, чтобы затянуть дѣло до возвращенія государя ³⁾ и присутствія Долгорукова, Горчакова и др.

Бахтинъ, къ удивленію многихъ, не догадался и предложилъ департаменты. Я охотно согласился. Предсѣдатель уступалъ по неожиданности. Можете себѣ представить, какъ онъ и Бутковъ будутъ мнѣ благодарны.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1899 г. № 8.

²⁾ 16-го октября 1864 года послѣдовало (по всеподданнѣйшему докладу управляшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ А. Г. Тройницкаго) высочайшее соизволеніе на присвоеніе статсъ-секретарю Валуеву званія почетнаго гражданина города Одессы.

³⁾ Осень 1864 года государь провель за границей, средину октября въ Ниццѣ, гдѣ осталась на зиму императрица.

44.

13-го января 1865 года.

Вотъ текстъ адреса, составленнаго въ Москвѣ. Думаю, что это васъ интересуетъ. Всѣ постановленія собранія недѣйствительны вслѣдствіе сегодняшняго сенатскаго опредѣленія ¹⁾. Я увѣдомилъ объ этомъ, шифромъ, генерала Офросимова ²⁾. Думаю, что Сенатъ въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, сослужилъ государю хорошую службу.

Признаюсь, что мнѣ особенно пріятно, что я провелъ это дѣло въ Сенатѣ.

Вчера Милютинъ ³⁾ и другіе были рѣзки до неблагопрістойности и горячились до безумія. А все же должны были умолкнуть и покориться. Весь вашъ Валуевъ.

45.

15-го марта 1865 года.

Вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ прошелъ сегодня ⁴⁾ для Балтійскихъ и Губерній. У государя присутствовали: великій князь Константинъ, князь Горчаковъ, князь Долгоруковъ, князь Урусовъ, Ахматовъ, Барановъ и я. Виѣ этихъ губерній оказалось невозможнымъ. Я сообщу вамъ нѣкоторыя подробности при первомъ съ вами свиданіи.

Вы бы много меня одолжили составленіемъ циркулярнаго письма къ губернаторамъ, чтобы обратить ихъ вниманіе на Губернскія Вѣдомости. Они совсѣмъ не наблюдаютъ за окраскою этихъ изданій! А между тѣмъ они безусловно обязаны ими заниматься. Они, напримѣръ, допускаютъ нападки на классическія гимназіи, появленіе всякихъ статей по крестьянскому дѣлу и по земскимъ учрежденіямъ, не согласныхъ съ дѣйствіями министерства, и описаніе всякихъ провинціальныхъ скандаловъ, съ цензурной точки зрѣнія болѣе чѣмъ сомнительныхъ. Надо положить конецъ всему этому. Весь вашъ Валуевъ.

¹⁾ См. въ „Русскомъ Архивѣ“, 1897 года вып. 1, въ статьѣ „Изъ дневниковъ В. А. Муханова“, записи 13, 14, 16 и 20 января 1865 года.

²⁾ Въ февралѣ 1864 года генераль-отъ-инфантеріи Михаилъ Александровичъ Офросимовъ былъ назначенъ московскимъ генераль-губернаторомъ (вмѣсто умершаго генераль-адъютанта Тучкова); умеръ 13 февраля 1868 года.

³⁾ Вѣроятно Н. А. Милютинъ, съ которымъ Валуевъ часто расходился въ мнѣніяхъ по крестьянскимъ дѣламъ и по дѣламъ западнаго края.

⁴⁾ 15 марта 1865 г. въ совѣщаніи, подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, обсуждался такъ называемый вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, собственно вопросъ о томъ, къ какому исповѣданію должны принадлежать дѣти православныхъ, вступающихъ въ бракъ съ лютеранами или католиками; состоявшееся по этому предмету Высочайшее повелѣніе было сообщено Синоду 22 того же марта, но распубликовано не было.

46.

24 марта 1865 года.

Все прошло, предостереженія безъ голосованія. Совѣтъ—28-ю голосами противъ 14, штаты—28 противъ 11, классъ начальника — 24 противъ 14 ¹⁾. Весь вашъ Валуевъ.

Не можете ли вы прислать мнѣ вчерашній № «Инвалида».

47.

26-го марта 1865 года.

Благодарю ваше превосходительство за сообщеніе. Я уже видѣлъ и замѣтилъ статью. Но вы сами назвали теперь на слѣдующую просьбу. Такъ какъ вы обратили вниманіе на статью, то не угодно ли приказать, чтобы въ «Сѣверной Почтѣ» былъ отвѣтъ ²⁾, въ формѣ второй передовой статьи, *entre filets*, на слѣдующую тему:

«Московскія Вѣдомости» много говорятъ о зем. учр. и многое очень хорошо. Но не во всемъ однако же можно съ ними соглашаться».

«Наприм. въ № доказывается, что отмѣна цензуры для газетъ и проч.

«Между тѣмъ есть самыя существенныя различія, а слѣд. тезисъ «Московскихъ Вѣдомостей» паралогизмъ, софизмъ или парадоксъ».

«Газеты заявляютъ частныя мнѣнія. Въ земскомъ собраніи протоколы и проч. суть акты извѣстныхъ учрежденій.—Гласность, прямая цѣль первыхъ; оглашеніе есть только въ извѣстныхъ случаяхъ спутникъ другихъ. Но главное, — для газетъ есть предостереженія и преслѣдованія. Могутъ ли онѣ быть для собраній? и пр. пр.

«Далѣе въ № указывается на Лифляндскія учрежденія, и между прочимъ на очереднаго ландрата, какъ на х о з я и на г у б е р н і я (*sic*) и на коллегію ландратовъ, какъ на распредѣлителей, между собою отраслей управленія. Между тѣмъ стоитъ заглянуть въ Остзейскій сводъ, чтобы узнать, что коллегія дѣйствуетъ только въ формѣ сѣздовъ, что кромѣ очереднаго ландрата и одного или двухъ, могущихъ имѣть другія занятія, прочіе ничего не дѣлаютъ между сѣздами, и наконецъ, что очередной есть собственно губернской предводитель, а ландмаршалъ,— какъ бы его товарищъ, когда нѣтъ сѣздовъ ландрата или конвента.

¹⁾ Въ письмѣ къ брату отъ 25 марта 1865 года А. Г. Тройницкій между прочимъ сообщалъ ему: „вчера прошло наконецъ дѣло о цензурѣ въ Государственномъ Совѣтѣ“.

²⁾ См. „Сѣверную Почту“ 28 марта 1865 года № 68, вторая передовая статья.

Между тѣмъ «Московскія Вѣдомости» весьма правильно разсуждаютъ, что членамъ нашихъ управъ слѣдовало бы чередоваться, а не сидѣть въ сборѣ для дѣлъ, которыя можетъ дѣлать одинъ за прочихъ, и т. д.

Т. à V. Валуевъ.

48.

15 апрѣля 1865 года.

Въ сегодняшнемъ засѣданіи комитета министровъ ¹⁾, гдѣ присутствовали генераль Безакъ ²⁾ и нѣсколько присмирѣвшій или присмирѣвающій генераль Муравьевъ, я снова слышалъ давно знакомые тоны о русификаціи края посредствомъ наводненія русскими капиталами, которыхъ нѣтъ, и русскими чиновниками, которыхъ не много пригодныхъ. Слушая, я снова думалъ объ извѣстныхъ вамъ цифрахъ, объ элементахъ служилаго сословія въ Россіи и разныхъ частей населенія въ западномъ краѣ. Гдѣ эти цифры? Нельзя ли въ статистическомъ комитетѣ сдѣлать общую таблицу этихъ элементовъ по западному краю. Мною были въ свое время собраны и свѣдѣнія о частяхъ поземельной собственности, находящейся въ рукахъ поляковъ и неполяковъ. Эти цифры были представлены въ западный комитетъ. Кажется, не бесполезно было бы составить ради стереотипнаго цифирнаго опроверженія всѣхъ Муравьевскихъ, Безаковскихъ, Милютинскихъ, Зеленовскихъ и т. п. грезъ.

Consilium auxiliumque rogat ³⁾.

W.

49.

17-го мая 1865 года.

Я забылъ просить васъ особенно поддержать дѣло объ агентствѣ для переселенцевъ Брандта ⁴⁾. У насъ люди нужны. Весь вашъ Валуевъ.

50.

23-го мая 1865 года.

Прилагаемый проектъ полученъ мною отъ г.-а. Крыжановскаго ⁵⁾. Prima facie, и принимая въ соображеніе состоянія новаго генераль-губернатора, я не встрѣчаю препятствія согласиться. Но, не бывши въ

¹⁾ Въ этомъ засѣданіи, при участіи генераль-губернаторовъ, разсматривалось нѣсколько дѣлъ по западному краю.

²⁾ Александръ Павловичъ Кіевскій генераль-губернаторъ.

³⁾ Совѣта и помощи просить.

⁴⁾ Дѣло это было разсмотрѣно 24-го мая 1865 г. въ Комитетѣ Министровъ, журналъ котораго высочайше утвержденъ 4 іюня того же года.

⁵⁾ Въ началѣ этого года Николай Андреевичъ Крыжановскій былъ назначенъ оренбургскимъ генераль-губернаторомъ.

засѣданіи департамента Государственнаго Совѣта ¹⁾), я не рѣшаюсь возвратить этотъ проектъ генералу Крыжановскому безъ предварительнаго сообщенія онаго вамъ.

Если вы не встрѣтите повода къ существеннымъ возраженіямъ или замѣчаніямъ, то прошу васъ отослать проектъ прямо отъ себя къ генералу Крыжановскому, съ изъясненіемъ на него согласія. Я не буду въ городѣ завтра утромъ, а вамъ можно будетъ завершить дѣло по сосѣдству, безъ затрудненія. *Caeterum plenipotentiā accipe.* Весь вашъ Валуевъ.

51.

23-го мая 1865 года.

Виновать въ томъ, что забылъ доложить вашему превосходительству объ исполненіи приказаній на счетъ г.г. Артемьева и Огородникова ²⁾.—Первому добавлено 1.000, второму 500 руб. Весь вашъ Валуевъ.

52.

17-го сентября 1865 года. Аптекр. остр.

Начинаю это письмо, многоуважаемый Александръ Григорьевичъ, съ принесенія вашимъ превосходительствомъ моихъ искреннихъ поздравленій по случаю нынѣшняго дня ³⁾), и вашему превосходительству не менѣе искренней благодарности за доброе письмо. Радуюсь успѣху вашего лѣченія ⁴⁾ и прежде всего думаю объ упроченіи этого успѣха. Сдѣлайте милость не спѣшите возвращеніемъ въ номерованный бумажный міръ. Дѣло не въ дняхъ. Если вы вернетесь къ 15-му октября, то отдыха вамъ будетъ побольше, а мнѣ выдержать недѣлю или недѣли двѣ

¹⁾ 15-го мая 1865 г. въ засѣданіи соединенныхъ департаментовъ законовъ и государственной экономіи Государственнаго Совѣта (гдѣ за П. А. Валуева присутствовалъ А. Г. Тройницкій), разсматривалось дѣло о передачѣ башкиръ изъ военнаго вѣдомства въ гражданское.

²⁾ Александръ Ивановичъ Артемьевъ и Евлампій Кирилловичъ Огородниковъ, старшіе редакторы центрального статистическаго комитета, были ближайшими сотрудниками А. Гр. Тройницкаго въ его работахъ по статистикѣ; по высочайшему повелѣнію 22 мая 1865 г. имъ пожалованы ежегодныя, къ штатному содержанію, прибавки въ указанныхъ размѣрахъ.

³⁾ Именныя жены А. Г.—Вѣры Ильиничны Тройницкой.

⁴⁾ Въ августѣ 1864—5 А. Г. Тройницкій страдалъ легучимъ ревматизмомъ; въ юлѣ 1865 г. онъ, взявъ отпускъ, отправился на воды въ Карлсбадъ и Висбаденъ, послѣ чего провелъ часть сентября въ Швейцаріи и въ Парижѣ и возвратился въ Петербургъ 3-го октября.

лишнихъ, въ нынѣшнемъ положеніи, не составитъ особаго затрудненія. Главное, чтобы вы запаслись силами на осень, зиму и т. д.

Къ сожалѣнію, я долженъ ограничиться самымъ краткимъ посланіемъ. Засѣданія и бумаги по-прежнему поглощаютъ дни. Особыхъ непріятностей не было и нѣтъ; но обычныя продолжаютъ въ прежнихъ формахъ и размѣрахъ. Разладъ между вѣдомствами, отсутствіе памяти о солидарности государственныхъ вопросовъ, азіатское направленіе по дѣламъ западнымъ, все такъ, какъ было при васъ. Истоощается только мое здоровье, мои силы, и истощилось, къ сожалѣнію, мое прежнее наружное хладнокровіе.

Управленіе печати пущено въ ходъ въ урочный день. Между членами не замѣщена одна вакансія. Я не хотѣлъ назначить Маркевича и держу мѣсто въ запасѣ. Быть можетъ, я временно посажу на него Мартынова (зятя Огарева), впредь до назначенія его губернаторомъ. До свиданія въ добрый часъ. Душевно преданный Валуевъ.

53.

15-го ноября 1865 года.

Прошу васъ, по дѣлу Баташевыхъ¹⁾, переговорить съ г. министромъ государ. имуществъ. Желательно предохранить казну отъ приѣма имѣнія въ убытокъ. Весь вашъ Валуевъ.

54.

29-го декабря 1865 года.

Дѣло будетъ обсуждено въ пятницу. Если можете дать добрый совѣтъ, — дайте. Во всякомъ случаѣ нужно, чтобы мнѣніе общества сельскаго хозяйства южной Россіи было напечатано въ завтрашнемъ же № «Сѣверной Почты»²⁾.

¹⁾ 15-го ноября 1865 г. А. Г. Тройницкій былъ (за Валуева) въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, въ которомъ разсматривалось дѣло объ имѣніи корнета Баташева и лежащихъ на томъ имѣніи долгахъ.

²⁾ См. въ „Сѣверной Почтѣ“ 30 декабря 1865 года № 283 „мнѣніе императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи о направленіи желѣзныхъ дорогъ для соединенія новороссійскаго края съ австрійскими владѣніями“. За годъ передъ тѣмъ, въ № 286 „Сѣверной Почты“ за 1864 годъ, 30 декабря, на страницѣ 3-й была помѣщена небольшая замѣтка, начинавшаяся словами: „Въ Одесскомъ Вѣстникѣ читаемъ“, въ которой наложено мнѣніе общества сельскаго хозяйства южной Россіи о направленіи Одесско-Московской желѣзной дороги черезъ Кременчугъ и Харьковъ.

55.

27-го апрѣля 1866 года. Секретно.

Завтра ¹⁾ намъ предстоитъ совѣщаніе у государя объ общемъ положеніи дѣлъ.—Вотъ записка, которую я сегодня представилъ по этому случаю государю, въ видѣ предисловія.

Потрудитесь возвратитъ мнѣ, по прочтеніи. Весь вашъ Валувъ.

56.

2-го октября 1866 года.

На мѣсто генерала Кауфмана назначается графъ Барановъ ²⁾, изъ Риги; на его мѣсто генераль Альбединскій; на его мѣсто генераль Рихтеръ. Валувъ.

57.

30-го октября 1866 г.

Сильная боль въ лицѣ,—застарѣлый тикъ, который мѣшаетъ мнѣ говорить и который возобновился вслѣдствіе сломаннаго зуба—вынуждаетъ меня отказаться отъ присутствія въ Государственномъ Совѣтѣ завтра, когда впервые появится государь наследникъ ³⁾, и проситъ васъ меня замѣнить (въ праздничной формѣ).

Посылаю вамъ подлежащія бумаги. Сложно только дѣло о торговыхъ рижскихъ сборахъ. Я напишу князю Урусову, что прошу вновь его отсрочить, если графъ Шуваловъ ⁴⁾, который имъ интересуется, раздѣлитъ это желаніе. Въ противномъ случаѣ или въ случаѣ отказа въ отсрочкѣ, потрудитесь вполнѣ поддерживать Шувалова и сказать отъ моего имени, что если я, въ своемъ проектѣ, много уступилъ, то не по убѣжденію въ полезности нашихъ уступокъ, а

¹⁾ 28-го апрѣля 1866 г. у государя происходило совѣщаніе, къ которому П. А. Валувымъ представлена была записка.

²⁾ 2-го октября 1866 г. въ городѣ стало извѣстно, что графъ Эдуардъ Трофимовичъ Барановъ назначается генераль-губернаторомъ въ Вильну вмѣсто Константина Петровича Кауфмана; указы объ этомъ состоялись 10-го октября 1866 года.

³⁾ Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ первый разъ присутствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ, въ званіи его члена, 31-го октября 1866 г.; въ этомъ засѣданіи слушалось, между прочимъ, дѣло о рижскихъ торговыхъ сборахъ.

⁴⁾ Графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ былъ въ то время рижскимъ генераль-губернаторомъ.

только за отсутствіемъ надежды достигнуть большаго въ дѣлѣ, которое я уже защищалъ, безъ достаточнаго успѣха, въ 1862 г. Главною сущностью моей рѣчи, если бы мнѣ пришлось ее высказать, было бы: *beneficia non obtruduntur* ¹⁾).

Мнѣ досадно, что я не могу участвовать, но это отъ меня не зависитъ. Во вторникъ я вѣроятно пропущу засѣданіе Комитета Министровъ и буду васъ просить меня замѣстить. Министру юстиціи это доставить передышку на недѣлю. Весь вашъ Валуевъ.

58.

31-го октября 1866 г.

Только-что воротился, выдержавъ трехчасовую надъ собою работу дантиста, въ то самое время, какъ вы разсуждали о ихъ сословіи ²⁾. Главная сущность вопроса въ томъ, что хотять облагодѣтельствовать рижскую торговлю, которая идетъ хорошо и ни на что не жалуется.

Само собою разумѣется, что Замятнинскій вопросъ не можетъ быть рѣшенъ въ мое отсутствіе. Его нѣтъ въ повѣсткѣ и его не рѣшатся продрнуть.

Во всякомъ случаѣ, я не могу быть завтра въ комитетѣ ³⁾. Боль такъ сильна, что не можетъ скоро утихнуть. До свиданья. В.

59.

31-го декабря 1866 г.

Приношу вашему превосходительству обычное поздравленіе съ наступающимъ годомъ и обычную искреннѣйшую благодарность за дружескую помощь и содѣйствіе въ минувшемъ. Прошу о продолженіи ихъ, о сохраненіи добрыхъ чувствъ ко мнѣ и о принятіи неизмѣннаго выраженія моихъ чувствъ къ вамъ. Искренно преданный Валуевъ.

Государь предназначилъ вамъ аренду ⁴⁾; но время, когда она состоится, еще не опредѣлено, потому что въ этомъ отношеніи введены новые порядки.

¹⁾ Благодѣній не надо навязывать.

²⁾ 31-го октября 1866 г. А. Г. Тр. присутствовалъ въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта, гдѣ между прочимъ слушались дѣла: а) Объ освобожденіи дантистовъ отъ примѣненія къ ихъ надѣліямъ пробирнаго устава и б) О рижскихъ торговыхъ сборахъ.

³⁾ 1-го ноября 1866 г. въ комитетѣ министровъ за Валуева присутствовалъ А. Г. Тр.

⁴⁾ 23-го января 1867 г. состоялся Высочайшій указъ о назначеніи А. Г. Тройницкому аренды по 3.000 р. въ годъ, на 12 лѣтъ.

60.

9-го марта 1867 г.

Препровождая при семъ списокъ съ состоявшагося сего числа о вашемъ новомъ назначеніи ¹⁾ указа, могу только, при искреннихъ благожеланіяхъ на счетъ будущаго, съ не менѣе искреннею благодарностью вспомнить о прошломъ. Такъ мимоходомъ, видоизмѣняется, или смѣняется все. Но память сохраняетъ то, что было, рядомъ съ тѣмъ, что есть, и передъ тѣмъ, что будетъ. Душевно преданный Валуевъ.

61.

2-го апрѣля 1867 г.

Въ надеждѣ, что ваше превосходительство ѣдете завтра въ Государственный Совѣтъ, гдѣ я не буду, приношу вамъ покорнѣйшую просьбу поддержать кн. Лобанова ²⁾ и министра государственныхъ имуществъ, которые по дѣлу гр. Левашева ³⁾ будутъ настаивать на томъ, чтобы ему не было дѣлаемо даже и простаго замѣчанія. Графъ Панинъ не будетъ въ Совѣтѣ; но онъ настаивалъ на томъ, чтобы Левашева совершенно выгородить.

Надѣюсь, что ваша аудіенція ⁴⁾ сегодня была «grata». Весь вашъ Валуевъ.

Изъ писемъ А. Г. Тройницкаго.

Письма эти были адресованы къ Николаю Григорьевичу и Матренѣ Оминичѣ Тройницкимъ (брату и матери А. Г. Тр.) и къ Аполлону Александровичу Скальковскому.

Н. Г. Тройницкій родился въ Одессѣ, 9-го мая 1811 г., когда его отецъ былъ уже въ походѣ, изъ котораго ему не суждено было возвратиться ⁵⁾; воспитывался въ Ришельевскомъ лицѣѣ, гдѣ былъ дѣятель-

¹⁾ Членомъ Государственнаго Совѣта.

²⁾ Князь Алексѣй Борисовичъ Лобановъ-Ростовскій замѣстилъ А. Г. Тройницкаго въ должности товарища министра внутреннихъ дѣлъ.

³⁾ 3-го апрѣля 1867 г. въ Государственномъ Совѣтѣ слушалось дѣло по обвиненію графа Левашева министерствомъ финансовъ.

⁴⁾ 2-го апрѣля 1867 г., А. Г. Тр., по случаю назначенія членомъ Государственнаго Совѣта, представлялся государю императору.

⁵⁾ См. его письмо къ Ѳ. Г. Волошину отъ 28-го мая 1811 г. въ сборникъ „Ришельевскій лицей и императорскій Новороссійскій университетъ“, (Отд. II, стр. 51). Одесса, 1898 г.

нымъ участникомъ рукописнаго лицейскаго журнала «Ареопагъ»¹⁾; съ самаго окончанія въ 1832 г. курса и до смерти былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ, иногда участникомъ въ редакціи «Одесскаго Вѣстника», въ которомъ, кромѣ множества его оригинальныхъ и переводныхъ статей въ прозѣ, помѣщались нѣкоторыя его стихотворенія; большую часть службы провелъ въ Одесской портовой таможнѣ, довольно долго управлялъ Одесскою конторою государственнаго банка, умеръ въ отставкѣ 8-го октября 1892 г. Некрологи его были напечатаны 9-го и 10-го того же октября въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» (№ 260) и «Одесскихъ Новостяхъ» (№ 2419).

М. О. Тройницкая (рожденная Волошинова), послѣ шестилѣтняго замужества, прожила вдовою съ 1812 г. въ Одессѣ болѣе 20-ти лѣтъ, а затѣмъ въ небольшомъ имѣніи своихъ родственниковъ «Нагорное», въ 35-ти верстахъ отъ Кременчуга, гдѣ умерла въ концѣ 1872 г.

А. А. Скальковскій, кандидатъ Московскаго университета, съ 1829 г. жилъ въ Одессѣ, гдѣ и умеръ въ 1899 г. Множество статей его, преимущественно по исторіи и статистикѣ Новороссійскаго края, было помѣщено въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», въ «Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ» и въ «Сѣверной Почтѣ». Надо надѣяться, что очеркъ его жизни, хорошимъ матеріаломъ для котораго могутъ служить его дневникъ за многія десятилѣтія и его обширная переписка, появится, болѣе или менѣе скоро, въ печати, и представить не мало интересныхъ данныхъ для бытовой исторіи Одессы и всего юга Россіи.

1.

Къ Н. Г. Тройницкому.

С.-Петербургъ, 24-го мая 1861 г.

Сегодня, по неволѣ, я долженъ начать рѣчью о себѣ. Я подготавливалъ всѣ свои дѣла такъ, чтобы въ первыхъ числахъ іюня съ двумя меньшими сыновьями пуститься въ путь въ Одессу, какъ вдругъ мои проекты перевернулись вверхъ дномъ. До прошлой недѣли я не имѣлъ случая говорить о дѣлахъ съ новымъ министромъ Валуевымъ, ни ознакомиться съ нимъ въ какомъ-либо отношеніи. Въ прошлый четвергъ назначенъ былъ мнѣ у него докладъ по служебнымъ дѣламъ, и я хотѣлъ воспользоваться случаемъ похлопотать о своемъ отпускѣ; но онъ совершенно неожиданно для меня изъявилъ мнѣ желаніе, чтобы я принялъ на себя временно исполненіе части обязанностей его товарища, именно предсѣдательство въ совѣтѣ министра, который два года безусловно без-

¹⁾ См. стр. 589 и 590, «Одесса 1794—1894», юбилейное изданіе городского общественнаго управленія, Одесса, 1894, 1895 г.г.

дѣйствоваль¹⁾), но которому онъ желаетъ придать значеніе и дѣятельность. На мое возраженіе, что есть директоры департаментовъ старше меня по чину и по службѣ въ министерствѣ, и что мнѣ необходимо съѣздить на лѣто въ Одессу по семейнымъ и деревенскимъ дѣламъ, онъ отвѣчалъ, что первое, т. е. отношеніе старшинства, его дѣло, а о второмъ, т. е. о поѣздкѣ, что онъ охотно опуститъ меня въ августѣ, до тѣхъ же поръ я ему нуженъ. Въ добавокъ онъ предложилъ мнѣ поселиться на лѣто на сосѣдней съ министерскою, казенной дачѣ товарища министра. При этомъ неожиданномъ вниманіи чловѣка, нынѣ весьма высоко стоящаго, и при этой любезности, мнѣ, разумѣется, осталось сказать: слушаю,—что я и сдѣлалъ.

2.

С.-Петербургъ, 8-го іюля 1861 г.

Приѣду я или нѣтъ, рѣшительно не знаю. Надѣюсь, что это удастся мнѣ къ концу августа, но при возложенныхъ теперь на меня обязанностяхъ, положительнаго сказать ничего не могу. На мнѣ теперь временно, безъ имени товарища министра, обязанности по пяти департаментамъ министерства гораздо шире тѣхъ, которыя исполнялъ прежній товарищъ. Работы слишкомъ много. Мѣсяць или два такъ можно протянуть, но не долѣе. Этою тяжестью извини меня передъ тѣми, къ кому не пишу.

3.

С.-Петербургъ, 6-го сентября 1861 г.

Много причинъ, что я долго не писалъ. Первая, общая относительно тебя и многихъ другихъ, та, что ей-ей нѣтъ времени. На мнѣ теперь временно исполненіе четырехъ должностей: я заступаю мѣсто товарища министра, предсѣдательствую въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ, управляю статистическимъ комитетомъ и членствую въ главномъ управленіи цензуры, не говоря еще о членствѣ въ совѣтѣ Павловскаго дѣвичьяго института. Кромѣ массы бумагъ (я просматриваю и подписываю до ста въ день за министра), самое разнообразіе обязанностей утомляетъ мою голову, да и руку.

Другая причина, что я не зналъ до сихъ поръ, ѣду ли я или не ѣду въ Одессу. На-дняхъ только я получилъ разрѣшеніе ѣхать и черезъ

¹⁾ «По случаю усиленныхъ временно исправлявшаго должность товарища министра (Н. А. Милютин) завятій крестьянскимъ дѣломъ и обширными преобразованиями государственнаго управленія». Высочайше утвержденный 31-го мая 1861 г. докладъ П. А. Валужева отъ 29-го того же мая.

недѣлю или дней десять думаю пуститься въ путь. Но навѣрное еще опредѣлить срокъ отъѣзда не умѣю: много еще и служебнаго и домашняго нужно устроить ⁴⁾).

4.

С.-Петербургъ, 20-го ноября 1861 г.

. . . Приѣхавши, я засталъ пропасть дѣла; но, главное, мое положеніе неожиданно измѣнилось. Указомъ 18-го ноября я назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, съ увольненіемъ отъ должностей члена главнаго управленія цензуры и, къ сожалѣнію моему, завѣдывающаго статистическимъ комитетомъ. Министръ не предварилъ меня ни однимъ словомъ объ этой перемѣнѣ декорацій и сообщилъ мнѣ о томъ, какъ о совершившемся фактѣ. Не безъ тревоги принялъ я это новое «высокое» назначеніе: въ настоящую минуту оно и высоко и трудно, крѣпко трудно. Дай Богъ ума и силъ его выполнить, чтобы не ударить лицомъ въ грязь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

⁴⁾ Предложеніемъ 9-го сентября 1861 г., Валуевъ командировалъ А. Г. Тройницкаго въ разныя губерніи, для обзорѣнія дѣйствій губернскихъ статистическихъ комитетовъ и направленія новаго ихъ устройства, а также исполненія особаго, лично возложеннаго порученія; А. Г. выѣхалъ изъ С.-Петербурга 17-го сентября, черезъ Москву, Курскъ, Харьковъ и Елисаветградъ въ Одессу; возвратился 12-го ноября.

Новая книга о Пушкинѣ.

а блѣдномъ фонѣ изданій, появившихся къ недавно отпразднованному юбилею столѣтняго дня рожденія Пушкина, рѣзко выдѣляется богатствомъ своего содержанія книга акад. Л. Н. Майкова, заключающая въ себѣ рядъ матеріаловъ и изслѣдованій о жизни и произведеніяхъ нашего великаго поэта. Книга эта носитъ скромное названіе: «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки. Съ приложеніемъ портрета Пушкина» (С.-Пб. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. 1899. 462 стр. 80), но содержать въ себѣ богатѣйшій источникъ для ознакомленія съ внѣшними и внутренними фактами изъ жизни и дѣятельности Пушкина. Здѣсь любитель найдетъ интересныя воспоминанія о поэтѣ его близкихъ и друзей, характеристики его взглядовъ и отношеній къ людямъ, наконецъ—повѣствованіе объ отдѣльныхъ эпизодахъ изъ его жизни.

Большая часть статей, помѣщенныхъ въ новой книгѣ Л. Н. Майкова, уже появлялась въ печати раньше, но въ настоящемъ сборникѣ статьи эти даны въ передѣланномъ и исправленномъ видѣ, нѣкоторыя же являются совершенной новинкой.

Академикъ Майковъ, уже издавна занимающійся, по порученію втораго отдѣленія Императорской академіи наукъ, работами по критическому изданію сочиненій Пушкина и еще недавно подарившій русскую публику первымъ томомъ этого изданія, заботился о собираніи всевозможныхъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности поэта, могущихъ послужить матеріаломъ для полной его біографіи, которой, по академическому плану, должно завершиться собраніе его сочиненій. Розысканія, предпринятія въ этомъ направленіи, дали возможность Л. Н. Майкову обнаружить драгоцѣнныя свѣдѣнія, въ теченіе долгихъ лѣтъ лежавшія

подъ спудомъ, и только благодаря его работамъ увидѣвшія свѣтъ. Кромѣ того, въ книгѣ читатель найдетъ воспоминанія о Пушкинѣ, давно забытыя или затерявшіяся въ старыхъ и малораспространенныхъ журналахъ. Последняго рода воспоминанія Л. Н. Майковъ перепечаталъ въ своей книгѣ или съ дополненіями по подлиннымъ рукописямъ, или, наоборотъ, сдѣлалъ изъ нихъ лишь выборки, исключивъ все мало-важное и сохранивъ только существенное и цѣнное. Таковы, напримѣръ, воспоминанія А. П. Кернъ (Марковой-Виноградской), содержащія въ себѣ много драгоцѣнныхъ свѣдѣній о поэтѣ.

Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ подобнаго рода системѣ извлеченій. Литература о Пушкинѣ въ смыслѣ воспоминаній о немъ настолько обширна, что было бы весьма полезно сдѣлать критическую сводку всего наиболѣе въ ней цѣннаго, чтобы затѣмъ, имѣя такой «экстрактъ», занимающійся освобождался бы отъ необходимости каждый разъ сызнава разбираться въ томъ, что важно и что неважно въ данныхъ мемуарахъ. Укажемъ, напримѣръ, на записки Смирновой. Въ нихъ, безъ сомнѣнія, заключаются такія свѣдѣнія, которыя даютъ имъ право на почетное мѣсто въ ряду мемуарной литературы о Пушкинѣ; но здѣсь перлы часто скрыты подъ такою массою совершенно не относящагося до поэта мусора, что для того, чтобы отрыть ихъ, надо потратить не мало времени и труда, а также обладать солидными знаніями, дабы отличить цѣнное отъ несущественнаго, лишняго и даже невѣрнаго. Поэтому-то особенно и важно, чтобы подобнаго рода работа производилась лицомъ вполне компетентнымъ.

Тотъ же методъ приложенъ акад. Майковымъ и при печатавіи дневника А. Н. Вульфа: изъ него выбрано только то, что имѣетъ дѣйствительное и непосредственное отношеніе къ Пушкину и близкимъ ему людямъ или характерно для самого автора дневника.

Весь матеріалъ, заключающійся въ разбираемой книгѣ Л. Н. Майкова, расположенъ въ извѣстной внутренней связи и даетъ возможность прослѣдить въ хронологическомъ порядкѣ главнѣйшіе факты біографіи и моменты развитія творчества Пушкина. Каждая статья, заключающая въ себѣ воспоминанія о немъ, снабжена болѣе или менѣе подробнымъ сообщеніемъ свѣдѣній изъ жизни ихъ автора, дающихъ читателю полную возможность составить себѣ ясное представленіе объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ того лица, съ которымъ поэтъ былъ въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ.

На первомъ мѣстѣ книги поставлены воспоминанія о Пушкинѣ его младшаго брата Льва Сергѣевича, написанныя имъ, по всей вѣроятности, въ концѣ 40-хъ годовъ и напечатанныя Погодинымъ въ «Москвитининѣ» 1853 г. Воспоминанія эти особенно цѣнны, такъ какъ Левъ Пушкинъ, къ которому его старшій братъ питалъ самыя нѣж-

ныя чувства, близко зналъ многія обстоятельства жизни поэта и прекрасно понималъ его душевныя качества. Потому-то, несмотря на нѣкоторую отрывочность и неполноту сообщаемыхъ свѣдѣній и мелкія фактическія ошибки, записка Л. С. Пушкина должна занимать видное мѣсто въ ряду воспоминаній о его гениальномъ братѣ. Чрезвычайно любопытная во многихъ отношеніяхъ личность самого Льва Сергѣевича прекрасно очерчена Л. Н. Майковымъ въ довольно подробномъ біографическомъ очеркѣ, котораго до сихъ поръ не существовало въ нашей литературѣ.

Еще болѣе важны «записки И. И. Пущина о дружескихъ связяхъ его съ Пушкинымъ», впервые появившіяся еще въ 1859 г. въ «Атенѣ», но съ значительными пропусками, восстановленными новымъ ихъ издателемъ по подлинной рукописи, принадлежащей нынѣ В. Е. Якушкину. Воспоминанія Пущина наиболѣе цѣнны для исторіи лицейскаго періода жизни Пушкина (1811—1817 г.). Почти сверстники по возрасту, они поступили въ лицей въ одинъ день и въ одинъ же день покинули его при окончаніи курса: въ теченіе всего учебнаго періода они были особенно близки между собою и въ послѣдствіи сохраняли свои дружескія отношенія. Разказы Пущина написаны чрезвычайно тепло; они просто, безъ хитростей и затѣй, рисуютъ намъ юношу-Пушкина, съ его слабостями и достоинствами, и при этомъ отличаются точностью и безусловнымъ безпристрастіемъ. Повѣствованіе же о свиданіи обоихъ друзей въ с. Михайловскомъ въ 1825 г. должно быть признано, какъ выражается г. Майковъ, «драгоцѣннѣйшимъ свидѣтельствомъ о деревенской жизни поэта, свидѣтельствомъ, равнаго которому нѣтъ во всей массѣ біографическихъ свѣдѣній о Пушкинѣ,—такой живенности и задушевной теплоты исполненъ этотъ разказъ».

Непосредственно за «записками» Пущина слѣдуютъ «Бессарабскія воспоминанія А. Θ. Вельмана и его знакомство съ Пушкинымъ», относящіяся къ 1820—1822 г.г. и опубликованныя въ полномъ видѣ Л. Н. Майковымъ по подлинной рукописи Вельмана, хранящейся въ Московскомъ Публичномъ музеѣ. Они особенно важны для исторіи Кишиневскаго періода жизни Пушкина, имѣвшаго большое вліяніе на развитіе его нравственной личности и поэтическаго дарованія, обогатившихся тогда новымъ запасомъ свѣжихъ и сильныхъ впечатлѣній. Не говоря уже о рядѣ характеристикъ и свѣдѣній о лицахъ, составлявшихъ общество, въ которомъ пришлось провести Пушкину два съ половиною года, Вельманъ даетъ множество наблюденій, соображеній и замѣчаній объ источникахъ и типахъ, давшихъ Пушкину столь богатый матеріалъ для его творчества.

Статья «Изъ сношеній Пушкина съ Н. Н. Раевскимъ», съ которымъ Пушкинъ былъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ, памятникомъ

коихъ служить посвященіе ему «Кавказскаго Плѣнника», знакомить насъ съ интересною личностью этого храбраго генерала и въ то же время любителя и тонкаго знатока западно-европейской литературы, рисуетъ передъ нами исторію его знакомства съ Пушкинымъ и вліяніе на развитіе его литературныхъ взглядовъ и сужденій. По словамъ Л. Н. Майкова, «Н. Н. Раевскій довольно долго оставался однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Пушкина въ дѣлахъ литературы», и поэтому «близкое знакомство съ такимъ человѣкомъ не могло пройти безслѣднымъ для Пушкина». Приложенное къ статьѣ письмо Н. Н. Раевского къ своему другу, извлеченное Л. Н. Майковымъ изъ бумагъ П. В. Анненкова, очень интересно, такъ какъ содержитъ въ себѣ его отзывы о «Кавказскомъ Плѣнникѣ», «Цыганахъ», «Братьяхъ-разбойникахъ» и о планѣ «Бориса Годунова», сообщенномъ ему самимъ поэтомъ.

Выдержки изъ дневника пріятеля Пушкина—А. Н. Вульфа, сына П. А. Осиповой отъ перваго брака и сосѣда по Михайловскому (Вульфъ принадлежало с. Тригорское), напечатаны здѣсь впервые съ подлинной рукописи, полученной акад. Майковымъ отъ наслѣдниковъ ея автора. Извѣстны дружескія отношенія, связывавшія, несмотря на разницу лѣтъ, Пушкина съ Вульфомъ. Вотъ почему тѣ части дневника Вульфа, которыя касаются собственно поэта, должны быть признаны очеv дѣльными, и можно только сожалѣть, что Вульфъ упоминаетъ о своемъ другѣ только изрѣдка, мимоходомъ, когда какое-нибудь внѣшнее обстоятельство побуждаетъ его къ этому. Но, повторимъ, и это малое весьма цѣнно.

Мы уже указали выше на важность извлеченій изъ «Воспоминаній А. П. Марковой-Виноградской (А. П. Кернъ)», постепенно появившихся: въ 1859 г. въ «Библіотекѣ для чтенія», въ «Семейныхъ вечерахъ» 1864 г., «Русской Старинѣ» 1870 г. и «Русскомъ Архивѣ» 1884 г. Изъ нихъ Л. Н. Майковъ перепечаталъ въ своей книгѣ цѣликомъ только первый отрывокъ, а изъ остальныхъ извлекъ лишь то, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ Пушкину. Прежде, чѣмъ перейти къ воспоминаніямъ А. П. Кернъ, Л. Н. Майковъ рисуетъ передъ читателями привлекательный образъ самой рассказчицы, внушившей въ поэтѣ, какъ извѣстно, живую страсть къ себѣ, подъ впечатлѣніемъ которой онъ написалъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній: «Я помню чудное мгновенье». Да и сама Анна Петровна отвѣтила поэту такимъ же горячимъ расположеніемъ... Она откровенно рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о первомъ своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ въ 1819 г. въ домѣ Олениныхъ, затѣмъ повѣствуетъ о жизни поэта въ 1825 г. въ с. Михайловскомъ, по сосѣдству съ которымъ она жила въ то время, гостя у своей тетки П. А. Осиповой, и передаетъ случаи изъ дальнѣйшихъ встрѣчъ своихъ съ Пушкинымъ

въ 1827 и 1828 г. Главное достоинство рассказовъ А. П. Кернъ—это ихъ простота и безыскусственность, съ которыми она, въ большинствѣ случаевъ, ведетъ свое повѣствованіе о поэтѣ ¹⁾.

Слѣдующія затѣмъ двѣ статьи академика Майкова: «Князь Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ (по матеріаламъ Остафьевскаго архива)» и «Пушкинъ о Батюшковѣ» стоятъ между собой въ тѣсной связи. По легкимъ замѣткамъ, сдѣланнымъ Пушкинымъ на поляхъ статьи князя Вяземскаго объ Озеровѣ и на экземплярѣ «Опытовъ» Батюшкова, сгруппированнымъ академикомъ Майковымъ въ известную стройную систему, является полная возможность судить о критическихъ и литературныхъ взглядахъ поэта въ эпоху 1825—1828 гг. Замѣчанія Пушкина всегда кратки, не многословны, но чрезвычайно мѣткі, оригинальны и характерны. Они касаются какъ внѣшней формы выраженія мысли, такъ и ея внутренняго содержанія, литературныхъ мнѣній и сужденій критикуемаго автора (князя Вяземскаго или Батюшкова). И надо прочесть эти коротенькія замѣтки, на примѣръ, на поляхъ сочиненій Батюшкова, чтобы видѣть, какимъ благоговѣніемъ проникнуты нѣкоторыя изъ нихъ, или какъ, подчасъ безпощадно, гениальный ученикъ критикуетъ своего учителя! Слова въ родѣ «прелесть!», «прекрасно!», «смѣло и счастливо» чередуются у него съ отзывами «плоско», «какъ дурно», «вяло» и т. п.

«Воспоминанія Шевырева о Пушкинѣ» сообщаются Л. Н. Майковымъ по рукописи, находившейся въ распоряженіи П. В. Анненкова, который воспользовался ими, но только отчасти, въ своемъ трудѣ по жизнеописанію поэта. Рассказы Шевырева были записаны съ его словъ Н. В. Бергомъ и заключаютъ въ себѣ очень любопытныя черты изъ первыхъ годовъ жизни поэта и свѣдѣнія о его родныхъ, собранныя Шевыревымъ въ подмосковномъ с. Захаровѣ, принадлежавшемъ бабушкѣ Пушкина М. А. Ганнибалъ. Періодъ жизни поэта съ 1811 по 1825 г. весьма слабо отразился въ запискѣ Шевырева, и это объясняется тѣмъ, что личное ихъ знакомство состоялось лишь во второй

---

¹⁾ Воспользуемся случаемъ, чтобы внести небольшое поясненіе въ примѣчаніе Л. Н. Майкова, вызванное рассказомъ А. П. Кернъ о томъ, какъ однажды Пушкинъ, находясь въ дружескомъ кружкѣ, «рассказалъ сказку про чорта, который ѣздилъ на извозчикѣ на Васильевскій островъ» и что «эту сказку съ его же словъ записалъ нѣкто Титовъ и помѣстилъ, кажется, въ «Подсвѣжникѣ» (стр. 241). Акад. Майковъ говоритъ по этому поводу въ примѣчаніи, что такой статьи въ «Подсвѣжникѣ» не появлялось. Это совершенно вѣрно. Дѣло въ томъ, что память измѣнила А. П. Кернъ, и рассказъ Титова, о которомъ она говоритъ, былъ напечатанъ не въ «Подсвѣжникѣ», а въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1829 годъ» (стр. 147—217) подъ заглавіемъ „Уединенный дѣмъ на Васильевскомъ“ и былъ подписанъ псевдонимомъ Владимира Павловича Титова—„Титъ Космократовъ“

половинѣ 1826 г. Съ этого же времени рассказы Шевырева становятся весьма любопытными, хотя и отличаются нѣкоторою односронностью во взглядахъ и сужденіяхъ; за то обширныя и интересныя поясненія издателя даютъ возможность смотрѣть на нихъ съ должной точки зрѣнія.

Статья о «Знакомствѣ Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ (1826—1830)» составлена академикомъ Майковымъ на основаніи домашняго архива этого семейства и вызвана желаніемъ издателя внести болѣшую точность въ опредѣленіе ряда стихотвореній Пушкина, помѣченныхъ буквами «Е. Н. У.» Въ статьѣ приведенъ также интересный отрывокъ изъ воспоминаній Елиз. Никол. Киселевой, рожд. Ушаковой. Въ домѣ ея отца, въ Москвѣ собирались мѣстные артисты и литераторы, и тамъ же въ 1826—1827 гг. часто бывалъ Пушкинъ, у котораго вскорѣ завязались тѣсныя дружескія отношенія со всею семьею Ушаковыхъ, а въ особенности—съ двумя красавицами-дочерьми. Въ ихъ обществѣ Пушкинъ проводилъ часто цѣлыя дни въ мирной, свободной бесѣдѣ. Памятники этихъ посѣщеній, въ видѣ цѣлага ряда стихотвореній и рисунковъ поэта, сохранились въ альбомѣ, принадлежавшемъ младшей изъ сестеръ Ушаковыхъ—Елизаветѣ Николаевнѣ, впоследствии Киселевой,—и академикъ Майковъ дѣластъ въ своей статьѣ рядъ интересныхъ извлеченій изъ этого альбома, дѣлающихся, благодаря его поясненіямъ, весьма характерными для Пушкина.

Слѣдующій засимъ очеркъ, трактующій «О поѣздкѣ Пушкина на Кавказъ въ 1829 г.», даетъ цѣлый рядъ новыхъ свѣдѣній объ этомъ путешествіи поэта, а также о лицахъ, съ которыми онъ встрѣчался, и о знакомствѣ съ которыми оставилъ слѣды въ своемъ «Путешествіи въ Арзрумъ». Здѣсь же читатель находитъ интересный рассказъ о «Встрѣчѣ съ А. С. Пушкинымъ за Кавказомъ» въ 1829 г., написанный братомъ лицейскаго товарища поэта—Михаиломъ Ивановичемъ Пушинымъ. Рассказъ этотъ былъ доставленъ П. В. Анненкову черезъ посредство графа Л. Н. Толстаго, познакомившагося съ его авторомъ въ Швейцаріи въ 1857 г., онъ особенно цѣненъ въ томъ отношеніи, что является единственнымъ источникомъ свѣдѣній о послѣдней части поѣздки Пушкина на Кавказъ, и при томъ источникомъ вполне достовернымъ и правдивымъ.

Съ Натальей Кирилловной Загряжской, рожд. гр. Разумовской, біографіи которой академикъ Майковъ посвящаетъ свой слѣдующій этюдъ. Пушкинъ познакомился въ 1830 г., явившись къ ней въ качествѣ жениха ея внучки — Н. Н. Гончаровой, и изъ этого знакомства вынесъ рядъ впечатлѣній, нѣкоторые отблески коихъ, справедливо видятъ въ чертахъ характера старой графини въ «Пиковой дамѣ».

Въ разказахъ Н. К. Загряжской, которые Пушкинъ такъ любилъ и даже вносилъ, какъ историческіе матеріалы, въ свою записную книжку, онъ, по словамъ князя Вяземскаго, «ловилъ... отголоски поколѣній и общества, которыя уже сошли съ лица земли» и «въ бесѣдѣ съ нею находилъ необыкновенную прелесть историческую и поэтическую»...

Книга Л. Н. Майкова оканчивается статьею о «Пушкинѣ и Далѣ», относящеюся къ послѣднимъ годовъ жизни поэта. Здѣсь мы знакомимся съ «Воспоминаніями о Пушкинѣ» В. И. Даля, написанными имъ въ 1844 г. и долгое время находившимися подъ спудомъ въ бумагахъ П. В. Анненкова. По словамъ издателя, «воспоминанія Даля, не смотря на свою браткость, должны занять видное мѣсто въ ряду матеріаловъ для біографіи величайшаго представителя русской литературы»: они писаны лицомъ, обладавшимъ тонкою наблюдательностью, и проникнуты благоговѣйнымъ отношеніемъ къ Пушкину. Даль повѣствуетъ о своей встрѣчѣ съ поэтомъ въ 1833 г. въ Оренбургѣ, во время путешествія, предпринятаго Пушкинымъ съ цѣлію собиранія на мѣстѣ свѣдѣній о Пугачевскомъ бунтѣ, исторію котораго онъ былъ тогда занятъ. Здѣсь же встрѣчаемъ любопытное письмо одной москвички, посѣтившей вскорѣ послѣ Пушкина въ слободѣ Бердѣ подъ Оренбургомъ ту самую старуху-казачку, отъ которой Пушкинъ узналъ много подробностей о временахъ Пугачевщины. Всѣмъ извѣстно, какъ блестяще отразились въ «Капитанской дочкѣ» яркіе слѣды впечатлѣній, накопленныхъ поэтомъ въ эту поѣздку.

Изъ приведеннаго краткаго обзора или даже—только перечня содержанія новой книги академика Майкова о нашемъ гениальномъ поэтѣ можно, кажется, съ достаточною ясностью представить себѣ богатство и глубокій интересъ ея содержанія. Поэтому смѣло отсылаемъ всякаго любителя Пушкина къ этому труду, составленному съ такою любовью и знаніемъ дѣла.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что и внѣшность книги вполне соответствуетъ ея внутреннему содержанію. Она украшена исполненнымъ въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ портретомъ Пушкина, превосходно воспроизводящимъ извѣстную гравюру Н. И. Уткина 1827 г., сдѣланную съ оригинала О. А. Кипренскаго, а обширный указатель, приложенный къ книгѣ, значительно облегчаетъ пользованіе ею.

М. Б.

**Письмо М. Шумского, воспитанника графа Аракчеева, барону
Балтазару Балтазаровичу Кампенгаузену.**

8-го ноября 1822 г. Грузино.

Благосклонное письмо вашего превосходительства отъ 7-го сего мѣсяца, въ коемъ вы меня изволите поздравлять со днемъ моего ангела, я имѣлъ честь получить. Считаю оное особеннымъ вниманіемъ вашего превосходительства ко мнѣ, я поставляю себѣ непремѣннымъ долгомъ принести вашему превосходительству, за драгоцѣнное ваше обо мнѣ воспоминаніе, мою нижайшую благодарность. Весьма жалѣю, что не могу принести оной лично за милостивое вашего превосходительства ко мнѣ благорасположеніе.

Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностью имѣю честь быть вашего превосходительства, милостиваго государя, покорный слуга М. Шумской.

П о п р а в к а :

Въ июльской книжкѣ „Рус. Стар.“ стр. 170, строка 23 сверху вкрасась опечатка: напечатано „красавицѣ Ксеніи, сестрѣ Бориса Гоодунова“; должно читать „дочеръ и Бориса Годунова“.

Письмо въ редакцію Ю. Н. Милютина.

Редакція получила отъ Ю. Н. Милютина слѣдующее письмо:

«Въ первыхъ четырехъ книжкахъ «Русской Старины» за 1899 годъ помѣщены статьи подъ заглавіемъ: «Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной» безъ указанія источника, откуда онѣ получены, а въ общемъ оглавленіи тома ХСVII значится о нихъ. «Сообщеніе Ю. Н. Милютина».

«Считаю долгомъ установить, что я не сообщалъ редакціи «Русской Старины» изданныхъ ею отрывковъ изъ записокъ моей матушки, и что напечатанное въ этомъ смыслѣ утвержденіе не имѣетъ ни малѣйшаго основанія.

«Сверхъ того я уполномоченъ моею матушкою, Маріею Аггеевною Милютиною (нынѣ Стилъ), заявить отъ ея имени, что она никогда не доставляла своихъ записокъ редакціи «Русской Старины», ни полностью, ни въ отрывкахъ, и никому не уступала права на ихъ изданіе, а тѣмъ болѣе не позволяла исказать ихъ произвольными пропусками, однимъ словомъ, что выдержки изъ ея воспоминаній напечатаны «Русскою Стариною» безъ ея вѣдома.

«Къ сожалѣнію, находясь въ путешествіи съ первыхъ чиселъ января, и, при томъ, за границею, я не имѣлъ до сихъ поръ въ рукахъ книжекъ вашего журнала за полгода и потому не могъ ранѣе возражать.

«Покорнѣйше прошу васъ, г. редакторъ, напечатать настоящее письмо мое въ ближайшемъ номерѣ «Русской Старины», а другія изданія, упоминающія о «Запискахъ М. А. Милютиной», прошу его перепечатать.

«Примите увѣреніе и проч.

Печатаая настоящее письмо, редакція считаетъ долгомъ сказать, что, приобрѣтая «Русскую Старину», издатель получилъ и рукописи, хранившіяся въ прежней редакціи по день покупки журнала. Въ одной изъ переданныхъ въ новую редакцію книгъ, въ которыхъ записывались поступающія статьи, рукою М. И. Семевского, въ январѣ 1880 года, написано слѣдующее:

«Милютинъ, Юрій Николаевичъ, сообщилъ записки его матери Маріи Аггеевны Милютиной (рожденной Абаза) о ея мужѣ Николаѣ Алексѣевичѣ Милютинѣ († 1872). Пять тетрадей».

Такимъ образомъ настоящая редакція не можетъ признать заявленія Ю. Н. Милютина точнымъ и правильнымъ, а тѣмъ болѣе принять на себя обвиненіе, будто бы записки не были сообщены редакціи и напечатаны безъ вѣдома автора. Что же касается до искаженія записокъ и произвольныхъ пропусковъ, о которыхъ говорить Ю. Н., то со стороны редакціи ни того, ни другаго сдѣлано не было, и онѣ напечатаны по той рукописи, которая была доставлена въ редакцію. Послѣдняя даже выразила сожалѣніе, что столь «интересныя и важныя въ историческомъ отношеніи воспоминанія» остаются неоконченными.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1899 г.

ТОМЪ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЫЙ.

ІЮЛЬ, АВГУСТЪ, СЕНТЯБРЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Изъ записокъ барона (впослѣдствіи графа)
М. А. Корфа . . . 3—30; 271—295; 480—515
- II. Прекращеніе ссылки въ Сибирь. Записка
вице-адмирала, генераль-адъютанта К. Н.
Посъета. . . . . 51—59
- III. Изъ Прошлаго. (Воспоминаніе офицера ге-
неральнаго штаба о войнѣ 1877—1878 гг.).
П. Д. Паренсова. 73—95; 375—399; 629—648
- IV. Изъ воспоминаній стараго педагога. Але-
ксандра Овсянникова . . . . . 133—144
- V. Записки графа Л. Л. Беннигсена о войнѣ
съ Наполеономъ 1807 года. Сообщ. П. М.
Майковъ . . . 205—224; 453—466; 675—693
- VI. Изъ воспоминаній прусскаго флигель-адъю-
танта Малаховскаго. Сообщ. Н. К. Шиль-
деръ . . . . . 327—344; 571—586
- VII. Записка баварца о Россіи временъ импера-
тора Павла. (Перев. съ франц. рукописи).
Сообщ. Евгений Шумигорскій. 345—
362; 537—557
- VIII. Мои цензурныя мытарства. А. Чумикова. 617—627

Портреты.

- I. Портретъ Николая Христофоровича Палаузова.
Грав. И. И. Хельмицкій.
(При 7-ой книгѣ).

II. Портретъ Григорія Ѳedorовича Генса. Грав.
И. И. Хельмицкій.

(При 8-ой книгѣ).

III. Портретъ Якова Николаевича Толстаго. Грав.
И. И. Хельмицкій.

(При 9-ой книгѣ).

**Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Раз-
сказы, матеріалы и замѣтки.**

	СТРАН.
I. Кіевская университетская старина. (Событія въ университетѣ св. Владиміра въ 1860—1862 гг.). Проф. К. Н. Ренненкампа	31—49
II. Собственноручное письмо графа Ростопчина—генералу Барклай-де-Толли 25-го іюля 1812 г. Сообщ. А. З. Мышлаевскій	50
III. Письмо М. А. Милорадовича—П. А. Сафонову « » сентября 1809 г.	60
IV. Николай Христофоровичъ Палаузовъ. (Біографическая замѣтка). Проф. П. Казанскаго.	61—72
V. Письмо И. И. Дмитріева — А. И. Тургеневу, 30-го декабря 1820 г.	96
VI. Императоръ Александръ I. (Его характеристика по сочиненію Н. К. Шильдера). II. 97—114;	401—426
VII. Палладій, митрополитъ с.-петербургскій и ладожскій. (Біографическій очеркъ). П. Ѳ. Вышелавцева	115—132
VIII. Россія и Франція въ 1870 г. (По бумагамъ генерала Флѣри)	145—168; 427—452
IX. Новыя данныя о первомъ Самозванцѣ. В. В. Тимошукъ	169—204
X. П. А. Валуевъ и А. Г. Тройницкій. Сообщ. Г. А. Тройницкій	225—240; 467—480; 695—706
XI. Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка. Н. Ѳ. Дубровина	241—270
XII. Устройство въ Одессѣ коммерческаго порта 6-го ноября 1801 г.	296
XIII. Пунканъ въ изображеніи М. А. Корфа. Акад. Л. Н. Майкова	297—311; 517—530
XIV. Совѣтъ старцу. (Стихотвор.). Сообщ. Н. А. Боровковъ	312
XV. Преступный отрывокъ элегіи «Андрей Шеньев». (Изъ судебного процесса А. С. Пушкина, А. Леопольдова, Коноплева и друг.). А. Слезкинскаго	313—326

XVI.	Григорій Ѳеодоровичъ Генсъ. (Первый директоръ Оренбургскаго Неплюевскаго кадетскаго корпуса). П. Л. Юдина	363—373
XVII.	Письмо князя Семѣна Щербатова къ вице-губернатору Архангельской губерніи—Петру Ефимовичу Лодыженскому 20-го марта 1723 г.	374
XVIII.	Объявленіе о подпискѣ на памятникъ императрицѣ Екатеринѣ II	400
XIX.	О поселеніи духоборцевъ на р. Молочной	516
XX.	А. С. Пушкинъ и Н. И. Бухаровъ. Сообщ. П. П. Левицкій	531—535
XXI.	Къ біографіямъ А. С. Пушкина и В. А. Жуковскаго. (Письмо И. И. Дмитриева—П. П. Свиньину, 23-го марта 1837 г.)	536
XXII.	В. И. Даль о своихъ пословицахъ и словарь	558
XXIII.	Отношенія иркутскаго архіепископа Нила къ декабристамъ. Леонида Трефолева	559—569
XXIV.	Всеподданнѣйшее прошеніе генераль-лейтенанта Дорохова объ обезпеченіи его семейства	570
XXV.	Яковъ Николаевичъ Толстой. Б. Л. Модзалевскаго	587—614
XXVI.	Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ и Г. Р. Державинъ. Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина—Г. Р. Державину и отвѣтъ Державина). Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	615—616
XXVII.	Пожертвованіе екатеринославскаго дворянства на Харьковскій университетъ. (Указъ императора Александра статскому совѣтнику Невѣровскому, отъ 30-го января 1804 г.)	628
XXVIII.	Изъ секретной переписки Барклай-де-Толли въ 1812 г. Сообщ. А. З. Мышлаевскій	649—653
XXIX.	Порученіе фельдмаршала Варшавскаго сдѣлать выписку изъ сочиненій князя Курбскаго о порядкахъ, бывшихъ въ войскахъ въ XVI столѣтіи. Сообщ. Н. Вигинскій	654
XXX.	Изъ дневника П. Г. Дивова	655—673
XXXI.	Переселеніе болгаръ въ Россію. (Рескриптъ императора Александра новороссійскому губернатору Миклашевскому, отъ 16-го іюня 1802 г.)	674
XXXII.	Рескриптъ императора Александра дѣйствительному камергеру барону Кампенаузену	694
XXXIII.	Новая книга о Пушкинѣ. М. Б.	707—713
XXXIV.	Письмо М. Шумскаго — барону В. Б. Кампенаузену	714
XXXV.	Письмо въ редакцію Ю. Н. Милютина	715—716
XXXVI.	Систематическое оглавленіе 99-го тома	717—720

Библиографическій листокъ.

1. Труды Я. К. Грота. III. Филологическія розысканія (1852—1892 гг.). Изданы подъ редакціей профессора К. Я. Грота. Спб., 1899 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ июльской книги).
2. Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки въ Академіи Наукъ въ С.-Петербургѣ. Май, 1899 г., 250 фототипически исполненныхъ снимковъ съ портретовъ, рисунковъ, гравюръ, рукописей и проч. Составленъ подъ редакціей Л. Н. Майкова и Б. Л. Модзалевскаго. Исполненъ и изданъ художественною фототипіей К. А. Фишера въ Москвѣ. 1899 г. Цѣна 6 р. (На оберткѣ августовской книги).
3. Религиозные мотивы въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина. С. Г. Рункевичъ. Спб., 1899 г. Н. И. Кашкадамова. (Тамъ же).
4. 1799 г.—26-го мая—1899 г. Маска и письмо А. С. Пушкина, хранящіяся въ библиотекѣ Императорскаго Юрьевскаго университета. Съ 5-ю снимками. Юрьевъ. 1899 г. Н. И. Кашкадамова. (На оберткѣ сентябрьской книги).
5. О Пушкинѣ. Статьи и замѣтки В. Е. Якушкина. Москва. 1899 г. (Тамъ же).

Приложеніе.

Мысли и воспоминанія князя Оттона Бисмарка . . . . . 192—272

по закону былъ обязанъ имѣть свое мнѣніе, высказывать его и настаивать на немъ.

23-го іюля, подъ предсѣдательствомъ короля, собрался военный совѣтъ, на которомъ предстояло рѣшить, слѣдуетъ ли при данныхъ обстоятельствахъ заключить миръ или продолжать войну. Во вниманіе къ мучительной болѣзни, которою я страдалъ, совѣщаніе было назначено въ моей комнатѣ. Я былъ на этомъ совѣщаніи единственнымъ представителемъ гражданскаго вѣдомства, носившимъ мундиръ. Я высказалъ мнѣніе, что мы должны заключить миръ на предложенныхъ Австріей условіяхъ; но остался при этомъ мнѣніи одинъ; король присоединился къ большинству военныхъ. Мои нервы не выдержали впечатлѣній, съ которыми мнѣ приходилось бороться день и ночь, я всталъ и молча удалился въ сосѣднюю спальню, гдѣ со мною сдѣлалась сильная истерика. Я еще не успѣлъ успокоиться, какъ военный совѣтъ разошелся. Тогда я принялся за работу, рѣшивъ изложить письменно причины, которыя, по моему мнѣнію, вынуждали насъ заключить миръ; я просилъ короля, если онъ не пожелаетъ принять моего совѣта, за который отвѣтственность падеть на меня, освободить меня, въ случаѣ продолженія войны, отъ обязанности министра. Съ этой запиской¹⁾ я отправился на слѣдующій день къ королю на устный докладъ. Въ передней я засталъ двухъ полковниковъ съ рапортами о появленіи въ ихъ частяхъ холеры; изъ числа ихъ солдатъ только половина была способна къ службѣ²⁾. Эти ужасающія цифры еще болѣе утвердили меня въ моемъ намѣреніи поставить вопросъ о нашемъ согласіи на предложенія Австріи въ зависимость съ вопросомъ о существованіи кабинета. Помимо соображеній политическаго характера, я опасался, что если военныя дѣйствія будутъ перенесены въ Венгрію, то холера быстро усилится, вслѣдствіе климата этой страны, который мнѣ былъ хорошо извѣстенъ. Тамашній климатъ, въ особенности въ августѣ мѣсяцѣ, губеленъ; недостатокъ воды, селенія и принадлежанія къ нимъ земли разбросаны на разстояніи нѣсколькихъ квадратныхъ миль одно отъ другаго, къ тому же обиліе въ это время года сливъ и дынь. Грознымъ примѣромъ и предостереженіемъ служилъ мнѣ нашъ походъ 1792 г. въ Шампаньи, откуда насъ вынудили отступить не французы, а кровавый поносъ.

Я совѣтовалъ королю прекратить войну и излагалъ въ своей докладной запискѣ соображенія политическаго и военнаго характера, которыя говорили противъ ея продолженія.

Намъ не слѣдовало слишкомъ уязвлять и озлоблять Австрію и возбуждать въ ней особенно сильную жажду реванша; намъ слѣдовало

¹⁾ Напечатана частью у Зибеля, V, 294. Примѣч. Бисмарка.

²⁾ Во время кампаніи 6.427 человекъ погибло отъ эпидеміи. Примѣч. Бисмарка.

напротивъ обезпечить себѣ возможность вступить съ нашимъ теперешнимъ противникомъ со временемъ въ дружественныя отношенія; австрійская имперія представляла, какъ бы то ни было, одну изъ шашекъ на шахматной доскѣ Европы; возобновить съ нею дружественныя отношенія было такимъ шахматнымъ ходомъ, который намъ слѣдовало себѣ обезпечить. Если бы мы нанесли Австріи серьезный ущербъ, то она сдѣлалась бы союзницей Франціи и cadaго изъ нашихъ противниковъ. Желанію отомстить Пруссіи она принесла бы въ жертву даже свои антирусскіе интересы.

Съ другой стороны, я не могъ себѣ представить, какое собственно устройство земель, входящихъ въ составъ австрійской монархіи, могло бы быть нами одобрено въ будущемъ, въ случаѣ распаденія этой монархіи, вслѣдствіе народныхъ возстаній въ Венгріи, или въ славянскихъ земляхъ, или въ томъ случаѣ, если бы она очутилась надолго въ зависимомъ положеніи. Что можно бы помѣстить на то мѣсто Европы, которое было занято до тѣхъ поръ австрійской монархіей отъ Тироля до Буковины? Новыя государства, образовавшіяся на этомъ пространствѣ, были бы, конечно, революціоннаго характера. Нѣмецкія провинціи Австріи ни въ цѣломъ, ни въ частности не могли намъ быть полезны, мы не могли усилить Пруссію приобрѣтеніемъ такихъ провинцій, какъ австрійская Силезія или часть Богеміи; нѣмецкая часть Австріи не могла слиться съ Пруссіей, Вѣной нельзя было бы управлять изъ Берлина, какъ страну подвластной.

Если бы мы рѣшили продолжать войну, то военныя дѣйствія, вѣроятно, были бы перенесены въ Венгрію. Если бы мы перешли Дунай у Пресбурга, то австрійская армія не могла бы защитить Вѣну, но врядъ-ли она отступила бы къ югу, гдѣ она могла очутиться между прусскимъ и италіанскимъ войскомъ.

Впрочемъ, судя по свѣдѣніямъ, которыя я имѣлъ о Венгріи, можно было предположить, что веденіе войны въ этой мѣстности не могло быть успѣшно и съ военной точки зрѣнія, и что успѣхи, которые тамъ могли быть нами достигнуты, не соответствовали бы одержаннымъ побѣдамъ, а, слѣдовательно, могли только уменьшить нашъ престижъ—не говоря о томъ, что продолженіе войны могло подать поводъ къ вмѣшательству со стороны Франціи. Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, намъ слѣдовало принять рѣшеніе какъ можно скорѣе, прежде нежели Франція успѣла бы оказать на Австрію воздѣйствіе дипломатическимъ путемъ.

Король не могъ ничего возразить противъ этого, но заявилъ, что изложенныхъ мною причинъ недостаточно; однако, онъ самъ не формулировалъ своихъ желаній. Одно было ясно—его требованія возросли съ 4-го іюля.

— Не можетъ же главный виновникъ остаться безнаказаннымъ, мы могли бы скорѣе простить обманутыхъ имъ, — говорилъ онъ, наставляя на вышеупомянутыхъ территоріальныхъ уступкахъ со стороны Австріи.

— Намъ не для чего разыгрывать роль судьи, — возразилъ я на это, — намъ слѣдуетъ дѣйствовать въ духѣ нѣмецкой политики; Австрія въ ея соперничествѣ съ нами заслуживаетъ наказанія не болѣе, нежели мы за наше соперничество съ Австріей; наша задача заключается въ томъ, чтобы положить начало, или основаніе національному единству Германіи подъ главенствомъ короля прусскаго.

Перейдя къ вопросу о нѣмецкихъ государствахъ, король выразилъ желаніе сдѣлать различныя приобрѣтенія, урѣзавъ владѣнія своихъ противниковъ. Я повторилъ, что не наше дѣло брать на себя роль правосудія, наше дѣло проводить свою политику и прибавилъ, что мнѣ не хотѣлось бы, чтобы владѣнія будущихъ германскихъ союзниковъ были искалѣчены и чтобы ихъ царствующія династіи в народонаселеніе, по свойственной людямъ слабости, пожелали вернуть то, что имъ нѣкогда принадлежало, съ посторонней помощью. Подобные союзники были бы ненадежны.

Требованія, высказанныя его величествомъ, обусловливались, какъ мнѣ казалось, его желаніемъ не прерывать побѣдоносное шествіе арміи, которое было ему внушено военными лицами. Противодѣйствіе, которое, согласно своимъ убѣжденіямъ, я считалъ себя обязаннымъ оказать желанію его величества — продолжать войну и воспользоваться въ вышесказанномъ смыслѣ побѣдами, раздражило короля до такой степени, что дальнѣйшій разговоръ между нами сдѣлался немислимъ; полагая, что мой совѣтъ не будетъ принятъ, я вышелъ изъ комнаты, съ намѣреніемъ просить короля разрѣшить мнѣ, въ качествѣ военнаго, вступить въ мой полкъ. Вернувшись въ свою комнату, я былъ въ такомъ настроеніи, что мнѣ пришла на умъ мысль, не лучше ли мнѣ было бы броситься изъ окна, съ четвертаго этажа, и я даже не обернулся, услыхавъ, что кто-то отворилъ дверь, хотя я могъ предположить, что вошелъ кронпринцъ, мимо комнаты котораго я проходилъ, идя къ себѣ по корридору.

Я почувствовалъ, что онъ положилъ мнѣ руку на плечо, и сказалъ

— Вы знаете, что я былъ противъ войны, вы считали ее необходимою и отвѣтственными за нее. Если вы теперь убѣждены, что цѣль достигнута и что намъ слѣдуетъ заключить миръ, я готовъ помочь вамъ и поддержать ваше мнѣніе у отца.

Онъ отправился къ королю и вернулся полчаса спустя также спокойно и дружелюбно настроенный.

— Отецъ согласился, — сказалъ онъ, — но это стоило не малаго труда.

Давъ свое согласіе, король начерталъ карандашемъ на поляхъ одной изъ послѣднихъ записокъ, мною поданныхъ ему, слѣдующія слова:

«Такъ какъ мой первый министръ покидаетъ меня въ виду непріятеля и я не въ состояніи здѣсь замѣтить его, то я обсудилъ этотъ вопросъ съ моимъ сыномъ, и такъ какъ онъ присоединился къ мнѣнію перваго министра, то я вынужденъ, къ моему величайшему прискорбію, покориться необходимости и послѣ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ арміей, принять этотъ постыдный миръ».

Мнѣ кажется, я передаю написанное императоромъ слово въ слово, хотя я и не имѣю въ настоящее время передъ глазами документа, о которомъ идетъ рѣчь; во всякомъ случаѣ смыслъ его словъ переданъ мною вполне точно; не смотря на рѣзкія выраженія, употребленныя королемъ, его слова были для меня радостнымъ событіемъ, которое прекратило крайне натянутое и невыносимое для меня положеніе. Я съ радостью принялъ согласіе короля на все, что я считалъ необходимымъ съ точки зрѣнія политики, не обращая вниманія на крайне неелестную форму, въ какой это согласіе было выражено. Въ глазахъ короля главную роль играли въ то время соображенія военнаго характера; желаніе продолжать такъ блестяще начатую войну было въ немъ, пожалуй, сильнѣе всѣхъ политическихъ и дипломатическихъ соображеній.

Вышеупомянутая замѣтка, сдѣланная королемъ на поляхъ моей докладной записки, оставила во мнѣ только крайне тягостное воспоминаніе о страшномъ волненіи, которое мнѣ пришлось причинить моему престарѣлому монарху, чтобы добиться того, что я считалъ необходимымъ въ интересахъ моего отечества, если мнѣ суждено было сохранить постъ отвѣтственнаго министра.

Какъ этотъ, такъ и подобные ему случаи не оставляли во мнѣ иныхъ воспоминаній, кромѣ глубокой грусти по поводу того, что мнѣ приходилось такъ огорчать столь искренно мною любимаго монарха, короля Вильгельма.

Въ Берлинѣ я занялся урегулированіемъ отношеній Пруссіи ко вновь прибрѣтеннымъ ею провинціямъ и къ прочимъ сѣверо-германскимъ государствамъ и старался уяснить себѣ настроеніе иностранныхъ державъ и ихъ вѣроятныя отношенія къ намъ въ будущемъ. Наше внутреннее положеніе казалось мнѣ, да вѣроятно и не мнѣ одному, чѣмъ-то временнымъ, неустановившимся... Я былъ увѣренъ, что при дальнѣйшемъ нашемъ національномъ развитіи, какъ интензивномъ, такъ и экстензивномъ, за Майнъ, война съ Франціей будетъ неизбѣжною и что намъ слѣдуетъ это имѣть въ виду при обсужденіи всѣхъ нашихъ

внутреннихъ и вѣшнихъ отношеній. Людовикъ-Наполеонъ не только не видѣлъ никакой опасности для Франціи въ нѣкоторомъ увеличеніи Пруссіи въ сѣверной Германіи, но онъ считалъ это даже средствомъ, мѣшающимъ національному объединенію и развитію Германіи; онъ полагалъ, что прочіе члены союза будутъ такимъ образомъ болѣе нуждаться въ защитѣ Франціи. Ему былъ памятенъ Рейнскій союзъ, онъ хотѣлъ помѣшать образованію единой Германской имперіи и полагалъ, что это ему удастся; онъ не зналъ настроенія тогдашняго нѣмецкаго общества и судилъ о положеніи вещей по воспоминаніямъ своего дѣтства и по дипломатическимъ донесеніямъ, которыя были основаны единственно на взглядахъ отдѣльныхъ министровъ и династій.

Я былъ увѣренъ, что онъ утратитъ свое значеніе, что вопросъ объ объединеніи Германіи составляетъ лишь вопросъ времени, что сѣверо-германскій союзъ былъ только первымъ шагомъ на пути къ нему и что намъ слѣдовало какъ можно скорѣе положить предѣлы враждебнымъ къ намъ отношеніямъ Франціи, а быть можетъ и Россіи, желанію Австріи отомстить намъ за 1866 г. и партикуляристическимъ стремленіямъ самого короля. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что намъ придется воевать съ Франціей прежде, нежели совершится объединеніе Германіи. Меня очень занимала въ то время мысль не допустить этой войны до тѣхъ поръ, пока наша армія, благодаря введенію въ Германіи прусскаго воинскаго устава, не могла бы быть усилена не только войсками Ганновера, Гессена и Голштиніи, но и южно-германскихъ государствъ, на чтò я могъ разсчитывать, въ силу нашихъ отношеній къ этимъ государствамъ. Принимая во вниманіе успѣхи, одержанные французами во время крымской и италянсконъ кампаній, я считалъ войну съ Франціей опасной и даже преувеличивалъ въ своемъ умѣ эту опасность, представляя себѣ, что Франція можетъ выставить болѣе значительное количество войска и что царствующій въ ней порядокъ и ея организація стоятъ выше, нежели это оказалось въ 1870 г. Храбрость французскихъ солдатъ и подъемъ національнаго духа и оскорбленнаго самолюбія оказались такими, какъ я представлялъ ихъ себѣ, обсуждая вопросъ о возможномъ перенесеніи войны въ предѣлы Франціи и припоминая событія 1814 и 1792 г.г. и войны за испанское наслѣдство, въ началѣ прошлаго столѣтія, когда вступленіе непріятельскихъ войскъ во Францію производило дѣйствіе, напоминающее суетню, которая поднимается въ муравейникѣ, когда его встревожатъ палкою.

Я никогда не представлялъ себѣ войну съ Франціей дѣломъ легкимъ, независимо отъ тѣхъ союзниковъ, которыхъ она могла бы имѣть, отъ желанія Австріи отплатить намъ и отъ необходимости для Россіи сохранить европейское равновѣсіе. Слѣдовательно, мое стараніе оття-

нуть эту войну до тѣхъ поръ, пока вліяніе нашего новаго воинскаго устава и обученіе войска не распространилось бы на всю Германію, было вполне естественно; цѣль, которую я имѣлъ въ виду, далеко еще не была достигнута въ 1867 г., когда возникъ Люксембургскій вопросъ. Каждый годъ отсрочки усиливалъ наше войско 100.000 хорошо обученныхъ солдатъ.

Но, обсуждая съ королемъ вопросъ объ удовлетвореніи Пруссіи за военныя издержки и обсуждая въ прусскомъ ландтагѣ вопросъ о конституціи, я понималъ, что намъ было необходимо не дать иностраннымъ государствамъ возможность заподозрить существовавшія или предстоящія намъ внутреннія затрудненія, что намъ надобно было показать всѣмъ наше единодушное стремленіе къ національному объединенію, тѣмъ болѣе, что нельзя было предугадать, кто будетъ союзникомъ Франціи въ ея будущей войнѣ противъ насъ. Переговоры, которые Франція и Австрія вели въ Зальцбургѣ, и попытки къ сближенію, сдѣланныя ими тамъ и въ другихъ мѣстахъ послѣ 1866 г., могли увѣнчаться успѣхомъ благодаря стараніямъ Бейста; уже самый фактъ, что этому недовольному министру Саксоніи было предложено стать во главѣ австрійской политики, заставлялъ предполагать, что Австрія помышляетъ объ отомщеніи.

Трудно было предсказать, какъ будетъ держать себя Италія, въ случаѣ давленія на нее со стороны Франціи, послѣ того какъ она выказала въ 1866 г. такую покорность Наполеону; генералъ Говоне, съ которымъ я велъ переговоры весною 1866 г., чрезвычайно испугался, когда я высказалъ ему свое желаніе, чтобы онъ сдѣлалъ запросъ своему правительству, можно ли, не взирая на неудовольствіе Наполеона, рассчитывать, что Италія будетъ вѣрна заключенному договору? Онъ сказалъ мнѣ, что ежели онъ предложитъ подобный вопросъ, то италіанское правительство въ тотъ же день телеграфируетъ въ Парижъ, спрашивая: «что слѣдуетъ на него отвѣтить?»

Судя по тому, какъ держала себя Италія во время войны, я не могъ рассчитывать и на ея общественное мнѣніе, не только по причинѣ личной дружбы Виктора-Эммануила съ Людовикомъ-Наполеономъ, но и въ виду обнаруженнаго Гарибальди сочувствія къ нему италіанскаго народа. Не и одинъ, но и общественное мнѣніе Европы считало возможнымъ союзъ Италіи съ Франціей и съ Австріей.

Трудно было ожидать, что Россія окажетъ дѣятельную поддержку подобной коалиціи. Вліяніе, оказанное мною во время Крымской кампаніи на Фридриха Вильгельма IV, которому я совѣтовалъ отнестись сочувственно къ Россіи, снискало мнѣ благоволеніе императора Александра; его довѣріе ко мнѣ возрасло въ то время, когда я былъ посланникомъ въ Петербургѣ. Но съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ

Горчакова въ Петербургскомъ кабинетѣ возникло сомнѣніе на счетъ того, не будетъ ли чрезмѣрное усиленіе Пруссіи опасно для Россіи? Эти соображенія начали мало-по-малу брать верхъ надъ дружественными чувствами императора къ королю Вильгельму и признательностью за нашу политику во время польскаго возстанія въ 1863 г. Если вѣрить сообщенію, сдѣланному Друэнъ-де-Люисомъ графу Фицтуму ф.-Экштэдтъ¹⁾, то Горчаковъ предлагалъ императору Наполеону въ юльѣ мѣсяцѣ 1866 г. протестовать совмѣстно противъ уничтоженія германскаго союза, но получилъ отказъ. Императоръ Александръ, застигнутый врасплохъ, послѣ послышки Мантейфеля въ Петербургъ, согласился одобрить въ общихъ чертахъ подписанныя въ Никольсбургѣ предварительныя условія; ненависть, которую русское общество питало со времени Крымской войны къ Австріи, была удовлетворена ея поражениемъ, но этому противорѣчили интересы Россіи; къ этому присоединилось вліяніе царя въ Германіи и угрожающее положеніе со стороны Франціи.

Если бы противъ насъ образовалась коалиція съ Франціей во главѣ, то я допускалъ, что мы могли бы рассчитывать, быть можетъ, на помощь со стороны Россіи, но не иначе, какъ если бы мы потерпѣли пораженіе и ежели бы Россіи предстояло рѣшить, можетъ ли она терпѣть сосѣдство побѣдоносной франко-австрійской коалиціи. Неудобство подобнаго сосѣдства могло еще увеличиться въ томъ случаѣ, если бы, вмѣсто враждебнаго папскому престолу италянскаго королевства, самъ папа сдѣлался третьимъ членомъ коалиціи съ двумя католическими великими державами. Пока намъ не угрожала подобная опасность, вслѣдствіе пораженія прусскихъ войскъ, до тѣхъ поръ я считалъ невѣроятнымъ, чтобы Россія могла быть недовольна, если бы коалиція державъ, обладающая болѣе значительной сравнительно съ нами арміей, поубавила нѣсколько выгоды, пріобрѣтенныя нами съ 1866 г.

Со стороны Англіи мы не могли ожидать активной помощи противъ императора Наполеона, хотя ей и нужна сильная, дружественная континентальная держава съ сильной арміей; при обоихъ Пяттахъ эта потребность выражалась стремленіемъ сблизиться сначала съ Пруссіей, потомъ съ Австріей, а при Пальмерстонѣ и Кларендонѣ—сближеніемъ съ Франціей. Для англійской политики необходимо либо *entente cordiale* (дружеское согласіе) съ Франціей, либо сильный союзникъ противъ нея. Конечно, Англія не прочь замѣнить союзъ съ Австріей союзомъ съ болѣе сильной Пруссіей и Германіей; въ томъ положеніи, въ какомъ мы находились осенью 1866 г., мы могли, разумѣется, рассчитывать съ ея

¹⁾ „Лондонъ, Гастейнъ и Садова“. Штуттгартъ 1890 г. стр. 248. Примѣчаніе Бисмарка.

стороны на платоническое доброжелательство и на поучительныя газетныя статьи; но ея отвлеченныя симпатіи врядъ-ли выразились бы активной помощью на морѣ и на сушѣ. Событія 1870 г. доказали, что эта оцѣнка была справедлива. Въ Лондонѣ ходатайствовали за Францію передъ сѣверо-германскимъ союзомъ съ такою поспѣшностью, которая во всякомъ случаѣ не могла быть намъ пріятна, и во все время войны Англія ни разу не скомпрометтировала себя ради насъ, рискуя французскою дружбою; напротивъ.

Руководствуясь этими соображеніями, я рѣшилъ сообразовать съ ними всѣ мои дѣйствія въ области нашей внутренней политики.

...Я поставилъ себѣ главною цѣлью обезпечить намъ самостоятельность во внѣшнихъ сношеніяхъ и рѣшилъ, что для достиженія этой цѣли слѣдуетъ не только фактически устранить всякій разладъ или всякое несогласіе внутри государства, но что надобно и вида не подавать за границей и въ Германіи, что таковыя существуютъ. Я былъ увѣренъ, что если мы будемъ независимы во внѣшнихъ сношеніяхъ, то мы будемъ въ состояніи свободно идти по пути нашего внутренняго развитія и будемъ въ состояніи устроиться либерально или реакціонерно, какъ мы признаемъ нужнымъ и желательнымъ, и наконецъ, что намъ слѣдуетъ отерочить рѣшеніе всѣхъ вопросовъ внутренней политики до тѣхъ поръ, пока мы не обезпечимъ себѣ извнѣ возможность достигнуть нашихъ національныхъ цѣлей. Я былъ увѣренъ, что намъ удастся сообщить королевской власти нужную силу для того, чтобы пустить въ ходъ нашу государственную машину, если мы только завоемъ себѣ право жить самостоятельной жизнью великой націи.

Въ 1863 г. королю представлялся случай прекратить внутренній конфликтъ и покончить вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ ударомъ съ нѣмецкимъ вопросомъ. Во время польскаго возстанія императоръ Александръ собственноручнымъ письмомъ предлагалъ королю заключить союзъ съ Россіей. На нѣсколькихъ листахъ, исписанныхъ мелкимъ, сжатымъ почеркомъ императора, онъ излагалъ свои мысли подробно, нѣсколько высокопарнымъ тономъ, который не вполне соответствовалъ его стилю: въ общемъ смыслѣ, письмо напоминало слова Гамлета:

Whether't is nobler in the mind, to suffer
The slings and arrows of outrageous fortune,
Or to take arms against a sea of troubles,
And by opposing end them?

Перефразируя эти слова, выходило, что императору надоѣли козни западныхъ державъ, Австріи и Польши, и онъ рѣшилъ обнажить мечъ, чтобы покончить съ ними; обращаясь къ дружбѣ короля и къ ихъ общимъ интересамъ, императоръ предлагалъ ему дѣйствовать сообща,

въ болѣ широкомъ, такъ сказать, смыслѣ Альвенслебенской конвенціи, заключенной въ февралѣ мѣсяцѣ того же года.

Съ одной стороны королю было трудно отвѣчать отказомъ близкому родственнику и ближайшему другу, а съ другой не легко было подвергать страну риску большой войны, которая могла угрожать опасностью государству и династии. Движимый тѣмъ же чувствами, которыя склоняли его ѣхать во Франкфуртъ на княжескій сеймъ изъ сознанія своей солидарности съ прочими старинными княжескими домами, онъ поддался искушенію отозваться на призывъ своего любимаго племянника и поступить согласно съ семейными традиціями, связывавшими россійскій и прусскій царствующіе дома, но это повело бы неизбѣжно къ разрыву съ нѣмецкими владѣтельными домами.

Въ моемъ докладѣ королю, который продолжался нѣсколько дней, я не выставлялъ той стороны вопроса, которая могла имѣть значеніе для нашей внутренней политики, такъ какъ я не думалъ, чтобы мы подвинулись хоть на іоту къ осуществленію нашей національной задачи, объявивъ въ союзѣ съ Россіей войну Австріи и всѣмъ противникамъ, съ которыми намъ пришлось воевать въ 1866 г. Во Франціи нерѣдко прибѣгаютъ къ войнѣ, какъ къ средству преодолѣть внутреннія затрудненія; въ Германіи это могло бы принести пользу только въ томъ случаѣ, если бы война велась въ цѣляхъ національнаго объединенія, но для этого нужно бы прежде всего, чтобы мы вели ее безъ помощи Россіи, къ которой общественное мнѣніе весьма неблагоприятно относится до сихъ поръ крайне несочувственно. Нѣмецкое національное единство должно было выработаться безъ посторонней помощи, своей собственной внутренней силой. Кромѣ того, внутренний конфликтъ, волновавшій короля до моего вступленія въ министерство до такой степени, что онъ рѣшилъ даже отречься отъ престола, не влиялъ болѣе на его рѣшенія, съ тѣхъ поръ какъ онъ нашелъ министровъ, которые были готовы проводить его политику открыто, безо всякихъ увертокъ и уловокъ. Онъ убѣдился со временемъ, что, въ случаѣ революціи, побѣда останется на сторонѣ престола; залугиванія королевы и министровъ также утратили свою силу.

Но я не скрывалъ въ своемъ докладѣ, что союзъ съ Россіей былъ бы, по моему мнѣнію, на первыхъ порахъ силенъ въ военномъ отношеніи.

Географическое положеніе трехъ большихъ восточныхъ державъ таково, что каждая изъ нихъ очутится со стратегической точки зрѣнія въ невыгодномъ положеніи, если на нее нападутъ двѣ другія державы, хотя бы она имѣла союзницей въ западной Европѣ Англію или Францію. Особенно невыгодно было бы положеніе Австріи, въ случаѣ нападенія на нее Россіи и Германіи, если бы она осталась изолирован-

вою; выгоднѣе всего могло бы быть положеніе Россіи въ случаѣ войны съ Австріей и Германіей; но и она могла очутиться въ началѣ войны въ затруднительномъ положеніи, въ случаѣ концентрическаго движенія обѣихъ нѣмецкихъ державъ къ Бугу.

Въ случаѣ войны съ обѣими сосѣдними имперіями, Австрія можетъ очутиться, въ силу своего географическаго положенія и этнографическаго состава, въ весьма невыгодномъ положеніи потому, что едва-ли къ ней своевременно могла подоспѣть помощь со стороны Франціи, которая могла бы возстановить равновѣсіе. Но если бы ей пришлось имѣть съ самаго начала дѣло съ коалиціей, составленной противъ нея Россіей и Германіей, и если бы враждебный ей союзъ былъ нарушенъ заключеніемъ мира между тремя императорами или ослабленъ пораженіемъ Австріи, то перевѣсъ оказался бы рѣшительно на сторонѣ союзныхъ Германіи и Россіи.

Допустивъ, что арміи всѣхъ трехъ великихъ державъ будутъ сражаться одинаково храбро и будутъ находиться одинаково подъ командою искусныхъ полководцевъ, все же территоріальный составъ отдѣльныхъ государствъ дастъ перевѣсъ русско-германскому союзу, если онъ будетъ упроченъ съ самаго начала. Впрочемъ всѣ расчеты на военные успѣхи и увѣренность въ нихъ сами по себѣ весьма сомнительны, тѣмъ болѣе, если держава, на которую рассчитываютъ, не однородна по своему составу, а основана на союзахъ.

Въ составленномъ мною проектѣ отвѣтнаго письма, который былъ длиннѣе самаго письма императора Александра II, было обращено вниманіе на то, что наша совмѣстная война съ западными державами, въ силу географическихъ условій и страстнаго желанія Франціи приобрѣсти Прирейскія провинціи, неизбежно перейдетъ въ концѣ концовъ въ франко-прусскую войну; если эта война будетъ начата по инициативѣ Россіи и Пруссіи, то наше положеніе относительно Германіи этимъ ухудшится; Россія, будучи болѣе удалена отъ театра военныхъ дѣйствій, пострадаетъ менѣе, Пруссіи же придется продовольствовать не только свое собственное войско, но и русскія войска, и Россія очутится такимъ образомъ у длиннаго плеча рычага (если память мнѣ не измѣняетъ, я употребилъ именно это выраженіе) и хотя бы мы одержали побѣду, она будетъ въ состояніи предписать намъ, подобно тому, какъ было на Вѣнскомъ конгрессѣ и даже съ большимъ правомъ, условія, на какихъ мы должны будемъ заключить миръ, точно такъ, какъ Австрія могла бы предписать намъ въ 1859 г. условія мира съ Франціей, если бы мы воевали тогда съ этой державою и съ Италіей.

Я не помню точнаго текста моего черновика, хотя я и перечитывалъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по случаю недоразумѣній, возникшихъ у насъ съ русскимъ кабинетомъ; я радовался тогда, что я

имѣлъ достаточно силъ написать собственноручно такой длинный черновикъ письма, вполне разборчивымъ для короля почеркомъ. Само собою разумѣется, что эта работа не была особенно полезна при моемъ лѣченіи въ Гастейнѣ; хотя король не смотрѣлъ на этотъ вопросъ такъ, какъ я, съ точки зрѣнія національныхъ германскихъ интересовъ, однако онъ не поддался искушенію положить въ союзъ съ Россіей насильственно конецъ высокомѣрїю австрійской политики и большинства ландтага и пренебреженію, съ какимъ они относились къ прусской монархіи. Если бы онъ согласился на предложеніе Россіи, то при быстрой нашей мобилизаціи, при многочисленности русскаго войска въ Польшѣ и при тогдашней слабости Австріи въ военномъ отношеніи, мы побѣдили бы ее по всей вѣроятности при помощи неуспокоившейся еще тогда Италіи или безъ ея помощи прежде, нежели Франція успѣла бы оказать ей дѣятельную поддержку.

Если бы мы могли рассчитывать, что послѣдствіемъ этой побѣды будетъ союзъ трехъ императоровъ и снисходительное отношеніе къ Австріи, то мой взглядъ на положеніе дѣлъ могъ бы быть названъ ошибочнымъ. Но такъ какъ интересы Россіи и Австріи на востокѣ расходятся, то на это нельзя было рассчитывать; трудно было даже предположить, чтобы побѣдоносные союзники, Россія и Пруссія, отнеслись къ Австріи съ тою снисходительностью, съ какою отнеслась къ ней Пруссія въ 1866 г., имѣя въ виду возможное сближеніе съ нею въ будущемъ; это совершенно не согласовалось бы съ интересами русской политики. Я опасался поэтому, что, въ случаѣ побѣды, мы не сойдемся съ Россіей относительно дальнѣйшей судьбы Австріи и что сама Россія, при дальнѣйшихъ успѣхахъ въ войнѣ съ Франціей, захочетъ держать Пруссію у своей западной границы въ положеніи державы, постоянно нуждающейся въ ея помощи; менѣе всего можно было рассчитывать на помощь Россіи при проведеніи нашей національной политики подъ главенствомъ Пруссіи.

Тильзитъ, Эрфуртъ, Ольмюцъ и другія историческія воспоминанія говорили: *vestigia terrent*.

Словомъ сказать, я не довѣрялъ Горчаковской политикѣ и находилъ, что мы не могли полагаться на нее съ такою увѣренностью, какъ на политику Александра I въ 1813 г., до тѣхъ поръ пока въ Вѣнѣ не былъ выясненъ вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ Польши и Саксоніи и пока не было выяснено, можетъ ли Германія, въ случаѣ войны съ Франціей, рассчитывать на прикрытіе независимо отъ того, какое положеніе займетъ Россія, и пока Страсбургъ не сдѣлается союзной крѣпостью. Таковы были многочисленныя соображенія, которыя мнѣ было необходимо высказать королю, чтобы онъ могъ принять какое-либо

рѣшеніе, основываясь на представленныхъ мною доводахъ, и одобрилъ бы сущность представленнаго мною черновика отвѣтнаго письма.

Велико было искушеніе для монарха, который то и дѣло подвергался нападкамъ прогрессивной партіи и давленію не только со стороны австрійской дипломатіи въ сферѣ національныхъ вопросовъ по поводу франкфуртскаго княжескаго сейма, но и со стороны трехъ великихъ союзныхъ державъ: Англіи, Франціи и Австріи касательно польскаго вопроса.

Тотъ фактъ, что король не подчинилъ съ 1863 г. политическихъ соображеній своимъ глубоко уязвленнымъ чувствамъ монарха и пруссака, свидѣтельствуетъ, какъ сильно было въ немъ развито чувство національной чести и здравое сужденіе въ политикѣ.

...Борьба, которую мнѣ пришлось вынести предъидущую зиму (1865 г.) съ королемъ, который не хотѣлъ вести войны, и во время кампаніи съ военными, которые видѣли передъ собою только одну Австрію и не принимали въ соображеніе прочихъ державъ Европы; затѣмъ борьба, выдержанная мною съ королемъ при заключеніи мира, дотога измучили меня, что мнѣ былъ необходимъ отдыхъ и покой. 26-го сентября я поѣхалъ къ своему двоюродному брату, графу Бисмаркъ-Болень въ Карлсбургъ, а отъ него, 6-го октября, въ Путбусъ, гдѣ я опасно заболѣлъ въ гостиницѣ. Князь и княгиня Путбусъ оказали мнѣ любезное гостепримство, помѣстивъ меня въ павильонѣ, уцѣлѣвшемъ возлѣ сгорѣвшаго замка. Когда прошелъ первый, серьезный приступъ болѣзни, я снова занялся дѣлами, ведя переписку съ Савиньи.

XXI.

Кандидатура принца Гогенцоллерна на испанскій престолъ.—Эпизодъ 1870 г.—Какъ смотрѣлъ на этотъ вопросъ Бисмаркъ.—Пассивное отношеніе къ нему Испаніи.—Требованія, предъявленныя французскимъ посланникомъ въ Эмсъ.—Рѣшимость Бисмарка выйти въ отставку.—Несогласныя съ конституціей дѣйствія короля прусскаго.—Обѣдъ у Бисмарка 13-го іюля 1870 г.—Депеша изъ Эмса. Новая редакція этой депеши.—Впечатлѣніе, произведенное ею на Мольтке.

2-го іюля 1870 г. испанское министерство рѣшило предложить престолъ наследному принцу Леопольду Гогенцоллерну. Хотя это былъ вопросъ собственно внутренней политики Испаніи, однако онъ послужилъ поводомъ къ войнѣ между двумя посторонними государствами. Казалось бы, Франціи трудно было найти основательный поводъ, чтобы вмѣ-

шаться въ право Испаніи избрать себѣ короля, но такъ какъ въ Парижѣ хотѣли воевать съ Пруссіей, то поводъ къ войнѣ былъ найденъ искусственно въ имени Гогенцоллерна, которое само по себѣ не представляло для Франціи ничего болѣе угрожающаго, нежели имя всякаго инаго нѣмецкаго принца. Въ Испаніи и въ Германіи могли даже предположить, что принцъ Леопольдъ, въ силу своихъ личныхъ и семейныхъ связей, скорѣе будетъ въ Парижѣ persona grata, нежели многіе нѣмецкіе принцы.

Какъ теперь помню, въ ночь послѣ Седанской битвы, послѣ объѣзда, совершеннаго королемъ, я проѣзжалъ, когда уже вполнѣ стемнѣло, съ нѣсколькими офицерами, около Седана, по дорогѣ въ Доншерп; на вопросъ, не помню кого именно изъ моихъ спутниковъ, я разговаривался о приготовленіяхъ къ войнѣ и сказалъ между прочимъ, что я предполагалъ, что принцъ Леопольдъ будетъ для императора Наполеона желательнымъ сосѣдомъ въ Испаніи и что онъ даже отправится туда чрезъ Парижъ, чтобы узнать ближе желанія французской политики, такъ какъ это было бы одно изъ первыхъ условій управленія имъ Испаніей.

— Мы были гораздо болѣе въ правѣ опасаться тайнаго соглашенія между Испаніей и Франціей, нежели возлагать надежду на возстановленіе испанско-нѣмецкаго, враждебнаго Франціи союза, сказалъ я; испанскій король не можетъ вести политику противорѣчащую испанскимъ интересамъ; принявъ же испанскую корону, принцъ сдѣлался бы самъ испанцемъ.

Къ моему величайшему изумленію, я услышалъ, позади себя, въ потемкахъ, энергичное возраженіе со стороны принца Гогенцоллерна, о присутствіи котораго я не подозрѣвалъ; онъ энергично протестовалъ противъ того, что въ немъ можно было заподозрѣть симпатіи къ Франціи. Этотъ протестъ, высказанный на Седанскомъ полѣ битвы офицеромъ-нѣмцемъ и принцемъ изъ дома Гогенцоллерновъ, былъ вполнѣ понятенъ; я могъ только отвѣтить ему, что, ставъ королемъ Испаніи, принцъ не могъ бы руководствоваться иными интересами, кромѣ испанскихъ, а они требовали для упроченія новаго королевства, чтобы онъ относился съ уваженіемъ къ своему могущественному сосѣду за Пиренеями. Я извинился передъ принцемъ за высказанное мною мнѣніе въ его присутствіи, о которомъ мнѣ не было извѣстно.

Я забѣжалъ нѣсколько впередъ, упомянувъ объ этомъ эпизодѣ, но онъ объясняетъ мой взглядъ на кандидатуру принца Гогенцоллерна. Я смотрѣлъ на нее какъ на вопросъ, касавшійся единственно Испаніи, и отнюдь не Германіи, хотя мнѣ и было пріятно сознаніе, что на испанскомъ престолѣ могъ возсѣдать принцъ изъ дома Гогенцоллерновъ, и хотя я старался извѣстить всѣ послѣдствія, какія это событіе могло имѣть, съ точки зрѣнія нашихъ собственныхъ интересовъ, что соста-

влететь обязанность всякаго министра иностранныхъ дѣлъ, когда въ другомъ государствѣ совершается событіе подобной важности. Меня интересовалъ вопросъ не столько о политическихъ, сколько объ экономическихъ выгодахъ, которыя могъ намъ доставить возсѣдающій на испанскомъ престолѣ король нѣмецкаго происхожденія. Я надѣялся, что принцъ, благодаря своимъ родственнымъ связямъ, внесетъ въ Испанію успокоеніе и упрочить его, и я не имѣлъ ни малѣйшаго повода не желать этого испанцамъ. Испанія принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ странъ, которыя по своему географическому положенію и политическимъ интересамъ не имѣютъ повода дѣйствовать въ ущербъ нѣмецкой политикѣ; принимая во вниманіе ея производство и потребление, эта страна можетъ вести дѣятельныя экономическія сношенія съ Германіей. Для насъ было выгодно имѣть въ испанскомъ правительствѣ дружественный намъ элементъ, поэтому нѣмецкой политикѣ не было ни малѣйшаго повода препятствовать избранію принца на испанскій престолъ; развѣ бы она сочла таковымъ опасеніе, что этимъ будетъ недовольна Франція. Дружественное отношеніе испанской дипломатіи могло быть намъ полезно въ случаѣ дальнѣйшаго экономического развитія Испаніи, котораго она и достигла впоследствии, но я не допускалъ возможности, чтобы въ случаѣ войны съ Франціей, которая была рано или поздно неизбежна, испанскій король, при всемъ своемъ желаніи, проявилъ свои симпатіи къ Германіи, напавъ на Францію или хотя бы выставивъ противъ нея свои войска; образъ дѣйствій Испаніи послѣ объявленія войны, которой мы были обязаны уступчивости нѣмецкихъ князей, доказалъ, что мои предположенія были справедливы... Никакое испанское правительство, а тѣмъ болѣе король иноземнаго происхожденія не могъ бы, изъ любви къ Германіи, двинуть ни одного полка къ Пиренеямъ.

Съ политической точки зрѣнія я относился къ этому вопросу довольно равнодушно. Князь Антонъ Гогенцоллернъ еще болѣе былъ готовъ покончить его мирнымъ путемъ. Въ мемуарахъ его величества короля Румынскаго переданы не совсѣмъ вѣрно нѣкоторыя подробности относительно участія, которое принимало министерство въ рѣшеніи этого вопроса. Совѣта министровъ, который, по словамъ автора этихъ мемуаровъ, происходилъ будто бы во дворцѣ, не было вовсе. Князь Антонъ жилъ во дворцѣ гостемъ короля и пригласилъ его и нѣсколькихъ министровъ къ себѣ на обѣдъ; за столомъ вопросъ объ испанскомъ наслѣдствѣ, сколько помнится, вовсе не былъ затронутъ. Я не нахожу нужнымъ опровергать слова герцога де-Грамона, который доказываетъ ¹⁾

¹⁾ Gramont. „La France et la Prusse avant la guerre“. Paris 1872, стр. 21. Замѣчаніе Бисмарка.

что я ничего не сдѣлалъ, чтобы склонить предложеніе Испаніи. Я не помню точныхъ выраженій моего письма къ маршалу Приму, о которомъ герцогу говорили; если я самъ редактировалъ его, чего я также не помню, то врядъ-ли я назвалъ бы кандидатуру принца Гогенцоллерна «une excellente chose» ¹⁾, но совершенно вѣрно, что я считалъ ее «opportune» ²⁾, не «à un moment donné» ³⁾, а принципиально и въ мирное время. При томъ я былъ увѣренъ, что внуку Мюрата, къ которому благоволяли при французскомъ дворѣ, снищеть странѣ расположеніе Франціи.

Вначалѣ, вмѣшательство Франціи касалось только Испаніи, а не Пруссіи; подгасовка Наполеоновской политики, при помощи которой этотъ вопросъ превратился въ прусскій, не могла быть ничѣмъ оправдана съ точки зрѣнія международнаго права и доказала своимъ вызывающимъ тономъ, что Франція рѣшила придраться къ намъ и была готова воспользоваться для этого всякимъ подходящимъ предлогомъ. Я считалъ вмѣшательство Франціи оскорбительнымъ, полагалъ, что Испанія отвесется къ нему какъ къ нанесенной ей обидѣ и что оскорбленное самолюбіе заставитъ ее протестовать противъ этого вмѣшательства.

Впослѣдствіи, когда дѣло приняло такой оборотъ, что Франція, вмѣшавшись въ испанскія дѣла и посягнувъ на испанскую независимость, стала угрожать войною намъ, я ожидалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, что, вслѣдъ за объявленіемъ Франціей войны намъ, Испанія объявитъ войну Франціи. Я не думалъ, что столь гордая нація будетъ спокойно смотрѣть изъ-за Пиренеевъ, какъ нѣмцы сражаются на животь и на смерть съ французами за независимость Испаніи и за ея право свободно избирать себѣ короля. Честолюбивые испанцы, дѣйствовавшіе столь энергично въ вопросѣ о Каролинскихъ островахъ, отступились отъ насъ въ 1870 г. По всей вѣроятности, въ обоихъ случаяхъ имѣли рѣшающее значеніе симпатіи и международныя связи республиканскихъ партій.

На первый же вопросъ, по поводу кандидатуры принца Гогенцоллерна, который былъ предложенъ намъ Франціей, безъ малѣйшаго къ тому права съ ея стороны, наше министерство иностранныхъ дѣлъ отвѣчало, 4-го іюля, согласно съ истинною, что министерству объ этомъ ничего не извѣстно. Выходило такъ, что его величество смотрѣлъ на вопросъ о принятіи принцемъ Леопольдомъ испанскаго престола какъ на вопросъ чисто семейный, не касавшійся ни Пруссіи, ни сѣверо-германскаго союза, въ которомъ дѣло шло лишь о личныхъ отношеніяхъ

¹⁾ Прекрасной вещью.

²⁾ Умѣстной.

³⁾ На извѣстный моментъ данный.

военнаго вождя къ нѣмецкому офицеру и главы не прусскаго королевскаго дома, а рода Гогенцоллерновъ къ лицамъ, носящимъ фамилію Гогенцоллернъ.

Но во Франціи старались найти такой поводъ къ войнѣ съ Пруссіей, который не имѣлъ бы національной окраски, и нашли таковой на династической почвѣ въ появленіи претендента на испанскій престолъ изъ дома Гогенцоллерновъ. Преувеличенное мнѣніе о военномъ превосходствѣ Франціи и ошибочное представленіе о національномъ духѣ Германіи были причиною, что цѣлесообразность этого повода не была достаточно хорошо взвѣшена и обсуждена.

Подъемъ нѣмецкаго національнаго духа, который обнаружился вслѣдъ за объявленіемъ войны съ Франціей, подобно бурному потоку, разрушающему всѣ плотины, былъ для французской политики явленіемъ неожиданнымъ; французы не забыли о существованіи Рейнскаго союза, возлагали на него надежды и дѣйствовали сообразно съ этимъ; ихъ надежды поддерживались поведеніемъ нѣкоторыхъ министровъ западныхъ нѣмецкихъ государствъ и вліяніемъ ультрамонтановъ, которые надѣялись, что побѣды Франціи, *gesta Dei per Francos*, облегчатъ при помощи католической Австріи дальнѣйшіе успѣхи Ватикана въ Германіи.

Разсчитывая на превосходство своихъ силъ, Франція ссздала, такъ сказать, искусственно, поводъ къ войнѣ и вмѣсто того, чтобы обвинить Испанію за ея, какъ говорили, антифранцузскій выборъ короля, она придралась къ нѣмецкому принцу, который согласился исполнить желаніе испанцевъ, избравшихъ подходящаго для нихъ короля, который, по ихъ мнѣнію, долженъ бы быть въ Парижѣ *persona grata*, и къ королю прусскому, который имѣлъ нѣкоторое отношеніе къ этому чисто испанскому вопросу только потому, что онъ носилъ одну фамилію съ принцемъ и былъ общаго съ нимъ нѣмецкаго происхожденія. Уже самый фактъ, что французскій кабинетъ позволилъ себѣ потребовать у Пруссіи объясненія по поводу кандидатуры принца и въ такой формѣ, которая вслѣдствіе истолкованія французскихъ газетъ имѣла характеръ настоящей угрозы, можно назвать дерзостью, которая не позволяла намъ, по моему мнѣнію, уступить хоть на іоту. Обидный тонъ, каковымъ были предъявлены требованія Франціи; усугублялся не только вызывающимъ тономъ французской прессы, но и преніями, происходившими въ парламентѣ, и отношеніемъ къ этимъ манифестаціямъ министерства Оливье-Грамонъ.

Слова, сказанныя Грамонъ въ засѣданіи законодательнаго корпуса 6-го іюля:

«Мы не думаемъ, чтобы уваженіе къ правамъ сосѣдняго народа обязывало насъ терпѣть, чтобы посторонняя держава посадила своего принца на престолъ Карла V.... Этого не случится, мы въ этомъ убѣж-

денъ.... Въ противномъ случаѣ, мы... сдѣлаемъ безъ колебанія и слабости исполнить свой долгъ»—были уже сами по себѣ угрозою, сказанную чуть не съ мечемъ въ рукахъ.

Я рѣшился отправиться 12-го іюля изъ Варцина въ Эмсъ, чтобы ходатайствовать у его величества о созывѣ рейхстага для обсужденія вопроса о мобилизаціи арміи. Когда я проѣзжалъ въ открытомъ экипажѣ черезъ Буссовъ, мой другъ, престарѣлый священникъ Мулертъ, стоя у дверей своего дома, дружески раскланялся со мною; я отвѣчалъ ему воинственнымъ возгласомъ, изъ котораго онъ понялъ, что война, по моему мнѣнію, близка. Въѣхавъ во дворъ моей берлинской квартиры, я не успѣлъ еще выйти изъ экипажа, какъ мнѣ подали телеграммы, изъ коихъ было видно, что король, не смотря на угрозы Франціи и на оскорбленія, высказанныя въ ея парламентѣ и въ прессѣ, продолжалъ лично вести переговоры съ Бенедетти, а не отнесся къ нему, какъ слѣдовало, холодно и сдержанно и не указалъ ему обратиться къ его министрамъ. Во время обѣда, на которомъ присутствовали Мольтке и Роонъ, изъ Парижскаго посольства было получено извѣстіе, что принцъ Гогенцоллернъ отказался отъ своей кандидатуры, чтобы устроить поводъ къ войнѣ, которой намъ угрожала Франція. Моею первою мыслию было подать въ отставку, такъ какъ, послѣ оскорбительнаго и вызывающаго образа дѣйствій Франціи, я видѣлъ въ этомъ вынужденномъ отреченіи униженіе Германіи, за которое я, какъ министръ, не хотѣлъ быть отвѣтственнымъ.

Чувство національнаго самолюбія, оскорбленнаго этимъ вынужденнымъ отказомъ принца, было во мнѣ такъ сильно, что я уже рѣшилъ послать въ Эмсъ просьбу объ отставкѣ. Я считалъ, что это униженіе передъ Франціей и ея хвастливыми демонстраціями было хуже униженія, испытаннаго нами въ Ольмюцѣ; послѣднее всегда можно извинить предшествовавшими историческими событіями и нашей, въ то время, неподготовленностью къ войнѣ. Франція могла счесть отреченіе принца за отрядный результатъ своихъ домогательствъ и быть довольной сознаниемъ, что одной угрозы войною, хотя бы эта угроза носила характеръ оскорбленія и насмѣшки, и одного повода къ войнѣ противъ Пруссіи достаточно для того, чтобы заставить ее отступить даже въ томъ случаѣ, когда она права, и что сѣверо-германскій союзъ не обладаетъ достаточною силою, чтобы защитить національную честь и независимость противъ наглыхъ притязаній Франціи. Я былъ крайне опечаленъ, такъ какъ я не видѣлъ никакого средства исправить страшный вредъ, который робкая политика могла нанести нашему національному дѣлу, не прибѣгая для этого къ какимъ-либо насильственнымъ или искусственнымъ мѣрамъ. Я видѣлъ, что война была неизбѣжна и что мы не могли съ честью избѣжать ея. Я телеграфировалъ своимъ въ

Варцинъ, чтобы они не укладывали вещей, не уѣзжали, что я вернусь черезъ нѣсколько дней. Я не думалъ, что миръ будетъ нарушенъ такъ скоро, но такъ какъ я не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность за дѣйствія, коими этотъ миръ былъ купленъ, то я рѣшилъ не ѣздить въ Эмсъ и просилъ графа Эйленбурга отправиться туда вмѣсто меня и объяснить его величеству мой взглядъ на дѣло. Въ томъ же смыслѣ я говорилъ и съ военнымъ министромъ фонъ-Роономъ: мы получили отъ Франціи оплеуху и своей уступчивостью были поставлены въ такое положеніе, что если бы мы объявили войну, которая одна могла смыть нашъ позоръ, то насъ могли бы назвать людьми придирчивыми, забіяками. Мое положеніе было невыносимо главнымъ образомъ потому, что король, поддаваясь угрозамъ Франціи, четыре дня подъ рядъ принималъ на водахъ въ аудіенціи французскаго посланника и подвергалъ свою августѣйшую особу безсовѣстнымъ махинаціямъ этого иностраннаго дипломата, не обращаясь къ содѣйствію своихъ министровъ.

Король, вслѣдствіе своей страсти заниматься лично государственными дѣлами, поставилъ себя въ такое положеніе, за которое я не могъ принять отвѣтственности на себя. По моему мнѣнію, его величество долженъ былъ уклониться въ Эмсѣ отъ всякихъ переговоровъ дѣловаго характера съ французскимъ уполномоченнымъ, который не былъ равенъ ему по званію, и повелѣтъ ему обратиться за разъясненіемъ, куда слѣдуетъ, въ Берлинъ, къ министрамъ, которые дѣлали бы королю докладъ въ Эмсѣ или сносились бы съ нимъ письменно, если бы было найдено необходимымъ затянуть переговоры. Хотя его величество и уважалъ обыкновенно самостоятельность отдѣльныхъ вѣдомствъ, но въ немъ было слишкомъ сильно развито желаніе если не рѣшать, то обсуждать лично всѣ важные вопросы; поэтому онъ не могъ воспользоваться какъ бы слѣдовало услугами министровъ, чтобы отдѣлаться отъ назойливыхъ и неудобныхъ вопросовъ и требованій. Вліянію королевы, жившей въ близъ лежавшемъ Кобленцѣ, слѣдуетъ приписать, что король не уклонился на первыхъ же порахъ отъ беззастѣнчивыхъ требованій Бенедетти. Ему было 73 года, онъ былъ миролюбивъ и не желалъ подвергать риску лавры, которые онъ стяжалъ въ 1866 г.; но когда онъ былъ свободенъ отъ женскаго вліянія, то имъ руководило всегда чувство чести и сознаніе того, что онъ преемникъ Фридриха Великаго и прусскій офицеръ. Мнѣ передавали, будто королева Августа со слезами на глазахъ умоляла своего супруга, передъ его отъѣздомъ изъ Эмса въ Берлинъ, избѣжать войны и помнить о Іенѣ и Тильзитѣ. Я считаю это весьма правдоподобнымъ, до слезъ включительно.

Рѣшивъ выйти въ отставку, не смотря на упреки, которые мнѣ пришлось выслушать по этому поводу отъ Роона, я пригласилъ его и Мольтке отобѣдать со мною 13-го числа и изложилъ имъ за столомъ

мои взгляды и намѣренія. Они были оба весьма взволнованы и косвенно упрекали меня въ томъ, что я пользовался эгоистично тою легкостью, съ какою я могъ, сравнительно съ ними, выйти въ отставку. Я доказывалъ, со своей стороны, что я не могъ принести въ жертву политикѣ свое самолюбіе и что они, какъ люди военные, не имѣя права свободно располагать своими поступками, могутъ держаться иной точки зрѣнія нежели отвѣтственный министр иностранныхъ дѣлъ.

Во время нашего разговора, мнѣ сообщили, что получена и разбирается шифрованная депеша изъ Эмса, за подписью тайнаго совѣтника Абежена. Когда мнѣ подали наконецъ уже разобранныю телеграмму, то оказалось, что она была составлена и подписана Абеженомъ по повелѣнію его величества; я прочелъ эту телеграмму своимъ гостямъ ¹⁾, и она повергла ихъ въ такое уныніе, что они окончательно потеряли аппетитъ. Перечитавъ телеграмму вторично, я остановился на словахъ, коими его величество уполномочивалъ меня сообщить это новое требованіе Бенедетти и отвѣтъ короля нашимъ посланникамъ и органамъ прессы. Я предложилъ Мольтке нѣсколько вопросовъ, желая знать его мнѣніе о состояніи нашихъ вооруженій, а именно: сколько времени потребуется для ихъ окончанія, при возникшей такъ внезапно перспективѣ войны. Онъ отвѣчалъ, что если война неизбежна, то, по его мнѣнію, намъ не выгодно оттягивать ее; хотя бы мы и оказались вначалѣ не достаточно сильны, чтобы защитить отъ нападенія французовъ земли,

¹⁾ Поданная въ Эмсѣ 13-го іюля 1870 г. въ 3 ч. 50 м. п. п. и полученная въ Берлинѣ въ 6 ч. 9 м., телеграмма была слѣдующаго содержанія:

„Его величество пишетъ мнѣ: „графъ Бенедетти встрѣтилъ меня на прогулкѣ и потребовалъ отъ меня, въ концѣ концовъ, самымъ настойчивымъ образомъ, чтобы я уполномочилъ его немедленно телеграфировать, что я обязываюсь никогда впредь (für alle Zukunft) не давать своего согласія на кандидатуру Гогенцоллерновъ, если бы они вернулись къ ней. Я отвѣчалъ ему отказомъ, высказаннымъ въ довольно рѣзкомъ тонѣ, такъ какъ à tout jamais никто не можетъ и не долженъ принимать на себя подобныхъ обязательствъ. Само собою разумѣется, я сказалъ ему, что я не получалъ еще никакихъ извѣстій и что такъ какъ онъ получаетъ сообщенія изъ Парижа и Мадрида раньше меня, то онъ видитъ, что мое правительство не причастно этому дѣлу“. Послѣ этого разговора его величество получилъ письмо отъ князя. Такъ какъ его величество говорилъ графу Бенедетти, что онъ ожидаетъ извѣстій отъ князя, то, принявъ во вниманіе предъявленное графомъ вышеупомянутое требованіе, е. к. в. рѣшилъ, по совѣту моему и графа Эйленбурга, не принимать болѣе графа Бенедетти, но послалъ сказать ему чрезъ адъютанта, что его величество получилъ отъ князя подтвержденіе извѣстія, уже полученнаго Бенедетти изъ Парижа, и ничего болѣе не имѣетъ сказать посланнику. Его величество предоставляетъ на усмотрѣніе вашего превосходительства, слѣдуетъ ли сообщить объ этомъ новомъ требованіи Бенедетти и объ отказѣ на него со стороны короля нашему посланнику и органамъ прессы“.

лежащія на лѣвомъ берегу Рейна, во всякомъ случаѣ наша боевая готовность очень скоро превзойдетъ такую Францію, тогда какъ нѣсколько времени позже это преимущество можетъ уменьшиться; онъ находилъ вообще, что для насъ было выгоднѣе не медлить, а начать войну какъ можно скорѣе. Я находилъ, со своей стороны, что въ виду образа дѣйствій Франціи національное самолюбіе требовало настоятельно, чтобы мы съ нею воевали; не удовлетворивъ этого справедливого чувства, мы утратили бы, на пути къ нашему національному развитію всѣ преимущества, пріобрѣтенныя нами въ 1866 г., и вызванный нашими военными побѣдами подъемъ національнаго духа, выразившійся въ готовности южныхъ государствъ заключить съ нами союзы, могъ ослабнуть.

Руководствуясь тѣми же соображеніями психологическаго свойства, подъ вліяніемъ которыхъ я желалъ, въ 1864 г., во время войны съ Давіей, чтобы въ дѣло были посланы первыми не старо-прусскіе, а вестфальскіе баталіоны, не имѣвшіе ранѣе случая доказать своей храбрости подъ предводительствомъ Пруссіи, я былъ увѣренъ, что пропасть, образовавшаяся съ теченіемъ времени между сѣверомъ и югомъ Германіи въ силу историческихъ событій, различія привычекъ и національнаго характера, могла изгладиться скорѣе всего въ томъ случаѣ, если бы мы вели совмѣстно національную войну противъ сосѣда, который нѣсколько сотъ лѣтъ относился къ намъ враждебно...

Эти и тому подобныя соображенія убѣдили меня окончательно, что мы могли избѣжать войны не иначе, какъ пожертвовавъ нашимъ прусскимъ самолюбіемъ и довѣріемъ націи.

Убѣдившись въ этомъ, я воспользовался сообщеннымъ мнѣ Абеке-номъ позволеніемъ короля обнародовать содержаніе его телеграммы и сократилъ ее, въ присутствіи моихъ гостей; кое-что вычеркнувъ изъ нея, но не прибавивъ къ ней ни слова и ничего не измѣнивъ, я сообщилъ ей слѣдующую редакцію:

«Послѣ того, какъ извѣстіе объ отреченіи наслѣднаго принца Гогенцоллернскаго официально было сообщено французскому императорскому правительству испанскимъ королевскимъ правительствомъ, французскій посланникъ предъявилъ въ Эмсѣ его королевскому величеству требованіе уполномочить его телеграфировать въ Парижъ, что его королевское величество обязывается никогда впредь не давать своего согласія на кандидатуру Гогенцоллернскихъ принцевъ, если они вернутся къ ней. Послѣ этого его королевское величество отказался принять еще разъ французскаго посланника и приказалъ дежурному адъютанту передать ему, что его величество не имѣетъ ничего болѣе сообщить посланнику».

Совершенно иное впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести

сокращенный текст телеграммы по сравненію съ тѣмъ, какое производилъ оригиналъ, зависѣло не отъ болѣе энергичныхъ выраженій, а лишь отъ формы, въ которой они были высказаны и которая придавала этому сообщенію видъ чего-то рѣшительнаго, тогда какъ въ редакціи Абекена телеграмма производила впечатлѣніе отрывочнаго сообщенія о происходящихъ въ Берлинѣ и не оконченныхъ переговорахъ. Когда я прочелъ моимъ гостямъ телеграмму въ сокращенной редакціи, то Мольтке замѣтилъ: «такъ-то она звучитъ совсѣмъ иначе; прежде она звучала барабаннымъ боемъ къ сдачѣ, теперь она звучитъ фанфарой въ отвѣтъ на сдѣланный вызовъ». Я присовокупилъ:

«Если, во исполненіе высочайшаго повелѣнія, я сообщу немедленно этотъ текстъ телеграммы, въ которой ничего не измѣнено и не добавлено, въ газеты и по телеграфу во всѣ наши посольства, то объ этомъ будетъ сегодня же извѣстно въ Парижѣ, гдѣ она произведетъ на гальскаго быка впечатлѣніе краснаго платка, не только своимъ содержаніемъ, но и самымъ способомъ ея распространенія. Мы должны драться, если не хотимъ безъ боя принять на себя роль побѣжденнаго. Но результатъ во многомъ будетъ зависѣть отъ того, какое впечатлѣніе произведетъ у насъ и на другія державы самый способъ возникновенія войны; весьма важно, чтобы получилось впечатлѣніе, что мы оскорблены: французское высокомеріе и раздражительность помогутъ намъ въ этомъ. если мы предадимъ европейской гласности, безъ содѣйствія рейхстага, что мы относимся къ явнымъ угрозамъ Франціи безъ боязни».

Высказанныя мною соображенія привели обоихъ генераловъ въ столь веселое и радостное настроеніе, что ихъ веселость меня поразила. Они снова почувствовали апетитъ и стали весело болтать.

Роонъ сказалъ: «Господь милостивъ, онъ не дастъ посрамить насъ».

Мольтке до такой степени вышелъ изъ своего обычнаго равнодушнаго состоянія, что, смотря съ самымъ веселымъ видомъ на потолокъ и позабывъ свою обычную сдержанность, онъ ударилъ себя въ грудь и сказалъ:

«Если мнѣ суждено еще предводительствовать нашимъ войскомъ въ эту войну, то я ничего не имѣю противъ, чтобы по окончаніи ея этотъ старый кашей (*die alte Carcasse*) полетѣлъ къ чорту».

Онъ былъ тогда слабѣе, нежели впоследствии, и сомнѣвался, будетъ ли онъ въ состояніи вынести тягости похода.

Не только въ этомъ случаѣ, но и въ началѣ богемской войны, я видѣлъ, какъ страстно онъ желалъ приложить къ дѣлу свои военно-стратегическія способности и познанія. Въ обоихъ случаяхъ мой военный сотоварищъ по службѣ выходилъ изъ своего обычнаго холоднаго и молчаливаго состоянія и бывалъ веселъ, оживленъ и даже, можно сказать, радостенъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1866 г., когда я пригласилъ его къ себѣ однажды ночью, чтобы спросить его, нельзя ли ускорить выступленіе войскъ на 24 часа, онъ отвѣчалъ на мой вопросъ утвердительно и былъ обрадованъ возможностью ускорить войну. Его готовность воевать и содѣйствовать исполненію тѣхъ мѣропріятій, какія я признавалъ нужными съ политической точки зрѣнія, была для меня большой помощью въ обоихъ случаяхъ....

Вполнѣ естественно, что въ штабѣ арміи не только молодые, энергичные офицеры, но и опытные стратеги чувствуютъ потребность употребить въ дѣло храброе войско, находящееся подъ ихъ командою, и доказать свою собственную способность руководить имъ и увѣковѣчить ее въ исторіи. Можно бы пожалѣть о томъ, если бы этотъ воинственный духъ исчезъ въ войскѣ; сдерживать его въ границахъ, насколько того требуетъ мирное преуспѣяніе народовъ, составляетъ обязанность тѣхъ, кто стоятъ во главѣ политики, а не военныхъ лицъ.

XXII.

Неудовольствіе „полубоговъ“ противъ Бисмарка.—Разговоръ, подслушанный Бисмаркомъ въ дорогѣ.—Необходимость взаимодѣйствія военнаго начальства и дипломатіи въ военное время.—Положеніе пруссаковъ подъ Парижемъ.—Опасенія и тревоги Бисмарка.—Старанія графа Бейста вызвать вмѣшательство державъ.—Настроеніе Италіи и Россіи.—Недоброжелательство Горчакова къ Бисмарку и къ Пруссіи.—Его тщеславіе.—Горчаковъ на Берлинскомъ конгрессѣ.—Графъ Кутузовъ.—Недостатокъ осадныхъ орудій и перевозочныхъ средствъ подъ Парижемъ.—Вліяніе, оказанное на главную квартиру въ интересахъ „гуманности“.

Неудовольствіе, которое питали противъ меня въ высшихъ военныхъ сферахъ послѣ войны съ Австріей, продолжалось и во время франко-прусской войны, но поддерживалось не Мольтке и Роонемъ, а «полубогами», какъ называли въ то время высшихъ чиновъ главнаго штаба, и давало себя чувствовать мнѣ и чиновникамъ моего вѣдомства во время кампаніи даже въ вопросахъ о продовольствіи и расквартированіи войска ¹⁾; оно проявилось бы вѣроятно еще въ болѣе сильной степени, если бы неизмѣнная свѣтская вѣжливость графа Мольтке не служила ему противовѣсомъ. Во время кампаніи Роонъ не могъ оказать мнѣ никакой помощи какъ другъ и сослуживецъ; напротивъ, впо-

¹⁾ Сравни. официальное письмо Бисмарка къ Роону отъ 10-го августа 1870 г., помѣщенное въ изд. Poschinger'a „Bismarck Portefeuille“, II, 189; примѣч. издателя.

слѣдствіи въ Версалѣ онъ самъ нуждался въ моей поддержкѣ, чтобы заставить окружающихъ короля согласиться съ его доводами.

Еще передъ отъѣздомъ въ Кельнъ я узналъ, совершенно случайно, что въ самомъ началѣ войны было рѣшено не приглашать меня на военныя совѣщанія. Я могъ заключить это изъ разговора генерала Подбѣльскаго съ Роономъ, нечаянно подслушаннаго мною, такъ какъ онъ происходилъ въ сосѣднемъ съ моимъ купомъ, а въ перегорождѣ, которая насъ раздѣляла, какъ разъ надъ моимъ сидѣньемъ, находилось большое отверстіе. Первый громко высказалъ свое удовольствіе по поводу того, что «этотъ разъ приняты мѣры къ тому, чтобы ничего подобнаго не могло случиться». Прежде нежели поѣздъ тронулся со станціи, я слышалъ вполне достаточно, чтобы понять, что именно генералъ подразумѣвалъ сравнивая, «тогдашнее» положеніе съ теперешнимъ; онъ намекалъ на мое участіе въ военныхъ совѣщаніяхъ во время богемской кампаніи и въ особенности на тотъ фактъ, что движеніе войска пришлось направить вмѣсто Вѣны на Пресбургъ.

О существованіи уговора, о которомъ я могъ догадаться по его словамъ, я убѣдился вскорѣ на дѣлѣ; меня не только не приглашали, какъ въ 1866 г., на военныя совѣщанія, но даже было принято за правило держать отъ меня въ строгой тайнѣ всѣ военные планы и мѣропріятія. Существовавшее въ нашихъ должностныхъ кружкахъ соперничество между лицами отдѣльныхъ вѣдомствъ имѣло послѣдствіемъ столь очевидный вредъ для общаго хода дѣлъ, что находившійся въ главной квартирѣ по дѣламъ Краснаго Креста графъ Эбергардъ Штольбергъ, искренній патріотъ, къ сожалѣнію преждевременно скончавшійся и съ которымъ я былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, обратилъ вниманіе короля на то, что исключать его отвѣтственнаго политическаго совѣтника отъ участія въ совѣщаніяхъ совершенно немислимо. По свидѣтельству графа, его величество отвѣтилъ на это, что «во время богемской кампаніи меня приглашали обыкновенно на совѣщанія, но случалось, что мое мнѣніе рѣшительно шло въ разрѣзъ съ мнѣніемъ большинства; неудивительно, что это раздражало прочихъ генераловъ и что они желаютъ сами вѣдать дѣла своего вѣдомства». Во всякомъ случаѣ, вліяніе, которое предоставилъ мнѣ король въ 1866 г., противорѣчило военнымъ традиціямъ, коль скоро первому министру надлежало занимать лишь то мѣсто, на которое давалъ ему право его мундиръ штабъ-офицера кавалерійскаго полка, который онъ носилъ въ войскѣ; въ 1870 г. я такъ-таки и былъ забойкотированъ военными, какъ сказали бы теперь.

Если выразить теорію, примѣненную ко мнѣ главнымъ штабомъ, которой яко бы учить военная наука, такимъ образомъ, что министръ иностранныхъ дѣлъ получаетъ право выражать свое мнѣніе только тогда,

когда военное начальство найдетъ своевременнымъ запретить храмъ Януса, то мы можемъ въ самомъ изображеніи двуликаго Януса видѣть указаніе на то, что правительство всякаго воюющаго государства должно обращать свои взоры не только на театръ военныхъ дѣйствій, но и на другія отрасли управленія.

Задача военнаго начальства—истребленіе непріятельскаго войска: цѣль войны—добиться мира силою оружія на условіяхъ, соответствующихъ политикѣ, которую преслѣдуетъ государство. Обсудить и намѣтить цѣль, которая должна быть достигнута войною, рассмотреть вмѣстѣ съ монархомъ разные вопросы, касающіеся во время войны до этой цѣли,—есть задача политики; то или другое рѣшеніе этихъ вопросовъ должно вліять на самый способъ веденія войны, который всегда будетъ зависѣть отъ того, желало ли правительство достигнуть именно того результата, который достигнуть войною, или чего-то большаго, хотѣло ли оно получить какія-либо земельныя приобрѣтенія или нѣтъ.

Еще болѣе значенія имѣетъ въ этомъ случаѣ вопросъ, захотятъ ли прочія державы помочь противнику дипломатическимъ путемъ или войскомъ и какіе ими будутъ руководить при этомъ мотивы; могутъ ли лица, считающія подобное вмѣшательство желательнымъ, рассчитывать, что имъ удастся достигнуть своей цѣли при иностранныхъ дворахъ, какая произойдетъ группировка заинтересованныхъ сторонъ, если дѣло дойдетъ до конференціи или конгресса, можно ли опасаться, что вмѣшательство нейтральныхъ державъ поведетъ къ новой войнѣ? Для того, чтобы рѣшить, какой моментъ благоприятенъ для начала мирныхъ переговоровъ, нужно имѣть такія свѣдѣнія относительно положенія европейскихъ государствъ, боеими военныя лица обыкновенно не обладаютъ, и получать извѣстія такого рода, которыя бывають имъ обыкновенно недоступны. Переговоры, происходившіе въ Никольсбургѣ въ 1866 г., доказываютъ, что вопросъ о войнѣ и мирѣ подлежитъ и въ военное время компетенціи отвѣтственнаго перваго министра и не можетъ быть рѣшенъ одними военными спеціалистами; компетентный же въ этомъ дѣлѣ министръ можетъ подать королю дѣльный совѣтъ только тогда, когда ему извѣстны положеніе дѣлъ и намѣренія военнаго начальства въ данный моментъ.

Въ одной изъ предыдущихъ главъ упоминается о проектѣ раздробленія Россіи, который проповѣдывала нѣмецкая пресса и который съ чисто дѣтскимъ простодушіемъ былъ изложенъ Бунзеномъ въ запискѣ, представленной имъ министру Мантейфелю. Допустивъ немислимый въ то время случай, что король увлекся бы этой утопійей и что прусскія войска и ихъ тогдашніе вѣроятные союзники оказались бы въ этой войнѣ побѣдителями, намъ предстояло бы еще рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ, а именно: было ли для насъ желательно дальнѣйшее приобрѣ-

теніе польскихъ земель и польскаго населенія, слѣдовало ли отодвинуть границу конгрессовой Польши далѣе на востокъ, подальше отъ Берлина, было ли бы для насъ удобнѣе, если бы Варшава находилась въ рукахъ поляковъ, нежели русскихъ. Все это вопросы чисто политическаго свойства и врядъ-ли кто-либо станетъ отрицать, что то или другое ихъ рѣшеніе могло бы имѣть огромное вліяніе на ходъ и направленіе военныхъ дѣйствій и на ихъ продолжительность и что взаимодѣйствіе дипломатіи и стратегіи было необходимо въ совѣтѣ короля.

Хотя я и не протестовалъ въ Версалѣ противъ того, что моего мнѣнія не спрашивали въ вопросахъ чисто военныхъ, тѣмъ не менѣе, какъ первый министръ, я былъ отвѣтственъ за то, чтобы мы извлекли всевозможную пользу изъ нашего военнаго положенія и нашихъ отношеній къ иностраннымъ державамъ и являлся, по смыслу конституціи, отвѣтственнымъ совѣтникомъ короля въ вопросѣ: требовало ли положеніе военныхъ дѣлъ какихъ-либо дипломатическихъ шаговъ, или же было полезно не допускать вмѣшательства другихъ державъ. Я старался получить свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣлъ, необходимыя для того, чтобы составить себѣ понятіе о политическомъ положеніи, поддерживая съ этой цѣлью дружественныя отношенія съ нѣкоторыми высокопоставленными лицами, которые состояли при главной квартирѣ и собирались въ Hôtel des Reservoirs; эти титудованные господа имѣли гораздо болѣе обстоятельныя свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ и планахъ, нежели отвѣтственный министръ иностранныхъ дѣлъ, и передавали мнѣ иногда весьма цѣнныя сообщенія, предполагая, что они, само собою разумѣется, не составляли для меня тайны; Руссель, англійскій корреспондентъ, состоявшій при главной квартирѣ, былъ въ общемъ лучше меня освѣдомленъ относительно этихъ плановъ; и я черпалъ изъ этого полезнаго источника многія свѣдѣнія.

Въ военномъ совѣтѣ только Роонъ защищалъ тотъ взглядъ, котораго держался и я, а именно, что намъ слѣдовало какъ можно скорѣе окончить войну, если мы не хотѣли допустить вмѣшательства нейтральныхъ державъ и конгресса; онъ доказывалъ необходимость дѣйствовать противъ Парижа наступательно съ тяжелой артиллеріей, что не согласовалось съ системой выморенія осажденныхъ голодомъ, которую высокопоставленныя особы женскаго пола считали болѣе гуманною. При нашемъ незнакомствѣ съ системою продовольствія города Парижа, не было возможности опредѣлить, сколько времени потребовала бы эта мѣра ¹⁾. Осаждающіе не только не подвигались ни на шагъ впередъ,

¹⁾ Мольтке писалъ своему брату 22-го сентября, что онъ надѣется стрѣлять въ исходѣ октября зайцевъ въ Крезо. (Moltke, „Gesammelte Werke“, V, 198). Примѣч. Бисмарка.

но едва-ли не отступали назадъ, и мы не могли точно рассчитать, какъ пойдутъ дѣла въ провинціи, до тѣхъ поръ пока не получили бы точныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ находится южная армія и Бурбаки. Мы не знали долго, дѣйствуетъ ли она противъ нашей соединительной линіи съ Германіей или она могла появиться у нижняго теченія Сены. Мы теряли подъ Парижемъ ежемѣсячно до двухъ тысячъ человѣкъ, не приобрѣтая у осажденныхъ ни пяди земли, и затягивали до безконечности тотъ періодъ, въ теченіе котораго наши войска могли подвергнуться разнымъ случайностямъ, вслѣдствіе неожиданныхъ неудачъ на полѣ битвы и болѣзней, въ родѣ на примѣръ холеры, разразившейся подъ Вѣною въ 1866 г. Съ политической точки зрѣнія меня тревожила болѣе всего проволочка военныхъ дѣйствій, такъ какъ я опасался вмѣшательства нейтральныхъ державъ. Чѣмъ долѣе затянулася бы война, тѣмъ болѣе становилось вѣроятнымъ, что тайное недоброжелательство и измѣнчивыя симпатіи какой-либо державы, встревоженной нашими успѣхами, заставятъ ее рѣшиться на дипломатическое вмѣшательство и что къ ней присоединятся другія или даже всѣ прочія державы. Хотя Тьеръ, во время своей поѣздки въ октябрѣ мѣсяцѣ «не могъ найти Европы», но открытіе этой державы могло быть сдѣлано при каждомъ нейтральномъ дворѣ и даже въ Америкѣ, на почвѣ республиканскихъ симпатій, и при томъ по самому ничтожному поводу, который одинъ кабинетъ могъ подать другому, предложивъ ему, на примѣръ, вопросъ, не угрожаетъ ли опасность европейскому равновѣсію, или выказавъ то человѣколюбивое лицемѣріе, съ коимъ парижскую крѣпость ограждали отъ серьезной осады. Если бы всѣ тѣ, которые относились къ намъ враждебно, и наши не особенно искренніе и доброжелательные друзья, которыхъ было довольно при каждомъ дворѣ, успѣли во время нашихъ продолжительныхъ и не слишкомъ энергичныхъ дѣйствій подъ Парижемъ, выразившихся словами: «подъ Парижемъ нѣтъ ничего новаго», достигнуть соглашенія между остальными державами или хотя бы между двумя изъ нихъ, и сдѣлали бы намъ предостереженіе или предложили бы намъ какой-либо вопросъ, внушенный якобы человѣколюбіемъ, то нельзя сказать, какъ скоро подобный шагъ могъ повести къ общему, на первыхъ порахъ дипломатическому вмѣшательству нейтральныхъ державъ. Національ-либеральные парламентскіе дѣятели писали другъ другу въ августѣ мѣсяцѣ 1870 года, «что слѣдуетъ безусловно отклонить всякое постороннее вмѣшательство при заключеніи мира», но они не говорили, возможно ли помѣшать этому иначе, какъ быстрымъ взятіемъ Парижа.

Графъ Бейстъ (въ своихъ запискахъ) самъ позаботился указать, какъ «честно, хотя и безуспѣшно» онъ старался устроить «коллектив-

ное посредничество нейтральныхъ державъ» ¹⁾. Онъ напоминаетъ, что уже 28-го сентября онъ поручилъ австрійскому посланнику въ Лондонѣ, а 12-го октября австрійскому посланнику въ Петербургѣ доказывать и проводить мысль, что только при коллективномъ шагѣ можно рассчитывать на успѣхъ; а два мѣсяца спустя, онъ велѣлъ сказать Горчакову. «Le moment d' intervenir est peut-être venu» ²⁾. Онъ воспроизводитъ депешу, посланную имъ въ Берлинъ графу Вимпфену 13-го октября, въ критическое для насъ время, за 14 дней до капитуляціи Меца, которая была прочитана графомъ во всеуслышаніе ³⁾. Въ этой депешѣ онъ упоминаетъ о запискѣ, въ которой я указывалъ въ началѣ октября ⁴⁾ на послѣдствія, какія могло повлечь за собою противоборство Парижа съ его двухъ-милліоннымъ населеніемъ, если бы оно продолжилось до наступленія недостатка съѣстныхъ припасовъ, и говоритъ совершенно справедливо, что моею цѣлью въ этомъ случаѣ было снять всякую отвѣтственность съ прусскаго правительства.

«Предпославъ это», — продолжаетъ онъ, — «я не могу не высказать своего опасенія по поводу того, что, передъ судомъ исторіи, часть этой отвѣтственности падеть со временемъ на нейтральныя державы, если онѣ будутъ смотрѣть съ безмолвнымъ равнодушіемъ на угрожающую неслыханную опасность. Поэтому я предлагаю вашему превосходительству, когда съ вами заведутъ рѣчь объ этомъ, выразить откровенно наше сожалѣніе по поводу того, что при такомъ положеніи дѣлъ, когда прусское королевское правительство предвидитъ катастрофу, на которую указано въ вышеупомянутой запискѣ, оно выказываетъ тѣмъ не менѣе самое рѣшительное стремленіе устранить всякое вмѣшательство постороннихъ державъ.... Не заботы о собственныхъ интересахъ заставляютъ Австро-Венгерское правительство сожалѣть, что при томъ положеніи, въ которомъ находятся дѣла, нейтральныя державы не оказываютъ никакого воздѣйствія въ пользу мира. Но оно не можетъ одобрить и рекомендовать какъ это сдѣлалъ недавно Петербургскій кабинетъ, полнѣйшее невмѣшательство со стороны непрічастной къ этому дѣлу Европы. Оно считаетъ, напротивъ того, своею обязанностью заявить, что оно вѣрить еще въ общность интересовъ европейскихъ державъ и предпочло бы заключеніе мира, при безпристрастномъ вмѣшательствѣ нейтральныхъ державъ, дальнѣйшему истребленію нѣсколькихъ сотъ тысячъ человѣкъ».

¹⁾ „Aus Drei Viertel-Jahrhundertem“. Stuttgart 1887. Theil II, стр. 361, 395. Примѣч. Бисмарка.

²⁾ Быть можетъ, державамъ пора вмѣшаться.

³⁾ Удивительно, что графъ Вимпфенъ счелъ нужнымъ прочесть эту инструкцію; въ ней указывалось только, чтобы онъ въ извѣстномъ случаѣ высказался въ этомъ смыслѣ. Примѣч. Бисмарка.

⁴⁾ 4-го октября.

О томъ, какого рѣда было бы это «безпристрастное вмѣшательство», графъ Бейстъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія: *mitiger les exigences du vainqueur, adoucir l'amertume des sentiments qui doivent assabler le vaincu* ¹⁾. Едва-ли такой прекрасный знатокъ французской исторіи и французскаго національнаго характера, какъ графъ Бейстъ, могъ думать, что послѣ испытаннаго ими пораженія французы могли бы питать къ намъ менѣе озлобленія, если бы нейтральныя державы заставили насъ удовольствоваться болѣе незначительными результатами.

Вмѣшательство державъ могло имѣть цѣлью только урѣзать намъ нѣмцамъ, на конгрессѣ цѣну побѣды. Эта опасность волновала меня день и ночь и возбудила во мнѣ желаніе ускорить заключеніе мира, чтобы имѣть возможность сдѣлать это безъ вмѣшательства нейтральныхъ державъ. Зная, первенствующую роль которую играетъ во Франціи столица, можно было предсказать, что намъ это не удастся до тѣхъ поръ, пока мы не возьмемъ Парижа. До тѣхъ поръ куда Парижъ держался, руководящія сферы въ Турѣ и Бордо и провинціяхъ врядъ-ли перестали бы питать надежду на перемѣну счастья, которое могло наступить вслѣдствіе новыхъ levées en masse, какъ это было въ сраженіи при Лизенѣ (Lisaine), или вслѣдствіе того, что «Европа была бы наконецъ найдена» или отъ тумана, какой нагоняли при дворѣ на умы нѣмцевъ, т. е. собственно нѣмецкихъ дамъ, англійскія или, лучше сказать, западныя громкія слова: «цивилизанія, гуманность», — до тѣхъ поръ иностранныя державы, черпавшія свои свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Франціи болѣе изъ французскихъ, нежели изъ нѣмецкихъ донесеній, имѣли возможность оказать французамъ содѣйствіе при заключеніи мира. Поэтому моя задача состояла въ томъ, чтобы окончить войну съ Франціей прежде, нежели нейтральныя державы пришли бы къ соглашенію относительно воздѣйствія на насъ въ интересахъ мира, подобно тому какъ въ 1866 г. намъ было необходимо заключить миръ съ Австріей прежде, нежели Франція успѣла бы воздѣйствовать на южно-германскія государства.

Нельзя было сказать, какое рѣшеніе было бы принято въ Вѣнѣ и во Флоренціи, если бы при Вѣртѣ, Спихернѣ, Марсъ-ля-Турѣ успѣхъ оказался на сторонѣ французовъ, и если бы мы одержали менѣе блистательныя побѣды. Во время упомянутыхъ сраженій меня посѣщали италіанскіе республиканцы, которые были убѣждены, что король Викторъ Эммануилъ былъ намѣренъ помочь императору Наполеону; они желали помѣшать этому, опасаясь, чтобы осуществленіе этихъ намѣреній не повело къ усиленію обидной для нихъ національнаго чувства

¹⁾ Умѣрнить требованія побѣдителя, облегчить горечь тѣхъ чувствъ, которыя должны удручать побѣжденнаго. Дешеша графу Хотелу отъ 12-го октября, Бейстъ, II, 397.

зависимости Италіи отъ Франціи. Еще въ 1868 и 1869 г.г. мнѣ приходилось выслушивать отъ италіанцевъ, принадлежавшихъ не только къ республиканскому лагерю, подобныя враждебныя Франціи выходки, въ коихъ рѣзко обнаруживалось ихъ неудовольствіе по поводу первенствующей роли этой державы. Я говорилъ господамъ италіанцамъ въ то время и впослѣдствіи въ Гомбургѣ (въ Пфальцѣ), во время движенія нашихъ войскъ во Францію, у насъ не было никакихъ доказательствъ, чтобы, италіанскій король намѣревался простереть свою дружбу къ Наполеону до того, чтобы напасть на Пруссію; совѣтъ не позволяла мнѣ взять на себя инициативу разрыва, который послужилъ бы для Италіи оправданіемъ и предлогомъ относиться къ намъ враждебно. Если бы разрывъ произошелъ по винѣ Виктора Эммануила, то республиканскія стремленія тѣхъ подданныхъ его, которые не одобряли подобной политики, не помѣшали бы мнѣ совѣтовать королю, моему монарху, поддержать недовольныхъ италіанцевъ деньгами и оружіемъ, въ которомъ они нуждались. Я считалъ войну, такую, какъ она была, слишкомъ серьезной и опасной, чтобы, въ случаѣ сомнительнаго оборота дѣлъ, не воспользоваться чьимъ бы то ни было содѣйствіемъ, такъ какъ отъ этой войны зависѣла не только наша національная будущность, но и наше государственное существованіе.

Если бы было необходимо предупредить наше пораженіе и защитить нашу національную самостоятельность, то я счелъ бы возможнымъ воспользоваться услугами италіанскихъ республиканцевъ, точно такъ же, какъ въ 1866 г., послѣ полученія телеграммы Наполеона, посланной 4-го іюля, и въ случаѣ его вмѣшательства, я не задумался бы прибѣгнуть къ содѣйствію возстанія въ Венгріи. Вожделѣнія италіанскаго короля и графа Бейста, смолкнувшія послѣ нашихъ первыхъ блистательныхъ побѣдъ, могли возродиться, если бы мы простояли слишкомъ долго передъ Парижемъ, тѣмъ болѣе, что мы никоимъ образомъ не могли рассчитывать, что столь для насъ важный факторъ, какъ руководящія сферы Англіи, отвесутся къ намъ съ симпатіей, на которую можно было бы вполне положиться и которая проявилась бы хотя дипломатическимъ путемъ.

Въ Россіи, нѣкоторымъ ручательствомъ служило намъ чувство дружескаго расположенія императора Александра II къ своему дядѣ и антипатіи, съ какимъ онъ относился къ Франціи, но оно значительно уменьшалось французаніей князя Горчакова и его соперничествомъ со мною. Въ виду этого, судьба благопріятствовала намъ въ томъ, что положеніе дѣлъ давало намъ возможность оказать Россіи услугу относительно Чернаго моря. Подобно тому, какъ неудовольствіе русскаго двора по поводу упраздненія ганноверскаго престола, вызванное родственными связями, которыя имѣла въ Россіи королева Марія, было

смягчено территоріальными и финансовыми уступками, сдѣланными въ 1866 г. родственникамъ русской царствующей династіи въ Ольденбургѣ, такъ точно и въ 1870 г. представилась возможность оказать услугу не только царствующей династіи, но и всему русскому государству относительно безразсудныхъ, съ политической точки зрѣнія, и поэтому недолговѣчныхъ постановленій, коими было ограничено право Россіи свободнаго пользованія берегами Чернаго моря. Это было самое неудачное постановленіе Парижскаго трактата; немыслимо долгое время препятствовать стомилліонному народу пользоваться естественнымъ правомъ верховнаго владычества надъ его собственными берегами. Пользованіе тѣми правами, какія были предоставлены въ Россіи иностраннымъ государствамъ, было для великой державы въ концѣ концовъ невыносимымъ униженіемъ. Это была въ нашихъ рукахъ заручка для поддержанія добрыхъ отношеній къ Россіи.

На предложеніе, сдѣланное мною въ этомъ смыслѣ князю Горчакову, съ цѣлю узнать его мнѣніе, онъ отозвался крайне неохотно. Его личное недоброжелательство было сильнѣе сознанія его долга передъ Россіей. Онъ не хотѣлъ принять отъ насъ никакого одолженія, онъ хотѣлъ отчужденія Россіи отъ Германіи и благодарности со стороны Франціи. Для того, чтобы мое предложеніе было принято въ Петербургѣ, мнѣ пришлось обратиться къ содѣйствію честнаго и всегда доброжелательнаго къ намъ русскаго военноуполномоченнаго, графа Кутузова. Съ моей стороны не будетъ несправедливостью по отношенію къ князю Горчакову, если я скажу, основываясь на нашихъ сношеніяхъ съ нимъ, продолжавшихся нѣсколько десятковъ лѣтъ, что его личное соперничество со мною имѣло въ его глазахъ гораздо болѣе значенія, нежели интересы Россіи: его тщеславіе и зависть, по отношенію ко мнѣ, были сильнѣе его патріотизма.

Весьма характеристичны для болѣзненнаго тщеславія Горчакова нѣкоторыя фразы, вырвавшіяся у него случайно въ разговорѣ со мною во время его пребыванія въ Берлинѣ, въ маѣ мѣсяцѣ 1876 г. Онъ говорилъ о своемъ утомленіи и о желаніи выйти въ отставку и сказалъ: «Je ne puis cependant me présenter devant Saint-Pierre au ciel sans avoir présidé la moindre chose en Europe» ¹⁾. Я предложилъ ему постѣ этого предсѣдательствовать на конференціи дипломатовъ, которая имѣла только оффиціозный характеръ, на что онъ изъявилъ согласіе. Не будучи ничѣмъ занятъ въ то время, когда онъ произносилъ какъ предсѣдательствующій на этой конференціи, длинную рѣчь, я написалъ, слушая ее, карандашомъ на листкѣ бумаги: rompons, rompre.

¹⁾ Не могу же я явиться на небо Святому Петру, нигдѣ не предсѣдательствовавъ ни разу въ Европѣ

romp, rom, ро. Мой сосѣдъ, лордъ Одо Руссель, выхватилъ у меня этотъ листокъ и спряталъ его.

Въ продолженіе того же разговора Горчаковъ сказалъ слѣдующее: «Si je me retire, je ne veux pas m'êteindre comme une lampe qui file, je veux me coucher comme un astre» ¹⁾. Судя по этимъ выраженіямъ, не удивительно, что онъ не былъ удовлетворенъ своимъ участіемъ въ Берлинскомъ конгрессѣ въ 1878 г., на который императоръ назначилъ главнымъ уполномоченнымъ не его, а графа Шувалова, такъ что право голоса со стороны Россіи принадлежало ему, а не князю Горчакову.

Горчаковъ самъ настоялъ у императора на своемъ назначеніи членомъ конгресса; это удалось ему благодаря тому, что въ Россіи принято оказывать особое уваженіе заслуженнымъ государственнымъ дѣятелямъ, занимавшимъ высшія должности. Онъ старался на конгрессѣ, чтобы уступки, сдѣланныя Россіей, не повліяли, по возможности, на его популярность въ отечествѣ, въ духъ «Московскихъ Вѣдомостей»; поэтому, подъ предлогомъ болѣзни, онъ не принималъ участія въ тѣхъ засѣданіяхъ конгресса, на которыхъ обсуждался вопросъ о подобныхъ уступкахъ, въ которыхъ стояли на очереди подобныя вопросы, но при этомъ старался, чтобы его видѣли здоровымъ въ окнахъ квартиры, которую онъ занималъ въ нижнемъ этажѣ Подъ Липами. Ему хотѣлось сказать впоследствии передъ русскимъ «обществомъ», что онъ не виноватъ въ уступкахъ, сдѣланныхъ Россіей: недостойный эгоизмъ въ ущербъ своей странѣ.

Кромѣ того, миръ, заключенный Россіей, и послѣ конгресса былъ одинъ изъ самыхъ выгодныхъ, если не безусловно самый выгодный изъ всѣхъ мирныхъ договоровъ, заключенныхъ ею когда-либо по окончаніи войны съ Турціей. Непосредственныя приобрѣтенія были сдѣланы Россіей въ Малой Азіи: Батумъ, Карсъ и т. д., а если Россія дѣйствительно находила согласнымъ съ своими интересами освободить отъ турецкаго ига Балканскія государства, исповѣдывавшія греческую религію, то и въ этомъ отношеніи война имѣла результатомъ преуспѣваніе православнаго элемента и весьма значительное уменьшеніе турецкаго владычества. Разница между предварительными, Игнатьевскими условіями мира, заключеннаго въ Санъ-Стефано, и тѣми, которыя были выработаны конгрессомъ, была незначительна съ политической точки зрѣнія; это доказала легкость, съ которою Южная Болгарія отпала отъ Турціи и была присоединена къ Сѣверной Болгаріи. Даже и помимо этого, всѣ приобрѣтенія, сдѣланныя Россіей въ эту войну и присужденныя ей конгрессомъ, были блестяще тѣхъ, которыя были утверждены вначалѣ.

Во время Берлинскаго конгресса, нельзя было предвидѣть, что, от-

---

¹⁾ Если я выйду въ отставку, я не хочу угаснуть, какъ лампа, которая меркнетъ, я хочу закатиться, какъ свѣтило.

давая Болгарію племяннику русской государыни, принцу Баттенбергу, Россія тѣмъ самымъ отдаеть ее въ ненадежныя руки. Принцъ Баттенбергскій былъ русскимъ кандидатомъ на болгарскій престолъ; въ виду его родственныхъ отношеній къ императорскому дому, можно было предполагать, что отношенія эти будутъ прочны и продолжительны. Императоръ Александръ III объяснилъ измѣну своего двоюроднаго брата его польскимъ происхожденіемъ: «Польская мать» было его первое восклицаніе, когда онъ узналъ, что его двоюродный братъ своимъ поведеніемъ обманулъ его ожиданія.

Негодованіе Россіи, по поводу результата Берлинскаго конгресса, было явленіемъ, противорѣчащимъ всякой справедливости и здравому смыслу и возможнымъ только при столь мало доступной народу прессѣ, какова была русская пресса въ вопросахъ виѣшней политики и при давленіи, которое легко можетъ быть оказано на нее. Вліяніе, которое имѣлъ въ Россіи Горчаковъ, подстрекаемый злобою и завистью къ своему бывшему сотруднику, германскому имперскому канцлеру, и поддерживаемый своими французскими единомышленниками, было достаточно сильно, чтобы пустить въ русской прессѣ, съ «Московскими Вѣдомостями» во главѣ, потку негодованія по поводу того ущерба, который Россія потерпѣла на Берлинскомъ конгрессѣ, вслѣдствіе коварства Германіи. Между тѣмъ, на Берлинскомъ конгрессѣ Россіей не было выражено ни одного желанія, которое не было бы поддержано и проведено Германіей, иной разъ путемъ энергическаго воздѣйствія на перваго министра Англіи, хотя послѣдній былъ боленъ и лежалъ въ постели. вмѣсто того, чтобы быть признательнымъ за это, нашли болѣе соответствующимъ цѣлямъ русской политики поработать подъ руководствомъ пресыщеннаго жизнью, но все еще до болѣзненности тщеславнаго князя Горчакова и «Московскихъ Вѣдомостей», надъ дальнѣйшимъ отчужденіемъ Россіи и Германіи, что не соответствовало интересамъ ни той, ни другой изъ этихъ великихъ сосѣднихъ державъ. Намъ нечего завидовать другъ другу и нечего пріобрѣтать другъ у друга, въ чемъ бы мы могли имѣть надобность. Нашимъ взаимнымъ отношеніямъ могутъ повредить только личное недоброжелательство, какое существовало напр. у Горчакова и какое питають къ намъ въ Россіи лица высшаго военнаго круга, преклоняющіяся передъ всѣмъ французскимъ, или неудовольствіе между монархами, подобно тому, которое возникло напримѣръ передъ Семилѣтней войною, вслѣдствіе язвительныхъ замѣчаній Фридриха Великаго относительно русской императрицы. Поэтому личныя отношенія, существующія между монархами обѣихъ странъ, имѣють огромное значеніе для мирныхъ отношеній этихъ двухъ сосѣднихъ государствъ, которыя не могутъ быть нарушены столкновеніемъ ихъ интересовъ; поводомъ къ столкно-

Шмурло приходит къ заключенію, что письмо относится къ 1830 году. Эта догадка автора относительно года написанія письма подтверждается и самымъ его содержаніемъ. „Сегодня или завтра ѣду въ П. б. (въ С.-Петербургъ)“—говорится въ письмѣ. И дѣйствительно, 20 іюля 1830 года А. С. былъ уже дома; это видно и изъ письма Н. О. Пушкиной, матери поэта, къ дочери своей Ольгѣ Сергѣевнѣ отъ 22-го іюля 1) 1830 г.: „Александръ, наконецъ, съ нами. Приѣхалъ онъ въ прошлую субботу“.

О Пушкинѣ. Статьи и замѣтки В. Е. Якушкина. I. Радищевъ и Пушкинъ. II. Кончина Пушкина.—III. Исторія Пушкинскаго текста съ 1814—1887 гг.—IV. Сочиненія Пушкина въ 1887 г.—V. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина. Москва. 1899 г.

Изъ пяти статей, составляющихъ разсматриваемую нами книгу, наибольшее вниманіе останавливаетъ на себѣ первая—Радищевъ и Пушкинъ. Въ 1790 г. А. Н. Радищевъ, начальникъ петербургской таможи, почти неизвѣстный дотогѣ въ литературѣ, издалъ свое сочиненіе: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. За это изданіе онъ подвергся преслѣдованію, смертному приговору 2), замѣненному ссылкой, а сама книга была уничтожена отчасти имъ самимъ, отчасти властями. Уцѣлѣло ея лишь нѣсколько десятковъ экземпляровъ. Въ 1870 г. было предпринято въ Петербургѣ новое изданіе того же «Путешествія». Оно было оставлено цензурою и потомъ, по ея распоряженію, сожжено.

Ознакомивъ съ содержаніемъ «Путешествія» и выяснивъ его значеніе, г. Якушкинъ переходитъ къ двумъ статьямъ А. С. Пушкина объ этомъ сочиненіи. Одна была написана Пушкинымъ въ 1833—34 г., но оставлена имъ неоконченной и безъ общаго заглавія (настоящее заглавіе ея—„Мысли на дорогѣ“ дано В. П. Анненковымъ). Другая статья о Радищевѣ сохранилась въ бума-

1) 22-е іюля приходилось въ понедѣльникъ.

2) Указъ 1790 г., осудившій Радищева на ссылку, выставилъ противъ него слѣдующія обвиненія: онъ издалъ книгу, «наполненную самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимся къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и наконецъ оскорбительными и неистовыми выраженіями противу сана и власти царской, учинивъ сверхъ того живыи поступокъ прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу».

гахъ поэта въ черномомъ подлинникѣ и въ бѣловой копіи. Объимъ этимъ статьямъ не пришлось увидать свѣтъ при жизни ихъ автора, и по смерти его онѣ не сразу прошли чрезъ цензуру. Только въ Ефремовскомъ изданіи 1880 г. «Мысли на дорогѣ» были напечатаны въ настоящемъ видѣ. Первая статья,—говоритъ В. Е. Якушкинъ,—известна прямо какъ «возраженіе на книгу Радищева». Но при ближайшемъ разборѣ оказывается, что въ ней собственно возраженій очень мало; это не разборъ, направленный противъ книги, это рядъ замѣчаній по поводу книги. Во второй статьѣ рассказана биографія Радищева, хотя съ нѣкот. рыми ошибками и неточностями, но въ объемѣ все-таки вѣрно и полно. Въ концѣ концовъ,—заключаетъ авторъ,—при внимательномъ и безпристрастномъ разборѣ статей Пушкина невозможно не признать, что онѣ сочувственно относятся къ идеямъ Радищева, не нападаютъ на нихъ, а скорѣе ихъ проповѣдуютъ.

Статья „Кончина Пушкина“, написанная по поводу 50-ти лѣтій со дня смерти великаго поэта, была напечатана въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 28 отъ 29 января 1887 г.), а «Исторія Пушкинскаго текста съ 1814—1887 г.» довелась впервые въ той же газетѣ и въ томъ же году (№№ 34, 38 и 40).

29-го января 1887 г. окончился срокъ литературной собственности на сочиненія Пушкина, и сразу, въ первые же дни, появилось нѣсколько полныхъ изданій Пушкина, которыя заранѣе готовились къ этому сроку. По поводу этихъ изданій г. Якушкинъ написалъ очень обстоятельную статью, которая первоначально была напечатана въ декабрьской книгѣ журнала «Русская Старина» 1887 г. Мы напомнимъ вкратцѣ содержаніе этой очень интересной статьи. Прежде всего авторъ разбираетъ петербургскія изданія: подъ редакціей: 1) П. О. Морозова, 2) П. А. Ефремова; 3) Суворинское изданіе, 4) Павленковское, подъ редакціей А. М. Скабичевскаго. Изъ московскихъ изданій авторъ болѣе подробно разбираетъ школьное изданіе Л. И. Полианова, а затѣмъ говоритъ о другихъ изданіяхъ, не имѣющихъ и тѣни самостоятельной редакторской работы, а представляющихъ собою лишь простую перепечатку изданій ранѣе вышедшихъ.

Послѣдняя, пятая, статья разбираемой нами книги заключаетъ въ себѣ интересныя выдержки изъ неопечатанныхъ бумагъ Пушкина.

Вотъ въ общихъ чертахъ содержаніе новой книги В. Е. Якушкина.

Н. И-шъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1899 г.

ТРИДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб. — въ государствѣ, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ „Русской Старинѣ“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ три книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховал, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Кавани — **А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ — при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ — при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія. — II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв. — III. Живеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ. — IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ. — V. Отрывки о русской исторической литературѣ. — VI. Историческіе разсказы и преданія — Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени. — VII. Народная словесность. — VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются. — Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Можно получать въ конторѣ редакціи Русскую Старину за слѣдующіе годы: 1876—1880, 1881 г., 1884 г., 1885 г. по **8** рублей; и съ 1888—1898 по **9** рублей.

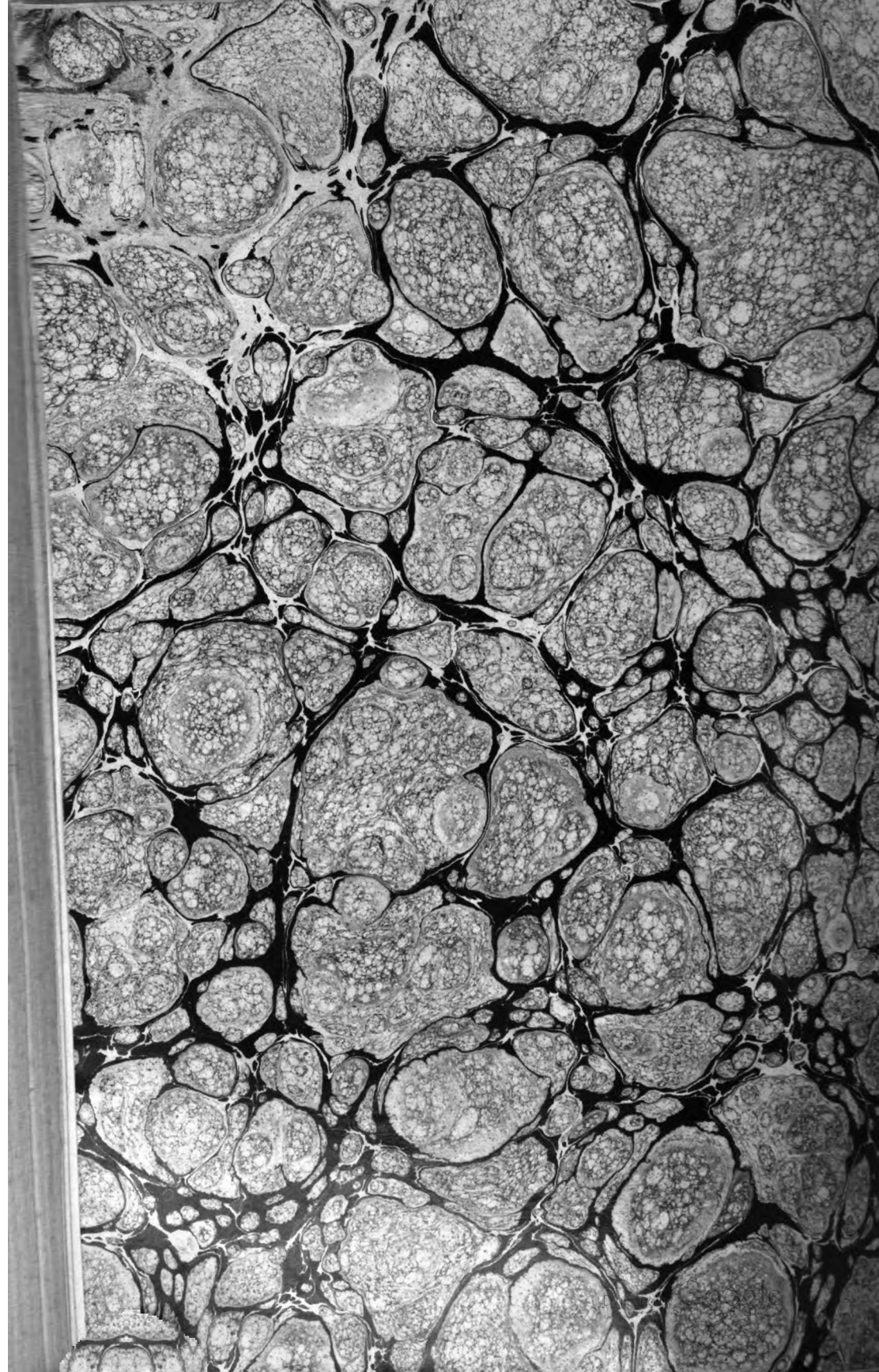
Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ книга:

„**М. И. СЕМЕВСКІЙ**“ основатель историческаго журнала „Русская Старина“. Его жизнь и дѣятельность, 1837—1892 г. Съ прил. двухъ портрет. **М. И. Семевского** и факс. его письма. Цѣна **3** рубля. Для подписчиковъ „Русской Старинѣ“ **2** рубля.

3 0000 041 560 784

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

DEMCO

